

ООО «ТЕРРА»

ООО «БЕЛГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

ООО НПО «ЧЕРНОЗЕМЬЕ»

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

*Материалы
II-ой Международной научной конференции*

Воронеж, 18-20 декабря 2015 года

ВОРОНЕЖ
2016

УДК 902
ББК 63.4я73
А87

Ответственный редактор:
к.и.н. А.М. Скоробогатов

Редакционная коллегия:
к.и.н. А.М. Скоробогатов, Н.П. Гармидер-Прасолова, Е.П. Снегова, А.Н. Меркулов

Редакционный совет:
Р.А. Тюрин, к.и.н. В.А. Сарапулкин, А.В. Ерохин, к.и.н. В.Н. Ковалевский, к.и.н. А.Н. Голотвин

Рецензенты:
д.и.н. С.В. Васильев, к.и.н. Ю.Д. Разуваев

А87 **Археология восточноевропейской лесостепи : материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года / отв. ред. к.и.н. А.М. Скоробогатов. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2016. – 460 с.**

ISBN 978-5-00044-445-0

В настоящий сборник вошли материалы международной научной конференции «АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ», которая состоялась 18-20 декабря 2015 года в г. Воронеже. Данное мероприятие было приурочено к новейшим археологическим открытиям на территории Центральной России.

Структура сборника соответствует секционной работе конференции. Вошедшие в издание публикации в основной своей части посвящены актуальным проблемам археологии Восточно-Европейской лесостепи и сопредельных территорий. Не остались без внимания проблемы антропологии, истории археологических исследований, сохранения и популяризации историко-культурного наследия. Помимо известных в археологическом сообществе специалистов, в конференции приняли участие и те исследователи, которые делают свои первые шаги в науке.

Сборник предназначен специалистам-археологам, антропологам, историкам, студентам, краеведам, и всем, интересующимся древнейшим прошлым территории Восточно-Европейской лесостепи и сопредельных территорий.

УДК 902
ББК 63.4я73

ISBN 978-5-00044-445-0

© Воронежский государственный педагогический университет,
редакционно-издательская обработка, 2016

От редколлегии

В регионе Центрального Черноземья силами специалистов-археологов обществ с ограниченной ответственностью, академических учреждений, вузов, органов охраны по охране культурного наследия в ходе проведения археологических раскопок ежегодно исследуются десятки поселенческих и погребальных памятников, а археологическая карта пополняется новыми пунктами. Прошедший, 2015-й год в археологии региона ознаменовался широко-масштабными полевыми работами на многослойной верхнепалеолитической стоянке Костёнки 11 (Аносовка 2). Работы на памятнике проводились в связи с планируемым строительством фондохранилища у западного фасада здания музея-заповедника «Костёнки». Единым раскопом была исследована площадь в 256 кв. м., определены внешние границы и общая площадь открытого ранее жилого комплекса (костно-земляная конструкция) культурного слоя Ia, получен выразительный каменный инвентарь, обработанная кость и фаунистические остатки, отобраны образцы для палинологического, радиоуглеродного анализов и OSL датировок.

Проводившаяся 18-20 декабря в г. Воронеж международная научная конференция «АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ» была посвящена новейшим археологическим открытиям на территории Центральной России и сопредельных территорий. Данное мероприятие было проведено благодаря усилиям трех организаций: ООО «ТЕРРА» (г. Воронеж), ООО НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЧЕРНОЗЕМЬЕ» (г. Липецк) и ООО «БЕЛГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА».

Работа конференции проводилась на базе Санатория им. Горького. В ней приняли участие 90 человек из Российской Федерации, Украины и Белоруссии (ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Минска, Белгорода, Брянска, Воронежа, Донецка, Казани, Курска, Курчатова, Липецка, Луганска, Петрозаводска, Полтавской обл., Ростова-на-Дону, Самары, Ульяновска, Харькова, Чебоксар).

В рамках конференции доклады участников звучали на следующих секциях:

1. Из истории археологических исследований.
2. Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия.
3. Эпоха камня.
4. Эпоха бронзы.
5. Ранний железный век.
6. Средневековье.

Также в ходе работы конференции для всех желающих участников были организованы экскурсии на одни из самых известных памятников археологии Воронежской области: Лысогорский курганный могильник (расположен в непосредственной близости от места проведения конференции) и стоянку Костёнки 11 под общим руководством к.и.н. В.Н. Ковалевского. Во время экскурсии в государственный археологический музей-заповедник «Костёнки» участники не только ознакомились с действующей экспозицией музея, но и смогли осмотреть исследованный в 2015 г. культурный слой Ia стоянки Костёнки 11 с остатками жилого комплекса, территория над которым благодаря усилиям ООО «Терра» в настоящее время перекрыта куполом – ангаром.

Важной особенностью данной конференции является то, что ее организаторы – исключительно коммерческие организации, специализирующиеся, в основном, на спасательных археологических исследованиях. Несмотря на это, тематика представленных докладов не ограничивалась исключительно материалами из охранных археологических раскопок, а охватила широкий круг научных проблем археологии и смежных дисциплин.

М.М. Герасимова, С.В. Васильев

О «своем месте» Человека из Костенок среди палеоантропологических находок и его роль в формировании и расселении *Homo sapiens*

Полвека тому назад на IX МКАЭН в Москве известный французский палеоантрополог Анри Валуа сравнил наши знания и представления о происхождении человека с мегаполисом, таким как Москва, например, скрытым под водами потопа. Над поверхностью огромной водяной глади мы видим кое-где выступающие башни Кремля, маковки некоторых церквей, шпиль Университета. Но мы не можем представить себе ни улиц, ни площадей, ни характера застроек, мы можем только предполагать... С тех пор произошло огромное, лавинообразное накопление фактических палеоантропологических, палеогеографических и археологических данных о древней истории человечества, связанное со значительными масштабами раскопок на территории Африки и широким применением естественнонаучных методов датирования. Однако наши представления о времени и механизмах возникновения человека и об особенностях его глобального расселения продолжают оставаться ограниченными. Мало того, новые находки зачастую заставляют в корне менять некоторые методологические предпосылки учения о происхождении человека и расселении человечества. Таким образом, нам остается на данном этапе исследований лишь строить различные модели, более или менее адекватно отражающие этот главнейший этап в эволюции биосферы, сопоставимый, разве что, с возникновением жизни на Земле. Важнейшими поворотами научной мысли за последнюю четверть XX века являются следующие моменты:

1. Отказ от стадиальной теории эволюции рода *Homo*. а в общей форме – от анагенетической модели развития, подразумевающей парадигму – одна стадия эволюции соответствует одному таксону гоминид; 2. отказ от представления о жесткой связи морфологии ископаемых с характером каменной индустрии 3. значительное удревнение человеческой линии эволюции, рода *Homo* и вида *H. sapiens*, в частности; и 4. усиление экологического аспекта наших знаний о ходе антропогенеза.

Происхождение *H. sapiens* в отечественной литературе еще сравнительно недавно (в масштабе развития научной мысли) связывали исключительно с верхнепалеолитической эпохой, а неандертальский вид рассматривали, как основу его формирования (Алексеев, 1978; Рогинский, 1977). Действительно, первые представители человека разумного появились в Европе на рубеже 30 – 35 тыс. лет тому назад (Младеч V). Но кто были их предки? В настоящий момент существует огромная литература, посвященная происхождению *H. sapiens* и месту среднеплейстоценовых гоминид в человеческой эволюции, их морфологическим особенностям и генетическим связям. Не вдаваясь в подробности, заметим, что все более очевидной делается гипотеза о том, что европейские неандертальцы представляют собой локальную форму, специфичную для населения Европы определенного промежутка времени. (Бунак, 1980; Васильев, 1997, 1999; Зубов, 2004). Тем более, что исследования последних лет показали, что ряд находок останков «человека анатомически сходного с современным» (это находки в Африке Элие Спрингс, Бордер Кейв, Летоли 18, Омо) имеют дату от 120 до 150 тыс. лет назад, т. е. они древнее неандертальских форм. Таким образом, так называемые классические неандертальцы не были первыми насельниками Западной Европы. Кто же был первопроходцем? В последнее время, точнее к концу истекшего века, у исследователей появилось представление о существовании в Европе целого пласта гоминид, ранее причислявшихся к прогрессивным архантропам («пресапиенсам» или «пренеандертальцам», если использовать стадиальную терминологию). Это такие всем известные формы, как Мауэр, Петралона, Араго, Штейнгейм, Фонтешевад, Сванскомб. В настоящее время этот список находок может быть дополнен находками в Лазаре, Атапуэрке, Кастель-ди Гвидо, Бильцинсг-лебен и т. д. А в этих находках, как образно пишет А. А. Зубов (Зубов, 2004, с. 211) проступают контуры вида гоминид, которому было присвоено название *Homo heidelbergensis*. Для гейдельбергского человека характерна мозаика черт специфичных для разных видов *Homo*, главным образом, эректоидных и сапиентных, при слабой выраженности неандерталоидных: меньший, чем у неандертальцев объем мозговой коробки при сравнительно высоком своде, менее покатый лоб, иное, чем у неандертальцев строение затылка, а именно – отсутствие шиньона, четкий перегиб затылочной кости с обра-

зованием затылочного торуса, хорошо развитый сосцевидный отросток височной кости (сапиентная черта) и более заметный перегиб основания черепа (сапиентная черта), в лицевом скелете тенденция к образованию клыковых ямок, отсутствие или слабая выраженность «скошенности» скуловых костей, менее высокие орбиты. Возникнув около 1 млн. лет назад в Африке (находки Броккен-Хилл, Тернифин, Сидиабдерахман, Рабат, Хоупфильд, Эясси), этот политипический вид оказался достаточно жизнеспособным и освоил все доступные территории Европы, Африки и Азии (находки Мугарет-эль-Зутти, Азых, Хатнора в Индии, Дали и Цзиньнюшань в Китае, Нгандонг), включая внетропические. В процессе расселения могли быть прослежены дальние миграции: в Европу через Гибралтарский пролив или Сицилию – примерно 1 млн. лет назад, и в Азию – 400-200 тыс. лет (Зубов, 2004). Гейдельбергский человек является, скорее всего, предковой формой для более поздних видов. Его европейская ветвь, распространившись из области Пиренейского полуострова, адаптировавшись к суровому климату новых мест, через «атипичных» неандертальцев, послужила основой для возникновения вида *Homo neandertalensis*. Другая ветвь, оставшаяся в Африке, дала начало эволюционной линии Хоупфильд – Ндугу – Кабве (Броккен-Хилл) – Элие Спрингс – Омо 2 – Летоли 18 – Омо 1. В последствии потомки этой линии развития мигрировали в Переднюю Азию и, примерно 45-35 тыс. лет назад – в Европу. Процесс сапиентации протекал довольно медленно. Наиболее древней сапиентной находкой на этом пути миграции с Африканского континента является находка Кафзех 6 и 9, которые по разным источникам датируются от 92 до 115 тыс. лет. Широко известные переднеазиатские «сапиентные мустьерцы» группы Схул-Кафзех могут рассматриваться, как представители «позднего архаичного сапиенса» или даже как носители «анатомически современного типа». Остается загадкой, почему «анатомически современный человек», возникший свыше 100-130 тыс. лет назад, столь долгое время довольствовался каменной индустрией типа леваллуа-мустье, характерной для неандерталлоидных групп (Зубов, 2004).

В настоящее время для верхнепалеолитических культур Западной и Центральной Европы по данным абсолютного возраста устанавливается синхронность памятников, имеющих близкую археологическую датировку, и довольно стройная хронологическая последовательность. Появление верхнего палеолита в Европе зафиксировано 45-40 тыс. лет назад. Это селет Чехословакии и Ежмановская культура Польши. 33 тысячами лет датируется перигор 1 – шательперон Франции. Типичный ориньяк Франции, Чехии, Австрии и Венгрии датируется от 29 до 32 тыс. лет; 22-28 тысячелетия занимают граветийские культуры Чехии и Словакии; 19-21 тысячелетия – французский протомадлен и солютре. Мадленские и эквивалентные им культуры имеют возраст от 10 до 16-17 тыс. лет (Иванова, 1965). В середине прошлого века и даже позднее считалось, что главным специфическим феноменом плейстоцена являлись покровные оледенения, которые были изучены полнее других природных явлений четвертичного периода и которые служили канвой для создания общих схем природных событий плейстоцена. Исходя из предпосылок о руководящей климатической роли, которую играли ледники в истории внеледниковых территорий, период расцвета холодолюбивых элементов в природе сопоставлялся с максимальным распространением ледниковых покровов, в частности это касалось фауны. Суровыми природными условиями объяснялась специфика «поздних» классических неандертальцев (Якимов, 1957а, 1957б). Развитие точных методов абсолютного датирования, стратиграфические привязки фаунистических, флористических, криологических и почвенных данных позволили сделать вывод о том, что максимум похолодания (климатический минимум) наступает в конце плейстоцена, приходится на заключительный этап валдайского оледенения, когда покровные оледенения находятся в фазе деградации (Величко, 1973). Что касается угнетающего воздействия сильного климатического похолодания на формирование узкоспециализированных форм неандертальцев, то специальное исследование природных условий существования позднеплейстоценовых неандертальцев в Европейско-Ближневосточной области показало, что похолодание в эпоху их существования (первой половине валдая-вюрма) не было столь суровым, как после них, во второй половине последней ледниковой эпохи (Velichko et al, 1997). Такие условия, в отличие от очень суровых перигляциальных условий конца позднего плейстоцена, способствовали тому, что неандертальцы смогли выжить в Европе и участвовать в автохтонных преемственных процессах от мустьерских культур к верхнему палеолиту. О том, что такие автохтонные процессы имели место, что переход к верхнему палеолиту происходил не только путем замещения местного населения пришельцами из других районов, свидетельствуют многослойные стоянки на Днестре (Молодово, Кормань), где мустьерские слои сменяются позднепалеолитическими с взаимной диффузией типов орудий. О физическом типе вытесняемого, более древнего населения, можно судить по находке в Сен-Сезер (Франция), где орудия типа шательперрон были найдены с останками позднего неандертальца. Не менее показательны такие случаи, когда в позднемустьерском слое обнаруживаются останки человека с сапиентными чертами (Староселье в Кры-

му). В настоящее время установлено, что эпоха расцвета позднелесовых культур в Европе падает на самое резкое похолодание за всю историю человечества. В это время за краем ледниковых покровов широко распространилась перигляциальная зона, в которой в условиях сильного криогенеза происходило накопление лесов. Европейская лесовая область начинается на территории Франции отдельными мелкими островками, лесы прослеживаются на восток на всей территории Бельгии, в Средней Европе занимают бассейны рек Лабы, Моравы, левобережье Дуная, на территории Венгрии приурочены к южным склонам Карпат и Средне-Дунайской низменности. Южная граница многолетней мерзлоты проходила от Бискайского залива до Каспийского моря. Зимние температуры даже на юге перигляциальной зоны опускались ниже -30°C . Этот криогенный рубеж население Европы преодолело путем развития материальной культуры, высокой социальной организации, совершенного охотничьего хозяйства. Верхнелесовая техника известна в многочисленных и сложных вариантах. Существует представление, что возникновение их имело известную связь с изменением биотопов, и даже незначительные климатические нюансы вюрмского времени находили свое отражение в характере каменного инвентаря верхнелесовых культур Европы. Конечно, совпадение между этапами развития природы и человеческого общества не было жестким, археологические культуры не начинались и не заканчивались вместе со сменой одного природного этапа другим, но влияния этого нельзя сбрасывать со счетов как одно из объяснений большого разнообразия физического типа верхнелесового человека. В настоящее время в Западной и Центральной Европе найдено несколько десятков местонахождений останков людей верхнелесового возраста. Наиболее многочисленны находки с территории Франции, Чехии и Италии. Большинство хорошо сохранившихся скелетов происходит из погребений. Погребения верхнелесового времени весьма разнообразны и сложны по обряду, они, как правило, одиночны и находятся на территории стоянок. С территории Франции, например, известно 13 местонахождений, которые содержали 21 погребение. Это всем известные, хрестоматийные, находки из Комб-Капелль, Кро-Маньон, Кап-Бланк, Ложери-Басс, Шанселяд и т. д. Местонахождений неполных скелетов гораздо больше. В большинстве случаев, главным образом из старых раскопок, возраст находок определяется геологическим возрастом тех культур, с которыми они связаны. Наиболее древними являются находки в Северной Богемии в пещере Бочка близ города Младеч (ранний ориньяк) и в пещере Златый Конь с шельдской техникой. Погребение в Комб-Капелль связано с индустрией шельдперрон, из ориньякских местонахождений наиболее известен навес Кро-Маньон, давший название одному из вариантов верхнелесового человека. В Западной Европе количество ориньякских местонахождений достаточно велико, но находок останков ископаемых людей этого времени значительно меньше. Обычно с ориньяком связывают находки из гротов Гримальди во Франции. Серия местонахождений, связанных с павловской культурой граветта, известна из Моравии. Это находки в Пшедмости, Брно, Дольних Вестоницах, Павлове Верхе, Подбабе. По отношению к этим находкам можно говорить о какой-то локализации, поскольку здесь намечается связь морфологических тенденций с культурой и территорией. С мадленской культурой связаны местонахождения в пещерах и гротах таких находок, как Шанселяд, Ложери-Бас, Ля-Маделен, Оберкассель.

Что касается Восточной Европы, то здесь процесс расселения человека имел ярко выраженный ступенчатый характер. На протяжении ашеля человек не распространился за пределами гор и предгорий. Это известные стоянки Азых, Кударо, Дманиси, т. е. памятники, относящиеся к наиболее ранним периодам появления человека, единичны, расположены на южных окраинах Русской равнины и имеют определенную пространственную взаимосвязь с горными районами Кавказа. Первое глубокое проникновение первобытного человека с южных окраин в центральные районы Русской равнины происходило в начале валдайской ледниковой эпохи, связано с перестройкой межледниковых лесных ландшафтов перигляциальными и зафиксировано появлением мустьерских стоянок. Мустьерцы активно реализуют стратегию инициальных рекогносцировочных миграций не только на юге Русской равнины (Сухая Мечетка на Волге), но и осваивают северную часть равнины (Хотылево 1 на Десне). Заселение обширных перигляциальных равнинных пространств Восточной Европы началось в самом конце плейстоцена. Наиболее достоверно выделенные памятники ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы сосредоточены в Днестровско-Прутском междуречье и на Среднем Дону. Активное освоение Центральных и более северных регионов (бассейны рек Оки, Клязьмы и Печеры) началось в середине брянского интерстадиала и достигло расцвета в его конце. Археологические культуры верхнего палеолита Восточной Европы многочисленны и достаточно специфичны: костенковская, спицынская, молодовская, городцовская и т. д. История развития верхнелесовых культур протекала независимо, в Восточной Европе отсутствуют памятники ориньякской, шельдской и других западно-европейских культур. Особенностью верхнего палеолита Восточной Европы является

отсутствие следов его ранней поры, которая могла бы синхронизоваться с селетом Средней Европы, ежмановской культурой Польши, шательперроном Франции. В среднюю пору верхнего палеолита устанавливается определенный контакт населения Центральной и Восточной Европы, специфические культурные традиции, характерные для верхнепалеолитических общин Русской Равнины прослеживаются на довольно отдаленных территориях. Дело в том, что в интервале 28-18 тыс. лет назад смена интерстадиальных условий ледниковыми особенно тяжело сказалась на территории Центральной Европы, когда некоторые ее районы, например, Моравия, превратились в полярную пустыню. Постепенное ухудшение климатических условий, которое произошло здесь раньше, чем на Русской Равнине, привело к тому, что люди покинули эту территорию, основной район обитания их сместился к востоку, на непокрытую ледником часть равнины от Карпат до Урала. Так образовалась Виллендорфско – Павловско – Костенковско – Авдеевская культурная общность. Значительное сходство индустрий, фауны и флоры, и геологии Сунгирской стоянки на Клязьме с группой стоянок на Среднем Дону и Зарайская стоянка на Оке сдвинули далеко на север границу распространения костенковско-виллендорфского культурного единства.

Одна из интереснейших проблем – это проблема расселения, выживания и адаптации людей к экстремальным климатическим условиям максимально холодной стадии валдайского оледенения. Вообще, в генеральном процессе расселения человека на протяжении всего палеолита присутствует парадокс: распространение его сопровождалось направленным похолоданием. Человек как будто бы стремился уйти из благодатных мест и заселить наименее комфортные в климатическом отношении районы.

В Костенках – жемчужине русского палеолита – открыто и в различной степени исследовано более 60 разновременных и разнокультурных поселений. Именно Костенки преподнесли нам факт необычайной удачливости археологов, когда на протяжении трех лет были открыты четыре верхнепалеолитических погребения, три из которых были открыты и исследованы А. Н. Рогачевым. К сожалению, но до сих пор нет отдельного специального анализа здешних палеолитических погребений, давших нам богатейший материал, свидетельствующий об огромной вариабельности погребальной обрядовости в верхнем палеолите Дона. В нашем распоряжении лишь авторские предварительные публикации (Рогачев, 1955; Борисковский, 1953). Именно Костенки дали нам палеоантропологический материал, который до открытия сунгирских погребений много лет служил единственным источником для суждения об антропологических особенностях насельников Восточно-Европейской равнины.

Палеоантропологические находки в Костенках (р. Дон, Русская равнина), открытые почти шестьдесят лет тому назад, исследованные, казалось бы, вдоль и поперек, прочно вошедшие в научный обиход и не раз побывавшие объектом и сводных публикаций и отдельных дополнительных исследований, вновь становятся объектом исследования и научного интереса.

Почему мы снова и снова возвращаемся к этим находкам? Актуальность появления «ремейков» находит объяснение не только в развитии и обновлении методов и областей исследования, но и в проблематизации новых контекстов и решении старых проблем новыми методами. Как ни странно, костенковские погребения и палеоантропологические находки никогда не служили объектом широкого обсуждения в русле тех трансформаций, которые произошли в развитии археологии, палеогеографии и антропологии за прошедшие более чем пол столетия и о которых мы говорили выше. Региональная костенковская модель представляется наиболее перспективной в развитии и становлении верхнего палеолита на Русской равнине. Важнейшим выводом археологических исследований здесь является представление о значительной древности некоторых стоянок этого региона (порядком 40-45 тыс. лет), и о принципиальных различиях в инвентаре этих памятников – вполне сформировавшемся верхнепалеолитическом и архаичном с мустьерскими традициями. В связи с этим и признанием в целом факта сосуществования различных таксонов рода *Homo* (*H. neanderthalensis* и *H. sapiens*), достаточно хорошо сохранивших выраженный таксономический облик, актуализируется проблема участия неандертальцев в формировании человека современного вида. Этот вопрос лет 15-20 назад активно обсуждался в отечественной литературе, об авторстве индустрий «переходного типа», хотя в качестве антропологических аргументов привлекались материалы, главным образом, из сунгирских погребений (Зубов, 2004, Аникович, 1997). Костенковские палеоантропологические материалы, в частности из архаичной городцовской культуры, К-2 и К-15, в этом ракурсе не рассматриваются. Равным образом, как и антропологические особенности уникального по степени сохранности, особенностям физического облика, погребального обряда индивида из погребения на стоянке Маркина Гора (Костенки 14).

В настоящий момент в Костенках обнаружено 5 верхнепалеолитических погребений, четыре из них в начале 50-ых годов, и одно, младенческое, спустя почти 20 лет.

Костенки 15. Сохранность костей скелета очень плохая: нижний отдел позвоночника, тазовые кости, эпифизы конечностей превратились в труху. Череп был реставрирован Т.С. Земсковой и

Т.С. Сурниной и изучен В. П. Якимовым (Якимов, 19576). Части скелета и череп хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге (№ 6109-1). В систематическом каталоге указано: «Черепная коробка (склеена из обломков и реконструирована, основание разрушено, прочие кости имеют средние и крупные дефекты); альвеолярный край верхней челюсти с зубами, нижняя челюсть (склеена из обломков и реконструирована, левая ветвь разрушена частично, правая почти полностью). Кости посткраниального скелета в монолите чрезвычайно плохой сохранности». Плохая сохранность костяка позволила изучить только череп (Якимов, 19576).

В верхней челюсти сохранились молочные коренные зубы с обеих сторон и клык с правой. В нижней – оба молочных коренных и клык слева. Из постоянных зубов полностью сформировались и готовы к прорезыванию на верхней челюсти оба первых моляра. На нижней челюсти прорезался и достиг линии окклюзии слева первый моляр, в альвеолярном крае видны коронки срединных постоянных резцов. В литературе приводится возраст в 5-6 лет (Якимов, 19576). Более вероятным представляется определение возраста, исходя из состояния зубов, в 6-7 лет. Несмотря на фрагментарность, реконструкция черепа выглядит убедительной. Череп для этого возраста крупный, мозговая коробка длинная, узкая, от пориона высокая. Несмотря на величину, она производит впечатление грацильной. Лобные бугры сближены, затылок округлый со слабо выраженным рельефом. Данные о лицевом скелете гипотетичны. Уверенным можно быть только в ширине носа, остальное – реставрация. Видовая принадлежность очевидна – *Homo sapiens fossilis*. Определение места детского черепа из Костенок 15 затруднительно, учитывая сохранность лицевого скелета. В. П. Якимовым был применен прием пересчета краниометрических признаков на детском черепе до размеров взрослого. Среди европейских верхнепалеолитических находок – ближайшие аналогии с моравскими черепами, объединяемыми в группу «восточных кроманьонцев».

Полученные данные позволили В. П. Якимову сближить этот череп с черепами из Пшедмоста. С точки зрения автора публикации это сходство проявляется в метрических данных и общности контуров с черепами Пшедмост II и Пшедмост XXII. «Костенковец из погребения на Городцовской стоянке наиболее близок к типу выделенного автором, так называемого, восточного кроманьонца, представленного восточно- и центрально-европейскими находками». Аналогии между древним населением Моравии и правобережья Дона проявляются и в свете археологических данных, а именно в сходстве погребального обряда (Якимов, 19576).

Костенки 18. Череп и нижняя челюсть погребенного также хранятся в МАЭ (№ 6728-1). В систематическом каталоге указано: «Череп (склеен из обломков и реконструирован, основная, правая височная, левая скуловая кости разрушены совершенно, прочие имеют средние и крупные дефекты); нижняя челюсть (обе ветви разрушены)». Череп был реконструирован Т. С. Сурниной. Имеющиеся в литературе метрические характеристики черепа из Костенок 18 принадлежат Г. Ф. Дебецу (Дебеч, 1961), также как и определение систематического положения находки – *H. sapiens fossilis*.

В предварительной публикации Г. Ф. Дебеч (1961), описывая состояние зубной системы, отмечает некоторые аномалии в ее развитии. Повторное исследование находки (Герасимова, 1982, с. 248) показало наличие ошибки в реставрации зубных рядов. В верхней челюсти сохранились I^1 , I^2 , P^1 , P^2 , M^1 , M^2 (слева) и P^1 , M^1 , молочный моляр и сформировавшаяся коронка M^2 (справа). На нижней челюсти сохранились все постоянные резцы, постоянные клыки, еще не достигшие линии окклюзии, по два молочных моляра и первые постоянные моляры с каждой стороны, второй моляр, прорезавшийся слева и справа – сформировавшаяся коронка M_2 в теле челюсти. Предполагаемый возраст ребенка 9-10 лет.

Г. Ф. Дебецем также был применен прием пересчета размеров на детском черепе до размеров взрослого, позднее этот пересчет был сделан В. П. Алексеевым. Г. Ф. Дебецем было отмечено сильное выступание носовых костей, ортогнатный профиль и выраженная горизонтальная профилированность лицевого скелета. «Такое сочетание признаков в настоящее время считается характерным для европеоидной расы».

Более детальное определение «расовой» принадлежности или более детального места черепа из Костенок 18 среди других верхнепалеолитических находок затруднительно. Несомненно, однако, что он являет собой вариант, отличный от наблюдаемого в Костенках 15. Особенно это отчетливо проявляется в соотношениях размеров, как истинных, так и «взрослых» (Алексеев, 1978). На черепе из Костенок 18 хорошо выражены черты, характеризующие «классический» кроманьонский тип – абсолютно крупные размеры и «дисгармоничное» сочетание форм мозгового и лицевого отделов черепа, а именно долихокранной мозговой коробки с низким и широким лицом.

Костенки 12. Череп ребенка был раздавлен на мельчайшие фрагменты, от которых сохранились «чешуйки» костей свода, барабанные части височных костей, фрагменты основания, обломки

лобной и скуловой костей. Из посткраниального скелета сохранились правая бедренная, правая большеберцовая, правая плечевая, правая локтевая, фрагмент правой лучевой, правая ключица, обе лопатки, левая подвздошная кость, мелкие обломки ребер, две плюсневые косточки. Костный материал после изучения и публикаций (Герасимова, 1987, 1991) был передан И. И. Гохману, в Отдел антропологии МАЭ.

Небольшие размеры костей скелета костенковского ребенка позволяют предполагать его грудной возраст, точнее – новорожденный. Опираясь на эмпирические формулы для определения длины тела младенцев по длине плеча, бедра и голени, и возраста, длина была определена в 48, 7 см, а возраст в 272 дня. Остеоскопический и остеометрический анализ крайне затруднен, т. к. возрастная динамика структурных отличий костей скелета в детском возрасте изучена крайне недостаточно, а палеоантропологический сравнительный материал практически отсутствует.

Сравнительно с современными детьми, которые характеризуются близкими по величине соотношениями дистально-проксимальных отделов нижних и верхних конечностей (89, 3 и 88, 7 соответственно), у новорожденного из Костенок эти соотношения иные: у него несколько меньшие соотношения бедра и голени и значительно более высокие значения локте-плечевого указателя, почти на 10 ед. больше, чем у современного младенца. Иначе говоря, для костенковского ребенка характерно некоторое укорочение голени и удлинение предплечья. Ближайшие аналогии обнаруживаются при сравнении с младенческим скелетом из Киик-Кобы, скрупулезная реконструкция была предпринята Э. Влечком. Следует отметить также крупные размеры ключицы (4, 2 см, современные дети – 3, 9 см). В результате, по ключично-плечевому указателю (62, 9) костенковский младенец превосходит современных детей.

Костенки 2. В настоящий момент останки хранятся в МАЭ. Длинные кости и другие кости скелета сохранились очень плохо, они были взяты монолитом и до сих пор не изучены. От черепа сохранились: чешуя затылочной кости, правая височная кость (без пирамиды), три больших фрагмента теменной кости, примыкающий к одному из них большой фрагмент лобной кости, часть основания черепа с левым мыщелком. Лицевой скелет сохранился лучше. Отсутствуют носовые кости, лобный отросток левой верхнечелюстной и височный отросток левой скуловой кости. Нижняя челюсть представлена телом и правой ветвью без сочленовного отростка. Реставрация черепа была проведена М. М. Герасимовым. Ему же принадлежит реконструкция внешнего облика погребенного (Герасимов, 1964.).

Предварительное описание было дано Г. Ф. Дебецем (Дебец, 1955, с. 43-55). Череп принадлежит мужчине пожилого возраста. Вероятность приведенных Г. Ф. Дебецем измерений черепа убедительно обосновывается. Исследователь отмечал, что для черепа характерны крупная мозговая коробка долихоидной формы с округлым затылком, крупный сосцевидный отросток, крайне низкое, гиперортогнатное и широкое лицо, глубокая клыковая ямка. Несмотря на реставрацию и неполноту метрических данных «определение его видовой принадлежности не вызывает никаких сомнений. Перед нами бесспорно представитель современного вида человека» (Дебец, 1955). Фрагментарность находки затрудняет детальное сравнение с другими ископаемыми находками. Характерное для черепа Костенки 2 сочетание крупного долихокранного черепа с крайне низким и широким лицом позволило Г. Ф. Дебецу включить эту находку в группу «кроманьонцев» в понимании французских антропологов, а на нашей территории – сблизить с черепом Костенки 18. Но в первом случае этому противоречит резко ортогнатный профиль, во втором – форма мозговой коробки.

Повторное исследование находки (Герасимова, 1982) позволило сделать дополнительное описание морфологических деталей строения черепа и сравнительный анализ с другими находками. Действительно, несмотря на приблизительность измерений, нельзя не согласиться с тем, что лицо очень широкое в скулах, как абсолютно, так и относительно. Средняя ширина лица, напротив, умеренная, ее величина 97 мм. У верхнепалеолитических черепов она варьирует от 84 мм до 108 мм. Относительная высота лица, равная $44,1$, приближается к минимуму для ряда известных европейских черепов (43, 6-57, 7), установленному на черепе из Грота Детей (кроманьонский тип). Модуль лицевого отдела $[(N_{48}+N_{45}+N_{40}):3]$ равен $1041,7$, а модуль верхней челюсти $[(N_{46}+N_{60}+N_{48}):3]$ равен 77 и составляет $45,5$ мозгового модуля. Верхняя высота лица принадлежит категории малых величин. Только у двух известных черепов этот размер меньше, на черепе из Костенок 14, о котором речь пойдет ниже, и на черепе Байя-де-Фер

Костенки 14 (Маркина Гора). Погребение представляет собой уникальное явление по полноте и степени сохранности костяка.

Находки хранятся в МАЭ (6463-1). В каталоге Музея указано: «Скелет взрослого. Череп (имеет небольшие дефекты в области небных костей, левого крыла основной кости; внутренние поверх-

ности глазниц и скуловые дуги реконструированы), нижняя челюсть, 24 позвонка, крестец, 24 ребра, грудина. две ключицы, две лопатки, две плечевые, две локтевые, две лучевые, кости запястья (восемь левых и восемь правых), две безымянные, две бедренные, две большие берцовые, две малые берцовые, две надколенные, кости предплюсны (семь левых и семь правых), две сесамовидные». Несмотря на небольшие размеры, скелет, несомненно, мужской. Возраст определялся в 20-25 лет. Зубы слабо стертые и заметна отчетливая разница в степени стертости третьих моляров, все швы открыты.

Антропологическое описание черепа и скелета принадлежит Г. Ф. Дебецу (Дебец, 1955), в присущей ему очень краткой и яркой манере изложения. Позволим себе довольно пространную цитату из статьи Георгия Францевича. «Несмотря на раннюю дату (начало позднего палеолита) неандерталоидных признаков почти нет. Лицо очень низкое (общая высота назион – гнатион 98 мм. Ширина лица между наружными краями скуловых дуг тоже небольшая -132 мм, но все же больше, чем ширина мозговой коробки (128 мм) Клыковые ямки выражены умеренно, но вполне явственно, глубина левой – 5, 1 мм. Подбородочный выступ имеется, хотя подбородок, в общем, слабо выступающий – угол линии инфраментале – погонион с базальной плоскостью составляет 80° (у современных европейцев около 70°). Зубы небольшие, меньше средних размеров у современного человека. Надбровные дуги сильно развиты, но надглазничного валика не образуют. Лоб сравнительно узкий (93 мм) и прямой. Высота мозгового черепа базион-брегма небольшая – 129 мм, но все же на 1 мм больше поперечного диаметра. Измерения высоты черепной крышки дают величины хотя и небольшие, но отнюдь не выходящие за пределы вариаций у современного человека. Затылок округлый, передний край затылочного отверстия при ориентировке во франкфуртской плоскости лежит выше заднего... . Остальные части скелета тоже не имеют неандерталоидных признаков, за исключением очень сильного наклона суставной площадки большой берцовой кости: угол ретроверсии составляет 22 -23. ° Пропорции конечностей вполне современные» (Дебец, 1955, с. 43-45).

Датировка погребения ранней порой верхнего палеолита объясняет, почему автор первой публикации акцентировал отсутствие неандерталоидных признаков на черепе, и отмечал некоторые примитивные признаки в строении конечностей. Определение видовой принадлежности не вызывало сомнений – *H. sapiens fossilis*: очень низкое лицо с выраженными клыковыми ямками, прямой лоб, округлый затылок, наличие подбородочного выступа, строение надорбитной области, небольшие размеры зубов. Череп удивляет необычным для данного региона сочетанием черт: сильным альвеолярным прогнатизмом и широким носом. Сочетание выраженного прогнатизма с широким носом, пишет автор, свидетельствует о сходстве с негроидами (Дебец, 1955, с. 44). В последующих публикациях сочетание этих особенностей с максимальным, выходящим за пределы группового максимума, углом выступления носа (42°) послужило основанием для того, чтобы череп называли «папуасообразным». Что, конечно, не означает его происхождения из современных областей названных типов.

В этой же статье были приведены подробные измерения длинных костей скелета, крестца и монтированного таза (60 признаков). Не проводя специального сравнительного анализа, автор, опираясь на свой огромный опыт, пишет, что в пропорциях скелета негроидный характер имеет отношение предплечья к плечу, в то время, как отношение голени к бедру не отличается от среднего европейского, отдавая себе отчет, что в этих признаках расовые различия, в общем невелики.

Поскольку теоретические задачи палеоантропологии в то время, когда были найдены погребения, сводились, главным образом, к определению таксономического положения находки, к реконструкции генезиса отдельных ископаемых форм, изучению расогенеза и проблем этногенеза в контексте исторических данных, именно в этом разрезе и осуществлено было изучение означенных находок, причем основное внимание уделялось краниологии. Ряд отечественных исследователей, придерживающихся морфолого-типологического анализа (Я. Я. Рогинский, Г. Ф. Дебец, В. П. Якимов, В. П. Алексеев) видели в верхнепалеолитических морфологических вариантах палеорасы, трактуя их, как исходные формы позднейших рас. Следует отметить, однако, что костенковские находки отразили, как в капле воды, всю сложность проблемы дифференциации и генетических взаимоотношений различных территориальных и хронологических вариантов позднепалеолитического человечества. Особенно остро этот вопрос встал из-за очевидной специфичности черепа с Маркиной Горы. Этот череп, Костенки 14, как мы уже писали, отличается необычным для Восточной Европы сочетанием признаков: прогнатизмом, широким носом, низким переносьем и сильно выступающими носовыми костями. В литературе он получил название «негроид с Маркиной горы». что, конечно, не означает происхождения его из современных областей названных типов. Из-за прогнатизма череп Костенки 14 сближают с «гримальдийским» комплексом, хотя негроиды из Гримальди отличаются от черепа Костенки 14 строением костного носа. По поводу существования гримальдийского антропологического типа в свое время высказывались сомнения, вызванные плохой сохранностью костяков из Гримальди.

Прекрасная сохранность черепа Костенки 14 устраняет сомнение в существовании, наряду с другими, широконосового прогнатного варианта на территории Европы и, в частности на территории Русской равнины.

Г. Ф. Дебец считал, что черепа из Костенок относятся к трем расам – собственно кроманьонской (Костенки 2 и 18), брно-пшедмостской (Костенки 15) и гримальдийской (Костенки 14), и отражают участие в формировании позднепалеолитического населения Русской равнины древних форм современных рас, а памятники костенковского района принадлежат племенам разного происхождения. По Дебецу (Дебец, 1955) череп из Костенок 14 обнаруживает сходство с негроидами сочетанием прогнатизма и широкого носа. Детальное сравнение с другими черепами, имеющими негроидные черты, такими, как «негроиды Гримальди» или Пшедмост IV должно явиться одной из задач будущего исследования, писал Г. Ф. Дебец. Морфологические особенности двух взрослых черепов из костенковских погребений (Костенки 2 и Костенки 14) поставили его перед сложной проблемой генетических взаимоотношений между гримальдийским и кроманьонским типами. Обращали на себя и некоторые археологические параллели: скорченное положение «негроида» с Маркиной Горы (К-14 и его датировка «ранней порой позднего палеолита» (Рогачев, 1957), в отличие от «кроманьонца» из Костенок 2, вызывали ассоциации с Ментонскими гротами, где «негроиды Гримальди» также захороненные в скорченном положении, предшествовали людям кроманьонского облика, как человек из Костенок 2. В связи с пересмотром данных о стратиграфии «негроидов Гримальди» (Григорьев, Леонова, 1977) возможно эти ассоциации теряют силу, но вопрос о морфологической близости черепа из Костенок 14 с гримальдийскими находками продолжает оставаться открытым. При изучении вопроса о заселении человеком Восточной Европы, считал Г. Ф. Дебец, необходимо учитывать, что в этом заселении принимали элементы южного происхождения, родина которых была не ближе, чем Передняя Азия. «Этот вывод согласуется с разными представлениями о путях формирования человека современного вида: как с гипотезой «широкого моноцентризма» Я. Я Рогинского, так и с гипотезой палеокуменного происхождения *H. sapiens*» (Дебец, 1955, с. 44).

Изучавший череп из Костенок 15 В. П. Якимовым, был поставлен вопрос о генетическом взаимоотношении между антропологическим типом черепа из Костенок 14 и Костенок 15, причем, ближайшие аналогии он находил с моравскими черепами из Пшедмост, где также отмечается некоторое присутствие признаков «негроидности». Происхождение этих особенностей остается неясным. Либо в образовании пшедмостского типа наряду с другими принял участие какой-то «негроидный» вариант позднепалеолитических людей вроде «гримальдийцев» из Грота Детей, или, что территориально ближе, человек с Маркиной Горы. Однако эти соображения в настоящее время не выдерживают критики, т. к. были высказаны без учета геологического возраста находок. Во всяком случае, В. П. Якимов считал, что эти «негроиды» представляют собой крайний вариант вообще весьма полиморфного типа «восточных кроманьонцев» (Пшедмост, Брно, Долни Вестонице, Подбаба), куда он включал и череп Костенки 14. Объединяя череп Костенки 18 с пшедмостскими, особое сходство он видел в метрических данных и общности контуров с черепами Пшедмост II и XXII. Общность, с его точки зрения проявляется в отсутствии «дисгармонии» в строении лицевого скелета и мозговой коробки, свойственной собственно кроманьонцам.

Подобной точки зрения придерживалось большинство отечественных антропологов, которые считали, что процесс формирования *H. sapiens* и начало формирования трех больших рас совпадало по времени (Рогинский, Левин, 1963; Якимов, 1957; Рогинский, 1949; Алексеев, 1978).

Череп же Костенки 14 В. П. Алексеев рассматривал в качестве иллюстрации расогенетических процессов внутри западного очага расообразования, где формировались, по его мнению, исходные варианты для негроидов, австралоидов и европеоидов. Постулируя положение, что австралоидный комплекс краниологических признаков морфологически промежуточен между европеоидным и негроидным краниологическими комплексами, В. П. Алексеев приходит к выводу, что формирование современного человека в западном очаге расообразования прошло через этап сложения австралоидного комплекса. Популяции таких протоавстралоидов спорадически проникали в южные районы Европы, откуда происходило заселение Восточно-Европейской равнины. В. П. Алексеев, с одной стороны придерживался точки зрения В. В. Бунака о краниологическом полиморфизме верхнепалеолитического населения Европы. С другой стороны, в работе 1978 года (Алексеев, 1978) признавал популяционную дифференциацию верхнепалеолитического населения Европы, отчетливо выраженную, правда, только на двух единственных в то время памятниках, давших серийный материал – Пшедмост и Солютре. Комплексу Пшедмост, как было отмечено выше, в литературе прошлого века приписывалось довольно высокое таксономическое положение. Что касается надпопуляционной дифференциации, то в более поздней работе он разделял неоднократно высказываемые позиции В. В. Буна-

ка о том, что совокупности признаков больших рас не повторяются на верхнепалеолитических черепах. Краниологический полиморфизм, который был блестяще показан в работах В. В. Бунака, как свойство верхнепалеолитического человечества, с точки зрения В. П. Алексеева, вообще характерен для ископаемых гоминид (Алексеев, 1978, с. 261). Особняком стояла точка зрения В. В. Бунака. В. В. Бунак, вообще, череп из Костенок 14, равно как и черепа «негроидов» Гримальди, особенно женский череп, считал резко уклоняющимися формами. Хотя мозговой отдел черепа Костенки 14 по контурам и размерам не выходит за границы изменчивости вариации у верхнепалеолитических гоминид Европы, угол носа у костенковского черепа в 42° и угол альвеолярного прогнатизма – 70° лежат за пределами нормальной изменчивости и не находятся в соответствии с другими особенностями строения лица. Мало общего имеют эти варианты, представленные черепом Костенки 14 и черепами «негроидов Гримальди» с внеевропейскими формами (Бунак, 1980). Эти негармоничные формы обычно возникают в процессе формирования типа, и лишь на последующих этапах развития консолидируются варианты (расы), имеющие согласованное строение отдельных элементов.

Это краткое рассмотрение имеющих место в отечественной литературе точек зрения по поводу расовой дифференциации верхнепалеолитического населения Европы с очевидностью свидетельствует о том, что наличествующий материал не позволяет устанавливать родство или преемственность отдельных форм только на основании морфологического сходства единичных находок, не подтвержденного географическим или культурным критериями. К тому же само это сходство не всегда очевидно, в констатации его много субъективизма. Морфологическое содержание таких определений, как «кроманьонская», «брно-пшедмогская» или «гримальдийская» раса или тип «Брно» и «Кроманьон» Влчека и «восточный кроманьонец» (Якимов, 1957), остается не совсем ясным из-за различного подхода к выбору и оценке разграничительных признаков. Учитывая плохую представительность краниологических характеристик из-за плохой сохранности черепов и довольно большую изменчивость признаков внутри выделяемых вариантов, остается неясным, какие признаки считать характерными для выделяемых вариантов: малую или большую высоту черепа, широкое или среднее лицо, большой или малый указатель носового отверстия, низкое или высокое переносье и т. д. (Бунак, 1959, с. 153-156; Бунак, Герасимова, 1984). К тому же, таксономическая ценность признаков для разграничения рас в верхнем палеолите и в современности различна. Большая ширина носа в сочетании с прогнатизмом, т. е. признаки высокой таксономической значимости, достаточны для того, чтобы отнести череп к современной экваториальной/негроидной расе, оставляют место для дискуссий по отношению к верхнепалеолитическому черепу, поскольку, как показывает материал, здесь отсутствует установившаяся позднее взаимосвязь отдельных элементов строения.

Гипотеза В. В. Бунака (1956, 1959, 1966, 1980) о краниологическом полиморфизме позднелеолитического человека, еще не обладавшем устойчивым сочетанием признаков, специфичных для современных рас, а характеризующемся разнообразным сочетанием отдельных признаков, в наше время приобретает все больше сторонников. Прекрасным аргументом в пользу этой концепции могут служить материалы со стоянки Сунгирь. Сунгирские материалы были исследованы по целому ряду программ и подробно опубликованы в ряде изданий, поэтому нет необходимости их здесь описывать (Сунгирь..., 1984; Homo sungirensis..., 2000). Сунгирские материалы отличаются чрезвычайной степенью краниологического полиморфизма, спектр которого адекватен изменчивости всех европейских верхнепалеолитических ископаемых людей.

Подводя итоги разбору существовавших точек зрения в отечественной литературе, можно выделить две концепции. Одна из них была близка к концепции французских антропологов и разделялась, в той или иной модификации, большинством советских исследователей, (Дебец, 1955, 1961; Рогинский, 1949, 1951, 1969; Рогинский, Левин, 1963): верхнепалеолитическое население имело общие черты, отличающие его от современного населения; черты основных современных рас уже намечаются в позднем палеолите, а ареалы позднелеолитических рас в целом соответствуют ареалам современных рас, с некоторым расширением ареала экваториальной (негроидной) расы к северу от современного ареала. В русле этой концепции лежит также идея существования в рамках европеоидной расы различных морфологических вариантов: гримальдийского, комб-капельского / брн-пшедмогского, кроманьонского, не говоря уже о лессовом/солотрейском варианте. (см. об этом подробнее: Алексеев, 1978; Бунак, Герасимова, 1984).

На основании морфологического анализа черепа или группы черепов, основанного на учете особенностей и сочетаний признаков, можно выделить энное число вариантов, но проблема состоит в том, можно ли эти варианты рассматривать как древние формы современных рас. И здесь не мало важно, что при сугубо морфологическом принципе дифференциации ископаемых форм отсутствует приуроченность определенного комплекса признаков к определенной отграниченной территории.

Вторая концепция – это концепция краниологического полиморфизма, последовательно развиваемая В. В. Бунаком (Бунак, 1956, 1959, 1980, 1984), которой в определенной степени придерживался и В. П. Алексеев (1978).

Заслуживает внимание также точка зрения А. А. Зубова (Зубов, 2004), впервые обратившегося к проблемам систематики и расовой дифференциации верхнепалеолитического человечества после многолетнего перерыва в интересе к этой тематике в отечественной науке. Автор ставит вопросы следующим образом: 1. Имелись ли в верхнем палеолите внутривидовые таксоны, полностью соответствующие дифференциации современного человечества? 2. Выделились ли в верхнем палеолите эволюционные ветви, которые можно было бы идентифицировать как направления формирования современных внутривидовых подразделений? Ответы на каждый из этих вопросов, отражающих противоположные взгляды на ситуацию, имеют весомую аргументацию, – пишет А. А. Зубов (Зубов, 2004, с. 469-470). На первый из вопросов, если рассматривать территорию Европы и Азии, ответ скорее отрицательный, если встать на точку зрения В. В. Бунака о верхнепалеолитическом населении, как о смеси разновидностей одного полиморфного вида. Негроиды и австралоиды более сформированы по отношению к современным антропологическим типам. Отсюда А. А. Зубов делает вывод о неравномерности процесса внутривидовой дифференциации *H. sapiens*. Современные сочетания краниологических особенностей имеют разную древность, причем самые ранние из них сложились примерно 100 тыс. лет назад (бушмены), австралоидный комплекс является, по-видимому, «ровесником» вида *H. sapiens*. Европеоидные и монголоидные типы – более поздние. И вслед за В. В. Бунаком, А. А. Зубов утверждает, что в верхнем палеолите Европы можно отметить лишь не связанные в единое целое европеоидные черты. Монголоидная раса сформировалась сравнительно поздно, в верхнем палеолите она еще полностью не сложилась (Зубов, 2004, с. 460).

В верхнем палеолите продолжительный контакт между группами, необходимый для консолидации антропологического типа при малом численном приросте, бывал сравнительно редко. Вероятнее всего, реальной общественной единицей, по аналогии с охотничьими народами, была небольшая локально-родовая группа, периодически объединяющаяся для совместной охоты или празднеств. Формирование же четко разграниченных и более гармоничных комплексов особенностей (расовых особенностей) может быть поставлено в связь с увеличением численного состава групп и усилением контактов между ними в более позднее, неолитическое время (Бунак, 1980). Другое дело, что мы можем констатировать реальное существование в прошлом определенных морфологических краниологических комплексов, роль которых в формировании особенностей последующих поколений населения требует специального рассмотрения в каждом отдельном случае.

Во всяком случае, существование на территории Русской равнины варианта, свойственного черепу Костенки 14, можно считать реальностью, поскольку прекрасная сохранность его, исключает всякие сомнения, возникавшие относительно многих находок, в частности «негроидов Гримальди», из-за плохой сохранности черепов.

И последнее, недавние исследования показали древность образцов из Костенок 14. Дата, которую дают авторы статьи в Science – 38684 – 36262 лет тому назад. Кроме того, палеогенетикам удалось секвенировать ДНК из образца и выявить, что она содержит неандертальскую ДНК, причем в большем проценте, чем современные европейцы (Seguin-Orlando et al. , 2014).

Список литературы

1. Алексеев В. П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М., 1978
2. Аникович М. В., Герасимова М. М. . Посткраниальный скелет новорожденного из погребения на верхнепалеолитической стоянке Костенки 12 // Вестник антропологии, вып. 5, М., 1997.
3. Беневоленская Ю. Д., Хрисанфова Е. Н. К сравнительной характеристике ключицы и трубчатых костей неандертальского и современного человека // Вопросы антропологии, 1961. Вып. 6
4. Бонч-Осмоловский Г. А. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба // Палеолит Крыма., вып. 2. М. -Л., 1941
5. Борисковский П. И. Раскопки палеолитического жилища и погребения на стоянке Костенки II в 1953 г. (краткая информация) // Сов. этнография, 1955, № 1.
6. Борисковский П. И., Дмитриева Т. Н. Костенки 2 (Стоянка Замятниной) // Палеолит К. -Б района на Дону. Л., 1982
7. Бунак В. В. Скелет. Осевого скелет, пояса конечностей // Бунак В. В., Нестурх М. Ф., Рогинский Я. Я. Антропология. М., 1941.
8. Бунак В. В. Размеры и форма позвоночника человека и их изменения в период роста// Учен. Записки МГУ, вып. 34, 1949.

9. Бунак В. В. Человеческие расы и пути их образования // Сов. этнография, 1956, №1.
10. Бунак В. В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас // ТИЭ АН СССР (нов. сер.), 1959, т. 49.
11. Бунак В. В. Краткий обзор таксономических и филетических схем гоминид // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. ТИЭ. Т. 92, М., 1966
12. Бунак В. В. Мозговая коробка // ТИЭ. Т. 92, М., 1966
13. Бунак В. В. Род НОМО, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980
14. Бунак В. В., Герасимова М. М. Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Сунгирь. Антропологическое исследование. М., 1984
15. Васильев С. В. Зигомаксиллярная область ископаемых гоминид (измерительные и описательные признаки) // Вестник антропологии. М., 1997. №3.
16. Васильев С. В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. Изд. УРАО, М., 1999
17. Величко А. А. Природный процесс в плейстоцене. М. : Наука, 1973.
18. Герасимов М. М. Люди каменного века. М., 1964
19. Герасимова М. М. Палеоантропологические находки // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону (1879-1979) (Некоторые итоги полевых исследований). Л., 1982.
20. Герасимова М. М. Метрические характеристики скелета Маркина Гора. // Вопросы антропологии, вып., 1991
21. Герасимова М. М. Новая палеоантропологическая находка в Костенках // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1983. М., 1987
22. Герасимова М. М. Посткраниальный скелет новорожденного из погребения на верхнепалеолитической стоянке Костенки 12 (р. Дон) // Вестник антропологии, вып. 5, М., 1997
23. Григорьев Г. П., Леонова Н. Б. Новое об антропологии и археологии Грота детей. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
24. Дебец Г. Ф. Палеоантропологические находки в Костенках // Сов. этнография, 1955, № 1.
25. Дебец Г. Ф. Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском логу (Костенки XVIII) // Краткие сообщения ИА, 1961, вып. 82.
26. Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человека. М., 2004.
27. Иванова И. К. Геологический возраст ископаемого человека. Наука, Москва, 1965.
28. Лазарев Г. И. Геология стоянок Костенковско-Борщевского района. //МИА, 1957, № 59.
29. Рогачев А. Н. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина Гора) // Советская этнография, 1955, № 1.
30. Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. // МИА, 1957, № 59.
31. Рогачев А. Н. Раскопки палеолитических стоянок и погребений. // Изв. на Археол. ин-т, София. 1959. кн. 22
32. Рогачев А. Н., Беляева В. И. Костенки 18 (Хвойковская стоянка) // Палеолит...Л., 1982
33. Рогачев А. Н., Сеницын А. А. Костенки 14 (Маркина Гора)// Палеолит...Л., 1982.
34. Рогинский Я. Я. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1949
35. Рогинский Я. Я. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека // ТИЭ. М., 1951. Т. 16
36. Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М. : Высшая школа, 1969.
37. Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963.
38. Якимов В. П., Неандертальская проблема в трудах советских антропологов. // Сов. антропология, М., 1957а, No 2
39. Якимов В. П. Позднепалеолитический ребенок из погребения на Городцовской стоянке // Сб. МАЭ. Т. 17. Л., 1957б
40. Homo sunguirenensis. М., 2000
41. Seguin-Orlando et al. Genomic structure in Europeans dating back at least 36200 years. // Science, vol. 346, issue 6213, 2014, pp. 1113-1118.
42. Velichko A., Kononov Yu., Faustova M. 1997. The last glaciation of earth: size and volume of ice-sheets // Quaternary International. Vol. 41-42. Pp. 43.

Участие Воронежской комиссии в подготовке и работе XII Археологического съезда

Аннотация. В статье показан вклад Воронежской комиссии в подготовку и работу XII Археологического съезда, который состоялся в 1902 г. в Харькове. Этой комиссией была проделана большая работа, которая стала мощным стимулом для дальнейшего изучения археологических и исторических памятников Воронежчины.

Ключевые слова: Археологический съезд, Воронежский губернский статистический комитет, Воронежская губернская ученая архивная комиссия, раскопки.

Abstract. The article shows the contribution of the Voronezh commission in the preparation and the work of the XIIth Archaeological congress, which was held in 1902 in Kharkov. This commission has done a lot of work, which has become a powerful impetus to further studying of the archaeological and historical monuments of Voronezhcheny.

Key words: Archaeological congress, Voronezh regional statisticcommittee, Voronezh provincial scientific archival commission, excavations.

В 1902 г. в Харькове состоялся XII Археологический съезд (АС). Общее руководство подготовительными работами осуществляли Московский предварительный комитет (МПК) во главе с П.С. Уваровой и Харьковский предварительный комитет (ХПК) во главе с Д.И. Багалеем. Свой весомый вклад в работу харьковского съезда сделали и региональные вспомогательные комиссии и отделения.

Среди регионов, которые изучались в преддверии ХПАС, оказалась и Воронежская губерния. Решение о ее включении в сферу научных интересов участников харьковского съезда было принято на втором заседании МПК, которое состоялось 5 января 1900 г. (Протоколы заседаний Московского, 1902. С. 28).

Вопрос о необходимости открытия региональных вспомогательных комиссий и отделений, в том числе и в Воронеже, обсуждался во время визита П.С. Уваровой в Харьков в апреле 1900 г. В связи с этим событием она оставила следующую запись в своем дневнике: «...Предложено открыть Предварительный комитет в Новочеркасске и Екатеринодаре и высказывалось Багалеем предложение о необходимости открыть такие же Комитеты в Курске, Воронеже, Полтаве, Чернигове и Екатеринославе, но я опротестовала... Решили в этих мелких пунктах собирать только сведения» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 435. Л. 5.). Со временем Д.И. Багалею удалось отстоять необходимость создания упомянутых выше комитетов и комиссий, в том числе и в Воронеже. Этот вопрос обсуждался на втором заседании ХПК (Протоколы заседаний Харьковского, 1902. С. 4).

Воссоздать картину деятельности Воронежской комиссии по подготовке XII АС частично позволяют «Труды Воронежской ученой архивной комиссии» (Труды Воронежской, 1902. 452 с.; Труды Воронежской, 1904. 342 с.) за 1902 и 1904 гг., в которых особого внимания заслуживает ряд докладов и сообщений, касающихся подготовительных работ к съезду в Харькове.

В 1900 г. МПК обратился к Воронежскому губернатору с предложением организовать при Воронежском губернском статистическом комитете (ВГСК) «особую подготовительную комиссию» для более детального исследования губернии в археологическом и этнографическом отношении, а также для привлечения как можно большего количества материалов на выставку, которая планировалась при съезде в Харькове.

Эта комиссия начала свою работу 23 октября 1900 г. С учетом пожеланий МПК, в ее состав вошли местные краеведы: секретарь ВГСК Стефан Егорович Зверев и писатель-путешественник, литературный критик, этнограф Евгений Львович Марков (Зверев, 1904, с. 149).

Вскоре данная комиссия была слита с новообразованной Воронежской губернской ученой архивной комиссией (ВГУАК), с передачей последней всех функций по подготовке к XII АС. Открытие ВГУАК ее основатели считали особенно желанным *«в виду предстоящего в 1902 г. Харьковского археологического съезда, в программу которого входит исследование истории придонского края и в частности Воронежской губернии»* (Открытие, 1901, с. 50).

В дальнейшем археологическая проблематика занимала все больше места в деятельности ВГУАК при закреплении за ВГСК преимущественно функций учета современной статистической информации (Захарова, 2006, с. 71). Членство же многих краеведов одновременно в обеих организациях позволяло согласовывать, при необходимости, их деятельность.

В 1900-1902 гг. программа археологического исследования Воронежчины во многом определялась задачами, поставленными перед комиссией МПК и ХПК.

На первом заседании комиссии по подготовке XII АС на основании программ, направленных из Харькова, был определен план действий: *«в целях собирания нужных для съезда сведений и предметов, дать самое широкое распространение в губернии выработанным Харьковским предварительным комитетом программ и воспользоваться услугами лиц, могущих быть наиболее полезными в этом деле, как-то народных учителей, священников и частных лиц, известных своими трудами по археологии и этнографии; исследовать местные архивы; собрать сведения о вещественных памятниках местной старины, при чем, некоторые, наиболее известные памятники-курганы подвергнуть, если к тому представится возможность, раскопке; составить систематический указатель литературы по местному краю, – и прочее»* (От Воронежского, 1905, с. 559-560).

На втором заседании Воронежской комиссии, которое состоялось 11 декабря 1900г., ее председателем Е.Л. Марковым были поставлены следующие задачи: собрать сведения о местных коллекциях древностей, об археологических памятниках на территории Воронежской губернии, в том числе и о курганах. Причем некоторые из них, наиболее интересные, было решено раскопать, пригласив для этого специально подготовленных лиц.

На этом же заседании уездный предводитель дворянства и председатель уездной земской управы Леонид Михайлович Савёлов обратил внимание на важность составления археологической карты Воронежской губернии, на которой необходимо было точно обозначить местности, где находились те или иные древние памятники (курганы, остатки оружия, домашняя утварь, каменные бабы и др.). Ним была предложена программа, в соответствии с которой должен был осуществляться сбор необходимой информации. В частности, она предусматривала следующие задачи:

- ✓ разослать по уездам опросные листы,
- ✓ использовать материалы, уже имеющиеся в Археологической комиссии, Центральном статистическом комитете и других столичных и местных учреждениях,
- ✓ обратиться за указаниями к тем, кто уже занимался изучением Воронежской губернии: в первую очередь, к профессору Московского университета Д.М. Анучину и преподавателю Задонского духовного училища М.В. Воскресенскому и др. (Журналы, 1902, с. X)

До лета 1902 г работа ВГУАК велась преимущественно в русле подготовки к XII АС в Харькове. Сведения ответы на программы ХПК, собранные в губернии, поступали непосредственно в Воронежскую комиссию по подготовке XII АС при ВГУАК и в ВГСК. Для сбора сведений о каменных бабах на территории Воронежской губернии, ВГУАК обратилась за помощью к народным учителям. В начале мая 1901 г. в ВГУАК стали поступать ответы, которые сопровождались рисунками. Эти сведения были проверены; с рисунков, перед отправкой их в Харьков, были сделаны снимки *«в целях местной разработки подобного материала кем-либо из членов комиссии»* (Журналы, 1902, с. LIX-LX). Ответы учителей, которые хранились в архиве Воронежского областного краеведческого музея, были опубликованы в 60-е годы XX в. А.Ф. Шоковым (Шоков, 1964, с. 129-141). В частности, в них содержалась информация о каменных бабах с Бирюченского и Острогожского уездов (Поташкина, 2013, с. 30).

Свой посильный вклад в дело подготовки к XII АС сделал и Воронежский церковный историко-археологический комитет (ВЦИАК), который основную свою задачу видел в изучении церковно-религиозной жизни воронежского края. Специальными исследованиями светских древностей церковный комитет не занимался, поэтому они лишь изредка попадали в поле зрения его членов. Но, несмотря на это, в 1901 г. в комитете на основе «Записки для обозрения русских древностей» И.П. Сахарова была разработана программа для историко-статистического описания епархии, в которой требовалось описывать остатки церковных и *«общих древностей»* – курганов, городищ, валов, пещер и т.д. (Воронежская, 1902, с. 6, 46) Впоследствии эти сведения были использованы Л.М. Савёловым для дополнения археологической карты, над составлением которой он работал (Труды Воронежской, 1904, с. 11).

Светские древности доставляли в музей, который существовал при церковной комиссии, преимущественно священники. В отчетах ВЦИАК чаще других упоминаются священники Павловского уезда И. Суринов и Д. Попов. Так, в отчете Комитета за 1902 г. сообщается: *«Из вновь поступивших пожертвованных нельзя не отметить, как особенно ценные для музея... весьма интересные коллекции разных предметов из древнего могильника и с полей сел Буйлова и Горохова Павловского уезда, доставленные священниками Д. Поповым и И. Суриновым. В состав этих коллекций входят каменные ножи и наконечники стрел, черепа из могильника, древние глиняные сосуды (в целом виде и в черепках с разнообразными орнаментами), костяные предметы (с изображением оленя), женские украшения (части ожерелий, серьги), бронзовые и железные наконечники стрел, принадлежности конской сбруи, обломки сабель, часть кольчуги, пушечные ядра из затонувшего когда-то на Дону судна, татарские монеты и пр.»* (Рождественский, 1903) Некоторые из этих предметов были представлены на выставке XII АС (Поташкина, 2013, с. 28).

Одной из главных проблем археологического изучения Воронежского края было отсутствие специалистов. Член ВГУАК Владимир Николаевич Тевяшов в отчете о раскопках за 1900 г. в Острогожском уезде отметил, что эта задача не под силу любителям археологии, лишенным научной подготовки и практического опыта. Поэтому на начальном этапе существования ВГУАК задача организации широкомасштабных самостоятельных раскопок не ставилась, а свои функции члены комиссии видели в том, чтобы привлечь внимание специалистов к археологическим памятникам Воронежской губернии (Тевяшов, 1902, с. 94). В связи с этим, в ходе подготовки к XII АС, ВГУАК специальных археологических исследований не проводила. В сентябре 1901 г. с. Е. Зверев с хранителем музея Александром Львовичем Дольским осмотрели место случайной находки древнего погребения вблизи Хазарского (Кузнецовского) городища (Журналы заседаний, 1902, с. LI).

Члены Воронежской комиссии в основном обращали внимание на случайные археологические находки; и только некоторые из них проводили раскопки по собственной инициативе (Поташкина, 2013, с. 31). Среди последних, прежде всего, следует отметить раскопки историка-краеведа Михаила Павловича Трунова. В течение двух полевых сезонов 1901-1902 гг. он раскопал 7 курганов в Бобровском уезде.

Важная информация о курганах Воронежской губернии была предоставлена в распоряжение ХПК и общественным деятелем, этнографом и историком Б.С. Познанским, который был выслан в г. Острогожск Воронежской губернии за участие в деятельности громад. В марте 1901 г. на одиннадцатом заседании ХПК было заслушано его сообщение, напечатанное в приложениях к протоколу этого заседания (Познанский, 1902, с. 179-180). Б.С. Познанский прислал несколько копий с карты Воронежской губернии, на которой он обозначил известные ему курганы и городища. Карта сопровождалась пояснительной запиской с краткой характеристикой обозначенных на ней археологических памятников.

В связи с проведением XII АС активизировалось и исследование Маяцкого городища. Изучения данного археологического памятника инициировал в сентябре 1901 г. В.Н. Тевяшов, который выступил на заседании ВГУАК с докладом, содержащим описание городища. Исследователь высказывался за его древнерусскую принадлежность (Тевяшов, 1902, с. 71).

В 1902 г. на Маяцком городище Л.М. Савёловым и М.П. Труновым были проведены небольшие раскопки (Поташкина, 2013, с. 33, 34). После находки топора и наконечника копья на Старом Маяцком городище в Острогожском уезде Л.М. Савёлов провел сначала пробные раскопки внутри Маяцкого городища, а позже М.П. Трунов составил подробное описание с замерах вала, рва, размеров городища и провел раскопки внутреннего вала. Этого оказалось достаточно для того, чтобы после доклада А.Н. Покровского на XII АЗ о раскопках в Верхнем Салтове, М.П. Трунов сопоставил материалы этих двух памятников и высказал предположение об их принадлежности хазарам (Труды Двенадцатого, 1905, с. 332).

В 1901 г. В.М. Тевяшов занимался раскопками курганов возле с. Владимировка на территории Острогожского уезда. В том же году Е.Л. Марков исследовал остатки «Белгородской черты» и ряда городищ по берегам рек Валуев и Тихая Сосна. Кроме того, он составил карту, на которую нанес исследуемые памятники и древний Кальмиусский шлях (Зверев, 1904, с. 4; 6). К археологическим поискам членов ВГУАК, приуроченных к XII АЗ, можно отнести и исследование А.И. Милютиным городища и курганов возле с. Подклетного Воронежского уезда (Труды Воронежской, 1904, с. XIX-XXII).

Таким образом, Воронежская комиссия собрала и предоставила в распоряжение ХПК общую информацию о наличии в пределах губернии отдельных артефактов, курганов и других археологических памятников. И, хотя, этот материал не давал возможности точно определить культурную принадлежность упомянутых памятников, он был интересен тем, что, по крайней мере, определял места

их расположения. Собранный Воронежской комиссией материал был напечатан в «Трудах XII археологического съезда» (От Воронежского, 1905, с. 559-561).

Результатом археологического исследования одного из уездов Воронежской губернии стал содержательный доклад Л.М. Савёлова, с которым он выступил на секции археологических древностей во время работы XII АС (Савёлов, 1905, с. 157-167). Доклад начинался короткой географической и исторической справкой о Коротоякском уезде Воронежской губернии. В выступлении Л.М. Савёлова был поднят важный вопрос о необходимости скорейшего исследования курганов региона в связи с тем, что большинство из них находилась под угрозой уничтожения, чему способствовали *«все уничтожающее время, при деятельной помощи старающегося перецементировать его человека»*. Докладчик акцентировал внимание на том, что часть курганов *«уже погибла от неумелых и хищных рук кладоискателей, а часть погибает от сохи и плуга землепашца»*. Именно поэтому, по его мнению, существовала насущная необходимость *«приведения в известность курганов и городищ, подробное исследование их системы устройства, их расположения»*. Сам Л.М. Савёлов раскопок не проводил в связи с пониманием необходимости осуществления *«правильной раскопки»*, которые, должны были проводиться профессиональными археологами, вооруженными определенным опытом и навыками, чтобы не причинить вреда археологическим памятникам. Свою же миссию автор доклада видел в сборе и обнародовании информации об известных в регионе курганах и городищах. Заслугой Л.М. Савёлова было то, что в отличие от других исследователей, он достаточно четко определил местоположение курганов и городищ, нанося их на карту. Вниманию участников съезда докладчиком была предложена археологическая карта Коротоякского уезда Воронежской губернии, на которую было нанесено 622 кургана, 12 городищ и 3 майдана. Л.М. Савёлов указал размеры и формы курганов, а также привел примеры вещей, найденных в районе их размещения. Кроме карты, исследователем были сделаны фотоснимки с отдельных местностей, курганов и конкретных находок. За создание археологической карты, почетный председатель секции археологических древностей Д.Я. Самоквасов объявил докладчику благодарность.

Интересно, что на XII АС была предпринята еще одна попытка представить археологическую карту Воронежской губернии в целом. Эта карта была составлена землемером В.А. Перелешиним на основании сведений военно-топографического отдела Главного Штаба. Несмотря на то, что она подверглась значительной критике со стороны участников XII АС, П. с. Уварова отметила ее важность и назвала *«опытом Археологической карты»* (Труды Двенадцатого, 1905, с. 395).

Воронежская делегация на XII АС была второй по численности участников после харьковской (Поташкина, 2013, с. 35). В ее состав входили делегаты от ВГУАК (В.С. Преображенский, Л.М. Савёлов, М.Д. Свербеев, В.Н. Тевяшев) и от ВГСК (А.М. Правдин, Т.С. Рождественский, Д.Г. Тюменев). Священник С.Е. Зверев был командирован на XII АС от двух этих комиссий (Известия, 1902, с. 4; 5) Но, к сожалению, на самом съезде было представлено только два доклада членов этой делегации. Объяснение этому факту, находим в итоговом отчете одного из участников XII АС С.Е. Зверева, с которым он выступил на заседании ВГУАК 27 сентября 1902 г. В частности он отметил, что Воронеж не мог быть достойно представленным на съезде в Харькове, в связи с тем, что подготовка велась *«без опытного и специального научного руководства и направления, и без всяких материальных средств»* (Зверев, 1904, с. 147-157).

Весомый вклад в изучение вопроса о деятельности воронежских исследователей в связи с подготовкой и работой XII АС был сделан современными учеными Еленой Юрьевной Захаровой и Надеждой Андреевной Поташкиной. Они рассматривали деятельность Воронежской комиссии по подготовке XII АС преимущественно в связи с работой ВГСК (Захарова, 2006, с. 71-75) и процессом создания и становления ВГУАК и ВЦИАК (Поташкина, 2004, с. 233-236; Поташкина, 2005, с. 196-204; Поташкина, 2013, с. 27-38). В частности, анализируя процесс становления ВГУАК, Н.А. Поташкина отметила, что *«деятельность Комиссии получила высокую оценку на XII-ом археологическом съезде и стимулировала на дальнейшую работу в этом направлении все лучшие силы губернии»* (Поташкина, 2013, с. 38).

Таким образом, несмотря на то, что воронежские исследователи фактически не проводили самостоятельных исследований к XII АС, Воронежская комиссия провела серьезную работу по сбору сведений об археологических и исторических памятниках губернии. Харьковский научный форум стал тем мощным стимулом, который активизировал деятельность ВГСК и способствовал созданию ВГУАК. К харьковскому съезду воронежскими исследователями были составлены две, пусть и несовершенные, археологические карты Воронежской губернии. Значительно были пополнены фонды губернского музея, а отдельные древности Воронежской губернии были представлены на выставке XII АС.

Список литературы

1. Воронежская старина. Вып. 1. Воронеж, 1902. 445 с.
2. Журналы заседаний ВГУАК // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Воронеж: Печатня С.П. Яковлева 1902. Отд. III. С. I-XLV.
3. Захарова Е. Ю. Археология и деятельность Воронежского губернского статистического комитета // Вестник ВГУ. Серия «История, политология, социология». 2006. № 1. С. 71-75.
4. Зверев С.Е. Воронеж на XII Археологическом съезде // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Воронеж, 1904. Отд. 1. С. 147-158.
5. Зверев С.Е. Воронежская ученая архивная комиссия в 1901-1903 годах. Воронеж, 1904 а. – 15 с.
6. Заметки о заседаниях и работе XII, XIII, XIV АС // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 435.
7. Известия XII Археологического съезда в Харькове. Харьков: Типо-Литография С.А. Шмировича, 1902. 238 с.
8. От Воронежского губернатора // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. 2. М., 1905. С. 559-560.
9. Открытие ВГУАК // Памятная книжка Воронежской губернии на 1901 год. Воронеж, 1901. 602 с.
10. Познанский Б.С. О курганах Воронежской губ. // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Т.1. Харьков: Типо-Литография М. Зильберберг и С-вья 1902. — С. 179-180.
11. Поташкина Н. А. Археологические экскурсии Воронежской ученой архивной комиссии // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Социально-гуманитарные науки. Вып. 2. Воронеж, 2013. – С. 27-38.
12. Поташкина Н.А. Программа археологических исследований ВУАК // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Вор. гос. пед. ун-та, 2004. С. 233-236.
13. Поташкина Н.А. У истоков археологического изучения Воронежского края // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2005. С. 196-204.
14. Протоколы заседаний [Московского] Предварительного Комитета // Двенадцатый Археологический съезд в Харькове в 1902 г. – М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1902. – С. 19-30.
15. Протоколы заседаний Харьковского предварительного комитета. 1902 // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Т. 1. – Харьков: Типо-Литография М. Зильберберг и С-вья, 1902.
16. Рождественский Т. Музей церковного историко-археологического комитета // Воронежский телеграф. 1903. № 36.
17. Тевяшов В.Н. Отчет о раскопках в Острогожском уезде в 1900-1901 годах // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Воронеж: Печатня С.П. Яковлева, 1902. – С. 93-114.
18. Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Воронеж: Печатня С.П. Яковлева, 1902. 452 с.
19. Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Воронеж: Печатня С.П. Яковлева, 1904. 342 с.
20. Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. Т. 3. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1905. 427, 49 с.
21. Шоков А. Ф. Половецкие памятники Подонья // Известия ВГПИ. Т. 45. Воронеж, 1964. С. 129-141.

Археологические изыскания на городищах в Белгородской области

Аннотация. В данной статье речь пойдет о таких памятниках археологии, как городища, т.е. укрепленные поселения. Точнее, об истории их археологических изысканий. На сегодняшний день на территории Белгородской области насчитывается 43 городища.

Ключевые слова: археология, городища, раскопки, история изучения.

Abstract. In this article, we will focus on archaeological monuments such as the ancient city, ie fortified settlements. More specifically, the history of archaeological investigation. Today, in the Belgorod region, there are 41 settlement.

Keywords: archeology, settlement, excavations, history of research.

Далеко не все памятники археологии можно с уверенностью датировать только при визуальном осмотре и подъемному материалу. Городища не являются исключением. Лишь полноценное археологическое изучение путем раскопок может дать наиболее полную и достоверную информацию о памятнике.

Городища на территории Белгородской области изучались в разное время. Открытие многих из них принадлежит руководителю Левобережной экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР И.И. Ляпушкину. В изучение же укрепленных поселений салтово-маяцкой культуры большой вклад внес Г. Е. Афанасьев и возглавляемый им Оскольский отряд Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции Института археологии АН СССР.

Далее будет представлено описание изысканий известных и наиболее полноценно изученных памятников-городищ на территории Белгородской области.

Городище у с. Архангельское Шебекинского района Белгородской области расположено на мысе высокого правого берега Северский Донец. Памятник был известен уже в 20-х годах XVII в. составителям «Книги Большому Чертежу». Долгое время оно не привлекало внимания исследователей. Впервые памятник обследовал И. И. Ляпушкин в 1948 г., отнесший его к салтово-маяцкой культуре на основании керамического комплекса, собранного на прилегающем к городищу селище. В 1957 г. Архангельское городище было осмотрено С. А. Плетневой, обратившей внимание на то, что двойная линия укреплений с напольной стороны сближает этот памятник со скифскими городищами, хотя его салтовская принадлежность не вызвала у исследовательницы сомнений (Афанасьев Г.Е., 1987, с. 89).

В 1983 г. археологические раскопки на памятнике проводил Г.Е. Афанасьев. С целью получения материалов для датировки и выяснения конструкции оборонительных сооружений Архангельского городища был сделан разрез первого вала. Вал был насыпан на культурном слое толщиной 0,5 м, относящемся, судя по найденным в нем фрагментам керамики, к раннему железному веку. Следов деревянных конструкций не зафиксировано. В насыпи вала не было обнаружено керамики салтово-маяцкой культуры. Выводами изысканий стало предположение, что устройство оборонительных сооружений происходило именно в эпоху раннего железного века. Вместе с тем тот факт, что к городищу с напольной стороны примыкает салтовское селище, несомненно, свидетельствует об использовании населением в экстремальных условиях укрепленной площадки мыса (Афанасьев Г.Е., 1987, с. 91).

Городище у с. Афоньевка, расположенное на мысу коренного правого берега р. Оскол Волоконовского района Белгородской области, было открыто С. А. Плетневой в 1958 г., но культурная принадлежность памятника осталась неопределенной. После того как А. Г. Николаенко обнаружил там в качестве подъемного материала обломки керамики салтово-маяцкой культуры памятник стал считаться салтовским. Раскопки Г.Е. Афанасьева позволили сделать выводы о том, что оборонительные сооружения на городище относятся к железному веку (были выявлены фрагменты лепных сосудов, обломок керамического диска, льячка и пряслице, относящиеся к рубежу н. э.). Находки же на территории памятника отдельных фрагментов салтовской керамики, а также территориальная близость селища данной культуры могут говорить лишь об использовании салтовцами городища в качестве временного убежища (Афанасьев Г.Е., 1987, с. 99).

В 1958 г. археологическая экспедиция Харьковского университета под руководством Б.А. Шрамко провела разведку в Шебекинском районе, где было обследовано городище у с. Большое Городище на правом берегу р. Короча, известное с конца XIX в. и осмотренное И. И. Ляпушкиным в 1951 г. Б. А. Шрамко дает следующее описание: общая площадь городища – 7 га. Имеет вал и ров с проемом для въезда. Подъемный материал представлен фрагментами скифской и роменской лепной керамики.

В 1969 г. экспедиция приступила к раскопкам городища. Для изучения оборонительных сооружений были заложены четыре раскопа. Было зафиксировано два строительных периода. Первый относится к скифскому времени, второй – возможно, к салтово-маяцкому. По результатам работ Б.А. Шрамко предположил, что на городище ни в скифское, ни в салтово-маяцкое время не было постоянного населения. Оно должно было жить на окрестных селищах, а городище использовать в качестве убежища. (Афанасьев Г.Е., 1987, с. 92).

В 1982 г. Г.Е. Афанасьевым также проводились работы на памятнике. Траншеей размером 14 x 1 м разрезан вал городища. Выявленная из вала керамика датируется исключительно скифским периодом. Такая же керамика происходит и из насыпи вала. Никаких свидетельств салтовских укреплений обнаружено не было. Все это дало основание полагать, что оборонительные сооружения Большого городища возводились только в скифское время.

Городище Верхняя Покровка 2, расположенное на высоком мысу правого берега р. Усердец в Красногвардейском районе Белгородской области, было выявлено в 1961 г. Лесостепной Скифской экспедицией под руководством П.Д. Либерова и А.И. Пузиковой. В 1962 г. на его площади был заложен шурф, содержащий керамику скифского времени довольно раннего облика. В 1990 г. раскопки на городище проводил А.П. Медведев. Им заложено 2 раскопа, площадью 160 кв.м. и 48 кв.м. соответственно. Было реконструировано укрепление, представлявшее собой деревянную стену, основание которой снаружи было присыпано землей и образовывало невысокий вал. Следов рва замечено не было. В ходе работ было выявлено значительное количество фрагментов керамических сосудов, изделий из камня: зернотерки, пряслица и железные предметы: шила и обломок ножа. Главным результатом работ А.П. Медведева стало следующее заключение. По основным показателям городище Верхняя Покровка 2 занимает промежуточное положение между раннескифскими памятниками Северского Донца VII-VI вв. до н.э. и основной массой среднедонских поселений V-IV вв. до н.э. По мнению Медведева, видимо, это пока самое раннее укрепленное поселение скифского времени в Правобережье Среднего Дона (А.П. Медведев, с. 138).

В 1951 г. И.И. Ляпушкиным был выявлен уникальный комплекс салтово-маяцкой культуры расположенный на правом берегу реки Короча у с. Дмитриевка Шебекинского района Белгородской области. Им были обнаружены сразу и городище, и катакомбный могильник, и селище.

С 1958 по 1973 гг. С.А. Плетнева проводила исследования на Дмитриевском археологическом комплексе в течение 11 сезонов. В 1958 г. проводились раскопки городища, по итогам которых было сделано предположение, что нижняя часть вала была сооружена в скифское время, верхняя – в салтово-маяцкое (Плетнева С.А., 1958 г.). Конструктивные особенности рва оказались характерны для скифской культуры. Кроме того, выяснилось, что в салтово-маяцкое время на городище не было жилой застройки: оно являлось временным убежищем для населения. Раскопки 1961 г. еще раз показали, что на мысовой части городища отсутствует салтово-маяцкий культурный слой, в то время как на северной части средневековые материалы преобладают (Плетнева С.А., 1961). В 1973 г. на городище был заложен раскоп размером 8x8 м. Выяснилось, что во время строительства стен был вырыт небольшой внутренний ров. Никаких сооружений кроме этого рва зафиксировано не было. (Плетнева С.А., 1973). Таким образом, на Дмитриевском городище С.А. Плетневой в целом было вскрыто 1700 м кв.

Афанасьев Г.Е., занимавшийся изучением фортификационных сооружений укрепленных поселений салтово-маяцкой культуры, предположил, что на Дмитриевском городище в скифское время была построена первая линия обороны, в пользу чего говорит большая защищенная ею площадь, что необычно для городищ салтово-маяцкой культуры лесостепной зоны. Одновременно была сооружена и третья оборонительная линия. В раннем средневековье создана вторая оборонительная линия, надстраивается вал в системе третьей оборонительной линии, а по периметру оконечной площадки мыса возводится боковой вал (Афанасьев Г.Е., 1987, с. 113).

Городище у с. Ильинка расположен на мысу коренного берега левобережья р. Тихая Сосна в Алексеевском районе Белгородской области. Было открыто С.А. Плетневой в 1963 году и датировалось ранним железным веком (скифским временем).

В 2005 г. совместной экспедицией управления культуры Белгородской области и Белгородского государственного университета проводились охранные раскопки городища. В ходе работ были

выявлены следующие элементы конструкции: вал, ров, канавка, линза выкида из рва, столбовая яма. В центре располагалась круглая площадка, не затронутая древними земляными работами. В ее площади был вкопан столб диаметром около 0,6 м. В культурном слое были обнаружены фрагменты керамических сосудов, кремневых отщепов и костей животных. Выявленный материал показывает три периода существования памятника: эпохе мезолита (X-VII тыс. лет назад), раннего железного века (I тыс. до н.э. – I пол. I тыс. н.э.) и позднерусское время. Функциональное назначение выявленного объекта оказалось сложно определяемым (Сарапулкина Т.В., 2006 г.).

Городище у с. Колтуновка Алексеевского района Белгородской области, занимающий коренной берег р. Тихая Сосна, было выявлено научным сотрудником Института Археологии АН СССР Г.Е. Афанасьевым в 1977 г. В 1985 году им же на городище производились раскопочные работы. В северо-восточной части вала был заложен раскоп-разрез, шириной 2 м, длиной 16 м. Результатом работы стало обнаружение под валом городища остатков крепостной стены, состоявшей из двух конструктивных частей: первая – стена из сырцового кирпича, вторая – каменная стена. Общая толщина крепостной стены Колтуновского городища составила 4,5–4,6 м. Время постройки памятника Афанасьев определил по выявленной в разрезе керамике, датированной VIII-X вв. и оставленной по всем признакам носителями салтово-маяцкой археологической культуры (Афанасьев Г.Е., 2013, с. 27).

В 2007 года археологической экспедицией Белгородского государственного университета под руководством Сарапулкина В.А. также проводились раскопки городища у с. Колтуновка. Было исследовано всхолмление в площадке городища. Площадь раскопа составила 160 кв. м. Обнаружены фрагменты бревен и останки человека, расположенные не в анатомическом порядке. Для Колтуновского городища характерна очень слабая насыщенность культурного слоя находками. Они представлены незначительным количеством фрагментов керамики – кухонных горшков с примесью песка в тесте, лощеных сосудов красноглиняных амфор. На одном из меловых блоков прослежено процарапанное изображение трезубца (Сарапулкин В.А., 2008 г.).

Городище у с. Крапивное Шебекинского района Белгородской области выявлено в 1962 г. Северо-Донецким отрядом Нижне-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством С.А. Плетневой. По мнению С.А. Плетневой, Крапивенское городище XII – XIII вв. представляет собой остатки пограничной крепости Черниговского княжества, находившейся в юго-восточном углу Курского удела.

В 1995 и 2003 гг. Славяно-Русская археологическая экспедиция Харьковской государственной академии культуры и Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова осуществляла охранные раскопки на памятнике. Шурфовкой детинца был выявлен целый ряд напластований, состоящий из отложений древнерусской и роменской культур, а также одной из культур скифского времени.

При изучении выявленного керамического комплекса было обращено внимание на то, что практически все формы венчиков, относящиеся к XII – XIII вв., встречены не только в верхних и средних, но и в предматериковых пластах культурных отложений. То есть, дату основной части посуды (XII – XIII вв.), зафиксированной на всех отметках, можно рассматривать в качестве хронологических рамок исследованных древнерусских отложений памятника (А.Г. Дьяченко).

В IX – X вв. на месте раскопа существовал роменский слой. Он был разрушен при застройке посада в древнерусское время. Роменские строительные комплексы не встретились. Обнаружены в раскопе и остатки раннего железного века. Они представлены фрагментами бытовой посуды и отдельными предметами: глиняной зооморфной статуэткой, бронзовой пуговицей. Таким образом, древнейшее укрепленное поселение на мысу у с. Крапивное возникает в начале железного века.

Городище у с. Мошеное Яковлевского района Белгородской области было выявлено И.И. Ляпушкиным в 1948 году и датировано скифским временем. Уже тогда было отмечено разрушение городища строительством плотины для пруда.

В 2008 года экспедицией управления культуры Белгородской области совместно с Белгородским государственным университетом проводились археологические раскопки на памятнике. Площадь заложенного раскопа составила 4х8 м. В ходе работ были выявлены фрагменты глиняных сосудов и костей животных. Зачистка всех уровней слоя археологических объектов не выявила (Сарапулкина Т.В., 2008).

Исходя из небольшого количества выявленного материала и расположения городища в глубине балочной системы долины р. Ворсклы можно предположить, что данный памятник является городищем-убежищем скифского времени. Точно определить культурную принадлежность памятника пока не возможно, скорее всего, он принадлежит ворсклинской группе памятников скифского времени.

Городище у с. Поминово, расположенное на высоком правом берегу р. Оскол в Валуйском районе Белгородской области, стало известно в литературе уже в конце XIX в., но только в 1958 г. его

впервые осмотрела С. А. Плетнева. Работы на городище проводил Г.Е. Афанасьев. Никаких датированных находок ни в слое погребенной почвы, ни в насыпи вала обнаружить не удалось; отсутствовал и подъемный материал. Вопрос о датировке Поминовского городища окончательно не решен (Афанасьев Г.Е., 1987, с. 101).

Городище у с. Подлысенки (ныне с. Тогобеевка), расположенное на мысу правого коренного берега р. Оскол в Валуйском района Белгородской области, было открыто С. А. Плетневой в 1958 г. По подъемному материалу памятник был отнесен к салтово-маяцкой культуре. В 1981 г. работы на памятнике проводил Г.Е. Афанасьев. В культурном слое обнаружены фрагменты лепных сосудов, лощеной миски и железная подвижная фибула I в. н. э., что позволяет отнести устройство фортификационных сооружений на городище к рубежу н. э. Этому времени соответствуют и найденные на дне рва обломки горшка. Не удалось обнаружить никаких следов строительных работ, которые можно было бы связать с салтово-маяцкой культурой. Но редкие находки салтовской керамики и близость селища свидетельствуют об использовании городища носителями данной культуры в качестве временного убежища (Афанасьев Г.Е., 1987, с. 94).

Городище у с. Стрелецкое, расположенное на правом берегу балки Бычок Красногвардейского района Белгородской области, было выявлено П.Д. Либеровым в 1960 году. Памятник отнесен к среднедонской культуре скифского времени (V-III вв. до н.э.).

В 2012 г. силами ООО «Белгородская археологическая экспертиза» проводились раскопки памятника. Общая площадь раскопа составила 208 кв. м. В процессе исследований в площади раскопа были выявлены следующие объекты: ров, два вала, две ямы. Находки из рва представлены керамикой и костями животных, пряслищем и фрагментом бусины (дно рва). Во рву в переотложенном слое был найден нательный крест, несколько фрагментов гончарной керамики позднеерусского времени и железные изделия советского времени (Божко А.А., 2012). Судя по материалу и характеристике слоя, крепость горела. И, скорее всего, это был пожар, а не вражеский набег. Об этом говорит отсутствие оружия. Глина носит следы воздействия огня, большинство материала также имеет следы вторичного обжига.

Городище Холки на правом берегу р. Оскол ус. Холки Чернянского района Белгородской области обнаружено во время разведок Северо-Донецкого отряда под руководством С.А. Плетневой. Впервые раскопки были проведены в 1983 г. Г.Е. Афанасьевым, который исследовал внешний вал. В раскопе вала им были выявлены три этапа в сооружении городища: раннего железного века с деревянными срубами, пеньковской культуры, древнерусского времени.

Значительно расширили сведения о городище раскопки славянского отряда экспедиции Воронежского университета под руководством А.З. Винникова в 1985 и 1987 гг. В ходе работ было установлено, что внешние укрепления на Холкинском городище полностью относятся к древнерусскому периоду. На городище был собран значительный керамический материал, который позволил конкретизировать дату его существования. Памятник принадлежит к двум периодам: домонгольскому – XI - начало XIII вв. и вторая половина XIII – XIV вв. Со вторым периодом связаны находки чугунных котлов и второй этап в сооружении укреплений на внешней линии. Также было встречено значительное количество украшений из бронзы, стеклянных браслетов, костяных амулетов и глиняных рыболовных грузил, относящихся к первому, домонгольскому, периоду функционирования городища (Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю., 2012, с. 50-70).

Городище у с. Хотмыжск Борисовского района Белгородской области в 1948 году было осмотрено Днепровской левобережной экспедицией профессора И.И. Ляпушкина.

Серьезные археологические исследования на памятнике проводились в 80-90-х гг. объединенной Славяно-Русской археологической экспедицией Белгородского государственного педагогического института и Харьковского государственного института культуры. Первые находки свидетельствовали о том, что городище начало свою жизнь в эпоху бронзового века. Далее была выявлена раннеславянская керамика 9-10 вв. т. н. роменского типа. Встречались также обломки ручных жерновов, фрагменты посуды, подвески, перстни, шейные гривны, изделия из кости и рога и пр. Поселение погибло в огне огромного пожара приблизительно в начале 10 в. (Дьяченко А.Г.).

В начале 12 в. на мысу была возведена новая крепость. Из находок преобладают бытовые предметы и орудия домашнего производства, а также обломки жерновов, роторных точил, рыболовных грузил. Полученные экспедицией материалы убедительно говорят, что данное поселение являлось не столько пограничной крепостью, сколько крупным ремесленным и торговым центром на юго-восточной окраине Киевской Руси. Древнерусский Хотмыжск постигла та же судьба, что и другие северские города. В 1239 г. город погиб в огне татаро-монгольского нашествия.

В мае 1640 г. на месте Хотмыжского городища строится жилой город и крепость Хотмыжск – один из опорных пунктов на юго-западном фланге Белгородской Черты. В процессе археологических

исследований детинца экспедиция проследила остатки оборонительных сооружений 17 в. в виде трёх параллельных ровиков для установки бревен стоячего острога.

Городище у с. Ютановка Волоконовского района Белгородской области было впервые введено в научный оборот С.А. Плетневой, которая отнесла его к салтово-маяцкой культуре, основываясь на подъемном материале. Городище, площадью около 1 га, расположено на мысу высокого правого берега Оскола. Площадка мыса укреплена двумя основными линиями обороны, каждая из которых состояла из вала и рва.

В 1973 г. Ютановское городище было обследовано А. Г. Николаенко, однако раскопочные работы не проводились, что вызывало необходимость более детального изучения памятника, предпринятое Г.Е. Афанасьевым в 1981–1984 гг. Полученные в ходе работ материалы позволили обосновать датировку памятника. Так, в насыпи первого вала встречались фрагменты салтовских лощеных сосудов и обломок средневековой амфоры, а на дне первого рва находились фрагменты салтовской кухонной керамики. Более того, на исследованном участке первый вал перекрывал, а первый ров прорезал салтовскую полуземлянку. Таким образом, есть все основания относить сооружение первой линии обороны к салтовскому времени. Что касается второй линии обороны, то в данном случае следует, скорее всего, говорить о двух строительных этапах в пределах салтовской эпохи. На первом этапе была построена оборонительная линия из рва и вала с деревянной конструкцией. На втором этапе для усиления обороны городища была устроена еще одна линия укреплений (Афанасьев Г.Е., 1987, с. 99).

Таким образом, археологические раскопки показали, что большинство городищ на территории Белгородской области имеют отложения эпохи раннего железа. В дальнейшем эти памятники использовались в салтовское (Архангельское, Большое Городище, Афоньевское, Подлысенки), романское (Холки, Крапивное) и позднерусское время (Хотмыжск).

Г.Е. Афанасьевым в ходе изучения оборонительных сооружений салтово-маяцких городищ было установлено, что городища Архангельское, Большое Городище, Афоньевское, Подлысенки строились в скифское время, а населением салтово-маяцкой культуры использовались в качестве временных убежищ, при этом не восстанавливались и не достраивались. Дмитриевское городище появилось в раннем железном веке, а перестраивалось и обживалось уже населением салтово-маяцкой культуры. Древнерусское городище Крапивное выросло также на месте скифского поселения. Городище Хотмыжск появилось в эпоху бронзы, расцвета достигло в домонгольский период, а позже существовало как крепость Белгородской оборонительной черты.

В заключение можно сказать, что, в целом, укрепленные поселения на территории Белгородской области изучены не плохо. Особенно это касается городищ, оставленных носителями салтово-маяцкой археологической культуры. Слабо изученными пока еще остаются города-крепости Белгородской оборонительной черты.

Список литературы

1. Афанасьев Г.Е. Археологические открытия на новостройках (Выпуск 2) Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. Москва: Наука, 1987. - 198 с.
2. Афанасьев Г.Е. Колтуновское (Олександрово) городище хазарского времени (к проблеме истоков архитектуры и строительных приёмов) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Випуск 3. Харків. 2013.
3. Божко А.А. Отчет по государственному контракту № УК – 1169 на выполнение научно-исследовательских работ по теме: «Охранные археологические работы на памятнике археологии «Стрелецкое городище-2» Красногвардейского района Белгородской области».- Белгород, 2012. // Архив кабинета археологии НИУ «БелГУ»
4. Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Городище Холки на юго-восточной окраине древнерусского государства // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. - Воронеж, 2012. – С. 50-70.
5. Дьяченко А.Г. Городище Крапивное – город-крепость на юго-восточном пограничье Руси // <http://www.rusarch.ru/dyachenko1.htm>
6. Медведев А.П. Городище скифского времени Верхняя Покровка II // Древности Днепро-Донецкого Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой): сборник научных трудов. – Курск, 2012. С. 136-141.
7. Плетнева С. А. Отчет о работах Донской экспедиции в 1958 г. // Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1742, 1742а-б.
8. Плетнева С.А. Отчет об археологических раскопках Северо-Донецкого отряда 1961 г. // Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2242, 2242а.

9. Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкой экспедиции в 1973 г. // // Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5130, 5130а.

10. Сарапулкин В.А. Отчет о раскопках городища Колтуновка в Алексеевском районе Белгородской области в 2007 году. – Белгород, 2008. // Архив кабинета археологии НИУ «БелГУ»

11. Сарапулкина Т.В. Отчёт о проведении охранных раскопочных работ на городище-1 у с. Ильинка в Алексеевском районе Белгородской области в 2005 году. – Белгород, 2006. // Архив производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры

12. Сарапулкина Т.В. Отчёт о раскопках городища Мощеное в Яковлевском районе Белгородской области в 2008 году. – Белгород, 2008. // Архив производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры

УДК 902.2

М.В. Хоружая

Исследования Верхне-Салтовского археологического комплекса в 1946-1991 гг.: итоги и проблема музеефикации

Аннотация. Принципиальное отличие исследования памятников на территории Верхне-Салтовский археологический комплекс (аббревиатура на русском языке – ВСАК) в 1946-1991 в отличие от работ предыдущего периода (1900-1941) – это их защитная памятник природы. Наиболее важным достижением данного этапа исследования VSAK заключается в том, что спорадические раскопки конкретных памятников на территории комплекса были заменены в настоящее время методической работы на всех основных объектах. Были проведены масштабные работы в центре древнего города, его центральной части защитных сооружений были изучены наземные сооружения и полуземлянок номера были найдены и изучены. За этот период на различных участках катакомб могильник 190 катакомбы, 26 захоронений в отверстиях различных строительных, а также 9 отдельных погребение лошади были выкопаны. Работы по созданию бассейнов для хранения печенег воды (1959-1961) дал возможность, хоть и очень быстрый, но более принципиально и постепенно изучать большие территории и получить представление о VSAK. Результатом этих работ является признание значимости данного комплекса для сохранения культурного наследия. Именно поэтому памятники VSAK были взяты под охрану Постановлением Совета Министров СССР км № 711 от 21 июля 1965 года. Защитные сооружения на территории VSAK во второй половине 80-х XX века привело к созданию не большой археологический музей, который в 1992 году получил статус независимого города.

Ключевые слова: Верхне-Салтовский могильник, катакомба могильника Салтово-Маяцкой культуры, Алан.

Abstract. The principle difference of exploration of monuments in the territory of Verkhne-Saltovskii archeological complex (abbreviation in Russian – VSAK) in 1946-1991 in contradistinction to the works of the previous period (1900-1941) is their monument protective nature. The most important achievement of this stage of VSAK exploration is that sporadic diggings of certain monuments in the territory of complex were replaced with methodical works currently at all its main objects. There were large-scale works in the site of ancient town, its central part protective constructions were studied, above-ground structures and accommodation half-dugouts were found and explored. Over this period at different plots of the catacombs' burial ground 190 catacombs, 26 burial places in the holes of various construction as well as 9 individual entombment of horses were dug out. Works on creation of Pechenegs' water storage basin (1959-1961) gave an opportunity, though very fast, but more fundamentally and gradually to study large territories and to get an idea of VSAK. The result of these works is the acknowledgment of significance of this complex for preservation of cultural heritage. That is why the monuments of VSAK were taken under protection by the Decree of the Council of Ministers of USSR Nr. 711 dated July 21, 1965. Protective works in the territory of VSAK in the second half of 80-s of XXth century resulted in the establishment of small archeological museum that in 1992 obtained a status of independent district museum.

Key words: Verkhne-Saltovskiy burial, catacomb burial ground, Saltovo-Mayatskaya Culture, Alan.

Первый этап исследования Верхне-Салтовского археологического комплекса (ВСАК), припавший на 1900–1941 гг. характеризуется исследованиями проводившимися, в большей мере, на территории катакомбного могильника. В этот период на могильнике усилиями В.А. Бабенко и других исследователей было раскопано приблизительно от 400 до 500 катакомб. Материалы комплекса начали поступать в музейные собрания, обратили на себя внимание научной общественности, начали изучаться и стали объектом научных дискуссий на XII и XIII Археологических съездах. На основе изучения материалов исследования ВСАК была установлена хронология комплекса, его связь с хазарами, аланская этническая принадлежность погребенных в катакомбах людей. На этом этапе был начат процесс поиска границ катакомбного могильника, был зафиксирован факт существования рядом с городищем одновременных ему поселений в долине Донца от Салтова до Рубежного, а на самом городище удалось констатировать присутствие двух культурных слоев: казацкого XVII в. и салтовского. Однако, методический уровень работ и ведения документации был низким, даже по сравнению с требованиями того времени, на что неоднократно указывало руководство Археологической комиссии главному исследователю памятника В.А. Бабенко (Чернигова, 2000, с. 117). Уровень обобщений также был довольно низким, поскольку публикации результатов исследований памятников ВСАК имели «отчетный» характер. Охрана комплекса в условиях дореволюционного законодательства заканчивалась фактом проведения раскопок и покупкой у крестьян предметов из могил, случайно найденных ими. Был констатирован факт разрушения крестьянами остатков каменных стен на Верхне-Салтовском городище, что было характерно для всех подобных памятников на новонаселенных территориях Российской империи.

В период войны 1941–1945 гг. исследования ВСАК не велись. Большинство коллекций та соответствующей документации Харьковского и Волчанского музеев, где хранилась большая часть материалов исследований ВСАК, погибла или была изъята оккупантами (Аксёнов, Бабенко. 2012, с. 177-178). Характерными являются факты, связанные с антропологической коллекцией из Верхнего Салтова, сберегавшейся в музее Харьковского университета, приведенные в диссертационном исследовании И.К. Решетовой (Решетова, 2014, с. 36). Так, по свидетельству заведующего кафедрой анатомии Харьковского университета, докт. мед. наук. профессора Л.Н. Николаева по требованию немецкого коменданта 32 черепа из катакомб Верхнего Салтова были выданы нацистскому исследователю доктору Райхелю для использования их в качестве доказательства физического присутствия готов на территории Украины, что должно было подтвердить претензии Германии на уже оккупированные территории Советской Украины (Николаев, 2010. 16 декабря). Очевидно, что вместе с черепами немцы могли забрать и соответствующие коллекции из катакомб ВСАК. Общеизвестно, что немцы вывезли из исторических и художественных музеев Советской Украины сотни тысяч единиц хранения (Державний архів Харківської обл., Ф.П. 2, оп. 14, спр. 8, с. 3-12).

Исходя из выше сказанного, новый этап исследования ВСАК связан с желанием восполнить утраченные в ходе войны археологические материалы. Следует отметить, что внимание ученых в этот период оказалось распределено более пропорционально между основными объектами ВСАК, в частности исследуется городище, частично селище. Хотя интерес к раскопкам катакомбного могильника превалирует и на этом этапе.

Исследования археологических объектов ВСАК возобновляются в 1946 г. В 1946–1948 гг. экспедиция Харьковского университета и Института археологии АН УССР во главе с С.А. Семеновым-Зусером начала работы на катакомбном могильнике и городище ВСАК. Для С.А. Семенова-Зусера салтовская тематика была новой, ибо его наученные интересы были связаны с реконструкциями скифской истории по письменным источникам, с историей греческих колоний Северного Причерноморья. Поэтому выбор места раскопок в Верхнем Салтове был обусловлен другими причинами – необходимостью пополнить утраченные в ходе войны коллекции, подготовки новых кадров, проведение учебной археологической практики. Тогда на Верхнем Салтове было раскопано 57 катакомб, из которых 49 на первом могильнике, известном еще с дореволюционных времен (Семенов-Зусер, 1949, с. 112–135; Семенов-Зусер, 1952, с. 271–284). Значительную роль в этих работах сыграл В.А. Бабенко. Как вспоминал Б.А. Шрамко, в то время аспирант Харьковского университета, бравший непосредственное участие в раскопках, В.А. Бабенко, будучи наиболее опытным исследователем салтовских катакомб, обучал молодых археологов поиску катакомбных захоронений с помощью траншейного метода (Шрамко, 1996, с. 145).

Экспедицией С.А. Семенова-Зусера были проведены незначительные по объему работы и на городище ВСАК. В частности, было сделано несколько разрезов вала на всех трех линиях обороны крепости (Семенов-Зусер, 1946, с. 3; Семенов-Зусер, 1948, с. 1–9). Во время этих работ было раскопано два жилища (Семенов-Зусер, 1948, с. 10–13; Ветштейн, 1959–1961, с. 25–26). К сожалению, чер-

тежи раскопок и отчетная документация по большей части работ С.А. Семенова-Зусера не сохранились. В полевых дневниках ученого представлены отдельные рисунки исследованных им укреплений Верхне-Салтовского городища (Свистун, 2009, с. 460).

В качестве отдельного эпизода нужно вспомнить, что в 1948 г. одну катакомбу в урочище Замуловка (ВСМ-I) раскопал И.И. Ляпушкин, который в то время проводил разведки памятников железного века на Днепровском левобережье и в Подонечье. Извлеченные из исследованной катакомбы вещи поступили в фонды Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, а со временем (в 1976 г.) были переделаны в фонды Государственного Эрмитажа (коллекция № 1107/2142 – 2151) (Воротинская, 2012, с. 12–26).

Со смертью С.А. Семенова-Зусера (1951 г.) дальнейшие исследования памятников ВСАК харьковскими археологами было временно прекращено, ибо Б.А. Шрамко, только начавший свою научную карьеру, переключился с изучения салтовских древностей на исследования памятников скифского времени. Не последнюю роль в этом послужила защита в 1949 г. в Москве защита Н.Я. Мерпертом кандидатской диссертации по Верхне-Салтовскому могильнику (Мерперт, 1949). Однако, в силу необходимости, в 1958 и 1959 гг. экспедицией Харьковского университета во главе с Б.А. Шрамко при проведении обследования городищ и поселений салтовского времени около с. Верхний Салтов и Старый Салтов на Замуловке (ВСМ-I) был исследован одно разрушенное водами катакомбное погребение в обрыве яра (Хоружа, 2003, с. 27).

В 1957 г. разведывательные работы на городище (в составе экспедиции под руководством Б.А. Шрамко) проводила молодая исследовательница С.А. Плетнева. Её разведки показали грандиозность памятника и масштабность будущего объема работ (Плетнева, 1957). Вскоре С.А. Плетнева опубликовала свой план Верхне-Салтовского городища (Плетнева, 1967, с. 26, рис. 7, 3).

Исследования салтово-маяцких памятников на территории Харьковской обл. в 1946–1960-х годах, в первую очередь памятников ВСАК, нашли свое отражение в монографии Б.А. Шрамко «Древности Северского Донца» (1962 г.). В разделе «Салтовская культура» исследователь отметил: «Для настоящего очерка использованы не только печатные статьи и музейные коллекции, но также наблюдения и материалы раскопок автора» (Шрамко, 1962, с. 266). В данном разделе монографии мы находим квалифицированное описание, полностью пригодное для использования в музейной работе, создания реконструкций, макетов или новоделов. Приведенные в качестве примера чертежи катакомбы (план, профиль) можно считать хрестоматийными (Шрамко, 1962, с. 278, рис. 108). Несмотря на то, что все данные использованные Б.А. Шрамко были уже известны в предыдущий период изучения ВСАК, здесь мы наблюдаем качественно новый уровень обобщения и понимания эмпирического материала. Обобщения Б.А. Шрамко, Н.Я. Мерперта, И.И. Ляпушкина (Мерперт, 1949; Ляпушкин, 1958, с. 90–148) привели к тому, что археология салтово-маяцкой культуры из периода накопления полевого материала постепенно перешла к аналитической стадии развития научного знания.

Другим значительным толчком в исследованиях ВСАК и в его окрестностях стало строительство Печенежского водохранилища на Северском Донце. В 1959–1961 гг. здесь проводятся работы Кочетокской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством Д.Т. Березовца (Федоров, 2012, с. 34–36). В состав этой экспедиции входил отряд Харьковского университета и сотрудники Харьковского исторического музея (Колода, 2011, с. 25). Именно тогда, кроме традиционного исследования могильника, впервые были проведены раскопки на больших участках Верхне-Салтовского городища и прилегающего к нему селища. Исследовался тогда еще мало изученный III-й могильник (ВСМ-III) (Березовец, 1959–1961, с. 1–33). В условиях ограниченного времени (3 года) и незначительного финансирования невозможно было ставить вопрос о полном систематическом исследовании ВСАК. На первый (1959 г.) год исследований была поставлена задача провести небольшие по объему разведывательные раскопки разных объектов и попытаться на основе полученных данных представить себе взаимосвязь могильника, городища, поселений, сделать их топографическую привязку (Федоров, 2012, с. 37).

Кочетокской экспедицией было возобновлено изучение Верхне-Салтовского катакомбного могильника. Работы были сконцентрированы на ВСМ-III, расположенном на западных склонах правого высокого берега р. Северский Донец в 800 м на север от городища. Целью этих работ было определение размеров могильника и выяснение особенностей погребального обряда. Работы велись высокими темпами с использованием бульдозера, благодаря чему за три года общая вскрытая площадь на могильнике составила 1800 кв. м (Березовец, 1959–1961, с. 2, 5). Во вскрытой площади были выявлены 80 катакомбных сооружения, из которых было исследовано, да и то частично (только дромос), 23 катакомбы (Березовец, 1959–1961, с. 5). По устному замечанию В.К. Михеева, в то время лаборанта Археологического музея Харьковского университета, это было связано с тем, что исследователи во

главе с Д.Т. Березовцом не имели практического опыта раскопок земляных катакомб, кроме того, к работе привлекались не квалифицированные археологи, а местные колхозники и подростки. С их же слов зачастую проводилось описание захоронений и фиксация места нахождения артефактов (Колода, 2011, с. 25). Поэтому заполненные глиной погребальные камеры достаточно часто не обнаруживались, а Д.Т. Березовец считал такие сооружения кенотафами (Березовец, 1959–1961, с. 3).

Несмотря на это, в погребальном обряде были прослежены интересные черты: 1) преднамеренное забивание погребальных камер материковой глиной; 2) частичное разрушение костяков людей в одиночных и особенно в коллективных захоронениях. Исследователь считал, что разрушение костяков в камерах могло быть связано с обрядом вторичного захоронения людских останков или нести ритуальный характер (Березовец, 1959–1961, с. 4). Тогда же на ВСМ-III были открыты 2 поминальных комплекса, содержавшие преднамеренно поврежденные предметы конского снаряжения со следами пребывания их в огне (Березовец, 1959–1961, с. 5). К сожалению, исследователь сразу никак не прокомментировал данную находку, хотя подобные салтовские комплексы (Новая Покровка, Тополи) были уже известны (Кухаренко, 1951, с. 99–108), и легли в основу концепции славянской (русы) принадлежности салтовских кремационных захоронений (Кухаренко, 1951, с. 107; Рыбаков, 1950, с. 14; Рыбаков, 1953, с. 103). Хотя позже Д.Т. Березовец связывал предсалтовские кремационные комплексы (Перещепино. Глодосы, Вознесенка) с народом «рос», «рус» неславянского происхождения, имеющим непосредственное отношение к салтовской культуре Подонцовья (Березовец, 1970, с. 69).

Д.Т. Березовец развил мысль А. с. Федоровского относительно размеров могильника и количества катакомбных погребений на нем (Федоровский, 1913, с. 2). Именно в результате предположения начальника экспедиции Д.Т. Березовца и его сотрудников возникла тенденция преувеличивать масштабы комплекса и его площадь. Появилось необоснованное утверждение о наличии 30 тыс. катакомб на могильнике, об общей площади поселения в 120 и даже 150 га, которые породили потом предположение о наличии здесь многотысячного поселения, о существовании около Верхнего Салтова раннесредневекового города, наибольшего в Хазарии, торгового, военного и административного центра (Березовец, 1970, с. 59; Крыганов, 2001, с. 351). Непредвзятый взгляд на реалии этого памятника показывают, что ВСАК – это один из племенных центров Северо-Западной Хазарии, однако он мало отличается по размерам от других подобных центров (Флёрв, 2010, с. 70–71).

В Кочетокской экспедиции кроме основного руководителя Д.Т. Березовца, в работе принимали участие в качестве начальников отрядов известные киевские археологи А.Т. Смиленко, Р.И. Ветштейн, Г.М. Шовкопляс, В.П. Петров и др. (Березовец, 1959–1961, с. 6). Отдельные отчеты исследователей дополняют друг друга и дают комплексное представление о памятнике.

В первый год работы экспедиции (1959 г.) В.П. Петров проводил раскопки на посаде Верхне-Салтовского городища и исследовал три катакомбы. Следующие два года работами на посаде руководила А.Т. Брайчевская (Березовец, 1959–1961, с. 6). Все три года под руководством Р.И. Ветштейн велись работы на поселенческой части ВСАК (Березовец, 1959–1961, с. 6). Именно под её руководством велись работы на городище и исследовались его оборонительные сооружения. В 1961 г. особое внимание было уделено исследованию подола Верхне-Салтовского городища (Березовец, 1959–1961, с. 6–7).

Таким образом, в период 1959–1961 гг. были исследованы Верхне-Салтовское городище и его посад. Вследствие этих работ был сделан вывод, что городище с трех сторон окружено валом и рвом, а его восточная часть является цитаделью, окруженной каменной стеной с башнями. В середине цитадели были открыты неземные и углубленные в землю жилища (Ветштейн, 1959–1961, с. 1–20, 39, 40). В разных частях городища было раскопано 4 жилища, еще 7 жилищ было исследовано на селище (Ветштейн, 1959–1961, с. 24–38; Брайчевская, 1959–1961, с. 16–53).

На сегодня огромный материал Кочетокской экспедиции не проанализирован (Колода, 2011, с. 25). Только через десять лет после ее завершения были опубликованы первые материалы по селищу (Смиленко, 1971, с. 147–157), а еще через десять лет – появились первые публикации по работам на городище и на могильнике (Иченська, 1980, с. 101–109; Иченская, 1982, с. 140–148).

Краткие итоги исследований 1959–1961 гг. на территории Верхне-Салтовского городища были подведены в 1980 г. в статье О.В. Иченской (Иченська, 1980, с. 101–109). Именно у О.В. Иченской появляется термин «цитадель» в отношении укрепленной части Верхне-Салтовского городища (Иченська, 1980, с. 102), который потом без критики используется множеством авторов, а также констатирует наличие каменных стен на городище. На сегодня первый тезис справедливо был поставлен под сомнение В. с. Флёрвым (Флёрв, 2010, с. 70–71), а второй – отклонен исследованиями и реконструкциями современного харьковского археолога Г.Е. Свистуна (Свистун, 2009, с. 476, рис. 13). О.В. Иченская отмечала, что оборонительные сооружения исследовались траншеями, которые при

необходимости расширялись до размеров раскопов. Преимущественно изучались остатки южной и восточных стен, северная и западная стены были исследованы не достаточно. Однако, общий контур крепости и направление всех её четырех стен были определены (Іченська, 1980, С. 102).

В этот же период сформировалось ошибочное мнение о наличии башен в системе обороны центральной части городища. В частности, раскопанные в 10 м на север от северо-восточного угла крепости остатки прямоугольного в основе каменного строения были интерпретированы именно как остатки башни. При этом О.В. Іченська ссылалась на описания В.А. Бабенко, который в 1907 г. указывал на расширенные участки стен в углах крепости (Бабенко, 1907, с. 407). Г.Е. Свистун недавно дал пояснение данным элементам. По его мнению, это были контрфорсы или площадки для стрельбы из лука. Также он отметил нехарактерность такого типа оборонительных сооружений, как башни для салтовских городищ лесостепного варианта, доказывая это на достаточном количестве примеров (Свистун, 2009, с. 464-466).

Ещё одним оборонительным элементом, на который обратила внимание О.В. Іченська, является ров с остатками частокола, проходивший параллельно южной стене городища непосредственно под нею. Эту конструкцию исследовательница отнесла к казацкому периоду и датировала её XVII–XVIII вв. Поиск следов въезда в крепость в то время результатов не дали (Іченська, 1980, с. 105). Важным выводом по результатам исследования площади городища стало то, что постоянного населения тут почти не было, о чем свидетельствуют: незначительный культурный слой; слабая насыщенность его находками; полное отсутствие культурно слоя VIII–IX вв. в северо-восточной части основного укрепления (Іченська, 1980, с. 106).

Результаты раскопок селища-посада опубликовала А.Т. Сміленко, которая без дополнительной аргументации и ссылки на проведения соответствующих работ по поиску границ поселения, писала о большом посаде площадью 100 га, укрепленном валом и рвом (Сміленко, 1971, с. 147). Работы на селище велись за яром, который разделяет посад и городище и где были заложены два раскопа. В одном из них (№ 2) были выявлены 5 жилищ и одна хозяйственная постройка, а также хозяйственные ямы (Сміленко, 1971, с. 148-156). Заслуживает внимания наблюдение А.Т. Сміленко, что открытые здесь полуземлянки перекрывают одна другую, т.е. они возникли в разное время, оставались, достраивались вновь, но жизнь на этом участке продолжалась достаточно длительное время (Сміленко, 1971, с. 149). Вывод А.Т. Сміленко, что «ряд жилищ», перпендикулярный склону яра соответствует «улице» (Сміленко, 1971, с. 152), вызывает определенные сомнения, поскольку не была исследована вся площадь поселения и не известно, существовала ли какая-то реальная рядность построек или это случайность, связанная с этим участком поселения. Обращаясь к исследованиям других археологов, можно утверждать, что салтовские поселения, как правило, не имели никакой уличной планировки, жилища на них расположены гнездами, по несколько в одном «гнезде» с соответствующими хозяйственными строениями, ямами и погребями (Винников, 1984, с. 95–135). Очевидно, именно такое гнездо и описывает А.Т. Сміленко (Сміленко, 1971, с. 148-156).

Так же А.Т. Сміленко утверждает, что та часть посада, которая находится на возвышенности, имела защитные сооружения в виде рва и вала с бермой (Сміленко, 1971, с. 154). Однако, исследованный участок не дает представления о всем периметре поселения, поэтому утверждение о наличии здесь оборонительных сооружений представляется достаточно гипотетичным.

На данный момент, раскопки А.Т. Сміленко верхней части посада и публикация результатов являются единственным источником информации об этой части поселения. Дальнейшие раскопки здесь невозможны, поскольку вся площадь соответствующей возвышенности застроена современными коттеджами, гаражами, перекрыта заборами, разделена на участки. Если тут и сохранились остатки культурного слоя и неразрушенные комплексы, то даже они не доступны для археологических исследований.

После завершения строительства Печенежского водохранилища памятники ВСАК выпали почти на двадцать лет из поля зрения исследователей, которые переориентировались на раскопки других памятников региона. Так, ведущий харьковский исследователь салтовских древностей В.К. Михеев в этот период проводил работы на Залиманском, Балаклейском, Пятницком грунтовых могильниках, на целом ряде поселенческих памятников на территории Харьковской и Донецкой областей, принимал участие в работах экспедиций на территории Болгарии и в раскопках Маяцкого катакомбного могильника (Воронежская обл.) (Володимир Кузьмич Міхеев, 2007, с. 6). Однако, по устным воспоминаниям В.К. Михеева, в 1965 и 1967 гг. на ВСМ-III проводились небольшие работы под руководством Д.Т. Березовца. Было вскрыто несколько катакомб, но отчеты об этих работах в архиве Института археологии НАН Украины на сегодняшний день отсутствуют. Здесь нам только остается присоединиться к мнению В. с. Флёрова: «...не зависимо от наших мнений результаты раскопок ока-

зались чрезвычайно неполноценными. Непростительно отсутствие отчетов, независимо от причин» (Флёров, 2010, с. 68).

С 1982 г. исследования памятников ВСАК начинает экспедиция Харьковского исторического музея (ХИМ), которую в то время возглавлял В.Г. Бородулин. Работы экспедиции с самого начала носили охранный характер, и были направлены на исследование катакомб, обнаруженных при строительстве новых зданий цехов на территории межколхозного производственного центра «Сельхозтехника» в с. Старый Салтов, находящимся в 5 км к югу от Верхне-Салтовского городища (Бородулин, 1982). В.Г. Бородулин до этого момента специализировался на исследовании курганных древностей скифского времени (Песочинский могильник) (Бабенко, 2005, с. 6). Однако в 1980 г. у него возникли проблемы с получением Открытого листа на раскопки, связанные с нарушением методики раскопок при исследовании курганов, факт которого был зафиксирован Актом о проверке раскопок (Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 5). Поэтому в 1983 г. работы на Старо-Салтовском могильнике велись экспедицией ХИМ во главе с В.Г. Бородулиным, но общее руководство осуществлял ведущий харьковский салтововед В.К. Михеев (Михеев, 1983). Правильность выполнения методики раскопок В.Г. Бородулиным на памятниках салтовского времени в 1985 г., а также работы на Старо-Салтовском некрополе контролировала сотрудник славяно-русского отдела Института археологии НАН УССР О.В. Иченская (Пархоменко) (Бородулин, Пархоменко, 1985), которая на тот момент была единственным в Киеве специалистом по салтовской тематике и хорошо разбиралась в материале, ибо занималась обработкой материалов, накопленных в результате исследования Д.Т. Березовцом памятников ВСАК. Всего за три сезона на Старо-Салтовском могильнике было раскопано 21 катакомба и одно погребение коня (Аксенов, 1999, с. 137–149).

В 1984 г. экспедицией ХИМ под руководством В.Г. Бородулина были начаты охранные работы на территории первого катакомбного могильника у с. Верхний Салтов (ВСМ-I). Работы велись на территории, отведенной под садоводческий кооператив «Изумруд» и расположенной на северо-западных склонах Капиносского оврага. В качестве научного консультанта к экспедиции была опять прикреплена О.В. Иченская (Пархоменко). Работы здесь велись до 1989 г. За этот период на ВСМ-I силами экспедиции было раскопано 76 катакомб, 4 погребения коня в отдельной яме и 17 погребений в ямах (Бородулин, 1984; Бородулин, Пархоменко, 1985, 1986, 1987; Бородулин, 1988, 1989). Часть исследованных катакомб (раскопки 1984 г.), конские захоронения и погребения в ямах были введены в научный оборот (Аксенов, 2005, с. 245–260; Бубенок, 1993, с. 49–59; Хоружая, 2009, с. 259–294; Хоружая, 2012, с. 429–436; Хоружая, 2013, с. 211–224).

Во время ведения работ на ВСМ-I (в 1987 г.) экспедицией музея одновременно были проведены охранные работы на Рубежанском катакомбном могильнике, расположенном на территории стрельбища и полигона Харьковского военного училища тылового обеспечения, который находился на северной окраине с. Рубежное в 7 км к северу от Верхнего Салтова. В 1987 г. на могильнике было исследовано 14 катакомб (Бородулин, Пархоменко, 1987, с. 1–18). Позже, в 1995 г. во время охранных работ на могильнике экспедицией ХИМ под руководством В. с. Аксёнова было раскопано еще 4 катакомбы и погребение коня в отдельной яме. Все материалы, полученные при исследовании этого могильника, были опубликованы (Аксенов, 2001, с. 62–78).

В 1989 г. в 500 м на север от околицы с. Верхний Салтов на восточных склонах Нетечинского оврага В.Г. Бородулин обнаружил провал над погребальной камерой катакомбного захоронения, что стало началом исследования Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника (ВСМ-IV). За два года (1989, 1990 гг.) экспедицией ХИМ под руководством В.Г. Бородулина на склонах Нетечинского оврага было исследовано 17 катакомб (Бородулин, 1989, с. 24–37; Бородулин, 1990, с. 2–17), после чего работы здесь прекратились.

Последние четыре своих полевых сезона (1989–1992 гг.) В.Г. Бородулин посвятил исследованиям ВСМ-III (Бородулин, 1988, с. 13–19; Бородулин, 1989, с. 6–24; Бородулин, 1991, 1992), открытому еще в 1902 г. В.А. Бабенко (Бабенко, 1905, с. 548). За эти годы экспедицией ХИМ было раскопано 25 катакомб, 4 погребения в ямах и два погребения коня.

Таким образом, под руководством В.Г. Бородулина на могильниках Верхнего Салтова было исследовано значительное количество погребальных комплексов (118 катакомб, 26 ямных погребений и 7 отдельных погребений коней), и открыт новый, как на тот момент представлялось, катакомбный могильник (ВСМ-IV). Исполняя охранные работы на ВСМ-I, В.Г. Бородулин был вынужден исследовать данный участок могильника в сжатые сроки и к тому же не общей площадью, а траншеями, расположенными одна от другой на несколько метров. Таким же способом исследовался и ВСМ-III, ибо он расположен на склонах покрытых лесом, плотность которого и определила расстояние между траншеями. Только участок на ВСМ-IV исследовался сплошной площадью методом подвижной

траншеи. Все это определило тот факт, что на ВСМ-I и ВСМ-III осталось не исследованным пространство между дромосами катакомб, иногда довольно значительное, где могли находиться отдельные ямные погребения и тризны. Отчетная документация В.Г. Бородулина в отличие от документации В.А. Бабенко, сделана в соответствии с требованиями Института археологии советского периода, однако и она не являлась совершенной (описание погребальных сооружений и комплексов дано в сжатом виде; зачастую отсутствуют рисунки вещей, фотографии недостаточно хорошего качества; чертежи погребальных сооружений даны довольно схематично). Главным недостатком в работе В.Г. Бородулина было то, что он любил искать, находить и исследовать погребальные комплексы, однако совсем не интересовался их интерпретацией и введением в научный оборот. Его немногочисленные публикации материалов раскопок могильника имеют тезисный характер (Бородулин, Пархоменко, 1986а, с. 218; Бородулин, 1988а, с. 256). Все материалы раскопок В.Г. Бородулина вместе с полевой документацией сохраняются в полном объеме в одном месте – Харьковском историческом музее.

Таким образом, главным отличием исследований памятников ВСАК в 1946–1991 гг. от работ предшествующего периода (1900–1941 гг.) является их памятникоохранный характер. Хотя, несомненно, прослеживались тенденции, характерные для первого периода (1900–1941 гг.) его исследования. Однако, несмотря на то, что основное внимание все также уделялось изучению погребальных памятников Верхнего Салтова, уже проводились определенные исследования территории цитадели и посада Верхне-Салтовского городища. Именно памятникоохранным характером работ на памятниках ВСАК и был обусловлен отход руководителей экспедиций от общепринятой методики исследования погребальных памятников. Особенно это проявилось в работах Кочетокской экспедиции, когда большие площади на грунтовых могильниках вскрывались при помощи землеройной техники, а для исследований самих погребений нанимались колхозники и подростки, что не могло не привести к частичной потере информации относительно некоторых черт погребально обряда. Однако, наиболее важным достижением этого этапа исследования ВСАК стало то, что спорадические раскопки отдельных памятников комплекса были заменены планомерными работами теперь уже на всех основных его объектах (селище, городище, могильнике). Работы по созданию Печенежского водохранилища дали возможность хоть и очень быстро, но более основательно и последовательно исследовать значительные по размеру территории и составить комплексное представление об ВСАК. К тому же во время Кочетокской экспедиции (1959–1961 гг.) проводились достаточно интересные эксперименты по первому использованию в археологии методов геологической электроразведки (Федоров, 2012, с. 38-39). Были проведены масштабные работы на городище, исследованы защитные сооружения его центральной части, на внутреннем участке крепости были найдены и исследованы наземные постройки и жилые полуземлянки.

Поспешность в проведении полевых работ, использование далеко не классической методики вскрытия культурного слоя и отдельных комплексов, завершение работ после окончания сроков хозяйственно-договорных тем, недостатки отчетной документации и значительное отставание публикации материалов (большинство из них даже публиковались не самими исследователями) – основные черты исследований этого периода

Спустя непродолжительное время после завершения Кочетокской экспедиции памятники ВСАК были впервые взяты под охрану государством Постановлением Совета Министров УССР № 711 от 21 июля 1965 г. Статус археологического памятника за ВСАК был закреплен решением Харьковского облисполкома № 61 от 25 января 1972 г. (охранные номера 608, 619) (Аксенов, 2003, с. 76).

Начатые в 1984 г. экспедицией ХИМ во главе с В.Г. Бородулина охранные работы на могильнике привели к созданию осенью этого же года небольшого археологического музея в с. Верхний Салтов, который расположился в одном из помещений местного клуба. Данный музей стал филиалом ХИМ и одновременной базой экспедиции под руководством В.Г. Бородулина. Именно здесь проводилась первичная камеральная обработка материалов, полученных в ходе работ на могильниках Верхнего Салтова. Здесь же проводились ежегодные выставки по итогам проведенного полевого сезона, для чего ХИМ предоставил часть выставочного оборудования, привлек для оформления витрин главного художника ХИМ Ю.Е. Титинюка. После окончания выставок по итогам полевого сезона экспонаты отправлялись в Харьков, где сдавались в фонды ХИМ. Это было обусловлено отсутствием в помещении клуба с. Верхний Салтов надлежащих условий для их хранения (фондохранилища), отсутствовала система охраны музейных предметов. Поэтому археологические выставки на базе клуба работали до завершения полевого сезона (до октября/ноября). Затем база экспедиции сворачивалась до начала нового полевого сезона. В зимний период в помещении музея готовилось экспозиционное оборудование и научно-вспомогательные материалы для выставок.

В том же 1984 г. решением Харьковского облисполкома № 33 на всей площади ВСАК, а также вокруг его территории была установлена охранная зона (в 50 м). Позже, решением облисполкома

№ 259 от 15 июня 1987 г. вся территория ВСАК была объявлена заповедной зоной, в границах которой были запрещены все строительные, земельные и другие работы без согласования с органами охраны памятников (Аксенов, 2003, с. 76). В 1989 г. администрацией ХИМ было внесено предложение на рассмотрение Управления Культуры при Харьковской облгосадминистрации создать на базе ВСАК археологический музей-заповедник. Это было связано в первую очередь с истечением сроков работ по хозяйственно-договорной теме, проводимой экспедицией музея на землях садового кооператива «Изумруд», где располагался ВСМ-І. Однако, сложная финансово-экономическая ситуация в стране и другие объективные факторы, сложившиеся накануне развала СССР, привели к тому, что филиал, расположенный в здании клуба с. Верхний Салтов, был выведен из состава ХИМ и получил статус районного музея с вытекающими из этого последствиями (минимальное финансирование, возвращение части экспозиционного оборудования в ХИМ, малое количество собственных музейных предметов). Первоначально в музее Верхнего Салтова не было директора, штат сотрудников не был укомплектован. Первым директором в декабре 1992 г. стал В.Г. Бородулин, уволившийся на тот момент из Харьковского исторического музея. Таким образом, один из самых плодотворных исследователей катакомбных могильников ВСАК получил возможность полностью посвятить себя Историко-археологическому музею-заповеднику «Верхний Салтов» (Відділ археології, 2011, с. 14). Так и возник первый музей салтово-маяцкой культуры в независимой Украине.

Список литературы

1. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. 1999. № 2. С. 137-149.
2. Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология*. 2001. № 1-2. С. 62-78.
3. Аксенов В.С. К проблеме создания районных краеведческих музеев (на примере Верхнесалтовского историко-археологического музея-заповедника) // *Літопис Донбасу* № 11 / відповід. ред. Т.В. Ільченко. Донецьк: Донбас, 2003. С. 73-79.
4. Аксенов В.С. Комплексы с конскими начальниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 4. Хазарское время / гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 245-260.
5. Аксьонов, Бабенко Л.І. Археологічні фонди Харківського історичного музею: історія формування колекції // Вісімнадцяті Сумцовські читання. Збірник матеріалів наукової конференції «Музей як соціокультурний інститут в умовах інформаційного суспільства». Харків: Майдан, 2012. С. 176–184.
6. Бабенко В.А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губ. // *Труды Харьковского комитета по устройству XIII Археологического съезда в г. Екатеринославле* / под ред. под ред. Е.К. Редина. Харьков: Типо-Литография М. Зильберберг и С-вья, 1905. С. 547-577.
7. Бабенко В.А. Дневник Археологических раскопок в с. Верхнем Салтове 1906 г. // *Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославле 1905 г. М., 1907*. Т. 1. С. 411–418.
8. Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: Издательский Дом «Райдер», 2005. 284 с.
9. Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант) К.: ИА НАНУ, 2000. 236 с.
10. Березовец Д. Т. Отчет о раскопках средневековых памятников у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района, Харьковской области в 1959-1961 г. // *Архив института археологии НАН Украины* Ф. е. № 39846, 3990 – 3995. 56 с.
11. Березовец Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // *Археологія*. 1970. Т. 24. С. 59-74.
12. Бородулин В.Г. Отчет о раскопках Старо-Салтовского катакомбного могильника и кургана, расположенного на территории совхоза «Березовский» Харьковского района в 1982 г. // *Архив Института археологии НАН Украины*. Ф. е. 21112 – 21113. 53 с.
13. Бородулин В.Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника и кургана, расположенного на территории колхоза им. Пархоменко Лозовского района в 1988 году. // *Архив Института археологии НАН Украины*. Ф.е. 23051. 35 с.
14. Бородулин В.Г. Раскопки Верхнесалтовского катакомбного могильника // *Археологические открытия 1986 года*. М.: Наука, 1988а. С. 256.
15. Бородулин В.Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника, расположенного на территории колхоза «Украина» Волчанского района в 1989 г. // *Архив Института археологии НАН Украины*. Ф.е. 23625. 53 с.
16. Бородулин В.Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1990 г. // *Архив Института археологии НАН Украины*. Ф.е. 24020. 30 с.

17. Бородулин В.Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1991 г. // Архив Института археологии НАН Украины. Ф.е. 24577. 15 с.
18. Бородулин В.Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1992 г. // Архив Института археологии НАН Украины. Ф.е. 25211. 14 с.
19. Бородулин В.Г. Пархоменко О.В. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1984 г. // Архив Института археологии НАН Украины. Ф.е. 21362. 147 с.
20. Бородулин В.Г. Пархоменко О.В. Отчет о раскопках Вехнесалтовского и Старосалтовского могильников в 1985 году // Архив Института археологии НАН Украины. Ф.е. 21790. 62 с.
21. Бородулин В.Г. Пархоменко О.В. Отчет о раскопках Вехнесалтовского катакомбного могильника в 1986 году // Архив Института археологии НАН Украины. Ф.е. 22037. 74 с.
22. Бородулин В.Г. Пархоменко О.В. Верхнесалтовский катакомбный могильник // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986а. С. 218.
23. Бородулин В.Г. Пархоменко О.В. Отчет о раскопках Вехнесалтовского и Рубежанского катакомбных могильников, расположенных на территории колхоза «Украина» Волчанского района в 1987 году // Архив Института археологии НАН Украины. Ф.е. 22658. 60 с.
24. Брайчевская А.Т. Отчет о раскопках на посаде Салтовского городища // Архив института археологии НАН Украины. 1959 – 1961/6в. Ф. е. № 3990 – 3991. 58 с., 12 табл.
25. Бубенок О.Б. Етнічна належність ямних поховань Верхньосалтівського могильника // Археологія. 1993. № 4. С. 49-59.
26. Ветштейн Р.И. Отчет о раскопках Салтовского городища // Архив Института НАН Украины. 1959 – 1961/6г. Ф. е. № 3986. 40 с.
27. Винников А.З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище /отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. С. 95–135.
28. Відділ археології Харківського історичного музею (1991 – 2010): Бібліографічний покажчик / Укладачі В.С. Аксьонов, Л.І. Бабенко. Харків: Видавець Мачулін, 2011. 48 с.
29. Володимир Кузьмич Міхеев: До 70- річчя від дня народження: Бібліографічний покажчик / Укладачі: В.Д. Прокопова, Ю.Ю. Полякова. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. 28 с.
30. Воротинская Л.С. Материалы И.И. Ляпушкина в коллекциях Государственного Эрмитажа // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург. 3 – 5 декабря 2012 г. СПб.: Соло, 2012. С. 12–26.
31. Иченская О.В. Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К.: Наукова думка, 1982. С. 140–148.
32. Іченська О.В. Цитадель Салтівського городища // Археологія. 1980. № 34. С. 101–109.
33. Колода В.В. Салтовская культура на Харьковщине: очередной юбилей (итоги и перспективы исследований) // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині / упоряд. Г.Є. Свистун. Харків: Видавець О.О. Савчук, 2011. С. 21–31.
34. Крыганов А.В. Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры – остатки древнего хазарского города // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 347–358.
35. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. 1951. Т. XLI. С. 99-108.
36. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. 1958. № 62. С. 85–150.
37. Мерперт Н.Я. «Верхнее Салтово» (Салтовская культура). Автореферат ... канд. ист. наук. М., 1949. 17 с.
38. Михеев В.К. Отчет о раскопках Старосалтовского катакомбного могильника за 1983 г. Харьков, 1983. 23 с. // Архив Харьковского исторического музея имени Н.Ф. Сумцова.
39. Николаев Л.П. Под немецким сапогом. Выписки из дневника: октябрь 1941 г. – август 1943 г. / Л.П. Николаев // Союз писателей. 2010. № 12. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/sp/2010/12/ni8-pr.html>
40. Плетнёва С.А. Отчёт к открытому листу № 8 Северо-Донецкого отряда Южнорусской экспедиции за 1957 г. // Архив Института археологии НАН Украины. № 1957/17.
41. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 146. 196 с.
42. Решетова И.К. Население Донецко-Донского междуречья в раннем средневековье (по материалам погребальных памятников салтово-маяцкой культуры). Дис. канд. ист. наук. Рукопись. М., 2014. 263 с.

43. Рыбаков Б.А. Уличи // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 3-17.
44. Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. Т. 17. С. 23-104.
45. Свистун Г.Е. Фортификация городища Верхний Салтов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское Время / гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 459-478.
46. Семенов-Зусер С.А. краткий отчет о раскопках на территории Верхнего Салтова в 1947 г. // Архив Института археологии НАН Украины. 1947/25. Ф. е. № 562, 750, 751. 37 с.
47. Семенов-Зусер С. А. Отчет о раскопках на территории Верхнего Салтова в 1948 году // Архив Института археологии НАН Украины. 1948/6. Ф. е. № 807. 27 с.
48. Семенов-Зусер С.А. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 1. К.: Наукова думка, 1949. С. 112-137.
49. Семенов-Зусер С.А. Дослідження Салтівського могильника // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 3. К.: Наукова думка, 1952. С. 271-284.
50. Сміленко А.Т. Дослідження посаду городища Верхній Салтів // Середні віки на Україні. Вип. 1 / відповід. ред Ф.П. Шевченко. К.: Наукова думка, 1971. С. 147-157.
51. Федоров Д.В. Кочетокская охранный археологическая экспедиция 1059-1961 гг. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2012. № 1005: Серія «Історія». Вип. 45. С. 33-43.
52. Федоровский А.С. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII-X вв. // Вестник ХИФО. Вып. 3. Харьков, 1913. С. 1-15.
53. Флёрв В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.
54. Чернігова Н.В. Бабенко В.О. та дослідження археологічного комплексу в с. Верхній Салтів // Археологія. 2000. № 4. С. 116-120.
55. Хоружа М.В. Дослідження салтівських пам'яток на Харківщині у другій половині 40 - 50-х рр. XX ст. // Восьмі Сумцовські читання. Збірник матеріалів наукової конференції, присвяченої 100-річчю XII Археологічного з'їзду. Харків: Вид-во ХНАДУ, 2003. С. 25-28.
56. Хоружая М.В. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 2004 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время / гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 259-294.
57. Хоружая М.В. Ямные захоронения Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка / гол. ред. В.В. Отрощенко. Луганськ: Шлях, 2012. С. 429-436.
58. Хоружая М.В. Захоронения в ямах с подбоем Верхне-Салтовского катакомбного могильника (по материалам раскопок 1984-2012 гг.) // Древности 2013. Харьков: ООО «НТМТ», 2013. С. 211-224.
59. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков: Вища школа, 1962. 403 с.
60. Шрамко Б.А. Из истории первых послевоенных археологических раскопок (воспоминания) // Українська історична наука на порозі XXI ст. Вип. 2. Харків: Авеста, 1996. С. 145.

Обработка и использование костей мамонта на стоянке Гонцы (Полтавская область, Украина) из раскопок 1970-80-х гг.¹

Аннотация. В предлагаемой работе будут представлены результаты исследования остеологической коллекции, технологии изготовления, морфологии и следов использования изделий из костей и бивня мамонта, происходящих из раскопок верхнепалеолитического поселения Гонцы, проведенных под руководством В.Я. Сергина в 1977-1985 гг. В культурном отношении стоянка входит в группу памятников среднеднепровского типа и датируется в пределах от 14 -15 тыс. лет. По технологии обработки кости Гонцовское поселение наиболее близко к Межиричу. На обоих памятниках в костяной индустрии преобладает использование костей мамонта. В работе отмечается использование костяного материала разного качества, в том числе собранного с мест естественных захоронений.

Ключевые слова. Верхний палеолит Русской равнины; технология обработки кости, бивня мамонта и рога; трасологический анализ костяных изделий.

Abstract. The results of the studies of the manufacturing technology, morphology, and use-wear traces of the worked bone and worked mammoth ivory from Upper Paleolithic settlement Gonzy (Ukraine) are present in the publication. The materials was obtained by the excavation 1977-1985, the team leded V.J. Sergin (Archeological Institute RAS, Moscow). In the cultural aspect, this sites included in the group of archeological sites of Middle Dnieper type and dates ranging from 14 -15 BP. In worked bone the Gonzy similar to the Mezhyrich site. In the bone industry of the both sites mammoth bones dominated and ivory. The materials allow seeing the use of bone material of different quality, including collected from a natural burial.

Key words. Upper Paleolithic of the Russian Plain; worked bone, ivory and reindeer antler, use-wear analysis of bone artifacts.

Введение

Данная работа посвящена памятнику с так называемым «мамонтовым хозяйством», который находится в Украине, в селе Гонцы Полтавской области. Стоянка Гонцы открыта Г.С. Кирияковым в 1871 году и исследовалась Ф.И. Каминским в 1873 г. В культурном отношении она входит в группу памятников среднеднепровского типа и датируется в пределах от $14\ 110 \pm 120$ до $14\ 670 \pm 110$ BP (Радиоуглеродная хронология палеолита ... 1997; Yakovleva, Djinjian, 2005; Iakovleva et al., 2012; Iakovleva, 2015).

Собранная здесь остеологическая коллекция разнообразна. Представлены остатки следующих видов млекопитающих: сурок (*Marmota* sp.), заяц (*Lepus* sp.), волк (*Canis lupus*), бурый медведь (*Ursus arctos*), пещерный лев (*Panthera spelae*), песец (*Alopex lagopus*), шерстистый мамонт (*Mammuthus primigenius*), шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis*), северный олень (*Rangifer tarandus*), первобытный бизон (*Bison priscus*) овцебык (*Ovibos moschatus*).

Для костей мамонта собранных при раскопках 70-80-х годов отмечается их выветренность, что не исключает их сбора из естественного местонахождения (Ахметгалеева и др., 2014). Нас заинтересовала значимость костей и бивней мамонта в костяной индустрии, как и качество собирательного материала для поделочных работ.

В работе *обобщены* результаты исследования тафономических особенностей, технологии изготовления, морфологии и следов использования изделий из костей и бивня мамонта, происходящих

© Ахметгалеева Н.Б., Мащенко Е.Н., 2016

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ 14-21-17003 «а(м)» (Н. Ахметгалеева) и грантов РФФИ 11-04-00933-а и 12-06-00375-а (Е. Мащенко). Авторы статьи выражают огромную благодарность д.и.н. В.Я. Сергину за возможность работы с коллекцией стоянки.

из раскопок, проведенных под руководством В.Я. Сергина в 1977-1985 гг. Дополнительно рассмотрены особенности его использования и обработки в сравнении с остальными видами костяного сырья на данной стоянке.

Культурные остатки приурочены к мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Удай, притока р. Сулы, впадающей в Днепр. На месте работ 1977-1985 гг., где собрана рассматриваемая коллекция, культурные остатки залежали в желто-серой (палевой) лессовидной породе на глубине до 2,5 м.

В культурном отношении стоянка входит в группу памятников среднеднепровского типа и датируется в пределах от 14 -15 тыс. лет. По технологии обработки кости Гонцовское поселение наиболее близко к Межиричу (Ахметгалиева и др., 2014). Использование в костяной индустрии костей мамонта преобладает. Коллекция обработанной кости включает все этапы обработки кости /бивня: готовые изделия, заготовки, отходы производства. Это позволяет реконструировать ряд технологических последовательностей изготовления.

Материал и методика. В работе используется принятая в российском палеолитоведении терминология, основанная на морфологии предметов. Технологический анализ обработанной кости и функциональное изучение проводилось Н.Б. Ахметгалиевой на основе образцов Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН г. Санкт-Петербурга (Семёнов, 1952, 1957; Семёнов, Коробкова, 1983, Филиппов, 1977, 1983; Коробкова, Шаровская, 2001) и собственных опытов. Так же был учтён опыт российских специалистов, изучавших обработанную кость эпохи палеолита (Герасимов, 1941; Гвоздовер, 1953, 1985; Грехова, 1977; Gwozdover, 1995; Григорьева, 1997; Хлопачёв, 2006 и др.) и результаты экспериментальных работ с бивнем мамонта Е.Ю. Гири (Гиря, 2002; Гиря, Хлопачёв, 2006).

Видовое определение костей млекопитающих проводилось Е.Н. Машенко по стандартной методике сравнения морфологии костей млекопитающих.

В работе также приведены некоторые совместные археозоологические и тафономические наблюдения авторов.

Данные по тафономии и археозоологии

Остатки шерстистого мамонта преобладают в Гонцах и составляют более 90% от количества всех собранных на стоянке костей млекопитающих (Yakovleva, Djinjian, 2005). Общее количество изученных костей – 170 экз. Неопределённых (фрагментов) – 21 экз.

Сохранность костей мамонта различается. Она зависит от местонахождения кости (в культурном слое, в объекте и т.п.), степени ее утилизации и обработки, и от характера собранного сырья. Сохранность всех костных остатков, залежавших на дне ям, как правило, лучше. Выветренность поверхности костей проявляется в наличии мелких и крупных продольных трещин с неровными краями, в отслаивании наружной части компактного слоя кости. Кости и их фрагменты окрашены в разные оттенки коричневого цвета. Белый цвет некоторых изделий из кости и бивня мамонта характерен для высокой степени выветренности. На поверхности поделок фиксируются участки деформаций, возникшие в результате естественного расслоения бивня мамонта по конусам роста. На поверхности части костей и изделий из них имеются тёмно-бурые пятна, связанные, предположительно, с оседанием окислов марганца или, возможно, других природных соединений металлов. Фиксируются следы корнеходов, воздействия почвенных кислот и других химически активных соединений, имеющих во вмещающем слое.

Среди изломов на костях мамонта фиксируются, как изломы свежей кости, так и изломы кости в «сухом» состоянии. Рёбра мамонта, выветренные в меньшей степени, имеют следы выскабливания поверхности при удалении надкостницы. И, наоборот, более выветренные фрагменты не имеют подобных следов. Разница в сохранности касается не только остеологического материала, но и изделий. На наш взгляд, разница в выветренности сырья, не связанная с разной локализацией предмета в слое, может указывать на его сбор с мест естественных захоронений. Таким образом, для обработки использовались не только свежие, но и собранные кости мамонта, как и трещиноватое сырьё из бивня мамонта.

Технико-морфологический и трассологический анализ обработанной кости и бивня мамонта

Обработка рёбер. Данный вид сырья в коллекции обработанной кости преобладает.

Предметы из рёбер мамонта представлены как заготовками и отходами (14 экз.), так и готовыми изделиями (10 экз.). Использовались два базовых типа заготовок для поделок. Это пластина, выделенная при поперечном расчленении ребра, и пластина, полученная в результате продольного расщепления ребра. В обоих случаях использовалась дистальная и средняя части, и обе могли быть получены из одной кости. Их размеры колеблются от 8 до 22 см, что соответствует большинству представленных в коллекции изделий.

Технологическая последовательность получения заготовок из *продольно расщеплённых ребер*: Сначала происходило отламывание/откалывание одного или обоих концов ребра. В некоторых случаях разламывание могло производиться по пазу, вырезанному углом проксимальной части пластины из кремня. Затем производилась серия ударов по продольным осям боковой кромки. Не исключено использование при этом посредника. Далее начинался процесс извлечения пластины, для чего ребро разрывали на части, вероятно, используя клинья по мере необходимости. В завершении полученная основа делилась поперечно. При этом применялась техника поперечного **резания-пиления** (Ахметгалеева и др., 2014). Первые движения, соответствующие обозначенной технике, производились не боковым лезвием, как и при типичном пилении, а углом проксимальной части каменного орудия. Далее шли возвратно-поступательные движения.

Рассмотрим гонцовский вариант *продольного расщепления* на примере фрагмента *ребра* взрослого мамонта длиной 47,0 см с обломанной головкой со следами последовательного продольного раскалывания (рис. 1: 7). Дистальный конец обломан в современности. Удары вдоль продольной оси боковой кромки наносились с обеих боковых поверхностей ребра. Кромки изломов выемчатые, зубчики идут друг от друга на расстоянии 2-5 см.

При получении *пластины из целого ребра* учитывался характер будущего орудия (рис. 2: 2). В первую очередь отчленялся проксимальный конец. Обычно он обламывался (иногда по надрезу) или откалывался, если ребро было небольших размеров. В *медиальной части* ребра излом обычно проходил по линии резания-пиления кости по её окружности или половине её окружности. Линия спила во всех случаях была ровная, количество побочных следов минимально, плоскость излома ровная. При получении двух заготовок из одного ребра, надрез мог располагаться близко к концу дистальной части. Извлечение средних частей *рёбер* было ориентировано, к примеру, на изготовление изделий фигурной формы.

Изделия из *рёбер* мамонта

В коллекции представлено три *землекопных орудия*.

Первое представляет собой среднюю часть ребра взрослого мамонта (рис. 2: 1А) длиной 9,3 см, шириной 2,9 см и толщиной компактного слоя 0,5 – 0,7 см. С проксимального края кость обломана, отсутствует продольный фрагмент (современные изломы). На дистальном конце было преднамеренно, с помощью строгания, оформлено скошенное относительно продольной оси изделия рабочее лезвие. Подправленный край имеет слегка вытянутую совковидную форму. На рабочем лезвии есть следы его использования в качестве землекопного орудия: рабочая поверхность истёрта. Следы износа указывают на копание – сгребание абразивного сухого материала, например, супесчаного грунта.

Второе изделие выполнено из дистальной части ребра мамонта (рис. 2: 1С). Его длина 48,0 см. Откола проксимальная часть ребра от уровня реберного бугра. Дистальный конец подправлен для придания лопатковидной формы и истёрт. Заполировка не сформировалась. Предположительная функция – копание сухого супесчаного грунта.

Третье изделие выполнено из проксимальной части ребра взрослого (рис. 2: 1В). Длина – 20,5 см, поперечные диаметры – 3,0 x 2,0 см. Проксимальный конец ребра с головкой обломан. Дистальный конец обломан по неглубокому поперечному надрезу. Противоположные кромки обоих концов истёрты. Рассматривается кратковременный износ по абразивному грунту (копание супесчаного материала).

Острия. В коллекции имеется два острия, изготовленные из *рёбер* мамонта.

Первое острие из дистальной части ребра имеет длину 17,9 (рис. 3: 1). Форма поперечного сечения полукруглая от 1,15 см до 2,45 см в диаметре. С проксимального конца ребро обломано после предварительного поперечного пиления-резания. Дистальная часть заострена. Поверхность участка ребра длиной 6 см от кончика острия слегка заглажена и пигментирована (окислы марганца?). В центральной части тела ребра, вдоль реберной борозды есть группа поперечных нарезок длиной 0,8 см. На поверхности сохранились еле уловимые следы выскабливания кости, особенно ближе к острому концу. Кончик острия данного орудия скруглён и стёрт. Сохранились заусенцы от проникновения в контактный материал. На расстоянии 3,5 см от кончика заметны жирная заполировка и многочисленные длинные продольные и поперечные короткие царапины. Наблюдается воздействие на предмет одновременно разных контактных материалов. Возможно использование предмета как колышка для растяжки шкур (?).

Второе острие из сильно выветренного ребра мамонта сделано из крупного фрагмента дистальной части (рис. 3: 2). Длина его 33,8 см, максимальный поперечный диаметр – 3,4 см. Заготовка из продольно расщеплённого ребра была дополнительно расколота продольно одним сильным ударом. Проксимальный конец неровно обломан по надрезу. Острие заглажено и сильно истёрто в ре-

зультате использования. Технологические следы изготовления отсутствуют. Торец острия покрыт поверхностной, матовой, рассеивающейся заполировкой. Протяжённость этой зоны износа достигает 4 см. Возможно, что этот фрагмент ребра так же служил колышком или клином. Хорошо сформировавшаяся заполировка указывает на контакт с талым грунтом или снегом.

Изделия с нарезками. Выделено два изделия с нарезками из рёбер мамонта.

Первое выполнено из дистальной части ребра взрослой особи (рис. 4: 3). Его длина – 15,3 см, размеры поперечных сечений – 2,9 см и 0,8 см. На поверхности фиксируются следы выскабливания. Оба конца ребра отпилены. На внутренней поверхности ребра есть серия из 7 поперечных надпилы длиной около 0,9 см. Первый надпил расположен на расстоянии 3 см от отпиленного конца, далее следуют остальные с интервалом 0,8 - 1,0 см.

Второе изделие выполнено с применением аналогичных технических приемов (рис. 4: 4). Для него использована пластина, полученная из медиальной части ребра мамонта. Длина предмета 8,35 см, поперечные диаметры – 2,3 и 1,3 см. На внешней поверхности расположено 6 нарезок. Три линии расположены в центральной части на расстоянии 0,4 см друг от друга. Следующая прорезана на расстоянии 1 см справа, далее следуют ещё две на расстоянии 0,9 см и 0,2 см. Обе боковые грани ребра покрыты насечками, которые группируются по две. Семь пар с одной стороны, четыре – с другой. Они располагаются симметрично напротив друг друга. Насечки выполнены боковой кромкой кремнёвого орудия. Вдоль внутренней поверхности ребра с края видна полоса заполировки шириной около 0,5 см, захватывающая торцовую плоскость (рис. 4: 3А). Вероятная функция – лощение кожи.

Фигурные изделия неясного предназначения из рёбер мамонта.

Первое изделие изготовлено из поперечно вычлененной пластины ребра мамонта (рис. 5: 1). Его размеры: 10,9 x 2,15 x 0,9 см. Концы пластины отпилены. С другого конца обе грани ребра симметрично срезаны на длину до 6 см. Следов износа нет.

Второе изделие выполнено из дистальной части ребра мамонта и имеет размеры 18,4 x 2,1 x 1,0 см (рис. 5: 2). Проксимальная часть ребра аккуратно отпилена по окружности кости. Дистальная часть ребра в технике «скобления с нажимом» оформлена в фигурную часть – «головку». Следов износа нет.

Скребок. Для этого орудия основой послужил скол ребра мамонта (рис. 1: 1). Более вероятно, что это продукт поперечного раскола крупного ребра. Размеры изделия: 6,1 x 3,0 x 1,9 см. Дугообразная кромка осколка сглажена и скруглена с переходом на спинку. Угол между внешней поверхностью кости и поверхностью брюшка в рабочей части около 40°. Характер фиксируемых изменений кости предполагает кратковременное использование предмета как скребка/грабалки.

Обработка и использование длинных костей конечностей мамонта

В коллекции представлены фрагменты длинных костей, которые указывают на их преднамеренное раскалывание. Из них четыре предмета имеют следы их дальнейшего использования.

Остроконечный предмет (рис. 5: 6) выполнен из преднамеренно полученного продольного скола стенки диафиза длинной кости мамонта. Его длина 18,2 см, ширина 4,05 см. Внутренняя поверхность обработана скользящими движениями. Острый кончик скруглён и истёрт на торце, фиксируются выбоинки, линейные следы идут продольно оси изделия. На расстоянии 2,2 см от кончика, на гранях фрагмента, фиксируется участки с заглаженностью и поперечные микро царапины. Следы износа указывают на возможное использование в качестве клина-колышка для растяжки шкур. Внешняя поверхность изделия покрыта поперечными глубокими (до 0,2 см) бороздами шириной около 0,3 см. Вероятно, что это повреждения биотического характера, возникшие до раскалывания кости.

Второй предмет известен в научной литературе под названием «*чашка-светильник*» (рис. 1: 3). Это фрагмент проксимального эпифиза правой плечевой кости взрослой особи. Судя по повреждениям, можно предположить его преднамеренное отделение от диафиза, что было сопряжено с определенными трудностями из-за полного прирастания эпифиза и облитерации эпифизарного шва. На губчатой массе видны следы обжига. «Чашки-светильники» из верхних эпифизов головок бедренных костей мамонта, специально отбитых в древности, были описаны И.Г. Пидопличко (1976) в Межириче. И.Г. Пидопличко тогда же выдвинул предположение, основанное на экспериментальных работах, о функциональности данных предметов.

Два предмета выделены исключительно на основании присутствия на них *следов износа*. Это сильно выветренный и эродированный *фрагмент стенки диафиза плечевой кости* мамонта длиной 12,8 см (рис. 5: 3) *совковидной формы*. На внешней поверхности сохранились выбоины. Сильнее истёрта и эродирована внутренняя поверхность фрагмента в направлении от суженного конца. Данные следы имеют характер износа по абразивному, возможно, полужидкому материалу. Поэтому нельзя исключать использование фрагмента в качестве орудия. Но изменения могли быть и тафономического характера.

Четвёртый фрагмент – это преднамеренно *расколота* стенка *диафиза* *длинной кости* крупного млекопитающего размерами 10 x 2,8 см (рис. 5: 4). Он имеет на внешней поверхности вмятины неясного происхождения. С одной стороны расположены выбоины от использования в качестве подставки. Древние изломы свежей кости слегка эродированы от пребывания в грунте.

Использование костей черепа, таза и лопатки. Имеющиеся в данной коллекции материалы позволяют судить об использовании только некрупных фрагментов этих костей. Они являются *приспособлениями для каких-то видов хозяйственной деятельности или представляют собой остатки орудий*. Их пять экземпляров.

На поверхности фрагмента заднего края лопатки длиной 8,2 см расположены две овальных истёртых вогнутых зоны со следами износа от выбивания или растирания (?) какого-то материала (рис. 1: 6). На обратной стороне фиксируется истёртость с линейными следами и царапинками в продольном направлении. Более острый конец фрагмента немного скруглён из-за того, что с этого края был обрезан. На поверхности фиксируются следы окатанности, эрозии, выветренности.

Второй фрагмент плоской (?) кости с износом сильно отличается по степени фоссилизации от других костей коллекции (рис. 1: 5). Имеет выраженное рабочее лезвие. Длина предмета – 4,3 см. Максимальная ширина рабочего лезвия 2,6 см, толщина 0,7-0,9 см. С более узкого края фрагмент обломан в древности. С другого края кромки более ровные и немного скругленные. Возможно, с этого края в древности он был обрезан. Внутренняя поверхность фрагмента эродирована, истерта. Вдоль обрезанного края фиксируется полоса матовой, поверхностной, истирающей заполировки шириной около 1,3 см. Торец заполировкой не затронут. Линейные следы продольны по отношению к оси изделия. На выпуклых участках заполировка сформирована лучше, но она проникает и на вогнутые участки. Можно предположить использование данного фрагмента при растирании умеренно-мягкого материала (грунт?). Следует отметить, что на поверхности кости зафиксированы также небольшие выбоины. Заполировка по отношению к ним вторична. Во время образования выбоин кость могла быть немного размягченной. Выражена полифункциональность предмета. Видимо, фрагмент или кость до её откалывания использовались и для иных целей, например в качестве подставки при работе.

Два следующих предмета являются частями от черепа взрослой особи мамонта. В одной яме были обнаружены и левый, и правый обломки альвеолярного отростка верхней челюсти, формирующие снизу альвеолу постоянного бивня взрослой некрупной особи мамонта (рис. 2: 4). Оба фрагмента были отделены от черепа преднамеренно. Изломы кости показывают слом сухой (лежалой) кости. На поверхности левого фрагмента есть длинные беспорядочно пересекающиеся нарезки на расстоянии друг от друга 0,3 – 0,5 см. Они произведены боковым лезвием каменного орудия, вероятно, в результате использования кости в качестве подставки. Обе кости выветрены в равной степени, и их отбор, помещение в яму не был случайным.

Обработка бивня мамонта

Предметов 9 экз. из обработанного бивня мамонта. По ним можно охарактеризовать ряд технологических приёмов обработки бивня в Гонцах.

В коллекции присутствуют *три продольно расщеплённых бивня* взрослых особей. Они представляют собой альвеолярную, концевую и среднюю части бивней. Нахождение расщеплённых естественным путём бивней в жилом комплексе не исключает их *преднамеренный* отбор.

Самый крупный фрагмент продольно расколотого бивня мамонта длиной 65 см, максимальный диаметр бивня 9,5 см (рис. 3: 5). Он составляет приблизительно половину от общего объема от продольного расколотого бивня. Боковые кромки бивня выкрошены.

На плоскости продольного излома альвеолярной части бивня длиной 39,5 см и максимального диаметра 6 см (рис. 3: 3) наблюдаются следы в виде тонких волокнистых линий, которые расходятся от пульпарной полости к краям расколовшегося бивня, что означает естественный продольный разрыв бивня вследствие потери влаги при низких температурах.

Третий фрагмент длиной около 33 см (рис. 3: 4). На одной боковой кромке бивня есть выкрошенность, царапины и выломы (следы применения клина?).

Практически у всех фрагментов бивней, наблюдается расслоение по конусам нарастания вещества бивня. Подобное расслоение характерно при быстром высыхании бивня и при разложении (окислении кислородом воздуха) органической компоненты, входящей в состав вещества бивня. Но это могло произойти и после их первичного расщепления. К сожалению, на бивнях фиксируются современные и «сухие» изломы концов, поэтому детали техники поперечного расщепления не ясны.

О знании техники поперечного членения бивня с использованием рубящих ударов свидетельствует *заготовка цилиндрической формы* из средней (не альвеолярной) части бивня взрослого мамонта (рис. 1: 4). Её длина – 16,5 см, диаметр 2,45 см, один конец заужен. Использован продукт есте-

ственного расщепления бивня. С одной стороны серией рубящих ударов был создан широкий и глубокий, круговой паз, формирующий конусовидную плоскость излома. По нему бивень был обломан. С другого конца следов подготовки разлома нет, негатив разлома скошенный. На поверхности заготовки сохранились следы скобления и остатки глубокого паза, которые указывают на извлечении более узкого стержня из той части, которая была отчленена от фрагмента.

Сохранилась **стержневидная заготовка для наконечника** из бивня мамонта длиной 19,2 см, шириной 0,75, диаметром 1,2 x 0,8 см (рис. 5: 5). В сечении она в нижней и центральной части овальная, ближе к острию трапецевидная, округлая у кончика. Узкая и длинная заготовка была получена с помощью вырезания параллельных продольных пазов (double grooves) глубиной до 1 см из более крупной плоской заготовки. Расстояние между пазами достигает 0,8 см в начале работы и 0,5 см в конце после вынужденного расширения. Участки нижней грани являются поверхностью отслоившегося кольцевого слоя. Если учесть то, что нижняя грань шире, а на зауженном участке она чуть превышает ширину паза, вероятней видится использование в качестве заготовки продукта расслоения бивня. Сохранились следы скобления-строгания, формирующие округлость сечения. С одного края заготовка сужена, здесь мы наблюдаем стадию формирования острия. Изломы концов – древние изломы бивневой основы.

Стержневидный фрагмент из бивня мамонта длиной 4,15 см, максимальным диаметром 0,9 см (рис. 1: 2) свидетельствует об ещё одном технологическом приеме при изготовлении острий. С обоих концов фрагмент обломан, толстый конец сохранил древний излом, образовавшийся при скалывании заготовки. Поперечное сечение предмета сохраняет её форму. На поверхности заметны следы строгания. На некоторых участках поверхность выскоблена до блеска. Около суженного кончика имеются резкие заломы, оставшиеся от его скобления от кончика к основанию. Обычно подобные заломы остаются тогда, когда остриё формируется в технике «скобления с нажимом», в ходе которой на определённом участке заготовка сужается и обламывается (Ledosseur, 2003). Остриё дорабатывается из того фрагмента, на котором скобление направлено от основания к узкой части. В данном случае мы наблюдаем противоположный фрагмент. Нижняя грань кости представляет собой поверхность отслоившегося кольцевого слоя, что подтверждает использование трещиноватого сырья.

В коллекции представлено **два острия**. Первое остриё выстругано из продольной стержневидной заготовки (рис. 4: 1). Его длина – 5,9 см, максимальный диаметр (в средней части) 0,4 см. Кончик острия сужен равномерно от центра, основание слегка уплощено, сужено и немного обломано в наше время. Кончик острия имеет овальную форму, но сформировавшейся заполировки на нем нет, как и следов преднамеренной абразивной обработки. Экспериментальные работы показали, что округлиться кончик острия мог только при проникновении в контактный материал. В данном случае его установить невозможно, так как использование было кратковременным и не сформировало выразительных следов износа. Обычно аналогичные предметы исследователями относятся к *коротким наконечникам*, некоторые исследователи используют термин «стрелка».

Второе остриё (заготовка?) длиной 2,9 см и максимальным диаметром 0,35 см выстругано из продольной стержневидной заготовки (рис. 4: 2). Кончик острия и основания обломаны. Поверхность не заглажена, и следы строгания сохранились. Есть продольная нарезка технологического происхождения.

Ещё один интересный предмет, имеющий аналог и в материалах поселений среднеднепровского типа, известен в палеолитоведении как **«нож»**. Он выполнен из поперечного отщепы бивня мамонта (рис. 2: 3). Изделие имеет форму вытянутого изогнутого овала размерами 18,5 x 3,7 x 0,8 см, что соответствует типичным параметрам, но, в отличие от материалов Супонево и Елисеевичей I (Хлопачёв, 2006), в качестве заготовки использована отслоившаяся дистальная, а не проксимальная часть поперечного отщепы. Поверхностный слой дентина не обработан и сохраняет естественную выпуклость, внутренняя поверхность слегка вогнута. Она, как и края изделия, подработана путем скобления – строгания. В 1 см от дугообразной нижней кромки изделие имеет наибольшую толщину. В средней части дугообразной скругленной кромки сохранились следы износа. Центральная часть противоположной кромки немного сглажена. Торец смят, есть микрофасетки, микроцарапины, сохранились мелкие пятна зеркальной заполировки. Предположительно, изделие могло использоваться как скобель по твёрдому материалу (растительного происхождения?). Но наличие сильной смятости вещества бивня не исключает предваряющих скобление каких-либо ударных воздействий.

Экспериментальные наблюдения и сопоставление их с данными по тафономии и археозоологии.

Наблюдения за бивнем мамонта в условиях климата Северо-востока Азии, показывают, что трещиноватость на частях бивня, выступающих из вмещающих пород, появляется в течение одного

сезона. Разрушение бивня по конусам нарастания, при его полном экспонировании на поверхности происходит в течение 3-4 сезонов. Расслоившиеся фрагменты остаются пригодными для резьбы по кости с применением современных методов химической консервации.

Н.Б. Ахметгалеевой была проведена серия опытов по возможности качественного использования орудий изготовленных из размороженного бивня мамонта. После размораживания бивень находился при комнатной температуре, вследствие чего началось его расслоение по конусам роста. Данное расслоение было использовано при изготовлении изделий. Изготовление реплик происходило, как через 2 недели после размораживания (расслоение ещё не было выражено), так и по прошествии 1-10 лет.

Интересные результаты получены при прокалывании с небольшим проворотом той же шкуры морского котика тонким остриём из бивня мамонта. При изготовлении использовалось сырьё на начальной стадии возникновения трещин по конусам роста. Было сделано около 150 отверстий. Но уже при первых прокалываниях стало видно, что данный вид шкуры слишком прочен для этого острья. Слоистая структура бивня способствовала тому, что кончик изделия расщепился, что мы иногда наблюдаем и на археологических материалах (рис. 6: 8). В той же функции был использован четырёхгранный в сечении осколок бивня без предварительной обработки. Было совершено в течение 3 лет с перерывами более 250 прокалываний. Заполировка сформировалась хорошо. Было заметно, что кончик острья был на первых стадиях сначала смят, а затем полностью сглажен.

Ещё два острья из бивня мамонта, сделанные в 2007 году были удачно использованы при проталкивании кожаной шнуровки в кожу в 2010 гг. (рис. 6: 6). Кончики острий в результате были сглажены и покрылись «шкурной» заполировкой. Зона износа при данной функции *более ограничена* и имеет *большую выраженность с одной грани* кончика острья.

Был проведён эксперимент по использованию крупного совка из пластины бивня мамонта, вычлененной по конусам роста из трещиноватого сырья в 2006 году и без дополнительной обработки (рис. 6: 4, 7). Работы данным предметом производились при копании лёссовидного суглинка в раскопе стоянки Быки-7 (Посеймье) в 2007-2008 гг. Рабочее лезвие претерпело соответствующие данной кинематике изменения. Пятна заполировки покрыли выступающие участки на торце и углах рабочего лезвия, которые в свою очередь скруглились. В сравнении с этим инструментом, на изготовленной лопаточке из бивня мамонта для расчистки артефактов в раскопе скругление кромок и следы износа оказались более заметными (рис. 6: 5).

Была также выполнена серия работ изделиями из бивня мамонта, показавшая саму возможность резания и снятия свежей коры деревьев бивневыми ножами и скребками (рис. 6: 1-3), а острьями – проделывания в свежем дереве отверстий. Так, при прокалывании отверстий в крупной ветке дерева остриём диаметром 0,7 см, его кончик не мялся, а был сглажен и сужен (рис. 6: 9). Заполировка сформировалась яркая, сжимающая поверхностный слой изделия в рабочей зоне. От давления образовались трещинки по «конусам роста» бивня. Рассеивание заполировки выражено более слабо, чем в случаях со шкурной заполировкой.

Результаты работ показали полную работоспособность предметов из трещиноватого сырья. И до сих пор изделия, выполненные из данного вида сырья в 2006-2008 годах, работают в разных функциях безотказно. Обратим внимание, что речь идёт об изделиях, толщина которых не превосходит 1.0-2.0 см. С тех пор сами орудия не претерпели никаких изменений в тафономическом плане, дальнейшее расслоение бивня не происходит.

Заключение

Несмотря на относительно небольшой объем изученной коллекции костяных изделий Гонцовского поселения, она оказывается достаточно информативной.

В качестве сырья в рамках всех коллекции преобладают ребра мамонта, практически наравне с длинными костями конечностей песца и зайца. Такой выбор в некоторой степени может быть обусловлен особенностями исследованного участка, имеющего главным образом бытовое назначение. Использование других видов костей и бивня мамонта единично, но разнообразно, что подтверждает возможную функциональную выборочность коллекции изучаемых участков. В то же время мы наблюдаем выборочность в использовании частей скелета для производства тех или других видов орудий. В целом же следует отметить, что в качестве поделочного материала кость/бивень мамонта превалирует в данной коллекции (58%).

В качестве основных приёмов обработки кости и бивня мамонта зафиксированы все известные техники, отмеченные по обработке других видов сырья на данном памятнике (табл. 1). Практически одинаково используются заготовки, полученные в результате сложной модификации первоначальной формы кости, и небольшая подработка естественной формы. Широко употребляются в каче-

стве орудий продукты раскалывания. Так же отмечено широкое использование костей мамонта в качестве различного вида приспособлений, что не наблюдается по отношению ко всем другим видам костного сырья. С другой стороны, данный вид использования костей не требует отличной сохранности самого сырья. Интересно, что в коллекции обработанной кости данные предметы имеют большую степень выветренности.

Технологический и трасологический анализ костяных орудий указывает на широкий спектр выполняемых действий и на осуществление косторезного производства непосредственно в жилой зоне поселения. Если в целом в коллекции кости преобладают орудия, связанные с обработкой и скреплением кож-шкур (Ахметгалеева и др., 2014), но что касается предметов из костей/бивня мамонта, то среди них большая доля изделий, контактировавших с грунтом.

На основе данного исследования по материалам поселения Гонцы можно говорить о том, что человек использовал не только сырьё, полученное в результате охоты на разные виды животных, но и в результате собирательства. И предметы, выполненные из собранных костей/бивней мамонта, были не только конкурентно способны по отношению к свежему сырью, но и играли большую роль в хозяйственной жизни человека.

Таблица 1 – Обработанная кость участка раскопа 1977-1985 гг. стоянки Гонцы

№	Наименование сырья	Заготовки/ отходы производ- ства	Изделия	Технологические приёмы Обработки
1.	Кости мамонта: рёбра длинные трубчатые плоские черепные	14	10 4 2 2	Скобление, скобление с нажимом поперечное резание-пиление продольное и поперечное раска- лывание
2	Бивень мамонта	6	3	Скобление, строгание, скобление с нажимом, продольное вырезание пазов (включая двойные), продольное и поперечное раскалывание, подру- бание паза по окружности
	Итого	20	21	
3	Длинные кости конечностей мелких млекопитающих (заяц, песец, птицы)	12	10	Поперечное пиление, поперечное резание, продольное резание, в том числе создание «двойного» паза, строгание, скобление, пробивание отверстий
4	Длинные кости парнопалых млекопитающих	2	-	Продольное раскалывание, продольное резание
5	Зубы бизона	-	2	Поперечное пиление
6	Рог северного оленя	2	2	подрубание паза по окружности, поперечное резание, продольное резание в том числе создание «двойного» паза, скоб- ление
	Итого:	16	14	

Рис. 1. 1 – скребок из продольно расколотого ребра взрослого мамонта: *A* – рабочая зона; 2 – отход от производства острия из бивня мамонта; 3 – «светильник»; 4 – цилиндрическая заготовка из бивня мамонта; 5 – фрагмент плоской кости с износом: *a* – следы износа, *b* – выбоинки; 6 – фрагмент плоской кости с износом; 7 – фрагмент ребра мамонта с обработкой

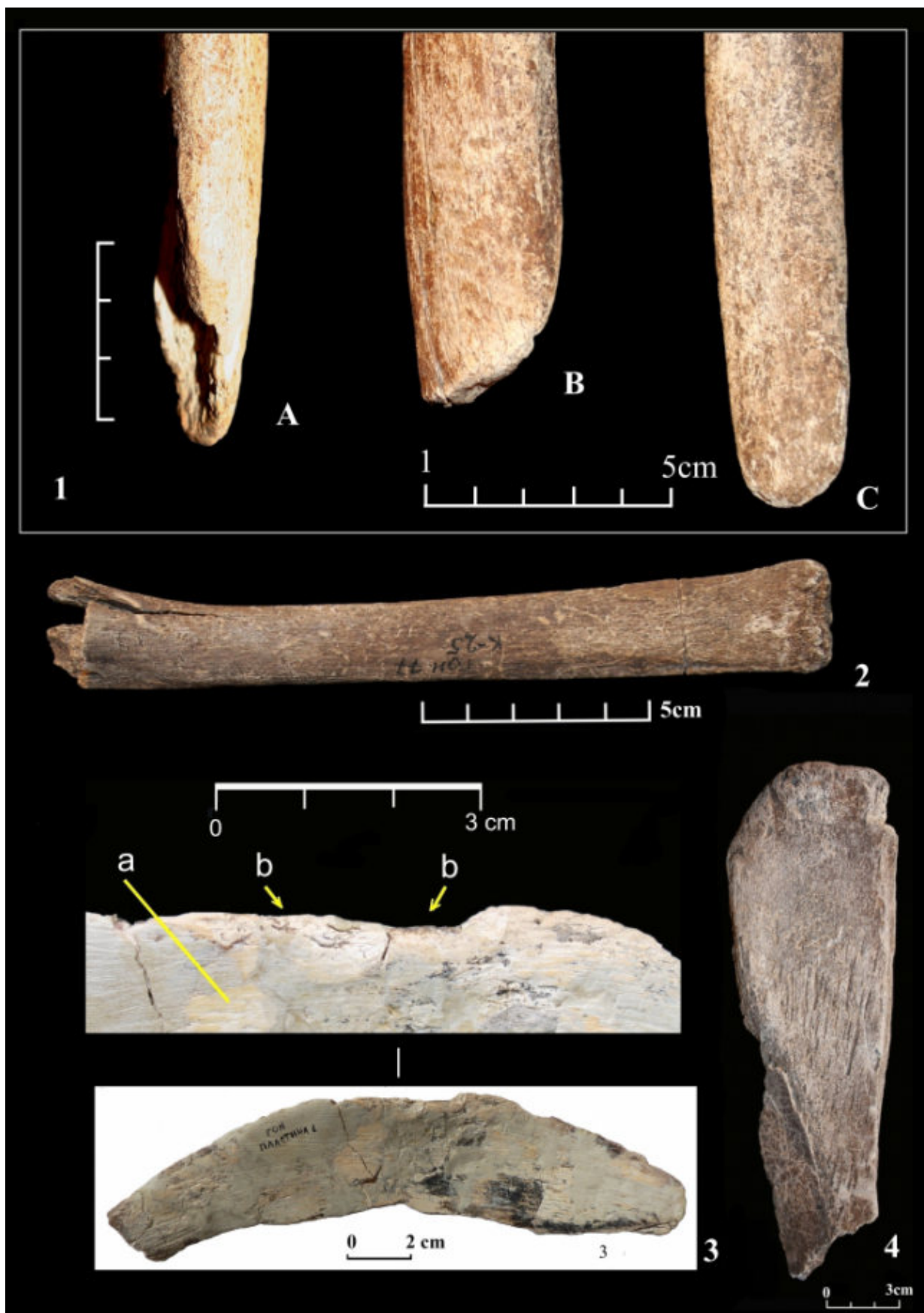

Рис. 2. 1 – различия в степени износа и тафономических изменениях на концевых частях ребер.
A – фрагмент ребра без следов износа; *B* – двусторонняя землекопалка; *C* – землекопалка;
 2 – пластина из дистальной части ребра детеныша мамонта; 3 – «нож» из отщепа бивня мамонта:
a – следы скобления поверхности, *б* – следы износа; 4 – фрагмент альвеолярного
 отростка черепа мамонта

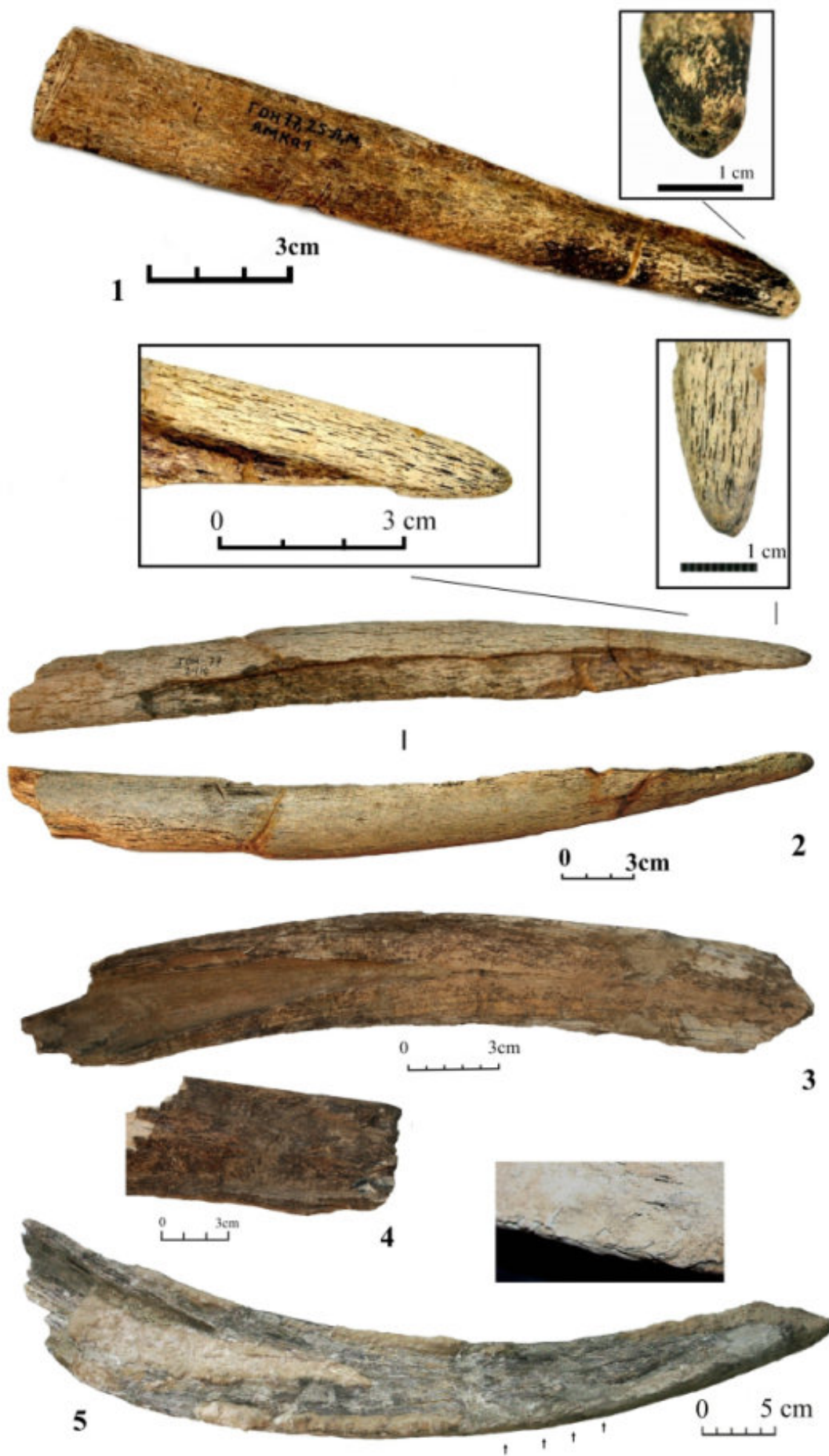

Рис. 3. 1,2 – острия из рёбер мамонта; 3–5 – продольно расколотые бивни мамонта

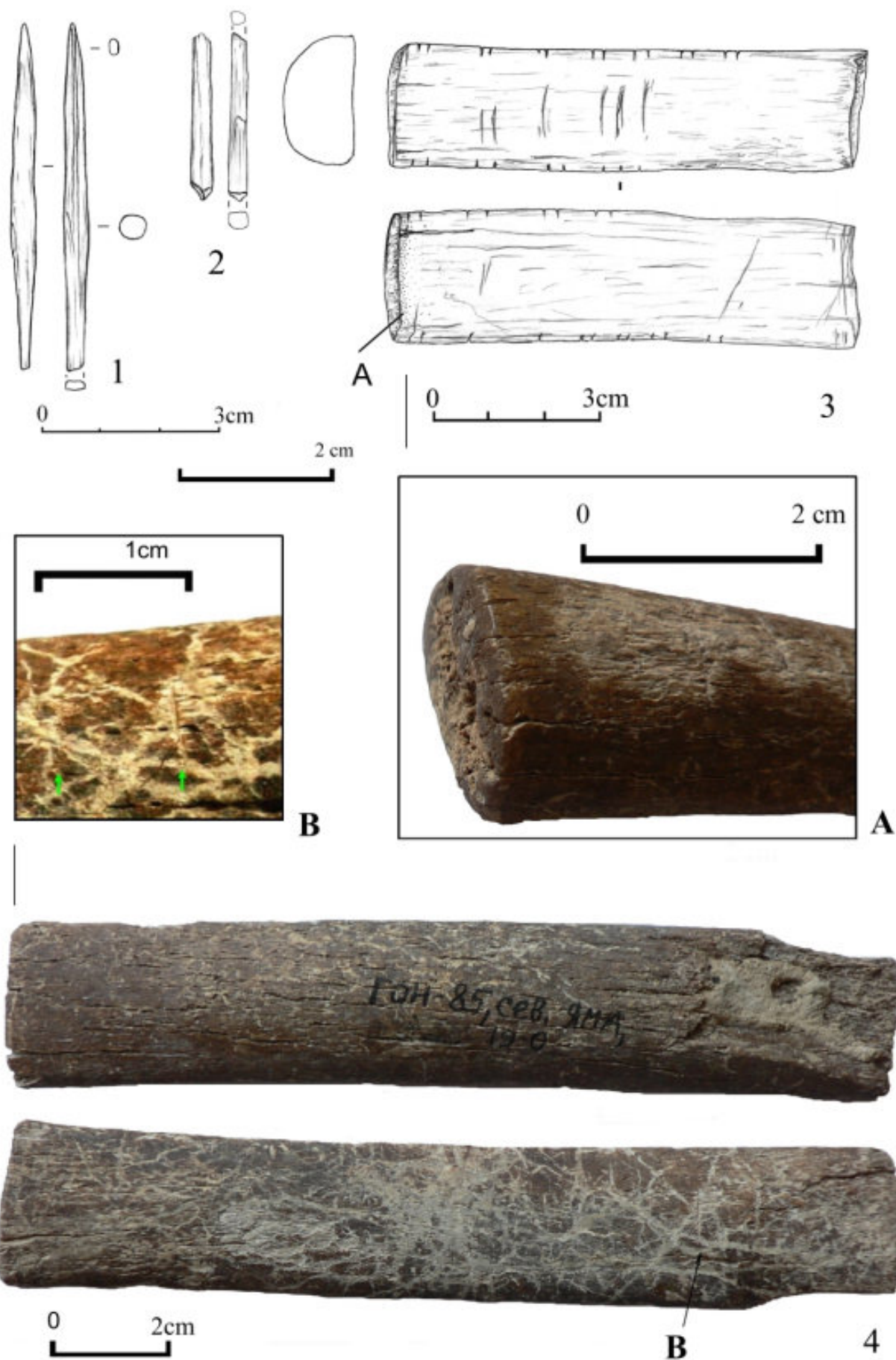

Рис. 4. 1 – короткий наконечник; 2 – фрагмент острия; 3 – прорисовка ребра №1 с нарезками: А – заполировка; 4 – фрагмент ребра с нарезками: В – участок ребра с нарезками

Рис. 5. 1, 2 – изделия из рёбер мамонта: А – фигурная головка изделия; 3, 4 – фрагменты трубчатых костей мамонта с износом; 5 – стержневидная заготовка из бивня мамонта; 6 – остроконечный предмет из длинной кости мамонта

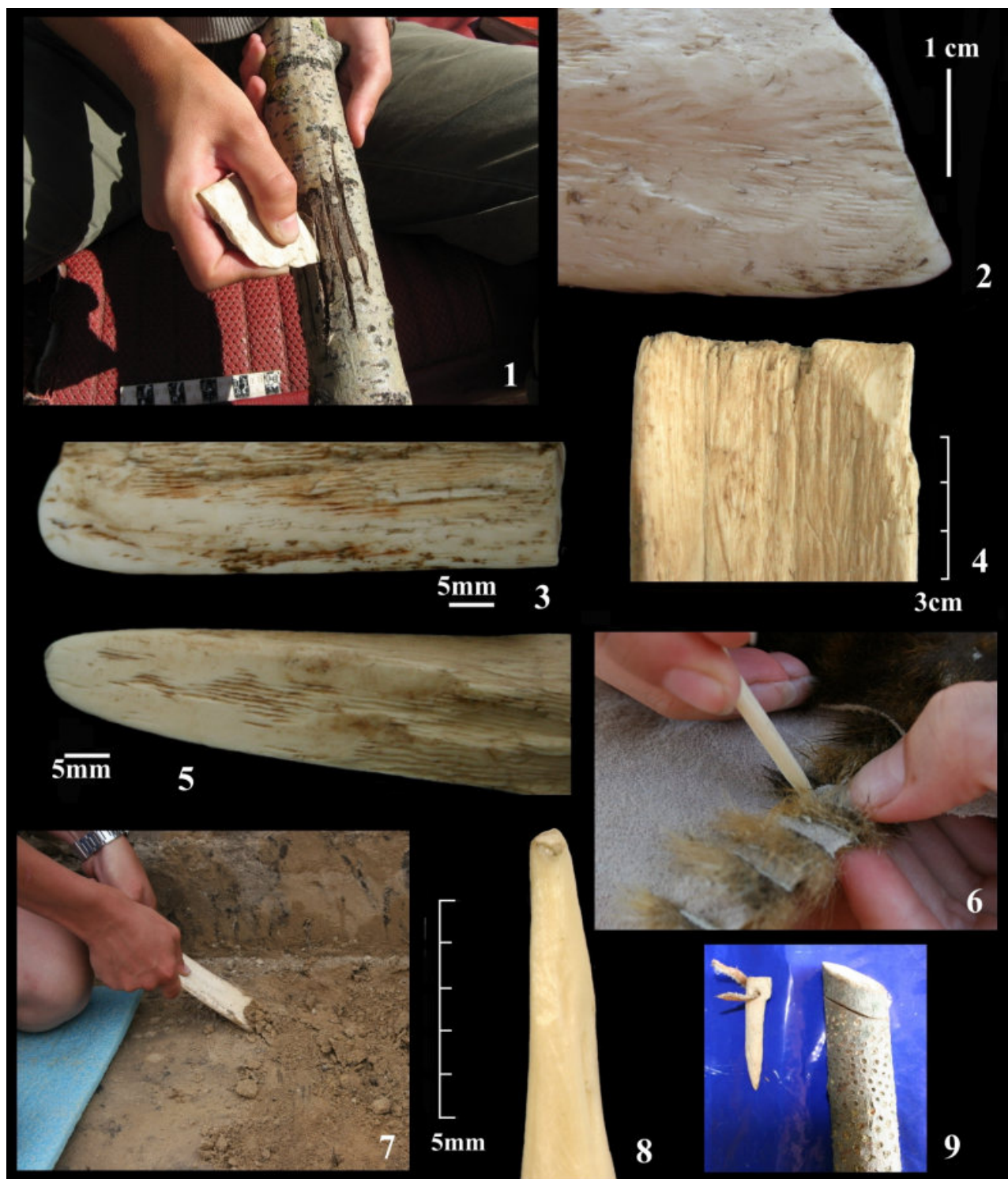

Рис. 6. Экспериментальные работы: 1 – прорезание ветки дерева бивневым отщепом; 2 – следы износа на бивневом отщепе после прорезания ветки дерева через 5 минут; 3 – то же, через 1 час; 4 – следы износа на пластине из бивня мамонта без обработки после копания супеси около 6 часов; 5 – лопаточка из бивня мамонта после копания суглинка, 3 ч; 6 – продевание острия из бивня мамонта в готовые отверстия в шкуре; 7 – копание супеси в раскопе (см. №4); 8 – остриё бивня мамонта после прокалывания 150 раз шкуры морского котика; 9 – создание отверстий в дереве бивневым остриём

Список литературы

1. Ахметгалеева Н.Б., Сергин В.Я., Машенко Е.Н. Обработанная кость из раскопок 1970–80-х гг. поселения Гонцы (Украина, Полтавская область)// КСИА. Вып. 235. Москва. 2014. С. 152–187. Илл. XIII–XVII.

2. Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // МИА № 39. Москва–Ленинград, Наука. 1953. С. 192–226.
3. Гвоздовер М.Д. Типология женских статуэток костёнковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии № 75. Москва, МГУ. 1985. С. 42–63.
4. Герасимов М.М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА № 2. Москва–Ленинград. 1941. С. 65–85.
5. Гиря Е.Ю. О возможностях выпрямления стержней из бивня мамонта // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. Санкт–Петербург, ИИМК РАН. 2002. С. 87–88.
6. Гиря Е.Ю., Хлопачев Г.А. Копья из двойного погребения подростков сунгирьской стоянки (технологический анализ). // IN SITU (к 85–летию А.Д. Столяра). СПб, изд–во Санкт–Петербургского университета. 2006. С. 69–87. 1а.л.
7. Грехова Л.В. Обработанная кость Тимоновской стоянки // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Ленинград, Наука. 1977. С. 83–93.
8. Григорьева Г.В. Костяной инвентарь верхнепалеолитических стоянок бассейна Десны–Днепра // Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Выпуск 2. Санкт–Петербург. 1997. С. 115–131.
9. Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А. Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным) // Археологические вести № 8. Санкт–Петербург, ИА РАН. 2001. С. 88–98.
10. Семёнов С.А. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкири I // Советская археология, №16. Москва. 1952. С. 120–128.
11. Семёнов С.А. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы // МИА № 54. Москва–Ленинград. 1957. – 240 с.
12. Семёнов С.А., Коробкова Г.В. Технология древнейших производств. Ленинград, Наука. 1983. – 256 с.
13. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997. Табл. 1.
14. Филиппов А.К. Трасологический анализ каменного и костяного инвентаря из верхнепалеолитической стоянки Мураловка // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Ленинград, Наука. 1977. С. 167–181
15. Филиппов А.К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производств в эпоху палеолита. Ленинград, Наука. 1983. С. 9–71.
16. Хлопачёв Г.А. Технология расщепления и её место в процессе обработки бивня на стоянках верхнего палеолита Русской равнины (25–13 тыс. лет) // Stratum plus, №1. Санкт–Петербург – Кишинёв – Одесса – Бухарест. 2001–2002. С. 250 – 265.
17. Хлопачёв Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. Санкт–Петербург, Наука, 2006. С. 71–76.
18. Gwozdover M.D. Art of the mammoth hunters. The Finds from Avdevo. Oxbow. Monograph 49. 1995. – 186 p.
19. Ledosseur G. Sent et contre sens. Reflexions concernant l'orientation d'un geste technique observe sur des objets en matieres osseuses du Levant // Prehistoire Anthropologie Mediterraneennes. 2003. T. 12. P. 115–128.
20. Yakovleva L., Djindjian F. New data on Mammoth bone Settlements of Eastern Europe in the light of the new excavations of the Gontsy site (Ukraine) // Quaternary International. 2005. № 126–128. P. 196.
21. Iakovleva L., Djindjian F., Maschenko E.N., Konik S., Moigne A.–M. The late Upper Palaeolithic site of Gontsy (Ukraine): A reference for the reconstruction of the huntergatherer system based on a mammoth economy. Quaternary International. 2012. N 255. P. 86–93.
22. Iakovleva L. The architecture of mammoth bone circular dwellings of the Upper Palaeolithic settlements in Central and Eastern Europe and their sociosymbolic meanings. Quaternary International. 2015. N 359–360. P. 324 – 334.

О свидерских нуклеусах на территории Верхнего Поднепровья

Аннотация. Статья посвящена свидерским нуклеусам, из коллекций памятников Верхнего Поднепровья. Уделено внимание параметрическим данным и пропорциям. Рассматриваются их особенности в сравнении с памятниками классического свидера.

Ключевые слова: свидерские нуклеусы, Верхнее Поднепровье, археологические памятники.

Abstract. This article dedicated Swiderian cores from collection of ancient settlements in Upper Dnieper. The author paid attention to the parametric data and proportion artifacts. Considered characteristics in comparison with settlements of classic Swider.

Keywords: Svidersky cores, the Upper Dnieper, archeolog monuments.

Нуклеусы – это одна из культурно-определяющих составляющих коллекций. Для свидерской культуры характерен ряд признаков, который не меняется на всём ареале её распространения. К ним относятся двухплощадность, монофронтальное снятие заготовок (пластин), редуцирование карнизика. В данной статье мы рассмотрим свидерские нуклеусы из коллекций стоянок Беларуского Поднепровья, отметим их параметрические данные и наличие особенностей. Нами взяты те коллекции, в которых свидерские нуклеусы образуют серии. Отобранные нами памятники можно сгруппировать в 3 группы, основываясь на географической близости. На территории Гомельского Посожья это Клёнки-3, Клёнки-5, Залядь-2, Бартоломеевка-2. Из стоянок Могилёвского Посожья мы рассмотрим Горки-2 и Первокричевский-3. Из тех стоянок, что располагаются на правом берегу Днепра, подробнее остановимся на материалах Барколабово, Яново-1, Нераж (Рдица), Новый Быхов.

Для общей характеристики необходимо отметить, что коллекции указанных стоянок смешанные и содержат разновременные и разнокультурные материалы. Так же стоит указать, что отобранные нами коллекции стоянок на территории Гомельского Посожья, состоят из подъёмного материала (Калечыц А.Г., 2010, с. 110, 113-115), а Могилёвского Посожья и правобережья Днепра, прежде всего, получены в результате стационарного исследования памятников (Калечыц А.Г., 2010, с. 171, 173-175, 180, 184).

Рассмотрим подробнее параметрические данные нуклеусов. Так, на стоянке Клёнки-3 размеры ядрищ колебались от 3,8х2,5х2,1 до 7х2,9х2,2 см, а средние размеры составили 5,3х3,3х2,3 см (рис. 1: 4-6, 8). В коллекции Клёнки-5 примерно такие же размеры – от 4,2х2,9х1,5 до 7,7х2,5х3,2 см (средний показатель 5,4х3,4х2,4 см) (рис. 2). В Залядь-2 несколько меньшие размеры нуклеусов: от 3,1х2,6х1,8 до 6,1х3х1,6 см (средний показатель 4,9х2,8х2,2 см) (рис. 1: 1-3, 7). Размеры нуклеусов с коллекции Бартоломеевка-2 составляют от 4,1х3,7х2,1 до 5,5х3,4х3,1 см (средний показатель – 4,7х3х2,2) (рис. 3).

В других коллекциях стоянок Нижнего Посожья, обработанных нами (Клёнки-1, Клёнки-8, Залядь-3, Романовичи-1), присутствуют одиночные экземпляры свидерских нуклеусов. Их параметры согласуются со средними показателями других стоянок данного микрорегиона. В коллекции Клёнки-1 присутствует один двухплощадочный свидерский нуклеус с размерами 5,5х3х2,6 см; на памятнике Клёнки-8 также был найден один нуклеус – 6,5х3х2,4 см; на стоянке Залядь-3 из 8 нуклеусов и нуклевидных артефактов выделяются два свидерских с размерами 4,4х2,7х1,3 и 5х3,2х2,1 см. Среди небольшой части просмотренных материалов (2245 артефактов) с коллекции Романовичи-1, мы также нашли свидерские ядрища, которые имеют параметры 5,1х3,4х2,1 и 5х2,5х1,9 см. Таким образом, минимальные и максимальные размеры нуклеусов на территории Нижнего Посожья составляют соответственно 3,1х2,6х1,8 и 7,7х2,5х3,2 см, а средний показатель равен 5,1х3,2х2,2 см.

Как отмечалось выше, на территории Могилёвского Посожья мы рассмотрим серии нуклеусов со стоянок Горки и Первокричевский-3. В коллекции стоянки Горки выделяется 1768 нуклеусов. Нами осмотрено 839 экземпляров, из которых мы выделили 85 свидерских. Размеры колебались от 3,1х2х2,1 до 9,2х2,8х2,1 см (средний показатель – 5,3х3х2,5см) (рис. 4: 9-11; рис. 5). Параметрические показатели нуклеусов со стоянки Первокричевский-3 следующие — от 4,4х2,3х2,3 до 8,6х3,7х3,6 см, а средний показатель – 6х3,1х3,3 см (рис. 4: 1-8).

На других памятниках Верхнего Посожья, так же встречаются свидерские материалы, в том числе и нуклеусы. Так, на стоянке Борисовичи-3 автором, во время проведения разведок был найден обожжённый свидерский нуклеус, параметры которого 5,6х3,9х2,9 см.

Таким образом, минимальные и максимальные размеры нуклеусов на территории Верхнего Посожья составляют соответственно 3,1х2,6х1,8 и 7,7х2,5х3,2 см, а средний показатель равен 5,5х3х2,7 см.

Теперь рассмотрим правобережные стоянки. В коллекции памятника Новый Быхов присутствует 32 нуклеуса, 14 из которых мы отнесли к свидерским. Параметрические данные таковы — от 2,5х1х1,3 до 7,1х1,9х6,5 см, а средний показатель составляет 4,3х2,2х2,5 см. На стоянке Нераж нуклеусов и их фрагментов насчитывается 50 ед., из которых 16 — свидерских. Их размеры колеблются от 3х2,3х1,5 до 6х1,5х1,4 см, а средний показатель — 4,3х2,6х1,6 см. В коллекции Барколабовской стоянки насчитывается 345 нуклеусов, нами осмотрено 116 ед., из которых мы отнесли к свидерским 38. Их параметрические данные — от 3,8х3,2х3,3 до 7х3,9х3,2 см, (средний показатель — 5,2х3,2х2,8 см.). 8 нуклеусов лишились второй площадки в результате неудачного скола, поэтому их высоту мы посчитали отдельно. Её размеры колебались от 4 до 6,1 см, а средний показатель составил 4,8 см. В коллекции Яново-1 размеры ядрищ находятся в диапазоне от 3,8х2,4х2,1 до 7,5х4,3х3,6 см (средний показатель — 5,7х2,7х2,4 см) (рис. 6).

Также добавим, что нами на стоянке Дальнее Лядо, во время обследования памятника, было обнаружено два свидерских нуклеуса; их размеры 6,4х3х3,2 и 6,4х3,6х3 см. А минимальные и максимальные размеры нуклеусов на территории правобережья Днепра равны соответственно 2,5х1х1,3 и 7х3,9х3,2 см (средний показатель 5,2х3,2х2,8 см).

Исходя из вышеприведённых параметрических данных, можно вывести соотношение между высотой и шириной нуклеусов с целью сравнения с аналогичным показателем на классических памятниках. На памятниках Нижнего Посожья пропорции составляют 1,6 к 1; на памятниках Верхнего — 1,8 к 1, а на правобережье Днепра — 1,7 к 1. В то время как для свидерских памятников Литвы этот показатель составляет 5-6 к 1 (Šatawičius E., 2005, с. 156), а судя по опубликованным данным примерно такие же пропорции характерны и для памятников Западной Беларуси (Калечыц А.Г., 2010, с. 236, мал. 18: 1-2; с. 282, мал. 69: 3; с. 283, мал. 70: 1-2).

Отметим и другую особенность, которая характерна для рассматриваемого нами региона — присутствие меловой корки на нуклеусах (а также и артефактах). Только на отдельных экземплярах её нет, большинство нуклеусов сохраняет её на небольших участках или на всём контрфронте. С тех нуклеусов, что мы отнесли к свидерским, а это в коллекциях Нижнего Посожья 74 ед., 65 из них сохраняют участки корки, что составляет 87,8% от общего числа. Среди 114 выделенных свидерских нуклеусов на территории Верхнего Посожья, 100 — с участками меловой корки, что составляет 87,7%. На памятниках правобережья Днепра из 77 нуклеусов 66 с участками меловой корки (85,7%). Но, возникает вопрос, насколько идентичны памятники свидера на Днестре? При разборе отдельных коллекций отличия очевидны. Так, на Яново-1 использовался импортный меловой кремний (Копытин В.Ф., 1991, с. 29), что наложило отпечаток на ряд показателей. Во-первых, нуклеусов, которые сохраняют желвачную корку значительно меньше, чем в других коллекциях. Из 13 ед. только 6 содержат участки корки, а это 46,2%, что является из осмотренных коллекций самым низким показателем. Во-вторых, пропорции нуклеусов 2,1 к 1, что свидетельствует о том, что ядрища на этом памятнике были выше и уже, чем на других стоянках Верхнего Поднепровья. О высоте нуклеусов также свидетельствуют и средние параметрические показатели, которые аналогично пропорциям, имеют наивысший показатель в рассматриваемом регионе.

Барколабовскую стоянку В.Ф. Копытин датирует более поздним временем, чем Яново-1, 2 (Копытин В.Ф., 1991, с. 31). Тем не менее, основное отличие памятника заключается в присутствии иволистных форм наконечников, которых нет в коллекциях других памятников региона, в то время как нуклеусы и по размерам, и по наличию корки согласуются с другими стоянками Белорусского Поднепровья. Что касается других стоянок на территории расположенных на правом берегу Днепра — Нераж и Новый Быхов, то их коллекции содержат ядрища довольно небольших размеров, что даёт самый низкий параметрический показатель по региону.

Также в обработанных нами коллекциях значительное число нуклеусов имеют довольно плоский профиль, что с одной стороны может наводить на мысль о большой сработанности. Но на наш взгляд, это указывает на первоначальный размер конкреций, так как при лёгкодоступности сырья, экономия в нём отпадала, о чём так же свидетельствуют и ядрища, с наличием нескольких сколов, которые впоследствии были оставлены не доработанными.

Сырьё, которое было использовано для изготовления орудий труда, представлено меловым кремнем серого цвета с вкраплениями, который в литературе именуется «сожским» (исключение составляет стоянка Яново-1, где использовался импортный меловой кремь без вкраплений). Считается, что эти вкрапления (мела и других органических и неорганических веществ) снижали качество сырья (Ксензов В.П., 1988, с. 33; Колосов А.В., 2015, с. 17). Сами конкреции преимущественно небольших размеров (до 10 см по длинной оси) и имеют неправильную форму.

Подводя черту, отметим, что те особенности, которые отличают нуклеусы с территории Верхнего Поднепровья, от классических свидерских памятников, расположенных в Литве, Польше и на Западе Беларуси и Украине, а это пропорции, а, следовательно — размеры ядрищ, а также наличие участков меловой корки, есть не что иное, как следствие использования местного сырья. Техника обработки оставалась неизменной, а значит, не смотря на некоторые отличия в кремнёвом инвентаре, обусловленные использованием местного сырья, мы не можем говорить о локальном варианте свидера на Верхнем Поднепровье.

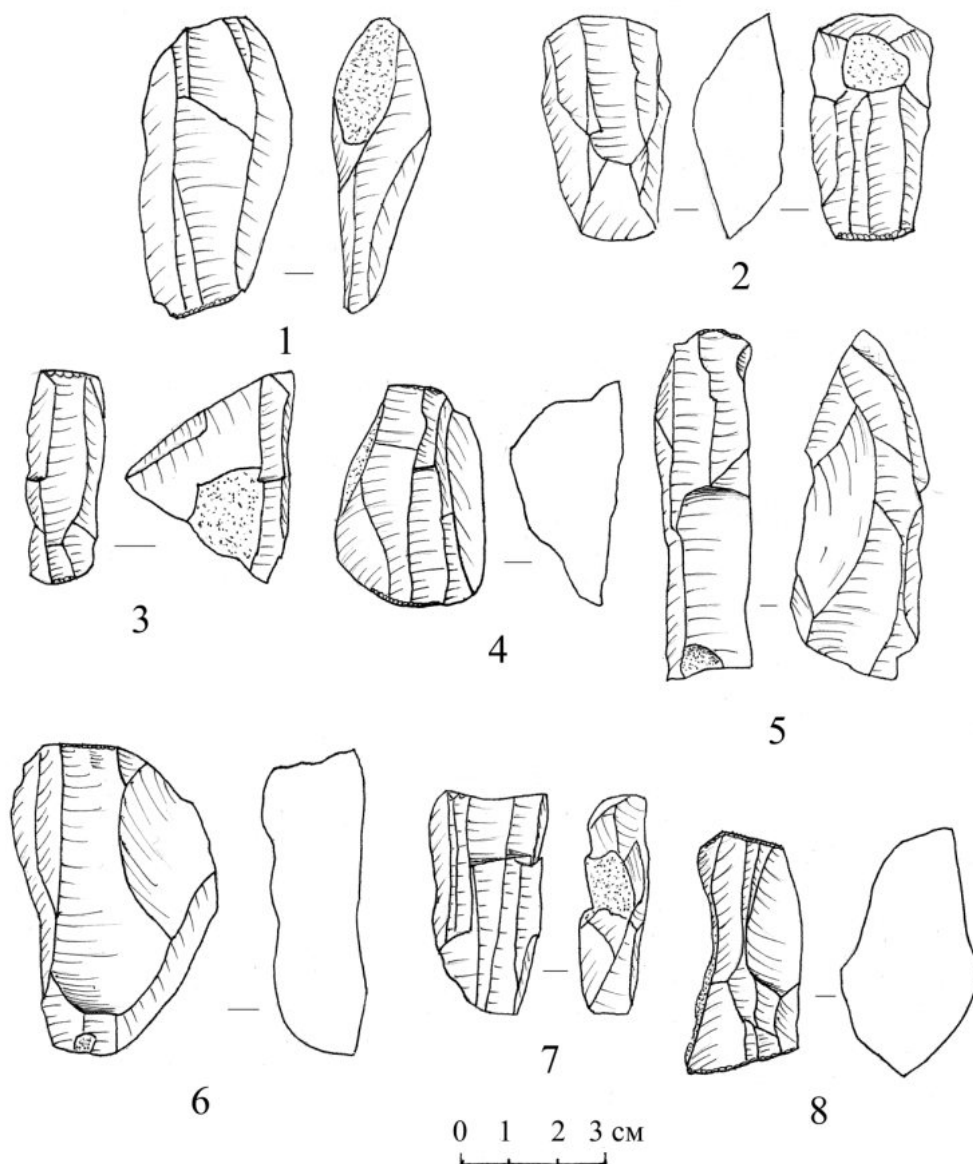

Рис. 1. 1-3, 7 – Залядьє-2; 4-6, 8 – Клѣнки-3

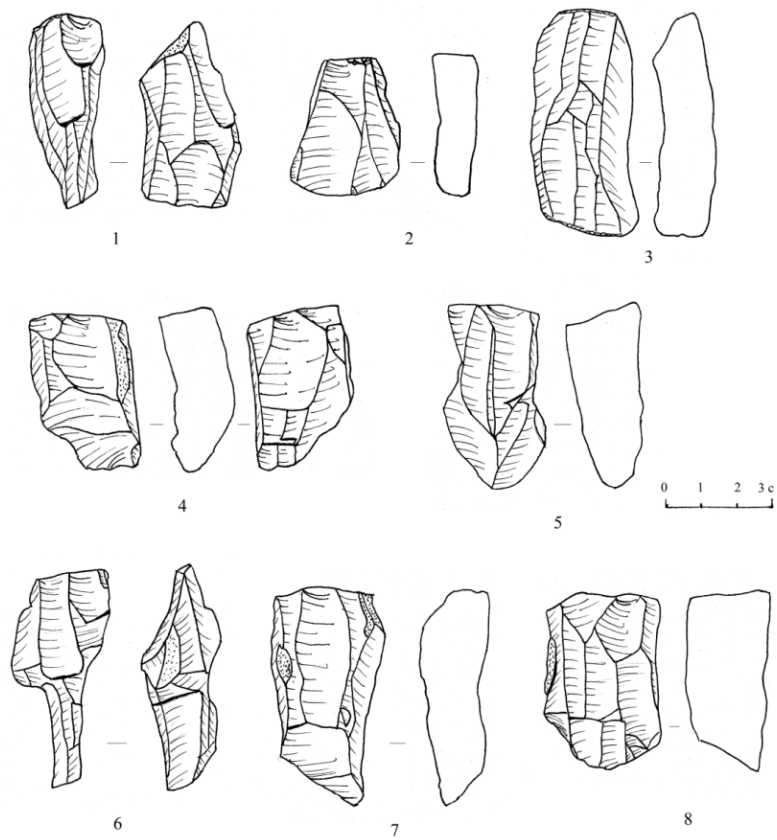

Рис. 2. Клёнки-5

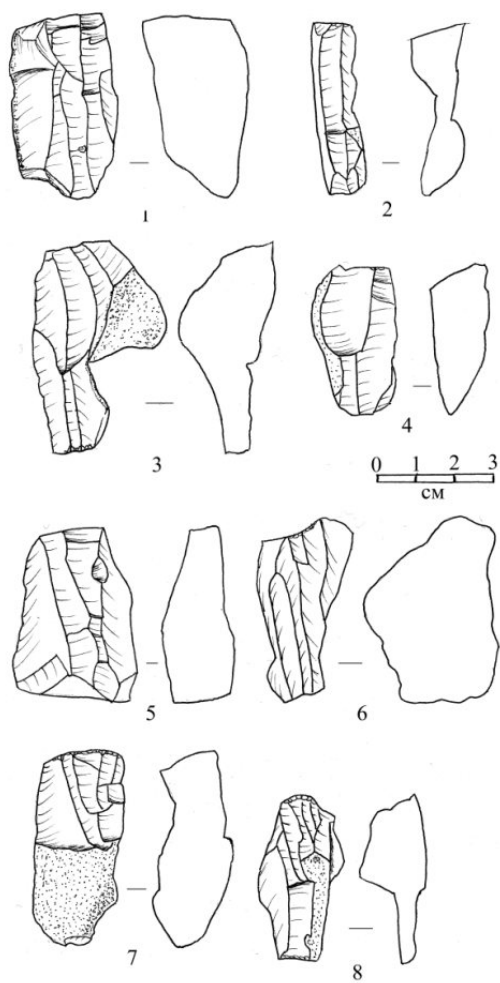

Рис. 3. Бартоломеевка-2

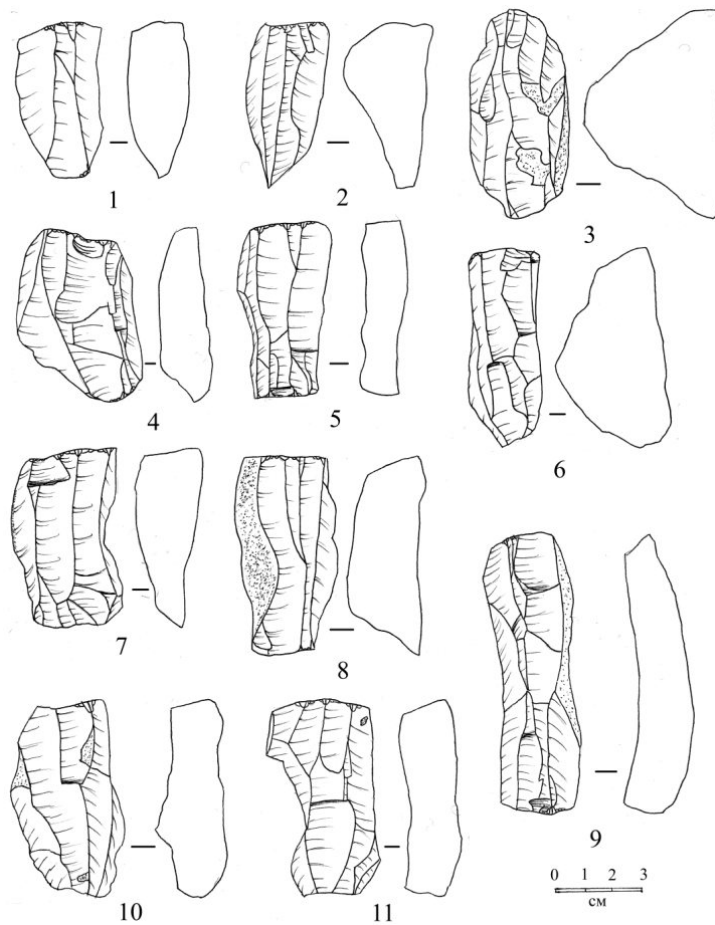

Рис. 4. 1-8 – Первокричевский-3, 9-11 – Горки-2

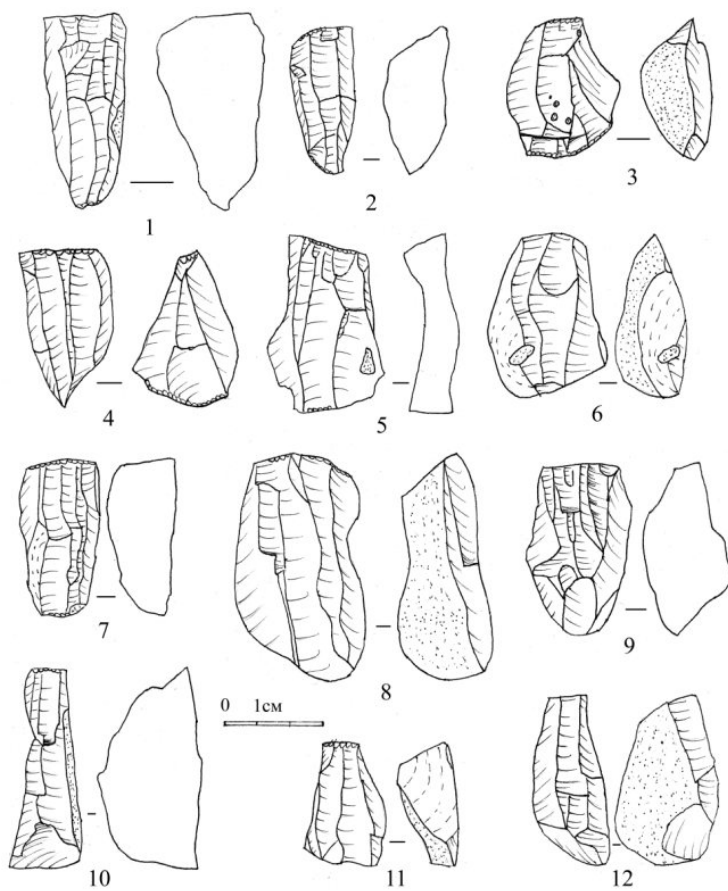

Рис. 5. Горки-2

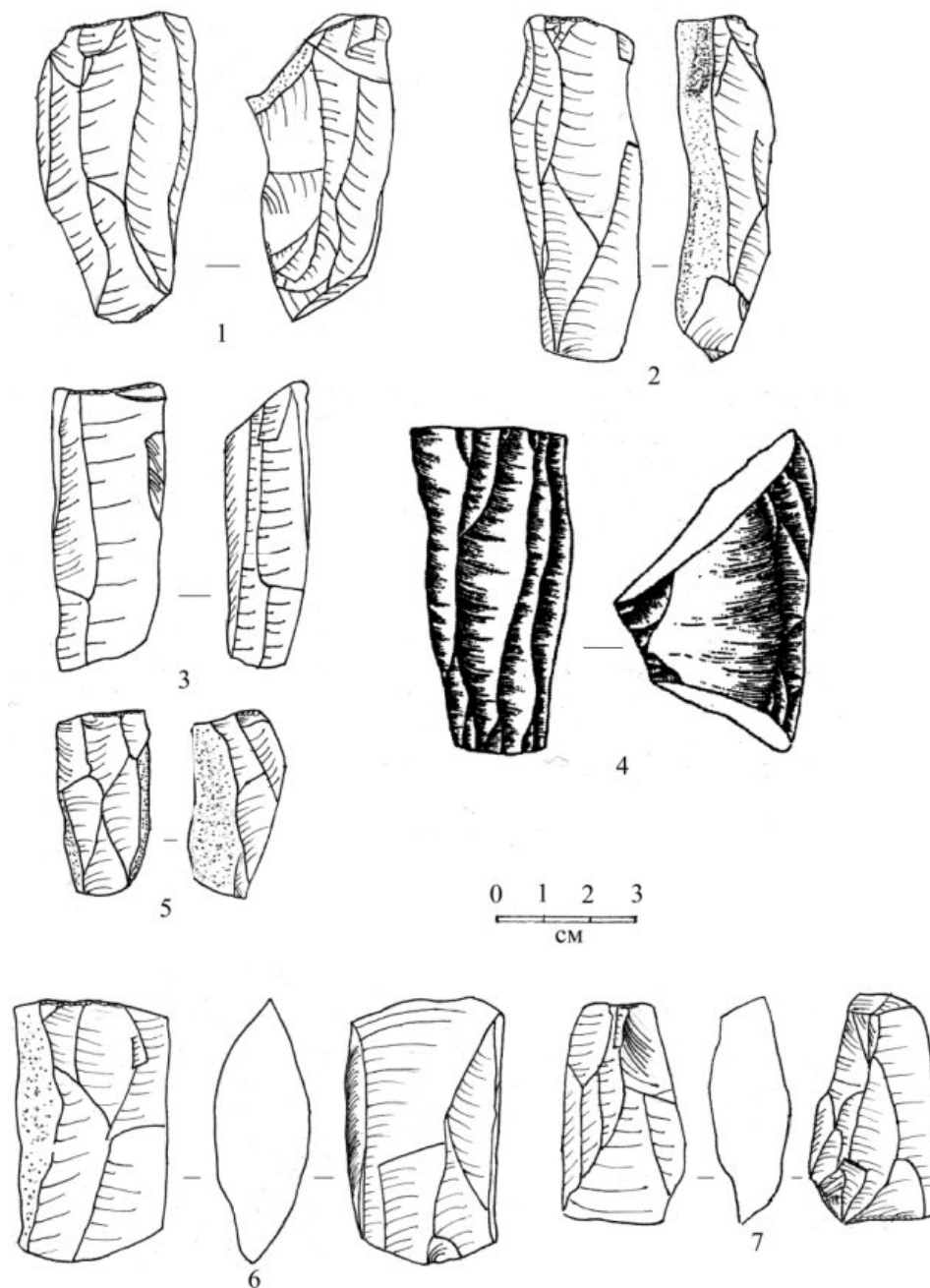

Рис. 6. Яново-1 (4 – рис. В.Ф. Копытина)

Список литературы

1. Калечыц, А.Г. Палеалітычныя помнікі Беларусі: (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А.Г. Калечыц, А.У. Коласаў, В.С. Абухоўскі. – Мінск: Беларуская навука, 2010. – 323 с.
2. Колосов, А.В. Финальный палеолит и мезолит Посожья / А.В. Колосов. Могилёв: МГУ им. Кулешова, 2015. – 176 с.
3. Копытин, В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. / В.Ф. Копытин. – Могилёв: из-во МГУ им. А.А. Кулешова, 1991. – 88 с.
4. Ксензов, В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В.П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 131 с.
5. Šatawičius, E. Swidrų kultūra Lietuvoje. / E. Šatawičius // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 2005. – Т. 29. – Р. 133-170.

Миграции и их роль в становлении и развитии раннего неолита Среднего Поволжья

Аннотация. Изучение керамики раннего неолита и кремневого инвентаря на Средней Волге позволяет фиксировать как минимум 4 миграционных импульса с соседних территорий, в результате которых в регионе появляется керамическое производство и происходит его дальнейшее развитие. Отмечается, что во всех четырех случаях приток нового населения не выглядит значительным. Он не приводит к кардинальной смене населения, но стимулирует процесс культурного взаимодействия пришельцев и автохтонов, способствуя тем самым распространению новых традиций и технологий.

Ключевые слова: ранний неолит, Среднее Поволжье, миграционные процессы.

Abstract. The study of early Neolithic pottery and flint artifacts on the Middle Volga allows you to record at least 4 migration impulse from neighboring territories, which in the region appears ceramic production and is its further development. It is noted that in all four cases, the influx of new population does not look significant. It does not lead to a drastic change in the population, but stimulates the process of cultural interaction between the newcomers and the autochthons, thereby contributing to the spread of new traditions and technologies.

Key words: early Neolithic culture, Middle-Volga area, migration processes

На протяжении всей своей истории человечество находится в непрерывном движении в поисках лучших условий жизни. Дошедшие до нас письменные источники сообщают о многочисленных перемещениях народов по территории Восточной Европы в эпоху раннего железного века и средневековья. При исследовании подвижек населения в дописьменную эпоху решающее слово остается за археологией, которая наряду с изучением материальных остатков использует данные естественнонаучных дисциплин. В результате комплексного подхода к изучению источников по раннему неолиту на территории Среднего Поволжья удастся наметить несколько миграционных импульсов.

Первое движение населения в неолите по времени совпадает с появлением на Средней Волге керамического производства. Древнейшая неолитическая посуда Волго-Уральской лесостепи, получившая название елшанской, обладает своеобразными чертами, не имеющими аналогов в древнейших центрах ближневосточного и европейского неолита. Для нее характерны небольшие лепные сосуды вытянутых пропорций спрофилированными горловинами, коническими или шиподонными донцами. В качестве украшений глиняной посуды отмечено использование разреженных строчек вдавлений и прочерченных линий. Характер кремневой индустрии наиболее ранних елшанских памятников не установлен в связи с отсутствием гомогенных и репрезентативных памятников этого периода. Полученные в последнее десятилетие радиоуглеродные даты позволяют говорить о появлении елшанской керамики вместе с наступлением атлантического периода около 8 тыс. ВР.

По версии профессора Выборнова А.А. генезис елшанской культуры связан с миграцией на Среднюю Волгу из-за аридизации климата среднеазиатского населения из Восточного Прикаспия и южного Приаралья, принесшего с собой традицию изготовления остродонной керамики. Доказательством тому он считает сходство елшанской и ранней кельтеминарской посуды и встречаемость на Средней Волге такого специфического среднеазиатского изделия, как «рогатые» трапеции (Васильев, Выборнов, 1988, с. 23-25).

Однако предложенная более 20 лет назад схема среднеазиатского генезиса елшанской культуры сегодня вызывает определенные сомнения. По мнению выдающегося отечественного палеогеографа Хотинского Н. А. в засушливых районах Восточной Европы и Северной Азии в начальную фазу атлантического периода наблюдается не аридизация, а наоборот – увлажнение климата (Хотинский, 1989, с. 13, 14). Увеличение влажности ранее засушливых районов Европы и Азии на фоне усиливающегося потепления неизбежно приводит к сокращению господствовавших здесь в конце предшествующего бореального периода пустынных и полупустынных ландшафтов и возобновление про-

цесса почвообразования, способствующего превращению безжизненной пустыни в злаковые степи (Иванов, 1989, с.73).

Иначе говоря, в начале атлантического периода в среднеазиатском регионе наблюдается смена неблагоприятной для проживания человека ландшафтно-климатической обстановки на более благоприятную, что, скорее всего, стимулировало приток населения извне, а не его отток.

Принимая во внимание находки древнейших образцов глиняной посуды позднелепестового и раннеголоценового возраста в Восточной Сибири и Дальнем Востоке (Ветров, 2006, с. 11-13; Ветров, 2010, с. 37-44), можно предположить, что в освоении степных пространств среднеазиатского и волго-уральского регионов активное участие принимало население более восточных районов Азии, знакомое с керамическим производством остродонной и шиподонной посуды. Общие восточные истоки керамического производства – вот причина сходства древнейшей остродонной керамики среднеазиатского и волго-уральского регионов.

Что касается 5 экземпляров «рогатых» трапедий, которые по мнению профессора Выборнова А.А. являются маркерами среднеазиатского происхождения елшанской керамики, то их связь с раннеэнеолитическими отложениями никак не документирована. Все они обнаружены на стоянках с разрушенным культурным слоем вместе с острями на пластинах со скошенным ретушью концом и другими кремневыми изделиями, характерными для сероглазовской мезолитической культуры (Вискалин, 2011а, с. 27-29). Появление в лесостепном Поволжье сопряженного комплекса кремневых изделий сероглазовской культуры указывает на приток сюда территориально близкого североприкаспийского населения, вызванный наступившим в самом конце бореального периода резким похолоданием и аридизацией климата.

Судя по расположению находок древнейшей елшанской керамики на юге современной волго-уральской лесостепи, сибирские мигранты первоначально осваивают достаточно узкую полосу по границе современной степной и лесостепной зоны, избегая лесные районы Среднего Поволжья и Прикамья, занятые позднемезолитическим населением русско-луговской и камской культур. Отсутствие бесспорных находок остродонной елшанской керамики южнее р. Самары косвенно свидетельствует о сохранении на севере степного Поволжья в начальную фазу атлантического периода неблагоприятных для проживания полупустынных ландшафтов.

С территории Среднего Поволжья носители остродонной керамики продвигаются вглубь Восточной Европы по образовавшемуся в начале атлантического периода узкому степному коридору в юго-западном направлении, достигая Северного Причерноморья, Крыма, Приазовья и нижнего Дона. Об этом говорят ранние группы остродонной и шиподонной керамики степного Причерноморья и Приазовья, имеющие явное сходство с елшанской керамикой (рис. 1). Залогом «победного» продвижения носителей традиций остродонной керамики в Европу является отсутствие на их пути местного мезолитического населения, покинувшего эту территорию в самом финале бореального периода из-за наступления холодного и крайне засушливого климата, вызвавшего сужение степных и расширение полупустынных и пустынных ландшафтов до границы современной Волго-Уральской лесостепи (Спиридонова, Алешинская, 1999, с. 25).

Второй миграционный импульс приходит на территорию Среднего Поволжья также с востока и диагностируется по распространению на более поздней елшанской керамике такого специфического орнаментального признака, как однорядный и многорядный ямочно-жемчужный пояс (далее – ЯЖП) (рис. 2). Следует заметить, что ЯЖП отсутствуют на остродонной керамике «первой волны» Приуралья, Крыма, Нижнего Подонья и Северного Причерноморья. Не удается обнаружить использование этого орнаментального приема и на глиняной посуде древнейших неолитических центров Ближнего Востока и юго-восточной Европы, что не позволяет рассматривать эти территории в качестве прародины ЯЖП. На древнейшей кельтеминарской посуде ЯЖП встречаются единично, что также исключает Среднюю Азию из числа исходных территорий формирования второго миграционного импульса. Поскольку прототипы этого орнаментального признака обнаружены на древнейшей керамике дальневосточного региона (Жучиховская, 2012, с. 5-15), то появление ЯЖП в Европе маркирует приток новой группы сибирского населения.

Появление в распоряжении науки чистых и условно чистых елшанских комплексов помогает установить отщеповый характер кремневой индустрии 2 этапа елшанской культуры, что заметно выделяет ее на фоне микропластинчатых кремневых индустрий местных позднемезолитических сообществ (Вискалин, 2008, с. 84).

Принимая во внимание радиоуглеродную дату, полученную в лаборатории г. Познани на АМС по угольку с острого дна елшанского сосуда стоянки Чекалино IV, содержащей один из наиболее представительных комплексов елшанской керамики, украшенной однорядными и многорядными ЯЖП (Poz-42051: 7250±60BP), второй миграционный импульс может датироваться последней четвер-

тью 8 тыс. ВР. В пользу этого предположения косвенно говорит появление на поздней елшанской керамике следов влияния каиршахской культуры в виде комплекса взаимосвязанных признаков: сглаженного ребра на туловище, прочерченных фигур с точечным заполнением, свисающих треугольников (рис. 3). Все эти признаки отсутствуют на ранней елшанской посуде и их появление на 2 хронологической группе елшанской керамики свидетельствует о сближении ареалов елшанской и каиршахской культур (Вискалин, 2013, с. 39, 40). Наиболее подходящие условия для сближения этих культур складываются в последнюю четверть 8 тыс. ВР, когда на фоне беспрецедентного потепления и увлажнения климата аридной зоны Нижнего Поволжья появляется возможность для расселения каиршахского населения в северном направлении до границ лесостепи.

Третий миграционный импульс на Средней Волге диагностируется появлением керамики луговского типа. Глиняная посуда луговского типа имеет плоские донца и лощеную поверхность. На части сосудов отмечается присутствие ребра на туловище и ЯЖП (рис. 4). Характер кремневой индустрии луговского типа не определен из-за отсутствия чистых комплексов. По радиоуглеродной хронологии появление комплексов луговской керамики происходит в первой четверти 7 тыс. ВР.

Происхождение луговской керамики Выборнов А.А. объясняет контактами елшанского населения с населением каиршахской культуры (Васильев, Выборнов, 1988, с. 81).

Однако такая постановка вопроса вызывает возражения. Во-первых, не находит логического объяснения избирательность заимствования елшанской керамикой от каиршахского населения всего лишь одной черты – плоского донца и игнорирование при этом других характерных признаков: богатой на кольчато-прочерченной орнаментации, раковинной примеси и т.д. Как уже отмечалось выше, зафиксированные контакты между каиршахским и елшанским населением приводят к заимствованию последним с юга отдельных элементов орнаментации, но не технологии изготовления и формы сосудов. Во-вторых, не учитывается широкая география распространения лощеной плоскодонной керамики, известной в раннем неолите не только Среднего Поволжья, но и на Балканах, в Прикарпатье, Северном Причерноморье, Восточном Кавказе, Западной Анатолии и Северной Ассирии (Вискалин, 2015, с. 36).

Сложение всех перечисленных групп лощеной плоскодонной керамики сложно связать с влиянием каиршахской культуры, занимающей периферийное положение к перечисленным центрам неолита. По всей видимости, их возникновение связано с влиянием неолита соседней Анатолии, что и объясняет «родовое» сходство лощеной посуды от Балкан и до Кавказа. Следовательно, при разговоре о происхождении традиции изготовления лощеной плоскодонной керамики Восточной Европы речь должна идти о самостоятельной культурной традиции, появление которой в лесостепном Поволжье могло произойти только в результате миграции ее носителей из южных районов Русской равнины.

Первоначально в качестве вероятного источника луговской традиции автором статьи рассматривалась буго-днестровская культура на памятниках 1 этапа которой отмечено использование сходной с луговской плоскодонной неорнаментированной посуды. Однако после ознакомления автора статьи с работой, посвященной комплексному изучению керамики Ракушечного Яра (Цыбрий и др. 2014), стало очевидно системное сходство лощеной керамики нижних слоев данной стоянки с комплексами луговской керамики Среднего Поволжья. Особенную близость с ракушечноярской демонстрирует глиняная посуда стоянки Усть-Ташелка, для которой характерны однотипные формы плоских и плоско-вогнутых донц, прямостенных и слабопрофилированных горловин, сглаженного ребра на туловище, отсутствие ЯЖП и т.д. (рис. 5). На основании вышесказанного можно предположить, что областью формирования третьего миграционного импульса, приведшего к инфильтрации на Среднюю Волгу носителей традиций плоскодонной лощеной посуды, является не Нижнее Поволжье, а Нижнее Подонье. Наличие плоскодонной неорнаментированной посуды на памятниках верхнего Дона (Выборнов, 2008, с. 132) позволяет наметить приблизительный маршрут продвижения лощеной плоскодонной керамики на Волгу.

Окончательное же сложение луговского типа керамики, сочетающей в себе черты ракушечноярской и елшанской керамических традиций, скорее всего, завершилось в Поволжье в ходе контактов донских мигрантов и местного елшанского населения.

Последний миграционный импульс в раннем неолите Среднего Поволжья связан с распространением здесь накольчатой керамики, время появления которой по радиоуглеродным данным соответствует началу 7 тыс. ВР. Наиболее ранние комплексы накольчатой керамики выявлены на Ивановской стоянке в южных районах волго-уральской лесостепи, что косвенно указывает на южное направление исходного импульса. Профессор Выборнов А.А. считает, что формирование накольчатой керамики на Средней Волге произошло под влиянием орловской культуры степного Поволжья (Выборнов, 2008, с. 208, 209). На приток степного населения в южные районы волго-уральской лесостепи указывает группа накольчатой керамики с раковинной примесью и богатой накольчатой орнамента-

цией Ивановской стоянки. В ходе взаимодействия пришельцев с местным населением средневожская накольчатая керамика приобретает ЯЖП, не характерный для орловской культуры.

Распространение традиций украшения глиняной посуды накольчатой орнаментацией в лесные районы Среднего Поволжья большинством современных исследователей рассматривается, как продвижение на север лесостепных групп накольчатой керамики. Произошедшее в последние годы удревнение возраста средневожской накольчатой керамики показало ошибочность предшествующих попыток автора статьи связать ее происхождение с влиянием азово-днепровской культуры, занимающей степное Поднепровье, Крым и Западное Приазовье. Переход этой культуры к накольчатой орнаментации керамики происходит лишь в начале 2 периода, датируемого 6350 – 5900 ВР (Котова, 2002, с. 26), т.е. значительно позже появления накольчатой керамики на средней Волге. Существование типологического сходства между накольчатой керамикой лесных и лесостепных районов Среднего Поволжья впервые было отмечено Выборновым А.А. (Выборнов, 1988, с. 33). Отличие накольчатой керамики лесных районов Среднего Поволжья проявляется в использовании упрощённых схем орнаментации и увеличении числа неорнаментированных сосудов (рис. 6), что, по мнению этого ученого является результатом вовлечения в процесс сложения накольчатой керамики лесной части Среднего Поволжья луговского населения (Выборнов, 2008, с. 209, 210). Учитывая присутствие комплексов слабоорнаментированной лощеной керамики в северной части Среднего Поволжья и Прикамья, данное объяснение можно принять.

Изучение кремневого инвентаря памятников накольчатой керамики лесной части Среднего Поволжья выявило сохранение в кремневом производстве мезолитических традиций русско-луговской культуры, что также подтверждает участие местного населения в сложении культуры средневожской накольчатой керамики (Никитин, 2006, с. 254-258). Наиболее наглядно это проявляется в широком использовании населением накольчатой керамики лесных районов Среднего Поволжья местных типов рубящих орудий линзовидного и сегментовидного сечения. Южное влияние в производстве каменных и кремневых орудий племен накольчатой керамики лесных районов Среднего Поволжья наиболее наглядно проявляется в распространении нехарактерных для местного мезолита и раннего неолита рубящих орудий прямоугольного и овального сечения, а также каменных утюжков-шлифовальников (Вискалин, 2011б, с. 55, 56).

Т.о., изучение кремневого инвентаря и керамики раннего неолита на Средней Волге позволяет зафиксировать как минимум 4 миграционных импульса с соседних территорий, благодаря которым в регионе появляется керамическое производство и происходит его дальнейшее развитие. Следует отметить, что во всех 4 случаях приток нового населения не выглядит значительным. Он не приводит к кардинальной смене населения, но стимулирует процесс культурного взаимодействия пришельцев и автохтонов, способствуя тем самым распространению новых традиций и технологий.

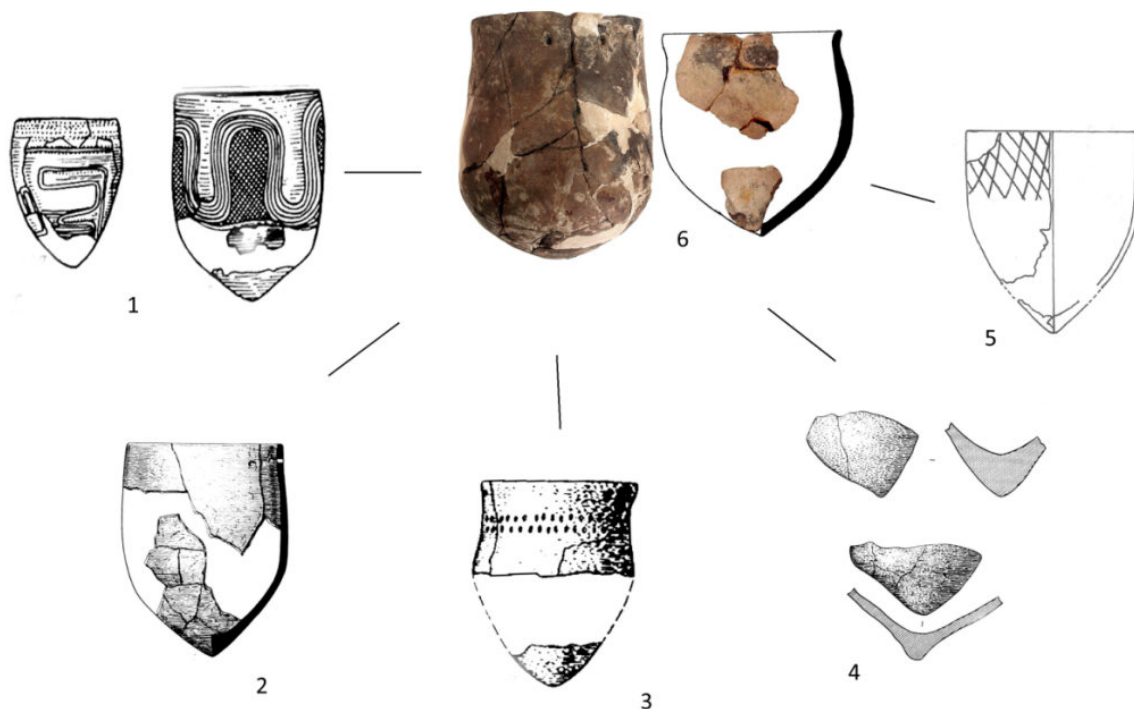

Рис. 1. Ранняя остродонная керамика Восточной Европы. 1 – буго-днепровская культура, 2 – струмель-гастятинская, 3 – сурская, 4 – горно-крымская, 5 – ракушечноярская, 6 – елшанская

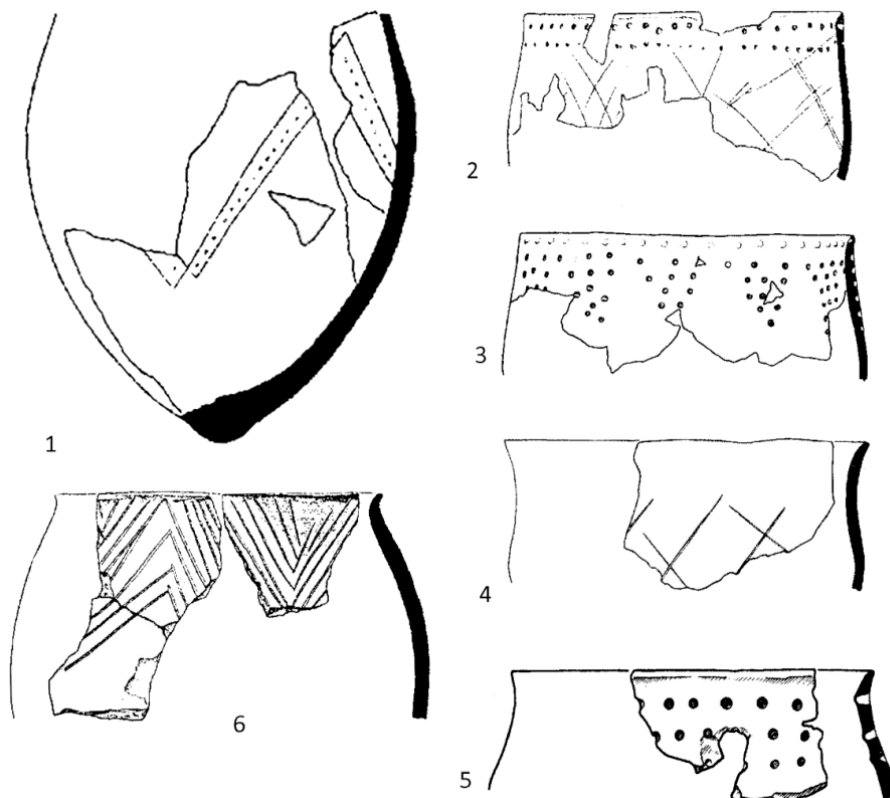

Рис. 2. Вторая хронологическая группа елшанской керамики.
1-5 – Нижняя Орлянка II, 6 – Чекалино IV

	КАИРШАКСКАЯ КУЛЬТУРА	ЕЛШАНСКАЯ КУЛЬТУРА
Орнамент из прочерченных треугольников с точечным заполнением		
Орнамент из точечных треугольников		
Орнамент из заштрихованных треугольников		
Зигзаги с точками		
Ребро на туловище		
Наплывы-утолщения на венчиках сосудов		

Рис. 3. Сходство основных форм орнаментации и керамики каиршакской культуры и второй хронологической группы елшанской культуры

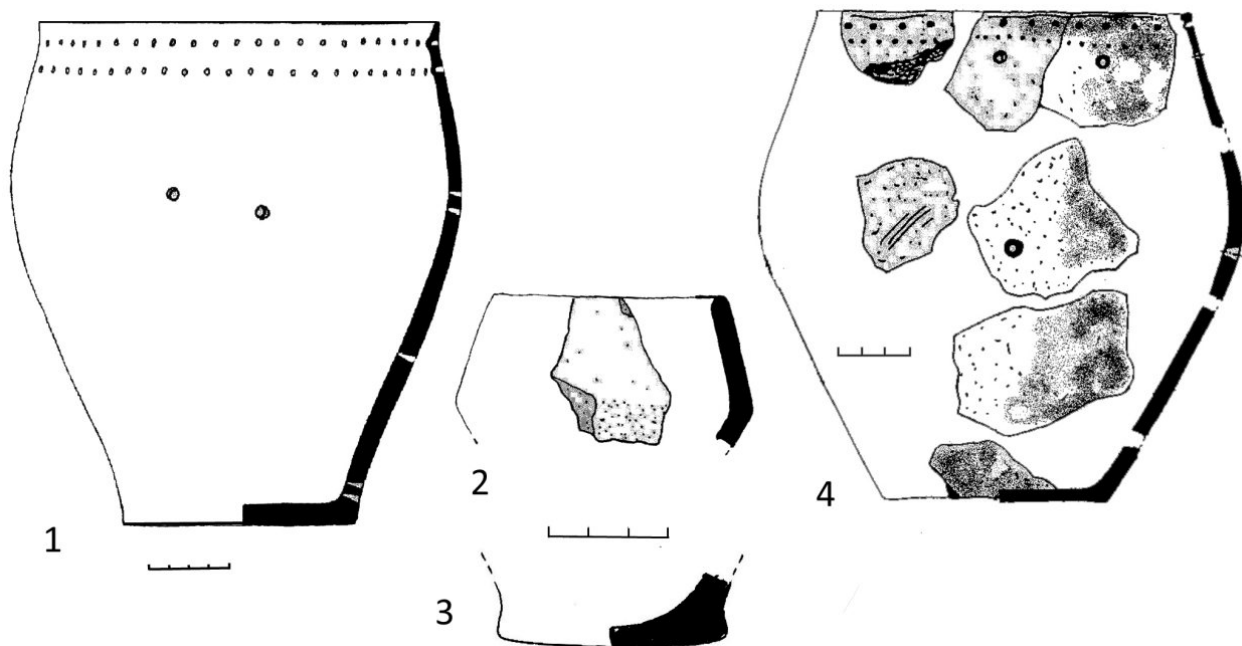

Рис. 4. Луговской тип керамики. 1 – Красный городок, 2, 3 – Луговое III, 4 – Елшанка XI

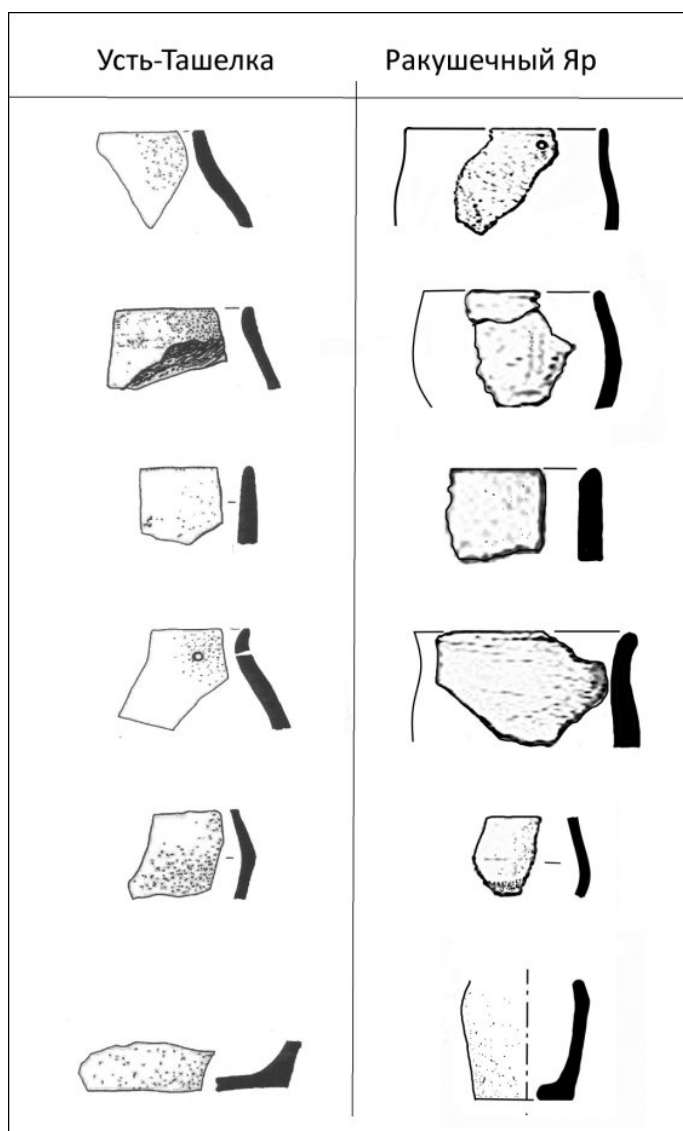

Рис. 5. Сходство основных форм керамики нижних слоев (19-23) стоянки Ракушечный Яр и Усть-Ташелка

Частые элементы											
СТЕПЬ											
ЮГ ЛЕСОСТЕПИ											
СЕВЕР ЛЕСОСТЕПИ											
Редкие элементы											
СТЕПЬ											
ЮГ ЛЕСОСТЕПИ											
СЕВЕР ЛЕСОСТЕПИ											

наличие элемента
 отсутствие элемента

СТЕПЬ – Варфоломеевка слои 3 и 2Б, Тентексор;
 ЮГ ЛЕСОСТЕПИ – Ивановка, Виловатое;
 СЕВЕР ЛЕСОСТЕПИ – Дубовская III, VII, VIII, Отарская VI, Сутырская V, VII, Нижняя Стрелка IV

Рис. 6. Встречаемость элементов орнамента на накольчатой керамике степного и лесостепного Поволжья

Список литературы

1. Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением лесного Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы европейской части СССР. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ, 1988. С. 78—91.
2. Ветров В.М. Финально-плейстоценовые-среднеголоценовые культуры Верхнего Витима // II Северный археологический конгресс. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид», 2006. С. 11-13.
3. Ветров В.М. Древнейшая керамика на Витиме. Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы научной конференции. Улан-Уде: Изд-во Бурятского ун-та. 2010. С. 37-44.
4. Вискалин А.В. Сравнительный анализ кремневого инвентаря позднемезолитических и раннеолитических памятников волго-уральской лесостепи // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Том 1. Пенза: ПОКМ, 2008. С. 74-88.
5. Вискалин А.В. Об этно-культурных процессах на Средней Волге и в Прикамье в мезолите-неолите // Российская археология. № 3. М.: Наука. 2011а. С. 25-32.
6. Вискалин А.В. Культурные процессы в раннем неолите Волго-Камья по данным изучения каменного инвентаря комплексов накольчатой керамики // Исторические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011б. № 8 (14). Ч. 2. С. 52-57.
7. Вискалин А.В. Контакты лесостепного и степного Поволжья начальной поры неолита // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 39-43.
8. Вискалин А.В. Проблема культурного единства и происхождения комплексов раннеолитической керамики луговского типа на Средней Волге и Прикамье // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы: К 60-летию А. В. Уткина / под ред. Е. Л. Костылёвой и В. А. Аверина. — Вып. IV. — Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2015. — С.33-38.
9. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. – 490 с.
10. Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны как индикатор изменения климатических условий в голоцене // Палеоклиматы позднего голоцена и голоцена. М., 1989.
11. Жушиховская И.С. Керамика раннего периода культуры Дземон // Российская археология. № 1. 2012. С. 5-15.
12. Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Изд-во «Шлях», 2002. 268 с.
13. Никитин В.В. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Том I. Тверь: Изд-во «Триада», 2006. – С. 254-259.

14. Никитин В.В. Ранний неолит марийского Поволжья Йошкар-Ола: Изд-во Марийского научно-иссл. ин-та яз., литер. и истор., 2011. 490 с.
15. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита–энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1.
16. Хотинский Н.А. Дискуссионные проблемы реконструкции и корреляции палеоклиматов голоцена // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. Москва. Наука. 1989. С. 12-17.
17. Цыбрий А.В., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Цыбрий В.В., Горелик А.Ф., Мотузаитов Матюевичиуте Г., Саблин М.В. Новые исследования поселения Ракушечный Яр в 2008-2013 гг. // Самарский научный вестник. № 3 (8). – Самара: ФГБОУ ВПО «ПГСГА», 2014. – С. 203-214.

УДК 902/904

А.А. Куличков, Р.В. Смольянинов

Керамические комплексы эпохи неолита с многослойного поселения Васильевский Кordon 17¹

Аннотация. Поселение Васильевский Кordon 17 находится в Добровском районе Липецкой области. Оно расположено на пойменном останце высокой поймы правого берега р. Воронеж на высоте 4 м над уровнем реки.

Среди керамических комплексов подавляющее количество керамики представлено обломками среднестоговской культуры эпохи энеолита. Выявлены также ямочно-гребенчатая и керамика ксизовского типа эпохи неолита, материалы репинской культуры эпохи энеолита, катакомбной культуры эпохи бронзы. Данная статья посвящена анализу неолитических керамических коллекций с ямочно-гребенчатой орнаментацией и посуды ксизовского типа.

По технико-технологическим характеристикам керамика ксизовского типа является гибридной. Она появилась в середине IV тыс. до н.э. в результате смешения гончарных традиций неолитического населения с ямочно-гребенчатой керамикой с традициями энеолитической среднестоговской культуры.

Ключевые слова: Верхний Дон, неолит, энеолит, керамика, технико-технологический анализ.

Abstract. Settlement Vasilevsky Cordon 17 is located in the Dobrovsky is in the area of Lipetsk region. It is located in the floodplain buttes high floodplain right bank of the r. Voronezh at a height of 4 m. above the river.

Among the ceramic complexes of the vast number of ceramic fragments presented Sredny Stog culture of Eneolithic. Also revealed pit-comb and ceramics of the Ksizovsk type of Neolithic, Repin material culture of the Eneolithic, Catacomb culture of the Bronze Age. This article is devoted to analysis of Neolithic ceramic collections a pit-comb ornamentation and utensils Ksizovsk type.

According to the technical and technological characteristics of the ceramics Ksizovsk type it is hybrid. She appeared in the middle of the IV millennium BC. by mixing the traditions of pottery Neolithic population with pit-comb ceramics with the traditions of Sredny Stog culture Eneolithic.

Keywords: Upper Don; Neolithic; Eneolithic; ceramics; technical and technological analysis.

Поселение Васильевский Кordon 17 находится в Добровском районе Липецкой области между сёлами Ратчино, Преображеновка и Буховое, и располагается на пойменном останце высокой поймы правого берега р. Воронеж высотой 4 м над уровнем реки.

Оно было выявлено в 2008 г. отрядом экспедиции ЛОНОО «Археолог» и ГОУ ВПО ЛГПУ под руководством А.А. Клюкойты (Клюкойть, 2008). Им был заложен шурф площадью 7 кв. м. Примерные границы памятника (70х70 м.) определены по топографии местности и подъёмному материалу, выявленному в противопожарной опашке.

В 2012 году отрядом экспедиции ЛГПУ под руководством А.А. Свиридова раскопано 84 кв. м. памятника (Свиридов, 2012). В 2013-2015 годах археологические исследования осуществлялись

© Куличков А.А., Смольянинов Р.В., 2016

¹ Исследование выполнено в рамках регионального конкурса РГНФ «Центральная Россия: прошоре, настоящее, будущее», 2016, Липецкая область. Проект 16-11-48602. Тип проекта «е-(р)».

неолитическим отрядом ФГБОУ ВПО ЛГПУ совместно с ЛОНОО «АРХЕОЛОГ» под руководством одного из авторов (Смолянинов, 2013; Смолянинов, 2014; Смолянинов, 2015). Всего на сегодняшний день на памятнике исследовано 353 кв.м.

Среди керамических комплексов большая часть керамики представлена обломками посуды среднестоговской культуры эпохи энеолита (середина IV тыс. до н.э.). Выявлены также ямочно-гребенчатая, керамика ксизовского типа, дубровичской культуры эпохи неолита (середина IV тыс. до н.э.), репинской культуры эпохи энеолита (рубеж IV-III тыс. до н.э.), катакомбной культуры эпохи бронзы (рубеж III-II тыс. до н.э.). Данная публикация посвящена анализу неолитических керамических коллекций с ямочно-гребенчатой орнаментацией и посуды ксизовского типа.

В слое стоянки найдены обломки от 17 сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, восемь из которых открытой формы, десять – профилированных. Диаметр венчиков 32-38 см, толщина стенок 4-7 мм.

Анализ орнамента производился по методике предложенной Ю.Б. Цетлиным. Им выделяются в нем следующие стилистические уровни: элемент, узор, мотив, образ и композиция (Цетлин, 2008).

Для удобства сравнения все элементы орнамента ямочно-гребенчатой и керамики ксизовского типа нами отнесены к пяти типам, разделенных в свою очередь на 17 подтипов. Элементы орнамента на ямочно-гребенчатой керамике поселения Васильевский Кордон 17 представлены четырьмя типами, подразделяющимися на 10 подтипов (табл. 1):

I тип. Ямочные вдавления. Подтипы: 1 – почковидные с плоским дном, размером 4-5 x 7-9 мм (рис. 2, 2), использовались для орнаментации керамики в 11% случаев; 2 – круглые с плоским дном, диаметром 5 мм (рис. 3, 7), использовались для орнаментации достаточно редко – 2,4%; 3 – округлые мелкие, диаметром 2-3 мм (рис. 2, 8; 3, 8) – 2,4%; 4 – круглые (белемнитные), диаметром 5 мм (рис. 3, 3, 9) – 9,9%; 5 – округлые, нанесенные под небольшим наклоном к поверхности (диаметром 4-5 мм) (рис. 1, 1, 2, 5-12; 2, 1, 10-12; 3, 1, 4-7) – 34%; 6 – удлинённые ямки (3x5 мм) (рис. 4, 6) – 1,7%.

II тип. Оттиски гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – узкий прямоугольный, размеры которого 1-2 x 8-10 мм (рис. 1, 2, 11; 3, 3, 8) – 8,8%; 2 – гребенчатые отпечатки линзовидной формы размером 2-4 x 15-25 мм (рис. 1, 1, 6-9; 2, 1, 3, 6, 7, 11, 12; 1, 2, 4-6), достаточно широко распространены – 26,2%.

III тип. Оттиски гладкого штампа. Для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики рассматриваемого памятника использовался только лунчатый с гладким ложом, длиной 6-8 мм (рис. 2, 5), и доля его составила 2,4%.

IV тип. Ногтевые (рис. 2, 10) – составили 1,2%.

Узоры – образования из элементов орнамента, это могут быть ряды из нескольких ямок, нескольких оттисков гладкого или гребенчатого штампов, горизонтальных или зигзагообразных ямочных, гребенчатых или других вдавлений (Цетлин, 2008, с. 23).

На ямочно-гребенчатой керамике поселения Васильевский Кордон 17 зафиксировано четыре узора: 1 – два диагонально расположенных гребенчатых оттиска, отклоненных вправо по отношению к центральной оси сосуда (рис. 2, 12); 2 – два диагонально расположенных гребенчатых оттиска, отклоненных влево относительно поверхности сосуда (рис. 2, 12); 3 – три диагонально расположенных параллельных ряда ямочных вдавлений, нанесенных в отступающей манере, отклоненных вправо (рис. 4, 3); 4 – три диагонально расположенных параллельных ряда ямочных вдавлений отклоненных влево, нанесенных в отступающей манере (рис. 4, 3).

Мотивы из элементов или узоров орнамента Ю.Б. Цетлиным подразделяются на: простые, которые представляют собой повторение одних и тех же элементов или узоров орнамента (сюда же им относятся зоны «без орнамента», которые в данном случае описываются как отдельный мотив), а также сложные, среди которых выделяются объединяющиеся и пересекающиеся. При этом первые состоят из двух или более чередующихся элементов/узоров орнамента, а вторые – это те, которые полностью или частично нанесены один поверх другого (Цетлин, 2008, с. 23-25).

Простые мотивы из элементов на ямочно-гребенчатой керамике данного поселения делятся на пять типов, два из которых подразделяется на подтипы:

I тип. Мотивы из ямочных вдавлений. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд из ямочных вдавлений (рис. 2, 1, 11; 3, 3, 9) наносился в 12,5% случаев; 2 – два горизонтальных ряда ямочных вдавлений (рис. 2, 1; 3, 1, 4, 6, 8) – 11,9%; 3 – три горизонтальных ряда ямочных вдавлений, расположенных в шахматном порядке – 6,4% (рис. 4, 6); 4 – более трех горизонтальных рядов ямочных вдавлений, ориентированных по горизонтали (рис. 1, 1, 5, 10; 2, 3) – 13,3%; 5 – более трех горизонтальных рядов ямочных вдавлений, диагонально ориентированных относительно вертикальной оси сосуда (рис. 1, 3; 2, 8) – 8,1%; 6 – более трех горизонтальных рядов ямочных вдавлений, расположенных в шахматном порядке (рис. 1, 2, 12; 2, 12; 4, 2) – 4%.

II тип. Мотивы из отпечатков гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – гребенчатые вдавления, поставленные в один горизонтальный ряд (рис. 1, 7-9, 11; 2, 1, 3, 5, 7, 8, 11; 3, 3, 6, 9), составили 17,5%; 2 – вертикальные ряды гребенчатых вдавлений в форме ломаной линии (рис. 3, 4, 5) – 4%; 3 – два горизонтальных ряда гребенчатых оттисков, отклоненных в разные стороны и образующих «елочку» (рис. 1, 6) – 3,5%.

III тип. Мотив из ногтевых вдавлений (рис. 2, 10). Один горизонтальный ряд из ногтевых вдавлений составил – 2,3%.

IV тип. Мотив из отпечатков гладкого штампа. Представлен двумя горизонтальными рядами лунчатого штампа (рис. 2, 5) – 2%.

V тип. Мотивы из зон без орнамента (рис. 2, 1, 12; 3, 1-3, 7; 4, 1-3). Доля их в орнаментации на сосудах составила – 14,5%.

Простой мотив из узоров на ямочно-гребенчатой керамике поселения всего один – это узоры №1 и №2, образующие зигзагообразную горизонтальную линию (рис. 2, 12).

Сложный объединяющийся мотив также представлен только в одном экземпляре – это узоры №3 и №4, образующие букву «V» острой стороной смотрящую вверх, в середине которой находится зона без орнамента (рис. 4, 3).

Сложных пересекающихся мотивов на ямочно-гребенчатой керамике поселения не выявлено.

Далее рассмотрим образы орнамента. Ю.Б. Цетлиным выделяются двойные и тройные. Двойные делятся на простые и сложные. Простые двойные образы состоят из мотивов, образованных элементами или узорами орнамента. Сложные двойные образы состоят из простых и объединяющихся или пересекающихся мотивов. Тройные образы также могут быть простыми и сложными. Кроме того, они могут быть «симметричными» и «асимметричными». «Симметричные» имеют по краям одинаковые мотивы, а «асимметричные» – разные (Цетлин, 2008, с. 25-26).

Рассмотрим сначала двойные образы. На ямочно-гребенчатой керамике поселения зафиксировано пять простых двойных образов. Все они состоят из простых мотивов. Наиболее часто встречаются образы из ямок и гребенки (76%) (рис. 1, 1, 6-9, 11; 2, 3, 6-8, 11; 3, 4-9), ямок и зон без орнамента (12%) (рис. 3, 7; 4, 2), количество двух остальных равно – из гребенчатого и гладкого штамп (6%) (рис. 2, 5), из ногтевых и ямочных вдавлений (6%) (рис. 2, 10). Асимметричные встречены только при сочетании ямок и гребенки (рис. 1, 1, 6; 2, 6; 3, 4, 5), их доля составляет 37,5%, а симметричных – 62,5% (рис. 1, 7-9, 11; 2, 3, 7, 8, 11; 3, 6, 8, 9).

Тройные образы встречены только простые, при этом симметричные представляют собой – сочетание мотивов из ямочных вдавлений, гребенчатых оттисков и зон без орнамента, они встречены на пяти сосудах (рис. 2, 1, 6-8, 11; 3, 4-9). Асимметричные встречены только на одном сосуде – это сочетание мотива из узоров №1 и №2, образующих зигзагообразную горизонтальную линию, зон без орнамента и ямочных вдавлений.

Технико-технологический анализ керамики проводился по методике предложенной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978). С помощью бинокулярного микроскопа нами проанализированы фрагменты от всех 17 сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией. Было выявлено, что в качестве исходного сырья для них использовалась илистая глина (Бобринский, Васильева, 1998). В единичной концентрации встречены органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев, стебельков растений, нитевидных водорослей, также в керамике найдены отпечаток ребра маленькой рыбы и часть чешуйки. Сырьё среднезапасоченное, с кварцевым окатанным песком размером 0,1-0,5 мм в концентрации 1:9, 1:10 и ниже. В 15 сосудах встречаются железистые частицы, различных форм и плотности. Встречаются окатанные, остроугольные и аморфной формы. Размеры их колеблются от 0,2 до 4 мм. В одном сосуде обнаружена крупная железистая конкреция шириной 10 мм, длиной 10 мм и высотой 5 мм. В тесте четырёх сосудов встречаются комочки высокопластичной непромешанной глины серого цвета размером от 0,2 до 3-4 мм. В формовочной массе трёх сосудов (в незначительной концентрации) встречен шамот размером от 0,5 до 3 мм, в тесте которого в значительной концентрации находится песок размером 0,2-0,3 мм. В формовочную массу одного из сосудов, помимо шамота, добавлена дресва (рис. 3, 3), в концентрации 1:6, 1:7. Она известняковая, остроугольная, размером от 0,5 до 3,5 мм. Кроме того, в свежих изломах шести сосудов встречаются темные незначительные по толщине маслянистые пятна, диаметром до 1 мм, которые можно интерпретировать как органический раствор.

Вся посуда данной группы была изготовлена способами скульптурной лепки. Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налепом, строительным элементом служили лепешкообразные лоскутки различных размеров от 3х3, 3х4 до 4х5 см. Венчики профилированных сосудов состояли из вытянутых лоскутков размером 3х5 см. Выявлено три способа обработки поверхностей: 1 –

заглаживание грубо выделанной кожей; 2 – заглаживание пальцами рук; 3 – расчески, нанесенные пучком сырой травы.

В качестве приёма придания прочности и влагонепроницаемости применялся обжиг. Механическая прочность сосудов средняя, у некоторых – низкая. Окраска изломов горшков представлена четырьмя видами: 1) излом двухслойный: внешний слой – светло-коричневый, 2-3 мм, остальная толща черепка и внутренняя поверхность – темно-серого цвета, мощностью 2-3 мм; 2) излом двухслойный: внешний слой – серый, мощностью 2 мм, остальная толща черепка и внутренняя поверхность – светло-коричневого цвета, мощностью 5 мм; 3) излом трехслойный: внешний и внутренний слои – коричневые, мощностью 1-3 мм, сердцевина – серая, мощностью 2-3 мм; 4) однослойный – вся толща черепка коричневого цвета. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления – 650-700 °С. В то же время, наличие насквозь прокаленных изломов сосудов свидетельствует о существовании способа термической обработки с более длительной выдержкой при высоких температурах.

Сосудов ксизовского типа на поселении было найдено 18. Все они закрытые, семь из них профилированные. Диаметр венчиков 28-48 см, толщина стенок 5-8 мм.

Элементы орнамента на керамике ксизовского типа представлены четырьмя типами, подразделяющимися на 15 подтипов (табл. 1):

I тип. Ямочные вдавления. Подтипы: 1 – почковидные с плоским дном, размером 4-5 x 7-9 мм (рис. 5, 2, 3, 8), использовались для орнаментации керамики в 7,5% случаев; 2 – круглые с плоским дном, диаметром 5 мм (рис. 5, 4) – 3,3%; 3 – округлые мелкие, диаметром 2-3 мм (рис. 5, 12, 21) – 5,4%; 4 – круглые (белемнитные), диаметром 5 мм (рис. 4, 9) – 2,4%; 5 – доля округлых, нанесенных под небольшим наклоном к поверхности (диаметром 4-5 мм) (рис. 5, 7, 15, 16, 20; 6, 3, 6) составила – 8,1%; 6 – удлинённые ямки (3x5 мм) (рис. 4, 13; 7, 5; 8, 1) – 4,5%.

II тип. Оттиски гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – узкий прямоугольный, размеры которого 1-2 x 8-10 мм (рис. 7, 1) – 3,5%; 2 – гребенчатые отпечатки линзовидной формы, с размерами 2-4 x 15-25 мм (рис. 4, 5; 5, 8, 19; 7, 6, 7; 8, 2), достаточно хорошо представлены – 16%; 3 – длинный узкий гребенчатый штамп, размером 1-2 x 25-30 мм (рис. 7, 2) – 3,9%; 4 – короткий широкий 3-4 x 5-7 мм (рис. 4, 12, 13, 15; 5, 6, 9-11; 7, 3, 8; 8, 1, 4, 5) – 10,9%; 5 – двузубый штамп (рис. 4, 10; 5, 7, 15; 6, 6, 7; 8, 6) – 10,2%.

III тип. Оттиски гладкого штампа. Подтипы: 1 – узкий (размером 2x5 мм) (рис. 6, 5) – 1,8%; 2 – широкий, размерами 3-4x 6мм (рис. 4, 4, 5, 9), доля которого составляет 4,2%.

Ногтевых вдавлений на керамику ксизовского типа с данного поселения не наносилось.

V тип. Наколы. Подтипы: 1 – спаренные наколы (рис. 5, 13, 14; 6, 1, 3; 7, 1, 9; 8, 2, 3), их доля составляет 16,2%; 2 – мелкие треугольные наколы (рис. 5, 1; 8, 1) – 2,1%.

На керамике ксизовского типа выявлено шесть узоров орнамента и все они находились на одном сосуде (рис. 8, 1): 1 – один диагонально расположенный ряд наколов, нанесенных раздельно, отклонен влево; 2 – два диагонально расположенных параллельных ряда наколов, нанесенных раздельно, отклонены вправо; 3 – один диагонально расположенный ряд гребенчатых вдавлений, отклонен вправо; 4 – один диагонально расположенный ряд гребенчатых вдавлений, отклонен влево; 5 – треугольник, из параллельных рядов гребенчатых оттисков, вершиной вниз; 6 – треугольник, из параллельных рядов гребенчатых оттисков, вершиной вверх.

Мотивы из элементов орнамента на керамике ксизовского типа делятся на пять типов, четыре из которых подразделяется на подтипы:

I тип. Мотивы из ямочных вдавлений. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд из ямочных вдавлений (рис. 4, 4, 7, 9; 5, 4, 7, 11, 15; 6, 3; 7, 1) наносился в 12% случаев; 2 – два горизонтальных ряда ямочных вдавлений (рис. 5, 12, 19; 7, 6) – 6,3%; 3 – три горизонтальных ряда ямочных вдавлений, диагонально ориентированных относительно вертикальной оси сосуда (рис. 5, 21) – 1,5%; 4 – более трех горизонтальных рядов ямочных вдавлений, ориентированных вертикально (рис. 5, 2) – 1,8%; 5 – более трех горизонтальных рядов ямочных вдавлений, диагонально ориентированных относительно вертикальной оси сосуда (рис. 4, 13; 5, 3) – 6,5%; 6 – более трех горизонтальных рядов ямочных вдавлений, расположенных в шахматном порядке (рис. 7, 5) – 3,6%.

II тип. Мотивы из оттисков гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – гребенчатые вдавления, нанесенные в один горизонтальный ряд (рис. 4, 5; 5, 8; рис. 6, 3; 7, 2; 8, 2), составили 12%; 2 – два горизонтальных ряда гребенчатых оттисков (рис. 5, 6) – 0,9%; 3 – три горизонтальных ряда гребенчатых оттисков (рис. 7, 8) – 1,8%; 4 – более трех горизонтальных рядов гребенчатых оттисков (рис. 4, 12, 15; 5, 9, 10; 8, 1, 5) – 13,5%; 5 – оттиски двузубого штампа, поставленные в один горизонтальный ряд (рис. 5, 7, 15; 6, 6, 7) – 4,5%; 6 – более трех горизонтальных рядов оттисков двузубого штампа (рис. 8, 6) – 1,8%.

III тип. Мотивы из отпечатков гладкого штампа. Подтипы: 1 – два горизонтальных ряда оттисков гладкого штампа (рис. 4, 5) – 0,9%; 2 – три горизонтальных ряда оттисков гладкого штампа (рис. 4, 4, 9) – 0,8%; 3 – более трех горизонтальных рядов оттисков гладкого штампа (рис. 6, 5) – 3,6%.

IV тип. Мотивы из накольчатых вдавлений. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд спаренных наколов (рис. 6, 1), представлены в 3,6% случаев; 2 – более трех горизонтальных рядов спаренных наколов (рис. 4, 14; 5, 13; 6, 3; 7, 1, 9; 8, 2, 3) – 10%; 3 – два горизонтальных ряда мелких треугольных наколов (рис. 4, 7) – 0,9%; 4 – три горизонтальных ряда мелких треугольных наколов, ориентированных вертикально (рис. 5, 1) – 1,6%; 5 – более трех горизонтальных рядов мелких треугольных наколов, диагонально ориентированных (рис. 7, 4) – 1,8%.

V тип. Мотивы из зон без орнамента (рис. 5, 4, 5, 12, 17, 18; 6, 1, 3, 4; 7, 1, 9; 8, 1). Доля их в орнаментации на сосудах составила 10,6%.

Сложных объединяющихся мотивов выявлено два (рис. 8, 1): 1 – представлен горизонтальным поясом, образованным узорами №3 и №4, образующими букву «V», острой стороной вверх, в середине которой находится узор №6; 2 – представлен горизонтальным поясом, образованным узорами №3 и №4, образующими букву «V», острой стороной вниз, в середине которой находится узор №5.

Сложный пересекающийся мотив на керамике ксизовского типа выявлен всего один – это горизонтальный пояс, в виде сочетания узоров №1 и №2, образующих букву «V», острой стороной ориентированную вверх, в середине которой на неорнаментированной зоне находится одно ямочное вдавление (рис. 8, 1).

Теперь рассмотрим образы орнамента. На керамике ксизовского типа с поселения Васильевский Кордон 17 зафиксировано шесть простых двойных образов. Все они состоят из простых мотивов. Наиболее часто встречаются образы из ямок и гребенки (27%) (рис. 5, 8, 11, 16, 19; 7, 6), также, часты сочетания спаренных наколов и зон без орнамента (17%) (рис. 6, 1; 7, 9), ямок и двузубого штампа (17%) (рис. 5, 7, 15; 6, 6), количество трех остальных практически равно – из ямок и зон без орнамента (12%) (рис. 5, 5, 12, 18; 6, 4) ямочных вдавлений и гладкого штампа (15%) (рис. 4, 4, 5, 9), спаренных наколов и гребенчатого штампа (12%) (рис. 8, 2). Все они симметричны.

Тройные простые образы представлены тремя видами, все из которых симметричны: 1 – сочетание мотивов из ямочных вдавлений, гребенчатых оттисков и зон без орнамента (рис. 4, 4, 5); 2 – сочетание мотивов из ямочных вдавлений, спаренных наколов и зон без орнамента (рис. 6, 3; 7, 1); 3 – сочетание мотивов из ямочных вдавлений, наколов и зон без орнамента (рис. 7, 4).

Сложные тройные образы встречены только на одном сосуде (рис. 8, 1), все они симметричны. Сложный, объединяющийся представлен в виде сочетания сложного, объединяющегося мотива, образованного узорами №3 и №4, образующих букву «V», острой стороной направленную вверх, в середине которой находится узор №6, ниже которого находится мотив из более трех горизонтальных рядов гребенчатых оттисков.

Сложный пересекающийся образ представлен в виде сочетания сложного пересекающегося мотива, который состоит из узоров №1 и №2, образующих букву «V», острой стороной смотрящую вверх, в середине которой на неорнаментированной зоне находится одно ямочное вдавление, ниже которого находится мотив из более трех горизонтальных рядов гребенчатых оттисков, под которым находится сложный объединяющийся мотив, образованный узорами №3 и №4, образующими букву «V», острой стороной смотрящую вниз, в середине которой находится узор №6.

С помощью бинокулярного микроскопа нами были проанализированы фрагменты от всех 18 горшков ксизовского типа, найденных на поселении Васильевский Кордон 17. Было выявлено, что в качестве исходного сырья для изготовления шести сосудов использовалась илистая глина, а для изготовления 12 – ил. В тесте сосудов изготовленных из ила кроме глинистого субстрата содержится: 1) естественный песок разной крупности, в различной концентрации; 2) соединения железа в виде оолитового бурого железняка (0,5-3 мм); 3) большое количество полостей от выгоревших растений водного происхождения; 4) отпечатки чешуи и костей рыб. В тесте сосудов, изготовленных из илистой глины, в малой концентрации встречаются органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности, найдены также два отпечатка от нитчатых водорослей. Сырьё среднезапесоченное, с кварцевым песком 0,1-0,4 мм, в концентрации 1:10 и менее.

Вся посуда данной группы была изготовлена способами скульптурной лепки. Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налепом, строительным элементом служили крупные лепешкообразные лоскутки размером около 5х6 см. Основной способ обработки поверхностей – тщательное заглаживание грубо выделанной кожей.

В качестве приема придания прочности и влагонепроницаемости применялся обжиг. Механическая прочность сосудов низкая, реже – средняя. Окраска изломов фрагментов сосудов представлена

тремя видами: 1) излом двухслойный: внешний слой – коричневый, мощностью 1-2 мм, остальная толща черепка и внутренняя поверхность – тёмно-серого цвета, мощностью 4-5 мм; 2) излом двухслойный: внешний слой – коричневый, мощностью 6-7 мм, остальная толща черепка и внутренняя поверхность – темно-серого цвета, мощностью 1 мм; 3) излом трёхслойный: внешний и внутренний слои – коричневые, мощностью 1-3 мм, сердцевина – серая, мощностью 6-7 мм. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления – 650-700°C.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что мотивы и элементы орнамента на ямочно-гребенчатой керамике аналогичны мотивам и элементам на керамике верхнего яруса среднего горизонта Долговской стоянки (Левенок, 1965). Обращает на себя внимание лишь увеличение массовой доли зон без орнамента. В технологии изготовления различия наблюдаются лишь на стадии подготовки формовочных масс (добавление в некоторые сосуды шамота и дресвы в незначительной концентрации), всех остальных этапов гончарного производства изменения не коснулись.

Относительно керамики ксизовского типа не возникает сомнений в том, что она возникла в результате контактов носителей ямочно-гребенчатой керамики и среднестоговской. Об этом говорит смешанная орнаментация. Технологии изготовления также указывают на смешение гончарных традиций. Об этом говорит тот факт, что одна часть сосудов изготовлена из ила, а другая – часть из илистой глины. Притом, что все изученные нами среднестоговские сосуды с поселения Васильевский Кордон 17 изготовлены из ила, а ямочно-гребенчатые – из илистой глины.

Этот процесс происходил в середине IV тыс. до н.э. в связи с тем, что финал бытования населения среднестоговской культуры на территории бассейна Верхнего и Среднего Дона, вероятно, определяется временем 4900 лет BP или 3700 лет BC (по аналогии с имеющимися 14C датами для памятников со среднестоговской керамикой дереивского облика территории Украины) (Скоробогатов, 2013, с. 277) и поселения Ямное на р. Дон (Сурков, Скоробогатов, 2012 С. 58). К этому же времени относятся даты для поздней ямочно-гребенчатой посуды Верхнего Дона (Долуханов, 1972; Сурков, Скоробогатов, 2012.С. 40). Не противоречит этому и одна радиоуглеродная дата, полученная по кости животного из постройки 4 поселения Васильевский Кордон 17 – 4684 ± 100 BP (SPB-1519), из которой происходит керамика обоих вышеописанных типов.

Таблица 1 – Использование элементов орнамента на ямочно-гребенчатой и керамике ксизовского типа

Элементы орнамента		Ямочно-гребенчатая керамика	Ксизовский тип
I	1	11%	7,5%
	2	2,4%	3,3%
	3	2,4%	5,4%
	4	9,9%	2,4%
	5	34%	8,1%
	6	1,7%	4,5%
II	1	8,8%	3,5%
	2	26,2%	16%
	3	-	3,9%
	4	-	10,9%
	5	-	10,2%
III	1	-	1,8%
	2	-	4,2%
	3	2,4%	-
IV		1,2%	-
V	1	-	16,2%
	2	-	2,1%
Всего элементов		17 (100)	18 (100)

Первая цифра – количество экземпляров, вторая (в скобках) – проценты.

Подобная керамика ксизовского типа встречена еще на 16 памятниках Верхнего Подонья. Яркая керамическая коллекция получена в 2016 году на поселении Васильевский Кордон 27.

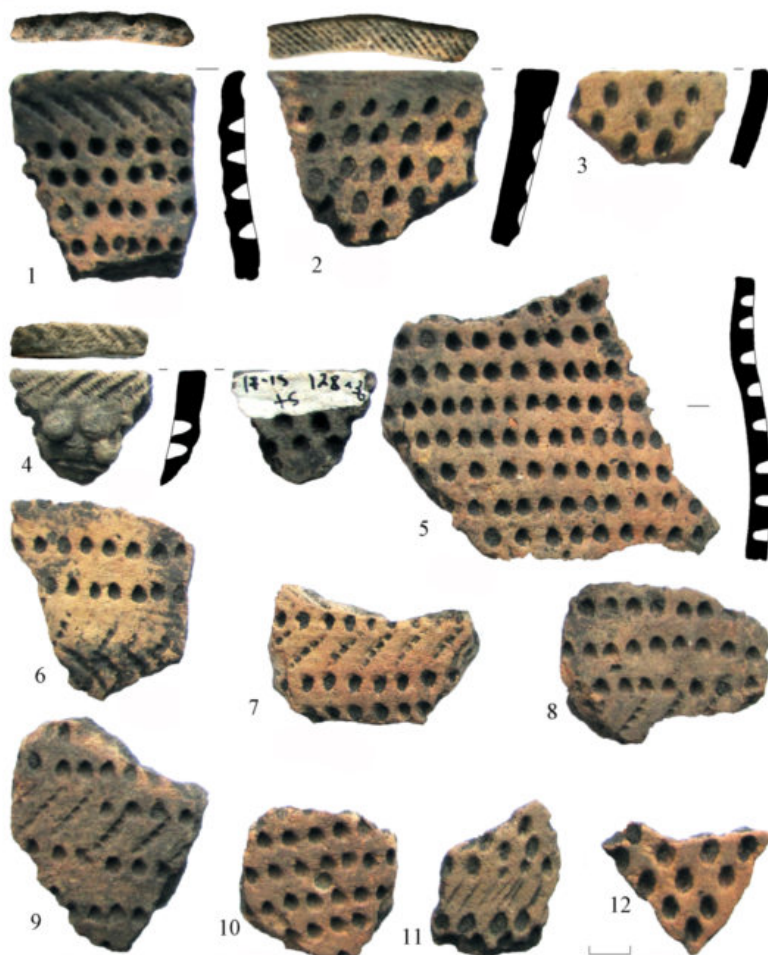

Рис. 1. Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Васильевский Кордон 17

Рис. 2. Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Васильевский Кордон 17

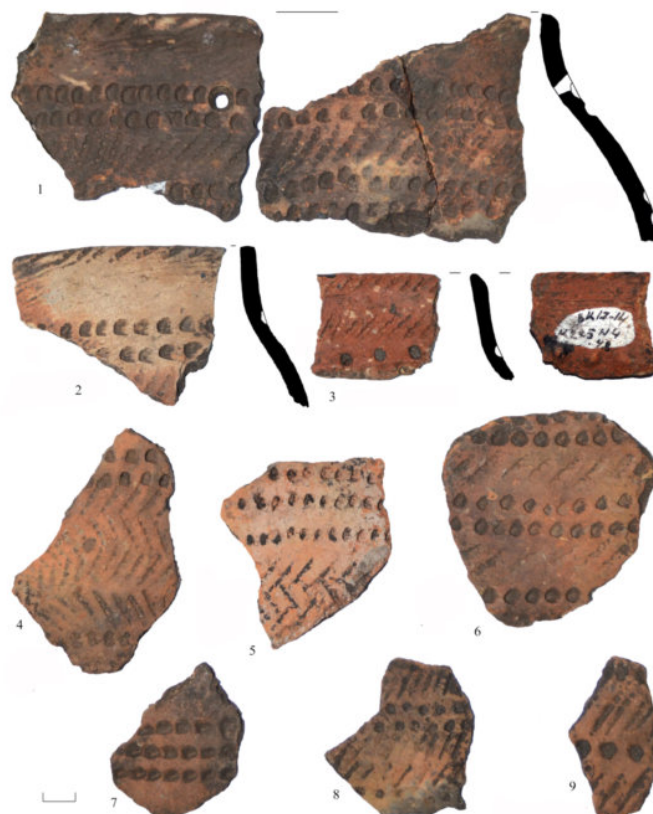

Рис. 3. Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Васильевский Кordon 17

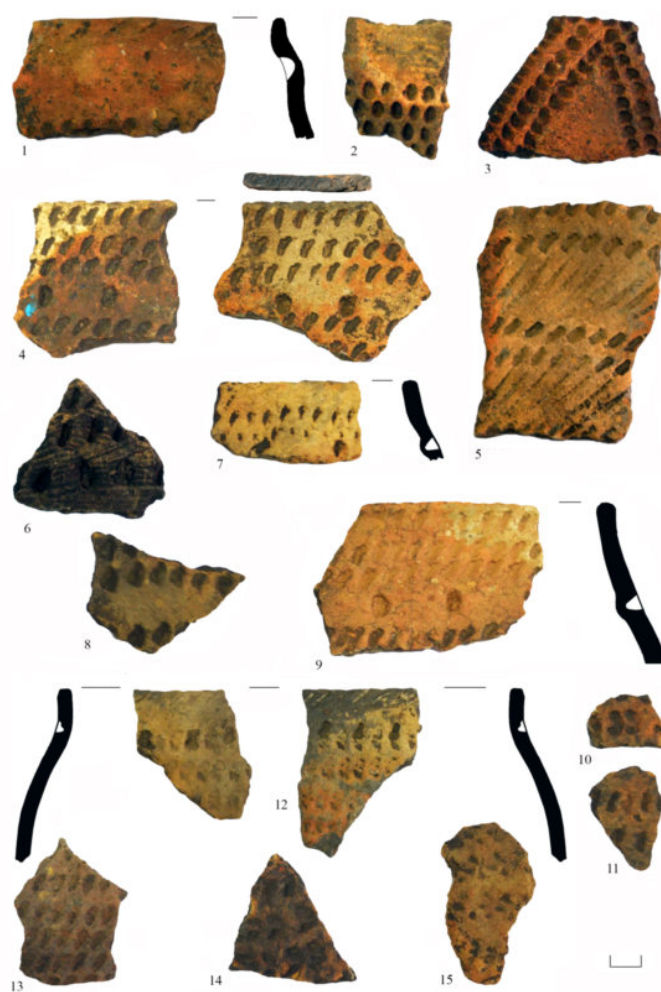

Рис. 4. Поселение Васильевский Кordon 17: 1-3, 6 – ямочно-гребенчатая керамика, 4-5, 7-15 – керамика ксизовского типа

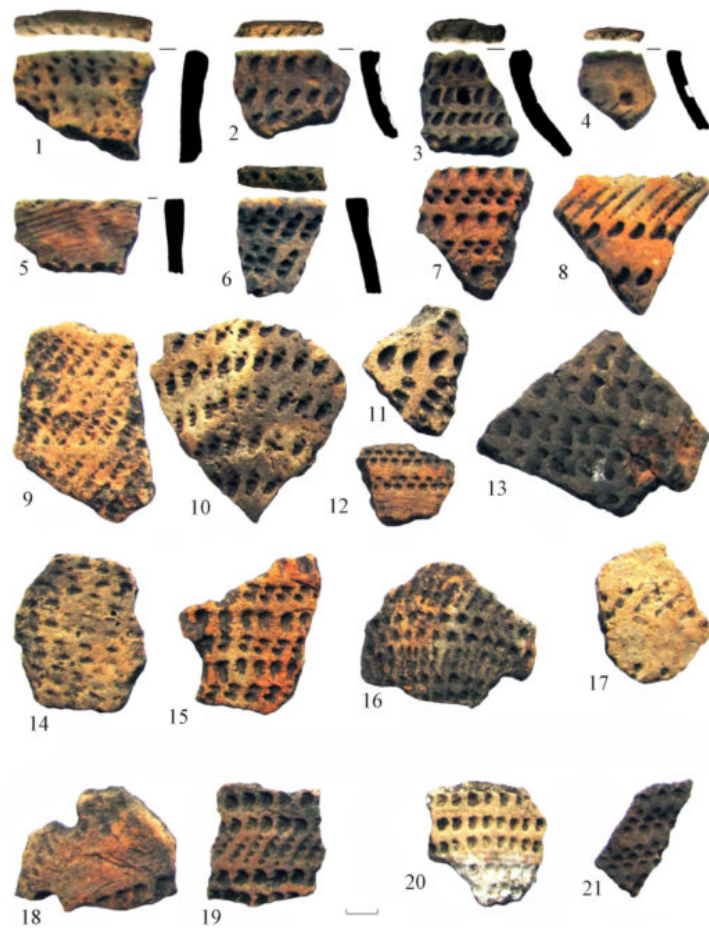

Рис. 5. Керамика ксизовского типа с поселения Васильевский Кordon 17

Рис. 6. Керамика ксизовского типа с поселения Васильевский Кordon 17

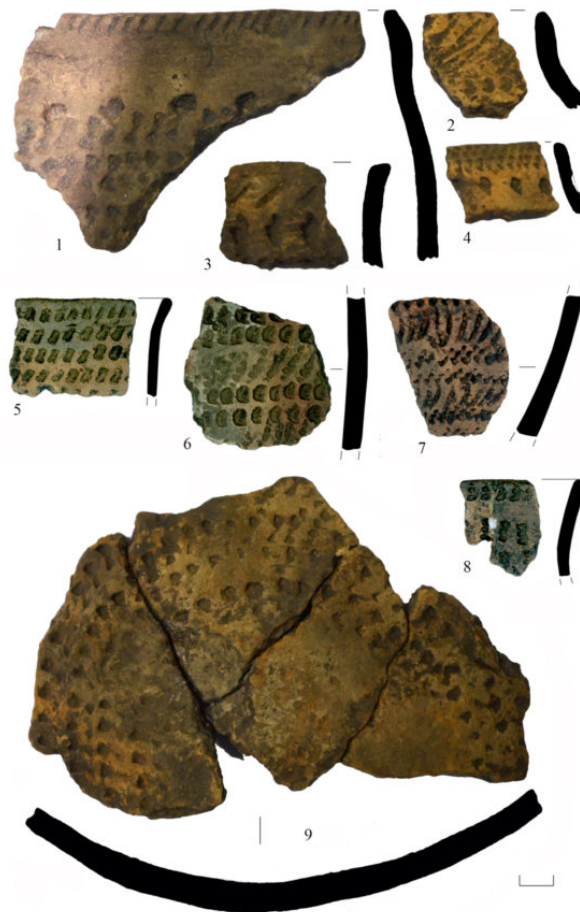

Рис. 7. Керамика ксизовского типа с поселения Васильевский Кордон 17

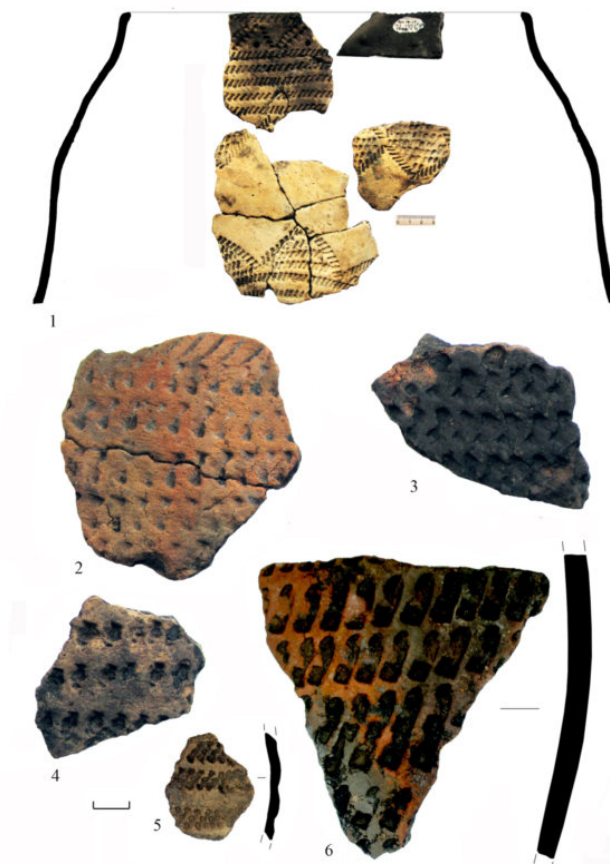

Рис. 8. Керамика ксизовского типа с поселения Васильевский Кордон 17

Список литературы

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А.А. Бобринский – М: Наука. 1978. – 272 с.
2. Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 193-217.
3. Долуханов П.М., Тимофеев В.И. Абсолютная хронология неолита Евразии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972. - С. 28-78.
4. Ключокоть А.А. Отчёт о разведочных исследованиях в Липецкой области в 2008 году. Архив ИА РАН. Р-1.
5. Левенок В.П. Долговская стоянка и её значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА: Палеолит и неолит СССР. Т. 5. № 131. М.-Л.: Наука, 1965. - С. 223-251.
6. Свиридов А.А. Отчёт о раскопках поселения Васильевский Кордон 17 в Добровском районе Липецкой области в 2012 году. Архив ИА РАН. Р-1.
7. Скоробогатов А.М. Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных. Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
8. Сурков А.В., Скоробогатов А.М. Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований). Воронеж, 2012.
9. Смольянинов Р.В. Отчёт о раскопках поселения Васильевский Кордон 17 в Добровском районе Липецкой области в 2013 году. Архив ИА РАН. Р-1.
10. Смольянинов Р.В. Отчёт о раскопках поселения Васильевский Кордон 17 в Добровском районе Липецкой области в 2014 году. Архив ИА РАН. Р-1.
11. Смольянинов Р.В. Отчёт о раскопках поселения Васильевский Кордон 17 в Добровском районе Липецкой области в 2015 году. Архив ИА РАН. Р-1.
12. Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. – Тула: Гриф и К. 2008. – 352 с.

УДК 903.1

В.В. Морозов

Керамика камской культуры из фондов краеведческого музея г. Набережные Челны

Аннотация. В данной статье рассмотрены неолитические керамические материалы из фондов Музея истории г. Набережные Челны, происхождение которых в основном связано с археологическими разведками, проведенными краеведом этого города – Капленко Н.М.

Ключевые слова: археология, неолит, гребенчатая керамика, камская культура.

Abstract. This article describes the Neolithic ceramics (in this article the Neolithic ceramics are considered) from the funds of the Historical Museum of NaberezhnyeChelny, the origin of which is generally bound to the archeological surveys, conducted by the local historian of the city - Kaplenko N.M.

Keywords: archaeology, Neolithic, comb ceramic, Kama culture.

Музей истории города Набережные Челны появился 10 апреля 1972 года. Вплоть до конца 80-х гг. XXвека в него поступали и хранились, как правило, материалы связанные с историей города, за исключением археологической коллекции Набережно-челнинского могильника (раскопки Е.П. Казакова 1968 г.), оставленного носителями срубной культуры (XVI-XV вв. до н.э.).

В 90-е гг. XX в. Набережночелнинский краевед – Капленко Николай Михайлович ведет обследование береговой линии Нижнекамского водохранилища и островов со сбором подъемного материала. Найденные им археологические артефакты передавались в Музей истории города.

Керамический материал, отнесенный к эпохе неолита, состоит из 75 фрагментов керамики. Она происходит из археологических памятников, разрушаемых Нижнекамским водохранилищем:

- ДубовогривскаяПостоянка (63 фр. керамики)
- Каентубинская стоянка (7 фр. Керамики)
- Юртовская стоянка (1 фр. керамики)

– Ильичевский археологический комплекс (1 фр. керамики)

Подъемный материал, хранящийся в музее относится к сборам 1996, 1999, 2008 гг. (рис. 1).

Необходимо остановиться на краткой характеристике археологических памятников, на которых найдена неолитическая керамика:

Дубовогривская стоянка расположена на острове, который образовался после затопления ложа Нижнекамского водохранилища (Археологические ... 1989, с. 33). В 1969 г. на памятнике были проведены стационарные археологические работы (Старостин и др. 1978, с. 109-121). Стоянка осматривалась экспедициями по мониторингу Нижнекамского водохранилища 1985, 1995, 2009-2010 гг. (Чижевский и др. 2012, с. 94). И раскапывалась с 2011 по 2015 гг.

Каентубинская стоянка расположена на одноименном острове в 4 км на север, напротив села Гулюково. Памятник открыт в 90-х гг. прошлого столетия Н.М. Капленко, где им, в разрушаемом водохранилищем культурном слое, были зафиксированы материалы эпох неолита, энеолита и бронзы. Часть материалов из раскопок Н.М. Капленко опубликована (Чижевский и др. 2012; Они же, 2015). В 2006 году на памятнике, точнее будет сказать на ее сохранившейся части, были предприняты охранно-спасательные работы под руководством А.А. Чижевского.

Юртовская стоянка расположена у бывшего села Мензелинского района Республики Татарстан (Археологические ... 1989, с. 64). Сейчас, это место представляет собой протоку, соединяющую водохранилище с руслом р. Кама. Природно-географическое расположение памятника, его удаленность и сотни камышовых островов, представляет затруднительным мониторинг данной стоянки. Юртовские стоянки осматривались в 1996 г. сотрудниками Национального центра археологических исследований (НЦАИ) г. Казани – Р.С. Габяшевым, В.Н. Марковым, А.А. Чижевским и краеведом Н.М. Капленко. В весеннее половодье и во время подъема уровня Нижнекамского водохранилища стоянка подтапливается.

Ильичевский археологический комплекс расположен в Тукаевском районе Республики Татарстан на территории современного садового общества. В 1968 г. прослежен выход культурного слоя мощностью до 60 см. Подъемный материал состоял из кремневых орудий, пластин, отщепов, бронзового ножа и керамики эпохи неолита, бронзы и I тыс. н.э. (Археологические ... 1989, с. 33). В 90-е годы памятник осматривался Капленко Н.М., а также сотрудниками НЦАИ. В 2009 г. археологический памятник осмотрели А.А. Чижевский и А.В. Лыганов и зафиксировали следующее: Территория археологического комплекса полностью застроена дачными домами и коттеджами. Для укрепления берега был завезен песок и камни. В оставшихся обнажениях культурный слой прослежен не был. В связи с этим, можно сделать вывод о том, что данный археологический памятник уничтожен.

Вся описываемая неолитическая керамика из музея, подразделяется на несколько типов:

– Наиболее массово (61 экз.) представлены фрагменты керамики с венчиками и стенками хорошо обожженной, толстостенной лепной посуды с примесью шамота и песка. Они происходят с Дубовогривской II, Каентубинской, Юртовской стоянок и Ильичевского археологического комплекса. Судя по венчикам, большинство сосудов имело закрытую форму. В большинстве своем венчики округлые искошенные вовнутрь и на некоторых присутствует наплыв с внутренней стороны. Керамика украшена гребенчатым штампом по всей поверхности посуды. Штампы различных размеров. Оттиски представлены как короткими (рис. 2.1; рис. 5. 6,7; рис. 6.6.), так и длинными инструментами (рис. 4.2; рис. 5.7; рис. 6.2.). Сами зубцы преимущественно прямые, но встречаются и косо поставленные (рис. 3.1; рис. 5.3.). Орнаментальные мотивы не сложные и состоят из рядов длинного вертикального штампа, чередующихся с короткими наклонными линиями (рис. 3.3; рис. 4.2; рис. 6.7), длинный наклонный гребенчатый штамп и короткие зубчатые оттиски (гусенички) (рис. 3.1; рис. 6.4), зигзага (рис. 3.2; рис. 5.3.). Представляет интерес орнаментальный мотив на одном из венчиков. Фрагмент орнаментирован под срезом двумя горизонтальными рядами зигзага, которые образуют ромбы (рис. 3. 2). Данная керамика находит широкие аналогии на всем протяжении течения р. Кама, а также на Средней Волге. Аналогии данной керамики известны из эталонных памятников эпохи развитого неолита камской культуры – II Лебединской стоянки (Халиков. 1969, с. 63; Габяшев. 2003, с. 199) и Хуторской стоянки (Выборнов. 2008а, с. 462).

– Второй тип керамики (8 экз.) происходит с Дубовогривской стоянки. Керамика с примесью шамота и песка, украшенная коротким ногтевидным штампом – «насечками». Композиции орнамента образуют сочетания наклонных линий переходящих в горизонтальный зигзаг из насечек (рис. 2.4). Данный тип керамики по своим технико-типологическим свойствам не отличается от посуды камской культуры. Керамика с насечками в различных процентных соотношениях бытует совместно с керамикой камской культуры. Ближайшие аналогии данной керамики происходят из Гулюковской I стоянки. (Лыганов и др. 2015, с. 74, рис. 2.3), и каждый год собирается в подъемном материале Дубовог-

ривской II стоянки с 2011 г. (раскопки А.А. Чижевского, А.В. Лыганова), на стоянке Сауз I, близ устья р. Белой (Выборнов и др., 1984, с. 3-21; Выборнов, 2008а, с. 183, 188). Исследователи предполагают происхождение данного типа посуды из Лесостепного Поволжья. Начиная с ранних периодов неолита, она проникает в Прикамье (Выборнов, 2008а, с. 186, 189).

– Третий тип керамики представлен 4 фрагментами. Происходят они с Каентубинской и Дубовогривской II стоянки. Керамика толстостенная и с примесью шамота. Тесто имеет хороший обжиг, и цвет черепков варьирует от светло-коричневого до темно-серого. Орнамент представлен двумя рядами ямок по тулову сосуда расположенный на углах горизонтального зигзага выполненного гребенчатым штампом (рис. 5.2; рис. 6.3). Культурная принадлежность данной керамики восходит к миру ямочно-гребенчатых культур, ареал распространения которых находился западнее Нижнего Прикамья. О возможной инфильтрации отдельных групп населения балахнинской ямочно-гребенчатой керамики вверх по течению реки Камы, а также по ее притокам вплоть до впадения в нее р. Белой писалось ранее (Выборнов, 2008а, с. 180, 211). Влияние ямочно-гребенчатого мира на керамическую посуду камской культуры отмечал Р.С. Габышев (Габышев, 2003, с. 120). Ближайшие аналоги данного орнаментального мотива на керамике камской культуры имеются в Камско-Вятском междуречье на стоянке Кутурган-Ерганак (Выборнов, 2008а, с. 450, рис. 202). Данный орнаментальный мотив характерен для сосудов III группы гребенчатой (камской) керамики Иско-Бельского междуречья (Габышев, 2003, с. 222, рис. 81).

– Четвертый тип керамики состоит из двух фрагментов от придонных частей сосудов из сборов Дубовогривской II стоянки 1996 и 1999 гг. Цвет черепков коричневый – светло-коричневый. В тесте примесь мелкого шамота. Обращает на себя внимание то, что и орнамент и форма донца не характерны для камского неолита. Орнамент выполнен гребенчатым штампом, иногда с еле заметными зубцами. В орнаментальном мотиве характерна горизонтальная зональность. Штамп нанесен вертикальными отгисками по 3-5 линий, разделительные зоны которых перекрыты короткими косыми линиями (рис. 2.2; 4.1). Определить культурную принадлежность данного типа керамики представляется затруднительным. Дубовогривская II стоянка известна тем, что в неолитических напластованиях, она содержит два типа керамики, гребенчатую (классическую) камскую и накольчатую. Накольчатая керамика характеризуется баночными формами и плоскими днищами. Можно предположить, что на данных черепках мы видим влияние накольчатой традиции на гребенчатую, в результате чего, на посуде последней появляются плоские днища. Гибридная керамика на данном памятнике отмечалась исследователями (Габышев, 2003). Но с другой стороны, подобного орнаментального мотива выполненного гребенчатым штампом нет и на посуде камской культуры. Поэтому вряд ли стоит полагать на взаимовлияние двух традиций, в результате чего на данном археологическом памятнике появились подобная керамика. Культурная принадлежность данного типа керамической посуды, а также ее истоки, может быть выяснена в ближайшее время. Археологический материал со Дубовогривской II стоянки последних лет, только вводится в научный оборот (Чижевский и др., 2012).

В последние годы, для решения проблем по абсолютной хронологии неолита Волго-Камья, активно используют радиоуглеродный метод датирования. Так, для гребенчатой керамики идентичной посуде первого типа, получено несколько дат по C14 (все последующие даты в калиброванном значении). Опорный памятник в Нижнем Прикамье – II Лебединская стоянка: 1σ 4620-4440; 2σ 4720-4330 BC (Выборнов, 2008а, с. 243). Эталонный археологический памятник камского неолита – хutorская стоянка имеет более широкие датировки: 1σ 4860-4710; 2σ 5000-4590 BC (жилище 1), 1σ 4490-4490; 2σ 4790-4440 BC (жилище 1), 1σ 4860-4710; 2σ 5030-4540 BC (жилище 2) (Выборнов, 2008а, с. 246; Выборнов, 2008б, с. 20). 1σ 3962-3706; 2σ 4053-3628. 1σ 3938-3860; 2σ 3995-3627. 1σ 4250-3650; 2σ 4500-3300; 1σ 4790-4590; 2σ 4860-4490 BC – по материалу 2006 г. (Лычагина, 2011, с. 17). Каентубинская стоянка: 1σ 4620-4440; 2σ 4710-4350; 1σ 4540-4350; 2σ 4680-4330 BC (Выборнов, 2008а, с. 243).

Для второго типа керамики, характерной чертой которой является орнамент из «насечек» на примере ближайшего археологического памятника с подобным типом керамики существует определение: III Русско-Азиевская стоянка – 1σ 4230-4180; 2σ 4350-3800 BC (там же, с. 243), т.е. последняя четверть IV тыс. до н.э.

Таким образом, характерной чертой неолита левобережья Нижнекамского водохранилища, являются керамические сосуды в большинстве своем закрытой формы, имеющие иногда наплыв на внутренней стороне венчика. Орнамент выполнен гребенчатой техникой различной длины, но с преобладанием длинного штампа с прямыми, или косыми зубцами. С данной керамикой на большинстве памятников присутствует посуда украшенная насечками. Иногда на керамике присутствуют ямки по тулову. В целом, данная керамика соотносится с развитым, или поздним этапом неолита Прикамья.

Гребенчатая керамика камской неолитической культуры, найденная в подъемном материале, судя по аналогам Нижней и Средней Камы, укладывается во вторую четверть – середину IV тыс. до н.э. В тоже время новые материалы с Хуторской стоянки (2006 г.) по радиоуглеродному анализу (С-14) дали более молодой возраст (Лычагина, 2011, с. 18).

Для определения нижней границы камского неолита, необходим поиск ранненеолитических памятников в Икско-Бельском междуречье. Поиски памятников начались еще в прошлом веке, когда была найдена первая стоянка, достоверно содержащая керамику раннего неолита, а в совокупности с найденной неподалеку позднемезолитическим памятником, были наработаны первые тезисы о генезисе камского неолита (Выборнов, 1987, с. 104-108; Выборнов и др., 1988, с. 71-75).

Нижекамское водохранилище известно наличием таких эталонных памятников, как Дубовогривская II, Игимская, Золотая падь II. Археологическими комплексами у сёл Татарский Азибей, Русский Азибей, которые характеризуются материалами развитого, финального неолита и эры раннего металла. Поэтому поиск ранненеолитических памятников остается актуальным.

Завершая краткий обзор керамики позднего каменного века из Музея истории г. Набережные Челны необходимо повторно подчеркнуть, о различном состоянии археологических памятников. Ильичевский археологический комплекс, полностью уничтожен антропогенным воздействием, а на Каентубинской стоянке охранно-спасательными работами были исследованы остатки многослойного археологического памятника, в результате чего, стоянку можно считать полностью изученной. Юртовская стоянка исследовалась лишь разведками. Из-за своего географического положения она труднодоступна для ежегодного мониторинга. В результате подъема уровня воды на Нижекамском водохранилище, к настоящему моменту, она может быть полностью подтопленной и «потерянной» для науки. Иначе обстоит дело с Дубовогривской II стоянкой. На протяжении 90-х гг. прошлого века она практически ежегодно осматривалась сотрудниками НЦАИ (г. Казань). В 2009 г. археологической разведкой под руководством А.А. Чижевского было зафиксировано сильное воздействие Нижекамского водохранилища на берег, в результате чего, береговая линия была усыпана археологическими артефактами из разрушенного культурного слоя. В последующие года (2010-2015) памятник исследовался стационарно (раскопки А.А. Чижевского, А.В. Лыганова), где были выявлены ямы, содержащие неолитическую керамику, а также собран интереснейший материал, относящийся к позднему каменному веку, который готовится к публикации.

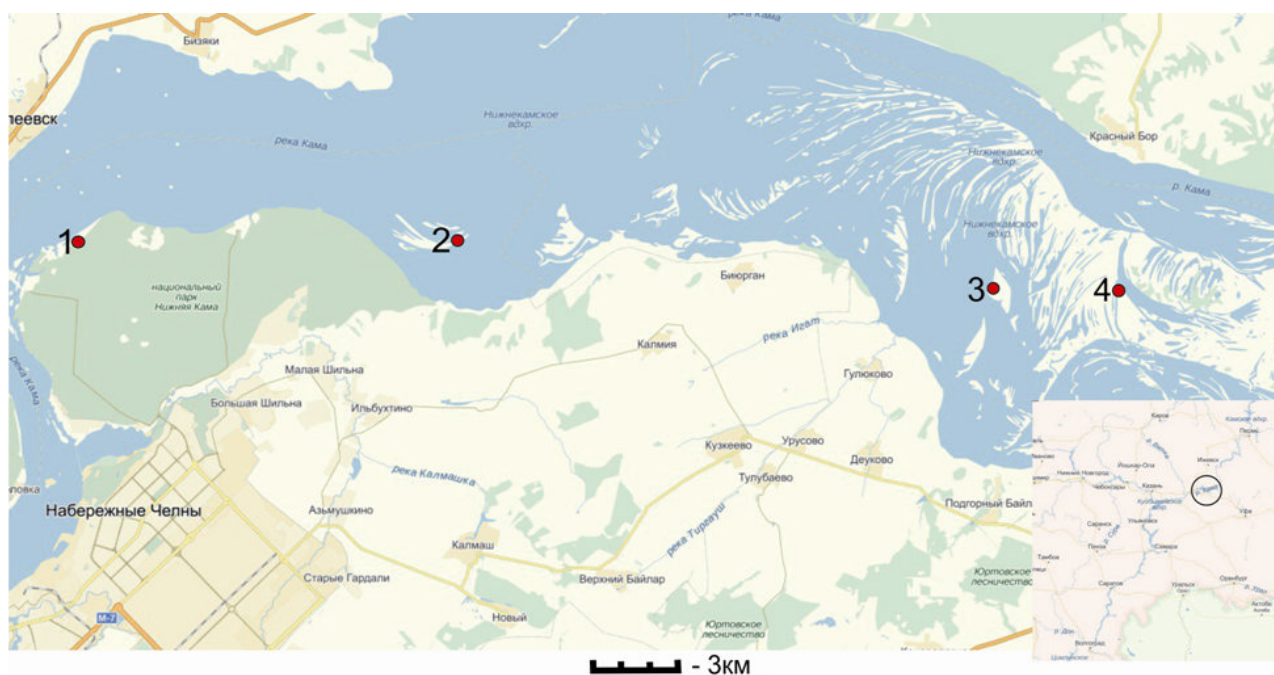

Рис. 1. 1 – Ильичевский археологический комплекс. 2 – Дубовогривская II стоянка.
3 – Каен-Тубинская стоянка. 4 – Юртовская стоянка

Рис. 2. Дубовогривская II стоянка. Подъемный материал 1996 г. 1-3. Гребенчатая керамика
4. Керамика с насечками

Рис. 3. Дубовогривская II стоянка. Подъемный материал 1996 г. Керамика камской культуры

Рис. 4. Дубовогривская II стоянка. Подъемный материал 1996 г.

Рис. 5. Каен-Тубинская стоянка. Подъемный материал 1999 г.

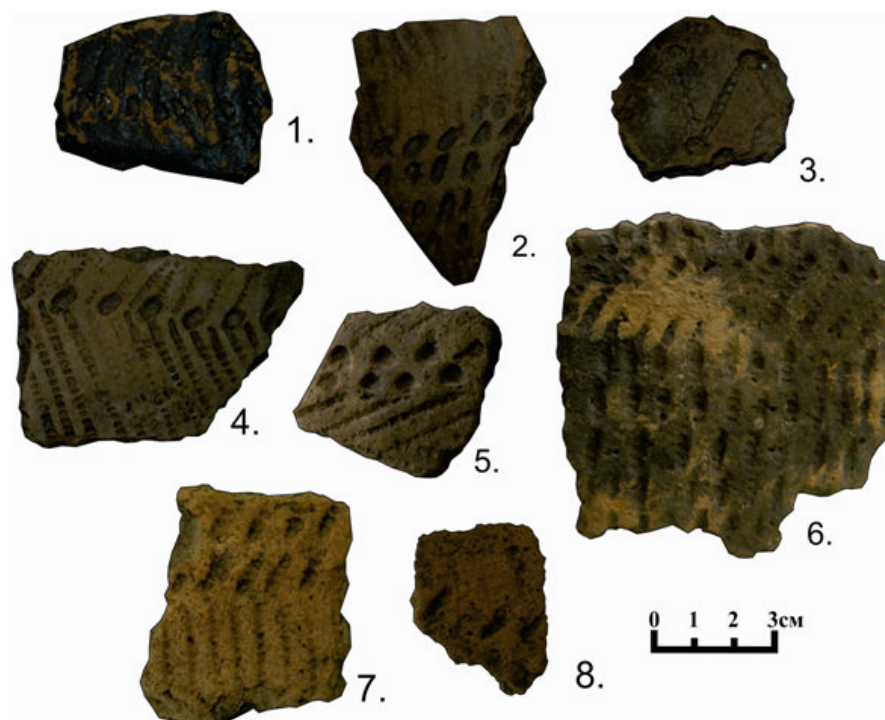

Рис. 6. 1-4. Дубовогривская II стоянка. Подъемный материал 1999 г.
 5-6. Дубовогривская II стоянка. Подъемный материал 2008 г.
 7. Ильичевский археологический комплекс. П.М. 1999 г.
 8. Юртовская стоянка. Подъемный материал 1999 г.

Список литературы

1. Выборнов А.А. Обыденнов М.Ф. Обыденнова Г.Т. Поселение Сауз I в устье р. Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев: ПИ, 1984 – С. 3-21.
2. Выборнов А.А. Стоянка Зиарат I в устье р. Белая // КСИА. Вып. 189. – М: Наука, 1987. – С. 104-108.
3. Выборнов А.А. Крижевская Л.Я. Ранненеолитическая стоянка Зиарат в устье р. Белая // КСИА. Вып. 193. – М: Наука, 1988. – С. 71-75.
4. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара: Изд-во СГПУ, 2008а. – 490 с.
5. Выборнов А.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья // Археология, этнография и антропология Евразии. – Вып. 4. 2008б. – С. 15-24.
6. Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V-III тысячелетиях до н.э. – Казань: Изд-во «Фэн», 2003. – 222 с.
7. Лыганов А.В. Галимова М.Ш. Морозов В.В. Бугров Д.Г. Керамические и кремневые материалы Гулюковской I стоянки: К проблеме разграничения гребенчатых и накольчатых комплексов позднего неолита Иско-Бельского междуречья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. – СПб: ИИИМК РАН, 2015. – С. 71-75.
8. Лычагина Е.Л. Проблемы хронологии неолита – раннего энеолита Прикамья // Вестник Пермского университета. – Вып. 1, 2011. – С. 17-21.
9. Старостин П.Н; Габяшев Р.С. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Иско-Бельского междуречья. Отчеты нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР. Вып. 2. – Казань: 1978. – С. 109-121.
10. Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследования памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009-2010 гг. // Поволжская Археология №1. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ. 2012. – С. 94-116.
11. Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Исследования Каентубинской островной стоянки // Уфимский археологический вестник. Вып. 12. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – С. 71-80.
12. Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Каентубинская островная стоянка неолита – позднего периода эпохи бронзы (по итогам исследований 2005 г.) // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I. – Тверь: ООО Издательство «Триада», 2015. – С. 184-194.
13. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Изд-во «Наука», 1969. – 394 с.

Исследования памятников каменного века в Среднем Похоперье в 2014-2015 гг.

Аннотация. В статье приводятся результаты раскопок стоянки Плаутино 4 в 2014 г. и разведочные работы на стоянках Борисоглебская 1 и Ловчак 7 в 2015 г.

На стоянке Плаутино 4 раскопано 32 кв.м, обнаружено 884 ед. находок из которых только 44 – керамика. Материалы памятника позволяют датировать его от позднего мезолита до раннего железного века.

Стоянка Борисоглебская 1 относится к неолиту-энеолиту и эпохе бронзы. Помимо выразительных материалов в шурфе обнаружено энеолитическое погребение. Стоянка Ловчак 7 является однослойным неолитическим памятником, в связи с чем представляет значительный интерес для изучения эпохи.

Ключевые слова: каменный век, Среднее Похоперье, раскопки, погребение.

Abstract. The article presents the results of excavations the sites Plautino 4 in 2014 and exploration work on sites Borisoglebskaya 1 and Lovchak 7 in 2015/

The sites Plautino 4 excavated 32 meters, found 884 units. Occurrences of which only 44 - ceramics. The materials allow a monument dating from the Late Mesolithic it to the early Iron Age.

The sites Borisoglebskaya 1 refers to the Neo-Eneolithic and the Bronze Age. In addition to expressive materials found Chalcolithic burial pits. The sites Lovchak 7 is a single layer Neolithic sites, and therefore of great interest for the study period.

Keywords: stone age, Middle Pochopili, excavations, burial.

В 2014-2015 г. автором статьи были продолжены исследования памятников каменного века в Среднем Похоперье. Так, в полевом сезоне 2014 г. удалось провести раскопки стоянки Плаутино 4, а в 2015 г. обследована пойма р. Хопер восточнее г. Борисоглебск.

Стоянка Плаутино 4 была обнаружена в 2002 г. автором. Расположена на береговом валу, возвышающимся до 1,5 м над открытой заболоченной поймой в правобережье приустьевой части р. Савала (рис. 1). Вал имеет серповидную форму и вытянут по линии юго-восток – северо-запад на 250 м, при этом ширина вала в среднем составляет около 40 м. В центральной части вала имеются несколько деревьев и редкий кустарник, остальная часть вала покрыта слабым дерном, местами практически полностью развеянным.

С поверхности памятника и из заложенного шурфа были получены керамика и каменные находки, датированные поздним мезолитом и неолитом (VII – III тыс. до н.э.) (Сурков, 2002). В 2003 г. данный памятник был обследован в ходе разведочных работ под руководством И.В. Федюнина. На северном склоне берегового вала заложен шурф, показавший сохранность слоя. В шурфе были обнаружены фрагменты неолитической керамики и каменные орудия (Федюнин, 2003).

В 2004 г. на северной оконечности вала автором был заложен раскоп площадью 20 кв.м. Проведенный к.и.н. В.В. Киллейниковым транслатологический анализ каменного инвентаря стоянки Плаутино 4 из раскопа 2004 г. показал функциональное разнообразие типов орудий, представляющих хозяйственные отрасли и производства, типичные для палеоэкономической модели неолитической эпохи лесостепи Восточной Европы (Киллейников, Сурков, 2005). По итогам анализа также было отмечено, что несмотря на абсолютное доминирование находок из кварцита (сливного песчаника), что в целом характерно для стоянок Похоперья, из него изготовлено 37% от общего числа орудий, тогда как из кремня 63 %.

Для стоянки Плаутино 4 имеются данные по спорово-пыльцевому анализу. Исследования проведены старшим научным сотрудником ВГУ Т.Ф. Трегуб и опубликованы (Сурков, Трегуб, Федюнин, 2005). На основании особенностей флористического состава здесь выделяются три палинозоны, отражающие возрастание теплообеспеченности. Общий состав растительности и соотношение отдельных компонентов, на протяжении формирования разреза Плаутино 4, позволяет коррелировать палеогеографические события первой и второй палинозон с атлантическим периодом голоцена, а тре-

тью палинозону как один из переходных этапов от атлантики к суббореалу.

В июле 2014 г. в северо-западной части памятника был заложен раскоп 2 площадью 4x8 м (32 кв.м), вытянутый длинной стороной по линии север-юг. Нечеткая граница между стратиграфическими слоями не позволила разделить находки по горизонтам залегания, а судя по керамическим находкам слои памятника перемешаны. В ходе исследования зафиксирована типичная для пойменных памятников стратиграфия (рис. 1): под дерном залегали слои темной илистой супеси мощностью до 0,2 м, серо-коричневой супеси мощностью около 0,4 см и светло-серой супеси мощностью 0,2-0,3 м.

Основное количество керамики обнаружено в южной части раскопа. Находки из кремня также располагались преимущественно в центральной и южной частях раскопа, а кварцитовые орудия и отходы производства залегали в раскопе практически равномерно. В поглубинном отношении большинство предметов связано с серо-коричневой супесью.

В раскопе найдено 44 фрагмента керамики. К раннему железному веку можно отнести 12 фрагментов (6 венчиков и 6 стенок) (рис. 2, 1-3), причем четыре фрагмента венчика с защипами по внешнему краю относились к одному сосуду (рис. 2, 2). Керамика этого времени имеет светло-коричневый цвет поверхностей, плотная без видимых примесей. К эпохе бронзы относятся только два фрагмента стенок, одна из которых была орнаментирована оттисками гребенки, в тесте - примесь шамота (рис. 2, 7).

К неолитическому времени можно отнести 30 фрагментов, среди которых только четыре венчика, а остальное стенки. Один из венчиков не орнаментирован и имеет стянутое горло (рис. 2, 4), а второй украшен раздельными оттисками крупного накола (рис. 2, 5).

Два фрагмента венчика одного сосуда, (рис. 2, 6) были украшены ямками и спаренными прочерками, выполненными одним и тем же инструментом, по внутреннему краю венчика нанесены оттиски короткозубой гребенки зонами из наклонных рядов, образующих зигзаг. В тесте данного сосуда обильная органическая примесь: на поверхностях фиксируются длинные выгоревшие волокна.

Шесть фрагментов неолитической керамики не орнаментированы, остальная неолитическая керамика была украшена наколами - 8 ед. (рис. 2, 8, 10), ямками, гребенкой и прочерками - по 3 ед. (рис. 2, 12-13), наконечничато-гребенчатым орнаментом (рис. 2, 9) и ямочно-наконечничатым (рис. 2, 11).

По составу теста большинство керамики может относиться к местному неолиту: тесто плотное, без видимых примесей. Но имеются и фрагменты с органикой (вышеописанный венчик) и один фрагмент с примесью дресвы (рис. 2, 11).

Неолитическая керамика неоднородна в культурно-хронологическом плане. Часть неорнаментированных стенок и фрагмент венчика без орнамента находит аналогии в кругу елшанских древностей раннего неолита, прочерченная керамика соотносится с дронихинской культурой, датирующейся развитым этапом неолита. Наконечничатая и гребенчатая керамика аналогична среднедонской культуре, а фрагмент с примесью дресвы близок кругу позднелыловских памятников.

В раскопе обнаружено всего 840 каменных предметов, преимущественно из местного кварцита (сливной песчаник) - 687 ед.; разноцветного карбонового (124 ед.) и мелового кремня (21 ед.).

Основное количество находок - отходы производства: различные отщепы, сколы и чешуйки. Для кварцита доля отходов производства составляет 84%, а для кремня 65%. При этом кремневые нуклеусы и сколы подправки, несмотря на то, что их почти столько же, сколько и кварцитовых - 14 против 15, аморфные и предельно утилизированные, служившие для снятия отщепов. Кварцитовые нуклеусы помимо аморфных представлены и одноплощадочными конусовидными для снятия пластин (рис. 3, 1-3).

Среди орудий выделяются 3 ножа (рис. 3, 4-6), два на отщепах удлиненных пропорций (один обушковый) (рис. 3, 4, 6) и на пластинчатом сколе с притупленным ретушью концом (рис. 3, 5). Наконечников стрел обнаружено 3 - два черешковых кварцитовых (рис. 3, 7-8) и один с выемкой под черешок и обломанным острием из мергеля (рис. 3, 9).

Резцов на кварците три экземпляра, у одного ретушью оформлена обушковая часть (рис. 3, 11). Еще по одному изделию сочетали резец со скребком из кварцита (рис. 3, 10) и кремневый резец со скребком. Три изделия могут быть отнесены к перфораторам (рис. 3, 12). Наибольшее количество орудий относится к скребкам - четыре из кремня (рис. 3, 14) и восемь из кварцита (рис. 3, 13, 15-17), по форме они не образуют устойчивых групп. 17 предметов несут следы утилизации или нерегулярной ретуши.

Общее количество пластин составляет 10% от каменных изделий - 84 экземпляра. При этом в рамках кремневых изделий этот показатель достигает почти 16%.

Целых пластин не много: одна кремневая и 10 кварцитовых (рис. 4), проксимальных частей пластин 12 из кремня и 21 из кварцита, а медиальных и дистальных сечений из обеих пород по 5 и 15 соответственно.

По ширине пластины распределяются неравномерно. Кремневых больше всего с шириной в 0,5 см (6 ед.), затем в 1 см (4 ед.) и 0,7 и 0,9 по 3 экз. Кварцитовые пластины по ширине показывают наибольшее количество при 0,8 см (18 экз.), 0,7 см – 13 экз., 0,6 см – 10 экз.

На некоторых фрагментах кремневых пластин имеется ретушь (рис. 4, 14-15), в раскопе также обнаружен обломок трапеции из черного мелового кремня (рис. 4, 16).

Из прочих пород камня в раскопе обнаружено 5 предметов из сланца: два отщепа, отбойник, целое тесло с сильно забитой обушковой частью и выкрошенным лезвием (рис. 4, 1) и обушковая часть миниатюрного тесла из коричневого сланца (рис. 4, 2). Среди двух предметов из гранита один использовался в качестве отбойника. Помимо этого в раскопе найдена плитка из бурого железняка с пришлифованной поверхностью.

Таким образом, общая насыщенность слоя составила около 27 единиц на кв. м (всего учтено 884 ед.). В раскопе выделены слои серо-коричневой и светло-серой супеси. Основной этап заселения памятника связан с развитым и поздним неолитом (V-IV тыс. до н.э.), с последующим эпизодическим посещением его в бронзовом и раннем железном веках.

В ходе раскопок не удалось однозначно решить вопрос о хронологии нижнего слоя светлой супеси, поскольку он с равным успехом может быть датирован как поздним мезолитом, так и ранним неолитом.

В 2015 г. в ходе разведочных работ были обследованы ранее известные памятники неолита в окрестностях г. Борисоглебск (Борисоглебская 1 и Ловчак 7), а также проведено обследование поймы р. Хопер около с. Пески, где стоянок неолита-энеолита не обнаружено, несмотря на обилие перспективных для заселения останцов террас и береговых валов – выявленные поселения связаны только с лесостепной срубной культурой эпохи бронзы.

Стоянка Борисоглебская 1 расположена в 0,8 км к западу от юго-западной окраины г. Борисоглебска на оконечности берегового вала в правобережной пойме р. Хопер, вплотную примыкающего к слегка заболоченной старице (Синюк А.Т., 1986). Вал возвышается над поймой на 2 м и подвергается ветровой эрозии. В 2004 г. стоянка была обследована в ходе разведки под руководством И.В. Федюнина (Федюнин И.В., 2004).

В 2015 г. на памятники нами был собран подъемный материал, состоящий из 32 фрагментов стенок сосудов и 68 каменных предметов.

Керамика датируется эпохой бронзы (3 ед.), 3 ед. – энеолитом (рис. 5, 1-2); остальная – неолитическая, при этом 4 фрагмента с примесью дресвы можно отнести к позднелыловским (рис. 5, 3), 11 – к дронихинской культуре, 1 – к среднедонской. 7 фрагментов относятся к развалу одного сосуда, украшенного спаренными зубчатыми наколами в отступающей манере (рис. 5, 10-11), нанесенными горизонтальными рядами, зонами из зигзага, наклонных линий. Еще три фрагмента предварительно можно датировать ранним неолитом – это тонкостенная плотная керамика с залощенной внешней поверхностью, украшенная мелкими ямками и зубчатым штампом (рис. 5, 7-9).

Камень из сборов в основном отходы производства – 3 сланцевых отщепа, 20 кремневых и 31 кварцитовых. Пластины и их сечения только кварцитовые – 7 ед. (рис. 5, 12-14), одно из медиальных сечений имеет по лезвию следы утилизации, а второе лезвие его притуплено резцовым сколом. Среди орудий обломок обушковой части кремневого наконечника стрелы (рис. 5, 15), четыре скребка, один из которых кремневый (рис. 5, 16), скребок-развертка на кварцитовой пластине (рис. 5, 17) и нож на кварцитовом отщепе (рис. 5, 18).

В западной части памятника заложен шурф размером 1х2 м. Мощность гумусированного слоя составила около 20 см. В шурфе выявлено 26 стенок и один венчик, при этом керамический материал сильно фрагментирован. 8 фрагментов можно связать с эпохой бронзы (рис. 6, 1-3), 2 – с энеолитом (рис. 6, 4), 7 – с дронихинской неолитической культурой (рис. 6, 5-8), одна стенка с дресвой позднелыловская, а 7 стенок и венчик украшены наколами и соотносятся со среднедонской неолитической культурой. Каменные находки – 24 кварцитовых и 9 из кремня, представлены отщепами – 16 и 5 соответственно, одним многоплощадочным кварцитовым нуклеусом (рис. 6, 13), четырьмя кварцитовыми и одной кремневой пластинами и сечениями (рис. 6, 14-17), кварцитовой разверткой на удлиненном отщепе (рис. 6, 18), двумя кремневыми и одним кварцитовым скребками на отщепах (рис. 6, 19-21), двумя скобелями (рис. 6, 22-23). Кремень преимущественно местный разноцветный светлых и красных тонов, несколько отщепов из мелового.

При прокопке контрольного штыка в светлом песке обнаружено погребение, яма не фиксируется. Костяк, принадлежавший взрослой женщине, залегал на спине, череп завалился налево, а сильно скорченные кости ног завалены направо (рис. 7). Сохранность костяка неудовлетворительная, часть костей не фиксируется.

Полученный материал позволяет датировать памятник в широком диапазоне от раннего неолита до эпохи бронзы. При этом впервые на памятнике удалось зафиксировать ранненеолитическую керамику. Развал сосуда из сборов с зубчатыми наколами имеет аналогии в ранненеолитических комплексах сопредельных территорий (карамышевской культуры, нижнего горизонта стоянки Черкасская 5 и др.). Интересным является находка погребения, которое предварительно можно связать с энеолитом – подобные безинвентарные комплексы распространены у населения среднестоговской культуры.

Стоянка Ловчак 7 расположена в 1,8 км к юго-западу от южной окраины г. Борисоглебска на останце первой надпойменной террасы в правобережной пойме р. Хопер, отрезанным от террасы старичным озером (Синюк А.Т., 1986). Высота над поймой достигает 2 м. Поверхность вала задернована, его северо-западный склон подвержен ветровой эрозии. На небольшом участке были собраны каменные предметы – 3 отщепы и скребок из кварцита (рис. 8, 1), кремневые нуклеус (рис. 8, 4), скол подправки (рис. 8, 2) и пластинчатый скол (рис. 8, 3). Кремень местный разноцветный светлых тонов.

Из трех заложённых шурфов материалы были обнаружены только в последнем – в 3 (предматериковом) пласте встречены 3 стенки одного сосуда с крупными наколами (рис. 8, 5-6).

Стоянка Ловчак 7 является одним из немногих однослойных неолитических памятников не только в Похоперье, но и в лесостепном Подонье. Его материалы соотносятся со среднедонской культурой.

Проведённые исследования дополняют общую картину развития региона в неолите-энеолите, в дальнейшем планируется продолжить разведочные работы в Среднем Похоперье с целью обследования известных и выявления новых памятников каменного века.

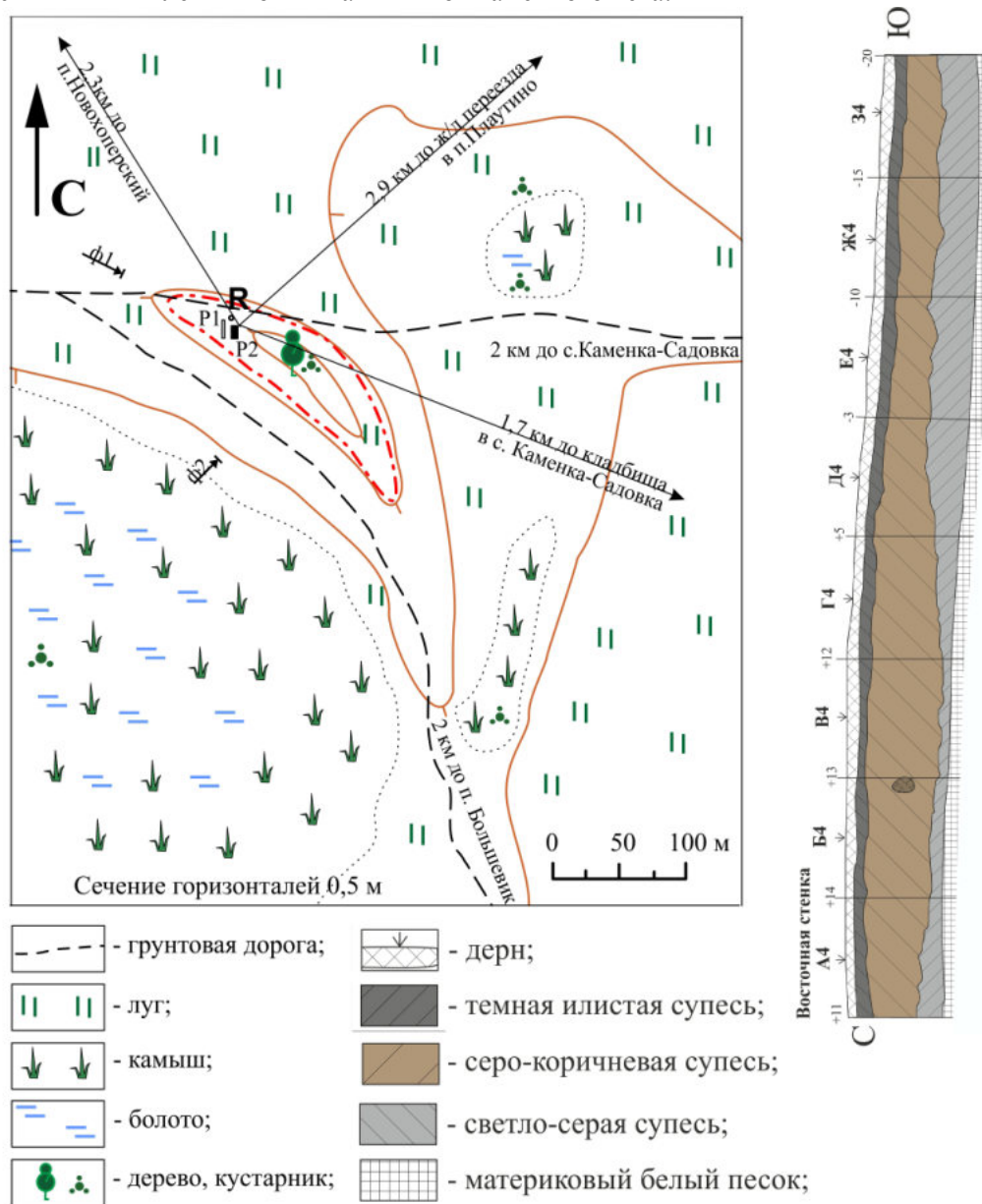

Рис. 1. Стоянка Плаутино 1. План памятника и стратиграфия наслоений

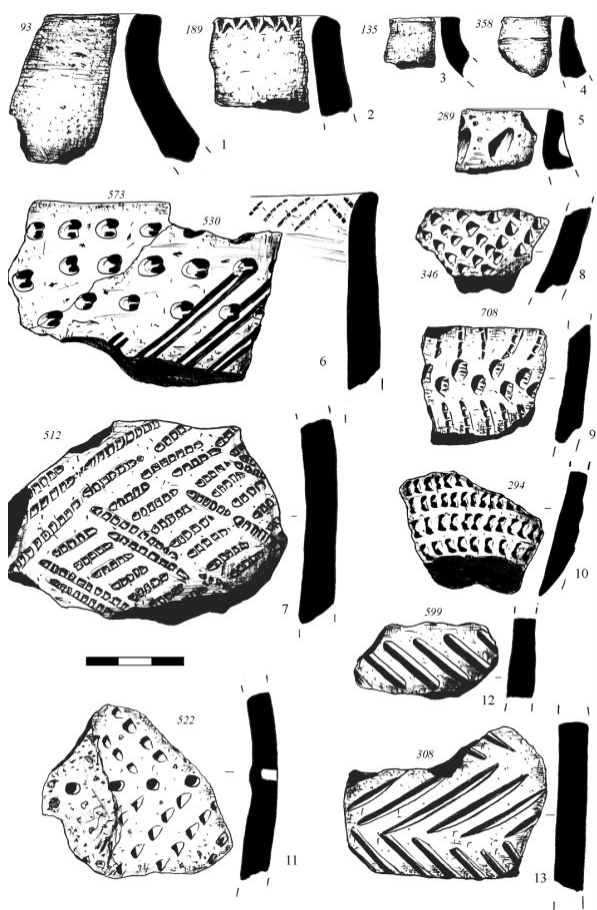

Рис. 2. Стоянка Плаутино 1. Керамика

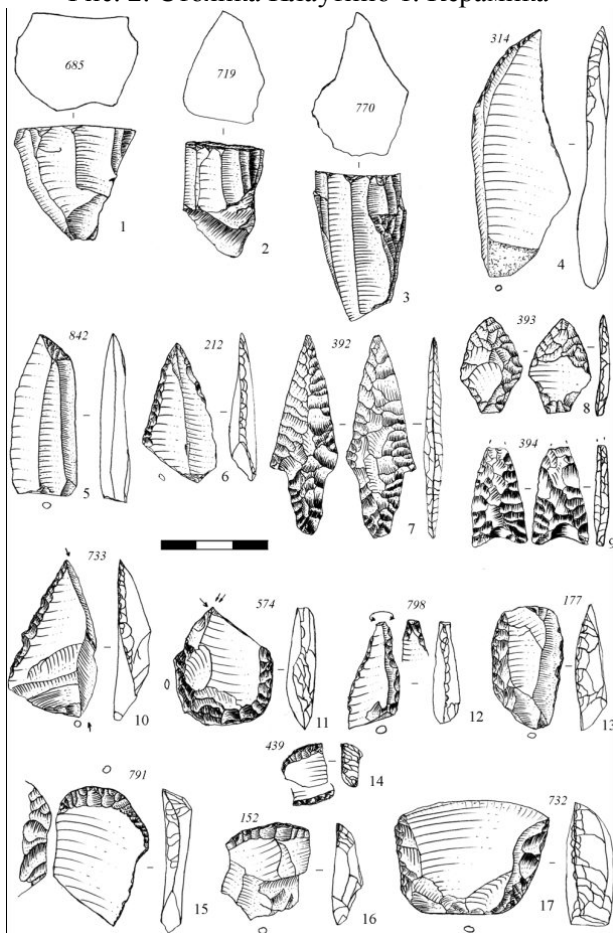

Рис. 3. Стоянка Плаутино 1. Каменный инвентарь (1-8, 10-13, 15-17 – кварцит; 9 – мергель; 14 – кремнь)

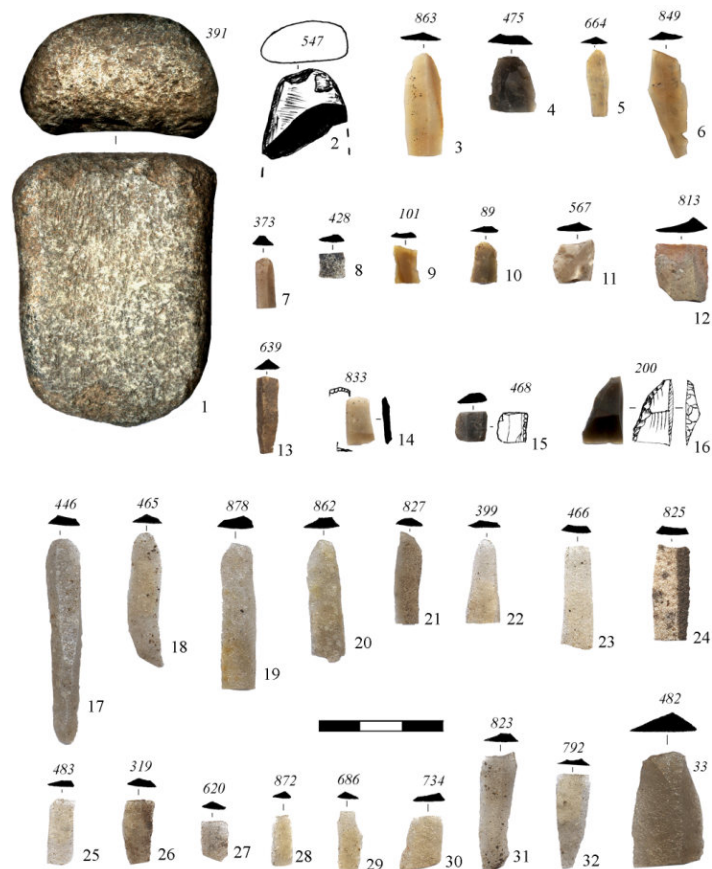

Рис. 4. Стоянка Плаутино 1. Каменный инвентарь (1-2 – сланец, 3-16 – кремь; 17-33 – кварцит)

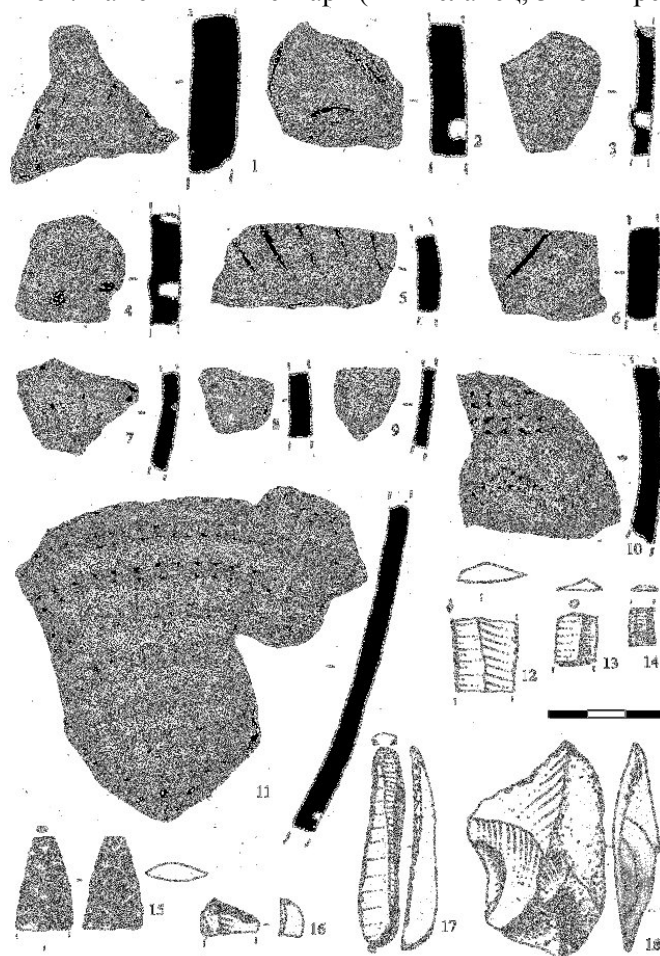

Рис. 5. Стоянка Борисоглебская 1. Сборы 2015 г. (1-11 – керамика; 12-14, 17, 18 – кварцит; 15-16 – кремь)

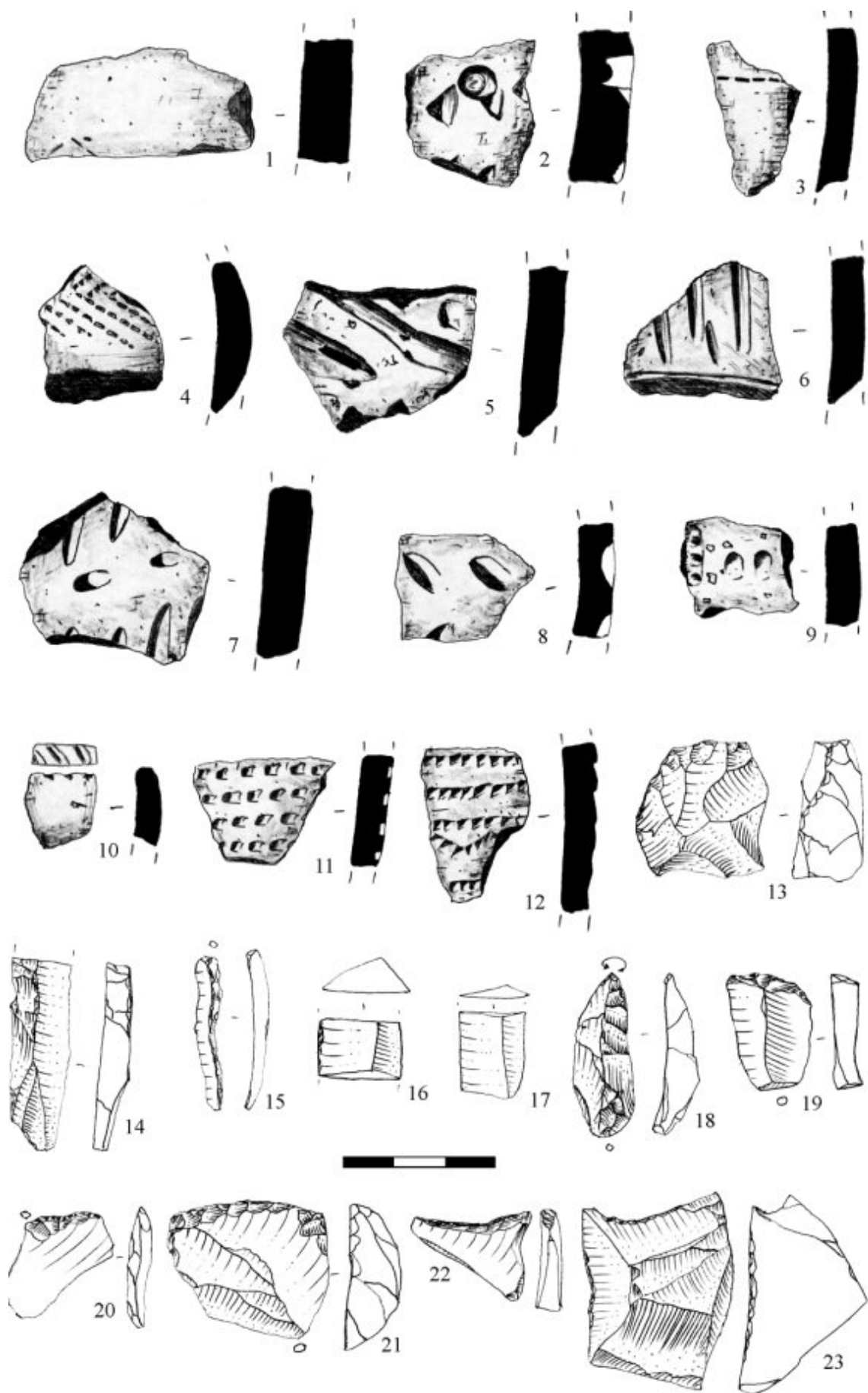

Рис. 6. Стоянка Борисоглебская 1. Шурф 2015 г. (1-12 – керамика; 13, 14, 16-18, 21, 23 – кварцит; 15, 19, 20, 22 – кремнь)

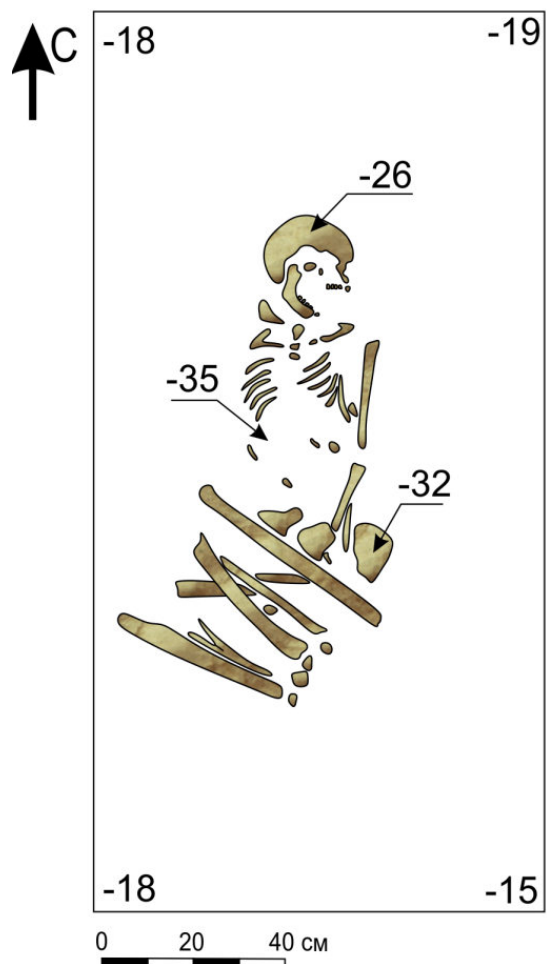

Рис. 7. Стоянка Борисоглебская 1. Шурф 2015 г. Погребение

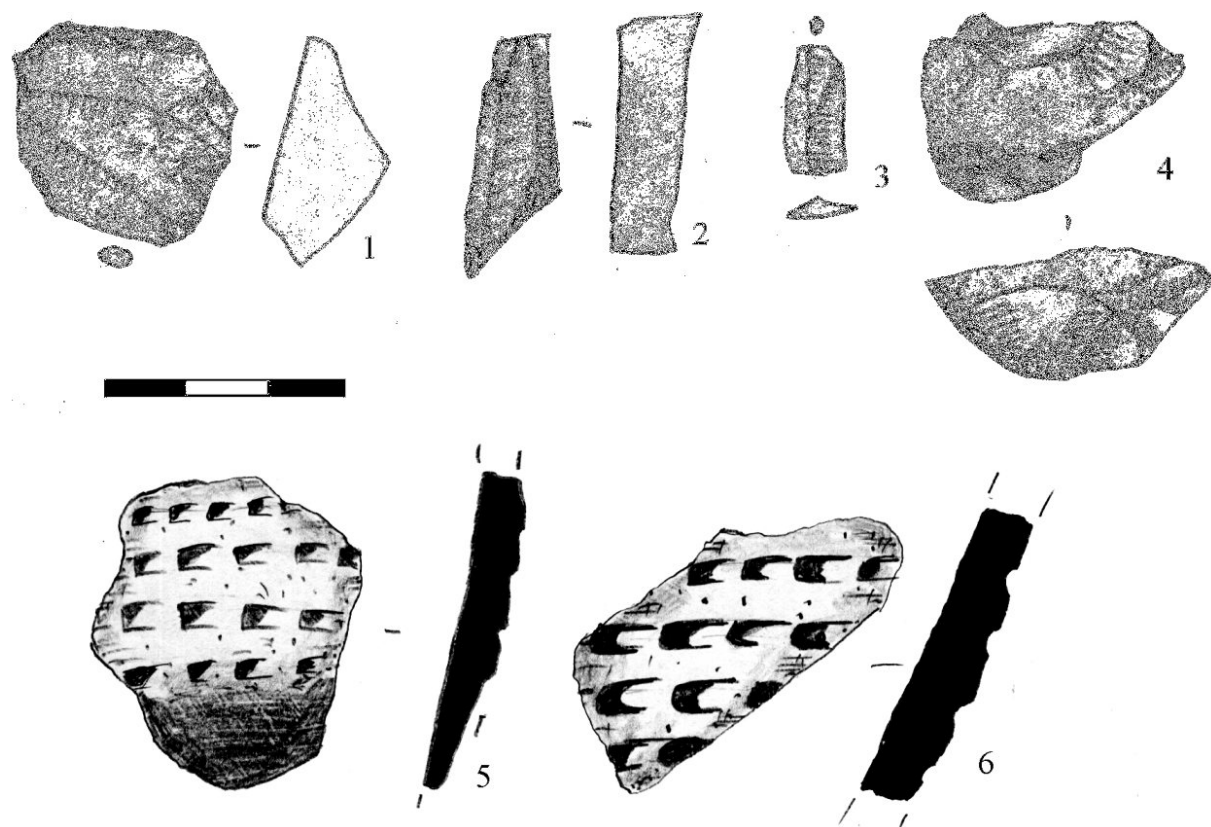

Рис. 8. Стоянка Ловчак 7. 1-4 – сборы (1 – кварцит, 2-4 – кремнь); 5-6 – керамика из шурфа 3

Список литературы

1. Килейников В.В., Сурков А.В. Стоянка Плаутино 4 в Среднем Похоперье // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005.
2. Синюк А.Т. Отчет к Открытому листу № 148 о раскопках экспедиции Воронежского пединститута в бассейне Дона в 1986 году // Архив ИА РАН.
3. Сурков А.В. Отчет о раскопках стоянки Плаутино 4 в устье р. Савала в 2004 г. // Архив ИА РАН.
4. Сурков А.В. Отчет об археологической разведке по р. Савала в 2002 г. // Архив ИА РАН.
5. Сурков А.В., ТрегубТ.Ф., Федюнин И.В. Палеогеография условий существования древнего человека в голоцене в бассейне Среднего Дона // XI Всероссийская палинологическая конференция «Палинология: теория и практика». Материалы конференции. М., 2005.
6. Федюнин И.В. Отчет об археологической разведке по р. Хопер в 2003 г. // Архив ИА РАН.
7. Федюнин И.В. Отчет об археологической разведке по р. Хопер в 2004 г. // Архив ИА РАН.

УДК 903.01

Т.А. Хорошун, М.А. Кулькова, Р.В. Смольянинов

Технология изготовления ромбо-ямочной керамики (по материалам эталонных памятников эпохи неолита Южной Карелии и Верхнего Дона)¹

Аннотация. В статье представлены результаты петрографического исследования 80 образцов из двух эталонных памятников. По составам формовочных масс и различным компонентам можно выделить несколько технологий изготовления древней керамики. Составы рецептов отличаются разнообразием и качественными характеристиками исходного сырья, функциональным назначением сосудов, и, возможно, обусловлены приспособлением к окружающей среде, обретенными древним населением навыками в каждом регионе.

Ключевые слова: керамика, эпоха неолита, петрографические исследования, культура ромбо-ямочной керамики, технологическая традиция.

Abstract. In the paper we present the results of the petrographic study of 80 samples from 2 references sites. According to the composition of modelling clay and different burning conditions of these samples, we revealed several technologies of the production of ancient clayware. The components of modelling clay differ between each other due to the variations in the quality of original raw materials, differences in compounding materials, functional purposes of clayware, and, possibly, adaptation to the environment, and engineering traditions and skills of ancient people in each region.

Key words: pottery, Neolithic, petrographic study, culture with rhomb-pit pottery, technological tradition.

Изучение древнего гончарства является одним из приоритетных направлений в археологических исследованиях. Керамика – наиболее массовый и представительный материал на поселениях. Неолитическая эпоха знаменуется появлением и широким распространением глиняной посуды. Именно керамика считается первым искусственным материалом, созданным человеком. Она занимает особое место в жизнедеятельности древнего населения. Помимо повседневного ее использования в хозяйстве для хранения и приготовления пищи, имеются свидетельства о возможном включении некоторых изделий в обрядовую ритуальную деятельность (Витенкова, 2014), в том числе и по такому важному признаку, как применение природной краски охры, фиксируемой на многих археологических объектах. Изучение технологии древнего гончарства дает возможность определить не только ее особенности, но и рассматривать вопросы, связанные с адаптацией, миграцией населения, освоения новых территорий.

Доказано, что любая гончарная технология – прежде всего системное образование, обладающее определенной устойчивостью и формирующееся исторически из опыта нескольких поколений. В задачи этой системы входит последовательное превращение исходного сырья в готовые изделия через подготовительную, созидательную и закрепительную стадии. Первая стадия включает отбор, до-

© Хорошун Т.А., Кулькова М.А., Смольянинов Р.В., 2016

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ проект № 15-36-50238.

бычу, обработку исходного сырья и составление формовочной массы. Вторая – конструирование сосудов, придание формы и механическую обработку поверхностей. На третьей – закрепительной стадии изделиям придается прочность (Бобринский, 1999, с. 8-11). При исследовании керамики мы имеем дело уже с готовыми изделиями. При получении информации о составах формовочных масс, качественных характеристиках его компонентов важно свои наблюдения подкреплять данными, полученными в результате дополнительных исследований с привлечением естественнонаучных методов, а также экспериментального моделирования.

Поэтому особое внимание уделяется наиболее апробированным и доступным методам – таким как петрографический анализ. Важно отметить, что методы микроскопии (петрографическая, бинокулярная, электронная) с применением точных оптических приборов позволяют выявлять признаки и особенности, скрытые от обычного визуального наблюдения, характеризующие основные стадии гончарного производства (Кулькова, 2012).

В работе осуществлена попытка анализа и предварительного осмысления полученных результатов петрографического исследования неолитической керамики. Центральным вопросом является изучение культуры ромбо-ямочной керамики, которая связана с эпохой неолита – раннего энеолита (IV-III тыс. до н.э.) и охватывает обширную территорию Восточной Европы: на севере от Белого моря до Северной Украины на юге, на западе от верховьев Днепра до Поочья на востоке. Между тем, надо отметить, что степень изученности территории неравномерная. Наиболее исследована территория Карелии, где выявлено более 300 памятников (Археологические памятники Карелии, 2007; Витенкова, 2009, с. 74). Имеются обобщающие работы, посвященные памятникам на территории Верхней Оки (Смирнов, 1986; Грудинкин, 2004), Десны (Смирнов, 1991; Сидоров, 1995) и лесостепного Подонья (Смолянинов, 2009). На данный момент отсутствуют исследования по сравнительно-типологическому анализу ромбо-ямочной керамики на различных территориях, следовательно, и развитие этой культуры остается дискуссионным вопросом, требующим всестороннего рассмотрения, которое прежде не предпринималось. Проведенное исследование является скромным шагом в этом направлении.

Особое место занимает изучение гончарства на ранних этапах развития, наиболее полно характеризующее культурные традиции в древности. Основной целью исследования является получение данных о технологии древнего керамического производства по результатам петрографического исследования керамики эталонных памятников эпохи неолита, связанных с развитием культуры ромбо-ямочной керамики. Для определения составов формовочных масс, способов формовки, условий обжига отобраны серии керамических образцов из двух наиболее полно изученных памятников, содержащие обширные коллекции интересующей керамики (Хорошун, Кулькова, 2015). Это поселения Вигайнаволоок I в Южной Карелии (рис. 1) и Ксизово 6 на Верхнем Дону (рис. 2).

Поселение **Вигайнаволоок I** открыто и исследовано Г.А. Панкрушевым в 1963–1966 гг. Оно расположено в 9 км от г. Петрозаводска, у небольшого мыса, в 120 м от современного берега озера на высоте 5 м от уреза воды (рис. 1). По распространению культурного слоя его площадь определена в 8000 м². На поверхности выявлено 26 впадин, часть из них жилищные площадью от 11 до 120 м², ориентированные в направлении С–Ю или СЗ–ЮВ, реконструированы как срубные с коридорообразными выходами. Исследовано 2748 м² площади памятника. Коллекция насчитывает более 30000 предметов (Панкрушев, Журавлев, 1966). Поселение **Ксизово 6** является одним из опорных памятников с ромбо-ямочной керамикой лесостепного Подонья (Смолянинов, 2004; Смолянинов, 2005). Оно расположено в приустьевой части р. Снова (правого притока р. Дон) в непосредственной близости от одноименного села (южная часть Липецкой области). Коллекция содержит материалы неолита – средневековья, выявлены погребения эпох неолита-бронзы (Лаврушин, Спиридонова, Бессуднов, Смолянинов, 2009; Смолянинов, 2009).

Для петрографического исследования отобрано 80 образцов керамики (см. таблицу). Представлены образцы ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики из поселения Вигайнаволоок I. Ромбо-ямочная керамика по элементам орнамента подразделяется на круглоямочную, овальноямочную и ромбическую. Всего исследовано 10 образцов ямочно-гребенчатой (№36-45), 7 гребенчато-ямочной (№49-55) и 28 ромбо-ямочной (46-48, 56-80). Из коллекции поселения Ксизово 6 отобрано 35 образцов: десять среднестоговской культуры (№1-6, 8, 14, 15, 26), 19 ромбо-ямочной (№7, 9-13, 16, 23-25, 27-35) и шесть рыбноозерской культуры (№17-22).

Таблица – Образцы керамики

№ образца	Памятник	Тип керамики	№ образца	Памятник	Тип керамики
1	Ксизово 6	Среднестоговская	29	Ксизово 6	Ромбо-ямочная
2	Ксизово 6	Среднестоговская	30	Ксизово 6	Ромбо-ямочная
3	Ксизово 6	Среднестоговская	31	Ксизово 6	Ромбо-ямочная

№ образца	Памятник	Тип керамики	№ образца	Памятник	Тип керамики
4	Ксизово 6	Среднестоговская	32	Ксизово 6	Ромбо-ямочная
5	Ксизово 6	Среднестоговская	33	Ксизово 6	Ромбо-ямочная
6	Ксизово 6	Среднестоговская	34	Ксизово 6	Ромбо-ямочная
7	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	35	Ксизово 6	Ромбо-ямочная
8	Ксизово 6	Среднестоговская	36	Вигайнаволоок I	Ямочно-гребенчатая
9	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	37	Вигайнаволоок I	Ямочно-гребенчатая
10	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	38	Вигайнаволоок I	Ямочно-гребенчатая
11	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	39	Вигайнаволоок I	Ямочно-гребенчатая
12	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	40	Вигайнаволоок I	Ямочно-гребенчатая
13	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	41	Вигайнаволоок I	Ямочно-гребенчатая
14	Ксизово 6	Среднестоговская	42	Вигайнаволоок I	Ямочно-гребенчатая
15	Ксизово 6	Среднестоговская	43	Вигайнаволоок I	Ямочно-гребенчатая
16	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	44	Вигайнаволоок I	Ямочно-гребенчатая
17	Ксизово 6	Рыбноозерская	45	Вигайнаволоок I	Ямочно-гребенчатая
18	Ксизово 6	Рыбноозерская	46	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (круглоямочная)
19	Ксизово 6	Рыбноозерская	47	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (круглоямочная)
20	Ксизово 6	Рыбноозерская	48	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (круглоямочная)
21	Ксизово 6	Рыбноозерская	49	Вигайнаволоок I	Гребенчато-ямочная
22	Ксизово 6	Рыбноозерская	50	Вигайнаволоок I	Гребенчато-ямочная
23	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	51	Вигайнаволоок I	Гребенчато-ямочная
24	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	52	Вигайнаволоок I	Гребенчато-ямочная
25	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	53	Вигайнаволоок I	Гребенчато-ямочная
26	Ксизово 6	Среднестоговская	54	Вигайнаволоок I	Гребенчато-ямочная
27	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	55	Вигайнаволоок I	Гребенчато-ямочная
28	Ксизово 6	Ромбо-ямочная	56	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (круглоямочная)
57	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (круглоямочная)	69	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)
58	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (круглоямочная)	70	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная
59	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (круглоямочная)	71	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)
60	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)	72	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)
61	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)	73	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)
62	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)	74	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная
63	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)	75	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)
64	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)	76	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная
65	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)	77	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная
66	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)	78	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная
67	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)	79	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная
68	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная (овальноямочная)	80	Вигайнаволоок I	Ромбо-ямочная

Методика исследования включала выборку образцов с использованием сравнительно-типологического метода, их подготовку к петрографическому исследованию. Затем производилось изучение керамических образцов в шлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз.

Полученные результаты являются важным документированным источником по древнему гончарству. По составам формовочных масс выделяется несколько групп. Результаты 45 образцов из поселения Вигайнаволок I можно объединить в пять групп. Всего исследовано 10 образцов ямочно-гребенчатой, 7 гребенчато-ямочной и 28 ромбо-ямочной (диаграмма 1).

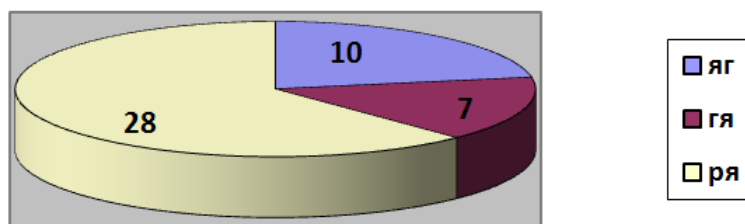

Диаграмма 1 – Вигайнаволок I. Образцы керамики: яг – ямочно-гребенчатой, гя – гребенчато-ямочной, ря – ромбо-ямочной

Учитывая особенности орнаментации ромбо-ямочной керамики, имеются образцы с круглоямочным (№47-48, 56-59), овальноямочным (№60-69, 71-73) и ромбическим (70, 74-80) орнаментом. Группа I включает образец ямочно-гребенчатой (№44) и три образца ромбо-ямочной керамики (№60, 63, 64) с рецептами из тощих глин гидрослюдистого состава 60-65% и дресвы 35-40%. Важно отметить, что глины обогащены органикой, в №63 также железистые включения. В группе II восемь образцов (один гребенчато-ямочной №52, семь ромбо-ямочной керамики №62, 69-71, 74, 78, 79), в составе которых к тощим или жирным глинам гидрослюдистого или смектитового составов (65-88%) добавлен песок 12-35%. В группе III наибольшее количество образцов – 15 (пять ямочно-гребенчатой №36-38, 41, 45; три гребенчато-ямочной №53-55 и семь ромбо-ямочной №47, 56, 59, 65, 68, 72, 80), где в качестве минерального отощителя использованы дресва (20-40%) и песок (10-20%). Глина в образце №36 с рассеянной органикой. Группа IV имеет сложные составы с несколькими видами минеральных отощителей – дресва (20-25%) и шамот (7%). К ней относятся образцы всех трех типов: по одному ямочно-гребенчатой (№43) и гребенчато-ямочной (№50) и два ромбо-ямочной (№46, 76) керамики. Гидрослюдистые жирные глины использованы в образцах ромбо-ямочной керамики, смектитовые тощие – в остальных. В группе V образцы со сложными составами, в которых присутствует органическая добавка. Выделяются четыре подгруппы. Первая включает образцы (№39 ямочно-гребенчатой керамики, №57, 66, 75 ромбо-ямочной) в рецептах которых к глинам добавлен песок (12-20%) и дробленая кость или костный клей (10%). Глины гидрослюдистые тощие в образцах №39 и 57 и смектитовые жирные в №66, 75 (с васкулярной растительностью). Во второй подгруппе образец №42 ромбо-ямочной керамики, в составе которого глины смектитовые тощие с железистыми включениями, дресва (20%) и костный клей. К третьей подгруппе отнесено восемь образцов (ямочно-гребенчатой №40, гребенчато-ямочной №49, 51, ромбо-ямочной №58, 61, 67, 73, 77). В четвертой подгруппе образец №58 ромбо-ямочной керамики, состоящий из тощей глины гидрослюдистого состава с дресвой (25%), шамотом (7%), песком (7%) и дробленой костью (7%). Глины тощие гидрослюдистые (№40, 49, 51, 58, 61) или смектитовые (№67 с железистыми включениями, 73, 77) с дресвой (20-31%), песком (7-20%), дробленой костью или костным клеем (5-10%).

Таким образом, на поселении Вигайнаволок I в 31 образце отсутствует органическая добавка к глиняной массе и в 14 она фиксируется. Во всех типах керамики преобладают рецепты без органики: если в ямочно-гребенчатой количество их примерно одинаковое, то в гребенчато-ямочной они различаются в два раза, в ромбо-ямочной – в три (диаграмма 2).

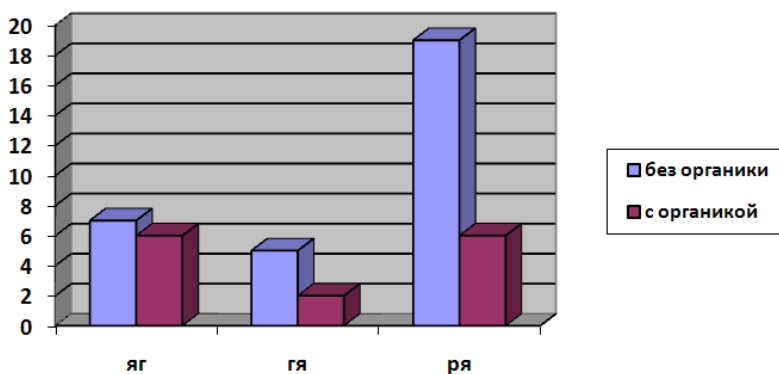

Диаграмма 2 – Вигайнаволок I. Количественное соотношение образцов с рецептами без органической составляющей и с органической добавкой

Обратим внимание, что включение дресвы связано с образцами ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамики, а добавка песка характерно для гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики. Сложные составы, где помимо дресвы, имеется песок или шамот, относятся ко всем типам, как и составы с органическими добавками (дробленая кость или костный клей) с песком и/или дресвой. В одном образце ямочно-гребенчатой керамики с дресвой возможно наличие костного клея. Примечателен сложный состав образца №48 ромбо-ямочной керамики (глина + дресва + песок + шамот + дробленая кость + костный клей?).

Из коллекции поселения Ксизово 6 отобрано 35 образцов (диаграмма 3): десять среднестоговской культуры (№1-6, 8, 14, 15, 26), 19 ромбо-ямочной (№7, 9-13, 16, 23-25, 27-35) и шесть рыбо-озерской культуры (№17-22).

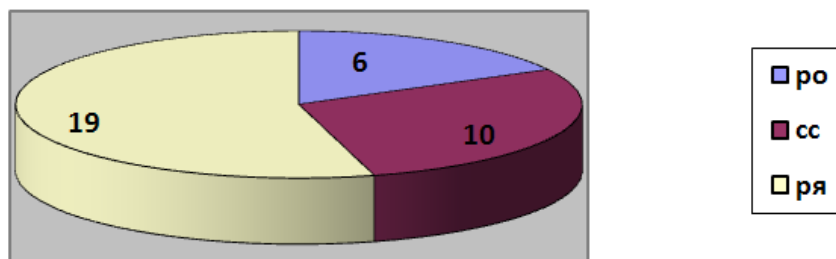

Диаграмма 3 – Ксизово 6. Образцы керамики: ро – рыбоозерской, сс – среднестоговской, ря – ромбо-ямочной

По составам рецептов выделяется пять групп. Первые три группы без органической добавки. Группа I немногочисленная, включает два образца рыбоозерской керамики (№17, 21), где к глинам тощим гидрослюдистым (85%) добавлена дресва (15%). Группа II с двумя образцами ромбо-ямочной керамики (№19-20) с двумя минеральными добавками: песка (15%) и дресвы (20%) к жирным глинам смектитового состава (65%). Следующая группа III с образцом среднестоговской керамики (№6) и четырьмя образцами ромбо-ямочной, в составах которых имеется глина (68-78%), песок (15-22%) и шамот (7-10%). Глины тощие гидрослюдистого (№6, 32) или смектитового (№11, 16, 29) составов. В группе IV намечается три подгруппы. Первая (IV. 1) связана с образцом №18 рыбоозерской керамики, где к тощим глинам гидрослюдистого состава (73%) добавлен песок (12%) и дробленая кость (15%). Во второй (IV. 2) помимо глин того же состава, песка (7-12%) и дробленой кости (7%) имеется шамот (7%). Это образцы также ромбо-ямочной керамики (№33, 35). Подгруппа IV. 3 отличается тем, что помимо предыдущего состава, глины с включением раковины. Рецепты, следовательно, следующего вида: глины тощие гидрослюдистого состава с включением раковин (72-76%) + шамот (7%) + песок (12-15%) + дробленая кость (5%). Это два образца среднестоговской керамики (№3, 5) и два ромбо-ямочной (№12, 27). Во всех образцах глины с железистыми включениями. Группа V с тремя подгруппами самая многочисленная, в нее входят образцы со сложными составами с несколькими минеральными и/или органическими добавками. К первой (V. 1) отнесено восемь образцов (два среднестоговской керамики №1, 4 и шесть ромбо-ямочной №7, 23, 25, 28, 31, 34) со следующими рецептами: глины жирные смектитового или гидрослюдистого (№31, 34) составов (45-62%) + дробленая раковина (16-20%) + песок (15-25%) + шамот (7-10%). Во всех образцах, за исключением №31, 34 в глине зафиксированы железистые включения. В подгруппе V. 2 два образца (№13 ромбо-ямочной и №22 рыбоозерской керамики): глина с железистыми включениями (47-54%, жирные смектитового состава или тощие гидрослюдистого состава) + дробленая раковина (16-20%) + песок (15%) + дробленая кость (15-18%). Для подгруппы V. 3 характерны образцы, в составах которых тощие глины гидрослюдистого или смектитового составов с железистыми включениями (51-53%) + дробленая раковина (20%) + песок (15%) + дробленая кость (5-7%) + шамот (7%). Всего девять образцов: №2, 8, 14, 15, 26 среднестоговской керамики и №9, 10, 24, 30 ромбо-ямочной.

Итак, на памятнике Ксизово 6 рецепты без органики немногочисленны и связаны с девятью образцами. В большей степени представлены составы с органической добавкой – в 26 образцах. Тем не менее, для рыбоозерской керамики наблюдается преобладание рецептов без органики, тогда как для ромбо-ямочной и среднестоговской фиксируется обратная связь – составы с органическими добавками возрастают от 3, 5 до 9 раз соответственно (диаграмма 4).

Минеральные добавки дресвы, а также в сочетании дресвы и песка по имеющимся данным характерны для рыбоозерской керамики. Включение песка и шамота фиксируется в среднестоговской керамике, но более связано с ромбо-ямочной посудой. Органическая добавка характеризуется дробленой костью и дробленой раковиной. Рецепты, включающие глину, дробленую раковину и песок обнаружены в ромбо-ямочной керамике; глина + дробленая кость + песок – в рыбоозерской,

имеется общий рецепт для этих типов керамики – глина + песок + дробленая кость + дробленая раковина. Выявлены общие рецепты с несколькими вариациями как минеральных, так и органических добавок для среднестоговской и ромбо-ямочной керамики: глина + песок +/- шамот +/- дробленая раковина +/- дробленая кость.

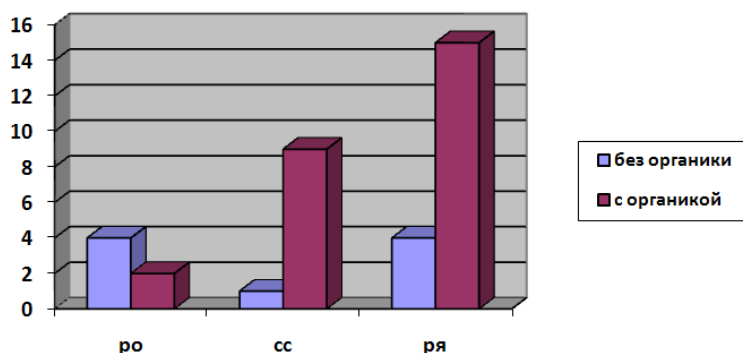

Диаграмма 4 – Ксизово 6. Количественное соотношение образцов с рецептами без органической составляющей и с органической добавкой

Основной задачей исследования является анализ полученных данных по технологии изготовления **ромбо-ямочной керамики** из эталонных памятников двух крайних регионов распространения этого культурного типа в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы. На поселении Вигайнаволока I (территория Карелии, бассейн Онежского озера) для ромбо-ямочной керамики характерны составы формовочных масс, как с органическими добавками, так и без них (преобладают). Основными минеральными компонентами служат дресва, или песок, или их сочетание, а также дресва с шамотом. Для Ксизово 6 (Верхний Дон) подобные составы не зафиксированы, нет данных по использованию дресвы (в том числе и с органическими добавками), между тем имеется пример, когда к глине добавлены песок и шамот, что не выявлено в ромбо-ямочной керамике Вигайнаволока I. В составах с органическими компонентами на Вигайнаволоке I отсутствует дробленая раковина. В целом составы различны: на Вигайнаволоке I к глине добавлены дресва, песок, шамот, дробленая кость/костный клей (?), либо песок, дробленая кость, либо дресва, песок, дробленая кость. На Ксизово 6 составы включают глину, песок, дробленую раковину и/или дробленую кость и/или шамот. Устойчивое сочетание песка и дресвы характерно для поселения Вигайнаволока I так же, как сочетание песка и шамота для Ксизово 6. Использование органических добавок в виде дробленой кости и/или дробленой раковины на памятниках может быть обусловлено приспособлением населения к природным условиям и сохранению культурной преемственности в изготовлении глиняной посуды.

Полученные результаты позволяют наметить определенные зависимости в технологии древнего гончарства между населением, изготавливающим эту посуду в различные периоды заселения территории памятников. Так на Вигайнаволоке I наиболее наглядно прослеживается преемственность в составах формовочных масс ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамики в использовании дресвы к глиняной массе, гребенчато-ямочной с ромбо-ямочной – в добавлении песка. Между тем, всю керамику объединяют общие рецепты, где эти компоненты сочетаются, в том числе с органической добавкой. В целом, это наблюдение подтверждают и результаты сравнительно-типологического анализа керамики на памятниках в бассейне Онежского озера (Хорошун, 2014).

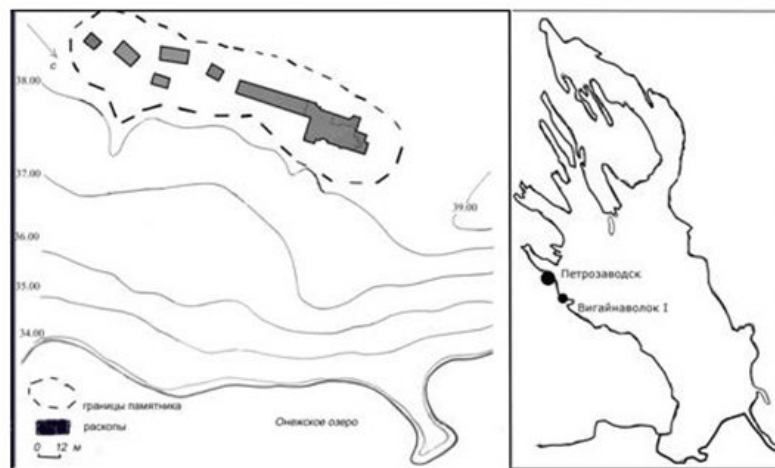
На Ксизово 6 отсутствуют составы, общие для трех типов керамики. Исключительно минеральные компоненты в сочетании дресвы и песка характерны для рыбоозерской керамики, а для ромбо-ямочной отмечаются с песком и шамотом. Практически вся исследованная среднестоговская керамика, за исключением образца №6, с органическими добавками, что сближает ее в большей степени с ромбо-ямочной керамикой по нескольким вариациям компонентов в рецептах (глина + песок +/- шамот +/- дробленая раковина +/- дробленая кость), где доминирует использование песка и шамота. Примечательно, что для рыбоозерской керамики имеется рецепт – глина + песок + дробленая кость, для ромбо-ямочной – глина + песок + дробленая раковина, а для обеих – глина + песок + дробленая кость + дробленая раковина. Эти примеры свидетельствуют о сохранении культурной преемственности населения в изготовлении глиняной посуды в определенных природно-климатических условиях со сложившейся технологической традицией.

По особенностям глинистого сырья важно отметить, что на Вигайнаволоке I органические включения, в том числе в виде васкулярной растительности, отмечены лишь в нескольких случаях: в шести образцах ромбо-ямочной керамики и одном ямочно-гребенчатом, железистые включения – в двух образцах ромбо-ямочной керамики и одном ямочно-гребенчатом. На Ксизово 6 почти во всех

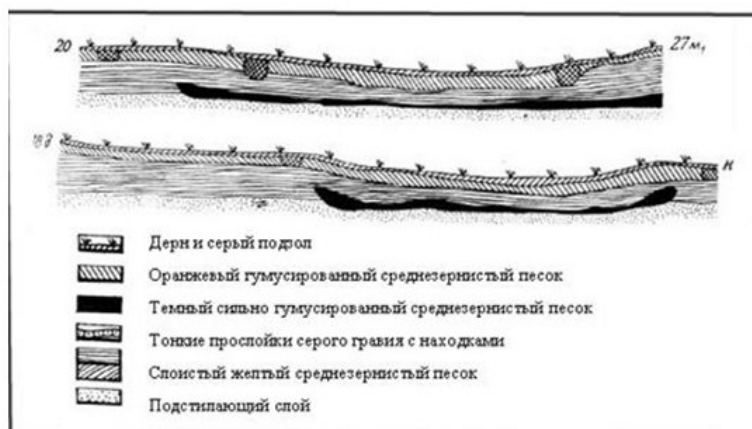
образцах среднестоговской и практически в половине ромбо-ямочной керамики глины обогащены органической составляющей: в восьми образцах из 10 и девяти из 19 соответственно. Обратим внимание, что глины с карбонатом и раковиной отмечены в образцах №4 среднестоговской и №25 ромбо-ямочной керамики. И этот признак не характерен для рыбноозерской керамики. Что в значительной степени сближает среднестоговскую и ромбо-ямочную керамику. На обоих памятниках использованы глины тощие (доминируют) или жирные гидрослюдистого (преобладают) или смектитового составов при изготовлении ромбо-ямочной керамики. Эта тенденция сохраняется и для ямочно-гребенчатой керамики, в гребенчато-ямочной не зафиксировано жирных глин гидрослюдистого состава, как и в среднестоговской керамике. Рыбноозерская керамика из тощих глин гидрослюдистого (преобладает) или жирных глин смектитового составов. Не наблюдается резких отличий по использованию глин с органическими добавками или без них, что было ранее отмечено при петрографическом исследовании керамики позднего неолита Карелии (Хорошун, Кулькова, 2014).

Петрографическое исследование позволяет отметить важные технологические приемы не только по составам формовочных масс, но также по обработке поверхностей и режиму термической обработке изделий. На поселении Вигайнаволоке I обмазка фиксируется на всех образцах, заглаживание поверхностей только на гребенчато-ямочной керамике (№54) и ромбо-ямочной (№56, 60, 63, 64). Обмазка с песком отмечена на образце ромбо-ямочной керамики (№79), охра на внутренней поверхности №47 ромбо-ямочной и №55 гребенчато-ямочной керамики. Возможны следы поливы на трех образцах ямочно-гребенчатой керамики (№36, 38, 41), на №39 внутренняя поверхность покрыта растертой глиной. Обжиг чаще всего костровой в невыдержанной среде, долговременный или кратковременный при температуре 600-750°C. Имеются данные по восстановительному обжигу для ямочно-гребенчатой керамики (№37, 41, 45), гребенчато-ямочной (№54) и ромбо-ямочной (№56, 65, 74, 78). На поселении Ксизово 6 обмазка фиксируется в трех образцах из 10 среднестоговской керамики (№3, в одном с карбонатной отмученной глиной №1 и со следами охры – №8). Для ромбо-ямочной керамики в шести из 19: в трех случаях фиксируется обмазка (№31, 32, 34), кроме того, в одном образце с отмученной глиной (№28), еще в двух с карбонатной отмученной глиной (№24, 30). В рыбноозерской – в пяти из шести: поверхности обработаны обмазкой и заглажены кожей или травой (№19), отмученной карбонатной глиной (№17, 18), отмученной глиной (№22), со слюдой, на внутренней поверхности следы охры (№20). Использование карбонатной глины в качестве обмазки свидетельствует о сохранении единого технологического приема для трех типов керамики. Условия обжига в целом характерны для этого периода, но возможен вторичный обжиг в пяти образцах ромбо-ямочной керамики (№13, 23, 28, 32, 35). Обратим внимание, что образец №12 ромбо-ямочной керамики по составу формовочной массы отличается от керамики поселения Ксизово 6 и может быть отнесен к импортной продукции.

Полученные данные позволяют определить составы формовочных масс и качественную характеристику компонентов, температурный режим обработки изделий, технологические приемы и наметить основные закономерности внутри культурных типов керамики на поселениях. Во-первых, наблюдается сохранение культурной преемственности в технологии изготовления керамики на поселениях между различными типами керамики, как по составам формовочных масс, так и по технологическим приемам обработки поверхностей и условиям обжига, что во многом характеризует культурную и хронологическую преемственность населения на этих территориях. Во-вторых, выделяются особенности развития технологической традиции в изготовлении ромбо-ямочной керамики на территории Карелии и Верхнего Дона, а также признаки адаптации к окружающей природной среде и ресурсам. На севере преобладают рецепты без органической добавки, что в три раза больше по сравнению с составами с органическим компонентом. Обратная ситуация на юге, здесь более чем в три раза больше составов с органической добавкой, но особенностью является отсутствие в составах такого минерального компонента как дресва. На Вигайнаволоке I не зафиксировано в формовочной массе сочетание песка и шамота как на Ксизово 6. Отсутствует добавка в виде дробленой раковины, которая широко используется на южных территориях. В-третьих, полученные результаты являются важными документированными источниками и создают базу для проведения дальнейших исследований в изучении культуры ромбо-ямочной керамики эпохи неолита в лесной зоне Восточной Европы.

1

2

Рис. 1. Поселение Вигайнаволоок I: 1 – план расположения, 2 – стратиграфия жилищных впадин

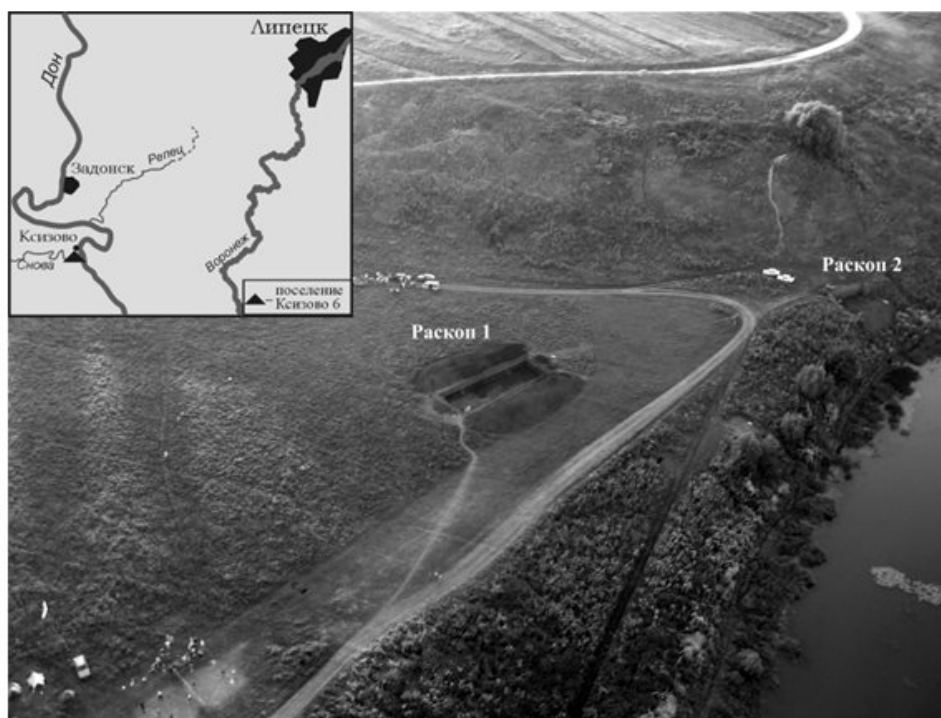

Рис. 2. Общий вид окрестностей памятника Ксизово 6

Список литературы

1. Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2007. 200 с.
2. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–105.
3. Витенкова И.Ф. Адаптация населения позднего неолита и энеолита к природным условиям Карелии. // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск, 2009. С. 69–97.
4. Витенкова И. Ф. Проблема отражения религиозно-мифологических традиций финно-угорских народов в археологических материалах // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. 2014. С. 475–477. Интернет-ссылка.
5. Грудинкин Б.В. Белевская неолитическая культура. М.: Из-во Московского государственного университета леса, 2004. 130 с.
6. Кулькова М. А. Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 152 с.
7. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Бессуднов А.Н., Смольянинов Р.В. Природные катастрофы в голоцене бассейна Верхнего Дона. М., 2009. 63 с.
8. Панкрушев Г.А., Журавлев А.П. Стоянка Вигайнаволоок I // Новые памятники истории древней Карелии. М.–Л., 1966. С. 152–172.
9. Сидоров В.В. Неолит Десны и Волго-Окского бассейна // РА. 1995. № 1. С. 71–80.
10. Смирнов А.С. Белевская культура (проблемы неолита верхней Оки) // СА. 1986. № 4. С. 22–33.
11. Смирнов А.С. Неолит верхней и средней Десны. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1991. 144 с.
12. Смольянинов Р.В. Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2004 году. Архив ИА РАН. Р-1.
13. Смольянинов Р.В. Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2005 году. Архив ИА РАН. Р-1.
14. Смольянинов Р.В. Керамика с ромбоямочной орнаментацией лесостепного Подонья в системе ромбоямочных керамических древностей Восточной Европы // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 257–268.
15. Хорошун Т.А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н.э.). Автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2013. 18 с.
16. Хорошун Т.А. К вопросу о культурно-хронологической атрибуции керамических комплексов на памятниках позднего неолита – раннего энеолита Южной Карелии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 362–367.
17. Хорошун Т.А., Кулькова М.А. Особенности изготовления глиняных сосудов в позднем неолите на территории южной Карелии // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. Материалы международной конференции, посвященной полувековому исследованию свайных поселений на северо-западе России. Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г. С. 248–253.
18. Хорошун Т.А., Кулькова М.А. К вопросу об изготовлении ромбо-ямочной керамики (по данным петрографического исследования эталонных памятников Южной Карелии и Верхнего Дона, IV–III тыс. до н.э.) // Геология, геоэкология, эволюционная география: Коллективная монография. Том XIV. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. С. 231–242.

Многослойное поселение Рошинский-1 на Верхнем Дону

Аннотация. Публикация посвящена охранным исследованиям, проведенным на поселении Рошинский-1, в Чаплыгинском районе Липецкой области, в 2000 году. В культурном слое найдены: керамика, кости, фрагменты обмазки, железные и бронзовые предметы, орудия из камня, отражающие два этапа заселения: срубную культуру эпохи бронзы (2-я пол. II тыс. до н.э.) и древнерусское время (XIII в.). Обнаружена также постройка древнерусского времени.

Также проанализированы морфологические, орнаментальные и технологические особенности керамического материала обоих этапов заселения

Ключевые слова: донская лесостепная срубная культура, лепная керамика, древнерусская керамика, XIII век, древнерусская постройка.

Abstract. The article presents results of the Roschinsky-1 settlement excavation. This excavation project took place in Chaplygin District of Lipetsk state, in 2000. Ceramics, bones, plaster fragments, iron and bronze items, and stone tools have been recovered from the archeological horizon of the settlement. These items are related to two different periods: srubna culture of Bronze Age (2nd half of 2000 BC) and the 13th century Russia. Archeological remains of the 13th century constructions have been also found.

Morphological, ornamental, and technological characteristics of timber-grave culture's ceramics have been analyzed in the article. Description of the 13th century Russian material has been provided.

Key words: Don forest-steppe srubna culture, ceramics, ancient Russian ceramics, 13th century, ancient Russian constructions.

Поселение Рошинский 1 (рис. 1) расположено на правом берегу р. Ряса, в Чаплыгинском районе Липецкой области, на пологом склоне террасы высотой 5 – 10 м над уровнем реки. Оно выявлено в 1987 г. экспедицией ГИМ под руководством Б.А. Фоломеева (Фоломеев, 1987), в 1998 г. повторно обследовалось отрядом экспедиции ЛГПИ (Смольянинов, 1998). В 2000 году на участке прокладки газопровода были проведены охранные исследования памятника на площади 148 кв. м, одним из авторов публикации (Чивилев, 2001).

Раскоп в виде траншеи шириной 2 м ориентированной с востока на запад (рис. 1) был заложен в центральной части поселения.

На распахиваемой поверхности памятника был собран подъемный материал из 32 неорнаментированных стенок лепных сосудов эпохи бронзы с примесью песка и шамота в глиняном тесте. Также обнаружено семь венчиков от горшковидных (рис. 2: 10, 12) и баночных (рис. 2: 1, 2, 7, 11) сосудов и одна миска (рис. 2: 3). Часть венчиков орнаментированы прочерченными линиями (рис. 2: 2, 12) и подтреугольными вдавлениями (рис. 2: 11). Один венчик имеет валикообразное утолщение по краю (рис. 2: 1). Из пяти фрагментов днищ (рис. 2: 14, 16, 17), четыре имеют закраину. Также обнаружены две орнаментированные стенки. Одна из них имеет горизонтальный ряд овальных вдавлений, внешняя поверхность другой покрыта горизонтальными проглаженными линиями. Подъемный материал также представлен одним фрагментом кости, двумя керамическими абразивами из стенки (рис. 2: 15) и венчика (рис. 2: 13) лепных сосудов, двух каменных орудий из песчаника (рис. 2: 19) и гранита (рис. 2: 18). Так же в качестве подъемного материала были собраны 4 стенки и 3 венчика (рис. 2: 4, 8) от гончарных сосудов древнерусского времени (XIII в.).

Выявлена следующая стратиграфия памятника: 0-0,05 м – дерн – присутствует в первых (точных) квадратах раскопа – до 0,2 м; мощность черноземного слоя колеблется от 0,2 м в начале раскопа до 0,5 м в середине (вместе с понижением уровня материка) и в последних квадратах чернозем располагается на глубине 0,3- 0,4 м; глубина залегания слоя предматерикового темно-коричневого

суглинка так же колеблется от 0,3 до 0,7 м, его мощность плавно увеличивается от восточной части раскопа – к западной. Материк – оранжевая глина.

В раскопе обнаружено 1343 фрагмента керамики от 147 сосудов срубной культуры. Количественное и процентное распределение её по слоям представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Количественное и процентное распределение фрагмента керамики срубной культуры

№ слоя	Венчики	Днища	Стенки	Итого
1 слой 0-0,2м.	27 (19%)	13 (14%)	241 (22%)	281 (21%)
2 слой 0,2-0,4м.	43 (30%)	46 (50%)	354 (32%)	443 (33%)
3 слой 0,4-0,6м.	48 (34%)	25 (27%)	388 (35%)	461 (34%)
4 слой 0,6-0,8м.	24 (17%)	8 (9%)	126 (11%)	158 (12%)
Итого	142 (100%)	92 (100%)	1109 (100%)	1343 (100%)

Планиграфическое распределение материала обнаруживает две зоны его концентрации: с 7 по 17 квадраты с пиком в 10 – 14 квадратах и с 22 по 26 квадрат, после которых данная керамика встречается только в верхнем, пахотном слое. В первом случае её концентрация совпадает с общим понижением уровня материкового основания и наибольшего увеличения мощности черноземного слоя, а во втором – с окраиной поселка срубной культуры.

В первой зоне концентрации лепной керамики также обнаружен развал сосуда баночной формы, состоящий из трех крупных фрагментов. Диаметр венчика сосуда 38 см, внутренняя и внешняя поверхности покрыты расчесами, в тесте присутствует примесь песка и шамота (рис. 7: 1).

Количественные показатели стратиграфического распределения керамики показывают безусловное преобладание лепной керамики в центре стратиграфической колонки с практически одинаковыми показателями распределения между вторым и третьим слоями. Подобное положение может указывать на хронологическое единство керамической коллекции срубной культуры.

Типологически сосуды с поселения подразделяются на банки – 89 (60%), горшки – 30 (20%), горшковидные сосуды – 22 (15%), миски – 4 (3%), колоколовидные сосуды – 2 (2%). (За основу принята типология керамики срубной культуры А.Д. Пряхина, В.И. Беседина (Пряхин, Беседин, 1989, с. 106-124).

Керамика орнаментирована вдавлениями, насечками, прочерченными линиями и оттисками гребенчатого штампа. Распределение приемов нанесения орнамента относительно типов сосудов представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение приемов нанесения орнамента относительно типов сосудов

Орнамент	Банки	Горшки	Горшковидные сосуды	Миски	Колоколовидные сосуды	Итого
Б/о	47	18	14	3	2	84 (57%)
Вдавления	16	4	5	-	-	25 (17%)
Насечки	12	-	-	-	-	12 (8%)
Прочерчивания	8	3	1	1	-	13 (9%)
Оттиски штампа	6	5	2	-	-	13 (9%)
Итого	89	30	22	4	2	147 (100%)

В орнаментальных композициях преобладают горизонтальные ряды вдавлений (кратностью от 1 до 3) (рис. 3: 1-15; 4: 1-11), насечек (рис. 5: 1-7), оттисков зубчатого штампа (рис. 5: 8-10, 12). Геометрические композиции (рис. 6: 1-9, 11) и зигзаг (рис. 6: 10) выполнены чаще прочерчиванием и оттисками зубчатого штампа.

Но большинство сосудов не орнаментировано. Поверхности многих сосудов заглажены, на часть из них нанесены грубые расчесы травой и штриховка гребенчатым штампом.

На поселении обнаружено 73 днища от лепных сосудов. Из них 43 (59%) имеют закраину, 19 (26%) – без закраины, 11 (15%) – трудно определяемые. 29 днищ восстановлены на полный диаметр, среди них наблюдается общая особенность: практически все они имеют диаметр от 10 до 14 см (10, 12, 14 – практически поровну), у трех он равен 9 см и только у одного – 16 см.

Керамическое тесто лепной посуды срубной культуры плотное, с примесью шамота и значительной доли песка (в отдельных случаях фрагменты песка очень крупные), редко используется органическая примесь, при этом только в одном фрагменте стенки присутствует примесь толченой ракушки.

Гончарная керамика. В культурном слое поселения обнаружено 56 фрагментов керамики от четырех сосудов древнерусского времени. Отмечается ее тяготение к восточному краю раскопа. Количественное распределение её по слоям представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Количественное распределение фрагментов керамики сосудов древнерусского времени

	Венчики	Стенки	Днища	Итого
1 слой 0-0,2 м.	2	21	2	25
2 слой 0,2-0,4 м.	2	19	2	23
3 слой 0,4-0,6 м.	-	7	1	8
Итого	4	47	5	56

Из таблицы видно, что керамика древнерусского времени тяготеет к верхним слоям стратиграфической колонки. Распространение ее за пределы первых пяти квадратов раскопа можно объяснить распашкой территории поселка, а проникновение отдельных фрагментов в нижележащие слои – действиями животных (кратов, сурков, сусликов).

Считаем целесообразным привести описание всей керамической коллекции древнерусского времени, совместно с выявленной в синхронной постройке 1.

Постройка 1 (рис. 12) выявлена по темному пятну в северной части квадрата 2, для выяснения границ которой к траншее основного раскопа был прирезан квадрат 37 – являющийся северным продолжением квадрата 2. После выхода на уровень материкового основания в квадрате 2 и зачистки, контуров пятна обнаружить не удалось. Для выяснения глубины распространения гумусированного заполнения была заложена разведочная траншея (обозначена на плане постройки (рис. 12: 1) пунктирной линией прерываемой точками) шириной 0,4 м, позволившая определить характер заполнения представленного песчаными и углистыми прослойками и квалифицировать данное сооружение как постройку. В связи с ограниченностью сроков проведения работ полное исследование её не было произведено: раскопана ее часть в квадратах 2 и 37.

Стратиграфическое заполнение котлована постройки следующее: (рис. 12: 2-5): 0 – 0,05 м – дерн; до 0,6 – 1 м – слой чернозема; от 0,6 до 1,15 м (на разных участках) фиксируются песчаные прослойки со следами прокала, чередуются со сгоревшими деревянными плахами, лежащими продольно с востока на запад; до 1,3 м. – слой чернозема; 1,3-1,5 м – слой предматерикового темно-коричневого суглинка; материк – оранжевая глина.

В юго-восточной части кв.37 фиксируется небольшое углубление – 0,15 м от уровня материка, а в юго-западной части прослеживается – ступенька, возвышающаяся на 0,5 м над уровнем пола. В южной части этого же квадрата, на глубине 0,84 м от дневной поверхности, обнаружен развал раздавленного гончарного сосуда древнерусского времени (рис. 9: 1; 12: 1), на дне которого находилась спекшаяся лепешка рыхлого металлического шлака. Сосуд орнаментирован шестью рядами параллельных прочерченных линий.

В верхней части заполнения котлована постройки (до углистой прослойки) обнаружена лепная и гончарная керамика: 51 стенка, пять венчиков (рис. 4: 12; 7: 7, 10; 8: 2, 3, 10, 17) и два днища лепной керамики, аналогичной найденной в культурном слое; 36 стенок и шесть венчиков (рис. 9: 2, 3, 7, 8, 15) гончарной керамики древнерусского времени.

В нижней части заполнения (под углистой прослойкой) обнаружено 14 стенок, пять днищ и три венчика лепной керамики срубной культуры; четыре стенки, одно днище и два венчика (рис. 9: 11, 14) гончарной керамики древнерусского времени.

Вся керамическая коллекция древнерусского времени как из слоя, так и из заполнения постройки имеет одинаковые гончарные традиции. У неё хорошо промешанное плотное тесто, светлая поверхность, короткая, слегка отогнутая наружу шейка, утолщенный край венчика, днище плавно переходящее в тулово (рис. 9: 4-6), орнамент из горизонтальных прочерченных линий, универсальность отмеченных технологических черт, а так же немногочисленность коллекции позволяет говорить об узком хронологическом периоде существования древнерусского поселка и датировать его серединой XIII в.

Поздняя траншея (кабельная линия) выявлена во 2 и 3 квадратах (рис. 1: 2) по мешаному заполнению после зачистки материкового основания. С целью выявления археологических материалов заполнение траншеи было выбрано на глубину 0,6 м. от уровня материка. Наряду с современным строительным и бытовым мусором встречены фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы и гончарных стенок древнерусского времени.

Индивидуальные находки. В культурном слое поселения встречено 28 индивидуальных предметов, из них 6 фрагментов обмазки, 10 керамических абразивов (рис. 11: 1-10), 1 фрагмент прясла (рис. 11: 11), 5 изделий из железа (рис. 11: 13-17), 1 изделие из бронзы (рис. 11: 12), 3 каменных орудия (рис. 10).

Уверенно соотнести со срубной культурой эпохи бронзы можно лишь те индивидуальные находки, которые были выявлены в нетронутом пахотой культурном слое, или в местах концентрации лепной керамики. К ним можно отнести керамические абразивы, фрагменты обмазки, орудия из кремня. Крупные каменные орудия (рис. 2: 18, 19; 10: 1) были найдены в пахотном слое или на поверхности исследуемого участка, что затрудняет их точное соотношение с каким-либо археологическим периодом. Исключением является фрагмент глиняного прясла, который, хотя и найден в верхней части заполнения древнерусской постройки, типологически относится к срубной культуре. В то же время железные изделия, встреченные в пахотном слое, наиболее вероятно, относятся к древнерусскому времени.

Костные остатки. При раскопках культурного слоя поселения обнаружено 372 фрагмента кости, распределение которых по слоям представлено в таблице 4 (в скобках указаны процентные соотношения). К сожалению, археозоологический анализ костей не проводился.

Таблица 4. Распределение фрагментов кости по слоям

№ слоя	Фрагменты кости
1 слой 0-0,2 м	66 (18%)
2 слой 0,2-0,4 м.	151 (41%)
3 слой 0,4-0,6 м.	136 (36%)
4 слой 0,6-0,8 м	19 (5%)
Итого	372 (100%)

Выводы. Таким образом, в ходе охранных археологических раскопок поселения Рошинский 1 обнаружены материалы, позволяющие уточнить его датировку, границы и площадь распространения в различные хронологические этапы освоения. Таковых этапов прослеживается два.

Первый связан с распространением срубной культуры развитого этапа эпохи поздней бронзы. Исходя из количества найденных материалов, можно сделать вывод, что это был стационарный поселок, территория которого на участке раскопа не распространяется далее 60 м от края берега, что подтверждается наиболее интенсивным распространением подъемного материала. В то же время, к югу, площадь поселка несколько расширяется. К северу, также, судя по подъемному материалу, площадь поселка срубной культуры слегка сужается. На этом же участке прослеживается несколько большая концентрация древнерусской керамики. Необходимо отметить, что в непосредственной близости от берега материалов эпохи бронзы практически нет.

Второй этап заселения связан с древнерусским временем (XIII в.). Малочисленность коллекции при явной однородности керамической традиции, позволяют предполагать непродолжительность проживания на этом месте, или же непосредственно в выявленной постройке населения древнерусского времени.

Территория поселка древнерусского времени располагалась вдоль берега в виде полосы, шириной около 20 м. Обнаруженная постройка была, судя по всему, самой южной в поселке, поскольку южнее неё подъемный материал древнерусского времени вообще не встречен и, вероятно, основная территория поселка древнерусского времени уходит к северу от раскопа.

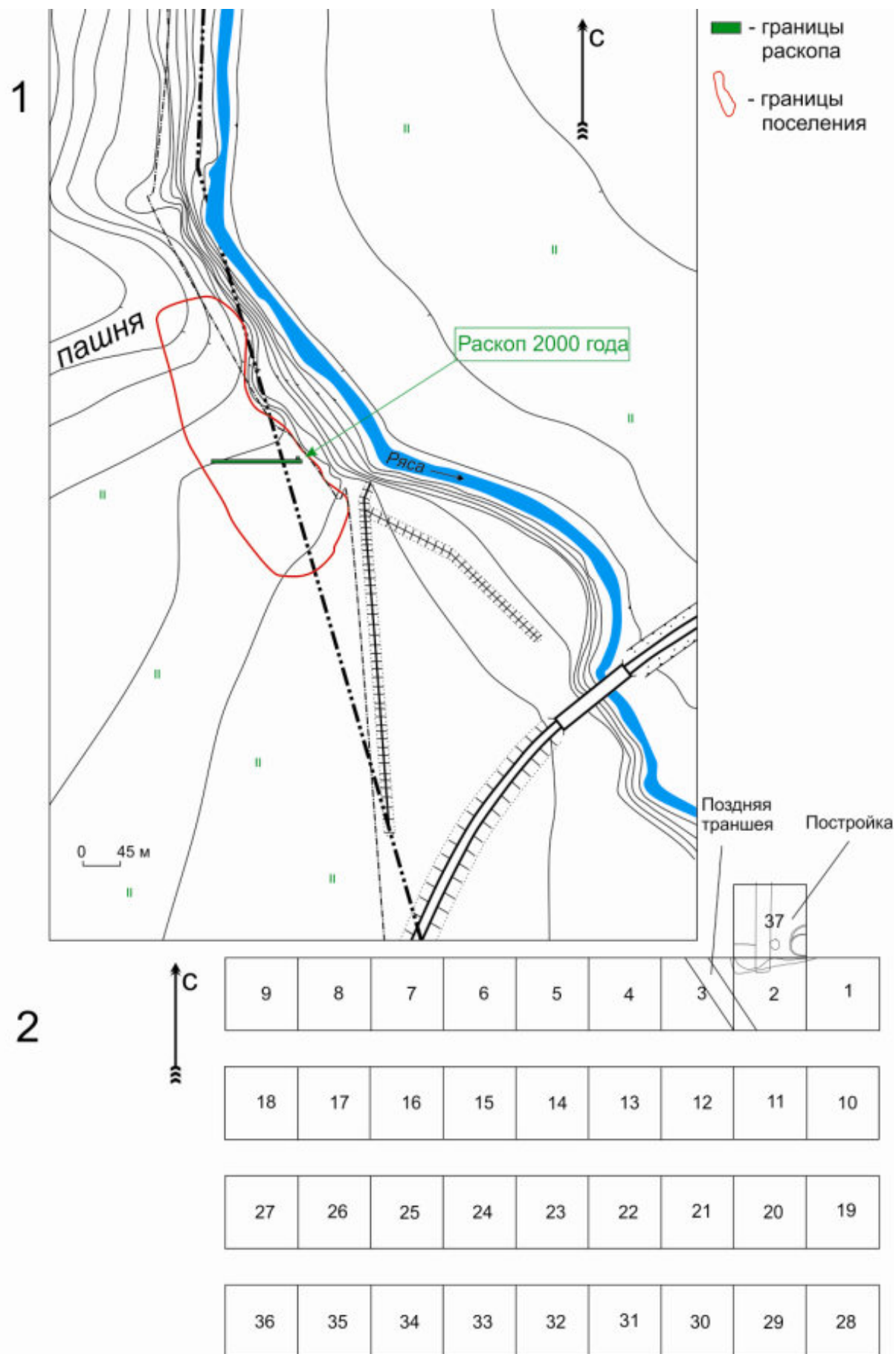

Рис. 1. 1 – план поселения Роцинский-1; схема раскопа 2000-го года

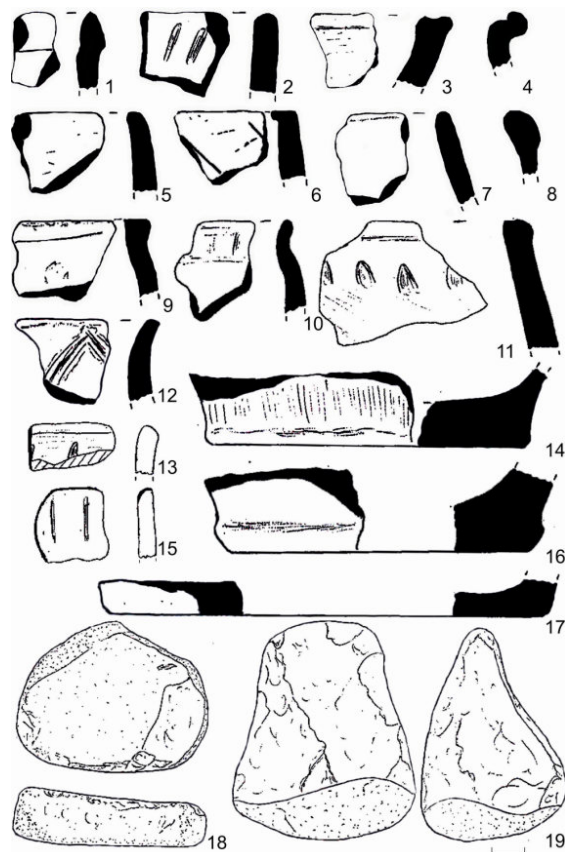

Рис. 2. Подъемный материал с поселения Рошинский-1: 1-3, 5-7, 9-12, 14, 16, 17 – керамика срубной культуры; 4-8 – средневековая керамика (XIII в.); 12, 14 – керамические абразивы (утолщением обозначен рабочий край); 17, 18 – орудия из песчаника

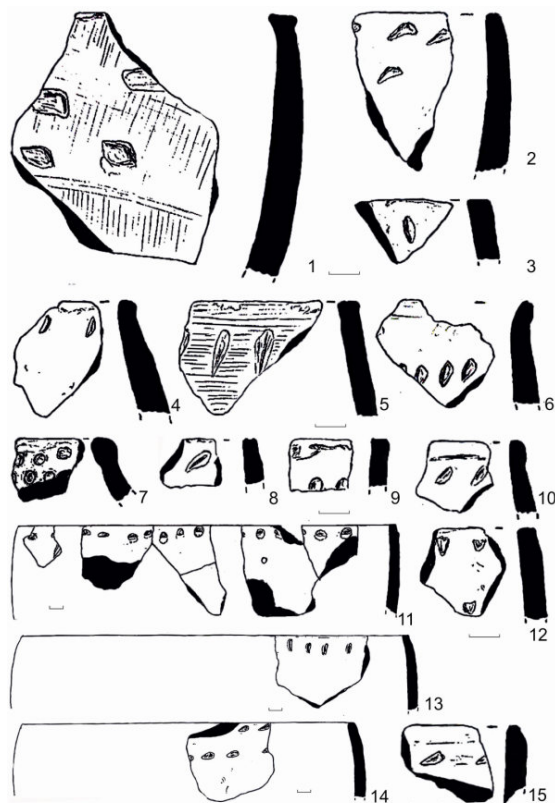

Рис. 3. Керамика с поселения Рошинский-1: 1-5, 7-15 – баночные сосуды, орнаментированные горизонтальными рядами вдавлений; 6 – фрагмент горшка, орнаментированный горизонтальными рядами вдавлений

Рис. 4. Керамика с поселения Роцинский-1: фрагменты, орнаментированные горизонтальными рядами вдавлений. 1-4, 6 – баночные сосуды; 5, 7-10 – горшки; 11 – колоколовидный сосуд

Рис. 5. Керамика с поселения Роцинский-1: 1-7 – баночные сосуды, орнаментированные горизонтальными рядами насечек; 8-10, 12 – баночный сосуд, орнаментированный горизонтальными рядами оттисков штампа; 11 – горшок, орнаментированный горизонтальными рядами оттисков штампа

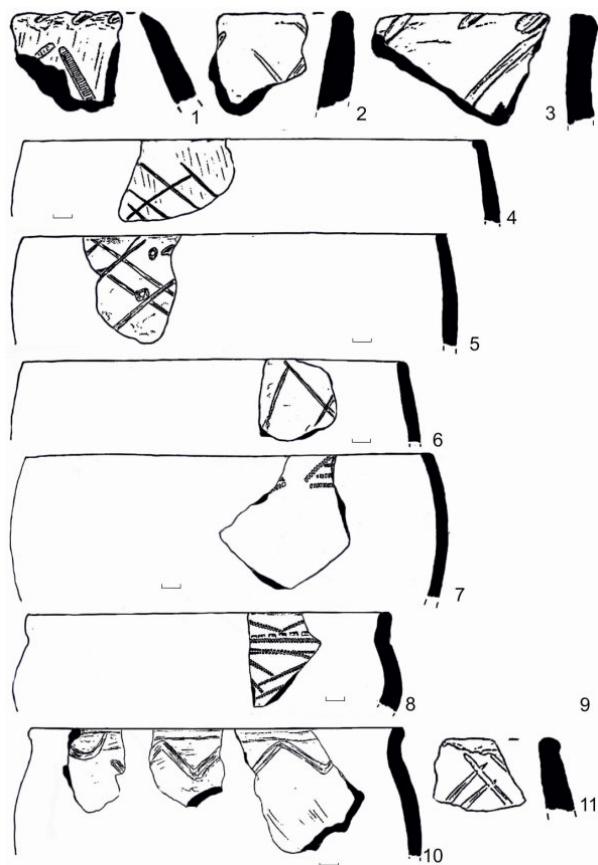

Рис. 6. Керамика из слоя поселения Рошинский-1: 1-7, 11 – баночные сосуды, орнаментированные геометрическими композициями; 8 – горшок, орнаментированный геометрическими композициями
10 – горшок, орнаментированный геометрическими композициями

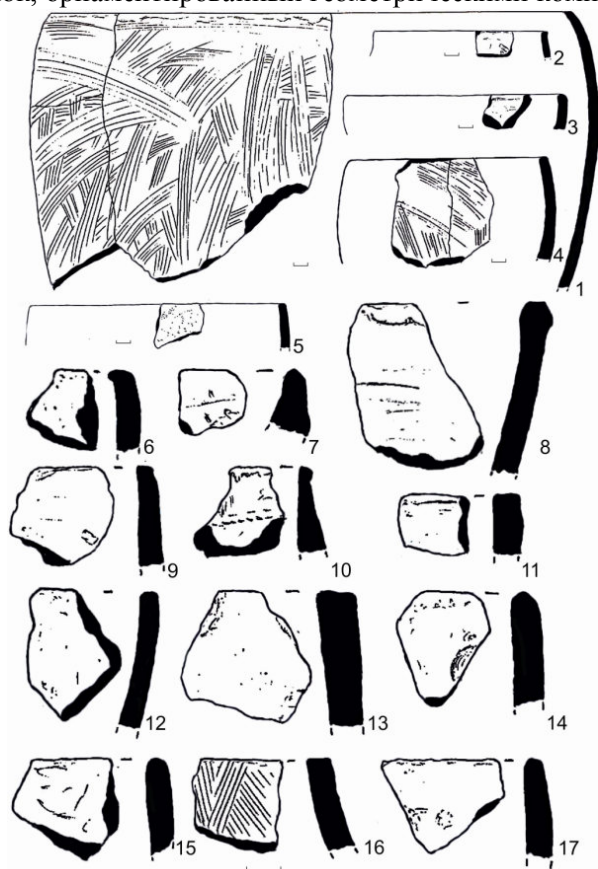

Рис. 7. Керамика с поселения Рошинский-1. Баночные сосуды без орнамента.
1 – развал сосуда срубной культуры

Список источников и литературы

1. Пряхин А.Д., Беседин В.И. Типология керамики Мосоловского поселения // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989 г.
2. Смольянинов Р.В. Отчет о разведочных работах в бассейне р. Становая Ряса в пределах Чаплыгинского района Липецкой области в 1998 г. Липецк 1998. // Архив ИА РАН.
3. Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окской археологической экспедиции ГИМ в Чаплыгинском районе Липецкой области. 1987 год. Москва 1987. // Архив ИА РАН. Р-1 №12004.
4. Чивилев В.А. Отчет об охранных раскопках на поселении Рошинский-1 и кургана на территории поселения 4 у бал. Большой Липяг в 2000 г. Липецк 2001. // Архив ИА РАН.

УДК 902

П.П. Коваленко, К.И. Красильников

Комплекс катакомбных погребений могильника урочища «Зеленая роща» на Северском Донце

Аннотация. Посредством статьи в научный оборот вводятся ранее неизвестные материалы эпохи средней бронзы, полученные при раскопках кургана у поселка Красный Яр (пригород Луганска) на Северском Донце в 1988 г. Путем анализа сопутствующего инвентаря, форм погребальных конструкций и выявленных обрядов интерпретируется типолого-хронологическая позиция катакомбных захоронений.

Ключевые слова: Восточная Европа, Среднее Подонцовье, эпоха средней бронзы, катакомбная культурно-историческая общность, погребение.

Abstract. The article is devoted to an introduction to the scientific revolution previously unknown materials from excavations of the kurgan near Krasny Yar (suburb of Lugansk) on the Seversky Donets in 1988. By analyzing the accompanying grave goods, form of funeral constructions and identified rites we interpreted typological and chronological position of catacomb burials.

Key words: Eastern Europe, Middle Severski Donets, Middle Bronze Age, the Catacomb cultural-historical community, a burial.

В 1988 г. в связи со строительством автодороги проведены раскопки одного из курганов некрополя бронзового века (Красильников и др., 1988).

Могильник, расположенный на краю очень высокой, обрывистой террасы правого коренного берега реки Северский Донец, в 3 км от поселка Красный Яр (пригород Луганска), состоит из четырех насыпей, ориентированных по линии запад-восток (рис. 1, 1). В зоне строительства оказался один из курганов, обозначенный нами номером 1.

Курганная насыпь, диаметром 26-28 м и высотой +1,6 м, сформирована из разноструктурных почв в системе нескольких горизонтов над погребенной почвой (0,3 м), предматериком из суглинка (0,5 м) и материком в виде плотного песка желтого цвета с вкраплениями щебня мергеля (рис. 1, 3).

Первая насыпь, диаметром около 18 м и высотой до 0,8 м, возведенная на погребенной почве, сформирована из гумуса и почв, извлеченных из материка и предматерика. Вторая насыпь, высотой около 15 м в плане подпрямоугольная 15х24 м, из почвы серого оттенка с вкраплениями щебня мергеля. Третья насыпь, диаметром около 27 м и высотой не более 0,5 м (верх спланирован), состоит из темной гумусированной почвы с меловой крошкой и камней мергеля (рис. 1, 2)¹.

Под насыпями и в их горизонтах обнаружено 15 захоронений. Два из них (3, 8) погребения ямного времени, пять (1, 9, 10, 12, 13) выполнены в катакомбах, восемь (2, 4, 5, 6, 7, 11, 14, 15) сопоставимы с традициями захоронений поздней бронзы. В данном случае рассмотрим погребения из катакомбных сооружений. Номера захоронений соответствуют последовательности их изучения.

Погребение 1 (рис. 2, 1-4), впускное, катакомбного типа, в юго-восточном секторе кургана, в 7,7 м на юг, юго-восток от R⁰ (рис. 1, 2). Пятно входного колодца прослежено с уровня погребенной почвы – 1,46 R⁰.

© Коваленко П.П., Красильников К.И., 2016

¹ Примечание: авторами исправлены некоторые неточности профилей бровок, допущенные в полевых условиях, а затем и при составлении отчета (Красильников и др., 1988).

Входная шахта в плане прямоугольной формы, удлинение в направлении ЮЗ-СВ, заполнение рыхлое, суглинистое, в нижнем горизонте прослеживаются обломки плах. Стенки вертикальные, дно на отметке – 2,27 R⁰.

Погребальная камера к СЗ, вход в виде ступеньки с понижением – 0,4 м. Камера округло-овальной формы 1,05x1,35 м, удлинение в направлении СВ-ЮЗ, свод сферо-купольный высотой 0,7 м, дно, устланное подстилкой, на отметках – 2,64 – 2,67 м R⁰.

Ингумация исполнена на правом боку в скорченном положении ног, руки плотно согнуты в локтях, кисти у груди. Череп, с признаками искусственной деформации, ориентирован к юго-западу, лицом к выходу.

Инвентарный комплекс представлен керамическими изделиями и округлой фракцией (2,4x3,2 см) мумие. В камере, слева от входа, перед лицевой частью черепа оставлен приземистый округло-бочкой формы сосуд с невысоким, слегка отогнутым наружу раструбовидным венчиком (рис. 2, 3). Формовка изделия плотная, стенки заглажены, значительная часть их поверхности орнаментирована. Вершина венчика украшена насечкой, стенка двумя горизонтальными линиями оттисков тесьмы. На плечике и тулове посредством все той же тесьмы изображены пять треугольников вершинами к низу. Внутренние поля фигур заполнены параллельными косонаправленными рядами тесьмы. Придонная часть сосуда орнаментирована мелкозубчатым штампом «елочной» композиции. Отверстия в стенках горшка свидетельствуют о его ремонте. Внутри емкости сохранились остатки перетленной пищи растительного характера. Размеры горшка: диаметр венчика – 17,5 см, тулова – 22 см, дна – 10 см, высота венчика – 2,2 см, вся высота – 15 см, толщина стенок – 0,8 см.

На входе в камеру, с правой стороны оставлен сосуд мисковидно-баночной формы, использовавшийся, видимо, в качестве жаровни (рис. 2, 4). Профиль горшка округло-одутловатый. Фактура теста плотная, поверхность заглажена, обжиг равномерный серого цвета. Изделие орнаментировано косо поставленными оттисками мелкозубчатого штампа, образовавшего «елочную» композицию. В жаровне находились фрагменты древесного угля. Размеры емкости: диаметр венчик – 13 см, тулова – 15 см, дно с поддоном – 7,5 см, толщина стенок – 0,7-1 см.

Погребение 9 (рис. 2, 5-8), впускное, катакомбного типа, почти в центральной части кургана, в 1,4 м южнее R⁰ (рис. 1, 2). Колодец фиксируется в первой насыпи, выброс из него прослеживаем на ее поверхности. Пятно камеры зафиксировано на уровне погребенной почвы – 1,2 м R⁰.

Входной колодец подпрямоугольной формы 1,4x0,7 м, удлинение в направлении СЗ-ЮВ, дно на отметке – 1,5 м R⁰. Камера овальная 1,3x1,9 м, удлинение по линии СВ-ЮЗ, устроена к юго-востоку от колодца. Переход осуществлен посредством ступеньки с понижением – 0,3 м (– 1,75 м), ко дну – 2,05 м. Основная часть свода камеры просела, сохранившаяся высота не более +0,65 м.

В центральной части камеры на подстилке темно-коричневого цвета находился скелет в анатомическом виде на левом боку в скорченной позе ног. Руки смещены, но видимо, были согнуты в локтях. Череп ориентирован к юго-западу, лицом к выходу, под ним сохранились фрагменты истлевшего дерева.

У теменной части черепа находился кувшиновидный сосуд округлой формы с высоким раструбовидным венчиком (рис. 2, 7). Фактура теста плотная, с примесью песка и мелкоистолченной слюды, поверхность тщательно заглажена, обжиг равномерный коричневого цвета. Внутри емкости зафиксирована истлевшая пища растительного характера. Размеры сосуда: диаметр горловины – 11 см, тулова – 20 см, дна – 9,5 см, высота горловины – 3,7 см, вся высота – 18,5 см. Под юго-западной стенкой камеры обнаружена жаровня из фрагмента стенки одутловатого сосуда с валиком (рис. 2, 8).

Погребение 10 и кенотаф 10-А (рис. 3, 1-5), впускные, оба катакомбного типа, в южной части кургана, в 5,4 м на юг от R⁰ (рис. 1, 2). Выброс из их колодцев прослежен на поверхности первой насыпи, на отметке – 2,05 м R⁰.

Заполнение рыхлое, сформировано из чернозема с меловой крошкой и небольших камней мергеля. Форма общей им входной шахты подпрямоугольная 1,4x1,6 м с удлинением в направлении З-В, стенки вертикальные. Вдоль южной части колодца на отметке – 3, 67 м R⁰ оставлена ступенька размером 1,65x0,35 м, высотой от дна камеры погребения 10 + 0,5м. На ступеньке сохранились фрагменты плах, которыми мог быть закрыт вход в катакомбу. Северная сторона колодца к погребению 10 совпала с заполнением шахты кенотафа 10-А, поэтому эту часть стенки проследить не удалось. Камера катакомбы погребения 10, обустроена к северу. Ее дно, часть которого оказалось в горизонте заполнения кенотафа 10-А, зафиксировано на отметке – 4,07 м R⁰. Дно полностью устлано растительной подстилкой, здесь же сохранилась подсыпка порошковой охрой бурого цвета. Форма и высота свода камеры погребения 10, оказавшиеся в заполнении колодца кенотафа 10-А, не прослежены.

Скелет взрослой особи находился на правом боку в скорченной позе, ноги согнуты в коленных и тазовых суставах, руки вытянуты вдоль туловища, обе кисти под большой берцовой костью. Череп ориентирован к западу, лицевой частью к югу (к выходу). Под черепом обнаружены два плоских деревянных бруска размерами 18х4х1,8 см и 25х5х2 см.

Инвентарный комплекс представлен серией изделий. Под западной стенкой камеры находилась курильница (рис. 3, 3), сформированная из плотного теста равномерного обжига. Ее поверхность заглажена и орнаментирована тесьмой в виде сложных композиций исполненных как снаружи, так и внутри чаши. Прежде всего, это разноразмерные и разнофигурные геометрические формы в виде треугольников, образованных пересекающимися линиями оттисков тесьмы. Венчик и ножки оконтурены насечками и зубчатыми штампами. Ими же заполнено внутреннее поле большой чаши. В малой чаше проделаны два отверстия. Размеры курильницы: диаметр большой чаши – 16 см, внутреннего отделения – 5 см, крестовидной ножки со сторонами 9х9 см, высота – 6,5 см.

Рядом с курильницей оставлен кремневый отщеп (рис. 3, 4).

Перед лицевой частью в 0,2 м обнаружено обоюдоострое, длиной 5,6 см, в сечении квадратное 5х5 мм, бронзовое шило (рис. 3, 5).

Перед грудной погребенного находились фрагменты разложившейся охры, здесь же истлевшая деревянная миска диаметром 20 см.

В процессе дальнейшего исследования выяснилось, что под подстилкой дна катакомбы погребения 10 с уровня – 4,07 м в северном направлении продолжается заполнение. Там же обнаружена наклонная ступенька с понижением до отметки – 4,58 м. На этом горизонте находилась камера кенотафа 10-А (рис. 3, 1-2). В плане она овальной формы 1,4х0,95 м, удлинение в направлении В-З, высота свода не более 0,7 м, признаки захоронения и инвентаря не наблюдаются. В данном случае возможен кенотаф, который предшествовал погребению 10.

Погребение 12 (рис. 3, 6-7), впускное, катакомбного типа, в 5 м к востоку от R⁰. Колодец зафиксирован в центральной бровке с первой насыпи на отметке – 1,5 м R⁰.

Входная шахта овальной формы 1,4х1,75 м, удлинение по линии С-Ю, дно на глубине – 2,75 R⁰. Заполнение рыхлое, суглинистое, опесоченное. Вход в камеру шириной 0,7 м, обустроен в юго-западном углу колодца. Переход осуществлен посредством ступеньки – 0,2 м, понижающей уровень дна катакомбы до отметки – 2,96 м. Погребальная камера овальной формы 2,1х1,4 м, удлинение в направлении ССЗ-ЮЮВ. Основная часть свода обрушена, сохранилась лишь его СЗ часть, определяющая высоту около +0,5 м. Южная часть камеры нарушена входным колодцем погребения 13 (рис. 3, 6-7).

Скелет в скорченной позе на правом боку находится в западной части камеры. Здесь же зафиксирован тлен подстилки обильно посыпанной охрой. Ноги, согнутые в коленных и тазовых суставах, уложены скорчено, руки вытянуты вдоль туловища, череп ориентирован на юг, поворот лица к востоку.

Инвентарь погребения включает кусок охры со следами обработки в форме округло-удлиненного песта размерами 9,3х4,5х5 (рис. 3, 8) и жаровню (рис. 3, 9). Охра находилась перед лицевой частью черепа, жаровня из фрагмента нижней части сосуда удлиненной формы, орнаментированного оттисками зубчатого штампа в виде «елочной» композиции, оставлена в южной части камеры.

Погребение 13 (рис. 3, 6-7), впускное, катакомбного типа, в 2 м к ЮВ от репера. Выкид из колодца катакомбы прослежен над первой насыпью.

Входная шахта подквадратной формы 1,6х1,8 м, стенки вертикальные, дно на уровне – 3,55 м R⁰. Вход в камеру овальный 1,2х0,5 м, обустроен в северо-западном направлении, здесь же сохранились остатки двух горизонтально уложенных плах диаметром 0,15-0,2 м, длиной около 1,5 м.

Погребальная камера в плане круглая, диаметром 2 м, дно на отметке – 4,35 R⁰, высота свода около +1,1 м. На стенках зафиксированы следы работы мотыжкой с лезвием шириной 4 см, максимальной длиной одноразового скола до 30 см.

В западной части камеры на подстилке из растительности и порошковой охры находились останки скелета, по которым удалось определить правобокую скорченность, руки вытянуты вдоль туловища, череп ориентирован на юг, поворот лица к востоку.

Погребенного сопровождал инвентарь. У южной стенки оставлена курильница (рис. 3, 11), состоящая из двух отделов. Внутри большой чаши диаметром 17 см, находилась малая ее часть овальной формы размерами 3,5х7 см. Высота чаши 4 см. Ножка, высотой 2,5 см, восьмерковидной формы, в узкой ее части проделано отверстие диаметром 0,5 см. Стенки малой чаши оформлены несколькими рядами оттисков тесьмы. Наружная часть курильницы тщательно заглажена и украшена узорочьями оттисков шнура и тесьмы, в виде округлых гирлянд, полукругов, прямых и волнистых линий, прочих фигур.

Перед лицевой частью черепа обнаружены остатки истлевшей деревянной миски, видимо, прямоугольной формы с размерами 18x24 см, здесь же конусовидный 7x5,5 см кусок охры бурого цвета (рис. 3, 10).

В юго-западной поле насыпи кургана на глубине – 1 м R⁰, обнаружен сосуд-2¹, визуальные параметры которого соответствуют древностям катакомбного времени (рис. 3, 12). Однако его непосредственная связь с каким-либо из рассмотренных погребений не прослеживается, вероятно, он оставлен в качестве реквизита тризны. Горшок бесшейный, баночной формы с уплощенным венчиком вогнутым вовнутрь. Поверхность тщательно заглажена и орнаментирована оттисками гребенки образующими сплошную «елочную» композицию. Размеры сосуда: диаметр венчика – 12 см, дна – 7,5 см, высота – 10 см, толщина стенок до 0,7 см.

Интерпретация захоронений.

Данные стратиграфии свидетельствуют о том, что вся серия катакомбных захоронений введена с уровня первой насыпи, возведенной над основным, ямного типа, погребением 8. Однако, установить их последовательность, ссылаясь только на стратиграфию, не представляется возможным. В данном вопросе пока известно, что в комплексе катакомб 10 и 10-А, катакомба 10-А (кенотаф) предшествовала появлению конструкции погребения 10 (рис. 3, 1-2). Ситуацию совмещения погребальных конструкций наблюдаем и в комплексе катакомб 12 и 13. В данном случае первичной следует считать катакомбу 13, катакомба 12 частично нарушила конструкцию входного колодца погребения 13 (рис. 3, 6-7). В остальных случаях при определении типолого-хронологических позиций захоронений обратимся к анализу форм погребальных конструкций, прослеживаемым в них обрядам, находкам, в первую очередь керамическим изделиям, и прочим инвентарным артефактам.

Погребение 1 введено в юго-восточную полу насыпи. Погребальная конструкция в плане выглядит Н-образно, что ориентирует на позднюю, в системе катакомбных древностей, хронологию. Ингумацию, выполненную в скорченной позе на правом боку, сопровождал приземистый округлобочный сосуд, орнаментированный по тулову треугольниками вершинами к низу и елочным узором в области придонной части. Подобные орнаментальные мотивы распространены в донецкой катакомбной культуре позднего периода. Признаком посуды этого времени является и способ оформления шейки сосуда. Традиция заполнения свободных промежутков на шейке, характерная для раннедонецкой керамики, практически полностью исчезает на позднем ее этапе (Смирнов, 1996. с. 103). По классификации Смирнова А.М. рассматриваемый сосуд может быть отнесен к типу 3 под-типу Б, являющимся прототипом позднего периода донецкой катакомбной культуры территории среднего Подонцовья (Смирнов, 1996. с. 178-179, рис. 45, 10-12; рис. 46, 1-8). В Нижнем Подонье, по классификации Братченко С.Н., подобная керамика сопоставима с посудой отдела II группы Б, выявленной в погребениях донецкой катакомбной культуры (Братченко, 1996. с. 39, рис. 16). Однако, стоит отметить, что автор все донецкие захоронения Нижнего Подонья рассматривал совместно, вне их периодичности.

Фрагмент бесшейного сосуда баночной формы, оставленного в погребении 1 в качестве жаровни, в свою очередь, является индикатором принадлежности захоронения к позднему этапу донецкой катакомбной культуры. Однако, подобная посуда встречена и в погребениях с керамикой, оформленной елочной орнаментацией, получившей, по мнению Смирнова А.М., распространение в основном на востоке северскодонецкого региона (Смирнов, 1996. с. 107). На территории Нижнего Подонья сосуды такой формы в погребениях донецкой катакомбной культуры, практически не известны. Близкие им варианты, представленные в отделе VII по классификации С.Н. Братченко, соответствуют поздней хронологии катакомбных погребений (Братченко, 1976. с. 44-45, рис. 20-21). Проследить насыпь над погребением 1 не удалось.

Заслуживает внимания череп с очевидными признаками искусственной прижизненной деформации из погребения 1. Данный обычай получает распространение в средний и поздний периоды катакомбной культуры Доно-Донецкого массива, в частности, Подонцовья (Shepel, 2004. с. 101).

Хронологическим репером к погребению 9 является горшок, характерный для манычской группы памятников. Заметим, что керамика данного типа немногочисленна и встречена в основном на Правобережье Северского Донца. По классификации Смирнова А.М. рассматриваемый сосуд сопоставим с посудой группы II манычских погребений. Их характеризуют: раструбность горловин, округлобочность, некоторая приземистость тулов, низкие шейки (Смирнов, 1996. с. 153-154, рис. 21-22).

Также в этом погребении находилась жаровня из фрагмента стенки манычского сосуда, украшенного гладким горизонтальным валиком в верхней части. Такая техника орнаментации, присущая

¹ Сосуд-1 из южной бровки относим к срубному времени.

керамике манычской катакомбной культуры, получает распространение в степном Подонцовье лишь на позднем его этапе (Смирнов, 1996, с. 66).

Вместе с тем, диссонансным к манычской теме является нетипичная для ее времени Т-образная погребальная конструкция, напротив, характерная для раннекатакомбного периода. В работах Братченко С.Н. (Братченко, 1976, с. 61) и Смирнова А.М. (Смирнов, 1996, с. 57) такая форма катакомбы, для погребений, относимых авторами к манычской группе памятников, вообще неизвестна. Также, отметим нехарактерное для манычского варианта катакомбной культуры левобочное скорченное положение костяка. Насыпь над погребением 9 не прослежена.

Хронологическими индикаторами позднего времени погребения 10 являются: Н-образная конструкция катакомбы, правобочное скорченное положение умершего, но в первую очередь, курильница на крестовидном четырехлепестковом поддоне с внутренним отделением. По названным признакам она соответствует изделиям среднего и позднего периодов катакомбных древностей. Ближайшими аналогиями рассматриваемого артефакта могут быть ритуальные чаши из Кременной 1/11 (Санжаров, Черных, 2005, с. 185, рис. 7, 4), Николаевки 6/2 (Братченко, 2009, с. 166, рис. 29) и Александровска 1/33 (Братченко, 2008, с. 154, рис. 22). Во всех случаях авторы относят их к позднекатакомбному времени. Братченко С.Н., обозначая географию распространения рассматриваемых курильниц, отмечает, что подобные формы в среднем Подонцовье обнаружены преимущественно среди правобережных групп захоронений, в то время как на левобережье их находки сравнительно редки (Братченко, Санжаров, 2001, с. 50).

Безинвентарный кенотаф, выявленный под захоронением 10, следует рассматривать как самостоятельную катакомбную конструкцию, появившуюся раньше погребения 10. Аналогичная ситуация имеет отношение к погребениям 12 и 13.

Установить последовательность и тем более хронологию захоронений 12 и 13 затруднительно, прежде всего, из-за ограниченности инвентарных наборов. В этой ситуации следует принимать во внимание различие погребальных конструкций погребений. Круглая в плане входная шахта захоронения 12 ориентирует на погребения манычского типа. К этому же периоду следует отнести фрагмент стенки горшка, употребленной в погребении 12 в качестве жаровни. Стройные сосуды с высокоподнятыми плечиками, орнаментированные оттисками зубчатого штампа «елочной» композиции по всей верхней части сосуда, либо только основания шейки, наиболее типичны для манычских погребений с раструбной керамикой и захоронений с керамикой с елочной орнаментацией (Смирнов, 1996, с. 150, рис. 18, 10-12; с. 151, рис. 19, 1-5; с. 173, рис. 40). Круглая камера и прямоугольная, почти подквадратная, форма шахты катакомбы 13 напоминают конструкции позднекатакомбного времени. В то же время, нельзя не обратить внимание на большие размеры их составных частей, что не характерно погребениям рассматриваемого периода. Индикатором времени погребения 13 служит курильница на восьмеркообразной ножке со сквозным отверстием в ней. Точные аналогии чаши на подобном поддоне нам неизвестны, однако, близкой ей могут быть курильницы на круглой массивной подставке. Подобная чаша найдена в Александровске 1/42 и отнесена Братченко С.Н. к позднему периоду катакомбных древностей (Братченко, 2008, с. 157, рис. 25, 4).

Сосуд, обнаруженный в насыпи, вероятнее всего, связан с сакралитетом, то есть тризной. По основным признакам он сопоставим с фрагментом горшка из погребения 1 (рис. 2, 4), и как уже отмечалось выше, встречается в погребениях как с керамикой, оформленной елочной орнаментацией, так и захоронениях позднего периода донецкой катакомбной культуры, выполняя при этом функции реквизита ритуального направления – жаровни, курильницы.

В целом, все рассмотренные погребения не выходят за рамки среднего-позднего периодов катакомбных древностей датируемых в диапазоне 2500-2000 гг. до н.э. (Братченко, 2001, с. 47). Введение в научный оборот результатов исследования могильника урочища «Зеленая роща» расширяет базу источников по средней бронзе северскодонецкого региона и позволяют углубить знания о катакомбных древностях степного Донецкого правобережья.

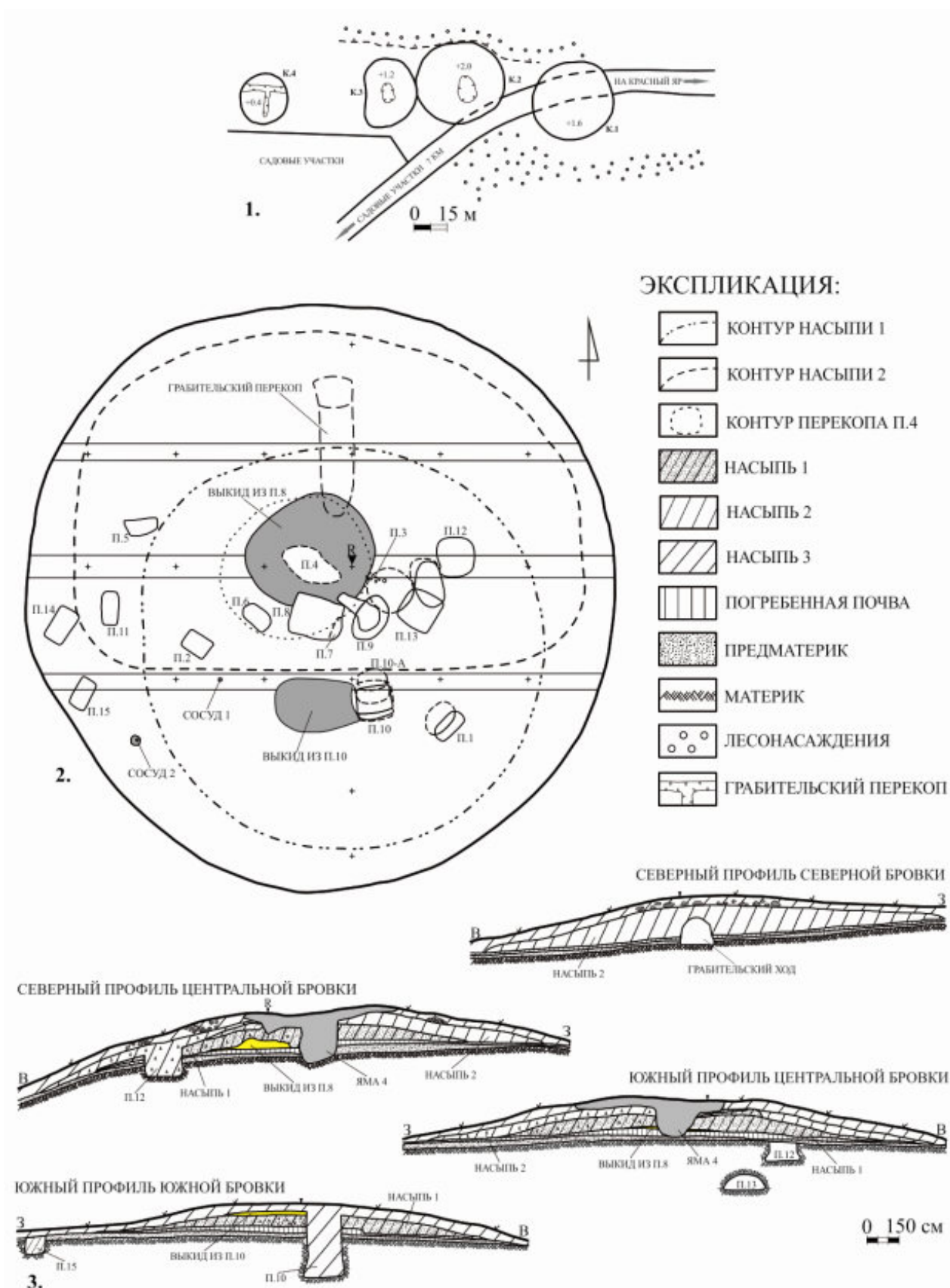

Рис.1. 1-3.1 - план расположения могильника в урочище «Зеленая роща» у г. Луганск; 2 - план погребений и кургана 1; 3 - профили бровок кургана 1

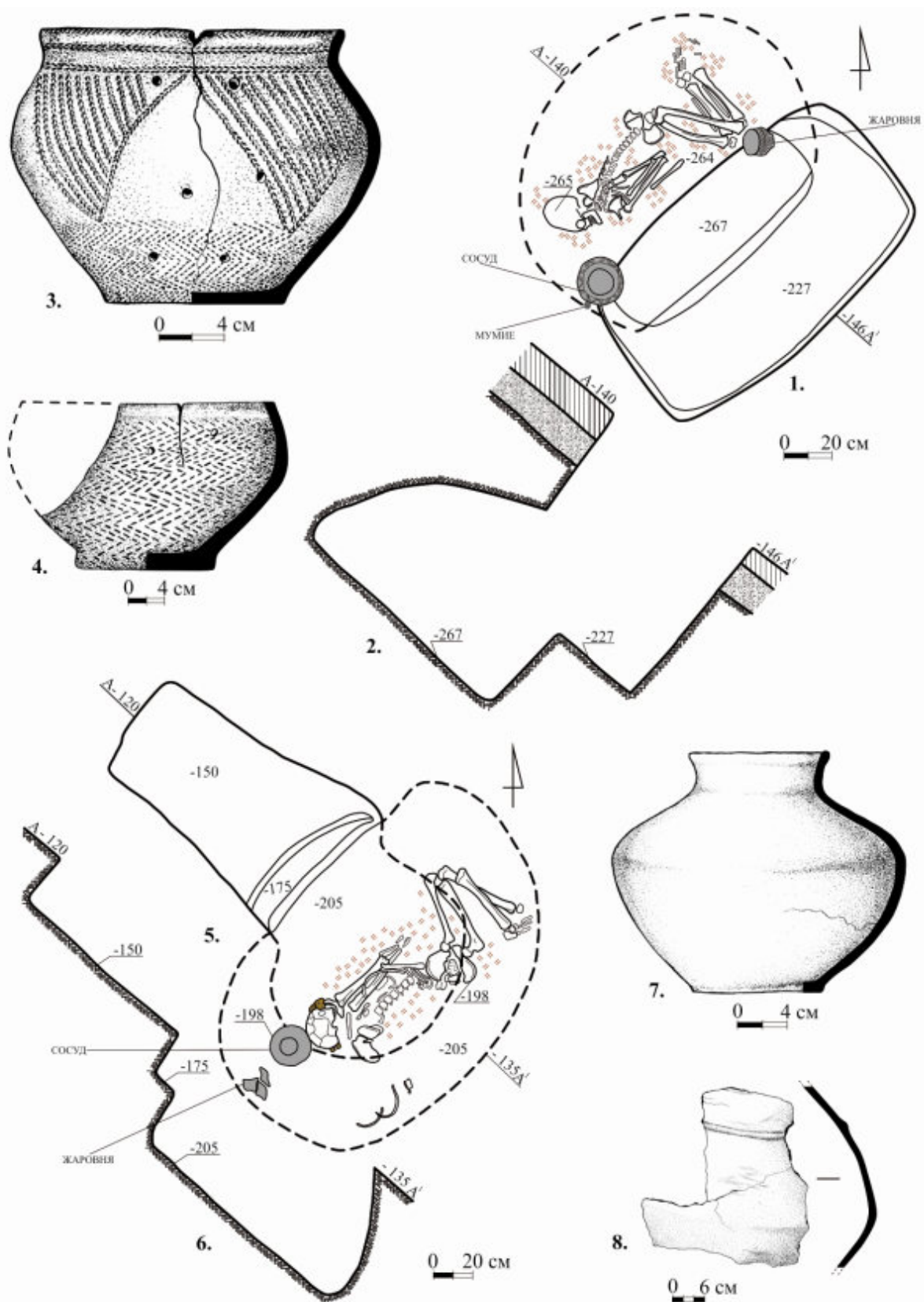

Рис.2. 1-8.1-2 - план и разрез погребения 1; 3 - сосуд из погребения 1;
4 - жаровня из погребения 1; 5-6 - план и разрез погребения 9; 7 - сосуд из погребения 9;
8 - жаровня из погребения 9

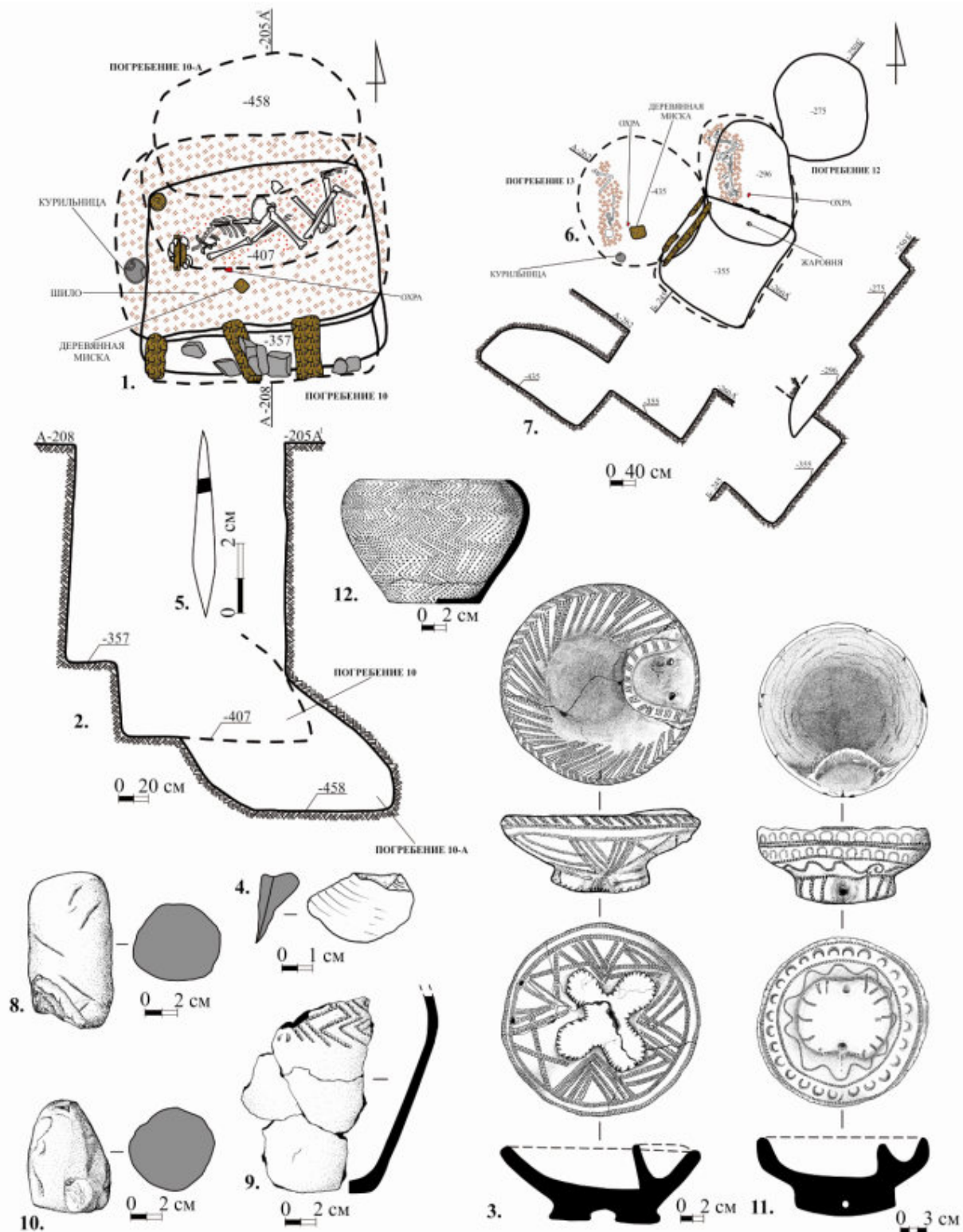

Рис.3. 1-8.1-2 - план и разрез погребений 10 и 10-А; 3 - курильница из погребения 10;
 4 - кремневый отщеп из погребения 10; 5 - бронзовое шило из погребения 10;
 6-7 - план и разрез погребений 12 и 13; 8 - охра из погребения 12; 9 - жаровня из погребения 12;
 10 - охра из погребения 13; 11 - курильница из погребения 13; 12 - сосуд из насыпи

Список использованных источников и литературы

1. Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. – Луганськ: «Шлях», 2001. – 196 с.
2. Братченко С.Н. Миколаївські могили-кургани в пониззі р. Луганка // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 9. – Луганськ, 2009. – С. 137-196

3. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – К.: Наук. Думка, 1976. – 251 с.
4. Братченко С.Н. Олександрівські могили-кургани в долині Лугані // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 8. – Луганськ, 2008. – С. 134-217
5. Братченко С.Н., Санжаров С.М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецьки та Донщини III тис. до н.е. – Луганськ: СЛУ, 2001. – 108 с.
6. Красильников К.И., Козмирчук И.А., Павлова И.Н. Отчет о проведении спасательных работ по изучению кургана у садового кооператива «Зеленая роща», Жовтневого района г. Ворошиловграда в 1988 году / Наук. архів ІА НАН України. 1988/92, од. зб. 23108, 23109
7. Санжаров С.Н., Черных Е.А. Кременские курганы на р. Красная в Подонцовье // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 4. – Луганськ, 2005. – С. 170-198
8. Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. – М., 1996. – 182 с.
9. Shepel E.A. Artificial Head Deformation in the Catacomb Culture of the Northern Donets // The Journal of Indo-European Studies. – Vol. 32. – Washington, 2004. – P. 101-132

УДК 902.01

Л.И. Маслихова, А.М. Скоробогатов

Предварительные результаты исследования кургана эпохи бронзы Курганной группы №4 у с. Рогачевка Новоусманского района Воронежской области

Аннотация. Статья посвящена вводу в научный оборот материалов эпохи средней-поздней бронзы, полученных при раскопках кургана в левобережье Среднего Дона в 2015 г.

Ключевые слова: курган, эпоха бронзы, погребения.

Abstract. The paper is devoted to the publication of materials of medium-late Bronze Age obtained during the excavation of the mound on the Middle Don in 2015.

Keywords: archeology, mound, an epoch of bronze, burials.

В августе 2015 г. сотрудниками ООО «Воронежское археологическое общество» были проведены охранные раскопки объекта археологического наследия «Курганная группа 4 у с. Рогачевка» в Новоусманском районе Воронежской области (данная курганная группа была выявлена Г.В. Ворониным в 2012 г.).

Исследованный памятник археологии был расположен в зоне строительства «автомобильной дороги М-4 «Дон» от Москвы через Воронеж, Ростов-на-Дону, Краснодар до Новороссийска на участке км 517 – км 544».

Курганная группа состояла из семи сильно распаханых насыпей, расположенных на водоразделе рек Тамлык (левого притока р. Хава), Воронеж (левого притока р. Дон) и Хворостань (левого притока р. Дон), в 0,7 км к западу от юго-западной окраины с. Рогачевка Новоусманского района Воронежской области. Исследования показали, что из семи насыпей, поставленных в 2012 г. на охрану как ОАН «Курганная группа 4 у с. Рогачевка» достоверно курганом является лишь курган № 4. Остальные насыпи, принятые за курганы в 2012 г., таковыми не являются, и возникли в результате хозяйственной деятельности, предположительно в советское время (рис. 1).

Курган №4 располагался в центре курганной группы. Насыпь – самая большая из зафиксированной в группе. Максимальная высота насыпи кургана составила 0,6 м, диаметр – 24 м. Насыпь имела округлую форму, к моменту проведения работ была задернована. Нивелировка поверхности насыпи показала, что она имела наибольший уклон в восточном направлении, что соответствует естественному понижению рельефа от водораздела в сторону долины реки. Ввиду этого нивелировочные отметки по западному борту кургана оказались больше, чем по восточному. Так, если максимальная отметка по западному борту кургана составила минус 48 см, то по восточному минус 81 см (рис. 2).

Общая стратиграфия наслоений в районе отметки -8 (на 4 м на юг от уровня центра бровки) в бровке I-Г выявлена следующая: 0-30 см – пашня (интенсивно гумусированная черно-серая супесь); 30-60 см – гумусированная темно-коричневая супесь; 60-100 см – погребенная почва, представленная серой супесью, в нижней части с многочисленными нормами землеройных животных; со 100 см – материк (плотный темно-желтый суглинок).

В кургане было обнаружено 4 погребения. Также в насыпи кургана было зафиксировано скопление костей мелко рогатого скота (жертвенник).

Жертвенник 1. был расположен в юго-восточной части насыпи. Представлял собой компактно уложенные кости конечностей и фрагменты черепа животного (МРС?), расположенные в неглубокой (около 5 см) яме овальной формы (размер 47х32 см), длинной стороной ориентированной по линии ССВ-ЮЮЗ. Жертвенник располагался в слое гумусированной темно-коричневой супеси (на глубине -140 см от «0»), заполнение ямы жертвенника состояло из той же гумусированной темно-коричневой супеси, ввиду чего границы ямы жертвенника определялись условно (рис. 2, 3.1).

Погребение 1. Располагалось между бровками I-I' и II-II', в 0,9 м на восток от восточного борта бровки I-I' и в 5 м на ЗСЗ от центра кургана в переотложенном слое гумусированной темно-коричневой супеси (рис. 2). Выкид не прослежен.

Первоначально зафиксированное пятно могильной ямы на уровне материка имело размер 300х180 см, было ориентировано длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ, заходя в восточный борт бровки северо-западным углом. Однако еще под пахотным слоем в месте расположения могильного пятна к востоку от восточного борта началась фиксироваться переотложенная почва, представленная гумусированной темно-коричневой супесью с содержанием карбонатов, фрагментов материкового суглинки и костей землеройных животных. Так выяснилось, что за могильное пятно был принят поздний перекоп прямоугольной в плане формы. В результате погребальное сооружение не было зафиксировано. При выборке «могильного пятна» выяснилось, что погребение сильно разрушено более поздним перекопом, а также действиями землеройных животных. На дне (?) разрушенной могильной ямы был расчищен костяк взрослого человека, ориентированный головой на СЗ. От костяка сохранился череп, кости правой руки, фрагменты тазовых костей и бедренные кости ног. К востоку от тазовых костей располагалось два сосуда (сосуды 1-2). В 70 см к западу от тазовых костей в переотложенном слое обнаружены фрагменты от трех сосудов (сосуды 3-5). Можно лишь предположить, что первоначально могильная яма погребения 1 была прямоугольной формы, размером 160Х75 см (рис. 3.2).

Сосуд 1. Крупный сосуд горшковидной формы, плечики покатые, переход к отогнутому наружу венчику плавный, срез венчика плоский. Дно плоское, вогнуто вовнутрь на 0,3 см. Диаметр по венчику 18 см, диаметр по плечикам 22 см, диаметр дна 12 см, высота 24 см. Толщина стенок сосуда от 0,9 см в зоне венчика до 1,2 см в придонной части. Тесто плотное, светло-коричневого цвета, без расчесов, с сохранившимся нагаром на внешней поверхности. По венчику сосуд орнаментирован четырьмя горизонтальными рядами ямчатых вдавлений. Ямки неглубокие, диаметром до 0,5 см, основание ямок рубчатое (возможно наносились палочкой с размочаленным концом). Верхний ряд ямок нанесен по краю венчика, заходя на срез, что придает ему подобие гофрировки. Ниже ямчатых поясков, по зоне плечиков и тулову нанесены горизонтальные ряды наклонно поставленных нарезных линий, образующих «елочку». В придонной части нарезные линии заменяются горизонтальными рядами зубчатого (2-3 зубца) штампа. Скорее всего, нарезки и зубчатый штамп наносились одним орнаментиром (рис. 4.1).

Сосуд 2. Небольшой горшок с плавно отогнутым коротким (2 см) венчиком. Срез венчика округлый. Дно плоское, вогнуто на 0,2 см. Тесто с примесью органики и мелких фракций шамота, цвет поверхностей светло-коричневый, со следами подпалин. Верхняя часть сосуда изнутри и снаружи покрыта крупными диагональными расчесами, дно залощено. Диаметр по венчику 10,8 см, диаметр тулова 15,5 см, диаметр дна 14 см, высота сосуда 14 см. Толщина стенок сосуда от 0,7 см до 1 см.

Орнамент состоит исключительно из прочерченных линий. По венчику нанесено два горизонтальных ряда прочерченных линий шириной до 0,5 см. Ниже, по плечикам, нанесены ряды из 3-4 параллельных прочерченных наклонных линий, образующих треугольный мотив. Лишь в одном случае линии не наклонны, а строго вертикальны. Далее сосуд опоясывают три горизонтальные линии, под которыми – вертикальные прочерченные линии, опускающиеся ко дну (рис. 4.2).

Сосуды 3-5. Самые многочисленные фрагменты принадлежали сосуду, облик которого удалось реконструировать графически. Это был сосуд типа фляги. Реконструируемая высота сосуда 20,6 см, диаметр по венчику 10 см, диаметр дна 20 см, максимальный диаметр по тулову 27 см. Все фрагменты не орнаментированы. Тесто запесоченное, с примесью шамота и органики. Внешние поверхности покрыты крупными разнонаправленными расчесами (возможно, наносились пучком травы). Толщина стенок от 0,8 см до 1 см, максимальная толщина дна 1,3 см (рис. 4.3). Несмотря на то, что по фактуре тесто данного сосуда отличается от керамики из погребения 1 своей запесоченностью, между ними имеется один общий морфологический (и технологический) признак – вогнутые днища.

Сосуд 4 представлен фрагментами не крупного горшка с коротким (1 см) плавно отогнутым венчиком с округлым срезом. Диаметр по венчику 12 см, диаметр по плечикам 13,5 см, дно не сохранилось. Тесто с примесью шамота, плотное, запесоченное. Под венчиком нанесен горизонтальный ряд из наклонных оттисков узкого гладкого штампа. Поверхности светло-коричневого цвета, с наружи заглажены, изнутри покрыты диагональными крупными расчесами (рис. 4.4).

Сосуд 5 представлен фрагментами венчика диаметром 14 см, орнаментированного тремя горизонтальными валиками, ниже которых нанесены прочерченные линии, вероятно, как на сосудах 2 из п.1. Тесто с примесью шамота, поверхности коричневого цвета, снаружи без расчесов, изнутри со следами крупных горизонтальных расчесов (рис. 4.5).

Материалы погребения, за исключением сосуда 4, относятся к среднедонской катакомбной культуре эпохи средней бронзы (I половина II тыс. до н.э. по некалиброванной шкале). Сосуд 4 принадлежит срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 2 (впускное?). Расположено между бровками II-II' и III-III', в 1,2 м на восток от восточного борта бровки II-II' и в 1,7 м на ВСВ от центра кургана в предматериковом слое (рис. 2).

Погребальное сооружение представляло собой яму прямоугольной формы с закругленными углами размером 180X85 см, ориентированной длинной стороной по линии ССЗ-ЮЮВ, глубиной 11 см. Стенки отвесные. Заполнение состояло из темно-коричневой гумусированной супеси.

В заполнении ямы в ее северной части выявлены отдельные кости человека: фрагмент нижней челюсти и фрагменты тазовых костей. Других находок в яме не обнаружено (рис. 5.1).

Культурно-хронологическая принадлежность погребения не установлена.

Погребение 3 (впускное).

Расположено между бровкой III-III' и восточным бортом кургана, в 11,2 м на восток от центра кургана (СВ углом могильная яма соприкасается с восточным бортом кургана) в материке (рис. 2).

Погребальное сооружение – яма, прямоугольной формы с закругленными углами размером 235X115 см, ориентированной длинной стороной по линии ССВ-ЮЮЗ, глубиной 70 см. Стенки ямы были отвесные, пол ровный. Заполнение состояло из темно-коричневой гумусированной супеси, фрагментов древесины и комков материковой почвы.

Погребение находилось в деревянной конструкции. Первый уровень конструкции был зафиксирован на глубине от -176 см до -181 см, т.е. на глубине 30-35 см от уровня материка. На первом уровне от перекрытия сохранились у западной стенки остатки деревянной плахи длиной 140 см, шириной до 10 см и толщиной 5-7 см, у южной и северной стенок – лишь древесный тлен от коротких плах, расположенных перпендикулярно длинной плахе (рис. 5.2).

Второй уровень погребальной деревянной конструкции фиксировался на уровне расчищенного костяка. Наиболее полно сохранились западная и восточная часть конструкции, сооруженная из деревянных плах шириной до 10 см, толщиной от 3 до 10 см. В некоторых местах от конструкции сохранился лишь древесный тлен. Деревянная конструкция представляла собой уложенные по периметру могильной ямы в несколько слоев (минимум в два) деревянные плахи, внутри которых располагался погребенный. Элементы состыковки плах в углах могильной ямы не сохранились. Фрагменты деревянного перекрытия конструкции не зафиксированы. Предполагаемый размер деревянной конструкции составляет 200x100 см (рис. 5.3).

По центру могильной ямы покоился погребенный в позе скорченно на левом боку, головой на ССВ. Правая рука согнута в локте, левая не сохранилась. Ноги слабо скорчены, кость левой голени залегает под костями правой голени. По центру на тазовых костях находилась металлическая (бронзовая?) пронизка. В ногах погребенного, у ЮЗ угла деревянной конструкции располагалось два сосуда – колоколообразный на боку, более малый, баночной формы – на дне.

Металлическое изделие. Пронизка. Изделие плохой сохранности, размером 0,6X0,5 см, с желобчатым углублением по центру, толщина металла менее 1 мм (рис. 6. 3).

Сосуд 1. Горшок колоколовидной формы, венчик желобчатый, отогнут наружу с образованием внутреннего ребра при переходе от венчика к тулову. Венчик срезан наружу. Диаметр по венчику 16,5 см, диаметр дна 6,5 см, высота сосуда 14,5 см. Дно плоское, без закраин. Под венчиком нанесен орнамент, состоящий исключительно из прочерченных линий. Переход от венчика к тулову отмечен опоясывающей сосуд прочерченной линией, под которой нанесен прочерченный зигзаг, ограниченный такой же прочерченной линией, под которой нанесены треугольники вершинами вниз, внутри которых такими же прочерками отмечены вертикальные одиночные линии, в единичном случае – треугольник вершиной вниз, еще в одном случае треугольник не заполнялся орнаментом (рис. 6. 1). Сосуд тонкостенный – толщина венчика и дна 0,7 см, толщина стенок 0,5 см. Тесто с примесью дробленой раковины, поверхности светло-коричневого цвета, подлощены.

Сосуд 2 некрупный, плоскодонный, баночной формы. Венчик изнутри под срезом имеет незначительное утолщение. Диаметр по горлу 10 см, диаметр дна 7,5 см, высота сосуда 6 см. Толщина стенок сосуда 0,7 см, толщина среза венчика 1 см, толщина дна 0,8 см. Тесто с примесью шамота и органики, поверхности темно-коричневого цвета, с подпалинами и сохранившимся нагаром, без расчесов, подлощены. Широкий плоский срез сосуда орнаментирован на 2/3 своей окружности зигзагом

из прочерченных линий, сгруппированных по три (всего 11). Верхняя часть сосуда орнаментирована композицией из 11 треугольников вершинами вниз, обрамленных короткими насечками. Внутри треугольников вписаны меньшие треугольники также вершинами вниз. Нижняя половина сосуда орнаментирована ромбами (9 штук), внутри которых нанесены диагональные прочерченные линии. Орнаментирован сосуд исключительно прочерками (рис. 6. 2).

Погребение относится к доно-волжской абашевской культуре эпохи поздней бронзы (2-я половина – середина II тыс. до н.э. по некалиброванной шкале).

Погребение 4. Расположено под бровкой III-III' (под отметкой -30, со стороны восточного фаса), в 6,7 м на ВЮВ от центра кургана в материке (рис. 2).

Погребальное сооружение – яма, прямоугольной формы с закругленными углами размером 155X145 см, ориентированной длинной стороной по линии север-юг, глубиной 15 см. Южная и восточная стенки отвесные, западная и северная – пологие, пол ровный. Заполнение состояло из темно-коричневой гумусированной супеси с фрагментами древесины, комками материкового суглинка.

Погребение было выявлено при зачистке восточного борта бровки III-III' и материка, сильно порушено норами землеройных животных. В заполнении ямы в северо-восточной части обнаружены фрагменты деревянных плах – остатков деревянной конструкции, а в центральной части ямы – древесный тлен. В северной част ямы в заполнении располагались фрагмент черепа и фрагмент нижней челюсти человека. В юго-западном углу могильной ямы в ее заполнении выявлено скопление керамики, оказавшееся развалами двух сосудов (рис. 6.6).

Сосуд 1. Горшок с резко отогнутым наружу слегка желобчатым венчиком, срез венчика уплощен. Диаметр по венчику 15 см, диаметр по плечикам 15,8 см, диаметр дна 7 см, высота сосуда 15 см. Дно плоское. Тесто с примесью измельченной раковины. Поверхности без расчесов, подлощены, с подпалинами, коричневого цвета. Данный горшок характеризуется тонкостенностью – толщина стенок 0,4-0,5 см, толщина венчика 0,9 см, толщина дна 0,8 см. Под венчиком, в зоне плечиков, нанесен орнамент из трех опоясывающих сосуд горизонтальных линий, ниже которых нанесены косые кресты. Орнамент выполнен зубчатым штампом (рис. 6.4).

Сосуд 2 острореберный, сохранился не полностью. Венчик короткий (1,5 см), резко отогнут наружу. Срез венчика уплощен. Диаметр во венчику 10,6 см, диаметр по плечикам 13,8 см, диаметр дна 6,8 см, высота 7,8 см. Тесто с примесью измельченной раковины, поверхности без расчесов (внешняя подлощена). Верхняя часть сосуда светло-коричневая, нижняя – темно-коричневая, местами черная, с подпалинами. Толщина венчика и дна 0,8 см, по ребру – 1,3 см.

Сосуд орнаментирован по всей внешней поверхности, включая дно, узким зубчатым штампом. По краю венчика нанесены короткие оттиски зубчатого штампа, переход от венчика к тулову оформлен двумя опоясывающими горизонтальными рядами штампа, ниже которых расположены диагональные ряды длинного зубчатого штампа. По ребру через равные промежутки фиксируются короткие вертикальные оттиски штампа, сгруппированные по три. Нижняя, придонная часть орнаментирована диагональными оттисками длинного зубчатого штампа. Дно орнаментировано короткими и средними зубчатыми отпечатками (рис. 6.5). При переходе от венчика к тулову в сосуде имеется сквозное отверстие диаметром 0,4 см.

Погребение относится к доно-волжской абашевской культуре эпохи поздней бронзы (2-я половина – середина II тыс. до н.э. по некалиброванной шкале).

При исследовании курганный насыпи погребенную почву удалось зафиксировать лишь в двух бровках: бровка I-I' и II-II'. Судя по характеристикам погребенной почвы в профилях бровок, первоначальная насыпь кургана составляла не более 16 м в диаметре. С данной первичной насыпью связано погребение 1. К сожалению, ни в одном случае не прослежены выкиды из погребений. Ввиду этого, вопрос о последовательности сооружений в кургане погребений решается не на основе прямых стратиграфических данных, а на основе данных планиграфии и анализа погребальной обрядности и инвентаря, а конкретнее - керамики.

Наиболее архаичный инвентарь содержался в погребении 1, находящий аналогии в среднедонской катакомбной культуре эпохи средней бронзы (сосуды 1-2). К сожалению, могильная яма погребения практически полностью оказалась разрушенной поздним перекопом. Поэтому нерешенным является вопрос о позе погребенного, а также о факте принадлежности керамических фрагментов, залегающих рядом с могилой (сосуды 3-5), к погребенному. Несомненно, что наиболее древним из материалов погребения является сосуд 1 (рис 4.1), такие сосуды характерны для раннего этапа среднедонской катакомбной культуры. Сосуды 2, 3 и 5 из данного погребения имеют более поздний облик и соотносятся с финалом существования среднедонской катакомбной культуры (Синюк, 1983, 1996; Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991; Маслихова, 2006; Синюк, Матвеев, 2007). Фрагменты сосуда 4, найденные в погребении, относятся к срубной культуре поздней бронзы.

Керамика из погребений 3 и 4 находит аналогии в керамических комплексах пост-катакомбного круга древностей, а именно в доно-волжской абашевской культуре (Пряхин, Матвеев 1988, Синюк 1996).

Культурно-хронологическая принадлежность погребения 2 не установлена, однако можно предположить его впускной характер.

Кости животного, обнаруженные в юго-восточной части насыпи кургана, можно предположительно соотнести с погребениями 2-4.

Таким образом, курганный насыпь была сооружена над погребением 1, оставленное населением среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы (I половина II тыс. до н.э. по некалиброванной шкале). Вероятно, в дальнейшем, это погребение было разрушено другим более поздним погребением также среднедонской катакомбной культуры (именно к нему относятся сосуд 2 и фрагменты сосудов 3 и 5) (рис. 4)

Затем в пост-катакомбное время в кургане было совершено еще два погребения: №№ 3 и 4. Судя по ярким признакам керамического инвентаря (колоколовидность, примесь раковины в тесте сосудов, острореберность), эти погребения относятся к доно-волжской абашевской культуре, и вероятно, были совершены в близкий хронологический диапазон (вторая четверть II тыс. до н.э. по некалиброванной шкале). Культурно-хронологическая принадлежность погребения 2 не установлена. Кроме того, в кургане, могло быть еще, как минимум, погребение срубной культуры эпохи поздней бронзы (фрагмент срубного сосуда в погребении 1), полностью уничтоженное норами грызунов.

Также мы можем полагать, что после совершения захоронений 3 и 4 производилась досыпка кургана с восточной стороны, т.к. основное погребение 1 оказалось не в центре насыпи.

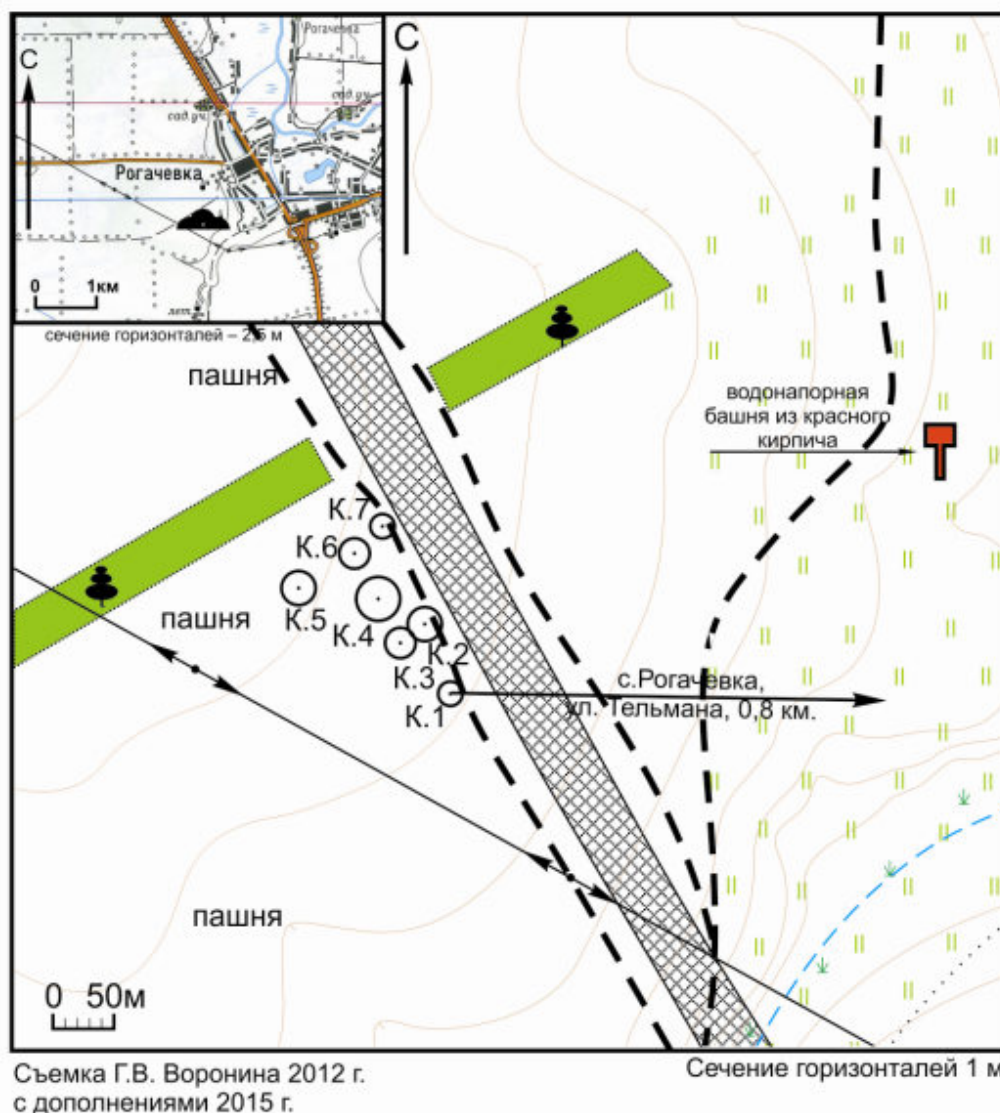

Рис. 1. Курганная группа у с. Рогачевка. План

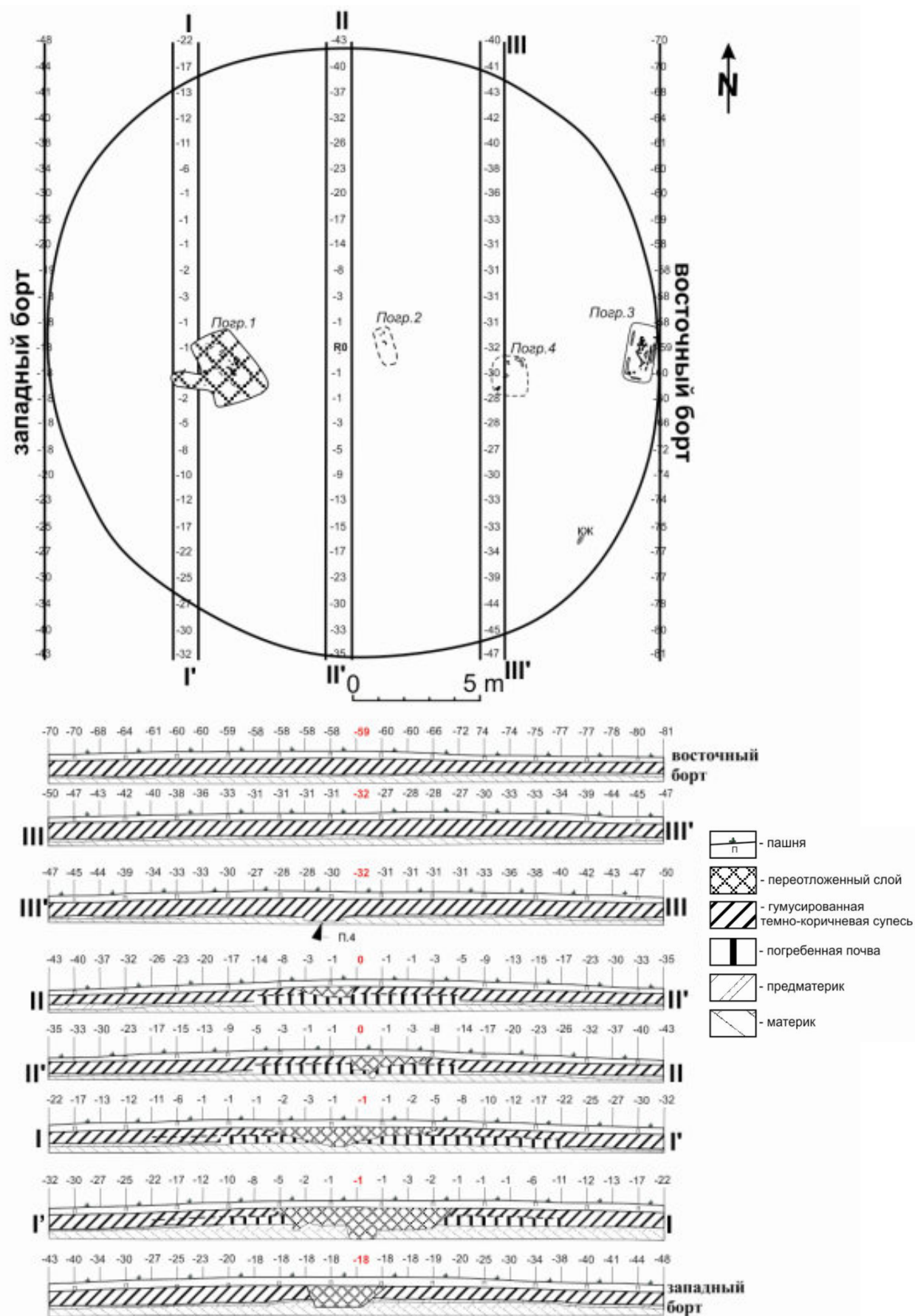
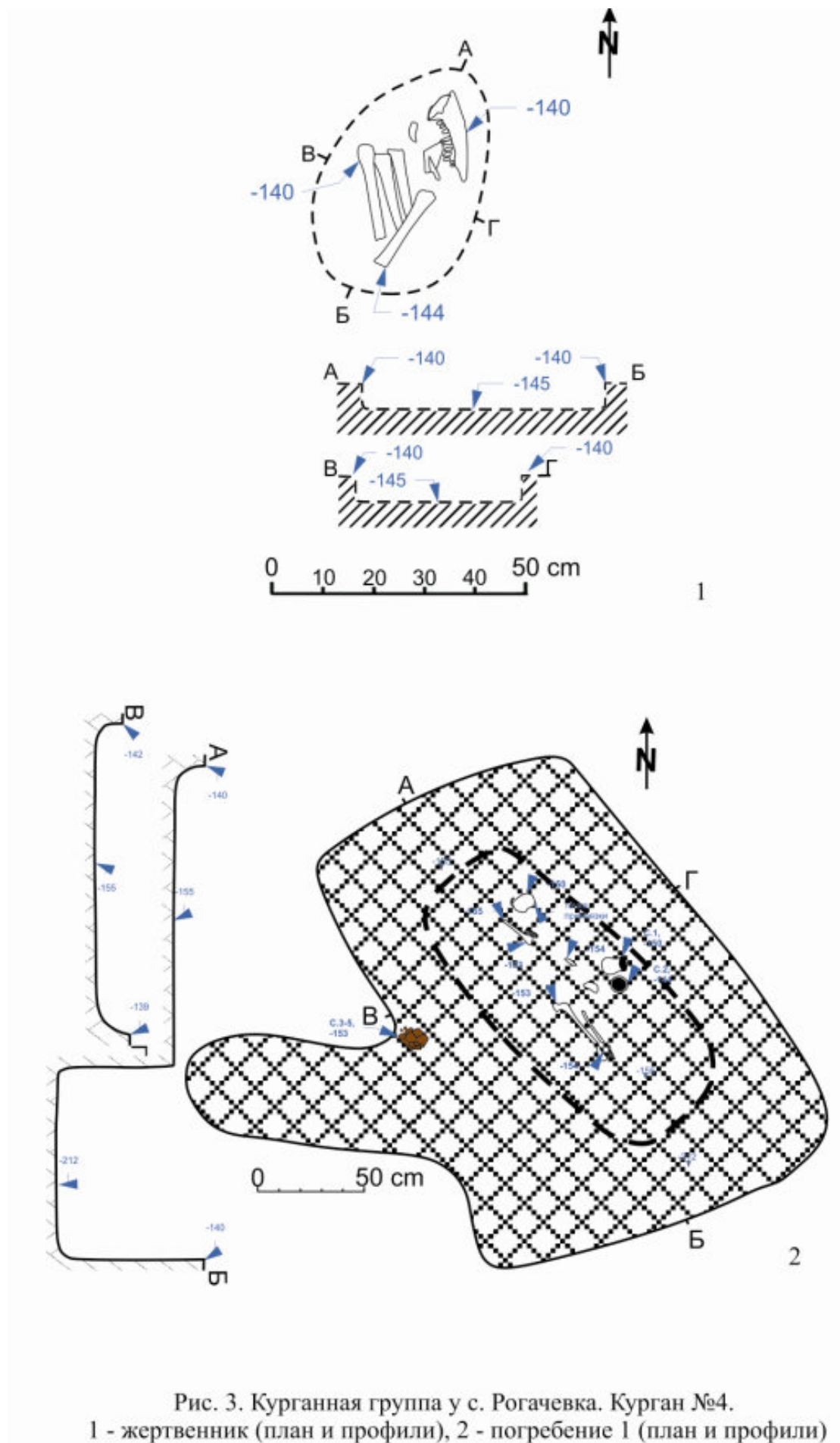

Рис. 2. Курганная группа у с. Рогачевка. Курган №4.
План и профили

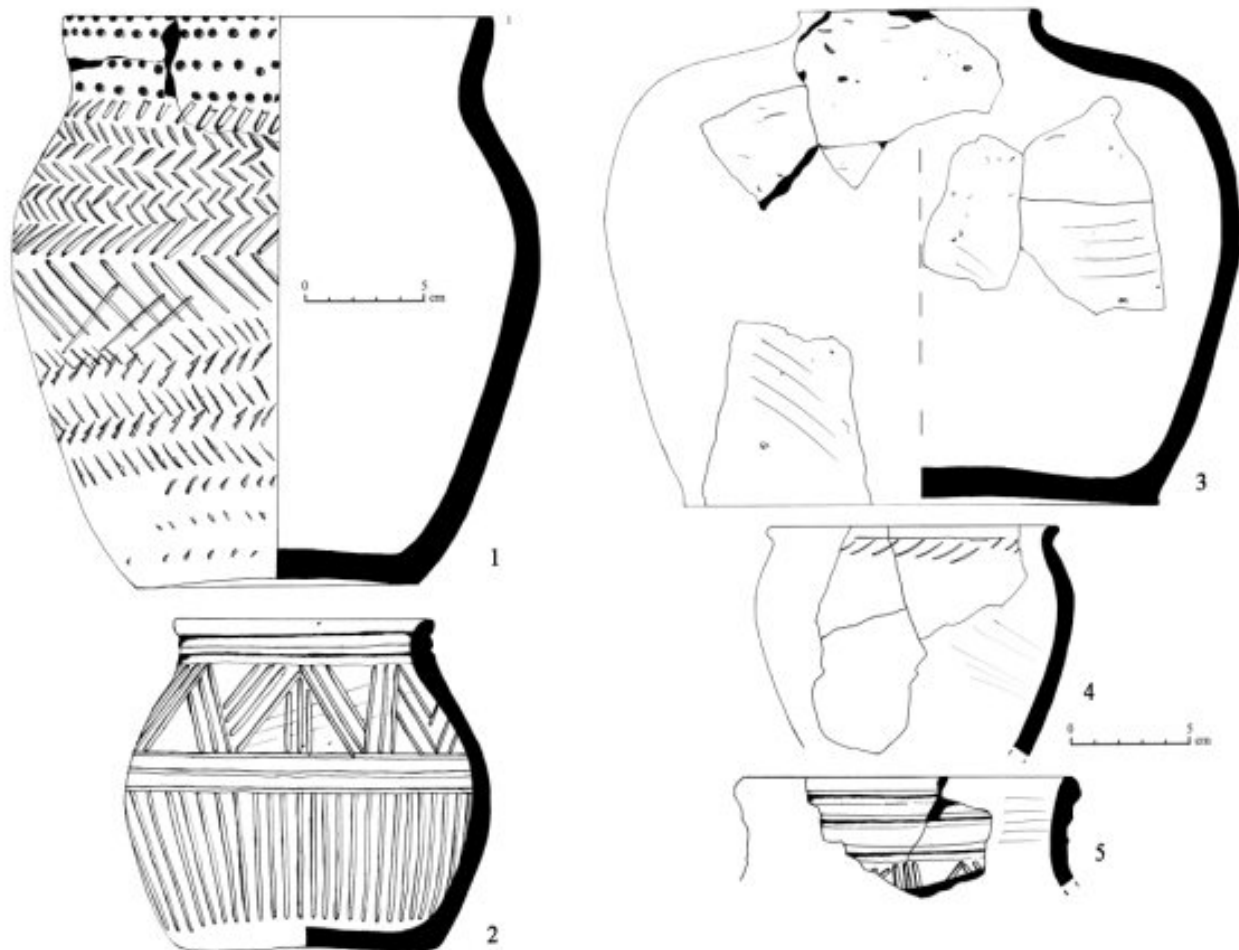

Рис. 4. Курганная группа у с. Рогачевка. Курган №4. Погребение 1. Сосуды

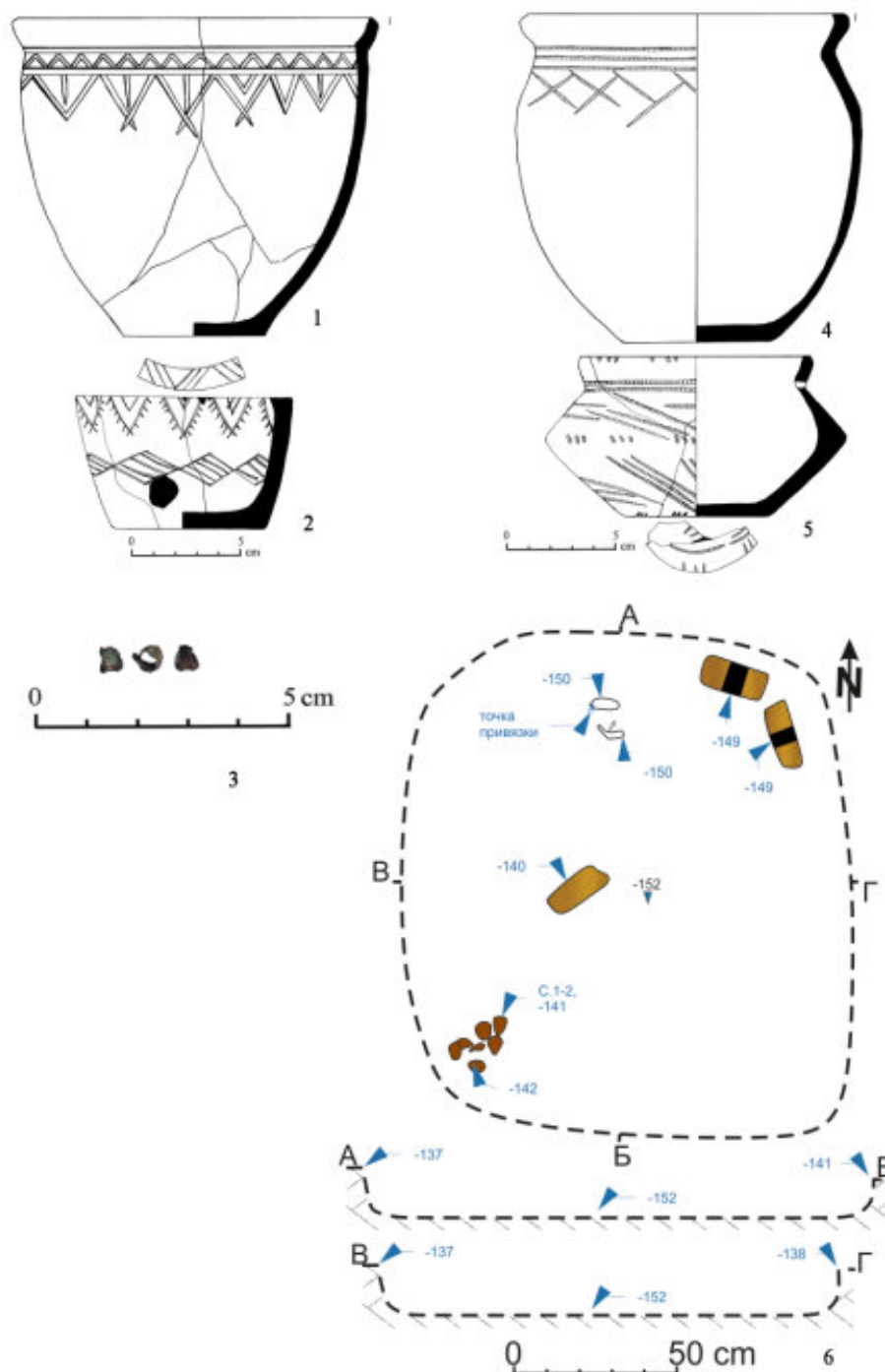

Рис. 6. Курганная группа у с. Рогачевка. Курган №4. Погребение 3. 1-2 – сосуды, 3 – пронизь. Погребение 4. 4-5 – сосуды, 6 – план и профиль

Список литературы

1. Маслихова Л. И. Керамика погребений среднедонской катакомбной культуры как исторический источник : Автореф. канд. дисс. / Л. И. Маслихова. – М., 2006.
2. Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья / А. Д. Пряхин, Ю. П. Матвеев. – Воронеж, 1988.
3. Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., Беседин В. И. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев, В.И. Беседин. – Воронеж, 1991.
4. Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона / А. Т. Синюк. – Воронеж, 1996. – 352с.
5. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник) / А. Т. Синюк. – Воронеж, 1983.
6. Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Среднедонская катакомбная культура (по данным курганных комплексов) / А. Т. Синюк, Ю. П. Матвеев. – Воронеж, 2007.

**Раскопки курганного могильника Алексеевский 1
в Новохоперском районе Воронежской области в 2015 г.¹**

Аннотация. В статье приведен обзор результатов раскопок курганного могильника Алексеевский 1 в Новохоперском районе Воронежской области, проведенных силами Еланской экспедиции Воронежского государственного университета. В ходе экспедиции было раскопано два кургана: №13 и 15, в которых было обнаружено 8 погребений и несколько находок в насыпях курганов. Находки показали, что погребения и курганы принадлежат катакомбной культуре эпохи средней бронзы и датируются концом III тыс. до н.э.

Ключевые слова: Прихоперье, Елань, курганы, эпоха средней бронзы, катакомбная культура, стратиграфия, погребальный обряд, сопровождающий инвентарь.

Abstract. The article provides an overview of the results of excavations of burial mound Alekseevskii 1 Novokhopersk district of Voronezh region, conducted by the Yelanskaya expedition of Voronezh State University. The expedition was unearthed two mound: №13 and 15 in which it was found eight graves and a few finds in mounds. The findings showed that the burial mounds belong to the catacomb culture of the Middle Bronze Age and date from the end of III millennium BC.

Key words: Prichoperje, Yelan, mounds, middle bronze age, catacomb culture, stratigraphy, funeral rites, accompanying equipment.

В июле 2015 года сотрудниками Еланской археологической экспедиции Воронежского государственного университета проведены археологические раскопки курганной группы 1 в пос. Алексеевский Новохоперского района Воронежской области. Их цель – выполнение научной темы кафедры археологии и истории древнего мира под руководством профессора А.П. Медведева «Комплексное археологическое исследование курганного поля в низовьях р. Елань». Памятник расположен вне зоны медно-никелевых месторождений. Поэтому финансирование раскопок проводилось Воронежским университетом по линии учебной археологической практики, а также Российским гуманитарным научным фондом.

Курганный могильник Алексеевский 1 открыт экспедицией Воронежского государственного университета в 2012 г. (Савицкий, 2012, с. 38-43, пункт 19). Приказом Департамента культуры Воронежской области №356-ОД от 27 апреля 2015 г. он включен в перечень объектов археологического наследия Воронежской области. Ранее раскопки памятника не производились. Еще раз отметим, что эти раскопки были логическим продолжением полевых работ воронежских археологов в западной части Новохоперского района предшествующих лет (Погорелов, 1987; Ефимов, 2000; Акимова, 2001), но в первую очередь – сплошного археологического обследования Правобережья р. Елань, проведенного отрядом Воронежского университета в 2012 г. (Медведев и др., 2013). Тогда в низовьях Елани по ее низкому правому берегу на карту было нанесено 28 курганных групп и 2 одиночных кургана, насчитывающих в совокупности 228 насыпей (Медведев, 2014). В 2013 г. полностью раскопан курганный могильник Елка 1 (Медведев, 2014), а в 2014 г. – частично курганный могильник Елка 5 (Медведев, 2015).

Курганный могильник Алексеевский 1 расположен в нижнем течении р. Елань, на ее правом берегу, в низкой пойме (рис. 1, пункт 19). Установлено, что он входит в большое курганное поле (свыше 200 насыпей), тянущееся от пос. Елка на западе до пос. Еланский на востоке. Н.М. Савицким на план могильника Алексеевский 1 было нанесено 37 курганных насыпей. Дополнительное обследование памятника весной 2015 г. позволило обнаружить еще 25 курганов, так что общее их число в могильнике превысило 60. До начала раскопок снят инструментальный топографический план памятника, а также точные географические координаты всех курганов. Основные характеристики курганов могильника Алексеевский 1 сведены в таблицу 1.

© Медведев А.П., Белоусов В.В., 2016

¹ Статья подготовлена на основе материалов археологических раскопок курганов в низовьях р. Елань, финансируемых Российским гуманитарным фондом, проект № 15-11-36605 е(р).

Таблица 1 – Основные характеристики курганов могильника Алексеевский 1

№№ курганов	Координаты	Диаметр (в м)	Высота (в м)	Состояние насыпи			
				задернована	распахивается	грабительский шурф	примечания
1	N51 06.719 E41 21.998	28	1,5	+		+	на улице
2	N51 06.717 E41 21.921	24	0,7	+		+	на улице
3	N51 06.684 E41 21.908	18	0,5	+			
4	N51 06.687 E41 21.858	20	0,4	+		+	на улице
5	N51 06.700 E41 21.831	20	0,5	+			на улице
6	N51 06.722 E41 21.838	20	0,4	+			на улице
7	N51 06.717 E41 21.875	22	0,4	+			на улице
8	N51 06.737 E41 21.896	22	1	+			на улице
9	N51 06.753 E41 21.922	20	0,4	+		+	на улице
10	N51 06.759 E41 21.886	18	0,3	+			на улице
11	N51 06.780 E41 21.892	22	0,8	+			на улице
12	N51 06.794 E41 21.866	15	0,2	+			на улице
13	N51 06.694 E41 22.026	12	0,3	+			на улице
14	N51 06.663 E41 21.858	22	0,5	+			на улице
15	N51 06.703 E41 21.888	20	0,5	+			на улице
16	N51 06.656 E41 21.933	18	0,4	+			на улице
17	N51 06.659 E41 21.971	24	0,6	+			на улице
18	N51 06.612 E41 21.943	25	0,6	+			на улице
19	N51 06.597 E41 21.976	25	0,5	+			на выгоне
20	N51 06.532 E41 21.975	26	1	+			на выгоне
21	N51 06.528 E41 22.023	48	2,5	+			кладбище
22	N51 06.479 E41 22.023	22	0,5	+			на выгоне
23	N51 06.471 E41 22.038	24	0,6	+			на выгоне
24	N51 06.436 E41 22.083	28	1,2	+			на выгоне
25	N51 06.487 E41 22.086	25	0,5	+			на выгоне
26	N51 06.488 E41 22.147	26	0,7	+			на выгоне
27	N51 06.407 E41 22.180	22	0,4	+			на выгоне
28	N51 06.417 E41 22.217	25	0,4	+			на выгоне
29	N51 06.435 E41 22.216	30	0,6	+			на выгоне
30	N51 06.420 E41 22.261	30	0,5	+			на выгоне

№№ курганов	Координаты	Диаметр (в м)	Высота (в м)	Состояние насыпи			
				задернована	распахивается	грабительский шурф	примечания
31	N51 06.437 E41 22.290	28	0,5	+			на выгоне
32	N51 06.424 E41 22.341	34	1	+			на выгоне дорога
33	N51 06.405 E41 22.315	30	0,5	+			на выгоне
34	N51 06.444 E41 22.374	32	1	+			на выгоне
35	N51 06.601 E41 22.342	42	1,5	+			на выгоне
36	N51 06.775 E41 21.678	30	0,7		+		в поле
37	N51 06.810 E41 21.857	13	0,2	+			на улице
38	N51 06.782 E41 21.933	16	0,3	+			на выгоне
39	N51 06.808 E41 21.974	22	0,4	+			на выгоне
40	N51 06.850 E41 21.980	22	0,4	+			на выгоне
41	N51 06.839 E41 21.994	18	0,2	+			на выгоне
42	N51 06.867 E41 21.966	18	0,3	+			на выгоне
43	N51 06.918 E41 21.938	15	0,25	+			на выгоне
44	N51 06.912 E41 21.953	17x30	0,5	+			на выгоне
45	N51 06.896 E41 21.973	19	0,4	+			на выгоне
46	N51 06.899 E41 22.004	20	0,4	+			на выгоне
47	N51 06.872 E41 22.065	19	0,3	+			на выгоне
48	N51 06.877 E41 21.881	15	0,7				на улице
49	N51 06.842 E41 21.784	14	0,3		+		в поле
50	N51 06.877 E41 21.729	40	0,6		+		в поле
51	N51 06.848 E41 21.692	30	0,3		+		в поле
52	N51 06.653 E41 21.886	12	0,3	+			на улице
53	N51 06.461 E41 22.275	26	0,5				в поле
54	N51 06.433 E41 22.321	15	0,2				в поле
55	N51 06.418 E41 22.293	12	0,25				в поле
56	N51 06.351 E41 22.383	16	0,5				в поле
57	N51 06.363 E41 22.470	10	0,6				в поле
58	N51 06.302 E41 22.560	15	1				в поле
59	N51 06.440 E41 22.494	25	1,2				в поле
60	N51 06.482 E41 22.407	18	0,5				в поле

Летом 2015 г. были полностью исследованы два кургана – № 13 и № 15. Их изучение производилось силами студентов и аспирантов по методике раскопок курганов вручную с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок по линиям север – юг и запад – восток. Это позволило максимально полно исследовать стратиграфию изученных насыпей.

Курган № 13 диаметром 12 м и высотой не более 0,35 м (**рис.2**). Его координаты N51 06.694 E41 22.026. Он имеет следующую *стратиграфию*. Под тонким слоем современного дерна располагался старопашотный слой толщиной до 20 см. Ниже шла собственно насыпь, состоящая из чернозема темно-серого цвета, проработанного норами степных грызунов. Под насыпью прослежена погребенная почва в виде чернозема более темного цвета, чем собственно насыпь. При зачистке бровки запад – восток и материка под ней с глубины -80 см и в 1,65 м к западу от «0» обозначился могильный выкид из суглинка. Под ним обнаружено пятно погребения 1. Второй выкид располагался в той же бровке в 4 м к западу от «0» на глубине -91 см.

Находки в насыпи. При снятии насыпи на разном уровне встречены:

1 – сосуд 1 в северо-западном секторе на глубине -57 см от «0» (**рис. 3 а**). Это лепной горшок, стоящий вверх дном. По венчику он украшен защипами, по плечикам и шейке – оттисками тесьмы, по тулову – высокими прочерченными фестонами.

2 – сосуд 2. В юго-восточном секторе на глубине -96 см от «0» расчищен развал лепного горшка, покрытого оттисками гребенчатого штампа (**рис. 3 б**).

3 – каменный терочник округлой формы найден в юго-восточном секторе на глубине -61 см от «0». Изготовлен из обкатанного минерала серого цвета, с внешней рабочей стороны имеет заметное углубление (**рис. 3 в**).

4 – астрагал (**рис. 3 г**).

В кургане 13 открыто два погребения.

Погребение 1 основное (рис. 4). При зачистке западной половины бровки запад – восток и материка под ней на глубине 111-114 см от «0» обнаружено пятно могильной ямы. На глубине 70 см ниже уровня материка у восточной стенки ямы обозначилась материковая ступенька шириной до 35 см. Вторая ступенька располагалась на 25 см ниже и восточнее первой ступеньки. К сожалению, с этого уровня в могилу стали интенсивно поступать грунтовые воды, что сильно затруднило ее дальнейшее изучение. Раскопки были продолжены лишь после того, как при помощи экскаватора по центру кургана был выкопан глубокий дренажный колодец. Путем постоянной откачки воды из колодца удалось понизить уровень грунтовых вод примерно на 1 м и доисследовать это и другое погребение.

Погребальное сооружение погребения 1 представляло катакомбу Т-образной формы. Погребальная камера была вырыта в северной торцевой стенке входной шахты, она имела овальную в плане форму размерами 0,82x1,35 м. Из шахты в камеру вела ступенька высотой порядка 45 см. Дно камеры обозначилось на глубине 270 см от «0». На дне камеры лежал скелет погребенной, на правом боку, скорченно, головой на запад. Перед лицом расчищен развал лепного сосуда 1 (**рис. 5 а**). Это горшок, орнаментированный по венчику пальцевыми защипами, по шейке горизонтальными рядами из оттисков гребенчатого штампа. Все тулово сосуда было покрыто оттисками того же гребенчатого штампа, образующего елочный орнамент. Ближе к западной стенке стоял второй лепной сосуд – горшок, орнаментированный по шейке горизонтальными оттисками тесьмы, а по плечикам – фестонами из оттисков той же тесьмы, пространство между которыми было заполнено отпечатками гребенчатого штампа (**рис. 5 б**). На черепахе лежала бронзовая подвеска, скрученная из коротких медных пластин (**рис. 5 в**). На месте пояса найдена костяная трубочка, ее поверхность сплошь покрыта резным спиральным орнаментом (**рис. 5 г**). За спиной погребенной лежал астрагал (**рис. 5 д**). Также, при входе в катакомбу был найден окатанный камень (**рис. 5 е**).

Судя по типу погребального сооружения и сопровождающему инвентарю, основное погребение принадлежало катакомбной культуре эпохи средней бронзы. Его следует датировать концом III тыс. до н. э.

Погребение 2 впускное (рис. 6). При зачистке северо-западного сектора в 4 м к северо-западу от «0» обнаружено пятно могильной ямы размерами 0,9x1,85 м. Она имела прямоугольную форму со скругленными углами и ориентирована по линии запад – восток. В верхней половине яма была заполнена темно-серым гумусом, идентичным грунту насыпи. На глубине 65-70 см от уровня материка в северной половине ямы обозначилась материковая ступенька из светлого суглинка. На этом уровне в южной половине шахты заполнение имело серую окраску. С этого уровня яма стала заполняться грунтовыми водами. Продолжить расчистку катакомбы удалось лишь после рытья дренажного колодца и откачки воды.

Погребение совершено в камере округлой в плане формы размерами 1,2x1,9 м. Ее дно было углублено в материк на 130 см. На дне камеры лежал скелет погребенного ребенка. Он был положен на правом боку, слабо скорченно, головой на восток. Большая часть скелета сохранилась *in situ*, лишь правая плечевая кость оказалась за черепом погребенного. В ногах погребенного на боку лежал небольшой леп-

ной горшочек (рис. 7 а). В верхней части сосудик орнаментирован отпечатками трубочки небольшого диаметра, ниже по тулову нанесен той же трубочкой орнамент в виде высоких угольников. За черепом погребенного расчищено пятно охры овальной формы. У левой плечевой кости лежал астрагал (рис. 7 б). На черепной крышке отмечено небольшое пятно окисла зеленого цвета от медного украшения.

Погребение детское, принадлежит катакомбной культуре эпохи средней бронзы. Его дата – конец III тыс. до н.э.

Курган № 15 (рис. 8). Находится в центральной группе курганов, в 100 м к западу от кургана-доминанты № 1. Его координаты N5106.703E41 21.888. Насыпь кургана № 15 имеет округлую полусферическую форму. Ее диаметр около 20 м, высота – чуть более полуметра. Поверхность насыпи покрыта луговой растительностью. Курган раскапывался вручную по секторам с оставлением двух взаимоперекрещивающихся бровок, разбитых по линиям север – юг и запад – восток. Для удобства проведения раскопок насыпь была разделена на три кольца: внешнее шириной 4 м, среднее – шириной 3 м и внутреннее шириной 3 м. Вначале было раскопано внешнее кольцо, затем среднее, грунт из которого ссыпался в котлован внешнего кольца, и наконец, внутреннее.

Стратиграфия насыпи: Под тонким слоем современного дерна располагался старопашотный слой толщиной не более 25 см. Ниже шла собственно насыпь, состоящая из чернозема темного цвета, проработанного норами степных грызунов. Под насыпью прослежена погребенная почва в виде чернозема более темного цвета, чем собственно насыпь мощностью до 30-35 см. Материк – суглинок от светло-желтого до коричневого цвета. При снятии насыпи под ее вершиной с глубины -75 см от «0» отмечен мощный могильный выкид в виде кольца диаметром около 6 м из светлого материкового суглинка основного погребения 6. Под ним сохранилась небольшая насыпь в виде расплывшегося холмика, сооруженного из выброшенной из могилы погребенной почвы. Материк – светло-коричневый суглинок, прорезанный множеством нор степных грызунов. Два могильных выкида отмечены в северо-восточном секторе на глубине соответственно 193 и 105 см от «0». Они связаны соответственно с погребениями 2 и 3. Четвертый могильный выкид обнаружен в юго-восточном секторе, частично в бровке запад – восток в 7 м к востоку от «0». Он связан с погребением 4. Два небольших пятна выкида выявлены при зачистке материка в юго-восточном секторе, они связаны с погребением 1. Шестой выкид находился под бровкой север – юг в 7,5 м к югу от «0». Под ним открыто погребение 5

Находки в насыпи. При снятии насыпи в северо-восточном секторе у края полы кургана на глубине -93 см от «0» встречен фрагмент лепной керамики, покрытой гребенчатым орнаментом. В юго-восточном секторе в 3 м к юго-западу от «0» на глубине -49 см найден обломок точильного камня. В юго-восточном секторе в 4 м к югу и 0,6 м к востоку от «0» на уровне -63 см лежал череп мелкого рогатого животного.

В кургане исследовано 6 погребений.

Погребение 1 (рис. 9). Обнаружено во внешнем кольце юго-восточного сектора в 8 м к юго-востоку от «0» на глубине 130 см. Погребение совершено в катакомбе Т-образной формы. В заполнении шахты на уровне -208 см от «0» встречен череп мелкого рогатого животного. При зачистке шахты на этом уровне вокруг черепа животного была выявлена неглубокая канавка почти правильной прямоугольной формы – остатки жертвенного места. Отметим, что в 20 см от восточного края входной шахты найден астрагал (рис. 10 в).

Камера находилась к северо-западу от входной шахты. Шахту с катакомбой соединял коридорчик шириной 105 см при длине до 40 см. В месте перехода в камеру имела ступенька высотой до 30 см. Камера катакомбы имела округлую в плане форму размерами 0,8х1,24 м. Ее дно было углублено в материк на 1,1-1,2 м (-248 см от «0»). На дне камеры лежал скелет ребенка. Он был уложен на спине с разворотом на правый бок. Череп со следами искусственной деформации повернут лицом к югу. Обе берцовые кости сильно согнуты в коленях, пятки подведены ближе к тазу. Под костями и на дне катакомбы местами встречались пятна охры и остатки органической подстилки, также посыпанной охрой. Между черепом погребенного и ступенькой стоял лепной сосуд горшковидной формы (рис. 10 а). Край венчика горшка украшен пальцевыми защипами, по шейке нанесен орнамент из рядов оттисков тесьмы. Все тулово также украшено вертикальными оттисками тесьмы. Между коленями и ступенькой была поставлена вверх дном маленькая курильница на крестовидной ножке (рис. 10 б). Ее поверхность покрыта оттисками гребенчатого штампа.

Погребение принадлежит катакомбной культуре эпохи средней бронзы. Оно датируется не позже конца III тыс. до н.э.

Погребение 2 (рис. 11). Обнаружено во внутреннем кольце северо-восточного сектора. При его расчистке открыта входная шахта катакомбы Н-образной формы размерами 0,75х1,8 м. От входной шахты в камеру вели две ступеньки: первая высотой 60 см, вторая – 10 см. Камера выкопана в материковом суглинке параллельно шахте к юго-востоку от последней. Ее размеры по дну 1,05х1,8 м, дно залегало на глубине 130 см. На дне расчищены останки ребенка, лежавшие на тлене от органиче-

ской подстилки. Судя по их положению, ребенок был погребен на левом боку, скорчено, головой к юго-востоку, ноги согнуты в коленях. Из инвентаря уцелела бабка, сделанная из кости крупного рогатого скота и астрагал.

Судя по типу погребального сооружения, обряду и инвентарю, погребение относится к катакомбной культуре эпохи средней бронзы. Оно датируется не позже конца III тыс. до н. э.

Погребение 3 открыто в северо-восточном секторе, в 3,5 м к северу от «0». При его расчистке обозначилась входная шахта катакомбы размерами 0,7х1,6 м. На дне шахты имелась ступенька высотой 25 см. Катакомба Н-образной формы, ее камера находилась к юго-востоку от шахты. Перед входом в камеру расчищена вторая ступенька высотой 30 см. Размеры камеры по дну 1,05х1,95 м, дно залегало на глубине 130 см ниже уровня материка. На дне камеры не обнаружено останков погребенного и какого-либо инвентаря.

Судя по типу погребального сооружения, погребение относится к катакомбной культуре эпохи средней бронзы. Оно датируется не позже конца III тыс. до н. э.

Погребение 4. Пятно входной шахты обнаружено под бровкой запад – восток в 7 м к западу от «0». После снятия бровки здесь расчищена входная шахта катакомбы Н-образного типа. Шахта имела размеры 0,8х1,4 м и была ориентирована продольной осью по линии юг – север. Ее дно обозначилось на глубине 90 см ниже уровня материка. На дне шахты имелась ступенька высотой до 40 см. Перед входом в камеру расчищена вторая ступенька высотой до 20 см. Камера выкопана в материковом суглинке параллельно шахте в ее западной стенке. При расчистке с глубины 150 см от уровня материка в камеру стали интенсивно поступать грунтовые воды. Поэтому камеру удалось расчистить только до глубины 296 см от «0». На этом уровне ее максимальные размеры 0,95х1,3 м. Какие-либо находки не обнаружены. Погребение полностью не исследовано.

Судя по типу погребального сооружения, погребение относится к катакомбной культуре эпохи средней бронзы. Оно датируется не позже конца III тыс. до н. э.

Погребение 5 (рис. 12). Обнаружено под бровкой север – юг в 7 м к югу от «0». Оно совершенно в катакомбе. Входная шахта имела размеры 1х1,6 м и была ориентирована продольной осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. В восточной половине шахты расчищена ступенька высотой 25 см. Камера имела прямоугольную со скругленными углами форму и располагалась к северу от входной шахты. В нее вела вторая ступенька высотой 30 см. С глубины 130 см ниже уровня материка в камеру стали поступать грунтовые воды. Их удалось убрать только после выкапывания экскаватором дренажного колодца. Катакомба имела Н-образную форму. Ее размеры 1х1,95 м. На полу расчищены останки ребенка. Он лежал на тлене от органической подстилки прямоугольной формы размерами 0,45х0,9 м. Подстилка была посыпана охрой. Ребенок погребен на правом боку, скорчено, головой на запад. Ноги согнуты в коленях. В его изголовье стоял лепной сосуд (рис. 13 а) и жаровня (рис. 13 б). За головой погребенного найден астрагал (рис. 13 в).

Судя по типу погребального сооружения, обряду и характерному инвентарю, погребение относится к катакомбной культуре эпохи средней бронзы. Оно датируется концом III тыс. до н. э.

Погребение 6 – основное. Еще в процессе снятия насыпи во внутреннем кольце обнаружен мощный могильный выкид материкового суглинка толщиной до 30 см. В плане он имел кольцеобразную форму и фиксировался с глубины -75 см от «0». Он лежал не на погребенной почве, а на подсыпке из грунта, образовавшейся при выкапывании могилы в верхнем черноземном слое. После снятия насыпи обозначилось могильное пятно из суглинка бежевого цвета. В процессе его выборки открыта входная шахта катакомбы овальной формы размерами 0,95х1,95 м. Дно шахты показалось на глубине 115 см от уровня материка. Камера катакомбы располагалась к западу от шахты. В нее вели две ступеньки: первая высотой 60 см, вторая высотой не менее 55 см. Свод камеры начинался на глубине -70 см от уровня материка. С этого уровня камера имела в плане почти квадратную форму. Ниже она расширялась в западном направлении и приобрела округлую форму. К сожалению, полностью катакомбу исследовать не удалось, так как с глубины 125 см от уровня материка в камеру стали поступать грунтовые воды. Чтобы продолжить работы к востоку от катакомбы экскаватором был вырыт глубокий дренажный колодец. Путем постоянного откачивания воды насосами удалось опустить уровень грунтовых вод в камере примерно еще на 1 м и продолжить ее расчистку. Однако достичь пола камеры не удалось – с глубины -230 см от уровня материка (-370 см от «0») грунтовые воды уже не ушли. Расчистку катакомбы пришлось остановить на этом уровне.

По типу погребального сооружения и его местоположению в центре кургана погребение относится к катакомбной культуре эпохи средней бронзы. Оно датируется не позже конца III тыс. до н. э.

Таким образом, в кургане № 15 открыто 6 погребений катакомбной культуры. Два из них (№№ 4, 6) до конца изучить не удалось из-за поступления грунтовых вод. Одна катакомба (№ 3) оказалась пустой. Три катакомбы (№№ 1, 2, 5) содержали захоронения с сопровождающим инвентарем, типичным для катакомбной культурно-исторической общности конца III тыс. до н. э. Обращает на себя внимание полное

отсутствие в изученном могильнике погребений с керамикой, характерной для среднедонской катакомбной культуры при наличии характерной посуды донецких и маньчских типов. Исследованные курганы проливают новый свет на древнюю историю прихоперского региона в эпоху бронзы.

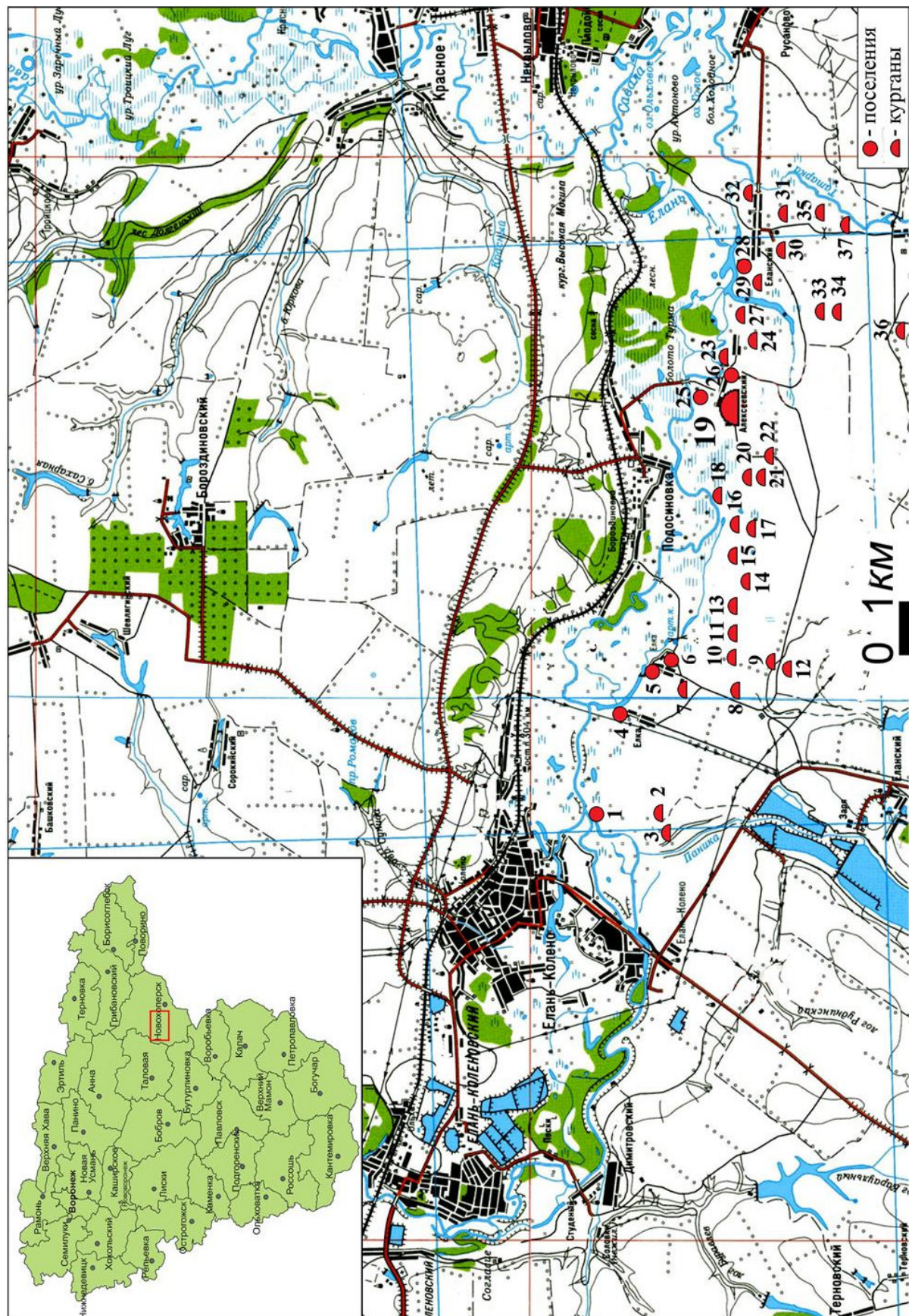

Рис. 1. Карта археологических памятников в низовьях р. Елань, обследованных экспедицией ВГУ в 2012 г. (Пункт 19 – курганный комплекс 1 в пос. Алексеевский)

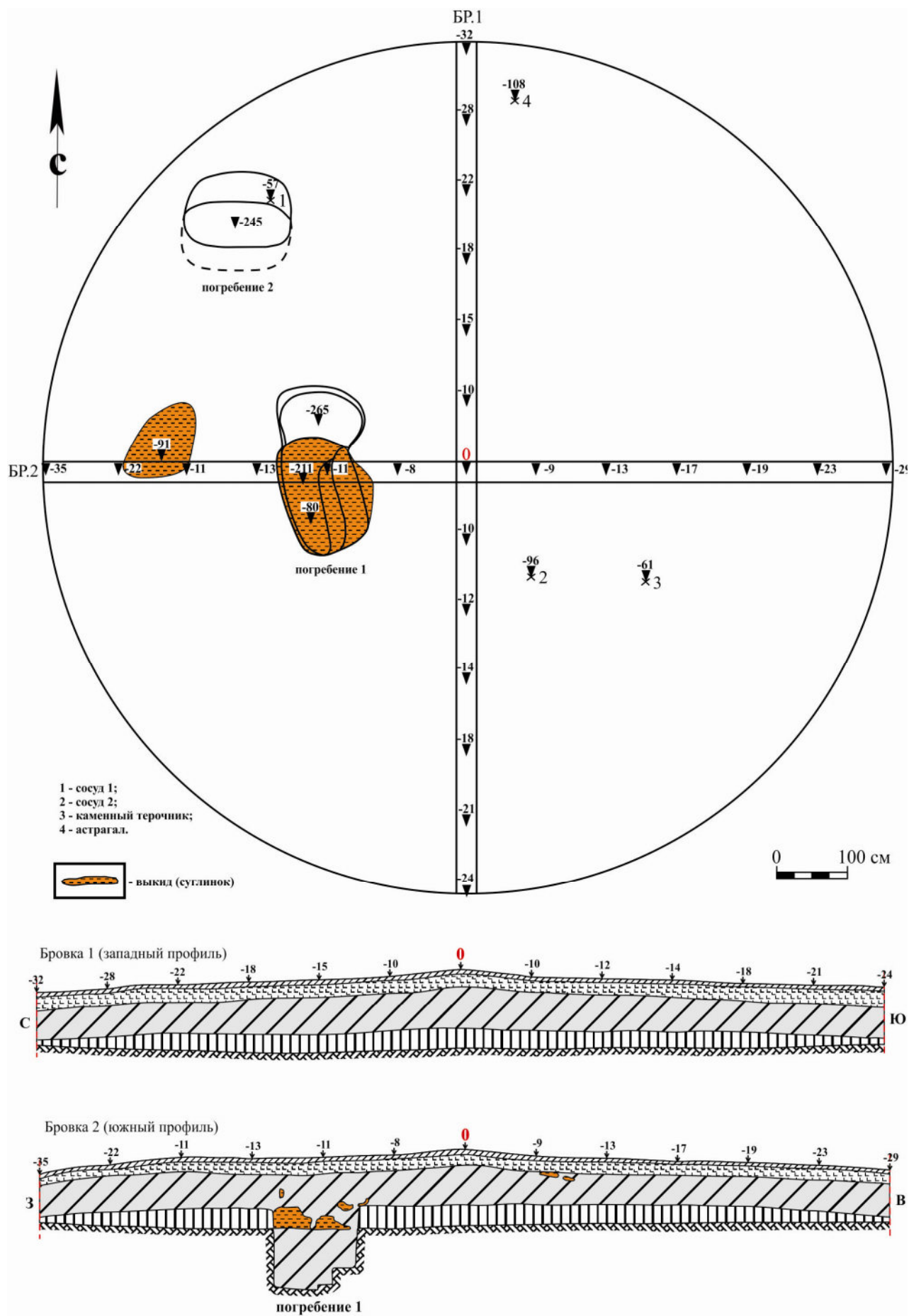

Рис. 2. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 13. План кургана и профили бровок

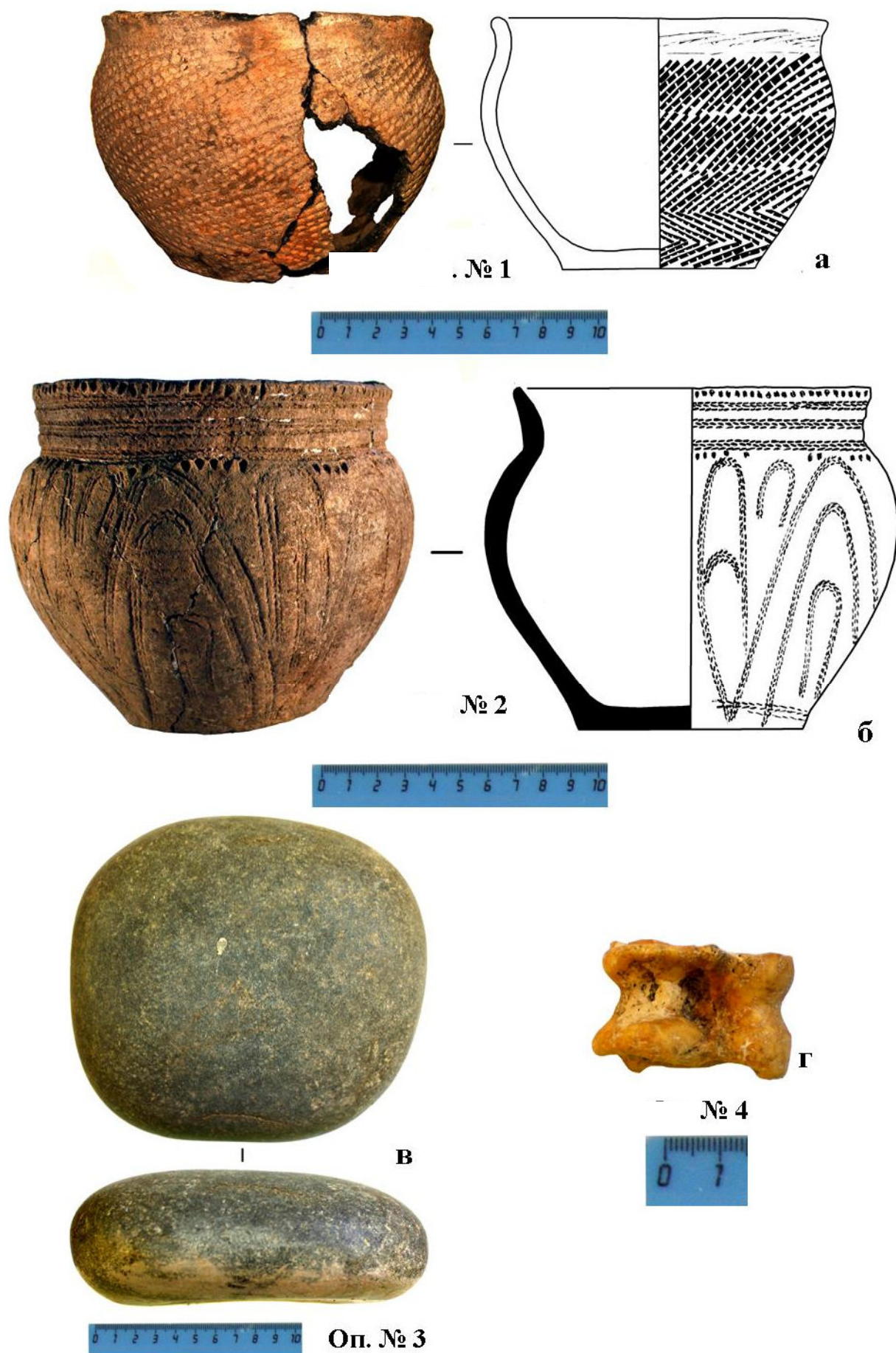

Рис. 3. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 13. Находки из насыпи

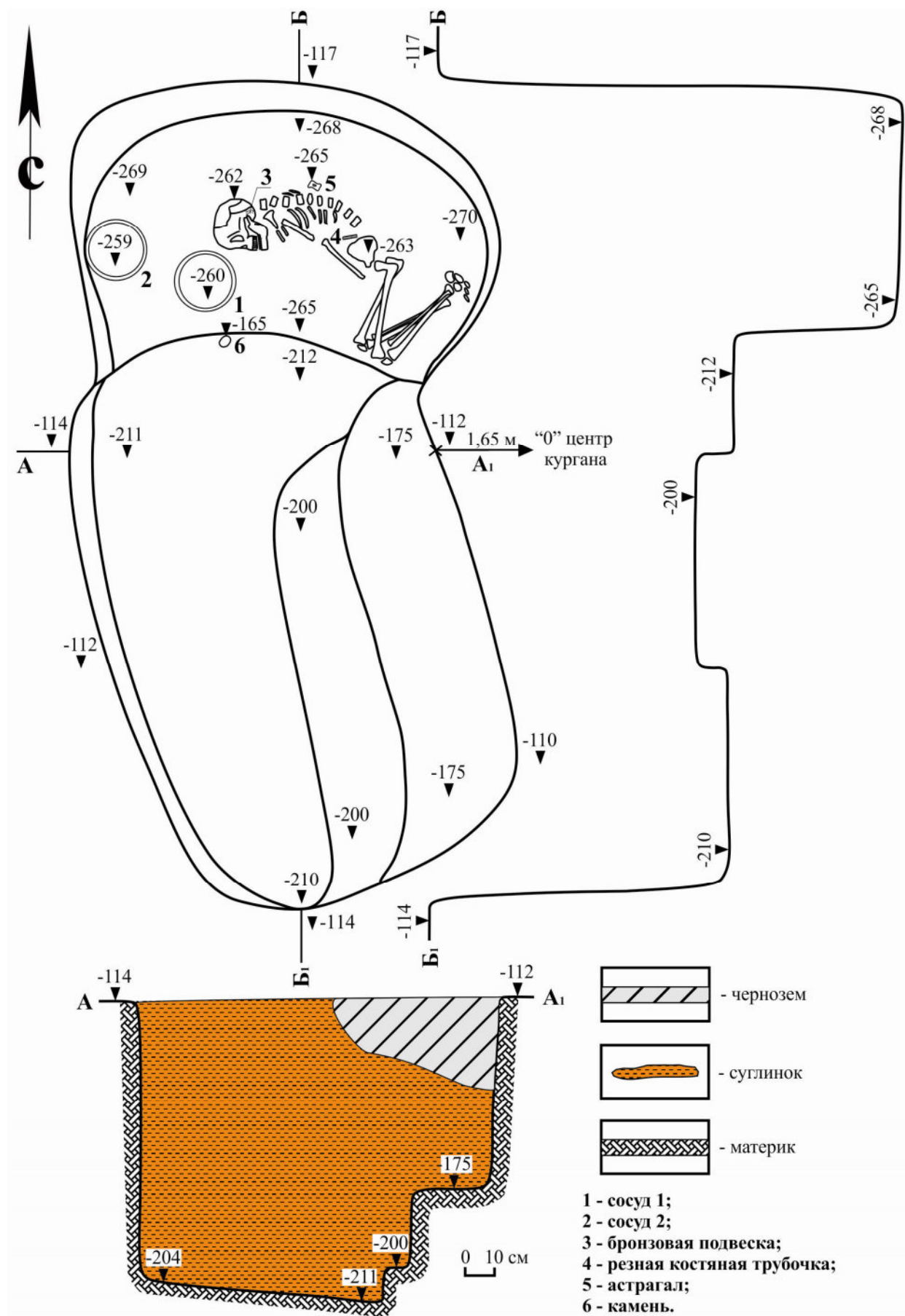

Рис. 4. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 13. Погребение 1. План и разрезы

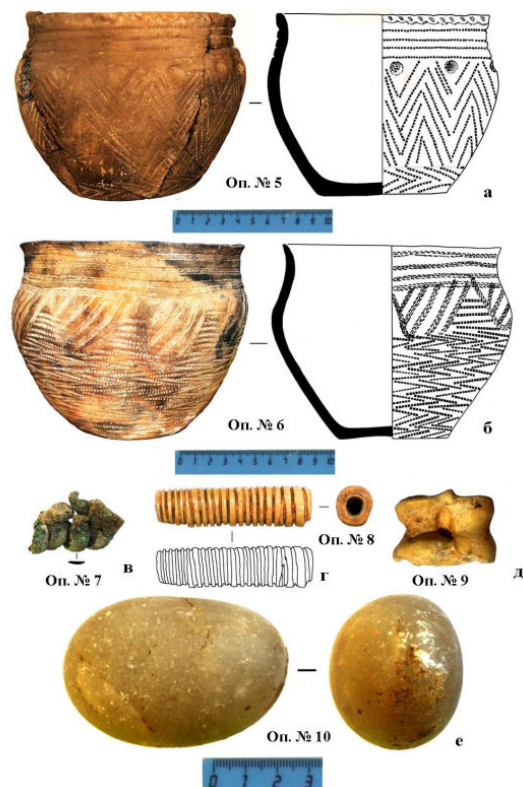

Рис. 5. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 13. Погребение 1. Инвентарь.
а – сосуд 1; б – сосуд 2; в – бронзовая подвеска; г – костяная резная трубочка; д – астрагал; е – камень

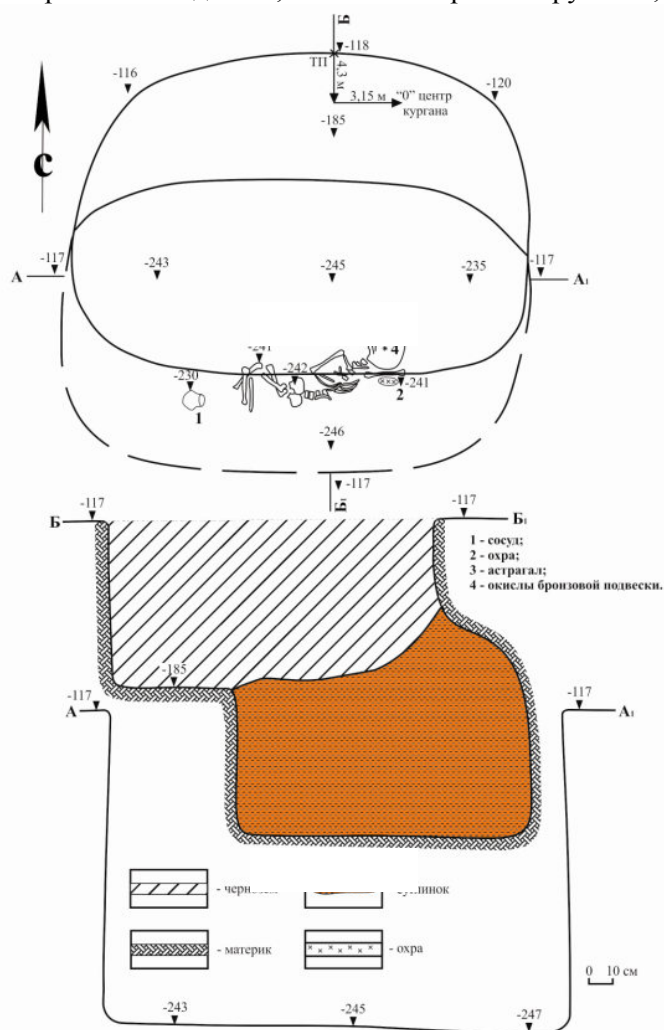

Рис. 6. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 13. Погребение 2. План и разрезы

Рис. 7. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 13. Погребение 2. Инвентарь:
а – сосудик; б – астргал

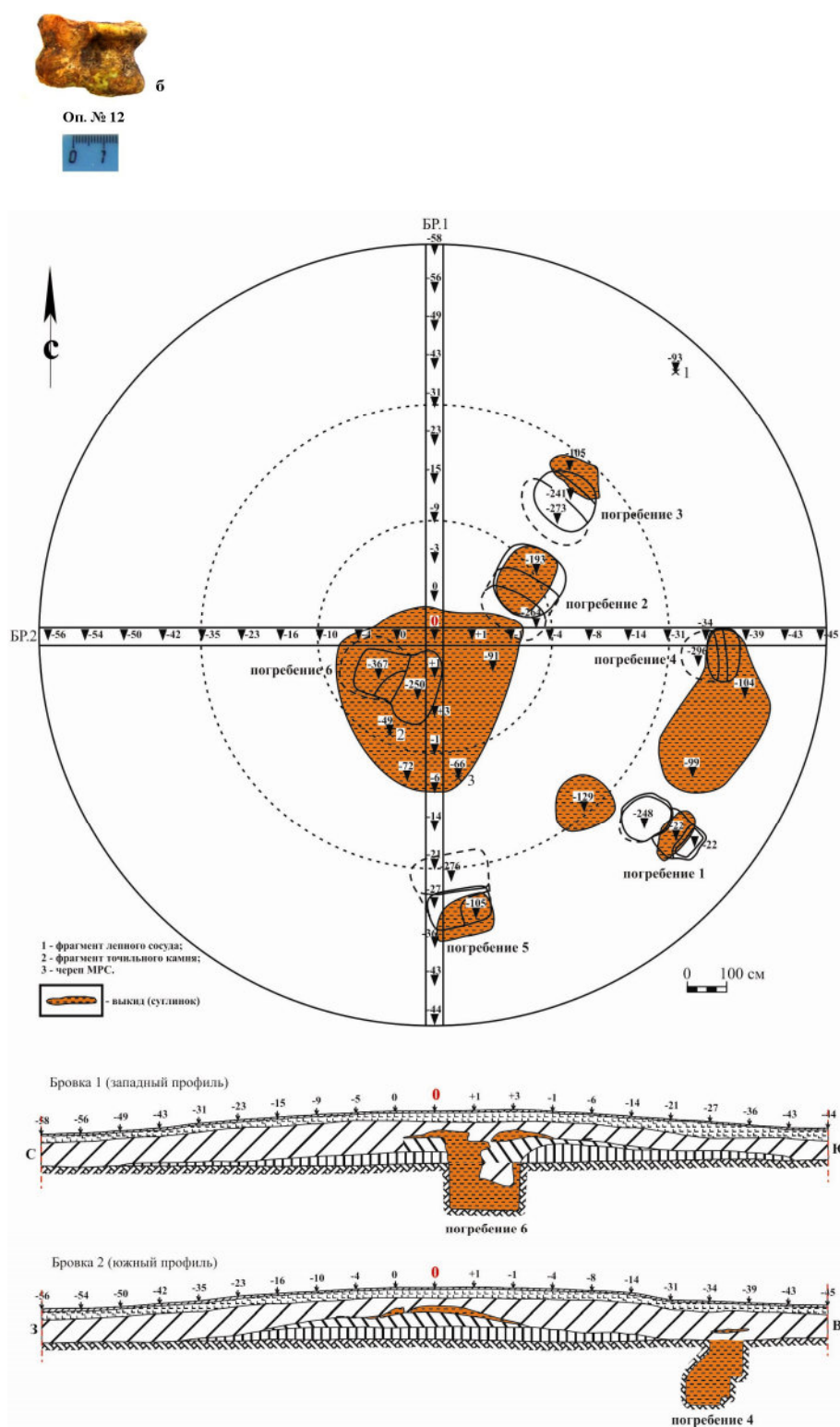

Рис. 8. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 15. План кургана и профили бровок

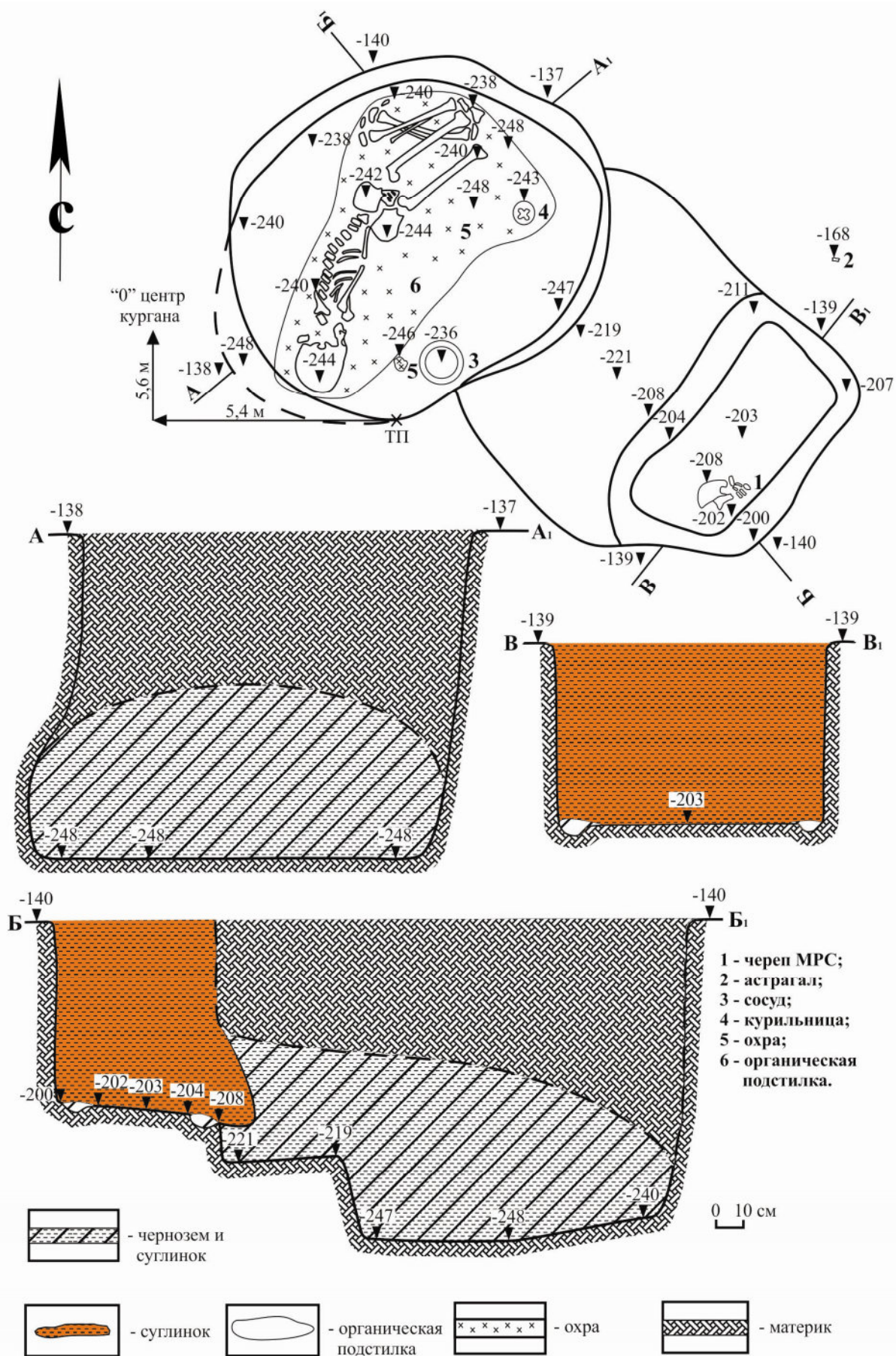

Рис. 9. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 15. Погребение 1. План и разрезы

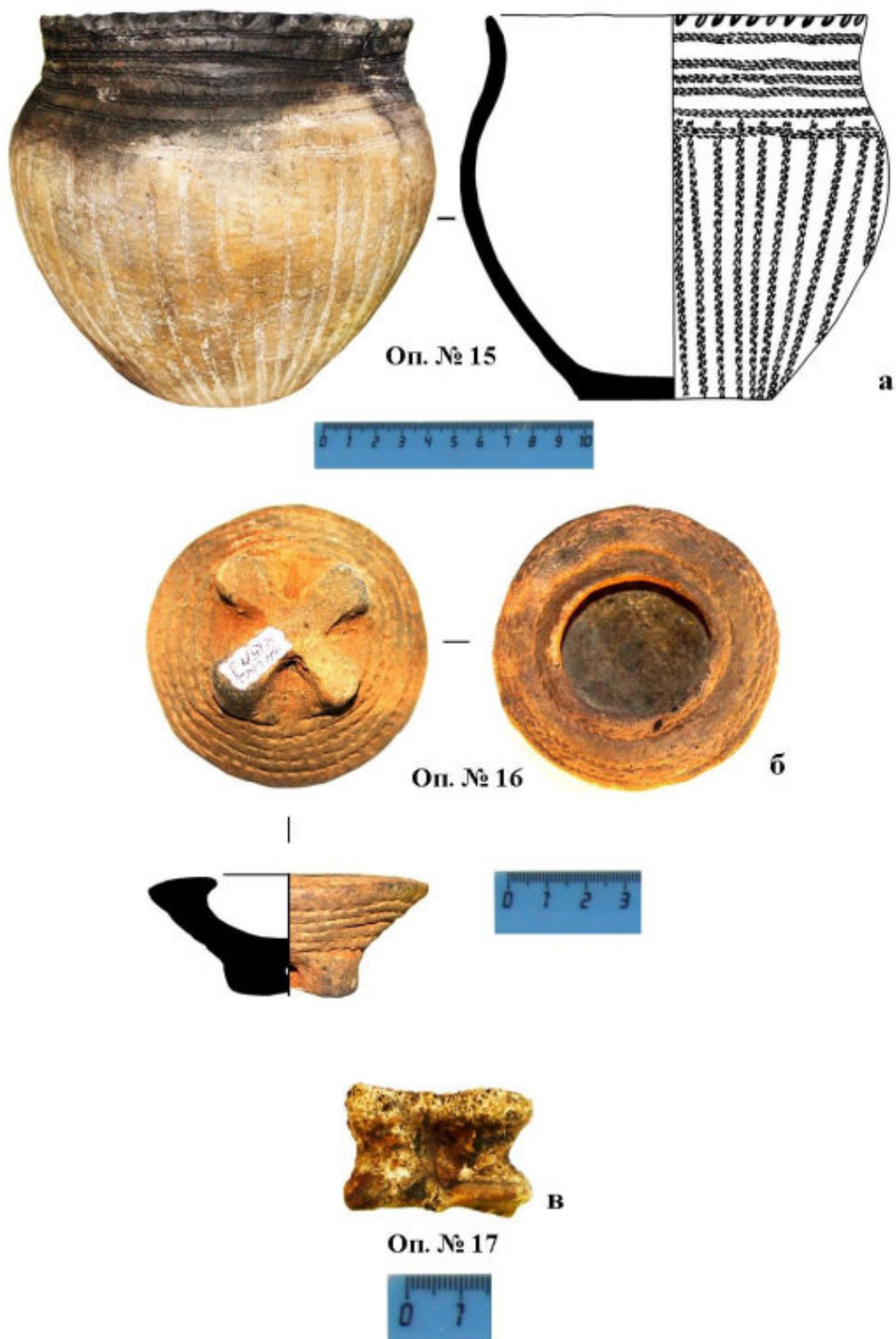

Рис. 10. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 15. Погребение 1. Инвентарь.
а – лепной сосуд; б – курильница; в – астрагал

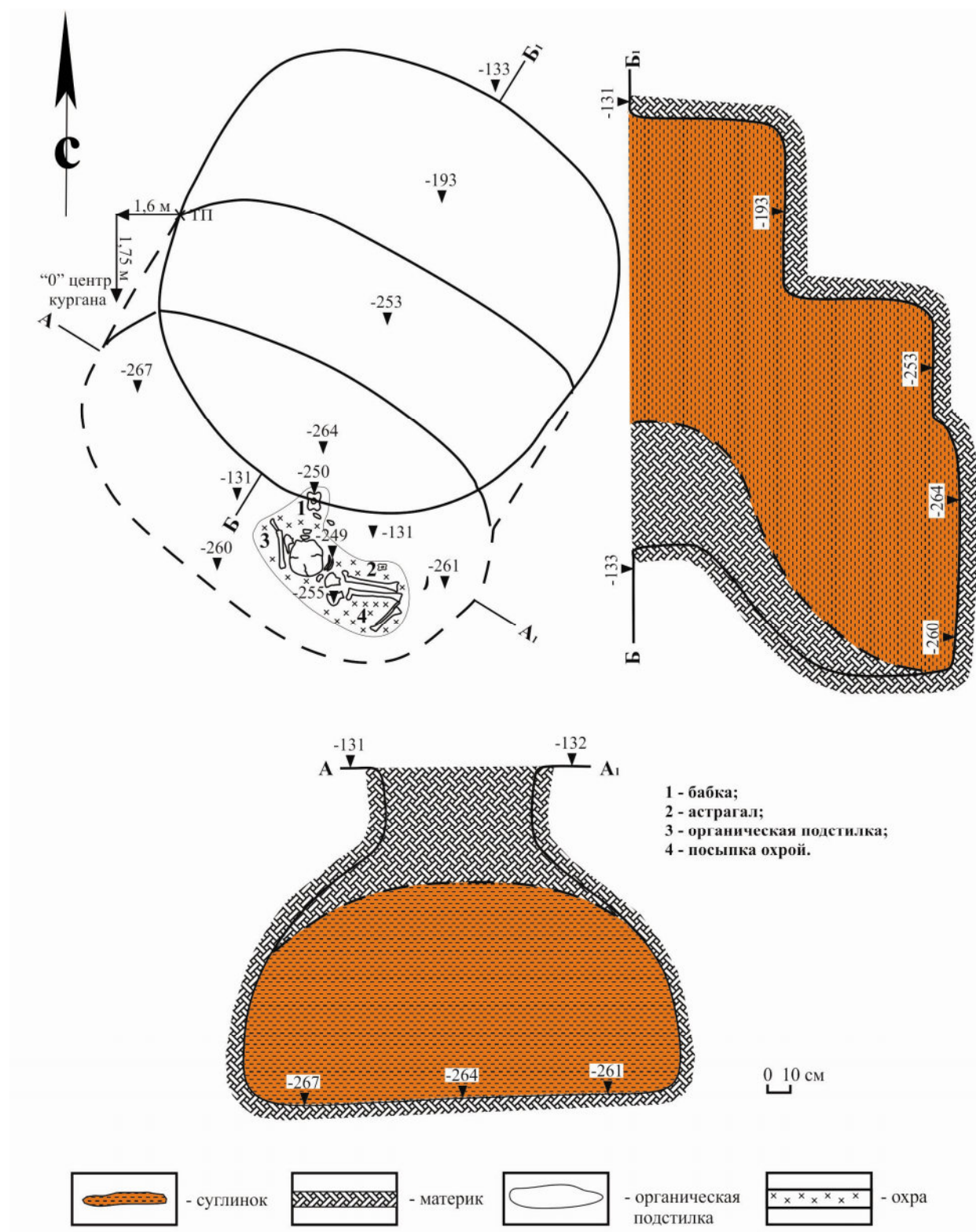

Рис. 11. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский.
Курган № 15. Погребение 2. План и разрезы

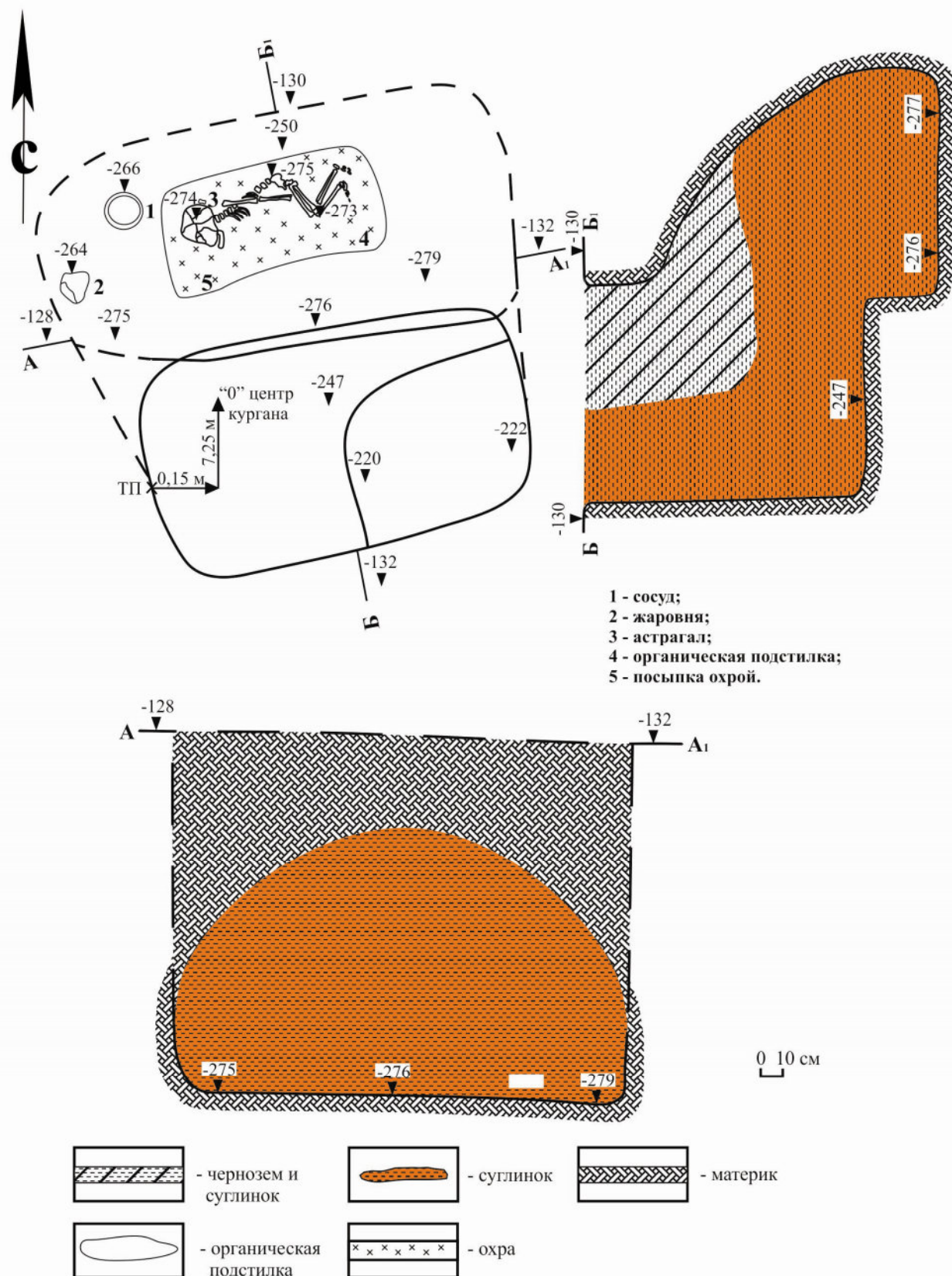

Рис. 12. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 15.
Погребение 5. План и разрезы

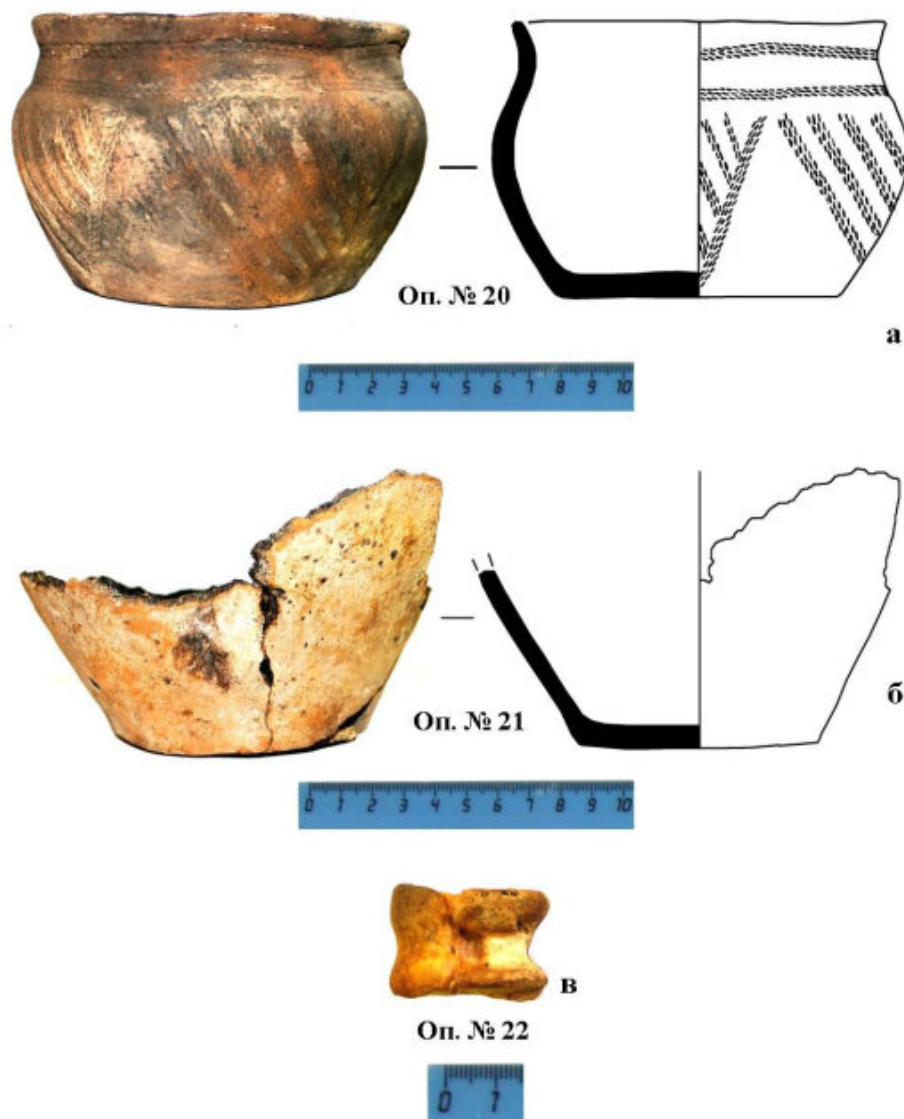

Рис. 13. Курганная группа 1 в пос. Алексеевский. Курган № 15. Погребение 1. Инвентарь.
а – лепной сосуд; б – жаровня; в – астрагал

Список литературы

1. Акимов С.В. Отчет об археологических разведках по рекам Савала, Елань и Татарка в Новохоперском районе Воронежской области в 2001 г. // Архив ИА РАН.
2. Ефимов К.Ю. Отчет об охранных археологических разведках в Воронежской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 25252.
3. Медведев А.П. Курганы в низовьях Елани // Восточноевропейские древности. – Воронеж: Научная книга, 2013. – С. 162-176.
4. Медведев А.П. Исследование курганов в низовьях р. Елань в Воронежской области // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда. – Казань : Отечество, 2014. – С.606-609.
5. Медведев А.П. Первые результаты археологических раскопок на р. Елани (курганный могильник Елка 1) // Вестник ВГУ. – Сер. История. Политология. Социология. – 2015. – № 2. – С.11-24.
6. Медведев А.П. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Елка 5 в Новохоперском районе Воронежской области в 2014 г.// Архив ИА РАН–78 с.
7. Погорелов В.И. Отчет к Открытому листу № 278 об археологических исследованиях в Острогожском и Новохоперском районах Воронежской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р.1. № 1203.
8. Савицкий Н.М. Отчет об археологической разведке по р.Елань в Новохоперском районе Воронежской области в 2012 г. / Н.М. Савицкий // Архив Археологического музея ВГУ. – 250 с.

Украшения в неутилитарных контекстах (культуры эпохи бронзы юга Восточной Европы)

Аннотация. В статье анализируются факты использования различных украшений в археологических контекстах эпохи поздней бронзы. Авторы приходят к выводу, что украшения могли выступать в качестве жертв или в качестве оберегов.

Ключевые слова: украшения, эпоха поздней бронзы, погребения, поселенческие обряды, культовые комплексы.

Abstract. The paper analyzes the factors of using of different decorations in archaeological contexts of the Late Bronze Age. The authors conclude that the decorations could serve as sacrifice or as amulets.

Keywords: decorations, Late Bronze Age, burials, rites of settlements, religious complexes.

В любой культуре существует определенный, присущий только ей, набор украшающих элементов. Последние бывают весьма разнообразными. Они могут включать, например, декор одежды, прически, разрисовку кожи, татуировку, деформации тела¹ и, наконец, съемное подвижное убранство (украшения) (Седловская, Трайде, 1989, с. 196). С украшениями археологи, изучающие памятники юга Восточной Европы эпохи бронзы, сталкиваются довольно часто. При осмыслении данных изделий затрагиваются разнообразные аспекты (см.: (Цимиданов, 2004а, с. 260-261)). Один из них все еще привлекает мало внимания. Мы имеем в виду изучение применения украшений в обрядовой сфере. Авторы предлагаемой работы попытались коснуться этой проблематики на материалах поселенческих и погребальных комплексов².

В большинстве культур бронзового века украшения включались в контекст погребальной обрядности. При этом их чаще всего надевали на покойника. В итоге, если такое захоронение не нарушено, украшения оказываются на останках умершего или в непосредственной близости от скелета (сложности с перемещением украшений при разложении органики см.: Бородавский, Глушков, 1991, с. 15-22), в основном тяготея к местам, где они, очевидно, располагались и у живых. Однако, известно немало комплексов, при формировании которых рассматриваемые предметы использовались не по их функциональному назначению. Так, во многих погребениях *срубной культуры* локализация украшений свидетельствует о том, что их в силу каких-то причин не надели на усопшего, а положили на дно могилы рядом с телом (см., например: Буров, 1971, с. 200; Горбунов, 1977. Рис. 4; Кузнецова, Седова, 1991, с. 171; Стоколос, Стоколос, 2004, с. 250). Порой украшения помещали в сосуды (Васильев, 1977, с. 25; Скарбовенко, 1981, с. 9) или под них (Привалова, 2001, с. 147).

В некоторых культурах украшения в ходе похорон ломали (Куприянова, 2008, с. 129-131; Цимиданов, 2011, с. 16), а иногда надевали на умершего «задом наперед» (Куприянова, 2008, с. 130).

Украшения использовали также в обрядах, производившихся уже после того, как тело покойника было уложено на дно могильной ямы. Это демонстрирует, например, погребение *покровской культуры* из **Покровска, юго-восточная группа**, 15/3, Саратовская обл., РФ. Здесь на южном краю могильной ямы лежал обломок височной подвески, изготовленной из бронзы (Малов, 2003, с. 174).

Размещение украшений вне дна могил известно и в *срубной культуре*. При этом в нескольких случаях интересующие нас артефакты обнаружены в заполнении погребений³ (ниже – «А-локализация»). Так, в захоронении из **Боголюбовки**, 1/3, Оренбургская обл., РФ выявлены 2 подвески из клыков хищника, имевшие отмеченную локализацию (Моргунова и др., 2014, с. 10)⁴. Умерший являлся ребенком 1-2 лет (Хохлов, 2014, табл. 9). В состав инвентаря входили сосуд и фаланги лошади (две I-е и одна II-я) (Моргунова и др., 2014, с. 10; Рослякова, 2014, с. 159).

© Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., 2016

¹ В данном контексте под деформированием тела понимается изменение первоначальной его формы (например, деформация черепа, удлинение конечностей, ушей) и его повреждение (протыкание частей тела, удаление некоторых зубов, фаланг пальцев, нанесение шрамов и т.п.) (В.П., А.У., В.Ц.).

² Украшения присутствуют и вкладах эпохи поздней бронзы (см., например: (Тереножкин, 1965. Рис. 1, 12, 16-18; Сымонович, 1966. Рис. 2, 1-4; Дергачев, 2012. Илл. IV)), однако ограниченный объем работы не позволяет остановиться на рассмотрении этих комплексов.

³ Вероятно, первоначально они лежали на перекрытиях погребений.

⁴ На с. 92 данной публикации пишется, что это были клыки кабана.

В заполнении погребения ребенка из **Волчанки**, 3/13, Самарская обл., РФ обнаружены пастовая бусина и зуб животного. Его сопровождали 2 сосуда (Кузнецова, Седова, 1991, с. 167).

Два случая рассматриваемой локализации украшений зафиксированы в могильнике **Лузановка**, Самарская обл. В п. 8 к. 4 украшения были представлены 2 бронзовыми височными подвесками, плакированными золотой фольгой, и 2 бронзовыми браслетами. Все эти предметы размещались компактно. Умерший являлся взрослым. Рядом с костяком находился сосуд с иррегулярным орнаментом (Васильев, 1977, с. 12). Судя по размерам могильной ямы (площадь – около 2,3 кв. м), погребенный имел при жизни высокий ранг.

В заполнении п. 2 к. 2 данного могильника выявлены 2 бронзовые подвески. Одна имела «биноклевидную» форму, а вторая представляла собой комок проволоки. Данных о возрасте умершего у нас нет. Близ костяка располагался сосуд (Васильев, 1977, с. 28).

В погребении из **Быково I**, 13/5, Волгоградская обл., РФ в заполнении находилась бронзовая височная подвеска. Усопшего (взрослого) сопровождали 2 сосуда (Смирнов, 1960, с. 206).

В заполнении комплекса из **Холодного I**, 1/5, Ростовская обл., РФ также выявлена бронзовая височная подвеска. В могиле находился костяк взрослого. Погребальный инвентарь представлен сосудом и бронзовым браслетом (Ильюков, 2011, с. 99). Поскольку цельнометаллические браслеты в погребениях срубной культуры коррелировались с женщинами (Цимиданов, 2006, с. 99), можно сделать вывод, что данное захоронение являлось женским.

В погребении из **Черного II**, 1/1, Ростовская обл. в заполнении найдены фрагменты бронзовой височной подвески. Умершего подростка 12-15 лет сопровождал сосуд с иррегулярным орнаментом (Парусимов, 2004, с. 46).

В захоронении из **Таврии I**, 2/2, Запорожская обл., Украина в заполнении выявлены 2 височные подвески из бронзовой проволоки. Погребенный являлся взрослым. С ним в могилу был помещен сосуд (Салий, 1987, с. 85).

Две височные подвески (а также фрагмент сосуда) находились и в заполнении погребения из **Богдановки IV**, 2/1, Днепропетровская обл., Украина. Умерший (взрослый) был похоронен под индивидуальным курганом (Марина и др., 1995, с. 55), что свидетельствует о его высокой ранговой позиции.

В 1 случае украшение (бронзовая пронизь) лежало на дневной поверхности рядом с могильной ямой (ниже – «Б-локализация»). Это имело место в комплексе из **Спиридоновки II**, 1/7, Самарская обл. На упомянутый предмет в ходе погребальной церемонии был поставлен сосуд. Умерший являлся подростком 8-9 лет. На костях скелета размещались височная подвеска и браслет (Кузнецов, Мочалов, 1999, с. 64). Последний свидетельствует о том, что в могиле была погребена девочка.

Таким образом, в срубной культуре помещение украшений на перекрытие могил и рядом с ними могло иметь место при похоронах лиц самого разного возраста – от 1-2 лет до взрослого. Коррелировались ли данные манипуляции с полом умерших, пока не ясно (в двух случаях он был женским, но применительно к остальным комплексам соответствующих данных нет). Среди умерших, которым сопутствовали украшения, имевшие А- и Б-локализацию, были как те, кто имел при жизни высокий ранг, так и те, кто в течение жизни не смог достигнуть высокой ранговой позиции. В 2-х комплексах выявлены сосуды с иррегулярным орнаментом. На наш взгляд, они маркируют статус служителей культа (Цимиданов, 2004б, с. 51-52). Но остальные покойники принадлежали, скорее всего, к статусной группе носителей производственной функции. Стоит добавить, что ни один из комплексов не демонстрирует причастности умерших к лицам, слывшим магически опасными. Уточним, что к признакам «магической опасности» усопшего мы относим различные проявления «запечатывания» погребальных камер (Цимиданов, 2004б, с. 45, 66), расчленение тела умершего, особенно отделение рук и/или ног или их частей (Усачук и др., 2010, с. 196), ритуальное разрушение могил (Цимиданов, 2014, с. 41). Из отмеченного вытекает, что помещение украшений на перекрытия могильных ям и рядом с последними было обусловлено какими-то индивидуальными особенностями погребаемых, лежавшими вне поло-возрастной и социальной сфер. Установить, что это за особенности, пока не представляется возможным.

Еще один вариант локализации украшений вне дна могил, имеющий место в срубной культуре, – размещение данных изделий в отдалении от погребений (В-локализация). Так, в относящемся к *доно-волжской абашевской культуре* кургане 1 из **Старой Тойды**, Воронежская обл., РФ, где исследована серия захоронений, в северо-западной части насыпи находились два бревна, между которыми лежала бронзовая височная подвеска (Корнюшин, 1971, с. 84).

В кургане 3 из **Скворцовки**, Оренбургская обл., возведенном носителями *срубной культуры*, был выявлен накатник из крупных деревянных плах, положенных на дневную поверхность в 5 м от центра подкурганной площадки (т.н. «погребение 3»). Между плахами обнаружены обломок бронзо-

вого браслета, нож и фрагменты керамики. По мнению авторов публикации, данное сооружение не является погребением. Вероятно, оно было комплексом, связанным с тремя основными захоронениями кургана (Моргунова и др., 2010, с. 8, 11).

В 3 срубных курганах, каждый из которых содержал серию погребений, рассматриваемые изделия размещались в насыпях, не тяготея ни к одной из могил. При этом в кургане 4 из **Хрящевки**, Самарская обл. в разных местах были обнаружены 1 подвеска из зуба собаки и несколько (число в публикации не уточняется) подвесок из зубов коровы (Мерперт, 1954, с. 100). В кургане 1 из **Ягодно-го II**, Самарская обл. найдена подвеска из раковины моллюска (Мерперт, 1954, с. 48). В насыпи кургана 1 из **Ижевки II**, Донецкая обл., Украина выявлена подвеска из камня (Моруженко и др., 1989).

В кургане 6 *белозерской культуры* из **Первомаевки (раскопки 1957 г.)**, Херсонская обл., Украина в одном из 3 кострищ, связанных с основным погребением 2, находились железный браслет, фрагмент железного изделия, кальцинированные человеческие кости и обожженные куски известняка (Іллінська та ін., 1960, с. 137).

Украшения использовались и в поселенческих обрядах. В частности, на поселении *уральской абашевской культуры* **Мало-Кизильское**, Башкортостан, РФ в насыщенном углями и кусками сожженных веток заполнении ровика, проходившего к югу от жилища, было найдено много бронзовых украшений – пронизей, бляшек, обойм (на некоторых видны следы огня). В ровике выявлены и другие артефакты, в т.ч. ком охры диаметром 20 см, костяк теленка с отсутствовавшим черепом, кости животных (далее – КЖ). Добавим, что к югу от ровика лежал заваленный камнями полный костяк теленка, на тазовых костях которого стояла часть сосуда. Рядом с ровиком был выявлен также зольник диаметром около 2 м и мощностью около 40 см (Сальников, 1952, с. 52-53; 1967, с. 36-37, 99). К.В. Сальников справедливо интерпретировал данный комплекс как культовый, но при этом исследователь считал, что украшения связаны с погребением, совершенным по обряду кремации (Сальников, 1952, с. 58-59; 1967, с. 37). На наш взгляд, поскольку в публикациях ничего не сказано о присутствии в ровике или рядом с ним кальцинированных человеческих костей, эта гипотеза едва ли может быть принята.

Неутилитарное использование украшений демонстрируют и поселения *срубной культуры*. Например, на памятнике **Тюбяк**, Башкортостан, РФ в очаге, находившемся в постройке (раскоп IV), были обнаружены подвеска из клыка медведя, 5 кремневых изделий, в т.ч. 3 скребка и 2 отщепа, и бронзовое шило (Горбунов, 1989, с. 77, 79; Обыденнов и др., 2001, с. 97).

На поселении **Родниковое**, Оренбургская обл. в заполнении ямы 8, исследованной в сооружении 2, присутствовала, наряду с КЖ и фрагментами керамики, подвеска из клыка хищника (волка или собаки) (Купцова, Файзуллин, 2012, с. 76).

На поселении **Вареновка III**, Ростовская обл. в ямке, выявленной в южном углу жилища 1(5), находились костяная пронизь, фрагменты костяных «спиц», астрагал, кремневый скребок и кремневые отщепы (Потапов, 2000, с. 23)¹.

На поселении **Давыдо-Никольское**, Луганская обл., Украина в золистом заполнении ямы 7, размещавшейся к западу от постройки, были обнаружены костяная бусина, подвеска из клыка кабана, изделие из камня неизвестного назначения и кусочек горного хрусталя. На дне ямы лежала песчаниковая плита с обгоревшими краями (Пробейголова, Красильников, 2010, с. 32).

На поселении **Лиман**, Луганская обл. во входном проеме жилища 2 находились фаянсовая бусина, фрагменты керамики и КЖ (Бровендер, 1993, с. 154, рис. 4).

На поселении *эпохи поздней бронзы*² **Чикаловка**, Полтавская обл., Украина в жилище 5 (р. 5), в центральной части помещения, находилось пятно прокаленного грунта. Рядом был вкопан в пол орнаментированный сосуд, а в 0,6 м к востоку от последнего лежал бронзовый браслет (Шарафутдінова, 1964, с. 156; рис. 3).

Несколько случаев использования украшений в поселенческой обрядности зафиксировано на памятниках *сабашиновской культуры*. Так, на поселении **Анатолевка**, Одесская обл., Украина в помещении 1 близ «вымостки» (остатки цоколя стены? – В.П., А.У., В.Ц.) лежали 3 бронзовых булавок (Черняков, 1985, с. 39).

По одной бронзовой булавке было обнаружено на поселении **Вороновка**, Одесская обл. в юго-западном углу помещения 5 (Ванчугов и др., 1991, с. 16, 42) и на поселении **Новокиевка**, Херсонская обл. в северо-западном углу жилища 2 (Geršковиč, 1999, s. 31).

¹ В другой публикации приводится несколько иной перечень выявленных в комплексе артефактов. В частности, здесь не упомянут астрагал, но говорится о нахождении в ямке призматического изделия из песчаника (Потапов, 2002, с. 74).

² Культурная атрибуция поселения является дискуссионной (Куштан, 2006).

При раскопках последнего поселения украшения были обнаружены и в ямах. В частности, в яме 33, располагавшейся у западного угла жилища 4 (вне постройки), находились стеклянная бусина и фрагменты керамики (Gerškovič, 1999, s. 33), а в яме 35, локализовавшейся к северу от западного угла жилища 4, – костяная пронизь, кость человека и обломки сосудов (Gerškovič, 1999, s. 33).

Заслуживает упоминания и комплекс с поселения *приказанской культуры* **Балымское**, Татарстан, РФ. Здесь в южной части жилища 2 (близ очага) размещалась вымостка из кусков известняка. На ней лежали бронзовая бляха, кремневые фигурка в виде головки птицы, нож, 2 наконечника стрел и несколько скребков, а также 2 глиняных грузила (Халиков, 1953, с. 37).

Два комплекса относятся к *межовской культуре*. На поселении **Ново-Кизганово II**, Башкортостан в культурном слое были обнаружены находившиеся рядом друг с другом бронзовые бляшка с петелькой и игла (Обыденнов, 1991, с. 16).

На поселении **Тюбяк**, Башкортостан в постройке 2 (раскоп II) в углублении на месте засыпанного колодца срубной культуры лежали бронзовый желобчатый браслет, фрагменты керамики, КЖ и камни (Обыденнов, 1991, с. 28; Обыденнов и др., 2001, с. 25).

На поселении *финала бронзового века* **Кузьминки-II**, Оренбургская обл. в культурном слое было обнаружено скопление КЖ (2 обожжены), фрагментов керамики и комков прокаленной глины. В скоплении находились бронзовая височная подвеска и галька (Моргунова и др., 2001, с. 104-105).

На поселении *кобяковской культуры* **Кобяково**, Ростовская обл. в жилище 2, около углубления, находившегося у южной стенки котлована, располагались бронзовая пронизь, фрагмент костяного «скобеля», «лощило-альчик» и глиняное пряслице. В самом углублении лежали костяные «скобели» (2) и острое, а также 2 глиняных «колесика от модели повозки» (Шарафутдинова, 1980, с. 121).

На поселении *белозерского времени* **Дикий Сад**, г. Николаев, Украина в яме 1 из помещения 13 (раскоп 17) был выявлен бронзовый браслет (Горбенко та ін., 2005, с. 103). Стоит добавить, что данное помещение может быть интерпретировано как культовое. Об этом, в частности, свидетельствует присутствие в нем стел (Горбенко, 2008, с. 386).

На этом же поселении, в заполнении юго-западного участка рва, окружавшего «цитадель» (раскоп 13), обнаружены бронзовые булавка и бляшка с петелькой (Горбенко, 2007, с. 140, рис. 1).

На поселении **Суботов**, Черкасская обл., Украина в землянке 4, относящейся к *чернолесской культуре*, в одной из ям находились 3 подвески из морских раковин (Граков, Тереножкин, 1958, с. 169). В чернолесской землянке 6 того же памятника близ столбовой ямы лежал бронзовый браслет (Тереножкин, 1961, рис. 23).

Ряд рассматриваемых поселенческих комплексов относится к *кизил-кобинской культуре*. Почти все они выявлены на памятнике **Уч-Баш**, Крым, Украина. Здесь была исследована большая серия ям, заполнение которых, как правило, насыщенное золотом, включало разнообразные артефакты – фрагменты керамики, иногда целые сосуды, обломки зернотерок, абразивы, роговые наконечники стрел, глиняные пряслица, астрагалы мелких копытных, КЖ, кости рыб, зерна злаков, охру и т.д. Нередко в ямах присутствовали и украшения. В раскопе I данные изделия обнаружены в яме 20 (костяная бусина), яме 31 (2 подвески из раковин сердцевидки) (Кравченко, 2011, с. 244), яме 50 (бусина из перламутра), яме 52 (подвеска из раковины сердцевидки) (Кравченко, 2011, с. 245), яме 69 (подвески из раковин сердцевидки и гребешка¹) (Кравченко, 2011, с. 246). В раскопе II украшения найдены в ямах 4, 6, 10 (Кравченко, 2011, с. 246) (во всех 3 случаях – по 1 подвеске из раковины сердцевидки), яме 11 (1 подвеска из морской раковины и 1 – из глины) (Кравченко, 2011, с. 246), яме 12 (подвеска из раковины сердцевидки) (Кравченко, 2011, с. 246-247), яме 16(19) (2 подвески из раковин сердцевидки и 1 – из глины) (Кравченко, 2011, с. 247). Подвеска из раковины сердцевидки обнаружена и в яме 5 кизил-кобинского поселения **Сахарная Головка**, Крым (Кравченко, 2011, с. 250)².

Обобщая приведенную выше информацию, можно сделать ряд наблюдений. Прежде всего отметим, что в большинстве рассматриваемых культур украшения оказывались в неутилитарных контекстах нечасто. Во всяком случае, – намного реже, чем керамическая посуда и КЖ. Проиллюстрируем это на примере срубной культуры. Нами учтено 10 погребений, где украшения имели А- и Б-локализацию. При этом 6 комплексов происходят с восточной территории общности (Южный Урал, Среднее и Нижнее Поволжье). В массиве из 3136 учтенных захоронений данной территории они составляют лишь 0,2%. Показатель по западной территории (она включает более западные регионы срубной общности вплоть до Ингульца) – 0,1% (4 захоронения с украшениями, имевшими А-

¹ Число изделий в публикации не уточняется.

² Мы учитывали лишь те комплексы кизил-кобинской культуры, которые относятся к эпохе поздней бронзы (к горизонтам I-УБ, Ia-УБ и II-УБ по периодизации Э.А. Кравченко, суммарно датируемым второй половиной XI – X вв. до н.э. (см.: (Кравченко, 2011, с. 45, 51, 53; рис. 195)). Нам известны и другие кизил-кобинские ямы с украшениями, но они относятся уже к раннему железному веку, а потому здесь не упоминаются.

локализацию в массиве из 5275 учтенных комплексов). Для сравнения, на восточной территории частота встречаемости погребений с КЖ, демонстрировавшими А- и Б-локализацию, составляет 13,7%, а на западной – 6,3%. Соответствующие показатели по керамике (целые и (чаще) фрагментированные сосуды) – 15,4% и 13,5% соответственно. В случае с В-локализацией картина аналогична. На восточной территории учтено 840 курганов и грунтовых могильников, содержащих захоронения срубной культуры. В 3 из них (0,4%) выявлены украшения, не тяготевающие к конкретным захоронениям. Показатели по КЖ (13,7%) и керамике (15,4%) намного выше. На западной территории соответствующий показатель по украшениям – 0,1% (1 комплекс на 1766 курганов и грунтовых могильников), показатель по КЖ – 6,3%, а по керамике – 13,5%.

Если абстрагироваться от КЖ и керамики, то окажется, что на фоне других изделий украшения включались в контекст погребальных манипуляций, производившихся вне дна могильных ям, не столь уж и редко. Так, они демонстрировали А-, Б- и В-локализацию в 14 случаях. В том же массиве погребений названные локализации имели и многие другие изделия. Но при этом лишь кремневые артефакты (в основном, представлены отщепами) встречены чаще украшений: они присутствовали в 50 комплексах. Добавим, что в 7 случаях в обрядовый контекст были включены песты и растиральники. Прочие изделия (псалии, бронзовые ножи, крючки, фрагменты каменных топоров и зернотерок, абразивы, пряслица и др.) встречены еще реже.

Ситуация с культовыми комплексами срубных поселений следующая. Нами учтено 510 таких комплексов. Украшения присутствовали в 5 из них (около 1,0%). Таким образом, в поселенческой обрядности рассматриваемые изделия использовались несколько чаще, чем в погребальных манипуляциях, производившихся вне дна могил. Вместе с тем, частота встречаемости украшений в культовых комплексах поселений намного уступает не только КЖ (таковые выявлены в 50,4% комплексов) и глиняной посуде (51,6%¹), но и большинству прочих артефактов. В частности, песты и растиральники выявлены в 7,3% комплексов, бронзовые ножи – в 4,9%, литейные формы – в 4,5%, кремневые изделия² (преимущественно отщепы) – в 3,7%, тупики – в 3,5%, зернотерки – в 3,3%, костяные проколки – в 3,1%, пряслица – в 3,1%, молоты (включая «молотки» и «молоточки») – в 2,7%, абразивы – в 2,7%, глиняные «хлебцы» и «лепешки» – в 2,4%, костяные и кремневые наконечники стрел³ – в 2,2%, бронзовые серпы – в 1,6%, слитки металла – в 1,6%, костяные ложила – в 1,4%, псалии – в 1,2%. В то же время, украшения в культовых комплексах срубных поселений встречаются столь же часто, как тигли, бронзовые шилья, костяные «спицы»⁴ и «коньки» (по 1,0% комплексов). А многие изделия, вероятно, оказывались в обрядовых контекстах реже украшений. К ним относятся каменные привязные топоры, обломки проушных топоров, булавы, ступки, «утюжки», мотыги, наковальни, диски, бронзовые кинжалы, тесла, иглы, втульчатый крюк, костяные гарпуны, наконечник дротика и трубка, керамические скребки, глиняные шары, «яйца», статуэтки, льячки и некоторые другие артефакты.

Нелишне отметить то, что в культовых комплексах поселений срубной культуры, известных нам, ни разу не выявлены украшения из металла. А вот украшения из частей животных (подвески из зубов, костяные бусина и пронизь) стали обрядовыми атрибутами в 4 случаях из 5 учтенных. Срубные погребальные комплексы демонстрируют иную картину. Украшения с А- и Б-локализацией лишь в 1 комплексе из 10 изготовлены из частей животных (зубы). В 8 случаях они металлические. Из 4 курганных комплексов с В-локализацией украшений в 1 присутствовало металлическое изделие, а в 3 – артефакты из зубов животных, раковины и камня. Таким образом, ситуация с последними комплексами более близка к той, которую демонстрируют поселения: в контекст обряда украшения из металла, как правило, не включались. Любопытно, что демонстрируемое срубной культурой своего рода «табу» на использование металлических украшений в поселенческой обрядности является почти аномалией на фоне других культур бронзового века. Например, в сабашиновской культуре из 5 поселенческих комплексов, содержащих украшения, металлические изделия присутствовали в 3. Включение в неутилитарные комплексы поселений исключительно металлических украшений демонстрируют учтенные нами комплексы уральской абашевской, межовской, кобяковской культур, поселений финала бронзового века Кузьминки II и Дикий Сад. А вот носители кизил-кобинской культуры чаще всего использовали в поселенческой обрядности украшения из раковин. Добавим, что из учтенных нами 23 ям данной культуры, которые с той или иной долей вероятности могут быть причислены к культовым, украшения выявлены в 12, т.е. в 52,2%. Таким образом, в отличие от других рассматри-

¹ Здесь и ниже приведены показатели, полученные с учетом не только целых, но и фрагментированных изделий, а также, применительно к некоторым категориям вещей – заготовок.

² Без учета наконечников стрел.

³ Кремневые наконечники стрел из срубных поселенческих культовых комплексов являются вторично использованными изделиями более ранних культур.

⁴ Детали составных гребнеобразных орудий для чесания волокон при прядении.

ваемых культур, кизил-кобинская демонстрирует необычайно важную роль украшений в обрядовых манипуляциях, совершавшихся на поселениях.

Вследствие обрядового использования украшений на поселениях они чаще всего оказывались в ямах (учтено 19 комплексов). В 4 случаях комплексы с украшениями тяготели к углам построек, в 3 – к очагам и кострищу. По 1 разу интересующие нас артефакты найдены в засыпанном колодце, дверном проеме жилища, оборонительном рве и ровике, вероятно, сугубо культового назначения. Итак, украшения, обнаруженные на поселениях, как правило, оказывались в т.н. «медиативных локусах», т.е. каналах связи с иным миром. К числу таких локусов правомерно относить ямы. С одной стороны, они могли выступать в качестве т.н. «емкостных жертвенников» (см.: Мимоход, 2000, с. 87), но, с другой, рассматривались как входы в потусторонний мир (Подобед и др., 2013б, с. 41). Медиативными локусами являлись также углы построек (Подобед и др., 2014г, с. 90-91) и их стены (Антонова, 2013, с. 47), очаги (Подобед и др., 2014б, с. 107-108), дверные проемы (см., например: Байбурин, 1983, с. 136; Жуковская, 1988, с. 19-21; Соломатина, 1990, с. 92; Віхрова, 2013, с. 217), колодцы (Подобед и др., 2014а, с. 287-290), рвы (Подобед и др., 2014в, с. 46). Отношение к перечисленным объектам во многих культурах является амбивалентным. Люди широко используют их в ходе попыток заполучить помощь от высших сил, но, в то же время, боятся, что через эти каналы в мир живых проникнет зло из иномирья. Отсюда и знаковая нагрузка украшений, приуроченных к названным локусам, могла быть различной. Нам представляется, что основными ее вариантами являются два:

1. Украшения выступали в качестве жертв. Отметим в данной связи, что жертвование украшений божествам и иным представителям высших сил известно у многих народов. Например, оно имело место у древних греков (Тахо-Годи, 1991, с. 27), до сих пор практикуется алтайцами (Октябрьская, 2012, с. 389) и православными русскими, которые подвешивают украшения к некоторым иконам в знак благодарности за помощь, полученную после молитвы (Тимошевский, 1892, с. 132; Цеханская, 1998, с. 62, 63-64, 65-66; Кольцова, 2012, с. 144; и др.);

2. Украшения выступали как обереги, призванные заблокировать злым силам доступ в мир живых¹. Использование украшений в качестве оберегов известно у очень многих народов (см., например: (Васильева, 1986, с. 183; Йеттмар, 1986, с. 291; Тохтабаева, 1991, с. 97; Каландаров, 2001, с. 43; Николаева, 2010, с. 184; др. работы)). Стоит подчеркнуть, что функция апотропеев приписывалась не только тем украшениям, которые носили на теле, но и тем, которые были помещены в какой-либо объект или рядом с ним (Тянина, 2011, с. 160).

В случае с украшениями из археологических неутилитарных контекстов зачастую трудно бывает однозначно ответить, какую из двух названных функций они выполняли. Тем не менее, уместно предположить, что украшения из зубов хищников могли выступать прежде всего в качестве оберегов, равно как и украшения с острыми концами (в частности, булавки)². Прочие же украшения, вероятно, являлись жертвами различным мифологическим персонажам. Но коль скоро в А- и Б-контекстах погребальных комплексов острые украшения и подвески из зубов названных животных практически не встречаются, и, к тому же, данные комплексы не демонстрируют знаков «магической опасности» погребенных, можно допускать, что в этих контекстах украшения выступали в качестве «взятки», с помощью которых люди пытались обеспечить благополучие душе умершего. Не исключено, что украшения выбирались в качестве жертв в тех случаях, когда участники обряда звали к какому-нибудь женскому божеству. Подобная практика зафиксирована, например, у алтайцев (Октябрьская, 2012, с. 389)³.

Список сокращений, принятых в статье

АО – археологические открытия.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.

¹ В данной связи нелишне напомнить о любопытных фактах, зафиксированных при раскопках урартской крепости Кармир-Блур, Армения. Здесь бусы, в т.ч. и «скифские» (т.н. «бусы-розетки»), порой обнаруживались в сырцовых кирпичах обвалившихся стен, а в одном случае – в небольшом углублении стены (Рябкова, 2010, с. 179). Отмеченную локализацию данных украшений из Тейшебаини иногда объясняют их большой материальной ценностью и, соответственно, стремлением спрятать бусы от тех, «кто занимался сбором военной добычи» (Рябкова, 2010, с. 179). На наш взгляд, правомерно допустить, что мы вновь сталкиваемся с использованием украшений как оберегов: «скифскими» воинами-наемниками, входившими в состав гарнизона урартской крепости (см.: Алексеев, 2003, с. 101; Погребова, 2011, с. 168), в период, предшествовавший гибели цитадели, вполне могли включать их в контекст неких обрядовых манипуляций, преследовавших цель отвратить какую-то угрозу.

² Использование острых предметов в качестве апотропеев было распространено очень широко (см., например: (Подобед и др., 2013а, с. 33-34)).

³ Возможно, данным персонажем была «богиня-черепаха», о существовании культа которой у населения бронзового века юга Восточной Европы одному из авторов уже приходилось писать (Цимиданов, 2012).

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

СЭ – Советская этнография.

ЭО – Этнографическое обозрение.

Список литературы

1. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII- IV веков до н.э. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.
2. Антонова Е.В. О символизации жилища // Текст. Контекст. Подтекст. Сборник статей в честь М.Н. Погребовой. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 34-57.
3. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 189 с.
4. Бородовский А.П., Глушков И.Г. Экспериментальное исследование погребальной обрядности // Экспериментальная археология. Известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. Вып. I. Тобольск: ТГПИ, 1991. С. 15-22.
5. Бровендер Ю.М. Поселение срубной культуры у с. Лиман в Северско-Донецком Левобережье // Древние культуры Подонцовья. Вып. 1. Луганск, 1993. С. 148-174.
6. Буров Г.М. Исследования в Ульяновском Поволжье // АО-1971. М.: Наука, 1972. С. 200-201.
7. Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1991. 98 с.
8. Васильев И.Б. Лузановский курганный могильник // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 5-43.
9. Васильева Г.П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 182-195.
10. Віхрова Т.В. Житло та господарчі споруди // Традиційно-побутова культура Луганщини кінця XIX – початку XX століття / Краєзнавчі записки. Вип. VI. Луганськ: Прес-експрес, 2013. С. 203-221.
11. Горбенко К.В. Исследования укрепленного поселения «Дикий Сад» в 2006 г. // Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. Вип. 9. Київ; Запоріжжя: Дике поле, 2007. С. 139-144.
12. Горбенко К.В. Предварительные итоги археологических исследований укрепленного поселения эпохи поздней бронзы Дикий Сад // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 384-390.
13. Горбенко К.В., Гребенников Ю.С., Панковський В.Б. Розкопки укріпленого поселення «Дикий Сад» у 2004 р. // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. Вип. 7. Київ: ІА НАНУ, 2005. С. 100-104.
14. Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Дема // СА. 1977. № 1. С. 149-161.
15. Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев, 1989. 135 с.
16. Граков, Б.Н., Тереножкин, А.И. Субботовское городище (Раскопки 1955 г.) // СА. 1958. №2. С.164-178.
17. Дергачев В. Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова // Revista Arheologică. Serie nouă. Vol. VIII, nr. 1-2. Chişinău, 2012. С. 154-160.
18. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 197 с.
19. Іллінська В.А., Ковпаненко Г.Т., Петровська Є.О. Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомайки // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. IX. Київ: Вид-во АН УРСР, 1960. С. 127-140.
20. Ильюков Л.С. Бронзовый браслет из Нижнего Подонья // Археологические записки. Вып. 7. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2011. С. 98-100.
21. Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 526 с.
22. Каландаров Т.С. Магия в семейно-бытовой обрядности шугнанцев // ЭО. 2001. № 1. С. 39-53.
23. Кольцова Т.М. Иконография преподобного Варлаама Важского // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 111-119.
24. Корнюшин Г.И. Курганы эпохи бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 78-85.

25. Кравченко Е. Кизил-кобинська культура у західному Криму. Київ; Луцьк: ІА НАН України, 2011. 272 с.
26. Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Нестандартный раннесрубный курганный комплекс юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара, 1999. С. 59-92.
27. Кузнецова Л.В., Седова М.С. Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. 1991. № 3. С. 161-178.
28. Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
29. Купцова Л.В., Файзуллин И.А. Родниковое поселение позднего бронзового века в западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 70-100.
30. Куштан Д.П. Проблема культурної атрибуції Чикалівського поселення доби пізньої бронзи // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 5. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2006. С. 259-272.
31. Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов: Научная книга, 2003. С. 157-219.
32. Марина З.П., Ромашко В.А., Северин А.Б. Курганы эпохи бронзы у с. Богдановка в Присамарье // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровськ: ДДУ, 1995. С. 35-63.
33. Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 1954. № 42. С. 39-156.
34. Мимоход Р.А. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С. 86-93.
35. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.
36. Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Турецкий М.А. Археологические материалы Боголюбовского курганного могильника // Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С. 8-102.
37. Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 99-125.
38. Моруженко А.А., Зарайская Н.П., Кравец Д.П., Литвиненко Р.А., Евглевский А.В., Шепко Л.Г. Отчет об археологических исследованиях курганов в Донецкой области в 1989 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 1989/52.
39. Николаева Д.А. Реконструкция обрядов перехода архаической культуры бурят Предбайкалья // Известия Алтайского государственного университета. № 4(68). Т. 1. История. Политология. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. С. 183-190.
40. Обыденнов М.Ф. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Вторая половина II тысячелетия до н.э. Саратов, 1991. 208 с.
41. Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбик: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа, 2001. 159 с.
42. Октябрьская И.В. Джумалинский ключ: современная практика почитания священных источников на Алтае (по полевым материалам 2012 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2012. С. 386-389.
43. Парусимов И.Н. Раскопки курганов у хутора Крылов // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып. 20. Азов, 2004. С. 44-55.
44. Погребова М.Н. История Восточного Закавказья: вторая половина II – начало I тыс. до н.э.: (по археологическим данным). М.: Восточная литература, 2011. 422 с.
45. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 5(17). Горно-Алтайск, 2013а. С. 23-44.
46. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы) // Теория и практика археологических исследований. № 1(7). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013б. С. 33-48.

47. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Колодцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014а. С. 283-293.
48. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Очаги и кострища на поселениях эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири как ритуальные объекты // Археологияның шыңына шыққан: К.А. Ақышевтың туғанына 90 жыл толуына арналған «Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер» атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы. Алматы, 2014б. С. 101-115.
49. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. № 2(10). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014в. С. 31-56.
50. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Углы жилищ как медиативные локусы (Поселения эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири) // «Археология және этнологиядағы мәдениеттер сабақтастығы мәселесі» атты «VI Оразбаев окулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. Алматы: Қазақ университеті, 2014г. С. 87-94.
51. Потапов В.В. Жилища поселения Вареновка III // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С. 23-26.
52. Потапов В.В. Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка III в Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2002. С. 70-94.
53. Привалова О.Я. Раннесрубный могильник Малый Кут в Северном Приазовье // Археологический альманах. № 10. Донецк, 2001. С. 145-154.
54. Пробейголова А.С., Красильников К.И. Результаты исследований поселений конца эпохи бронзы на территории Луганской области в 2010 г. // Археологічні відкриття на сході України в 2010 р. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2010. С. 31-37.
55. Рослякова Н.В. Результаты изучения остеологической коллекции из раскопок Боголюбовского могильника // Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С. 159-165.
56. Рябкова Т.В. К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини // Археологический альманах. № 21. Донецк, 2010. С. 178-188.
57. Салий Н.Г. Могильники срубной культуры в междуречье Днепра и Молочной (по материалам Запорожской экспедиции) // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 82-94.
58. Сальников К.В. Южно-Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. 1952. Вып. XLV. С. 48-61.
59. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
60. Седловская А., Трайде Б. Украшения // Материальная культура / Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. М.: Наука, 1989. С. 196-200.
61. Скарбовенко В.А. Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 5-26.
62. Смирнов К.Ф. «Быковские курганы» // МИА. 1960. № 78. С. 168-268.
63. Соломатина С.Н. К реконструкции пространственно-временной структуры традиционного мировосприятия тувинцев // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 89-97.
64. Стоколос В.С., Стоколос Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. № 2. Челябинск, 2004. С. 237-256.
65. Сымонович Э.А. Ингульский клад // СА. 1966. № 1. С. 127-142.
66. Тахо-Годи А.А. Акарнан // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 27.
67. Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961. 248 с.
68. Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода // СА. 1965. № 1. С. 63-85.
69. Тимошевский Г.И. Православные храмы в Мариуполе // Мариуполь и его окрестности. Мариуполь: Типо-Литография А.А. Франтова, 1892. С. 114-138.
70. Тохтабаева Ш.Ж. Семантика казахских украшений // СЭ. 1991. № 1. С. 90-102.

71. Тянина Е.А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. Вып. 17. СПб.: «Дмитрий Булавин», 2011. С. 159-168.
72. Усачук А.Н., Подобед В.А., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка // Донецкий археологический сборник. 2009-2010. № 13/14. Донецк, 2010. С. 185-202.
73. Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС) // КСИИМК. 1953. Вып. L. С. 31-42.
74. Хохлов А.А. Результаты антропологических исследований // Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С. 120-130.
75. Цеханская К.В. Икона в жизни русского народа. М.: Православный паломник, 1998. 319 с.
76. Цимиданов В.В. Украшения в погребальном обряде срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // Археологический альманах. № 14. Донецк, 2004а. С. 260-291.
77. Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004б. 204 с.
78. Цимиданов В.В. Срубная культурно-историческая общность: мужчины и женщины // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 5. Луганськ: Вид-во ім. В. Даля, 2006. С. 193-214.
79. Цимиданов В.В. Сны и происхождение некоторых представлений о потустороннем мире // Літопис Донбасу. № 19. Донецк, 2011. С. 10-35.
80. Цимиданов В.В. «Богиня-черепаха» в культурах юга Восточной Европы эпохи поздней бронзы // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2012. С. 371-376.
81. Цимиданов В.В. «Ограбленные» погребения белозерской культуры // Revista Arheologică. Serie nouă. Vol. X, nr. 1-2. Chişinău, 2014. С. 31-47.
82. Шарафутдинова И.М. Поселения эпохи поздней бронзы поблизу Кременчука // Археологія. 1964. Т. XVII. С. 153-169.
83. Шарафутдинова Э.С. Памятники предкифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. Вып. В1-11. Л.: Наука, 1980. 128 с.
84. Gerškovič J. P. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres / Archäologie in Eurasien. Bd. 7. Leidorf: Verlag Marie Leidorf GmbH, 1999. 157 s.

УДК 930.26

С.С. Симонов, А.А. Клюкойть, К.О. Надов, Р.В. Смольянинов

Керамика абашевской культуры с поселения Карамышево 7 на Верхнем Дону

Аннотация. В данной статье рассматриваются керамическая коллекция с поселения Карамышево 7 в с. Карамышево Грязинского района Липецкой области. Памятник расположен на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж (левый приток р. Дон) высотой 3-5 м. Всего выявлено 263 фрагмента керамики доно-волжской абашевской культуры эпохи бронзы, датируемые I половиной II тыс. до н.э.

Ключевые слова: абашевская культура, керамическая коллекция, эпоха бронзы.

Abstract. This article discusses the ceramic collection from the settlement Karamyshevo 7 in the village Karamyshevo located in Griazinsky district of Lipetsk Region. The monument is located on a promontory of the first terrace above the floodplain of the left bank of the Voronezh River (a left tributary of the Don River) with a height of 3-5 meters. Total, there are 263 fragments of pottery of the Don-Volga Abashevskaya culture of the Bronze Age, dated the first half of the II Millennium BC.

Keywords: the Abashevo culture ceramic collection, the bronze age.

Первые находки с поселения были сделаны жителем с. Карамышево К.О. Надовым. В 2001 году оно исследовалось экспедицией ЛГПУ под руководством Р.В. Смольянинова (Смольянинов, 2002), в 2014 – А.А. Клюкойтем (Клюкойть, 2015), в 2015 – одним из авторов (Симонов, 2015). Па-

мятник расположен в Грязинском районе Липецкой области вс. Карамышево, на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж высотой 3-5 м. Он задернован, но в центральной части разрушается оползнями. Площадь его (0,63 га) определена по топографии местности и границам сбора подъемного материала (рис. 1: 1-2).

В 2015 году на памятнике была произведена зачистка обнажения берега шириной 2 м. Стратиграфия следующая: (рис. 1: 3): 0-0,05 м – дерн; 0,05-0,5 м – темно-серая супесь; 0,5-0,9 м – серый песок; материк – белый песок.

В зачистке был найден развал горшковидного сосуда коричневого цвета (рис. 1: 4) высотой 13 см, с отогнутым раструбовидным венчиком диаметром 20 см, а днища – 7,3 см. Тесто рыхлое с примесью песка и шамота. Основным элементом декора являются ряды нанесенных зубчатым штампом орнаментальных композиций, состоящих из заштрихованных ромбов, сквозных отверстий, горизонтальных линий в верхней и центральной частях и косых линий в нижней части сосуда.

Всего выявлено 263 фрагмента керамики абашевской культуры эпохи бронзы и 21 фрагмент нового времени (17-19 вв.). В предлагаемой публикации мы анализируем керамику только эпохи бронзы.

Венчики можно разделить на две основные категории:

- венчики от баночных сосудов: 21 фрагмент (рис. 2; 3). Из них четыре орнаментированы: сквозным проколом (рис. 2: 1), оттиском гребенки по обрезу венчика (рис. 2: 4), прочерченными линиями (рис. 2: 2), линией сплошной горизонтальной гребенки, окаймляющей по периметру край венчика под внешним воротничком (рис. 2: 3), у остальных орнамент отсутствует (рис. 2: 5-7; 3: 1-10).

- профилированные венчики: 26 экземпляров (рис. 4; 5). Из них только три орнаментированы: горизонтальными прочерченными линиями и насечками по краю (рис. 4: 1), мелкими насечками по краю (рис. 4: 11) и сквозным проколом. Все венчики отогнуты наружу в большей или меньшей степени (рис. 4; 5), один имеет отчетливо выделяющийся валик с внутренней стороны (рис. 5: 1). Также следует отметить шесть венчиков, которые в сравнении с остальным более тонкостенны и имеют более плотный состав теста (рис. 5: 5-7, 10). У одного из них поверхность хорошо заглажена, в качестве примеси использован песок и видимо, органика (рис. 5: 10). Еще один имеет Г-образное уплощение по краю (рис. 5: 9). Впрочем, других технологических отличий не замечено. Такое своеобразие может свидетельствовать и в пользу проявления индивидуальности мастера-изготовителя.

Днища также можно разделить на две категории:

- восемь днищ без закраины от плоскодонных сосудов (рис. 1: 4; 6: 1-3, 5-7, 10). Все они коричневого цвета снаружи, темно-серого и серого изнутри, без орнаментации. Поверхность сосудов снаружи хорошо заглажена, за исключением двух фрагментов (рис. 6: 7, 10);

- два днища с закраиной (рис. 6: 4, 9) отличаются красным цветом снаружи и изнутри, кроме того, на внешней стороне одного из них присутствуют крупные расчесы (рис. 6: 4).

Технологически обе категории представляют керамику с рыхлым тестом, примесью песка, крупного шамота и отличаются, как уже говорилось, цветом и способом обработки поверхности.

Стенок всего – 205 (рис. 6: 8, 11-13), у десяти из них присутствуют сквозные ремонтные отверстия (рис. 6: 11, 13), три орнаментированы прочерченными линиями (рис. 6: 8, 11), одна – наколами, выполненными вертикально поставленным орнаментом (рис. 6: 12). На многих фрагментах встречаются глубокие расчесы (рис. 6: 11, 13), но их можно считать технологическим признаком. Пятнадцать единиц из всей коллекции отличаются ярко красным цветом и наличием глубоких расчесов по поверхности. При этом всего восемь из них – от профилированных сосудов, но окрашены в красный цвет только две.

Технологически вся керамика с поселения достаточно однородна: отличается толстостенностью, рыхлым тестом, иногда грубым исполнением. Цвет от серого – до коричневого, за исключением вышеописанных фрагментов красного цвета, изнутри же он чаще всего серый. На многих фрагментах встречаются расчесы, местами достаточно глубокие. В качестве примеси использованы песок, иногда крупный шамот. У всех фрагментов отчетливо фиксируется большое количество пор, что указывает на использование в качестве примеси органики (травы или раковины), выгоревшей в процессе обжига.

Выделяется группа из 11 фрагментов керамики коричневого цвета, отличающейся от описанной несколько меньшей толщиной (до 0,5 см), достаточно плотным тестом, с примесью песка, имеющей слабую пористость и хорошо заглаженную поверхность. На некоторых фрагментах присутствуют расчесы. В целом можно сказать, что они принадлежат к той же, описанной выше керамической группе материалов, но при этом обладающей рядом особенностей, причина появления которых пока еще не установлена.

Также с памятника собраны 13 трудноопределимых обломков керамических изделий, которые в равной степени могут быть как частью рыболовных грузиков, так и обмазки.

На наш взгляд, рассмотренная коллекция соотносится с доно-волжской абашевской культурой (Пряхин А.Д., Халиков А.Х. 1987). Последующее изучение поселения Карамышево 7 даст возможность получить более четкое представление о культурно-хронологической принадлежности его древностей.

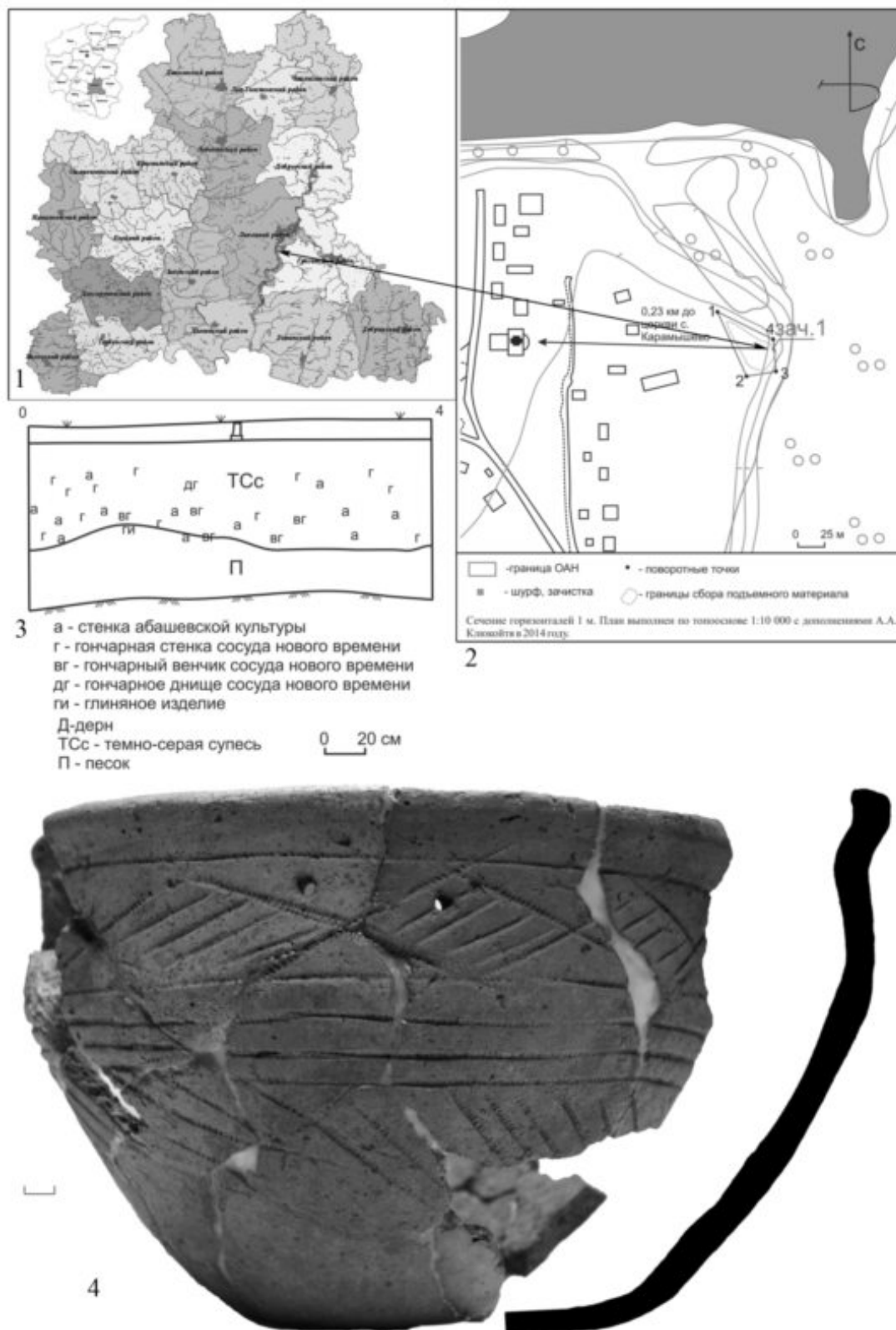

Рис. 1. 1 - местонахождение поселения Карамышево 7 на карте Липецкой области; 2 - генеральный план поселения Карамышево 7; 3 - профиль зачистки 1; 4 - горшок абашевской культуры эпохи бронзы.

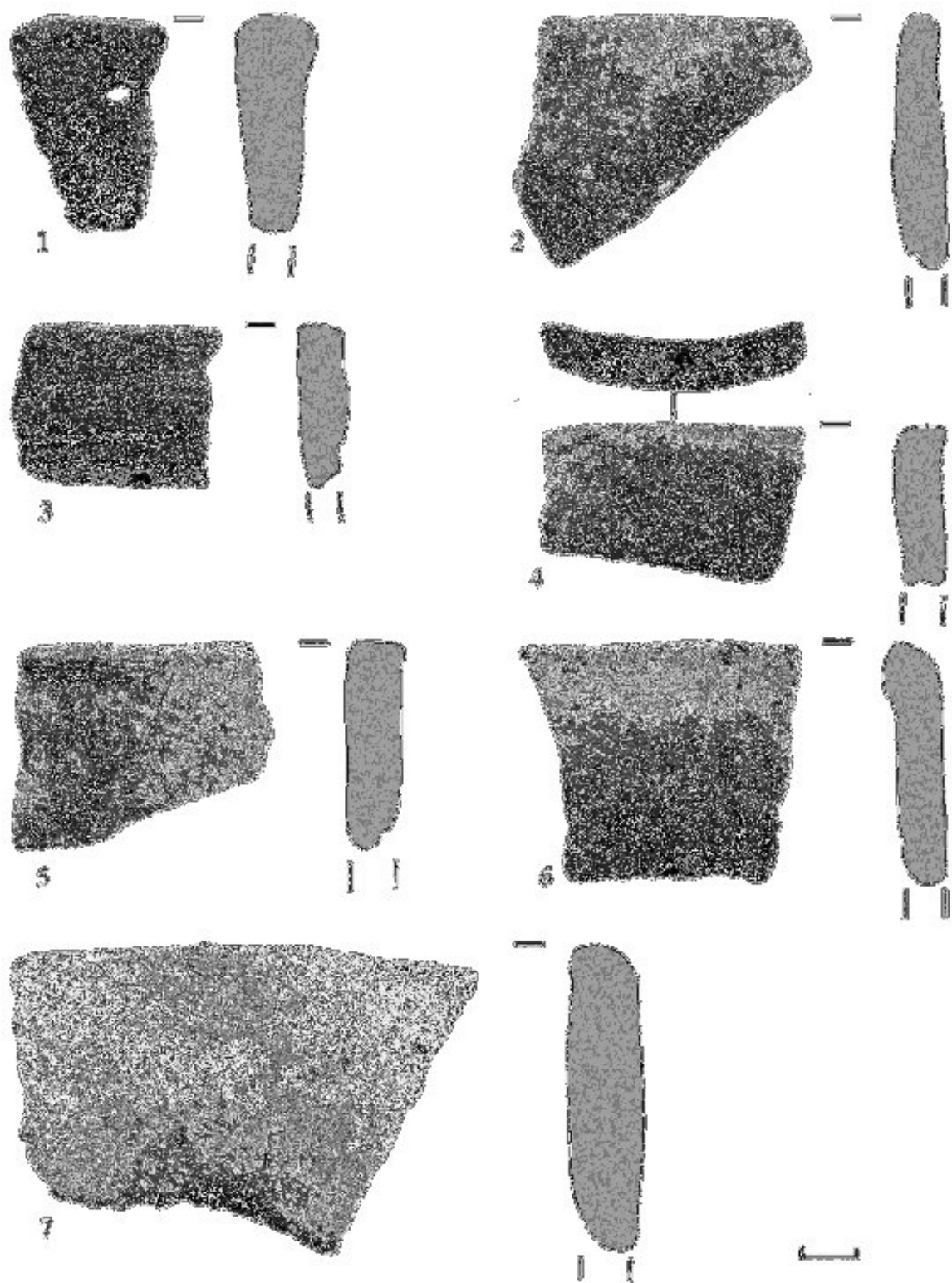

Рис. 2. 1-7 – керамика абашевской культуры с поселения Карамышево 7

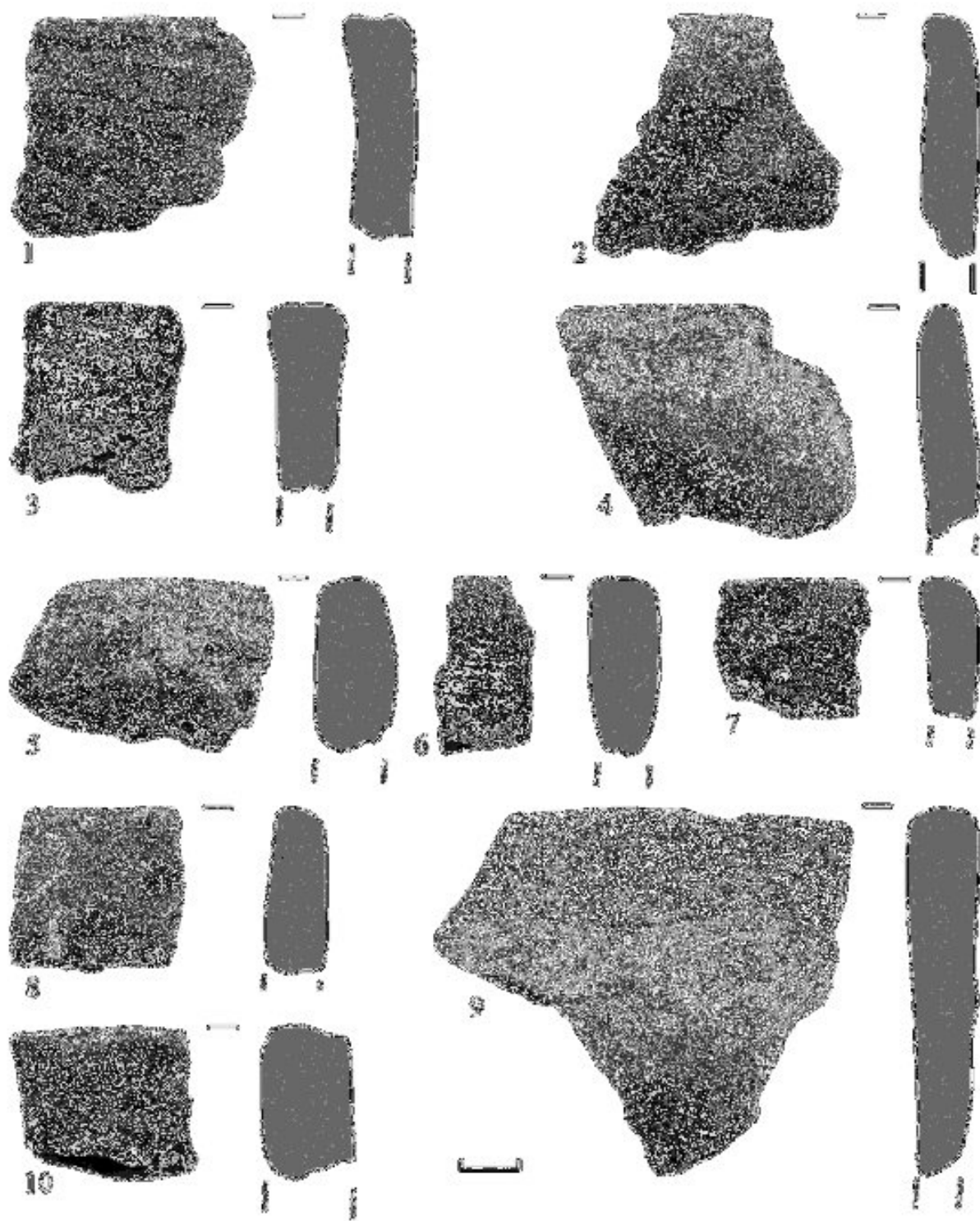

Рис. 3. 1-10 – керамика абашевской культуры с поселения Карамышево 7

Рис. 4. 1-11 – керамика абашевской культуры с поселения Карамышево 7

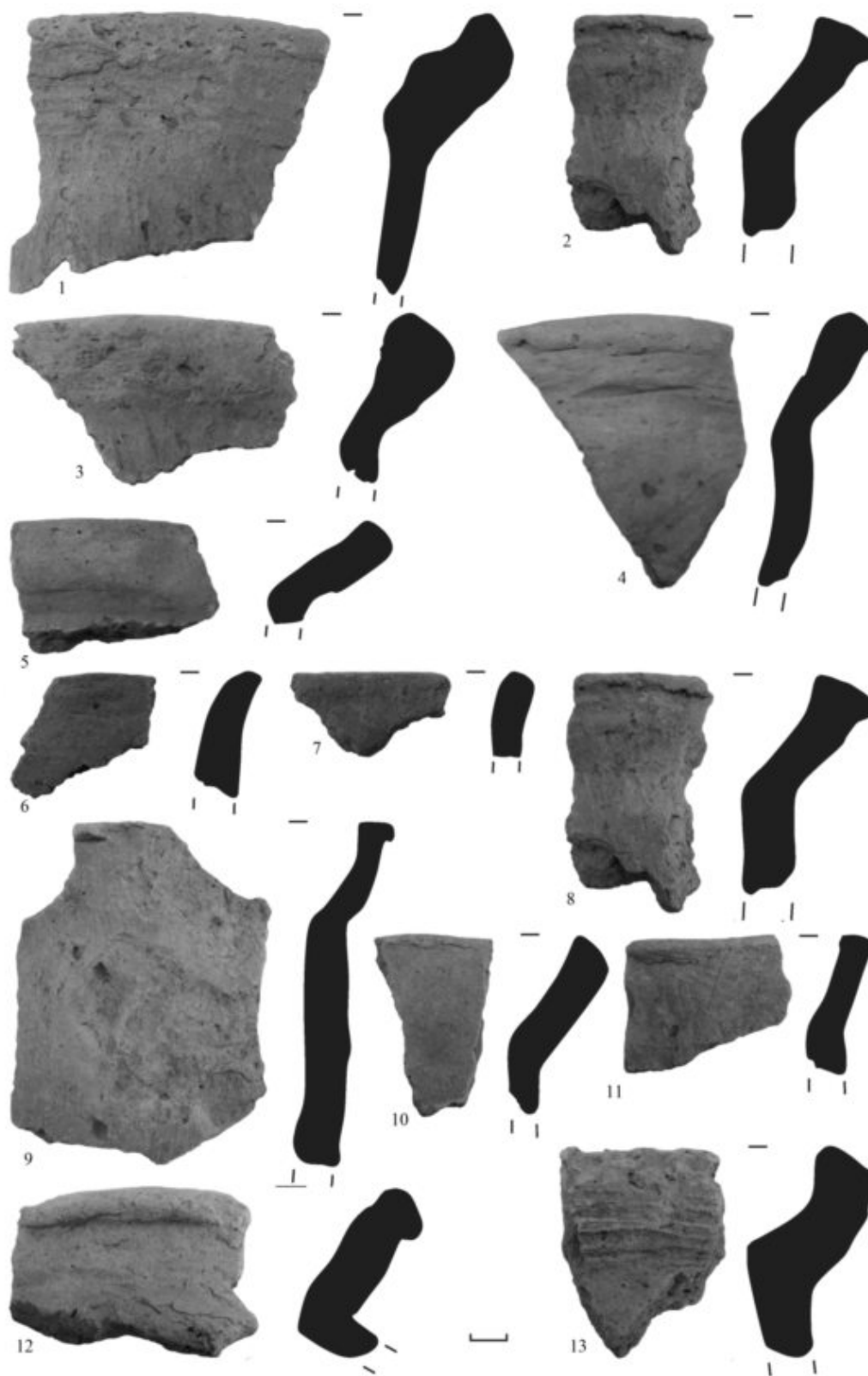

Рис. 5. 1-13 – керамика абашевской культуры с поселения Карамышево 7

Рис. 6. 1-13 – керамика абашевской культуры с поселения Карамышево 7

Список литературы и источников

1. Смольянинов Р.В. Отчет о разведочных исследованиях на левом берегу р.Воронеж в пределах Грязинского района Липецкой области в 2001 г. // ИА РАН. Р-1.
2. Ключойть А.А. Отчет о проведении разведочных работ в среднем течении р. Воронеж на территории Добровского, Грязинского и Липецкого районов Липецкой области в 2014 г. // ИА РАН. Р-1.
3. Симонов С.С. Отчет о проведении разведочных исследований в бассейне р. Воронеж на территории Добровского и Грязинского районов Липецкой области в 2015 г. // ИА РАН. Р-1.
4. Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987.

О культурно-хронологической принадлежности Иванобугорского могильника эпохи бронзы

Аннотация. В статье анализируются историография, погребения и находки Иванобугорского могильника на Левобережье Среднего Дона. Предлагается отказаться от отнесения серии вытянутых погребений могильника к иванобугорской культуре эпохи средней бронзы и вернуться к первоначальной их датировке как энеолитических.

Ключевые слова: курган, энеолит, эпоха ранней бронзы, ямная культура, погребение, керамика.

Abstract. The article examines the historiography, burial, and finds of Ivanobugorsky burial ground on the Middle don. The author believes that extended burials date from the *Chalcolithic*. The attribution of the burial to the middle bronze age is not true.

Key words: barrow, Chalcolithic, early bronze age, Yamna culture, burial, ceramics.

В 1981 году экспедицией под руководством А.Т. Синюка был исследован Иванобугорский могильник (Синюк, 1981), представленный одним курганом на узкой мысовой площадке склона высокого правого берега р. Битюг в Павловском районе Воронежской области. Всего в кургане выявлено 35 погребений разных эпох. Среди них исследовано 18 вытянутых захоронений, о датировке которых и пойдёт речь.

С течением времени взгляды А.Т. Синюка на эти и схожие материалы менялись, по мере новых открытий. В публикации Сасовских курганов (Синюк, 1983 б, с. 109) вытянутые погребения он относит к особой группе поздней стадии бытования древнеямных захоронений.

В статье 1984 года (Синюк, 1984, с. 118) автор вновь сопоставляет их с ямной культурой: «Исходя из суммы приведенных данных и придерживаясь существующей хронологии энеолита Восточной Европы, начало функционирования Иванобугорского могильника можно было бы соотнести с ранними стадиями древнеямной общности».

В книге 1985 года автор рассматривает Иванобугорский могильник в рамках репинской культуры: «Возможно, что грунтовые Дренихинский и Мосоловский могильники принадлежат репинской культуре первого хронологического этапа, а Иванобугорский — этой же культуре второго, позднего, этапа, с восприятием древнеямной традиции устройства курганной насыпи. Ко времени распада репинской культуры, испытавшей влияние и со стороны северного пережиточного неолита, и древнеямного, и катакомбного мира, могут быть отнесены вытянутые погребения третьей группы Иванобугорского могильника и упомянутые погребения Сасовских курганов» (Васильев, Синюк, 1985, с. 57).

В монографии 1996 года встречаем отнесение памятника к поздней репинской культуре, однако аналогичные вытянутые репинские погребения не приводятся: «Самыми поздними являются погребения подгруппы В, сопровождавшиеся сосудами с пережиточными репинскими чертами. Первые две подгруппы погребений на основании целого ряда сравнительных данных несут характерные признаки погребального обряда носителей репинской культуры: устройство грунтовых могильников, вытянутое положение умерших с ориентировкой в восточную половину круга горизонта; незначительная роль применения охры. Обрядовые же новации (устройство насыпей, кромлехов, сопровождение сосудами) следует рассматривать как следствие воздействия традиций древнеямной этнокультурной среды» (Синюк, 1996, с. 65).

В монографии по Мастищенским поселениям (Синюк, Березуцкий, 2001, с. 85) автор однозначно относит Иванобугорский могильник к одноимённой культуре эпохи средней бронзы.

К сожалению, научный отчёт по результатам раскопок этого памятника пока не доступен, поэтому данная работа основывается на публикации (Синюк, 1984). Иные публикации не дают никакой иной информации по содержанию памятника. Ниже рассмотрим основные вопросы атрибуции погребений кургана.

Принадлежность насыпи кургана. В статье (Синюк, 1984, с. 114) автор пишет, что вытянутые погребения имеют прямое отношение к курганной насыпи, подкрепив это мнение следующими фактами: 1) погребение 18 находилось в насыпи кургана; 2) погребения 5, 13, 25, 27, 28 и 30 были едва впущены в погребённую почву; 3) наблюдалась тенденция к радиальному размещению могил, особенно это заметно для самых ранних с восточной и юго-восточной ориентировкой (рис 1, 1).

Погребения поздней бронзы 2 и 15 располагались над вытянутыми погребениями и совершены в насыпи. Примерно на том же уровне, судя по нивелировкам, совершены и другие погребения

поздней бронзы. (1, 3, 4, 7, 11, 14, 33), кроме детского погребения 24, впущенного в материк более чем на метр. Правда, последнее располагается не в центре кургана. По-видимому, погребение 33 разрушило часть деревянной конструкции погр. 29, относимого автором к древнеямной традиции. Это позволяет утверждать малую вероятность принадлежности насыпи кургана одному из погребений поздней бронзы. То же касается и серии слабоскорченных (Синюк, 1984, с. 111) захоронений 17, 19 и 29, поскольку они найдены в насыпи и перекрывали вытянутые погребения. Это же исключает возведение насыпи в эпоху поздней бронзы. Таким образом, можно с высокой вероятностью утверждать, что вытянутые погребения являются самыми ранними в кургане и должны датироваться временем, предшествующем погребениям древнеямной традиции.

Стратиграфия кургана. В кургане имеется 4 связи погребений (рис 1, 3). Группа погребений 31, 30, 28, 29 находилась к югу от центра кургана. В ней установлена последовательность: самым ранним в связке и, возможно, в кургане являлось погребение 31 с ориентировкой на ВЮВ. Далее следует погребение 30 с восточной ориентировкой, которое перекрыто погребением 28, также как и захоронение 20. Последним совершено погребение 29 в деревянной конструкции, которую, как упоминалась, повредило погребение 33 эпохи поздней бронзы. Связка погребений 10 и 6 повторяет уже установленное предшествование юго-восточной ориентировки в могильнике. В самом центре кургана детское погребение 35 с северной ориентировкой перекрыто скорченным безынвентарным погребением 19 ямной культуры. Последняя связка: вытянутое погребение 22 перекрыто костяком 17, выше которых располагался комплекс иванобугорской культуры 34. В итоге курган оказался беспрецедентно насыщен хронологической информацией. Совершенно очевидно предшествование вытянутых комплексов всем остальным, в т.ч. безынвентарным погребениям, связываемым с ямной культурой эпохи ранней бронзы (рис 1, 2).

Датировка погребения №34. В указанной публикации А.Т. Синюк особенно выделяет «перезахоронение» № 34, представленное компактно лежащими диафизами (трубчатыми костями) взрослого человека. В тексте имеется разночтение: на стр. 116 оно обозначено номером 33. Указывается, что его следует отнести к третьей группе вытянутых погребений, сопровождаемых керамическими сосудами. Подробного описания нет, но упоминается, что он «при определённом своеобразии, несомненно, близок сосудам из выше рассмотренных погребений». Данный тезис может быть оспорен: 1) на данном сосуде использовалось три приёма орнаментации, вместо одного на сосудах из вытянутых погребений; 2) основной приём орнаментации на сосуде погребения 34 – ромбический штамп – не имеет ничего общего с отступающей лопаточкой других сосудов; 3) венчик сосуда утолщается, а у двух других – сужается к краю; 4) на сосуде из погр. 35 у дна использовался мелкогребенчатый штамп, при незатрунутом венчике.

Погребение 34 было совершено в насыпи на небольшой глубине, выше погребения 17, «принадлежащего не к самым ранним ямным памятникам» (Синюк, 1984, с. 116), и перекрывавшее, в свою очередь, вытянутое погребение 22. Соответственно, погребение занимало самое верхнее положение в стратиграфической колонке кургана. Никаких примеров подобного обряда «перезахоронения» среди группы вытянутых костяков нет. Таким образом, нет достаточных оснований утверждать связь между ранними вытянутыми и погребением 34.

Инвентарь вытянутых погребений. Погребения 5, 13, 25, 27, 28, 30, 31 не имеют следов охры, угля или мела, и лишь у костяка 31 у пояса находились 70 раковинных бус диаметром до 1,5 см, и 41 бусина до 0,7 см на запястье левой руки. Аналогичные перламутровые бусы в количестве 30 экз. сопровождали погр. 22. Такие бусы имеют аналогии в могильниках мариупольского и новоданиловского типа. В Нижнем Подонье круглые бусы из раковин встречаются только в энеолитических погребениях, например: грунтовый могильник Золотые Горки I, погр. 4 (Курганные..., 2014, с. 170), Новопалестинский II, курган 3, погребение 10 (Курганные..., 2014, с. 367).

Наиболее близким аналогом обряду и керамике из вытянутых захоронений является основное погребение 5 кургана 3 могильника Золотые Горки V на Нижнем Дону (Курганные..., 2014, с. 160). Ту же последовательность смены ориентировки демонстрирует курган 3 могильника Семёнкин на Левобережье Дона (Курганные..., 2014, с. 443), в инвентаре которого имеется близкий по морфологии сосуд с обильной раковинной примесью. Другие примеры похожей формы и орнаментации мы видим в погребениях койсугского типа из могильников: Лысый курган, Дюнное I и Койсуг (рис. 2). На Среднем Дону аналогичным по содержанию памятником является курган 7 Сасовского могильника, где при основном вытянутом погребении, такое же впускное перекрыто, по-видимому, позднейшим комплексом (Синюк, 1983 б, с. 104).

На памятнике иванобугорской культуры поселении Мастище 1 (Синюк, Березуцкий, 2001, с. 70) встречены два однозубых гарпуна (костяные острия), напоминающие предмет из погребения 35 Иванобугорского могильника. Изделия с поселения Мастище 1 имеют заметные отличия: маловыступающий «зуб», прямоугольная форма поперечного разреза, зуб для крепления, в то время как гарпун из погр. 35 имеет сильно выступающий «зуб», округлый профиль, конусовидный насад для крепле-

ния. Эти признаки сближают его с изделиями из ямного погребения 6 кургана 7 могильника Донской и погребения 6 кургана 1 могильника Хапры на Донском Правобережье.

На Среднем Дону есть и другие примеры безынвентарных вытянутых энеолитических погребений, датировка которых не оспаривается: Стоянка Копанище II, Дренихинский могильник, Павловский могильник, курган 11, Сасовские курганы, курган 7. Указанное погребение из Павловского могильника (Синюк, 1983 а, с. 14-16) содержало керамику с типичным для позднего энеолита орнаментом. На Нижнем Дону известно около 20 подкурганных и грунтовых энеолитических погребений, в то время как количество вытянутых костяков для других стадий эпохи палеометалла ничтожно малы. Такие захоронения имеют прямые аналогии в т. н. «постмариупольской» группе памятников Приазовья.

Таким образом, несмотря на наличие бесспорных свидетельств вытянутого положения костяков в погребениях иванобугорской культуры (Синюк, 1983 б, с. 108), гораздо более обоснованным выглядит отнесение вытянутых погребений Иванобугорского могильника к эпохе энеолита.

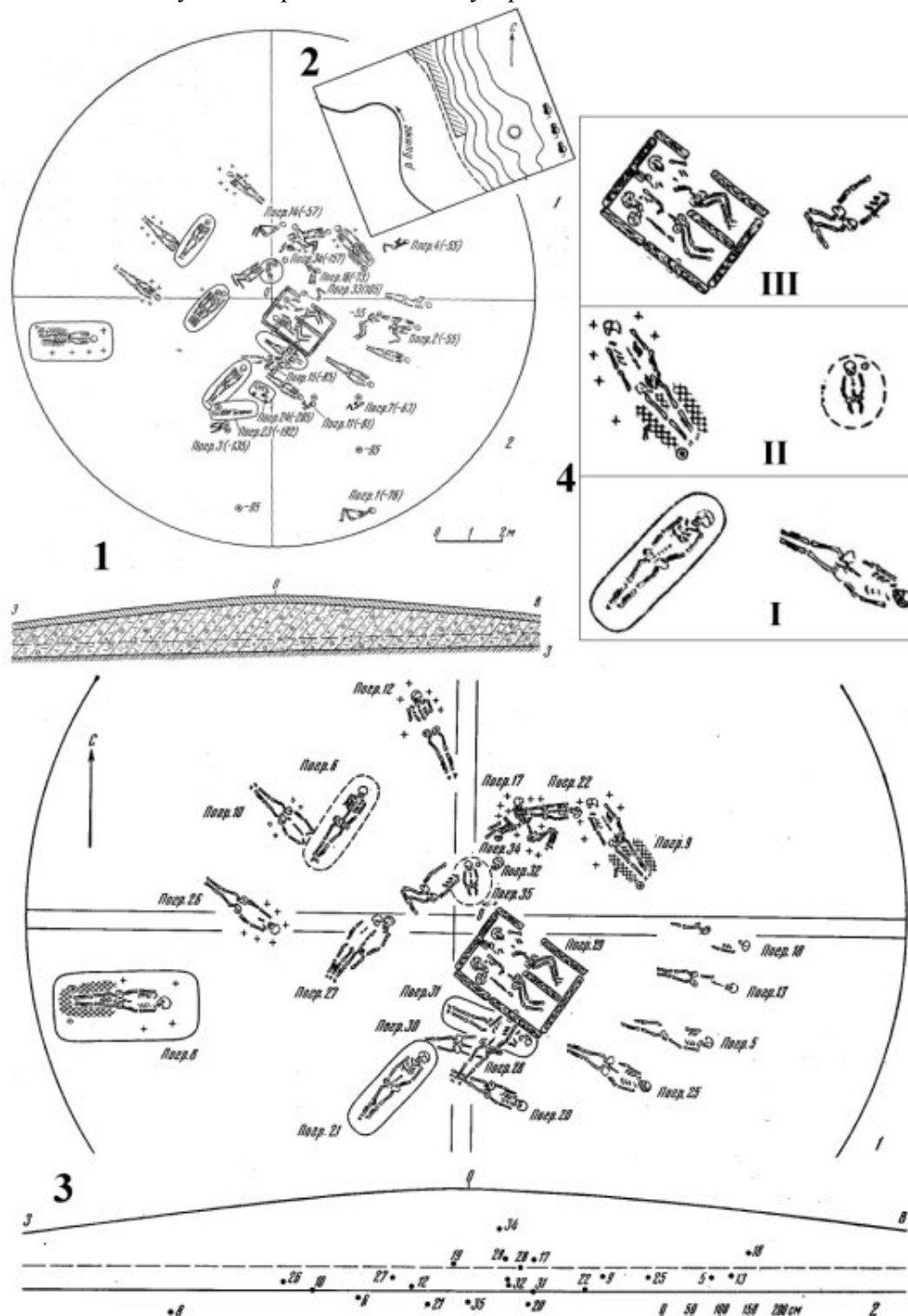

Рис. 1. 1 – Иванобугорский могильник, общий план кургана и разрез; 2 – план расположения насыпи кургана; 3 – план размещения ранних погребений кургана; 4 – схема стратиграфического соотношения погребений

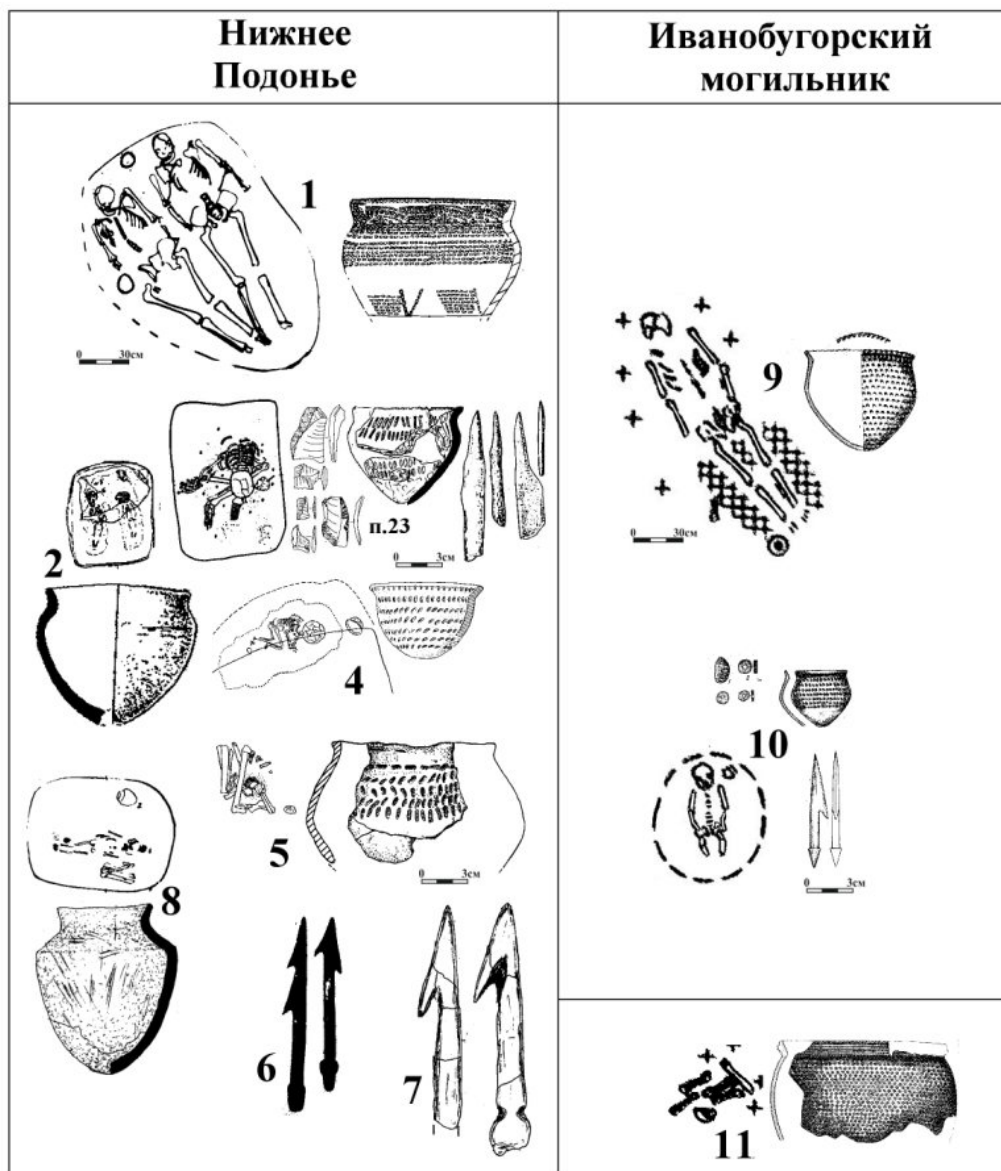

Рис. 2. 1 – Семёнкин; 2 – Золотые Горки V; 3- Койсуг, 4 – Багаевский курган; 5 – Дюнное I; 6 – Донской; 7 – Хапры; 8 – Сладковский, к. 26, п. 9; Иванобугорский м-к: 9 – погр. 9; 10 – погр. 35; 11 – погр. 34

Список литературы

1. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (учебное пособие к спецкурсу). – Куйбышев, 1985. 120 с.
2. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Сост. А.В. Файферт. – Ростов-на-Дону, 2014. – 500 с.
3. Синюк А. Т. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского пединститута на Левобережье Среднего Дона в 1981 году. – Архив ИА АН СССР; р – 1, № 8536, 8536а.
4. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). – Воронеж, 1983 (а).
5. Синюк А. Т. Сасовские курганы на реке Потудани // Древние памятники на территории Восточной Европы. – Воронеж, 1983 (б). – С. 91 – 111.
6. Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейна Среднего Дона) / СА, №3, 1984. С.103-121.
7. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Монография. – Воронеж: Издательство Воронежского педуниверситета, 1996. – 350 с.
8. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мастищенский комплекс древних памятников С 38 (Эпоха бронзы – ранний железный век). – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001. – 192 с.

Формирование населения покровского культурного типа эпохи бронзы в ареале Волго-Уралья¹

Аннотация. В работе рассматриваются краниологические материалы из погребений финала средней бронзы – начала поздней Волго-Уральского региона. Разноуровневый анализ показывает, что покровское население было неоднородным. Его основу составили потомки местных племен – тамаратских, позднеполтавских, криволукских. Однако, начало формирования покровского населения было положено влиянием синташтинских групп Южного Урала, а также лопатинских Предкавказья. Дополнительное влияние могли оказывать абашево-балановские группы Среднего Поволжья.

Ключевые слова: краниология носителей культур Волго-Уралья финала средней бронзы – начала поздней, покровский культурный тип, многомерный статистический анализ.

Abstract. The work deals with the craniological material from the burial of the final middle bronze age – early late the Volga-Ural region. Multilevel analysis shows that European population was heterogeneous. It was the descendants of the local tribes – tamaratskaya, latepoltavka, krivoluksky. However, the beginning of the formation of the intercession of the population began with the influence of Sintashta groups of the southern Urals, and Caucasus lopatin. An additional influence could have Abashevo-Balanovsky groups of the Middle Volga region.

Key words: craniology carriers of cultures of Volga-Ural final middle bronze – early late, Pokrovsky cultural type, multivariate statistical analysis.

Памятники покровского культурного типа, относимые к начальному этапу позднебронзового века, известны в обширном ареале степного и лесостепного пространства от Подонья до Приуралья.

В археологии существуют разные точки зрения на происхождение покровских/срубно-абашевских / раннесрубных культурных традиций, которым можно посвятить и это делалось неоднократно, специальный раздел. Можно в целом сказать, что доминируют идеи широко автохтонного развития, где базисом называются предшествующие покровским памятникам культуры – абашевская, полтавская, криволукская, потапово-синташтинская (Пряхин, 1980; Малов, 1991, 2001; Васильев, Кузьмина, Семёнова, 1985; Васильев, Семёнова, Кузнецов, 1994; Мимоход, 2009; Лопатин, 2010 и др.). При этом акцентировалось внимание на конкретных импульсах, предшествующих процессу формирования или сопутствующих ему – влияние абашевских групп Дона и Среднего Поволжья, потаповских групп Самарского Заволжья и Приуралья, лопатинской культуры Предкавказья. Имеются взгляды о большом влиянии на сложение срубных традиций Поволжья носителей культуры многоваликовой керамики / бабинской к-ры (Отрощенко, 2003; Литвиненко, 2004).

В антропологии мало кто, за исключением автора данной работы (Хохлов, 1998а, 2013а), специально рассматривал и анализировал скелетные материалы, полученные из погребений именно покровского культурного типа. Ранее такие материалы изучались в контексте их принадлежности срубной культуре. Нужно отметить, что черепа из покровских курганов Саратовской области, название которых легло в основу выделения самостоятельной культурной группы, впервые были изучены Г.Ф. Дебецем (Дебеч, 1936). По заключению этого исследователя население срубной культуры Поволжья (учитывались и материалы покровских курганов), в основе европеоидное, отличается, в первую очередь, долихокефалией и умеренной гиперморфией, более грацильное по сравнению с древнеянным, но все же генетически с ним связано (Дебеч, 1954). В дальнейшем общий ход рассуждений палеоантропологов по результатам анализа материалов срубной культуры был практически тот же, что и в археологии. Признавалась местная антропологическая основа (Герасимов, 1955, с. 472; Гинзбург, 1959; Фирштейн, 1967; Шевченко, 1984, 1986, 1993; Хохлов, 1998 и др.), часто в лице потомков хронологически предшествовавших широколицых или умеренно широколицых европеоидов, широко распространенных вариантов среди носителей культур энеолита –средней бронзы Восточной Европы. Одновременно и нередко указывалось на неоднородность некоторых локальных групп срубной культуры, в их составе выделялись другие морфологические варианты, в том числе так называемый «сре-

© Хохлов А.А., 2016

¹Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-11-63008.

диземноморский». К примеру, такой тип был обозначен Р.М. Юсуповым (Юсупов, 1989) на материалах Приуралья и высказано мнение о его южном происхождении, но юг этот автором не был очерчен.

Следует отметить наличие иных точек зрения на происхождение физического типа населения позднебронзового века степей Поволжья и Приуралья. В представлении А.В. Шевченко (Шевченко, 1993, с. 103), «срубники (имеются в виду и поволжские группы) во многом являются неотъемлемой частью круга культур шнуровых керамик и боевых топоров и уже только на этом основании вряд ли имеют чисто восточное, скажем, среднеазиатское или даже Волго-Уральское происхождение». То же направление связи обосновывал А.Г. Козинцев относительно алакульцев Западного Казахстана, синхронных восточных соседей срубным коллективам: «истoki этого сравнительно грацильного населения фиксируются в позднем неолите и раннем бронзовом веке Зарубежной Европы» (Козинцев, 2010, с.123). По мнению А.Ю. Худавердян (Худавердян, 2010 в, с. 256), происхождение степного восточно-европейского населения следует связывать с миграционными волнами закавказских групп.

Вернемся к самим покровцам. Волго-Уральские краниологические материалы, представляющие этот культурный тип, состоят из 87 черепов (53 мужских, 29 женских, четыре юношеско-подросткового возраста и один детский), происходят из 21 курганного могильника¹. В это число не входит серия грунтового некрополя Съезжее II, который по археологическим данным имеет черты как покровские, так и развитого этапа срубной культуры (Колев, 2003). К сожалению, мы имеем лишь отрывочные сведения об антропологических особенностях другого представительного грунтового могильника – Смеловского из Саратовской области (раскопки В.А. Лопатина, 1995-2000).

Проведен разноуровневый анализ этих материалов (Хохлов, 2013 а). В данном случае мы представим три локальные покровские группы согласно природной зональности Волго-Уралья: нижневолжскую степную, самаро-поволжскую, приуральскую. Они неравноценны по количеству имеющихся черепов и признаков. Каждая из них характеризуется долихокранной и высокосводной мозговой коробкой, мезоморфным, резкопрофилированным лицом, сильно выступающим носом (табл. 1).

Таблица 1 – Краниологические показатели суммарных покровских выборок Волго-Уралья

Признак	Мужские выборки			Женские выборки			
	1	2	2	4	4	5	6
Кальвариум				Е 25:15	9/1/2		
1.	190,2/6	188,6/35	189,5/10	183,0	191,0	182,5/24	184,0/1
8.	140,6/5	136,5/34	138,4/10	130,0	134,0	134,2/22	139,0/1
8/1.	74,1/5	72,8/34	73,8/8	-	70,2	73,6/22	75,5/1
17.	136,7/3	139,0/23	138,6/10	131,0	-	134,7/21	139,0/1
17/1.	73,1/3	73,8/23	-	-	-	73,8/21	75,5/1
17/8.	96,8/3	100,6/23	-	-	-	100,4/21	100,0/1
20.	116,0/1	116,9/34	121,0/3	-	120,0	114,2/23	115,0/1
9.	98,0/7	97,8/34	98,5/10	90,0	92,0	94,6/23	97,0/1
11.	130,0/1	122,7/34	-	-	112,0	119,3/23	116,0/1
43.	106,5/2	106,8/34	-	-	-	102,9/23	-
45.	136,0/5	132,2/31	136,7/10	128,0	127,0?	126,2/22	125,0/1
46.	-	94,6/28	-	-	-	91,8/20	-
48.	71,7/6	71,3/29	70,8/10	67,0	68,0	68,6/22	62,0/1
48/45.	52,8/5	54,0/27	51,8/10	-	21,0	54,4/22	-
51.	43,5/3	42,9/26	45,5/10	-	42,6	42,1/18	42,0/1
52.	31,3/6	32,3/27	32,8/10	29,0	32,2	33,3/19	32,0/1
52/51.	73,4/3	75,7/25	75,7/10	75,6	18,0	79,4/18	-
54.	24,3/6	24,4/30	24,7/10	22,0	21,5	23,7/22	29,0/1
55.	53,5/6	51,6/30	52,7/10	48,0	49,6	50,0/22	48,0/1
54/55.	45,5/6	47,2/28	-	-	43,3	47,8/21	-

¹ Материал был вычленен из существующей суммарной краниологической серии срубной культуры при консультациях специалистов бронзоведов Волго-Уралья – Н.М. Малова, П.Ф. Кузнецова, О.В. Кузьминой, О.Д. Мочалова, А.П. Семеновой, В.А. Лопатина. Автор работы глубоко признателен за оказанную помощь.

Признак	Мужские выборки			Женские выборки			
	1	2	2	4	4	5	6
sc.	9,1/2	8,7/31	8,6/10	-	8,9	8,5/20	12,2/1
ss.	5,0/2	4,8/31	4,7/10	-	4,5	4,7/20	5,0/1
ss/sc.	58,2/2	55,4/31	54,7/10	-	50,6	57,1/19	-
32.	79,0°/3	80,9°/32	81,5°/10	85,0°	85,0°	81,5°/22	90,0°/1
33(4).	118,0°/1	122,9°/15	-	-	-	120,8°/18	-
72.	86,7°/3	85,8°/29	87,2°/10	85,0°	90,0°	84,4°/21	88,0°/1
74.	79,0°/1	75,3°/28	85,7°/3	-	75,0°	71,6°/19	80,0°/1
75(1).	37,0°/4	31,7°/27	36,7°/10	30,0°	35,0°	30,1°/19	33,0°/1
77.	137,4°/3	134,3°/32	135,2°/10	-	-	136,5°/23	142,0°/1
zm.	127,1°/2	121,4°/29	125,1°/9	-	134,0°	122,0°/18	135,2°/1
Нижняя челюсть:							
65.	-	115,7/23	-	-	115,0	109,7/16	-
66.	113,0/1	100,1/26	-	-	95,0	90,3/16	-
69.	-	34,3/29	-	-	30,0	31,1/21	-
69(1).	37,0/1	32,4/29	-	-	31,0	30,5/18	-
C.	-	64,3°/24	-	-	65,0°	63,4°/20	-

Примечание: 1, 4 – нижеволжская степная (Е 25:15 – Старая Полтавка / Дебец, 1936; 9/1/2 – Буровка I / Хохлов, 2006; 2,5 – самаро-поволжская; 3,6 – приуральская (№6 – Старые Ябалаклы / Юсупов, Шевченко, 1991).

Можно отметить и некоторые тенденции в различиях. Среди наиболее представительных мужских выборок самаро-поволжская отличается сравнительно меньшим по горизонтальным сечениям мозговым отделом и при этом более высоким сводом, менее широким, и относительно более высоким, клиногнатным лицевым отделом, более высокими орбитами. Можно сказать, что этот набор черт, с учетом дополнительных специфических признаков близок средиземноморскому комплексу. В интерпретации, однако, торопиться не следует. Нужно к этому дополнить, что ни одна из выборок не является однородной.

В качестве демонстрации результатов нашего исследования мы избрали метод главных компонент многомерной статистики. Было проведено сравнение мужских покровских краниологических выборок с непосредственно предшествующими, в частности теми из них, которые относятся к культурам, археологически подразумевающимися причастными в качестве основы для формирования покровских традиций¹. Здесь не использованы данные по синхронным культурам отдаленных географически групп, таких как бабинская (культура многоваликовой керамики) Поднепровья, срубно-абашевская Дона², доандроновского времени Западной Сибири и т.д. Ввиду исторических реалий, не представляет интереса привлечение ближневосточных, азиатских и, тем более, северных восточно-европейских серий. Такая процедура уже неоднократно осуществлялась, часто показывала результат близости срубных краниологических комплексов к сериям в целом южноевропейского типа, распространенного в досрубное время достаточно широко географически, в том числе и в Волго-Уралье (Хохлов, 2000 а,б; Хохлов, Мимоход, 2008 и т.д.). Такие подходы приводили некоторых исследователей, как было отмечено выше, к мысли о существовании масштабных дальнедистанционных миграций, что на наш взгляд, является поверхностным взглядом на расогенетический процесс. Не отрицая вероятности влияния каких-либо иммигрантных групп, в том числе, средиземноморского происхождения, здесь мы анализируем вариант дрейфа генофондов внутри Волго-Уральского региона и пограничных территорий. Для сопоставления привлечены выборки черепов потаповско-синташтинского культурного круга, абашевские и балановские материалы, степных культурных групп – полтавкинской, тамаруткульской, криволукской и лолинской.

На основании силы нагрузок (табл. 2) был построен график по результатам двух первых главных компонент (рис. 1).

¹ Женские выборки антропологически менее дифференцированы, статистический анализ не приводит к какому-либо однозначным выводам.

² Срубно-абашевская серия Подонья не вошла в анализируемую группу по причине отсутствия с публикации (Батиева, 1999) некоторых нужных краниометрических данных.

Таблица 2 – Нагрузки на признаки главных компонент. Мужские и женские выборки покровского культурного типа начала поздней бронзы Поволжья и Приуралья

Признак	Мужские выборки			Женские выборки		
	ГК-I	ГК-II	ГК-III	ГК-I	ГК-II	ГК-III
1	0,696	0,594	0,017	0,244	0,173	-0,322
8	-0,591	0,455	0,156	0,478	-0,077	0,598
17	0,234	0,616	-0,399	-0,195	-0,428	0,261
9	0,050	0,546	0,649	0,927	0,057	0,148
45	-0,212	0,635	-0,531	0,726	-0,539	-0,092
48	0,799	-0,224	-0,096	0,228	-0,563	-0,384
55	0,769	0,182	0,278	0,662	-0,063	-0,318
54	0,320	0,582	-0,083	-0,532	-0,400	-0,490
51	0,642	-0,032	-0,125	0,917	-0,012	-0,206
52	0,501	0,107	0,335	0,832	-0,007	0,050
77	-0,732	0,357	-0,115	0,239	-0,533	0,654
Zm	-0,624	0,189	0,022	0,145	0,052	0,424
Sc	0,161	0,762	0,312	0,156	0,606	-0,282
Ss	0,258	0,430	-0,496	0,105	0,777	-0,200
32	-0,498	0,265	0,473	-0,697	-0,010	0,516
72	0,295	-0,207	0,429	0,270	0,676	0,604
75(1)	0,142	-0,157	-0,374	-0,030	0,782	-0,037
Charact, value :	4,303	3,141	2,013	4,692	3,320	2,451
Per cent	25,314	18,479	11,841	27,598	19,527	14,419

Примечание: жирным выделены признаки с максимальной нагрузкой.

На нем особняком расположились булановская, таушказинская, съезженская и криволукская группы. Первые три по характеристикам сравнительно брахикранные с умеренной горизонтальной профилировкой лица. Криволукская, напротив, гипердолихокранный, с резкой профилировкой. В центре графика сконцентрирован ряд серий, среди которых три покровские. Все они расположены в одном секторе, судя по нагрузкам на признаки, демонстрируют некую тенденцию к комплексу долихокранным, узко- и высоколицем, клиногнатному, лучше всего проявившемуся на примере петровской (раннеалакульской) группы. В этом круге можно отметить пары сближения: нижневолжская покровка – Балановский могильник; самарская покровка – Кривое Озеро Зауралья; приуральская покровка – Тамаруткульская группа. В каждой из обозначенных трех непокровских групп исследователями отмечалось присутствие южноевропейского морфологического варианта (Герасимов, 1955, с. 491-505; Акимов, 1963, с. 343; Рыкушина, 2003; Хохлов, 2013).

Дендрограмма, построенная с учетом всего комплекса сравниваемых признаков, также демонстрирует отхождение от некоего центрального кластера четырех выше названных выборок, особенно криволукской (рис. 2). В остальной части рисунка обращает на себя внимание кластер, в составе которого всепокровские выборки и тамаруткульская группа. Ближе к нему оказались выборки лопинская, позднеполтавская и Танаберген II, которые и на графике были близки покровским. Все эти выборки, как и покровские, по абсолютным характеристикам также долихокранны, имеют резко профилированное лицо.

Результаты обеих иллюстраций показывают, во-первых, неизменное сближение покровских мужских серий с тамаруткульской Южной Урала. Во-вторых, некоторое отхождение потаповских (Потаповка I, Утевка VI) и абашевской (Пепкинский курган) выборок – все лесостепной локализации.

Сформированные женские выборки покровского времени происходят из районов Самарского Заволжья. На дендрограмме, построенной с учетом всех сравниваемых признаков (табл. 2, рис. 3), эти выборки по расстоянию сравнительно близки. Причем статистически представительная выборка Спиридоновка II входит в один кластер вместе с Танаберген II, балановской и тамаруткульской. Рядом выборки – Съезжее II, полтавская и петровская.

Раздельный анализ покровских мужских и женских серий демонстрирует сравнительно близкие результаты. Морфологическая близость покровских выборок начала поздней бронзы с группами второй половины среднебронзового века тамаруткульской и позднеполтавской Волго-Уралья, подразумевает их генетическую преемственность. Нужно отметить, что в составе этих серий домини-

рует особый «южноевропеоидный степной» вариант, который, по мнению автора (Хохлов, 2013), сформировался в степной и лесостепной зоне Восточной Европы к концу среднебронзового века в результате периодических контактов в предшествующее время между майкопско-новосвободненскими и ямными группами. Этот тип в особом морфологическом проявлении, в частности, с гипердолихокранной мозговой коробкой и крупным лицевым отделом, был свойствен и криволукскому населению. На мой взгляд, именно потомки этих местных степных популяций финала средней бронзы составили антропологический фундамент для сложения покровского населения Волго-Уральского региона. Здесь следует повторно отметить, что непосредственно предшествующие покровцам выборки лесостепной части Волго-Уралья (Потаповка I, Утевка VI, Буланово) антропологически иные. Если в покровском населении они и оставили след, то, судя по имеющимся материалам, фенотипически незначительный. Нужно помнить еще одно обстоятельство. Это неоднородность покровского населения. В краниологических материалах покровских памятников Самарского Поволжья (Спиридоновка II, Рождествено I) автором было выделено два морфологических варианта. Один, долихокранный, высокосводный, южноевропеоидный – имеет аналогии среди материалов тамаруткульской, позднеполтавкинской, криволукской групп, но, правда, менее широколицый. В этой связи он сближается с краниологическим комплексом лолинцев Предкавказья. Другой, также долихокранный, с пониженным от порионов мозговым отделом, часто с миниатюрными носовыми косточками и особой структурной спецификой. Он, по-видимому, является продуктом европеоидно-уралоидных смешений, протекавших в синташтинско-потаповское время на территории Южного Урала (Хохлов, 2000, с. 319; Хохлов, Мимоход, 2008, с. 67). Этот второй вариант численно меньший. На примере могильника Спиридоновка II прослеживается центральная локализация погребенных с такими краниологическими характеристиками в отличие от тех, которые являлись носителями южноевропеоидного степного варианта. Примерно похожая ситуация в разной локализации могил в связи с антропологическим типом уложенных в них людей, была зафиксирована и для потаповско-синташтинских памятников (Хохлов, 2010).

Учитывая это, а также результаты многомерного анализа, продемонстрированные на рисунках, а именно близость синташтинских черепов (Танаберген II, Кривое Озеро) к покровским выборкам, можно предполагать, что формирование покровского населения, хотя и происходило на местной антропологической основе, было изначально связано с южно-уральским, в частности синташтинским импульсом.

Относительно краниологического «степного юноевропеоидного комплекса», варианты которого отмечены для местной антропологической подосновы (тамаруткуль, криволук, поздняя полтавка), следует дополнить, что он не оставался неизменным. Судя по результатам нашего анализа, в нижеволжской степи дополнительно проявляется возможность участия баланово-абашевского и лолинского населения. Об участии абашевцев в сложении населения срубной культуры Саратовской области говорил еще А.В. Шевченко (Шевченко, 1986, с. 194). Здесь, несомненно, следует учитывать сравнительно новые черепки из Липецкого кургана №2, отнесенные к абашевской культуре. По мнению А.А. Казарницкого (Казарницкий, 2012), их обладатели могут быть связаны отдаленным родством с абашевцами Чувашии, исходящих из их общей балановско-фатьяновской антропологической основы. В этом же вопросе также заслуживают внимания срубно-абашевцы междуречья Дона и Чира, выделяющиеся гипердолихокранией, высоким сводом, относительно высоким лицом. Единичные аналогии свойственному им краниологическому комплексу можно найти на разных материалах бронзового века Европы, но на групповом уровне, может быть, следует обратить внимание на криволукскую выборку.

Влияние носителей лолинской культуры Предкавказья на расогенез срубного населения, по крайней мере, в ареале Северо-Западного Прикаспия существенно (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 67; Казарницкий, 2010). Практически прямые аналогии лолинским черепам, тем из них, которые морфологически можно было бы сблизить со средиземноморским комплексом, находятся значительно выше по Волге (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 67), например, в сериях Лузановка, Студенцы I, Новосёлки.

Практически все перечисленные допокровские группы степей от Дона до Южного Приуралья, характеризовались в первую очередь, долихокранией и чаще мезоморфным в разных сочетаниях признаков лицевым отделом. Лишь в лесостепных районах (абашевцы Чувашии, потаповцы и булановцы Волго-Уралья) зафиксированы комплексы с более широким и иногда умеренно профилированным лицом, нередко мезо-брахиокранной мозговой коробкой.

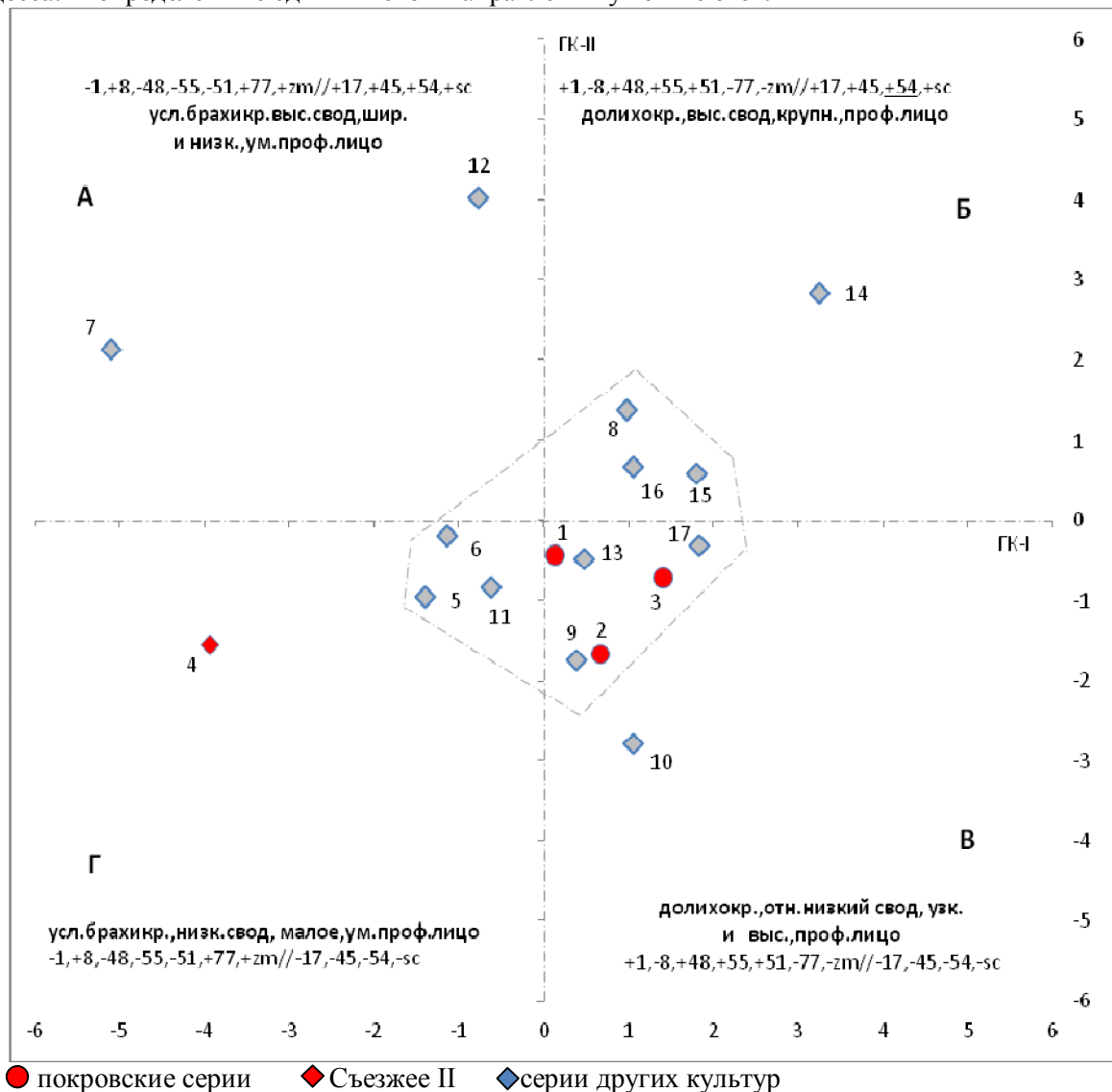
Исходя из сказанного, мы не видим большой нужды видеть в формировании физического облика покровского населения Волго-Уралья влияния мигрантов Закавказья или Европы (к западу от Днепра). В основе этого были, видимо, местные, довольно сложные расогенетические процессы, обусловленные вовлечением в контакт носителей разных степных и лесостепных культур широкого восточноевропейского ареала – от Предкавказья до Среднего Поволжья и от Западного Казахстана до Подонья.

Время и последовательность вовлечения пограничных групп волго-уральским популяциям в процесс местного расогенеза, однако, не совсем ясно. Пока можно говорить, что все они в большей

или меньшей степени, принимали в нем участие, обуславливая, в том числе, физическое своеобразие локальных общин.

Высказанные палеоантропологические наблюдения в общем контексте перекликаются культурогенетическими построениями. Однако, обладая несравнимо меньшим фактическим и к тому же более ограниченным в интерпретации источником, не дают возможности детально реконструировать картины морфогенеза, наподобие тому, как это предпринимается в современной археологии относительно развития материальных культур (Ткачев, 2007; Мимоход 2009; Лопатин, 2010 и др.).

Тем не менее накопление разнопрофильных исторических источников, в том числе палеогенетической информации, позволит углубленно подойти к пониманию динамики расогенетического процесса. И определенные сдвиги в этом направлении уже имеются.

1. Нижневолжская степная / покровский культ.тип.	10. Петровская к-ра, суммарно
2. Самарское Поволжье / покровский культ.тип.	11. Пепкинский курган /абашевская к-ра
3. Приуральская / покровский культ.тип.	12. Чуракаевка, Ольгаши, Абашево/ абашевская к-ра
4. Съезжее II /покр.и класс.срубн.тип.	13. Балановский могильник
5. Потаповка I/ потап.-синташт. культ.тип	14. Криволукский к.т.
6. Утевка VI / потап.-синташт. культ.тип	15. Лолинская к-ра
7. Буланово / синташт-турб.-сейм. культ.тип	16. Полтавка II
8. Танаберген II / синташт.к-ра	17. Тамаруткульский к.т.
9. Кривое Озеро / синташт.к-ра	

Рис. 1. Распределение мужских краниологических серий средней и поздней бронзы в пространстве ГК-I и ГК- II

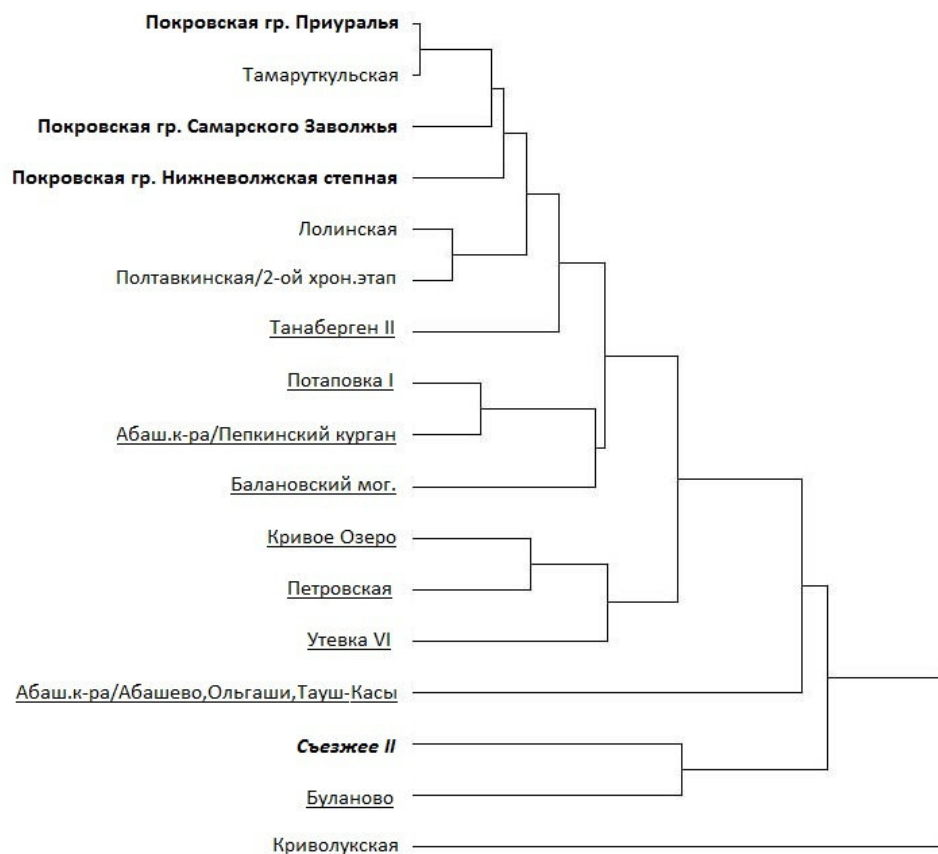

Рис. 2. Кластеризация мужских краниологических серий средней и поздней бронзы

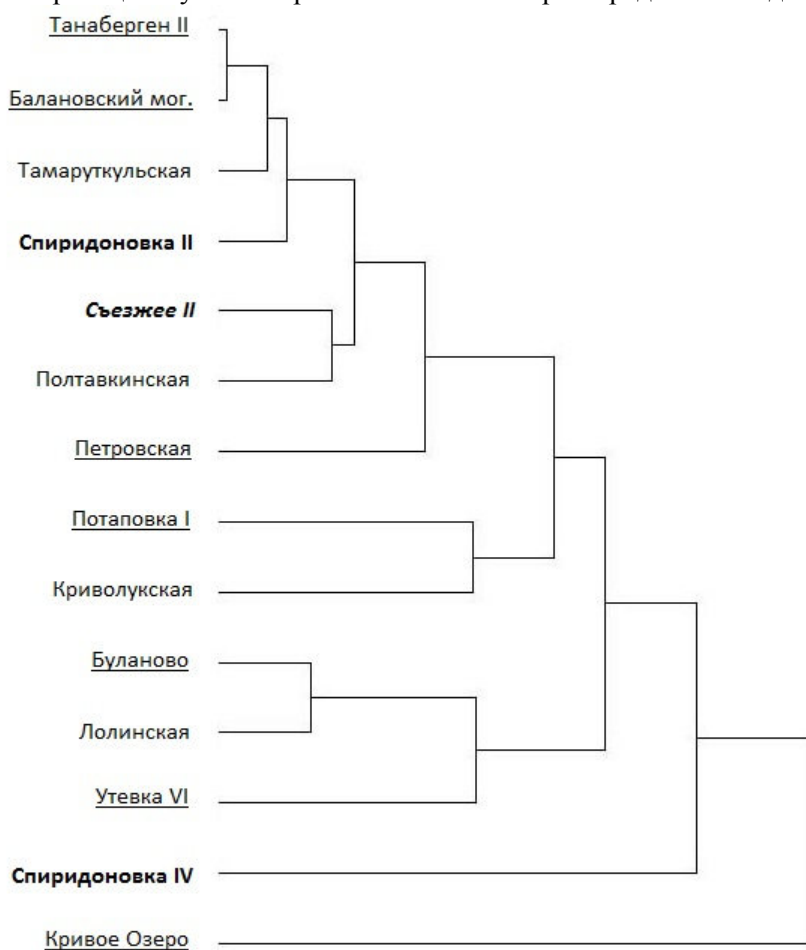

Рис. 3. Кластеризация женских краниологических серий средней и поздней бронзы

Список литературы

1. Акимова М.С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Бадер О.Н. Балановский могильник (из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М., 1963. С.322-362.
2. Батиева Е.Ф. Антропология срубно-абашевских погребений междуречья Дона и Чира // Вестник антропологии. Вып.6. М.: Старый Сад, 1999. 130-139.
3. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: СамГУ, 1994. 207 с.
4. Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семёнова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: КГПИ, 1985. С. 60-95.
5. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу // ТИЭ. НС. т. XXVIII. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 584с.
6. Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. №60. М., 1959. С.525-593.
7. Дебец Г.Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // АЖ. 1936. №1. С.65-80.
8. Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // МИА. 1954. №42. С.485-499.
9. Казарницкий А.А. Краниология лопатинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии, №1 (12), 2010. С. 132-140.
10. Казарницкий А.А. Новые краниологические материалы из Липецкого кургана №2 (к вопросу о формировании степного и лесостепного населения Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы) // Записки Института истории материальной культуры РАН №7, 2012 г. С. 74-88.
11. Козинцев А.Г. Происхождение андроновцев (по краниологическим данным) // Человек: Его биологическая и социальная история. Тр.междунар.конференции. Т.1. М., 2010. С.119-123.
12. Колев Ю.И. Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее II // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: СГПУ, 2003. С. 88-112.
13. Литвиненко Р.А. Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Волгоград, 2004. С. 102 - 108.
14. Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов: СГУ, 2010. 242 с.
15. Малов Н.М. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991. С. 50-53.
16. Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. международной научной конференции. Самара: СамГПУ, 2001. С.198-202.
17. Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. Материалы охранных археологических исследований. Т.10. М., 2009. - 290 с.
18. Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Вып.17. Воронеж: ВГУ, 2003. С.68-96.
19. Пряхин А.Д. Абашевская культурно-историческая общность и лесостепь // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980. С. 8-32.
20. Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С.345-360.
21. Ткачёв В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007. 383 с.
22. Фирштейн Б.В. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967. С. 100 – 139.
23. Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы: автореф. дис... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1998. 23 с.
24. Хохлов А.А. Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология; сб.научных статей. Ч.II. М.: Старый Сад, 2000а. С.217-242.
25. Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000 б. С.309-332.

26. Хохлов А.А., Мимоход Р.А. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестник антропологии. №16. М.: Проект-Ф, 2008. С.44-70.
27. Хохлов А.А. О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч.2. Челябинск: ЧелГУ, 2010. С.112-132.
28. Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита -бронзы: дис... докт. ист. наук: 03.03.02. М., 2013а. 631 с.
29. Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита -бронзы: автореф. дис... докт. ист. наук: 03.03.02. М., 2013б. 34 с.
30. Худавердян А.Ю. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях населения Армянского нагорья и Евразии в эпоху поздней бронзы // Известия самарского научного центра РАН. Т.12, №6. Самара: Самарский Научный Центр, 2010. С.252-257.
31. Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии: сб.научных статей. Ленинград, 1984. С.55-73.
32. Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР: сб.научных статей. Ленинград, 1986. С.121-215.
33. Шевченко А.В. Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительно-антропологическом освещении // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993. С.101-105.
34. Юсупов Р.М. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: сб.научных статей. Уфа, 1989. С.127-138.

УДК 902.1

Ю.А. Чекменёв

Хронология стратифицированных погребений срубной культуры района южной степи Среднего Дона

Аннотация. В последние годы интенсивные исследования В.Д. Березуцким курганов в южно-степном районе Среднего Дона способствовало накоплению стратифицированных комплексов срубной культуры. Были проанализированы керамические материалы из 93 стратифицированных срубных погребений 15 курганов.

Большая часть материалов относятся к первому этапу (XVI - XV вв. до н.э.) хронологической схемы срубной культуры разработанной А.Д. Пряхиным и Ю.П. Матвеевым. Проявление в керамике андроновских черт относится к второму этапу (вторая половина XV - начало XIV вв. до н.э.). В восьми случаях керамические сосуды имеющие пережиточные абашевские черты, в виде раковинной примеси и колоколовидности оформления венчика занимают более позднюю стратиграфическую позицию по отношению к погребениям с алакульскими материалами.

Это явление можно объяснить спецификой формирования местной срубной культуры в степных районах Среднего Дона. Посткатакомбное население бабинской культуры подверглось значительному воздействию носителей керамики покровского типа с территории Нижней Волги. Более позднее появление абашевской традиции в срубной керамике можно связать с миграциями с северной территории среднедонской лесостепи.

Ключевые слова: Средний Дон, южная степь, погребения, срубная культура

Abstract. In recent years intensive researches of mounds in the southern steppe region of the Middle Don by V. D. Berezutski led to accumulation of the stratified complexes of log building culture. Ceramic materials from 93 stratified log built burials of 15 mounds have been analysed.

The most part of materials belong to the first stage (the XVI-XV centuries BC) of the chronological scheme of the log building culture developed by A.D. Pryakhin and Yu.P. Matveev. Manifestation of andronov traits in ceramics belongs to the second stage (the second half of XV - the beginning of the 14th centuries BC). In eight cases the ceramic vessels having vestigial abashevsky lines in the form of shelly addition and a bell-shaped forming of a nimbus take later stratigraphic position in relation to burials with alakulsky materials.

This phenomenon can be explained by specifics of formation of local log building culture in steppe regions of the Central Don. The post-catacomb population of babinsky culture has undergone considerable influ-

ence of carriers of ceramics of the pokrovsk type in the territory of the Lower Volga. Later emergence of abashevsky tradition in log building ceramics can be connected with migrations from the northern territory of the Middle Don forest-steppe.

Keywords: The Middle Don, south steppe, burials, sрубnaya cultural.

Вопросы периодизации срубных древностей, несмотря на значительные успехи их разработки как для всей срубной культурно исторической общности, так и для отдельных территорий продолжают сохранять свою актуальность.

Анализ срубных материалов лесостепных районов Среднего Дона позволили А.Д. Пряхину и Ю.П. Матвееву создать достаточно детальную хронологическую схему. В 1988 году вышла монография А.Д. Пряхина и Ю.П. Матвеева «Курганы эпохи бронзы Побитюжья», где подробно рассматриваются погребальные памятники доно-волжской абашевской и донской лесостепной срубной археологических культур (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988). Авторами была предложена трехэтапная схема развития донской лесостепной срубной культуры (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 146). Первый этап частично синхронизируется с бережновским и ранним покровским горизонтами, второй с позднепокровским, а третий соответствует позднему этапу срубной культурно-исторической общности (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 147). В рамках данной периодизации памятникам срубной культуры предшествуют синхронические (срубно-абашевские) памятники (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 144).

Изучение материалов стратиграфических горизонтов кургана № 5 Первого Подгоренского могильника и Мосоловского поселения позволили Ю.П. Матвееву значительно уточнить ранее предложенную хронологическую схему срубной культуры (Матвеев Ю.П., 1991, с. 34-37). Для Мосоловского поселения выделяются три срубных хронологических горизонта синхронных раннему и развитому этапам донской лесостепной срубной культуры, а находки керамики доноволжской абашевской культуры в основании культурного слоя указывают на наличие еще одного, предшествующего срубному, хронологического горизонта (Пряхин А.Д., 1993, с. 91).

Большинство из 22 погребений кургана №5 могильника Подгорное-1 были распределены по пяти стратиграфическим горизонтам (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994). По мнению авторов, стратиграфическое распределение погребений подтверждает вывод о хронологическом следовании абашевских, абашевско-срубных и срубных комплексах (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994, с. 47).

К первому стратиграфическому горизонту отнесено основное погребение №17 представляющее собой обширную яму, перекрытую бревнами с остатками жертвенного животного на них, плохосохранившейся костяк позволил предположить положение погребенного на спине. В тесте фрагментов сосуда присутствовала толченая раковина. Приведенные выше признаки характерны для погребального обряда доно-волжской абашевской культуры, а форма и орнаментация горшка позволяет определить время его совершения наиболее поздним этапом ее бытования (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994, с. 39).

Второй стратиграфический горизонт связан с погребениями №11; 12; 16 совершенные в ямах с деревянными перекрытиями, в погребении №11 костяк располагался скорченно на левом боку с руками у лица, в позе характерной для срубной культуры. Сосуды имели незначительную примесь толченой раковины в тесте, в погребении №11 один из них был поставлен на перекрытие, что в совокупности позволило авторам увидеть в этом проявления абашевских традиций и определить их как абашево-срубные (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994, с. 38,39).

Третий горизонт представлен погребениями №12; 10 определяется авторами как наиболее ранний срубный. По мнению авторов, такая черта погребального обряда, как наличие деревянного перекрытия могильной ямы и расположение сосуда на нем, восходит к абашево-срубной (покровской) традиции (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994, с. 43).

Остальные два стратиграфических горизонта представлены погребениями срубной археологической культуры.

Раннему этапу Мосоловского поселения соответствуют третий и четвертый стратиграфический горизонты кургана №5 Подгоренского-1 могильника, керамика которого несет черты алакульской культуры – наличие поддона у горшков и схожие элементы орнамента. Аналогичные материалы представлены и на других поселениях Лесостепного Подонья Раздолненском, Первом Масловского, Менделеевском 1, Чижевском 4. Алакульский горизонт следует за раннесрубными материалами уже изжившими абашевские черты. Но малочисленность материалов может служить косвенным доказательством кратковременности этого этапа. Собственно срубные материалы формируются на следующем этапе. Переработка алакульской традиции местными срубными привела к формированию классических срубных древностей. Финальная датировка поздний этап Мосоловского поселения определяться предсабашиновским этапом - XIV - XIII в. до н.э. с возможным выходом в XII в. до н.э. (Пряхин А.Д., 1993, с. 91).

Если принять за основу результаты исследований названных памятников, то периодизация памятников срубной культуры Лесостепного Подонья приобретает достаточно разработанный вид. И представляет собой детально разработанную схему: первый этап - вторая половина XVI - XV вв. до н.э.; горизонт

керамики с алакульскими чертами XV - начало XIV вв. до н.э.; второй этап XIV в. до н.э., с двумя горизонтами развитым мосоловским (вторая половина XIV в. д.н.э.) и поздним мосоловским (первая половина XIV в. д.н.э.); третий этап XIII - XII вв. до н.э.

В последние годы интенсивные исследования курганов в южно-степном районе Среднего Дона способствовало накоплению стратифицированных комплексов срубной культуры. Для анализа были взяты керамические материалы 93 стратифицированных срубных погребений из 15 курганов и синхронизировали их с хронологической схемой донской лесостепной срубной культуры (рис. 1).

Большая часть материалов находит прямое соответствие с разработанной схемой и в большинстве своем относится к первому этапу срубной культуры. В.Д. Березуцкий определяет хронологическую позицию Дубравского II могильника в рамках схемы предложенной А.Д. Пряхиным и Ю.П. Матвеевым концом первого – началом второго этапа в развитии донской лесостепной срубной культуры и датируют серединой – второй половиной XV и до начала XIV вв. до н.э. (Березуцкий В.Д. 2015, с. 97) (рис. 1, 2). В 12 погребениях встречены сосуды с андроновским (алакульским) орнаментом, которые могут быть датированы XV – началом XIV вв. до н.э., это погребения курганных могильников Пасековский 2/6; Пески 2/1, 2/5; Острая могила п1, п2; Первый Богучарский 3/8, 4/1; Дубрава II 2/3, 2/11, 2/13, 2/15; Монастырщина 3/3 (рис. 2) (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985; Аринчина Т.Ю., 1988; Бойков А.А., 1989, Березуцкий В.Д., Золотарев П.М., Кравец В.В., Новиков Н.Л., 2012; Березуцкий В.Д., 2015). К развитому этапу, преимущественно к более раннему его пласту, относится достаточно устойчивое проявление в керамике андроновских черт. Полученные с территории лесостепного Подонья свидетельства согласуются с данными с территории Украины (Березанская С.С., Гершкович Я.П., 1983).

В ряде случаев керамические сосуды имеющие пережиточные абашевские черты, как в виде раковинной примеси, так и в колоколовидности оформления венчика занимают более позднюю стратиграфическую позицию по отношению к погребениям с алакульскими материалами: Пески 2/2 (рис. 5); Первый Богучарский 1/3 (рис. 4), 3/7 (рис. 5), 3/11 (рис. 5), 3/13 (рис. 5); Дубрава II 2/6 (рис. 3), 2/7 (рис. 3), 2/11 (рис. 3), что вступает в очевидное противоречие с хронологической схемой разработанной А.Д. Пряхиным и Ю.П. Матвеевым. Если для лесостепных территорий абашевские черты в керамике практически полностью изживаются к моменту появления алакульских черт в керамике, то в степи они сохраняются значительно дольше. Это явление можно объяснить спецификой формирования местной срубной культуры на которые обратил внимание В.Д. Березуцкий связывая появление абашевской традиции с миграцией из лесостепи носителей керамики покровского типа, (Березуцкий В.Д. 2015, с. 91-92). Если в среднедонской лесостепи базовой культурой в этногенезе срубной выступает доно-волжская абашевская, то в степных районах Среднего Дона автохтонное посткатакомбное население бабинской культуры подверглось значительному воздействию в результате миграции носителей керамики покровского типа с территории Нижней Волги, уже находящихся в завершающей стадии эволюционного развития в срубную культуру. На эту специфику формирования срубной культуры в среднедонской степи ранее неоднократно указывал А.Т. Синюк (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 90-92; Синюк А.Т., 1996, с. 234-236).

Скорее всего, по мере накопления стратифицированных материалов будут выявляться локальные особенности в хронологических схемах срубной культуры.

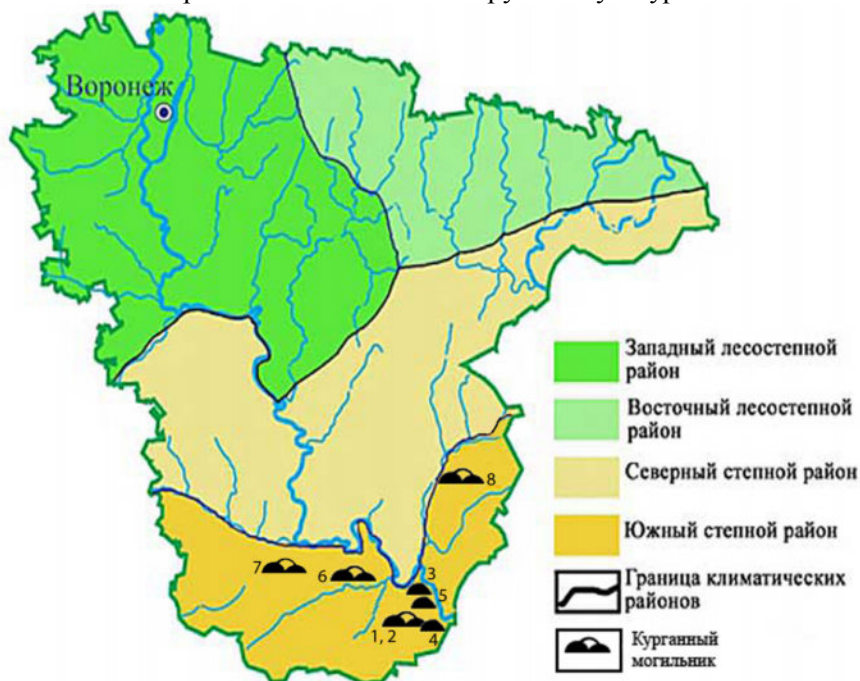

Рис. 1. Карта расположения курганных могильников со стратифицированными погребениями срубной культуры в южном степном районе Среднего Дона. 1 – Дубрава I; 2 – Дубрава II; 3 – Острая Могила; 4 – Красногоровский; 5 – Монастырщина; 6 – Первый Богучарский; 7 – Пасековский; 8 – Песковский

Могильник	Курган	XVII	XVI	XV	XIV	XIII	XII	XI	X	Автор, год публикации
			Синкретический	I этап	II этап	III этап				Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. 1988
Мосоловское	пос.			Ранний	Алювиальные материалы Средний Поздний					Пряхин А.Д. 1993
Подгоренский	5		1 гор	2 гор	3 гор	4 гор	5 гор			Пряхин А.Д., Матвеев Ю.Д. 1994
Дубрава I	2				1-2	3 4				Березуцкий В.Д., Золотарев П.М., Кравец В.В., Новиков Н.Л. 2012
	3				4	1 2 3				
Дубрава II	1				2 7-6 8 3 4 9 10					Березуцкий В.Д. 2015
	2				3 16 15 4 17 18 11 12 10 16 13 14 17 15 20					
	3		1 2 6-3 4 5	7						
Острая Могила					1 2 3					Бойко А.А., 1989
Красногоровский					4 1 8-5 2 6 3 7					Березуцкий В.Д., Золотарев П.М., Кравец В.В., Новиков Н.Л. 2012
Монастырщина	3				2-3					
Первый Богучарский	1				6 1 2-5 3					Синюк А.Т., 1996
	2				9 — 1-2-7-6-8 — 5					
	3				10-1 9-8 2 6 4 12-7 11-3 13					
	4				1 2 5 3 6 7 9					
Пасековский	2				4 3 6-5 2 7					Синюк А.Т., Погорелов В.И. 1985
Песковский	2	3 —	1-6 8 5	2 4 9						Аринчина Т.Ю. 1988

Рис. 2. Стратиграфическое и хронологическое соотношение погребений срубной культуры

XVI

XV

XIV

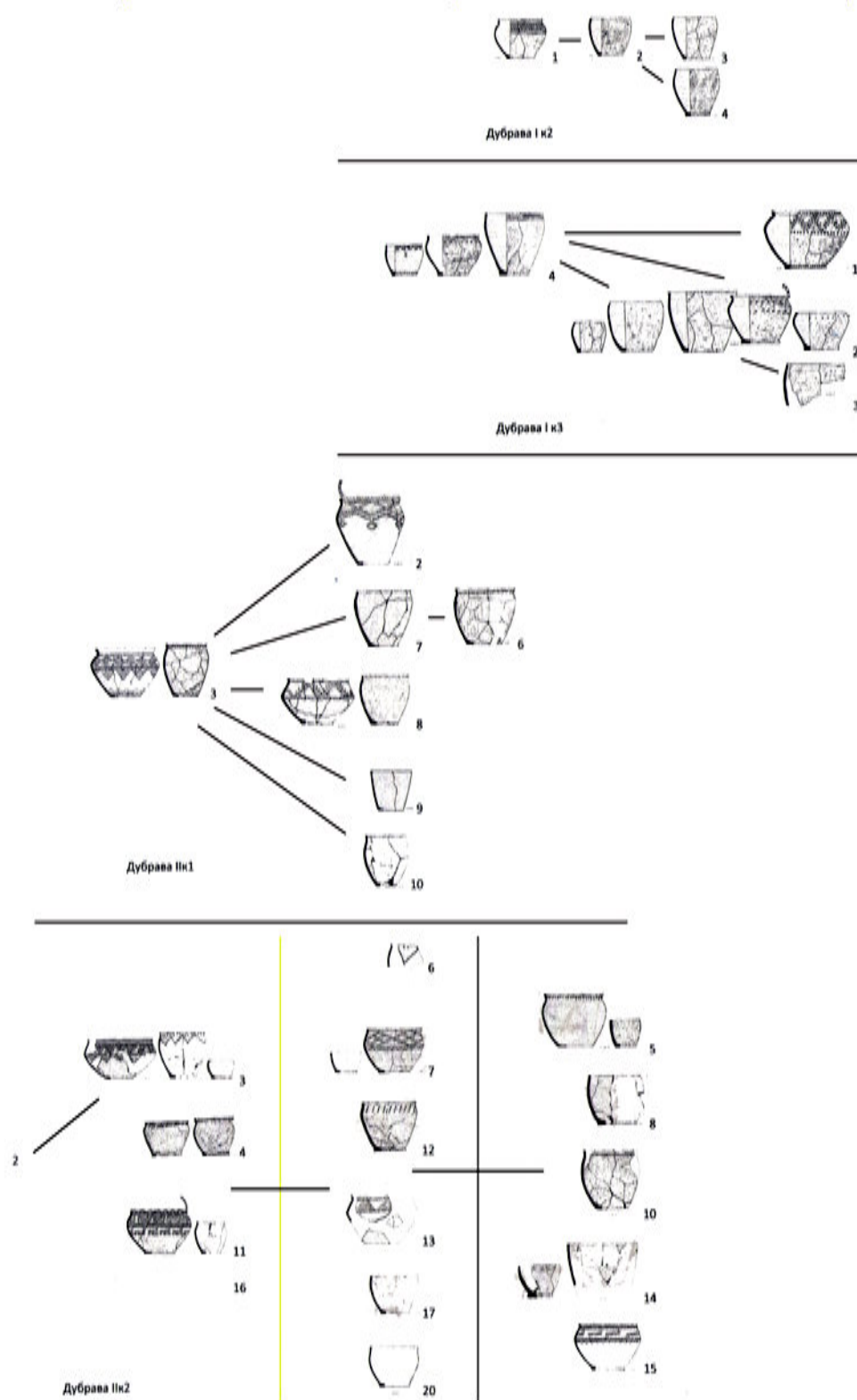

Рис. 3. Стратиграфическое соотношение керамических материалов срубных погребений курганных могильников Дубрава I, Дубрава II (по публикациям В.Д. Березуцкого, П.М. Золотарева, В.В. Кравца, Н.Л. Новикова)

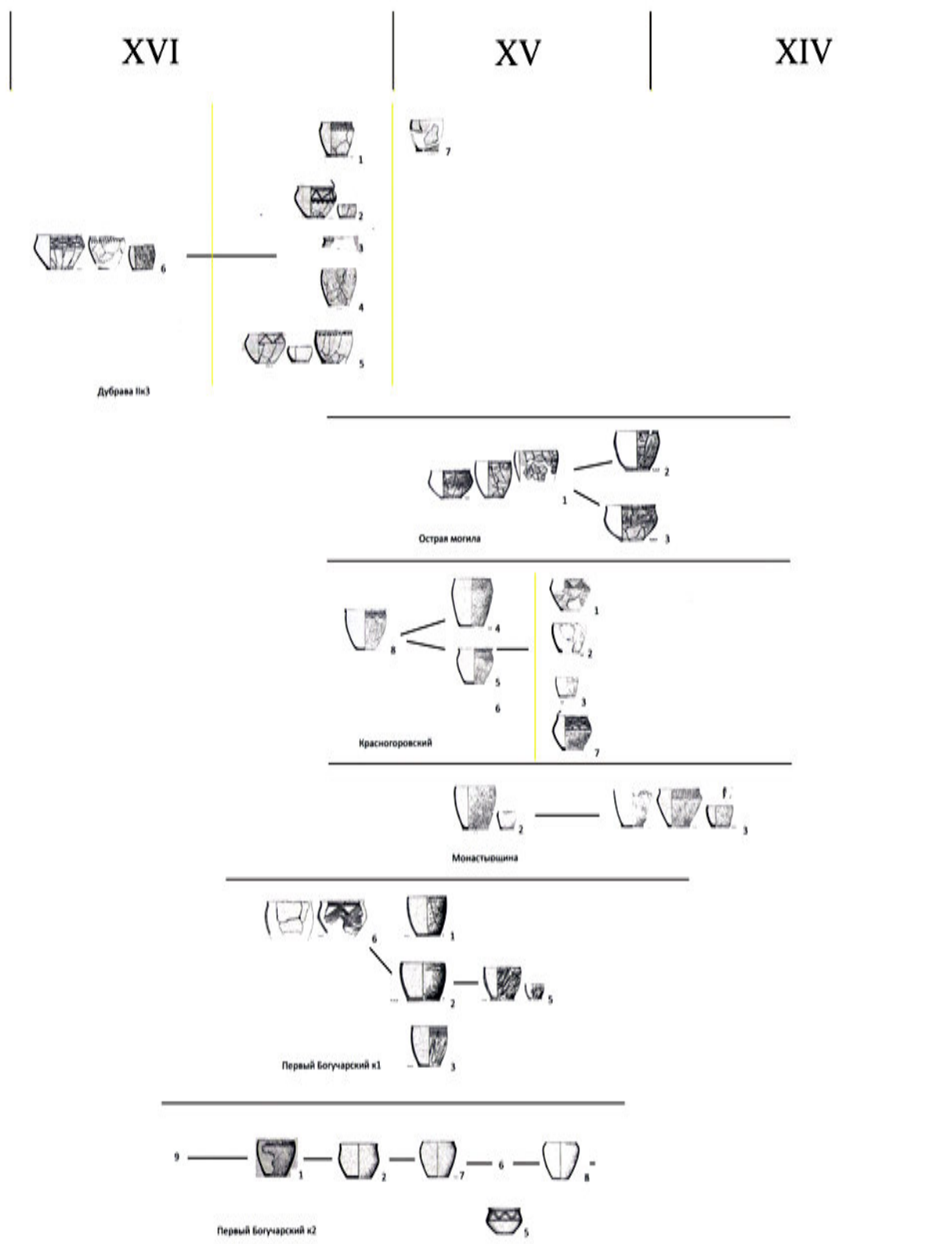

Рис. 4. Стратиграфическое соотношение керамических материалов срубных погребений курганных могильников Дубрава II, Острая Могила, Красногоровский, Монастырщина, Первый Богучарский (по публикациям В.Д. Березуцкого, А.А. Бойкова, А.Т. Синюка)

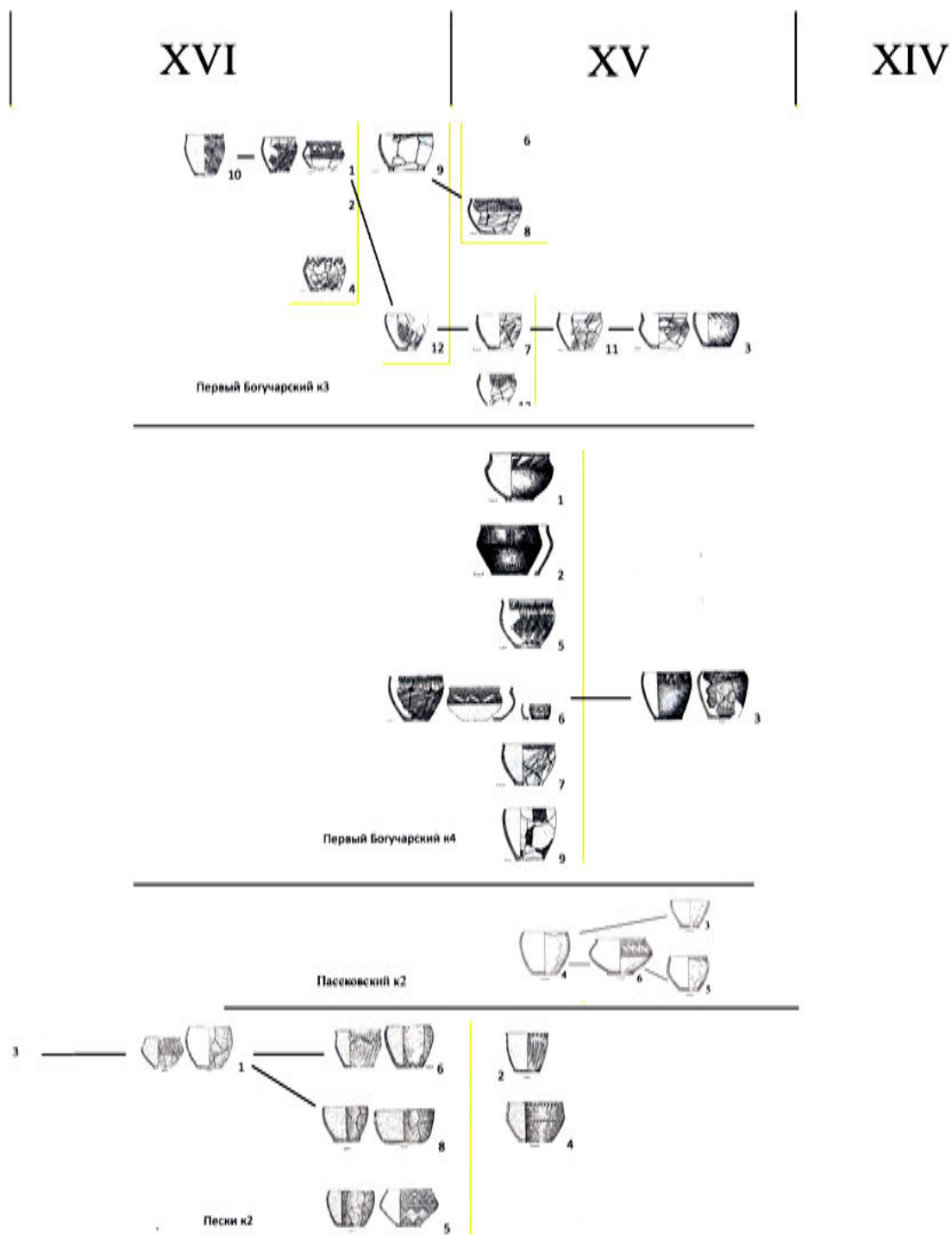

Рис. 5. Стратиграфическое соотношение керамических материалов срубных погребений курганных могильников Первый Богучарский, Пасековский, Песковский (по публикациям А.Т. Синюка, Т.Ю. Аринчиной, В.И. Погорелова)

Список литературы

1. Пряхин А.Д. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы: Кн. первая. – Воронеж: изд-во ВГУ, 1993 – 108 с.
2. Матвеев Ю.П. Стратиграфические горизонты срубных захоронений и этапы развития Мосоловского поселения//Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи (тезисы докладов и материалов к конференции), Воронеж, 1991
3. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1988. – 208 с.

4. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Стратифицированный срубный курган Подгоренского могильника//Труды Воронежского областного краеведческого музея. Выпуск 2. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1994. – 147 с. (36 – 50)
5. Березуцкий В.Д. Археологические древности земли воронежской/ В.Д. Березуцкий, П.М. Золотарев, В.В. Кравец, Н.Л. Новиков – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. – 200 с.
6. Березуцкий В.Д. Курганы на юге Воронежской области (курганный могильник II у пос. Дубрава на Среднем Дону): монография/В.Д. Березуцкий. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2015. – 154 с.
7. Бойков А.А. Курган эпохи бронзы на юге Воронежской области//Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: ВГПИ, 1989. – 185 с. (114-119)
8. Аринчина Т.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Петропавловском районе Воронежской области в 1988 г.//Архив ИА РАН, 1989.
9. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Пасековский курганный могильник эпохи бронзы на Среднем Дону/СА, 3, 1985 – 320 с. (124 – 135)
10. Березанская С.С., Гершкович Я.П. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983 – с. 160.
11. Синюк А.Т., Погорелов В.И. О раннесрубных погребениях на Среднем Дону // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. – 135 с. (87-95)
12. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Монография. – Воронеж: Издательство Воронежского педуниверситета, 1996. – 350 с.

Некоторые итоги исследования городища Россошки I на Среднем Дону¹

Аннотация. В статье обобщаются результаты исследований городища скифского времени Россошки I. Рассматривается специфика оборонительных сооружений, жилые и хозяйственные комплексы. Материалы, полученных в результате исследования городища, позволяет предположить, что памятник служил местом сезонного или кратковременного пребывания, а также использовался в качестве укрытия в момент военной угрозы.

Ключевые слова: городище, лесостепное Подонье, скифы, среднедонская культура, керамика, жилище, хозяйственные комплексы.

Abstract. The article summarizes the results of the research of the ancient settlement of Scythian time Rossoshky I. We explore the specifics of fortifications, residential and commercial complexes. The materials which are obtained in the result of the study of the settlement, make us suggest that the monument served as a place of seasonal or short-term stay, and was also used as a shelter in the time of military threat.

Key words: settlement, the forest-steppe Don region, the Scythians, Srednedonskaya culture, ceramics, housing, commercial complexes.

Городище Россошки I, относящееся к среднедонской культуре скифского времени, более десяти лет изучалось Донской археологической экспедицией ИА РАН под руководством В. И. Гуляева². Городище расположено на высоком левом коренном берегу р. Девица (рис. 1, 1). В плане памятник имеет неправильную трапециевидную форму, по своей длинной оси вытянут в направлении северо-восток – юго-запад, площадь его составляет около 3,6 га.

Оборонительные сооружения городища состоят из двух рвов и трех валов, в их возведении выделяется два строительных этапа и один ремонтный (рис. 1, 2). В самом начале своего существования городище защищала деревянная стена – двухрядный частокол, который затем сгорел и был демонтирован. На следующем этапе существования укрепленного поселения были открыты два рва и возведены три вала. В процессе существования памятника осуществлялась досыпка второго и третьего вала. Особого внимания заслуживают конструктивные особенности третьего вала, а именно наличие здесь слоя прокаленного суглинки, мощность которого достигает 1 м. (Шевченко, 2007, с. 144-149). Укрепления со следами обожженной глины широко представлены на городищах Днепродонской Лесостепи, в том числе и на Среднем Дону (Ильинская, 1957, с. 243; Шрамко, 1975, с. 94-95, Пузикова, 1969, с. 42; Березуцкий, Степкин, 1999, с. 192-199, Разуваев, 2011, с. 335-245). Ряд исследователей полагает, что подобные следы прокала вала являются конструктивным приемом, помогающим придать сооружениям большую прочность (Ильинская, 1957, с. 243; Мелюкова, 1958, с. 5-102, Бирюков, 1998, с. 98-99, Сарапулкина, Сарапулкин, Божко, 2012, с. 170-178), другие считают это продуктом горения деревянных конструкций (Шрамко, 1975, с. 94, Разуваев, 2011, с. 335-245).

Жилища, обнаруженные на городище Россошки I (рис. 1, 3, 4), однотипны и представляли из себя наземные каркасно-столбовые сооружения с шатровой или четырехскатной крышей, очаги или какие-либо другие следы огня в них отсутствовали. Несущей основой конструкции являлся центральный столб, от которого остались довольно глубокие ямки, стены были сделаны из прутьев, и обмазаны глиной, пол также был промазан глиной с примесью соломы. А. П. Медведев относит подобные сооружения к жилищам второго типа, отмечая, что такие постройки сменяют жилища первого типа (постройки округлой формы), и содержат более поздний материал IV-III вв. до н. э. (Медведев, 1999, с. 80). На городище Россошки I было открыто четырнадцать хозяйственных ям. Все ямы достаточно однородны по своим конструктивным особенностям, были округлой или неправильно-

© Белая Н.Н., Шевченко А.А., 2016

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00103а.

² Огромную благодарность авторы выражают В.И. Гуляеву за возможность использовать в работе неопубликованные материалы.

округлой в плане формы, глубиной 0,15-1 м, диаметр их по верхнему краю составлял от 0,8 до 1,7 м, стенки были прямые или слегка расширялись к низу, образуя трапецевидную в сечении форму, две ямы имели овальную в плане и корытообразную в профиле форму. Заполнение и характер находок, обнаруженных в хозяйственных ямах, не отличались от культурного слоя городища.

В культурном слое городища были обнаружены фрагменты керамики, глиняной обмазки, кости животных, предметы хозяйственного назначения. Керамика составляет самую многочисленную группу находок. Основная часть керамики, найденной на городище, толстостенная, с органическими и минеральными (меловая крошка) примесями, орнаментированная пальцевыми защипами или насечками по венчику.

В керамическом комплексе преобладают горшки, в основном, профилированные, с венчиком, равномерно отогнутым наружу, плавно переходящим в округлое плечико (рис. 1, 5-6), а также с прямым, резко отогнутым венчиком, переходящим в покатое плечико профилированного корпуса (рис. 1, 7). Данный тип керамики преобладает как на городище Россошки I, так и на большинстве городищ Днепро-Донской лесостепи (Пузикова, 1997, с. 38-39; Пеляшенко, 2008, с. 111-113). Нарастание процентного соотношения керамики данного типа происходит в позднескифское время. Редкими для среднедонских городищ являются обнаруженные на городище Россошки I профилированные горшки с коротким, прямым венчиком, переходящим в покатое тулово (рис. 1, 8-9). Керамика такого типа на других городищах Среднего Дона представлена, в основном, крупными формами (Пузикова, 1969, с. 53), гораздо более широкое распространение она имеет в Посеймье (Пузикова, 1997, с. 39), известна в нижних слоях Пекшевского городища (Медведев, 1999, с. 69). Местной формой, распространенной только на территории Среднего Дона, является сосуд колоколовидной формы, с широким горлом, слабо выраженными плечиками и узким донцем (рис. 1, 10). Небольшим количеством представлены баночные горшки с прямым туловом и намеченной шейкой (рис. 1, 11). Многочисленную группу лепной керамики, происходящей с городища Россошки I, составляют миски (рис. 1, 12-13). Эта керамика отличается составом теста, которое хорошо промешано, содержит более мелкие примеси. Поверхность мисок несет следы лощения, как правило, это тонкостенные сосуды с небольшим диаметром по венчику. Миски были распространены в средне – и позднескифское время, и характерны как для городищ Среднего Дона (Пузикова, 1969, с. 53-57), так и находят широкие аналогии на памятниках украинской Лесостепи (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 50; Шрамко, 1983, с. 87; Пеляшенко, 2008, с. 115 и др.).

Среди керамики городища Россошки I выделяются также другие группы. Встречаются фрагменты дуршлагов, ручек сосудов, крышек, но подобные находки единичны. Отдельное место в керамике городища занимают миниатюрные сосуды. Среди них известны экземпляры баночной (рис. 1, 14-16) и колоколовидной формы (рис. 1, 18). Также встречена миниатюрная мисочка, повторяющая конфигурацию обычной миски (рис. 1, 17). Миниатюрные сосуды по составу теста и характеру формовки не отличаются от остальной керамики, происходящей с городища Россошки I (Белая, 2012, с. 255-260).

О развитии домашних ремесел, прежде всего, прядении и ткачестве, свидетельствуют многочисленные находки глиняных пряслиц (рис. 1, 19-22). Они обнаружены как в культурном слое городища, так и в хозяйственных ямах, преобладают пряслица усеченно-биконической, овальной, реже встречаются биконической формы. На некоторых из них возле канала фиксируются следы трения, оставленные нитью. С обработкой ткани или кожи связаны найденные на городище фрагмент железного шила, проколки, изготовленные из продольно расколотых костей животных, и имевшие отверстия для подвешивания (рис. 1, 23-24).

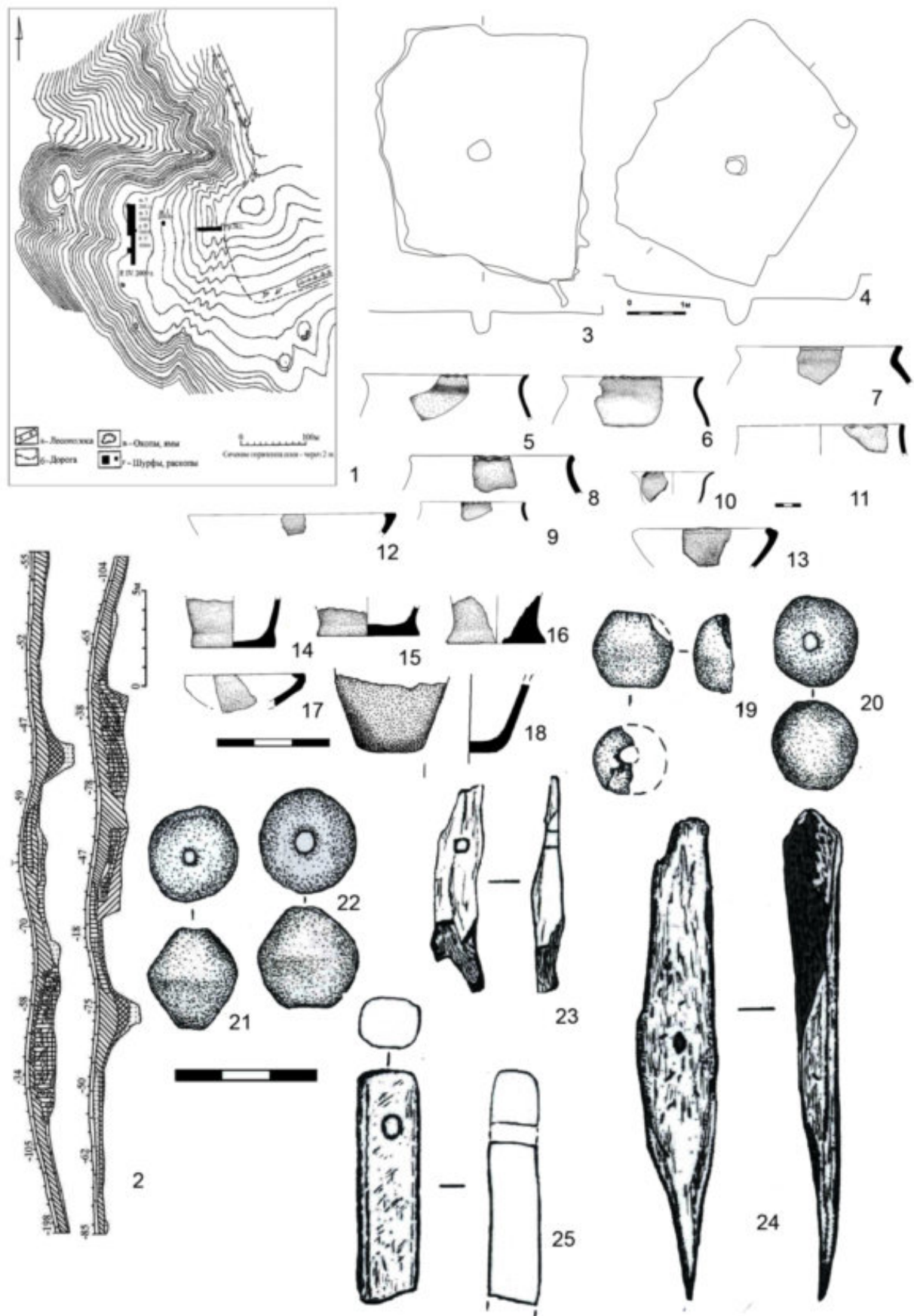
Каменные предметы домашнего обихода представлены двумя обломками точильных брусков, один из них с отверстием для подвешивания (рис. 1, 25), лощиком из зеленого камня, а также многочисленными фрагментами каменных терочников, изготовленных из мелкозернистого песчаника.

Греческий импорт представлен единственной находкой – ножкой Хиосской амфоры, которая позволила определить с датировкой городища – конец V в. до н. э (430-400 гг. до н. э.)¹.

В результате раскопок городища была получена остеологическая коллекция, Е.А. Антипиной был рассчитан спектр мясного потребления обитателей городища. Полученные данные говорят о том, что мясо лошади, равно как и КРС, составляло основу мясного рациона (Лебедева, Антипина, 2009, с. 203).

Таким образом, городище Россошки I являлось памятником кратковременного пребывания, значение которого возрастало в момент военной угрозы. Об этом свидетельствует мощность оборонительных сооружений, отсутствие жилых построек, функционирование которых было бы возможно в холодное время года, незначительное количество находок, связанных с домашними ремеслами. Однако окончательный ответ о назначении городища могут дать лишь последующие раскопки более широкой площадью.

¹ Дату амфорной ножки в 2009 г. определил сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН, к.и.н. Абрамов Андрей Петрович.

Список сокращений, принятых в статье

ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет

ВГУ – Воронежский государственный университет

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

СА – Советская археология

ХГУ – Харьковский государственный университет

ХНУ – Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Список литературы

1. Белая Н.Н. Керамический комплекс городища Россошки I // Археологические памятники Восточной Европы. Выпуск 15 / Отв. Ред. И.В. Федюнин. Воронеж: «Научная книга». 2012. С. 255-260.
2. Березуцкий В.Д., Степкин В.В. Оборонительные сооружения Аверинского городища // Проблемы археологии бассейна Дона / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: ВГПУ. 1999. С. 192-199.
3. Бирюков И. Е. Первое Перехвальское городища на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. до н. э. / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ. 1998. С. 98-99.
4. Ильинская В. А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. Вып. XXVII. 1957. С. 232-249.
5. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифского времени Днепро-Донецкого Правобережья / Отв. ред. С.С. Бессонова. Киев: Наукова думка. 1989. 336 с.
6. Лебедева Е.Ю. Палеоэтноботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. 2000. С. 91-100.
7. Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е. Городище Россошки I – «постоянный адрес или временная прописка?» // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН 2004-2008 гг. / отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 198-211.
8. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М.: Наука. 1965. 112 с.
9. Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука. 1999. 160 С.
10. Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье / отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Издательство АН СССР. 1958. 313 С.
11. Пеляшенко К. Ю. Комплекс лепной посуды Люботинского городища // Проблемы археологии Восточной Европы / Отв. ред. С.И. Посохов. Харьков: Курсор. С. 106 - 120
12. Пузикова А. И. Население Среднего Дона в Скифское время // МИА. № 151. М.: Наука. 2008. 144 с.
13. Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Трускар (Посеймье). М.: ОНТИ ПНЦ РАН. 1997. 126 с.
14. Разуваев Ю.Д. О следах военных столкновений на городищах скифской эпохи в лесостепном Подонье // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А.Шрамко / отв. ред. И. С. Посохов. Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина. 2011. С.235-245
15. Сарапулкина Т.В., Сарапулкин В.А., Божко А.А. Оборонительные сооружения Стрелецкого городища-2 скифского времени // Восточноевропейские древности. Вестник Острогского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского. Вып. №2. / Отв. ред. В.И. Гуляев. Воронеж: Научная книга. 2012. Стр. 170-178.
16. Шевченко А.А. Укрепления городища скифского времени Россошки I на Среднем Дону // РА. 2007. №3. С. 144-149.
17. Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск – город Гелон // Скифский мир / отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. 1975. С. 94-133
18. Шрамко Б. А. Археология раннего железного века Восточной Европы. Харьков: Издательство Харьковского университета. 1983. 135 с.

Диагональные сарматские погребения Новочигольского курганного могильника

Аннотация. На Среднем Дону насчитывается не более восьми диагональных погребений I-II вв. н.э., три из которых рассматриваются в статье. Связывать эти погребения исключительно с конкретным этносом, в том числе и аланским, представляется слишком упрощенным. Более вероятна связь этого типа погребений с профессиональной деятельностью погребенных: мужчины – воины, женщины – «жрицы», а также с еще не выясненными вопросами социального и религиозного характера. Вместе с тем и исключать этническую составляющую из рассмотрения вопроса нельзя.

Ключевые слова: курганы, диагональные погребения, сарматы, аланы.

Abstract. On Average, there are don't more than eight diagonal burials of the I-II centuries BC, three of which are considered in the article. To link these burials only with a specific ethnic group, including Alan, seems too simplistic. A more likely connection of this type of burials with professional activity of the buried men are warriors, women "priestesses", and have not yet been clarified by the social and religious nature. However, and to exclude the ethnic component from the consideration of the issue impossible.

Keywords: mounds, burial, diagonal, Sarmatians, Alans.

Одним из сложных и дискуссионных вопросов сарматской археологии является соотношение различных типов погребальных сооружений с этнической принадлежностью погребенных. Особое место среди них занимают диагональные погребения (в квадратных или близких к квадратной форме ямах с положением скелета по диагонали, с угла на угол). В среднесарматское время в I – середине II вв. н.э. этот тип погребений получает наибольшее распространение.

Диагональные погребения в лесостепном Подонье немногочисленны и представлены не во всех могильниках, что определяет особый к ним интерес. Из более чем 60-ти погребений сарматского времени территории Среднего Дона, к диагональным относятся не более восьми (с учетом трех рассматриваемых в статье). По-видимому, диагональное позднесарматское погребение обнаружено в кургане 15 у с. Караяшник (из пяти сарматских исследованных в могильнике) (Медведев, 2008, с. 26). В курганах у с. Третьяки в Похоперье из 15 исследованных погребений среднесарматской культуры четыре относились к диагональным (Ефимов, 1998). При этом данный тип погребений полностью отсутствует в сарматских могильниках на р. Воронеж и в курганах Верхнего Дона (Медведев, 2008).

С 2012 г. по настоящее время археологическая экспедиция школьников и студентов «Возвращение к истокам» в рамках проведения областного лагеря учащихся планомерно исследует курганный могильник у с. Новая Чигла Таловского района Воронежской области (Донское левобережье). На сегодняшний день раскопано 11 курганов, содержащих, кроме погребений эпохи бронзы (главным образом, катакомбной культуры), 12 захоронений среднесарматской культуры. Три из них являются диагональными: два были совершены под индивидуальными насыпями, одно являлось впускным в курган эпохи бронзы.

Курганный могильник у с. Новая Чигла был обнаружен отрядом археологической экспедиции ВГПУ в 1988 г. (Кадыров, 1988). В 1989 г. был доисследован курган № 8, насыпь которого была срыта для хозяйственных нужд (Березуцкий, 1989; Березуцкая, 1999).

Памятник расположен на восточной окраине с. Новая Чигла, на правом высоком берегу р. Чигла, левого притока Битюга, на его широком мысовом выступе высотой над уровнем поймы до 15-20 м (рис. 1, 1). В курганном могильнике по подсчетам А.Р. Кадырова насчитывалось 22 кургана, по нашим подсчетам 2015 г. их насчитывается 25¹. Насыпи в основном сравнительно небольшие по размерам и невысокие. Диаметр большинства из них не превышает 10-20 м, высота 0,1-0,6 м. Планиграфически курганы вытянуты в цепочку по контурам мысового выступа, местами образуя небольшие скопления. Некоторые курганы ограблены (курган № 6), другие сильно потревожены взятием грунта с площади могильника.

Курган № 10 представлял собой едва заметную полусферическую насыпь диаметром 6 м и высотой до 0,1-0,12 м. Единственное погребение находилось в центре насыпи. Материковый выкид

© Березуцкий В.Д., 2016

¹ Раскопки четырех курганов в 2015 г. показали, что два из них представляли собой естественные возвышения, не связанные с устройством погребений.

располагался с юга от погребения, вплотную примыкая к нему, и имел неровную овально-серповидную форму.

Погребальное сооружение представляло собой квадратную яму с закругленными углами 1,9 x 1,9 м, ориентированную углами по сторонам света и углубленную в материк на 0,7 м (1 м от уровня погребенной почвы) (рис. 2, 1).

На материковом полу лежал скелет мужчины 30-35 лет¹ вытянуто на спине головой на юг. Скелет поврежден сурчиными норами, в особенности его левая половина. В погребении обнаружены гончарный кувшин и железный кинжал.

Гончарный кувшин (рис. 2, 2) одноручный, сероглиняный, со сливом, с прямым горлом, округлым туловом, плоским дном без закраины. Поверхность лощеная, местами видны черные подпалины, идущие от верха сосуда до дна. По горлу проведены пять горизонтальных параллельных лощенных линий. Такие же две линии проведены по границе горла и тулова. Ручка кувшина подтреугольная в профиле с закругленными углами, ложновитая. Соединение с горлом «штифтовое». Высота ручки 9 см, высота горла со сливом 9 см, наименьший диаметр горла 8 см, дна 10,5 см. Высота сосуда 28 см, наибольший диаметр тулова 21 см.

Железный кинжал (рис. 2, 3) Находился между тазом и правой рукой умершего острием на север параллельно локтевой и лучевой костям. На кинжале сохранились остатки дерева от ножен. Общая длина изделия 24,6 см. Рукоять кинжала сохранилась не полностью, сохранившаяся часть имела длину 3,5 см, в сечении она прямоугольной формы, ширина 1,3 см, толщина 0,3 см. Длина лезвия составляет 21,1 см, окончание закруглено, профиль линзовидный. Наибольшая ширина лезвия до 3 см, толщина 0,3 см. При переходе от рукояти к лезвию выделен упор, подобный тому, который имеется обычно у ножей.

Курган 12 представлял собой едва заметную полусферическую по форме насыпь диаметром до 8 м и высоту до 0,1 м. Единственное погребение в кургане имело неоформленный могильный выкид, располагавшийся с севера от погребения.

Погребальное сооружение представляло собой квадратную яму 2,35 x 2,35 м с сильно закругленными углами, ориентированную этими углами по сторонам света и углубленную в материк на 0,4 м (0,6 м от уровня погребенной почвы) (рис. 2, 4). Заполнение черное, «жирное», без крупных примесей глины, мела и других включений.

На материковом полу ямы, почти по ее оси - линии запад-восток, чуть смещаясь к северу, лежал скелет взрослого человека (мужчина 30-40 лет) вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль скелета и в стороны. Скелет был ориентирован по диагонали по направлению с восточного угла к западному, головой на ЗЮЗ. Левая рука, ребра, а также левая нога повреждены. Нижняя конечность левой ноги отсутствовала.

У конечности правой ноги умершего находилась кость животного, по-видимому, часть ноги мелкого рогатого скота. В заполнении могилы найдена стенка гончарного сероглиняного сосуда. При погребенном обнаружен железный меч.

Железный меч (рис. 2, 5) находился у правой руки, у лучевой кости и параллельно ей острием к ногам, к ВСВ. Меч сохранился фрагментарно. Удалось установить его длину – 53 см. На мече сохранились следы деревянных ножен в виде древесного тлена. Длина рукояти 9,4 см, в профиле она имеет вид прямоугольника толщиной 0,3-0,4 см и шириной 1,7 см. Длина треугольного по форме лезвия линзовидного в сечении составила 43,6 см. Окончание лезвия заостренное, а наибольшая его ширина составляет 3-3,5 см. Навершие кольцевидное, кольцо овальное 3,5 x 4,7 см, в сечении круглое диаметром до 1 см.

Курган 27, погребение 2. Курган представлял собой полусферическую насыпь диаметром 10 м и высотой до 0,2 м. Насыпь создана в катакомбное время и содержала три погребения, в том числе, сарматское. Погребение 2 (сарматское, впускное) находилось в центре кургана под нулевой отметкой в материке. Материкового выкида из него не обнаружено.

Погребальное сооружение представляло собой почти квадратную яму 1,8 x 1,9 м, ориентированную длинными сторонами по линии ЮЮЗ-ССВ и углубленную в материк на 0,3 м (рис. 3, 1).

На материковом полу ямы лежал скелет женщины 40-45 лет вытянуто на спине по направлению с северо-восточного на юго-западный угол и головой на юго-запад. Левая рука вытянута прямо и в сторону, правая же согнута в локте и также отстранена в сторону. Череп повернут лицевой частью на ВЮВ. Примечательно и необычно положение конечностей ног: пальцы вместе со ступнями повернуты друг к другу (рис. 3, 10).

¹ Определение пола и возраста осуществлено Р.А. Тюриным, за что автор выражает ему благодарность.

При погребенной находились следующие предметы погребального инвентаря: сосуд, две курильницы (одна в другой), каменное изделие, железный нож, железные наконечники стрел, минеральная краска, кости животных.

Сосуд (рис. 3, 2) стоял на дне у ССВ стенки. Это небольшой сероглиняный гончарный кувшинчик без ручки с растресканным горлом и приземистым раздутым туловом, плоским без закраины дном. Верх венчика оттянут наружу. Под горлом сосуда проведены три горизонтальные и параллельные друг другу пролощенные полосы, ниже которых – такие же вертикальные полосы до самого дна.

Диаметр верха сосуда 7 см, дна – 6,5 см, высота сосуда 12 см, высота горла 3 см. В тесте присутствует тальк.

Курильницы (рис. 3, 3, 4) находились к востоку от правого бедра погребенной. Первая курильница – большая, в которую была поставлена курильница малая. Большая курильница (рис. 3, 3) лепная, толстостенная имеет цилиндрическую форму, плоско срезанный верх, плоское без закраины дно. По верху венчика нанесена прочерчиванием горизонтальная линия, ниже которой – зигзагообразные линии, сделанные тем же инструментом. Глина серо-коричневого цвета, тесто крайне сырое, слабо обожженное. Толщина стенок 1,2-1,5 см, дна – 2,2 см. По-видимому, курильница была изготовлена для одного случая непосредственно перед похоронами и потому обожжена слабо и наспех. Диаметр верха 10 см, дна – 9,5 см, высота курильницы 8-8,5 см.

Малая курильница (рис. 3, 4) стояла внутри большой. Она относится к типу так называемых «стопок» (Л.С. Ильюкову и М.В. Власкину) или «малых» (по А.А. Глухову). Верх закруглен, дно плоское, стенки вертикальные. Лепка грубая, тесто, хотя и лучше обожженное, чем у большой курильницы, тем не менее, рыхлое, с примесью шамота. Обычное для таких курильниц отверстие в боковой стенке отсутствовало.

Цвет керамики светло-коричневый. Диаметр верха 5 см, дна 4,5 см, высота 5 см. Толщина стенок 0,6-0,7 см. Отметим, что нагара ни в большой, ни в малой курильнице не отмечено.

Железный нож (рис. 3, 5) находился в районе правой кисти умершей, на 0,1 м выше костей пальцев и острием был направлен на юго-восток. Изначально нож мог находиться в руке умершей. Общая длина сохранившейся части ножа составляет 12,8 см.

Нож черешковый (длина черешка 3,5 см), с лезвием, имевшим горбатую спинку (длина лезвия 9,3 см, окончание обломано). Черешок в сечении прямоугольный 0,3 x 0,8 см, на окончании в профиле овальный. Лезвие в профиле треугольной формы, наибольшая ширина лезвия у черешка – 1,5 см, толщина – 0,4 см. На оконечности лезвия ширина его 0,8 см, толщина лезвия до 0,3 см.

Каменное изделие (рис. 3, 6) располагалось у кисти левой руки умершей. Представляло собой терочник (?) подквадратной формы с сильно закругленными углами из розового плотного песчаника 7 x 7,5 см, толщиной 4,5 см с плоскими затертыми поверхностями. В.В. Килейников, проводивший трасологический анализ изделия, не обнаружил выраженных следов его использования на ровных и плоских поверхностях камня. Вывод, который сделал специалист таков: изделие не использовалось в качестве абразива для обработки твердых пород камня или металла. Наиболее вероятное его использование – в качестве терочника для мягких материалов, которым, в частности, могли служить небольшие куски розовой краски, найденные в погребении.

Железные наконечники стрел (рис. 3, 7, 8) находились под левой рукой умершей (рис. 3, 1) остриями на ЮЮВ и, по-видимому, входили в состав колчана, который не сохранился. Всего обнаружены остатки 26 наконечников стрел, восемь обломившихся черешков от них. На наконечниках и черешках – следы перегнившего дерева.

Наконечники стрел сохранились крайне неудовлетворительно, но тип их восстанавливается: это черешковые трехлопастные наконечники, среди которых можно выделить два варианта. Вариант 1 – с прямыми лопастями (рис. 3, 7), вариант 2 – со сводчатой головкой (рис. 3, 8). В обоих случаях лопасти срезаны под прямым углом к основанию. Количество наконечников каждого варианта установить трудно из-за их плохой сохранности изделий. Длина пера составляет от 1,8 до 2,5 см. Ширина по максимальному срезу – до 1-1,2 см. Длина круглых в сечении черешков 1,5-3 см.

Пастовая бусина (рис. 3, 9) обнаружена в единственном экземпляре, находилась у правой тазовой кости на полу. Бусина имеет округлую форму: 0,9 x 0,9 см, диаметр сквозного цилиндрического отверстия 0,3 см. По внешней поверхности черной основы нанесен спиралевидный орнамент наложением цветных лент – черной по центру, по обе стороны ее – две голубые полосы, коричневые и тонкие желтые.

Кости мелкого рогатого скота зафиксированы: между ступнями ног погребенной (лопатка животного), а также около курильниц (кости конечности ноги). Розовая краска в виде нескольких небольших кусочков 0,4 x 0,5 см располагалась между левой голенью и сосудом.

Погребальный инвентарь и признаки обряда позволяют отнести рассматриваемые погребения к среднесарматской культуре I – первой половине II вв. н.э. Кувшин из кургана 10 имеет аналогии в ранних среднесарматских погребениях, главным образом, Нижнего Дона (тип М10 по А.С. Скрипкину) (Скрипкин, 1990. Рис. 49; Глебов, 2005. Рис. 6, 10; Глухов, 2005. Рис. 59, 8-11, 60, 1,2). Подобные кувшины (по А.А. Глухову тип XVI) имеют кавказское происхождение и встречаются в сарматских погребениях междуречья Волги и Дона с рубежа эр – начале I в. н.э. (Глухов, 2005, с. 70). В Центральном Предкавказье они имеют датировку III-I вв. до н.э. (Абрамова, 1993, с. 40. Рис. 8, 6). Южная ориентировка погребенного также не противоречит датировке кувшина: в среднесарматское время она является нормой погребально-го обряда сарматов (Степи..., 1989, с. 179) до середины II в., когда появляется северная ориентировка. Таким образом, погребение вероятнее всего датируется первой половиной I в. н.э.

Погребение из кургана 12 датирует железный меч с кольцевым навершием. Подобные мечи характерны для среднесарматской культуры (Хазанов, 1971, с. 5-19).

Погребение 2 из кургана 27 содержало пастовую бусину со спиралевидным орнаментом. Этот тип бус характерен для I-II вв. н.э. (Алексеева, 1978, с. 35). Находки парных лепных курильниц (малая находится в большей по размерам) могут указывать на I – начало II в. н.э. (Глухов, 2000, с. 36-38). Парные курильницы – своеобразные «маркеры» среднесарматской культуры, хотя появление этого признака относится к более раннему времени (Глухов, 2005, с. 30). Железные наконечники стрел принадлежат широко распространенному с первых века н.э. типу (Скрипкин, 1990, с. 72-73, рис. 23, 71-74). Аналогия формы небольшому кувшинчику, являвшегося, по-видимому, частью ритуальных предметов «жрицы-воительницы» имеется на Среднем Дону в погребении 4/1 Караяшниковского могильника, датированного второй половиной I в. н.э. (Медведев, 2008, рис. 11, 4, с. 22). Кувшинчик из Новочигольского кургана имеет по всему тулову вертикальные пролощенные полосы – признак раннесарматской керамики (Глухов, 2005, с. 70). В целом же, погребение датируется, вероятно, I в. н.э. Не противоречит обозначенной дате и остальной инвентарь, а также ориентировка погребенной в южную половину круга.

Отметим также: из трех диагональных погребений два имели индивидуальные насыпи. Эта черта погребального обряда сарматов становится все более распространенной со среднесарматского времени (Скрипкин, 1990, с. 116; Сергацков, 2006, с. 41).

Дискуссию об этнической принадлежности диагональных погребений открыл К.Ф. Смирнов, связав их с роксоланами (Смирнов, 1948, с. 213-219). Впоследствии уже не только с ними, но также с отдельными родами алан и аорсов (Смирнов, 1959, с. 319).

А.С. Скрипкин обратил внимание на хронологические нестыковки при отождествлении времени наибольшего распространения диагональных погребений и времени господства племенных союзов роксолан или аорсов. Широкое распространение диагональных погребений в степях Волги и Дона приходится на время первых упоминаний алан в сочинениях Сенеки, Лукиана Валерия Флакка, Плиния (Скрипкин, 1990, с. 214-220). Данные по хронологии сарматской культуры не позволяют датировать диагональные погребения ранее I в. н.э. Наибольшее распространение их приходится на I – начало II вв. н.э., редко встречаются они во второй половине II в. н.э. и в качестве исключений – в погребениях, датируемых временем до середины III в. н.э. (Сергацков, 2001, с. 251-252). Относя диагональные погребения к аланам, А.С. Скрипкин, вместе с тем отмечает, что погребальный обряд объединения во главе с аланами был намного шире (Скрипкин, 1990, с. 218). С другой стороны, на Северном Кавказе, в Прикубанье, Юго-Западном Причерноморье диагональные погребения не обнаружены. В результате, ограниченные во времени и пространстве, они, по мнению ряда исследователей, не отражают социальные или религиозные представления, а связаны с аланским этносом (Скрипкин, 1992, с. 28; Симоненко, 2000, с. 136).

Еще дальше в отождествлении диагональных погребений с аланами пошел В.П. Глебов, который назвал диагональные погребения ведущим типом погребений всей среднесарматской культуры (Глебов, 2000, с. 174-176). На несоответствие такого отождествления с реальной ситуацией обратил внимание И.В. Сергацков: диагональные погребения нигде не составляют большинство в сравнении с другими типами погребений среднесарматской культуры (Сергацков, 2001, с. 250). Кроме того, И.В. Сергацков отмечает, что в среднесарматскую эпоху в I-II вв. н.э. диагональные погребения территориально распространены широко, не ограничиваясь степями Дона и Волги – от Поднепровья на западе до Магнитогорска на востоке. И маловероятно, что они все они оставлены аланами, тем более что письменные источники локализуют алан на ограниченном участке – в низовьях Дона у Меотиды и в степи Северного Причерноморья (Сергацков, 2001, с. 250).

Антропологический анализ диагональных погребений среднесарматской и позднесарматской культур, проведенный М.А. Балабановой, не внес большей ясности в вопрос об этнической принад-

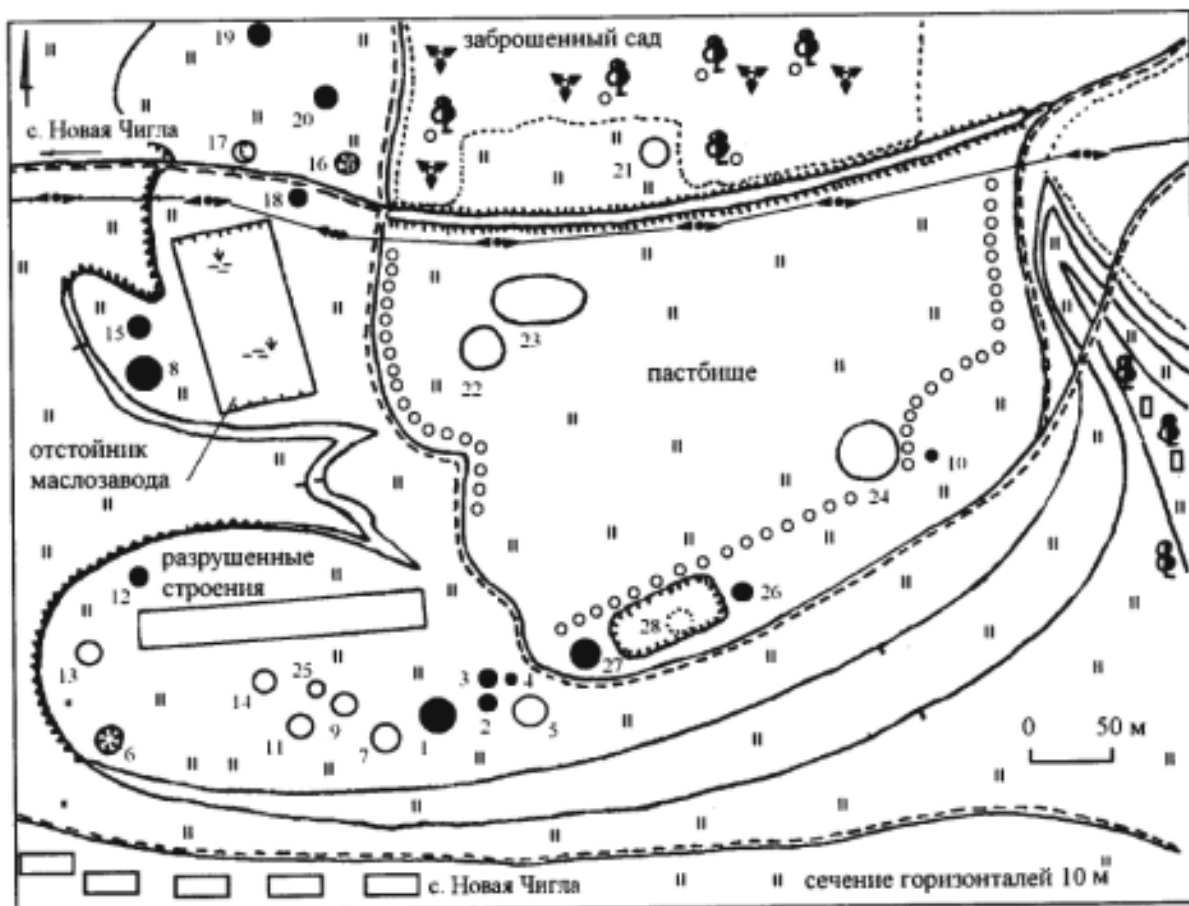
лежности диагональных погребений, но некоторые выводы представляют интерес. Анализ выборки из 38 черепов среднесарматской и 16 черепов позднесарматской культуры показал: для сарматов первых веков н.э. не существовало зависимости между типом погребального сооружения и антропологическим типом погребенного. Для погребенных «диагональниками» характерно краниологическое разнообразие (Балабанова, 2002, с. 84-86).

Другой подход в решении проблемы состоит в отказе от попыток поставить знак равенства между культурой и этносом, использования типа погребального сооружения в качестве этнического индикатора (Мошкова, 1983, с. 18-31). А в итоге, отказа от попыток поиска какого-либо этноса, соответствующего содержанию такого признака обряда, как диагональные погребения. В связи с этим заслуживают внимание взгляды тех исследователей сарматской культуры, которые пытаются найти выход из сложившейся ситуации в иных подходах. Исследователи обращают внимание на особенности диагональных погребений: они не принадлежат высшей аристократической знати сарматского общества и, видимо, занимали скромное место в социальной иерархической лестнице. Они не содержат детских захоронений, а среди наиболее богатых погребений большинство принадлежит женщинам. Есть также мнение: аланы в I-II вв. н.э. играли главную роль в формировании среднесарматской культуры, однако, аланы, как и другие группы кочевников, господствовавших в то, или иное время в степи Восточной Европы, представляли собой *этнополитические объединения* (выделено нами. – В.Б.), в которые входили разные по своему происхождению племена (Сергацков, 2006, с. 45-46), или близкородственные этносы (Яценко, 2006, с. 128).

По-видимому, это «социально-религиозный феномен» или «этно-социальный» (по И.В. Сергацкову). Вместе с тем, эти погребения являются неотъемлемой частью среднесарматской культуры, образуя «органическое единство с другими типами погребальных памятников» (Сергацков, 2001, с. 252).

В русле рассматриваемого направления подошли к диагональным погребениям другие исследователи. В частности, высказаны суждения о том, что в них отразились особенности профессиональной деятельности отдельных групп сарматского общества: мужчины в них выступают как профессиональные воины, а женщины в качестве жриц (Копылов, Кузнецов, Янгуров, 1990, с. 19-21; Глухов, 2001; 2005, с. 101; Скрипкин, 1997, с. 70). Материалы Новочигольского могильника как будто подтверждают это предположение. Два погребения, совершенные под индивидуальными насыпями, судя по инвентарю, принадлежат взрослым мужчинам-воинам. В погребении пожилой женщины имеются признаки, позволяющие отнести ее к представителю общества, наделенного жреческими функциями – каменный терочник и краска, рядом – небольшой кувшинчик явно не для питья содержимого. Прибавим к этому курильницы, являющиеся показательной принадлежностью жреческого культа сарматов (Смирнов, 1973) и необычное, неестественное положение рук и конечностей ног погребенной, лопатка овцы в ногах. При этом женщина была снабжена колчаном со стрелами, являлась воином.

Вместе с тем, как представляется, ограничивать поиск признаков, соотносимых с диагональными погребениями, исключая при этом их этническую принадлежность, вряд ли оправдано. В сарматских курганах на р. Воронеж и на Верхнем Дону – Чертовицких I и II, Сады, Писаревском, Ново-Никольском, Вязовском исследовано более 160 курганов средне и позднесарматской культуры. В исследованных курганах ни разу не были встречены диагональные погребения. Основным типом погребальных сооружений является прямоугольно-удлиненная яма с закругленными углами. При этом здесь имеются и воинские погребения, и погребения с мечами, кинжалами и колчанными наборами (Медведев, 1990, рис. 8, 15, 16, 18, 22 и др.), а также и с курильницами (Медведев, 1990, рис. 19, 24 и др.). И подобный факт А.П. Медведев рассматривает через призму этнических особенностей населения (Медведев, 2008, с. 57-63), неоднородный племенной состав сарматов, освоивших в первые века н.э. лесостепное Подонье (Медведев, 1990, с. 188), что лишний раз показывает: этнические различия при устройстве того или иного типа погребального сооружения, наряду с другими признаками, имели место. Вопрос же о том, какое место в комплексе сарматских представлений играли религиозные, социальные, этнические и другие, еще не выявленные признаки, какое сочетание они приобретали при установке норм погребального обряда того или иного индивида, или целой популяции остается открытым.

1

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	- шоссе		- неисследованный курган
	- грунтовая дорога		- исследованный курган
	- ЛЭП		- материк
	- широколиственный лес		- сосуд
	- пашня		- кости животного
	- лесополоса		- луг
	- одиночные деревья		- современные строения
	- насыпная дамба		- обнажения
	- кустарник		- овраг
	- болото		- граница угодий

2

Рис. 1. 1 – план курганного могильника у с. Новая Чигла; 2 – условные обозначения

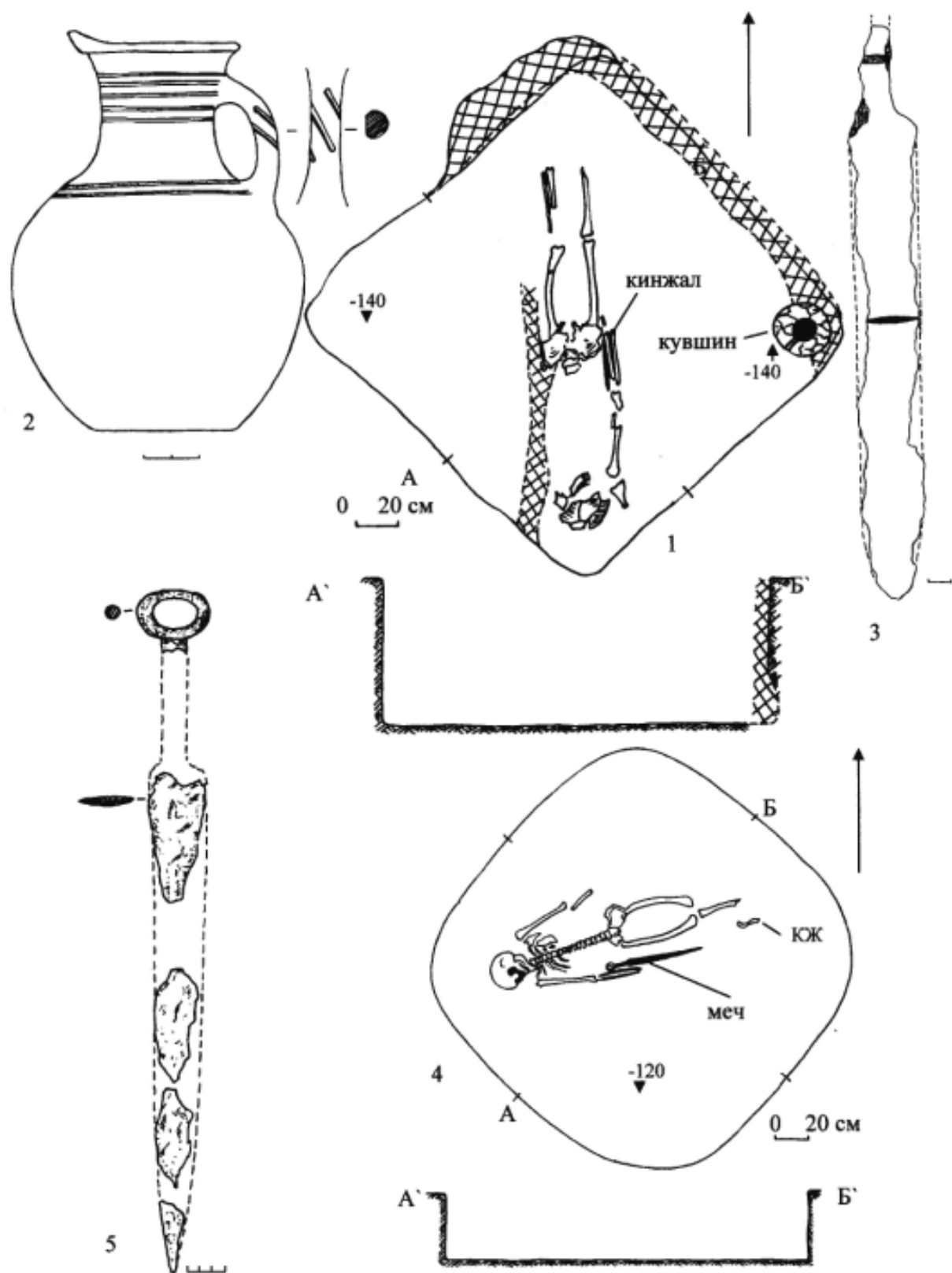

Рис. 2. 1 – 3 – курган 10, погр. 1: 1 – план и профиль; 2 – гончарный кувшин; 3 – железный кинжал.
4,5 – курган 12, погр. 1: 4 – план и профиль; 5 – железный меч

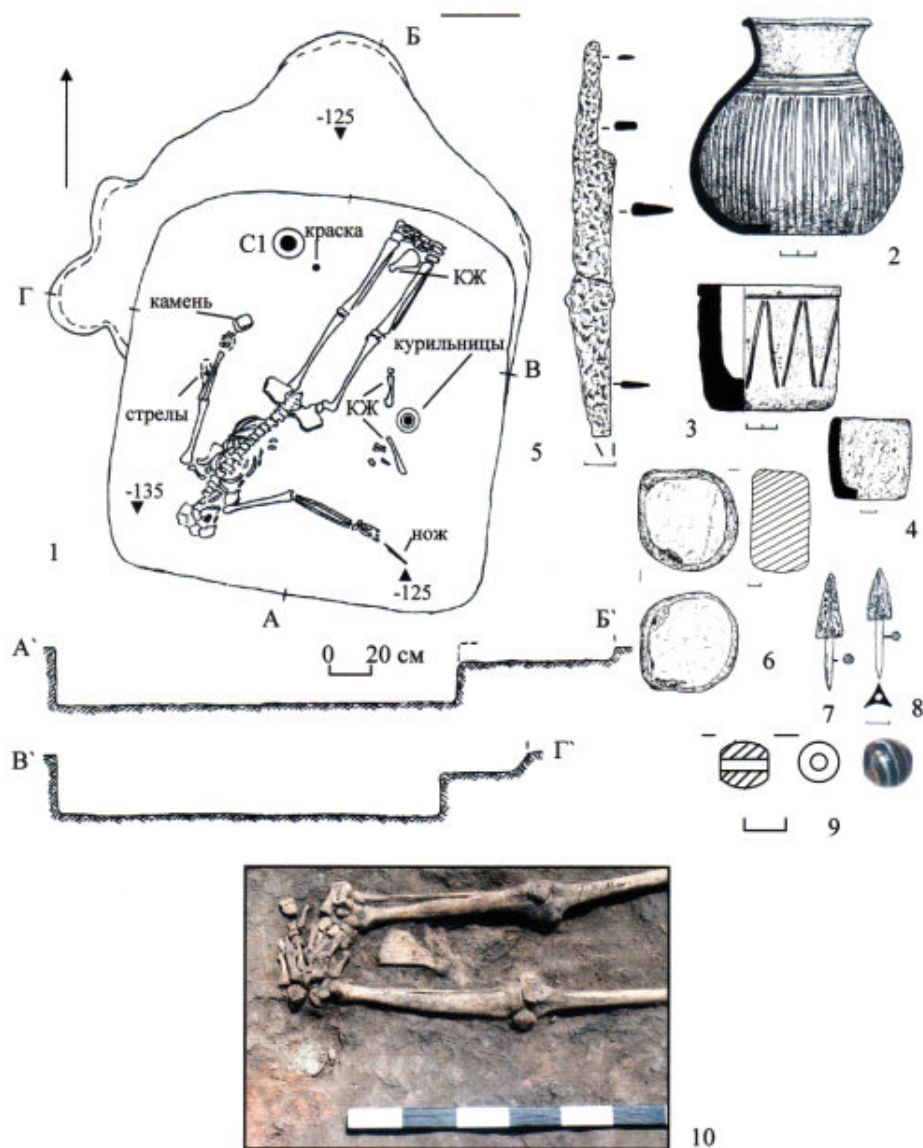

Рис. 3. Курган 27, погр. 2: 1 – план и профили; 2 – сероглиняный кувшинчик; 3,4 – курильницы; 5 – железный нож; 6 – каменное изделие; 7,8 – железные наконечники стрел; 9 – пастовая бусина; 10 – деталь: фото, вид на расположение конечностей ног погребенной.

Список литературы

1. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в.н.э.) /Ред. Н.Л. Членова. М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
2. Алексеева Е.М. Археология СССР. Свод археологических источников. Античные бусы Северного Причерноморья / Отв. ред. В.С. Долгоруков. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.
3. Березуцкий В.Д. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р1. № 14692.
4. Березуцкая Т. Ю. Погребения эпохи бронзы из Новочигольского кургана // Проблемы археологии бассейна Дона. Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГПУ, 1999. С. 106-112.
5. Глебов В.П. О заключительной фазе раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара: СГУ, 2000. Вып. 2. С. 170-176.
6. Глебов В.П. Сарматские погребения могильника Отрадный II // Труды научно-исследовательского бюро / Ред. Ю.В. Потапова. Ростов-на-Дону, 2005. С. 161-198.
7. Глухов А.А. Глиняные курильницы из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона // ДА. 2000. № 2. С. 32-43.
8. Глухов А.А. Сарматы междуречья Дона и Волги в I – первой половине II в. н.э. Волгоград, Волгоградское научное издательство, 2005. 239 с.

9. Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки //Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998. Вып. 12. С. 4-18.
10. Кадыров А.Р. Отчет об археологической разведке в Каменском и Таловском районах Воронежской области в 1988 г. // Архив ИА РАН.
11. Медведев А.П.Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья) / Ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1990. 220 с.
12. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
13. Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов: СГУ, 1983. С. 18-33.
14. Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: ВолГУ, 2000. 397 с.
15. Сергацков И.В. О некоторых современных тенденциях в изучении среднесарматских древностей // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: ВолГУ, 2001. Вып. 4. С.249-253.
16. Сергацков И.В. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград: ВолГУ, 2006. Вып. 1. С. 37-58.
17. Симоненко А.В. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: ВолГУ, 2000. Вып. 3. С. 133-144.
18. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект / Ред. А.Х. Пшеничнюк. Саратов: СГУ, 1990. 300 с.
19. Смирнов К.Ф. 1948. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. №. 1. С. 213-219.
20. Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60. С. 206-322.
21. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1989. 464 с.
22. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 173 с.
23. Яценко С.А. К дискуссии о механизмах формирования среднесарматской археологической культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград: ВолГУ, 2006. Вып. 1. С. 118-129.

УДК 902

А.А. Божко

Исследование многослойного неукрепленного поселения в Белгородской области

Аннотация. В статье публикуются материалы археологических исследований многослойного неукрепленного поселения «Красный Куток селище 1», расположенного в бассейне р. Ворсклы в Борисовском районе Белгородской области. В 2013 году на памятнике двумя раскопами было вскрыто 58 кв. м и исследован культурный слой и объекты трех культурно-хронологических горизонтов – бондарихинской культуры эпохи бронзы, позднесарубинцевой культуры раннего железного века и русской культуры Нового времени. Анализ керамического материала позволил автору связать находки двух фибул с выемчатой эмалью с позднесарубинцевым периодом функционирования поселка.

Ключевые слова: археологические раскопки, селище, бондарихинская культура, позднесарубинцевая культура, русская культура Нового времени, фибулы с выемчатой эмалью.

Abstract. In the article publishes materials of archaeological research of multilayer unfortified settlements "Krasny Kutok selishche 1", located in the basin of the river Vorskla in the Borisov district of the Belgorod region. In 2013, the monument was two excavation uncovered 58 square meters and studied the cultural layer and objects of three cultural and chronological horizons – bondarihin sky culture of the bronze age, postzarubinetsky culture of the early iron age and culture of the New time. Analysis of the ceramic material has allowed the author to link the findings of two fibulae with pitted enamel with postzarubinetsky the period of operation of the village.

Key words: archaeological excavations, settlement, bondarihinsky culture, postzarubinetsky culture, Russian culture of modern times, a fibula with emarginate enamel.

В 2013 году сотрудниками ООО «Белгородская археологическая экспертиза» проводились исследования неукрепленного поселения в Борисовском районе Белгородской области (илл. 1:1).

Памятник был выявлен сотрудниками заповедника «Белогорье» - в 2012 году ими были найдены две парные фибулы с выемчатой эмалью. В 2013 году место находки было показано автору. Было принято решение о проведении археологических исследований с целью уточнения культурно-хронологического контекста обнаруженных фибул, а также определения их принадлежности к культурному слою или объектам в связи с точным указанием места находки.

Памятник занимает первую надпойменную террасу левого берега р. Готня (р. Ворскла - р. Днепр). Находится в 1 км к юго-востоку от южной окраины с. Красный Кут, в 1,3 км к северо-западу от северной окраины с. Дубино, расположен на территории участка «Лес на Ворскле» заповедника «Белогорье». По территории поселения проходит грунтовая дорога, которая делит селище на две неравные части: юго-западную (меньшую), покрытую травяной растительностью и изредка деревьями; и северо-восточную (большую), покрытую хвойным и широколиственным лесом (илл. 1:2).

Осмотр обнажений грунтовой дороги, а также иных открытых участков не позволил выявить подъемного материала. Границы памятника даны исходя из топографической ситуации. Размеры поселения около 100х80 м. Высота над уровнем поймы реки – 2-4 м.

Во время начала работ находчик фибул выразил сомнения в правильности указания места обнаружения находок. Тем не менее, на данном месте был заложен раскоп I площадью 20 кв. м (илл. 1:3). В связи с тем, что мы работали в особо охраняемой зоне (территория заповедника) исследовать слой вблизи деревьев, обкапывать их корневую систему, а тем более вырубать деревья запрещалось. Это вынудило нас заложить раскоп II в 12 м к юго-востоку от юго-восточного угла раскопа I (илл. 2:1). Его площадь составила 38 кв. м. Таким образом, общая изученная площадь на поселении составила 58 кв. м.

Стратиграфия раскопов довольно проста: под дерном залегал слой серой гумусированной супеси мощностью 0,3-0,4 м, ниже которой фиксировался белый материковый песок.

Культурный слой поселения насыщен археологическим материалом. Всего изучено два пласта, статистика распределения массового материала показана в табл. 1. Основную массу выявленного материала составляет лепная посуда. По характеру внешней поверхности, примесям в глиняном тесте и орнаментации выделено три культурно-хронологических горизонта.

К первому из них относится лепная посуда с примесью мелкого песка в тесте (илл. 3-4). Венчики сосудов слабопрофилированные. На ряде сосудов имеется орнамент в виде насечек или пальцевых вдавлений по краю венчика. Ряд сосудов орнаментирован вдавлениями по верхней части тулова сосудов. Днища сосудов без закраин. Толщина стенок 0,5-0,8 м. Данный материал мы соотносим с бондарихинской культурой эпохи бронзы.

Ко второму культурно-хронологическому горизонту относится лепная посуда с примесью шамота и, иногда, песка в тесте (илл. 5-6; 7: 1-5). Керамика имеет примесь крупного шамота, стенки, в связи с этим, имеют бугристую структуру, толщина стенок колеблется от 0,6 до 1,5 см. Венчики слабопрофилированные, часть их украшена насечками или пальцевыми вдавлениями по краю венчика. Один венчик принадлежит глиняному диску с небольшим бортиком. Днища, в основном, имеют небольшую закраину. К данному горизонту относится и выявленная в небольшом количестве лепная лощеная посуда (илл. 7: 6-9). Этот материал оставлен населением праславянского круга.

Гончарная посуда, выявленная в культурном слое (4 стенки, одна из которых покрыта глазурью желтого цвета на внутренней поверхности), относится к русской культуре Нового времени и представляет собой третий культурно-хронологический горизонт. К данному же времени, скорее всего, относятся и 11 фрагментов прозрачного стекла зеленого цвета (толщина стенок 4 мм (5 ед.); 5 мм (1); 6 мм (1); 7 мм (2); 9 мм (2)).

В площади раскопа I после зачистки материкового основания изучено два углубленных в материковый грунт объекта. Яма 1 (илл. 1:4) имела округлую форму диаметром 31-33 см и глубиной 11-13 см от уровня выявления. Заполнение – аналогичная культурному слою серая гумусированная супесь. Яма 2 (илл. 1:5), вероятно, также имела округлую форму (не доисследована в связи с выходом за границы раскопа) с диаметром около 95 см и глубиной 17 см от уровня выявления. Заполнение аналогичное яме 1. Материал в двух объектах отсутствовал. Яму 1 можно отнести к категории столовых, яму 2 – хозяйственных.

Таблица 1 – Распространение массового материала в культурном слое

Раскоп, пласт	Лепная посуда с шамотом			Лепная посуда с песком			Стенки лепных лощенных сосудов	круговая	обмазка	Кости животных	Стекло
	вен.	ст.	дн.	вен.	ст.	дн.					
Р.І, пл. 1	2	71	1	4	32	-	1	1	8	1	-
Р.І, пл. 2	-	16	-	-	4	-	-	1	-	2	-
Р.ІІ, пл. 1	3	135	1	2	47	2	1	2	15	1	11
Р.ІІ, пл. 2	14	137	7	13	138	2	2	-	18	1	-
Итого	19	359	9	19	221	4	4	4	41	5	11

На раскопе II выявлена постройка, траншея, три хозяйственных и три столбовых (?) ямы.

Постройка 1 (илл. 2:3) выявлена на материковом основании по темному серому пятну гумусированной супеси. Уходила под западный борт раскопа и не была изучена в связи с невозможностью прирезки (мешали деревья). В процессе работ была выявлена северная стенка углубленного сооружения, ориентированная практически по линии запад-восток. Восточная стенка, ориентированная по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад, размыта, лишь небольшая часть имеет четкую границу, стенка упирается в траншею 1. Южная стенка не прослежена. Вероятно, она проходит в районе перекрывающей постройку траншеи 1. Наибольшая ширина по линии запад-восток – 4,7 м, по линии север-юг – 4,2 м, глубина 0,07 м восточной части и до 0,15 м в западной части (замеры от материкового основания). Заполнение не отличается от культурного слоя – серая гумусированная супесь. В постройке, главным образом, в ее северной части (кв. 2, 4), выявлены три стенки и два днища лепных сосудов с примесью шамота и песка в тесте; 15 стенок (2 – с замытыми краями) и три днища лепных сосудов с примесью песка в тесте.

Траншея 1 (илл. 2:3) выявлена при зачистке материкового основания в южной части раскопа, в кв. 5-7. Выделялась темным гумусированным пятном с песком на фоне материкового светлого песка. Ориентирована по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад. Длина изученной части составляет 5 м, ширина – 0,5-0,8 м, глубина от материкового основания – от 0,03 до 0,2 м. Заполнение траншеи – серая гумусированная супесь. В траншее выявлены следующие находки: во-первых, это скопление керамики в северо-западной части кв. 5 (включало в себя 4 венчика, 28 стенок и 4 днища лепных сосудов с примесью песка в тесте); во-вторых, разрозненный материал, происходящий из траншеи (венчик и две стенки лепных сосудов с примесью шамота и песка в тесте; 28 стенок и два днища лепных сосудов с примесью песка в тесте; фрагмент глиняной обмазки). Скопление керамики, вероятно, связано с разрушенной траншеей ямой бондарихинской культуры. Вся посуда с песком, в отличие от керамики с примесью шамота, происходящей из траншеи, замыта. Не исключено, что траншея является остатками какой-то дренажной системы, существовавшей в эпоху бронзы. Единичные фрагменты лепной посуды с шамотом могли попасть в объект из культурного слоя.

Яма 1 (илл. 2:2) выявлена в кв. 9, 11 при зачистке материкового основания. Выделялась гумусированным пятном с песком и глиной на фоне материкового светлого песка. Имеет овальную форму, вытянута по линии юго-юго-восток – северо-северо-запад. Длина ямы – 1,6 м, ширина – 0,8 м, глубина от материкового основания – 0,8 м. В северной и южной узких частях ямы имеются ступеньки: северная шириной 10-15 см располагается на высоте 0,5 м от дна ямы; южная ступенька шириной 0,65 м располагается на высоте 0,55 м от дна ямы. Стенки ямы наклонные вовнутрь. Заполнение ямы стратифицировано: 0 – 0,2/0,25 м – гумусированная супесь с глиной; 0,2/0,25 – 0,8 м – гумусированная супесь. В яме был выявлен следующий материал: пласт 1 (0-0,2 м): стенка лепного сосуда с примесью шамота и песка в тесте; венчик и 6 стенок лепных сосудов с примесью песка в тесте; пласт 2 (0,2-0,4 м): 3 стенки лепных сосудов с примесью шамота и песка в тесте; 2 венчика и 18 стенок лепных сосудов с примесью песка в тесте; пласт 3 (0,4-0,6 м): стенка и днище лепных сосудов с примесью шамота и песка в тесте; венчик и стенка лепных сосудов с примесью песка в тесте. Материал из пласта 1 относится к слою глины с супесью; пластов 2-3 – к слою с супесью.

Яма 2 (илл. 2:3) выявлена при зачистке после снятия второго пласта (уровень материка) в кв. 3, 8. Выделялась светло-коричневым пятном (перемес глины с гумусированной супесью) на фоне гумусированной супеси (заполнение постройки 1). Очевидно, имеет более позднюю хронологическую позицию по отношению к постройке 1. Диаметр ямы около 1,6 м, глубина – 0,5-0,6 м от уровня после снятия 2-го пласта. Заполнение ямы представлено гумусированной супесью с глиной. В яме выявлен следующий материал: пласт 1 (0-0,2 м): венчик, 9 стенок и три днища лепных сосудов с примесью шамота и песка в тесте; 5 стенок и днище лепных сосудов с примесью песка в тесте; пласт 2 (0,2-

0,4 м): 6 стенок лепных сосудов, три из которых имеют примесь шамота и песка, другие три – песка в глиняном тесте.

Яма 3 (илл. 2:3) выявлена в 15 см к югу от южной окраины ямы 2 на уровне после снятия второго пласта. Также, как и яма 2, выделялась светло-коричневым пятном (перемес глины с гумусированной супесью) на фоне гумусированной супеси (заполнение постройки 1). Диаметр ямы – 0,2 м, глубина 0,2 м от уровня выявления. Стенки наклонные вовнутрь. Заполнение ямы – гумусированная супесь с глиной. Находки не обнаружены.

Ямы 4-6 (илл. 2:3) выявлены после выборки заполнения постройки 1 в северной части раскопа (кв. 2). Выделялись темным гумусированным пятном на фоне материковой поверхности. Ямы 4-5 имеют вытянутую по линии запад-восток форму, длиной 30 см, шириной 15 см. Яма 6 имеет округлую форму, диаметр 22 см. Глубина ям – 0,15-0,2 м от уровня выявления. Стенки наклонные. Находки не обнаружены.

Перемешанность материалов в ямах 1-2 и наличие больших фрагментов сосудов, которые не могли попасть в объекты из культурного слоя позволяет относить их к хозяйственным сооружениям римского времени. Постройка 1, как указывалось выше, вторична по отношению к перекрывающей ее яме 2. Большинство материала из ее заполнения – лепная посуда с песком; единичные фрагменты сосудов с шамотом в силу незначительной глубины сооружения могли попасть в нее из культурного слоя. Таким образом, с некоторыми оговорками ее можно отнести к сооружениям бондарихинской культуры. Сомнительно использование ям 4-6 в качестве столбовых.

Как указывалось нами выше, на поселении обнаружены культурные остатки эпохи бронзы и раннего железного века (не берем во внимание немногочисленные фрагменты керамики Нового времени). И если с материалами эпохи бронзы все достаточно ясно – они соотносимы с бондарихинской культурой – то с материалами римского времени не все так просто. Попробуем разобраться в этом.

Массовым материалом, относящимся к римскому времени, является глиняная посуда, изготовленная без применения гончарного круга. Всего в культурном слое и объектах обнаружено 424 фрагмента, из них 5 единиц имеют лощеную поверхность, что составляет чуть более 1 %. По подсчетам А.М. Обломского на поздненарубинецких памятниках доля лепной лощеной посуды составляет от 2 % и более (Обломский, 1991, с. 7), в среднем – 4-6% (Обломский, 2002, с. 11). Лепная лощеная посуда также встречается на памятниках ранней (дочерняховской) стадии киевской культуры как пережиток поздненарубинецких традиций и составляет до 1% от общего массива посуды (Обломский, 1991, с. 8).

К сожалению, коллекция лепной посуды, происходящая с поселения, не дает полного представления о формах сосудов, бывших в употреблении у жителей поселка. Однако определенные выводы позволяет сделать отсутствие тех или иных признаков сосудов и характер орнаментации.

Среди керамического материала полностью отсутствуют ребристые формы. В единственном экземпляре встречен глиняный диск с бортиком. В поздненарубинецкое время данная посуда характерна для поселений типа Терновки (Обломский, 2002, с. 11), концентрирующихся в бассейне Северского Донца и нетипична для памятников бассейна Ворсклы, Псла и Сейма (типа Картамышево). В то же время данный тип посуды широко распространен на раннекиевских поселениях Шишино-5 и Шмырево (Обломский, 1991, с. 69).

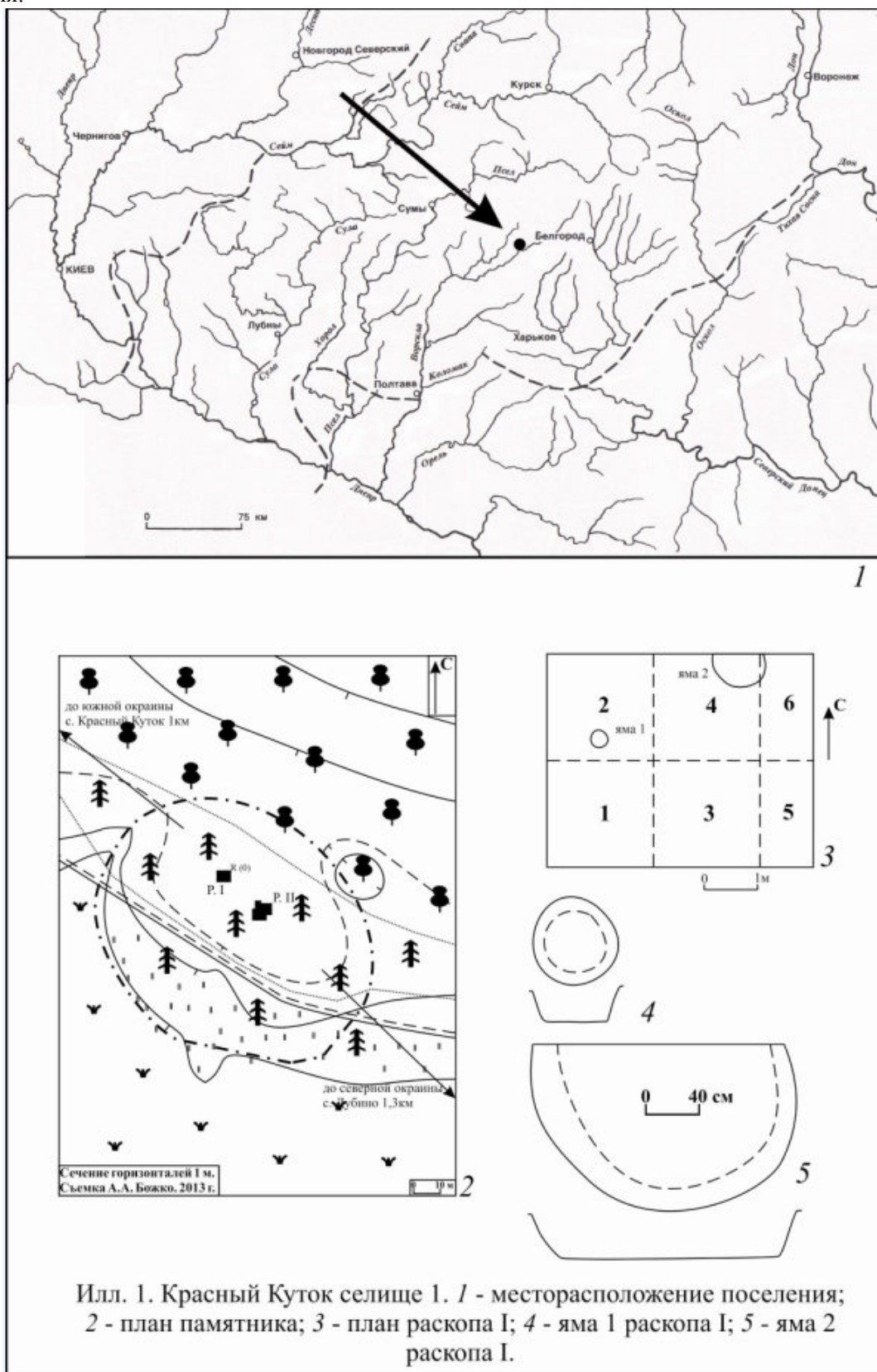
Характерной чертой поздненарубинецкой лепной керамики является орнаментация сосудов насечками и пальцевыми вдавлениями по краю венчика и реже поясом ямочек, нанесенных пальцами чуть ниже шейки. В верховьях рек Днепровского бассейна, по сведениям А.М. Обломского, орнаментировалось не менее половины всех венчиков (Обломский, 1991, с. 40). Данная орнаментация встречается и на памятниках типа Шишино-5 – Шмырево, однако, в сравнительно малых объемах (8 и 10% соответственно на поселениях Шишино-5 и Шмырево) (Обломский, 1991, с. 51). На исследованном нами поселении Красный куток орнаментированные венчики составляют около половины от общего числа венчиков сосудов.

Кроме керамики с поселения происходят две фибулы. Фибула 1 (илл. 7:10) на момент проведения исследований находилась у находчика, ее удалось осмотреть, нарисовать и сфотографировать. По желанию находчика фибулу не очищали от грязи. Длина фибулы 12,3 см, ширина в верхней части 6,1 см, в нижней – 5,4 см. Имеется четыре зоны с эмалью красного цвета. На фибуле видны повреждения, сделанные, вероятно, находчиком при ее извлечении из земли.

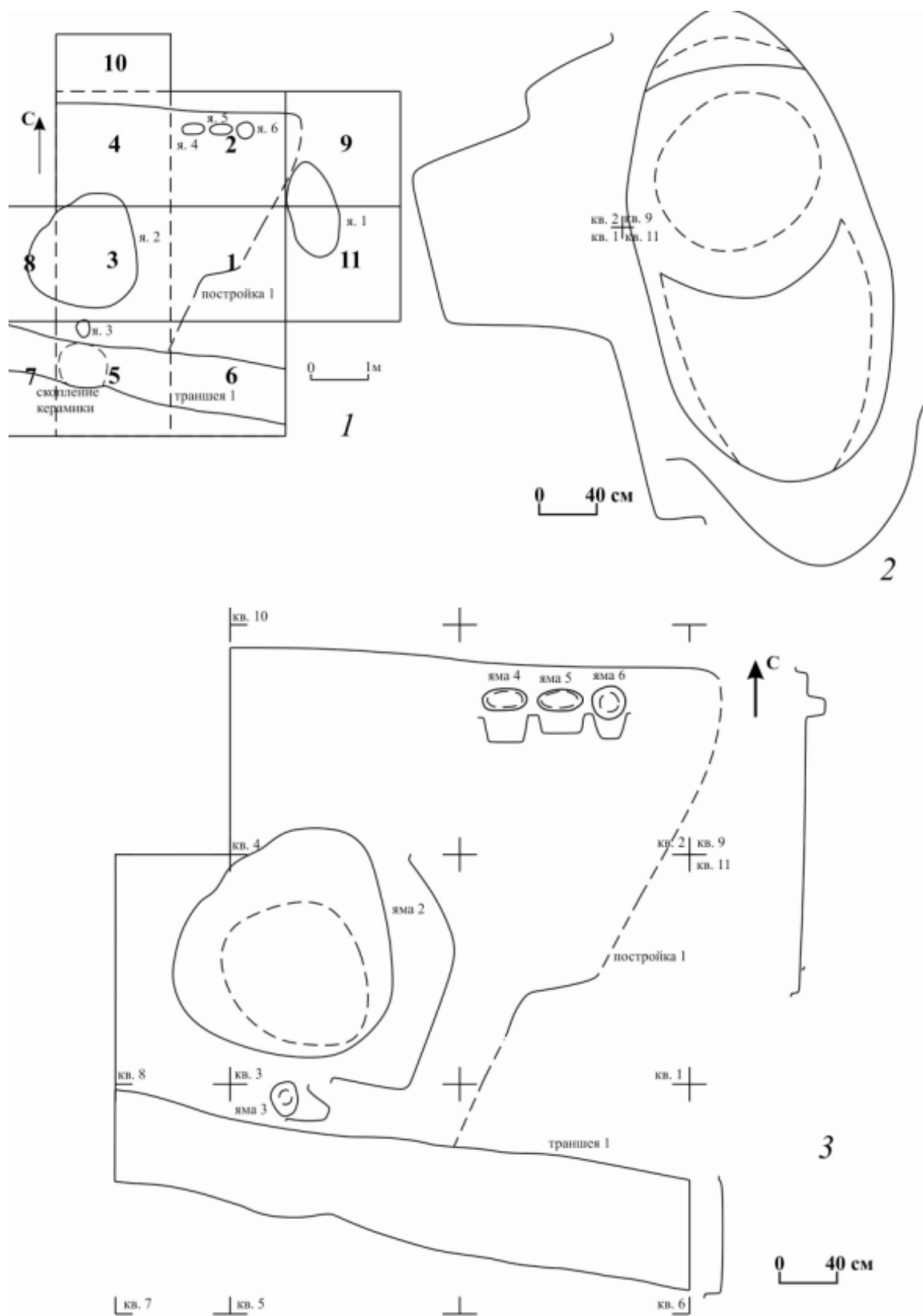
Вторая фибула (илл. 7:11) к моменту проведения работ у находчика отсутствовала, имелось только ее фото. По всей видимости, фибула абсолютно идентична первой, у нее отсутствует ножка и пружинный аппарат.

Данные фибулы относятся к типу треугольных. Распространены на территории Восточноевропейской лесостепи во II – первой половине III вв. н.э. Подобные изделия встречаются на поселениях поздненарубинецкой и раннего этапа киевской культур.

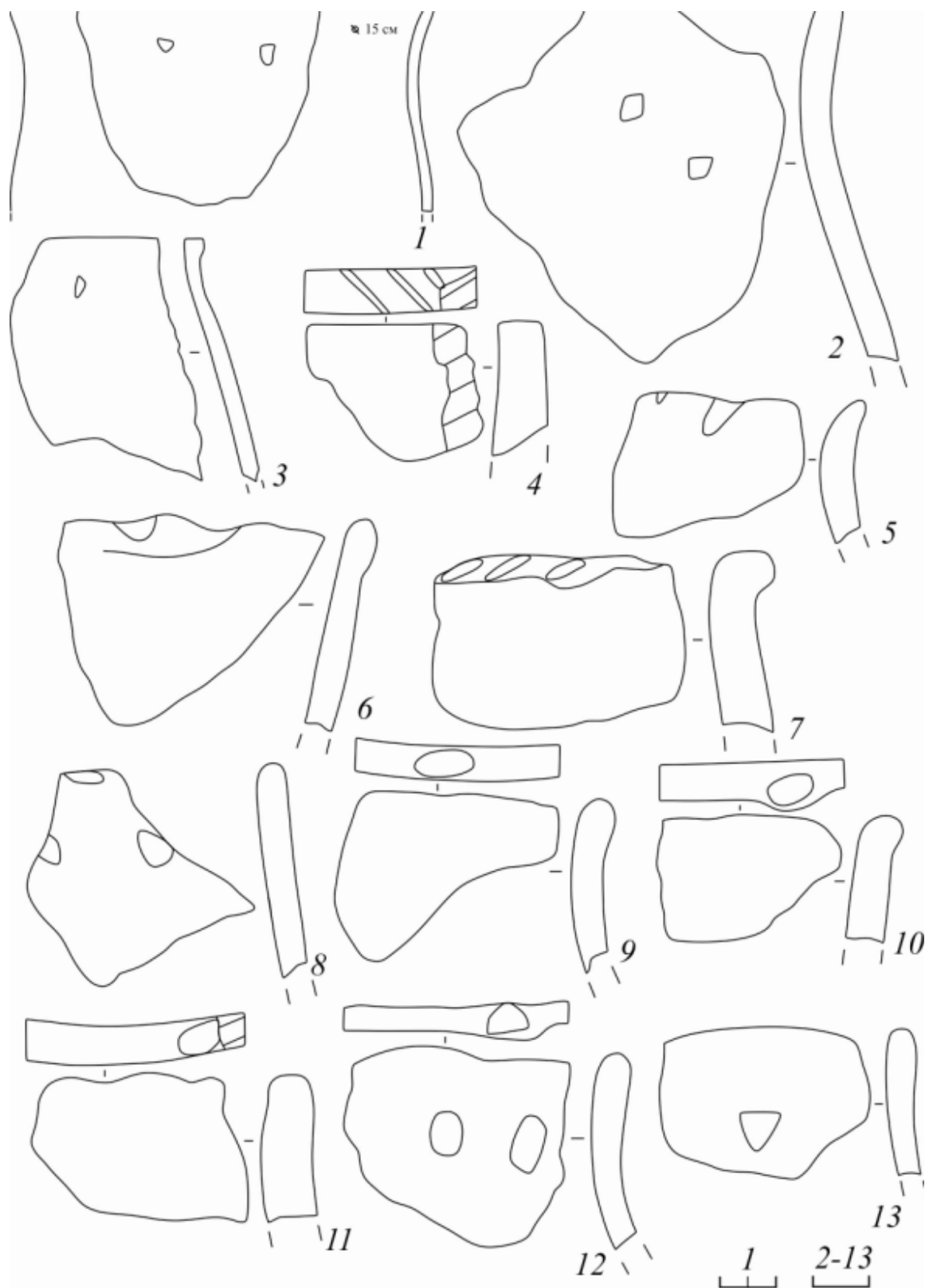
Таким образом, проведенные на поселении исследования и анализ обнаруженного материала позволяют отнести находки двух фибул к позднезарубинецкому этапу жизнедеятельности поселка. Малое количество посуды с лощеной поверхностью, возможно, указывает на переходный характер поселения.

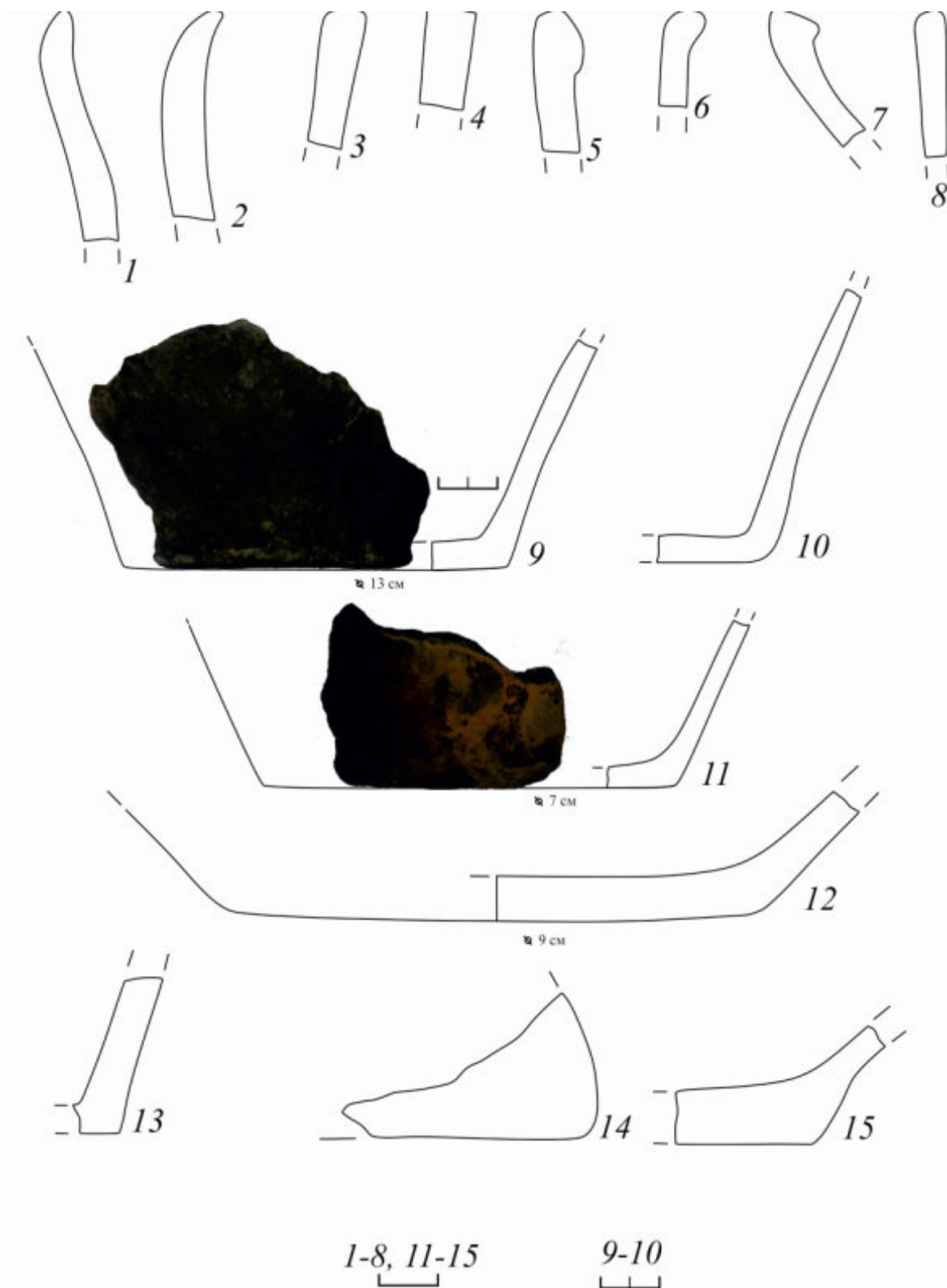
Илл. 1. Красный Куток селище 1. 1 - месторасположение поселения; 2 - план памятника; 3 - план раскопа I; 4 - яма 1 раскопа I; 5 - яма 2 раскопа I.

Илл. 2. Красный Куток селище 1. 1 - план раскопа II; 2 - яма 1 раскопа II; 3 - ямы 2-4, постройка 1, траншея 1 раскопа II.

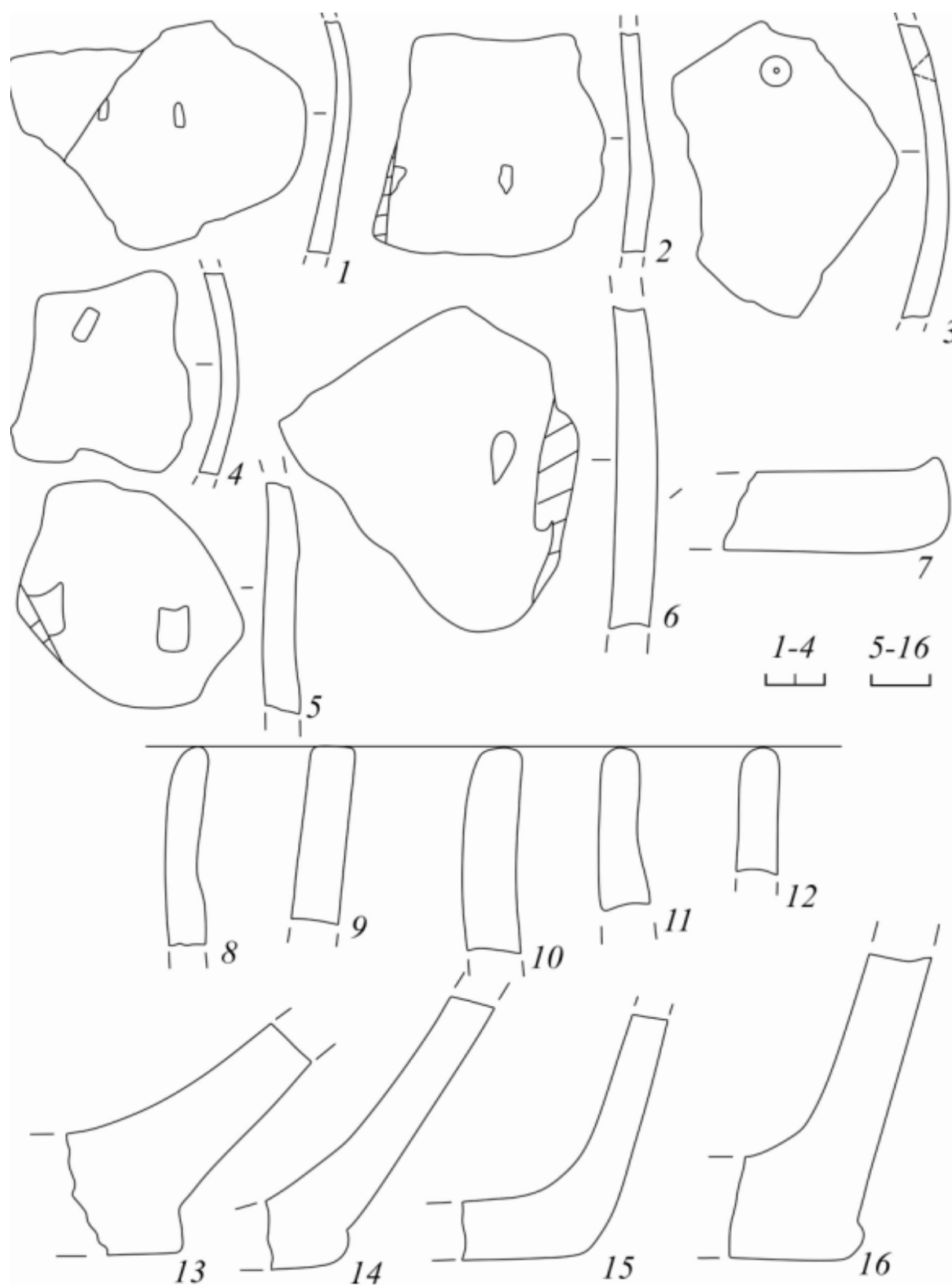
Илл. 3. Красный Куток селище 1. Лепная керамика с примесью песка в глиняном тесте. 1, 8, 13 - р. II, транш. 1, скопл.; 2-3, 9 - р. II, кв. 9, пл. 2; 4, 7 - р. I, кв. 2, пл. 1; 5, 6, 12 - р. II, кв. 1, пл. 2; 10 - р. I, кв. 3, пл. 1; 11 - р. II, кв. 1, пл. 1.

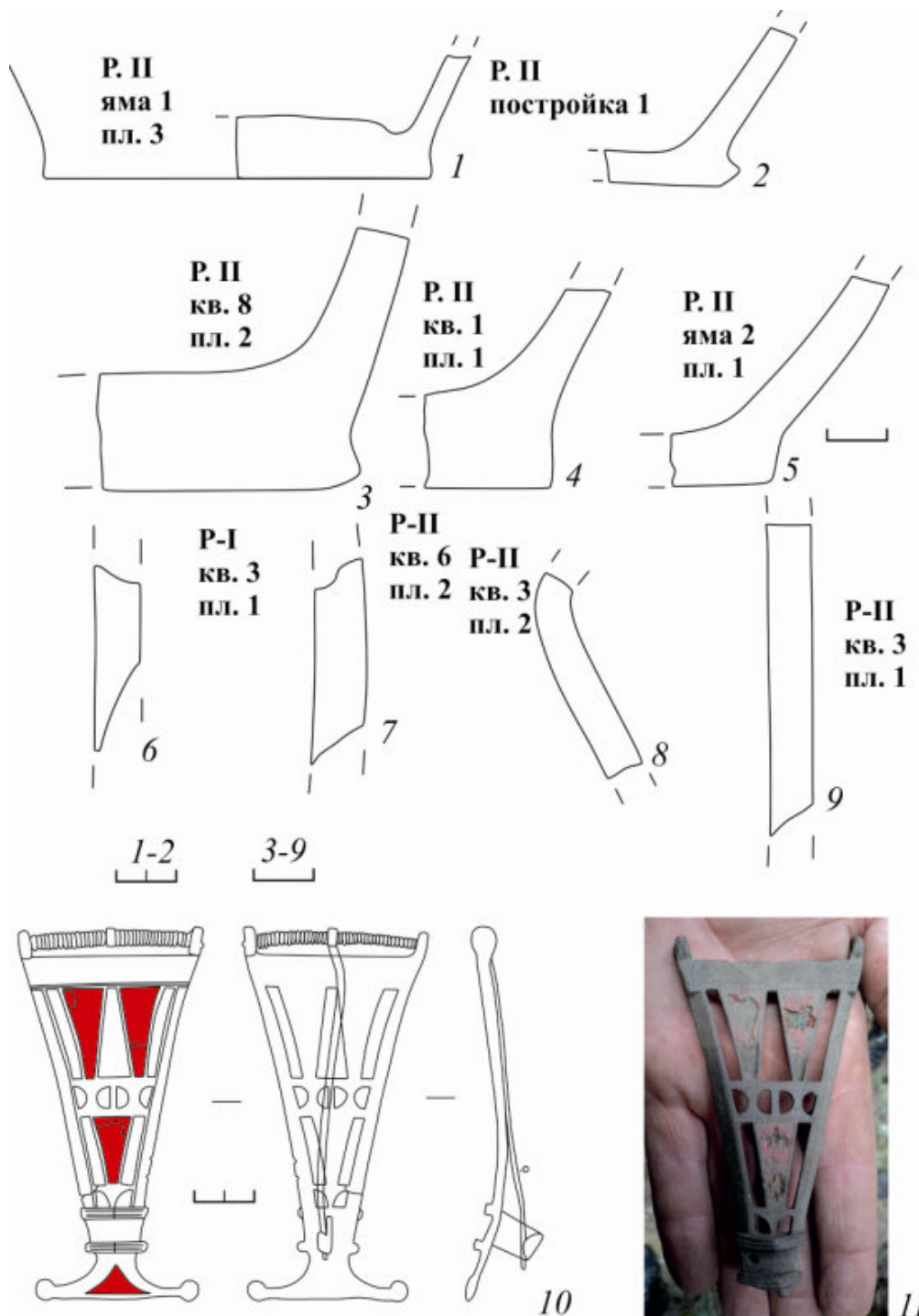
Илл. 4. Красный Куток селище 1. Лепная керамика с примесью песка в глиняном тесте. 1 - р. II, кв. 2, пл. 2; 2 - р. I, кв. 2, пл. 1; 3 - р. II, кв. 3, пл. 2; 4 - р. II, кв. 11, пл. 2; 5-7 - р. II, кв. 1, пл. 2; 8, 11, 13 - р. II, транш. 1, скопл.; 9 - р. II, кв. 9, пл. 2; 10, 12 - р. II, транш. 1; 14 - р. II, кв. 9, пл. 1; 15 - р. II, кв. 11, пл. 1

Илл. 5. Красный Куток селище 1. Лепная керамика с примесью
шамота в глиняном тесте. 1 - р. II, кв. 10, пл. 2; 2, 4, 6, 8, 11 - р. II, кв.
4, пл. 2; 3 - р. II, кв. 7, пл. 2; 5 - р. II, кв. 1, пл. 2; 7 - р. II, транш. 1; 9-
10 - р. II, кв. 8, пл. 1.

Илл. 6. Красный Куток селище 1. Лепная керамика с примесью шамота в глиняном тесте. 1 - р. II, кв. 9, пл. 2; 2, 4 - р. II, постр. 1; 3 - р. II, транш. 1; 5, 10, 13 - р. II, кв. 5, пл. 2; 6 - р. II, кв. 1, пл. 2; 7 - р. II, кв. 2, пл. 2; 8, 14, 15 - р. II, яма 2, пл. 1; 9 - р. II, кв. 1, пл. 1; 11 - р. II, кв. 4, пл. 2; 12 - р. II, кв. 3, пл. 2; 16 - р. II, кв. 6, пл. 2.

Илл. 7. Красный Куток селище 1. 1-5 - лепная керамика с примесью шамота в глиняном тесте; 6-9 - лепная керамика с лощеной поверхностью; 10 - фибула 1; 11- фибула 2. 1 - р. II, яма 1 пл. 3; 2 - р. II, постр. 1; 3 - р. II, кв. 8, пл. 2; 4 - р. II, кв. 1, пл. 1; 5 - р. II, яма 2, пл. 1; 6 - р. I, кв. 3, пл. 1; 7 - р. II, кв. 6, пл. 2; 8 - р. II, кв. 3, пл. 2; 9 - р. II, кв. 3, пл. 1.

Список литературы

1. Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I – V вв. н.э. М.; Сумы, 1991. 287 с.
2. Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.). – М.: Наука, 2002. 255 с.

Керамические изделия юхновской культуры с городища Рассуха 2

Аннотация. В статье проанализированы находки керамических изделий юхновской культуры с городища Рассуха-2 в Унечском районе Брянской области. Описаны основные категории находок – горшки, льячки, грузики и пряслица. Сделан вывод об аналогичности керамических изделий находкам с других памятников юхновской культуры Подесенья.

Ключевые слова: городище Рассуха-2, юхновская культура, керамические изделия, горшки, льячки, грузики

Abstract. The article analyzes the finds piece of pottery Yukhnovskii culture from the settlement of Rassuha-2 in Unechskaya district of the Bryansk region. Describes the main categories of finds – pots, ladles for molten metal, weights and whorls. The conclusion about the similarity piece of pottery finds from other sites Yukhnovskii culture Podesenia.

Keywords: the settlement Rassuha-2, yukhnovskaya culture, piece of pottery, pots, ladles for molten metal, weights.

Юхновской археологической культуре раннего железного века в плане изучения не слишком повезло. Несмотря на то, что исследованы десятки юхновских памятников, до недавнего времени лишь немногие из них были более или менее полноценно опубликованы. Число обобщающих работ, посвященных ей, крайне незначительно, даже после недавнего выхода в Киеве двух фундаментальных монографий (Каравайко, 2012; Каравайко, Горбаненко, 2012). Надеемся что данная статья послужит небольшим дополнением в разработку проблематики юхновской культуры.

Территория Брянской области относится к основному ареалу юхновской культуры (Кашкин, 2001). На Брянщине к настоящему времени известно около 150 городищ юхновской культуры (Дробушевский, 2009, с. 46, рис. 1). Одно из них – городище Рассуха 2 – было исследовано одним из авторов статьи в 2002 г.

Городище Рассуха 2 (в отчете Г.Н.Пронина и в паспорте Министерства культуры СССР от 8.06.1973 г. памятник обозначен как городище Рассуха 3, однако мы придерживаемся нумерации, предложенной А.В.Кашкиным (АКР, 1993, с. 259)), расположено в Унечском районе Брянской области. Следует отметить, что до недавнего времени в с.Рассуха Унечского района Брянской области было известно два юхновских городища, однако одно из них, городище Рассуха 1, было уничтожено в 1991 г. при строительстве внутрихозяйственной автодороги (АКР, 1993, с. 258-259).

Городище Рассуха 2 расположено в 0,11 км к югу от юго-восточной окраины села Рассуха, в 0,5 км к северу от шоссе Брянск – Гомель в месте его пересечения р. Рассуха. Оно занимает мыс правого коренного берега реки Рассуха при впадении в нее правого притока – р. Плесталь. Высота площадки городища над уровнем воды 18,5 м, площадка грушевидной формы, вытянута по линии север – юг с отклонением от оси координат в 15° к востоку. Размеры основной площадки городища: длина с учетом внутреннего и внешнего валов 80 м, ширина в северной части у внутреннего вала 20 м, в южной части у внешнего вала 55 м. Напольный вал сильно оплыл, его высота 3,5 м, с южной стороны проходит ров глубиной 5 м. Внутренний северный вал высотой до 1 м расположен на самом краю площадки. Ров находится уже за её пределами, на уступе, его глубина 5 м от гребня вала. За ним идет следующий вал высотой 3 м, за ним — ров глубиной 2,5 м и внешний вал высотой 2 м. За третьим валом находится площадка длиной 16 м, которая обрывается крутым склоном к реке, высота края площадки над уровнем реки 12 м. Восточный и западный склоны площадки городища очень крутые, крутизна склонов 55° и 65°, высота над уровнем реки 16 и 18 м соответственно. Площадка городища имеет небольшую седловидность в разрезе по линии север – юг. С запада и севера мыс, на котором расположено городище, огибает р. Плесталь – правый приток р. Рассуха (на плане в отчете Г.Н.Пронина ошибочно указана р. Рассуха), с востока – собственно река Рассуха. Склоны и площадка городища, а также малая площадка с северной системой валов и рвов и большой южный ров в настоящее время заросли лиственными деревьями. С юга к городищу примыкает обширное селище площадью свыше 3,5 га, расположенное между двумя оврагами. По результатам шурфовки Г.Н.Пронина культурный слой на городище достигал мощности 1,5 м и делился на два горизонта: верхний древнерусский толщиной 0,4 м и нижний юхновский, разделенные зольной прослойкой (Кулаков, Пронин, Смирнов, 1974, с. 62-63).

В последние годы городище и примыкающее к нему селище стали объектами деятельности «черных копателей», работающих с применением металлодетекторов. Нарастающая опасность разрушения памятника в ходе грабительских раскопок заставила в 2002 г. провести охранные раскопки городища. Раскоп площадью 60 кв. м был заложен у подножия внутреннего северного вала городища, у восточного края площадки, на месте четырех крупных кладоискательских ям (Гурьянов, Ефимов, 2003, с. 116-117).

Начиная с середины XIX в. городище в селе Рассуха в исторической литературе отождествлялось с летописным пунктом Росусь (вариант по Хлебниковскому списку — Роксусь), единственный раз упомянутым под 1160 годом в Ипатьевской летописи при описании событий феодальной войны конца 50-ых — начала 60-ых гг. XII в. в Чернигово-Северской земле (ПСРЛ, 1908. Стлб. 508). Материалы древнерусского времени, полученные при раскопках городища, уже частично введены в научный оборот (Гурьянов, 2009, с. 152-158; 2009а, с. 79-83).

Интересно отметить, что в конце XIX в. местными жителями городище воспринималось в связи с событиями Северной войны, с городищем были также связаны различные предания о зарытых там кладах: «В южной стороне села Рассуха, на правом берегу речки, существует окоп, известный под названием «городок». На вопрос о его происхождении каждый крестьянин ответит вам: «иста швед, тут ваявали». По местному преданию, сохранившемуся и по сей день, в этой местности зарыто «пропасть» кладов, так что однажды, говорят, из обрыва городка выкатилась бочка с золотом прямо в воду» (Косич, 1901, с. 224).

Впервые городище было обследовано Г.Н.Прониным в 1973 г. (Кулаков, Пронин, Смирнов, 1974, с. 62-63). Тогда был снят план памятника и проведена шурфовка площадки городища. В 80-ые гг. XX в. городище Рассуха 2 неоднократно посещалось сотрудниками Брянского областного краеведческого музея. В 2001 г. городище Рассуха 2 обследовалось одним из авторов, тогда же был зафиксирован факт повреждения площадки городища многочисленными кладоискательскими ямами (Гурьянов, 2002, с. 13).

Наиболее массовую категорию находок в раскопе составляла керамика. Всего в раскопе было собрано свыше 3,5 тысяч фрагментов лепной и круговой керамики. Коллекция керамики, отобранная для сдачи на хранение в музей, насчитывает 1647 фрагментов посуды, из них 689 фрагментов лепной и 958 фрагментов круговой посуды.

Лепная керамика относится к нескольким культурно-хронологическим периодам. Основная масса лепной керамики относится к юхновской культуре и суммарно датируется IV – II вв. до н.э. Лепная керамика начала встречаться уже в дерне, во втором пласте преобладала, а начиная с третьего пласта практически доминировала. Керамика изготовлена методом лоскутного налёпа, в качестве отошителей использовались дрсва, песок и шамот. Основную массу керамического материала составляют фрагменты горшков. Цвет горшков преимущественно различных оттенков коричневого и серо-коричневый, иногда темно-серый с различными оттенками.

Наиболее многочисленной категорией находок керамики являются горшки. Преобладают слабопрофилированные горшки. Все они тонкостенные, от 0,5 – 0,8 см по тулову до 1 см в придонной части. Высота сосудов колеблется от 15 до 32 см, диаметр венчиков – от 12 до 25 см. Донца сравнительно небольшие, диаметром 5-10 см. Наибольшее расширение горшков приходится на верхнюю треть сосудов. На одних горшках венчик практически прямой, слегка отогнутый. Четко намеченная шейка переходит в хорошо выраженные плечики. На других переход от шейки к плечикам достаточно плавный. Встречены и банкообразные горшки, у которых венчик высокий, без четко выраженных шейки и плечиков.

Орнаментация юхновской керамики достаточно скромная и относительно однообразная. Декор нанесен на срез венчика, шейку или плечики, то есть украшалась верхняя часть сосуда. Доминирует углубленный орнамент, сделанный косо поставленной палочкой. Насечки, как правило, имеют П-образную форму с наибольшим углублением в верхней части. Такие насечки образовывали один ряд, реже – два или три. Иногда такие насечки образуют треугольник с опущенной вниз вершиной – так называемую «виноградную гроздь». Реже встречаются насечки, образующие многорядную композицию. Аналогичная орнаментация также выполнялась круглой или треугольной палочкой. Встречаются также небрежные наколы – насечки, которые можно назвать бесформенными. Изредка по краю венчика встречаются вдавления, сделанные пальцем (рис. 2: 1-11). В целом керамика с городища Рассуха-2 аналогична керамике с других памятников юхновской культуры Подесенья (Горюнова, 1950, с. 151, рис. 52; Падин, 1966, с. 139-140, рис. 2-3; Каравайко, 2012, с. 75-87, рис. 46-54).

Интересно отметить, что на городище совершенно не встречены глиняные грузила, характерные для памятников юхновской культуры, хотя при обследовании городища Г.Н.Прониным грузила в

шурфе были найдены (Кулаков, Пронин, Смирнов, 1974, с. 63). Находки «рогатых кирпичей» представлены единичными фрагментами.

На раскопе также найдены два миниатюрных сосуда. Один из них на поддоне, сохранился не полностью, отбита верхняя часть. Высота сохранившейся части 42 мм, максимальный диаметр 32 мм, диаметр донца 23 мм. Цвет серо-коричневый, в тесте примеси дресвы и естественные включения кварца. По форме напоминает рюмку. Второй миниатюрный сосудик по форме копирует большие сосуды. Под венчиком по шейке он украшен орнаментом, нанесенным палочкой. Цвет коричнево-серый, с примесью дресвы и естественных кварцитов. Высота 48 мм, диаметр венчика 38 мм, максимальный диаметр 39 мм. Наибольшее расширение горшочка приходится на верхнюю треть сосуда (рис. 2: 12,13).

Предназначение миниатюрных сосудиков недостаточно ясно. Существуют различные точки зрения на этот счет – сосудики были детскими игрушками (Левенок, 1957, с. 51), использовались в качестве столовой посуды для питья настоев трав или лекарственных растворов, имели сакральную функцию (Каравайко, 2012, с. 87).

Еще одной категорией керамических изделий с городища являются льячки. Льячки имели вид небольшой ложки с носиком для слива, в ручке сделано отверстие для деревянного держака. На раскопе найдены три экземпляра льячек – один целый и два фрагмента. Целая льячка представляет собой ложечку треугольной в плане формы, треугольник практически равносторонний, размеры сторон 54 мм на 50 мм. Цвет светло-серый – светло-коричневый, глина без видимых примесей. Ручка круглая в плане, диаметром 16 мм, диаметр отверстия для деревянного держака 9-10 мм. Общая длина льячки 78 мм, глубина ложечки 13 мм (рис. 2: 14). У фрагмента льячки сохранились часть ложечки и часть ручки. Общая длина 34 мм, диаметр ручки 12 мм, диаметр отверстия для деревянного держака 5 мм. От еще одного фрагмента льячки сохранился фрагмент ручки, общей длиной 43 мм, диаметр 12 мм. Отверстие для деревянного держака смещено к краю, его диаметр 4-5 мм, длина 30 мм. В целом изделие выглядит грубее первых двух, цвет темно-серый, фиксируются примеси дресвы.

Находки льячек и их фрагментов свидетельствуют о развитии бронзолитейного производства на городище.

Грузики и пряслица были найдены в количестве 13 целых экземпляров (рис. 2: 15-21). Грузик (пряслице) с орнаментом найден в первом пласте на глубине -43 см. Оно биконической формы, достаточно крупное. Его размеры: высота 44 мм, диаметр основания 23-24 мм, диаметр наибольшего расширения 33 мм. Диаметр отверстия 6 мм. Украшено накольчатым орнаментом из нескольких вертикальных параллельных линий точек, в линии 5-6 точек (рис. 2: 15). Относится к типу 1 по Д.В. Каравайко (2012, с. 104). Пряслице округло – биконической формы найдено во втором пласте на глубине -80 см. Пряслице серого цвета, его размеры: высота 36 мм, диаметр основания 12-14 мм, диаметр наибольшего расширения 31 мм. Диаметр отверстия 5 мм, не орнаментировано. Округлое пряслице найдено во втором пласте, кв. Ж7, глубина -62 см. Высота 24 мм, диаметр 27 мм, цвет светло-коричневый. Диаметр отверстия 4 мм. Относится к типу 2 по Д.В. Каравайко (2012, с. 104-105). Еще одно округлое пряслице найдено на уровне третьего пласта на глубине -90 см. Цвет светло-коричневый – серый, диаметр 33 мм, диаметр отверстия 5 мм, украшено неровной линией, смещенной от середины высоты. Биконическое орнаментированное пряслице из двух фрагментов найдено на глубине -117 см. Его размеры: высота 29 мм, диаметр основания 8 мм, диаметр наибольшего расширения 38 мм. Диаметр отверстия 5 мм. Украшено ногтевыми вдавлениями, видимо образующими крестовидную композицию (пряслице фрагментировано). Пряслице в форме катушки найдено в заполнении древнерусской ямы-1 на глубине -135 см. Его размеры: высота 34 мм, диаметр основания 29-31 мм, диаметр наименьшего расширения 26 мм. Диаметр отверстия 4 мм, цвет светло-коричневый. По торцам пряслице украшено, по одному торцу – бессистемными прочерченными линиями, по другому – насечкой по краю. Относится к типу 3 по Д.В. Каравайко (2012, с. 105). Маленькое пряслице или бусина в форме цилиндра найдено в пласте 4 на глубине -98 см. Его размеры: высота 15 мм, диаметр основания 15 мм, диаметр наибольшего расширения 18 мм. Диаметр отверстия 3 мм, цвет светло-коричневый – светло-оранжевый. Округлое пряслице найдено при зачистке 4 пласта в кв. Б3 на глубине -127 см. Цвет серый, высота 28 мм, диаметр 32 мм, диаметр отверстия 3,5 мм, украшено посередине высоты насечками, нанесенными ножом. Биконическое пряслице со слегка вогнутыми гранями найдено в пласте 4 на глубине -121 см. Его размеры: высота 43 мм, диаметр основания 14-15 мм, диаметр наибольшего расширения 32 мм. Диаметр отверстия 5 мм, оно смещено относительно оси. Еще одно биконическое пряслице найдено на глубине -164 см. Его размеры: высота 29 мм, диаметр основания 11 мм, оно слегка выделено, что отличает это пряслице от других. Диаметр наибольшего расширения 28 мм. Диаметр отверстия 6 мм. Биконическое пряслице с выделенным пояском по цен-

тру, состоящее из двух фрагментов было найдено на глубине -150 см. Его размеры: высота 38 мм, диаметр основания 21 мм, диаметр наибольшего расширения 39 мм. Диаметр отверстия 4,5 мм. Пряслице украшено по верхней части ногтевыми вдавлениями. Довольно многочисленные находки пряслиц на городище свидетельствуют о том, что прядением занимались практически в каждой семье.

В целом же изделия из глины являются теми вещами, которые в значительной мере определяют самобытность юхновских памятников. Прежде всего это касается керамической посуды и особенно ее орнамента.

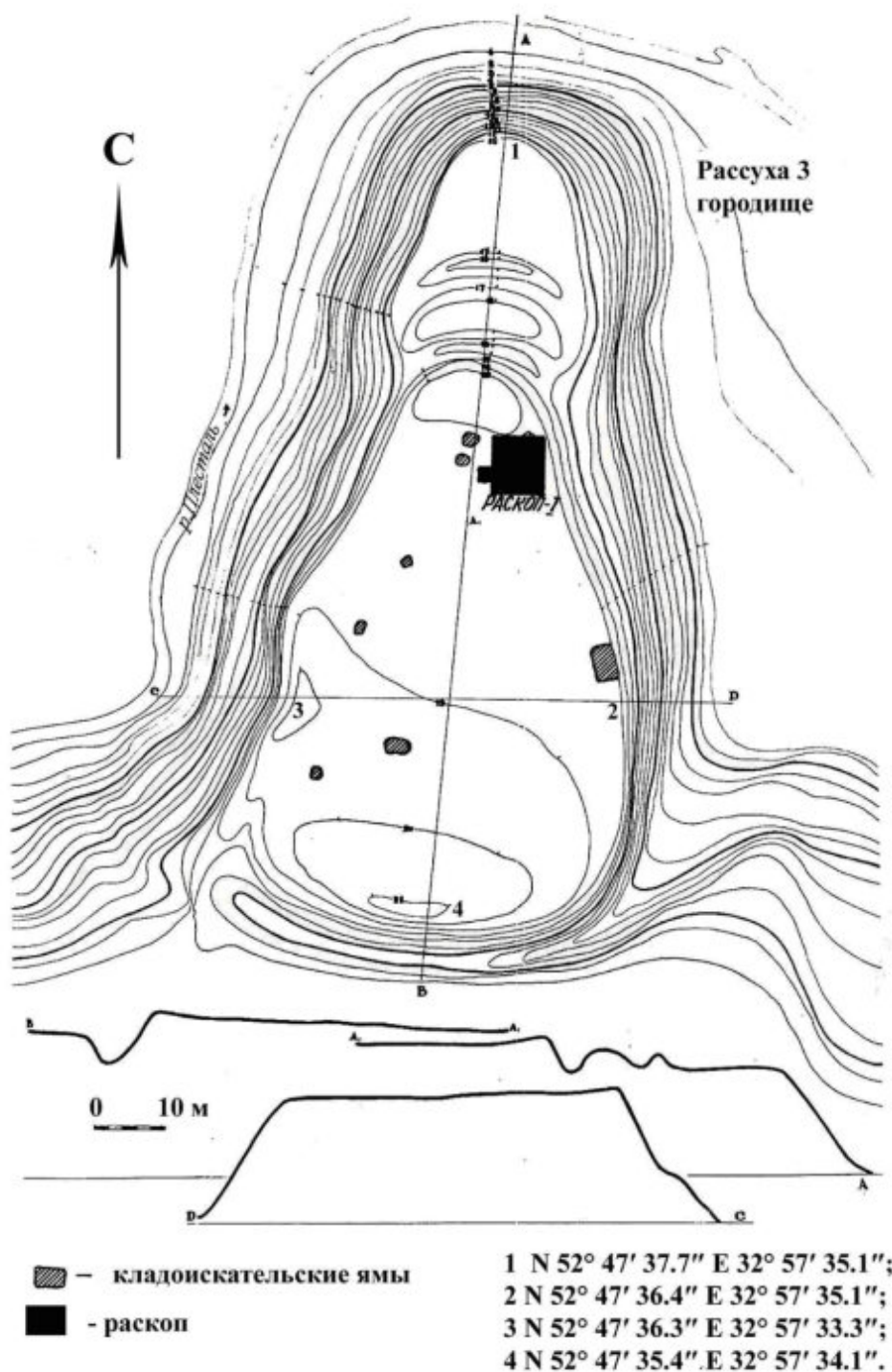

Рис. 1. План городища Рассуха 2 (по Г.Н. Пронину) с изменениями и дополнениями

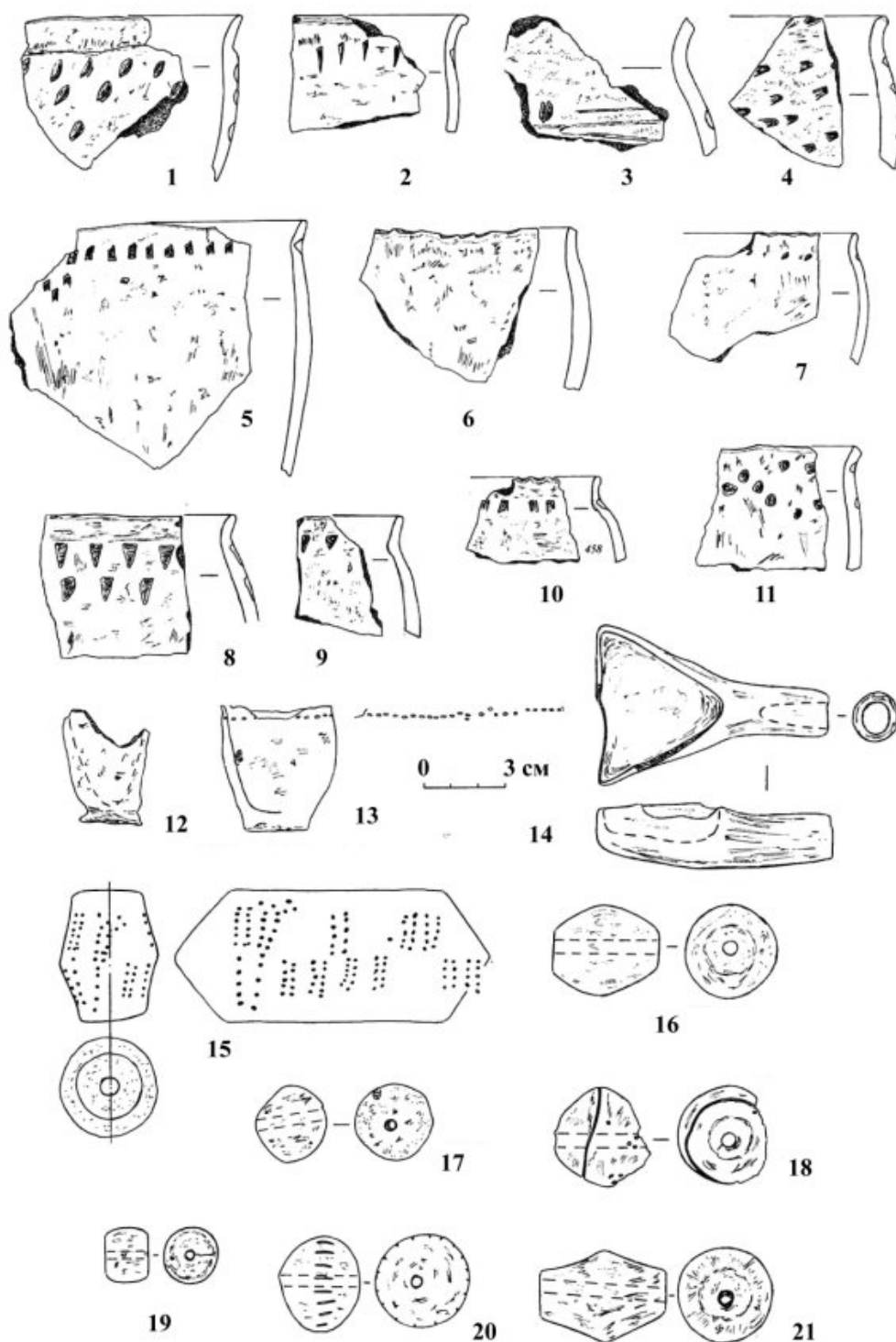

Рис. 2. Керамические изделия с городища Рассуха 2

Список литературы

1. Археологическая карта России: Брянская область. / Автор – сост. А.В.Кашкин. М.: ИА РАН, 1993. 304 с.
2. Воеводский М.В. Городища Верхней Десны // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 24. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 67-77.
3. Горюнова Е.И. Городище Торфель // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 31. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 148-156.
4. Гурьянов В.Н. Отчет об археологических разведках в Брянской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. 2002. Р-1. № 25999.

5. Гурьянов В.Н. Летописная Росусь – крепость на чернигово-смоленском пограничье // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Мат-лы междунар. конф., посв. 100-летию начала арх. исследований Гочевского арх. комплекса. Курск: КГОМА, 2009. – С. 152-158.
6. Гурьянов В.Н. Предметы вооружения, предметы быта и украшения древнерусского времени с городища Рассуха 2 // Русский сборник. Вып. 5. (Труды кафедры Отечественной истории древности и средневековья БГУ. Вып. 12.). Брянск: Курсив, 2009а. – С. 79-83.
7. Гурьянов В.Н., Ефимов А.Е. Охранные раскопки городища Рассуха 2 // Археологические открытия 2002 г. М.: Наука, 2003. – С. 116-117.
8. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.2. СПб., Тип. М.А.Александрова, 1908. 574 с.
9. Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАН Украины, 2012. 276 с.
10. Каравайко Д.В., Горбаненко С.А. Господарство носіїв юхнівської культури. Київ: Наукова думка, 2012. 304 с.
11. Кашкин А.В. Археология Брянской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Кн. 1. –М.: ИА РАН. 2001.
12. Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни // Живая старина. Вып. 2. СПб. 1901. – С. 221-260.
13. Кулаков В.И., Пронин Г.Н., Смирнов Ю.А. Разведки в бассейне р. Судость // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. – С. 62-63.
14. Левенок В.П. Городища юхновской культуры // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Вып. 7. Киев, 1957. – С. 49-53.
15. Левенок В.П. Юхновская культура (её происхождение и развитие) // Советская археология. 1963. № 3. – С. 79-96.
16. Падин В.А. Юхновские поселения Средней Десны // Советская археология. 1966. № 2. – С. 137-150.

УДК 902

А.В. Деревянко

РАННЕСАРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ С СЕВЕРНОЙ ОРИЕНТИРОВКОЙ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Аннотация. В статье проанализированы раннесарматские впускные погребения с северной ориентировкой на Среднем Дону. Доказывается, что погребения были оставлены роксоланами.

Ключевые слова: Роксоланы, Дон, северная ориентировка, впускные погребения.

Abstract. Article is devoted to the study the early Sarmatian burials with northern orientation on the Middle Don. It is proved that the burial belong Roxolans.

Key words: Roxolani, Sarmatians, the Middle Don, north orientation, inlet burial.

На сегодняшний день раннесарматские памятники на Среднем Дону составляют весьма малочисленную группу, насчитывающую шесть погребений, три клада и несколько случайных находок. Более детально они получили осмысление в недавней работе А.П. Медведева (Медведев, 2008, с. 18-19, рис. 6, 1-11). В представленном исследовании мы проанализировали только погребения сарматов (5 захоронений из 6), в которых фиксируется северная ориентировка умерших – Сасовка (8/3, 8/2) (Медведев, 1990, с. 14; С.12, рис. 3, 5-7), Левашовка (1/), (Медведев, 1990, с. 16, рис. 4, 16), Монастырка (погр. 2) (Медведев, 1990, с. 16-17, рис. 5, 7-14) и Белогорье (погр. 1) (Березуцкий В.Д., 2016) (рис. 1).

Три из пяти захоронений являются впускными в курганы предшествующих эпох – эпохи бронзы, что характерно для раннесарматской культуры (Степи..., 1989, с. 171). Два погребения (Монастырка и Белогорье) являются грунтовыми. Подобные погребения являются крайне редкими, но все же встречаются среди захоронений II-I вв. до н. э. в Северном Причерноморье (например, Бабино на Украине).

Захоронения представлены индивидуальными могилами. Умершие лежат вытянуто на спине, все ориентированы в северном полукруге. Подобная ориентация весьма редка в междуречье Дона и Волги (Скрипкин, 1990, с. 184), но имеет большой удельный вес среди раннесарматских памятников на Украине – там их больше половины (Симоненко, 1993, с. 23; Он же, 2000, с. 158-159). Значительная группа захоронений с северной ориентировкой представлена среди памятников на Нижнем Дону ((Глебов, 1989, с. 155-156), в Нижнем Поволжье также имеются среди погребальных комплексов II – I вв. до н. э. единичные погребения с северной ориентировкой (Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 99). Лишь в одном случае вход в могильную яму был перекрыт деревянным настилом (Сасовка-8/2), что считается частым явлением в погребальной традиции ранних сарматов (Степи..., 1989, с. 171).

Формы могильных ям варьируют: в Белогорье она представлена прямоугольно-удлиненной могилой с закругленными углами, в Монастырке – овальной. В Сасовке-8/3, Сасовке-8/2 и Левашовке контуров могильной ямы проследить не удалось.

В погребениях с северной ориентировкой отсутствуют остатки напутственной пищи. Отсутствуют здесь и другие важные элементы обряда, такие как, использование мела или огня в ритуальной практике, характеризующие погребальную традицию раннесарматских памятников Азиатской Сарматии. В тоже время, следует заметить, что подобная традиция является редкостью среди северо-причерноморских погребений сарматов, что также сближает между собой две группы погребений.

Сопутствующий инвентарь представлен следующими категориями вещей. Орудия труда - одним пряслон, сделанным из стенки гончарного сероглиняного сосуда (рис. 2, 5). Аналогичные прясла характерны для всего сарматского времени и дать суженную дату не могут. Предметы туалета – бронзовым зеркалом с валиком по краю диска (рис. 2, 3). По заключению А.С. Скрипкина, данный тип зеркал выходит из моды во II в. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 152). Предметы украшений – происходящими из одного погребения у с. Монастырка стеклянными бусами (рис. 2, 8-11), в том числе и с внутренней позолотой (рис. 2, 8-10), а также двумя бронзовыми проволочными серьгами, каждая из которых свернута в полтора оборота (рис. 2, 6-7).

На этом фоне несколько выразителен керамический комплекс из погребений. Он представлен тремя лепными горшками и одной мегарской чашей. В погребении у с. Монастырка находился лепной горшок с высоким яйцевидным туловом, покрытым по шейке и плечикам орнаментом из прочерченных горизонтальных и расположенных ниже фестонобразных линий (рис. 2, 4). Сосуды подобной формы и орнаментации характерны для прохоровской культуры Приуралья и Поволжья (Степи..., 1989, рис. 72, 12). Из захоронения Сасовка – 8/3 происходит лепной горшок, украшенный характерным прохоровским орнаментом в виде «полотенец» (рис. 2, 1) (Степи..., 1989, табл. 72, рис. 33, 34, 42, 60, 71, 75, 83; Симоненко, 1993, рис. 3, 26; Скрипкин, Клепиков, 2004, рис. 5, 22, 26, 28). Еще один лепной сосуд из погребения Сасовка – 8/2 с яйцевидным туловом, орнаментированный рядом каплевидных вдавлений (рис. 2, 2). Он обнаруживает довольно близкие аналоги в раннесарматских погребениях Нижнего Дона (Максименко, Мошкова, 1973, с. 75-76, рис. 29, 2-3; Степи..., 1989. Табл. 66, 68, 72; Скрипкин, Клепиков, 2004, рис. 5, 36). Из грунтового погребения у с. Белогорье происходит рельефная глиняная чаша полусферической формы. Внешняя поверхность чаши орнаментирована длинными, закругленными на окончаниях лучами и полосками жемчужника между ними. Сверху лучей расположена горизонтальная линия ов. На дне сосуда – клеймо с рельефной надписью – «Деметрий». Как отмечают авторы первой публикации находки, мегарские чаши с надписью «Деметрий» на дне сосуда принадлежат продукции боспорских ремесленников и дата изготовления подобных чаш – II в. до н. э. (Березуцкий В.Д., 2016).

Таким образом, все исследованные погребения по сопутствующему инвентарю датируются раннесарматским временем, т.е. II – I вв. до н. э.

Анализ погребальных памятников позволяет предположить, что все они были оставленными рядовым населением сарматского общества. Большинство из них принадлежало женщинам, на что может указывать инвентарь из захоронений (рис. 2).

В культурном аспекте рассмотренная группа погребений близка раннесарматским погребениям Северного Причерноморья и Нижнего Подонья (впускные погребения, индивидуальные захоронения, северная ориентировка умерших, похожая форма керамики), которые украинский археолог А.В. Симоненко считает оставленными одним из сарматских племен – роксоланами (Симоненко, 1991, с. 17-28; Он же, 1992, с. 25-26; Он же, 1993, с. 25-29, 112-114.; Он же, 2000, с. 158-159; и др.). Мы полагаем, что данная группа погребений также была оставлена роксоланами. Если обратиться к анализу работы греческого географа Страбона, воссоздающего этногеографию Восточной Европы в II – I вв. до н. э., то границы кочевий роксолан он определял на западе от р. Борисфен (Днепр), на востоке до р. Танаис (Дон), а на севере затруднялся дать информацию в виду скудости его знаний о

столь удаленной территории (Geogr.: II. V. 7). Археологический же материал позволяет нам оконтурить границы кочевий роксолан и расширить их на северо-востоке вплоть до среднего течения р. Дон.

Стоит также отметить, что все имеющиеся на сегодняшний день памятники локализируются в пограничных пределах лесостепной и степной зоны. Это соотносится с мнением А.П. Медведева, согласно которому сарматские племена начинают осваивать лесостепную зону только с I в. н. э. (Медведев, 2008, с. 21). В предшествующее же время, проникновения в лесостепную зону носили спорадический характер, и одним из племен, в чьи сферы интересов входили территории к северу от степи, были роксоланы.

Таким образом, подводя итог выше сказанному, можно констатировать, что данная группа погребений дополняет число роксоланских древностей и расширяет северо-восточную границу кочевий роксолан вплоть до среднего течения р. Дон.

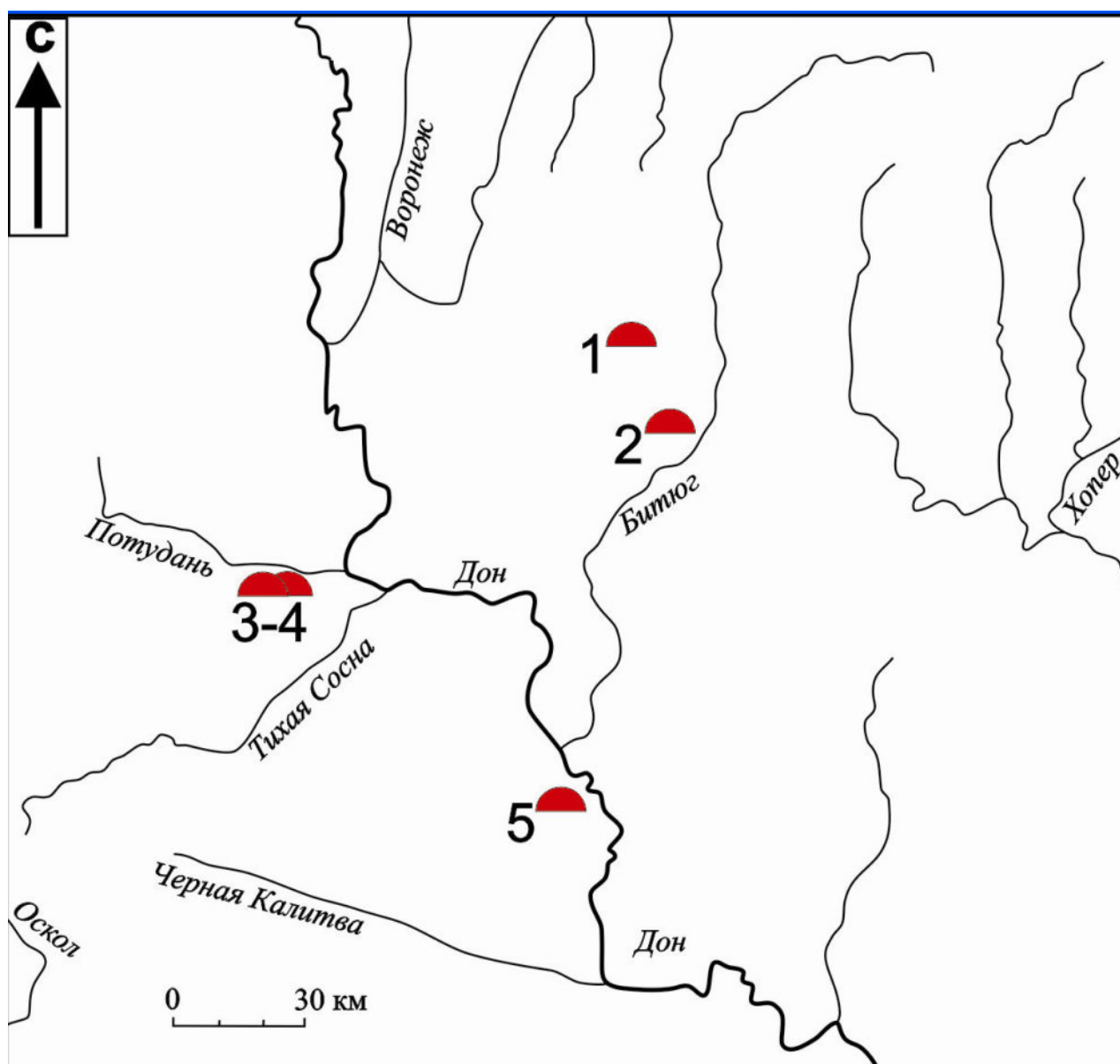

Рис. 1. Карта раннесарматских погребений с северной ориентировкой на Среднем Дону: 1 – Левашовка; 2 – Монастырка; 3 – Сасовка (к.8. п.3); 4 – Сасовка (к.8 п.2); 5 – Белогорье

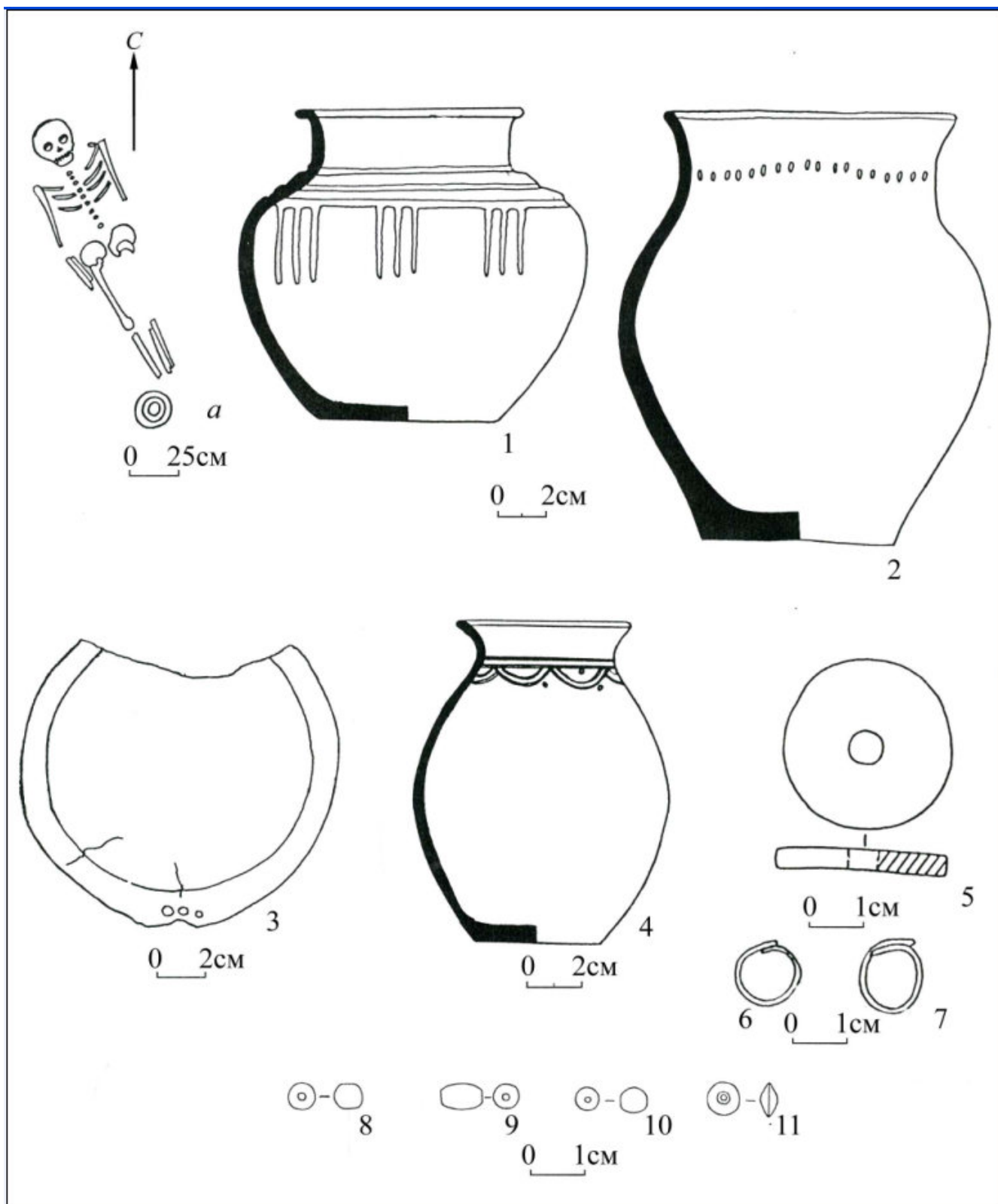

Рис. 2. Сарматские североориентированные погребения II – I вв. до н. э.: а – Сасовка, к.8 п.3 план; 1 – Сасовка, к.8 п.3; 2 – Сасовка, к.8 п.2; 3 – Левашовка; 4-11 – Монастырка. 1, 2, 4 – сосуды; 3 – зеркало; 5 – прясла; 6, 7 – серьги; 8-11 – бусы

Список литературы

1. Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Кравец А.В. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону // Вестник ВГУ. Серия история. Политология. Социология. 2016. (в печати).
2. Глебов В.П. Сарматские погребения с северной ориентировкой III-I вв. до н. э. на Нижнем Дону // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Донецк. 1989. С. 23-25.

3. Максименко В.Е., Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона // КСИА АН СССР. 1973. № 133. С. 72-80.
4. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь: по материалам Подонья. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. 220 с.
5. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
6. Симоненко О.В. Роксолани (пошук археологічних відповідей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17-28.
7. Симоненко А.В. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III-го археологического материала). Ч. I. Краснодар, 1992. С. 24-34.
8. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993. 142 с.
9. Симоненко А.В. Особенности раннесарматской культуры северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 158–164.
10. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 300 с.
11. Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 межд. конф. «Проблема сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 95-106.
12. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Под общ. ред. акад. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1989. 464 с.

УДК 902

А.Н. Меркулов, Е.Ю. Яниш

Раскопки поселения 2 у хутора Титчиха в 2015 г.¹

Аннотация. в статье отражены результаты раскопок поселения скифского времени на Среднем Дону. В результате работ добыта коллекция орудий труда, керамики, собран остеологический материал. Удалось определить видовой состав млекопитающих и рыб, выяснить процентное соотношение видов, рассмотреть возрастной состав особей. Полученные данные позволили сделать выводы о стационарном характере поселения.

Ключевые слова: среднедонская культура скифского времени, поселение, животноводство, рыболовство, хозяйство.

Abstract. the article describes the results of excavations of Scythian settlement in the Middle Don. As a result, work is extracted collection tools, pottery, collected osteological material. It was possible to determine the species composition of mammals and fish, to find out the percentage of species, consider the age composition of individuals. The findings led to the conclusion of the stationary nature of the settlement.

Key words: the culture of the Middle Don area of the Scythian age, site, animal husbandry, fisheries, economy.

Донские древности скифского времени известны, преимущественно, по материалам курганных некрополей и городищ. За более чем вековую историю проведения археологических изысканий на памятниках лесостепного Подонья раскопками исследовалось более 10 курганных могильников, порядка 20 городищ и всего лишь 5 неукрепленных поселения. Слабая изученность неукрепленных поселков скифской эпохи не позволяет достаточно полно охарактеризовать материальную культуру оседлого населения данного региона. До сих пор отсутствуют данные о планировке таких памятников, не совсем ясно и их назначение. Некоторые неукрепленные поселки могли являться тем местом, где протекала повседневная жизнь и осуществлялась хозяйственная деятельность населения эпохи раннего железа, другие представляли собой кратковременные стоянки. Поэтому материалы, происходящие с поселений, имеют первостепенное значение для характеристики культурно-хозяйственного типа древних обитателей донской лесостепи.

© Меркулов А.Н., Яниш Е.Ю., 2016

¹Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-36603.

В 2015 году археологическая экспедиция Воронежского государственного педагогического университета возобновила исследования поселения 2 у хутора Титчиха. Памятник находится в Лискинском районе на правом берегу р. Дон (рис. 1). Он расположен на мысу подпрямоугольной формы, возвышающимся над урезом воды на 42 м. Размеры памятника 290х145 м, площадь составляет 41500 кв. м.

Поселение было выявлено отрядом археологической экспедиции Воронежского государственного университета под руководством А.Н. Москаленко в 1962 году. На поверхности памятника ею зафиксированы несколько округлых западин, предположительно от жилищ. Над одной из них был заложен раскоп 10х10 м. В нём встречены фрагменты керамики скифского времени, несколько пряслиц округлой формы, точильный брусочек и кости животных. В материковом мелу обнаружен котлован постройки полуземляночного типа (Москаленко, 1969, с. 103-104).

В 2015 г. в восточной части поселения был заложен раскоп 2, площадь которого составила 96 кв.м. Мощность культурного слоя (тёмно-серой гумусированной супеси) в пределах раскопа колебалась от 57 до 83 см. В нём обнаружены преимущественно материалы скифской эпохи, а также единичные находки каменного века.

Основную категорию находок составляет керамика. Всего в раскопе 2 обнаружено 34 венчика, 463 стенки и 63 днища лепных сосудов скифского времени. По результатам микроморфологического анализа керамики выяснено, что она изготавливалась из тощих глин смектитового состава. В качестве отощителей применялись кварц, полевой шпат, васкулярная органика. Обжиг окислительный, проводился в печи в невыдержанной среде при температуре от 700° до 850° С. Цвет черепков тёмно-серый, тёмно-коричневый, красно-коричневый.

Днища сосудов представлены как экземплярами с закраинами, так и без таковых. Их диаметр различен и колеблется от 8 до 13 см.

Двадцать три венчика принадлежали горшкам (рис. 2, 1,3-7). Девятнадцать из них по краю были орнаментированы пальцевыми защипами (рис. 2, 1,3-6), три – вдавлениями палочкой (рис. 2, 7), ещё один не был украшен вовсе.

Один из горшков удалось графически реконструировать (рис. 2, 6). Его диаметр по венчику составил 18 см, по днищу – 11 см, высота сосуда 20 см. Он имеет тёмно-коричневый цвет, в тесте содержится большое количество крупного шамота, встречается кварцевый песок и мелкая дресва, с внешней стороны горшок покрыт вертикальными расчёсами.

Помимо горшков, в слое обнаружен один фрагмент крышки и три венчика миски. Один из них имеет Т-образный профиль, у двух других края прямые, без внутренних или внешних загибов (рис. 2, 8). Кроме того, найден фрагмент небольшой чаши (рис. 2, 2).

Индивидуальные находки представлены орудиями труда и предметами быта.

К первой категории относится квадратное в сечении железное шило (7,6х0,3 см) с двумя заострёнными рабочими краями (рис. 3, 1).

Интересной находкой является железный бурав (рис. 3, 3). В сечении он прямоугольный (0,3х0,5 см), длина составляет 16,8 см. В момент обнаружения на тыльной части инструмента зафиксированы следы дерева от рукоятки. Рабочая часть орудия имеет спираль из пяти витков, подходящих к заострённому концу на 1,3 см. Общая длина спирали 4 см. На Среднем Дону подобное орудие найдено лишь на Волошинском I городище (Либеров, 1965, с. 69, табл. 15, 14). Нечасто такие инструменты встречаются и на поселенческих памятниках лесостепной Украины. По одной находке обнаружено на Бельском (Шрамко, 1987, с. 106, рис. 46, 5), Люботинском (Шрамко, 1998, с. 48, рис. 27, 4) и Шарповском (Ковпаненко и др., С. 79, рис. 20, 29) городищах.

Орудия металлообработки представлены клиновидным в профиле железным зубильцем (6,7х1,0,6 см) (рис. 3, 2). Такие предметы довольно редко встречаются на территории лесостепного Дона. До настоящего момента они были обнаружены лишь на Пекшевском городище (Медведев, 1986, рис. 43, 6; 1988, рис. 28, 9, 10; рис. 30, 4; 1989, рис. 92, 14). Редки подобные орудия и на просторах днепровской степи и лесостепи. Такие инструменты встречены в материалах Бельского (Шрамко, 1987, с. 105, рис. 45, 3), Люботинского (Шрамко, 1998, с. 48, рис. 27, 5) и Каменского городищ (Граков, 1954, с. 125, рис. 27, 5). Данные зубильца применялись при работе с холодным металлом, а его небольшие размеры могут свидетельствовать об использовании инструментов в ювелирном деле (Шрамко, 1969, с. 65).

Изделия из кости представлены костяной заготовкой рукоятки (рис. 3, 5) и небольшим костяным предметом цилиндрической формы (рис. 3, 4), возможно пуговицей. Заготовка костяной рукоятки имеет овальное сечение, длину 15,5 см, ширину 1,6 см, высоту 0,8 см. Изготовлена из ребра животного. На одном конце присутствуют следы надреза, выполненного железным ножом. «Пуговка» сделана из трубчатой кости, по краям предмета имеется заполировка (2,5х0,9х1 см).

Помимо описанного материала в слое памятника встречено 329 костей, из которых 280 подверглись анализу.

В коллекции присутствуют кости быка домашнего (*Bos Taurus*) – 98 ед., лошади домашней (*Equus caballus*) – 18 ед., свиньи домашней – 9 ед., собаки домашней (*Canis familiaris*) – 2 ед., овцы (*Ovis aries*) и, возможно, козы домашней (*Capra hircus*) – 36 ед. В связи с тем, что кости последних двух видов очень близки морфологически, в случаях, когда на костях отсутствуют диагностические признаки, такие кости относят к одной категории – «мелкий рогатый скот» (МРС).

В результате исследования выявлено, что среди костей, для которых возможно корректное определение возраста, присутствуют остатки как молодых, так и взрослых особей. Так, в одном случае возраст быка 6-8 месяцев, в двух – 7-10, что указывает на забой этих животных в октябре-феврале (условно считаем, что в среднем отел происходил в апреле).

Возраст МРС 6-8 месяцев также указывает на гибель животного в начале осени. В одном случае возраст лошади был 9-12 месяцев, что указывает на смерть животного в конце зимы-начале весны. Не исключено, жеребенок был забит для использования в пищу, хотя следов разделки не обнаружено. Также в пользу этой гипотезы говорит время забоя – конец зимы, когда запасы продовольствия, как правило, подходят к концу, возможно, в своём рационе жители поселения чаще стали использовать конину.

Исходя из материалов данного памятника можно предположить, что основной забой скота происходил в осенний период.

Длина сома (*Silurus glanis*), реконструированная по единственному позвонку, приблизительно составляла 75 см, вес 1,5 кг (возраст 10 лет).

В трех случаях найдены раковины перловицы речной, которые могли быть использованы в пищу, но также могли быть принесены на поселение уже в виде раковин для дальнейшей обработки.

Следы огня на костях обнаружены в шести случаях. Цвет обгоревшей кости позволяет узнать температуру, при которой она обжигалась. Так, черный цвет имеют три экземпляра: плечевая кость свиньи, частично обгоревшая; неопределимая кость животного крупного размера и ребро МРС. Черный цвет кость приобретает при температуре около 600° С, что характерно для открытого огня. Частичная обожженность кости свиньи также свидетельствует в пользу того, что кость обгорела в костре или открытом очаге. Еще три кости имеют черный внутри и палевый снаружи цвет: ребро лошади; неопределимые кости животных крупного размера. Температура, воздействовавшая на кости, в данном случае была около 800° С, что возможно при обжиге кости в очаге или печи. Следы огня на ребре лошади позволяют предположить, что лошадь была использована в пищу.

Следы разделки режущими или рубящими орудиями на костях не обнаружены. В одном случае на плечевой кости свиньи встречены следы от погрызов мелкими грызунами и собакой, что также подтверждает принадлежность остеологических материалов к категории кухонных остатков. В одном случае обнаружены следы обработки на роге благородного оленя (*Cervus elaphus*) – край фрагмента срезан.

Кроме того, найдена II фаланга быка домашнего с патологическими разрастаниями, которые являются результатом воспалительного процесса, вероятнее всего, от нагрузок. Подобные патологии у быка домашнего могут косвенно указывать на его использование в качестве тягловой силы. Аналогичные патологии на фалангах домашних быков нами встречены в материалах других среднедонских памятников (Яниш, Меркулов, 2015, с. 109), а также поселений Северного Причерноморья (к примеру Мангуп-Кале (не опубликовано)). При этом в материалах последнего присутствовали рога волов. Возможно фаланги с подобными патологиями и на исследуемом памятнике принадлежали волам.

Результаты раскопок 2015 года дают возможность предположить, что поселение 2 у хутора Титчиха по-видимому являлось стационарным. Его обитатели вели активную хозяйственную деятельность. На памятнике обнаружены свидетельства земледелия, животноводства, охоты, рыбной ловли, птицеводства, металлообработки, косторезного ремесла. Дальнейшее исследование памятника позволит расширить информации о неукрепленных поселках в донской лесостепи.

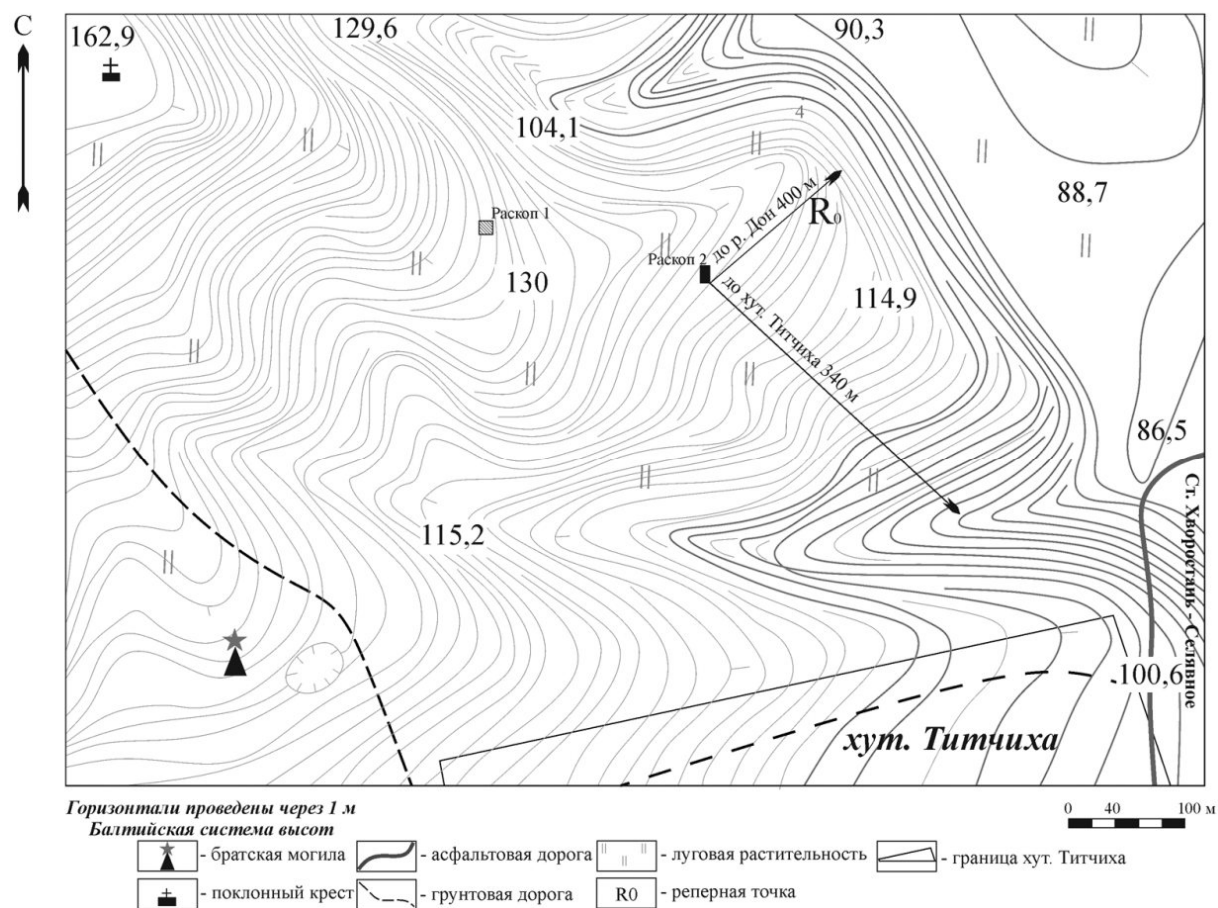

Рис. 1. Топографический план памятника

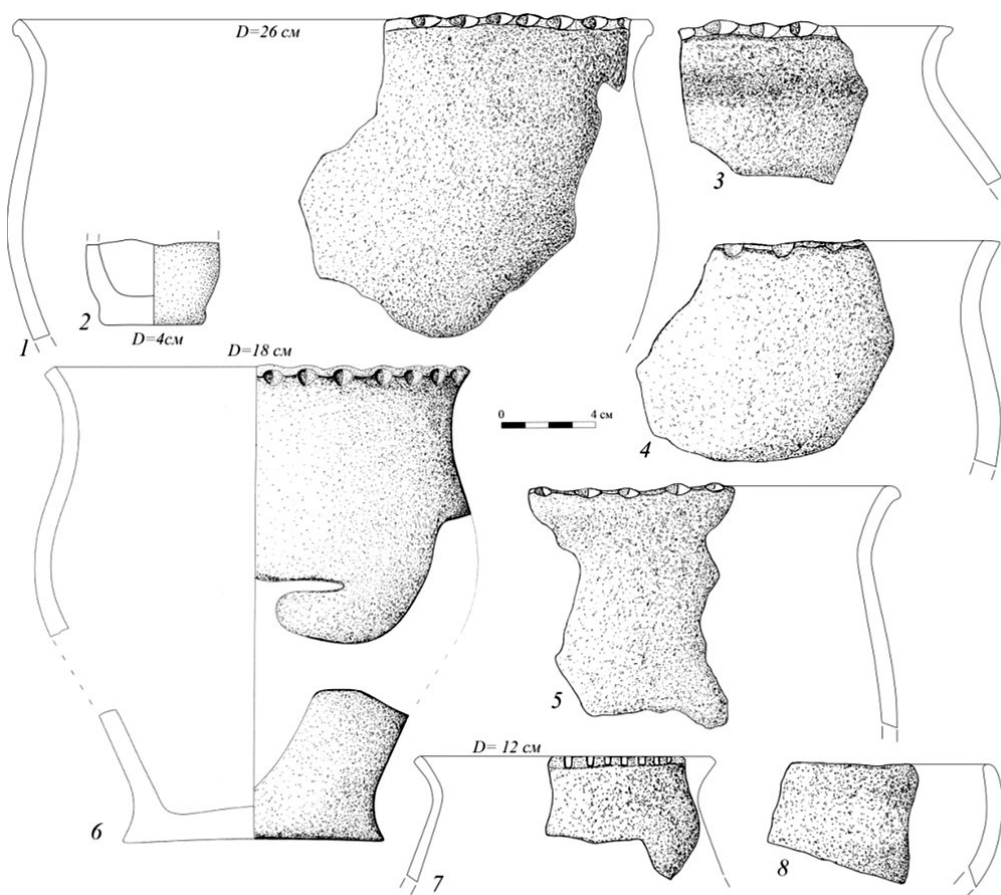

Рис. 2. Керамика с поселения 2 у хутора Титчиха

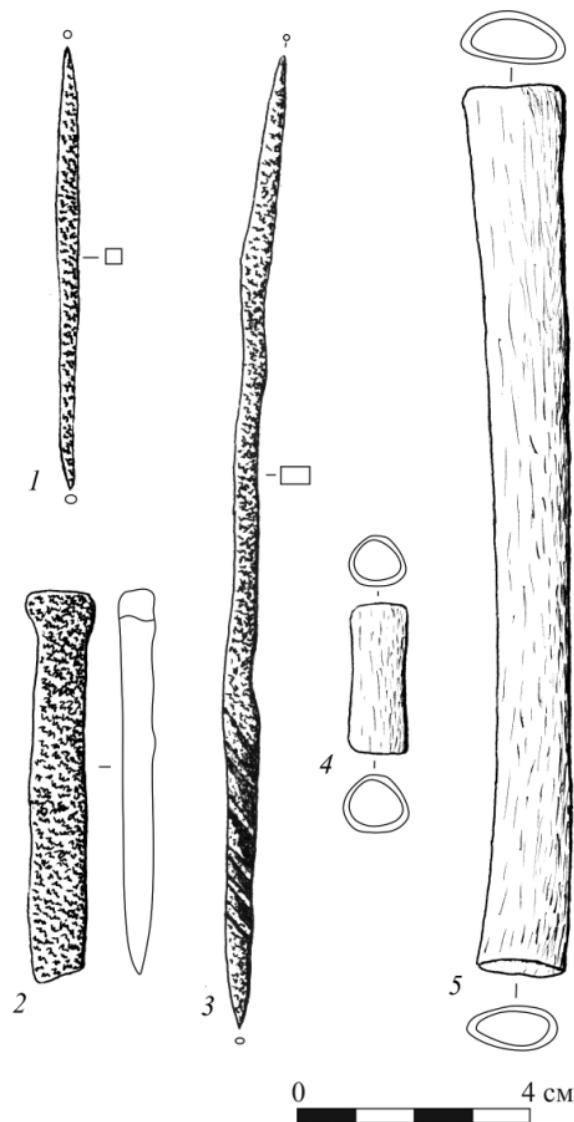

Рис. 3. Орудия труда и предметы быта. 1 – железное шило; 2 – железное зубильце; 3 – железное сверло; 4 – костяная пуговица; 5 – костяная рукоять

Список литературы

1. Граков Б.Н. Каменское городище // МИА. 1954. № 36. 238 с.
2. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.
3. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону// САИ. 1965. Вып. Д1-311. 111 с.
4. Медведев А.П. Отчёт о работе скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского университета за 1985 г. // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 10735.
5. Медведев А.П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета о работах в 1987 г. // Архив ИА РАН. 1988. Р-1. № 12056.
6. Медведев А.П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета о работах в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 12869.
7. Москаленко А.Н., Пряхин А.Д. Поселения раннего железного века у хутора Титчиха //МИА. 1969. № 151. С. 96-104.
8. Шрамко Б.А. Орудия скифской эпохи по обработке железа // СА. 1969. № 3. С. 53-70.
9. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова Думка, 1987. 182 с.
10. Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. Харьков: «Регион-информ», 1998. С. 9-131.
11. Яниш Е.Ю., Меркулов А.Н. Остеологическая коллекция скифского времени с городища у хутора Мостище // Известия ВГПУ. Воронеж: ВГПУ, 2015. № 2 (267). С. 106-111.

Исследование эскарпа Циркуновского городища

Аннотация. Публикация посвящена одному из приемов фортификации скифского времени – эскарпированию склонов мысовых городищ. В результате археологических раскопок на Циркуновском городище удалось получить важные данные для понимания особенностей сооружения оборонительных сооружений племенами раннего железного века лесостепной полосы Северного Причерноморья.

Ключевые слова: скифское время, лесостепь, фортификация, эскарп.

Abstract. The publication is devoted to one of the methods of fortification of Scythian time - to scarped slopes capes fortified settlements. As a result of archeological excavations in the ancient hill-fort Tsirkuni managed to obtain important data for understanding the construction of fortifications tribes of early Iron Age forest-steppe zone of the Northern Black Sea.

Keywords: Scythian time, Forest-steppe, fortification, scarp.

Появление системы укрепленных поселений в лесостепной части Северного Причерноморья относится к концу эпохи бронзы – началу раннего железного века. Традиционно, причину возведения фортификационных сооружений лесостепной полосы большинство археологов видит во внешней угрозе со стороны степных кочевников либо фракийских племен. Однако современные исследователи ставят под сомнение аргументацию о сооружении укреплений как ответ на военную угрозу, объясняя их появление общественными процессами централизации и протоурбанизации (Дараган, Кашуба, Разумов, 2010, с. 118–122). С конца IX – начала VIII вв. до н.э. традиция сооружения городищ прерывается и только с середины VII в. до н.э. в лесостепной части Поднепровья и Побужья появляются т.н. городища-гиганты (Немировское, Трахтемировское, Западное Бельское, Мотронинское), которые построены по единому принципу, отличному от техники фортификации предскифского времени (Дараган, 2011, с. 737–740). Количество раннескифских укрепленных пунктов незначительно, но с середины – конца VI в. до н.э., по данным современных археологических исследований, в Лесостепи возводится целая система новых укреплений (в большинстве своем меньших по площади, чем городища-гиганты), большая часть которых просуществовала до конца скифской эпохи. Несмотря на ряд общих признаков, городища скифского времени по топографии, площади, планиграфии, принципам сооружения рвов, валов и системы входов имеют определенные отличия. Отсутствие стандартов в сооружении укреплений, помимо топографических особенностей, указывает так же на попытки отдельных племенных групп внедрять индивидуальные приемы фортификации. Поэтому изучение особенностей сооружения отдельных укреплений Лесостепной Скифии имеет значение для понимания развития фортификационного дела в целом.

Ряд особенностей фортификации и организации внутреннего пространства удалось проследить в процессе исследования Циркуновского городища. Городище находится на северной окраине г. Харьков и относится к кругу лесостепных памятников скифского времени. Укрепления возведены на высоком узком мысу правого коренного берега р. Харьков (бассейн р. Северский Донец), ограниченном с запада и востока глубокими ярами (перепады высот между наивысшей точкой городища и дном яра составляет более 30 м) (рис. 1). Общая площадь городища 36500 кв. м. Памятник состоит из нескольких условно выделенных частей – дворов: первый (южный) и второй (северный) дворы повторяют форму мыса, склоны которого были дополнительно эскарпированы. Второй двор со всех сторон окружен кольцом вала и рва, на первом дворе земляные валы фиксируются только в южной и северной части (с напольных сторон), с востока и запада визуальнo фиксируются только эскарпы. Дополнительная линия укреплений (третий двор) сооружена на севере с напольной стороны, наименее защищенной топографически и состоит из небольшого вала, высотой до 1 м и неглубокого рва. Кроме того, фиксируются два входа: северо-восточный, который имеет тройную систему валов и рвов и южный с двумя валами и рвами. В наше время городище находится под лиственным лесом.

По типологии А.А. Моруженко, городище относится к классу мысовых, тип 10 – с двумя и более предградьями, которые полностью окружены оборонительными укреплениями (Моруженко, 1985, с. 163). Однако, на момент создания типологии, фортификационные сооружения Циркуновского городища исследовались только визуальнo, поэтому исследовательница считала, что укрепления, которые состоят из главного двора и предградий сооружались одновременно, как единый замысел строителей (Моруженко, 1985, с. 174). Наши раскопки позволяют не согласиться с этим утверждением

относительно Циркунов. Было прослежено два основных строительных периода: первый – возведение первых укреплений, их периодическая реконструкция и второй, связанный с необходимостью расширения площади более чем в два раза и полной перестройкой старых укреплений, сооружение более масштабных валов и рвов с защищенной системой входов (Крютченко, Пеляшенко, 2012, с. 31).

В последние годы исследований на Циркуновском городище были проведены исследования оборонительной линии в разных частях памятника и выявлены определенные особенности, которые заслуживают особого внимания. В 2005 г. Д.С. Гречко и Г.Е. Свистуном была осуществлена подчистка поврежденного дорогой вала (Гречко, Свистун, 2006, с. 25–26). С 2008 по 2015 гг. экспедицией под руководством автора было изучено ряд участков с целью комплексного исследования фортификации городища (Пеляшенко, 2014). В результате этих работ были получены данные, которые позволяют внести заметные коррективы в предыдущие соображения о характере строительства оборонительных сооружений скифского времени, а также выделить некоторые особенности укрепления и организации внутреннего пространства городища. Данная публикация посвящена одной из особенностей фортификации – приему эскарпирования склонов мыса, на котором расположено Циркуновское городище.

Как правило, исследования эскарпов лесостепных городищ скифского времени ограничивались лишь инструментальными съемками профилей, вычисления угла наклона и определения разницы между природным и антропогенным ландшафтом. Объектом специального исследования методом раскопок эскарпы не выступали, поэтому мы до сих пор не имели представления о стратиграфии наслоений и данных про угол наклона, которого достигали древние строители способом подрезания и увеличения крутизны. В 2011 г. с целью установления наличия или отсутствия следов каких-либо деревянных конструкций по краю городища, в северо-восточной части первого двора был заложен раскоп 12, восточный край раскопа захватывал начало склона эскарпа (рис. 1). Стратиграфический разрез северной и южной стенок раскопа позволил установить, что в этой части городища отсутствуют деревоземляные укрепления, а вместо этого было прослежено подрезание суглинка по краю городищенской площадки.

Чтобы получить полную картину фортификации в той части городища, где земляные валы визуально не фиксируются и край жилой площадки сразу переходит в эскарп, в 2015 г. было решено осуществить разрез эскарпа. Траншея, шириной 1 м и длиной 14 м, ориентирована по линии восток-запад, была продолжением раскопа 12 (рис. 2). Стратиграфия разреза позволила скорректировать наши предыдущие выводы относительно фортификационных сооружений исследуемого участка. Начиная с кв. Е и далее на восток в раскопе фиксируется понижение рельефа, образованное в результате подрезки грунта, в этом месте не фиксируется предматериковый суглинок. Таким образом, образовался котлован, глубиной до 0,9 м от современной дневной поверхности, который был заполнен мягким слоем золы, насыщенной артефактами (преимущественно фрагменты лепной посуды, кости животных, камни). В кв. В слой золы резко прекращался и далее фиксируется заполнение песком желтого цвета без каких-либо материальных остатков. Этот линзовидный в разрезе слой уменьшался по направлению к склону эскарпа. Хотя следов деревянных конструкций зафиксировано не было, резкий переход слоя золы в чистый песок указывает на наличие определенной ограды, по всей видимости, деревянной стены. Заполнение выемки на краю городищенской площадки было перекрыто слоем глины мощностью до 0,2 м, без материальных остатков. Этот слой, в свою очередь, был перекрыт черноземом, мощностью до 0,4 м, в котором уже были встречены артефакты. Вышеописанная подрезка предматерикового суглинка постепенно переходила в эскарпированный склон.

Разрез эскарпа показал, что угол наклона древней поверхности составлял от 30° в верхней части и до 40° в нижней, в то время как уклон современной поверхности меньший: соответственно от 20° до 30°. Древний горизонт эскарпа перекрывает мощный слой переотложенного грунта, толщина которого увеличивается в сторону рва от 0,5 м до 1,8 м. В нижней части этот слой представляет собой глину с единичными вкраплениями угольков, в которых встречаются тонкие линзовидные прослойки чернозема и песка. Верхняя часть засыпки эскарпа – чернозем. Материальные остатки этих наслоений очень редки: единичные фрагменты стенок лепной посуды, миниатюрный лепной сосудик, кварцитовый абразив и куски необработанного песчаника. Современный профиль рва, который был сооружен в конце эскарпа, тоже не отвечает реалиям скифского времени. Сегодня он практически полностью нивелирован и на некоторых участках визуально фиксируется как горизонтально ровная площадка. В скифское время ров был трапециевидной формы в разрезе с углублением в восточной части. Ширина рва в нижней части 1,8 м, угол наклона эскарпа рва – 70°, контрэскарпа – 60°. Глубина его от современной дневной поверхности до 2,10 м. Ров оказался практически полностью заполнен плотным твердым грунтом, который, скорее всего, образовался вследствие затекания. Нижняя часть

заполнения рва – глинистый грунт с серым оттенком (глина с золой). В верхней части ров заполнен черноземом. В заполнении рва выявлены также единичные артефакты: фрагменты стенок лепной посуды, куски необработанного песчаника и железное шило.

Таким образом, разрез эскарпа позволил получить информацию, которая значительно меняет наши представления об укреплениях отдельных частей Циркуновского городища, и, возможно, об особенностях фортификации лесостепных городищ в целом. Во-первых, это профиль древней дневной поверхности, который отличается от современной. Угол наклона эскарпа в древности был большим, чем тот, что фиксируется на современной дневной поверхности и составлял до 40°, этот склон переходил в более крутой эскарп трапециевидного рва с углом наклона 70°. Перепад высот между дном рва и краем жилой площадки городища составляет 8 м. Во-вторых, это большой объем грунта, который образовался на древней поверхности эскарпа и рва. По нашим подсчетам, в результате исследования траншеи шириной 1 м, было выбрано около 14 куб. м. переотложенного чернозема, глинистого грунта с прослойками чернозема, песка, глины с примесью золы. По стратиграфическим наблюдениям эта масса сползала сверху, однако считать этот грунт культурным слоем, который образовался вследствие жизнедеятельности на городище, нет оснований. В этом слое найдено очень малое количество артефактов (единичные фрагменты лепной посуды и костей животных, куски необработанного песчаника), по сравнению с насыщенностью культурного слоя на основной жилой части памятника. Из особых находок можно назвать лишь миниатюрный лепной сосудик и железное шило, найденное в заполнении рва. Полученные данные позволяют утверждать, что край мыса восточной части первого двора городища кроме эскарпа был укреплен валом, грунт для которого был взят в результате сооружения рва и подрезки склона мыса. Со временем вал полностью сполз и сегодня визуально на поверхности не просматривается. Подтверждением наличия земляного вала может быть заполнение неглубокого котлована на краю жилой площадки, который с внутренней стороны был заполнен золой, а с внешней – желтым песком¹, с резким, почти вертикальным разделением этих слоев. Этот резкий переход указывает на наличие, по всей видимости, деревянной конструкции, которая, вероятно, была установлена в основании вала. К тому же, обращая внимание на чертеж разреза можно констатировать, что при отсутствии вала, древняя поверхность эскарпа и ров не просматриваются с ровной поверхности края мыса, что не отвечает стратегии обороны и делает невозможным идентификацию противника в наиболее опасной зоне. Для того чтобы склон мыса можно было визуально контролировать необходим был вал высотой примерно 2 – 3 м. Такая высота создавала и более выгодные условия для увеличения сектора наблюдения в разные стороны (Коробейников, 2006, с. 61).

Относительно времени возведения фортификационных сооружений исследованной части, то он определяется по материалам, найденным в золистом слое – заполнении котлована. Среди всего массива артефактов тут были выявлены и датирующие находки: фрагменты хиосской амфоры, железная булава с загнутой в кольцо головкой (т.н. «посоховидная»), которые позволяют отнести эти наслоения к концу VI – началу V вв. до н.э., что подтверждает общую дату строительства первого двора Циркуновского городища. Слой чернозема, который перекрывал котлован, содержал уже материалы характерные для периода середины – конца V – IV вв. до н.э.

Результаты наших исследований указывают на то, что изучение эскарпов городищ методом раскопок является таким же перспективным для общего понимания фортификации памятников скифского времени, как и разрезы земляных валов и ровов. Особенно это важно для исторических реконструкций методом математических расчетов и пространственного моделирования, который в последние годы набирает все большую популярность (Коробейников, 2006, с. 55–77). Визуальные оценки современной поверхности фортификационных сооружений не отражают реальной картины древности и могут привести к ошибочным выводам. Не исключено, что часть мысовых городищ, на которых земляные сооружения фиксируются только с напольной стороны, а со стороны яров и пойм прослежены лишь эскарпы, в скифское время имели кольцевую защитную систему, так как это было установлено на Циркуновском городище. Опровергнуть или подтвердить это предположение на других памятниках возможно только в результате археологических раскопок.

¹ Материковая стенка и дно рва были песчаными, поэтому считаем, что песок на дне выемки и небольшие прослойки в засыпке эскарпа образовались во время сооружения рва.

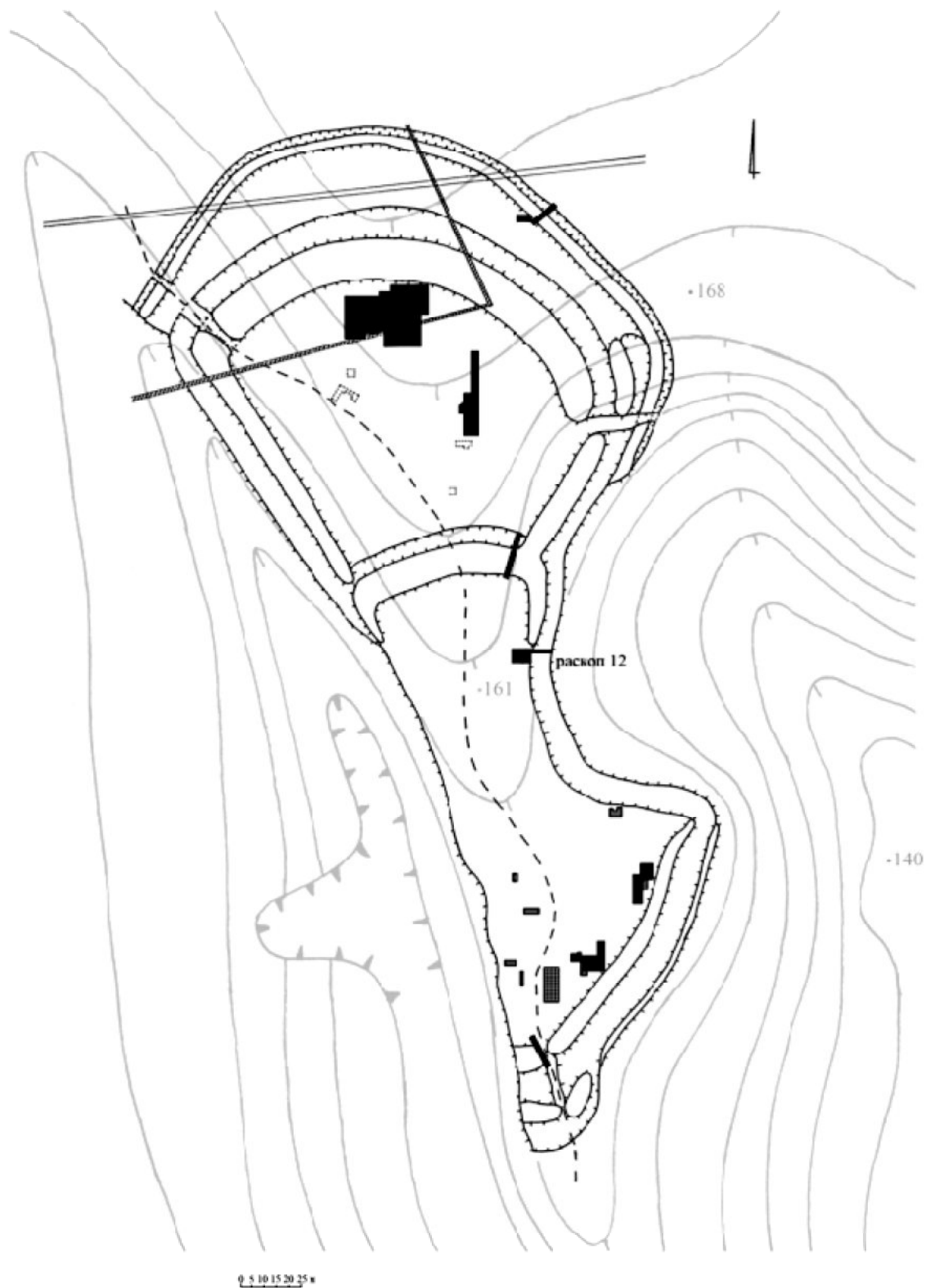

Рис. 1. План Циркуновского городища с указанием места разреза эскарпа

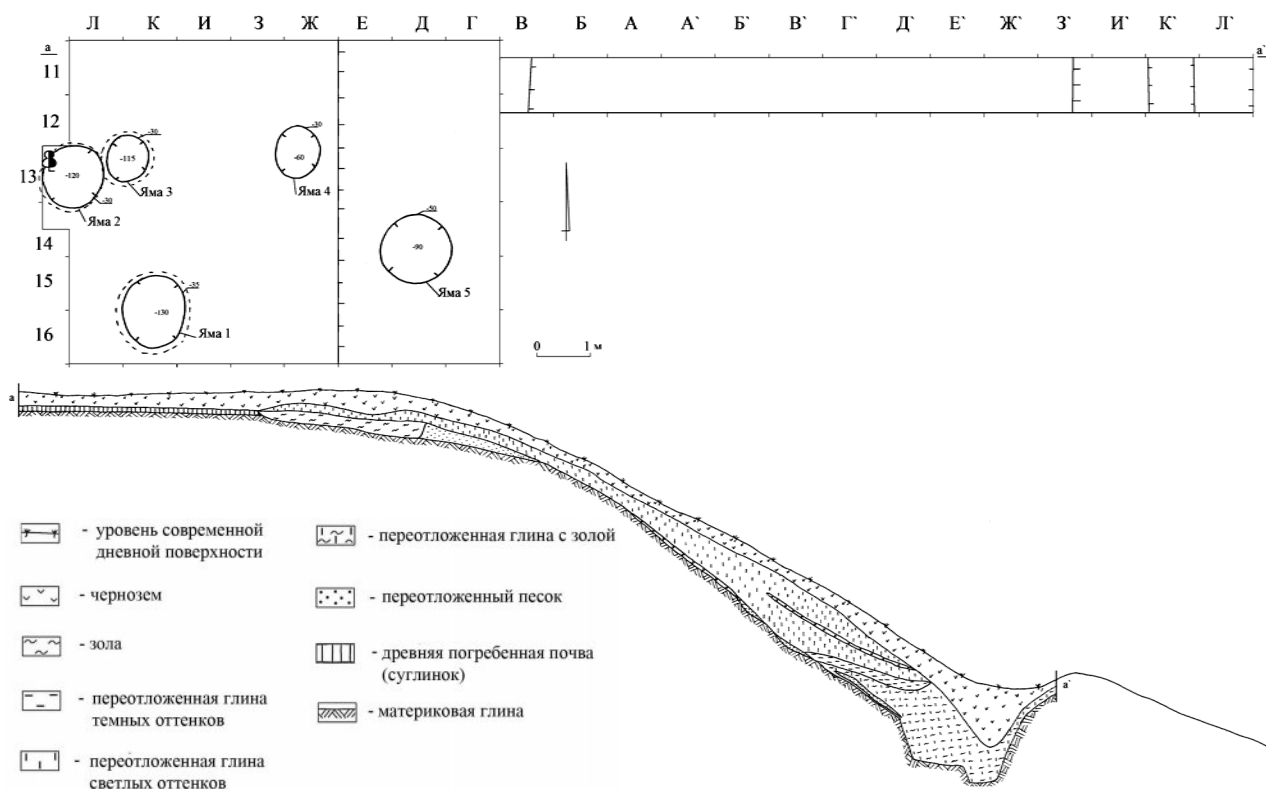

Рис. 2. Раскоп 12 на Циркуновском городище (разрез эскарпа)

Список литературы

1. Гречко Д.С., Свистун Г.Є. Деякі питання вивчення лісостепових городищ скіфського часу на Сіверському Дінці // Археологія. 2006. № 4. С. 18–29.
2. Дараган М., Кашуба М., Разумов С. Геоинформационный анализ чернолесской фортификации (10.-9. вв. до н.э., Правобережье Среднего Днепра): поиск объяснительной модели // Revista Arheologica. 2010. Vol. V. Nr. 2. P. 91–128.
3. Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. К.: КНТ, 2011. 848 с.
4. Коробейников А.В. Имитационное моделирование по данным археологии. Ижевск: Изд-во НОУ КИГИТ, 2006. 116 с.
5. Крютченко А.А. Пеляшенко К.Ю. Этапы фортификационного строительства на Циркуновском городище // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2012. С. 31.
6. Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII – III вв. до н.э. // Советская археология. 1985. № 1. С. 160–178.
7. Пеляшенко К.Ю. Історія дослідження Циркунівського городища // Наука і освіта у красна-вчому вимірі. К., 2014. С. 37–39.

УДК 902.1

Ю.Д. Разуваев

Городище у дачного поселка «Сады» на южной окраине Воронежа¹

Аннотация. В статье публикуются материалы раскопок городища, расположенного в низовьях р. Воронеж. Охарактеризованы фортификационные сооружения, керамические находки. Обоснована датировка памятника концом скифской эпохи.

Ключевые слова: лесостепное Подонье, скифская эпоха, городище, укрепления.

© Разуваев Ю.Д., 2016

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту 15-01-00103.

Abstract. Materials of excavation of the ancient settlement located in lower reaches of the river Voronezh are published in article. Fortification constructions, ceramic finds are characterized. Dating of a monument is proved by the end of a Scythian era.

Key words: Forest-steppe Don region, Scythian epoch, hillfort, fortifications.

Укрепленное поселение, которому посвящена статья, было открыто и шурфовалось автором в 1988 г. В следующем полевом сезоне отряд экспедиции Воронежского госуниверситета вскрыл здесь 16 кв. м (Разуваев, 1989). В итоге памятник был включен в число городищ среднедонской культуры скифского времени (VI–III вв. до н.э.), каковых известно более полусотни (Медведев, 1999, табл. 2). Однако данных для более детальной интерпретации памятника не доставало. Поэтому в 2014 г. экспедиция Воронежского госпедуниверситета двумя раскопами исследовала городищенские укрепления и слой на площади 58 кв.м (Разуваев, 2014).

Городище находится в черте г.Воронежа, в 1,2 км к юго-востоку от дачного поселка «Сады». Оно расположено на поросшем лесом мысу правого коренного берега р.Воронеж, высота которого превышает 30 м (рис. 1).

Площадка памятника, подтреугольная в плане, имеет примерные размеры 110х150 м. С напольной стороны она ограничена двумя валами и рвом между ними. Западный край мыса эскарпирован.

Внутренний вал имеет ширину 8–9 м, возвышается над площадкой городища примерно на 0,3 м. Внешний вал при такой же ширине выглядит более значительным как за счет собственной высоты (0,4–0,8 м), так и вследствие общего повышения мыса в северном направлении. Ров в современном состоянии имеет ширину порядка 4 м, глубину от уровня подножия внутреннего вала около 0,4 м.

Оборонительная линия была разрезана траншеей 22х2 м, в результате получены два профиля валов и рва (рис. 2). Общая мощность почвенных напластований на разных участках раскопа составляла от 0,78 до 1,45 м. Материк – глина коричневого цвета.

Насыпь внутреннего вала состояла из супеси темно-серого цвета. Под ней просматривалась погребенная супесчаная серая почва толщиной 0,25–0,30 м. Ширина насыпи по основанию составляла 9 м, высота от погребенной почвы – 0,75 м.

Ров имел ширину 3,75–4,00 м, глубину в материке порядка 1,25 м, а от уровня погребенной почвы – более 1,5 м. Обе его стенки пологие, дно шириной свыше 1 м было слегка вогнуто. Заполнение рва довольно однородное: темно-серая супесь с незначительными глинистыми включениями.

Насыпь внешнего вала сверху состояла из темно-серой супеси. В основании же залегала мешаная коричневая глина, являвшаяся выкидом из рва. Под глинистой линзой, имевшей ширину до 4 м и толщину до 0,65 м, располагалась погребенная почва мощностью 0,35 м. Общие параметры внешнего вала следующие: ширина по основанию 4 м, высота от уровня погребенной почвы 1 м.

Стратиграфия убеждает в том, что укрепления сооружались одномоментно. Для внутреннего вала, сложенного из гумусированного грунта, земля бралась, надо полагать, с прилегающей территории, т.е. представляла собой культурный слой поселения. Это обычный для среднедонских городищ строительный прием (Пузикова, 1969, с. 43, 46), хотя валы без глинистых включений встречаются редко (Разуваев, 2002, с. 142). Внешний вал возводился вместе со рвом, земля из которого и пошла на сооружение насыпи.

Остатков деревянных конструкций в раскопе не выявлено. Под валом отсутствовали канавки и столбовые ямки, обычные для других городищ скифской эпохи. В валах не обнаружено свидетельств пожаров и перестроек, столь характерных для укрепленных поселений донской лесостепи (Разуваев, 2011). Тем не менее, фортификации, вероятнее всего, следует соотносить со скифской эпохой. Более поздних материалов на городище не обнаружено, хотя в расположенной рядом курганной группе известны два сарматских погребения I в. н.э. (Разуваев, 1991).

Находок в раскопе на укреплениях мало: 21 фрагмент лепной посуды скифского времени и чуть более 30 костей животных. За исключением одной стенки, лежавшей на внешнем склоне рва, они встречены во внутренней насыпи, что неудивительно, ведь она сооружена из поселенческого слоя.

Слой на площадке городища имеет толщину 0,6–0,9 м, но культурными остатками насыщен довольно слабо. В среднем на один раскопанный квадратный метр приходится один фрагмент лепной посуды скифской эпохи (в шурфе были найдены еще и два черепка бронзового века).

Полученная на городище коллекция керамики насчитывает три венчика, два днища и 50 степок лепных сосудов, типичных для скифоидных памятников лесостепного Подонья. Венчиками представлены миска (рис. 3,1) и два орнаментированных пальцевыми зацепами горшка (рис. 3, 2, 3).

В отсутствие иных материалов, именно керамику, при всей ее немногочисленности, следует рассмотреть в качестве хроноиндикатора. Она не выглядит архаичной, поскольку на горшках нет сквозных проколов под венчиком. Такой орнаментальный мотив исследователи давно расценивают

как хронологический показатель для керамики Лесостепной Скифии (Алихова, 1962, с. 90; Либеров, 1962, с. 70). В лесостепном Подонье он часто встречается на посуде начала скифской эпохи, но полностью исчезает в IV–III вв. до н.э. (Медведев, 1999, с. 42).

Среди обломков сосудов примечательна небольшая стенка с вертикальным валиком. Видимо, она принадлежала одному из тех сосудов, которые исследователи называют каннелированными курильницами и датируют не ранее IV в. до н.э. (Синика и др., 2014). Такой сосуд с вертикальными валиками, найденный на среднедонском Кировском городище, А.И. Пузикова отнесла к III в. до н.э. (Пузикова, 1969, с. 66). Аналогичное изделие, а также украшенная валиками чаша на высоком поддоне обнаружены на Семилукском городище (Разуваев, 2012, рис. 6, 16; 8, 10). А этот расположенный неподалеку от публикуемого памятник достаточно надежно датируется рубежом IV–III вв. до н.э. (Пряхин, Разуваев, 1995, с. 66).

Исходя из вышеизложенного, создается впечатление, что поселение у поселка «Сады» существовало относительно краткий промежуток времени в конце скифской эпохи и стало укрепленным ближе к своему финалу.

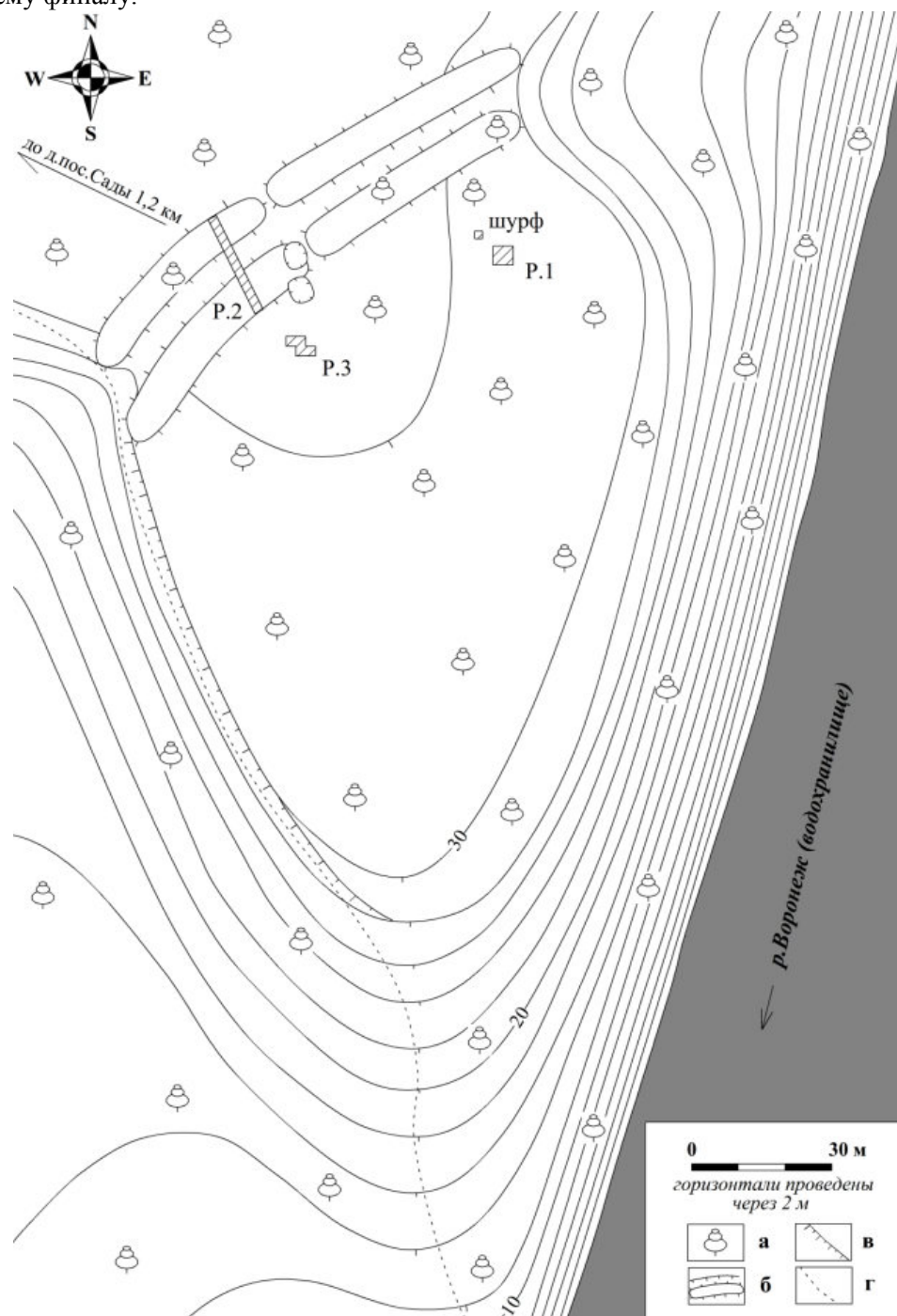

Рис. 1. План городища: а – лес, б – вал и ров, в – эскарп, г – тропинка

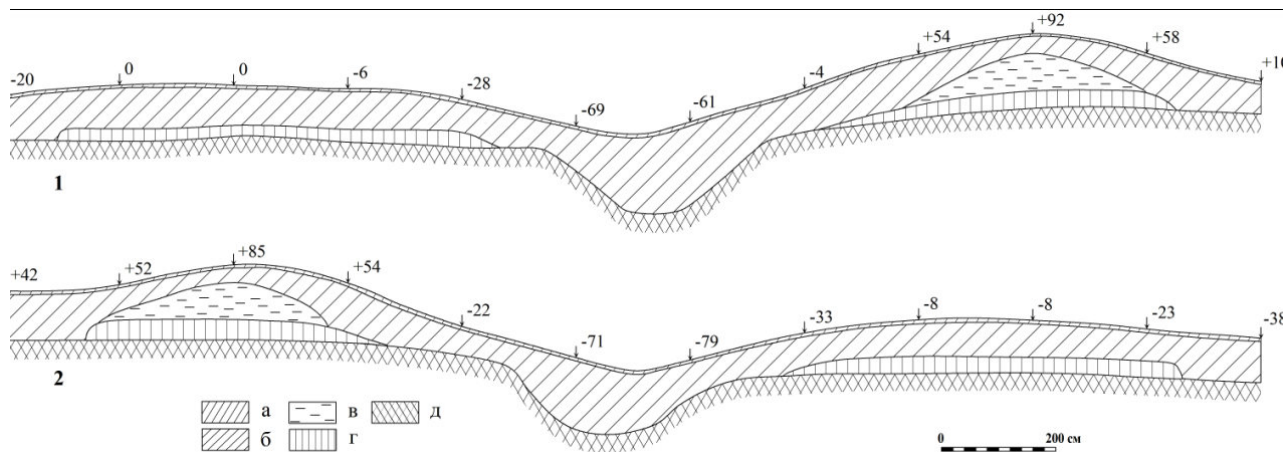

Рис. 2. Профили валов и рва в раскопе 2.

1 – юго-западный профиль, 2 – северо-восточный профиль.

а – дерн, б – гумусированная супесь, в – глина, г – погребенная почва, д – материк

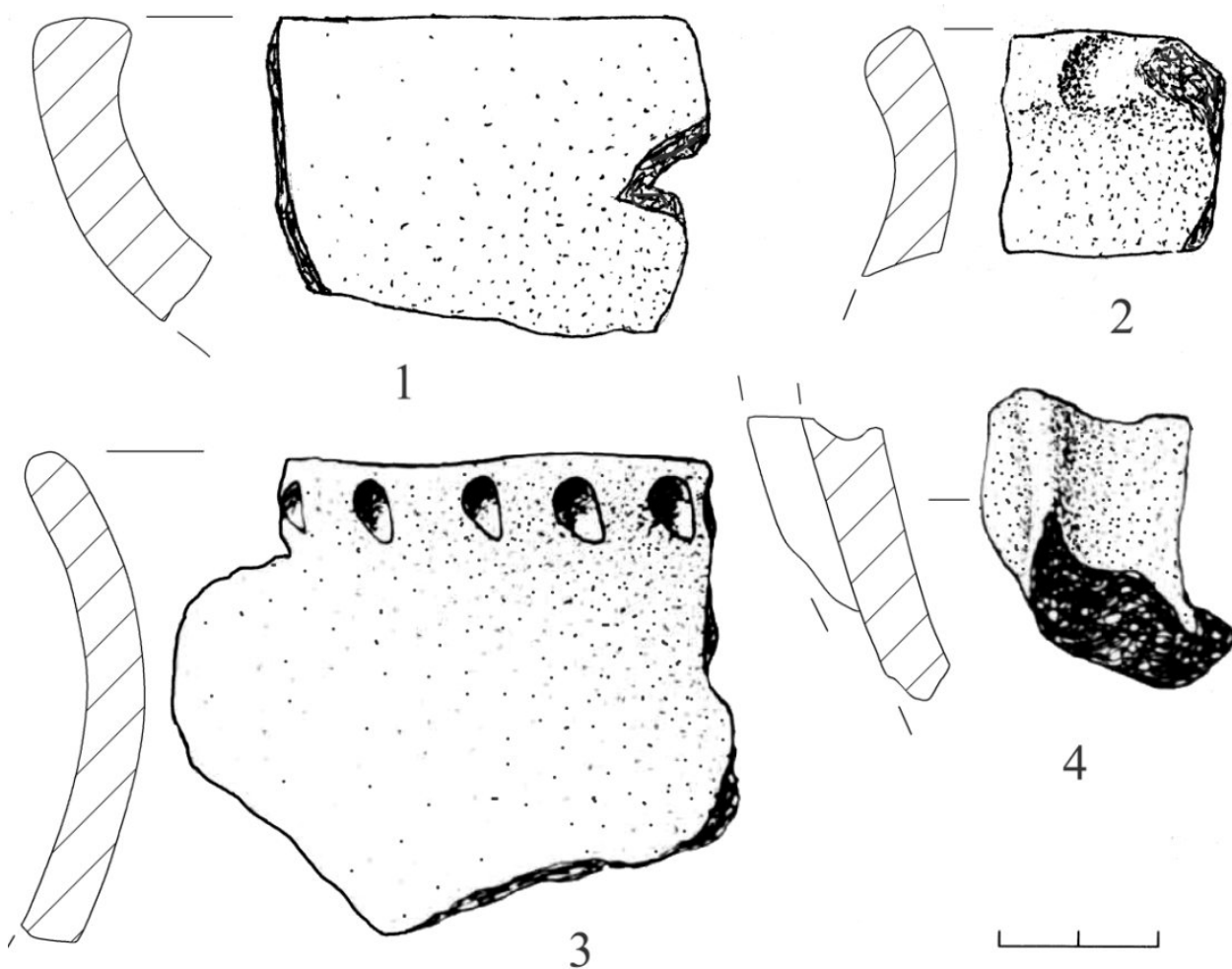

Рис. 3. Фрагменты лепных сосудов скифской эпохи

Список сокращений, принятых в статье

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

СА – советская археология.

Список литературы

1. Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // Лесостепные культуры скифского времени. М.: Наука, 1962 (МИА; № 113). С. 86–129.
2. Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // Лесостепные культуры скифского времени. М.: Наука, 1962 (МИА; № 113). С. 5–85.
3. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
4. Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Семилукское городище позднескифского времени на р.Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 г.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995. Вып. 4. С.43–68.
5. Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. М.: Наука, 1969 (МИА; № 151). С. 41–81.
6. Разуваев Ю.Д. Отчет об исследованиях в Воронежской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13595. Л.2–3.
7. Разуваев Ю.Д. Курганы I в. н.э. у южной окраины г.Воронежа // Советская археология. 1992. № 1. С.234–239.
8. Разуваев Ю.Д. Городище скифского времени у с.Губарево на Верхнем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2002. С.138–145.
9. Разуваев Ю.Д. О следах военных столкновений на городищах скифской эпохи в лесостепном Подонье // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков: Харьковский национальный университет, 2011. С.235–245.
10. Разуваев Ю.Д. Керамика из бытовых и погребальных комплексов Семилукского городища скифского времени // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Курск: Курская городская типография, 2012. (Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. Вып.IV). С.142–154.
11. Разуваев Ю.Д. Отчет о раскопках городищ скифского времени в Верхнем Подонье в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Л.19–23.
12. Синика В.С., Меньшикова В.А., Тельнов Н.П. Лепные курительницы из памятников Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э. // Stratum plus. 2014. № 3. С.65–101.

УДК 902.1

Т.В. Сарапулкина

Исследование памятника скифского времени Петропавловка городище-1 в Белгородской области (предварительное сообщение)¹

Аннотация. На памятнике Петропавловка городище-1 в 2015 г. были проведены научные раскопки в целях определения культурной принадлежности городища и мощности культурного слоя. На памятнике заложен раскоп площадью 192 кв.м. Выявлено четыре очага. Очаги представляют собой округлые линзы обожженных грунтов с глиной; темно-оранжевого цвета, толщиной от 5 до 25 см. Подавляющее большинство находок на городище представлено фрагментами лепных керамических сосудов. Тесто сосудов включает в себя примесь шамота, режесы и песка. Венчики слабопрофилированы, большая часть из них украшена зацепками, насечками или проколами по краю венчика. Количественно преобладают горшки, выявлены миски. Выявлено несколько фрагментов (стенок) сильно пережатой пористой толстостенной керамики, возможно фрагменты тиглей. Также в культурном слое раскопа обнаружены фрагменты обмазки, одно фрагментированное конусовидное пряслице, фрагмент каменного орудия из кварцита прямоугольной формы, два фрагмента прямоугольной формы каменных орудий из песчаника, фрагменты различных округлых изделий из глины, два фрагмента железных ножей. Обнаружено 74 фрагмента костей.

Ключевые слова: лесостепь, скифское время, городище, Белгородская область, доднепровское междуречье, Поосколье.

© Сарапулкина Т.В., 2016

¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 15-11-31601 е(р).

Abstract. In 2015, the fortified settlement Petropavlovka-1 was excavated with a view to determine its cultural identity and thickness of occupation layer. The excavation site area was 192 sq. m. The excavation revealed four hearths. They represent roundish lenses of burnt dark-orange soil with clay, with the thickness of 5-25 cm. The occupation layer thickness is 0.2-0.45 m. The excavation site stratigraphy is simple and almost identical in all of its parts: 0-5 cm – topsoil, 5-20(25) cm – humus, 20(25)-40(45) cm – loam, the native soil is represented by dark-brown clay of light-brown clay with chalk. The vast majority of finds are fragments of hand-made ceramic vessels. Their paste includes admixtures of coal clay or – more rarely – grit and sand. Rims are slightly profiled, most of them are decorated with tucks, notches or pinholes. The vessels are mainly represented by pots, there are some dishes. There were some fragments of overburnt porous thick-walled ceramics, perhaps – fragments of crucibles.

Keywords: forest-steppe, Scythian age, the settlement, Belgorod region, Dono-Dnieper interfluvium, the basin of the river Oskol

Лесостепь всегда играла важную роль в исторических процессах на юге Восточной Европы. К настоящему времени открыто и раскопано значительное количество памятников скифского времени в Восточноевропейской лесостепи. Имеется ряд обобщающих работ, посвященных памятникам отдельных локальных групп (Ильинская, 1971; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989; Либеров, 1965; Медведев, 1999; Моруженко, 1985, 1989; Пузикова, 2003; Шрамко, 1954 и др.). Необходимо отметить, однако, не везде еще имеются равноценные материалы для подробных характеристик отдельных локальных групп, территория Поосколья и верхних течений рек Северский Донец, Ворскла, Псел, Сейм практически не изучена. Здесь первоочередной задачей является накопление научного материала для последующего анализа.

Данная территория является «белым пятном» на археологической карте лесостепи скифского времени. К настоящему времени в Поосколье известно лишь 14 поселений данного периода. В 2013 году было проведено обследование всех выявленных городищ Поосколья, которое показало наличие достаточно мощного культурного слоя только на Петропавловском городище.

Памятник выявлен Т.В. Сарапулкиной в 2006 г. Городище расположено на мысу высокого правого коренного берега ответвления р. Ольшанка (приток р. Оскол), образованного небольшим глубоким оврагом и поворотом береговой линии, высота над уровнем поймы 20 – 22 м.

Размеры городищенской площадки 60 x 100 м (рис. 1). С напольной стороны городище защищено двумя валами и возможно рвом между ними. Длина оборонительной линии около 50 м. Высота внутреннего вала 1,5 м, ширина около 5 м. Высота внешнего вала 2 м, ширина 5 м. В оборонительной линии замечен проход, направленный по косой по отношению к ней.

Поверхность городища задернована. В 2013 году (обследование А.А. Божко) в кротовинах обнаружены: днище лепного сосуда, коричневого цвета, примесь в тесте шамот, имеет небольшую закраину, 5 стенок лепных сосудов, серо-коричневого цвета, толщиной 4-6 мм, примесь в тесте шамот, в одном случае – песок, 5 фрагментов обмазки.

На памятнике в 2013 году было заложено два шурфа.

Шурф № 1 находится примерно в центре городища, чуть ближе к оборонительной линии. Шурф - 2 x 2 м, ориентирован по сторонам света. Показал следующую стратиграфию: 0-0,05 – дерн, 0,05-0,2 – суглинок. Материк – глина.

В шурфе № 1 выявлен следующий материал: штык 1 – стенка лепного сосуда, коричневого цвета, толщиной 7 мм, примесь в тесте шамот (рис. 23.3), 2 фрагмента глиняной обмазки.

Шурф № 2 находится в северной половине городища. Шурф - 2 x 2 м, ориентирован по сторонам света. Показал следующую стратиграфию: 0-0,05 – дерн, 0,05-0,2 – чернозем, 0,2-0,4 – суглинок. Все профили нарушены кротовинами. В западном профиле в центре слой суглинка до 0,35 м, ниже материковая глина.

В шурфе № 2 выявлен следующий материал: штык 1 – кремневый отщеп, серого цвета, 21 стенка лепных сосудов, серо-коричневого цвета, толщина 4-6 мм, примесь в тесте шамот, в одном случае – песок, фрагмент глиняного предмета, фрагмент кости животного. Штык 2 – 3 венчика предположительного одного лепного сосуда, светло-коричневого цвета, орнаментированы пальцевыми вдавлениями и «жемчужинами», слабо профилированы, примесь в тесте песок, 20 стенок лепных сосудов, светло-серо-коричневого цвета, толщиной 3-6 мм, примесь в тесте песок; 57 стенок лепных сосудов, серо-коричневого цвета, толщиной 5-9 мм, примесь в тесте шамот, два днища коричневого цвета, примесь в тесте шамот; венчик лепного сосуда, серого цвета, ошлакованного, не орнаментирован, днище лепного сосуда, серого цвета, ошлакованного, 18 стенок лепных сосудов, серого цвета, ошлакованных; 28 мелких стенок лепных сосудов; фрагмент каменной плитки, 3 фрагмента обмазки, фрагмент кости животного.

Исходя из технологии изготовления керамики, городище было отнесено к памятникам скифского времени.

В рамках исследования 2015 г. был заложен раскоп в центре городищенской площадки площадью 192 кв.м. Стратиграфия раскопа проста и практически идентична во всех его частях: 0-5 см дерн, 5-20(25) см - чернозем, 20(25)-40(45) см - суглинок, материк – темно-коричневая глина либо светло-коричневая глина с мелом. Естественное залегание почв сильно нарушено деятельностью различных землеройных животных.

В процессе исследований в площади раскопа было выявлено четыре очага (рис. 2).

Очаг 1 выявлен в кв. 7-10 при зачистке 1-го слоя и представляет собой округлую линзу обожженных грунта и глины; темно-оранжевого цвета. Размеры 40х40 см, толщина 5 см.

Очаг 2 выявлен в кв. 12, 14 при зачистке материка и представляет собой овальную линзу обожженных грунта с глиной и несколькими угольками; темно-оранжевого цвета. Размеры 80х45 см, толщина 20 см. В толще очага обнаружено 16 стенок, два венчика и одно днище лепных сосудов коричневого цвета, толщина стенок 5-7 мм, примесь в тесте – шамот.

Очаг 3 выявлен в кв. 13, 26 при зачистке материка и представляет собой округлую линзу обожженных грунта с глиной; темно-оранжевого цвета. Размеры 70х75 см, толщина 25 см. В толще очага обнаружено 6 стенок лепных сосудов коричневого цвета, толщина стенок 5-7 мм, примесь в тесте – шамот.

Очаг 4 выявлен в кв. 29-30 при зачистке материка и представляет собой округлую линзу обожженных грунта с глиной; темно-оранжевого цвета. Размеры 70х55 см, толщина 15 см. С юго-запада к пятну очага примыкает яма 100х65 см, глубина 10 см. В толще очага обнаружено 5 стенок лепных сосудов коричневого цвета, толщина стенок 5-7 мм, примесь в тесте – шамот.

Выявленный материал представлен на рис. 3-8.

подавляющее большинство находок на городище представлено фрагментами керамических сосудов, изготовленных без использования гончарного круга. В культурном слое выявлен 921 фрагмент лепных глиняных сосудов (847 стенок, 45 венчиков и 29 днищ).

Тесто сосудов в большинстве случаев включает в себя примеси шамота, реже дресвы и песка. Цвет поверхностей варьируется снаружи от светло-коричневого до темно-коричневого, изнутри от серого до черного. В незначительном количестве встречаются фрагменты, поверхность которых с обеих сторон светло-серого цвета. Венчики слабопрофилированы, большая часть из них - 39 фрагментов, украшена защипами, насечками или проколами по краю венчика. Днища с закраиной и без. Судя по пригодным для морфологического анализа венчикам, керамический комплекс делится на горшки (преобладают) и миски. Все горшки слабопрофилированы. Выявлено несколько фрагментов (стенок) сильно пережженной пористой толстостенной керамики, возможно фрагменты тиглей.

В культурном слое раскопа выявлено 178 фрагментов обмазки. Каких-либо скоплений обмазки прослежено не было. На площади раскопа выявлено одно фрагментированное конусовидное пряслице, фрагменты различных округлых изделий из глины.

Выявлено 10 фрагментов песчаника и один кварцита. Также выявлен фрагмент каменного орудия из кварцита прямоугольной формы, два фрагмента прямоугольной формы каменных орудий из песчаника.

В культурном слое городища обнаружено два фрагмента железных ножей. Кроме того, прослежено 6 фрагментов железистой конкреции.

Обнаружено 74 фрагмента костей. Некоторые из них обожжены.

Учитывая, что естественная стратиграфия в пределах раскопа очень сильно нарушена деятельностью землеройных животных, не удалось проследить остатков строительных сооружений. Косвенно наличие очагов (особенно с прилегающей ямой) говорит о присутствии на городище жилых построек.

Технологические характеристики керамического материала однозначно говорят о принадлежности памятника к кругу культур лесостепи скифского времени. Характерной особенностью данного памятника является наличие небольшого количества сосудов с примесью достаточно крупной дресвы, а также преобладание тонкостенной, слабопрофилированной посуды и наличие пережженной керамики.

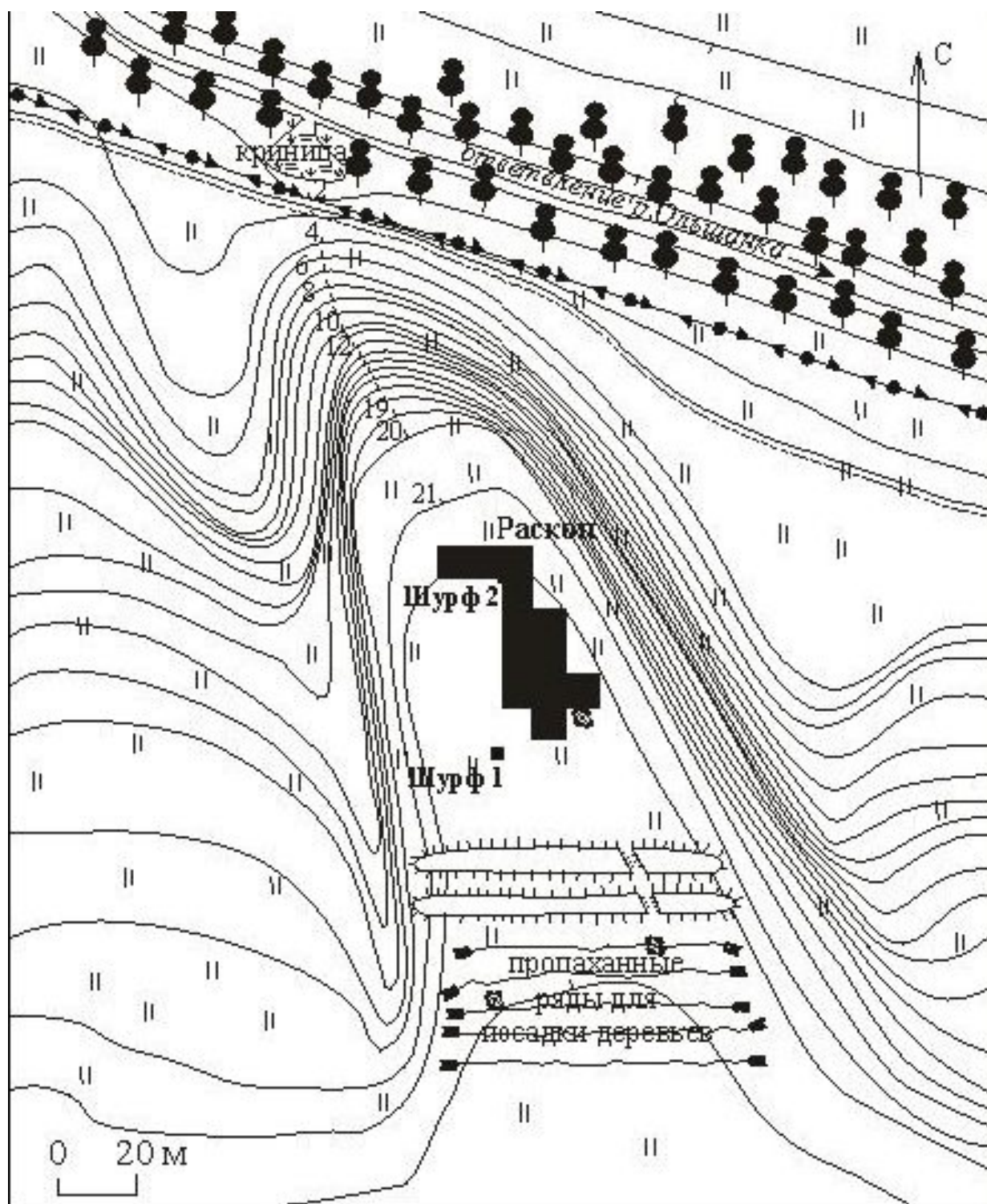

Рис. 1. Петропавловка городище – 1. План памятника

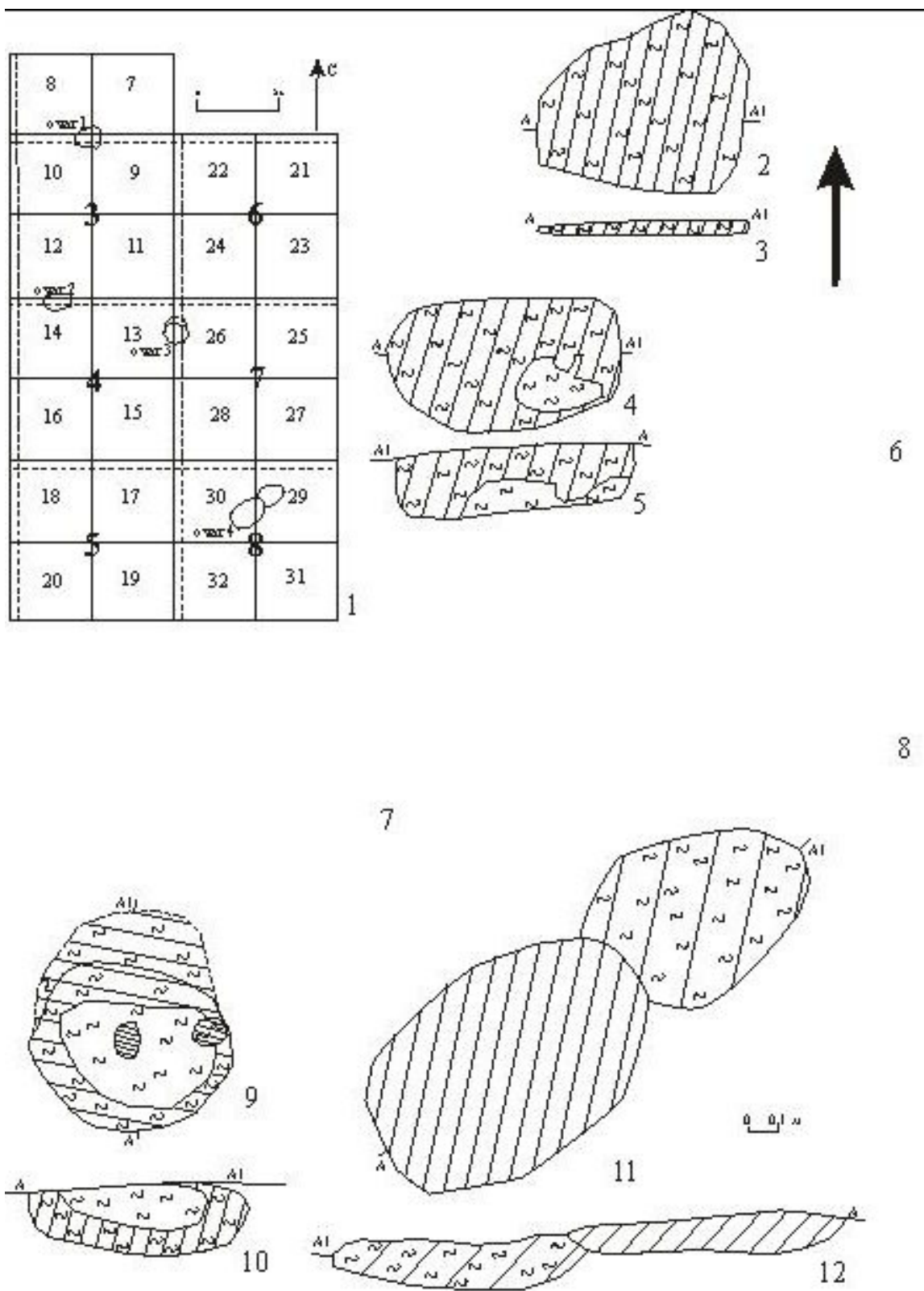

Рис. 2. Петропавловка городище – 1: 1 – схема взаиморасположения очагов, 2 – план очага 1, 3 – разрез очага 1, 4 – план очага 2, 5 – разрез очага 2, 6-8 – лепная керамика из очага 2, 9 – план очага 3, 10 – разрез очага 3, 11 – план очага 4, 12 – разрез очага 4

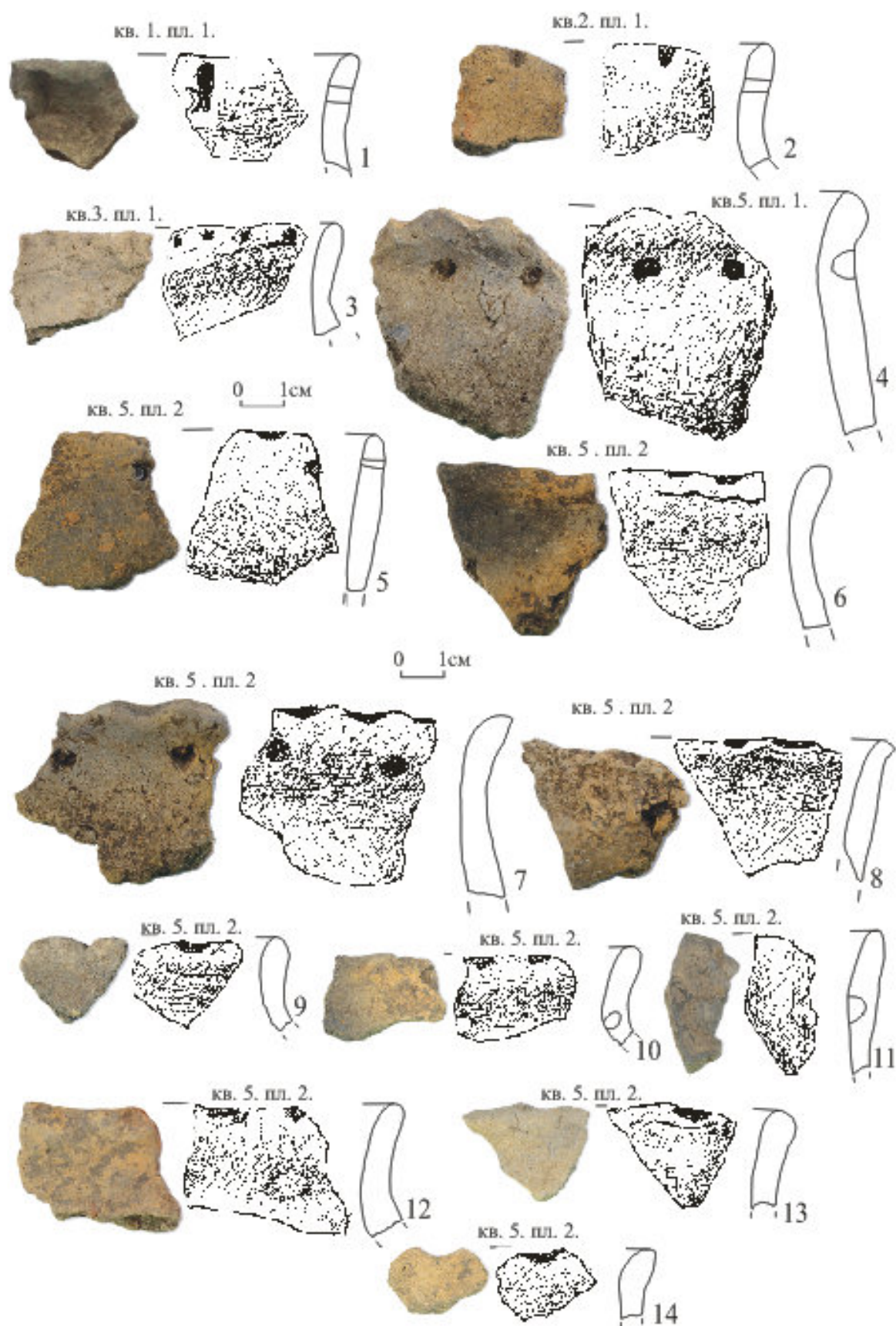

Рис. 3. Венчики лепных сосудов

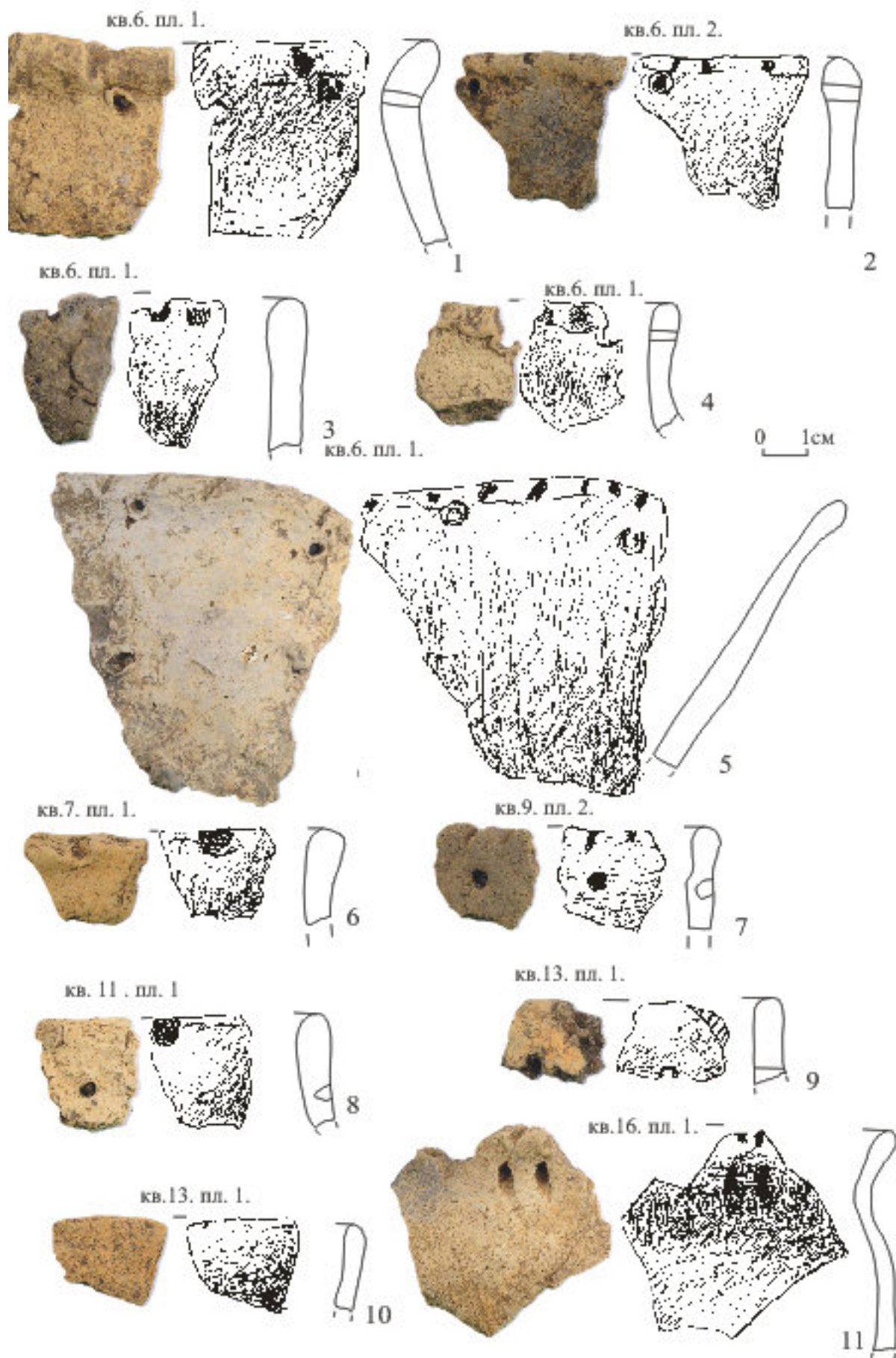

Рис. 4. Венчики лепных сосудов

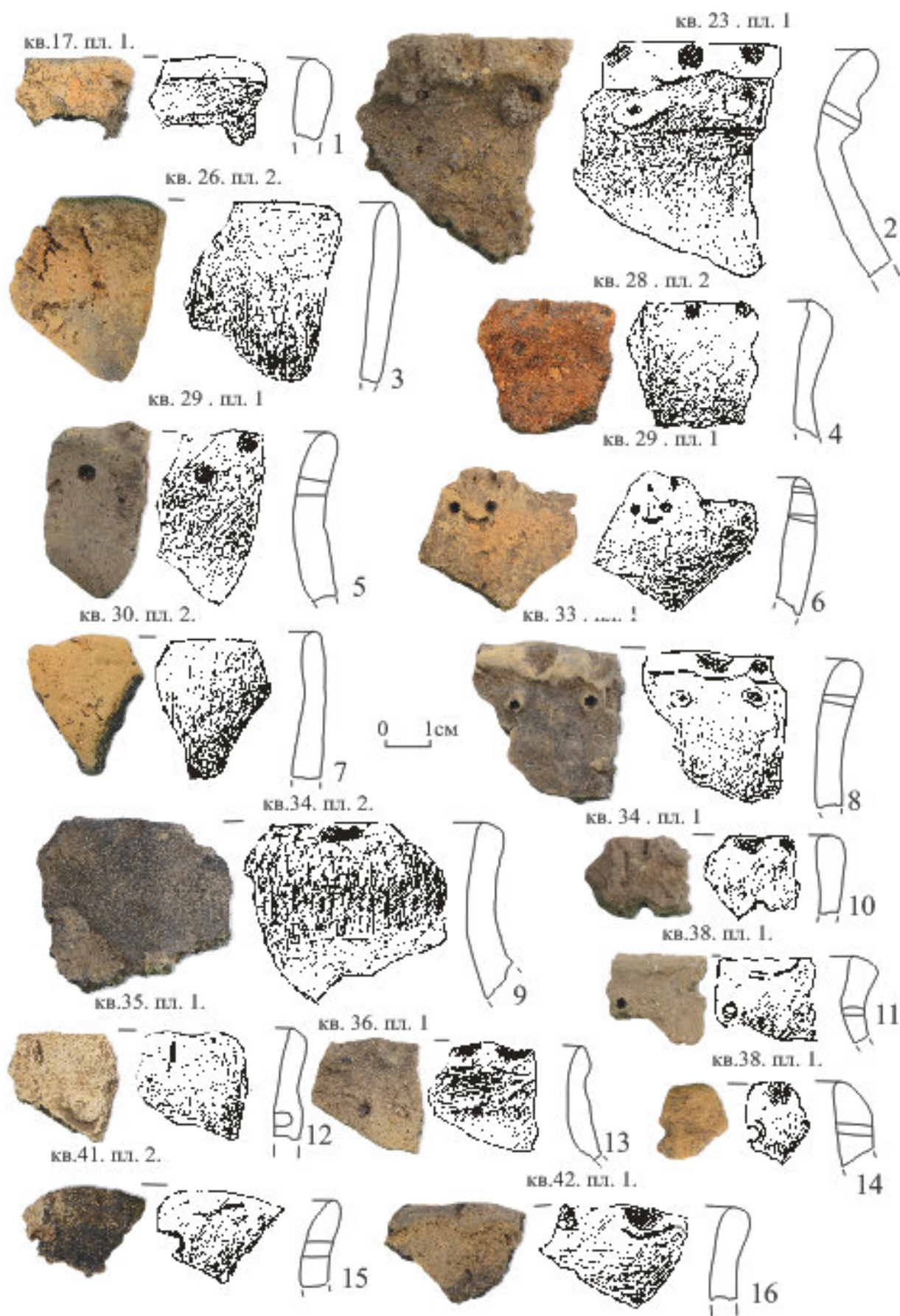

Рис. 5. Венчики лепных сосудов

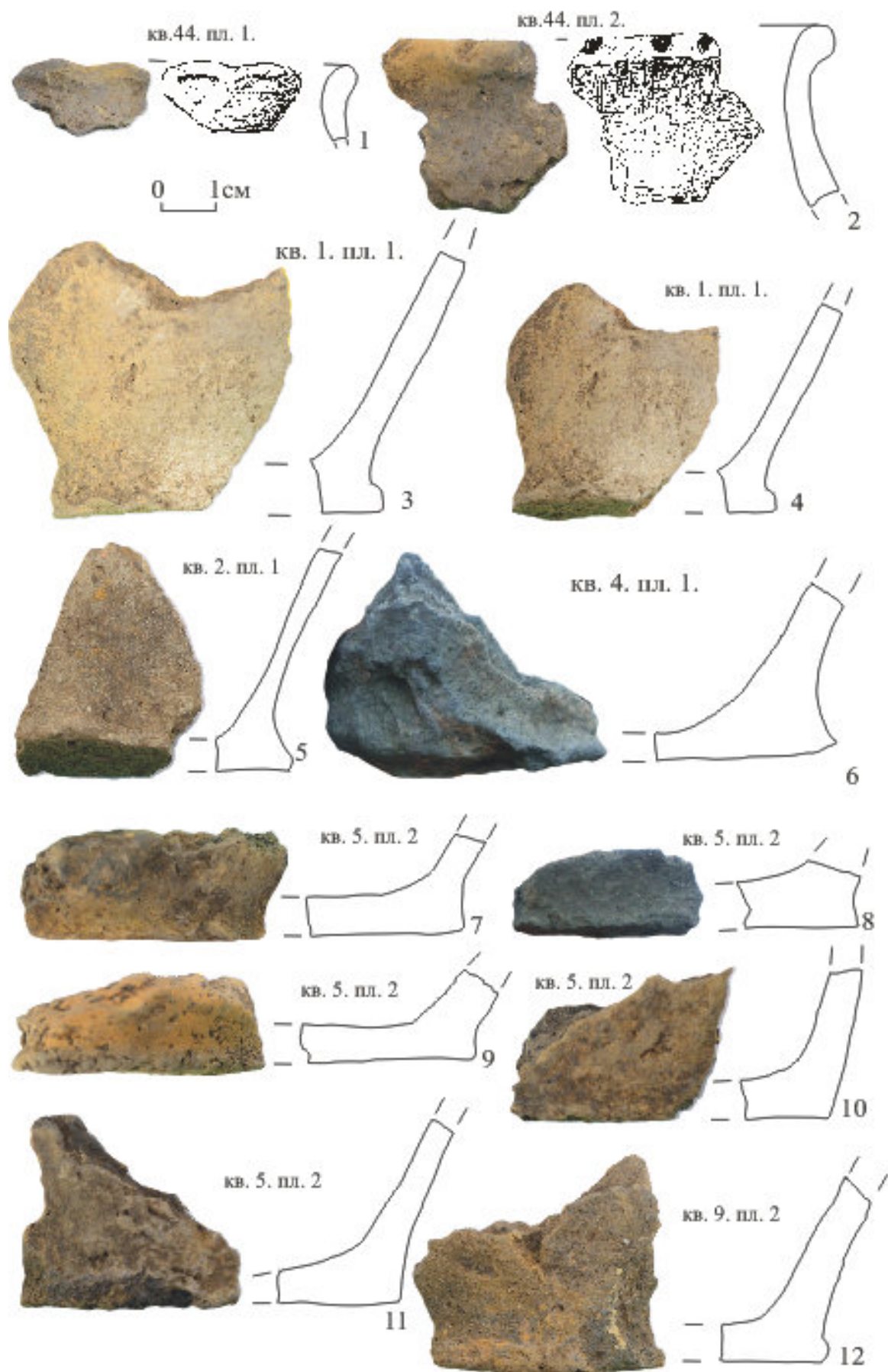

Рис. 6. Венчики и днища лепных сосудов

кв. 3. пл. 2.

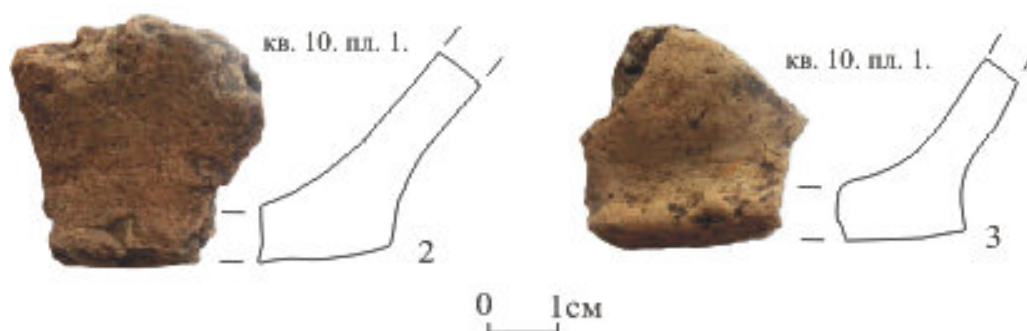
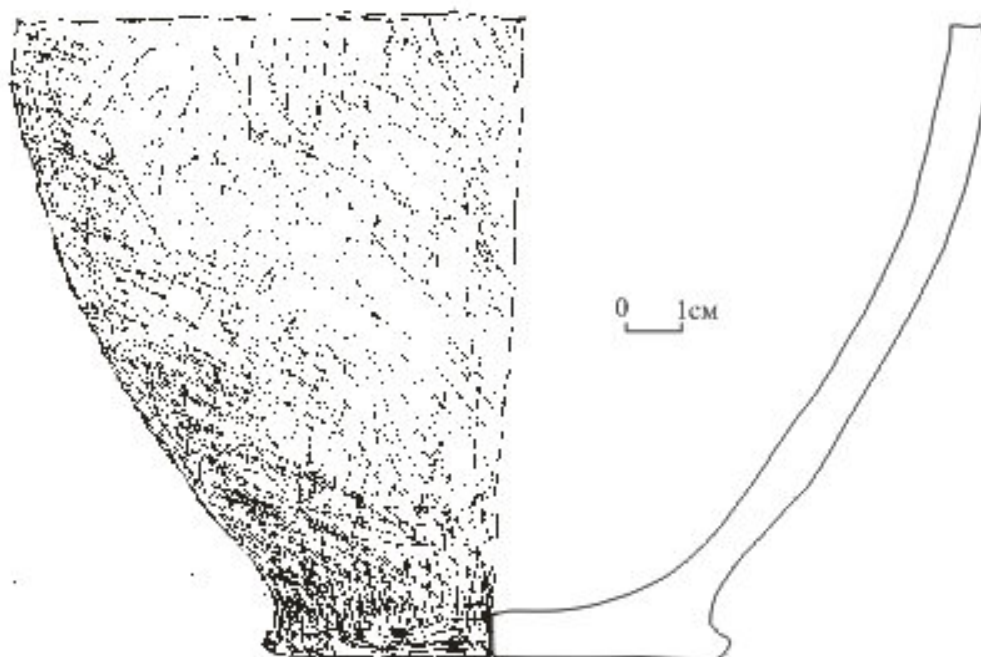

Рис. 7. Днища лепных сосудов

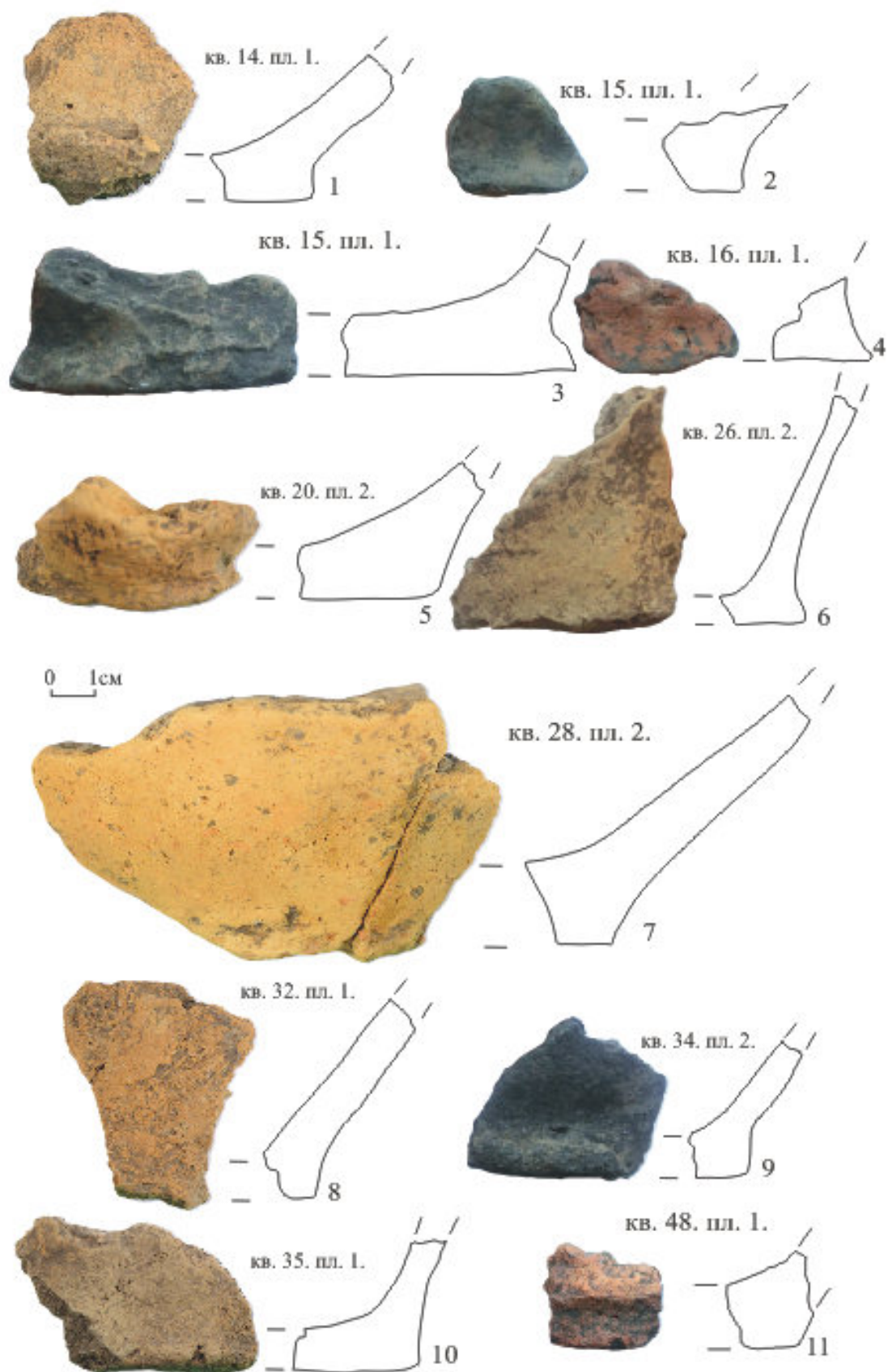

Рис. 8. Днища лепных сосудов

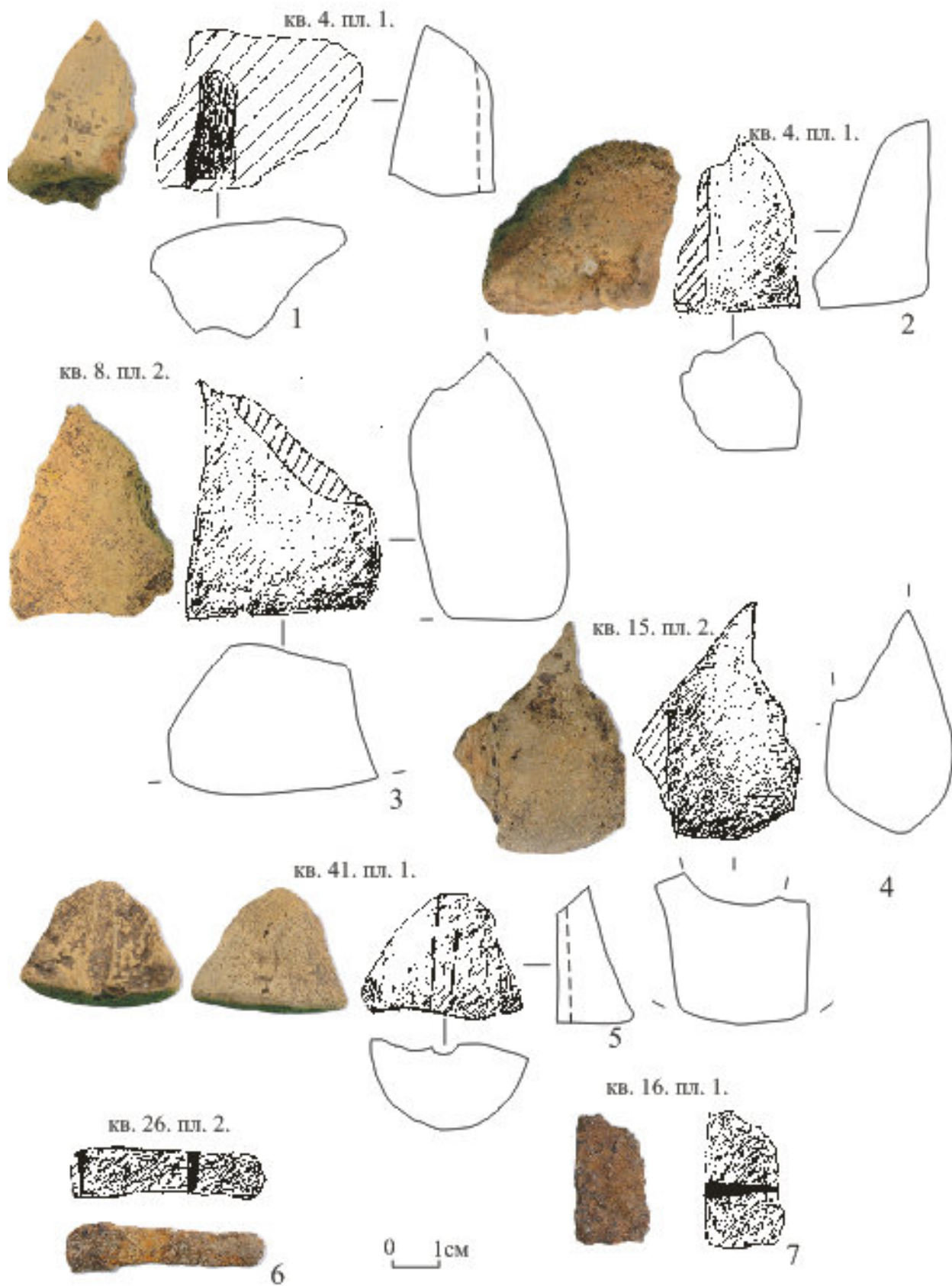

Рис. 9. Изделия из глины и железа

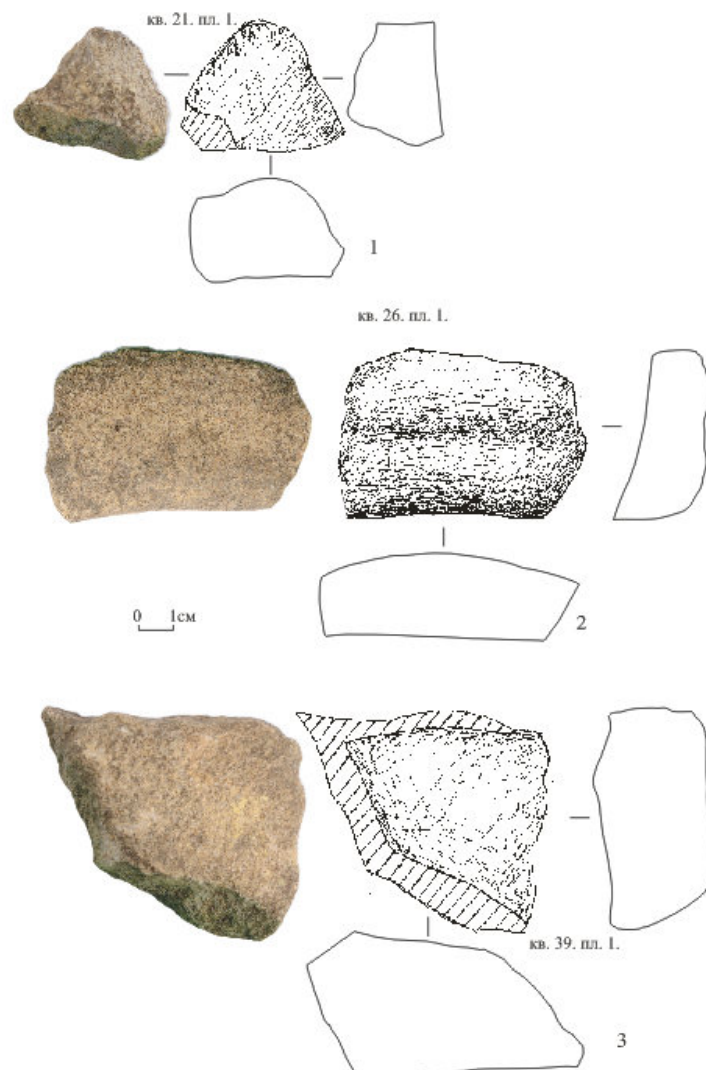

Рис. 10. Изделия из камня

Список литературы и архивных источников

1. Божко А.А. Отчет о проведении археологических работ в бассейне р. Оскол на территории Чернянского, Старооскольского, Новооскольского, Волоконовского, Валуйского районов Белгородской области. Белгород, 2014. Архив ИА РАН.
2. Ильинская В.А. Скифский период в Днепровском Лесостепном Левобережье: Автореф. дис... канд. ист. наук. К., 1971. 56 с.
3. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). К., 1989. 333 с.
4. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ Д1-31. М.: Наука, 1965. 112 с.
5. Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999. 160 с.
6. Моруженко А.А. Городища Лесостепных племён Днепро-Донского междуречья VII - III вв. до н. э. // СА. 1985. № 1. С. 160-178.
7. Моруженко А.А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 4. С. 25-40.
8. Пузикова А.И. Исследование городищ и поселений скифского времени в Курском Посеймье // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 260-273.
9. Сарапулкина Т.В. Отчёт о разведочных работах на территории Белгородского, Борисовского, Грайворонского, Чернянского и Яковлевского районов Белгородской области в 2006 году. Белгород, 2007. Архив ИА РАН.
10. Шрамко Б.А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северского Донца // КСИИМК. 1954. № 54. С. 105 - 115.

Погребальное сооружение и некоторые аспекты погребальной практики аланского населения Верхнего Салтова с точки зрения археолога-землекопа

Аннотация. В работе предлагается историческая реконструкция процесса сооружения катакомб (земляных склепов) средневековым аланским населением салтово-маяцкой культуры. Для этой цели был проведен статистический анализ метрических параметров 226 катакомб Верхне-Салтовского могильника. На этой основе были получены данные о средних объемах грунта, который вынимался строителями при сооружении катакомбы для захоронения ребенка, одного или нескольких взрослых покойников, а также среднее время, необходимое для сооружения катакомбы. Расчеты показали, что катакомба для захоронения ребенка, объем которой составлял от 0,9 до 1,5 м³ грунта, могла быть вырыта силами одного человека в течении одного рабочего дня продолжительностью 10-12 часов. Для сооружения самых больших по размеру катакомб, где объем извлеченного из них грунта мог достигать 14 м³, требовались усилия 3-4 землекопов и в среднем 3-5 рабочих дня.

Ключевые слова: Верхне-Салтовский могильник, катакомбное захоронение, разрушение костяков, аланы.

Abstract. In this paper we propose a historical reconstruction of catacombs' building process (ground tombs) of the medieval Alanian population of saltovo-mayatskii archeological culture. For this purpose, the statistical analysis of dimensional characteristics of 226 catacombs in the territory of Verkhne-Saltovskii burial ground was carried out. On the basis of the data obtained the average volume of base coating taken out by diggers when building children's catacombs, catacombs for one adult burying, catacombs with collective burying and the time required therefor were calculated. The calculations showed that the building catacomb for a child burying which volume made up from 0,9 to 1,5 m³ can be done by efforts of one adult digger during one working day lasting 10-12 hours. To build the biggest catacomb the ground of volume taken out of it could reach 14 m³ required efforts of 3-4 diggers during 3-5 working days.

Key words: Verkhne-Saltovskiy burial, catacomb burial, a disorder of human anatomical skeleton, Alans.

Основным погребальным сооружением аланского населения Верхнего Салтова, как свидетельствует более чем столетняя история исследования могильника, является земляной склеп - катакомба (Бабенко, 1905, с. 447-577; Покровский, 1905, с. 465-491; Семенов-Зусер, 1949, с. 112-137; Семенов-Зусер, 1952, с. 271-284; Березовец, 1975, с. 425, 427). Катакомбы на всех исследованных участках могильника у с. Верхний Салтов (ВСМ-I, ВСМ-III, ВСМ-IV) располагаются на склонах яров (Капиносского Симоненковского, Нетечинского) и безымянных балок. При этом, погребальные сооружения ориентированы по их склонам, в соответствии с древним рельефом местности. «Классическая» катакомба Верхне-Салтовского могильника состоит из узкого и длинного входного коридора – дромоса, и погребальной камеры, вырытой в торцевой стенке дромоса, расположенной выше по склону. В начальной части дромоса расположено несколько ступенек. Пол входного коридора (дромоса) в большинстве случаев - ступенчато-горизонтальный или ступенчато-горизонтально-наклонный. При длине дромоса в 2,0–2,5 м пол его мог быть просто горизонтальным. Для катакомб Верхнего Салтова характерна тенденция, отмеченная на других катакомбных могильниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, – более длинные дромосы являются и более глубокими, и имеют большее количество ступенек в своей начальной части, число которых колеблется от двух до четырнадцати.

В своей работе мы опираемся на результаты исследования на трех участках могильника у с. Верхний Салтов, проведенные в 1959–2014 гг.: 75 катакомб на ВСМ-I, 41 катакомб на ВСМ-III и 110 катакомб на ВСМ-IV*. Статистический анализ данных материалов показал (табл. 1, 2, 3), что для всех

© Аксёнов В.С., 2016

* Однотипность погребального обряда и погребального инвентаря в захоронениях, исследованных в окрестностях Верхнего Салтова, позволяют говорить об одном обширном могильнике, занимавшем склоны нескольких

трех участков Верхне-Салтовского некрополя характерна высокая степень стандартизации по большинству мерных признаков, характеризующих погребальные сооружения могильника, что соответствует некоторым «нормам» погребальной обрядности населения, оставившего данный некрополь. Сооружение катакомб производилось специальными людьми, о чем свидетельствует высокая степень стандартизации ширины и глубины дромоса, высоты, ширины и глубины входа в погребальную камеру, длины и ширины могильной камеры, количества ступенек.

Таблица 1 – Средние параметры дромосов в катакомб Верхнего Салтова

Могильник	Длина (м)	Ширина (м)	Глубина (м)	Среднее кол-во ступенек
ВСМ-I (1984–1989)	4,56	0,58	3,04	6,45
ВСМ-III (1959-1961, 1988-1992)	4,44	0,6	3,12	5,9
ВСМ-IV (1998–2013)	4,79	0,54	3,07	6,7

Таблица 2 – Средние параметры входной лаз в погребальную камеру катакомб Верхнего Салтова

Могильник	Ширина (м)	Высота (м)	Глубина (м)	Заклад			
				нет	камень	дерево	жернов
ВСМ-I (1984–1989)	0,44	0,59	0,29	92%	4%	4%	-
ВСМ-III (1959-1961, 1988-1992)	0,49	0,6	0,31	68%	12%	15%	5%
ВСМ-IV (1998–2013)	0,43	0,55	0,3	65%	30%	4%	1%

Таблица 3 – Средние размеры погребальных камер катакомб Верхнего Салтова

Могильник	Длина (м)	Ширина (м)	Высота (м)	Перепад полов	Подстилка		
					нет	уголь	органика
ВСМ-I (1984–1989)	1,97	1,59	1,24	0,24	85%	11%	4%
ВСМ-III (1959-1961, 1988-1992)	1,92	1,49	1,43	0,25	59%	12%	24% (5%)
ВСМ-IV (1998–2013)	1,96	1,56	1,21	0,24	75%	16%	8%

И если разные аспекты погребальной обрядности и специфики погребальных сооружений аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры неоднократно затрагивались ведущими салтоведом (Афанасьев, 1993, с. 80-93; Плетнева, 1967, с. 71-91; Плетнева, 1989, с. 173-191). То такой практический вопрос как велись работы по созданию катакомб, и сколько на это могло быть затрачено времени и людских ресурсов, остался вне поля зрения исследователей. На многолетние наблюдения (с 1998 г и по настоящее время) позволяют затронуть эту довольно интересную проблему. Наблюдения над стратиграфией заполнения дромосов и погребальных камер катакомб ВСМ-IV, а также наш опыт работ по вскрытию катакомбных захоронений, позволяют сделать несколько предположений относительно процедуры совершения захоронения в данных земляных склепах.

Так, длина, а, следовательно, и возможная глубина, входного коридора будущей катакомбы определялся перед его созданием, исходя из социального и имущественного положения умершего индивида. При этом, при создании катакомбы салтовцами учитывалась геологическая ситуация на конкретном участке склона. Погребальная камера всегда вырубалась в пласте плотной материковой глине светло-коричневого цвета, глубина залегания которого и определяла максимально возможную глубину погребального сооружения. Так, на участке ВСМ-IV, где пласт плотной материковой глины светло-коричневой лежал на рыхлой глине светло-зеленоватого цвета или на комковатой глине темно-коричневого цвета, дно погребальных камер, как и дно дромоса, ни разу не опускался ниже уровня залегания этих мягких по структуре глин, ибо эти глины не могли обеспечить необходимую прочность создаваемому подземному сооружению.

расположенных в непосредственной близости друг от друга оврагов. Хотя первооткрыватель некрополя В.А. Бабенко говорил о трех отдельных могильниках (Бабенко, 1905, с. 548). Могилы по склонам разных оврагов, скорее всего, принадлежали разным семейным группам, проживавшим рядом с Верхне-Салтовским городищем.

Стенки дромосов в его начальной части зачастую вертикальные. Однако, на участке дромоса расположенном выше по склону, там, где глубина дромоса начинает превышать 1,0-1,2 м, они становятся наклонными, из-за чего ширина дромоса у дна оказывается большей, чем на уровне фиксации дромоса (рис. 1: 1, 3). Это обусловлено тем фактом, что по мере углубления дромоса, выбирать землю имеющимися у салтовцев инструментами (лопата, мотыги) из узкого дромоса становится неудобно (ширина плеч копающих людей превосходит ширину дромоса). Поэтому для облегчения выемки грунта боковые стенки дромоса слегка подрубались, из-за чего в поперечном разрезе дромос приобретал форму близкую к трапеции с относительно широкой нижней частью (рис. 1: 4, 5).

Часть дромоса, расположенная выше по склону, зачастую по ширине несколько превышает ширину его начальной части, составляя в среднем 0,5-0,9 м (рис. 1: 1). При ширине этой части дромоса в пределах 0,5-0,7 м его стенки зачастую остаются вертикальными до самого его дна. Данная ширина дромоса обеспечивала относительный комфорт копателям при прорубке входа-лаза в камеру, и при выборке грунта из самой погребальной камеры.

В торце дромоса, расположенном выше по склону, находился вход-лаз в погребальную камеру. На всех участках могильника у Верхнего Салтова лаз в большинстве случаев имеет форму прямоугольника, реже трапеции, с закругленными верхними углами, что придает ему арковидную форму (рис. 1: 2). Ширина лаза зачастую является немного меньше ширины дромоса у торцевой его стенки. Высота входа в погребальную камеру всегда немного превышает его ширину (табл. 2). Средняя длина входа-коридорчика составляет 0,29-0,31 м, хотя она может колебаться от 0,1 до 0,5 м. Зачастую дно лаза-коридора и дно дромоса находятся на одном уровне (рис. 1: 3), реже – со стороны дромоса - наблюдается порожек высотой до 5 см* (рис. 1: 1).

В плане погребальные камеры чаще всего имеют форму прямоугольника с закругленными углами. На втором месте по частоте встречаемости стоят полы, имеющие овальную в плане форму. Полы круглой и квадратной в плане формы встречаются редко. Погребальная камера, там, где это удалось проследить, может иметь цилиндрический, коробовый или стрельчатый свод. Максимальная высота камер составляет 1,5–1,65 м, хотя чаще всего их высота колеблется в пределах от 1,0 до 1,2 м.

Участки некрополя у Верхнего Салтова несколько отличает среднее число погребений на погребальную камеру (табл. 4). Однако, средняя наполняемость камер однозначно свидетельствует, что катакомбы использовались в качестве семейных усыпальниц.

Таблица 4 – Среднее число скелетов, приходящихся на одну камеру в салтовских могильниках

Могильник	Дмитриевский	Нижне-Лубянский	Ютановский	ВСМ	ВСМ-I (1984 – 1989)	ВСМ-III (1959-1961, 1988-1992)	ВСМ-IV (1998 – 2013)
Число скелетов	2,24	2,21	2,07	1,91	2,64	1,7	2,26

Для выкапывания катакомб использовались те орудия, которые находились в хозяйстве у салтовского населения – деревянные лопаты с железными оковками, железные тесла-мотыжки, железные хозяйственные топоры. Деревянные лопаты с железными оковками, вместе с топорами были основными орудиями при земляных работах даже на тяжелых грунтах еще в начале XX века (Рошефор, 1916, с. 64). Их отличал незначительный вес (березовая лопата весила 3-3,5 фунта – 1200-1400 грамм) и то, что влажная глина не прилипала к рабочей части (Рошефор, 1916, с. 64). Следы работ теслом-мотыжкой неоднократно были отмечены на стенках и потолке погребальных камер салтовских катакомб, а сами они довольно часто представлены в погребальном инвентаре захоронений (рис. 3: 7). Это позволяет предположить, что у аланского населения существовала практика после завершения работ оставлять тесла-мотыжки в захоронениях. Практика оставления инструмента, которым копалась могила на месте захоронения, отмечено у целого ряда народов (Руденко, 1953, с. 28-30, рис. 4). Для извлечения грунта с глубины применялись какие-то емкости – плетеные корзины, кожаные мешки и т.п.

Интересные данные дают объемы грунта, вынимаемого при сооружении катакомб (табл. 5). Для наглядности нами взяты катакомбы без следов преднамеренного вскрытия дромоса в древности (отсутствует ход повторного проникновения в погребальные камеры), и содержавшие разное число костяков в камерах. Наши расчеты объемов вынутого грунта имеют несколько приближенный характер, что связано с возможной погрешностью при вскрытии дромоса и входа-лаза современными землекопами, с обвалами

* По нашим наблюдениям, присутствие порожка со стороны дромоса можно объяснить погрешностью в работе археологов при вскрытии дромоса, когда возникали сложности с фиксацией дна дромоса, которое в этом случае немного перекапывалось.

свода камер в древности, с изменением уровня дневной поверхности произошедшими с момента создания погребального комплекса и до момента его исследования. Все это не могло не привести некоторую погрешность в наши расчеты. Хотя, по-видимому, в целом масштаб реально первоначально вынутого при сооружении катакомб грунта и рассчитанного нами вполне сопоставим. Как видно из таблицы объем вынимаемого грунта напрямую зависел от размеров погребального сооружения и той глубины, на которой находилась погребальная камера. При этом даже при сооружении катакомб для одиночных детских захоронений объем вынутого грунта достаточно велик – от 0,9 до 1,6 м³. Граничный максимальный объем грунта, вынутого при сооружении катакомбы, по-видимому, составлял 15-17 м³. При сооружении катакомбы средних размеров количество вынутого грунта составляло 6-8 м³.

Таблица 5 – Размеры катакомб и объем грунта извлеченного при сооружении данных погребальных сооружений

№ кат.	КОЛ. чел.	Дромос						Вход-лаз				Камера					Общий объем грунта (м³)
		Длина (м)	Ширина (м)	Глубина (м)	Кол. ступ.	Вид дна	Объем грунта (м³)	Высота (м)	Ширина (м)	Глубина (м)	Объем грунта (м³)	Форма	Длина (м)	Ширина (м)	Высота (м)	Объем грунта (м³)	
29	3р	2,35	0,35 - 0,6	2,1	-	НГ	2,15	0,66	0,4	0,3	0,07	О	1,32	1,2	0,94	0,9	3,12
32	1р	1,9	0,36 - 0,39	2,2	1	СНГ	1,33	0,66	0,36	0,2	0,04	О	0,82	0,52	0,75	0,14	1,51
34	1р	1,5	0,45 - 0,5	1,45	2	СН	0,85	0,5	0,4	0,08	0,01	О	0,59	0,37	0,5	0,06	0,92
35	1р	2,4	0,4 - 0,5	1,45	3	СГ	1,42	0,45	0,4	0,05	0,008	О	0,85	0,75	0,6	0,2	1,62
50	1взр. + 1р	4,85	0,36 - 0,48	2,35	6	СН	2,3	0,4	0,4	0,34	0,05	П	1,4	0,98	0,85	0,75	3,1
58	1п	5,9	0,56 - 0,64	3,15	7	СН	7,2	0,6	0,52	0,45	0,13	П	1,77	1,45	1,0	1,3	8,63
65	1взр.	4,7	0,4 - 0,62	3,12	8	СН	5,5	0,7	0,45	0,14	0,4	П	1,97	1,25	1,1	1,43	7,33
94	1взр. + 1р	2,4	0,4	2,1	2	СГ	1,97	0,5	0,4	0,12	0,024	О	1,71	1,05	1,0	1,17	3,16
96	3взр. + 1р	6,2	0,5 - 0,65	4,4	9	СНГ	10,0	0,6	0,45	0,3	0,08	П	2,15	1,92	1,55	4,1	14,18

р – ребенок, п – подросток, взр – взрослый; НГ – наклонно-горизонтальное дно, СН – ступенчато-наклонное дно, СГ – ступенчато-горизонтальное дно, СНГ – ступенчато-наклонно-горизонтальное дно; О – вальная камера, П – прямоугольная камера с закругленными углами

Взяв за основу нормы при выполнении земляных работ приведенные в «Иллюстрированном урочном положении» Н.И. Рошефора (Рошефор, 1916)*, попытаемся определить, сколько времени могло быть затрачено для сооружения катакомбы, и сколько человек при этом могло быть задействовано. Земляные работы в южной полосе России, в которой входит и современная Харьковская область, согласно «Иллюстрированного урочного положения» летом (с 1 апреля по 1 ноября), проводились в среднем по 12 часов в сутки. В осеннее (с 1 ноября по 16 декабря) и весеннее время (с 1 марта по 1 апреля) на выполнение работ отводилось в среднем 9 часов в день. В зимнее время (с 16 декабря по 1 марта) земляные работы могли проводиться в течении 7-8 часов в день (Рошефор, 1916, с. 12, 13). Таким образом, работы предполагалось проводить в течении светлого времени суток. В эти же временные рамки, вполне вероятно, проводили работы по сооружению катакомб и салтовцы. Соглас-

* «Иллюстрированное урочное положение» Н.И. Рошефора появившееся в 1869 г. на многие годы стало для российских, а затем и советских строителей и инженеров реальным пособием при составлении и проверке смет, при проектировании и исполнении различных строительных работ. Названная книга не только содержит правила расчета поденной трудоемкости по множеству операций ручного труда в строительстве, которые давно заменены машинным трудом, но и является своеобразной энциклопедией строительных технологий доиндустриального периода (Коробейников, 2005, с. 122).

но параграфу 28 «Уложения» грунт, который салтовцы вынимали при сооружении катакомб, по своим свойствам, степени плотности и весу относится двум разрядам: верхний дерновой слой и подстилающий его слой чернозема – к разряду б) – легко отделяемым деревянными, с железным лезвием, лопатами; плотная материковая глина, в которой выкапывался дромос и вырубалась погребальная камера – к разряду г) – отделяемая при помощи кирок, ломов, клиньев и молота (Рошефор, 1916, с. 62). При этом указывается в параграфе 30 «Уложения», что при копании земли из рвов глубиной до 2 аршин (1,4224 м) и шириной не менее 2 аршин (1,4224 м), с выбрасыванием на кубический сажень (9,713 м³) грунта: сыпучей или рыхлой земли, отделяемой деревянными, с железным лезвием лопатами необходим 1 (один) землекоп; плотной глины и всякого грунта, отделяемого отчасти лопатами, кирками и топорами, смотря по его твердости и удельному весу необходимы 3-4 землекопа; отвердевшего глинистого или мерзлого грунта, смотря на его твердость и удельный вес – 5-6 землекопов (Рошефор, 1916, с. 63). При этом уточняется (параграф 31 «Уложения»), что при копании и выбрасывании земли в тесных местах (шириной меньше 2 аршин – 1,42 м) к числу землекопов, определенных сложностью грунта, добавляется еще 25% – соответственно, – 1,25, 3,25-4,25, 5,25-6,25 (Рошефор, 1916, с. 65). В этом же параграфе уточняется, что при работе на выброс при копании рвов для прокладки труб, кабелей, что соответствует работам в дромосе катакомбы, расчеты делаются еще и по параграфу 36. В параграфе 36 «Уложения» Н.И. Рошефора указывается, что при выбрасывании грунта на высоту до 1 сажени (2,13 м) разрыхленной глины или другого твердого грунта на 1 куб. сажень необходим 1,33 землекоп (Рошефор, 1916, с. 67).

Исходя из всего выше сказанного, можно заключить, что для выкапывания грунта (плотной глины) по объему равному средней катакомбе (6-8 м³, что составляет немного меньше 1 куб. сажени) необходимы усилия 6-8 землекопов, которые могли справиться с данной работой за один рабочий день в летний период и за 1,5 рабочих дня в весенне-осенний и зимний период. При этом надо учитывать, что работать на глубине в узком дромосе и рубить погребальную камеру в плотной глине достаточно сложно, поэтому темп работ существенно снижался. Поэтому время на сооружения катакомбы естественно увеличивалось и могло доходить, по-видимому, до 2-3 рабочих дней с учетом природных условий (дождь, снег, мороз и т.п.). Работы по сооружению погребального сооружения вечером и ночью не велись, ибо в традиционных обществах темное время суток считалось часом разгула темных, вредоносных, потусторонних сил, ибо в потустороннем мире (мире мертвых) всё наоборот (здесь день – там ночь, здесь сломанное – там целое и т.п.) (Косарев, 2003, с. 175). Из-за размеров дромоса (ширина 0,54-0,6 м и глубина коло 3 м) и относительно небольших размеров погребальной камеры предполагаемых 6-8 человек работать над сооружением погребального сооружения одновременно не могли. Практический опыт показывает, что одновременно целесообразно задействовать при создании средней по размеру катакомбы 2-3 человека. Так, на дромосе первоначально мог работать только один человек. Он выбирал землю из входного коридора и выбрасывал ее наверх (рис. 2: 1). По мере углубления дромоса к работе подключался второй человек. Первый землекоп выкапывал землю и насыпал её в какую-то емкость, тогда как второй с помощью веревки извлекал эту землю наверх и сыпал её вдоль одной из сторон дромоса. Такие же операции проводились при вырубке в глине погребальной камеры. Однако, при этом мог быть задействован и третий землекоп. Один человек рубил глину в погребальной камере и выбрасывал её через вход-лаз в дромос. Второй землекоп набирал выброшенный из камеры грунт в емкость, тогда как третий работник поднимал с помощью веревки этот грунт наверх и сыпал его в непосредственной близости от могильного сооружения. Таким образом, 2-3 салтовских землекопа, работая одновременно, могли вырыть среднюю по размерам катакомбу за 3-5 рабочих дня. Катакомба для одиночного захоронения ребенка (объем выгнутой земли составлял до 1,5 м³) (табл. 5) в таком случае могла быть вырыта силами одного человека в течении одного рабочего дня. Этого времени вполне хватало для подготовки тела умершего человека к погребению. У осетин было принято хоронить умершего человека на вторые сутки после смерти (Калоев, 2004, с. 329). Однако, если устраивались большие поминки, что бывало достаточно часто, или же не была подготовлена вся необходимая одежда для покойника, то похороны откладывались на день или два (Калоев, 1984, с. 77; Калоев, 2004, с. 329). Таким образом, у осетин от смерти до похорон проходило 2-3 дня. В традиционных обществах, по данным этнографии, у многих народов в течении 1-3 дней после смерти, к умершему человеку относились как к живому (разговаривали с ним, тормошили его пытаясь разбудить, «кормили» – ставили еду и т.п.) (Калоев, 2004, с. 329; Павлинская, 2007, с. 20-21), пока, по-видимому, не становились явными абсолютные признаки смерти (трупные пятна, окоченение, гниение, охлаждение тела и трупное высыхание) (Сапожников, Гамбург, 1976, с. 22-36). Последней попыткой, как нам представляется, «разбудить» умершего у осетин являлся обряд зажигать порох (огонь) на груди покойного, перед тем как класть его в могилу или в склеп (Калоев, 1984, с. 94).

Теперь остановимся на самой технологии создания земляного склепа – катакомбы салтовским населением Подонцовья, как она нам представляется. Входной коридор (дромос) сразу вскрывался по всей запланированной его длине послойно, в начальной части дромоса по мере надобности оставались сту-

пеньки. Грунт из дромоса вынимался и ссыпался, вероятно, в виде вала вдоль одной из длинных его сторон (рис. 2: 1). Входной коридор копался с помощью деревянных лопат с железной оковкой. Хотя, возможно, что по мере углубления дромоса, из-за его незначительной ширины дромоса, землю могли рубить и теслами-мотыжками. Однако, это значительно бы замедлило процесс выкапывания погребальной конструкции. Вероятно, первоначально выбиралась земля перед ступеньками, а потом уже - по направлению к торцевой стенке дромоса. О такой последовательности выборки грунта из дромоса свидетельствует незаконченный входной коридор катакомбы № 127 (рис. 3: 1) (Аксёнов, 2015, с. 16). Лаз-коридорчик и саму погребальную камеру в силу специфики работ рубили уже теслом-мотыгой, выгребали грунт лопатой. Грунт из лаза-коридорчика и погребальной камеры на поверхность уже не поднимали. Он ссыпался в начальной части дромоса, перекрывая собой ступеньки (рис. 2: 2). Это подтверждается составом заполнения начальной части дромоса, которая состоит из чистой материковой глины с незначительными вкраплениями мелких меловых конкреции, и по цвету почти не отличается окружающего материка (Аксёнов, 2002, с. 98; Аксёнов, 2012-2013, с. 21). Подтверждает это и тот факт, что в нижней части дромоса катакомбы № 127 были зафиксированы две наклонные в сторону входа в погребальную камеру прослойки рыхлой глины светло-зеленого цвета, извлеченные из камеры и перекрывавшие частично две последние ступеньки. Эта светло-зеленая рыхлая глина являлась полом погребальной камеры, тогда как стены камеры были вырублены в плотной материковой глине светло-коричневого цвета. Засыпка ступенек грунтом извлеченным из камеры может быть с одной стороны объяснены желанием облегчить процесс работ, не затрачивая время на подъем грунта на поверхность, а с другой – они имели вполне оправданные идеологические мотивы. У многих народов любое отверстие в земле (пещера, расщелина, колодец и т.п.), а уж тем более могила или входной коридор в погребальную камеру, рассматривался как вход в потусторонний мир/мир мертвых (Седакова, 2004, с. 56-57; Павлинская, 2007, с. 22, 25; Федорова, 2007, с. 214; Снорри Стурлусон, 1980, с. 16). Сделанные в начальной части дромоса ступеньки предназначались для живых людей, которые сооружали погребальное сооружение. Следовательно, засыпая начальную часть дромоса со ступеньками чистой материковой глиной, салтовцы принимали защитные меры, направленные на закрытие/запечатывание входа в нижний мир, препятствовали мертвецу найти дорогу в мир живых.

Как показывают наши расчеты (табл. 5), объема грунта, вынутого при сооружении лаза и погребальной камеры, хватало максимально только на то, чтобы полностью заполнить начальную часть дромоса до половины его длины, а перед входом в уже готовую погребальную камеру оставалось еще достаточно свободного места для проведения дальнейшего обряда. К моменту завершения работ по сооружению погребальной камеры тело умершего человека, вероятно, уже было подготовлено к захоронению.

Процесс помещения тела умершего человека в погребальную камеру в этом случае мог происходить следующим образом. Тело подносили к не засыпанной части дромоса со стороны, свободной от вынутого при его рытье грунта. При этом двое могильщиков находились в катакомбе, один – в свободной от грунта части дромоса перед лазом, второй – внутри погребальной камеры. Тело умершего человека, вероятно, завернутое во что-то и связанное, опускалось вниз на веревках. Здесь его принимал один из могильщиков и направлял по ходу дромоса в лаз-коридорчик. Средняя ширина дромоса, средние размеры входа-лаза по нашему мнению, были обусловлены антропометрическими данными, рывших их людей, которые как показывают данные антропологии имели средний рост в пределах 160-162 см (Решетова, 2014, с. 91, Чучукало, 1926, с. 212). Средние размеры лаза-коридорчика в погребальную камеру, при сопоставлении со средними параметрами тела взрослого человека, показывают, что для протаскивания через вход-лаз тела умерших людей, по-видимому, не только подвергались пеленанию (связыванию), но и в процессе доставления их в камеру через лаз тела умерших разворачивались боком. Только так тело умершего взрослого человека могло быть относительно беспрепятственно доставлено в погребальную камеру. Показательно, что осетины еще в XVIII - начале XX века заворачивали умерших в войлок, бурки или ткань, и уже в таком виде помещали в склепы и укладывали в каменные ящики (Калоев, 1984, с. 96, 98). Подтверждается это и размерами входных отверстий в осетинских наземных склепах, размер которых (ширина 0,5–0,6 м и высота 0,5–0,82 м или 0,5 х 0,5 м) (Тменов, 1979, с. 21; Калоев, 1984, с. 96) почти идентичны размерам входа-лаза в катакомбы Верхнего Салтова (табл. 2). В погребальной камере второй могильщик, принимая тело умершего человека, разворачивал его в нужном направлении - головой влево или вправо от входа, или помогал поступательному движению тела внутрь камеры при продольном расположении её по отношению к дромосу. Уложив тело в отведенном для него месте, второй могильщик, вероятно, освобождал его от веревок, придавал телу необходимое положение, раскладывал сопровождающий инвентарь. В камеру при этом могло быть помещено как одно, так и несколько тел людей, умерших в течении относительно непродолжительного времени.* Покинув погребальную камеру,

* Здесь приходится учитывать высокий показатель детской смертности 26,6% (Решетова, 2014, с. 71) - 28,5% (Бужилова, 2010, с. 585, табл. 2) и показатель средней продолжительности жизни населения Верхнего Салтова (участок ВСМ-IV), который составлял 37,2 года: 37,03 для мужчин и 31,25 для женщин (Решетова, 2014, с. 70).

второй могильник присоединялся к человеку у лаза, и они вместе уже закрывали вход в погребальную камеру деревянными плахами, каменной плитой, глиняными вальками (табл. 2). Хотя, по-видимому, в большинстве случаев для этого использовалась определенным образом подготовленная влажная материковая глины, которой заполнялся вход-лаз. После некоторого высыхания, заполнение входа-лаза почти сливалось с окружающим материком. Таким образом, производилось как бы символическое «запечатывание» погребальной камеры, закрывался ход из мира мертвых в мир живых^{**}. Именно эти действия при работах на могильнике в 1959-1961 гг. сбивали с толку археологов. Как отмечал Д.Т. Березовец: «... в двух случаях (№№ 4 и 5) дромосы оканчивались входами, заложенными каменной плитой или доской, за которыми как нам первоначально казалось, катакомб нет. Сняв камень или доску, мы обнаруживали такую же глину и такой же структуры, как и стенки, дромоса. По-считав, что в этих случаях нами встречены кенотафы, мы дальнейшие работы тут прекратили (рядка моя – Аксенов В.С.). В следующем, 1960 г., продолжая работы, мы вскрыли 8 дромосов подряд и во всех случаях катакомб не было. Такое обилие кенотафов показалось нам невероятным и мы начали долбить глину за входом. Очень скоро был обнаружен пол катакомбы ... Закладка была выполнена настолько тщательно, что совершенно не отличалась от материка. В дальнейшем, приобретя опыт расчистки такого рода катакомб, мы находили еле заметные щели между стенами и закладкой» (Березовец 1959-1961, с. 3). Видимо, именно поэтому при работах в 1959-1961 гг. на могильнике (ВСМ-III) из выявленных 80 катакомб было исследовано всего 23 (Березовец, 1959-1961, с. 5).

После закрытия входа-лаза в погребальную камеру, оставшееся свободное пространство в торцевой конце дромоса засыпалась грунтом, лежавшим в виде вала вдоль одной из его длинных сторон (рис. 4). При этом на поверхности земли образовывалась валообразная насыпь, длина которой, вероятно, соответствовала длине дромоса, а высота составляла 0,3-0,5 м. Данная насыпь служила внешним опознавательным знаком могилы. Параметры надмогильной насыпи, особенно её длина, выступала зрительным маркером проведенных земляных работ, и как следствие указывали на богатство и статус погребенных в данном месте людей, служила отправной точкой при определении размеров хода повторного проникновения в погребальную камеру.

Для совершения новых подзахоронений или проведения постпогребальных обрядов (обряда обезвреживания погребенных) вскрывался не весь дромос (рис. 1: 3), а только его часть – расположенная непосредственно у входа в погребальную камеру на длину от 1/3 до половины длины дромоса (по-видимому, это зависело от первоначальной длины дромоса) (Аксёнов, 2002, с. 99; Аксёнов, 2013, с. 201-202, рис. 1, 2). Если к моменту совершения этого обряда надмогильная насыпь утрачивала свои четкие границы, то для проникновения в погребальную камеру рылся ход, который своей первоначальной шириной несколько превышал изначальную ширину дромоса. При ширине конечной части дромоса свыше 0,7 м (при наличии в этой части хода повторного проникновения в погребальную камеру) наблюдается следующая картина: от уровня фиксации и до глубины 1,5–1,7 м от уровня современной поверхности стенки этой части дромоса имеют незначительный наклон к центральной его оси. Выйдя на первоначальный дромос, ход повторного проникновения в погребальную камеру шел уже по его границам (Аксёнов, 2012–2013, рис. 5). Стенки дромоса становятся вертикальными (рис. 1: 6).

Проникновение в погребальную камеру осуществлялось через первоначальный вход-лаз. Нами был зафиксирован только один случай, когда в торцевой стенке дромоса были зафиксированы два разновременных входа-лаза (кат. № 109 ВСМ-IV). Один вход-лаз – первоначальный, второй вход-лаз был сделан при повторном проникновении в погребальную камеру (Аксёнов, 2011, с. 10, 11, рис. 1, 10). Как показывают материалы катакомб Верхнего Салтова преднамеренное проникновение в погребальные камеры зачастую связано с частичным или полным преднамеренным нарушением анатомического порядка человеческих костяков. Так, процент людских костяков со следами преднамеренного их разрушения в древности на ВСМ-IV составляет 81%. Это же показатель для ВСМ-I – 56%, а для ВСМ-III – 54%.

Цель повторного преднамеренного проникновения в погребальные камеры в каждом конкретном случае могла быть разная (подзахоронение, обезвреживание, ограбление, осквернение и т.п.) (Афанасьев, 2012, с. 114). После преднамеренного проникновения в камеру вход повторного проникновения, расположенный в торцевом конце дромоса, засыпался. Хотя в отдельных случаях он оставался открытым, тогда ход повторного проникновения постепенно заполнялся затечным грунтом и грунтом от сползающих в него стенок (Аксёнов, 2013, рис. 5, 1-4). Так как закрывающий вход в камеру заклад на свое первоначальное место, как правило, не ставился, то грунт из хода повторного про-

Разница в 7 лет в средней предполагаемой жизни мужчин и женщин свидетельствует о высоком уровне стрессов, связанных с материнством, что подтверждается высоким показателем детской смертности в выборке.

^{**} Можно предположить, что заполнение входа в камеру, а, иногда, и самой погребальной камеры, жидкой глиняной массой производилось только в том случае, если совершать подзахоронения в данном погребальном сооружении в силу каких то причин (нет свободного места, социальный уровень уже погребенных людей, характер смерти погребенных людей и т.п.) уже не предполагалось.

никновения попадал и в погребальную камеру, перекрывая лежавшие там человеческие останки (Аксёнов, 2013, с. 202, 204, рис. 5, 6). Поэтому с течением временем из-за проседания грунта даже на месте засыпанного хода повторного проникновения в погребальную камеру образовывалась небольшая западина. Эти видимые на поверхности земли признаки могли рассматриваться салтовцами как свидетельство того, что полный жизненный цикл погребенных в данном месте людей завершился, а их смерть для живых родственников стала полной и окончательной (Леви-Брюль 1994, с. 250-251, 252).

Таким образом, можно сделать некоторые предварительные выводы. 1) Мерные величины погребальных сооружений Верхнего Салтова, количества ступенек в них и количество костяков в погребальных камерах показывают высокую степень стандартизации, что соответствует некоторым «нормам» погребальной обрядности населения, оставившего данный могильник. 2) Объемы вынутого грунта при сооружении катакомб свидетельствуют, что они могли выкапываться представителями одной большой семьи. Времени на сооружение погребального сооружения (от 1 до 5 дней), не зависимо от времени года, вполне хватало для приготовления тела погребенного человека к захоронению и прощанию с умершим всех его родственников. 3) Мерные признаки погребальных сооружений и объемы вынутого при их сооружении грунта вполне могут быть использованы для реконструкции социальной и имущественной структуры населения Верхне-Салтовского археологического комплекса.

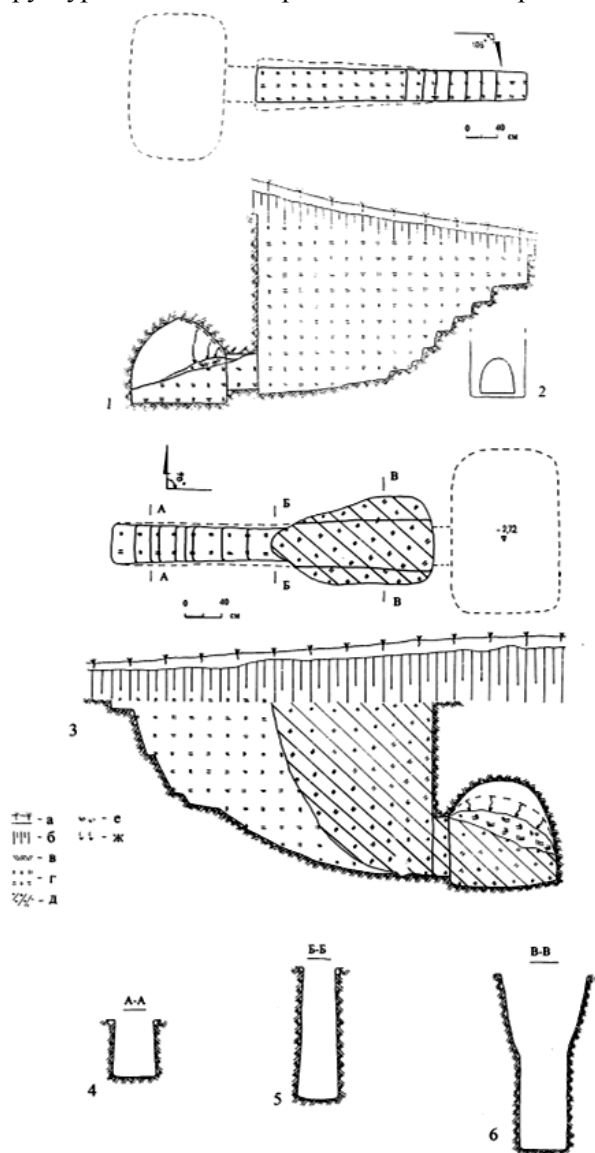

Рис. 1. Катакомбы Верхне-Салтовского могильника. 1 – план катакомбы № 102 (BSM-IV); 2 – вход в катакомбу № 102; 3 – план катакомбы № 74 (BSM-IV); 4, 5, 6 – профили дромоса катакомбы № 74: а – дерн; б – чернозем; в – материк (глина); г – первоначальное заполнение дромоса; д – заполнение входа повторного проникновения в погребальную камеру; е – обвалившийся свод камеры (материковая глина); ж – обвал свода камеры

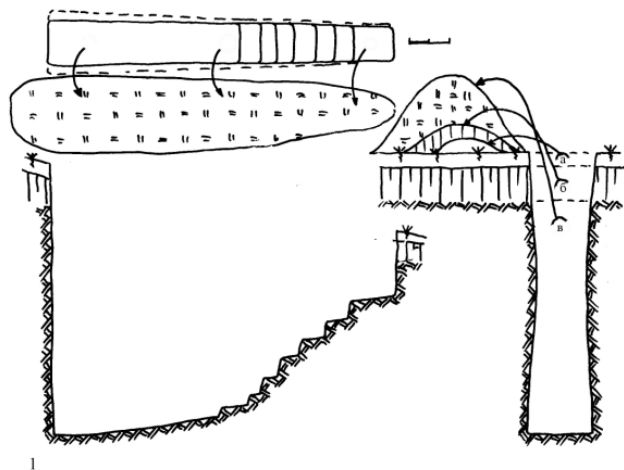

Рис. 2. Схема процесса сооружения салтовской катакомбы.
1 – последовательность выемки слоев грунта при сооружении дромоса;
2 – последовательность слоев грунта при сооружении погребальной камеры:
а – дерн, б – чернозем и предматериковый суглинок, в – материковая глина

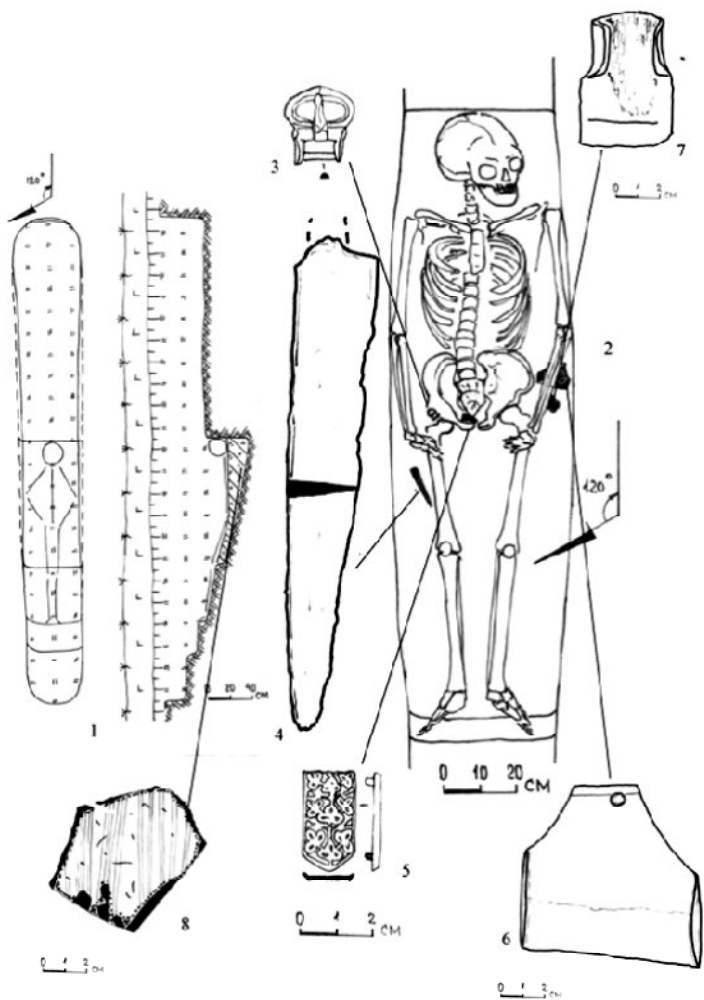
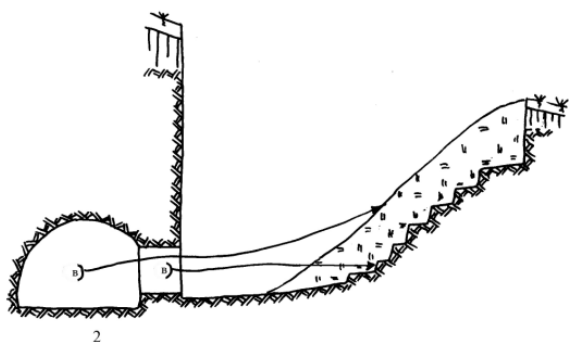

Рис. 3. Погребение в дромосе № 124.
1 – план дромоса, 2 – план погребения,
3 – поясная пряжка,
4 – нож, 5 – наконечник пояса,
6 – тесло-мотыжка, 7 – костяная коробочка,
8 – фрагмент стенки столового сосуда

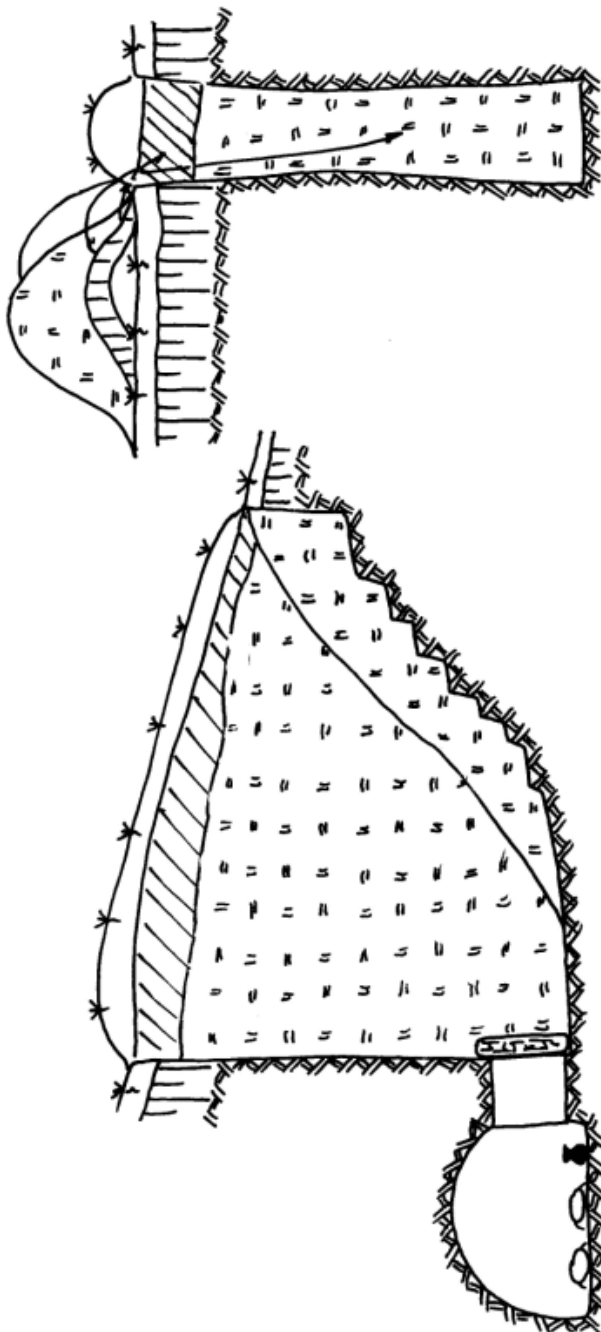

Рис. 4. Схема структуры заполнения дромоса после его засыпки

Список сокращений, принятых в статье

АС – Археологический съезд.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

РА – Российская археология.

Список литературы

1. Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3. С. 98-114.
2. Аксенов В.С. Об одном из вариантов погребального обряда аланского населения салтово-маяцкой культуры верхнего Подонцовья // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко /Отв. ред. С.И. Посохов. Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2011. С. 26–36.
3. Аксёнов В.С. К вопросу о повторном проникновении в катакомбные захоронения салтовской культуры (по материалам Верхне-Салтовского могильника) // Хазарский альманах. Т. 11. Киев – Харьков: Сучасний Друк, 2012–2013. С. 20-44.
4. Аксёнов В.С. К вопросу интерпретации разрушенных скелетов в катакомбных захоронениях салтово-маяцкой культуры // Древности 2013. Харьков: «НТМТ», 2013. С. 192- 210.

5. Аксенов В.С. Новые погребения в дромосе на Верхне-Салтовском IV катакомбном могильнике // *Laurea I. Античный мир и средние века. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы.* Харьков, 2015. С. 12-17.
6. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
7. Афанасьев Г.Е. 2012. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // *РА.* 2012. № 2. С. 113-126.
8. Бабенко В.А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове Волчанского уезда Харьковской губернии // *Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в г. Екатеринославле / под ред. Е.К. Редина.* Харьков: Типо-Литография М. Зильберберг и С-вья, 1905. С. 547-577.
9. Березовец Д.Т. Отчет о раскопках средневековых памятников у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района Харьковской обл. в 1959-1961/66 // *Архив Института археологии НАН Украины.* Ф.е. 3984а. 17 с.
10. Березовец Д.Т. Салтівська культура // *Археологія Української РСР. Т. III. К.: Наукова думка, 1975. С. 421-435.*
11. Бужилова А.П. Донские аланы по данным антропологии // *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009).* М.: Гриф и К, 2010. С. 855-866.
12. Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII - начале XX в. // *Кавказский этнографический сборник. VIII. М.; Наука, 1984. С. 72-105.*
13. Калоев Б.А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2004. 471 с.
14. Коробейников А.В. Историческая реконструкция по данным археологии. Ижевск: Изд-во ИПМ УрО РАН, 2005. 180 с.
15. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
16. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
17. Павлинская Л.П. Мифы народов Сибири о «происхождении» смерти // *Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. Наука, 2007. С. 8-29.*
18. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // *МИА.* 1967. № 146. 196 с.
19. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.
20. Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // *Труды ХП АС. Т. 1 / под ред. П.С. Уваровой М.: Тов-во типографии А.Н. Мамонтова, 1905. С. 465-491.*
21. Решетова И.К. Население Донецко-Донского междуречья в раннем средневековье (по материалам погребальных памятников салтово-маяцкой культуры). Дис. ... канд. ист. наук. Рукопись. М., 2014. 263 с.
22. Рошефор Н.И. Иллюстрированное урочное положение. Пособие при составлении и проверке смет, проектировании и исполнении работ. Петроград, 1916. 694 с.
23. Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
24. Сапожников Ю.С., Гамбург А.М. Судебная медицина. Киев: Вища школа, 1976. 316 с.
25. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
26. Семенов-Зусер С.А. 1949. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. // *Археологічні пам'ятки України. Т. I. К.: Наукова думка, 1949. С. 112-137.*
27. Семенов-Зусер С.А. Дослідження Салтівського могильника // *Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 3. К.: Наукова думка, 1952. С. 271-284.*
28. Снорри Стурлусон Круг Земной. М.: Наука, 1980. 688 с.
29. Тменов В.Х. «Город мертвых». Орджоникидзе; Ир, 1979. 151 с.
30. Федорова Е.Г. Представления о смерти, мире мертвых и погребальный обряд обских угров // *Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. Наука, 2007. С. 198-219.*
31. Чучукало Г.И. Черепа из Верхне-салтовского могильника // *Труды Украинского Психоневрологического института. Вып. 11. Материалы по антропологии Украины. Сборник второй.* Харків: Харківдрук, 1926. С. 207-215.

Скульптуры XI–XIII ст. восточноевропейских степей в культурогенезе этноса «Тюрк»

Аннотация. Камнерезное искусство азиатских этносов – тюркютов VI – X вв. дальнейшее развитие получило в XI – XIII вв. в юго-восточных степях Европы. Коллекция из 75 половецких статуй собрана в парк-музей в Луганске. По композиционности и иконографии они подразделяются на шесть типов: плоские – стеловидные, столбовидные, круглые – «стоящие», «полусидящие», «сидящие», столбообразные, антропоморфные. Первые два типа сохраняют признаки ранних скульптур Азии, остальные четыре свидетельствуют о новых тенденциях в направлении их «европеизации».

В вопросах семантики, ссылаясь на раскрытые здесь же святилища, определяем место мужских статуй в сакрально-обрядной практике воинов, скульптур женского образа в идейно-культовой системе как продолжательниц и покровительниц рода, матрилинейность общества.

Петрографические данные минералов свидетельствуют об их изготовлении в географическом пространстве Донецкого кряжа.

Ключевые слова: скульптуры, восточноевропейские степи, культурогенез, Евразия, вторичные половые признаки, святилища, типы изваяний.

Abstract. Stone-cutting art of Asian ethnic groups - Turks VI-IX centuries have received its further development in the southeastern steppes of Europe in XI-XIII centuries. Collection of 75 Polovtsian statues collected in a park-museum in Lugansk. Sculptures are divided into six types on the composition and iconography: flat – «sculpture-like», columnar, round – «standing», «half-upright», «sitting» and anthropomorphic. The first two types retain signs of early sculptures Asia and the other four are the testimonies of the new trends in the direction of Europeanization.

In a matter of semantics, we refer on the sanctuaries, which were investigated here, and according to these data define a place of the statues in sacral-ritual practice. At the same time we highlight sculptures of the female image with ideological and religious sense of continuers kind and matrilineal.

Petrographic data of minerals are a testament to the fact that their production took place in the geographical area of the Donets Ridge.

Keywords: sculpture, East European steppe, cultural Genesis, Eurasia, secondary sexual characteristics, of the sanctuary, types of sculptures.

В системе научных разработок С.А. Плетнёвой, как ведущего специалиста практической (археологической) и теоретической медиевистики, с полной очевидностью обозначены два этнохронологических направления. Первое, связанное с начальным периодом ее исследований, касается тюркской проблематики, рассмотрения вопросов истории и культуры поздних кочевников и их обществ. При этом акценты сделаны на пребывание народа «тюрк» в южнорусских степях. Второе, глобальный пласт знаний, базируемых на археологических материалах из области хазароведения и одной из его составляющей – салтово-маяцкой культуры (СМК). Однако сложилось так, что во всех последующих разработках и исследованиях, как С.А. Плетнёвой, так и ее учеников продолжают рассматриваться темы славяно-хазарской, салтово-маяцкой археологии. Кочевничество, как область истории начала II тыс. нашей эры, заметно подзабыто. Причины возникшей ситуации, по нашему мнению, в отсутствии новых археологических материалов из кочевнических комплексов, в том числе оставленных ими статуарных памятников – каменных изваяний.

Материалы, предлагаемые в нашем сообщении, своего рода реанимация одного из, в наше время, забытого фундаментального направления в системе научных интересов С.А. Плетнёвой – половецких каменных изваяний. Они посвящены серии артефактов статуарного искусства половцев в восточноевропейских степях, которые рассматриваются в контексте тюркского Евразийского культурогенеза в хронологическом пространстве XI – XIII столетий.

Актуальность темы

В юго-восточном массиве Восточной Европы (далее восточноевропейские степи) с периода классического средневековья значительную часть населения составлял тюркский этнос – «тюрк». По численности он и теперь занимает здесь второе место после славянского этноса. Интерес к истории и

культуре тюркоязычного населения проявился с середины XIX ст. Как тогда, так и теперь, источниковедческий потенциал знаний составляют письменные, этнографические, археолого-вещественные, художественно-статуарные артефакты (Плетнёва, 1958; 2003; Федоров-Давыдов, 1967; Гумилев, 2002; Безертинов, 2009; Расовский, 2012; Храпачевский, 2013 и др.).

Не вызывает сомнений тот факт, что Россия, являясь страной классической славяно-этнологии, одновременно остается пространством тюрской этнокультурной идентичности. Об этом в значительной степени свидетельствует монументальное камнерезное искусство тюрок Азии продолживших путь совершенства в восточноевропейских степях. Опыты поисков, картографирований, описание классификаций, функционалий (семантики), этноинтерпретаций и других направлений знаний о каменных изваяниях, заложены в работах второй половины XIX – начала XX ст. Пискарева А.И., Уварова А.С., Терещенко А.В., Уваровой П.С., Веселовского Н.И., Городцова В.А., Спицина А.А., Трефильева Е.П., Эдварницкого Д.И. и других представителей российской археологической медиэвистики. Тогда же появились первые представления о композиционно-иконографических составляющих различных типов изваяний, свидетельствующих о более совершенных формах, в сравнении с азиатскими, скульптур, обнаруженных в степях Восточной Европы, следовательно, переосмысления хронологии их изготовления.

Проблемными направлениями в изучении тюркских изваяний на рубеже XIX и XX столетий оставались темы этнической интерпретации, семантической, сакральной составляющих.

К середине XX ст., в вопросах территориальной ретроспективы скульптур восточноевропейских степей убедительно обозначились массивы Азии, на которых традиционно пребывали тюркоязычные этносы, прародителем которых являлся этнос «тюрок». Территории их обитания определены Прииртышье, Тува, Иссык-Куль, Чуйская долина, Семиречье, Тянь-Шань, Казахстан (Евтюхова Л.А., Кызласов Л.Р., Грач А.Д., Шер Я.А., Чариков А.А., Арсланова Ф.Х. и др.). Целенаправленные научные изучения тюркского статуарного наследия, с полной очевидностью проявившего себя в восточноевропейских степях, фиксируются лишь с 60–70-х годов XX ст.

В современной литературе, посвященной камнерезному искусству кочевников (Плетнёва С.А., Федоров-Давыдов Г.А., Чариков А.А., Гераськова Л.С., Гугуев Ю.К., Крылова Л.П., Красильников К.И., Дашкевич Я.Р. и др.) прослеживается реальная связь изваяний из восточноевропейских степей со статуями Азии.

Принадлежность «европейских» (К.И.) изваяний к тюркскому этносу обозначена Н.И. Веселовским (Веселовский, 1915). Обоснованием его суждений явились: литературные сведения оставленные очевидцами событий XIII века (Вильгельм де Рубрук, 1957), однообразие предметов изображенных на статуях и таковых же из захоронений, ряд сходных черт в «одежде» на скульптурах с аксессуарами, инвентарем из половецких могил, наконец, некоторые, на начало XX ст., знания о камнерезном искусстве тюркютов. Современный анализ статуарного искусства VI – X вв. в Азии, а затем, в XI – XIII вв. и в восточноевропейских плоскогорьях Донецкого края, степях Приазовья, Причерноморья, позволили проследить преемственность традиции изготовления и применения скульптур. Однако, замечены и обозначены различия. Статуи азиатских массивов в основном столбовидные, в иконографии стелообразные, по времени более ранние. Скульптуры Восточной Европы бытуют на 5–6 столетий позднее азиатских, к тому же им характерны: монументальность, своеобразие способов передачи объемов, разнообразия поз, иконографический реализм исполненных деталей одежды, аксессуаров, атрибутов, амуниции, порой индивидуальная портретность. В целом, наблюдалась прогрессирующая художественность, иная, в сравнении с азиатскими «балбалами», хронология. Все это позволяет видеть в восточноевропейских изваяниях самостоятельный этап и пласт развития камнерезного искусства тюркских народов, которое восходит к массивам Южной Сибири, Средней Азии и завершается в «южнорусских степях» (С.А. Плетнёва).

Обзор источников и их познавательность

Статуарные памятники тюркютов в Восточной Европе списочно насчитывают более 1320 экз. (Плетнёва, 1974а), из них 900 экз., якобы, реально существующих артефактов, в число которых включены около 50 изваяний из собраний в пределах степного Подонцовья. Таким образом, каждый семнадцатый из каталога экземпляр происходит из правобережного Подонцовья, в основном северного склона средней части Донецкого края. Такова статистика изваяний на 70-е годы XX столетия.

К настоящему периоду статистические параметры статуарных материалов существенно расширены. Разведками, проводимыми в 70–90-е годы прошлого столетия в административно-территориальных границах Луганской области, на площади не превышающей 8 тыс. км², выявлено более 70 ранее неизвестных науке скульптур (рис. 1), раскопана серия курганов, в которых обнаружено от одного до четырех изваяний в различной степени сохранности, но в основном разрушенном, расколотом и, как бы, погребенном состоянии. В пределах края выявлены карьеры – «мастерские»

изготовления статуй, наконец, раскрыто святилище с наборами ритуально-обрядового инвентаря, сакрального характера действиями. Общее количество статуарных форм из рассматриваемого массива составило 120 ед., из которых 75 ед. сосредоточены в коллекции парка-музея типа скансен в г. Луганске (рис. 2), 45 ед. от 120 в экспозициях музеев области, в том числе частных системах.

Тема культурогенеза тюркского этноса в лице кочевников второй половины I – начале II тысячелетий новой эры, очень обширная, мы же сошлемся и проиллюстрируем его содержание на примере каменных изваяний из евразийского массива. При этом рассмотрим лишь один параметр заявленной темы – статуарный культурогенез в одном из локальных массивов Донецкого края. Прежде всего, обозначим типологическую классификацию статуй.

Впервые типологическая структурированность восточноевропейских скульптур осуществлена А. с. Уваровым. С учетом композиционности, им выделены три группы изображений: «стоящие», «сидящие», «стеловидные». Внутри каждой группы им же обозначены мужские и женские изображения (Уваров, 1871, с. 512-515). Рассматривая вопросы хронологии каждой из групп, исследователь пришел к заключению о том, что стеловидные формы – ранние, объемные, круглые, особенно «сидящие» композиции – поздние, при этом, датировав их IV – V ст. В сущности, типологическая система А. с. Уварова носит интуитивно-ориентировочный характер, опирающийся на стелостолбообразные формы древнетюркских «балбалов» Южной Сибири и изваяний Центральной Азии. Дальнейшие разработки типологии теперь уже половецких статуй появилась без малого почти 100-летие спустя.

Принятые в схемах Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1968, с. 167-168) и позднее С.А. Плетнёвой (Плетнёва, 1974а, с. 60-61), типологические параметры в целом по многим позициям близки, но в тоже время не однозначны. Для нашей темы наиболее проблемными являются те скульптуры, которые имеют столбо и стеловидные пропорции и уже этим, в том числе иконографией, связаны с традициями тюркских изваяний Азии, остальные же статуарные параметры заметно «европеизированные».

В этой связи обозначим типолого-иконографические признаки каменных изваяний Донецких степей.

Tun 1 (рис. 3, 1-3) – плоские скульптуры, иногда почти архаичные азиатские антропоморфные стелы, исполненные в технике низкого барельефа с элементами гравировки. Основное внимание при их изготовлении уделяли голове и личине, тулова менее выразительные, хотя на них появляются изображенные руки, стилизованная, в виде окружностей, женская грудь.

Отдельные фигуры из первого типа сопровождаются «сосудами» различных форм, напоминающими кубки, кувшины, изображенные на каменных «балбалах», типа «стелах-балбалах» Тувы (Грач, 1961. С. 66-67). Таким образом, иконография восточноевропейских стеловидных фигур почти повторяет традиции, характерные азиатским «балбалам», прежде всего в изображении личин (рис. 3, 1-3), отчасти в расположении сосудов (рис. 3, 1).

Tun 2 (рис. 3, 4-6) – столбовидные, плоские, выполненные в технике среднего барельефа, с помощью которого мастера добивались реализма в изображении головы, лица, словом, верхней части туловища. Здесь же намечались признаки одежды и нередко островерхого (рис. 3, 4-5) головного убора. Сосуд опущен на уровне пояса (рис. 3, 6).

Tun 3 (рис. 3, 7-10) – круглые, «стоящие» статуи, исполненные в технике высокого барельефа. Абрис статуй различный – в одних случаях голова поднята над туловищем, в других, расположена заметно ниже и порой как бы «вросла» в корпус тулова. На голове изображены: прическа, убор, украшения (рис. 3, 9-10), на туловище руки, одежда, сосуд, предметы туалета. На женских скульптурах «обнажена» грудь (рис. 3, 9-10).

Tun 4 (рис. 3, 11-12) – небольшая группа скульптур, основным признаком которых является «полусидящая» поза о чем, кстати, упоминал А. с. Уваров. Угол соотношения ног к туловищу в пределах 130-140°, фигуры как бы «присели» на постаменты. Иконография статуй совершенная, в реалистических художественных формах исполнены лица с признаками портретной монголоидности, одежда, головные уборы, обувь, «посуда», предметы быта и туалета – словом, их отличают разнообразия изображаемых предметов.

Tun 5 (рис. 3, 13-17) – «сидящие», круглые, объемные изображения с различной абрисной посадкой головы. Скульптуры данного типа отличаются монументальностью, их высота достигает 2,5-3, отдельные экземпляры 3,5м, при этом поверхности статуй от постамента до верха головы тщательно проработаны. Мужские и женские скульптуры «усажены» на массивные постаменты, угол изгиба ног, по отношению к туловам, составляет 90-95°. Статуи этого типа особенно костюмированные, причем варианты одежды и головных уборов нестандартные, во многом эксклюзивные. Говоря о личинах, отметим, мужские с эле-

ментами портретности (рис. 3, 16), женские безликие, как бы чадропокрытые (рис. 3, 13-15). Одежда мужских и женских статуй также индивидуальна, в первом случае военный доспех, амуниция, предметы быта (рис. 3, 16-17), во втором – халат, предметы туалета, украшения, прическа, другие аксессуары (рис. 3, 14). «Сидящим» статуям, как и другим из группы крупных композиций, уделяли внимание изображению обуви, поножей, словом, элементам одежды нижней части туловища.

Тип 6 (рис. 3, 18-23) – круглые статуи, у которых туловище, при отсутствии рук и ног, напоминает антропоморфные столбы. В тоже время технология обработки высокая, а грациальная иконография, передает образ атлетов в античной традиции (рис. 3, 22). Вместе с тем, в изображении женских фигур и их аксессуаров наблюдается существенная стилизованность. Прежде всего, это касается условно-схематичного исполненных сосудов (рис. 3, 18), признаков пояса в виде ряда линий (рис. 3, 20, 21, 23).

Итак, иконография, техника исполнения скульптур первого, отчасти второго типов, даже в условиях значительного удаления от их прародины, все же сохраняют признаки, характерные иртышским, тувинским стелам VI – VII вв. (Грач, 1961), семиреchenским изваяниям, датируемым VIII – X вв. (Шер, 1968). Изваяния 3-6 типов, ведущими признаками которых являются: круглые формы, высокая степень композиционности и художественного исполнения, формировались в условиях пребывания тюркских племен в европейском пространстве, где они могли ощутить влияние традиций скульптурного дела иных обществ, в частности, воспринять античные классические формы (рис. 3, 10, 22). В целом контакты с европейцами не могли не повлиять на общий культурный прогресс степных народов, равно как и варвары влияли на европейцев, что удается проиллюстрировать направлениями развития монументального статуарного искусства народов степных массивов в хронологической перспективе около 2 тысяч лет, от I тыс. до н. эры до начала II тыс. н. эры.

Если не принимать во внимание скульптурные формы ранних периодов, обозначенных понятием «антропоморфные стелы» IV – II тыс. до н. эры, которые имеют свои, им приемлемые композиционно-иконографические, следовательно, типологические и семантические объяснения (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 22-37), тогда, в нашем представлении, наиболее приемлемыми к воссозданию статуарных образов, созданных ираноязычными восточноевропейскими племенами I тыс. до н. эры, а позднее и тюркоязычным этносом в условиях его пребывания в этом же массиве, могут являться варваризированные прототипы античных герм.

Отправной датой появлению варваризированных вариантов герм, с последующим их внедрением в культурный мир степняков Причерноморья, Приазовья, Подонья, видимо, следует считать доскифское время в лице киммерийцев, позднее скифов и сарматов (Пятышева, 1946, с. 175 и сл.). Практически всей группе скульптур варварского круга характерна: **антропоморфность**, сопровождаемая изображениями тулова, личины, элементов гарнитуры и аксессуаров, но одним из собирательных признаков изваяний, созданных в среде европейских варварских этногрупп, все же назовем характерный им **монументализм**. В этой связи показателем статуарного культурогенеза в условиях восточноевропейского развития считаем появление форм, не имевших аналогий ни среди изваяний Семиреchenско-Казахстанской группы, ни, тем более, среди «балбалов» Центральной Азии.

Вторым проявлением, в значительной мере определившим перспективы восточноевропейскому статуарному тюркскому культурогенезу, следует обозначить композиционно-иконографические особенности в направлении **объемных, круглых форм**. Заметим, что лишь небольшая серия ранних тюркских скульптур (тип I и II) сохраняют архаичные стеловидные и столбообразные формы характерные кыпчакским изваяниям Азии.

Третью позицию, к обоснованию евразийского, греко-варварского статуарного симбиоза, занимает **портретность**, которая в изваяниях восточноевропейской серии заметно «вышла» за каноны собирательного тюрко-монголоидного этнотипа, создав при этом не только европеизированные, но и персонифицированные образы.

Таким образом, воплощенные в варваризированном формате античные гермы, изначально обозначались как менгировидные образы скифо-сарматов, позднее, в основном в тюркской среде средневековья, они претворились в художественные произведения, по-настоящему статуарное искусство.

Однако, культурогенез восточноевропейских коман-кипчаков был приостановлен военными событиями 20–30-х годов XIII ст., что с достаточной очевидностью констатирует серия столбовидных упрощенных скульптурных форм, обозначенных типом VI. Они сохраняют монументализм, иногда портретность, но былые композиционность и художественность низведены до состояния тривиальности, характерной архаичным скульптурам периода варваризированного восприятия и имитации античных герм.

Итак, классические тюркские статуи XII – начала XIII вв. Северопричерноморского пространства сформировались не на пустом месте, напротив, исторически состоявшемся хозяйственно-

культурном полиэтническом регионе юга Восточной Европы. В этой связи, видимо, необходимо согласиться с тем, что новые направления в искусстве древних тюрок, в условиях их обитания в южно-русских степях, восходят к скифо-сарматским изваяниям, и уже этим, отчасти, являются продолжением статуарной школы древнегреческого искусства. В данном вопросе, в первую очередь следует обозначить монументализм, объемность форм, художественность образов. Видимо, половцы, в период обитания в Причерноморско-Приазовских землях, могли наблюдать сохранившиеся к тому времени образцы статуарного искусства ираноязычных племен. Достаточно напомнить о том, что ранняя тюркская скульптура из какого-либо географического пространства Азии, на протяжении более пяти столетий VI – XI вв. не выходит за параметры стел, плоскостной иконографии, стандартности исполненных образов. Однако, этот же этнос в невероятно короткий отрезок времени обитания в восточно-европейском массиве, буквально в одно, в основном XII столетие, создал такие варианты скульптур, которые с полным правом могут обозначить собственные грани статуарного искусства в общем прогрессе культурирования не только народа «тюрк», но человеческой цивилизации в целом.

Дегресс, сложившегося здесь феномена, был определен событиями, связанными со вторжениями в земли Дешт-и-Кипчак монголо-татар (Плетнёва, 1974, с. 65). Тогда же, в XIII ст., средневековое тюркское статуарное искусство оказалось безвозвратно прерванным.

В этой связи основное достоинство коллекции парка-музея в том, что впервые в комплексном собрании артефактов удастся проследить путь формирования композиционно-иконографической традиции древнетюркского монументального искусства в направлении от стело-столбообразных форм с упрощенными художественно-изобразительными системами к более совершенным, сложным, объемным, круглым формам (рис. 3, 1-23). Именно такие преобразования статуарного дела определяют реальные грани культурирования коман-кипчаков, или европейских половцев в хронологическом промежутке конца XI – начала XIII столетий.

Вторым, не менее важным вопросом, обозначающим суть, продолжающегося в восточноевропейском пространстве тюркского статуарного культурирования, является семантическое содержание рассматриваемых скульптурных образов. В данной теме, прежде всего, намерены сослаться на иконографические параметры как отдельно взятые статуарные формы, так и видообразующие признаки в системе типов изваяний.

На протяжении всего периода изучения Евразийского средневекового камнерезного искусства остается актуальной тема – место изваяний в погребально-сакральных обрядах тюркютов. Мнения по этому вопросу достаточно близкие и даже совпадающие: стелы, столбы с рисуночными изображениями, в том числе скульптуры, имеют отношение к покровительствующей практике (Плетнёва, 1974а, с. 72-76) или поминальному ритуалу, связанному с потусторонним миром умерших (Кызласов, 1964, с. 27-40). Однако, их практическое «участие» в обрядности рассматривают по-разному, так как редко удаётся обнаружить сохранившиеся в первозданности сакральные комплексы, оставленные тюркскими племенами.

Первые, так называемые, «святителища», точнее скопление определенного числа преднамеренно разрушенных скульптур в степном Подонцовье, зафиксированы в 1974 г. Теперь их в Донецком крае Луганской, Донецкой и Ростовской областей, то есть в пространствах степей Доно-Донецкого массива, раскрыто более десяти. Предметный анализ, так называемых, «святителищ» Донецкого края позволил выявить признаки, во многом перекликающиеся с памятниками сакрального содержания азиатского массива: во-первых, топографически они располагаются на высоких участках предгорий и краевых грядах, далеко обозреваемых местах, во-вторых, их местонахождения совпадают с курганами поздней бронзы, при этом важно присутствие каменных панцирей, в-третьих, сакральным памятникам Подонцовья, как и в Азии, характерна комплексность, включающая в себя два и больше вблизи расположенных объекта-кургана. К примеру, в числе последних открытий, связанных с тюркской сакральностью, назовем святителище у с. Каменка, урочища «Мечетная гора», представленном тремя курганами.

Курган 1 – в центре находилась яма, в которой обнаружены обломки двух скульптур. Скульптуры изготовлены из мергеля, изображают аристократизированных воинов, с портретными лицами, тщательно проработаны детали военной амуниции: шлемы, панцири, ремни экипировки (рис. 4, 1).

Соизмеряя их образы с композиционно-иконографическими признаками, разработанными С.А. Плетнёвой, оба изображения относим к объемным статуям со средним абрисом. Датировка такого вида изваяний в пределах второй половины XII – начала XIII вв.

Как и в Азии, сакральные объекты европейских степей сопровождают курганы дооформленные камнем в виде панциря, либо оградок, внутри которых находились статуи, жертвенники, кострища и другие признаки языческой обрядности.

В этой связи сошлемся на материалы кургана 2. В центральной его части находилась обозначенная камнями площадка 16м² в форме квадрата заполненного щебнем песчаниковых пород, разрушившихся под воздействием высокой температуры. Здесь же кальцинированные фрагменты костей животных. В процессе расчистки пятна прослежено углубление перекрытое плитой, под которой компактно сложены: оружие (стрелы, копье), детали упряжки (стремена, удила, кольца, пряжка), предметы амуниции (крючья, накладки), всего более 20 предметов. Из редких находок привлекают внимание инкрустированные серебром стремена ирзекапинского вида (Кулаков, 1999, с. 221, рис. 11) и пластина с художественными изображениями медведей. Образ этого животного присутствует в амулетах-оберегах населения Азии. В нашем варианте находка дополнение к тому, что и в среде европейских кочевников-кыпчаков художественные традиции населения Южной Сибири также имеют место (Соколова, 1972, с. 63-67). Заметим, что скульптурное изображение «медведя» в материалах святилищ Донецкого края уже имело место (Швецов, 1979, с. 208, рис. 2).

На кургане 3 из этого же святилища найдена посуда, относящаяся к крымскому импорту, здесь в насыпи кургана древнехакасский меч, клинковое оружие тюхтятско-аскизского типа (Кызласов, 2008, с. 77-88).

С помощью набора признаков попытаемся воссоздать образ сакрального места и обрядов здесь происходивших.

Использование курганов с каменными перекрытиями или создание специальных вымосток при обустройстве подобных объектов тюркютами, явление более чем распространенное. Такая же практика, без видимых изменений вместе с переселенцами распространилась на территории европейских степей. Однако здесь обряды оказались несколько своеобразными. На наш взгляд, здесь совершались действия по «умерщвлению» статуй и оружия с последующим их захоронением, исполнялись жертвоприношения животных, огнепоклонство, при котором сожглась, возможно, даже заведомо выстроенная бревенчатая конструкция. Эти обряды, в сочетании с особо значимыми вещами, как, например, инкрустированные серебром стремена, могли быть связаны с почитанием военной аристократии и их собственности. В этой связи есть основания полагать, что рассматриваемый комплекс является сакральным местом, явно не родового, а тем более семейного статуса Половецкого общества конца XII – начала XIII вв.

Применительно к конкретным статуарным памятникам, найденным, к примеру, у с. Астахово, Уткино, Калиново, или тех, постаменты от которых еще и теперь находятся на кражных грядах (с. Черемшино), а так же тех, которые когда-то преднамеренно оказались погребенными в насыпях курганов, при отсутствии здесь же каких-либо свидетельств, имеющих отношение к обрядам, во всех случаях, их, вряд ли, следует соизмерять с понятием «святилищ». В этом вопросе наши подходы определяем следующими позициями. Одиночные, или, состоящие в группе изваяния, установленные, по определению С.А. Плетнёвой, в наиболее оживленных, связанных с перемещениями воинов, скотоводов и путников местах, на высотах и холмах, зачастую совпадающих с древними курганами, являлись объектами внимания, неперемного посещения и ритуальных действий (Низами, 1940, с. 315 и сл.). Автор поэтического трактата, являясь очевидцем обрядов, связанных со скульптурами, предметно называет вещи и жертвенных животных, преподносимых в виде даров «каменному идолу». О почитании кочевниками различных видов статуй сообщают Плано Карпини (Карпини, 1957, с. 28-29) и Гильом де Рубрук (Рубрук, 1957, с. 94, 150-151, 166, 176). Современники периода пребывания тюркского этноса в восточноевропейском пространстве, несколько не сомневаются в том, что статуи созданы ими. Ими же, в честь «вождей» и «императоров» войска кочевников, исполнялись обряды различного содержания.

Итак, принимая во внимание специфику сопровождающих статуи инвентарных наборов, как и обрядовых действий, считаем возможным обозначить двойственный характер объектов сакралитета комано-кыпчаков с присутствием ими же изготовленных изваяний. В ситуациях, когда изваяния находятся в режиме визуальной и физической доступности, но очевидных признаков обрядности, кроме разрушений отдельных скульптур, и предметов их сопровождающих, не прослеживаем, такие объекты могут быть отнесены к числу *сакральных центров* – мест массовых посещений и поклонений прапредкам.

В случаях комплексности признаков, включающих: специфическую планиграфию объекта, наличие элементов архитектуры, обрядовые действия с использованием разнообразного инвентаря, жертвенников, огнепоклонство и другое, в том числе художественная изысканность статуй, выявленных на конкретном памятнике, тогда по отношению к нему допустимо определение *святилище*. Статуи святилищ, видимо, предполагали несколько направлений: семейное, родовое, военное и гражданское, аристократическое.

Сложнее понять ситуацию обнаружения мужских и женских образов в одном общем им комплексе. Заметим, что нам пока неизвестны случаи обнаружения сакральных мест, а тем более святилищ, которые были бы посвящены исключительно женскому персонажу, хотя ориентиры в этом направлении все же имеют место, например, из Чернухино (Гераськова, 1974, с. 256-257; Плетнёва, 1974б, с. 258-261). В большинстве случаев все же наблюдаем парность образов.

Парность изображений в системе погребальных обычаев народа «тюрк», не редкость, но «образ супруги», исполненный в «скульптурном» виде на мемориальном памятнике захороненному мужчине, рассматривают не более как факт ее ритуальной присутственности (Кызласов, 2010, с. 202). Ни уйгурам, ни хакасам – классическим представителям этноса «тюрк» Центральной Азии, изготовление женских статуарных фигур не характерно, однако, чем западнее перемещаются их племена, например, кыпчаки Средней Азии и Казахстана, тем очевидней скульптурный гендерный полодуализм. Среди скульптурных форм X – XI ст. Средней Азии парность почти уравновешена, в восточноевропейских же степях наблюдаем значительное преобладание женских изображений. Здесь же, среди поздних вариантов, в одном и том же изваянии, порой «воплощен» образ воина, наделенного женской грудью.

Итак, мы не располагаем раскопанными памятниками сакрального содержания, по которым с определенной ясностью можно было бы воссоздать святилище с присутствием исключительно женских статуарных форм, обеспечивающих семейно-родовое покровительство. Вместе с тем, следует обратить внимание на тот факт, что в иконографии скульптур, отображавших женские образы, наблюдается типологическая дифференцированность, проявляемая как в общевозрастных, так и детализированных иконографических приемах исполнения личин, аксессуаров, гарнитуры, но в первую очередь вторичного полового признака – женской груди.

В данном случае речь идет не только о значении материнского молока вскормившем богатыря, что олицетворено в обнаженной женской груди, но более глубоком смысле, когда скульптурно-художественным приемом подчеркнута репродуктивная функция женщины. Примером тому является необычная статуя женщины с младенцем (рис. 4, 2). В ней, несмотря на сходство большинства признаков с прочими половецкими изваяниями, поразительное разнообразие деталей гарнитуры и орнаментальность. Но самое необычное заключается в изображении на животе женщины, под грудью ребенка – девочки. Признаки пола ребенка, как и у матери, подчеркнуты особенно наглядно. По мнению С.А. Плетнёвой, это изваяние несёт не только художественную, но и идейно-культовую нагрузку (Плетнёва, 1974б, с. 258-261). К груди матери приникла младенца-девочка, продолжатель рода. Девочка, видимо, пока еще во внутриутробном состоянии, но её обе руки направлены к груди матери. Во всех деталях иконографии статуя не только символизирует, но и обобщает образ персонажей, являющимися продолжательницами рода, а также указывает на то, что тюркюты сохраняли матрилинейность. Обоснования, имевшей в укладе кочевников матрилинейности, находят подтверждения женскими разновозрастными персонажами в изваянных формах.

Подтверждением матрилинейности в укладе кочевников могут служить разноформатные статуарные изображения женских особей различного возраста. Прежде всего, следует обратиться к статистическому показателю соотношения мужских и женских образов, присутствующих, как в системе парка-музея, так и в общем наборе статуй, выявленных в пространстве Луганщины. Среди 66 единиц полоопределяемых изваяний парка-музея 42 единицы (63,6%) посвящены представительницам женского социума, мужского же не более 24 единицы (36,4%). Эти же показатели в общей статистике 72 полоопределяемых скульптурных изображений Луганщины 44 единицы (61%) являются женскими образами, соответственно 28 единиц, что менее 39%, мужских. По возрастным параметрам женские образы корректируются следующими показателями: образы дев-подростков (рис. 5, 1-3) – 9 единиц, что около 22%, 25 единиц – 60% изображений взрослых матерей репродуктивного возраста (рис. 5, 4-6), пожилых женщин 8 единиц до 19% (рис. 5, 7-9).

В системе всей серии изваяний рассматриваемого региона возрастная статистика принципиально не отличается, более того она заметно уточняющая. К примеру, из 44 изваяний 11 единиц (25%) передают образ дев-подростков, 26 единиц (59%) молодых женщин, 6 единиц (13,6%) пожилых женщин, 1 единица (2,3%) девочка-младенца (рис. 4, 2). Вышеназванные возрастные параметры, прежде не обозначаемые в системах типологических признаков, были выявлены путем наблюдения каждого отдельно взятого изваяния, передающего женский образ. Тогда же в них, помимо, одежды, головных уборов, аксессуаров, других характерных женским изображениям деталей, в том числе исполнении личин (лиц), приняты во внимание, во-первых, иконографические варианты передачи женской груди, во-вторых, общие композиционные параметры фигур, наконец, изображения детородных органов.

И все же, прежде всего, обращаем внимание на иконографические варианты исполнения груди, разноманерный стилизованный вид которой обычно соответствует общей композиции скульптурного образа. В этой связи еще раз подчеркнем, стилистическими признаками дев-подростков являются небольшие, правильной формы грудные окружности (рис. 5, 1-3). Образ моложавой женщины-матери (матроны) определяет вполне реальная грудь матери (рис. 5, 4-6). Прототипы пожилых женщин матерей-прародительниц передан в виде тучных фигур с низко обвисшей грудью (рис. 5, 7-9). В большинстве композиций, несмотря на очевидность одежды, вторичный половой признак пожилых персонажей исполнен в обнаженном виде. Были ли эти женщины реально жившими, или умершими и превращенными в мемориальный символ покровительниц семей и родов, определить сложно, однако изображенная на фигуре обнаженная грудь, как символ жизни, склоняет наше мнение в направлении прижизненности женского семейного оберега.

Таким образом, по нашему мнению, наметившаяся иконография в изображении груди в направлении от девичьей формы к груди пожилой женщины-матери, соответствует не только возрастным физиологическим особенностям реальных женщин, но, видимо, обозначает иерархию семейно-родовых покровительниц. Примером данного процесса является все тот же женский образ с ребенком девочкой-младенцем (рис. 4, 2).

Итак, ведущий женский физиологический орган, каким является грудь, определяет четыре возрастные группы, каждой из которых присуща им характерная исполнительская иконография вторичного полового признака. Первая группа, девочка-младенца, вторая группа – молодые, дорепродуктивного возраста девы-подростки, третью группу составляют молодые матери-матроны, четвертая группа – пожилые женщины.

В контексте общетюркского культурогенеза, продолжение которому со всей очевидностью обозначилось в женских изваяниях восточноевропейских степей, убеждает нас в том, что ближайшим массивом, из которого кыпчаки перемещались в западном направлении к Европе, являлся Среднеазиатский. Такие миграции могли иметь место в середине XI ст. и сопровождалась не только переселением тюркского этноса, но в одинаковой степени его культурным наследием в виде скульптурного дела, которое, около VII – IX ст. из Центральноазиатского массива переместилось в Среднеазиатский, то есть в Семиречье и Казахстан, а затем с XI ст. Европейский. Одним из ведущих признаков, воссоздающим единство этнокультур двух, казалось бы, географически обособленных пространств, представлен статуарными артефактами стелы и столбовидных форм с размерами от 0,6 до 1–1,2м, которые вполне могли быть транспортабельными и находиться либо внутри жилой юрты, в которой проживала семья кочевника, либо погруженной на повозку, сопровождать семью, перемещающуюся по степям, при этом олицетворяя символ домашнего семейного оберега (Рубрук, 1957, с. 94, 150-151).

Мы их включаем в группу малых статуарных форм (рис. 5, 10-13). Основным признаком, обосновывающим среднеазиатские корни ранних восточноевропейских статуарных форм, являются иконографические приемы изображения женской груди в виде окружностей, этноисторические прототипы которым наблюдаем в основном в пределах среднеазиатской прародины тюрков (Шер, Арсланова, Чариков и др.). Дальнейшие художественно-композиционные и иконографические направления, как в целом, так и деталях, корректируют социально-имущественные. Религиозно-сакральные, военно-политические системы, складывающиеся в среде половцев в XII – первой половине XIII ст. В этой связи вклад культур этносов Восточной Европы в тюркскую культурную традицию очевиден.

Рис. 1. Карта-схема местонахождений каменных изваяний, «святилищ» и сакрального объекта «Мечетная гора» на северном склоне средней части Донецкого кряжа (Луганская область)

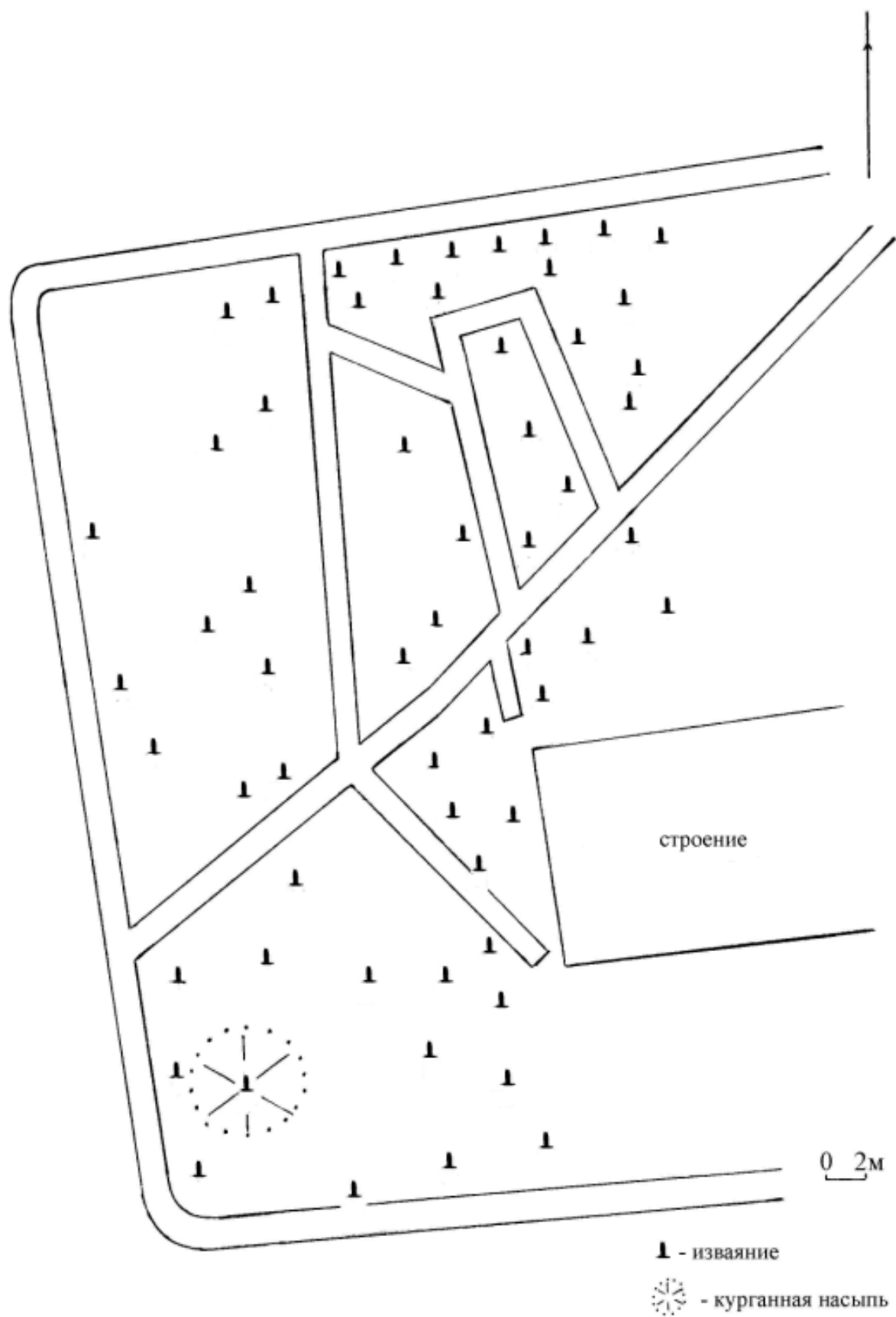

Рис. 2. Схема расположений 59 половецких изваяний в парке-музее г. Луганска, 16 статуй вне экспозиции парка

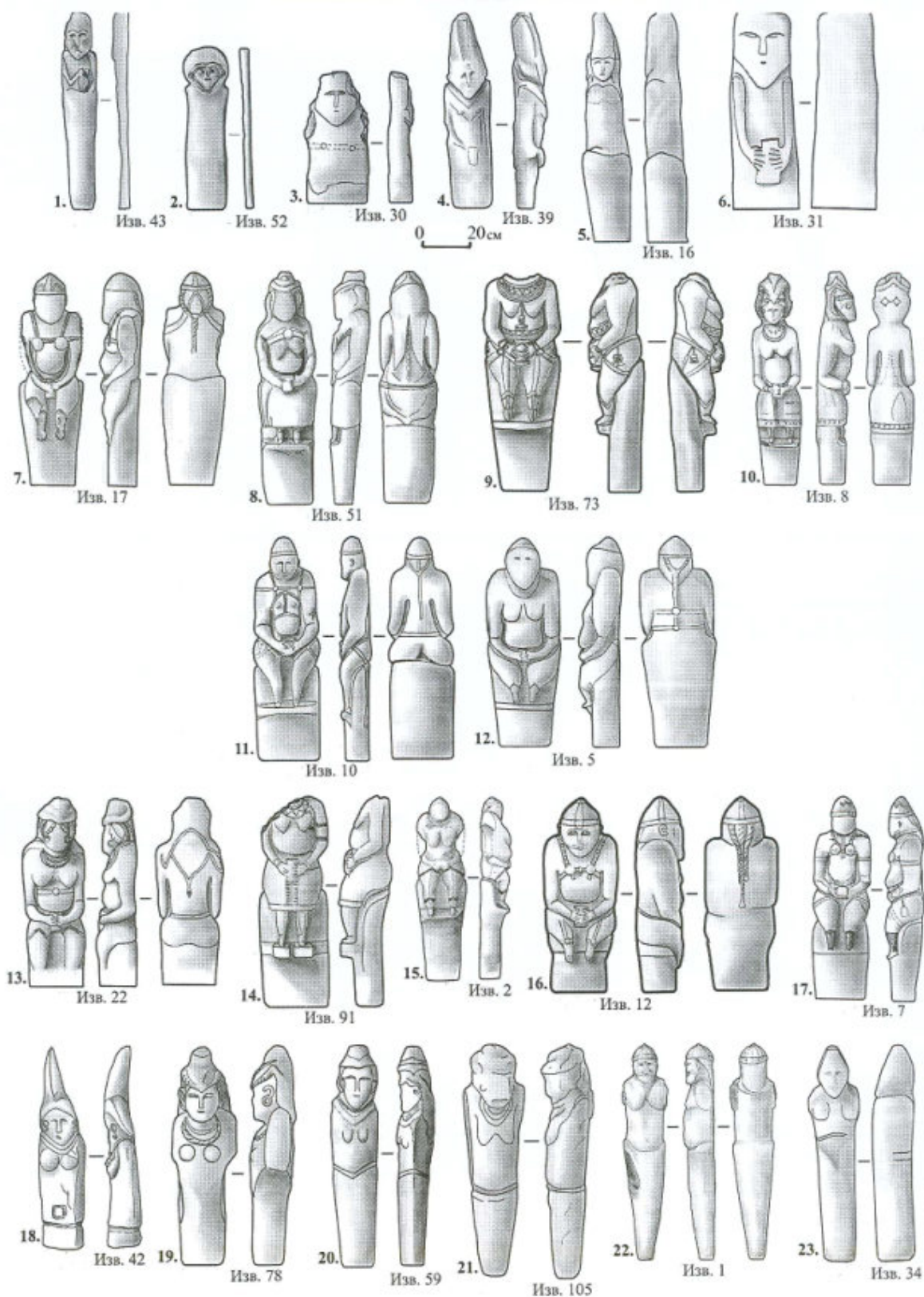

Рис. 3, 1-23. Типологические признаки изваяний степного Подонцовья:
 1-3 – стеловидные, тип I; 4-6 – стело-столбовидные, тип II;
 7-10 – «стоящие», тип III; 11-12 – «полусидящие», тип IV;
 13-17 – «сидящие», тип V; 18-23 – столбовидные, антропоморфные тип VI.

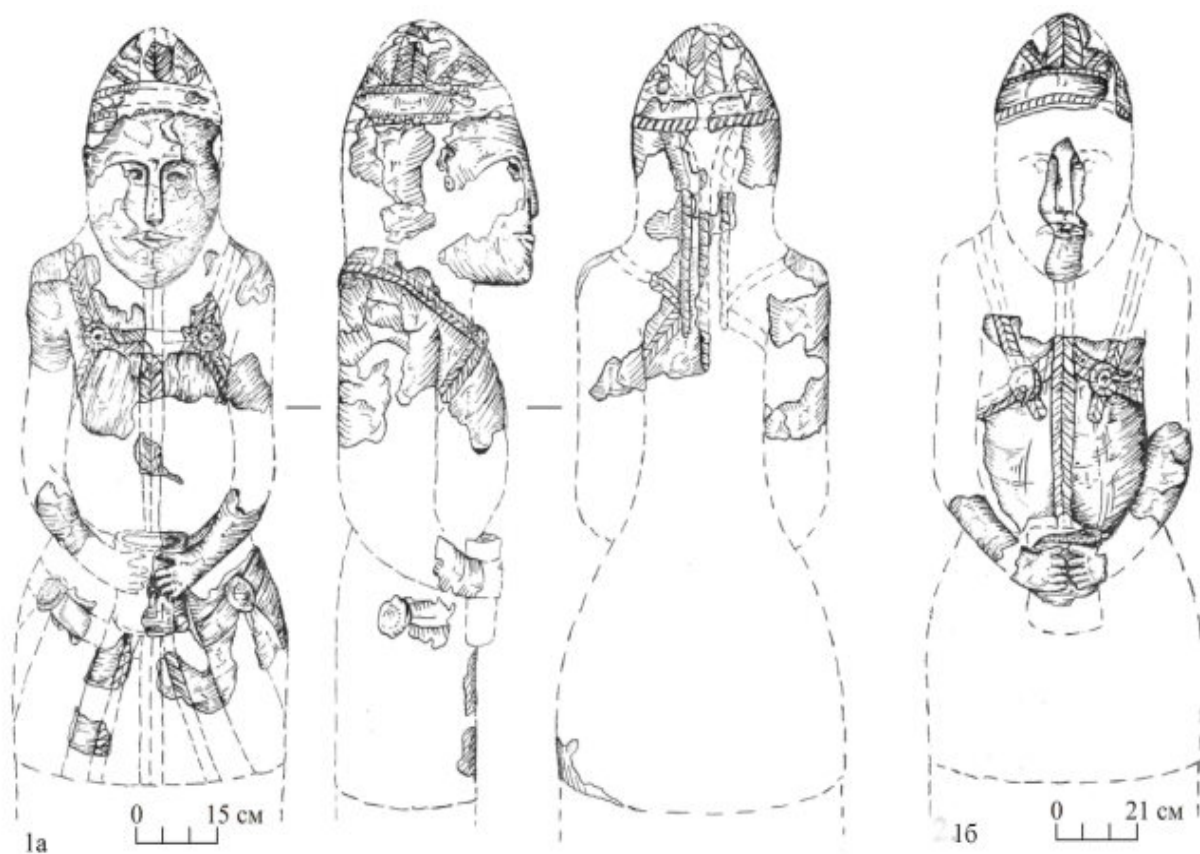

Рис. 4. 1-2. 1. Реконструированные образы воинов святилища из урочища «Мечетная гора».

2. Статуарный образ матери и ребенка (девочки) из поселка Чернухино (Плетнёва, 1974а, рис. 37)

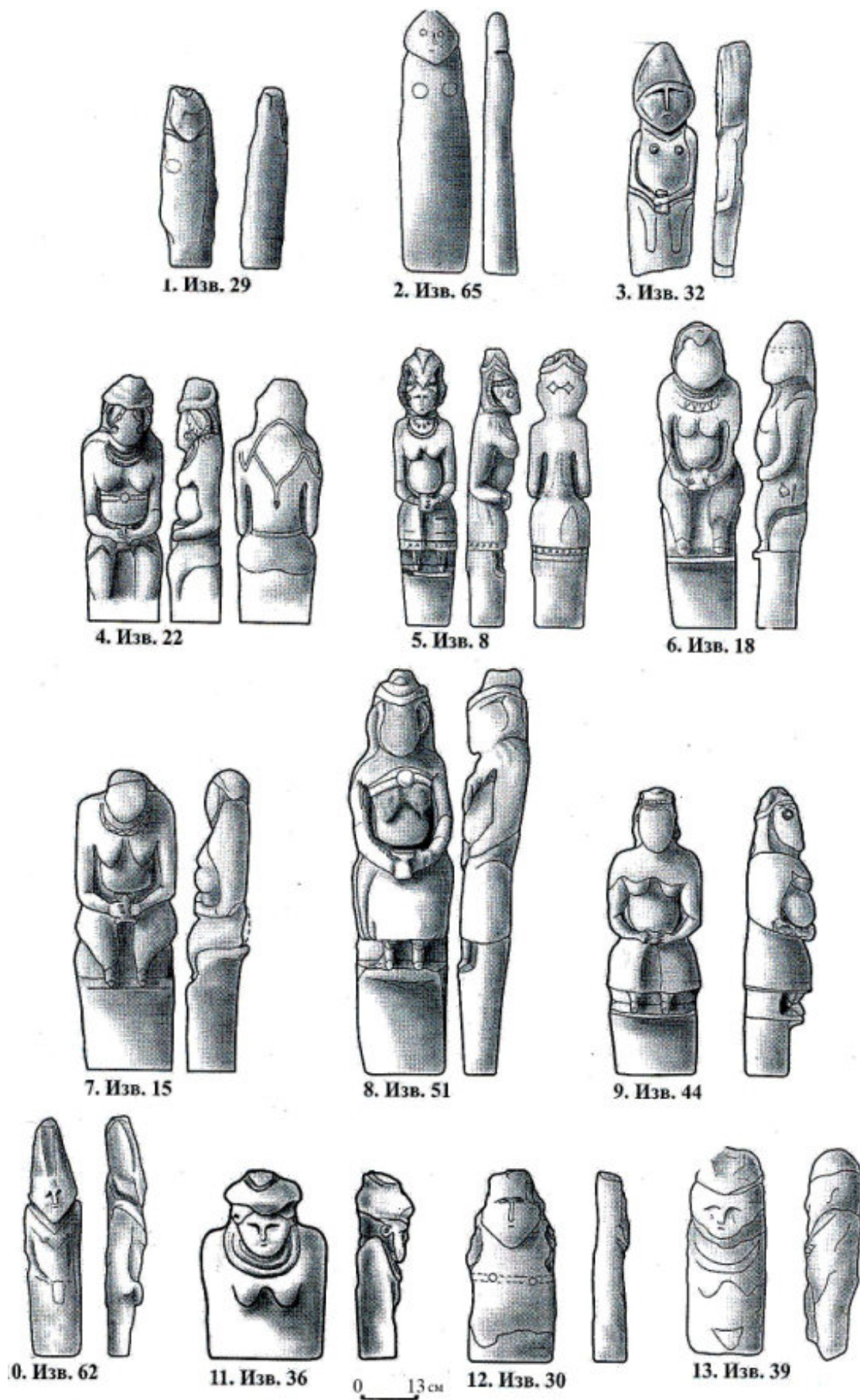

Рис. 5. 1-13. Половозрастные признаки женских скульптур восточноевропейских степей. 1-3 – образы дев; 4-6 – образы матерей-матрон; 7-9 – образы матерей-прародительниц; 10-13 – варианты семейных оберегов

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории.

ЗООИД – Записки Одесского общества любителей истории и древностей.

ЗРАО – Записки Императорского Русского археологического общества.

СА – советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

Тр. АС – Труды археологического съезда.

Список литературы

1. Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах» // ЗООИД. Т. XXXII. Одесса, 1915. С. 408-444.
2. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957. 270 с.
3. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. 95 с.
4. Красильников К.И. Древнее камнерезное искусство Луганщины. Луганск, 1999. 136 с.
5. Кулаков В.И. Ирзекапинис // Stratum plus. Неславянское в славянском мире. Вып. 5. СПб; Кишинев; Одесса, 1999. С. 211-273.
6. Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. 1964. № 2. С. 27-40.
7. Кызласов И.Л. Меч из Прииртышья на фоне рубящего оружия степной Евразии // Древности эпохи средневековья Евразийских степей. Сб. науч. трудов. Воронеж, 2008. С. 72-99.
8. Пискарев А.И. О местонахождении каменных баб в России // ЗРАО, Т. III. М., 1851. С. 205-220.
9. Плетнёва С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. М., 1974а. Вып. Е-4-2. 200 с.
10. Плетнёва С.А. Женская половецкая статуя с ребенком // СА. 1974б. № 3. С. 258-262.
11. Пятышева Н.В. Античное влияние на скульптуры Северного Причерноморья // ВДИ. Институт истории АН СССР. М.; Л., 1946. С. 175-182.
12. Соколова З.П. Культ животных в религии. М., 1972. 215 с.
13. Уваров С.А. Сведения о каменных бабах // Тр. I АС. Т. I. М., 1871. С. 512-515.
14. Уварова П.А. К вопросу о каменных бабах // Тр. XIII АС. Т. II. М., 1908. С. 92-97.
15. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 274 с.
16. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая общность (Южнобугский вариант) // САИ. В. 1-3. К.: Наукова думка, 1986. 160 с.
17. Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. 1979. № 1. С. 199-210.
18. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1968. 138 с.

УДК 902

Е.К. Апареева

Некоторые стилистико-семантические признаки женских статуй и их символизм (по материалам коллекции парка-музея-скансена в городе Луганске)

Аннотация. Парк-музей половецкого искусства в г. Луганске включает группу скульптур женского вида с различными изобразительными канонами. Одни представлены статуями-стелами малых форм, другие, напротив, круглыми художественными монументами с наборами изображенных аксессуаров. Неотъемлемым признаком женских образов является изображенный в различных вариантах вторичный повой признак – женская грудь. В виде окружностей – стилизованный образ девы, известный на женских скульптурах IX – X ст. Семиречья и Казахстана (А.А. Чариков), на статуях XII – XIII ст., с материнской грудью женщины репродуктивного возраста, и, конечно же, пожилой женщины-прародительницы. В первом случае подчеркнута значимость девы как будущего покровителя семьи и рода по женской линии, во втором, образ зрелой женщины и матери-прародительницы. В большинстве случаев грудь, зримый символ жизни и бессмертия воинов, обнажена.

Уникальной иллюстрацией идей репродуктивности и продолжения рода является скульптура, названная «женская половецкая статуя с ребенком» (С.А. Плетнёва). Она заметно усиливает идею преемственности женщин в продолжении рода, оберегающем сакралитете их образов.

Художественно-иконографическое разнообразие образов и массовость женских статуй в системе тюркских изваяний восточноевропейских степей, свидетельствуют о преференции женщин в среде кочевников, их участии в военных делах, хозяйственном и семейном укладе, социуме, возникшем в имущественных системах. Намечившаяся в XII веке феодализация, вызвала изменения в иконографическом, стилистическом направлениях, определила его монументализм, но сохранила традиционный сакралитет женской груди. Статуи этого периода изображают женщин-аристократок, жен военной и феодальной знати, богатые украшения и дорогостоящие предметы этих персон обнаружены в половецких захоронениях.

Ключевые слова: женские скульптуры, вторичный половой признак, стилистика, иконография, символизм, девы, матери-матроны, матери-покровители.

Abstract. The park-museum of the Cumans culture in Luhansk includes the group of the female sculptures with different graphical canons. There are the Stella statues of small forms and, the round artistic monuments with sets of graphical accessories. The breast, depicted in two ways, is an integral feature of the female images. The first type in form of circle is the stylized image of a young woman. It was used on the female sculptures in Kazakhstan and Zhetysay in the IX-X centuries (Charikov). The second type was used on statues with a maternal breast of the mature woman in the XII-XIII centuries.

In the first case emphasized the significance of the young woman as the patron of family or clan through the female line. In the second case emphasized the image of the mature mother, progenitor with a naked breast, the symbol of the life and immortality for a warrior.

The sculpture named “The female statue of nomad with a baby” is the unique illustration of ideas of the reproduction and procreation (Pletneva)

The artistic and iconographic variety of images and the ample quantity of female statues in the East European steppes are evidence of preference of the women among nomads, their involvement in military affairs, household and family ways, and society.

The feudalization, outlined in the XII century, gave rise changes in the iconographic and stylistic tendencies, caused the Monumental Period, but saved the sacredness of the female breast.

The statues of this period showed us noblewomen, wives of the military and feudal elite. Their precious jewelry and the expensive things were found in the burial places.

Key words: female sculpture, secondary sex characteristic, style, iconography, symbolism, virgin, mothers, matrons, mothers and patrons.

Среди половецких статуарных изображений коллекции парка-музея, состоящей из 75 изваяний XI – XIII ст., выделяется значительная серия статуарных форм – 42 ед. (63,6%), передающих образ женских персон. По возрастным параметрам они подразделяются на: образы дев-подростков – 9 ед. (21,4%), женщин-матрон репродуктивного возраста – 25 ед. (около 60%), пожилых женщин – 8 ед. (19%). Близкие к этим значениям показатели всей серии половецких статуй Луганщины. В их числе небольшая, около 9 единиц, группа изваяний, формы которых заметно отличаются от всех остальных: небольшими размерами с максимальной высотой 0,8–0,9 до 1,3–1,4 м, стеловидной уплощенностью, иконографией выполненной в технике контурной графической прорисовки и низкого барельефа, упрощенным образом исполненных личин, ограниченным набором элементов одежды и аксессуаров. Однако на всех изображениях этой серии, посредством вторичных признаков, подчеркнута половая принадлежность. Главным элементом определения пола, в данном случае, является передача женской груди. Стили ее изображения позволяют определить начальные и последующие этапы женской художественной статуарной пластики, характерной для скульптур из различных регионов и периодов истории тюрков в образе азиатских кыпчаков, затем комяно-кыпчаков, половцев восточноевропейских степей, обозначают общий и индивидуальный для женских изображений названных мест символизм и семантизм.

Актуальность темы

Как известно, ранние тюркские статуарные памятники VI – VIII ст. Центральной Азии посвящались преимущественно мужчинам-воинам. Женские изображения в статуарном монументализме здесь появляются лишь с IX века, к тому же в основном они связаны с территориями западного ареала древнетюркской культурно-исторической общности, то есть Семиречьем, Казахстаном (Шер, 1966, с. 22), а затем, уже с XI века, проникают и распространяются в восточноевропейских степях.

Не лишним будет заметить, что женские изваяния центрально-азиатского типа встречаются на территориально ограниченном пространстве, они короткотечны во времени и крайне малочисленны. К примеру, в композиции женские скульптуры представлены не более чем стело и столбовидные антропоморфные изображения с сосудом, размещенным в обеих руках (Шер, 1966, с. 26). При детальном рассмотрении удаётся проследить характерные им иконографические особенности личин и лиц, подчеркивающих собирательный монголоидный образ – узкие глаза, рот, округлость лица, островерхие головные уборы, в тоже время, хотя, детали одежды неуловимы, на статуях, изображающих женщин, нередко исполнена грудь в виде небольших слабовыпуклых окружностей.

За пределами названного массива, к востоку, точнее на Алтае и Иртыше, в традициях древнетюркской скульптуры, изображения обнаженной груди на изваяниях не имеют место (Кубарев, 2012, с. 345). В этой связи вопросы, связанные со стилистикой изображений женской груди и её идейным символизмом, попытаемся обозначить материалами серии изваяний XI–XIII ст. восточноевропейских степей, собранных в вышеназванном парке-музее. Прежде всего отметим, что для них характерны изображения груди различными стилистическими приемами, что является маркером не только хронологических и возрастных параметров, исполненных в изваяниях образов, но и социально-сакрального статуса женских персон в социуме кочевников.

Источники и комментарии

Округлые стилистические признаки изображения женской груди в Азии прослеживаются лишь на тюркских статуях Семиречья. Ею, по мнению исследователей, обозначались канонические персонажи семейно-родовых покровительниц (Шер, 1966, с. 62, 64). Практика сакралитета женского семейного культа, воплощаемого фетише-*эмэгэндэра* в виде куклы, описана этнографами, изучавшими жизнь оседлых племен алтайцев в совершенно недалеком прошлом. К примеру, даже в XIX ст. в сельских домах, как давняя традиция, хранились тряпичные куклы, которые наследовали и передавали по женской линии из поколения в поколение, из семьи в семью. Девушка, выходя замуж, брала «эмэгэндэру» с собой в новую семью. Ей поклонялись, устраивали специальные сакрального характера обряды, ее периодически, два раза в год, кормили (Дыренкова, 1937, с. 139). В сакралитете *эмэгэндэры* являлись олицетворением родоначалия по женской линии. У древних же тюрков – обитателей Евразийских степей, символом родового предка могли быть как девы, так и зрелые матери-прародительницы, представленные в виде монументальных изваяний. В статуарном варианте их образы дополнительно определялись стилистическими приемами – разнообъемной, иногда низко свисающей, грудью, либо грудью малых форм, или даже окружностью.

На иконографические отличия исполнения груди женских образов из различных ареалов обитания кочевников впервые обратил внимание М.П. Грязнов, подчеркнув, что стилистика женской груди на семиреченских статуях коренным образом отличается от того, что мы наблюдаем на южнорусских «бабах». Вывод ученого обоснован тем, что на всех женских скульптурах из Семиречья явно изображена девичья грудь, а не грудь женщины-матери, которая изображается совершенно иначе (Грязнов, 1950, с. 155-156). Объяснения, касающиеся заметного приоритета образа девы в сакралитете ранних тюркютов находим в исследованиях Я.А. Шера. На этот счет ученый приводит легенды о происхождении тюрко-уйгуров (Шер, 1966, с. 64). Согласно преданиям уйгуры являлись потомками молодой девы и волка. «Потомство от них размножилось, и составилось государство...» (Бичурин, 1950, с. 215). В этой легенде, отмечает Я.А. Шер, отображены тотемические представления отдельных тюркских народов об их происхождении от дев по женской линии и тотемов в образе волков по мужской. Заметим, что тотемизм в этнологии характерен для многих тюркских племен Центральной Азии (Кызласов, 1960, с. 153).

В половецких статуях степей Восточной Европы, которые на ряд столетий моложе древнетюркских из Азии, очевидных тотемных тенденций не наблюдается, более того, иконографический образ женских персонажей в своей сущности олицетворяет реальную женщину-мать, как символ «покровительницы». В скульптурном виде она изображена с обнаженной грудью взрослой женщины – матери-прародительницы, которой предшествовали заметно моложавые персоны, как, например, девы с грудью в виде окружностей.

В обоснование биритуализма передачи образов семейно-родовых покровителей сошлемся на статуарные артефакты парка-музея.

К примеру, стилистическими признаками дев-подростков на серии скульптур парка-музея (изв. 16, 28, 29, 30, 32, 35, 65, 79) являются небольшие, правильной формы нагрудные окружности (рис. 1, 1-8) (Красильников, 1999, табл. 17, 18, 19, 25, 31). Образ моложавой женщины-матери (матроны), прежде всего, определяет вполне реальная грудь матери (рис. 2, 1-7) (изв. 8, 18, 22, 36, 38, 72, 91 и др.) (Красильников, 1999, табл. 9, 14, 15, 19, 20, 28, 33). Здесь же, видимо, можно констатировать исключительно редкий случай – статуарный образ девы, вероятно запечатлевший состояние беременности (изв. 48) (рис. 4, 1).

Прототипы пожилых женщин матерей-прародительниц переданы в виде массивных фигур с низко обвисшей грудью (рис. 3, 1-6) (изв. 2, 5, 15, 44, 51, 73) (Красильников, 1999, табл. 6, 8, 13, 21, 23, 30). В большинстве композиций, несмотря на очевидность одежды, вторичный половой признак, коим является женская грудь, исполнен в обнаженном виде.

Изображение обнаженной груди обосновано этномифологией древних тюрков, суть которой в том, что материнское молоко олицетворяет символ жизни, силы, репродуктивности, жизненности рода, бессмертия воинов. Характерно, пишет С.А. Плетнёва, что с женской грудью изображались не только женские персонажи, но отчасти и мужские, что, по мнению автора, было следствием нависшей в XIII в. над половцами опасности со стороны монголов (Плетнёва, 1974б, с. 145), следовательно команы нуждались в «подпитке» идей силы и бессмертия в борьбе с врагами. В парке-музее таких изображений немного, не больше пяти скульптур (изв. 9, 24, 26, 33, 99) (Красильников, 1999, табл. 10, 16, 17, 18, 34) (рис. 5, 1-5).

Учитывая особую значимость и важность груди, как источника материнского молока и связанного с ним особого жизненного смысла, скульпторы стремились передать этот орган не в собирательно стилизованном виде, а с максимальным реализмом образа матери, вскормившей ребенка. Эту идею усиливает изображение с очевидной обнаженностью детородного органа.

Уникальным образцом, сочетающим в себе наиболее полный спектр идейного символа с реальным составляющим роли женской груди, как и женщины в системе репродуктивности, является скульптура, найденная у пос. Чернухино в Луганской области (Гераськова, 1974, с. 256-257). В научной литературе изваяние получило название – «женская половецкая статуя с ребенком» (рис. 4, 2) (Плетнёва, 1974а, с. 75; 1974б, с. 258-260). В оценках её стилистических признаков, их сакральном содержании, сошлемся на отдельные положения из интерпретации С.А. Плетнёвой по этим направлениям. Например, автор считает очевидным, что статуя с ребенком несет значимую идейную нагрузку, связанную с культом предков (Плетнёва, 1974б, с. 259). Однако, с позиции исторической логики приоритеты женщины в социуме, стоящем «...на пороге прямого классовообразования», явление невероятное (Плетнёва, 1958, с. 192-196; 1982, с. 145). Более того, не лишним отметить, что соотношение образа женщин в камнерезном искусстве, в условиях патриархально-родового строя, в котором это искусство пребывает, определяется количественным преобладанием женских изваяний над статуарными изображениями мужчин. В этом явлении несложно убедиться, сославшись на статистику коллекции половецких изваяний парка-музея, в которой из 66 полоопределяемых изображений 42 единицы (63,6%) передают образы женских и девичьих персонажей, мужских же не более 24 единиц (36,4%). Факт преобладания женских скульптур по отношению к мужским, свидетельство значимости женщин в укладе жизни и социуме половцев (Плетнёва, 2000, с. 146-147). На особенности социоуклада средневековых языческих этносов, обратил внимание С.А. Токарев. Он считал, что в древности культ предков представлен тремя идейными позициями: идеей души умерших, определением тотемических «прародителей» и признанием семейно-родовых покровителей (Токарев, 1990, с. 265). Убедительным примером к третьей позиции может служить скульптура из Чернухина (рис. 4, 2). Комментируя её художественно-композиционные особенности в системе прочих половецких статуй изображающих женщин, С.А. Плетнёва обозначает позиции, определяющие культ женщины с ребенком-девочкой, будущего репродуктива, продолжателя рода, что является свидетельством сохранившихся у кочевников норм и тенденций матрилинейного счета родства. В этой связи, С.А. Плетнёва акцентирует внимание на реальности изобразительной стилистики двух персонажей женского пола. Взрослая женщина и ребенок-девочка изображены с физиологически реальными детородными первичными органами и здесь же с акцентом в направлении взрослой женщины-матроны, исполненной с обнаженным вторичным половым признаком – грудью матери, к которой направлены руки ребенка. Сам же ребенок слит воедино с образом матери. Возможно, именно идея кровного единства и продолжения рода, определили стремление скульптора изобразить признаки пола взрослого и младенческого персонажей (Плетнёва, 1974а, с. 74-75). Композиция, в которой девочка, прижалась к матери, ее груди, усиливает значимость женщины – родопокровительницы, вскармливающей материнским молоком младенцу, дающей силы будущей женщине – непосредственной продолжательницы рода. Но не только физиологическими функциями определялся приоритет женщины в кочевых обществах.

В реальной жизни номадов женщины – фигуранты различных других, например, бытовых и военных деяний. Г.А. Федоров-Давыдов, в частности, материалами раскопок женских погребений, в которых находились детали конской сбруи, оружие, жертвенники из конины, предметы быта и другие артефакты, относящиеся к мужской кочевнической атрибуции, обозначают их место в военном деле номадов (Федоров-Давыдов, 1966, с. 116-119). Известно, что половчанки, порой наравне с мужчинами участвовали в военных событиях, поэтому их справедливо нарекли именем «амазонки средневековья» (Плетнёва, 1998, с. 529-537).

О фактах участия как молодых, так и взрослых половчанок в конных контингентах сообщают письменные источники XII – XIII вв. Анна Комнина и Плано Карпини: «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины» (Византийские источники, 1859, с. 342; Карпини, Рубрук, 1957, с. 36-37).

Достоверность сведений нарративного характера, сообщающих о заметной роли женщин в половецком обществе, подтверждает оставленное команно-кипчаками статуарное наследие. На части скульптур, передающих образ женщин, наблюдаются изображения кинжалов или элементов амуниции боевого доспеха в виде ремней, блях (изв. 15, 51, 73, 91) (Красильников, 1999, табл. 13, 23, 30, 33). Высокий социальный статус половчанок, входивших в элитный круг феодализованной части общества, обозначен особой костюмированностью одежды и наборами художественных аксессуаров. На достаточно хорошо сохранившихся «костюмированных» статуях наблюдаем расшитые орнаментами халаты, нагрудные части дополняет разнообразная бижутерия – планки, гривны, манисты, ожерелья (изв. 2, 8, 19, 22, 36, 38, 48, 73, 78, 91, 95 и другие) (Красильников, 1999, табл. 6, 9, 15, 19, 20, 21, 30, 31, 32, 33).

Археологическими данными из раскопок половецких погребальных комплексов предметно обозначен высокий статус женщин из числа аристократических слоев номадов. Об этом, в частности, свидетельствуют наборы художественно-ювелирных изделий, гарнитуры аксессуаров импорта, обнаруженные исключительно в могилах знатных половчанок (Швецов, 1974, с. 93-98; Красильникова, 2010, с. 257-262).

В одинаковой степени к артефактам, иллюстрирующим постепенную общую динамику формирования социально-имущественного профеодалного уклада тюрко-номадов, следует отнести разнотипные, а, следовательно, и разновременные статуарные комплексы. Они, возникнув в Азии, в виде тувинских балбалов, или несложных, порой упрощенных семиреченско-казахстанских изваяний, в восточноевропейских степях не только сохранили и продолжили традицию этого вида искусства, но довели его в системе культурогенеза до совершенных художественных форм.

К примеру, иконографические образы женских скульптур стеловидных композиций со стилизованными признаками изображения груди дев, позволяет с определенной степенью достоверности обозначит территории, из которых происходили миграции кыпчаков в западном направлении, то есть в восточноевропейские степи. В данном случае мы имеем в виду Семиречье и сопредельные с ним территории, как, например, Восточный, Центральный Казахстан, массивы Южной Сибири, одинаково входившие в географическое пространство Центральной Азии. Такие миграции, видимо, имели место в начале XI века. Мигранты, заняв степи Подонцовья и Приазовья, в том числе массивы Донецкого кряжа, на раннем этапе обитания в южнорусских степях, продолжили практику изготовления стеловидных изображений, причем с преобладанием изобразительно-стилистических признаков, свойственным таким же женским статуям из восточного массива. К сожалению, в отличие от Азии, в европейских степях перемещение статуй от мест первоначальных местонахождений лишает возможности рассматривать их в комплексе с такими признаками как, например, жертвенными, погребальными и сакральными местами. В этом случае в вопросах семантического содержания ранних стеловидных образов, их сакралитета мы вынуждены ссылаться на этноисторические аналогии из восточной прародины (Чариков, 1976, с. 159-162; Чариков, 1979, с. 182-190; Чариков, 1980, с. 213-224; Чариков, 1986, с. 87-88, 101-102; Арсланова, Чариков, 1974, с. 220-235). В восточноевропейских степях такие же стело и столбовидные скульптуры, видимо, одинаково с азиатскими прототипами, связаны с сакральностью дофеодалных родовых скульптур номадов.

В дальнейшем, с XII века, в условиях хозяйственно-имущественной трансформации, связанной с наметившимся у кочевников феодализмом, тюркские женские скульптурные образы претерпели изменения в направлении презентативности социального статуса изображенных персон, естественно, из числа богатых аристократок, что не могло не повлиять на иконографию, появления новых стилистических и художественных направлений при исполнении теперь уже объемных круглых скульптур. Такие статуи могли являться даже эксклюзивами, исполненными как индивидуальный заказ. В этом случае женские образы могут быть не только «портретными», но и являются наглядным воплощением высокого материального положения определенной части членов социума номадов. Их презентуют роскошные аксессуарно-гарнитурные убранства, пышные формы фигур, олицетворяющие достаток определенной группы семей феодализованного общества.

Изменения в социосистеме не могли не затронуть семантико-сакральных функций женских представительниц половецкого общества, что как раз иллюстрирует посвященные им статуарные изображения. Прежде всего, следует отметить отсутствие иконографического однообразия изображе-

ний женской груди. Их формы, размеры, как бы соизмеримы с композициями статуй, возрастными признаками и внешними параметрами конкретных статуарных образов. К примеру, стилизованные признаки девичьей груди в виде малых окружностей, в основном на небольших стеловидных статуарных, увеличенные размеры окружностей непременно совпадают с более крупными, но, в основном, уравновешенными статуарными формами, приемлемыми женщинам среднего возраста, наконец, объемные, свисающие формы груди сопровождают гипертрофированные фигуры явно пожилых персонажей. Была ли эта группа женщин реально жившими, или умершими и превращенными в мемориальный символ покровительниц семей и родов, определить сложно, однако изображенная на фигуре обнаженная грудь, как символ жизни, склоняет наше мнение в направлении прижизненности семейной старейшины.

Здесь же, кстати, стоит обратить внимание на тот факт, что особо малые формы женских скульптур, с размерами 0,5–0,7 м как раз могли являться семейными, домашними оберегами и они, находясь постоянно рядом, например в юртах всегда сопровождали перемещающуюся в повозках семью кочеников. При этом заметим, что они представлены исключительно женскими персонами (рис. 6, 1-4).

Таким образом, сложившаяся иконография в изображении груди в направлении от девичьей формы к несколько обвисшей, характерной молодой женщине-матери-матроне и совершенно опущенной груди пожилой матери, соответствует не только возрастным физиологическим особенностям реальных женщин, но, видимо, обозначает иерархию семейно-родовых представительниц. Наивысшее положение с функциями оберегающего покровительства, видимо, занимали состарившиеся женщины, значительная часть которых с возрастом ушла из жизни, видимо, поэтому их в рассматриваемой серии статуй парка-музея, изображающих женский образ, едва более 15%. Заметно больше, до 60% скульптур, в предполагаемой нами иерархии, посвящены молодым, репродуктивного возраста женщинам-матронам, что совершенно естественно. Особого внимания заслуживают исполненные образы дев (менее 22%), которым еще предстоит повзрослеть и стать матерями. Индивидуально, по-своему уникально, представлен образ первого звена женского общества – девочки-младенцы.

Не лишним будет обозначить, что всем статуям, изображающим пожилых женщин, как и значительной части матрон, характерна безликость, которую, видимо, следует объяснять возрастными канонами и нравственными традициями обязательного чадропокрытия, вызванного активным проникновением в половецкую среду, как и в целом Евразийские степи мусульманства (см. работы «Путешествие на реку Итиль» Ибн-Фадлана). Видимо, ортодоксальные обряды мусульманских догматов лишь для подросткового возраста не являлись обязательными.

Итак, ведущий женский физиологический орган, каким является грудь, определяет четыре возрастные группы, каждой из которых присуща им характерная исполнительская иконография вторичного полового признака. Первая группа, девочки-младенцы, вторая группа – дорепродуктивного возраста девы-подростки, третью группу составляют молодые матери-матроны, четвертая группа – пожилые женщины. В системе анализа 120 единиц изваяний выявленных на Луганщине, среди которых 72 ед. полоопределяемых, 44 (61%) – женские статуи, их возрастные характеристики коррелируются в следующих значениях: дев 11 образов 25%, молодых женщин 26 персонажей 59%, пожилых женщин 6 особей 13,6%, младенцев 1 – менее 2, 3%.

Позднее, в смутные для половцев годы первых десятилетий XIII ст. идеи женского оберегопокровительства оказались настолько востребованными, что повлияли на исполнительскую иконографию 8, что более 11%, от мужских образов, «наделяя» их девичьей или женской грудью (рис. 5, 1-5).

В этой связи отметим источниковедческое значение собранных в парке-музее каменных изваяний из незначительного по территории около 8, 5 тыс. км² пространства Донецкого края, занятого половцами от первых до последующих этапов их компактно расселения на юге Восточной Европе с середины XI века с дальнейшим пребыванием здесь же до вторжения монголов в 40-х годах XIII века.

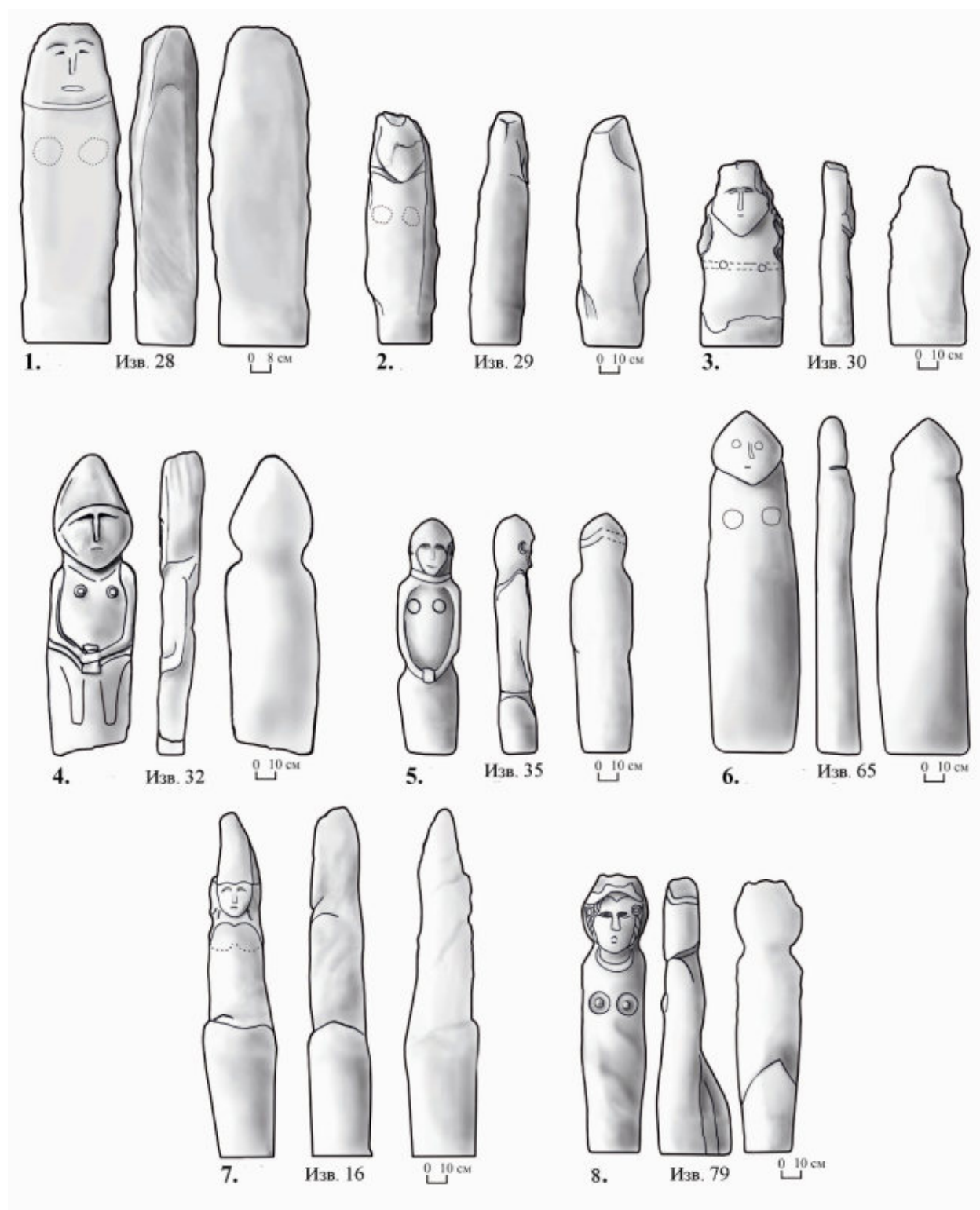

Рис. 1, 1-8 – иконографический образ дев

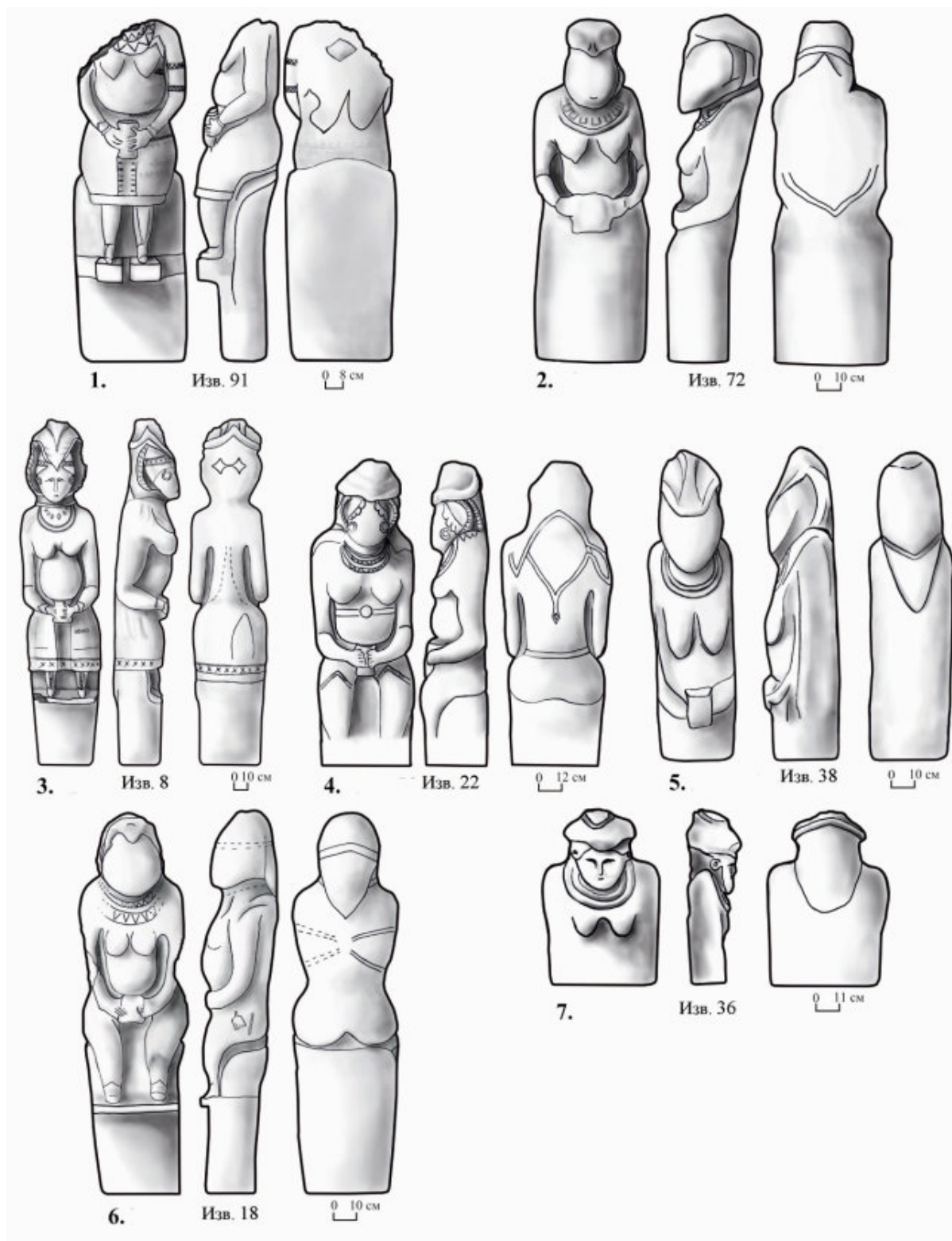

Рис. 2, 1-7 – иконографический образ молодых женщин-матрон

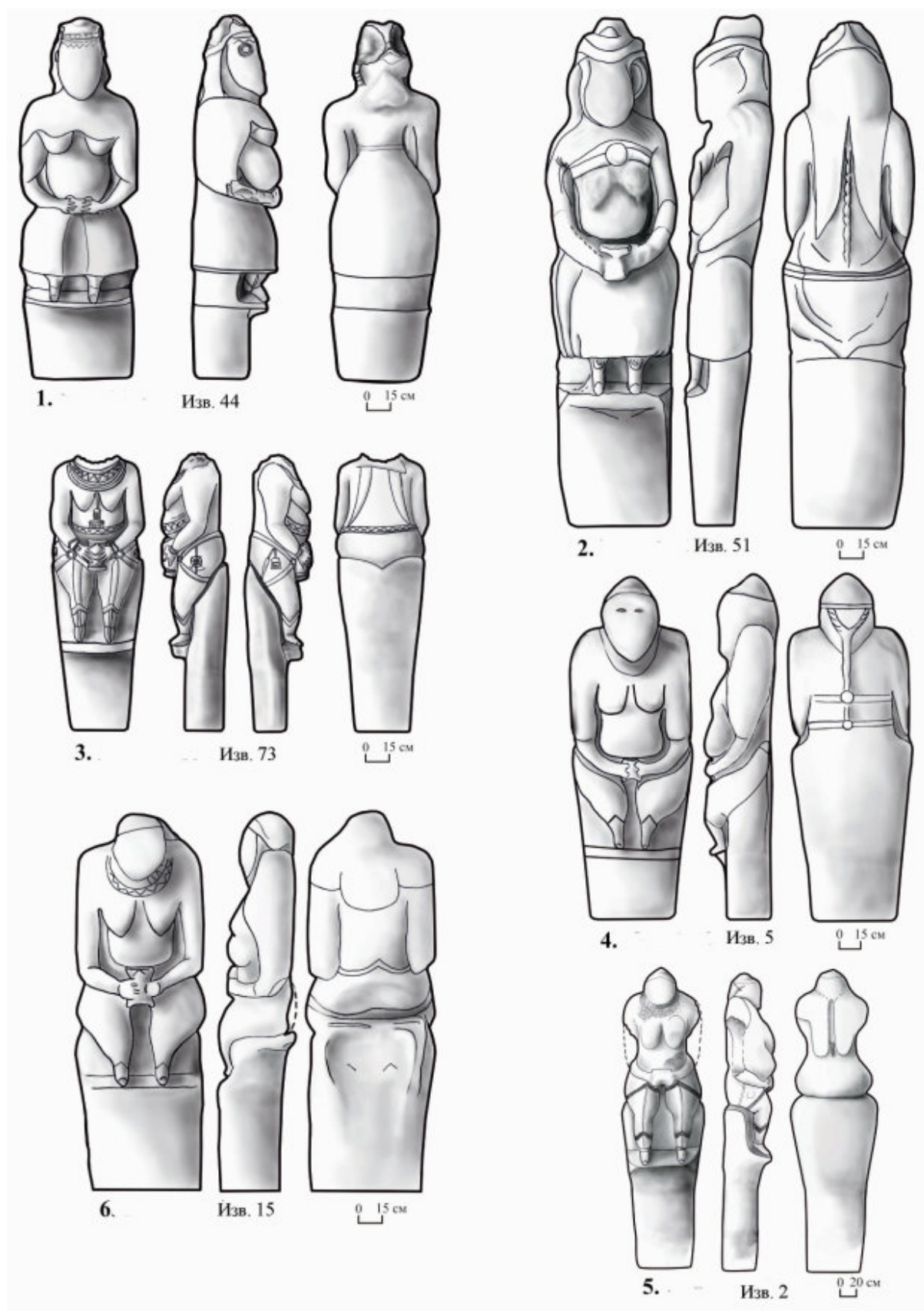

Рис. 3, 1-6 – иконографический образ пожилых женщин-матерей

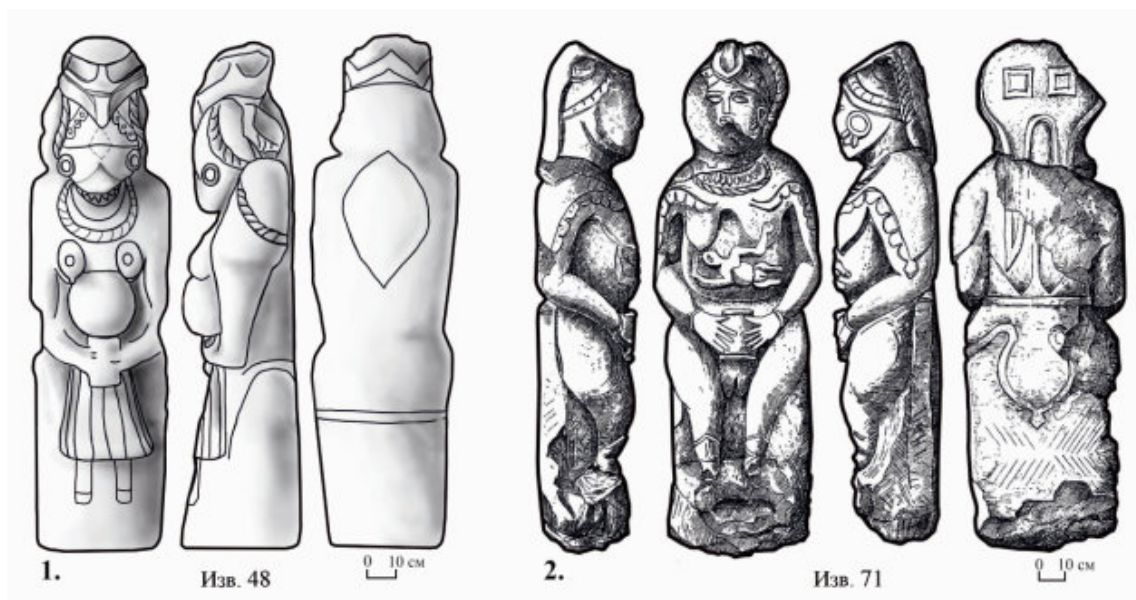

Рис. 4, 1-2: 1. Образ матроны в состоянии беременности (изв. 48).
2. Мать с девочкой-младенцем (Плетнёва, 1974а, с. 75, рис. 37)

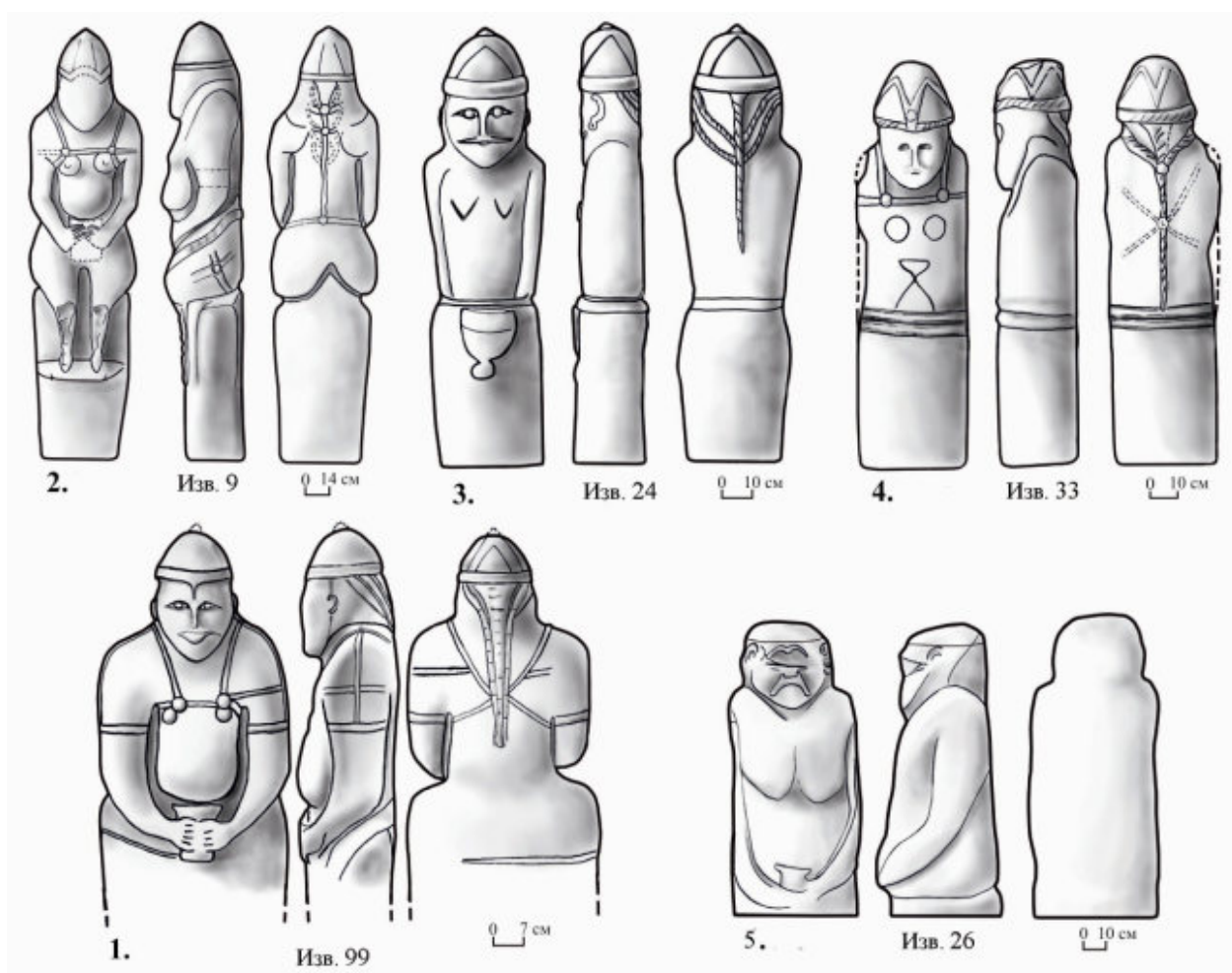

Рис. 5, 1-5 – мужские образы с элементами вторичных половых женских признаков

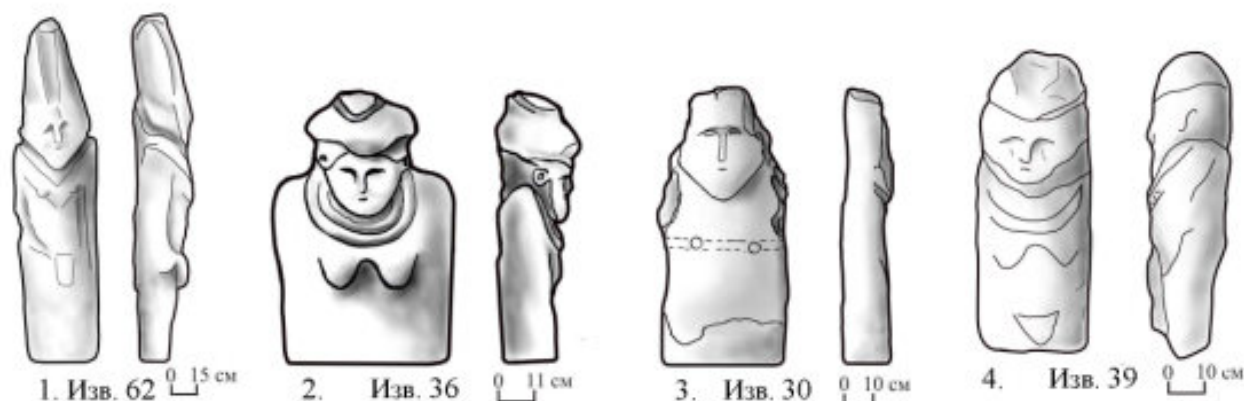

Рис. 6, 1-4 – возможные варианты внутрисемейных оберегов

Список сокращений

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

МГУ – Московский государственный университет.

СА – Советская археология.

СЭ – Советская этнография.

Список литературы

1. Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 3. С. 220–235.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950-1953. Т. I-III. 1200 С.
3. Византийские историки. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081–1118). Труды Анны Комниной. СПб: Духовная Академия, 1859. Ч. 1. 438 с.
4. Гераськова Л.С. Половецкая статуя из Чернухино // СА. 1974. № 3. С. 256-258.
5. Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми данными // СА. 1950. Вып. XII. С. 128-156.
6. Джиованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957. 270 с.
7. Дыренкова Н.П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков (авункулат) // СЭ. 1937. № 4. С. 18-45.
8. Красильников К.И. Древнее камнерезное искусство Луганщины. Луганск, 1999. 136 с.
9. Красильников К.И., Красильникова Л.И., Терехина В.В. Изделия искусства из кочевнических комплексов XII – XIV вв. Подонцовья // Матеріали та дослідження з археології Східної України: зб. наук. праць. Луганськ, 2010. № 10. С. 257-262.
10. Кубарев Г.В. К вопросу о женских древнетюркских изваяниях Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы науч. конф. СПб: ИИМК РАН, 2012. Кн. 1. С. 339-346.
11. Кызласов Л.Р. Новая датировка енисейской письменности // СА. 1960. № 3. С. 93-121.
12. Плетнёва С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. МИА. М.; Л.: АН СССР, 1958. № 62. Т. I. С. 151-226.
13. Плетнёва С.А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. М.: Наука, 1974а. Вып. Е4. 200 с.
14. Плетнёва С.А. Женская половецкая статуя с ребенком // СА. 1974б. № 3. С. 258-262.
15. Плетнёва С.А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982. 188 с.
16. Плетнёва С.А. «Амазонки» как социально-политическое явление // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 529-537.
17. Плетнёва С.А. Половцы у себя дома // Татарская археология. Казань, 2000. № 1-2 (6-7). С. 132-167.
18. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 274 с.

20. Чариков А.А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. 1976. № 4. С. 153-166.
21. Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. 1979. № 2. С. 179-190.
22. Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности Евразийских степей: сб. статей. М., 1980. С. 213-234.
23. Чариков А.А. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана // СА. 1986. № 1. С. 87-102.
24. Швецов М.Л. Багате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія. К., Наукова Думка, 1974. № 3. С. 93-98.
25. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 139 с.

УДК 902/904

А.А. Белименко

**Сырьевая база изделий из цветных металлов могильника
Сухая Гомольша (по результатам количественного
спектрального анализа)**

Аннотация. Публикация посвящена определению сырьевых баз изделий из цветных металлов. Расчеты составлены на основе количественного спектрального анализа. По материалам могильника Сухая Гомольша.

Ключевые слова: Сухая Гомольша, бронзовые изделия, сырьевая база.

Abstract. The publication is devoted to the definition of raw material bases of ferrous metal. Calculations based on quantitative spectral analysis. On materials of burial ground Suhaya Gomolsha.

Keywords: Suhaya Gomolsha, bronze products, raw materials base.

Исследованию салтовской, или салтово-маяцкой археологической культуры (далее СМК), второй половины VIII – первой половины X вв. в современной археологии уделено пристальное внимание ученых. За более чем 100 летний период проведено множество научных изысканий. Издано много научных трудов, раскрывающих актуальные проблемы изучения данного периода археологии. Однако многие вопросы относительно данной темы по тем или иным причинам до сих пор остаются не разрешенными. Одним из таких вопросов, по мнению автора, является определение сырьевых баз изделий из цветных металлов лесостепного варианта СМК.

На сегодняшний день, в большинстве работ посвященных металлургии СМК ведущую роль уделяют черной металлургии. Что в прочем не удивительно, учитывая количественное превосходство железных изделий, над изделиями из цветных металлов. В то время как в эпоху раннего средневековья, именно изделия из цветных металлов, представленные в основном украшениями, предметами туалета и культового характера, продолжают широко использоваться носителями СМК. Исходя из этого, существует ряд интересных вопросов, связанных с источниками сырья, из которых изготовлены выше упомянутые предметы. Основным, из которых является определение географической дислокаций мест добычи цветных металлов, для разных изделий памятников СМК.

В данной работе рассматриваются изделия из цветных металлов Сухогомольшанского могильника, расположенного в Змиевском районе, Харьковской области, по обеим сторонам дороги, идущей из с. Нижний Бишкин в с. Сухая Гомольша, у начала правого отрога глубокой балки «Панская». Могильник занимает площадь, более 5 тыс. квадратных метров. (Михеев, 1982, с. 156) (рис. 1). Его наиболее масштабные исследования (1969, 1973–1982 гг.) связаны с экспедиционной деятельностью ученых Харьковского госуниверситета им. А. М. Горького (ныне – национальный университет имени В.Н. Каразина), и, прежде всего, В.К. Михеева. На середину 70-х гг. XX в. на кремационном могильнике выявлено 317 погребений и 17 вещественных комплексов, обнаруженных в 0,5 км к ЮВ от южной окраины села на склоне у дороги, что ведет в с. Нижний Бишкин (Михеев, 1985, с. 1).

В целом Сухогомольшанский могильник дал очень богатый материал для характеристики различных сторон жизни раннесредневекового населения эпохи Хазарского каганата. Но, поскольку в

данной работе речь пойдет о цветных металлах, ограничимся лишь их перечнем, составляющим 316 экземпляров (табл. 1).

Таблица 1 – Таблица процентного соотношения находок

П/Н	Название находки	Количество	Материал	%
1	Игольник в виде полый трубочки	3	бронза	0,948
2	Прясла	3	свинец	0,948
3	Котелок	1	бронза	0,316
4	Обушки от кистеней	4	бронза	1,264
5	Пряжки с щитком	2	бронза	0,632
6	Чумбурные блоки	9	бронза	2,844
7	Конский начальник	2	бронза	0,632
8	Бляшка от конской сбруи	2	бронза	0,632
9	Пуговицы	16	бронза	5,056
10	Бубенчики	37	бронза	11,692
11	Фибулы	2	бронза	0,632
12	Цепочка	1	бронза	0,316
13	Пряжки поясные	5	бронза	1,58
14	Бляшки поясные	8	бронза	2,528
15	Наконечник от поясного ремня	1	бронза	0,316
16	Поясные разделители	2	бронза	0,632
17	Подвеска поясная	1	бронза	0,316
18	Ворворка	1	бронза	0,316
19	Подвески обереги	30	бронза	9,48
20	Подвески печатки	2	бронза	0,632
21	Туалетные коробочки	12	бронза	3,792
22	Бляшка головного убора	1	бронза	0,316
23	Сережки	2	бронза	0,632
24	Пронизи	28	бронза	8,848
25	Бусы	2	бронза	0,632
26	Звено от цепочки	1	бронза	0,316
27	Кольца	4	бронза	1,264
28	Перстни	27	бронза	8,532
29	Браслеты	97	бронза	30,652
30	Зеркала	2	бронза	0,632
31	Копоушки	8	бронза	2,528

Целью данной работы является определение сырьевых баз изделий из цветных металлов могильника Сухая Гомольша по результатам количественного спектрального анализа (Михеев, Аксенов, 2006, с. 297-305).

Анализы проведены в спектральной лаборатории исторического факультета Харьковского госуниверситета. Количественный спектральный анализ заключается в определении концентрации искомого компонента в анализируемой пробе по величине интенсивности излучения спектральной линии на аналитической длине волны. Интенсивность спектральных линий оценивается по почернению фотопластины.

В связи с недостаточным количеством материалов по сырьевым базам эпохи раннего средневековья, автор был вынужден воспользоваться трудами посвященными периоду скифского времени (Косиков, 1994; Барцева, 1981). Несмотря, на хронологическую разбежность, данные работы по определению сырьевых баз сохраняют свою актуальность и для раннего средневековья. Основными месторождениями меди остаются Карпато-Трансильванское (далее КТ), Правобережное (далее ПБ), Левобережное (далее ЛБ), Волго-Камское (далее ВК), Волго-Уральское (далее ВУ) медистые песчаники Донетчины, Северный Кавказ (далее СК), Северного Причерноморья (далее СП).

Для правильного установления происхождения металла необходима корреляция концентраций микропримесей: мышьяк, сурьма, никель, кобальт, висмут, серебро для каждой из выше указанных сырьевых баз (Косиков, 1994).

К сожалению, удалось установить концентрацию микропримесей лишь шести сырьевых баз. Остальные, из-за недостатка информации на сегодняшний день остаются неизвестными. Поэтому в

ходе последующих изысканий остается возможность определения сырьевых баз указанных в таблице (табл. 2).

Таблица 2 – Таблица границ концентраций химических элементов относительно сырьевых баз

Сокращенное название сырьевых баз	Bi Висмут min – max	Ag серебро min – max	Sb сурьма min – max	As мышьяк min – max	Ni никель min – max	Co кобальт min – max
ВК	0,0003-0,1	0,01-0,3	0,01-1,0	0,1-3,0	0,003-0,3	0,0-0,06
ВУ	0,001-0,01	0,004-0,3	0,004-0,03	0,0086-0,1	0,003-0,03	0,0-0,006
КТ	0,005-0,03	0,03-0,2	0,05-1,0	0,09-2,3	0,05-2,0	0,01-1,0
ПБ	0,0-0,002	0,002-0,02	0,018-3,0	0,13-1,5	0,013-2,0	0,006-1,0
СК	0,0-0,03	0,02-0,3	0,0-1,0	0,0-1,0	0,02-0,3	0,0-0,05
СП	0,0-0,02	0,0-0,2	0,003-5,0	0,003-0,7	0,0-0,02	0,0-0,05

Таблица сырьевых баз изделий из цветных металлов могильника Сухая Гомольша разработана автором на основе количественного спектрального анализа Л.П. Грубник-Буйнова и А.В. Дмитренко (Михеев, Аксенов, 2006, с. 297-305).

При первичном осмотре наименования образцов в таблице предоставленной Л.П. Грубник-Буйновой и А.В. Дмитриенко, автором было найдено несколько нестыковок по отношению к описи найденного материала в самой статье. А именно наличие в таблице образца указанного как «пинцет», который, судя по проведенным анализам, является бронзовым изжелем, поскольку концентрация микропримеси железа составляет всего 0,09%, в то время как в самой публикации, при описании находок все 14 экземпляров пинцетов определяются как железные (Михеев, Аксенов, 2006, с. 149). Так же в данной таблице присутствует опечатка. Образец, именуемый в таблице «рамка – обойма» при описании найденных предметов в публикации не значится. Автор предполагает, что изначально имелась в виду пряжка – обойма. Но в монографии она значится железным изделием, а учитывая анализы – бронзой, содержащей всего 0,075% железа (Михеев, Аксенов, 2006, с. 149).

Изначально, таблица содержала анализы по 13 химическим элементам: олово, свинец, цинк, висмут, серебро, сурьма, мышьяк, железо, никель, кобальт, марганец, золото и медь. Таблица предоставленная в данной работе, исходя из поставленной цели ограничена 6 элементами: висмут, серебро, сурьма, мышьяк, никель, кобальт. Почти все образцы, указанные в таблице являются бронзой (сплав на основе меди с добавкой до 20 % олова). Исключение составляют свинцовые пряслица, представленные четырьмя образцами и два серебряных перстня отмеченные в столбике «сырьевая база» как нерассмотренные (НЕ). Поскольку данные перстни изготовлены из благородного металла и не входят в рамки исследования данной работы. Столбик таблицы «сырьевая база» (табл. 3) получен автором в ходе вычислений программы Microsoft Office Excel при постановке шести указанных по каждому из образцов элементу в значении концентраций микропримесей таблицы (табл. 2).

Таблица 3 – Таблица сырьевых баз изделий из цветных металлов могильника Сухая Гомольша

№ П/П	Название предмета	№ погр.	Bi	Ag	Sb	As	Ni	Co	Сырьевая база	Рис.
1	браслет	158	0,035	3,99	0	0,03	0,025	0,031		37;18
2	браслет	11	0,015	11,41	0	0,11	0,082	0,008	СК	9;32
3	браслет	152	0,026	18,73	0,009	0,023	0,048	0,028	СК	37;12
4	браслет	23	0,038	1,82	0,009	0,023	0,01	0		15;9
5	браслет	145	0,032	4,23	0,009	0,049	0,004	0		33;52
6	браслет	156	0,007	1,68	0	0	0,008	0		37;16
7	браслет	8	0,023	5,2	0,016	0,015	0,027	0,092		9;8
8	браслет	145	0,016	10,13	0	0,023	0,007	0,576		33;53
9	браслет	158	0,162	18,73	0,009	0	0,009	0,01		37;19
10	браслет	40	0,033	3,46	0,018	0,129	0,036	0,009	ВК	15;36
11	браслет	9	0,009	4,87	0,037	0,209	0,075	0,007	СК ; ВК	9;22
12	браслет	95	0,027	6,97	0	0,02	0,028	0,046	СК	25;4
13	браслет	185	0,03	15,94	0,009	0,03	0,023	0,054		38;50
14	браслет	185	0,023	6,97	0,009	0,02	0,023	0,044	СК	38;50
15	браслет	167	0,013	2,25	0,009	0,098	0,023	0,022	СК	38;11

№ П/П	Название предмета	№ погр.	Bi	Ag	Sb	As	Ni	Co	Сырьевая база	Рис.
16	браслет	89	0,031	10,1	0	0,053	0,025	0,025		23;32
17	браслет	191	0,013	0,16	0,009	0,03	0,21	0,044	СК	46;14
18	браслет	103	0	0,07	0,014	0	0,016	0		25;22
19	браслет	96	0,014	0,014	0	0,023	0,013	0,011		25;6
20	браслет	96	0,021	4,23	0	0,023	0,013	0,017		25;6
21	браслет	108	0,008	0,004	0	0,079	0,047	0,068		29;1
22	браслет	108	0,01	0,009	0,009	0,065	0,025	0,049		29;2
23	браслет	158	0,063	5,49	0,058	0,264	0,055	0	БК	37;18
24	браслет	90	0,018	0,02	0,009	0,03	0,033	0,3		24;40
25	браслет	90	0,011	0,009	0	0,023	0,009	0,013		24;40
26	браслет	132	0,029	2,25	0,01	0,067	0,021	0,024	СК	30;33
27	браслет	132	0,014	0,243	0,011	0,14	0,113	0,079		30;34
28	браслет	132	0,009	0,01	0,01	0,09	0,043	0,013		30;35
29	браслет	132	0,008	0,021	0,01	0,154	0,066	0,014	СК; БК	30;33
30	браслет	167	0,032	1,65	0,009	0,047	0,027	0,006		38;11
31	туалетная коробачка	185	0,037	0,007	0,026	0,17	0,068	0,03		38;56
32	туалетная коробачка	185	0,029	0,002	0,012	0,023	0,037	0,067		38;56
33	туалетная коробачка	29	0,017	0,009	0,017	0,16	0,028	0,146		15;20
34	туалетная коробачка	29	0,026	0,008	0,094	0,293	0,1	0,197		15;20
35	подвеска	29	0,038	0,01	0,015	0,23	0,096	0,046	БК	15;26
36	подвеска - печатка	165	0,054	0,117	0,047	0,38	0,025	0	БК	37;31
37	разделитель от пояса	слой	0,03	0,074	0,223	1,703	0,1	0,023	БК ; КТ	87;14
38	копоушка	80	0,008	0,007	0,009	0,153	0,88	0,089		24;14
39	разделитель от пояса	191	0,587	0,029	0,009	2,703	0,16	2,6		47;13
40	пинцет	167	0,014	0,003	0,009	0	0,018	0,027		38;22
41	подвеска-амулет	186	0,009	0,009	0,026	0	0,086	0,054		47;4
42	рамка-обойма	167	0,019	0,001	0,014	0,438	0,089	0,021		38;24
43	копоушка	143	0,028	0,03	0,03	0,187	0,064	0,006	СК; БК	33;36
44	бляшка поясная	143	0,009	0,042	0,019	0,177	1,396	0,006		33;32
45	подвеска-пирамидка	29	0,01	0,006	0,009	0,023	0,09	0,006		15;17
46	пряжка-поясная	135	0,025	0,008	0,015	0,153	0,087	0,007		30;40
47	подвеска-коньковая	107	0,018	0,024	0,014	0,023	0,05	0,006		25;26
48	кольцо	167	0,016	0,085	0,01	0,123	0,078	0,078	СК	38;21
49	кольцо	167	0,013	0,048	0,013	0,13	0,078	0,092		38;20
50	бляшка	143	0,008	0,006	0,009	0,213	0,083	0,094		33;41
51	пряжка-поясная	167	0,007	0,027	0,013	0,164	0,095	0,006	СК ; БК	38;23
52	туалетная коробачка	167	0,056	0,042	0,3	4,04	0,007	0		38;26
53	туалетная коробачка	167	0,047	0,054	0,53	5,3	0,008	0		38;26
54	перстень	81	0,02	0,003	0,009	0,023	0,04	0,028		24;24
55	коньковая подвеска	185	0,06	0,038	0,334	1,703	0,008	0	БК	38;47
56	перстень	167	0,024	0,007	0,009	0,023	0,03	0,039		38;16
57	перстень	167	0,047	0,003	0,009	0,023	0,048	0,05		38;17
58	перстень	29	0,01	0,07	0,015	0,043	0,036	0,08		15;14
59	бляшка поясная	186	0	0,025	0,009	0,023	0,026	0,006	СК	47;66
60	перстень щитковый	89	0,015	0,068	0,032	0,253	0,86	0,037		23;37
61	игольник	85	0,006	0,007	0,009	0,023	0,043	0,006		23;27
62	пуговица	167	0,017	0,25	0,017	0,123	0,24	0,006	СК ; БК	38;12
63	пуговица	167	0,053	0,082	0,136	0,23	0,038	0,006	БК	38;13
64	коньковая подвеска	107	0,019	0,066	0,17	0,223	0,053	0,006	СК ; БК	25;26
65	перстень щитковый	89	0,029	0,048	0,009	0,023	0,025	0,077		24;38
66	перстень щитковый	177	0,006	0,018	0,009	0,107	0,03	0,023		38;43
67	перстень	167	0,022	2,11	0,009	0,023	0,009	0,014		38;19
68	коньковая подвеска	167	0,019	0,085	0,024	0,16	0,077	0,136		38;1

№ П/П	Название предмета	№ погр.	Bi	Ag	Sb	As	Ni	Co	Сырьевая база	Рис.
69	коньковая подвеска	167	0,024	0,048	0,013	0,17	0,045	0,14		38;2
70	кольцо	9	0,047	0,011	0	0	0,07	0		9;21
71	перстень	143	0,02	0,011	0	0	0,006	0		33;39
72	туалетная коробочка	167	0,023	0,019	0,009	0,023	0,021	0,006		38;27
73	туалетная коробочка	167	0,018	0,011	0,009	0,023	0,072	0,028		38;27
74	перстень щитковый	107	0,008	0,02	0,016	0,023	0,05	0,006	СК	25;30
75	подвеска-амулет	слой	0,013	1,133	0,011	0,023	0,019	0		87;19
76	подвеска на пояс	73	0,006	0,058	0,009	0,023	0,022	0,006	СК ; ВУ	24;5
77	подвеска-амулет	145	0,015	0,045	0	0,023	0,019	0		33;51
78	подвеска-амулет	137	0,027	0,079	0,153	0,233	0,025	0,043	СК ; ВК	33;8
79	ворворка	54	0,017	0,15	0,23	0,73	0,08	0,006	СК ; ВК	17;5
80	коньковая подвеска	93	0,025	0,025	0,087	0,177	0,026	0,006	СК ; ВК	25;2
81	кистень	54	0,015	0,03	0,018	0,023	0,012	0,006	СП	17;11
82	кистень	89	0,027	0,085	0,153	0,136	0,1	0,016	СК ; ВК ; КТ.	24;39
83	браслет	167	0,01	1,11	0	0,023	0,023	0,018		38;11
84	пряслице	181	0,064	0,01	0,08	0	0	0		38;46
85	чумбурный блок	54	0,037	0,09	0,243	0,904	0,1	0	ВК	17;12
86	коньковая подвеска	141	0,082	0,009	0,023	0,164	0,078	0,006		33;16
87	пряслице	200	0,02	0,003	0	0	0,005	0		47;35
88	пуговица	111	0,016	0,011	0	0,023	0,007	0		29;8
89	пуговица	176	0,01	0,13	0,052	0,1	0,07	0	СК ; ВК	38;29
90	туалетная коробочка	176	0,017	0,006	0,009	0,023	0,015	0,006	СП	38;31
91	подвеска на пояс	171	0,012	0,008	0,056	0,38	0,066	0,006		10;6
92	коньковая подвеска	131	0,018	0,019	0,013	0,13	0,055	0,021	ВК	30;29
93	туалетная коробочка	128	0,01	0,001	0	0,023	0,003	0,006		30;28
94	туалетная коробочка	128	0,01	0,005	0,009	0,023	0,013	0,03	СП	30;28
95	пряслице	79	0,066	0,1	0,207	0,023	0	0		24;10
96	оплавленный браслет	136	0,025	0,107	0	0,023	0,003	0		33;6
97	туалетная коробочка	90	0,01	0,001	0,014	0,107	0,017	0,1		24;41
98	пряслице	137	0,067	0,001	0,012	0	0	0		33;7
99	кистень	122	0,006	0,001	0,009	0,023	0,006	0	СП	30;8
100	бубенчик	125	0,008	0,001	0,009	0,023	0,005	0	СП	30;10
101	подвеска	192	0,022	0,0001	0,009	2	0	0		47;18
102	пряслице	185	0,04	0,0003	0,009	0,023	0,003	0		38;51
103	туалетная коробочка	8	0,015	0,008	0,022	0,164	0,055	0,006		9;15
104	наконечник от пояса	54	0,023	0,02	0,054	0,15	0,078	0	СК; ВК	17;9
105	бляшка поясная	176	0,008	0,005	0,017	0,023	0,039	0		38;39
106	оплавленный предмет	176	0,008	0,003	0,012	0,023	0,03	0		
107	туалетная коробочка	156	0,014	0,004	0,048	0,518	0,016	0	СП	37;15
108	кольцо	97	0,008	0,002	0,025	0,12	0,022	0		25;10
109	оплавленный предмет	176	0,007	0,002	0,009	0,023	0,024	0		
110	перстень	162	0,05	осн	0	0	0,003	0	НЕ	37;26
111	перстень щитковый	186	0,01	0,002	0,009	0,023	0,022	0,021		47;20
112	бубенчик	193	0,017	0,002	0,009	0,12	0,032	0,012	СП	47;20
113	бубенчик	193	0,014	0,001	0,018	0,023	0,025	0,006		47;20
114	бубенчик	193	0,017	0,002	0,009	0,023	0,006	0		47;20
115	перстень щитковый	143	0,009	0,003	0,016	0,12	0,032	0		33;40
116	фрагмент предмета	111	0,006	0,065	0,009	0,023	0,03	0,006	СК ; ВУ	29;11
117	перстень	167	0,04	осн	0	0,023	0	0	НЕ	38;18
118	перстень щитковый	162	0,011	0,458	0,009	0	0,133	0		37;27
119	копоушка	143	0,011	0,027	0,009	0	0,07	0	СК	33;35
120	браслет пластинчатый	107	0,013	1,326	0	0	0,133	0,006		25;31
121	зеркало	128	0,006	0,104	0	0,023	0,023	0,041	СК	30;20

№ П/П	Название предмета	№ погр.	Bi	Ag	Sb	As	Ni	Co	Сырьевая база	Рис.
122	зеркало	93	0,006	0,02	0,009	0,023	0,064	0,006	СК	25;3
123	зеркало	107	0,018	0,009	0,009	0	0,023	0,095		25;24
124	перстень щитковый	80	0,016	0,058	0,082	0,29	0,087	0,11		24;13
125	пронизь спиралевидная	128	0,024	0,004	0	0	0,009	0		30;21
126	игольник	136	0,054	0,019	0,009	0,023	0,039	0		33;3
127	фр. наконечника пряжки	135	0,09	0,01	0,988	2,867	0,015	0,006	ВК	34;27

Примечание. Номера в колонке «Рис.» соответствуют номерам рисунков в книге: Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII – X вв. // Хазарский альманах. Том 5. Киев – Харьков. 2006

Исключение данного алгоритма составляют браслеты № 1 – 16, 20, 23, 26, 30, 83, 120; перстень № 67 и подвеска амулет № 75. В данных образцах процентная концентрация серебра значительно превосходит самый высокий показатель (0,3%) значения микропримеси, не являясь основой. По мнению автора, серебро в выше упомянутые изделия добавлялось в состав бронзового сплава искусственно. Для придания изделиям драгоценного блеска и защиты от негативных природных воздействий. Применяя изложенный алгоритм вычисления из 127 образцов удалось установить сырьевые базы 44 проб и провести первичный статистический анализ полученных данных (табл. 4).

Таблица 4 – Статистическая таблица сырьевых баз

Название предметов	ВК	ВУ	КТ	ПБ	СК	СП	Не определено	Не рассмотрено
Браслет	10	9			8		20	
Туалетная коробочка						3	11	
Подвеска	1						1	
Подвеска печатка	1							
Разделитель от пояса	1		1				1	
Копоушка	1				2			
Пинцет							1	
Подвеска-амулет	1				1		3	
Рамка обойма							1	
Бляшка поясная					1		2	
Подвеска-пирамидка							1	
Пряжка поясная	1				1		1	
Подвеска коньковая	4				2		4	
Кольцо					1		3	
Бляшка							1	
Перстень							6	2
Перстень щитковый					1		7	
Игольник							2	
Пуговица	3				2		1	
Подвеска на пояс		1			1		1	
Ворворка	1				1			
Кистень	1		1		1	2		
Пряслице							5	
Оплавленный предмет							3	
Чумбурный блок	1							
Бубенчик						2	2	
Наконечник от пояса	1				1			
Фрагмент предмета		1			1			
Браслет пластинчатый							1	
Зеркало					2		1	
Пронизь спиралевидная							1	
Фр. наконечника пряжки	1							
Всего	18	2	2	0	26	7	80	2
	ВК	ВУ	КТ	ПБ	СК	СП	Не определено	Не рассмотрено

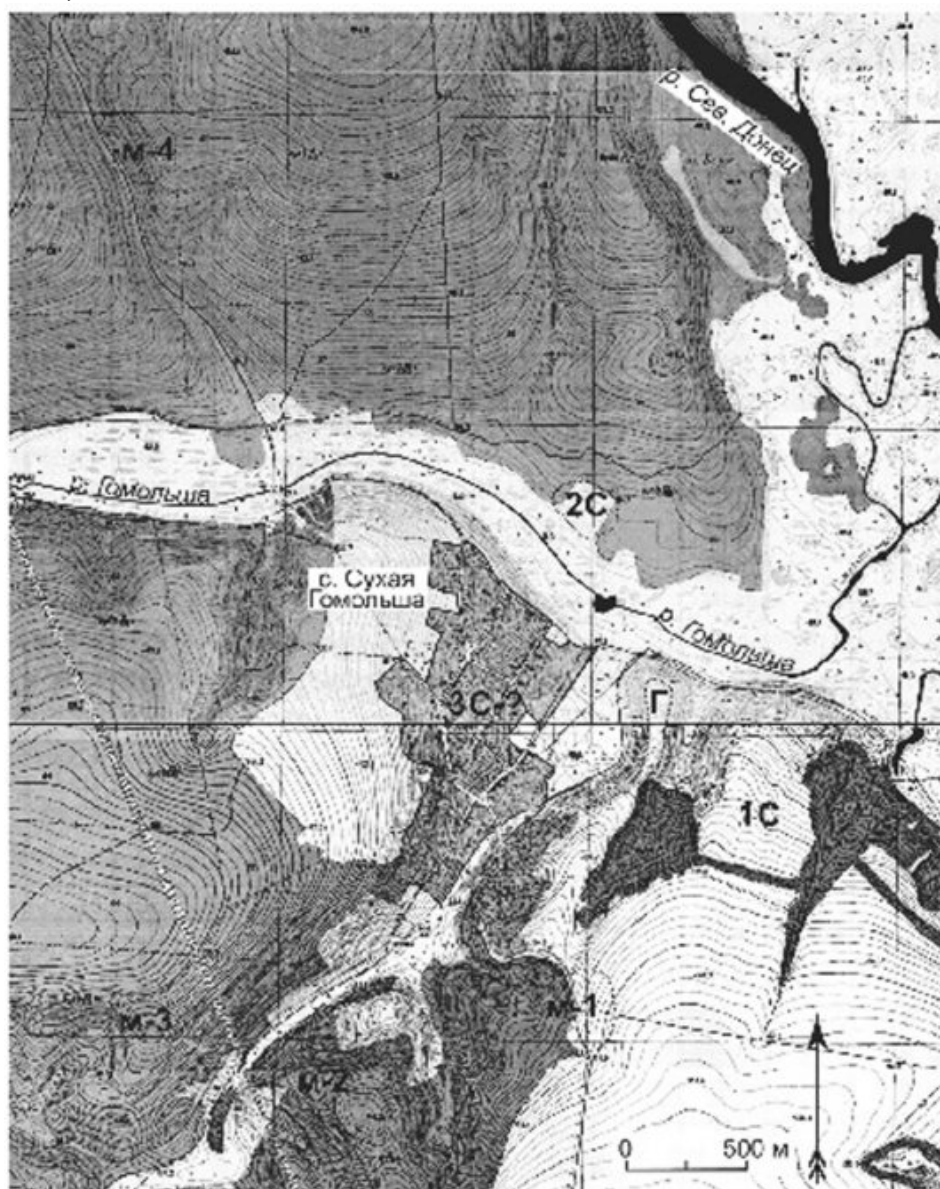
Рассмотрев полученную нами в ходе научных изысканий статистическую таблицу сырьевых баз, следует отметить преобладание Волго-Камского и Северокавказского медных источников, при небольшом преобладании Северокавказского. В меньших долях присутствуют также Волго-Уральский, Карпато-Трансильванский и Северо-Причерноморский источник. Подобное разнообразие сырьевых баз с определенной долей вероятности может свидетельствовать о многоэтничности населения (Михеев, Аксенов, 2006, с. 176-188). Преобладание ВК свидетельствует о тесных связях с жи-

телями данного региона (Михеев, Аксенов, 2006, с. 185). Особое преобладание СК также находит свое подтверждение в связи присутствием угорского этноса (Михеев, Аксенов, 2006, с. 182-183).

Результаты наших исследований говорят о том, что изучение бронзолитейного производства остается перспективной темой в археологии эпохи раннего средневековья, и способно предоставить новые, или подтвердить старые выводы относительно различных аспектов жизнедеятельности носителей СМК.

Методика по определению медных сырьевых баз нуждается в существенной доработке, в частности относительно дополнения таблицы микропримесей сырьевых баз Левобережья и медистых песчаников Донетчины. Также необходимо разработать алгоритм определения изделий, основу которых составляет вторичное сырье.

Несмотря на все выше перечисленные недостатки, представленный метод определения сырьевых баз позволил установить источники сырья по 44 пробам. Правильность их определения подтверждается выводами, совпадающими с этническими данными.

Условные обозначения: Г — городище, С — селище, М — могильник

Рис. 1. Карта-схема Сухогомольшанского археологического комплекса (по В.В. Колоде)

Список литературы

1. Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII – X вв. // Хазарский альманах. Том 5. Киев – Харьков. 2006.
2. Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Москва: Наука, 1981.

3. Косиков В.А. Производство бронзовых художественных изделий в Скифии в VII – V вв. до н. э. Донецк, 1994.

4. Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // Советская археология. 1982. №2. С. 156–168.

УДК 631.5

М.В. Веретюшкина

**Некоторые аспекты земледелия славянского населения
Бесединского археологического комплекса Курской области¹**

Аннотация. Статья посвящена анализу данных о земледелии жителей Бесединского комплекса в славяно-русский период существования памятника. Результаты исследования позволили сделать вывод о довольно высоком уровне используемых пашенных орудий, а также выявить основной состав набора злаковых растений, что в комплексе с благоприятными внешними факторами создало подходящие условия для дальнейшей эволюции агрикультуры.

Ключевые слова: наральник, мотыжка, рало, археологический комплекс, селище, ресурсная зона, злаковые растения, зерновая яма.

Abstract. This article is devoted to date analysis on agriculture of the population of Besedinsky archaeological complex in the Slavic-Russian period of the monument. Research results allowed to draw conclusion that the used tools of labor were on rather high level. The main set of grain varieties was also revealed. All this in a complex with favorable external factors created suitable conditions for further agriculture's evolution.

Keywords: tine point, mattock, ploughshare, archaeological complex, ancient village, resource zone, cereals, grain pit.

Бесединский археологический комплекс у д. Городище расположен в 12 км от областного центра Курской обл. Округа городища включала в себя пять селищ, а также две группы курганных могильников. Обнаруженные на памятнике артефакты позволяют говорить о том, что жизнь здесь протекала с IX по XIV вв. (АКР, 1998, с. 90–95). Природно-географические условия местности вполне благоприятны для занятия сельским хозяйством. Округа комплекса, хотя и прорезана балками и оврагами, в большинстве своем представляет собой полого-возвышенную равнину. По сообщениям местных жителей вплоть до XX в. непосредственно под городищем проходило русло реки Рать. По ее берегам располагались удобные для покосов заливные луга, до сих пор используемые для заготовки кормов для домашних животных. В этой связи необходимо выяснить, насколько положительно оптимальные условия способствовали развитию основной хозяйственной деятельности славяно-русского населения – земледелию.

Все селища комплекса расположены на темно-серых лесных почвах, вполне пригодных для земледелия. Ранее уже было установлено, что тяготение к этому типу грунтов характерно для большинства памятников Посемья IX–XIII вв., даже несмотря на близкое нахождение более плодородных черноземов (Веретюшкина, 2011, табл. 1, рис. 1). Подобная ситуация объясняется следующими причинами. В отличие от черноземов, эти почвы вполне подходят для обработки ралами с железными наконечниками, получившими наибольшее распространение в среде восточных славян лесостепной зоны (Краснов, 1981, с. 58–65; 1982, с. 63–80; Веретюшкина, 2011а, с. 84–88, рис. 2–3). Также немаловажным фактором является пригодность данного типа грунта для выращивания всех видов злаковых растений, входивших в состав палеоэтноботанического комплекса славян.

Для земледельцев лесостепной зоны было характерно использование угодий, находившихся на расстоянии не более 5 км от населенного пункта – большая удаленность делала участок нерентабельным ввиду высоких транспортных затрат (Афанасьев, 1987, с. 24–29; Колода, Горбаненко, 2013, с. 61–74). По данным этнографии эта особенность сохранилась вплоть до Нового времени (Милов, 2001, с. 59), что делает актуальными расчеты площади ресурсной зоны как для роменского, так и для древнерусского периода существования памятника.

В указанном пределе наиболее освоенными являются участки в радиусе 1 км от поселения. В нашем случае – это особенно важно в силу густонаселенности микрорегиона (Енуков, 2005, карта). За

© Веретюшкина М.В., 2016

¹ Автор выражает благодарность В.В. Енукову за возможность использования материалов раскопок.

точку отсчета было выбрано городище – центральная точка формирования округа. Однокилометровая ресурсная зона Бесединского комплекса включала 212 га из максимально возможных 314 га. Это объясняется близким расположением реки, участки на другом берегу которой чаще всего не обрабатывали. Вместе с тем земли, расположенные южнее городища, представляют собой пойменные участки, пригодные для выпаса скота и заготовки кормов. При учете того, что около 20–25% ресурсной зоны составляли балки и овраги, пригодными для сельскохозяйственных нужд жителей Бесединского комплекса в радиусе 1 км остаются 160–170 га (рис. 1). Вместе с тем следует уточнить, что полученные результаты – это максимально возможная площадь угодий, не обязательно используемая в тот или иной период существования комплекса в полном объеме.

Выгодные природные условия позволяли местному населению активно заниматься почвообработкой. К сожалению, на сегодняшний день находок сельскохозяйственного назначения, относящихся к древнерусскому времени, на памятнике не обнаружено. Но материалы, датируемые IX–X вв., свидетельствуют о развитом в этот период пашенном земледелии. В частности, на городище в ходе работ под руководством В.В. Енукова был обнаружен железный наральник, изготовленный из целого куска железа. По сопутствующему материалу время существования предмета можно отнести к X в. (Енуков, 1993, л. 79, рис. 200а:1). Плечики находки имеют явную асимметрию и существенно стерт (рис. 2; 1). Вероятно, это объясняется его активным использованием.

По основным параметрам наральник относится к широколопастным наконечникам типа IB2 по классификации Ю.А. Краснова, которые получили широкое распространение среди представителей восточнославянских племен лесостепи во второй половине I тыс. н. э. На территории Посемья изделия, аналогичные Ратскому, встречены на поселении около д. Липино и д. Шуклинка, а также в составе клада у д. Сугрово (рис. 2; 2, 3). Кроме того, на Новотроицком городище, был обнаружен наконечник, по основным параметрам практически идентичный рассматриваемой находке (Ляпушкин, 1958, с. 18–19, рис. 7, 1; Веретюшкина, 2010, табл.). Подобными изделиями укрепляли ральник однорукояточных прямогрязильных рал со стойкой между грядилом и ральником, применяемых земледельцами всей Европы (Краснов, 1982, с. 64, 71). Данные этнографии свидетельствуют о том, что орудия этого типа были наиболее приспособлены для пахоты различных по характеру почв, в том числе залежи и целины (Мамонов, 1952, с. 74–76). Конструкция наральника позволяла расположить его максимально горизонтально к земле, что обеспечивало большую глубину вспашки и повышало качество обработки грунта.

К ручным орудиям почвообработки относится единичная находка мотыжки. Она была обнаружена в напластованиях городища и имела следующие параметры: общая высота – 12 см, длина втулки – 6,6 см, средняя ширина втулки – 3,6 см, наибольшая ширина лезвия – 8 см (Енуков, 1992, рис. 16; 1). Предмет был изготовлен из цельного куска железа и имел трапецевидную лопасть. По внешнему виду находка аналогична предметам, обнаруженным на Переверзевском городище Курской области (Узянов, 1982, рис. 49, 1–5). Общий вид наконечника свидетельствует о его многофункциональном назначении. Это довольно распространенный тип орудия среди северянского населения, «пришедший», вероятно, из Хазарского каганата (Колода, Горбаненко, 2013, с. 123, 124).

В 2014 г. на селище 1 рядом с одним из жилищ было обнаружено зернохранилище (яма 6) цилиндрической формы, основу керамического материала которого составляют обломки древнерусской посуды, а доля лепной не превышает 10%. В ходе промывки грунта из объекта было получено 447 целых экземпляров обгорелых зерновок злаковых растений. Около половины от этого количества приходится на долю ячменя и ржи. Ячмень, широко культивируемый на протяжении всего I тыс. н.э., в последней четверти начинает вытесняться более прихотливыми злаками. Присутствие значительной доли ржи, вероятно, стало следствием ее неприязнтельности по отношению к качеству почвы. Благоприятные климатические условия создали подходящую базу для широкого распространения этой культуры в славянской среде. Около 1/3 выборки составляют зерновки пшеницы (полбы и голозерной). Эти довольно требовательные к природным условиям культуры, к концу I тыс. н. э., начинают активно культивировать в виду их более высокой урожайности (Горбаненко, Журавльов, Пашкевич, 2008, с. 59–62). Так же этому способствовало повсеместное использование железных широколопастных наральников и орудий плужного типа. Кроме того, в заполнении было встречено незначительное количество зерновок проса. Этот традиционный для славянского населения на протяжении всего I тыс. н. э. злак в IX–X вв. начинает вытесняться более прихотливыми культурами, что объясняется повышением уровня развития земледелия, однако не исчезает полностью из использования. Обращает на себя внимание минимальное количество зерен овса, что косвенно указывает на ориентацию населения Бесединского комплекса на выращивание в первую очередь хлебной продукции, а не фуража. Кроме того, на памятнике было развито огородничество, о чем свидетельствуют находки гороха.

Общий анализ имеющихся данных о земледелии жителей Бесединского комплекса позволяет сделать следующие выводы. Благоприятные почвенно-климатические условия способствовали поступательной эволюции средств и техники почвообработки. Об этом свидетельствует находка широколопастного наральника, являвшегося частью пашенного орудия плужного типа (рала с горизонтальным полозом). Состав и общая характеристика набора злаковых культур позволяет допустить развитие севооборота. Учитывая эти факторы, вполне возможно предположить, что в древнерусский период на памятнике шло дальнейшее усложнение устройства земледельческих орудий и переход к использованию плуга, на что косвенно указывает присутствие в наборе злаков зерновок прихотливых культур.

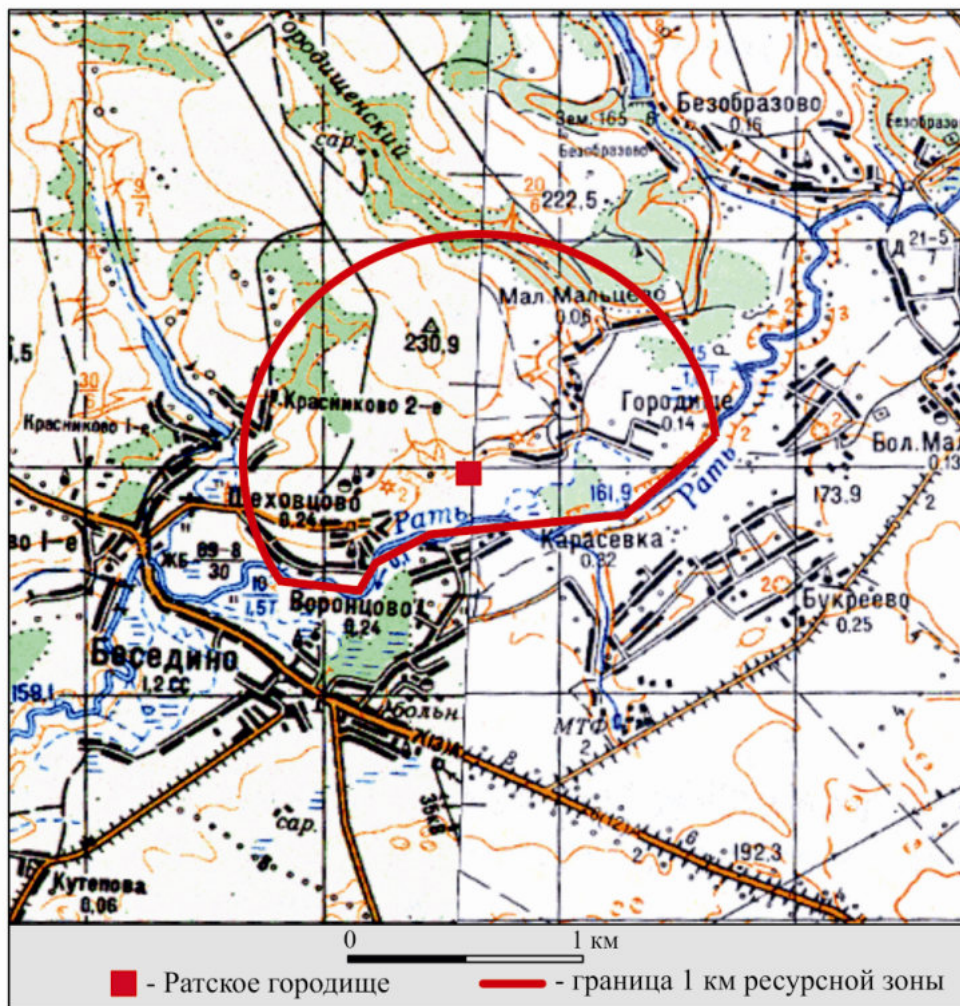

Рис. 1. Место расположения Бесединского археологического комплекса

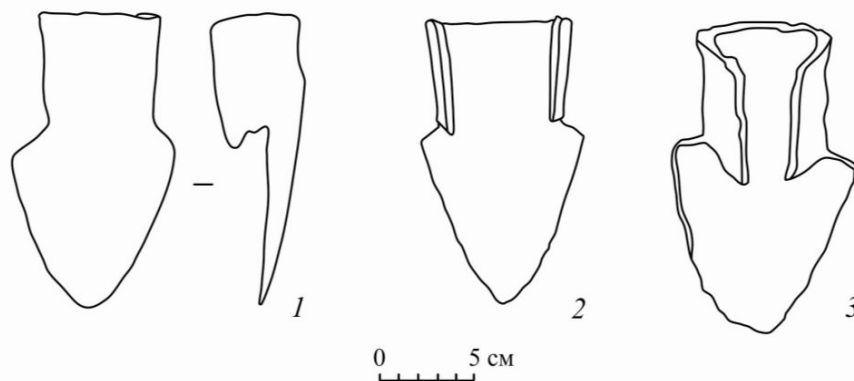

Рис. 2. Наральники славянского населения Посемья.
1 - Ратское городище; 2 - клад из Сугрово;
3 - Шуклинское городище.

Список сокращений

КСИА АН СССР

Краткие сообщения Института археологии
Академии наук СССР

КГОМА

Курский Государственный областной музей археологии

МИА

Материалы и исследования по археологии СССР

СА

Советская археология

СЭ

Советская этнография

Список литературы

1. Археологическая карта России: Курская область. Часть 1. Институт археологии РАН. 1998. 304 с.
2. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. М.: Наука, 1987. Вып. 2. 200 с.
3. Веретюшкина М.В. К вопросу о контактах населения Северской земли и Хазарии (на примере находок наконечников пахотных орудий) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 4 (16). <http://scientific-notes.ru/pdf/017-04.pdf>
4. Веретюшкина М.В. Почвенная приуроченность поселений Посемья в IX–XIII вв. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. №3 (19). Том 2. <http://scientific-notes.ru/pdf/021-006.pdf>
5. Веретюшкина М.В. Клад сельскохозяйственных орудий из деревни Сугрово // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2011а. № 2. С. 84–88.
6. Горбаненко С.А., Журавльов О.П., Пашкевич Г.О. Сільське господарство жителів Пастирського городища. Київ: Академперіодика, 2008. 188 с.
7. Енуков В.В. Отчет о раскопках городища у д. Городище Курского района Курской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 16527а.
8. Енуков В.В. Отчет о раскопках на Ратском городище Курского района Курской области в 1992 г. // Архив КГОМА. 1993. Е I-16.
9. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. – 352 с.
10. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сільське господарство на сло`вяно-хазарському порубіжжі. Київ, 2013. 236 с.
11. Краснов Ю.А. Рало из Токаревского торфяника // КСИА АН СССР. 1981. № 164. С. 58–65.
12. Краснов Ю.А. Древние и средневековые рала Восточной Европы // СА. 1982. № 3. С. 63–80.
13. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74. 236 с.
14. Мамонов В.С. Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре // СЭ. 1952. № 4. С. 67–90.
15. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: «Российская политическая энциклопедия» [РОССПЭН]. 2001. 384 с.
16. Узянов А.А. Отчет о раскопках Переверзевского II городища в 1980–1981 гг. // Архив ИА РАН. 1982. Р-1. № 10628а.

УДК 903.4 (2)

С.И. Владимиров

Наконечники копий населения лесостепной зоны Дона-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению наконечников копий населения салтово-маяцкой археологической культуры на территории лесостепи. Особое внимание в работе уделяется вопросам типологии и хронологии, а также поиску истоков форм наконечников копий. Источниковой базой служит материал погребений салтово-маяцкой культуры, расположенных в лесостепи и совершённых по различному обряду погребения.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, наконечники копий, хронология, комплекс вооружения, типология, лесостепь.

Abstract. The article is devoted to consideration of the spearheads of the population Saltovo-Mayatsky archaeological culture on the territory of forest-steppe. Special attention is paid to the issues of typology, chronology and to the search of the origin of the forms of spearheads. The work is based on the study of the material from the burials of Saltovo-Mayatsky culture, which were committed on different burial practices.

Key words: saltovo-mayaki archaeological culture, spearheads, chronology, weapons, typology, forest-steppe.

В состав вооружения населения Доно-Донецкого региона в VIII – нач. X вв. входило древковое оружие, представленное копьями.

В целом следует отметить, что не многие исследователи в своих работах обращались к изучению наконечников копий салтово-маяцкой культуры. На наш взгляд можно отметить три работы, в которых более-менее подробно были освещены вопросы хронологии, типологии и бытования копий в среде салтовского населения лесостепи (Крыганов, 1989, с. 101-103; Комар, Сухобоков, 2000; Аксёнов, Михеев, 2006, с. 110-112). При этом в двух из них использовался материал, ограниченный одним памятником или серией погребений, совершённых по одному обряду (Аксёнов, Михеев, 2006, с. 110-112; Крыганов, 1989, с. 101-103). А статья А.В. Комара и О.В. Сухобокова по заверению самих авторов была подготовлена в «облегчённом» варианте, доступном не только специалистам-археологам, но и широкому кругу заинтересованных лиц, то есть статья имеет научно-популярный характер (Комар, Сухобоков, 2000). Это усиливает необходимость обращения к изучению копий, как составной части боевого набора, характерного для населения Доно-Донецкого региона в VIII – нач. X вв.

В нашем распоряжении находится сорок три наконечника копий, происходящих из погребений могильников салтово-маяцкой культуры, расположенных в лесостепи и совершённых по различному обряду: ингумации в ямах и трупосожжения. Исследователи, касавшиеся в своих работах типологии наконечников копий салтово-маяцкой культуры в качестве типобразующих признаков выбирали форму лезвия копья и его сечения (Плетнёва, 1967, с. 160; Крыганов, 1989, с. 101; Комар, Сухобоков, 2000; Аксёнов, Михеев, 2006, с. 110).

Необходимо также учитывать опыт исследователей, обращавшихся к типологии наконечников копий, близких рассматриваемым в данной работе в хронологическом, территориальном и культурно-историческом планах. Так Г.А. Фёдоров-Давыдов, рассматривая наконечники копий кочевников Восточной Европы X-XIV вв., в качестве первичного признака для составления их типологии использовал форму пера (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 24). А.Н. Кирпичников изучая древнерусские наконечники копий IX-XIII вв. помимо формы лезвия учитывал ширину, способ крепления, а также соотношение лезвия и втулки (Кирпичников, 1966, с. 6). А.В. Циркин на мордовском материале, относящемся к I тыс. н.э., при типологии наконечников копий учитывал форму пера, сечение пера, особенности втулки и функциональную разновидность наконечников (Циркин, 1984, с. 124). Ю. с. Худяков при анализе наконечников копий древних тюрков обращался к сечению и форме пера (Худяков, 1986, с. 156-157). И.Л. Измайлов рассматривая оружие ближнего боя волжских болгар VIII-X вв. наконечники копий использовал при их типологии такие признаки как сечение и форму пера, а обращаясь к аналогичному материалу X-XIII вв. учитывал уже характер насада, особенности сечения и строения пера (Измайлов, 1989, с. 112; Измайлов, 1993, с. 77). В. Йотов анализируя наконечники копий болгар VII-XI вв. обращал внимание на сечение пера, форму острия и «низа», форму втулки (Йотов, 2004, с. табл. 11). У.Ю. Кочкаров в основу выделения типов наконечников копий территории Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. положил соотношение длины наконечника к длине его пера (Кочкаров, 2008, с. 46).

Таким образом, мы можем отметить, что большинство исследователей для составления типологии наконечников копий, прежде всего, использовали форму и сечение лезвия, при необходимости учитывая и другие признаки.

В своей работе мы предлагаем в качестве первичного признака использовать сечение лезвия, учитывая при этом форму лезвия и особенности строения наконечника в целом. С нашей точки зрения, именно изменение формы сечения пера стало следствием подвижек, произошедших в военном деле населения Донецко-Донского междуречья в рассматриваемый период.

Забегая вперёд, следует отметить, что все рассмотренные в данной работе наконечники копий втульчатые (за исключением наконечника с из погребения №482 Нетайловского могильника, атрибуция которого затруднительна из-за отсутствующего насада), поэтому такой признак как характер насада нами не был учтён. Таким образом, среди рассматриваемых наконечников были выделены отделы по сечению лезвия, типы по форме лезвия и подтипы по особенностям строения наконечника.

Отдел I: с ромбическим сечением лезвия.

Тип 1: с удлинённо-конической формой лезвия или пиковидные наконечники.

Подтип А: с уступами-плечиками на месте перехода втулки в лезвие

К данному подтипу относится пятнадцать экземпляров (рис. 1. 1-15). Подобные наконечники были достаточно широко распространены в Восточной Европе. Они представлены в материале с территории Самарской Луки VII-VIII вв., а также в материале волжских болгар, в особенности для X-XIII вв. (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998, рис. 1-3, с. 164; Измайлов, 1989, рис. 3; Измайлов, 1993, рис. 2, 2-4; 3, 4-7). Аналогии можно найти среди древнерусских наконечников (Кирпичников, 1966, табл. IX, 9-11, 13). Также данный подтип встречается в финно-угорских материалах (Алихова, 1969, табл. 20, 11; Генинг, 1962, табл. XII, 5; Циркин, 1972, рис. 2, 9а; Циркин, 1984, рис. 2, 6). Аналогии содержатся в Елыкаевском кладе (Могильников, 1968, рис. 1, 14). В ранней группе погребений могильника Казазово (Тарабанов, 1983, рис. 1, 4). В могильниках VIII-X вв. Северо-Западного Предкавказья (Кочкаров, 2008, табл. XXVIII, 58-65, 67, 68).

Внутри данного подтипа три наконечника выделяются от остальных оформлением лезвия, однако в не меньшей степени они отличаются и друг от друга (Рис. 1, 9, 10, 11). Этот факт не позволяет отнести их к отдельному подтипу. Наконечник из погребения №101 Красной Горки аналогичен наконечнику из погребения №15 могильника Дюрсо и погребения №52 могильника Мыдлань-Шай (Дмитриев, 1979, рис. 2, 1; Генинг, 1962, табл. XII, 7). Наконечник из комплекса XVI Сухой Гомольши также имеет практически полные аналогии из погребений №26 и №31 могильника Дюрсо (Кочкаров, 2008, табл. XXV, 34; XXIX, 74). То же относится к наконечнику из погребения №1 могильника Лысый Горб, однако у него отсутствуют желобки вдоль лезвия.

Подтип Б: без плечиков, с плавным переходом от втулки к лезвию

Данный подтип представлен семью наконечниками (рис. 2. 1-7). Аналогии находятся в материалах волжских болгар X-XIII вв. (Измайлов, 1993, рис. 2, 5). Отдельные экземпляры находятся в древнерусском материале (Кирпичников, 1966, табл. IV, 11, 13; VII, 3; XXI, 7). Аналогичные наконечники известны в материалах мордвы (Алихова, 1969, табл. 9, 10; Циркин, 1984, рис. 2, 3, 5). Также данный подтип обнаружен в средневековом материале территории Верховьев Камы (Голдина, Кананин, 1989, рис. 57, 4). Встречены подобные наконечники в погребениях Верхнего Чирюрта (Магомедов, 1983, рис. 22, 10). К более позднему времени относится находка наконечника в кургане 4 курганной группы Гилево VII (Могильников, 2001, рис. 46, 10).

Подтип В: с резким переходом от втулки к лезвию

К данному подтипу относится три наконечника (рис. 2. 8-10). Аналогии известны в древнерусском материале (Кирпичников, 1966, табл. IV, 3; VII, 12). Похожие экземпляры находятся в материале мордвы и появляются в VIII в. (Алихова, 1969, табл. 24, 5; 25, 3; Циркин, 1984, рис. 2, 1, 2; с. 130). С территории Абхазии происходит несколько отдалённых аналогий (Воронов, Шенкао, 1982, рис. 2, 20, 27). Точная аналогия происходит из погребения №106 могильника Казазово, а также Дюрсо и Молдавановка (Тарабанов, 1983, рис. 1, 3; Кочкаров, 2008, табл. XXVI, 43, 45, 48, 49). Подобный наконечник найден в кургане 1 могильника Ближние Елбаны VIII (Худяков, 1981, рис. 2, 3).

Тип 2: с ромбовидной формой лезвия

Тип представлен двумя экземплярами (рис. 2. 11, 12). Аналогии находятся в древнерусском материале (Кирпичников, 1966, табл. VII, 5-7; VIII, 1-4). Сходный наконечник встречен в материале древней мордвы и погребениях Аверинского могильника (Смирнов, 1952, табл. XXXV, 3; Голдина, Кананин, 1989, рис. 57, 2). Точная аналогия наконечнику из погребения №233 могильника Сухая Гомольша происходит из Быстрого Истока и датируется IX-X вв. (Худяков, 1981, рис. 2, 2; с. 119).

Тип 3: с пламевидной формой лезвия

Тип представлен двумя наконечниками (рис. 2. 13, 14). Аналогия известна с территории Абхазии (Воронов, Шенкао, 1982, рис. 2, 33). Один похожий наконечник был обнаружен в погребении Крюковско-Кужновского могильника VIII-XI вв. (Смирнов, 1952, табл. XXXVIII, 11).

Три наконечника, отнесённые к данному первому отделу, дошли до нас в состоянии, не позволяющем достоверно определить их тип и подтип (рис. 2. 15-17).

Отдел II: с двухлопастным в сечении лезвием.

Тип 1: с листовидным лезвием

Представлен пятью экземплярами (рис. 3. 1-5). Аналогия известна из подъёмного материала могильника Молдавановка (Кочкаров, 2008, табл. XXIII, 16).

Тип 2: с лезвием пламевидной формы

Тип представлен двумя наконечниками (рис. 3. 6, 7). Одна отдалённая аналогия с более чёткими изгибами лезвия находится в мордовском материале и относится к IX в. (Алихова, 1969, табл. 21, 9; Циркин, 1984, с. 130). Также аналогии с более короткой двухлопастной частью известны в материалах IV-VII вв. с территории Абхазии (Воронов, Шенкао, 1982, рис. 2, 8, 34). Практически полная аналогия происходит из погребения №2 Молдавановки (Кочкаров, 2008, табл. XXIII, 15).

Наконечники второго отдела могут быть разделены по признаку наличия отверстий в лопастях. Однако существование подобных наконечников с отверстиями у основания лезвия установлено, например, для предскифской эпохи (Мелюкова, 1964, с. 12). Наличие отверстий носило, вероятно, какое-то функциональное значение, которое могло возникнуть в любое время, в любой историко-культурной среде. Поэтому использование данного признака для типологических построений считаем неуместным.

Отдел III: с линзовидным в сечении лезвием.

Тип 1: с ланцетовидной формой лезвия

В исследуемой выборке представлен двумя наконечниками (рис. 3. 8, 9). Наконечники близкой формы известны в материалах древних тюрок и Нижнего Дона (Худяков, 1986, рис. 67, 6; Плетнёва, 1967, рис. 43, 6). Два наконечника IX-X вв. происходят с территории северо-западных предгорий Алтая (Могильников, 2001, рис. 18, 6; 213, 1). Аналогия известна в древностях мордвы (Алихова, 1969, табл. 25, 7).

Тип 2: с остролистной формой лезвия

Данный тип представлен единственным экземпляром (рис. 3. 10). Отличительной чертой экземпляра является неполная сомкнутость втулки в её верхней части, тогда как у большинства остальных наконечников несомкнутой была нижняя часть втулки. Аналогии мы находим в материалах Правобережного Цимлянского городища (Плетнёва, 1967, рис. 43, 5). Два схожих экземпляра обнаружены в древностях волжских болгар. Один такой наконечник И.Л. Измайлов отнёс к VIII-X вв., а второй – к X-XIII вв. (Измайлов, 1989, с. 112; рис. 3, с. 121; Измайлов, 1993, рис. 4, 6, с. 87).

Отдел IV: с овальным в сечении лезвием

Отдел представлен единственным экземпляром (рис. 3. 11). Ранняя аналогия происходит из Колосковского клада VI-VII вв. (Ляпушкин, 1961, рис. 87). К VII-VIII вв. относятся подобные наконечники Елыкаевского клада (Могильников, 1968, рис. 1, 12, 13). Ближайшую аналогию наконечнику данного отдела мы находим в степных древностях салтово-маяцкой культуры, происходящих из Правобережного Цимлянского городища (Плетнёва, 1967, рис. 43, 4). Известны аналогии в степях Алтая (Худяков, 1981, рис. 2, 1, 4). Также отдельная находка относится к древнетюркскому материалу (Худяков, 1986, рис. 67, 5). Есть аналогии и в трупосожжениях Северо-Западного Предкавказья (Кочкаров, 2008, табл. XXIII, 20).

Рассмотренные наконечники копий различались друг от друга оформлением края втулки: с валиком и без, а также по расположению отверстия для крепления наконечника к древку: отверстие у края втулки и отверстие на небольшом выступе втулки, при этом форма выступов была различной. Указанные различия не были использованы нами при типологии наконечников в силу того, что более чем у трети рассмотренных наконечников повреждён край втулки. Однако следует отметить, что втулка практически половины наконечников (21 экземпляр) из рассматриваемой выборки была снабжена валиком.

Положение наконечников копий целесообразно определять только для ямных погребений. При кремации на стороне, характерной для практиковавшей обряд трупосожжения части населения салтово-маяцкой культуры, древко копий (если было) сгорало в погребальном костре, а наконечники с остальными предметами собирались и погребались вместе с золой. Из учтённых в данной работе ямных погребений положение наконечников удалось зафиксировать в четырёх из них, относящихся к Нетайловскому могильнику. Погребения №342 и №377 не содержали останков человека, однако по общему расположению предметов, в первом случае наконечник располагался справа от погребённого в углу могилы остриём вверх, во втором случае наконечник находился слева от погребённого также в углу могилы, но остриём вниз (Аксёнов, Хоружая, 2005, рис. 1, 8, 11). В погребении №522 наконечник лежал остриём вниз слева от погребённого по середине длины могилы, в погребении №525 наконечник занимал аналогичное предыдущему положение, только остриём вверх, в таком же положении находился наконечник из погребения №491 (Аксёнов, 2014, рис. 5; 2, 1; Аксёнов, 2010, рис. 1, 1). И если для погребений №342 и №377 можно предположить помещение в могилу целого копия вместе с древком, то в случае с погребениями №491, №522 и №525 наконечники либо отдельно были помещены в могилу, либо со сломанным древком. Сходные наблюдения можно сделать и на материалах захоронений кочевников Северного Прикаспия, древней мордвы, волжских болгар (Круглов, 2001, рис. 8, 15; 14, 1; Алихова, 1969, табл. 49, 1; Измайлов, 1989, с. 112).

В погребениях наконечники копий находились вместе с различными вещами, в том числе с оружием, в отличие от более позднего времени. Например, у $\frac{3}{4}$ мужчин, погребённых в XI-XII вв. с копиями, последнее являлось единственным оружием (Кирпичников, 1966, с. 19). О возможной причине этого отличия будет сказано ниже.

Из сорока трёх учтённых нами наконечников копий не все могли быть использованы для построения таблицы с целью выделения боевых наборов, в состав которых входили копия. Так три наконечника представляют собой подъёмный материал с территории Сухогомольшанского и Кочеток-

ского могильников (рис. 2, 7, 13, 17), также есть сомнения в принадлежности двух наконечников одному комплексу (рис. 3, 6, 8), и ещё о двух наконечниках из погребений Ржевского могильника у нас нет информации (рис. 2, 5; 3, 10). Таким образом, при построении таблицы было учтено тридцать шесть наконечников: двадцать шесть из погребений и поминальных комплексов, населения, практиковавшего трупосожжение; десять из ямных погребений.

Из таблицы видно, что в погребениях и комплексах, оставленных населением салтово-маяцкой культуры рассматриваемого региона, наконечники копий находились с другим оружием: сабля, палаш, топор, наконечник копья, кистень, дистанционное оружие (наконечники стрел, детали колчана, накладки на лук). Однако в некоторых погребениях и комплексах наконечники копий были единственным оружием, прежде всего, это относится к ямным погребениям. Не считая ножей, чаще всего наконечники копий были встречены с топорами. Однако топоры с наконечниками копий были встречены только в кремационных погребениях и поминальных комплексах, тогда как в ямных погребениях наконечники копий вместе с топорами не были встречены ни разу. Менее часто с наконечниками копий было встречено клинковое и дистанционное оружие, в одном случае наконечник находился в комплексе с кистенем.

Следует обратить внимание на распространённость в погребениях и комплексах с наконечниками копий деталей конской упряжи. Стремена, удила, начельники, детали сбруи (подпружные пряжки, фалары) были встречены в двадцати двух погребениях и комплексах из тридцати одного, использованного при построении таблицы 1. Ещё в трёх из оставшихся находились сабли, являющиеся оружием, прежде всего конного воина. Таким образом, тридцать из тридцати шести наконечников, то есть 83% принадлежали всадникам. Однако такой высокий процент всё же не исключает возможность применения копья пешим воином.

С этой точки зрения интересны граффити салтово-маяцкой культуры. На меловом блоке Маяцкой крепости изображена сцена боя всадника, вооружённого копьём и клинковым оружием, и пешего воина (Флёрова, 1997, табл. II, 27). На костяном реликварии из городища Маяки изображён бой двух всадников, один из которых вооружён копьём (Флёрова, 1997, табл. X, 6). Также есть изображение, на котором копьём орудует пеший воин (Флёрова, 1997, табл. II, 34).

Важным для нас является вопрос об истоках форм наконечников копий населения Доно-Донецкой лесостепи во 2-й половине VIII – начале X вв. Дело в том, что в погребениях предсалтовского периода, связываемых с населением Хазарского каганата, крайне редки находки наконечников копий. Насколько нам известно, исключением является копье, происходящее из комплекса вещей у Глудос (Плетнёва, 2003, с. 40). Редки находки копий и для древностей «праболгар» Средней Волги, не выходящих за рамки VIII в. (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998). Для населения, оставившего подкурганские «погребения с ровиками» наконечники копий не были характерны и были найдены лишь в одном погребении (Иванов, 2002, с. 38; Копылов, 1983, с. 121). Также исследователи неоднократно подчёркивали редкость находок наконечников копий в тюркских погребениях IX-X вв. (Худяков, 1981, с. 119; Худяков, 1986, с. 156). Всё это говорит о крайне низкой востребованности копья как оружия не только в лесостепной, но и в степной зоне Восточной Европы в предсалтовский период. Однако с середины-второй половины VIII в. в погребениях на территории лесостепи частой находкой становятся наконечники копий, в особенности с ромбовидным сечением лезвия.

Распространение копий на рассматриваемой территории связано с появлением в лесостепном Подонье и Подонцовье новых групп населения. Частые находки копий можно было бы связать с военными функциями рассматриваемого населения, однако этому предположению противоречит тот факт, что в катакомбах достоверно известен лишь один случай находки копья (Бабенко, 1914, с. 441, 443, 454). При этом в военных функциях населения, оставившего катакомбные могильники в лесостепи, сомневаться не приходится: об этом говорит его пограничное расположение и частые находки оружия в погребениях. Причины распространения копий именно в среде населения, оставившего кремации и ингумации в ямах следует искать в происхождении этого населения, его историко-культурном окружении до переселения в Доно-Донецкую лесостепь.

Для прояснения этого вопроса могут быть использованы аналогии. Вообще, что касается наконечников с ромбовидным сечением (Отдел I), то такого рода наконечники были распространены на огромных пространствах, в различных культурных средах. Соответственно причина такой «популярности» имела не локальный, а общий характер и была связана с распространением воинских доспехов, для пробивания которых лучше всего подходили наконечники с ромбовидным сечением. В особенности это относится к наконечникам первого и третьего типов, которые можно назвать пиками. Наконечники второго типа, видимо, имели две функции: в силу широкого лезвия они были эффективны при нанесении режущих ран, а ромбовидное сечение делало их эффективными при борьбе с воинами, защищёнными доспехами. Однако нельзя не учитывать возможность того, что бытование этих наконечников могло быть обусловлено попытками приспособить старые формы к изменившимся

ся реалиям в военном деле. Тем не менее, наконечники первого отдела не подходят для определения истоков форм, ввиду своего широкого распространения.

Исключение составляют два наконечника первого типа с лезвием, украшенным желобками и имеющие аналогии в материалах могильников Дюрсо и Молдавановка, расположенных на территории Северо-Западного Предкавказья, а также в могильнике Мыдлань-Шай. Третий тип первого отдела может оказаться условным, так как одной из вероятных причин пламевидной формы лезвия могла быть его неоднократная заточка.

Наконечники второго отдела имеют многочисленные аналогии, происходящие с территории Абхазии и относящиеся к IV-VII вв. Также представительная серия аналогий данным наконечникам известна из кремаций Северо-Западного Предкавказья VIII-X вв. Одиночные аналогии, однако без отверстий в лопастях, имеются в материалах древней мордвы и датируются IX в. Несмотря на находки данных наконечников в материалах раннего средневековья, принято считать их архаичными, так как они существовали в скифское и сарматское время (Мелюкова, 1964, табл. 12, 4-14; Хазанов, 1971, табл. XXIV, 1, 2).

Наконечники с отверстиями данного отдела были найдены в комплексе с наконечниками первого отдела. Наличие двух копий в одном погребении говорило о различии в их назначении: второе копьё для охоты или для поражения противника с иным доспехом. Воин мог переменить копьё в битве или в случае поломки воспользоваться вторым наконечником (Кирпичников, 1966, с. 19). Отверстия в лопастях могли быть предназначены для подвешивания лент или флажков (Крыганов, 1989, с. 103).

Наконечники третьего отдела тяготеют в большей мере к степным, кочевническим древностям, в том числе салтово-маяцкой культуры. Следует отметить находки аналогий наконечника второго типа в материале волжских болгар, что отражает контакты между населением салтово-маяцкой культуры и волжскими болгарами.

Наконечники четвёртого отдела также тяготеют к степи, хотя имеют в лесостепи более ранние аналогии.

Что касается хронологии рассмотренных наконечников, то при её определении мы сталкиваемся с двумя трудностями: во-первых, представленная выборка невелика, что не позволяет проследить эволюцию типов; во-вторых, большинство находок копий датируется широко VIII-IX вв., что при отсутствии хронологии древностей салтово-маяцкой культуры делает сужение дат проблематичным. Тем не менее, отдельные погребения и комплексы с наконечниками копий были датированы более чётко, что при учёте аналогий даёт возможность провести некоторые наблюдения. Пиковидные наконечники были распространены в среде рассматриваемого населения в период 2-й половины VIII – начала X вв. Оба наконечника первого отдела второго типа встречены в комплексах 2-й половины VIII вв., но не исключается их существование в IX в., так как их восточные аналогии датируются IX-X (Аксёнов, Михеев, 2006, с. 163-167; Худяков, 1981, с. 119). Также для раннего этапа салтово-маяцкой культуры следует считать наконечники второго отдела. Что касается наконечников первого типа третьего отдела, то их можно отнести к концу VIII – первой половине IX вв. Второй тип данного отдела по аналогиям и датировки Ржевского могильника больше тяготеет к IX в. (Сарапулкин, 2006, с. 202). Наконечник четвёртого отдела также по аналогиям можно датировать IX в., однако он был найден в комплексе с наконечником второго отдела.

В результате изучения наконечников копий населения Доно-Донецкого региона 2-й половины VIII – начала X вв. были сделаны следующие выводы.

В первую очередь следует отметить, что копьё как вид наступательного оружия был распространён, прежде всего, в среде населения, практиковавшего трупосожжения, а также среди части населения, оставившего ямные могильники. У населения, оставившего катакомбные могильники и связываемого с аланами, копьё не получили распространения и фактически отсутствовали в наборе вооружения.

С большой долей уверенности можно также сказать, что копьё в среде рассматриваемого населения входило в набор вооружения всадника. Находки наконечников копий в комплексе с другими предметами оружия, говорят скорее об отсутствии в воинской среде какой-либо специализации, связанной с использованием копья. Кавалерия пользовалась копьём при первой атаке, после которой оно могло сломаться или быть утеряно и тогда всадники пользовались другим оружием – саблём, топориком, кистень, лук со стрелами. При этом нельзя не отметить, что в ямных погребениях часто копьё было единственным оружием, однако для более конкретных выводов необходимо пополнение выборки наконечников копий из ямных погребений.

Наибольшее распространение получили копьё с ромбическим сечением лезвия, предназначенные для пробивания доспехов. При этом сосуществовали с ними наконечники с плоским и уплощённым лезвием, эффективные для борьбы с незащищённым доспехом противником.

Истоки форм наконечников копий, бытовавших в среде населения Доно-Донецкой лесостепи во 2-й половине VIII-начале X вв. прежде всего, следует искать в материалах Северо-Западного Предкавказья предшествовавшего и синхронного времени существования салтово-маяцкой культуры.

Одни формы наконечников связаны с кочевым миром степей Восточной Европы, другие, возможно, имеют местные корни. Вопрос о роли древней мордвы и в целом финно-угорского населения в процессе сложения и эволюции форм наконечников копий салтово-маяцкой культуры лесостепи пока не может быть решён: не ясно предшествовали финно-угорские наконечники салтово-маяцким или наоборот были заимствованы.

Отдел I. Тип 1. подтип А.

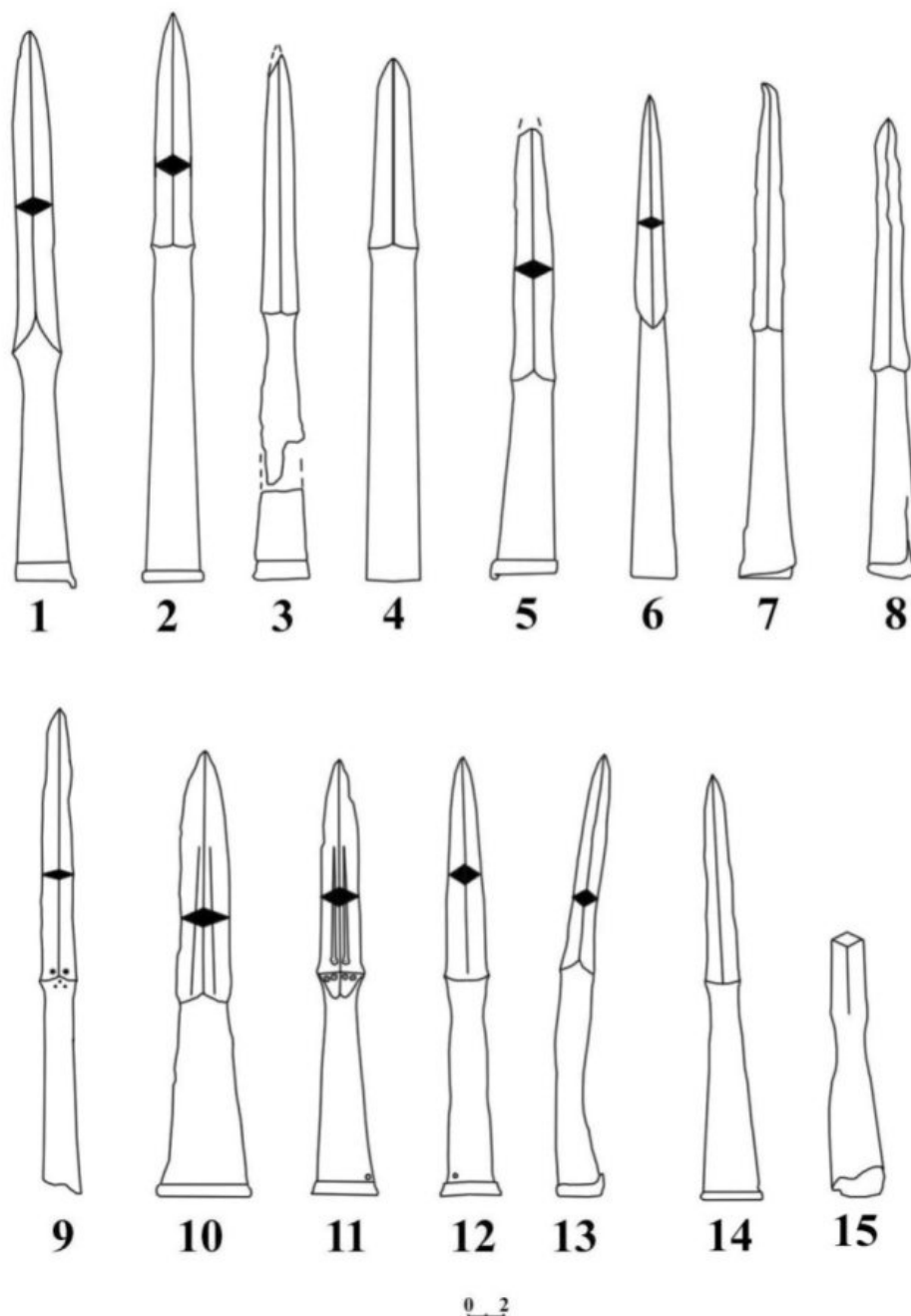

Рис. 1. Наконечники копий. Отдел I. Тип 1. Подтип А.

1 – Сухая Гомольша, погребение №252; 2 – 1 км. от с. Сухая Гомольша, комплекс №1;
 3 – Лысый Горб, погребение №2; 4 – Нетайловка, погребение №342; 5 – Нетайловка, погребение №522;
 6 – комплекс у с. Кочеток; 7 – Сухая Гомольша, комплекс XV; 8 – Новая Покровка, комплекс №2;
 9 – Лысый Горб, погребение №1; 10 – Красная Горка, погребение №101; 11 – Сухая Гомольша, комплекс XVI;
 12 – Сухая Гомольша, погребение №175; 13 – Сухая Гомольша, комплекс XVII;
 14 – Сухая Гомольша, комплекс V; 15 – Сухая Гомольша, комплекс III

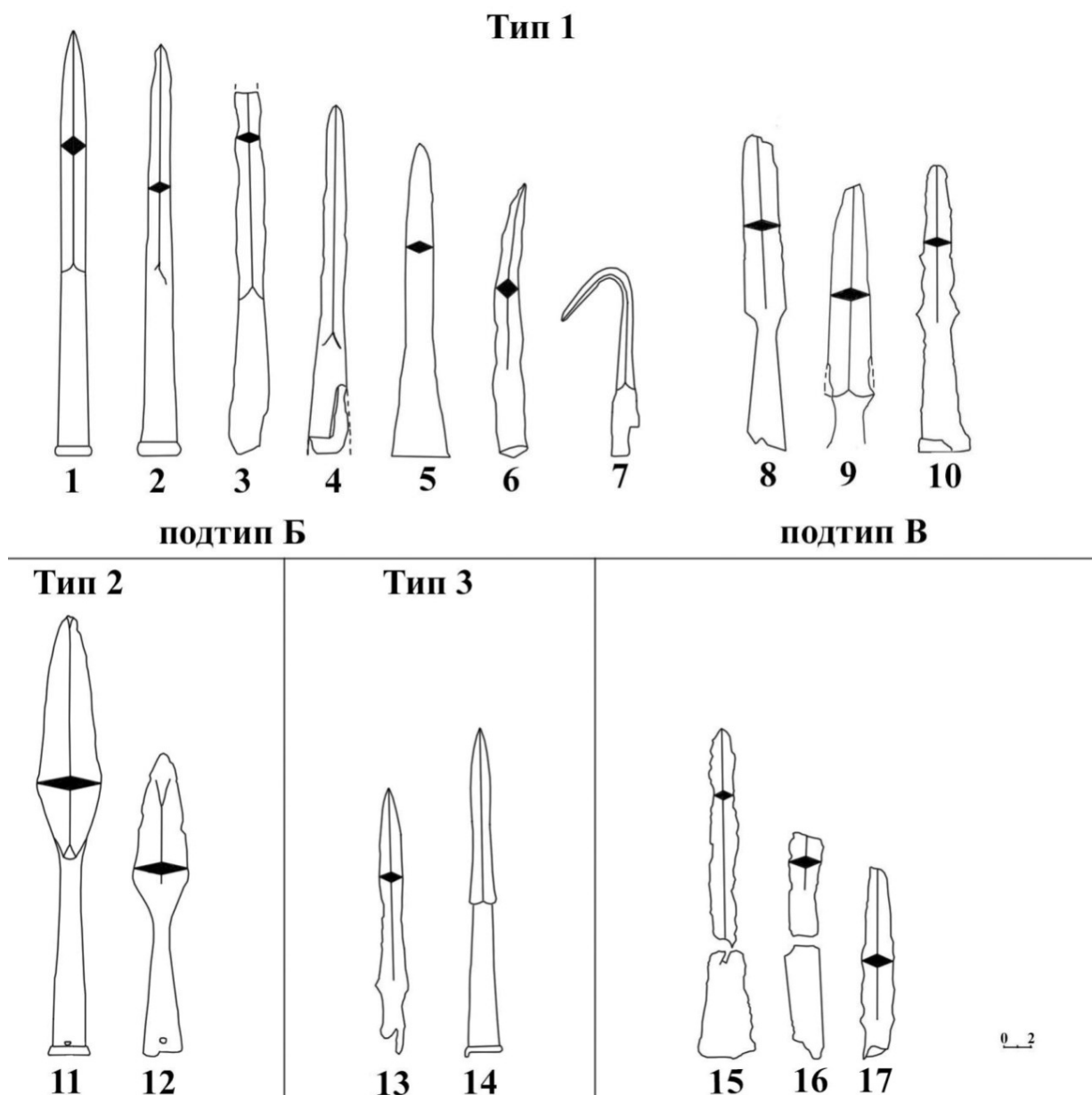

Рис. 2. Наконечники копий. Отдел I. Тип 1. Подтип Б, В; Тип 2-3.

1 – Нетайловка, погребение №525; 2 – Нетайловка, погребение №431; 3 – Нетайловка, погребение 491; 4 – Нетайловка, погребение №371; 5 – Ржевка, погребение №25; 6 – погребение у с. Пятницкое; 7 – Сухая Гомольша, подъёмный материал; 8 – Сухая Гомольша, погребение №267 9 – Нетайловка, погребение №413; 10 – Кочетокский могильник, яма №6; 11 – Сухая Гомольша, погребение №233; 12 – Сухая Гомольша, погребение №60; 13 – Кочетокский могильник, подъёмный материал; 14 – комплекс у с. Тополи; 15 – Ржевка, погребение №12; 16 – Кочетокский могильник, погребение №3; 17 – Кочетокский могильник, подъёмный материал

Отдел II

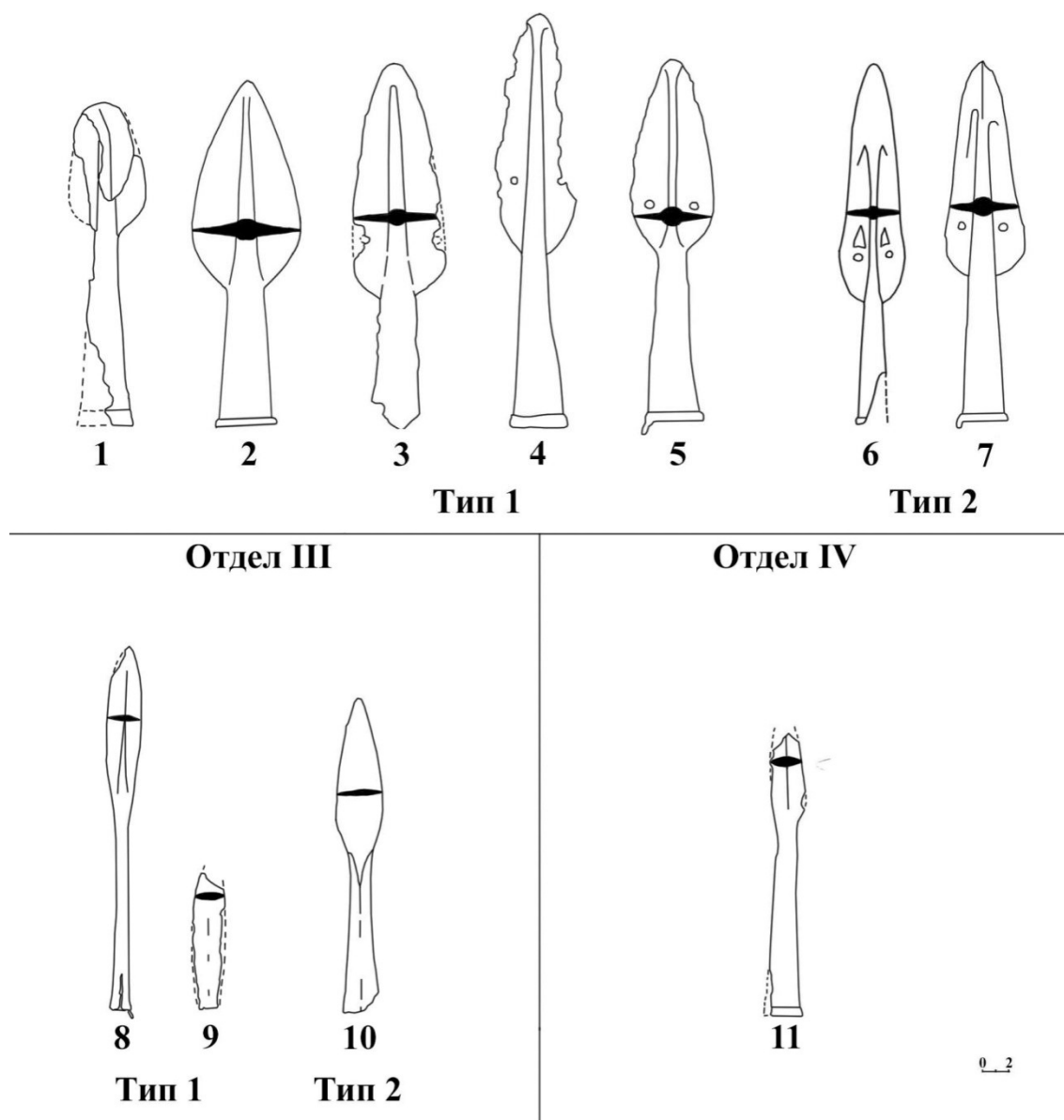

Рис. 3. Наконечники копий. Отдел II-IV.

1 – Лысый Горб, погребение №1; 2 – Нетайловка, погребение №377; 3 – 1 км. от с. Сухая Гомольша, комплекс №3; 4 – Сухая Гомольша, погребение №175; 5 – Сухая Гомольша, погребение №252; 6 – комплекс у с. Сухая Гомольша; 7 – Сухая Гомольша, комплекс XVI; 8 – комплекс у с. Сухая Гомольша; 9 – Нетайловка, погребение №482; 10 – Ржевка, погребение №1; 11 – 1 км от с. Сухая Гомольша, комплекс №3

Таблица 1 – Взаимовстречаемость наконечников копий с оружием и деталями конской упряжи

№	Погребение	сабля	топор	копье	кисть	накладки на лук	детали колчана	наконечники стрел	нож	детали сбруи	стремена	удила	на чельник
1	Сухая Гомольша №60								+				
2	Сухая Гомольша №175	+	+	+					+	+	+	+	+
3	Сухая Гомольша №175	+	+	+					+	+	+	+	+
4	Сухая Гомольша №233		+										
5	Сухая Гомольша №252	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
6	Сухая Гомольша №252	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
7	Сухая Гомольша №267								+				
8	Сухая Гомольша III		+						+	+	+	+	
9	Сухая Гомольша V		+						+	+			
10	Сухая Гомольша XV	+								+	+	+	
11	Сухая Гомольша XVI		+	+					+		+		
12	Сухая Гомольша XVI		+	+					+		+		
13	Сухая Гомольша XVII		+						+	+	+	+	
14	Красная Горка 101						+	+	+	+			+
15	Комплекс у с. Тополи	+	+					+	+				
16	Новая Покровка, комплекс 2	+						+	+	+	+	+	
17	Погребение у с. Пятницкое	+									+	+	
18	1 км. от с. Сухая Гомольша, комплекс 1	+							+		+	+	
19	1 км. от с. Сухая Гомольша, комплекс 3	+	+	+					+	+	+	+	
20	1 км. от с. Сухая Гомольша, комплекс 3	+	+	+					+	+	+	+	
21	Кочетокский могильник, яма 6	+	+				+	+	+		+	+	
22	Кочетокский могильник, погребение 3		+										
23	Комплекс у с. Кочеток		+				+	+		+		+	
24	Лысый Горб 1	+		+					+	+	+	+	+
25	Лысый Горб 1	+		+					+	+	+	+	+
26	Лысый Горб 2		+						+	+	+	+	
27	Нетайловка 342	+							+				
28	Нетайловка 371						+						
29	Нетайловка 377												
30	Нетайловка 413								+	+	+	+	
31	Нетайловка 431								+			+	
32	Нетайловка 482	+							+	+	+	+	+
33	Нетайловка 491								+	+	+	+	
34	Нетайловка 522								+	+	+	+	
35	Нетайловка 525				+	+		+	+	+	+	+	
36	Ржевка 12	+											

Список сокращений

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала академии наук СССР.

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова академии наук Татарстана.

КСИА – краткие сообщения Института археологии.

МИА – материалы и исследования по археологии СССР.

СА – советская археология.

САИ – свод археологических источников.

Список литературы

1. Аксёнов В.С., Хоружая М.В., Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002-2004 гг.) // Хазарский альманах. Т. 4. Киев; Харьков: Международный Соломонов университет, 2005. С. 199-215.

2. Аксёнов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII-X вв. // Хазарский альманах. Т. 5. / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев; Харьков: Международный Соломонов университет, 2006. 306 с.
3. Аксёнов В.С. Новые раннесалтовские погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии // Древности. 2010. Вып. 9. С. 166-177.
4. Аксёнов В.С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 12. Киев; Харьков: Международный Соломонов университет, 2014. С. 4-33.
5. Алихова А.Е. Материальная культура средне-цининской мордвы VIII-XI вв. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1969. 176 с.
6. Бабенко В.А. Дневник раскопок 1911 года // Труды XV археологического съезда в Новгородѣ 1911 г. Т. 1. М., 1914. С. 446-473.
7. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Полдень. XXII век, 1998. 286 с.
8. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М: Наука, 1982. С. 121-165.
9. Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII-IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск: Удмуртский республиканский краеведческий музей, 1962. С. 7-111.
10. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 216 с.
11. Дмитриев А. В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. №158. С. 52-57.
12. Иванов А.А. О комплексе вооружения кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков: Каравелла, 2002. С. 35-40.
13. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар VIII-X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. С. 107-121.
14. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар X-XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. С. 77-106.
15. Йотов В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII-XI век). Варна: Абагар, 2004. 356 с.
16. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X-XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1966. 146 с.
17. Комар А. В., Сухобок О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. №2. [Электронный ресурс] URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm
18. (дата обращения: 01. 10. 2015).
19. Копылов В.П. Работы в Ростовской области // Археологические открытия М.: Наука, 1983. С. 120-121.
20. Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: ТАУС, 2008. 176 с.
21. Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк; Изд-во ДонНУ, 2001. С. 395-446.
22. Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Днепропетровский государственный ун-т, 1989. С. 98-114.
23. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. №104. / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л., 1961. 385 с.
24. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам письменных источников). М: Наука, 1983. 225 с.
25. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1997. 226 с.
26. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М: Наука, 1964. 118 с.
27. Могильников Е.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. 1968. №1. С. 263-268.
28. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. М: Наука, 2002. 362 с.

29. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. №142. М.; Л., 1967. 200 с.
30. Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII вв). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 248 с.
31. Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 195-204.
32. Смирнов А.П. Материалы по истории мордвы VIII-XI вв. Крюковско-Кужновский могильник. Моршанск: Изд-во Моршанского краеведческого музея, 1952. 232 с.
33. Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. С. 148-155.
34. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 276 с.
35. Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М: Эдиториал УРСС, 1997. 176 с.
36. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М: Наука, 1971. 172 с.
37. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX-X вв. // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 115-132.
38. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.
39. Циркин А.В. Древковое оружие мордвы и его хронология // СА. 1984. №1. С. 123-133.

УДК 902

Д.Н. Горбунов

Топография Ратского археологического комплекса

Аннотация. Статья посвящена публикации новых результатов изучения топографии Ратского археологического комплекса. Проведенные исследования позволяют считать, что разрыв между селищем 1 и 2 отсутствует. На этой части комплекса существовал единый памятник в виде селища X–XIV вв., имевшего размеры 710 x 210–300 м. Также в работе публикуются новые памятники, обнаруженные на территории Ратского комплекса.

Ключевые слова: топография, подъемный материал, селище, вал, погребальный комплекс, древнерусское время, золотоордынское время, керамика, шурф, культурный слой.

Abstract. The article is devoted to the publication of new study results of topography of Ratskiy archaeological complex. The undertaken studies allow to suggest that the gap between ancient settlement 1 and 2 is missing. On this part of the complex there was a single monument in the form of ancient settlement of X-XIV centuries., with the size of 710 x 210-300 m. The new monuments found on the territory of Ratskiy complex are also published in this paper.

Key words: topography, pulled up material, ancient settlement, shaft, funeral complex, ancient Russian time, Golden Horde time, ceramic, pit, cultural layer.

Бесединский археологический комплекс, который также известен в литературе как Ратский, Ратмановский, у д. Городище, располагается на правом берегу р. Рать, между деревнями Городище и Шеховцово Курского р-на Курской области. Он состоит из городища, пяти селищ (селище 1 и 2 у д. Городище, селища 1–3 у д. Шеховцово), а также курганов у д. Городище и д. Шеховцово Курского района Курской области (АКР, 1998, с. 91).

Памятник был открыт и введен в научный оборот в начале 70-х гг. XIX в. Д.Я. Самоквасовым (Самоквасов, 1878, с. 231; 1908, с. 258). В 1947 г. обследование комплекса было предпринято И.И. Ляпушкиным (Ляпушкин, 1961, с. 65, 67). На прилегающей с севера территории И.И. Ляпушкин выделил и описал сопутствующее крепости селище. Встреченный на нем подъемный материал состоял из керамики славяно-русских и ордынских древностей. Кроме этого он отметил, что в северной и северо-западной части селища встречено большое количество человеческих костей.

В 1950–1960-е гг. памятник посещал Ю.А. Липкинг, который при его описании городище называл Бесединским или Ратским, при этом приведя местное название – «Тарелочка» (Липкинг, 1962,

с. 140). В последующем Ю.А. Липкинг вел многолетние наблюдения за состоянием комплекса, обнаружив на неукрепленной части поселения фундамент домонгольской церкви (Енуков, 1991а, с. 39.). В 1978 г. П.Г. Гайдуковым был снят инструментальный план Ратского городища (Гайдуков, 1978, с. 11). В 80-е гг. XX вв. в связи с составлением Свода памятников Курской области А.В. Кашкиным и А.А. Узяновым обследовали городище и селище, а также обнаружили еще несколько памятников в ближайшей округе (Кашкин, Узянов, 1989, с. 66, 67). Им принадлежит ряд предварительных выводов о культурно-хронологических особенностях Ратского комплекса (Кашкин, 1993, с. 72).

В 1990–1992 гг. В.В. Енуковым на городище были проведены стационарные исследования (Енуков, 1991а, с. 40). Всего было вскрыто около 600 кв. м, в том числе раскопом шириной 4 м был прорезан вал, что позволило реконструировать конструкцию фортификаций. Параллельно со стационарными исследованиями на городище на распахиваемых селищах 1 (Городище, селище 1 и 2, по А.В. Кашкину) и 2 (Шеховцово, селище 1, по А.В. Кашкину) был собран богатейший подъемный материал, относящийся к древнерусскому (XI–XIII вв.) и ордынскому (XIV в.) времени (Енуков, 1990, с. 3–5, рис. 7–9, 11, 13–19; Енуков, 1991б, с. 1, 2, рис. 1–7; Енуков, 1992, с. 1–4, рис. 1–24).

В 2014 г. после многолетнего перерыва исследования комплекса были возобновлены. В.В. Енуковым были проведены первые раскопки на селище 1. Вскрытая площадь составила 140 кв. м. В результате были обнаружены сооружения роменского (ров укреплений, хозяйственные ямы), древнерусского (жилая постройка середины XII – начала XIII в.) и ордынского (хозяйственная яма 1-й половины XIV в.) времени.

Общие итоги проведенных изысканий сводятся к следующему. В роменский период (IX–X вв.) жизнедеятельность фиксируется на городище и селище 1. Возможно, синхронно существовало и селище 2. В древнерусское время, предположительно, в XII в., комплекс приобретает черты города, имеющего сложную топографическую структуру: городище и два селища. В XIV в. здесь, вероятно, существовал город, занимавший площадь около 25 га (с учетом селища 1 у д. Шеховцово). Исследования 2015 г., помимо стационарных изысканий, имели целью уточнение топографии памятника. Полученным результатам посвящена настоящая работа.

Наиболее значимым компонентом комплекса является селище 1, которое начиналось сразу же за укреплениями городища. Об этом, помимо высокой степени насыщенности культурного слоя находками, свидетельствуют остатки укреплений в виде вала и рва, которые до уничтожения их большей части предположительно охватывали площадь около 17 га (Енуков, 1991а, с. 40).

В определенной степени спорным элементом Ратского комплекса является селище 2. Согласно учетной документации, а также сведениям из «Археологической карты России», здесь присутствуют роменские материалы (АКР, 1998, с. 95). Однако селище 2 находится в крайне нехарактерной топографической ситуации – на высокой, более 30 м от уровня реки, террасе, тогда как роменские поселения, зачастую небольшие по площади, составляли округу городища и располагались, как правило, гораздо ниже (Енуков, 2005, с. 85). Не очень понятным представляется и «разрыв» между селищами 1 и 2, который составляет всего 75 м. Имеющуюся трактовку в литературе селища 1 как «посада» или «окольного града» можно расценивать только как рабочую гипотезу (Енуков, 1991а, с. 41; Кашкин, 1993, с. 72). Если ее принять, то в пределах «разрыва» должны были проходить укрепления. Нельзя исключать и еще один вариант решения вопроса: реально «разрыв» отсутствовал, и селище 2 является продолжением селища 1.

Для решения этого вопроса в 2015 г. экспедицией НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета под руководством В.В. Енукова были предприняты разведочные работы на территории селища 2 у д. Городище. После локализации на местности селища 2 были проведены сборы подъемного материала с фиксацией культурно-определимых находок с использованием метода сплошной неоднократной пешей разведки. Все обнаруженные находки фиксировались при помощи GPS приемника GarminGPSmap 78s с последующим нанесением находок на топооснову. Следует отметить, что селища 1 и 2 расположены на сельхозугодиях, которые были оставлены под «пар», что значительно облегчило проведение работ.

В результате было установлено, что «разрыв» между селищем 1 и 2 отсутствует, при этом культурно-хронологический состав собранных находок идентичен на всем протяжении культурных напластований и определяется славяно-русским и ордынскими древностями. Есть все основания для вывода о том, что селище 2 является не отдельным памятником, а продолжением селища 1. Для подтверждения этого вывода и закрепления границ на местности в северо-восточной и восточной части селища была проведена шурфовка (рис. 1). Шурфами 1–5, 7, 8, 11 был выявлен культурный слой толщиной 40–60 см с поврежденной многолетней распашкой верхней частью, который содержал керамику роменского, древнерусского времени и XIII–XIV вв. Шурфом 4 была открыта жилая постройка с отопительным сооружением древнерусского времени.

Таким образом, после разведочных исследований пределы селища 1 стали выглядеть следующим образом. Его западная граница совпадает с хорошо сохранившимся участком укреплений в виде вала и рва (рис. 1). В северной части селища фиксируются остатки распаханного вала протяженностью около 170 м и высотой до 1 метра на месте, которого в данное время располагаются опоры линий электропередач. Здесь подъемный материал отмечен вплоть до самого вала, с единичными находками за ним. Южная граница селища совпадает с краем приречной террасы, который очень сильно изрезан оврагами. Северо-восточная и восточная граница фиксируется по исчезновению подъемного материала и отсутствию признаков культурного слоя в шурфах 6, 9, 10, 12–14.

Селище 1, как уже указывалось, имело остатки укреплений разной степени сохранности в западной и северной части, которые, однако, отсутствуют в восточной. В ходе сбора подъемного материала в восточной части селища нами была зафиксирована протяженное пологое понижение рельефа, схожее с остатками заплывшего рва. Расположение этой топографической аномалии при визуальном осмотре укладывалось в предполагаемую схему расположения фортификационных сооружений памятника. Для выяснения ее характера была заложена разведочная траншея 1. Было установлено, западина является результатом эрозийных процессов. Таким образом, вопрос о характере фортификационных сооружений в восточной части селища 1 остается открытым.

В ходе сбора подъемного материала с целью определения северо-восточной границы селища 1 в 270 м северо-восточнее городища, на площади 60 x 90 м были обнаружены многочисленные фрагменты человеческих костей, а также предметы широкого хронологического диапазона с X по XIV вв. С большой долей вероятности можно считать, что это – следы средневекового кладбища, однако дать его характеристику до проведения стационарных исследований невозможно.

В ходе поисков северо-восточной границы селища 1 сотрудниками был обнаружен новый памятник археологии – селище 3 у д. Городище. В распашке на площади 120 x 70 м была найдена керамика XIV–XVII вв., в числе которой заметное место занимали фрагменты ордынской поливной посуды.

Еще одним важным компонентом комплекса является селище 1 у д. Шеховцово. Еще в ходе работ 1990–1992 гг. В.В. Енуковым на основании сбора подъемного материала были предложены отличные от официально утвержденных границы селища (Енуков, 1990, рис. 1; Енуков, 1991а, с. 41). Памятник был обозначен как селище 2 у д. Городище, получив для удобства сбора подъемного материала литеры А (к северо-востоку от разделявшего его на две части оврага) и Б (к юго-западу), что будет удобно и для нашего описания. Вся площадь селища 2Б на сегодняшний момент плотно задернована, но в кротовых выходах и на грунтовой дороге фиксируются остатки материальной культуры древнерусского и ордынского времени. Большая часть селища 2А также задернована за исключением ее северной части, которая подвержена интенсивной распашке. На этой территории нами было собрано значительное количество керамики и индивидуальных находок древнерусского и золотоордынского времени. Именно здесь наблюдается наибольшая концентрация материала, однако следует отметить, что отдельные фрагменты керамических сосудов встречаются на протяжении 300 м к западу от определенных В.В. Енуковым границ селища.

Помимо селищ и городища в Бесединский археологический комплекс официально включены курганы, один, из которых располагается в непосредственной близости от селища 2 (АКР, 1998, с. 95).

В соответствующем томе «Археологической карты России» сообщается, что он располагается в лесополосе на склоне правобережной террасы р. Рать, однако на карте он обозначен выше селища 2, что не как соответствует описанию (АКР, 1998, с. 91, 95, рис. 37). Попытки его выявления в 2015 г. успеха не имели. Возможно, он был уничтожен сельскохозяйственными работами.

Таким образом, проведенные исследования позволяют считать, что разрыв между селищем 1 и 2 отсутствует. На этой части комплекса существовал единый памятник в виде селища X–XIV вв., имевшего размеры 710 x 210–300 м. Обнаруженное на его территории кладбище, вероятнее всего, относится к хронологическому периоду, когда селище имело более скромные размеры. За пределами укрепленного селища 1, к западу от него, были существенно уточнены в сторону расширения границы селища 1 у д. Шеховцово. В результате Бесединский археологический комплекс вошел в число крупнейших в Курской области, что только подчеркивается открытым селищем 3 у д. Городище. Несомненно, этот крупный средневековый центр своих наибольших размеров достигает в XIV в., когда в среде его населения хорошо фиксируется заметное присутствие ордынского населения.

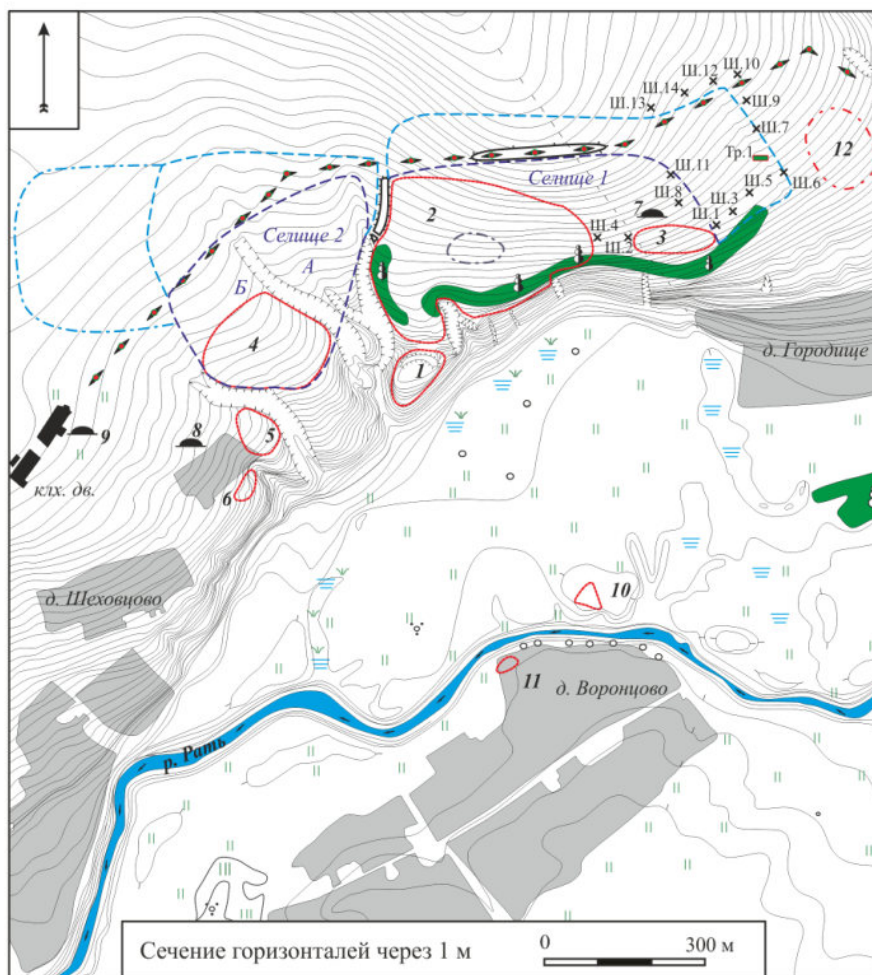

Рис. 1. Археологические памятники на территории Курского района Курской области на участке около д. Городище, Шеховцово и Воронцово.

1 – Ратское (Беседенское, Городище), городище; 2 – Городище, селище 1; 3 – Городище, селище 2; 4 – Шеховцово, селище 1; 5 – Шеховцово, селище 2; 6 – Шеховцово, селище 3; 7 – Городище, курган; 8 – Шеховцово, курганный могильник 2; 9 – Шеховцово, курганный могильник 1; 10 – Воронцово, селище 1; 11 – Воронцово, селище 2; 12 – Городище, селище 3.

Условные обозначения

	1		2		3		4		5
	6		7		8		9		10

1 – линия электропередач; 2 – курган; 3 – места закладки разведочных шурфов; 4 – место закладки разведочной траншеи; 5 – границы памятников по А.В. Кашкину; 6 – границы памятников по В.В. Енукову; 7 – уточненные границы памятников по работам 2015 г.; 8 – границы с небольшим количеством находок; 9 – границы выявленного памятника археологии Городище, селище 3; 10 – границы выявленного могильника на территории селища 1.

Список литературы

1. Археологическая карта России. Курская область. Ч.1. М., 1998.
2. Гайдуков П.Г. Отчет о работе Курского отряда ИА АН СССР в 1978 г. Арх. ИА. №7190.
3. Енуков В.В. Отчет о раскопках городища у д. Городище Курского района Курской области в 1990 г. Арх. ИА. №15214.
4. Енуков В.В. Славянский комплекс на Рати // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991А.
5. Енуков В.В. Отчет о раскопках городища у д. Городище Курского района Курской области в 1991 г. Арх. ИА. №16527Б.
6. Енуков В.В. Отчет о раскопках на Ратском городище Курского района Курской области в 1992 г. Арх. ИА. №172081.

7. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005 (Курский край: научн.-популярн. сер. в 20 т.; Т. III).
8. Кашкин А.В., Узянов А.А. Северо-восточный рубеж Посемья // Питання археології Сумщини: Матеріали науково-практичної конференції. Сумы, 1989.
9. Кашкин А.В. 10 лет работ Центрально-Черноземного отряда // КСИА. 1993. Вып. 210.
10. Липкин Ю.А. Городища эпохи раннего железа в Курском Посемье // МИА. 1962. №113.
11. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. №104.
12. Самоквасов Д.Я. Исторические значения городищ // Труды III археологического съезда. Т. I. М., 1878.
13. Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908.

УДК 902

В.В. Енуков

К вопросу о «больших» селищах роменской культуры

Аннотация. Статья посвящена вопросу о реальности существования у северян «больших» (более 2 га) селищ. С привлечением новых материалов сделан вывод о том, что такие поселения являются исключением из правила, причем большая площадь при наличии жилищ может расцениваться как свидетельство неординарного социального статуса их обитателей. Действительно крупные неукрепленные поселения распространяются в регионе уже в древнерусскую эпоху, что определялось новыми социально-политическими и экономическими условиями.

Ключевые слова: северяне, роменская культура, неукрепленные поселения, площадь поселений, хозяйственная зона.

Abstract. The article is devoted to the question of the reality of the northerners "large" (over 2 hectares) settlement. With the use of new materials made the conclusion that such settlements are the exception to the rule, and a large area with the housing stock can be regarded as evidence of extraordinary social status of their inhabitants. Really large non-fortified settlements spread in the region already in the Old Russian era, it was determined by the new socio-political and economic conditions.

Key-words: Severskaya land, Romenskaya Culture, unfortified settlements, settlement area, economic area.

Традиционно облик роменцев определяется городищами, количество которых столь велико, что его нельзя сопоставить ни с одной синхронной славянской культурой Восточной Европы. Именно этой категории памятников уделялось основное внимание исследователей в ходе полевой деятельности. Неукрепленные поселения (далее – НП) в итоге оказались изученными значительно хуже, хотя на сегодняшний день не вызывает сомнений факт их количественного преобладания над городищами, что только подчеркивает их значимость в общей системе пространственной организации жизнедеятельности роменцев.

Памятники роменской культуры известны на обширной территории Днепровского Левобережья и Поочья. На сегодняшний день они практически бесспорно отождествляются, в первом случае, с северянами, во втором – с вятичами. Окские памятники имеют свою специфику, в том числе, и с точки зрения их размещения, что требует отдельного исследования. В пределах Северной земли подавляющее большинство НП (всего более 250) сосредоточено в сравнительно небольшом по площади Посемье, которое представляет собой прекрасный исследовательский полигон ввиду заявленной темы.

К вопросу о «больших» поселениях на примере Посемья ранее я уже обращался. Полученные выводы сводятся к следующему. Подавляющее большинство НП имеют небольшую площадь до 1 га, причем на исследованных стационарно (в ряде случаев – более 400 кв. м) было обнаружено по одному (Суденовский, Каменка, Гремячка, Воробьевка 2-я, Тазово), значительно реже – два (Гремячка), жилища. Последний пример особенно показателен: дома располагались на расстоянии 80 м друг от друга. Фактически их можно трактовать как «хутора». Именно они составляли основу так называемых «минимальных зон концентрации памятников», в центре которых чаще всего находились городища, представляющие собой центры соседских общин.

Десятая часть НП имела ненамного большую, до 2 га, площадь. Наконец, такая же доля приходится на крупные поселения. Сразу необходимо оговориться, что их выделение нередко вызывает затруднения, т.к. достоверно (да и то – относительно) об их пределах можно судить только в случаях,

когда они либо однослойные, либо границы установлены в ходе раскопок. В итоге с определенной долей уверенности к числу «больших» было отнесено всего 8 памятников: селище 2 в Старково (2,4 га), селище 1 в Куркино (2,6 га), селище в Шуклинке (3 га), селище 2 в Фонове (3,8 га), селище 1 в Горнали (5 га), селища 1 в Лебяжьем (более 5 га), Липино (около 10 га) и селище 1 в Жерновце (более 10 га) (Енуков, 2005, с. 91, 168–178).

Выделенные НП делятся на две группы. Группа 1 (Старково, Куркино, Фонов, Лебяжье, Жерновец) характеризуется расположением в «отрыве» от городищ. Группа 2 представлена НП, примыкавшими непосредственно к городищам (Шуклинка, Горналь, Липино).

Предваряя анализ имеющихся материалов, необходимо оговорить отдельные моменты методического характера. Переход от роменской культуры к древнерусской имел характер перелома, что, судя по всему, является следствием насильственного присоединения северян к Руси. Так, принципиально меняется структура расселения. В Посемье резко уменьшается количество НП (Узянов, 1985, с. 81; Кашкин, Узянов, 1987, с. 15, 16), однако нередко они имеют крупные размеры (10 и более гектаров). Количество городищ в Посемье уменьшается почти в 2 раза, при этом там, где исследовались укрепления, их возведение относится ко времени не ранее конца XI – начала XII вв. (Енуков, 2005, с. 277). Единственным исключением является Курск, ранние фортификации которого датируются концом X – началом XI вв. (Енуков, 2010). Заметные изменения в структуре расселения только подчеркиваются новациями в домостроительстве (Енукова, 2007, с. 66–91). Тем не менее, сейчас не вызывает сомнения тот факт, что часть аборигенов-роменцев вошла в состав населения новой административной единицы Русского государства. Это особенно отчетливо проявляется в сохранении традиции изготовления в относительно небольших количествах характерной лепной керамики, которая фиксируется вплоть до предмонгольского времени. И как раз к числу такого рода классических примеров относится самое крупное из числа НП селище 1 в Жерновце – единственный стационарно исследованный, причем большой площадью (около 5000 кв. м), памятник группы 1, который существовал в течение небольшого промежутка времени в пределах конца X – начала XI вв. (Енуков В.В., 2005, с. 281, 282). Несмотря на заметное количество лепной роменской посуды, состав керамического комплекса и широкое распространение новых домостроительных схем позволяет его отнести уже к древнерусской эпохе.

В отличие от Жерновца на селище 1 в Липино непрерывная жизнь фиксируется с конца X до XIII в. включительно. Памятник является наиболее исследованным в группе 2 (вскрыто около 10000 кв. м). Анализ материалов показал полное отсутствие объектов роменской культуры. Находки лепной керамики, которая встречается в небольших количествах до XIII в., отражают присутствие в среде жителей Липино аборигенного населения и их потомков, которые надолго сохраняют память о своем местном происхождении (Енуков В.В., 2005, с. 282–285).

Таким образом, оба НП можно исключить из числа «больших» селищ роменской культуры. В последние годы стационарные исследования были проведены еще на двух памятниках группы 2 – селищах в Шуклинке и Горнали, при этом между ними выявлены заметные различия.

Шуклинское селище впервые было исследовано в начале 1950-х гг. Т.Н. Никольской. В пределах вскрытой Т.Н. Никольской в 100 кв. м был обнаружен культурный слой мощностью до 0,6 м с роменскими материалами. Из числа сооружений было открыто несколько ям, которые, судя по очень краткому описанию, имели невыразительный характер. На основании результатов раскопок в литературе утвердилось мнение, что селище содержит напластования как роменского, так и древнерусского времени (Археологическая карта России, 1998, с. 124). Однако обращение к коллекциям, которые хранятся в Курском государственном областном музее археологии, оказались весьма показательными: на селище древнерусские материалы представлены единственной находкой фрагмента стеклянного браслета, которая в общем контексте выглядит явно случайной.

Отнесение памятника к числу однослойных подтвердилось и современными исследованиями, начало которым было положено важной находкой. В 2009 г. здесь был найден клад арабских дирхемов, из которых 465 были обрезаны в кружок и три представлены «сегментами» (публикация выйдет в свет в ближайшее время). Нумизматический комплекс относится к числу «финальных» кладов Посемья, массовое выпадение которых знаменует захват региона Русью (Енуков, 2008, с. 132–136).

На месте клада был разбит раскоп 2 площадью 200 кв. м (нумерация продолжена с учетом работ Т.Н. Никольской). В его пределы попало 12 больших ям-хранилищ, чаще всего, колоколовидной в разрезе формы, глубиной 2 и более метров при диаметре горловины от 0,7 до 2 м (рис. 1). Еще три округлых ямы представляли собой углубления, в которые устанавливали деревянные емкости. Юго-западную часть раскопа пересекала дренажная канава шириной до 3–3,9 м и максимальной глубиной в западной части в 1,1 м. Несмотря на незначительную толщину культурного слоя (0,12–0,15 м), его насыщенность как фрагментами керамики, так и индивидуальными находками, оказалась очень высокой. Среди последних присутствовали бусы, перстневидное височное кольцо, бубенчики, обломок дротового браслета с расширяющимися концами, бизовидная подвеска, обрывок кольчуги, наконец-

ник стрелы, ножи, шило, точильные камни, пряслица и т.д. Рядом с местом находки клада было обнаружено еще четыре монеты. В целом исследованный участок интерпретируется как хозяйственная зона, ориентированная на хранение продуктов. Она использовалась в течение относительно небольшого промежутка времени в пределах 2-й половины – конца X в.

Раскоп 3 (2011 г.) площадью 100 кв. м располагался в 50 м восточнее раскопа 2 и ближе к городищу. Выбор участка изысканий был неслучаен: проведенные на значительной части селища В.Г. Бездудным геомагнитные изыскания выявили единственную аномалию, которую и было решено исследовать. Культурный слой на раскопе 3 был заметно толще (до 1 м), а интенсивность использования участка очень высокой, о чем свидетельствуют весьма многочисленные находки, характеризующие самые разные стороны жизни северян: бусы из стекла и сердолика, калачевидное кресало, иглы, гвозди, трехлопастной черешковый наконечник стрелы, скоба, обломки ножей из железа, перстнеобразное височное кольцо, крестопорезной бубенчик, пуговица, бронзовые перстни, часть костяного одностороннего гребня, сверленные астрагалы, фрагменты глиняных пряслиц и миниатюрных сосудов, точильные камни. Рядом с раскопом, в траншее, которая была выкопана местными жителями, были найдены серебряная лунница и арабский дирхем с отверстием. В пользу активной жизнедеятельности свидетельствуют и многочисленные хозяйственные объекты, характеристику которым дать затруднительно ввиду их многократного наложения. На этом фоне выделялась яма 4А со следами интенсивного пожара, в которой были встречены чешуя и кости рыбы. Разнообразием отличались индивидуальные находки из ее заполнения, представленные серебряным дрововым браслетом, крестопорезным бронзовым бубенчиком, стеклянными бусами, сверленным астрагалом, обломком пряслица из мергеля, фрагментами железных ножей, кольчужным кольцом, придонной частью миниатюрного глиняного сосуда, костяной проколкой, тремя глиняными рыболовными грузилами и железной острой.

Участок, исследованный раскопом 3, эксплуатировался в течение более длительного времени, при этом активность хозяйственной деятельности была выше, нежели на месте раскопа 2. Финал в его использовании маркируется сооружением, связанным с рыбным промыслом (яма 4А), и относится к концу X в. В целом материалы раскопов 1–3 в совокупности с данными геомагнитной разведки приводят к неожиданному выводу о том, селище 1 не являлось поселением в полном смысле этого слова. Оно представляло собой обширную хозяйственную зону, где жители городища, причем как мужчины, так и женщины, проводили заметную часть своей жизни.

Иной облик имело селище 1 в Горнали. Впервые оно было исследовано в начале 1970-х гг., однако отчет об этих исследованиях отсутствует. Информация об изысканиях ограничивается публикацией А.В. Кузой постройки 10 (Куза, 1981, с. 19–21. Рис. 9: 4). В ходе исследований 2012 г. раскопом 1 площадью 200 кв. м было установлено, что культурные напластования, заметно поврежденные многолетней распашкой, содержали материалы скифоидной лесостепной, роменской и древнерусской культур. С роменцами были связаны хозяйственные ямы и крупная жилая постройка котлованного типа (яма 2), имевшая два жилых этажа. Многочисленный инвентарь позволяет отнести время ее возведения ко 2-й четверти X в., а гибель жилища в пожаре соотносится, судя по всему, с русским разгромом древней Горнали в 980–990-х гг., предположительно в 985 г. (Енуков, Енукова, 2014).

Неординарный статус Горнальского комплекса после публикаций А.В. Кузы не вызывает сомнений, причем на сегодняшний день это – единственный бесспорный племенной центр в Северной земле. Крупная постройка 1 Большого Горнальского городища представляла собой жилище «племенного князя». Практически во всех исторических трудах социальной опорой «князя» выступает дружина, следы которой, однако, в роменских древностях плохо фиксируются, что даже привело к мнению о ее отсутствии вообще (Григорьев, 2000, с. 104–106, 193–195). Однако специальные исследования показали, что обитателей городища отличала значительная вооруженность, которая не наблюдается на других роменских памятниках (Енуков, 2005, с. 228–234). Анализ инвентаря из открытого на селище 1 жилища, а также прилегающих участков, дает основания считать, что его владельцы имели самое непосредственное отношение к горнальской дружине, причем дом сгорел, судя по всему, одновременно с «княжеским» жильем (Енуков, Енукова, 2014, с. 175).

Обзор новых материалов по заявленной теме можно дополнить результатами исследований Ратского археологического комплекса, исследования которого после долгого перерыва (1990–1992 гг.) были возобновлены Посемьской экспедиции НИИ археологии юго-востока Руси КГУ. В 2014–2015 гг. на селище 1, примыкающем к городищу, раскопами 1 и 2 было изучено 240 кв. м. Открыты сооружения роменского, древнерусского и ордынского времени, в числе которых заметный интерес представляют остатки роменских фортификаций в виде рва шириной в среднем 4 м при глубине около 2,5 м с остатками следов въездного моста, которые «отсекали» участок селища, примыкающий к городищу. Отдельные роменские объекты были прорезаны рвом, при этом все они имели хозяйственное назначение. Причину возведения укреплений можно установить только в ходе дальнейших раскопок, однако подчеркнем: жилища на исследованной площади отсутствовали.

Подведем итоги. Накопленные к сегодняшнему дню сведения приводят к выводу о том, что «большие» селища роменцев представляли собой исключение из правила, причем, как показывает пример Горнали, большая площадь при наличии жилищ может расцениваться как одно из свидетельств неординарного социального статуса их обитателей. Стоит при этом отметить, что роменские дома на Горнальском селище 1 располагались на значительном расстоянии друг от друга в отличие от городища, где жилища располагались несравненно теснее. В свою очередь, пример Шуклинка является яркой иллюстрацией образа жизни обитателей поселка, при котором значительная часть их хозяйственной деятельности проходила за пределами укреплений городища. Даже клад был спрятан владельцем в хозяйственной зоне, похоже, в пределах навеса, перекрывающего одну из больших зерновых ям. Действительно крупные НП распространяются в регионе уже в древнерусскую эпоху, что, судя по всему, определялось новыми социально-политическими и экономическими реалиями.

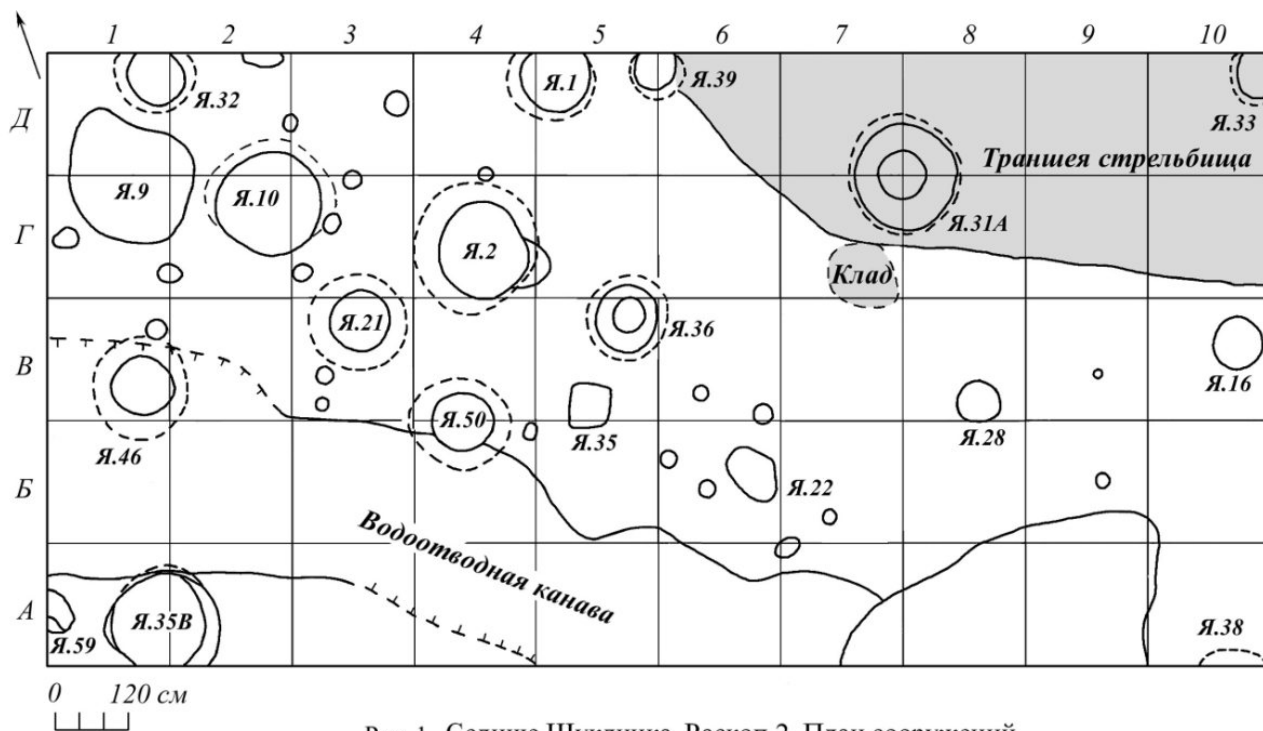

Рис. 1. Селище Шуклинка. Раскоп 2. План сооружений.

Список литературы

1. Археологическая карта России: Курская область / Сост. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН, 1998. Ч. 1. 304 с.
2. Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / Тр. Тульской археологической экспедиции. Тула: «Гриф и К», 2000. Вып. 2. 264 с.
3. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей / Курский край. Научн.-популярн. сер. в 20 т. Т. III. Курск: Учитель, 2005. 352 с.
4. Енуков В.В. Возникновение древнерусского Курска в контексте историко-археологическо-этнографических реалий региона // Древности эпохи средневековья евразийской лесостепи: Сб. научн. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. С. 123–148.
5. Енуков В.В. Топография укреплений Курского городища в древнерусское время // Исторический вестник Курского государственного университета. 2010. № 1. С. 3–16.
6. Енуков В.В., Енукова О.Н. Исследования Горнальского археологического комплекса в 2012–2013 гг. // МістаДавньоїРусі. Збіркануковихпрацьпам'ятіА.В. Кузи. Київ: Стародавній світ, 2014. – 532 с. + 2 с. вкл.
7. Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. / Труды НИИ археологии юго-востока Руси Курск. гос. ун-та. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. 220 с.
8. Кашкин А.В., Узянов А.А. Путивльское и Курское Посемье в IX–XIII вв.: Сравнительная характеристика по археологическим данным // «Слово о полку Игореве» и Путивльщина: Тез. докл. и сообщ. областной историко-краевед. научн. конф-ции, посвященной 800-летию «Слова о полку Игореве». Путивль: Сумская организация Украины общества охраны памятников истории и культуры, 1987. С. 15–16.

9. Куза А.В. Большое городище у д. Горналь // Древнерусские города. М: Наука, 1981. С. 6–39.
10. Узянов А.А. Динамика заселения долины реки Тускарь: (Диахронный анализ приуроченности поселений к различным этапам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: Мат. совещания 25–26 января 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 77–83.

УДК 902.1

С.И. Жаворонков

Историография проблемы урбанизации в эпоху средневековья (на примере Днепровского Левобережья)

Аннотация. Статья посвящена подходам к решению проблемы урбанизации Древней Руси в постсоветской историографии. Основное внимание уделяется работам исследователей, опирающихся преимущественно на археологические источники. Рассматривается широкий перечень публикаций, посвященных отдельным городам и их группам в пределах Левобережья Днепра. В результате обобщения взглядов историков и археологов на проблему становления городов в регионе делается вывод о широком распространении в современной науке мнения о старте урбанизации в период княжения Владимира Святославича.

Ключевые слова: средневековые города, Древнерусское государство, племенные центры северян, историография.

Abstract. The article is devoted to approaches to solving the problems of urbanization of Ancient Russia in post-Soviet historiography. Addresses a wide list of publications on segregate towns and their groups within the Left Bank of the Dnieper. The summary views of historians and archaeologists to the problem of formation of cities in the region, concludes on the existence of modern science in the view about start of the urbanization during the reign of Vladimir Svyatoslavich.

Key words: medieval city, Ancient Rus state, severiane's tribal centers, historiography.

Проблема становления и развития городской сети Древней Руси на протяжении не одного десятилетия является ключевой для изучения славяно-русских древностей. Советская историческая урбанистика вышла на кардинально новый уровень, когда данные письменных источников стали всесторонне уточняться и дополняться результатами археологических изысканий. Закономерным результатом такого рода расширения источниковой базы стало формирование во второй половине прошлого столетия нескольких теорий становления древнерусского города. В целом дореволюционная и советская историография проблемы генезиса и эволюции городской жизни в домонгольской Руси неоднократно рассматривалась различными авторами, поэтому необходимость подобного обзора отсутствует (Напр.: Куза, 1989, с. 14–29; Толочко, 1989, с. 5–16; Михайлова, 2010, с. 10–42; Ефремова, 2014, с. 26–30). Нельзя, однако, еще раз не упомянуть А.В. Кузу, который в двух своих монографиях подвел промежуточный итог всему предшествовавшему историко-археологическому изучению градообразования в Древней Руси и разработал ныне общепризнанные археологические критерии русского средневекового города (Куза, 1989; 1996).

Для начала 1990-х гг. были характерны попытки переосмысления советского научного наследия в области древнерусской урбанистики. С достаточно умеренной критикой советской историографии выступила И.Б. Михайлова, возводя происхождение древнерусских городов Юга Руси к «общинно-племенным центрам» восточных славян (Михайлова, 2010, с. 6, 7). По ее мнению, в государственный период «общины вступили в борьбу со «старейшим» городом, стремясь обособиться от него» (Михайлова, 2010, с. 227). В целом изыскания И.Б. Михайловой являются, что подчеркивается и автором, преломлением общинной теории И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко на южнорусские земли (Фроянов, Дворниченко, 1988; Михайлова, 2010, с. 8, 42, 225).

Резко раскритиковал видение происхождения и развития городов Древней Руси через призму исторического материализма В.П. Даркевич (Даркевич, 1994, с. 43–50). С позиции цивилизационной теории он категорически отверг тезис о славянских протогородах и предположил наличие некоего толчка к началу динамичного, по мнению автора, урбанизационного процесса, запущенного на рубеже I–II тысячелетий. Субъектом такого толчка В.П. Даркевич назвал государство, что, однако, нельзя

считать нововведением автора (Даркевич, 1994, с. 53–55). К подобным выводам незадолго до распада СССР пришел П.П. Толочко, который и по сей день остается последовательным сторонником исторического марксизма. Он подчеркивает, что градообразование имело эволюционный характер и уходило корнями в славянскую эпоху (Толочко, 1989, с. 18, 19, 34, 47, 48). Тем не менее, широко развернувшийся в конце X – первой половине XI вв. процесс становления подлинных городов П.П. Толочко однозначно связывает с государственным (или феодальным, по терминологии автора) влиянием (Толочко, 1989, с. 48, 70). Последующее расширение городской сети во второй половине XI – первой половине XIII вв., по его мнению, обуславливается исключительно нуждами государства (Толочко, 1989, с. 74–76).

В целом необходимо отметить, что, несмотря на неприятие некоторыми учеными понимания причин и направлений средневековой урбанизации советской историко-археологической школой, каких-либо новых концептуальных решений проблемы в современной историографии предложено не было. Тем актуальнее становится изучение градообразования в отдельно взятых макрорегионах Древнерусского государства. Идеальным полигоном для такого рода исследования может стать Левобережье Днепра, издавна привлекавшее повышенное внимание историков. Близость Черниговской и Переяславской земель к центру формирующегося государства и всесторонняя вовлеченность их в общерусские социально-политические, экономические и культурные процессы предоставляет широкие возможности для решения общих проблем урбанизации в эпоху средневековья. Кроме того, в настоящее время можно говорить о высокой степени археологической изученности региона, что, безусловно, положительно сказывается на уровне достоверности, полученных в ходе исследования выводов. Конкретизация уже имеющихся в исторической науке сведений последними данными археологии может помочь вывести современную средневековую урбанистику на качественно новый уровень обобщений. В самом общем виде картина достижений археологического изучения городов Днепровского Левобережья последних десятилетий, проливающих свет на общеисторические темы, представлена ниже.

Переяславская земля даже в рамках молодого древнерусского государства оставалась долгое время своеобразным «белым пятном» на карте славяно-русского расселения. На территории самого Переяславля не обнаружено слоев ранее конца X в., что позволило А.В. Колибенко обусловить основание города колонизаторской политикой Владимира Святославича, несмотря на раннее (907 г.) первое летописное упоминание (Колибенко, 1999, с. 51, 54, 56; 2002, с. 169, 171, 173; Колибенко О.В., Колибенко О.О., 2004, с. 156, 157). Уверено относит ко времени правления Владимира Святославича возникновение Переяславля и А.В. Комар (Комар, 2012, с. 362). По мнению Ю.Ю. Моргунова, строительство города было связано с первоначальными мерами по защите Киева от кочевнической опасности. Автор, допуская возможность более раннего возникновения Переяславля, на основании археологических данных сделал вывод о серьезной модернизации (или строительстве) укреплений будущей столицы княжества в конце X в. (Моргунов, 1998, с. 32; 1999, с. 72).

Ю.Ю. Моргунов провел также скрупулезное исследование прочих летописных городов Переяславской земли по письменным и археологическим источникам и пришел к выводу о последовательном создании на юго-восточных рубежах древнерусского государства оборонительной линии из более 10 городов-крепостей, называемой им Посульской границей (Моргунов, 1998, с. 25, 26). Начало планомерного возведения укрепленных центров в регионе, выразившееся в строительстве или реконструкции Переяславля, а также в основании Воиня и, возможно, Лыто, Ю.Ю. Моргунов однозначно соотносит с градостроительной политикой Владимира Святославича (Моргунов, 1998, с. 25, 31, 32, 34; 1999, с. 72). К аналогичным выводам приходит и Е.А. Шинаков (Шинаков, 2009, с. 276). Причины дальнейшего развития городской сети на Переяславщине Ю.Ю. Моргунов видит в необходимости заселения пустующей внутренней территории, впервые осознанной Владимиром Мономахом, и, позднее, в потребностях обороны от враждебного Черниговского княжества, осуществлявшего ответные меры (Моргунов, 1998, с. 56, 76, 66, 68, 82, 84). Кажущаяся упрощенность схемы процесса урбанизации в пределах Переяславской земли обуславливается отсутствием значительного скопления аборигенного славянского населения. Ю.Ю. Моргунов и А.В. Комар отмечают здесь относительную немногочисленность крупных роменских поселений, что, несомненно, упрощало колонизацию региона киевскими властями (Моргунов, 1998, с. 40–42; Комар, 2012, с. 356).

Несколько сложнее происходило складывание городской сети на территории Черниговщины, зачастую, видимо, путем военных столкновений. Некоторые исследователи считают, что начало планомерного огосударствливания густонаселенных носителями роменской культуры областей приходится на время не ранее конца X в. (Шинаков, 2009, с. 156, 247; Енуков, Енукова, 2012, с. 31, 32). Характерная особенность данного процесса – возникновение городов на бывших славянских землях и превращение древнерусских поселений на ранее занятых территориях в подлинно городские центры.

Освоение Русью собственно Черниговского Подесенья понимается исследователями вопроса по-разному. Е.А. Шинаков допускает возможность существования в районе Чернигова полиэтничной «буферной» зоны ареалов северян, полян и радимичей, не связанной тесно с основной роменской территорией (Шинаков, 2009, с. 154, 156). А.В. Григорьев считает, что нижнее течение Десны не было густо заселено носителями роменской культуры, поэтому создание здесь Русью плацдарма для дальнейшей колонизации северян не встретило серьезного сопротивления (Григорьев, 2000, с. 187). В любом случае, большинство исследователей сходятся во мнении о первоначальной роли Чернигова как киевского форпоста на пути освоения славянских земель. Согласно В.П. Коваленко и А.В. Комару, только в конце X в., после реконструкции укреплений в рамках градостроительной политики Владимира Святославича, Чернигов получил топографически оформленный посад (Коваленко, 2007, с. 26; Комар, 2012, с. 341). А.В. Комар считает, что в то же время торговые функции дружинной Шестовицы были переданы Чернигову (Комар, 2012, с. 356). Окончательное же становление Чернигова в качестве одного из крупнейших центров Руси происходит, по мнению ряда исследователей, уже после смерти Владимира, когда в Чернигове сел его сын Мстислав (Коваленко, 2007, с. 27; Тропин, 2007, с. 355, 356).

Возникновение «пригородов» Чернигова (Листвен, Сновск, Оргощ) многие авторы, исходя из археологических материалов, также связывают с деятельностью князя Владимира Святославича (Коваленко, Шекун, 1984, с. 72; Черненко, 2014, с. 361, 362; Коваленко, Моця, 2014, с. 272, 273). Для этих памятников авторы отмечают многочисленные находки дружинных древностей соответствующего времени, что обуславливается, видимо, накоплением в регионе сил для начинающейся планомерной экспансии в северянские земли (Моргунов, 1999, с. 76, 77).

В Среднем Подесенье Е.А. Шинаков выделяет несколько путей становления городов, во многом связывая ранние формы урбанизации с племенным и дружинным компонентами (Шинаков, 2008, с. 86). При этом он подчеркивает, что многие из них оказались тупиковыми и полноценные городские центры появляются здесь на рубеже X–XI вв., с включением данной территории в состав Руси, называя этот путь градообразования государственным или административным (Шинаков, 2008, с. 86, 88, 93, 94). Урбанизационный подъем, по мнению автора, наблюдается в регионе несколько позднее, когда возникают крепости по чернигово-смоленскому пограничью и формируются мелкие княжества (Шинаков, 2008, с. 92, 94).

Особый интерес для исследования процесса градообразования на территории Днепровского Левобережья представляет ядро Северской земли, куда входят, согласно А.К. Зайцеву, окрестности Новгорода-Северского, Путивля и летописное Посемье (Зайцев, 2009. Карта 2). Новгород-Северский был построен, по мнению А.В. Кузы, по приказу Владимира Святославича в конце X в. в центре скопления роменских поселений (Куза, 1981б, с. 139; 1989. С 78). Датировка основания города на рубеже X–XI вв., согласно Ю.Ю. Моргунову, подтверждается наличием следов сырцовый кирпичной кладки в укреплениях, что характерно только для градостроительства эпохи княжения Владимира (Моргунов, 1999, с. 70). А.В. Григорьев, разделяя датировку А.В. Кузы, пишет о протогородском характере славянского поселения, на что указывает огромная площадь памятника для роменского времени (около 20 га) и ряд экономических признаков (Григорьев, 2000, с. 199, 200; 2014, с. 402). А.Н. Поляков относит гибель славянского «града» ко времени похода князя Бориса в северские земли в 1015 г. (Поляков, 2000, с. 6). Иной точки зрения придерживаются И.С. Кедун и О.Е. Черненко, считающие, что до основания города на территории археологического комплекса Новгорода-Северского существовали отдельные небольшие роменские селища и их слияние произошло уже в государственный период, поэтому говорить о протогородском характере поселения северян не приходится (Черненко, Кедун, 2012, с. 86; Кедун, Черненко, 2013, с. 88). Возникновение города исследователи относят к завершающему этапу периода освоения Среднего Подесенья Рюриковичами, который, по их мнению, укладывается в конец X – начало XI вв. (Черненко, Кедун, 2012, с. 83).

О.В. Сухобоков, проводивший исследования в Путивле, был последователем эволюционного подхода к древнерусскому градообразованию. Однако материалы раскопок наглядно продемонстрировали, что признавал и сам автор, прекращение жизни на значительной части комплекса роменских памятников Путивля в конце X в. (Сухобоков, 1991, с. 77, 79). Кроме того, О.В. Сухобоков отмечал косвенное, по его мнению, участие киевских властей в жизни поселения в это время. Будучи сторонником теории о мирном вхождении территории северян в состав Руси, он допускал возможность строительства Путивля на одном из роменских городищ в рамках политики по укреплению границ Владимира Святославича (Сухобоков, 1991, с. 76).

Достоверно городские летописные центры Посемья – Курск и Рыльск – были основаны на местах укрепленных центров славян, судя по всему, на рубеже X–XI вв. В.В. Енуковым убедительно доказана уникальность географического, демографического и экономического положения региона среди прочих территориальных групп носителей роменской культуры (Енуков, 2005, с. 3, 57, 235, 242,

260, 275, 309; 2009, с. 75). По мнению исследователя, падение племенного Посемья следует относить ко времени похода Владимира Святославича на Волжскую Булгарию в 985 г. Вероятно, тогда же был основан Курск в качестве оплота киевской власти на вновь покоренных землях (Енуков, 2008, с. 133; 2009, с. 80). Помимо городища, следы проживания роменцев в Курске были обнаружены на территории так называемого «нижнего» посада, расположенного на противоположном берегу Кура. В.В. Енуков также указывает на участие северян в жизни молодого города, в частности, в строительстве укреплений (Енуков, 2009, с. 76, 79). Альтернативную версию возникновения летописного Курска предлагает С.П. Щавелев, связывая основание города с деятельностью князя Мстислава Владимировича (Щавелев, 2014, с. 82). Однако построения исследователя основаны на чрезмерном уровне допущений и зачастую игнорируют «неудобные» фактические материалы, в том числе археологические.

Становление Рыльска как города, согласно М.В. Фролову, «было в значительной степени подготовлено северянами», в пользу чего свидетельствует археологически подтвержденное освоение славянским населением будущих городских посадов еще в IX–X вв. (Фролов, 2009, с. 96). Характерно, что стратиграфия городища наглядно демонстрирует хронологический разрыв между роменским поселением и древнерусским городом, маркируемый стерильной прослойкой органического тлена и пепла (Фролов, 2009, с. 96, 98).

Судьба других укрепленных поселений северян Посемья была более трагичной. Скорее всего, они разделили участь Большого Горнальского городища, которое по степени археологической изученности не имеет себе равных среди роменских памятников. А.В. Куза, под руководством которого проходили первые раскопки на городище и прилегающем селище, однозначно относил Горналь к племенным центрам и высказал предположение о возможном «протогородском» характере памятника (Куза, 1981а, с. 13, 38; Енуков, 2005, с. 178, 235). В.В. Енуков, позднее продолживший здесь археологические работы, подчеркивает, что Горнальский комплекс остается единственным бесспорно интерпретированным центром малого племени северян (Енуков, 2009, с. 76, 77). Однако городище было разрушено русскими дружинами в конце X в., согласно уточненной В.В. Енуковым датировке (Енуков, 2005, с. 267, 268; 2008, с. 133). Поселение здесь вскоре возродилось, но уже как «станция-манзиль» на караванном пути между Киевом и Булгаром, то есть говорить о дальнейшем развитии здесь городских признаков уже не приходится (Енуков, 2005, с. 272, 273).

Подобная картина развития, по мнению В.В. Енукова, характерна и для группы славяно-русских памятников у с. Гочево (Енуков, 2005, с. 273). А.П. Моця, соглашаясь с функционированием Горналя и Гочево как «караван-сараев», допускал существование в последнем поселения северян протогородского типа (Моця, 2006, с. 120). Согласно другой точке зрения, впервые озвученной Б.А. Рыбаковым, уникальность археологических материалов памятника позволяют интерпретировать его как средневековый город. Ю.А. Липкинг и затем Г.Ю. Стародубцев высказывали предположение об отождествлении Гочевского археологического комплекса с летописным Римовым (Стародубцев, 2009, с. 168, 169). Однако данная гипотеза подверглась основательной критике со стороны Ю.Ю. Моргунова, локализовавшего Римов в Посулье (Моргунов, 1989, с. 207, 208, 210, 216). Надо сказать, что Ю.Ю. Моргунов вовсе не поддерживает мнение о существовании северянских протогородов, однако соглашается с гибелью большинства роменских городищ на рубеже X–XI вв. и возникновением (в единичных случаях) на их местах спустя какое-то время древнерусских городов (Моргунов, 2014, с. 124, 127).

Таким образом, согласно доминирующей точке зрения представителей постсоветской историографии, опирающихся преимущественно на археологические источники, движущей силой урбанизационного процесса на территории Днепровского Левобережья следует признать потребности государства. Многообразие путей становления городской сети, определяемое целями возведения того или иного пункта, также обуславливается конкретными нуждами киевской, а затем и местной княжеской власти. Археологические материалы приводят большинство исследователей к выводу, что старт «урбанизационному буму» был дан градостроительной политикой Владимира Святославича, но пока не дают окончательного ответа на вопрос о степени участия в градообразовательном процессе местного славянского населения.

Список литературы

1. Григорьев А.В. Раскоп X на городище «Замок» г. Новгорода-Северского // Міста Давньої Русі: Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. К.: Стародавній світ, 2014. С. 398–403.
2. Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000. 263 с.
3. Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси IX–XIII вв. // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 43–60.

4. Енуков В.В. Возникновение древнерусского Курска в контексте историко-археологическо-этнографических реалий региона // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи: Сборник научных трудов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. С. 123–148.
5. Енуков В.В. Начальные этапы истории Курска // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Мат. конф., посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск: АПИИТ Ги-ром, 2009. С. 75–83.
6. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курский край: науч.-популяр. серия: в 20 т. Т. III. Курск: Учитель, 2005. 352 с.
7. Енуков В.В., Енукова О.Н. Северская земля на путях становления Руси // Начало Русской государственности в IX веке и ее возрождение в первой четверти XVII века: Материалы международной научной конференции 25-27 ноября 2012 года. Брянск: Курсив, 2012. С. 23–32.
8. Енуков В.В., Раздорский А.И. О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска // Российская история. 2015. №2. С. 39–59.
9. Ефремова И.С. Пути становления древнерусского города в отечественной историографии // Студенческий потенциал в исторической науке: Материалы студенческой научной конференции (10–12 декабря 2013 г.). Курск: Изд-во КГУ, 2014. – С. 26–31.
10. Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв.. М.: Квадрига, 2009. 226 с.
11. Кедун І. С., Черненко О. Є. До питання про початковий період історії Новгород-Сіверського // Археологія і давня історія України. 2013. Вип. 11. С. 82–89.
12. Коваленко В.П. 1300 чи 1100? // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 21–30.
13. Коваленко В.П., Моця О.П. Літописний Оргощ // Міста Давньої Русі: Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. К.: Стародавній свіж, 2014. С. 265–278.
14. Коваленко В.П., Шекун А.В. Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // Советская археология. 1984. С. 62–74.
15. Колибенко О.В. Про походження Переяславля Руського // Археологія. 1999. № 1. С. 47–59.
16. Колибенко О.В. Про чисельність населення Переяславля Руського: (спроба реконструкції) // Ruthenica. Т. 1. 2002. С. 164–174.
17. Колибенко О.В., Колибенко О.О. До питання про час виникнення Переяславля Руського // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X століть: Збірка наукових праць. Київ: КОРВІН ПРЕСС, 2004. С. 153–158.
18. Комар А.В. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Институт археологии РАН; отв. ред. Н.А. Макаров. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 334–366.
19. Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М.: Наука, 1981а. С. 6–39.
20. Куза А.В. В граде Игореде // Наука и жизнь. 1981б. № 2. С. 136–141.
21. Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское изд-во, 1996. 256 с.
22. Куза А.В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.
23. Михайлова И.Б. Малые города Южной Руси в VIII–начале XIII вв. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. 289 с.
24. Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996. 160 с.
25. Моргунов Ю.Ю. К изучению летописного города Римова // Советская археология. 1989. № 1. С. 206–218.
26. Моргунов Ю.Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // Российская археология. 1999. № 3. С. 69–78.
27. Моргунов Ю.Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск, 1998. 128 с.
28. Моця А.П. Об одной группе протогородов Днепровского Левобережья // Русский сборник. Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. Вип. 2–3. Брянск: РИО БГУ, 2006. С. 118–121.
29. Поляков А.Н. К вопросу о возникновении Новгорода-Северского // Вестник ОГУ. 2000. № 3. С. 4–6.
30. Стародубцев Г.Ю. Гочевский комплекс (летописный Римов) – город XI–XIV вв. на юго-востоке Руси // Сумська старовина. 2009. № XXVI–XXVII. С. 166–171.
31. Сухобоков О.В. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока: Материалы межвузовской научной конференции. Воронеж: Воронежский пединститут, 1991. С. 66–80.
32. Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев: Наукова думка, 1989. 256 с.

33. Тропин Н.А. Чернигов и юго-восточные территории Черниговской земли XI–первой половине XIII вв. // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 355–366.
34. Фролов М.В. Стратиграфия и хронология древнего Рыльска // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск: АПИИТ Гиром, 2009. С. 96–100.
35. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. 269 с.
36. Черненко Е.Е., Кедун И.С. Чернигов и Новгород-Северский в эпоху создания Древнерусского государства // Начало Русской государственности в IX веке и ее возрождение в первой четверти XVII века: Материалы международной научной конференции 25-27 ноября 2012 года. Брянск: Курсив, 2012. С. 23–32.
37. Черненко О. Е. Про Сновськ, розкопки «княжого міста» та приєднання сіверян до Давньоруської держави // Міста Давньої Русі: Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. К.: Стародавній свіж, 2014. С. 169–181.
38. Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М.: Восточная литература, 2009. 477 с.
39. Шинаков Е.А. Пути формирования древнерусских городов в Подесенье // Русский сборник: Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья БГУ им. акад. Н.Г. Петровского. Брянск: РИО БГУ, 2008. Вып. IV. С. 86–104.
40. Щавелев С.П. Житийно-летописный город Курск на геополитической карте Древней Руси // Міста Давньої Русі: Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. К.: Стародавній свіж, 2014. С. 72–84.

УДК 902/903

И.А. Козмирчук, А.В. Моисеев

Колодцы XVI – начала XX вв. из раскопок в центральной части исторического ядра г. Тулы (предварительное сообщение)

Аннотация. В статье публикуются результаты изучения восьми городских колодцев XVI – начала XX вв. из раскопок в центральной части г. Тулы.

Ключевые слова: колодцы, позднесредневековый город.

Abstract. The article published the results of a study of eight municipal wells XVI – early XX centuries from excavations in the Central part of Tula.

Keywords: wells, the late medieval city.

В практике археологии позднесредневекового города колодцы являются не столь уж редкой, но малоизученной категорией комплексов. Зачастую в силу технических трудностей их нижние части остаются неисследованными. Между тем, именно они являются весьма (если не наиболее) информативными частями колодца, без изучения которых невозможно полностью представить себе параметры и конструктивные особенности сооружения. Кроме того, именно в придонной и нижней частях заполнения колодца, как правило, концентрируется большая часть артефактов, попавших в колодец как в период его функционирования, так и после того как он был заброшен. В большинстве случаев этот материал хорошо, а иногда и узко датируется, позволяя надежно датировать и весь комплекс. Наконец, благодаря особенностям попадания и археологизации артефактов в колодцах, в той части их заполнения, которая сформировалась за период функционирования колодца, велика вероятность встретить целые формы керамических и стеклянных сосудов, а так же сравнительно редкие и специфические категории керамики и изделий.

Рассматриваемые комплексы происходят из материалов охранно-спасательных археологических исследований, проводившихся экспедицией Фонда научного краеведения Липецкой области в 2011-2012 и 2014 гг., в исторической части г. Тулы, по адресу ул. Советская, владение 53 (приблизительно в 200 м. южнее юго-восточной башни тульского кремля), на территории площадки, отведенной под строительство жилых домов и трансформаторной подстанции.

В ходе работ было заложено 4 раскопа, общей площадью 4212 м² (раскоп 1 – 1780 м², раскоп 2 – 1344 м², раскоп 3 – 1036 м², раскоп 4 – 42 м²), а так же проведены археологические наблюдения при прокладке траншей под коммуникации в пределах строительной площадки (Моисеев А.В., 2013; Моисеев А.В., 2015).

В итоге изучены культурные напластования на указанной площади, а также выявлено и исследовано более 750 различных комплексов (хозяйственного, жилого, производственного назначения, остатки городских коммуникаций, иные сооружения и конструкции) XVI – нач. XX вв. Среди них оказалось 8 разновременных колодцев, 7 из которых попали в площадь раскопов 1 (1 колодец), 2 (4 колодца), 3 (2 колодца), еще 1 выявлен на дне траншеи под прокладку коммуникаций. Этим колодцам и посвящено настоящее сообщение.

Наиболее ранним из выявленных колодцев являлся колодец 1 в раскопе 1¹, относящийся к концу XVI в. – началу XVII в.

Колодец 1-1 (Рис. 1). Расположен в западной части раскопа 1, частично (примерно на половину) уходил под северный борт раскопа.

Колодезная яма неправильной округлой формы выявлена по пятну заполнения на уровне материка. Размеры изученной части 1,68 м. X 1,1 м. при глубине до 1,75 м. от уровня материка. Стенки пологие. Заполнение ямы представляет собой бурый, темно-бурый гумусированный суглинок с заплатами материковой глины. В яме встречены кости животных и керамический материал датирующий время сооружения колодца.

В центре, на дне ямы находилась нижняя часть сруба колодца квадратной формы с размерами приблизительно 1 м x 1 м / 0,8 м x 0,8 м² (изучена его южная половина 1 м x 0,5 м). Верхний из сохранившихся венцов залегал на глубине примерно 1 м от уровня материка. Сруб сложен из толстых подпрямоугольных или полукруглых в сечении тесанных досок шириной 12-16 см, толщиной 6-8 см и длиной около 1,25 м. Углы рублены в чашу. Сохранился на высоту пяти-шести венцов (около 0,7 м.). Верхняя часть сруба высотой не менее 1-1,5 м была разобрана после прекращения функционирования колодца. Западная и восточная стенки сруба поставлены на большие бревна в сечении квадратное 0,2 м x 0,2 м. (с западной стороны) и круглое диаметром 0,2 м (с восточной стороны). С южной стороны такого бревна зафиксировано не было (северная сторона осталась неисследованной). Ниже находилась яма размерами соответствующая внутренней части колодца с крутыми стенками и неровным дном, глубиной около 0,7 м от основания сруба. Западная стенка ямы под срубом была обложена круглыми и квадратным в сечении бревнами (отсутствующими с восточной и южной сторон, северная сторона неисследована). Общая глубина колодца с учетом подколодезной водосборной ямы составила примерно 2,45 м от уровня материка. Заполнение внутренней части сруба представляло собой бурый гумусированный суглинок с вкраплениями материковой глины, местами образующей прослойки, с органическим тленом. В заполнении присутствует большое количество деревянных палок, веток, сучьев, обломков досок, костей животных и керамика. Кроме костей животных, представляющих собой кухонные отбросы в западной части заполнения сруба колодца расчищен череп и несколько позвонков лошади сохраняющие анатомический порядок, а также отдельные ребра, скорее всего, того же животного. Вероятно части того же костяка находились и за пределами исследованной площади, но маловероятно нахождение в срубе полного костяка лошади в анатомическом порядке. Материал из заполнения сруба датирует время функционирования колодца, а также и прежде всего время, когда он был заброшен и заполнялся мусором.

В конструкции сруба использовались доски из различных пород дерева. Так, из 14 проб на определение породы древесины³ в 7 случаях оказался дуб, в 2-х – ольха, в 2-х – тополь или осина, в 2-х береза и в 1-м – ясень.

Керамическая серия из заполнения колодезной ямы и собственно сруба колодца, насчитывающая порядка 100 фрагментов круговой посуды, является достаточно однородной, указывает на сравнительно быстрое формирование комплекса и на прекращение функционирования колодца, вероятно, на рубеже XVI-XVII вв.⁴. Данная датировка согласуется и со стратиграфическими наблюдениями над соотношением колодца и других датированных комплексов.

¹ В каждом из раскопов нумерация колодцев самостоятельная арабскими цифрами, ниже, при описании, каждый колодец сопровождается двумя цифрами через дефис, первая из которых обозначает номер раскопа, вторая номер колодца по нумерации колодцев внутри раскопа.

² Внешние размеры / внутренние размеры.

³ Все определения пород дерева, фигурирующие в данной статье, выполнены д.г.н. А.А. Гольевой в лаборатории Института географии РАН. По каждому из колодцев было взято 9-14 проб из разных частей деревянных конструкций.

⁴ Материал из заполнения всех колодцев проанализирован Ю.Г. Екимовым и С.В. Зацаринным. Он не является собственно объектом рассмотрения в данном сообщении и привлекается только в связи с его возможностями для датировки колодцев. В вопросе датировок мы опираемся на выводы названных исследователей.

Колодец 1-1 являлся, вероятнее всего, внутриусадебным сооружением.

К XVIII в. относятся три колодца, выявленные в южной половине раскопа 2 (колодцы 2-2, 2-3 и 2-4). Они расположены примерно в линию, ориентированную приблизительно СЗ-ЮВ, на расстоянии около 6-10 м друг от друга, по своим параметрам и конструкции обладают как различиями, так и определенным сходством (особенно колодцы 2-3 и 2-4).

Колодец 2-2 (рис. 2). Представляет собой сруб, помещенный в колодезную яму. Яма выявлена по пятну заполнения на уровне материка, имела в плане неправильную подовально-подпрямоугольную форму, с размерами 1,8-2,2 м x 2,65 м, ориентированную длинной осью примерно по направлению ССВ-ЮЮЗ. В целом имела достаточно крутые стенки (с северной стороны более пологие в верхней части) плавно спускающиеся ко дну, размерами примерно соответствующему основанию сруба. Заполнение ямы, в основном, представляло собой перемес зеленой материковой глины (в преобладающем количестве) и бурого гумусированного суглинка.

С некоторым смещением к югу от центра, в яме находился подквадратный в плане сруб колодца сохранившийся на высоту 11 венцов (2,45 м). Верхний венец (11-й) залегал фактически на уровне материка, был несколько деформирован. Выше сохранились разрозненные части, вероятно, еще одного (12-го) венца, в том числе фрагмент доски, возможно, от перекрытия. Основание сруба залегало на дне ямы, на глубине около 2,45-2,5 м. от уровня материка. Сруб постепенно, несколько неравномерно сужался кверху. Вероятно, сохранился почти на полную свою высоту.

Размеры сруба по основанию (1-й венец) составили 1,75 м x 1,75 м / 1,3 м x 1,3 м. На уровне 10-го (предпоследнего сверху венца) сруб сузился до размеров 0,9 м x 0,9 м / 0,7 м x 0,7 м. Верхний (11-й) венец имел еще более маленькие размеры сторон, в пределах 0,7-0,85 м / 0,5 м x 0,6 м (следует учитывать некоторую его деформированность).

Сруб был сложен из дубового бруса, часто неровного, несколько изогнутого, в большинстве случаев, подпрямоугольного в поперечном сечении, с внешней стороны с закругленными углами и несколько выпуклой гранью. Способ рубки углов в лапу с оставлением коренного шипа. Нижний (1-й) венец состоял из более массивных брусьев, нежели остальные, с размерами в поперечном сечении около 0,44 м в ширину и около 0,22-0,24 м толщиной (впрочем, из-за постоянного притока грунтовых вод брусья этого венца не удалось расчистить полностью с внешней стороны и указанные размеры предположительны). 2-й–10-й венцы состояли из брусьев имевших 0,16-0,26 м в ширину (в среднем, около 0,2 м) и 0,1-0,16 м в толщину. Верхний (11-й) венец был менее массивный, состоял из брусьев, или даже крупных жердей подовальной и округлой в поперечных сечениях формы с размерами 0,08 м x 0,1-0,12 м.

Заполнение сруба состояло, в основном, из бурого суглинка с органическим тленом коричневого оттенка, мешанного с зеленой материковой глиной. В нем встречались вкрапления древесных угольков и фрагменты шлака, а так же фрагменты дерева. На дне зафиксировано несколько вбитых в грунт тонких округлых в поперечном сечении (около 0,02 м x 0,02 м) колышков, возможно, фиксировавших (в качестве ограничителей с внутренней стороны) положение брусьев нижнего венца сруба в процессе его сооружения.

Колодец 2-3 (рис. 3). Колодезная яма, частично уходящая под западный борт раскопа, имела в плане, вероятно, округлую или подовальную форму. В площадь раскопа попала лишь ее северо-восточная часть с максимальными размерами 1,25 м x 2,2 м. В целом яма имела достаточно крутые стенки, плавно спускающиеся ко дну, размерами примерно соответствующему основанию сруба, стоявшему на дне. Заполнение ямы, в основном, представляло собой бурый гумусированный суглинок с большим (вплоть до преобладания в составе перемеса, особенно в нижней части заполнения) количеством зеленой материковой глины.

Примерно по центру ямы на ее дне находился подквадратный в плане сруб колодца, сохранившийся на высоту 8 венцов (1,2 м). Верхний венец (8-й) залегал на глубине 1-1,1 м от уровня материка. Основание сруба находилось на дне ямы, на глубине около 2,3 м от уровня материка. Нижняя часть сруба имела достаточно вертикальные стенки, на уровне двух верхних из сохранившихся венцов (7-й и 8-й) несколько суживается. Вероятно, сруб сохранился примерно на половину или чуть меньше своей первоначальной высоты. Верхняя часть была некогда разобрана.

Размеры сруба по основанию (1-й венец) составили 1,2 м x 1,2 м / 0,9 м x 0,9 м. На уровне верхнего (8-го) венца – 0,94 м x 0,94 м / 0,74 м x 0,74 м.

Сруб был сложен из бруса, в большинстве случаев, в поперечном сечении подпрямоугольного, с внешней стороны с закругленными углами и несколько выпуклой гранью или полукруглого. Нижний (1-й) венец был сложен из несколько более массивных брусьев, нежели остальные, с размерами в поперечном сечении около 0,2-0,22 м в ширину и около 0,14-0,15 м в толщину. 2-й–5-й венцы имели 0,14-0,18 м в ширину и 0,12-0,14 м в толщину. Верхние венцы несколько менее массивны

(0,12-0,14 м в ширину и 0,1 м в толщину). Способ рубки углов в лапу с оставлением шипа. Материалом для сруба послужил тополь или осина¹.

Заполнение сруба состояло, в основном, из бурого суглинка с органическим тленом коричневого оттенка. Над срубом в заполнении ямы, а также в заполнении самого сруба сохранились фрагменты дерева, вероятно, от его разобранной, верхней части.

Колодец 2-4 (рис. 4). Представлял собой сруб, находившийся в яме. Верхушка сруба выявлена в нижней части слоя, яма по пятну заполнения на уровне материка. В площадь раскопа попала лишь западная часть ямы полуокруглой в плане формы, с размерами на уровне материка 0,45 м х 1,5 м. Остальная часть уходила под восточный борт раскопа. В целом яма имела достаточно крутые (за исключением верхней части с северной стороны) стенки, плавно спускающиеся ко дну, размерами примерно соответствующему основанию сруба, стоявшего на дне. Заполнение ямы, в основном, состояло из бурого гумусированного суглинка с крупными и мелкими вкраплениями зеленой материковой глины в различной ее концентрации.

Примерно по центру изученной части ямы на ее дне находился подквадратный в плане сруб колодца, сохранившийся на высоту 15 венцов (2,7-2,8 м). Верх сруба на около 0,3 м возвышался над уровнем материка. Отдельные деревянные разрозненные части встречались еще на 0,1 м выше. Основание сруба залегало на дне ямы, на глубине около 2,4 м от уровня материка. Сруб имел вертикальные стенки. Лишь на уровне верхнего из сохранившихся венцов (15-го) несколько суживался. Вероятно, сохранился почти на полную первоначальную высоту.

Размеры сруба по основанию (1-й венец) составили 0,96 м х 0,96 м / 0,7 м х 0,7 м. На уровне предпоследнего сверху (14-го) венца внешние размеры сруба составляли примерно 0,8 м х 0,8 м. На уровне верхнего (15-го) венца размеры сторон 0,7 м х 0,7 м / 0,5 м х 0,5 м.

Сруб был сложен как из грубо обтесанного бруса, в большинстве случаев, подпрямоугольного в поперечном сечении (0,14 м – 0,18 м шириной; 0,8 м – 0,14 м толщиной), так (даже чаще) и из толстых тесанных досок подпрямоугольных в поперечном сечении толщиной 0,03-0,09 м и шириной 0,12-0,22 м (один венец из досок в средней части сруба шириной до 0,32-0,34 м). Способ рубки углов в чашу. В целом сруб производит впечатление некоторой небрежности, как в выборе материала, комбинации венцов из бруса и досок, так и в исполнении.

Заполнение сруба состояло, в основном, из бурого суглинка с органическим тленом коричневого оттенка и вкраплениями материковой зеленой глины.

В нижней части сруба колодца оказался небольшой внутренний сруб, своими внешними сторонами вплотную примыкавший к внутренним сторонам внешнего сруба, без каких-либо дополнительных креплений между ними. Основанием так же залегал на дне ямы. Сохранился на высоту 5 венцов (0,6 м). Размеры его сторон составили 0,7-0,76 м / 0,56-0,58 м. Был сложен из грубо обтесанного, неровного бруса шириной 0,08-0,14 м (в основном 0,08-0,09 м), при толщине 0,07-0,1 м с отличным от внешнего сруба способом рубки углов (в лапу с оставлением шипа). Данный внутренний сруб является или конструктивной особенностью колодца или свидетельством его перестройки (как часть более раннего сруба, использованного в конструкции нового). При возведении обоих срубов использовался дуб.

Заполнения срубов трех означенных выше колодцев дали довольно многочисленный материал, прежде всего, представительные керамические серии, позволяющие уверенно датировать комплексы XVIII в. В одном случае (колодец 2-2) эта дата подтверждается и нумизматической находкой ("денга" 1749 г.). К сожалению, более точно дифференцировать даты колодцев затруднительно, но весьма вероятно, что все они, по крайней мере, на протяжении какого то периода, существовали синхронно.

Отметим, что планиграфически эти три колодца находились на территории большого производственного комплекса мануфактурного типа, связанного с выделкой и обработкой кож, различные свидетельства которого выявлены на территории западной части раскопа 1, южной и центральной частей раскопа 2. Данный комплекс функционировал в середине – второй половине XVIII в., то есть во время использования, по крайней мере, нескольких или же всех трех рассматриваемых колодцев. Таким образом, они могли служить источником воды не только для бытовых, но и для производственных нужд, чем, возможно, и объясняется такая их плотность на небольшом участке.

К концу XVIII в. – первой трети XIX в. относится колодец 1 из раскопа 3, являющийся самым основательным, капитальным сооружением из изученных колодцев.

Колодец 3-1 (рис. 5). Располагался в северной половине раскопа 3, ближе к восточному борту. Выявлен на уровне основания 3 пласта по верхнему венцу квадратного в плане сруба колодца и пятну заполнения ямы неправильной округлой формы, диаметром 3,1-3,4 м, вокруг него. По центру ямы

¹ Рисунок древесины полностью идентичен и более детальное определение невозможно (по А.А. Гольевой).

расположен квадратный сруб колодца, по верху имеющий внешние размеры 1,1 м x 1,1 м, при высоте до 2,7 м. Стенки ямы пологие, плавно сужающиеся ко дну диаметром 1,6 м (имеющему размеры, чуть превышающие площадь основания сруба). Заполнение ямы за пределами сруба состоит из двух частей (А и Б). Основная часть заполнения (Б) представляет собой перемес, состоящий из темно-серого гумуса с обильным содержанием вкраплений зеленой материковой глины. В этой части заполнения так же встречаются древесные угольки и щебень. С восточной стороны прослежены заплывы темно-серого сильно гумусированного суглинка. В средней и нижней частях ямы встречены отдельные бревна технологически аналогичные тем, из которых сложен сам сруб колодца. Часть заполнения (А) непосредственно окружающая верхнюю часть сруба, имела в плане округлую форму диаметром около 1,8 м при толщине до 0,4-0,5 м и состояла из темно-серого гумуса с вкраплениями зеленой материковой глины, содержание которой значительно меньше, чем в части заполнения Б, от чего заполнение выглядит более темным. В этой части заполнения встречены фрагменты битого красного кирпича и по границам местами прослежен древесный тлен темно-коричневого цвета. Не смотря на разницу в заполнении, обе части ямы одновременны и связаны с колодцем. Яма (Б) сооружалась для установки сруба колодца, тогда как часть ее заполнения (А) могла возникнуть уже в связи с функционированием колодца.

Сруб колодца квадратной формы, сложенный из продольно разделенных бревен, полукруглых в сечении, покоился основанием на дне ямы. Углы рублены в лапу с оставлением коренного шипа. Сохранилось 12 венцов сруба. Нижние десять венцов сруба сложены из крупных 0,2-0,3 м x 0,1-0,16 м бревен. Размеры этой части сруба составляют около 1,5 м x 1,5 м / в среднем 1,25 м x 1,25 м, при общей высоте порядка 2,4 м. В верхней части (верхние два венца) сруб сужается до 1,1 м x 1,1 м / 0,9 м x 0,9 м. Сами эти верхние венцы ощутимо тоньше нижних, их размеры не превышают около 0,1 м x 0,12-0,16 м. Вполне возможно, что эта часть являлась самым верхом (устьем) первоначального сруба колодца и соответственно он сохранился на полную высоту.

Заполнение внутренней части сруба представляет собой бурый суглинок с вкраплениями материковой глины и большим содержанием органического тлена буро-коричневых цветовых оттенков, иногда образующим прослойки (видимо трава и/или навоз). В заполнении сруба встречены доски, бревна и их фрагменты, залегавшие на разной глубине в хаотичном порядке, многие из которых технологически близки к составляющим сруб частям.

Под срубом вырыта подколодезная водосборная яма квадратной формы размерами около 0,9 м x 0,9 м, при глубине от уровня нижнего венца сруба 0,9-1 м. Ее края и стенки облицованы крупными тесанными досками и скреплены с помощью кованых гвоздей. Она углублена уже фактически в супесь, подстилающую слои материковой глины. Заполнение этой ямы (насколько можно было судить в условиях постоянного притока грунтовых вод) аналогично заполнению внутренней части сруба.

С учетом подколодезной части, общая глубина ямы и колодца соответственно составляет порядка 3,4 м от уровня материка. Вероятнее всего он являлся уличным колодцем, возможен впрочем и внутриусадебный его характер.

В заполнении, как самого сруба, так и ямы за его пределами встречено много различного материала (416 находок массового и индивидуального характера), в том числе хорошо, а в ряде случаев и узко датированного, что позволяет сделать достаточно надежные выводы о времени сооружения, функционирования и прекращения функционирования колодца.

Обращает на себя внимание, что керамика из ямы за пределами сруба, попавшая туда во время сооружения колодца, датируется XVIII в., а керамический комплекс из заполнения собственно сруба относится к первой трети XIX в. Данная датировка подтверждается и другими категориями находок (в частности двумя целыми стеклянными бутылками с клеймами, содержащими даты 1815 и 1819 гг.). Таким образом, колодец, вероятно, возник в конце XVIII в., а прекратил свое существование к концу 1-й трети XIX в.

Еще один колодец XIX в. из раскопа 3, располагавшийся примерно в 10 м к западу от предыдущего, существенно отличается от остальных по своим конструктивным особенностям.

Колодец 3-2 (рис. 6). Представляет собой вкопанную в землю конструкцию из трех помещенных непосредственно друг на друга бочек без днищ и крышек. Бочки имели диаметр около 1,2 м. Высота нижней составляла порядка 0,8 м, средней около 1 м, и верхняя сохранилась примерно на 0,9 м, при этом ее верхний край слегка обломан и ее первоначальная высота была несколько больше. Все бочки состояли из сосновых и, реже, еловых клеппин, скреплены дубовыми обручами. Заполнение внутренней части бочек представляло собой перемес бурого суглинка и желтой глины с большим содержанием органического тлена, так же с обломками досок (в основном, от бочек) в верхней части заполнения. Границы ямы, в которую была вкопана конструкция выявлены на уровне материка. Имела неправильную округлую форму, диаметром 1,4-1,45 м. Стенки, вероятно, были близки к верти-

кальным. Углублена до 2,7 м от уровня материка. Дно в целом плоское. Заполнение ямы между бочками и стенками представляет собой перемес желтой материковой глины и бурого суглинка.

Исходя из конструктивных особенностей, можно предположить, что это был технический или дренажный колодец. Происходящий из заполнения материал позволяет датировать его только достаточно широко в пределах XIX в.

Наиболее поздним из изученных колодцев является комплекс, выявленный на дне одной из траншей под прокладку коммуникаций к востоку от раскопа 2.

Траншея 2. Колодец 1 (рис. 7). Выявлен в центральной части траншеи 2 на ее дне. Представлял собой перекрытый досками квадратный сруб, исследованный на высоту 16 венцов (3,2 м). Колодец сложен из деревянного бруса шириной 0,16 – 0,2 м, толщиной 0,05-0,1 м, и длиной 1,1 – 1,7 м. Внутренние размеры верхнего венца колодца – 1,1 м х 1,2 м. Углы рублены в лапу с шипом, но в ряде случаев с существенным выпуском концов. В верхней части сруб имел вертикальные стенки, в нижней трапециевидно расширился. Яма под сруб колодца была забутована бурым суглинком. Ввиду ширины траншеи (1,5 м) удалось зафиксировать только один ее параметр – ширину ямы вдоль траншеи – 1,8 м. Сам сруб на момент исследования был до верха заполнен грунтовой водой. Нижняя часть (расширенная) была по центру завалена битым красным кирпичом со следами известкового раствора. В колодце находилось несколько деревянных частей его конструкции, включая деревянный барабан, а так же небольшой материал, находящийся в переотложенном состоянии и имеющий широкую датировку. Исходя из стратиграфических наблюдений, а именно, зафиксированного по бортам траншеи прорезания срубом колодца напластований XIX в., сам колодец можно датировать началом XX в. Он был частично засыпан битым красным кирпичом и перекрыт досками уже, возможно, перед началом строительства комплекса казарм ОГПУ-НКВД в конце 1920-х гг.

Наконец, хронологические позиции еще одного колодца, располагавшегося в северной половине раскопа 2 определить не так просто.

Колодец 2-1 (рис. 8). Пятно заполнения ямы на уровне материка имело в плане подпрямоугольно-шестигранную форму. Углы слабоскруглены, границы пятна четкие. Имело размеры примерно 2 м х 2,4 м. В центре выделялось отличающееся по заполнению, квадратное пятно размерами около 1 м х 1 м, по местоположению, форме, ориентации и размерам, видимо, точно соответствовавшее верхней, разобранной, части сруба колодца, нижняя часть которого была выявлена на дне ямы.

Стенки в верхней части ямы, до глубины около 2 м. от уровня материка, близкие к вертикальным, ниже слегка сужались ко дну (около 2,2-2,3 м х 2,2-2,3 м).

На дне ямы, по центру, находился сруб квадратной формы. В разрезе имел трапециевидную форму, постепенно сужаясь кверху, с внешними размерами по низу 2 м х 2 м, по верху 1,5 м х 1,5 м. Сохранился на высоту 6 венцов (около 1,1-1,2 м). Был сложен из крупного дубового бруса шириной около 0,2 м, за исключением верхнего венца имевшего ширину около 0,1 м. Толщина его составляла 0,1-0,12 м. В поперечном разрезе брусья имели, как правило, подпрямоугольную форму, с слегка скругленной внешней стороной. Углы сруба рублены в лапу с оставлением коренного шипа.

Основание сруба находилось на дне ямы на глубине около 3 м от уровня материка.

Заполнение сруба представляло собой бурый суглинок с органикой и зеленой материковой глиной, часто в виде локальных концентраций. На дне сруба находился фрагмент широкой доски и несколько бревен. Вероятно, это части колодца, упавшие на его дно в период функционирования или при разборке верхней части сруба.

В заполнении собственно сруба выявлен единственный маленький фрагмент фаянсового изделия (чашечки?) с очень широкой возможной датировкой.

Выявленная часть сруба представляла собой нижнюю водозборную часть колодца (зумф). Верхняя часть сруба колодца была разобрана, а сам он был засыпан. Эта верхняя часть, вероятно, имела вертикальные стенки, квадратную форму размерами от 1,5 м х 1,5 м до 1 м х 1 м и состояла примерно из 10 венцов.

Верхняя часть заполнения ямы представляла собой разнородный перемес зеленой и желтой глин, бурого, темно-бурого суглинков, с вкраплениями органического тлена, щепы, фрагментов дерева, красного кирпича в виде крошки и обломков с локальными различиями в сочетании компонентов и их соотношении.

По структуре заполнения ямы можно сделать вывод, что при демонтаже верхней части сруба он выкапывался, обкапывался по площади всей ямы, которая при этом могла быть даже несколько расширена в верхней части. Возможно, планировалось не просто извлечь верхнюю часть сруба, но заменить ее на новую конструкцию, возведенную на старом основании, но от этого в процессе работ отказались и засыпали яму.

По своим параметрам и технологии данный колодец особенно близок колодцу 1 из траншеи 2. Исходя из стратиграфических соображений, последний можно датировать началом XX в. Эту же да-

тировку можно было бы распространить и на данный колодец. Однако отметим, что хоть и небольшая, но достаточно однородная керамическая серия (18 фрагментов круговых сосудов) из заполнения ямы относится к XVIII в., что оставляет вопрос о датировке колодца открытым.

Таким образом, было с разной степенью полноты (но во всех случаях доводя разборку заполнений до основания колодцев) изучено 8 разновременных городских колодцев.

Семь из них представляют собой срубы, помещенные в ямы, в большинстве случаев, сужающиеся ко дну до размеров лишь немного превосходящих площадь основания срубов.

Вопрос о том, сооружались ли срубы непосредственно в ямах или спускались в ямы уже в готовом виде в каждом отдельном случае надо решать отдельно. Возможны оба варианта, а так же комбинированный, при котором сруб частично спускался в яму в готовом виде, частично же возводился уже в ней.

Во многих случаях теснота ямы в нижней части, а также постоянный приток грунтовых вод делали возведение конструкции непосредственно в ней очень сложной задачей. Однако, вероятно, именно так и поступали в случае с колодцами 3-1, 2-2, 2-1 и колодцем в траншее 2.

Основания колодцев находились на глубинах от -550 до -660 от репера раскопа, что соответствовало глубине от 2,3 м. до 3,5 м. от материка. Данный интервал глубин оснований колодцев дает представление об уровне грунтовых вод в этой части города в период функционирования колодцев, но слишком узкий, что бы проследить динамику изменения этого уровня на протяжении XVI – нач. XX вв.

Четыре сруба сохранились практически на полную свою высоту (колодцы 2-2, 2-4, 3-1, в траншее 2), верхняя часть остальных была некогда разобрана на половину и более первоначальной высоты сруба.

Все срубы имели в плане квадратную форму с внешними размерами по основанию от 0,96 м до 2 м, по верху же (минимальные размеры) от 0,7 м до 1,1 м. Сооружались из бревен, различного бруса (в этом случае способ рубки углов, как правило, в лапу с оставлением коренного шипа) или толстых тесанных досок (углы в этом случае рубились в чашу).

Нижние венцы срубов наиболее массивные в конструкции, верхние же напротив самые тонкие и неширокие. Верх срубов, там где он сохранился, заужен.

По своей форме срубы можно разделить на два основных типа.

Первый тип. Срубы с практически вертикальными стенками (колодцы 1-1, 2-4, 3-1). В двух случаях (колодцы 1-1, 3-1) под срубами имелись водозборные подколодезные ямы в конструкции которых так или иначе использовалось дерево.

Второй тип. Двухчастные срубы с вертикальными стенками в верхней части и четко выраженным, трапециевидным в разрезе расширением (зумфом) в нижней части (колодцы 2-1, в траншее 2).

Как бы типологически переходными между этими типами являются срубы колодцев 2-2 и 2-3. Они так же расширяются в нижней части, но это расширение плавное, постепенное, без четко выделенного перехода к зумфу.

При возведении срубов использовался преимущественно дуб, в одном случае (колодец 1-1) в сочетании с другими породами дерева, выбор которых вероятно был случаен (имевшийся подручный материал). Лишь в одном случае (колодец 2-3) сруб был целиком возведен из тополя или осины.

Совершенно особый тип колодца представляет собой сооружение из поставленных друг на друга бочек (колодец 3-2). Однако традиция использовать вкопанные в землю бочки в дренажных целях хорошо задокументирована в Туле для XVIII-XIX вв.

Из заполнений 8 колодцев и их ям происходит многочисленный материал, состоящий из порядка 1100 находок массового и индивидуального характера. Среди них выделяется керамическая серия (около 650 единиц), включающая фрагменты, археологически и реально целые формы круговых сосудов. Почти во всех случаях присутствовали также остеологические материалы, представляющие собой кухонные отбросы. Остальные находки это различные фрагментированные и целые изделия из глины, фаянса, фарфора, кости, дерева, кожи, ткани, черного и цветных металлов, стекла, камня.

Значительная часть материала концентрировалась в нижней и придонной частях заполнений колодцев. Среди него выделяются артефакты, попавшие в колодец в период его функционирования и связанные с его использованием. Это фрагменты деревянных составных ведер, бадей, шаек (колодцы 2-2, 3-1), багры (колодец 3-1), миски-пиалы грубой работы, использовавшиеся, видимо, на манер кружек для питья и стоявшие на краю колодца (колодец 2-4), вероятно так же целые формы кувшинов (колодцы 2-2, 2-4) и пр. (рис. 9). Остальные находки попали в колодцы случайно в период их функционирования или в качестве мусора после того как колодцы перестали использоваться по назначению.

Период в течение которого функционировал каждый колодец определить достаточно трудно. Вероятно, он составлял около 30 лет.

По завершении использования колодцы в некоторых случаях постепенно, в течении какого-то времени заполнялись мусором, бытовыми и хозяйственными отходами, в других случаях они засыпались в течении короткого времени, если не одновременно (так, например, фрагменты изразцов, вероятно, из одного печного набора происходят как из верхней, так и из нижней частей заполнения сруба колодца 2-2, аналогичное наблюдение и в случае с колодцем 3-2). Сами срубы иногда оставались фактически не тронутыми, за исключением их наземных частей, иногда же разбирались сверху до половины и более для вторичного использования их деревянных частей. Колодец в траншее 2 был засыпан битым красным кирпичом (скорее присыпан до уровня верха зумфа) и перекрыт сверху досками и в таком виде сохранился до момента исследований.

Полевое изучение колодцев сопряжено с рядом технических и методических трудностей. Отчасти они обусловлены параметрами колодезных ям, сравнительно небольшой глубиной при сравнительно малой их площади, но главным образом, постоянным притоком грунтовых вод.

В описанных случаях ситуация усугублялась еще тем, что в настоящее время в центре Тулы уровень грунтовых вод поднялся по сравнению с предшествующими веками существования города. В разных частях раскопов он зачастую соответствовал уровню материка, а иногда и начинался выше его. Постоянный приток грунтовых вод приводил, в частности, к подмыванию стенок ям и их периодическим обвалам.

Отметим так же, что заполнение колодцев, особенно в нижней части, было существенно насыщено влагой, вплоть до состояния жидкой консистенции, что затрудняло наблюдения за его структурой, слоями и прослойками и, в ряде случаев, делало членение залегания материала по пластам довольно условным.

В связи с этим несколько фраз о примененных нами стратегиях изучения колодцев.

Колодцы из раскопок 2012 г. (колодцы 1-1, 3-1, 3-2) выбирались вручную по всей площади ямы с поэтапным разбором стратиграфического профиля и деревянных конструкций колодца по мере углубления. Вода дренировалась с помощью дренажных траншей и удалялась из них насосом за пределы объекта.

Этот способ, восходящий к классическим приемам разборки заполнений углубленных в материк комплексов на поселениях, применительно к колодцам в условиях высокого уровня грунтовых вод выявил ряд недостатков. Прежде всего, он требовал значительных затрат времени, что в условиях постоянного притока грунтовых вод приводило к регулярным обвалам стенок ям, которые приходилось постоянно расширять, делая их стенки более пологими и укреплять деревянными щитами в целях повышения безопасности работ. Кроме того, при таком способе изучения колодцев их заполнение и конструкцию приходилось изучать дискретно, поэтапно, постоянно разбирая зафиксированные верхние части для изучения нижележащих. Особенно отмеченные трудности проявились при исследовании колодцев 3-1 и 3-2.

В 2014 г. при исследовании колодцев 2-1, 2-2, 2-3, 2-4 была применена несколько иная методика.

После выявления верха сруба колодца он и окружающая его яма расчищались на глубину 2-3 венцов сруба. Комплекс фиксировался на этом уровне. Затем колодезная яма с одной из сторон вплоть до стенки сруба расширялась и углублялась при помощи экскаватора и доводилась до отметки на 1-2 м глубже нижнего венца сруба. Таким образом, получалась дренажная яма позволяющая дренировать весь колодец до основания. Вода из этой ямы удалялась с помощью насоса или отчерпывалась ковшом экскаватора. Обеспечивался доступ к срубу колодца не только сверху, но и с боку на всю глубину его залегания.

В итоге получался разрез ямы по линии одной из сторон сруба. Затем стенка, оказавшаяся в разрезе разбиралась (иногда с оставлением венцов через некоторые промежутки, чтобы не допустить "складывания" сруба после разборки его заполнения) и изучалось заполнение сруба и его конструкция.

Осознаваемым недостатком такого способа является утрата значительной части окружающей сруб ямы для исследования. Преимуществами же, кроме повышения безопасности работ явилась возможность более тщательно исследовать оставшуюся часть ямы и сам сруб, включая исследование его заполнения так сказать "на одном срезе"¹.

В заключение хочется выразить надежду, что данное сообщение хоть в какой-то мере смогло проиллюстрировать перспективность колодцев позднесредневекового и нового времени как объектов археологических исследований.

¹ Что касается колодца, верх сруба которого был выявлен на дне траншеи 2, для его изучения достаточно было откачать из него воду.

Список литературы

1. Моисеев А.В. Отчет об охранных археологических раскопках на территории объекта археологического наследия "Культурный слой исторического ядра г. Тулы XVI-XIX вв." (на участке строительства комплекса жилых зданий по адресу: ул. Советская, 53) в 2011-2012 гг. – Тт. 1-10. – Липецк. – Архив ИА РАН.

2. Моисеев А.В. Отчет об охранных археологических раскопках на территории объекта археологического наследия "Культурный слой исторического ядра г. Тулы XVI-XIX вв." (на участке строительства комплекса жилых зданий по адресу: ул. Советская, 53) в 2014 г. – Тт. 1-9. – Липецк. – Архив ИА РАН.

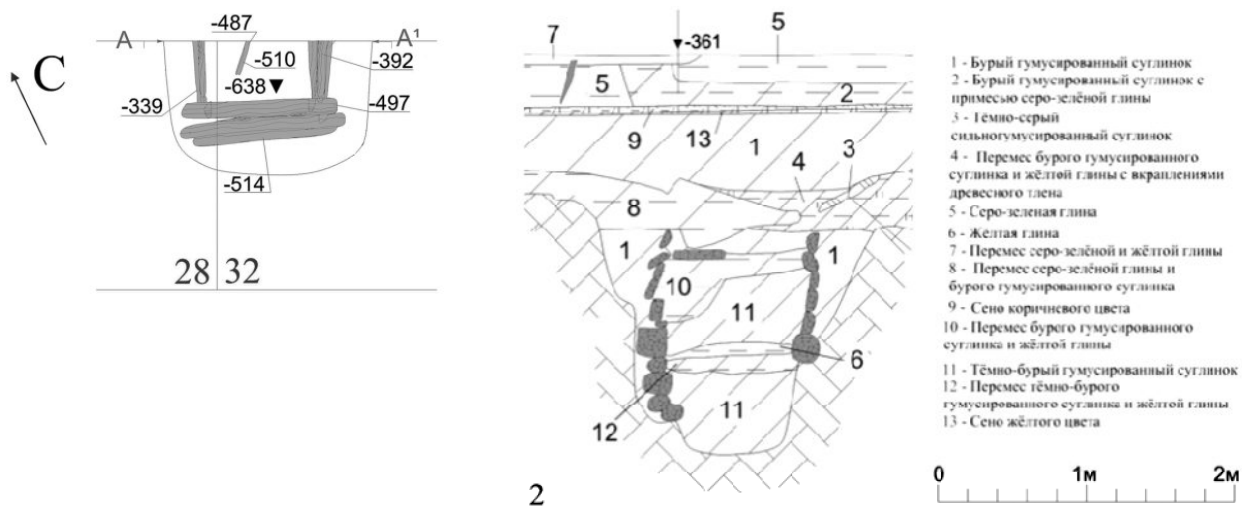

Рис 1. Раскоп 1. Колодец 1. План (1), разрез (2)

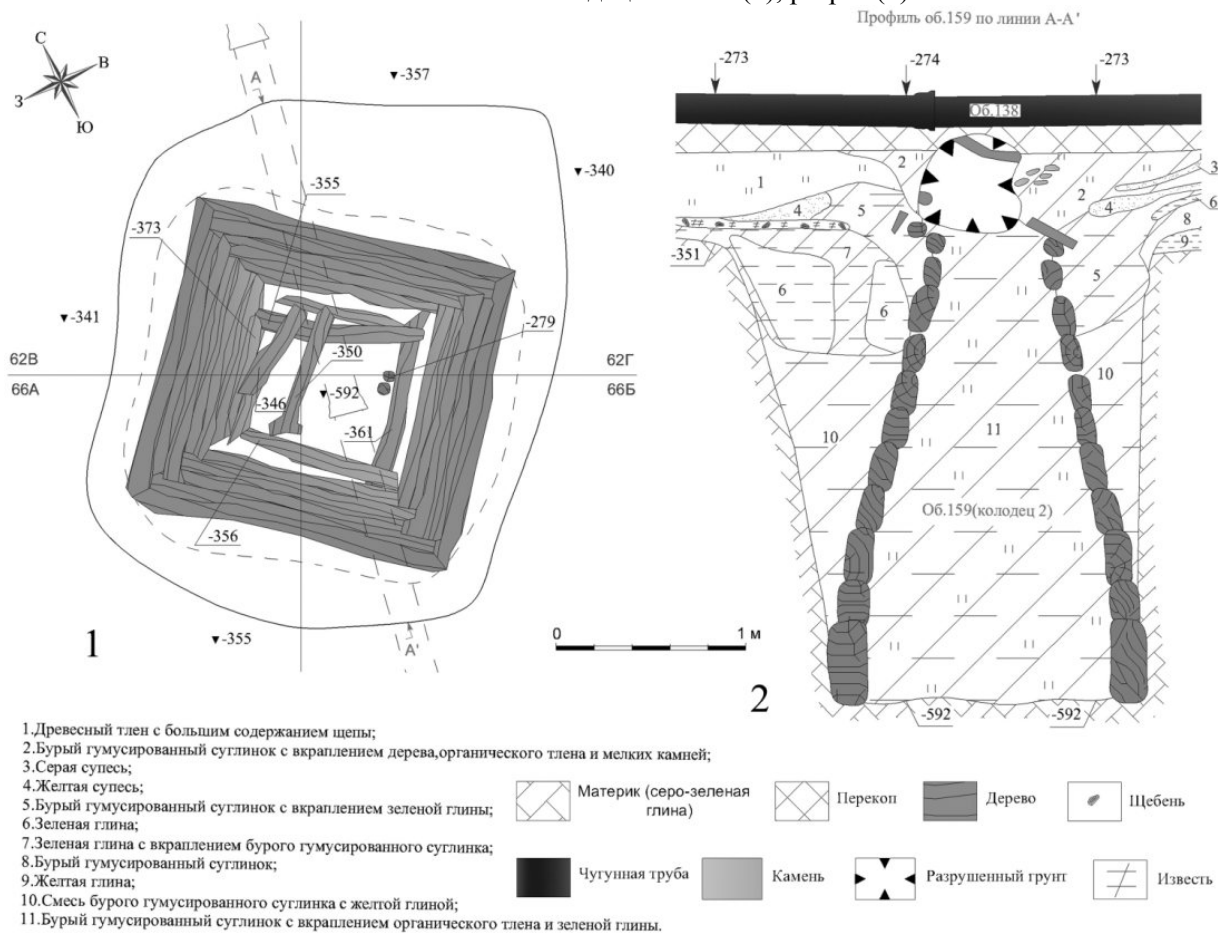

Рис. 2. Раскоп 2. Колодец 2. План (1), разрез (2)

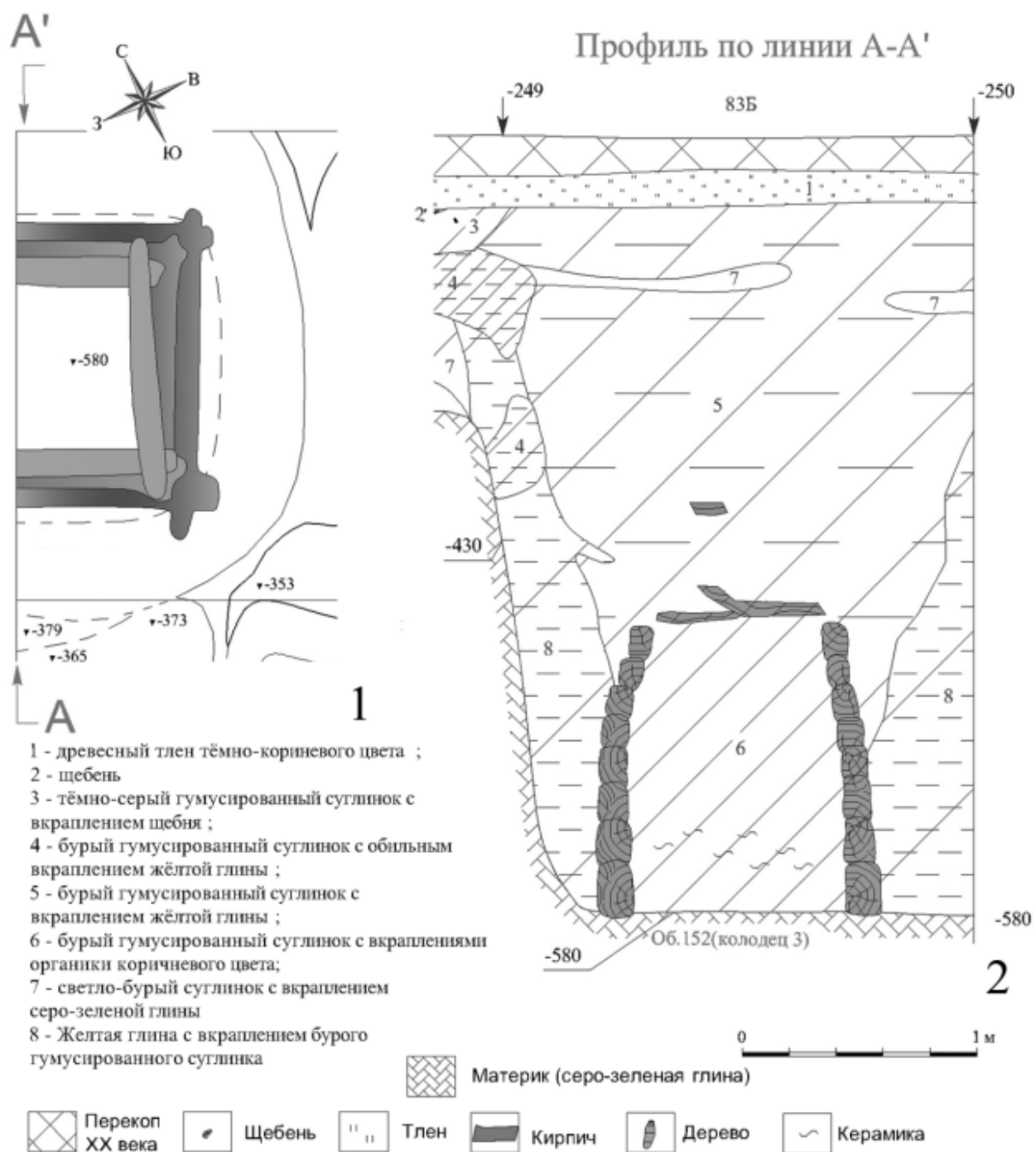

Рис. 3. Раскоп 2. Колодец 3. План (1), разрез (2)

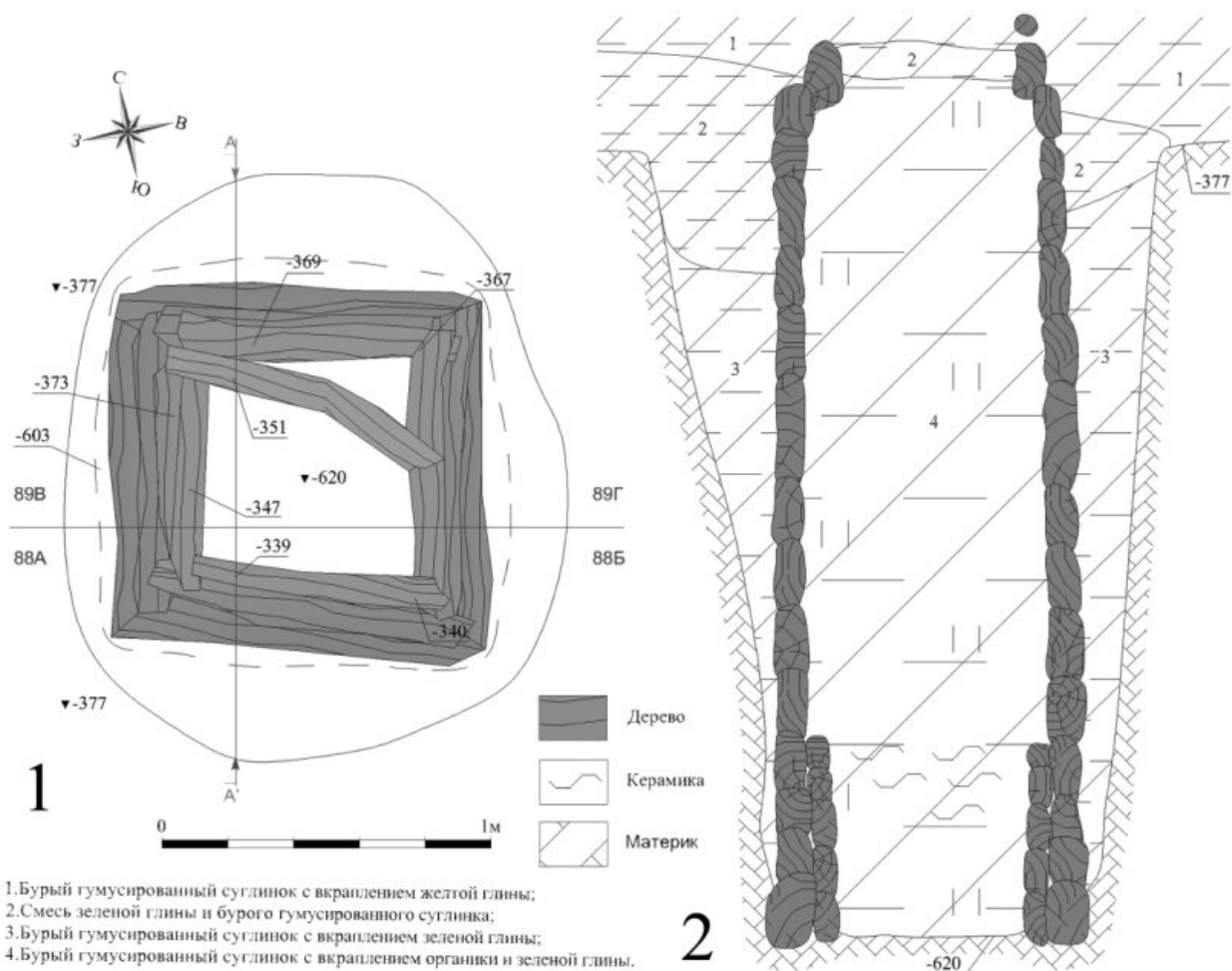

Рис. 4. Раскоп 2. Колодец 4. План (1), разрез (2)

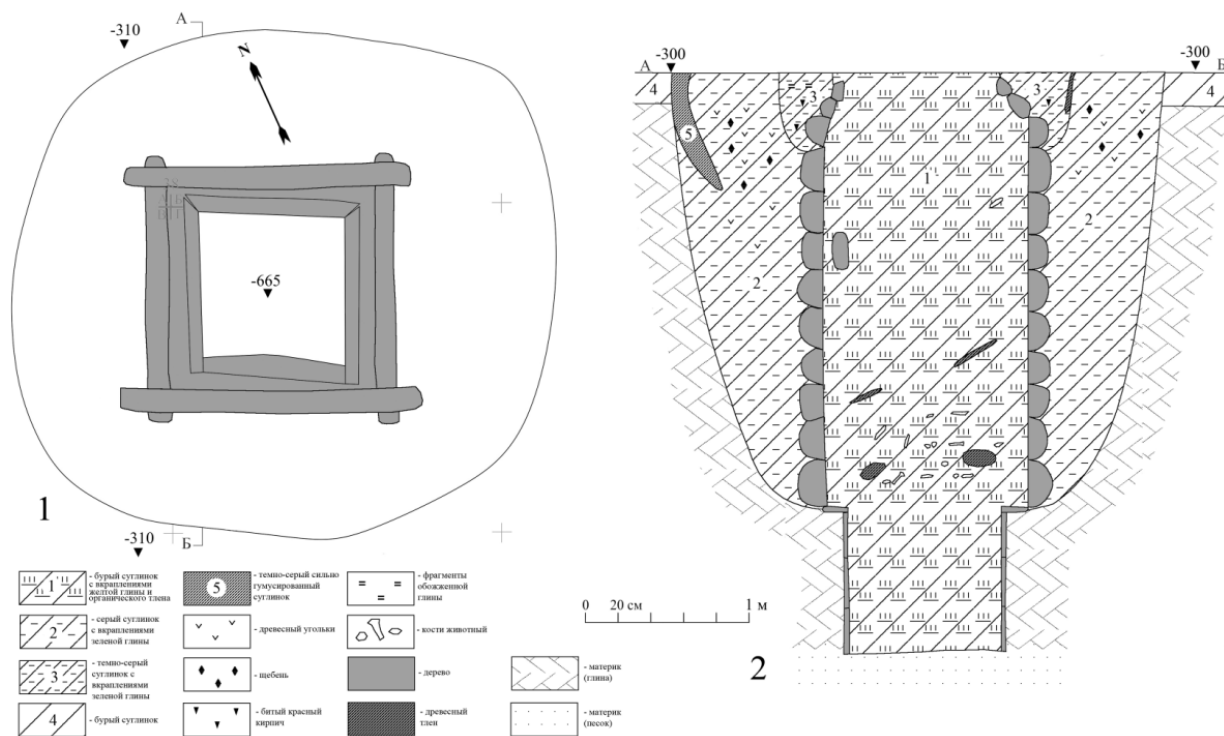

Рис. 5. Раскоп 3. Колодец 1. План (1), разрез (2)

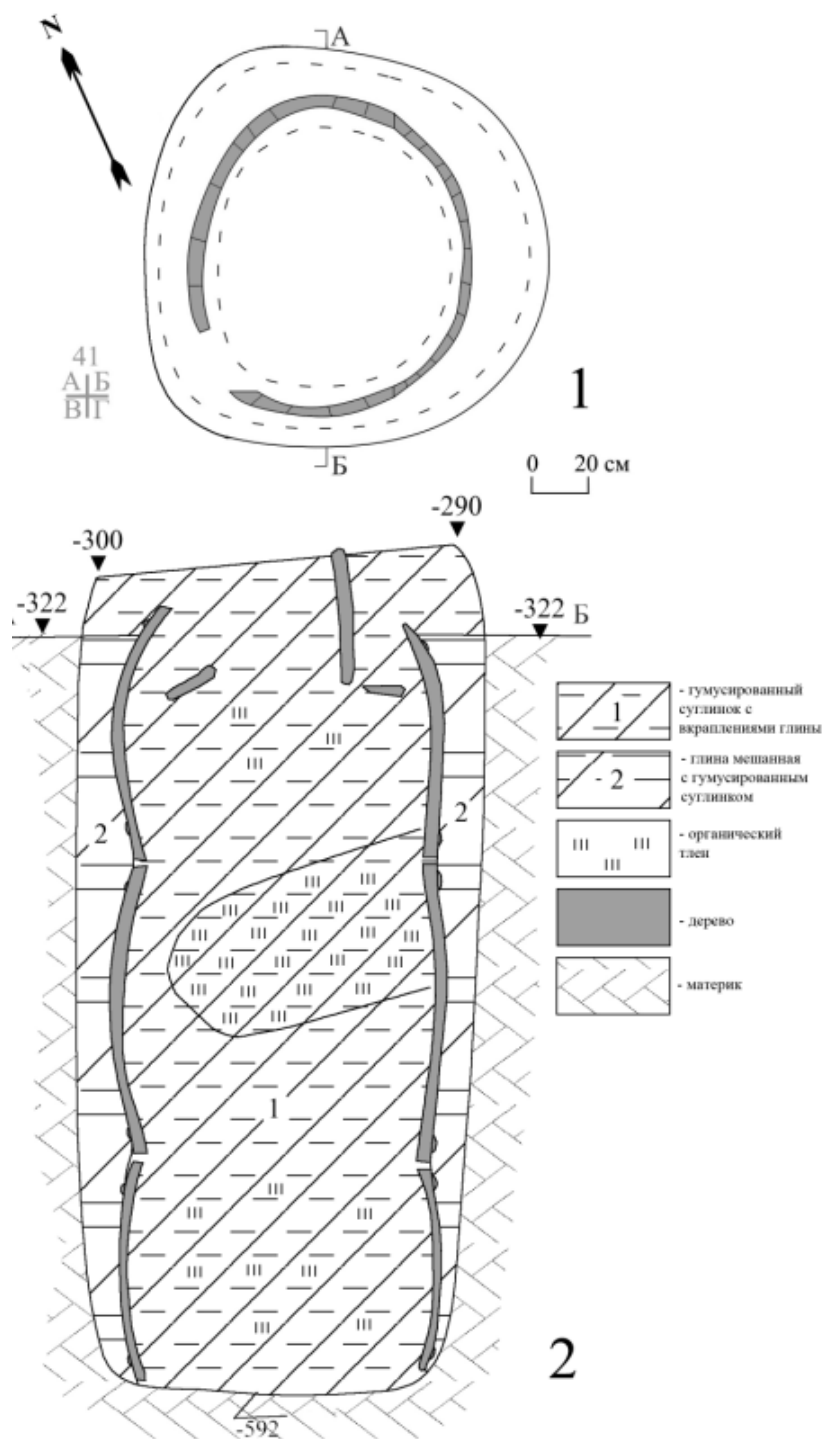

Рис. 6. Раскоп 3. Колодец 2. План (1), разрез (2)

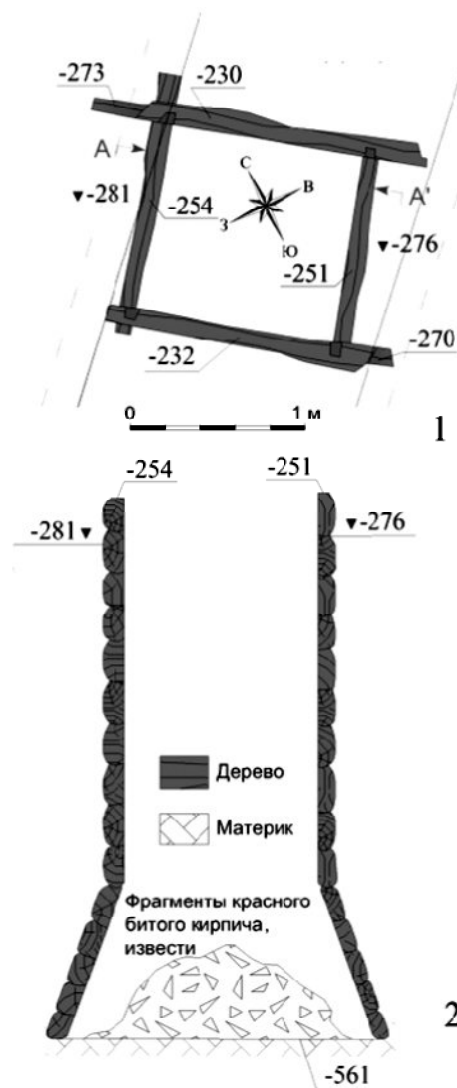

Рис. 7. Раскоп 2. Колодец 1. План (1), разрез (2)

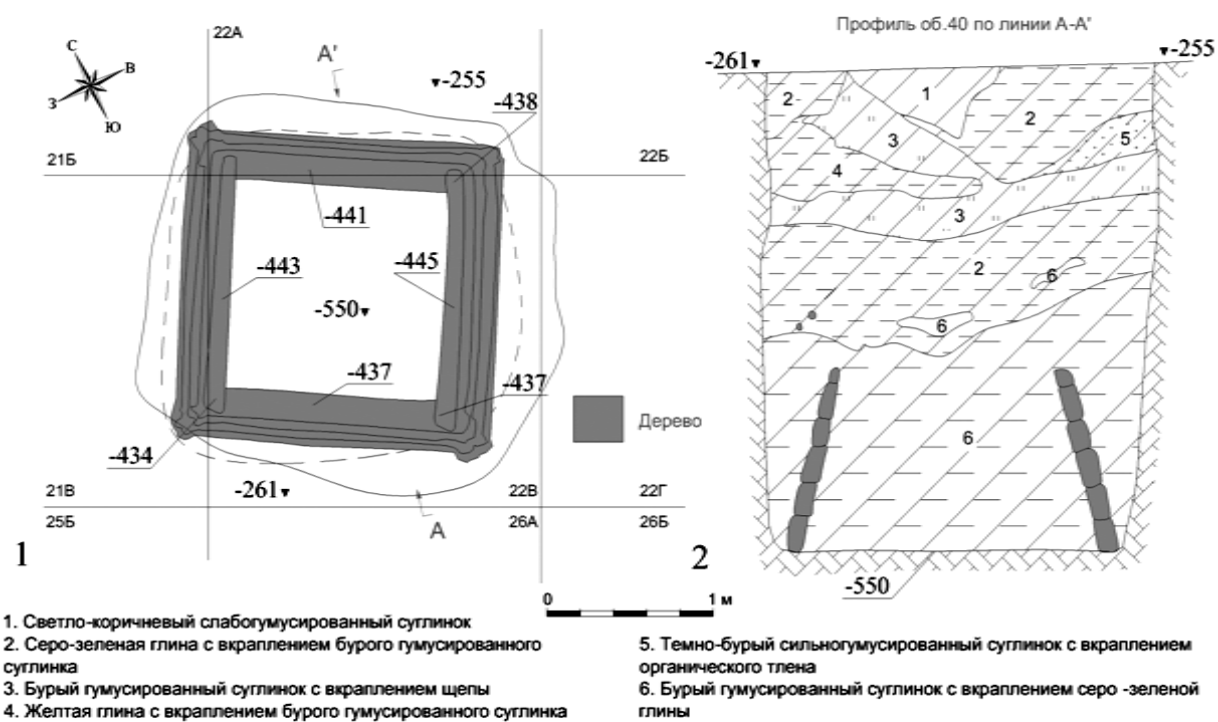

Рис. 8. Траншея 2. Колодец 1. План (1), разрез (2)

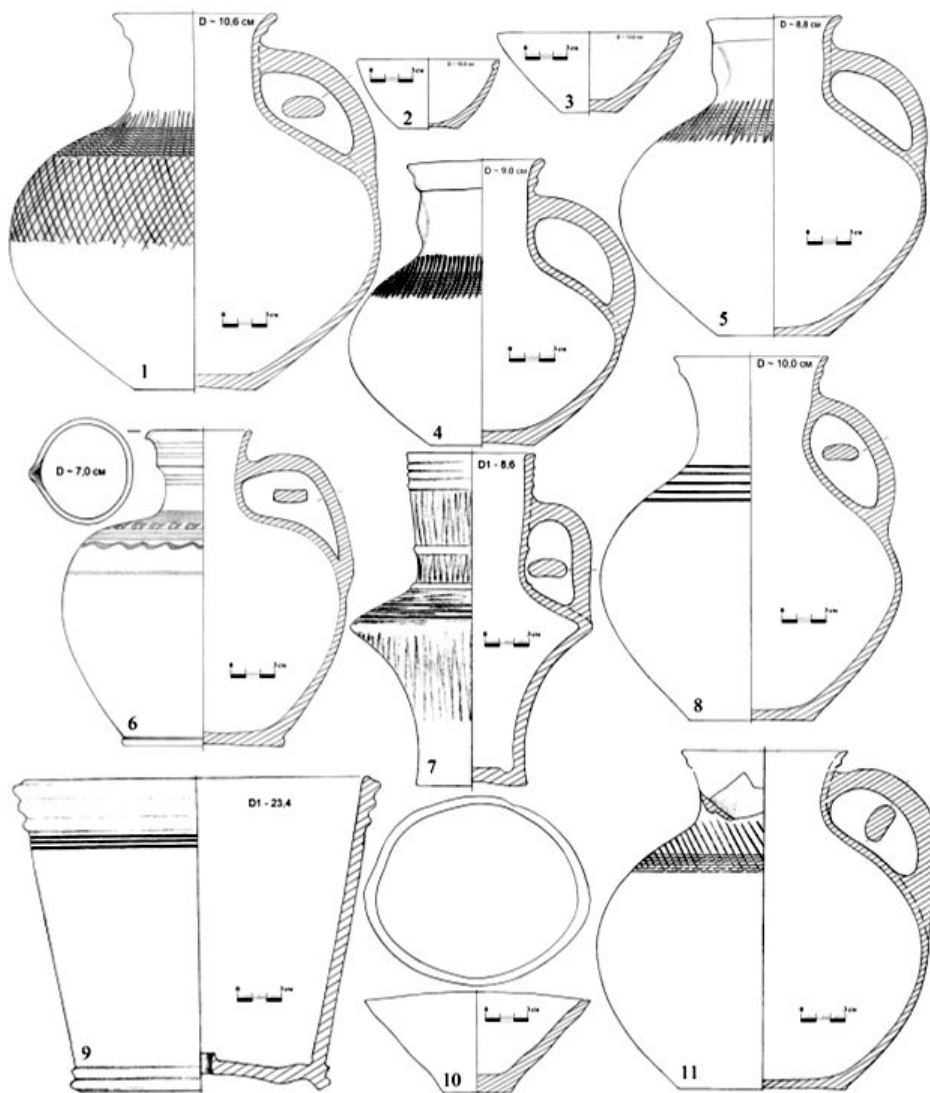

Рис. 9. Образцы целых форм круговых сосудов из заполнения колодцев 2-2 (1, 4, 5, 6), 2-3 (8), 2-4 (2, 3, 10), 3-1 (7, 9, 11). (По Ю.Г.Екимову и С.В.Зацаринному)

УДК 903.1

В.В. Колода

Специализированные ремесленные инструменты, их роль и место среди орудий труда на салтово-маяцком селище Мохнач-П

Аннотация. Многолетние исследования селища салтовской культуры Мохнач-П (вторая половина VIII – IX вв.) позволили выявить значительное количество специализированных ремесленных инструментов. Среди них можно выделить такие группы: для работы с металлами (кузнечные и слесарно-ювелирные инструменты), специальные орудия для обработки природного сырья: дерева, кости, рога. Первая группа инструментов связана с профессиональными навыками работы на заказ, а вторая – с домашним производством. Сравнительный анализ номенклатуры и количества подобных специализированных орудий на городище Мохнач и селище Мохнач-П из его окружи приводят к важным выводам. Указанное селище ни в одном из видов производственной непродовольственной деятельности не уступало городищу. Наряду с городищем селище Мохнач-П было важным центром ремесленного производства для обширной сельскохозяйственной округи одного из лесостепных микро-

регионов Хазарии с центром на городище Мохнач. Металлические изделия изготавливались, главным образом, на заказ, а обработка животноводческого и природного сырья осуществлялась в домашнем хозяйстве.

Ключевые слова: салтовская культура, Хазария, ремесло, орудия труда, кузнечное производство, ювелирное производство, обработка дерева, кости, рога.

Abstract. Long-term investigations of Mokhnach "П" Saltovo-Majaki settlement (second half of VIII-IX centuries) allowed to discover a considerable amount of specialized crafting tools. The following groups can be identified among them: for metal work (bench-work and forging tools), special instruments for natural raw material processing: wood, bone, horn. The first group of tools is connected to the professional work order skills, and the second one – to household production. Comparative analysis of instrument types and amount of similar specialized tools in Mokhnach hillfort and Mokhnach "П" settlement within its vicinity lead to important conclusions. The mentioned settlement equaled to the hillfort in all kinds of non-food production. Along with the hillfort, Mokhnach "П" settlement was an important craftwork hub for a vast farming district of one of Khazarian forest-steppe microregions with a center in Mokhnach hillfort. Metal products were mainly produced to order, while livestock and natural raw materials processing were held in household.

Key words: Saltov culture, Khazaria, craft, implements of labor, forging manufacturing, jewelry manufacturing, wood, bone, and horn processing.

Салтово-маяцкая культура – ярчайший культурный феномен раннесредневековой археологии юга Восточной Европы. В её хозяйственном комплексе значительное место принадлежало ремеслу и домашнему производству. Данный вид производственной деятельности по-разному проявлялся на различных поселенческих памятниках и, как правило, наиболее полно представлен на городищах или в специализированных ремесленных центрах, связанных с определённым производством: получением и обработкой металла или же гончарным производством. И всё же, некоторые селища могут составить в этом плане конкуренцию городищам.

Примером этого может служить селище Мохнач-П¹ – одно из 15 селищ салтовского периода вокруг городища Мохнач (Горбаненко, Колода, 2013, с. 23). Памятник расположен на правом берегу Северского Донца в 3,5 км на север–северо-восток от городища и самого с. Мохнач Змиевского района Харьковской области (рис. 1). Он занимает три участка изрезанного оврагами края плато к северо-востоку от источника "Медный" в районе "Партизанской поляны" между селами Мохнач и Эсхар. Здесь в 2008, 2009, 2011, 2014 и 2015 гг. работала Средневековая экспедиция Харьковского национального педуниверситета под руководством автора. К настоящему времени раскопами изучено 3948 м² (≈97,5 % из них – сплошной площадью раскопа-1). В результате раскопок и сборов с дневной поверхности собран обширный салтовский материал, который представляет все возможные категории изделий салтово-маяцкой культуры.

На основании имеющихся данных хронология этого памятника укладывается в следующие рамки: вторая половина VIII – IX вв.

Среди артефактов, выявленных на поселении на конец 2015 г., известно 416 изделий из железа, 183 из которых принадлежат к различным категориям орудий труда, что составляет 44 % от всех выявленных железных предметов (табл. 1). Уже сам этот факт подтверждает высокий уровень развития чёрной металлургии и кузнечного производства в салтовской культуре вообще (что давно уже не новость) но и, в частности, свидетельствует о перспективах изучения вопросов хозяйства на открытых поселениях, которые редко привлекают внимание исследователей и ещё реже подвергаются сколь-нибудь масштабным раскопкам. Кроме того, такой высокий процент железных орудий труда на селище свидетельствует о том, что перед нами не просто поселение из числа памятников сельскохозяйственной округи городища, а памятник, занимающий особое положение в структуре Мохначанского микрорегиона, входящий в состав лесостепных территорий Хазарии.

Все железные салтовские орудия труда можно разделить на несколько условных категорий (табл. 1): орудия общего назначения, сельскохозяйственные, рыболовецкие и ремесленные. Предметы первой категории, которые составляли 42,1 % от всех орудий труда на данном памятнике, являются общеупотребимыми орудиями широкого профиля использования (ножи, шилья, иглы). В связи с тем, что они часто используются в быту, их нередко относят к предметам быта. Это, по нашему мнению,

¹ С лёгкой руки Б.А. Рыбакова, который в 1950 г., открыв первое селище близ городища Мохнач, дал ему порядковое обозначение "А", все последующие селища получают буквенную кириллическую нумерацию.

не вполне корректно. Главное отличие орудий труда, которые могут быть предметами домашнего обихода, от предметов быта в том, что при помощи первых человек активно воздействует (изменяет) природное сырьё, прикладывая собственную физическую силу. К этой категории мы относим и типичные для салтово-маяцкой культуры тёсла-мотыжки с вертикальной несомкнутой втулкой, что применялись для широкого круга операций (Колода, Горбаненко, 2010, с. 31–32; Горбаненко, Колода, 2013, с. 38). Сельскохозяйственные орудия, применяемые в земледелии и животноводстве, составляли 37,2 % от общего числа орудий труда. В большинстве своём они проанализированы в одной из наших предыдущих работ (Горбаненко, Колода, 2013, с. 76–82). Рыболовные крючки единичны, что свидетельствует о крайне малой роли этого занятия в жизни населения того на рассматриваемом памятнике.

Таблица 1 – Структура железных орудий, выявленных на селище Мохнач-П (по категориям)

Группы артефактов		количество	% от общего количества изделий	% от общего количества орудий труда	% в своей категории орудий труда
Всего железных изделий		416	100		
Орудия труда		183	44	100	
Категории орудий труда	Орудия общего назначения:	77	18,5	42,1	100
	- ножи	33	7,9	18	42,9
	- шилья	21	5,0	11,5	27,3
	- иглы	16	3,8	8,7	20,8
	- тёсла-мотыжки	7	1,7	3,8	9,0
	Сельскохозяйственные орудия:	68	16,3	37,2	100
	- земледелие	54	12,9	29,5	79,4
	- животноводство	14	3,4	7,7	20,6
	Рыбная ловля	2	0,5	1,1	100
	Ремесленные инструменты:	36	8,7	19,7	100
	- металлообработка	17	4,1	9,3	47,3
	- обработка дерева, кожи, кости, рога	19	4,6	10,4	52,7

Специализированные ремесленные инструменты составляют практически пятую часть от всех орудий труда на поселении Мохнач-П. Всего на настоящий момент на памятнике известно 36 специализированных ремесленных инструментов (табл. 1), которые условно можно разделить на 2 группы. К первой относятся орудия, связанные с изготовлением металлических изделий (17 экземпляров, что составляет 47,3 % от всех ремесленных инструментов). Ко второй – орудия по обработке природного и сельскохозяйственного относительно мягкого сырья (дерева, кожи, кости, рога), которых насчитывается 19 или 52,7 % от всех специализированных инструментов.

Заметим, что домашнее и ремесленное производство не связанное напрямую с получением и переработкой пищевых ресурсов, но оснащённое соответствующими орудиями труда, являются одним из показателей общего уровня развития производительных сил общества. Для раннего средневековья большинство видов такой деятельности, что были связаны с переработкой природного сырья и продукции скотоводства, оставались на уровне домашнего производства. Однако, некоторые виды производственной деятельности, базирующиеся на переработке минерального сырья, вышли на уровень ремесленного производства, характеризующегося различной степенью товарности, серийностью изделий, использованием специализированных помещений-мастерских и значительного по номенклатуре орудийного инвентаря, а также сложными термотехническими сооружениями. К таковым относятся черная металлургия (Колода, 1999, с. 121–146; Степовой, 2011), кузнечное производство и гончарство (Плетнёва, 1967, с. 114, 151–153; Михеев, 1968; 1985, с. 80–97; Красильников, 1980, с. 11–13; Колода, 2001; Сарапулкин, 2003, с. 16, 22–23).

Одним из показателей уровня развития ремесленного производства любого древнего общества являются специализированные орудия труда, редко используемые в повседневности и предназначенные для конкретных операций. Они, с одной стороны, сами являются продуктами трудовой деятельности, а с другой – являются инструментами этой деятельности, что позволяет говорить о технологических возможностях как общества в целом, так и отдельных групп населения (семей, родов) на конкретных археологических памятниках (прежде всего, – поселениях). Данная работа посвящена

анализу специализированных орудий ремесленного труда – инструментов, выявленных в результате исследования селища Мохнач-П.

Наиболее важными видами хозяйственной непищевой деятельности следует считать обработку металлов и, прежде всего, черную металлургию и металлообработку. Благодаря их использованию, создавалась материально-техническая база салтовского населения региона и всего Хазарского каганата в целом, что позволило Хазарии быть активным участником этнополитических событий на юге Восточной Европы и в Циркумпонтийском регионе. Таким образом, нет сомнения, что указанные виды высокоразвитой ремесленной деятельности оказывал позитивное влияние на все аспекты жизни народов Хазарии. Подавляющая часть металлообрабатывающих инструментов и приспособлений обнаружена при исследовании кузнечной мастерской (Колода, Колода, 2009) и на юго-западном склоне третьего участка селища. Выявленные на поселении Мохнач-П инструменты по обработке металла можно разделить на 2 условные группы: кузнечные (работа с горячим металлом) и слесарно-ювелирные инструменты (работа холодным, а также литьё, ремонт и обработка изделий из цветного металла), хотя чёткую грань между ними не всегда можно провести.

Кузнечные инструменты представлены молотком-чеканом (рис. 2, 5) и двумя клещами (рис. 1, 1, 2). Молоток – проушной, веретенообразной формы, небольшой по весу (180 г).¹ Его общие размеры $10,7 \times 3,0 \times 2,5$ см, профиль несколько изогнут. У него малая площадь бойков – $0,6 \times 0,6$ и $0,5 \times 0,4$ см. Овальная проушина $2,4\text{--}1,5 \times 0,9$ см имела с внешней стороны явное расширение для уплотняющего расклинивания деревянной рукояти. Исходя из этого, при помощи этого молотка не могли проковывать большие массивные заготовки. Такими бойками затруднительно создавать ровные плоские поверхности, а вот вытягивать, изгибать металл (в том числе и в сферическую форму) было удобно. Поэтому он применялся, скорее всего, для вытяжки горячей заготовки и приданию ей сферической формы, а также для изготовления в целом небольших изделий. Немногочисленные аналогии этому молотку известны на городищах Маяки и Мохнач (Михеев, 1985, с. 89, рис. 35, 12; Колода, 2014, с. 69, рис. 1, 2).

Кузнечные клещи относятся к одной из разновидностей шарнирных инструментов: "с короткими челюстями и губами" (Михеев, 1985, с. 89), которые характеризуются относительно небольшими размерами. Это позволяет использовать одну руку для удержания относительно небольшой по весу обрабатываемой заготовки или изделия. Длина одних составляет 24,5 см, при размерах удерживающих губок – $1,2 \times 0,5$ см (рис. 2: 2); других – 22,5 см, при размерах губок – $1,0 \times 0,5$ см. По своим размерам они небольшие. Их использование связано с обработкой небольших по весу и толщине заготовок и изделий. Эти клещи в равной степени могли использоваться, как для кузнечных работ с горячим металлом, так и для слесарных (с холодным металлом). Наиболее близкие аналогии им мы находим на городище Мохнач (Колода, 2002, с. 75, рис. 2, 3), Маяки (Михеев, 1985, рис. 35, 29) и на памятнике Государев Яр (Колода, 2013, с. 32, рис. 4, 3).

О развитом кузнечном производстве на памятнике может служить исследованная здесь кузнечная мастерская (Колода, Колода, 2009), а также ряд заготовок (поковок различной формы) и изделий-полуфабрикатов, найденных как в самой мастерской, так и в культурном слое памятника. Заготовки, как правило, имели форму, приближающуюся к правильной геометрической фигуре (рис. 2, 4, 10). Полуфабрикаты представляют собою заготовки изделий: лучковое сверло или шило (рис. 2, 7), напильник или нож (рис. 2, 8).

В древних обществах мастер вполне мог совмещать навыки работы в чёрным и цветным металлом и выполнять как кузнечные, так и литейные работы. Это вполне проявилось на исследуемом селище: в кузнечной мастерской найдена ложка-льячка (рис. 2, 6). То, что она была сделана из железа, свидетельствует о её частом использовании и о многопрофильной деятельности её владельца. Дополнительным аргументом в пользу изготовления цветнометаллических изделий на самом поселении служит находка расколотой товарной заготовки из медного сплава (рис. 2, 9). Добавим, что и в кузнечной мастерской городища Мохнач имеются свидетельства работы кузнеца с изделиями из цветного металла (Колода, 2002, с. 73, 76, 77).

Для слесарной работы (с холодным металлом) использовались, прежде всего, режущие и удерживающие инструменты. К режущим орудиям относятся: зубила и пробойники, к удерживающим – клещи-цанги и пружинный пинцет. Зубила известны в количестве 5 экземпляров (рис. 3, 1–3, 5, 8). Они представляли собою чаще всего прямоугольные в сечении стержни длиной 5–10 см. Их лезвие имело, как правило, длину 0,5–1,0 см и предназначалось для мелких работ. Аналогии этим ин-

¹ Аналогичный вес имел молоток из мастерской кузнеца на городище Мохнач (Колода, 2014, с. 69). Близкий вес (190 г) у молотка одного из комплексов Государева Яра (Колода, 2013, с. 76). Судя по размерам, близок им и вес молотка из Сухой Гомольши (Колода, 2012, с. 32). Не исключено, что этот вес (180–200 г) является одним из стандартов для наиболее распространённого кузнечного инструмента каковым был молоток.

струментам широко известны в салтовской культуре (Например: Михеев, 1985, рис. 35, 17, 18; Колода, 2014, с. 70, рис. 2, 1, 2;). О частоте использования зубила и прилагаемой к нему силе косвенно может свидетельствовать деформация их ударной площадки (обушка). Своей массивностью, длиной лезвия и деформацией обушка выделяется одно короткое зубило (рис. 3, 8), аналогии которому нам не известны. Пробойники, служащие для прошивания отверстий в листовом металле, представлены двумя экземплярами: большим и малым. Большой представляет собою массивный прямоугольный стержень $18,5 \times 1,2 \times 1$ см (рис. 3, 6). Меньший представлял собою конический стержень длиной 5,5 см 10 см с подпрямоугольной скошенной от работы ударной площадкой $1,0 \times 1,2$ см и несколько деформированной рабочей частью (рис. 2, 3). Аналогичные инструменты известны на городищах Маяки и Мохнач (Михеев, 1985, с. 89, рис. 35, 21; Колода, 2002, с. 74, рис. 2, 3).

Среди удерживающих инструментов следует обратить особое внимание на одновременную находку пяти практически тождественных по форме и размеру специализированных клещей-цанг (рис. 3, 9). Их длина составляла 28–30 см. Эти шарнирные инструменты характеризуются длинными узкими изогнутыми под углом удерживающими концами. Такие клещи используются для захвата и вертикального удержания небольших предметов с вертикальным краем (например, тиглей). Аналогии цангам известны в материалах ювелиров Киевской Руси (Древняя Русь..., табл. 104, 3). Ещё одним достаточно редким инструментом этой группы являются небольшой пружинный пинцет на подвеске колечком (для крепления к поясу). Длина его рабочей части – 9 см при ширине зажимов – 2 см. Такие пинцеты также известны по древнерусским аналогиям (Древняя Русь..., табл. 107, 10, 11). Эти орудия предназначались для удержания небольших изделий и заготовок в слесарном и ювелирном деле.

Кроме железных инструментов для обработки металлов использовали и абразивы (точильные плиты и камни), фрагменты которых в достаточном количестве обнаружены на поселении.

Следующая группа инструментов связана с обработкой, главным образом, дерева (хотя, не исключено, что эти инструменты могли применяться и для работы с костью и рогом), а также орудия обработки кожи. По технологии применения и способу воздействия на объект обработки, их можно разделить на ударные (топоры, долото), строгачи (струги, скобели, напильник) и режущие (свёрла, резцы).

Среди орудий ударного действия наиболее многочисленными являются топоры, представленные как относительно целыми формами (рис. 4, 4, 6), так и их фрагментами (рис. 4, 1–3). Там, где это удалось проследить, они были проушными, с квадратным или прямоугольным невысоким обухом, что типично для этой группы салтовских изделий. Большинство их относится к наиболее распространённому типу-1¹ – узколезвийные топоры с длиной лезвия 4–5 см (рис. 4, 1, 2, 4). Один топор относится к типу-2 – широколезвийный с длиной лезвия ≈ 12 см (рис. 4, 6). Аналогии обоим типам топоров весьма широки (Михеев, 1985, с. 68–69, рис. 24, 9–20). Единственное долото с втульчатой рукоятью (рис. 4, 5) относится к типу-I и имеет устойчивые аналогии на памятниках лесостепной территории Хазарии: городища Маяки, Мохнач (Михеев, 1985, с. 71, рис. 32, 13–15; Колода, 2014, с. 73, рис. 4, 21).

Орудия строгачего действия представлены парой стругов, парой скобелей и напильником. Наши струги (рис. 5, 1, 2), относятся к наиболее распространённому типу данных изделий, которые характеризуются прямым лезвием (Михеев, 1985, с. 70). Длина лезвия одного из них составляет 17,5 см, другого (обломанного) – не менее 15 см. Основная функция струга аналогична функции современного рубанка – обработка плоских деревянных поверхностей. Аналогии этому инструменту известны в лесостепной салтовской среде: на городищах Маяки (Михеев, 1985, рис. 32, 10, 11) и Мохнач (Колода 2014, с. 72, рис. 4, 2), в культурном слое Сухогомольшанского могильника (Аксёнов, Михеев, 2006, с. 99, рис. 82, 3), в Государевом Яру (Колода, 2013, с. 79, илл. 11, 6). Скобели – второй тип стругов по В.К. Михееву (1985, с. 70. Рис. 32, 12) – служили для обработки округлых поверхностей, ошкуживания стволов и крупных веток. По размерам своих рабочих частей – дуги треугольного сечения (по сути – профильные рубанки) – имели схожий диаметр, который составлял около 10 см. Один из них сохранился в значительно полноте, с отогнутыми рукоятями (рис. 5, 13), другой – лишь рабочее лезвие (рис. 5, 12). Напильник представляет собою узкую полосу металла с рядом крупных косых насечек на одной из сторон и черешком для крепления к деревянной рукояти (рис. 5, 3). Его общая длина – 18,5 см, длина рабочей поверхности – 12,5 см. Аналогией ему служит практически идентичный по размерам и качеству однорядных насечек инструмент, найденный на Правобережном Цимлянском городище (Михеев, 1985, рис. 31, 5). Такие грубые напильники-рашпили могли использоваться лишь для работы с относительно мягким сырьём (дерево, кость, рог), но не с металлами. Для работы с последним видом сырья используются напильники с двурядной разнонаправленной, а, главное, с более мелкой насечкой, которая нанесена с минимальным шагом между рабочими гранями (Колода, 2012, с. 32, илл. 4, 1, 2; 5; 1–4;).

Среди режущих орудий отметим, прежде всего, резцы. Выявлены на поселение инструменты этой группы можно разделить на 2 вида: ложкорезы, применяемые для изготовления ложек, черпаков,

¹ Типология топоров разработана В.К. Михеевым (1985, с. 69–69))

мисок (рис. 5, 10, 11), и стержневые (рис. 5, 9). Размеры ложкорезов совпадают с ранее изученными (Михеев, 1985, с. 73). Их небольшая изогнутая рабочая часть (2–3 см) заканчивалась коротки черенком с отогнутым шипом на конце, с помощью которого они закреплялись в деревянной основе рукояти. Аналогии им известны как в степном, так и в лесостепном варианте салтовской культуры на поселениях и в могильниках (Михеев, 1985, с. 72–73, рис. 31, 3–4; Плетнёва, 1994, рис. 48, 8–9; Аксёнов, Михеев, 2006, с. 99; Колода, 2014, с. 71. Рис. 4, 3–10), а также на соседних с ней памятниках северян (Сухобоков, 1975, рис. 51, 11), хотя и в меньшем количестве. Единственный стержневой резец с характерным коротким лезвием-лопастью на рабочем конце имел общие размеры веретенообразного стержня 10 см (рис. 5, 8). Аналогии этому виду резцов известны на Сухогомольшанском могильнике, на селище Жовтневое, городищах: Сидоровское, Правобережное Цимлянское, Мохнач (Михеев, 1985, с. 72, рис. 17, 3; 31, 1; Плетнёва, 1994, рис. 48, 1, 3–7; Аксёнов, Михеев, 2006, с. 99, рис. 70, 13; Колода, 2014, с. 72, рис. 4, 13). Эти резцы предназначены для гравировальных и резных работ на плоскости. К этой же группе режущих орудий относится и лучковое сверло. Инструмент сохранился на 9 см своей длины (рис. 5, 9). Наше изделие относится ко второму типу свёрл (с расширением стержня для работы с лучковым приводом), которые широко известны в Подонцовье (Михеев, 1985, с. 72, рис. 31, 12; 32, 18, 19; Колода, 2014, с. 73, рис. 4. 14–16).

На селище Мохнач-П выявлено несколько десятков ножей различной сохранности. Подавляющее большинство следует отнести к орудиям широкого спектра применения (Колода, 2014, с. 71, рис. 3, 1–9). В целом все обычные бытовые ножи укладываются в типологию этих изделий, предложенную авторами публикации Сухогомольшанского могильника (Аксёнов, Михеев, 2006, с. 93–95). Такое внешнее разнообразие ножей не меняет сути их повседневного использования, а свидетельствует, вероятно, о вкусах владельца и мастера-изготовителя. Хотя мы не исключаем, что ножи различных размеров могли использоваться преимущественно в определённых операциях (равно как и ножи в современном хозяйстве). Аналогии этим инструментам многочисленны. Однако из этой массы ножей выделяются те, у которых черешок явно отогнут или смещён в сторону обушка, а относительно короткое лезвие имеет явную форму дуги (рис. 5: 4–7). У них, как правило, длинный или мощный черешок (рис. 5: 4–6), что свидетельствует о значительности прилагаемых усилий при работе инструментом. Всё это, а также этнографические параллели, указывают на то, что данные ножи могли с успехом применяться в кожевенном и шорном деле (работа с кожей, изготовление кожаных частей упряжи, доспеха). Немногочисленные аналогии этим инструментам известны лишь в салтовской лесостепи: на городищах Маяки (Михеев, 1985, рис. 18, 21), Мохнач (Колода 2014, с. 71, рис. 3, 11–14) и на памятнике Государев Яр (Колода, 2013, с. 79, илл. 8; 11, 3).

* * *

Подводя итог анализа специализированных ремесленных инструментов обнаруженных на салтовском селище Мохнач-П, следует, прежде всего, акцентировать внимание на значительном их количестве, что свидетельствует о значительном развитии непродовольственных видов производства у местного населения. Это особенно рельефно видно, если сравнить эти данные с соответствующими показателями на городище Мохнач – центре всего Мохначанского микрорегиона в салтовское время (табл. 2). По общему числу таких инструментов некоторое формальное преимущество имеет городище. Но его изученная площадь культурных отложений периода Хазарского каганата составляет в настоящий момент 6649 м², тогда как на селище Мохнач-П исследовано значительно меньше – 3348 м². Несложными подсчётами получаем для городища показатель обнаружения специализированных инструментов в 6,2 на 1000 м² изученной площади. Для селища Мохнач-П этот показатель на 30 % выше и составляет 9,1.

Группы специализированных инструментов сходны, их номенклатура – подобна (табл. 2). Из этого напрашивается очевидный вывод, что селище Мохнач-П было не обычным сельскохозяйственным поселением, а играло роль весьма существенного ремесленного центра по обеспечению непродовольственной продукцией населения значительного по площади салтовского лесостепного микрорегиона с центром на городище в с. Мохнач.

Кузнечное производство находилось на уровне специализированного ремесла, товарность которого в настоящий момент определить затруднительно. Однако наличие жилища-мастерской и значительного количества инструментов широкого спектра использования, заготовок и полуфабрикатов позволяет предположить, что кузнец работал, по крайней мере, на удовлетворение нужд населения не только своего поселения, но и многочисленной сельскохозяйственной округи в изготовлении и ремонте металлических изделий, совмещая в себе функции специалиста по обработке черного и цветных металлов. В дополнение добавим, что в культурном слое поселения неоднократно встречались куски руды, чернометаллургического шлака и фрагменты стенок колб-тиглей от горнов лесостепного типа (Колода, 1999, с. 59–96), что косвенно свидетельствует и о таком занятии местного населения как чёрная металлургия, базирующаяся на болотных рудах (Колода, 2010, с. 72). Металлургия железа

того времени не имела специализированных инструментов, а потому и не может быть отражена в соответствующей номенклатуре изделий.

Обработка кожи, кости, рога и дерева находилась на уровне домашнего производства. Эти виды деятельности также имели специализированные орудия: коженные (шорные) ножи для работы с кожей и шкурами. Разнообразный инвентарь по обработке дерева и кости (рога) включал в себя различные режущие (различные резцы и свёрло), строгачи (струга, скобели и напильник) и ударно-рубящие инструменты (топоры и долото).

Для полноты понимания уровня ремесленного значения рассматриваемого памятника сообщаем, что здесь развивалось ещё два вида производства непродовольственной продукции. О возможном развитии гончарства свидетельствуют две ямы для замачивания и гомогенизации керамики. Обратим также внимание и на то, что около половины всех выявленных здесь находок составляют обломки каменных жерновов и куски оббитого камня: песчаник, реже – кварцит, ещё реже – гранит. Это говорит лишь о том, что на поселении производились жернова для значительной земледельческой округи городища Мохнач (Колода, 2010, с. 72).

Таким образом анализ специализированных железных инструментов, выявленных на селище-П и ряд косвенных данных свидетельствует, что данное поселение, наряду с городищем Мохнач, было центром по производству кузнечной, литейной, а, возможно, и гончарной продукции, а также каменных жерновов не только для себя, но и для значительного по количеству населения Мохначанского микрорегиона в составе лесостепного населения Хазарии. Всё сказанное выше должно способствовать увеличению внимания исследователей салтово-маяцкой культуры к такой категории памятников, как открытые селища, как перспективных для изучения развития хозяйства и различных видов производств населения салтово-маяцкой культуры.

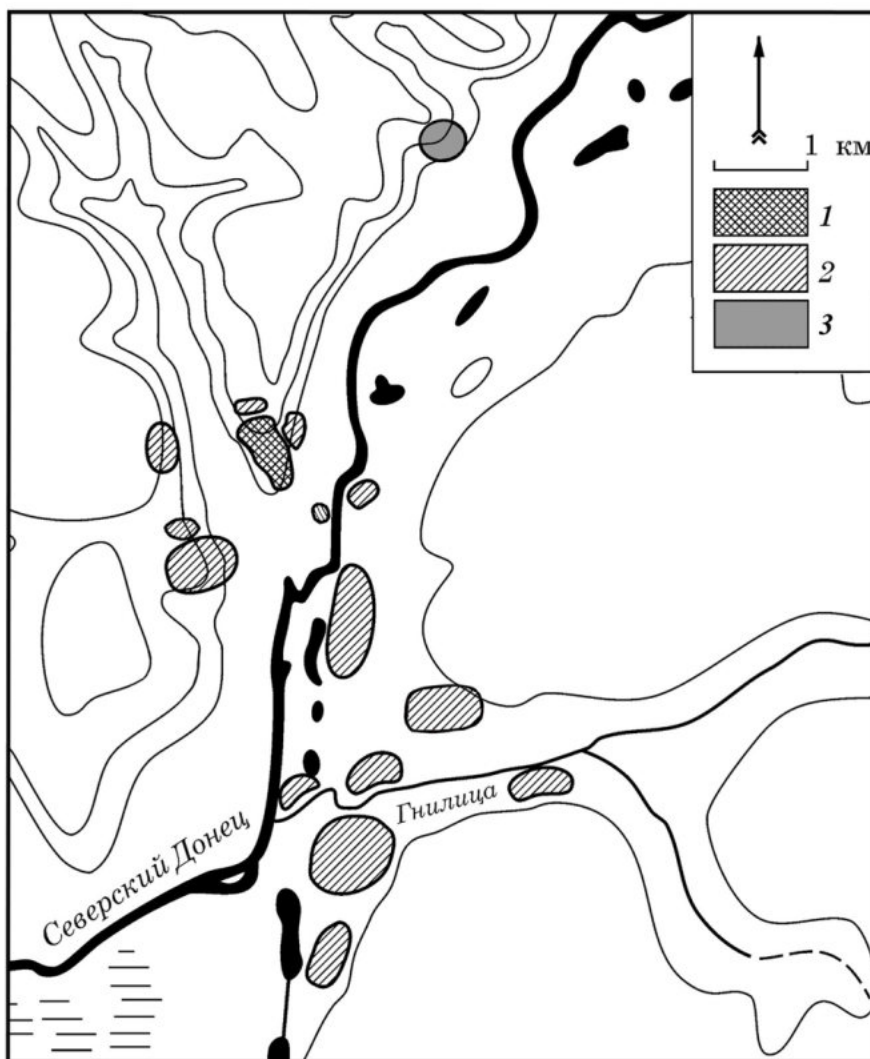

Рис. 1. Карта-схема Мохначанского микрорегиона в хазарский период (салтово-маяцкая археологическая культура. Условные обозначения: 1 – городище, 2 – селища, 3 – селище-П

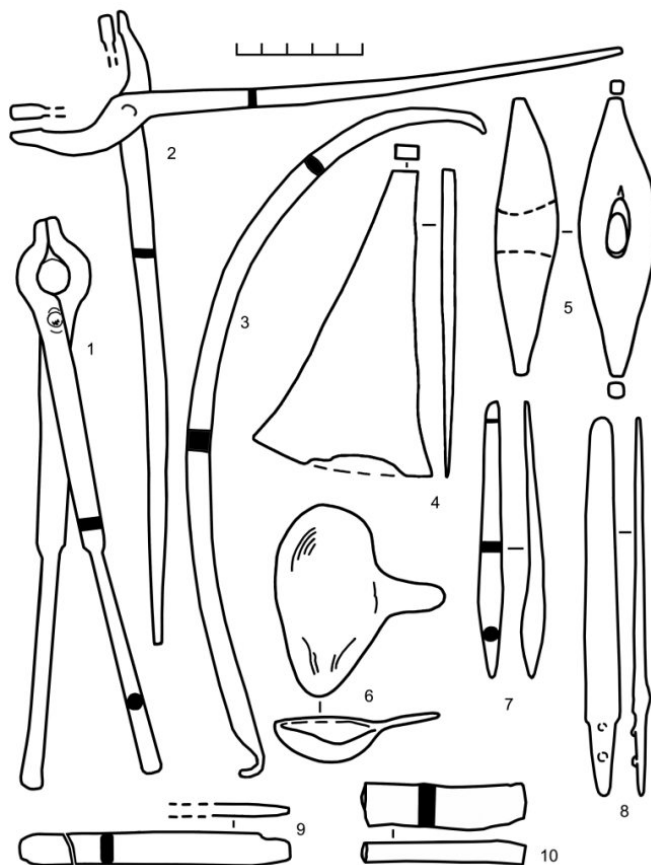

Рис. 2. Орудия для работы с горячим металлом (1, 2, 5, 6) и заготовки (3, 4, 7-10):
1-8, 10 – железо; 9 – бронза

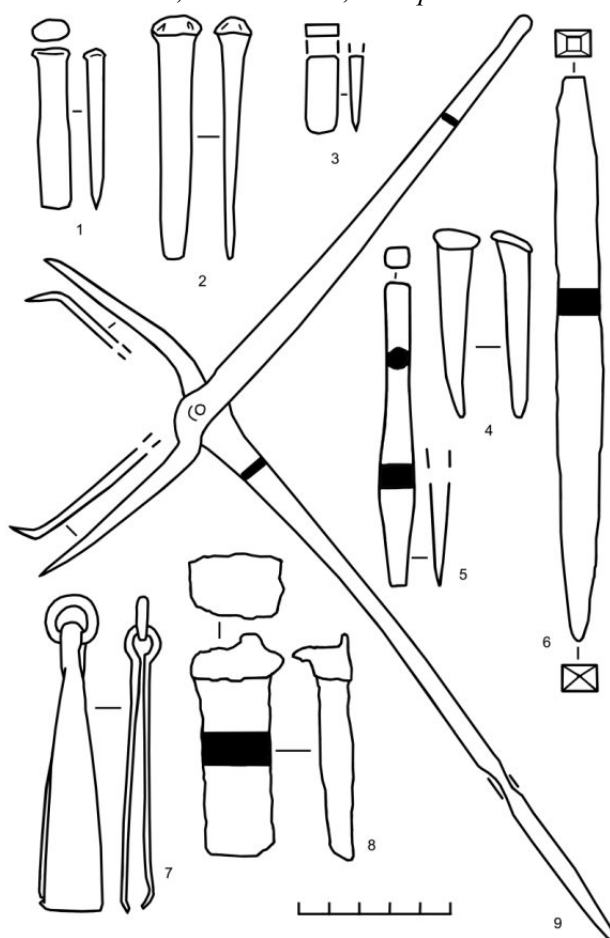

Рис. 3. Слесарные и ювелирные инструменты (все – железо)

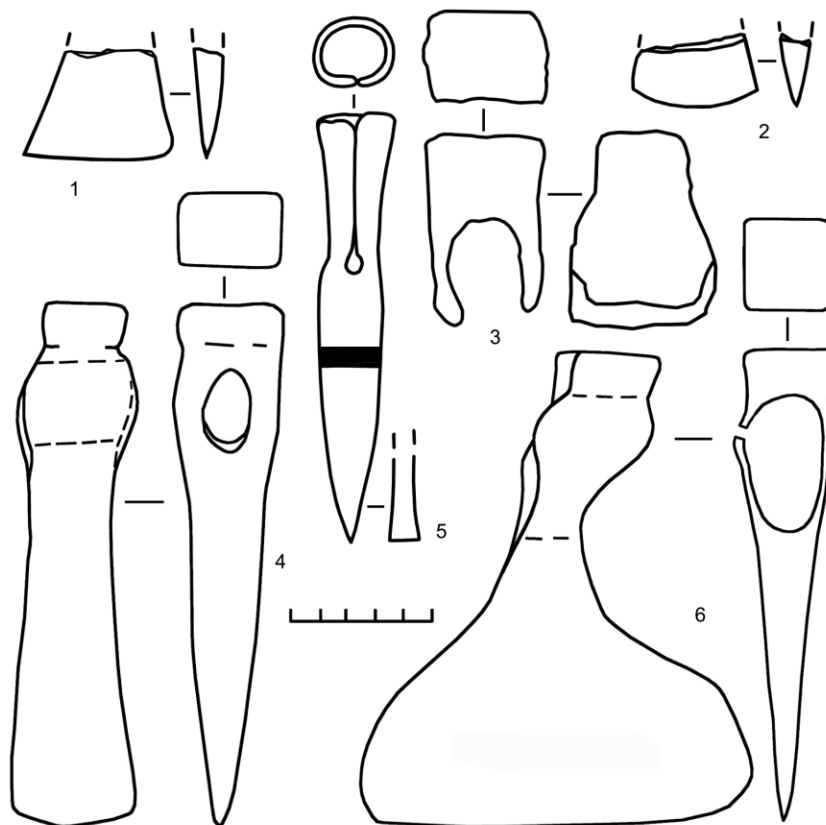

Рис. 4. Рубящие орудия с поселения Мохнач-II (все – железо)

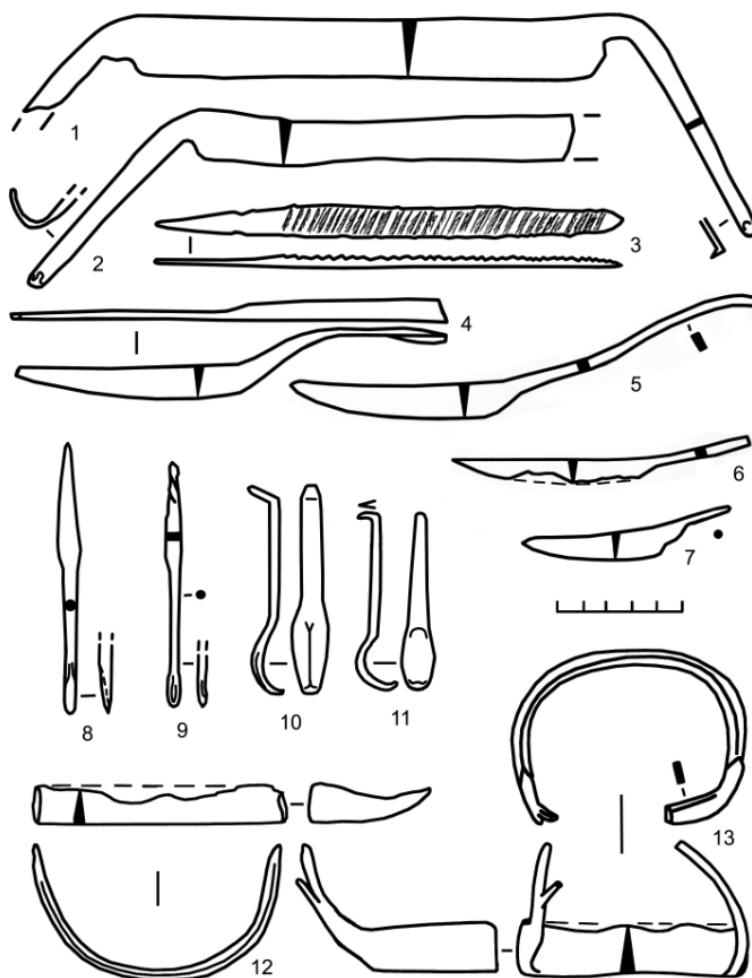

Рис. 5. Орудия по обработки дерева, кожи, кости и рога (все – железо)

Список сокращений, принятых в статье

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таври.

ХА – Хазарский альманах.

Список литературы

1. Аксёнов В.С., Михеев В.К. Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. "Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.". ХА. 2006. Т. 5.
2. Горбаненко С.А., Колода В.В. Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі. Київ, 2013.
3. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
4. Колода В.В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. Харьков, 1999.
5. Колода В.В. Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2.
6. Колода В.В. Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище // ХА. 2002. Т. I.
7. Колода В.В. Селище "Мохнач-П" в раннесредневековой поселенческой структуре городища Мохнач // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной конференции (Харьков, 28-29 октября 2010 г.). Харьков, 2010.
8. Колода В.В. Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши // Салтово-маяцкая археологічна культура: проблеми та дослідження. – Вип. 2. Харків, 2012.
9. Колода В.В. Два салтовских комплекса из Государева Яра // Салтово-маяцкая археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. Харків, 2013.
10. Колода В.В. Специализированные ремесленные инструменты салтовского периода на городище Мохнач // Археологія і давня історія України. – Вип. 13. Археологія: можливості реконструкцій. 2014. Вип. 2.
11. Колода В.В. Уникальный жилищно-хозяйственный комплекс салтовской культуры на селище Мохнач-П // ХА. 2015. Т. 13.
12. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев, 2010.
13. Колода В.В., Колода Т.А. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии // ХА. 2009. Т. 8.
14. Красильников К.И. Население Среднедонья в VIII – начале X веков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
15. Михеев В.К. Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья в VIII — X вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1968.
16. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
17. Плетнёва С.А. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
18. Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. 1994. Т. IV.
19. Сарапулкин В.А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.
20. Степовой А.В. Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Ютановский археологический комплекс). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.
21. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского левобережья (роменская культура и её предшественники). Киев, 1975.

УДК 903/904

К.И. Красильников, Л.И. Красильникова

**Жертвенник на селище СМК Давыдо-Никольское,
река Северский Донец**

Аннотация. В 2012-2013 гг. площадь раскопа составила более 300 м². Выявлена серия строений – жилища и конструкции хозяйственно-бытового назначения. Они вписываются в систему ранее обозначенного плана в виде полукруга. В его центре обнаружены хозямы, очаги, кострище, признаки антропопогребений, площадки стоил скота, развалы корчаг и горшков. Керамический комплекс из

слоя составил более 1300 ед. фрагментов. Инвентарный комплекс представлен пряслицами, абразивами, ложилами, найден мергелевый миниатюрный идол. Здесь же находилась яма 28 колоколовидной формы из числа невошедших под зернохранилище, которая оказалась местом захоронений животных. В верхнем ярусе засыпки (около 185 см), от дна +15см, погребены две овцы, ниже на дне (-200см), две собаки. В обоих случаях скелеты в зоологическом виде и однообразных позах.

Захоронения собак, видимо, следует связывать с сакралитетом охранников стад, овцы к ним, возможно, жертвенные животные.

Ключевые слова: постройки, хозяева, керамические комплексы, очаги, захоронения животных, хутор общины праболгар, сакралитет, жертвенник.

Abstract. The area of excavation in 2012-2013 was more than 300 sq.m. It was revealed a series of dwelling and household buildings. They are arranged in the semicircle. At its center were found household pits, hearths, fireplace, features of burials, areas of cattle stalls, fragments of pots. Ceramic complex from the layer amounted to more than 1,300 fragments. Inventory is presented by spindle wares, abrasives and polishers, also was found a miniature idol.

The bell-shaped pit number 28, which previously functioned as the granaries, turned out to be the burial place of the animals. In the top tier of infill (about 185 cm) were buried two sheep and below the bottom (-200 cm) two dogs. In both cases, the skeletons are located in the zoological position and repetitive postures.

Burials of dogs probably should be associated with sacredness of guards of herds and sheep are the sacrificial animal to them.

Keywords: buildings, houses, ceramic complexes, hearths, burials of animals, farm communities, proto, sacrality, the altar.

Вышеназванный многослойный бытовой памятник обнаружен в 1981 году разведками правого коренного берега реки Северский Донец в полутора километровом удалении к востоку от села (рис. 1, 1). Исследования же его культурных горизонтов начаты спустя четверть века, в 2006 году, и они связаны с масштабными разрушениями древних слоев техногенно-строительного характера (рис. 1, 2).

Территория поселения, по данным подъемных материалов, составляет около 200 тыс. м², простирается в направлении восток-запад вдоль первой надпойменной террасы, поднятой над поймой реки на высоту 6-8м, что и обеспечивает ее незатопляемость даже при высоких паводках, однако на отдельных участках ее склоны еще в древности, да и теперь, периодически подвергнуты подмыву и обрушениям.

С учетом географо-морфологических ситуаций местности, а также удобства фиксации раскопок, территорию поселения разделили на четыре участка. Масштабные работы, исчисляемые около 10 годами, проводились на участках I и IV (рис. 1, 2), предлагаемым материалом охватим отдельные сюжеты результатов раскопок 2012-13 гг. на участке I. Общая площадь раскрытия с 2006 по 2013 годы здесь составила немногим более 1300м², то есть 82 квадрата площадью по 16м², в 2012 году – 189м² и 2013 году – 112м², в суммарной величине 301м². Тогда же пространствами исследования явились кв. 65–82.

В форме визуального обзора обозначим общие итоги находок на участке I раскопе IV (рис. 2). Здесь зафиксированы два археологических горизонта: верхний от 0,3 до 0,6-0,7м раннего средневековья СМК и нижний от 0,7-0,8м, максимум до 1,2 м и ниже поздней и финальной бронзы. Значимыми результатами горизонта СМК являются те, что удалось проследить планиграфические и функциональные признаки жилых, бытовых построек и прочих приспособлений хозяйственного назначения, в условиях бытового горизонта раскрыть и обозначить признаки сакральности.

Прежде всего, совершенно определенно подтверждена планиграфическая округлость расположения строений на исследованном участке раннесредневекового селища СМК (рис. 2). Среди построек, с учетом их функциональности, выделяем жилища (постр. 1, 8, 12). Они выглядят как неглубокие, не более 1–1,2м опорно-столбовые полуземлянки, близкой к квадрату формой, внутри очаги открытого типа, но в постройках 1 и 12, печи закрытого типа, высотой до 0,7м, сложенные из крупных глыб местного кварцита.

Вторая часть построек явно хозяйственного назначения (постр. 3, 7, 11). Они наземного типа, внутри их плотно утрамбованные, утопленные площадки, на которых прослеживаются интенсивные очажные обожженности. В постройках 5, 13, 14, к тому же, по периметрам стен построек ямы столбовидных опор и ямки плетня стен. Здесь же, во внутренних пространствах, скопления фрагментов обожженной глины от завалившихся стен, под которыми крупные фрагменты со временем развалив-

шихся емкостей тарного назначения. Такие строения–стойла пригодны к содержанию явно ограниченного количества домашнего скота: ягнят, телят, козлят, словом, молодняка.

Третью группу строений составляют ямы хозяйственного назначения. Три ямы из девяти здесь выявленных, представлены глубинными 1,5–2 м, объемными около 3–3,5 м цилиндрополоколовидными формами, другие, их большинство, небольшие 0,5–0,6 м глубиной ямки.

Из прочих признаков, имеющих отношение к горизонту СМК, назовем открытые очажки, или очаги оконтуренные камнями, развалы крупно объемных, в том числе покрытых лощением, тарных емкостей, но в основном лепных корчаг. Вызывают интерес обнаруженные в салтовском горизонте два фрагментарных погребения, включающие в себя, в каждом случае, череп и отдельные части скелетов во вне анатомическом состоянии. В обоих случаях они явно символические и помещены в округлые, нехарактерные населению СМК мелкие ямки.

Основным маркером принадлежности верхнего горизонта к салтовскому времени является керамический комплекс, представленный более 1160 единицами. Уровень их залегания в пространстве -0,3 -0,7м, наиболее интенсивно 0,5–0,6 м. Состав почвы этого горизонта обычно гумусированный слабозолистый, средней плотности.

По формам, объемам, технологиям вся серия керамических фрагментов подразделяется на кухонную лепную и круговую (рис. 3, 1-11), лепную тарно-корчажную (рис. 4, 1-5), амфорную (рис. 4, 6-9), кувшино-лощеную. Из заполнения постр 15 (рис. 5, 1), неглубокой опорно-столбовой полуземлянки, заметно насыщенной золой, происходят пряслица (рис. 5, 2-5), ложила из костей крупных животных (рис. 5, 6-7), абразивы мелкозернистых песчаников (рис. 5, 8-9) В целом интерьер, инвентарные и орудийные наборы ориентируют в том направлении, что постройка 15 имела промыслово-производственное предназначение.

Основное же внимание привлекла находка миниатюрного «идольчика», выполненного из мягкого мергеля. Скульптурка в форме округлого, удлинённого конуса с тщательно залощенной поверхностью (рис. 5, 1). Голова с изображением личины, глазницы в виде неглубоких засверлин, с ее боковых сторон ушные раковины, в средней части тулова пропилен канавка, видимо, изображающая пояс. Высота антропоморфного изображения 7,6 см, в округлости 2,3 x 3,2 см.

Миниатюрный каменный идол, со свойственными ему стилизованными чертами, находит свое место в системе древних скульптурных памятников варварских народов Северного Причерноморья в античное время. Прототипы им классические греко-римские гермы. Отправной точкой появления варваризированных герм, дальнейшее их внедрение в культуры степных племен Причерноморья и Приазовья, видимо, следует связывать отчасти с доскифским временем – племенами киммерийцев, позднее со скифами и сарматами. Тогда же, помимо монументальных статуарных форм, появились миниатюрные столбовидные и конусовидные, с расширяющейся книзу основой, гермообразные скульптурки. Небольшие, исполненные из камня, иногда глины терракоты, в археологии рассматривались как статуэтки–пирамидки жертвенного предназначения (Пятышева, 1946, с. 180-182).

Следует отметить характерную им стилизованную антропоидность, безликость, или лишь условную обозначенность деталей лица – глаза, нос, уши, что мы наблюдаем в образе идола из постройки 15 СМК с. Давыдо-Никольское.

Таким образом, некогда классические античные портретные гермы, воспринятые варварами в формате искусства, под влиянием степных ираноязычных скифо-сарматов, позднее тюркоязычных этносов, с полной очевидностью проявились в созданном ими собственном скульптурном деле. При этом следует учитывать, что ряд столетий названные этносы прибывали в контактной зоне варварства и цивилизаций Северного Причерноморья, Приазовья, Крыма и Восточноевропейских степей, словом, территориях активного культурного влияния антики. В условиях утвердившего в конце IV ст. христианства, с присущей ему новой символикой и новыми ритуалами, языческие гермы в античных центрах совершенно исчезли, но в культуре язычников вплоть до развитого средневековья, продолжают составлять художественный скульптурный образ. Примером тому является миниатюрное стилизованное изделие из постройки 15. С учетом иконографии, размеров, его следует рассматривать как амулет-оберег одной из семей, пребывавшей здесь общины праболгар.

Среди хозяйственных объектов раскопа IV заслуживает внимание колоколовидная яма 28, в ней на засыпке у дна и непосредственно на дне находились в зоологическом состоянии скелеты четырех животных. Яма 28, как и две других – 1 и 2, здесь же рядом расположенных, сооружена в системе конструкции, характерной традициям населения СМК при создании ям, предназначенных к использованию в хозяйственных целях.

Пятно входного колодца диаметром около 100см фиксируется на отметках 50–60 см современной поверхности, ниже наблюдается линзовидное заполнение, в котором обнаружены 28 мелко-

фрагментированных обломков керамики, здесь же небольшой фрагмент жернова. По мере углубления с отметки -70-80 см и до -185 см наблюдается исключительно темносуглинистое рыхлое заполнение (рис. 6, 1). На отметке -185 см от современного горизонта зафиксированы костные останки двух травоядных животных почти в зоологическом виде, но, вероятно, сброшенных крупных особей овец. Они уложены на бок в северной половине ямы, у одного животного конечности вытянуты, у второго, при сильной изогнутости позвоночника, подогнуты по направлению к черепу. Кстати, скелет второй особи оказался частично нарушенным, что могло произойти в том состоянии, когда межкостные суставные сухожилия оставались достаточно прочными (рис. 6, 2). Характер поз скелетом свидетельствует о преднамеренной и одновременной укладке обеих туш.

Нижний горизонт костей (-200 см) включает останки двух крупных собак с большой пастью и развитой челюстно-зубной системой. Сохранность скелетов исключительная, они уложены в северо-восточной стороне ямы на левый и правый бок с подогнутыми конечностями (рис. 6, 3).

Практически одинаковые позы и отведенное им внутриямное пространство, свидетельствуют о том, что туши животных были не сброшены в яму, а, напротив, захоронены, при этом придав им «свободные» позы, как бы отдыхающих животных.

Следует обозначить и тот момент, что после «захоронения» собак яма была частично заполнена грунтом высотой до 20 см, посредством которого туши оказались не более чем лишь присыпанными.

На образовавшийся горизонт почвы (-185 см), с некоторым смещением к центру ямы, уложены туши баранов, но ориентировка черепных отделов, а, следовательно, и туш, выглядит в сравнении с нижними скелетами, противоположной. К примеру, черепа собак направлены к востоку и югу, обеих же овец к западу (рис. 6, 2-3). Никаких признаков из систем «ритуалов», или инвентарных изделий, кроме упорядоченности поз туш животных в данном случае не прослежено.

Одинаково сложно обозначить ситуации в отношении использования для этих целей ямы колоколовидной формы, требующих при сооружении значительных физических усилий, обычно применяемые в системе СМК под хранение продуктовых припасов и, в первую очередь, зерна.

Итак, с чем же удастся обосновать использование хозяевами под захоронения животных да еще на территории поселения?

Из опыта археологических наблюдений известно, что тризны, как и жертвенники, обычная практика могильников алано-болгар (Плетнёва, 1967, с. 85). Ритуал в большинстве случаев предусматривал использование целых или фрагментированных туш коз, овец, свиней, коров, иногда лошадей. Число зоопредставителей особей животных, обнаруженных в жертвенниках порой достигает семи единиц. Из инвентаря в этих же ямках оставлена лишь керамика – бытовые горшки и кувшины, ритуального назначения кубышки (Плетнёва, 1989, с. 251-255).

Как известно, непосредственно поминальные действия сопровождаются поеданием мясных продуктов, получаемых от животных домашнего стада мясомолочного направления. Видимо, этим критерием следует объяснять отсутствие в тризнах костей диких животных, в том числе собак. В отношении последнего вида речь может идти об их сакралитете в связи с охраной домашних животных, прежде всего, в ситуации их выпаса (Гомер, 1986, с. 271). Такие функции могли выполнять специально обученные пастушьему делу собаки породы мастифф. О принадлежности собак к вышеназванной породе свидетельствуют специфические этому виду хищников формы челюстей и увеличенные размеры клыков, заметно утолщенные костные формы скелетов, в первую очередь, шейных позвонков и конечностей. В этом случае погибших или преднамеренно умерщвленных старых особей, прежде значимых собак-пастухов и даже вожakov, могли захоронить, сопроводив их жертвенной пищей в традиции ритуалов и обрядов, приемлемым умершим людям. Заметим, что их «погребальная яма» находится в условном центре хутора, в среднем его пространстве, которое, видимо, обустроено под общий загон скота и здесь же находилось несколько небольших стойл, в которых содержался молодняк (постр 3, 5, 7, 11, 13) (рис. 2). И все же, остается непонятным, почему среднее пространство столь большой ямы оказалось невостребованным ни для захоронений собак, ни к ним жертвенным животным.

Итак, раскрытые в горизонте СМК двенадцать сооружений, обустроенные на сравнительно небольшом, около 1310 м² пространстве, включающем три функционально близких жилищно-хозяйственных строений, свидетельствуют о возможно одновременности, а поэтому плотной упорядоченности строений. В этом случае мы исключаем присутствие индивидуальных подворий, напротив, наблюдаем внутреннее свободное от застроек пространство в виде общего двора, как бы оконтуренного раскрытыми строениями (рис. 2). На этом пространстве расчищены ямки с фрагментами костей скелетов и черепов людей, здесь же развалы тарных и прочих керамических емкостей СМК, очажные пятна – остатки небольших кострищ и крупный зольник диаметром 5-6 м, под горизонтом

которого существенно прокаленная почва, как следствие присутствия интенсивного кострища. Южная часть зольника перекрывает верхний горизонт заполнения ямы 28, остальная и основная его часть расположена к северу от ямы, то есть выдвинута к центру двора-«площади».

К сожалению, вся южная половина «площади» осталась не изучена, более того, она могла быть смыта паводками, так как теперь здесь образовался резкопонижающийся склон к пойме реки, к тому же интенсивно заросший лесом. Заметим, что именно в южной бровке прослеживаем два неглубоких полуземляночных сооружения (3 и 14), здесь же, уже не безизвестная, яма 28.

В заключении еще раз отметим отсутствие в рассматриваемой яме каких-либо признаков ее хозяйственного, тем более зерносодержащего использования, обрушений стен, или заполнений хозяйственно-бытовыми отходами. Грунт заполнения ямы гумусированный, стерильный, без признаков затеков и замывов аллювиального происхождения. Более того, она лишь однажды была засыпана и повторно не использовалась ни в каком варианте.

Яма с захоронениями туш животных, в комплексе с очагами, костными останками скелетом людей, крупными кострищем, развалами горшков, сосредоточенными в пространстве общего двора, площадь которого составляет около 600 м², свидетельствуют о как бы замкнутом территориальном участке, включающем жилищно-хозяйственно-бытовые сооружения и другие комплексы, имеющие отношение к совместному проживанию небольшой родственной общины праболгар СМК. Подобные хозяйственно-промысловые сообщества праболгар наблюдали на селищах Подгаевка и Новолимаревка, которые относим к раннему периоду возникновения оседлости (Красильников, 1981, с. 114-115).

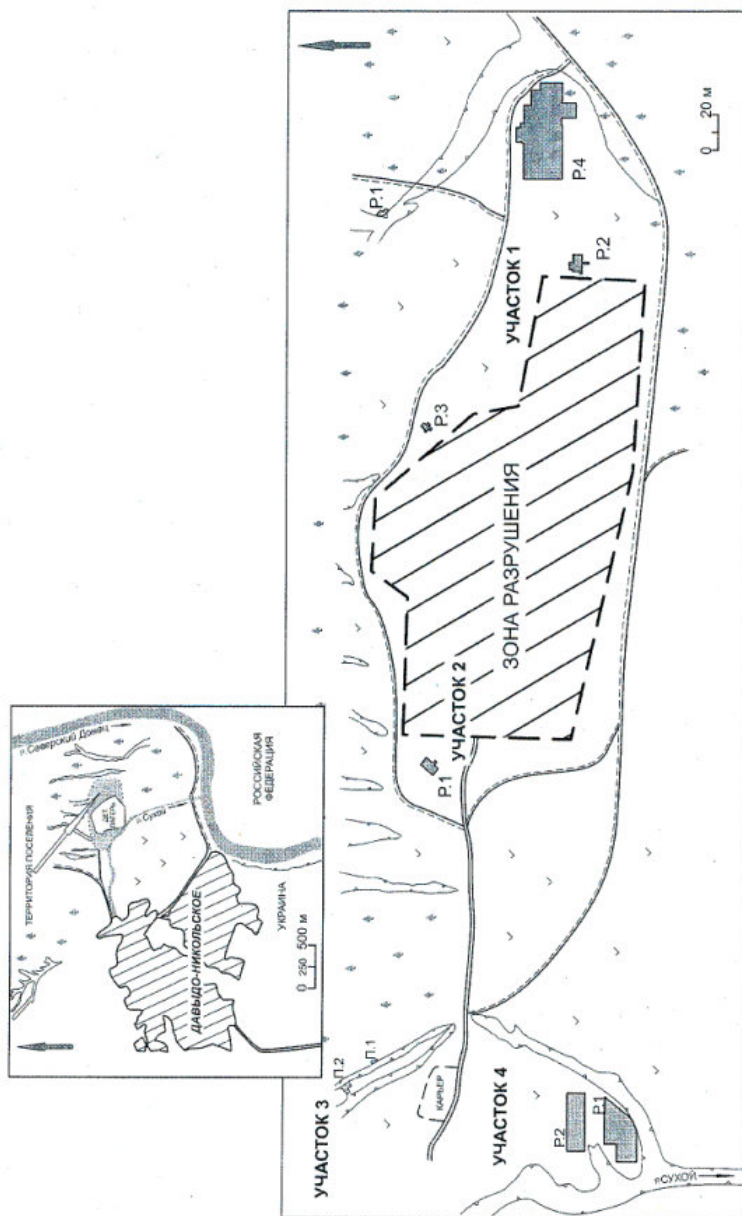

Рис. 1. Ситуационный план и генплан поселения у с. Давыдо-Никольское

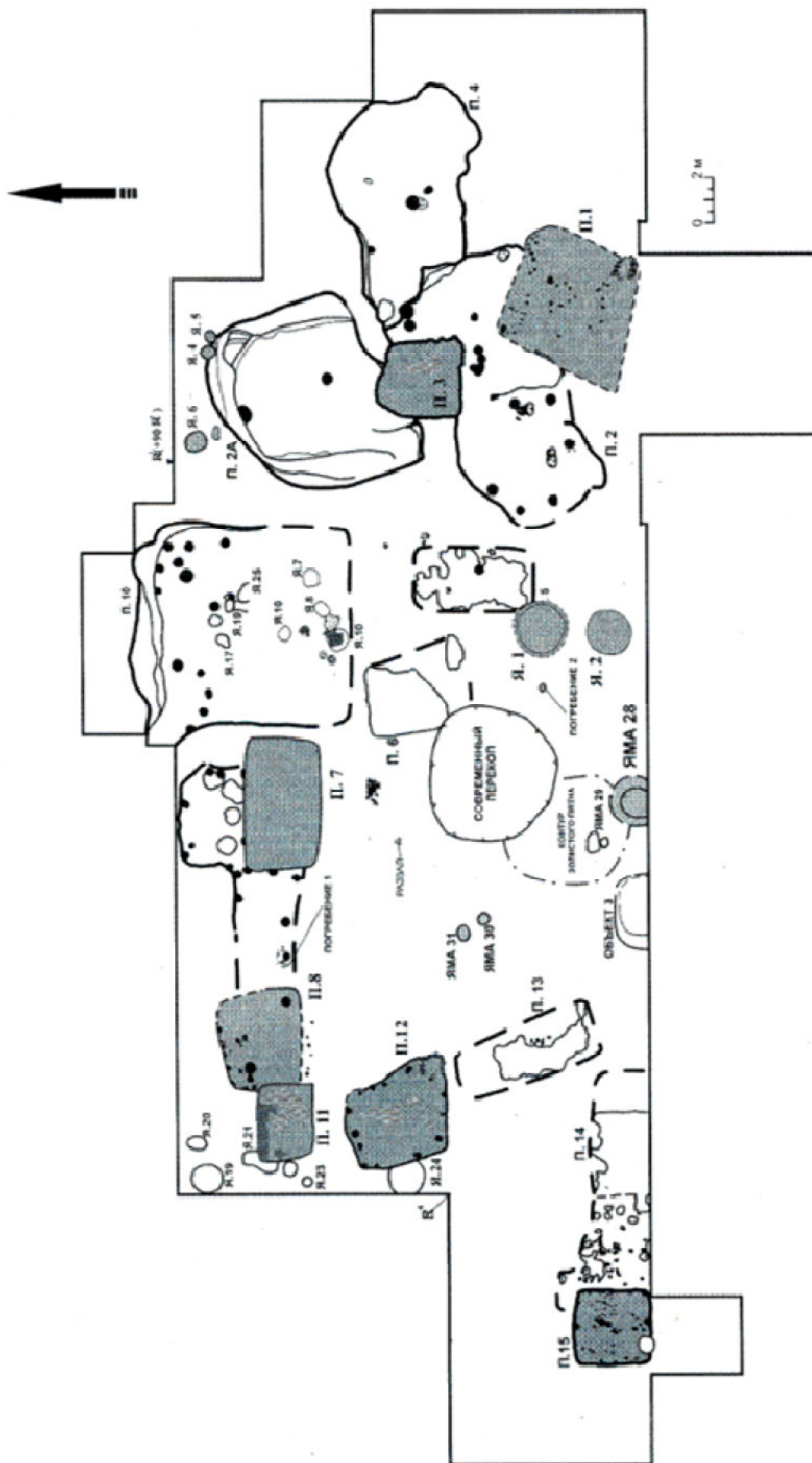

Рис. 2. Общий план раскопа IV, участка I. Расположение объектов СМК (серое заполнение)

Рис. 3, 1-11. Венчики от кухонных горшков из слоя СМК

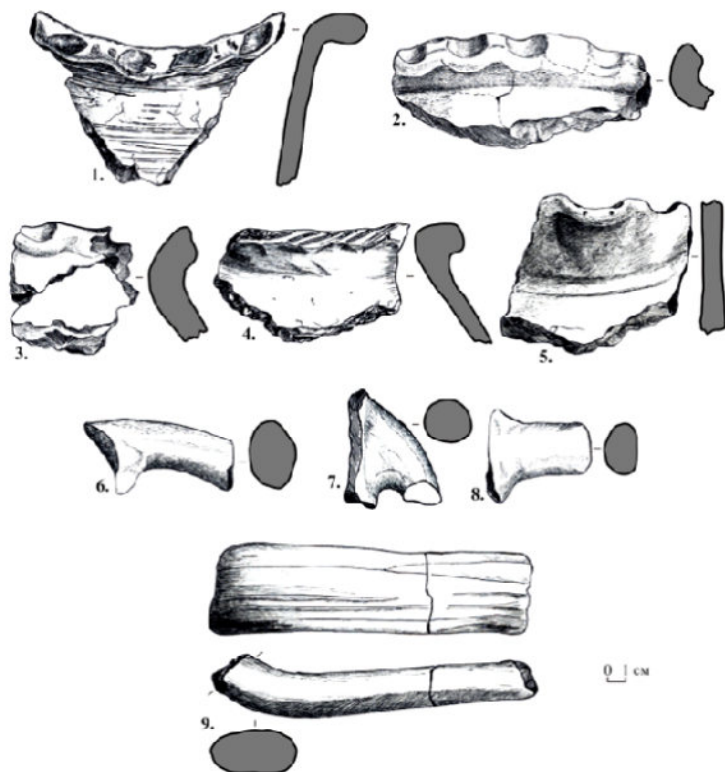

Рис. 4, 1-9. 1-5. Венчики корчаг. 6-9. Фрагменты амфор

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории.

ЛАЭМ – Луганский археолого-этнографический музей.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

СА – Советская археология.

Список литературы

1. Гомер. Илиада. Песнь XVIII / Перевод Н. Гнедича. М.: Худож. лит-ра, 1986. Строки 575, 580, 585. 384 с.
2. Красильников К.И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. 1981. № 4. С. 110-126.
3. Плетнёва С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142. 198 с.
4. Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 287 с.
5. Пробейголова А.С., Красильников К.И. Отчет о спасательных раскопках поселений конца эпохи бронзы – раннего средневековья возле г. Зимогорье Славяносербского района, и с. Давыдо-Никольское Краснодонского района Луганской области в 2012 году// Архив ЛАЭМ. Луганск, 2013. Ф. 2. ОП. 02-03. Дело 66. Стр. 186. Док. 1. С. 6-11. Рис. 1; 2.
6. Пробейголова А.С., Красильников К.И. Отчет о спасательных раскопках поселений конца эпохи бронзы – раннего средневековья возле с. Давыдо-Никольское Краснодонского района Луганской области в 2013 году// Архив ЛАЭМ. Луганск, 2013. Ф. 2. ОП. 02-03. Дело 68. Стр. 82. Док. 1. С. 6-9.
7. Пятыхева Н.В. Античное влияние на скульптуры Северного Причерноморья // ВДИ. Институт истории АН СССР. М.; Л., 1946. С. 175-182.

УДК 903.15

Т.М. Потемкина

Инвентарный комплекс монгольских погребений Золотой Орды

Аннотация. Статья посвящена статистическому обзору инвентарных комплексов мужских и женских золотоордынских погребений с признаками монгольской обрядности. Из 269 захоронений с инвентарем статистическому анализу подверглись 131 мужское и 101 женское погребение.

В результате были сделаны следующие выводы. Количество серег в захоронении не может быть индикатором половой принадлежности умершего. Только в мужских погребениях встречаются предметы вооружения. В женских захоронениях крайне редко находят кинжал или боевой нож. Редчайшими находками для женских погребений являются кресало и монеты. Помимо зеркала, ножниц и бокки, исключительно женскими видами инвентаря можно назвать игольник и иглы.

Ключевые слова: монгольская погребальная обрядность, золотоордынские кочевнические погребения, инвентарные комплексы мужчин и женщин.

Abstract. The paper is devoted to a statistical review of male and female burials of the Golden Horde time with grave goods and signs of the Mongolian ceremonialism. 131 male and 101 female burials (out of 269 burials with grave goods) were subjected to the statistical analysis.

The analysis has led the author to the conclusions as follows. The number of earrings in burial cannot be an indicator of a deceased's sex. The arms are found in male burials exclusively. A dagger and a fighting knife is an extremely rare find in female burials. A fire-steel and coins are the rarest finds for female burials. A needle-box and needles are exclusively female kinds of grave goods along with a mirror, scissors and bokka.

Keywords: the Mongolian funeral ceremonialism, the Golden Horde nomadic burials, male and female burials with grave goods.

Инвентарь золотоордынских погребений изучается с тех пор, как эти захоронения стали выделять из общей массы позднекочевнических погребений. Пятьдесят лет назад Г.А. Федоров-Давыдов разработал типологическую классификацию вещевого материала поздних номадов и разбил его на 4 хронологические группы, выделив золотоордынский период (Федоров-Давыдов, 1966). Однако состав инвентаря в мужских, женских и детских захоронениях им был продемонстрирован не по отдельным хронологическим группам, а в общей массе погребений X-XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 116-117). Отдельные категории вещей, характерные для золотоордынских кочевников 2-й пол. XIII-

XIV вв., были тщательно изучены исследователями (Медведев, 1966; Малиновская, 1974; Немеров, 1987; Иванов, 2001; Крамаровский, 2001; Потемкина, 2007; Нарожный Е.И., 2009; Кушкумбаев, 2011; Яворская, 2011; Курышова, 2012 и др.).

Занимаясь в последние годы разработкой проблемы выделения из массива золотоордынских погребений захоронений с характерными чертами монгольского погребального обряда (Потемкина, 2011а; 2011б; 2012а; 2012б; 2012в; 2013; 2014а; 2014б; 2015; Потемкина, Пилипенко, 2011), мы пришли к выводу, что к таковым прежде всего можно отнести погребения с остатками загробной пищи в виде костей определенных частей туши овцы. На данный момент нам известно 270 захоронений, имеющих комплекс признаков монгольского погребального обряда. Они сгруппированы в 7 групп по принципу наличия конкретной загробной пищи: только с ногой (Н) – 108 комплексов, с ногой и лопаткой (НЛ) – 32, с ногой и другими частями (НД) – 38, с ногой, лопаткой и другими частями (НЛД) – 12, только с лопаткой (Л) – 9, с лопаткой и другими частями (ЛД) – 9, только с другими частями (Д) – 62. Практически все погребения с инвентарем: в группе Н – 107 (из них 3 подростка), НЛ – 32 (из них 1 подросток), НД – 38 (из них 3 подростка), НЛД – 12, Л – 9, ЛД – 9 (из них 1 подросток), Д – 62 (из них 1 ребенок).

Статья посвящена статистическому обзору инвентарных комплексов мужских и женских золотоордынских погребений с признаками монгольской обрядности. Из 269 захоронений с инвентарем статистическому анализу подверглись 131 мужское и 101 женское погребение. В 28 комплексах с умершими взрослыми загробный инвентарь был не выразителен. Детские и подростковые захоронения из-за крайней малочисленности инвентаря также не учитывались.

Количество мужчин в группах следующее: Н – 49, Д – 30, НД – 20, НЛ – 14, НЛД – 11, Л – 4, ЛД – 3. Статистически последние 4 группы представляют собой малочисленные выборки, а значит, выводы по ним не могут претендовать на достоверность. Тем не менее, для полноты картины мы даем цифры и по этим группам. Как и ожидалось, большинство в мужских погребениях составляют 3 категории инвентаря: бытовая утварь (97%), вооружение (93,9%) и предметы конской упряжи (80%).

Предметы быта (пряжки, ножи, кресала, пуговицы, оселки, сапоги, ворворки, посуда, гребни, шилья, кожаные сумки и др.) встречены в каждом погребении 6 групп (100%). Лишь в группе Н их 91,8% (табл. 1). Чаще всего среди бытовых предметов находили кресало (69,3%), металлические пряжки (64,6%) и ножи (56,7%). Среди редкого инвентаря (встречаемость менее 10%) следует назвать серебряные чаши (9 – 7,1%), оселок (9 – 7,1%), металлические ворворки (8 – 6,3%), керамическую посуду (5 – 3,9%), деревянные гребни (5 – 3,9%), шилья (5 – 3,9%), котлы (4 – 3%), напильники (3 – 2, 4%). В одном-двух погребениях зафиксированы ступица колеса (2), деревянный сосуд (2), пояс (2), железный стержень с кольцом (1), костяная пряжка (1), деревянная ложка (1), черная каракулевая шапка (1), рыболовный крючок (2), пинцет (1), бронзовый замочек (1) и др.

Среди вооружения преобладают стрелы (91,1%) и колчан (77,2%). Достаточно часто встречается боевой нож (22%) и лук (13,8%). А, вот, сабля (8,9%), кольчуга (8,1%), шлем (5,7%), булава (4,1%) и кинжал (3,3%) могут быть отнесены к редким категориям инвентаря. Интересно отметить, что шлем, кольчуга и кинжал встречены только в группах Н и Д; сабля – в группах Н, Д и Л (1 случай), а булава – в группах Н, Д и НЛ (1 случай). Среди единичных находок этой категории вещей можно отметить костяное кольцо для лука, наручи (2), копье, дротик (2) и пику. Отдельно следует сказать о таком необычном виде инвентаря, как железные (или бронзовые) пластины с отверстиями от пластинчатого доспеха. Их находят обычно в количестве от 3 до 10, связанные шнурком или ремешком. Обнаружены они только в мужских погребениях (29,3%), в которых присутствовало посудовидное изделие.

Конское снаряжение многочисленно во всех группах, лишь в группе Н его всего 69,4%. Категории его не многообразны: стремена (87,6%), удила (67,6%), седло (32,4%). Из единичных находок можно назвать костяную рукоять плети, украшение узды (бляхи, наносник), костяные пряжки пут.

Довольно часто (43,5%) встречаются в мужских погребениях различные украшения: серьги (45,6%), железные и бронзовые накладки и бляшки (36,8%), бусины (21%), металлические кольца (10,5%). Значительный процент (14%) бытовых предметов (пряжки, обоймы, заклепки, бубенчики и др.), сделанных из серебра или золота. Среди единичных украшений присутствуют бронзовая подвеска, костяная накладка (2), подвеска из раковины, стеклянное кольцо, серебряная позолоченная подвеска, костяная ажурная пластина и др. Интересное наблюдение по серьгам: в двух случаях были зафиксированы не одна, а две серьги в мужских захоронениях.

Предметы из шелка/парчи (кафтаны, пояса, шапки, рубахи) или их фрагменты были зафиксированы в 19 погребениях (14,5%). Чаще встречалась парча – 68,4%. В 3 комплексах были обнаружены фрагменты, как из шелка, так и из парчи.

В мужских захоронениях относительно часто находят монеты – 15,3% (табл. 1). Обнаружены они лишь в 4 группах: Н – 6 (12,2%), Д – 8 (26,7%), НД – 5 (25%) и Л – 1 (25%). В 18 случаях были положены серебряные монеты и лишь в двух случаях – медные. Как правило, количество монет составляет 1-6 штук. Но в комплексе Родионовка 3/1 (группа Н) зафиксирована 41 серебряная монета 40 гг. XIV в.

Таблица 1 – Встречаемость категорий мужского инвентаря

Группы Инвентарь	Н	Д	НЛ	НД	НЛД	Л	ЛД	Всего
Вооружение	44 (89,8%)	28 (93,3%)	14 (100%)	20 (100%)	11 (100%)	4 (100%)	2 (66,7%)	123 (93,9%)
Конское снаряжение	34 (69,4%)	24 (80%)	13 (92,9%)	17 (85%)	11 (100%)	4 (100%)	2 (66,7%)	105 (80%)
Украшения	21 (42,9%)	15 (50%)	8 (57,1%)	6 (30%)	3 (27,3%)	2 (50%)	2 (66,7%)	57 (43,5%)
Бытовая утварь	45 (91,8%)	30 (100%)	14 (100%)	20 (100%)	11 (100%)	4 (100%)	3 (100%)	127 (97%)
Шелк и парча	6 (12,2%)	6 (20%)	2 (14,3%)	1 (5%)	3 (27,3%)	1 (25%)	0	19 (14,5%)
Монеты	6 (12,2%)	8 (26,7%)	0	5 (25%)	0	1 (25%)	0	20 (15,3%)
Амулеты	6 (12,2%)	1 (3,3%)	0	1 (5%)	0	0	0	8 (6,1%)
Посудовидные изделия	23 (46,9%)	7 (23,3%)	12 (85,7%)	16 (80%)	8 (72,7%)	3 (75%)	2 (66,7%)	71 (54,2%)

Редкой категорией вещей для мужских погребений оказались амулеты. Их найдено всего 6,1%. Обнаружены они только в 3 группах: Н – 6 (12,2%), Д – 1 (3,3%), НД – 1 (5%). Как видим, подавляющее большинство (6 – 75%) амулетов зафиксировано в группе Н. Амулеты чаще всего представляли собой костяные цилиндрики.

К индивидуальным находкам, которые сложно отнести к какой-либо категории предметов, принадлежат деревянная счетная бирка (Ново-Подкряж, 6/1), игровой костяной кубик (Арпачин 37/1), костяной предмет в виде дракона (Чограй-4, 6/2).

Особо следует сказать о посудовидных изделиях, которые, по нашему мнению, являются ритуальными предметами (Потемкина, 2007, с. 208-235). Мы были вынуждены вынести их отдельной строкой, поскольку они обнаружены более чем в половине мужских захоронений – 54,2% (табл. 1). Наименьшее количество этого инвентаря зафиксировано в группах Д (23,3%) и Н (46,9%). В остальных группах они найдены в подавляющем большинстве погребений. Скорее всего, к ритуальным предметам следует отнести и инкрустированный золотом топор из комплекса Олень-Колодезь 7/1.

Женские погребения по группам распределились следующим образом: Н – 42, Д – 25, НЛ – 16, НД – 10, НЛД – 1, Л – 3, ЛД – 4. Состав наиболее часто встречаемого инвентаря в женских захоронениях, за исключением предметов быта, другой, чем в мужских: бытовая утварь – 99%, украшения – 79,2%, изделия из шелка и парчи – 33,7% (табл. 2).

Таблица 2 – Встречаемость категорий женского инвентаря

Группы Инвентарь	Н	Д	НЛ	НД	НЛД	Л	ЛД	Всего
Вооружение	2 (4,8%)	1 (4%)	0	3 (30%)	0	0	0	6 (5,9%)
Конское снаряжение	8 (19%)	5 (20%)	8 (50%)	2 (20%)	0	0	0	23 (22,8%)
Украшения	26 (61,9%)	22 (88%)	15 (93,8%)	9 (90%)	1 (100%)	3 (100%)	4 (100%)	80 (79,2%)
Бытовая утварь	41 (97,6%)	25 (100%)	16 (100%)	10 (100%)	1 (100%)	3 (100%)	4 (100%)	100 (99%)
Шелк и парча	15 (35,7%)	6 (24%)	7 (43,8%)	4 (40%)	0	1 (33%)	1 (25%)	34 (33,7%)
Монеты	2 (4,8%)	0	0	0	0	0	0	2 (2%)
Амулеты	11 (26,2%)	3 (12%)	5 (31,3%)	0	0	1 (33,3%)	0	20 (19,8%)
Посудовидные изделия	9 (21,4%)	3 (12%)	5 (31,3%)	2 (20%)	1 (100%)	2 (66,7%)	0	22 (21,8%)

Чаще всего среди предметов быта встречались зеркало (81%), нож (64%), ножницы (56%) и шило (30%). Почти в трети (28%) комплексов зафиксированы остатки бересты от головного убора, в том числе и бокки. Среди других вещей можно назвать пряжки (21%), сапоги (17%), кожаные сумочки (мешочки, кисеты) – 12%, металлические пуговицы (11%), гребни (10%). К редким находкам можно отнести пряслица (8%), пинцет (7%), металлическую посуду (серебряные чаши, котлы) – 6%, игольник и иглы – 6%. Среди единичных предметов встречались фрагменты керамического сосуда (3), наперсток (2), оселок (2), костяная, стеклянная, керамическая пуговица, матерчатая сумочка, железная "ложечка" и бронзовый ложковидный предмет, костяные палочки для еды, туалетная щеточка, берестяной сосуд, длинный (50 см) железный стержень с петлей, кресало и др. Несколько замечаний относительно находки кресала в женском погребении (Волошино-II, 2/1). Это крайне редкий случай. В среднем он встречается в 1% из 100. Мы уже писали, что здесь, вероятно, имеет место обряд передачи в качестве по-

дарка вещи ранее умершему родственнику противоположного пола (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 201). К сожалению, эти исключения не позволяют идентифицировать погребения взрослых индивидов с невыразительным инвентарем, в составе которого присутствует кресало, как мужские.

Женские украшения, естественно, более разнообразны, чем мужские. Среди них чаще всего встречались серьги (72,5%) и бусы (52,5%). Следует отметить очень интересный момент по количеству серег в женских погребениях. Из 58 комплексов, в которых зафиксированы серьги, в 36 (62%) находилась только одна серьга. Причем, это не зависело ни от металла (бронзовая, серебряная или золотая), ни от имущественного разряда всего погребального инвентаря, ни от группы. Таким образом, следует признать тот факт, что количество серег в захоронении не может служить индикатором половой принадлежности умершего. Среди бус, в основном, встречались стеклянные. Иногда попадались коралловые, сердоликовые, жемчужные и бронзовые. Довольно частой находкой можно назвать различные бляшки и накладки (21,3%), кольца и перстни (15%). К редким украшениям отнесены подвески и медальоны (7,5%), а также украшения из жемчуга и натуральных камней (6,3%). В единичных случаях встречались браслеты (3), застежки (3), бисер (2), брошь (2), пятиконечная звездочка, украшенная жемчугом и сердоликом.

Изделия из шелка и парчи (или их фрагменты) в женских погребениях зафиксированы значительно чаще, чем в мужских (табл. 2). Однако так же, как и в мужских захоронениях, в подавляющем большинстве (70,6%) обнаружена парча. Из шелка, в основном, были изготовлены халаты, а из парчи – накидки, ленты, головные уборы, мешочек для зеркала. В 4 комплексах присутствовали и шелковые, и парчовые вещи. Парчовые изделия были найдены во всех группах, кроме ЛД и НЛД, а изделия из шелка – лишь в группах Н, НЛ и ЛД.

Конское снаряжение было положено в женские монгольские погребения приблизительно в четверти случаев (22,8%). И если в мужских комплексах чаще встречались стремяна, то в женских они обнаружены лишь в 65,2%, зато удила – в 91,3%. В трети (30,4%) захоронений с конским снаряжением найдено и седло. Однако удила и стремяна зафиксированы только в группах Н, Д, НЛ и НД, а седло – в группах Н, НЛ и НД.

В отличие от мужских погребений в женских довольно часто находят различные амулеты (19,8%). Они представляют собой, как правило, серебряный позолоченный цилиндр, хотя встречаются и бронзовые цилиндры. В одном случае амулетом служил наконечник стрелы (лежал в мешочке), в другом – кусочек мела пирамидальной формы. Амулеты зафиксированы в группах Н, Д, НЛ и Л.

Нетипичной категорией инвентаря для женских погребений является оружие. Оно встречено всего в 5,9% захоронений. В 4 комплексах (группы Н и НД) был обнаружен кинжал, в 1 (группа Д) – боевой нож и в 1 (группа Н) – наконечник стрелы.

Как ни удивительно, но крайне редкой (2%) категорией инвентаря для женских монгольских погребений оказались монеты (табл. 2). Они зафиксированы всего в двух случаях в группе Н.

Посудовидные изделия среди женского инвентаря встречаются не так часто, как среди мужского, но и не редко – 21,8%. Они найдены во всех группах, кроме группы ЛД.

Анализ будет неполным без оценки имущественных разрядов погребального инвентаря. Как мужские, так и женские инвентарные комплексы были стандартно распределены по трем разрядам: богатый, средний, рядовой. Мужских погребений с богатым инвентарем немного – 6,9% (табл. 3). Присутствуют они только в 3 группах – Н, Д и Л. Среднего уровня инвентарный комплекс зафиксирован в 10,7% мужских захоронений (группы Н, Д, НЛ, НЛД, ЛД). Большинство мужчин было похоронено с рядовым набором вещей (82,4%).

Таблица 3 – Имущественные разряды мужского инвентаря

Группы	Н	Д	НЛ	НД	НЛД	Л	ЛД	Всего
Разряд								
Богатый инвен. комплекс	5 (10,2%)	3 (10%)	0	0	0	1 (25%)	0	9 (6,9%)
Средний инвен. комплекс	3 (6,1%)	6 (20%)	3 (21,4%)	0	1 (9,1%)	0	1 (33,3%)	14 (10,7%)
Рядовой инвен. комплекс	41 (83,7%)	21 (70%)	11 (78,6%)	20 (100%)	10 (90,9%)	3 (75%)	2 (66,7%)	108 (82,4%)

Женские погребения близки к мужским по показателю "богатый инвентарный комплекс" – 5% (табл. 4). А вот среднего уровня инвентарных комплексов у женщин значительно больше – 21,8%. За счет этого у них поменьше погребений с рядовым набором предметов – 73,2%.

Таблица 4 – Имущественные разряды женского инвентаря

Группы Разряд	Н	Д	НЛ	НД	НЛД	Л	ЛД	Всего
Богатый инвен. комплекс	2 (4,8%)	1 (4%)	2 (12,5%)	0	0	0	0	5 (5%)
Средний инвен. комплекс	9 (21,4%)	6 (24%)	2 (12,5%)	2 (20%)	0	2 (66,7%)	1 (25%)	22 (21,8%)
Рядовой инвен. комплекс	31 (73,8%)	18 (72%)	12 (75%)	8 (80%)	1 (100%)	1 (33,3%)	3 (75%)	74 (73,2%)

Таким образом, можно констатировать, что проведенный анализ опроверг ряд эмпирических наблюдений. Так, количество серег в погребении не может быть индикатором половой принадлежности умершего. Гребень не является исключительно женским видом инвентаря. В то же время подтверждается вывод Г.А. Федорова-Давыдова, что практически только в мужских погребениях встречаются предметы вооружения. В женских захоронениях с признаками монгольского погребального обряда крайне редко находят кинжал или боевой нож. Редчайшими находками для женских погребений являются кресало и монеты. Помимо зеркала, ножниц и бокки, исключительно женскими видами инвентаря можно назвать игольник и иглы. Только в мужских захоронениях в сочетании с посудовидными изделиями встречаются панцирные пластины. Последнее явление, на наш взгляд, требует специального исследования.

Список литературы

1. Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднесредневековых погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 1. – Донецк, 2000. – С. 181-208.
2. Иванов В.А. Убранство костюма кочевников Золотой Орды // Самарский край в истории России. – Самара, 2001. – С. 200-207.
3. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб.: Славия, 2001. – 363 с.
4. Курышова Н.П. Классификация бус из средневековых погребений золотоордынского времени // Поволжская археология. – № 1. – Казань, 2012. – С. 204-215.
5. Кушкумбаев А.К. Лук и стрелы в составе золотоордынского вооружения: вопросы изучения и способы применения боевых средств // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П. Костюкова / отв. ред. и сост. Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев. – Астрахань: Издательский дом "Астраханский университет", 2011. – С. 41-75.
6. Малиновская Н.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 132-175.
7. Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. – 1966. – № 2. – С. 55-60.
8. Нарожный Е.И. Металлические зеркала XIII-XIV веков с изображением аль-Бораков (Северный Кавказ) // Пятая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Краснодар, 2009. – С. 270-275.
9. Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. // СА. – 1987. – № 2. – С. 212-227.
10. Потемкина Т.М. Металлические посудовидные изделия из погребений номадов золотоордынского времени Восточной Европы: проблемы и стереотипы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – №1. – Уральск, 2007. – С. 208-235.
11. Потемкина Т.М. Об этнокультурных признаках "монгольских" погребальных памятников Восточной Европы // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы V Международной конференции (г.Астрахань, 2-6 октября 2011 г.). – Казань, Астрахань, 2011а. – С. 112-115.
12. Потемкина Т.М. Этнодиагностические признаки монгольских погребений золотоордынского времени // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових співробітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2009-2010 рр. Т.2. – Донецьк: ДонНУ, 2011б. – С. 163-164.
13. Потемкина Т.М. Золотоордынские кочевнические захоронения с западной ориентировкой: признаки монгольского погребального обряда // Історичні і політологічні дослідження. – №1(49). – Донецьк: ДонНУ, 2012а. – С. 17-21.

14. Потемкина Т.М. Признаки монгольского погребального обряда у золотоордынских кочевнических захоронений с западной ориентировкой // Матеріали ІІІ Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка "Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України". – Луганськ, 2012б. – С. 461-463.
15. Потемкина Т.М. Признаки монгольской погребальной традиции (по золотоордынским кочевническим погребениям) // Донецький археологічний збірник. – № 16. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2012в. – С. 144-151.
16. Потемкина Т.М. Специфический комплекс признаков средневековой монгольской погребальной обрядности Восточной Европы // Матеріали наукової конференції Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2011-2012 рр. Т.2. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – С. 116-117.
17. Потемкина Т.М. Жертвенная пища в золотоордынских погребениях с признаками монгольской обрядности // Материалы Международной научной конференции "Маргулановские чтения – 2014". – Павлодар, 3-5 декабря 2014а. – С. 323-329.
18. Потемкина Т.М. Золотоордынские кочевнические погребения с меридиональной ориентировкой: проблемы этнокультурной интерпретации // Верхнедонской археологический сборник. Вып.6. Материалы межрегиональной научной конференции "Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы", посвященной 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической Комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), прошедшей в г. Липецке 20-22 декабря 2013 года. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО "ЛГПУ", 2014б. – С. 589-593.
19. Потемкина Т.М. Комплекс признаков монгольской погребальной обрядности в золотоордынских захоронениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. / отв. ред. А.Д. Таиров. – Челябинск, 2015. – С. 299-304.
20. Потемкина Т.М., Пилипенко Д.В. К вопросу о монгольской погребальной обрядности (по материалам восточноевропейских золотоордынских погребений) // Літопис Донбасу. – №19. – Донецьк, 2011. – С. 54-62.
21. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во Московского университета, 1966. – 274 с.
22. Яворская Л.В. Металлические зеркала из городов и некрополей золотоордынского Нижнего Поволжья: к проблеме типологии и традиций орнаментации // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – №1. – Уральск, 2011. – С. 266-275.

УДК 903.1

В.В. Приймак

Погребения в жилищах поселения стан у С. Волынцево (к 50-летию открытия памятников)

*«Это далеко не та основа, на которой можно что-то бесповоротно решить»
Е.А. Горюнов*

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о салтовских элементах в волынцевских погребальных древностях (на материалах селища Стан-1, раскопки Д.Т. Березовца). Более ранние погребения у с. Разиньково и клад у с. Уланок являются, видимо, маркерами продвижения славянского населения Правобережья в бассейны р. Сейм и Дон. Погребения на селище Стан-1 являются свидетельством этнических контактов с населением салтовских памятников р. Дон. Однако не исключается рассмотрение аланского компонента в волынцевских древностях как наследие более раннего, предшествовавшего салтовскому, аланского населения.

Ключевые слова: р. Сейм, селище Стан у с. Волынцево, погребения в жилищах, аланы, болгары, славяне.

Abstract. The question of Saltovo elements in Volyntsevo funerary antiquities is considered in the article (based on materials of settlement Stan - 1, D. T. Berezovets's excavations). Earlier funerals by the

village Razin'kovo and the treasure by the village Ulanki are evidently the markers of advancement of slavic Right Bank population towards Seim and Don Rivers' watersheds. The funeraries in Stan - 1 settlement are evidents of ethnic contacts with the Saltovo sights of Don River population. However, we cannot exclude consideration of Alani component in Volyntsevo antiquities as a part of Alani population legacy, preciding to Saltovo one.

Key words: River Seim, settlement Stan in Volyntsevo village, burrials in dwellings, Alani, Bulgarians, Slavs.

Открытие памятников у с. Волынцево Д.Т. Березовцом дало толчек стационарному изучению древностей эпохи бронзы (селища Городок и Попова Левада), раннего железного века (Городок), предроменского (Стан-1), роменско-древнерусского (Курган) и золотоордынского (Стан-2) времени (Приймак, 2016). Наиболее исследованным из перечисленных памятников у с.Волынцево является селище Стан-1, которое изучалось в 40-50-е и начале 80-х годов XX в. Из этого селища происходит около 50 раскопанных комплексов волынцевского типа. Не все они надлежащим образом обработаны и опубликованы. Опорными остаются опубликованные О.А. Щегловой два керамических набора из раскопок Д.Т. Березовца в урочище Стан – жилищ № 19 и № 6 (Щеглова, 1986, с. 18, рис. 2; Гаври-тухин, Обломский, 1996, с. 282, рис. 97). Сам Д.Т. Березовец, а также О.В. Сухобоков, В.А. Петрашенко, С.П. Юренко опубликовали часть находок и объектов из памятника, преимущественно в работах типологического характера (керамический комплекс, погребальный обряд и др.). Материалы раскопок О.В. Сухобокова и С.П. Юренко на селище Стан-1, в которых принимал участие автор, легших в основу диссертационного исследования С.П. Юренко, остаются опубликованными фрагментарно (Юренко, 1982; 1983; 1985). Эти вопросы уже нашли отражение в работах автора (Приймак, 2001–2002; 2008). Изданы и работы, посвященные предволынцевскому периоду (Приймак, 2012), новым волынцевским материалам, а также поискам аналогий погребениям в жилищах из раскопок Д.Т. Березовца на селище Стан-1 в салтовских и роменских древностях (Приймак, 2012-а).

Недавно опубликованные В.В. Сарапулкиным погребения Маяцкого комплекса позволяют вновь вернуться к названным погребальным комплексам из селища Стан. Последние, как и погребение из Рыльска, обоснованно связываемое с памятниками волынцевского типа (Зорин, Стародубцев, Шпилев, Щеглова, 2008, с. 200-203), оказались близкими к кругу салтовских погребений, прежде всего из состава небольшой группы ингумаций Маяцкого селища. В частности, это касается скорченного, на правом боку, погребения № 6 северо-западной ориентации (Сарапулкин, 2014, с. 133-134, рис. 6). Еще одно погребение, найденное в постройке, безинвентарное, тоже скорченное. Определяя место этих захоронений на памятнике, В.А. Сарапулкин отметил еще несколько скорченных погребений на Маяцком комплексе. Исследованные В.А. Сарапулкиным погребения датированы им в широких пределах IX-X вв. на основании аналогий вещам из погребения № 6 в мордовских могильниках. В то же время, поясные бляшки из погребения № 2 этого могильника относятся к числу индикаторов второго этапа салтовской культуры, т.е. с конца VIII в. (Комар, 1999, с. 130-132, табл. 4, II), что совпадает с финальной датой волынцевских древностей (начало IX в.).

В центре поселения в ур. Стан у с. Волынцево находилась постройка № 25 (работы Д.Т. Березовца). Размеры ее 4 м на 4 м, глубина 1 м от современной поверхности, с центральным столбом, печь или очаг отсутствовали. Ориентирована стенами по странам света. В полу постройки прослежены пять хозяйственных ям, частично выходящих за пределы полуземлянки. В яме, расположенной по центру восточной стенки, обнаружен скорченный костяк восточной ориентации. В подростковом погребении у виска было обнаружено маленькое бронзовое височное кольцо. В другой яме обнаружены два костяка, располагавшихся под прямым углом друг к другу, впрытык головами (юго-западной и юго-восточной ориентации). У одного из костяков в области шеи найдены стеклянные бусы. И бусы, и височное кольцо, по определению Д.Т. Березовца, имеют аналогии в Волынцевском могильнике (урочище Стан). Все погребения находились в заполнении ям, как и кости быка, обнаруженные в яме в северо-западном углу постройки. Ориентация погребений с ориентацией постройки не совпадает (Березовец, 1967, с. 166-169). Скорченные женские, реже – мужские – погребения встречаются в катакомбах, круглых ямах, подбоях салтовских жилищ. Подобным является помещение с поперечной перегородкой Маяцкого селища (раскопки А.И. Милютина), в котором выявлено три катакомбных погребения, одно из них парное, погребения были как выпрямленными на спине, так и скорченными. Ориентация совпадала с ориентацией стен постройки (Винников, Плетнева, 1998, с. 105-109, рис. 40). Другие постройки с подбойными погребениями – № 12 из Саркела, из раскопа на селище 2 Дмитриевского археологического комплекса – не столь сходны с погребениями из постройки № 25 поселения Стан. В Дмитриевском могильнике

скорченными были погребения девочек, а погребения мальчиков, как и мужчин, совершены на спине (Плетнева, 1967, с. 93-97, рис. 24, 6). Вообще же в салтовской культуре распространены погребения самой разной ориентировки: север, юг, восток, запад, с сезонными отклонениями (Плетнева, 1989, с. 66, 199, рис. 31). С.А. Плетнева, анализируя болгарские погребения салтовской культуры, такие черты как скорченность скелетов, перемешанность костей, нарушения ориентировки относил к аланским влияниям (Плетнева, 1981, с. 11-12). Совпадающая отдельными деталями с погребениями из урочища Стан ситуация прослежена в яме № 53, расположенной на входе в помещение 5 каравансарая № 1 Саркела. Исследовательница считала эту яму ритуальной, по хронологии она относится к начальному периоду существования крепости, т.е. – середине – второй половине IX в. (Плетнева, 1996, с. 35-37, рис. 14, а).

Ингумационные погребения, совершенные на территории поселений, в волынцевских древностях не являются столь частыми, как в салтовской культуре. У стенки жилища № 23 поселения Стан (раскопки Д.Т. Березовца) обнаружено погребение недоношенного младенца в возрасте 7 месяцев. На роменском городище Новотроицком, в жилище № 42, с входом в виде тамбура, как в салтовских (Ляпушкин, 1958, с. 123, 289, табл. LV; Афанасьев, 1984, с. 43, рис. 13, 14) также встречено подобное младенческое погребение. На Битицком волынцевском городище исследовано несколько погребений, среди которых одно является разрушенным, как и рыльское. Погребение из жилища № 53 сопровождалось набором подобных харьковским серебряных привесок, имеющих желедевидную форму (Юренко, Сухобоков, 1993, с. 40-43).

Таким образом, по материалам волынцевских древностей имеются основания выделить, помимо болгарского, тюркского (Сухобоков, Юренко, 2003, с. 45) еще один компонент – северокавказский, вероятно, аланский или близкий к нему, учитывая осторожную позицию В.В.Сарапулкина по поводу интерпретации исследованных им погребений на Маяцком комплексе. Численность последнего компонента, судя по имеющимся археологическим материалам, была меньше, чем степного. Сложение собственно волынцевских древностей следует считать финалом этнокультурного сдвига на Левобережье Днестра.

Обнаруженные на городище Супруты погребения в постройке № 1 раскопа 23 и, как полагает А.В. Григорьев, нескольких других, не фиксирующихся в силу ряда причин, связаны со слоем разгрома на памятнике и интерпретируются как временные, на период до перенесения останков умершего на некрополь (Григорьев, 2005, с. 71, рис. 26). Они датируются гораздо более поздним временем, чем из селища в урочище Стан и городища Новотроицкого.

В монографии В.Н. Чхаидзе, посвященной Таматархе, опубликовано два погребения, имеющие черты сходства с погребениями в Волынцево, о которых шла речь (Чхаидзе, 2008, с. 306, рис. 139, 1-2, 4). Однако анализ такого явления для всего ареала салтово-маяцкой культуры и ее окружения выходит за пределы славяно-русской археологии и требует рассмотрения специалистами, хорошо знакомыми со степными и тесно связанными с последними лесостепными древностями.

Следует иметь в виду, что есть и другой путь решения вопроса об аланском компоненте в волынцевских древностях, нежели объяснение присутствия в Поднепровье и Подонье переселенцев из Северного Кавказа, прибывших вместе с носителями катакомбного погребального обряда. Имеются надежные свидетельства появления аланской гончарной посуды на пеньковских и синхронных памятниках, связываемых обычно с Великой Болгарией (Канцерка, Мачухи, Будище, Вознесенка), т.е. еще в эпоху до сложения салтовской культуры. Территориально этнокультурный сдвиг охватывал всю территорию Днепровского лесостепного Левобережья и южного Полесья. Но проявлялось это на отмеченных территориях по-разному. В колочинском ареале, преимущественно севернее Сейма, инновациями были элементы пеньковской культуры, клады первой группы и элементы материальной культуры типа Сахновки. В ареале пеньковской культуры, от бассейна Орели и Надпорожья на юге до средних течений Сулы, Псла, Ворсклы, помимо антских кладов первой группы, появились кочевнические или метисные комплексы. Территория пеньковской культуры стала зоной колонизации степным населением и носителями сахновского типа памятников (Обломский, 2007, с. 3-12; Приймак, 2012, с. 60-93). Ингумационные погребения типа Разиньково второй половины или последней трети VII в. с вещами подунайского и других типов связываются с аланским погребальным обрядом (Мастыкова, 2012, с. 137-139). Поэтому не исключено, что отмеченный аланский компонент в древностях волынцевского типа связан именно с аланским досалтовским (субстратным) населением.

Аланский компонент салтовской культуры в древностях роменской культуры и ранних левобережных комплексах древнерусского времени (Каменное) выделялся по антропологическим материалам (В.В. Седов, О.В. Сухобоков, П.М. Покас). Для памятников волынцевского типа он вырисовывается по материалам ключевого комплекса – рыльского погребения. Погребение на детинце

Рыльска из раскопок М.В.Фролова было разрушенным, сопровождалось захоронениями коня и собаки, найденными вблизи двумя втульчатыми копьями с ромбовидными наконечниками, железным топором и двухсоставными удилами с гвоздевидными псалиями (Приймак, 2012-а, с. 15-24).

В свое время в работе, посвященной боршевским курганам, А.З. Винников сформулировал гипотезу о переселении славян на Дон довольно поздно, после VIII в., опираясь на аналогии из Правобережной Украины как начальную точку переселения славян на Дон. Именно такие комплексы, как Уланок, Разиньково и др. маркируют путь по Сейму в бассейн Воронежа (как и по Десне на Оку). Начальной точкой отсчета может быть Пастырское, с которым связаны формы посуды и вещи. Ремесленники могли задерживаться в другой среде и продолжать деятельность в ней, о чем свидетельствуют клады – Уланок и Харьевка. Вероятно, указанные комплексы являются маркерами на пути от Среднего Поднепровья в Подонье, где изредка встречается гончарная посуда пастырского типа, лепная сахновского или луки-райковецкого облика, а также гончарная волынцевская (Винников, 2014, с. 318, рис. 74). Поскольку доборшевские, досалтовские и раннесалтовские материалы на р. Воронеж пока представлены разнообразными и не весьма многочисленными комплексами и артефактами, к тому же частично являющимися случайными находками, данная проблема пока не выходит за пределы отдельных наблюдений и гипотез, которые в дальнейшем могут корректироваться.

Следует все же принимать во внимание, что вещевой комплекс ингумации у с.Разиньково и клада из с. Уланок имеют отношение к древностям правого берега Днепра и даже гораздо более удаленных к западу территорий (Щеглова, 2012, с. 201-205), где также имелись ингумации. Возможно, не стоит относить к однозначно аланским влияниям все элементы погребального обряда. При этом следует иметь в виду замеченную еще почти полвека назад унифицированность аланской и болгарской черт материальной культуры предсалтовского времени Северного Кавказа. Отличия прослеживались только в отдельных деталях, вроде отсутствия ручек у кувшинов в захоронениях и минимальной представленности посуды в последних. Случаи, когда два кувшина присутствуют в болгарском погребении, являются единичными для могильников, частыми же являются ингумации без посуды (Ковалевская, 1975, с. 80). Именно последняя черта и характерна для предсалтовских и волынцевских ингумаций Днепровского лесостепного Левобережья. Посуда без ручек является нередкой в волынцевских древностях, в частности, горшки с высоким вертикальным венчиком. Такие же сосуды, но с ручками, являются не такой уж и редкой находкой в салтовских комплексах.

Комплексы салтовского происхождения в волынцевских древностях можно оценивать как свидетельства этнических контактов северян, упомянутых в летописи как одно из племен, зависимых от Хазарского каганата, с салтовской культурой. На более поздней, роменской стадии, столь ярких свидетельств в материальной культуре меньше. Они скорее указывают на влияния, характерные для контактных зон культур, в данном случае роменской и салтовской.

Список литературы

1. Афанасьев Г.Е. Исследования южного угла Маяцкой крепости // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. М.: Наука, 1984.
2. Березовец Д.Т. Новые раскопки в с. Волынцево // АИНУ в 1965-1966 гг. К.: Наукова думка, 1967.
3. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998.
4. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998.
5. Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – начале XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Кварта, 2014.
6. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996.
7. Горюнова В.М., Родинкова В.Е. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. 1999. № 4.
8. Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 2005.
9. Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края. Курск: КГОМА, 2008.
10. Ковалевская В.Б. Древние болгары на Северном Кавказе // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.
11. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. 1999. № 2.

12. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. – 1958. – № 74.
13. Мاستыкова А.В. Раннесредневековое погребение у с.Разиньково курской области // РА. 2012. № 2.
14. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Изд-во «Вища школа», 1985.
15. Обломский А.М. Структура населения Лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // АЛЛУ. 2007. № 1-2.
16. Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) / С.А. Плетнева. М.: Наука, 1967.
17. Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска – Преслав. Пра-болгарская культура. Материалы советско-болгарской встречи. Шумен: Изд-во БАН, 1981.
18. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989.
19. Плетнева С.А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. Приймак В.В., Приймак В.М. Д.Т.Березовець і проблема русів та Русі // ПАЗ – 1999 (до 1100-ліття м. Полтави за результатами археологічних досліджень). Полтава: Археологія, 1999.
20. Приймак В.В. Роменська культура в межиріччі Десни і Ворскли: Дискусійні питання, нові матеріали. Полтава–Суми, 1997.
21. Приймак В.В. Некоторые дискуссионные вопросы изучения волынцевских памятников междуречья Средней Десны и Средней Ворсклы // Stratum plus. 2001–2002. № 5.
22. Приймак В.В. Путивльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини. Полтава: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2007.
23. Приймак В.В. Проблемы изучения древностей Днепровского Левобережья VIII – XI вв. // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск: КГУ, 2008.
24. Приймак В.В. Этнокультурный сдвиг на территории Днепровского Левобережья VII–VIII вв. (степь и южная полоса лесостепи) // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2012. Київ – Полтава: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК; ІА НАН України; ЦОДПА, 2012.
25. Приймак В.В. Элементы салтовского погребального обряда в волынцевских древностях // Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре. Рыльск: РАТК – филиал МГТУГА, 2012-а.
26. Приймак В.В. Из истории полевых исследований памятников у с. Волынцево (к 50-летию открытия) (в печати).
27. Сарапулкин В.А. Новые погребения Маяцкого селища // РА. 2014. № 3.
28. Сухобоков О.В., Юренко С.П. До вивчення волынцевських пам'яток // Археологія та історія північно-східного Лівобережжя (І-початку II тис.). Суми: ІА НАН України; РВВ Глухівського ДПУ, 2003.
29. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008.
30. Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. 1986. Вып. 187.
31. Щеглова О.А. Маленький комплекс пастырского типа из окрестностей села Уланок (Суджанский район Курской области) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902-1968). Санкт-Петербург: СОЛО, 2012.
32. Юренко С.П. Днепровское лесостепное Левобережье в VII – VIII вв. I тыс. н.э. (волынцевская культура). Дисс. ... канд. историч. наук. К., 1982. // НА ИА НАН Украины. Ф. е, № 615.
33. Юренко С.П. Днепровское лесостепное Левобережье в VII – VIII вв. н.э. (волынцевская культура) / С.П. Юренко. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. К., 1983.
34. Юренко С.П. Волынцевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. – К.: Наукова думка, 1985.
35. Юренко С.П., О.В. Сухобоков. О погребальной обрядности носителей памятников волынцевской культуры (по материалам Битицкого городища) // Археология и история Юго-Востока Руси. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993.

**Рыбная ловля у населения среднего течения Ворсклы в XIII-XIV вв.
(по материалам Глинского археологического комплекса)**

Аннотация. В статье рассмотрены материалы по рыбной ловле, происходящие с Глинского археологического комплекса. Проанализированы природные условия, археоиختиологические данные, рыболовецкие орудия. На основании находок остатков мелких экземпляров рыб, констатируется, что в «голодные» годы (когда сельское хозяйство не могло обеспечить достаточное количество продуктов питания) выдвинут тезис о максимальном использовании «даров природы». Сделан вывод о важной роли рыбной ловли в жизни древних поселенцев.

Ключевые слова: Древняя Русь, Глинский археологический комплекс, рыбная ловля, археоиختиология, орудия рыболова.

Abstract. The article deals with materials on fishing from Glinsk archaeological complex. Analyzed the natural conditions archaeoichthyologic data, fishing tools. On the basis of the finds remains of small specimens of fish, it is stated that in the «hungry» years (when agriculture could not provide enough food) have argued that the maximum use of «gifts of nature». It was concluded about the importance of fishing to the life of the ancient settlers.

Keywords: Old Rus, Glinski archaeological complex, fishing, archaeoichthyology, fishing tools.

История исследований. Глинский археологический комплекс расположен у с. Глинское Зеньковского р-на Полтавской обл. В его состав входит селище (посад) в ур. Леваднюкова Гора, расположенное на правом берегу р. Ворскла, на мысу второй надпойменной террасы, высотой до 25 м над уровнем поймы (рис. 1). Мыс вытянут по оси северо-запад-юго-восток. Площадь мыса составляет около 0,7 га.

Первые сведения о городище у с. Глинское приведены в работе В.Г. Ляскоронского (Ляскоронский, 1907, с. 180–182, рис. 36). В дальнейшем работы на территории комплекса и в окрестностях имели преимущественно разведывательный характер. В разное время здесь работали И.И. Ляпушкин, А.П. Кучера, О.В. Сухобоков, а также полтавские исследователи (Ляпушкин, 1947; Кучера, Сухобоков, 1971, с. 14–15; Древнерусские ..., 1984, с. 169–170; Гавриленко, Ткаченко, 1994. Арк. 1, 2; Гавриленко, 1997. Арк. 8).

Стационарные археологические исследования комплекса проводились в 1997–1999 гг. экспедицией Центра охраны и исследований памятников археологии под руководством А.Б. Супруненко (Кулатова, Гейко, Злотницька та ін., 1998, с. 91–92; Золотницька, Супруненко, 1999, с. 188–211; Мироненко, 1998, с. 113–114; Гейко, 1999). В 2006 г. в округе комплекса проводились спасательные археологические исследования на одном из селищ-сателитов – Глинское IV (Шерстюк, 2007).

В 2011 г. раскопки на памятнике возобновил Глинский отряд Охранной археологической экспедиции ЦОИПА совместно с Полтавской археологической экспедицией ДП НИЦ «ОАСУ» ИА НАН Украины, при содействии Института керамологии – отделения Института народознавства НАН Украины (начальник экспедиции – Ю.А. Пуголовок). Целью этих работ стали спасательные исследования на разрушенных участках посада в ур. Леваднюкова Гора. На протяжении нескольких полевых сезонов исследовано около 70 м², получен выразительный археологический материал. Там были обнаружены остатки жилищно-хозяйственной застройки и несколько захоронений женщин и детей, датированных концом XIII – XIV вв. (Пуголовок, 2012; 2012а; 2014; 2014а; Котенко, Пуголовок, 2013, с. 121–125).

Материалы и методы. Неотъемлемой составляющей современных археологических исследований является использование различных методов естественных наук в археологии. Прежде всего, результаты анализов такими методами существенно пополняют данные о «естественной» составляющей жизни и быта древнего населения. Основой для этого исследования являются археоиختиологические остатки (остатки рыбы: чешуя, кости). Материалы для анализа получены двумя способами. В ходе археологических исследований, благодаря тщательной работе было отобрано незначительное количество иختиологических материалов. В 2014 г., для расширения источниковедческих возможностей также введен общеизвестный, но до сих пор малоупотребительный метод выборочной промывки

культурного слоя. С целью получения этой информации нами была проведена выборочная промывка образцов почвы из объекта 2 (полуземлянки). Просмотрено около семи стандартных ведер почвы (около 70 дм³). Результатом стали рыбы кости и чешуя. Забор материала провел С.А. Горбаненко. Материал определен путем сравнения костных фрагментов и чешуи с экземплярами современных и субфоссильных видов рыб из сравнительной остеологической коллекции Е.Ю. Яниш. Реконструкция размеров осуществлена по методике В.Д. Лебедева (Лебедев, 1960). Точное определение возраста рыб проведено путем подсчета годовых колец на чешуе и позвонках. Систематика и видовые названия рыб приведены по определителю-справочнику Ю.В. Мовчана (Мовчан, 2011). Определение материалов осуществила Е.Ю. Яниш.

Археоихтиологические данные дают возможность частично реконструировать особенности хозяйственной деятельности человека. Кроме видового состава ихтиофауны за исследуемый период, в результате анализа ихтиологических материалов получаем информацию об основных промысловых видах рыб, средств их получения, реконструкции основных морфометрических параметров, а также доли рыб в рационе жителей исследуемых поселений. Кроме того, некоторые виды рыб являются индикаторными, при наличии которых в определенных случаях можно реконструировать гидрографические и климатические условия на момент функционирования конкретного поселения.

Дополняют данные об уровне рыбной ловли в целом незначительные *археологические материалы*.

Природные ресурсы. Окружающая среда, а особенно наличие водных ресурсов, играла важную роль при подборе места основания того или иного поселения. В случае со средневековой поселенческой структурой близ современного с. Глинское, можно констатировать изменение речного русла Ворсклы и ее притоков. Современное русло Ворсклы находится на расстоянии около 4 км от городищ, а в непосредственной близости от них – старица Соломьяник. Однако, есть все основания предполагать, что в прошлом, во времена активной жизни на этих территориях, гидрографическая сеть была более благоприятной для ведения рыбной ловли.

В пользу этого предположения свидетельствует ряд фактов. Во-первых, в пойменной части между современным и старым руслом расположено большое количество мелких поселений эпохи бронзы – римского времени, а также едва ли не первое для региона открытое поселение роменской культуры, расположенное на левом берегу Ворсклы. Говорить о его специализации пока рано, однако вероятно, оно было одним из поселков-спутников и имело сезонный характер, о чем к примеру свидетельствует слабая насыщенность роменского культурного слоя остеологическими остатками. Во-вторых, уверенность в существовании отличной от современной гидросети предоставляют картографические материалы. Так, визуальный анализ карт местности по крайней мере конца 1850-х гг. свидетельствует о том, что Ворскла вплотную подходила к комплексу, образуя разветвленную систему рукавов и притоков (рр. Глинская, Рубежная, Куствица, Быстрая и др.), которые были связаны с основным руслом Ворсклы (рис. 1, з). К тому же и в самом селе, вокруг городищ В.Г. Ляскоронский заметил разветвленную систему ручьев и озер (Ляскоронский, 1907, рис. 36). Подобная ситуация наблюдалась и в 1930-х гг. Однако, в 1980-х гг. местность уже изменилась: заметно новое русло Ворсклы и новый гидроним для старого русла: Соломьяник, исчезают мелкие притоки (рис. 1, д). Такая гидрографическая сеть существует по сей день. Поэтому, можем предполагать, что изменения в речной системе (образование нового русла Ворсклы) состоялись в период между 1940-ми и 1980-ми гг. Что вполне соответствует наблюдениям специалистов за изменениями русла равнинных рек: они постоянно меняют свое русло в пределах долины: за период 25–100 лет русло может переместиться на всю ширину долины (Болдаков, 1951, с. 9–18).

Характер течения реки реконструируется на основании анализа фаунистических речных комплексов: р. Ворскла неподалеку от поселения была относительно прозрачной и имела небыстрое течение, а также содержала достаточное количество кислорода в воде для проживания оксифильных видов рыб (см. ниже). Характеристики реки как типично равнинной (с медленным течением) опосредованно подтверждают определения остатков бобра среди археозоологических материалов.

Археоихтиологический материал. Объем выборки остатков животного происхождения из объекта 2 за 2014 г. составляет 564 экз.¹ В ходе раскопок 2013 г. найден единый экземпляр чешуи окуня (возраст рыбы – 6 лет).

Часть материала значительно фрагментирована, что существенно затрудняет определение до вида, а в ряде случаев и до рода. При подсчетах одна кость рыбы считается эквивалентной одному экземпляру, поскольку было доказано, что больше, чем одна кость от одной рыбы сохраняется крайне редко (Лебедев, 1960).

¹ Из них 35 костей птиц, которые невозможно определить до вида. Кроме того, найдено 36 фрагментов скорлупы птичьего яйца, предположительно – курицы домашней небольших размеров. Еще 18 костей млекопитающих, среди которых один зуб свиньи домашней, еще один – мелкого рогатого скота.

В исследуемом материале массовые останки принадлежат рыбам (150 костей и 361 чешуя). Из них 80 фрагментов (15,7 % от общего количества остеологических материалов этого объекта) составили неопределимые до вида кости. Естественная сохранность материала составила 4 балла по 5-балльной шкале (по методике Е.Е. Антипина (Антипина, 2004)).

Остеологические материалы этого памятника относятся к категории «кухонных остатков», о чем свидетельствует видовой и анатомический состав исследованных фрагментов. Как правило, следы разделки на костях, следы огня и погрызы собаками или грызунами также подтверждают принадлежность костей к этой категории. В этом случае следы внешнего воздействия на кости не выявлены.

Всего определено девять видов, принадлежащие к четырем отрядам (табл. 1): отряд осетровые (*Acipenseriformes*): стерлядь (*Acipenser ruthenus*); отряд карповые: сазан (*Cyprinus carpio*), плотва (*Rutilus rutilus*), густера (*Blicca bjoerkna*), лещ (*Abramis brama*); отряд окуневые (*Perciformes*): судак (*Stizostedion lucioperca*), окунь (*Perca fluviatilis*), ерш обыкновенный (*Gymnocephalus cernuus*); отряд щукообразные (*Esociformes*): щука (*Esox lucius*).

Таблица 1 – Видовой состав рыб (абсолютное количество определенных костей)

Год	Виды рыб									
	Стерлядь	Сазан	Лещ	Плотва	Густера	Судак	Окунь	Ерш	Щука	Всего
2013	—	—	—	—	—	—	(1)	—	—	1
2014	1	94 (1)	1 (6)	4	3	2 (105)	7 (66)	44 (86)	22	527
Всего	1	94 (1)	1 (6)	4	3	2 (105)	7 (67)	44 (86)	22	528

Примечание. Без скобок указано количество костей, в скобках – чешуи

Ерш, хотя и является достаточно распространенным видом, в археологических материалах встречается редко, учитывая незначительные размеры его костей и чешуи. Наличие вида в остеологических материалах в данном случае, вероятно, является результатом промывки почвы, которая позволяет обнаружить самые незначительные фрагменты и фиксировать наличие видов, которые при традиционных в археологии способах отбора материала не попадают в поле зрения археозоологов.

В ходе исследований установлено, что в материале преобладают фрагменты посткраниального скелета рыб (PCRA) над краниальными (CRA) в соотношении 3,2 : 1 (табл. 2), при этом 70,5 % PCRA костей составляют позвонки, жаберные дуги и ребра, которые невозможно определить до вида. При анализе представленности видов нами определены 6 видов по костям краниума, 6 по костям посткраниального скелета, 5 видов определены по чешуе (окунь, лещ, сазан, судак, ерш). При этом один вид (сазан) определен лишь по чешуе, севрюга – только по краниальной кости, густера – только по посткраниальным костям.

Таблица 2 – Возрастной состав рыб

Вид	Возраст, от ... лет (количество определенного материала)														Всего
	1	2	3	4	5	6	≥ 6	7	8	9	10	11	12	13	
Окунь	—	3	26	51	36	15	—	8	—	2	—	1	—	—	142
Сазан	—	—	—	1	—	—	15	3	4	2	1	1	2	1	30
Лещ	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	3
Судак	—	32	71	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	105
Ерш	15	39	57	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	111
Щука	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Не определено	—	7	3	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13
Всего	15	81	157	57	41	16	15	12	4	4	1	2	2	1	408

В предыдущих исследованиях для Северного Причерноморья (Яниш, Антипина, 2013) нами было выявлено, что кости краниума и посткраниума у осетровых и костных рыб сохраняются по-

разному, соответственно при подсчетах соотношения этих групп при больших выборках необходимо принимать во внимание только кости головы. Для малых выборок такой закономерности не обнаружено. Полученные результаты подтверждают, что при малых выборках для определения максимального количества видов необходимо использовать все имеющиеся фрагменты (табл. 3).

Таблица 3 – Соотношение количества остеологических остатков костистых рыб CRA и PCRA частей скелета, и чешуи

CRA		PCRA		Чешуя	
Кости	Виды	Кости	Виды	Кости	Виды
17	6	52	6	361	5

Наличие костей как краниального, так и посткраниального скелетов свидетельствует об обработке рыбы непосредственно на поселении (в жилище). Также преобладание позвонков и ребер от костных рыб подтверждает лучшую сохранность этих элементов скелета по сравнению с костями головы.

По абсолютному количеству остатков в материале на первом месте ерш ($n = 130$), потом идут судак ($n = 105$), сазан ($n = 94$) и окунь ($n = 73$). Все остальные виды представлены единичными экземплярами (рис. 2). Также мы учли единую чешую окуня, найденную в 2013 г. на Глинском поселении.

Интересно, что на памятнике массовый вид – ерш обыкновенный. На других археологических памятниках, исследованных нами, а также по литературным данным, среди рыб мелкого размера, как правило, доминировал окунь.

Кроме того, нами определен возраст рыб по чешуе, а также в тех случаях, когда это было возможно, по позвонкам (табл. 2). Как видно из таблицы, в основном встречаются остатки трехлетних особей ($n = 157$), далее по количеству идут двух- ($n = 81$) и четырехлетние ($n = 57$) экземпляры.

Таким образом, для окуня количество половозрелых особей составило 97,9 %, для сазана, леща и щуки – по 100,0 %, для судака – 69,5 %, для ерша – 86,5 %. Поскольку большинство видов рыб исследуемого региона составляют половозрелые в возрасте более 3 лет (Мовчан, 2011), процент взрослых особей из неопределимых равен 46,2 %. Соответственно, процент молодых в целом по коллекции составил 23,5 %. Основную часть материала составляют остатки половозрелых особей, но доля молодых рыб также существенна. В материалах из других памятников, исследованных нами, как правило, преобладали взрослые особи.

В ряде случаев это можно объяснить тем, что мельчайшие кости, при отсутствии промывки почвы, не попадали в поле зрения исследователей. Но и по ряду памятников, где материал отбирали с помощью промывки, процент взрослых рыб также был большим. Кроме того, в прошлом рыбы были более тугорослыми, но при этом достигали больших размеров (Лебедев, 1960), что было связано с качеством кормовой базы и гораздо меньшим давлением со стороны человека, чем сейчас. Мы считаем, что при таких условиях местному населению, с точки зрения затрат энергии и времени, выгоднее было специализироваться на добыче рыб среднего и большого размеров, что и подтверждают находки на других памятниках. Избирательность ловли может обеспечиваться выбором орудий и собственно методов ловли (для сетей – размер ячеек, для крючковых орудий – размер крючка и т. д.).

Как гипотезу мы рассматриваем значительный процент остатков молодых неполовозрелых рыб на памятниках средней полосы (при условии, что материал собран корректно и выборка репрезентативна), как опосредованное подтверждение дефицита пищевых ресурсов на поселении – например, неурожай, падеж скота, пожары, военные конфликты и т. д., приведшие к тому, что население вынуждено было использовать все доступные пищевые ресурсы.

Сравнение с другими памятниками подтверждает, что при благоприятных условиях, как правило, стремились выловить крупнейшие особи, а для этого использовали крючки крупного размера и сетки со средним и большим по размеру глазком.

Выборка костей, с которых можно снять промеры, небольшая, но для некоторых экземпляров определенных видов нами реконструированы средняя длина тела, масса и возраст (табл. 4).

Таблица 4 – Основные параметры рыб, реконструированные путем экстраполяции данных

Вид	Размеры, см			$m_{\text{ср.}}$, кг	Возраст	
	L_{max}	L_{min}	$L_{\text{ср.}}$		Половозрелые	Неполовозрелые
Щука	59,3	12,1	27,3	0,4	3	2
Окунь	16,3	9,8	13,1	0,2	2	1
Плотва	14,5	11,5	13,3	0,2	3	1
Лещ	—	—	46,1	1,3	1	1
Ерш	—	—	10,1	0,04	1	1

Как видно из табл. 2 и 4, основную часть изученных рыб составляют половозрелые особи, преимущественно мелких и среднего размера. Присутствие в материале только двух особей крупного размера (лещ – 46,1 см и щука – 59,3 см) косвенно указывает на то, что рыбы маленького размера были выловлены целенаправленно, а не были приловом при ловле крупных рыб, и значительный процент неполовозрелых особей не является исключительно погрешностью сбора материала в ходе исследований. Видовой и возрастной состав указывает на круглогодичный вылов рыбы, но при этом наиболее интенсивный в летний и осенний периоды года.

Определенные нами виды принадлежат к четырем фаунистическим комплексам (по Г.В. Никольскому): верхнетретичному, или пресноводному амфибореальному (судак, сазан, стерлядь); понтическому пресноводному (лещ), а также бореальному равнинному (щука, плотва, окунь, ерш) и понто-каспийскому пресноводному (густера). Фаунистические комплексы имеют свою генетическую и экологическую специфику (Никольский, 1951), соответственно анализируя специфику видов, входящих в фаунистический комплекс, можно установить условия, при которых происходило его формирование (Никольский, 1950; 1951), а изучение динамики ареала рыб, принадлежащих к различным фаунистическим комплексам, позволяют реконструировать изменения климата в прошлом.

В состав бореального равнинного комплекса входят виды, приспособленные к жизни в стоячих и проточных водоемах равнин бореальной зоны. В целом виды, не входящие в этот комплекс, менее оксифильные, чем виды понтического пресноводного комплекса (такие виды, как линь, карась приспособлены к жизни в водоемах с малым количеством кислорода), среди которых нет видов, приспособленных к жизни в воде с недостаточным количеством кислорода.

Виды понтического пресноводного комплекса, преимущественно проживающие в относительно прозрачных водах (как в медленно текущих, так и в стоячих) в целом распространены несколько южнее, чем виды бореального равнинного комплекса. Кроме того, они представлены эвригалинными видами, что обусловлено значительными изменениями степени солености Черного моря (Степанов, Андреев, 1981), которые неоднократно происходили в течение голоцена в результате изменения уровня воды (голоценовые регрессии и трансгрессии).

Представители верхнетретичного комплекса – в основном жители равнинных рек с небыстрым течением, а также озер. Среди видов этого комплекса есть как оксифильные (осетровые, судак), так и приспособленные к жизни в воде с небольшим содержанием кислорода (сазан) (Никольский, 1951).

Таким образом, на основании характеристик фаунистических комплексов и видового состава рыб из материала Глинского комплекса можем предположить, что в конце XIII – XIV в. р. Ворскла неподалеку от поселения содержала достаточное количество кислорода в воде для проживания оксифильных видов, была относительно прозрачной и имела небыстрое течение. Для более глубоких выводов ныне недостаточно материала.

Видовой состав рыб в остеологическом материале является типичным для современной ихтиофауны малых и средних рек Украины бассейна Днепра. Из других археологических памятников, расположенных возле притоков Днепра, также известны находки этих видов рыб. Для сравнения нами использованы результаты раскопок в первую очередь памятников, которые также относятся к бассейну Днепра. Обзор данных по материалам предыдущих археологических культур приведен в работе А.В. Кузы (Куза, 1970). В связи с тем, что за 2–3 века, как правило, состав ихтиофауны резко не меняется (если не происходят значительные катаклизмы), а основные виды совпадают с определенными нами, считаем, что и за исследуемый период эти виды были обычными и распространенными и имели существенное значение в жизни местного населения. Эти выводы также подтверждаются данными по рыбной ловле жителями Донецкого (Шрамко, Цепкин, 1963) и Полтавского (Лебедев, 1960, с. 306–311) городищ в VIII–XIII вв., где в остеологических материалах представлены те же виды.

При сравнении с другими памятниками Древней Руси обнаружен аналогичный видовой состав рыб (Мальм, 1956; Яниш, 2014), но большинство археологических исследований были проведены для археологических памятников с территорий, относящихся к бассейнам Балтийского и Каспийского морей, а не Черного, как Днепр. Поэтому для определения распространенности видов у Глинского поселения некорректно сравнивать результаты с данными этих памятников, хотя хронологически они и близки.

Рыболовные орудия. По исследованиям специалистов, которые в научной литературе стали общепринятыми (Куза, 1970, с. 136; Чернецов, Куза, Кирьянова, 1985, с. 226–228, табл. 89; Кулаков, 2010, с. 266 и др.), по назначению и способу использования рыболовные орудия делятся на четыре основные группы: колющие орудия, крючковые снасти, сети, запорные системы. С Глинского, учитывая довольно незначительные объемы исследований, происходит довольно репрезентативная коллекция изделий из металла (в основном железа, одно изделие – из медного сплава). Также теоретически можно говорить о возможности существования глиняных грузил для сетей; непосредственно на проанализированном комплексе они не найдены, но широко известны из других хронологически и территориально близких

памятников. Так, по сообщению А.Б. Супруненко, подобное изделие было обнаружено рядом, в ходе исследований 1997 г., на Большом городище в ур. Крепость.

С памятника происходит два обломка остей (острог), которые принадлежат к *колющим* орудиям. Первый обнаружен в заполнении объекта 1 (2011 г.) (рис. 3, 6) (Пуголов, 2012, рис. 1, 18); второй – в ходе исследований 2014 г. в культурном слое (рис. 3, 7) (Міждисциплінарні ..., 2015, с. 112, 113, рис. 4, 1). Размеры фрагментов такие (см): длина – 6,3, 12,0; диаметр – 0,7–0,8, 0,6; максимальная ширина (крючка) – 1,2, 1,3 соответственно. Если по фрагменту орудия из объекта 1 невозможно четко сказать, к какому именно типу остроги он принадлежал (рис. 3, 6), то обломок, обнаруженный в 2014 г., по изгибу с уверенностью можно определить как фрагмент многозубой ости (рис. 3, 7). Последние, по наблюдениям исследователей, внедрялись в обиход во второй половине XII – в начале XIII в. (Чернецов, Куза, Кирьянова, 1985, с. 226–228, табл. 89).

Специалисты определяют все древнерусские остроги как типичные орудия озерно-речной ловли. Как правило, острогой или гарпуном рыбу ловят на мелководье, результативно – весной, во время нереста, и осенью. Такое орудие лова с уверенностью можно причислить к средствам индивидуальной ловли. Кроме того, его массивность указывает на значительные размеры рыбы, которую им добывали. Из представителей ихтиофауны Ворсклы, которые могли быть выловлены этими орудиями, это щука, сом, лещ и сазан; их промысел подтвержден определениями материалов из объекта 2. Из видов, не зафиксированных в остеологическом материале может быть жерех (*Aspius aspius*). По наблюдениям специалистов, этнографическим данным и, собственно, положением вещей в настоящее время, такое орудие косвенно свидетельствует о регулярном вылове рыбы среднего и большого размеров, перечисленных выше видов.

Вторая группа принадлежит к *крючковым снастям*. За время исследований на памятнике обнаружена также серия заготовок и изделий, связанных с индивидуальным рыболовством. Так, в верхней части заполнения объекта 1 (2011 г.) были найдены два обломка проволоки, округлые в сечении, один конец у которых загнут, а другой расклепан. Их размеры таковы: длина 4,0 и 3,9, диаметр – 0,3 и 0,2 см соответственно. Изготовлены из железа и медного сплава (рис. 3, 1, 2) (Пуголов, 2012, рис. 1, 10, 11). Их форма и размеры, позволяют интерпретировать эти находки как заготовки для изготовления рыболовных крючков. Особенностью, которая указывает на такую трактовку этих изделий является расклепанный противоположный зубцу конец. Такая черта характерна для крючков второго типа по типологии В.И. Маслова и Мальм (Мальм, 1956, с. 117, рис. 4, 5).

В заполнении объекта 1 найдены также два крючка, сделанных из округлой в сечении проволоки (рис. 3, 3, 4) (Пуголов, 2012, рис. 1, 16, 17). Их размеры: длина – 2,5 и 3,1; диаметр – 0,2 и 0,3 см соответственно. У одного из них сохранилось ушко для подвешивания (рис. 3, 4). По выше указанной типологии этот крючок следует отнести также к типу 2 (Мальм, 1956, с. 117, рис. 4, 5). Еще один крючок обнаружен в ходе исследований 2014 г. Его размеры: длина – 10,6, диаметр – 0,6 см (рис. 3, 5) (Міждисциплінарні ..., 2015, с. 112, 113, рис. 4, 2). Вероятнее всего, данное изделие относится к типу 1, характерной чертой которого является заостренный загнутый конец без зубца (Мальм, 1956, с. 117, рис. 4, 1). Даже при сравнении размеров вышеописанных орудий, легко убедиться, что древние рыбаки подходили дифференцированно к вылову различных видов рыбы.

В раннеславянские и особенно древнерусские времена разнообразнейшие типы крючков размерами от 2 до 25 см были в широком употреблении (см., напр.: Мальм, 1956, с. 116–118, рис. 4; Куза, 1970; Чернецов, Куза, Кирьянова, 1985, с. 226–228, табл. 89; Беляева, Кубишев, 1995, с. 70–71, рис. 53, 3, 4; Ситий, 1995; Капустин, 2013, рис. 4, 2, 5, 7, и др.).

Таким образом, и по археологическим находкам с уверенностью можем утверждать, что жителям древнего Глинского были хорошо известны приемы индивидуального лова, объектами которого становились особи средних и крупных размеров, существование которых подтверждено археоихтиологическими анализами (см. выше). Но среди проанализированных остеологических остатков значительное количество репрезентировано мелкими представителями ихтиофауны. Очевидно, что ранее проанализированные орудия были непригодными для вылова такой рыбы.

Поэтому логично предположить использование таких орудий, как *сети* (ставни, бредни), а также верши и другие запорные системы, от которых археологических свидетельств остается крайне мало (Куза, 1970). Сейчас едва ли не единственным археологическим подтверждением существования плетеных средств массового лова рыбы для Глинского является упоминавшаяся выше находка глиняного грузила внушительных размеров из Большого городища в ур. Крепость. Такие грузила могли использовать на большом количестве вариаций сетей; простейшей из них является однорядная сеть, оснащенная поплавками из легких органических материалов сверху (рис. 3, 8). К сожалению, в условиях современной лесостепи такие и подобные органические материалы сохраняются крайне редко. Поэтому до сих пор известно лишь несколько находок, происходящих из памятников, расположенных на значительных территориях Восточной Европы, в основном – древнерусского времени. Находки разного рода изделий из дерева, коры и т. д. (часть из которых могла выполнять роль поплавков), известны на Киевском Подоле

(Гупало, Толочко, 1975, рис. 21), Берестя (Лысенко, 1985, с. 367–368, рис. 249–250), из слоев X–XV вв. Древнего Новгорода (Колчин, 1968, с. 104, табл. 7).

Способы ловли рыбы не ограничиваются вышеперечисленными вариантами. Так, по этнографическим материалам известны и другие простые способы (см., напр.: Зеленин, 1991, с. 100–106; Полесье ..., 1988, с. 148–155, и др.). Д.К. Зеленин сообщал, что на речках с небольшим течением рыбаки могли устраивать *изы* (заборы), или заколы. Первыми перекрывали все русло реки; другие использовались лишь под берегом (прибрежники), их ставили не на всю ширину реки, а лишь на 10–20 м от берега. Их изготовление довольно простое: в одну линию вонзались деревянные шесты и скреплялись между собой. Таким образом создавалась преграда, из-за которой рыба не могла спастись (Зеленин, 1991, с. 103–104, рис. 29). Конечно, такие и подобные способы ловли рыбы не оставляют никаких археологических свидетельств, поэтому о них можно говорить чисто теоретически.

По полученным данным понятно, что древние поселенцы целенаправленно использовали ресурс рыбной ловли максимально полно. Это свидетельствует о возможных неблагоприятных факторах в жизни местного населения (прежде всего в ведении сельского хозяйства: неурожай, падеж скота и т. п.), при которых максимально используются альтернативные источники питания. Ввиду того, что на современном этапе развития методов археологических исследований тотальный забор биологических образцов практически невозможен, по ним невозможно также установить и соотношение биомассы, получаемой от разных отраслей хозяйственной деятельности. Однако этнографические материалы частично проясняют этот вопрос. Так, долю рыбы в рационе питания населения Европейской части России в конце XIX в. сравнивают примерно с половиной мясной продукции, получаемой от КРС. Однако исследовательница этого вопроса В.А. Мальм подчеркнула, что на количество рыбы в рационе могла влиять христианизация с обязательными постами (Мальм, 1956, с. 117). Если все же принять во внимание такое соотношение, можем предположить, что рыба составляла около 1/4 доли пищи животного происхождения¹.

Выводы. Таким образом, ловля рыбы была хорошо известна жителям Глинского древнерусского поселения. Средства ловли и основные промысловые виды подобны найденным на других памятниках Южной Руси, а также предыдущих, роменской и боршевской археологических культур. В XIII–XIV вв. р. Ворскла неподалеку от поселения содержала достаточное количество кислорода в воде для проживания оксифильных видов, была относительно прозрачной и имела небыстрое течение.

Вылов рыбы продолжал занимать важное место в обеспечении местного населения едой, наряду с другими присваивающими формами, а также сельским хозяйством. Видовой и возрастной состав рыб указывает на круглогодичный отлов рыбы, интенсивный в весенний (нерестовый) и осенний периоды года. Значительный процент молодых особей может косвенно указывать на дефицит пищевых ресурсов на поселении. Для выявления мельчайших остеологических остатков и чешуи желательнее использовать промывку почвы, что позволяет зафиксировать наличие видов, которые не попадают в поле зрения специалистов при использовании обычных методов сбора материала.

Также, очевидно, были «голодные» годы, подтверждением и отображением которых и есть остатки мелкой рыбы. Такие «голодные годы» были характерным явлением для северных территории Киевской Руси, тогда как для Киевщины, от правления Святополка и практически до монгольского нашествия летописи практически не упоминают недороды зерновых или высокую стоимость хлеба (Пашуто, 2011. Прилож.). А для середины XIII – второй половины XIV в. исследователи отмечают ухудшение климатических условий для территории Киевской Руси, проявившихся в повышении внутриклиматической изменчивости (Бараш, 1989, с. 40). Для Восточной Европы XIII в. есть сведения о 44 неурожаях и 31 голодном год (Бараш, 1989, с. 93). Относительно XIV в., агроклиматическая ситуация, по мнению исследователей, для территории Руси была неблагоприятной в связи с переходом к малому ледниковому периоду. В связи с чем количество неурожая и голодных лет увеличилось практически вдвое (Бараш, 1989, с. 128–129).

¹ Такие подсчеты еще слишком гипотетические, чтобы выступать в качестве заключения; они могут лишь указывать на определенные тенденции. Подробнее расчеты доли пищи животного происхождения из Глинского см.: Пуголовков, Горбаненко, Сергеева, Яниш, в печати. По поводу возможностей подсчета доли рыбы в пище, мнения авторов разошлись: С.А. Горбаненко и Ю.А. Пуголовков считают возможным, с учетом приведенных выше оговорок до нахождения более достоверных вариантов решения, экстраполировать этнографические исследования В.А. Мальм, которая пишет о том, что доля рыбы в XIX в. может быть приравнена к половине от употребляемой говядины. Тогда как Е.Ю. Яниш считает, что для оценки роли рыбы в питании населения, даже с привлечением этнографических материалов, данных недостаточно. Впрочем, в необходимости дальнейших исследований мнения авторов сходятся.

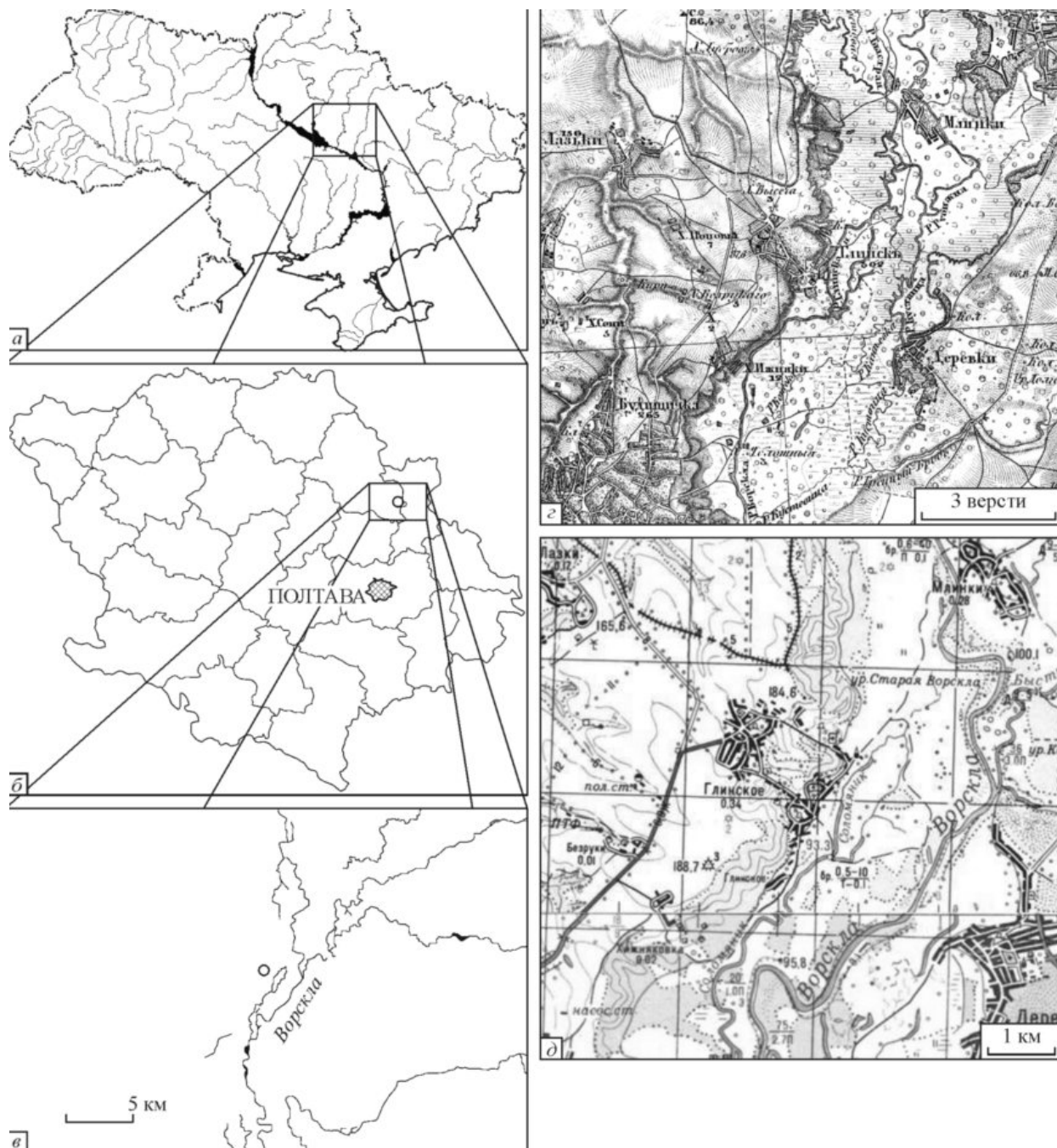

Рис. 1. Место расположения Глинского археологического комплекса: а – карта-схема Левобережья Днепра; б – Полтавская обл.; в – на местности (по: (maps.yandex.ua)); г – середина XIX в.; д – конец XX в.

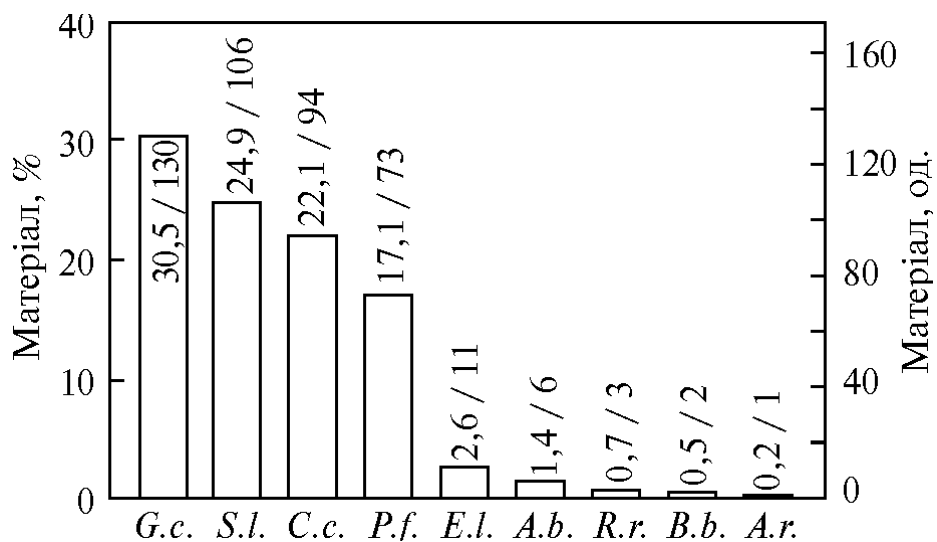

Рис. 2. Соотношение видов рыб, по количеству материала. Сокращения: G. c. – *Gymnoserphalus cernuus* (ерш); S. l. – *Stizostedion lucioperca* (судак); C. c. – *Cyprinus carpio* (сазан); P. f. – *Perca fluviatilis* (окунь); E. l. – *Esox lucius* (щука); A. b. – *Abramis brama* (лещ); R. r. – *Rutilus rutilus* (плотва); B. b. – *Blicca bjoerkna* (густера); A. r. – *Acipenser ruthenus* (стерлядь)

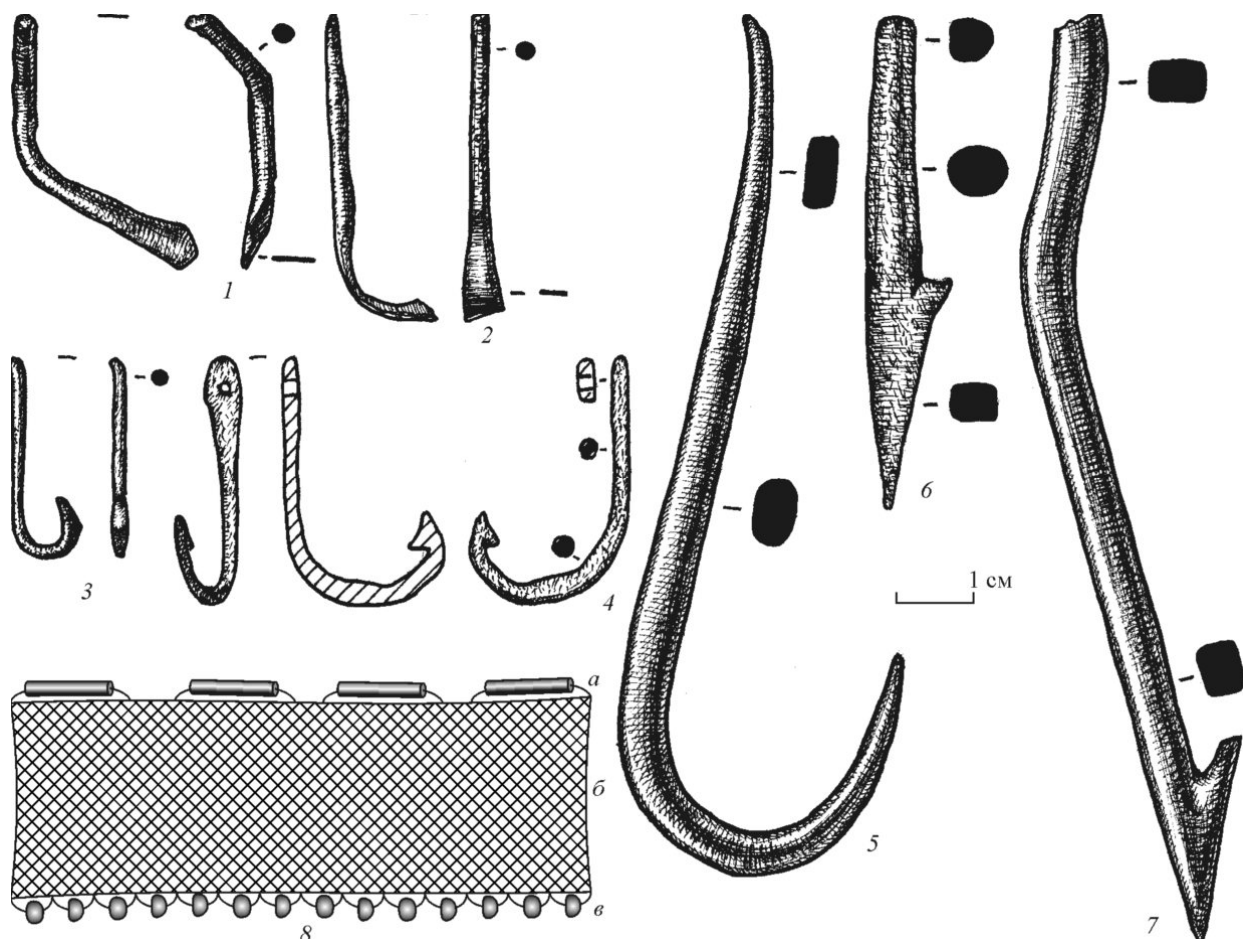

Рис. 3. Орудия рыболова: 1, 2 – заготовки для крюков; 3-5 – крючки; 6, 7 – обломки остей (1-4, 6 – объект 1, 2011 г.; 5 – культурный слой, 2014 г.; 7 – объект 2, 2014 г.); 8 – вариант реконструкции простейшей однорядной сети для рыболовства (а – поплавки из легкого плавучего материала; б – сеть; в – грузила)

Список сокращений

АВУ – Археологічні відкриття в Україні.

АДУ – Археологічні дослідження в Україні.

АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МГУ – Московский государственный университет.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НА ІА НАН України – Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України.

ПАЗ – Полтавський археологічний збірник.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

Тр. ... АС – Труды ... археологического съезда.

Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея.

ЦОДПА – Центр охорони та досліджень пам'яток археології.

Список литературы

1. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина / Отв. ред.: Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–33.

2. Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н. э.). Л.: Госметеоиздат, 1989. 238 с.

3. Беляева С.О., Кубишев А.І. Поселення Дніпровського Лівобережжя Х–ХV ст. (за матеріалам поселень поблизу сіл Комарівка та Озаричі). К.: Наукова думка, 1995. 110 с.

4. Болдаков Е.В. Жизнь рек. М.; Л.: Гостехтеориздат, 1951. Вып. 28. 64 с.

5. Гавриленко І.М. Звіт про розвідки пам'яток археології в окрузі Більського городища в заплаві р. Ворскли, Котелевський і Зінківській райони Полтавської області 1996 р. // НА ІА НАН України. 1996/81.

6. Гавриленко І.М., Ткаченко О.М. Розвідки у Середньому Поворсклі 1994 р. // НА ЦОДПА. Спр. 55.

7. Гейко А.В. Звіт про археологічні дослідження у басейні р. Ворскли у 1998 р. // НА ІА НАН України. 1998/100.

8. Гупало К.М., Толочко П.П. Давньокіївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень // Стародавній Київ / Відп. ред.: П.П. Толочко. К.: Наукова думка, 1975. С. 40–79.

9. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Археологическая карта / М.П. Кучера, О.В. Сухобоков, С.А. Беляева и др. К.: Наукова думка, 1987. 196 с.

10. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 512 с.

11. Золотницька Т.М., Супруненко О.Б. Глинський курганный некрополь // ПАЗ–1999: зб. наук. ст. до 1100-ліття м. Полтави за результатами археологічних досліджень / Відп. ред.: О.Б. Супруненко. Полтава, 1999. С. 188–211.

12. Капустін К.М. Асортимент залізних виробів середини XIII – XIV ст. з «Малого» Городського городища // Археологія. 2013. № 3. С. 100–108.

13. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968. 184 с. (САИ. Вып. Е-1–55).

14. Котенко В.В., Пуголовков Ю.О. З досвіду проведення науково-рятивних досліджень Глинського археологічного комплексу // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Київ; Полтава, 2013. С. 120–125.

15. Куза А.В. Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. // МИА. 1970. № 176, С. 132–137.

16. Кулаков А.А. Рыбный промысел у населения Хазарского каганата (по материалам памятников Нижнего Дона) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Ремесла и промыслы. Керчь, 2010, с. 266–269 (Боспорские чтения. Вып. XI).

17. Кулатова І.М., Гейко А.В., Золотницька Т.М., та ін. Дослідження Глинського археологічного комплексу // АВУ 1997–1998 рр. К., 1998. С. 91–92.

18. Кучера М.П., Сухобоков О.В. Звіт про роботу Лівобережного розвідзагону Інституту археології АН УРСР за 1971 р. // НА ІА НАН України. 1971/17а.
19. Лебедев В.Д. Пресноводная четвертичная ихтиофауна европейской части СССР. М.: Изд-во МГУ, 1960. 404 с.
20. Лысенко П.Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 400 с.
21. Ляскоронский В.Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Тр. XIII АС в Екатеринославе, 1905 г. М., 1907. Т. I. С. 158–198.
22. Ляпушкин И.И. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы (г. Полтава – с. Бельск) // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 122–132.
23. Мальм В.А. Промыслы древнерусской деревни. II. Рыболовство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1956, с. 116–129 (Тр. ГИМ. Вып. 32).
24. Мироненко К.М. Розвідки в південній окрузі великого укріплення Більського городища та на Нижньому Пслі // АБУ 1997–1998 рр. К., 1998. С. 113–114.
25. Міждисциплінарні дослідження Глинського археологічного комплексу в 2014 році / Ю.О. Пуголовок, Я.В. Володарець-Урбанович, С.А. Горбаненко, М.С. Сергєєва, Є.Ю. Яніш // Археологічні дослідження Більського городища – 2014. Київ; Котельва, 2015. С. 107–128.
26. Мовчан Ю.В. Риби України. Київ: Золоті ворота, 2011. 420 с.
27. Никольский Г.В. Частная ихтиология. – М.: Совет. наука, 1950. 436 с.
28. Никольский Г.В. О методике зоогеографических исследований // Вопросы географии. 1951. Вып. 24, с. 263–274.
29. Пашуто В.Т. Голодные годы в древней Руси // Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство: избр. статьи. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. С. 265–298 (Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 г.).
30. Полесье: Материальная культура / В.К. Бондарчик, И.Н. Браим, Н.И. Бураковская и др. К.: Наукова думка. 1988. 448 с.
31. Пуголовок Ю.О. Дослідження на посаді Глинського городища // АДУ 2011. Київ; Луцьк, 2012, с. 370–371.
32. Пуголовок Ю.О. Глинський археологічний комплекс: результати та перспективи досліджень // Феномен Більського городища: дослідження, збереження та популяризація найбільшої в Європі пам'ятки раннього залізного віку / Відп. ред: О.Б. Супруненко. Київ: Полтава: Техсервіс, 2012а. С. 75–80.
33. Пуголовок Ю.О. Дослідження Глинського археологічного комплексу в 2013 р. // АДУ 2013. Київ, 2014. С. 213–214.
34. Пуголовок Ю.А. Исследования комплекса памятников у с. Глинское Полтавской области в контексте популяризации археологического наследия // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и в конфликте / Отв. ред.: О.И. Богуслаский. СПб.: ИИМК РАН, 2014а. С. 51–56.
35. Пуголовок Ю.О., Горбаненко С.А., Сергєєва М.С., Яніш Є.Ю. Палеоекологія околиць Глинського археологічного комплексу XIII–XIV ст. // Археологія. – В печати.
36. Ситий Ю.М. Знахідки предметів рибальського промислу давньоруської доби на території Чернігівського Задесення // Археологічні старожитності Подесення: Матеріали істор.-археол. семінару присвяч. 70-річчю від дня народж. Г.О. Кузнецова. Чернігів: Сіверянська думка, 1995. С. 130–132.
37. Степанов В.Н., Андреев В.Н. Черное море (ресурсы и проблемы). Л.: Гидрометеиздат, 1981. 160 с.
38. Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянова И.А. Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 219–242 (Археология СССР).
39. Шерстюк В.В. Дослідження різночасового поселення Глинське 4 у Середньому Поворсклі // АЛЛУ. 2007. № 1–2. С. 13–31.
40. Шрамко Б.А., Цепкин Е.А. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII–XIII вв. // СА. 1963. № 2. С. 74–84.
41. Яниш Е.Ю. Приложение 3. Результаты определения таксономической принадлежности остатков костей рыб из раскопок Животинного городища // Винников А.З. Юго-Восточная окраина славянского мира в VII – начале XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Кварта, 2014. С. 360–367.
42. Яниш Е.Ю., Антипина Е.Е. Промысловые рыбы древней Ольвии (I–III вв. до н. э.) и ее окрестностей // Зоол. журн. 2013. Т. 92, № 9. С. 1190–2000.

Булгарские захоронения VI–VII вв. в центральной части Итальянского полуострова

Аннотация. Анализ некрополей VI - VII вв в селах Виченне и Моррионе (Молизе) дает нам представление о кочевом населении, во многом отличающемся от соседних. Ученые, на основании исторических источников, считают, что захоронения принадлежат протобулгарам Хана Альцек.

Ключевые слова: протобулгары, Хан Альцек, Молизе, Италия, лошади, Средневековье

Abstract. The analysis of the necropolises (VI - VII c.) of Vicenne and Morrione gives us the image of a nomadic population that differs significantly from the surrounding ones. Scholars, on the basis of historical sources, identify the buried with the Bulgarians of Khan Altsek.

Keywords: Proto-Bulgars, Khan Altsek, Molise, Italy, horses, Middle Ages

Если говорить об эпохе раннего средневековья, то большая часть археологических находок в Молизе представлена останками некрополей в селах Виченне (рис. 1) и Моррионе (рис. 2) коммуны Кампокьяро. Современному археологическому и историческому обществу не известно, к какому населенному пункту могли относиться эти захоронения, так как поблизости не было ни одного города, существование которого подтверждалось бы документально. Анализ показал, что оружия из захоронений Виченне и Моррионе принадлежали к одной и той же кузнице (Aillagon, 2008, с. 472) Некрополи, которые находятся друг от друга на расстоянии около 800 м, исследователи связывают с информацией из “Historia longobardorum” лонгобардского историка Паоло Диаконо (Паоло Варнефридо). Протобулгары в составе войска под предводительством лонгобардов «получили в феодальное владение сепинезскую землю в 667 году». Хан Альцек (Алцек, Альших) – их глава – стал гастальдом (Serra, 1965, с. 22).

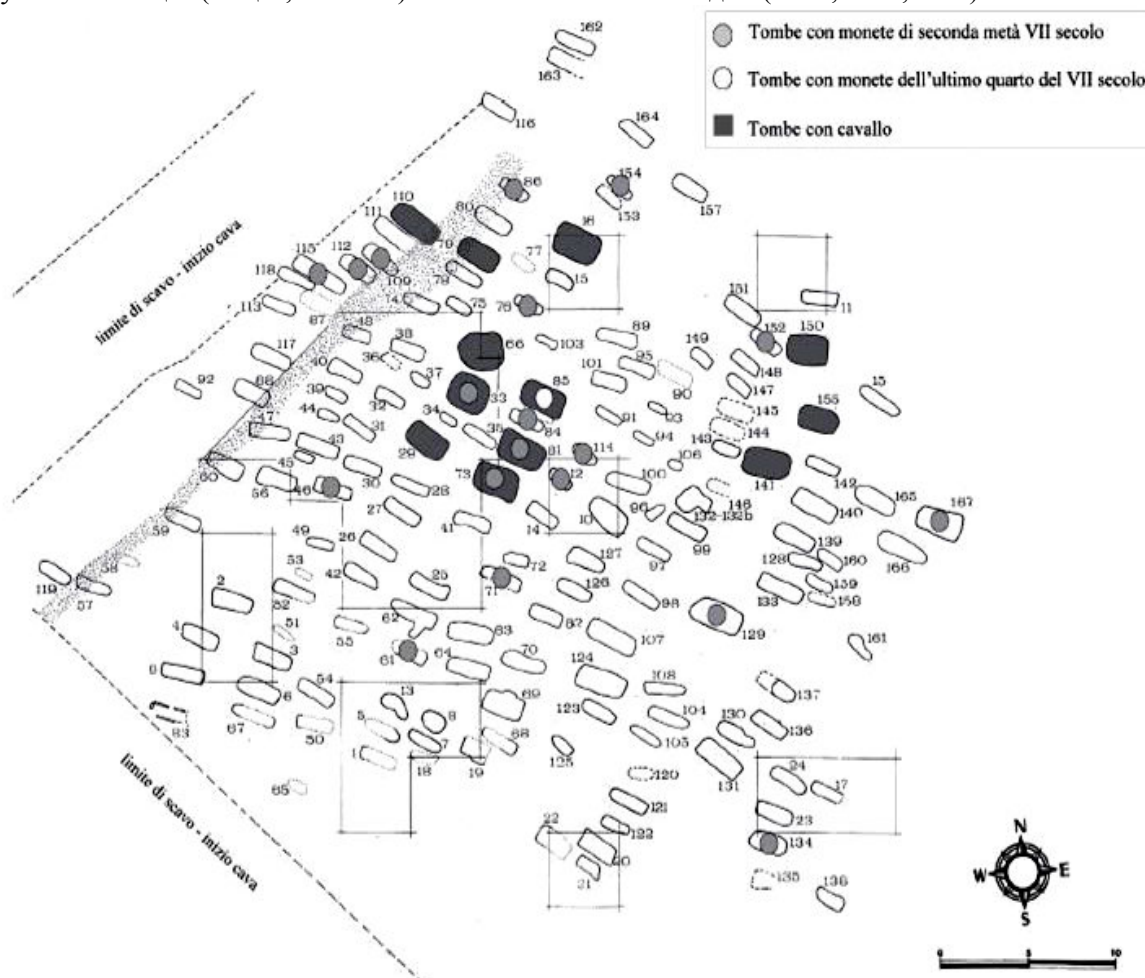

Рис. 1. Виченне – карта некрополя (могилы с монетами второй половины VII века, могилы с монетами последней четверти VII века, могилы с лошадьми). (Ceglia, 2012, с. 226)

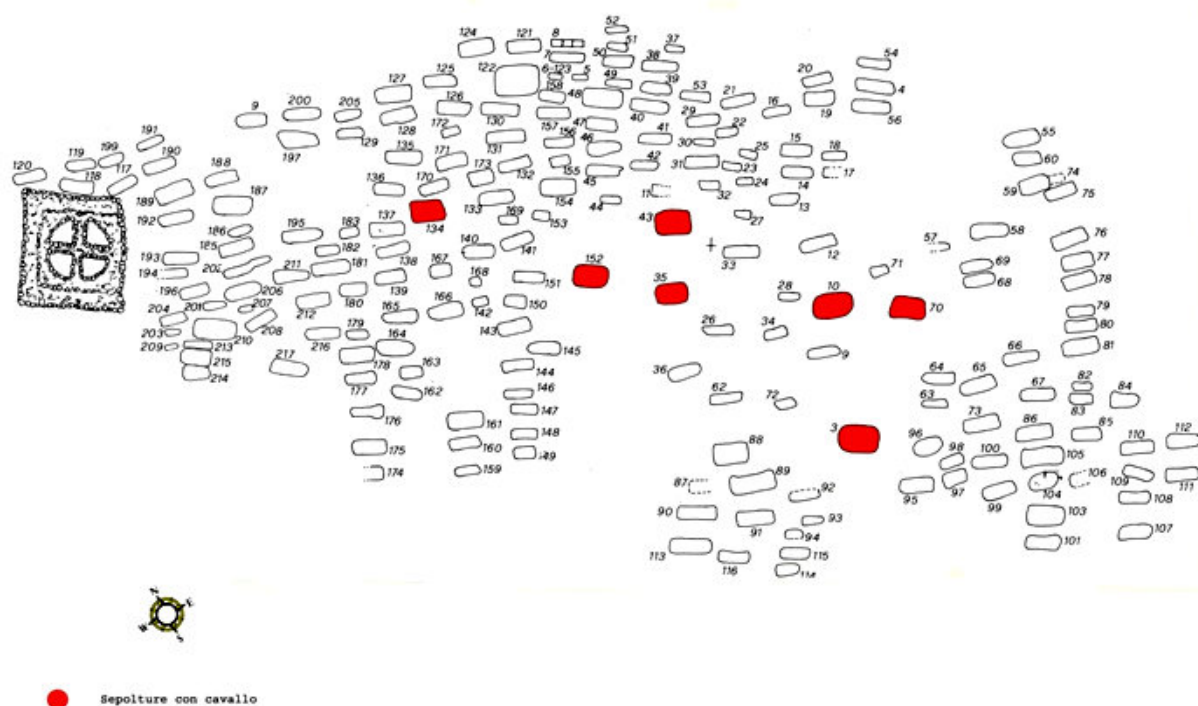

Рис. 2. Моррионе – карта некрополя (могилы с лошадьми). Музей самнитский города Кампобассо

Не только богатство погребальной утвари указывает на статус доминирующей популяции, но также палеоантропологические анализы, которые свидетельствуют, что питание было разнообразным, характеризовалось высоким содержанием протеинов, что, возможно, было связано с пастушеством. Можно сравнить с данными из Казальпьяно, которую населяли коренные жители. Их питание, небогатое протеинами, состояло из злаков и растительной пищи. По мнению ученых, в Кампокьяро сельское хозяйство было исключительно женской прерогативой (Staffa, 2004, с. 239).

На прилегающей территории некрополя Виченне были найдены останки и других захоронений, но, как показывают находки, можно с уверенностью исключить теорию о едином, большом некрополе, который сформировался вдоль проселочной дороги. Скорее всего, речь идет о серии небольших кладбищ: анализы почвы и электромагнитные исследования выявили обширные зоны, никак не связанные с античными поселениями. Кроме того, некоторые группы слишком похожи, чтобы можно было делать заключения на основании полученного материала, поэтому следует предположить, что более поздние некрополи были образованы на расстоянии нескольких сотен метров от более ранних, не касаясь их границ и, тем более, не разрушая предшествующие могильники (Ebanista, 2014, с. 465).

Гробницы расположены на небольшом расстоянии друг от друга в виде параллельных рядов, тянущихся с севера на юг. Направление могилы – с запада на восток, голова усопшего всегда повернута на запад. Угол поворота головы остается более-менее одинаковым, колеблется от 50° до 85°, но чаще всего меняется от 60° до 75°. Как правило, покойные укладывались лицом на восток, руки вытягивались по бокам или опирались на таз.

Даже если захоронения очень многочисленные, плотные, случаев наслоения или повторного использования места не наблюдается. Чаще всего покойников хоронили непосредственно в могиле, возможно их заворачивали в саван. Также можно предположить, что иногда использовались деревянные гробы, так как были найдены гвозди: в углах могилы (м. 115) или разбросанные по дну могилы (мм. 76, 117, 73, 85). Ямы для захоронений делались в земле, прямоугольной формы, камни почти не применялись. Труп помещался на дно.

Женские гробницы отличаются наличием личных украшений: драгоценных металлических сережек, эмалевых и янтарных бус, пряжек, миниатюрных ножей, расположенных всегда у левой стороны грудной клетки, иногда гребней из кости (Ceglia, 1991, с. 331-333).

Фрагменты принадлежностей указывают на то, что женщины были одеты в римско-византийском, а не в германском стиле. Они носили платье, затянутое на талии металлической пряжкой, на которой висели мешочек, расческа, пряслице и маленький нож. В погребениях найдены круглые или крестообразные застёжки по центру груди, на которые, возможно, застёгивался плащ (Ceglia, 2004, с. 85).

Убранство детских могил, в зависимости от пола детей, повторяет, по сути, убранство могил взрослых, но есть в них и отличительные черты: донышко стеклянного бокала, положенное на грудь, как подвеска, или сережка, всегда одиночная.

Другой интересный исторический аспект, выявленный с помощью этих захоронений, – важность роли лошади в социальных реалиях и, в частности, в военной тактике и стратегии той эпохи. Начиная с VII-VIII веков как раз наблюдается основательное изменение техники ведения войны, что быстро привело к формированию тяжелой кавалерии. Наличие стремян во всех могилах, где также были захоронены лошади, найденных в Виченне и Моррионе, определенно доказывает, что в эпоху, к которой относятся могильники, захороненное там общество (или его часть) знало и использовало эти предметы. Распространение стремян на западе, относящееся к VIII в. (о чем свидетельствуют иконографические, документальные и, в некоторой степени, археологические доказательства) таким образом, совпадает по времени с самыми ранними объектами этого типа, обнаруженными в Венгрии, и некоторыми образцами, найденными также на Западе (Genito, 1991, с. 336).

В Виченне было около 7,2% могил с лошадьми. Всадник обычно занимал южную половину могилы, конь – северную. Представляется картина того социума: воинствующее общество с сильной аристократией, представители которой имели право быть похороненными с лошадьми, или общество свободных рыцарей с равными правами.

Вырождение суставных нижних конечностей (особенно коленного сустава), преимущественно у мужчин, может быть связано с постоянной ездой верхом. Также можно отметить, двусторонний подвывих плеч некоторых рыцарей (мм. 66, 109, 150) и дегенерацию локтевых суставов (лучевых и локтевых костей) у рыцаря 109. Это может быть результатом повторного использования щита и меча во время военных действий (Belcastro, 2004, с. 139).

К мужским принадлежностям, кроме ремня, декорированного бронзовыми или железными с насечками элементами, прежде всего относится оружие, такое как скрамасакс, копейные наконечники, стрелы, ножи, кинжалы, в некоторых случаях щиты (мм. 16, 66, 102) или шпоры (м. 73). Иногда можно обнаружить личные предметы экипировки: перстни (м. 33), серьги (м. 81) или браслеты (м. 115). (Ceglia, 1991, с. 333).

Среди оружия широко распространены длинный обоюдоострый меч, короткий меч и – что характерно для северной Италии, но редко для юга страны – стрелы, вероятно, Аварского происхождения и щиты, что свидетельствует о погребениях рыцарей и даже во всем (м. 6 из 19). В некоторых захоронениях с лошади, был свергнут и дугу. (Staffa, 2004, с. 238).

Присутствующие в гробницах предметы, такие как стремя, серебряные серьги, а также копейные наконечники и некоторые достаточно хорошо датированные керамические изделия, являются, вместе с монетами, маркирующими элементами, облегчающими хронологическую интерпретацию. Понятно, что самые значительные в хронологическом отношении объекты неслучайно олицетворяют типологические и морфологические характеристики «азиатского» происхождения (Ceglia, 1991, с. 334).

Рыцари Кампокьяро не могли похвастаться знанием денежной культуры. Выражаясь экономическим языком, они все время вкладывали в свои гробницы монеты достаточно высокого или очень высокого достоинства. Монета в могиле в Виченне и Моррионе не кажется связанной с традицией так называемого обола Харона, который обычно представлен одной или немногими монетами с низкой номинальной стоимостью. В случае с рыцарями, монета, напротив, выступает в качестве символа статусности и средства бравирования, что мы видим задокументированным редко – в лангобардском некрополе Треццо-суль-Адда. Найденные в захоронениях Византийские монеты римского происхождения, вероятно, являются результатом набегов и грабежей (Arslan, 2004, с. 122).

Интересный результат анализа скелетов позволяет наблюдать определенную гетерогенность как всадников, так и других мужчин, погребенных в том месте (Belcastro 2001). Могила 33 (рис. 3) хранит останки человека (рис. 4), умершего не своей смертью и его экипировки, среди которых археологи нашли полное обмундирование рыцаря (рис. 5, 8, 9), коня (рис. 6, 7, 10, 11) и золотое кольцо (рис. 12). Опираясь на эти сведения, можно утверждать, что усопший был человек свободный. По характеру черепной раны можно сделать вывод, что убийца ударил свою жертву сверху, однако нельзя установить, произошло это потому что первый был на коне, а второй пеший, или первый стоял на ногах, а второй стоял на коленях или сидел. Роковое событие могло быть смертной казнью или дуэлью, в результате которой был нанесен смертельный удар (Arslan, 2000).

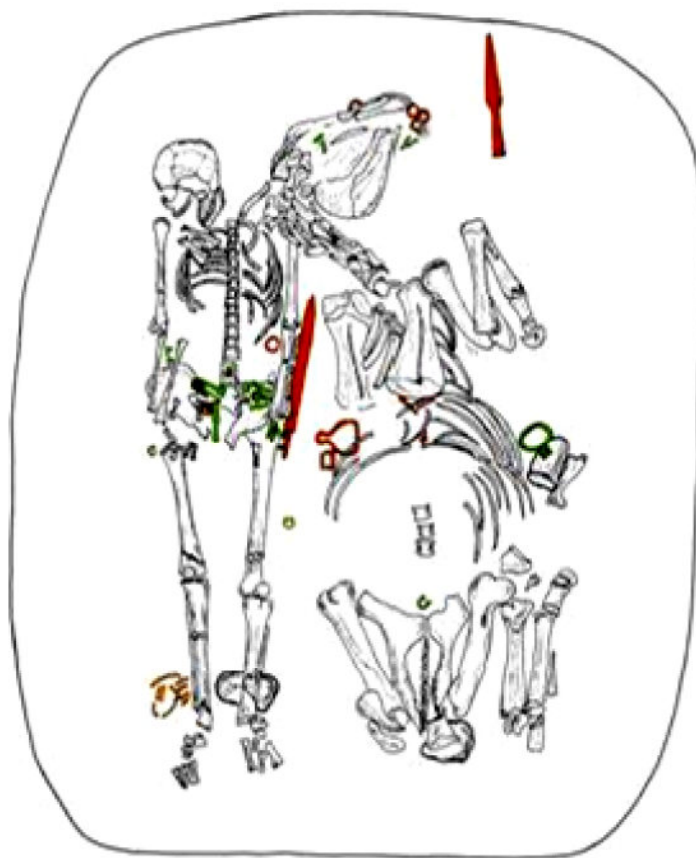

Рис. 3 Могила 33. Музей самнитский города Кампобассо

Рис. 4. Похоронен в могиле 33 – реконструкция. Музей самнитский города Кампобассо

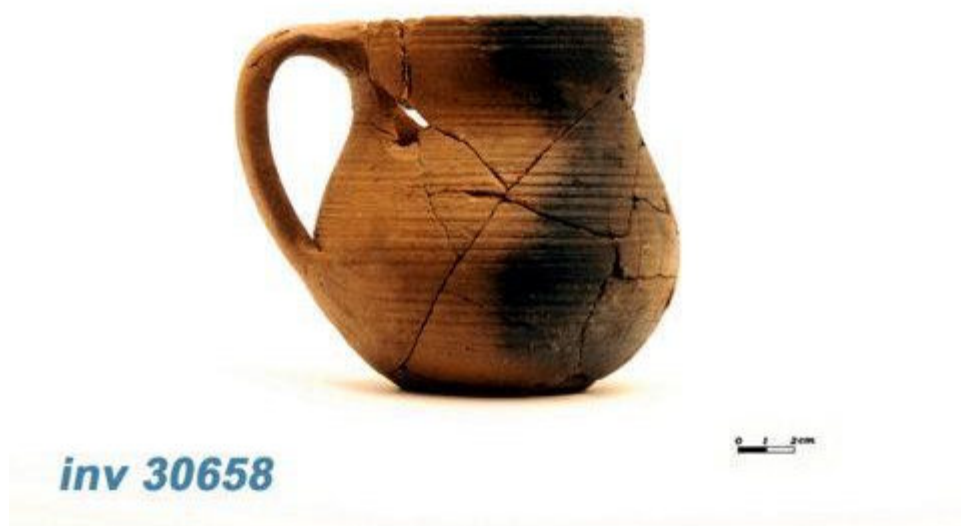

Рис. 5. Керамический кувшин с ручкой. Выс. 10; диаметр основания 6,6; толщ. 0,4, 0,5. Музей самнитский города Кампобассо

Рис. 6. Медная цепь. Длина цепи: 43. Инв. 30671. Музей самнитский города Кампобассо

Рис. 7. Бронзовая пряжка. Длина. 8,9; толщ. 0,6. Инв. 30675. Музей самнитский города Кампобассо.
Бронзовая пряжка. Длина. 6,1; макс. ширина. 1,5; толщ. 0,6. Инв. 30678.
Музей самнитский города Кампобассо

Рис. 8. Наконечник копья; длина лезвия 25,5;
длина тульи 11,5; диаметр тульи 3; толщ: 0,5, 1,
1.5. Инв. 30657. Музей самнитский города
Кампобассо

Рис. 9. Железный скрамасакс; длина до хвостовика 40; длина хвостовика 6; толщ. 0,6/0,2; шир. 4,1.
Музей самнитский города Кампобассо

Рис. 10. Железные удила. Музей самнитский города Кампобассо

Рис. 11. Железное стремя 13,5; шир. 10,5 Инв. 30659.
Бронзовое стремя выс. 11; шир. 9,5 ушко 3.2 x 2.5; ширина подножки 1.2; толщ. подножки 0.7.
Инв. 30660. Музей самнитский города Кампобассо

Рис. 12. Золотое кольцо и твердый камень. Оправа 1.7 x 2.5; Выс. 0,5; кольцо 2.2; толщ. 0,1; Максимальный размер камня 0,7 x 1. Инв. 30682. Музей самнитский города Кампобассо. Оправа 1,5 x 0.3; диаметр кольца 2.1; толщ. 0,1-0,2; Инв. 30662. Музей самнитский города Кампобассо

Сравнив многочисленные итальянские и европейские данные лангобардской эпохи, проанализированные Истваном Кижли (1979), ученые пришли к выводу, что скелет погибшего представляет набор морфометрических показателей, которые можно включить в атланти-средиземноморскую или западно-средиземноморскую типологию, проявляющуюся у лангобардов от Ругиланда до Паннонии и берущую начало от римского населения, живущего на захваченных территориях (Giusberti, 1991, с. 340).

Археозоологический анализ выявил немолодой возраст многих лошадей, захороненных в Виченне, позволив также сделать вывод, что животные были собственностью погребённого человека, а не содержались только с целью жертвоприношения. Тем самым подтверждается теория Вернера о том, что лошади должны были сопровождать своих хозяев даже по ту сторону жизни. Аналогичный обычай наблюдался в лангобардском некрополе Повельяно (Верона) (La Rocca, 2006, с. 123-124).

Гробница 150 демонстрирует типологическую близость к аварской традиции. Речь идет об одиночной могиле, где был похоронен пожилой человек с признаками артроза в позвоночнике и в правом плече, возникшего в результате использования вожжей и лука. Оснащение могилы состоит из некоторых элементов экипировки рыцаря, а также лошадиной сбруи. Однако нет ни одного личного предмета. В частности, обнаруживается полное отсутствие ремня и всего комплекта для ношения оружия. Ремень указывал на социальное положение, на власть и принадлежность к группе, имел символическое значение защиты и увеличения силы. Исходя из богатого убранства могилы, можно предположить, что умерший свой ремень пожертвовал, чтобы скрепить договоренность и обеспечить прием нового члена общества. В этом смысле отсутствие ремня означает особое престижное положение усопшего, ремень которого, очевидно, имел особенное, специфическое значение. Подобное наблюдается в Моррионе, где покойник из могилы 102, тоже состоятельный, также лишен ремня (Ceglia, 2012, с. 227).

Большая часть золотых византийских монет – с римского монетного двора. Это обуславливается близостью последнего и сложившимися на тот момент экономическими условиями.

В Кампокьяро обнаружена золотая монета с Сиракузы, которая именно в эту эпоху демонстрирует максимальную способность проникновения на рынок, и монета из Равенны в виде редчайшего серебряного экземпляра Леонция II. Можно поэтому сказать, что болгарские рыцари были открыты всем влияниям, даже биметаллической технике (золото и серебро), характерной для типичной германской культуры (Arslan, 2004, с. 106).

Между трофейными византийскими монетами, самые поздние из которых принадлежали императору Византии Тиберию II (Mavritius Tiberius) (чекан Равенны 578-582; 582-602 гг.), самая старая из монет датирована 354 годом (Arslan, 2004, с. 3). Императоры сменяются на протяжении периода с 641-668 (если не с 578-582 или 582-602) по 708-709. Это позволяет приблизительно датировать найденные в могилах монеты (с точным *terminus post quem*). Монеты более раннего выпуска, обнаруженные в некрополе, – это бронзовый квадранс Римской республики (211-208 до н.э.), монетный двор Лучерии в могиле 116 в Виченне, и одна именная нераспознанная монета также Римской Республики в могиле 145 в Виченне. Ни на одной из монет нет отверстий для использования её в качестве подвески.

Трудно определить их назначение в некрополе. Ясно, что они не были элементами экипировки: квадранс появился в обращении только к VII веку, может быть, его принесло в могилу лангобардской эпохи вместе с землей. В любом случае, он свидетельствует о наличии в этом месте (или поблизости) некрополя или поселения эпохи Римской Республики, к которой относится, может быть, и другая монета (Arslan, 2004, с. 98).

Наоборот, абсолютно типичными для некрополя лангобардского периода кажутся две пары бронзовых позднеримских монет из могилы 15 в Виченне и 133 в Моррионе – римские имперские экземпляры IV века. Они очень изношены, со множеством отверстий. Наверняка их использовали в качестве подвески для цепочки или амулета.

Существует много разных доказательств присутствия групп протоболгаров в Италии в период Раннего Средневековья. Лингвисты подтверждают исторический факт, что «между негерманскими народами хорошо прослеживаются связи, свидетельствующие о влиянии болгар» (Pellegrini, 1990, с. 281). Де Феличе по поводу фамилии Булгари и ее производных (Булгаро, Булгарелло, Булгарелли, Булгарини) утверждает, что речь идет о превращении в фамилию первоначального родового имени Булгаро. Фамилия имеет очень широкое распространение и, как вспоминает Руго, «в новарезском, использовавшимся лангобардами, были Булгари (на Севере Италии их можно встретить на новарезском также и в Сеприо, рядом с Кремоной, на мантуанском в Трентино и в окрестностях Чезены)» (Rugo, 1980, с. 13).

Вопрос о топонимах, однако, спорный: часть ученых (среди них Серра) считает, что названия таких городов как Булгари, Болгери и т.п. восходят к латинскому *burgus* – «поселок, городок». Кроме того, читается маловероятно, что малочисленные протоболгары смогли повлиять на создание многих топонимов (Bernacchia, 2013, с. 788). Что касается Молизе, «не осталось никаких следов, также и по

причине того, что как Изерния, так и Бойано были разрушены землетрясениями 847 и 853 гг.» (Bellinello, с. 77), за исключением коммуны под названием Кастропиниано деи Булгари.

Ученые, хотя не согласны на их расширение, определили некоторые возможные Болгарии в Италии. Три самые важные: один на Тичино, на Чезано, а затем на юг из-за некрополя Виченне и Моррионе.

Характерной чертой, общей для этих зон, является отсутствие городского центра, о чем можно говорить почти во всех случаях. Существование викусов характерно как для тичинской Болгарии (викус Джебуин, Виджевано), так и для чезанской («поселение болгар, прозванных склавинами», о чем уже шла речь выше). В итальянском регионе Марке, где находится река Чезано, термин «викус», уже использовавшийся в античном Риме для наименования деревенского поселения, разбитого вдоль улицы, (а также городских и пригородных улиц), в эпоху раннего средневековья обозначал места античных поселений и территории, организованные вокруг них. Что касается протяженности, чезанская Болгария в XI веке представляла собой скромную территорию – примерно 26 кв. км. Поселение болгар соответствовало современной территории Мондольфо вместе с местечком Стаччола коммуны Сан-Костанцо (рис. 1). Единственные города, появившиеся в Болгарии XI-XII веках, – это Сан-Джержаззио (Мондольфо) и Сан-Пьетро (Стаччола). На карте 1085 года обозначено, что поселение болгар не выходило за пределы Риомаджоре. Но это могло быть результатом территориального сокращения, произошедшего в последние столетия до 1000 года: если, однако, принять во внимание площадь распространения болгарских топонимов, она более широкая и включает низменность слева от реки Чезано, от моря до фракции Сан-Микеле-аль-Фьюме в Мондавио (Bernacchia, 2013, с. 784).

Южная Болгария – единственная зона, где – с уверенностью можно сказать – располагались такие античные города, как Изерния, Бовиано и Сепино. К середине VII века они, однако, полностью пришли в упадок. Таким образом, представляется более чем вероятным, что пребывание лангобардов в Виченне носило военный характер и контролировалось из Бояно. Герцогство Беневенто вынуждено было держать наготове гарнизоны для своей защиты. К этому же времени относятся события итальянского похода Константа II (657-72).

Невозможно в полной мере воссоздать историю рыцарей Виченне и Моррионе, есть только гипотезы. В Истории волгары: (1) враги лангобардов; (2) народ, проживающий среди лангобардов в Паннонии, позднее в Италии; (3) последователи князя Альцека, покинувшего свою родину и примкнувшего к лангобардам в королевстве Гримоальда (662-671); народ, осевший в Саннио; (4) дикий народ в низовьях Дуная (Maenchen-Helfen 1973).

Павел Диаконо рассказывает, что "в то время болгарский князь Альцек, оставив свой народ по неизвестной причине, мирно вошел в Италию, направился со всем своим войском к королю Гримоальду и пообещал служить ему и жить на его территории" (Historia langabardorum, V, 29) Этот факт исключает участие рыцарей Виченне и Моррионе во вторжении в Италию.

Мы должны отметить, что болгарские наемники присутствовали в Италии уже во время Византийско-готской войны (535-553). Есть ещё трагическая история, рассказанная Псевдо-фредегаром. Потерпевшие поражение от аварцев в Паннонии, пять тысяч болгар попросили укрытия у короля франков Дагоберта (I, 629/30-639), который направил их к баюварам. Потом же, посоветовавшись со своими, приказал за ночь уничтожить всех. Избежал смерти только Альцек и семьсот его воинов с женщинами и детьми. Они укрылись в Вендской марке, у князя Валука, где прожили много лет (Bernacchia, 2013, с. 786).

Византийские летописцы Феофан и Никифор, а за ними Ландольфо Сагаче, утверждают, что пятый сын болгарского хана Кубрата со своими людьми мигрировал в Пентаполис, недалеко от Равенны, где он покорился христианской империи. Это не может не напомнить Альцека Павла Диакона, потому что был тот же период, хотя цель его пребывания в Италии была другой (Polverari, 1969, с. 18). Однако, нет других доказательств (источников или археологических находок), которые позволяют с уверенностью доказать прибытие рыцарей с Пентаполиса (или с чезанской болгарии) в Кампокьяро. Возможно Диаконо, Псевдо-фредегар, Феофан и Никифор писали о разных, независимых друг от друга миграциях.

Список литературы и источников

1. "Ipsam nolum barbari vastaverunt": L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI ; Atti del Convegno internazionale di studi Cimitile-Nola-Santa Maria Capua Vetere, 18-19 giugno 2009 / Отв. ред. С. Ebanista, М. Rotili. Cimitile: Tavolario Editore 2010.

2. La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Nuovi popoli dall'Europa settentrionale e centro-orientale alle coste del mediterraneo; Atti del Convegno internazionale di studi Cimitile-Nola-Santa Maria Capua Vetere, 16-17 giugno 2011 / Отв. ред. С. Ebanista, М. Rotili. Cimitile: Tavolario Editore 2012.

3. Arslan E. La tomba 33 di Campochiaro-Vicenne // «Quaderni ticinesi di numismatica e antichità classiche». Lugano, 2000. C. 333-356-
4. Arslan E. Le monete delle necropoli di Campochiaro e la monetazione anonima beneventana nel VII secolo // I beni culturali nel Molise. Il Medioevo, Atti del Convegno, Campobasso, 18-20 novembre 1999, Campobasso: Istituto Regionale per gli Studi Storici del Molise V. Cuoco, 2004. C. 87-131.
5. Belcastro M. G., Facchini L. Anthropological and cultural features of a skeletal sample of horsemen from the medieval necropolis of Vicenne-Campochiaro (Molise, Italy) // Collegium Anthropologicum, 2001. 25, 2, C. 387-401.
6. Belcastro M. G., Facchini L. La popolazione altomedievale di Vicenne-Campochiaro. Studio antropologico // I beni culturali nel Molise. Il Medioevo, Atti del Convegno, Campobasso, 18-20 novembre 1999, Campobasso: Istituto Regionale per gli Studi Storici del Molise V. Cuoco, 2004. C. 133-147.
7. Belcastro M.G. I cavalieri della necropoli altomedievale di Vicenne (Campochiaro -CB- Molise)V // Quaderni Friulani di Archeologia. XI, 2001. № 3. C. 103-114.
8. Belcastro M.G., Bonifiglioli-Mariotti V. Il popolamento del territorio di Campochiaro // I Longobardi dei ducati di Spoleto e Benevento, Atti del XVI Congresso internazionale di studi sull'alto medioevo, Spoleto-Benevento, 20-27 ottobre 2002, II. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull' Alto Medioevo, 2003. C. 1009-1029.
9. Belcastro M.G., Bonifiglioli-Mariotti V. La popolazione altomedievale di Vicenne-Campochiaro. Studio antropologico // I beni culturali nel Molise. Il Medioevo, Atti del Convegno, Campobasso, 18-20 novembre 1999, Campobasso: Istituto Regionale per gli Studi Storici del Molise V. Cuoco, 2004. C. pp. 133-150.
10. Bellinello P. F. Minoranze etniche e linguistiche. Cosenza: Bios, 1998.
11. Bernacchia R. La Bulgaria del basso Cesano tra tarda antichità e alto medioevo // Polidoro: studi offerti ad Antonio Carile. Spoleto: Fondazione Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2013.
12. Ceglia V., Genito B. La necropoli altomedievale di Vicenne a Campochiaro // Samnium. Roma: Quasar, 1991. C. 329-363.
13. Ceglia V. La necropoli di Vicenne // L'oro degli Avari. Popoli delle steppe in Europa. Milano: Inform Edizioni, 2000. C. 212-221.
14. Ceglia V. Varietà di influssi culturali nelle necropoli di Campochiaro. Considerazioni preliminari // I beni culturali nel Molise. Il Medioevo, Atti del Convegno, Campobasso, 18-20 novembre 1999. Campobasso: Istituto Regionale per gli Studi Storici del Molise V. Cuoco, 2004. C. 79-86.
15. Ceglia V., Marchetta I. Nuovi dati sulla necropoli di Vicenne a Campochiaro // La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Nuovi popoli dall'Europa settentrionale e centro-orientale alle coste del mediterraneo; Atti del Convegno internazionale di studi Cimitile-Nola-Santa Maria Capua Vetere, 16-17 giugno 2011. Cimitile: Tavolario Editore 2012. C. 217-238.
16. Dal Medioevo all'età della globalizzazione. Popoli, poteri, dinamiche / Отв. ред. А. Barbero, S. Carocci. Roma: Ed. Salerno, 2006.
17. Ebanista C. Gli usi funerari nel ducato di Benevento. Alcune considerazioni sulle necropoli campane e molisane di VI-VIII secolo // "Ipsam nolam barbari vastaverunt": L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI ; Atti del Convegno internazionale di studi Cimitile-Nola-Santa Maria Capua Vetere, 18-19 giugno 2009. Cimitile: Tavolario Editore 2010. c. 338-364.
18. Ebanista C. Tradizioni funerarie nel ducato di Benevento: l'apporto delle popolazioni allocitone // Necropoli longobarde in Italia, indirizzi della ricerca e nuovi dati, Atti del Convegno Internazionale, Trento, 26-28 settembre 2011. Trento: Provincia autonoma di Trento - Castello del Buonconsiglio. Monumenti e collezioni provinciali, 2014. C. 215-248.
19. Genito B. Sepulture con cavallo da Vicenne (CB): un rituale nomadico di origine centroasiatica // I Congresso nazionale di archeologia medievale, Pisa 29-31 maggio 1997. Firenze: All'Insegna del Giglio, 1997. C. 286-289.
20. Genito B. Tombe con cavallo a Vicenne // Samnium. Roma: Quasar, 1991. C. 335-338.
21. Giusberti G., Lo scheletro della tomba 33 di Vicenne. Un caso di morte violenta // Samnium. Roma: Quasar, 1991. C. 339-341
22. I beni culturali nel Molise. Il Medioevo, Atti del Convegno, Campobasso, 18-20 novembre 1999 / Отв. ред. G. De Benedittis. Campobasso: Istituto Regionale per gli Studi Storici del Molise V. Cuoco, 2004.
23. I Congresso nazionale di archeologia medievale, Pisa 29-31 maggio 1997 / Отв. ред. S. Geli-chi. M.Firenze: All'Insegna del Giglio, 1997.
24. I Longobardi e la guerra. Da Alboino alla battaglia sulla Livenza (secc. VI-VIII) / Отв. ред. P. Moro. Roma: Viella, 2004.

25. L'oro degli Avari. Popoli delle steppe in Europa / Отв. ред. E. Arslan, M. Buora. Milano: Inform Edizioni, 2000.
26. La Rocca C. Reperti longobardi della necropoli di Povegliano, conservati al Museo di Castelvecchio di Verona // Dal Medioevo all'età della globalizzazione. Popoli, poteri, dinamiche. Roma: Ed. Salerno, 2006. C. 93-128.
27. La Rocca C. Reperti longobardi della necropoli di Povegliano, conservati al Museo di Castelvecchio di Verona // I Longobardi e la guerra. Da Alboino alla battaglia sulla Livenza (secc. VI-VIII). Roma: Viella, 2004. C. 51-57.
28. Maenchen-Helfen The World of the Huns, Studies in Their History and Culture. Berkeley: University of California Press, 1973. C.127-129 -
29. Necropoli longobarde in Italia, indirizzi della ricerca e nuovi dati, Atti del Convegno Internazionale, Trento, 26-28 settembre 2011 / Отв. ред. E. Possenti. Trento: Provincia autonoma di Trento - Castello del Buonconsiglio. Monumenti e collezioni provinciali, 2014.
30. Pellegrini P.G. Toponomastica italiana: 10.000 nomi di città, paesi, frazioni, regioni, contrade, fiumi, monti, spiegati nella loro origine e storia. – Milano: "Hoepli", 1990.
31. Polidoro: Studi offerti ad Antonio Carile / Отв. ред. G. Vespignani. Spoleto: Fondazione Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2013. C. 773-796.
32. Polverari A. Una Bulgaria nella Pentapoli : Longobardi, bulgari e slavini a Senigallia, Senigallia: Ed. Pierfederici 1969.
33. Provesi C. Uomini e cavalli in Italia meridionale da Cassiodoro ad Alzacone // "Ipsam nolam barbari vastaverunt": L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI ; Atti del Convegno internazionale di studi Cimitile-Nola-Santa Maria Capua Vetere, 18-19 giugno 2009. Cimitile: Tavolario Editore 2010. c. 97-111.
34. Roma e i Barbari. La nascita di un nuovo mondo/ Отв. ред. J.J. Aillagon. Milano:Skira, 2008.
35. Rubini M. Il popolamento del Molise durante l'alto medioevo: problematiche antropologiche // I beni culturali nel Molise. Il Medioevo, Atti del Convegno, Campobasso, 18-20 novembre 1999. Campobasso: Istituto Regionale per gli Studi Storici del Molise V. Cuoco, 2004. C. 151-160.
36. Rugo P. Le iscrizioni dei sec. VI - VII - VIII esistenti in Italia, La Neustria. - Cittadella: "Bertoncello Artigrafiche", 1980.
37. Serra G. Lineamenti di una storia linguistica dell'Italia medioevale. Napoli: Liguori, 1965.
38. Staffa A.R. Bizantini e Longobardi fra Abruzzo e Molise (secc. VI-VII) // I beni culturali nel Molise. Il Medioevo, Atti del Convegno, Campobasso, 18-20 novembre 1999. Campobasso: Istituto Regionale per gli Studi Storici del Molise V. Cuoco, 2004. C. 215-248.

УДК 902

Г.Е. Свистун

Город Салтов по археологическим и письменным источникам

Аннотация. Городу Салтову археологами уделялось недостаточно внимания. В данной работе проводится анализ имеющихся письменных и археологических источников и выясняется привязка к местности оборонительных сооружений XVII–XVIII вв., предлагается вариант реконструкции оборонительных сооружений крепости.

Ключевые слова: Верхнесалтовское городище, город Салтов, крепость, оборонительные сооружения, черкасы, колонизация.

Abstract. To the city Saltov archaeologists was spare attention not enough. In hired the analysis of present writing and archaeological sources is conducted and attachment turns out to locality of defensive building of XVII–XVIII centuries, the variant of reconstruction of defensive building of fortress is offered.

Keywords: Verkhnesaldinskoe the settlement, the city of salt, fortress, fortifications, Cherkasy, colonization.

Верхнесалтовское городище в с. Верхний Салтов Волчанского района Харьковской области (рис. 1) среди исследователей ассоциируется, прежде всего, с раннесредневековыми древностями, являясь

к тому же эпонимным памятником, давшим название целой археологической культуре. На этом фоне крепости Салтов XVII–XVIII вв. археологами не уделялось должного внимания, а культурные отложения этого периода не всегда должным образом фиксировались и вводились в научный оборот. А между тем, помимо изучения материальной культуры времен колонизации Слобожанщины, данный аспект очень важен для правильной фиксации все тех же раннесредневековых конструктивов салтовской культуры, на которые были нацелены основные усилия исследователей этого памятника.

Рассматриваемое городище было известно составителям «Книги Большому Чертежу» 1627 г. – дьякам Разрядного приказа Московии Лихачеву и Данилову. Фортификационный пункт был назван в тексте вышеуказанного памятника письменности Салтановским: «А ниже Салтановского колодезя, на Донце, городище Салтановское, от колодезя с версту» (Книга Большому Чертежу, 1950, с. 70).

Впервые внимание исследователей к Верхнесалтовскому городищу было привлечено в конце XIX в. В протоколах XI археологического съезда содержится вопрос относительно исследований Салтановского (Салтовского) городища (Ляпушкин, 1961, с. 199, 200).

Первым исследователем крепости стал местный учитель В.А. Бабенко. Ему принадлежит краткое описание остатков оборонительных сооружений, составление плана цитадели городища (рис. 2) и проведение первых раскопок (Бабенко, 1907, с. 438, 451, рис. 57; 1914, с. 464–470).

На внутреннем дворе цитадели проводил раскопки Н.Е. Макаренко (Макаренко, 1906, с. 142–144).

Более или менее основательные исследования городища и прилегающего селища-посада были произведены в 1947–1948 гг., с. А. Семеновым-Зусером (Семенов-Зусер, 1948, с. 50–56).

Разведки на городище в 1957 г. проводила С.А. Плетнева (1957, с. 3–5).

Широкомасштабные исследования городища и в незначительной части селища-посада были проведены в 1959–1961 гг. Кочетокской экспедицией Института археологии АН УССР под общим руководством Д.Т. Березовца (Брайчевская, 1959–1960; Ветштейн Р.И., 1961, с. 1–20, 39, 40).

Исследования последних лет были связаны с именами харьковских исследователей В.В. Колоды, Н.В. Черниговой, а также автора данной работы, которые занимались раскопками цитадели и селища-посада в 1998–2002 и 2004 гг. (Колода, Чернигова, 1998; Чернигова, 1999; Чернигова, 2000; Чернигова, 2001; Чернигова, Голубева, 2002; Колода, Крыганов, Михеев, Ряполов, Свистун, Тортика, 2004, с. 7–42).

Археологические исследования подтвердили свидетельства письменных источников и позволили значительно дополнить и уточнить характер планировки оборонительных сооружений, их архитектурную форму, соотношение с существующей топографией местности и т.п. Прежде всего, установлено, что в раннем средневековье здесь существовала мощная в фортификационном отношении крепость с каменной цитаделью и несколькими линиями обороны, вокруг которой концентрировались открытые поселения и могильники (рис. 3) (Свистун, 2009). Таким образом, полностью подтверждаются свидетельства письменных источников относительно существования в Верхнем Салтове каменной крепости до времен колонизации Слобожанщины в XVI–XVIII вв., которую слободские переселенцы называли Каменным городом (Бабенко, 1907, с. 442).

Во II пол. XVI в. начинается промысловое освоение Дикого Поля. К тому же Белгородская засечная черта нуждалась в обустройстве передовых форпостов. Основными факторами заселения городища в XVII в. стали: возможность постоянного контроля над передвижением противника по этой территории, надзор за водными и сухопутными путями, которые веками соединяли русские земли с торговыми магистралями междуречья Дона и Волги, экономическая привлекательность свободных земель и угодий, выгодный в фортификационном отношении рельеф и остатки более ранних фортификаций с возможностью их частичного использования в своих целях. Салтовское городище находилось посередине между функционирующими городами-крепостями Белгородом и Чугуевом и не могло не привлекать внимание как стратегически важный пункт, на котором, к тому же, сохранились остатки старых укреплений. Кроме того, крепость контролировала один из важных татарских перелазов через Северский Донец.

Первое заселение Салтова периода колонизации Дикого Поля состоялось в 1639 г. (до этого года на Салтовском городище существовал бортнический ухожий юрт). Основными жителями во времена правления Михаила Федоровича считались черкасы, которые пришли как из прилегающих местностей, так и из-за Днепра вместе с Яковом Остряницей и поселились как в Чугуеве, так и в Салтове. В 1639 г. Салтовский ухожий юрт был передан гетману Якову Острянице, который и переселил сюда своих черкас из Чугуева, они начали сооружать здесь жилые и хозяйственные постройки, а также обзавелись пасаками. Но во время восстания чугуевских черкас, убийства ими Якова Остряницы и возвращения в Речь Посполитую в 1641 г. Салтовский юрт опять опустел. В результате, в знак запус-

тения, возобновилось старое название этого места – Салтовское городище (Бабенко, 1907, с. 440; Филарет, 2005, с. 267).

В 1642 г. белгородским воеводой назначается сторожа численностью 35 человек для надзора за татарскими перелазами через Северский Донец. На салтовских перелазх несли службу по несколько таких стражников. В 1643 г. под Салтовом состоялся бой с татарами, которые прорвались на правый берег Северского Донца. После поражения татары начали убегать к перелазу у Салтовского городища, намереваясь переправиться через него. Нападающим не удалось достичь брода без боя, результатом чего стало большое количество убитых, раненых, потопленных татар и отбитая часть плена.

На городище существовали постоянные военные сторожи, что подтверждается царскими грамотами 1650 и 1652 гг. (Бабенко, 1907, с. 441; Филарет, 2005, с. 267). Население Салтова также быстро увеличивалось за счет свободной колонизации черкас. Последние в 1659 г. обратились к царю Алексею Михайловичу с просьбой строительства крепости и назначения воеводы, на которую было предоставлено разрешение: «...Салтовским черкасам атаману Ивану Семеновичу с товарищи на Салтовском городище по среднему валу острог велели ставить собою со всякими крепостями...». (Багалій, 1993, с. 32, 58).

Около 1660 года было также заселено Рубежное, которое составило своего рода неразделимую часть с верхнесалтовским поселением и находилось за внешним валом городка, образовывая, таким образом, прилегающую к городку неукрепленную слободу (Бабенко, 1907, с. 444-445; Филарет, 2005, с. 271).

В 1667–1668 гг. салтовцы не поддержали восстания под руководством Ивана Брюховецкого и в 1668 г. Салтов дважды страдал от нападений татар и свободных черкас.

Постепенно, по мере продвижения границы Русского государства на юг, Салтов теряет свое военное значение и превращается в обычную слободу.

На данный момент актуальным остается вопрос относительно внешнего вида укреплений Салтовского городка. До нашего времени дошло два описания Верхнесалтовской крепости, которые датируются 1668 и 1674 гг.¹ Согласно содержащимся в них свидетельствам, дополненным археологическими данными, можно представить вид фортификаций и общее планирование Салтовского городка в XVII в.

Как уже отмечалось выше, линия обороны крепости на Верхнесалтовском городище проходила по «среднему валу», то есть по второй раннесредневековой (рис. 4).

Археологическими исследованиями установлено, что посад крепости по периметру также был огорожен укреплениями. Вал носил грунтовый характер относительно примененного строительного материала. Ров был достаточно значительным по размерам и имел, вероятно, трапециевидный профиль (Брайчевская, 1959-1960, с. 41-42, черт. 27-28; Свистун, 2009, с. 464, рис. 12). К сожалению, исследования внешней линии обороны городка, проведенные на северном отрезке, остались не завершенными. Поэтому мы не имеем достаточного представления относительно особенностей конструкции этих оборонительных сооружений. Не исключено, что эта линия обороны могла возникнуть еще во времена раннего средневековья, а потом была использована в XVII–XVIII вв. Скорее всего, данная линия проходила по всему внешнему периметру городка. На это указывает распространение позднесредневекового культурного слоя и топографические особенности местности – естественное возвышение, по краю которого было бы рациональным обустройство линии обороны укрепленного посада. Исходя из этих положений, длина внешнего периметра укрепленного городка достигала min 800 м, а защищенная площадь городка (за исключением крепости на Верхнесалтовском городище площадью ≈ 3 га) составляла ок. 8,5 га.

Непосредственно крепость имела 7 деревянных башен. Из них, согласно данным, приведенным в описании 1674 г.: две проезжие (то есть такие, которые имели воротные проемы) с чердаками; две угловых с чердаками и три глухие (Заселение черкасами..., 2011, с. 35). Но, согласно данным Филарета (Д.Г. Гумилевского), который ссылается на описание крепости в том же 1674 г., в Салтове имеются: две проезжие, две угловых с чердаками и две глухих башни (Филарет, 2005, с. 268). Таким образом, мы наблюдаем отличия в данных, приведенных Филаретом (Д.Г. Гумилевским) и в архивном документе из фондов ЦГИАК относительно башен крепости – их количества и наличия или отсутствия надстроек для наблюдения – чердаков. Возможно, что Филарет (Д.Г. Гумилевский) пользо-

¹ Сведения с этих описаний приводятся в работах Филарета (Д.Г. Гумилевского) (2005, с. 268) и В.А. Бабенко (1907, с. 448-451). Описание 1674 г. из фонда № 827 ЦГИАК Украины было опубликовано в 2011 г. (Заселение черкасами..., 2011, с. 35-38).

вался другим документом, датированным тем же 1674 г. Но, скорее всего, автор допустил ошибки при цитировании текста документа.

В.А. Бабенко приводит несколько иные данные относительно башен крепости по более раннему описанию 1668 г.: две проезжих и пять глухих (Бабенко, 1907, с. 449). В данном случае можно предположить, что автор более раннего описания не разделял глухих и угловых башен, не вдаваясь в подробности описания их отличий.

Одна из проезжих башен – Московская (№ 1 на рис. 4) с выездом в направлении Белгорода и Москвы была расположена в северо-восточном углу крепости. Кстати, зафиксированный разрыв в фортификационных валах и общий рельеф местности сохранили трассу выезда в этом направлении. Отмеченная башня имела четырехугольную в плане форму, тридцать семь венцов до обломов, восемь венцов обломов и четыре венца до чердака. Всего суммарная высота башни составляла семь сажень с полусаженью. В ширину башня составляла две сажени с четвертью. В нижнем ярусе сооружение было вымощено дубовым лесом и имело на верхних этажах три моста с лестницами (Заселение черкасами..., 2011, с. 35).

От Московской башни дорога из крепости вела к крутому оврагу¹, через который был переброшен мост длиной тридцать сажень. Данное инженерное сооружение было выложено дубовыми «пластинами» (по-видимому, плахами, досками), опорой для которых были дубовые режи (вид деревянного сруба) (Заселение черкасами..., 2011, с. 35).

Вторая проезжая башня – Чугуевская (№ 4 на рис. 4) – располагалась в южной части крепости, на дороге, которая вела к Чугуеву. До этого времени на прилегающей к городищу территории сохранилась искусственно спланированная в древности трасса указанного пути², которая, в частности, и указывает на место выезда из укрепления. По описанию 1674 г. отмечается, что башня имела треугольную в плане форму, в высоту до обломов составляла пятьдесят венцов, обломов – шесть венцов, режи до чердака шесть венцов. Таким образом, всего суммарная высота башни составляла девять сажень с полусаженью. В ширину башня насчитывала четыре сажени. В «поземном бою» (нижнем ярусе) сооружение было вымощено дубовым лесом и имело на верхних этажах четыре моста с лестницами (Заселение черкасами..., 2011, с. 36). В описании этой башни настораживает указание на ее треугольную в плане форму. Обычно самой простой формой деревянных башен была четырехугольная, а на месте запланированных в будущем городов использовали и более сложные формы срубов – шести- или восьмиугольные. Такие формы башен позволяли увеличить их площадь, что было особенно актуальным при обустройстве в них проездов. В целом башни имели парное количество сторон срубов. Треугольная форма проезжей башни вызывает сомнения относительно рациональности инженерного решения и оставляет вопрос относительно ее конструкции. Скорее всего, мы имеем дело с ошибкой в тексте описания 1674 г.

Дорога с ворот вела по дубовому мосту длиной восемь сажень, переброшенному через ров (Заселение черкасами..., 2011, с. 36).

Также в описании 1674 г. мы находим данные относительно параметров других башен Салтовской крепости (Заселение черкасами..., 2011, с. 36-37). Описание всех башен велось по стандартной схеме, что позволяет достаточно четко провести сравнительный анализ их характеристик (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ башен

Название башни по описи 1674 г.	Номер башни согласно Рис. 2	Форма в плане	Ширина сооружения в саженях	Общая высота сооружения	Количество венцов до облама	Количество венцов облама	Количество венцов режи	Наличие чердака	Количество мостов с лестницами
Московская	1	четырёхугольная	2,25	7,5	37	8	4	+	3
Глухая	2	четырёхугольная	2,25	6	32	6	10	–	2
Уговая	3	четырёхугольная	Не указано / вероятно - 2,25	7,25	32	6	5	+	3

¹ Данный овраг с влажным тальвегом в настоящее время прослеживается на местности.

² В последние годы на указанном отрезке осуществлена частичная перепланировка местности и построена частная усадьба. В целом Верхнесалтовское городище и прилегающее к нему селище, вопреки законодательству Украины, статусу памятника национального значения и включения его в историко-археологический заповедник «Верхний Салтов» в значительной степени пострадали от перепланировок ценного исторически сформировавшегося ландшафта и строительных работ, которые приводят к уничтожению культурных отложений.

Название башни по описи 1674 г.	Номер башни согласно Рис. 2	Форма в плане	Ширина сооружения в саженях	Общая высота сооружения	Количество венцов до облама	Количество венцов облама	Количество венцов режи	Наличие чердака	Количество мостов с лестницами
Чугуевская	4	треугольная (?) / вероятно - шестиугольная	4	9,5	50	6	6	+	4
Угловая	5	четырёхугольная	2,25	8	32	8	8	+	3
Тайницкая	6	четырёхугольная	2,25	4	22	3	5	—	
Угловая	7	четырёхугольная	2,25	6	31	5	6	+	2

Наиболее низкой из всех была Тайницкая, в которой со стороны надпойменного возвышения находился вход в подземелье с водой. Наиболее высокими были построены проезжие башни, из которых выделяется Чугуевская. Она не только самая высокая, но и широкая, что также вызывает сомнения относительно указания на ее треугольную в плане форму. Скорее всего, учитывая примененную для других башен крепости длину бревен 2,25 сажени, Чугуевская башня имела шестиугольную форму – именно при таком планировании (все углы сооружения равняются 120°) ее фронтальная ширина будет составлять 4 сажени, отмеченные в описании 1674 г.

В описании 1674 г. указывается, что все башни были покрыты тесницами (тонкими досками), которые на время осмотра опали. Также сообщается, что в башнях в нижнем, среднем и верхнем ярусах, а также на стенах были устроены бойницы (Заселение черкасами..., 2011, с. 37).

Относительно стен крепости, то они в длину, вместе с башнями, составляли 245 сажень без чети (Бабенко, 1907, с. 450) (за текстом описания 1674 г. из фондов ЦГИАК Украины – 244 сажени и три четверти (Заселение черкасами..., 2011, с. 37)). Здесь следует заметить, что в описании крепости отсутствуют данные относительно ширины одной из угловых башен (№ 3 на рис. 4). Общая длина периметра была установлена автором описания крепости путем складывания указанных в тексте параметров ширины башен и длины стен между ними. Но угловая башня (№ 3 на рис. 4) должна была иметь определенную длину, которая, скорее всего, была аналогичной другим, – 2,25 сажень.

Поэтому, по нашему мнению, автор описания допустил ошибку и реальный периметр Салтовской крепости составлял 247 сажень. Ближайшей по длине к указанному параметру является вторая линия обороны раннесредневекового городища, что также говорит о местоположении укреплений XVII–XVIII вв. непосредственно в пределах этого рубежа. Следует обратить внимание на вопрос относительно правильности понимания размеров длины стен и других параметров крепости (высоты и ширины башен, рвов и т.п.), указанных в старинных описаниях. На момент составления описаний крепости применялась сажень, помимо прочих, которая известна как «мерная (маховая)», которая равнялась 1,76 м (Рыбаков, 1957, с. 86, 87)¹. Исходя из этого, периметр крепости в метрической системе составлял 434,72 м. Длина каждой из стен между башнями составляла разные величины. Также были разными количество катков, закрепленных поверх обломов на связках, – бревен, которые скатывались или сбрасывались на противника. Следует отметить, что количество катков имеет постоянную зависимость от длины того или иного отрезка стены. Если допустить, что катки были равномерно размещены по всей длине стен один за другим, то длина одного бревна составляла ок. 0,8 сажени (1,4 м). Лишь на самом более длинном отрезке стены между Тайницкой (№ 6 на рис. 4) и Угловой (№ 7 на рис. 4) башнями количество катков удвоено, что свидетельствует о размещении двух катков на каждом участке.

По описаниям крепости 1668 и 1674 гг., которые приводит В.А. Бабенко (Бабенко, 1907, с. 448–450), ров опоясывал город с трех сторон. Исключение составляла восточная сторона, которая обращена к крутому склону поймы реки. Глубина рва достигала двух сажень (ок. 3,5 м) при ширине три сажени (ок. 5,3 м). В то же время, согласно описанию 1674 г. из фондов ЦГИАК Украины (Заселение черкасами..., 2011, с. 38), ширина рва равняется полтрети (1/6) сажени, что в метрической системе составляет ок. 0,3 м. Такой параметр вызывает большие сомнения. В данном случае, очевидно, мы также имеем дело с ошибкой.

К сожалению, у нас нет свидетельств относительно поперечного профиля рва и его конструктивных особенностей. Автор описания 1674 г. лишь отмечает, что ров на момент осмотра осыпался и не чи-

¹ К слову, в комментариях к опубликованным документам из фонда № 827 ЦГИАК Украины (Заселение черкасами..., 2011, с. 34–35) этот фактор не учтен и приведены метрические параметры более позднего времени.

щенный (Заселение черкасами..., 2011, с. 38). Но, принимая во внимание то, что, строя крепость на ранне-средневековой линии обороны, максимально используя ее остатки с целью уменьшить затраты труда, можно допустить, что ров имел трапециевидную форму, унаследованную от предыдущих фортификационных сооружений (Свистун, 2009, с. 467-468, рис. 5). К тому же, в пользу этого говорит отсутствие заметных выбросов на городище грунтовой массы позднего происхождения и о таковых, примененных в конструкциях насыпки стен или т.п., мы не имеем свидетельств из письменных источников. Напротив – есть указания на применение вместо тарасов песчаникового камня (Бабенко, 1907, с. 450). Поэтому можно со значительной достоверностью предположить, что в фортификации XVII–XVIII вв. использовался раннесредневековый ров без изменения его поперечного профиля, который, возможно, был лишь незначительной мерой подчищен¹ и таким образом приближен к прямоугольной форме с небольшим уклоном эскарпа и контрэскарпа – распространенный тип оборонительного сооружения того времени.

Также известно, что берма – расстояние между рвом и стеной – составляла ширину в одну сажень (Заселение черкасами..., 2011, с. 38), т.е. ок. 1,76 м.

С внешней стороны (от поля) около рва были установлены дубовые «столбцы» в два ряда. Данные конструктивные элементы, вероятно, были вкопаны на небольшом расстоянии друг от друга, образуя узкие промежутки между собой с таким расчетом, чтобы воспрепятствовать противнику в свободном приближении к стенам и в то же время иметь возможность обстрела врага.

Непосредственно стены представляли собой оригинальную конструкцию, которая максимально использовала как традиционный для слободских укреплений строительный материал – дерево высотой две печатных (косовых) (равнялась 2,48 м) сажени (ок. 4,96 м) от земли, так и каменные развалины давнего городища, из которых были сложены кровати – боевые площадки-мостики – высотой и в ширину по одной сажени (ок. 1,76 м), на которые вели четыре «ступни» (непосредственно на четвертой находилась площадка кровати, выложенная камнем). Между каменной были устроены бойницы для нижнего боя. Поверх бревен стены были устроены обламы в три бревенчатых венца (рис. 5).

Поверх стен были устроены обламы. Они были рублены срубами высотой в три венца и составляли в высоту приблизительно 1,0–1,2 м. Поверх обломов были расположены уже упомянутые выше катки (Заселение черкасами..., 2011, с. 34).

Подобную конструкцию стен, построенных из вертикально установленных бревен с обламами по верху, – «острогом дубовым стоячим с кровати и обломы и катки и людницы» (ЦГИАК Украины. Фонд 1965. Опись 1. Дело 49. Лист 2), имела Чугуевская крепость (Бучастая, свистун, Шевченко, 2009, с. 618). Долгое время считалось, что конструкция обломов при тыновом ограждении не понятна. Этот вопрос был решен учеными Воронежского инженерно-строительного института, которые на основании детальных описаний Острогжской крепости, которые содержатся в «Строельной книге», сумели составить представление об этой конструкции (Каримов, 1981, с. 33-34). Учитывая то, что Острогжск был построен в системе Белгородской «Засечной черты» в 1652 г., можно сделать предположение о сходстве острогжских строительных технологий и конструкций с чугуевскими и салтовскими.

Помимо прочего, в описании Салтовской крепости 1674 г. есть указание на уже упомянутый нами выше тайный ход от Тайницкой башни к водоносным слоям в пойме Северского Донца (Заселение черкасами..., 2011, с. 37). В документе отмечается, что длина хода от стены к воде составляла 20 сажень (35,2 м), а к выходу в город 2 сажени (3,52 м), то есть всего 22 сажени (38,72 м). Внизу ход заканчивался дубовым срубом, составлявшим в ширину печатную сажень (1,76 м), в котором уровень воды равнялся полусаженю с четвертью (1,32 м). В труде В.А. Бабенко приводятся несколько иные параметры: потайной ход длиной 23 сажени (ок. 40,5 м), заканчивавшийся колодцем, в котором уровень воды равнялся полусаженю (ок. 0,88 м). Такую же длину хода приводит и Филарет (Д.Г. Гумилевский), опираясь на описание 1674 г. (Филарет, 2005, с. 268). Но в данном случае, по нашему мнению, следует ориентироваться на данные архивного документа, являющегося первоисточником.

В.А. Бабенко осматривал остатки тайного хода, которые к нач. XX в. еще сохранялись. Он отмечал, что конструкция представляла собой длинный коридор в ширину полторы сажени (обмер В.А. Бабенко проводил в обычной в его время сажени, равнявшейся 2,1336 м) (Бабенко, 1907, с. 450), то есть ок. 3,2 м. Стены подземелья были обложены песчаниковыми камнями, которые взяты, скорее всего, из руин раннесредневекового городища, а перекрытие выполнено из толстых дубовых бревен. Подобную конструкцию имел тайный ход, который вел к колодцу на Чугуевском городище, где конструкция также была облицована песчаниковыми камнями, взятыми из остатков раннесредневековых укреплений (Бучастая, Свистун, Шевченко, 2009, с. 619). В частности, тайный ход на Чугуевском городище стал причиной эрозии почвы мысовой возвышенности со стороны поймы реки. Можно пред-

¹ В описании 1674 г. из фонда № 827 ЦГИАК Украины есть указание о том, что ров к моменту осмотра осыпался и вновь чищенный (Заселение черкасами..., 2011, с. 38).

положить, что и на Верхнесалтовском городище в свое время возникла подобная ситуация, в результате чего мы наблюдаем в настоящее время разрушенный восточный склон.

Из описания В.А. Бабенко не понятно – делал ли он замеры непосредственно по ширине котлована подземелья, или же приводил размеры с учетом каменной облицовки. Бесспорным можно считать тот факт, что тайный ход к колодезю строился на небольшой глубине вдоль восточной экспозиции городища и, вероятнее всего, открытым способом с дальнейшим перекрытием деревянными бревнами и грунтом. Это дает нам возможность при известной высоте останцеподобного возвышения, на котором располагалась Салтовская крепость, и длине тайного хода приблизительно высчитать крутизну склона со стороны поймы Северского Донца на период серед. – вт. пол. XVII в., который впоследствии в силу грунтовой эрозии становится почти отвесным. По формуле $c^2 = b^2 - a^2$, где **a** – высота останцеподобного возвышения городища, которая находится в пределах 25–30 м относительно поймы реки (в среднем около 27,5 м); **b** – длина тайного хода (вдоль склона в сторону поймы реки), составляющая приблизительно 35,2 м, а **c** – ширина подошвы останцеподобного возвышения городища, разрушенного грунтовой эрозией, высчитываем последнюю: ≈22,6 м. При этом по формуле $\sin(A) = a/b$ получаем угол восточной экспозиции городища (**A**), составлявший ≈60°. Таким образом, колодец в конце тайного хода располагался непосредственно у самой старицы Северского Донца, которая находилась у останцеподобного возвышения Верхнесалтовского городища.

Учитывая небольшой уровень воды в колодце тайного хода и данные, приведенные В.А. Бабенко о наличии еще одного колодца и дороги к нему с западной стороны городища (рис. 2), можно предположить, что основным источником водоснабжения служил именно последний, а со стороны реки был предназначен на случай военной опасности.

В середине укрепления на момент 1674 г. уже существовали деревянные «Государева Богомоля» соборная церковь, престол Живоначальной Троицы. Также был обустроен пороховой погреб с выходом, т.е., скорее всего, походной. Глубина сооружения составляла сажень с четвертью при ширине полторы сажени без четверти. В погреб был впущен дубовый сруб, покрытый «лубьем» (очевидно, конопляной тканью). Также в городе были двор для воевод и приказных людей. На том дворе размещался хором – горница с комнатой на подклетьях, поварня (кухня), погреб с поставленной на нем клетью. Весь двор был огражден забором – укрепленным ограждением. Кроме того, в городе было построено две «Государевы житницы», «сезжая изба дву сажень и под нею тюрьма дубовая. Покрыта сезжая изба лубьем» (Бабенко, 1907, с. 450; Филарет, 2005, с. 268; Заселение церкасами..., 2011, с. 38).

На вооружении защитников крепости были железная «пищаль» с 96 ядрами весом по 4 гривенки¹ (≈0,82 кг) каждое, 7 пудов (≈114,664 кг) пороха в бочках, три корыта свинца весом 15 пудов и 1 гривенка (≈245,912 кг).

Таким образом, исходя из материалов археологических исследований и анализа письменных источников относительно Салтовской крепости XVII–XVIII вв., можно констатировать, что при ее строительстве нашли свое место – как в военно-стратегическом, так и в конструктивном отношении – основные принципы обустройства оборонительных сооружений древнерусского фортификационного искусства. Они широко применялись на просторах Московского государства (Крадин, 1988) и Гетьманщины (Осадчий, Приймак, Коротя, 2009, с. 18-39, рис. 4, 8, 10, 38) с учетом особенностей топографии местности Слобожанщины и остатков фортификаций предыдущих времен. Последние использовались с целью уменьшить расходы труда на строительство оборонных сооружений, они максимально использовались для новых потребностей, в частности, их трассы линий обороны, остатки рвов и строительных материалов (в том числе камни). Традиции фортификационного искусства с учетом массово доступного строительного материала определяли применение в качестве основного сырья дерева. Хотя, в то же время, конструкция стен была облегченной с минимальным использованием деревянных бревен, которые использовались для стоячего острога по сравнению с конструкциями клетей, тарасов и т.п., которые, к тому же, требовали большого количества перемещенной почвы для их засыпки. В условиях постоянной опасности со стороны татар и сравнительно небольшого количества переселенцев, часть которых была постоянно занята на сторожах, необходимо было максимально сократить время на возведение оборонительных сооружений. Поэтому, по нашему мнению, на территориях, которые непосредственно контактировали с Диким Полем, находили широкое применение оборонительные сооружения со стоячим острогом и максимальным использованием остатков фортификаций городищ предыдущих исторических периодов. В то же время такие крепости как Салтовская, выполняли аналогичные военно-стратегические задачи – контролировали переправы через реки (Свистун, Горбаненко, 2011, с. 75), использовавшиеся татарами для нападений на оседлое население, и дороги вдоль высокого правого берега, которые соединяли удаленные от засечной линии поселения в порубежье Дикого Поля для его дальнейшей колонизации.

¹ В пуде содержалось 80 гривенок, что составляло 16,3805 кг.

Также выскажем предположение, что «стоячий острог», применявшийся в фортификациях на границе со степью, обусловлен спецификой сырьевой базы – ограниченным количеством имеющейся в округе древесины.

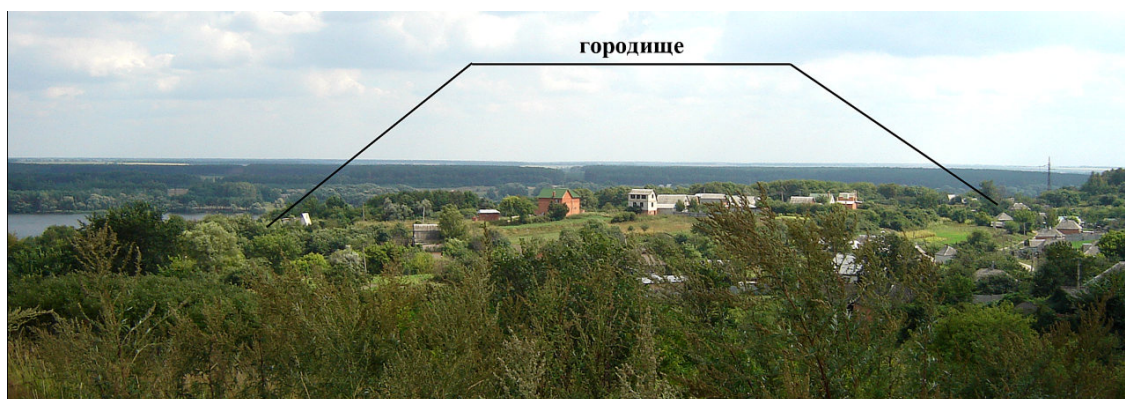
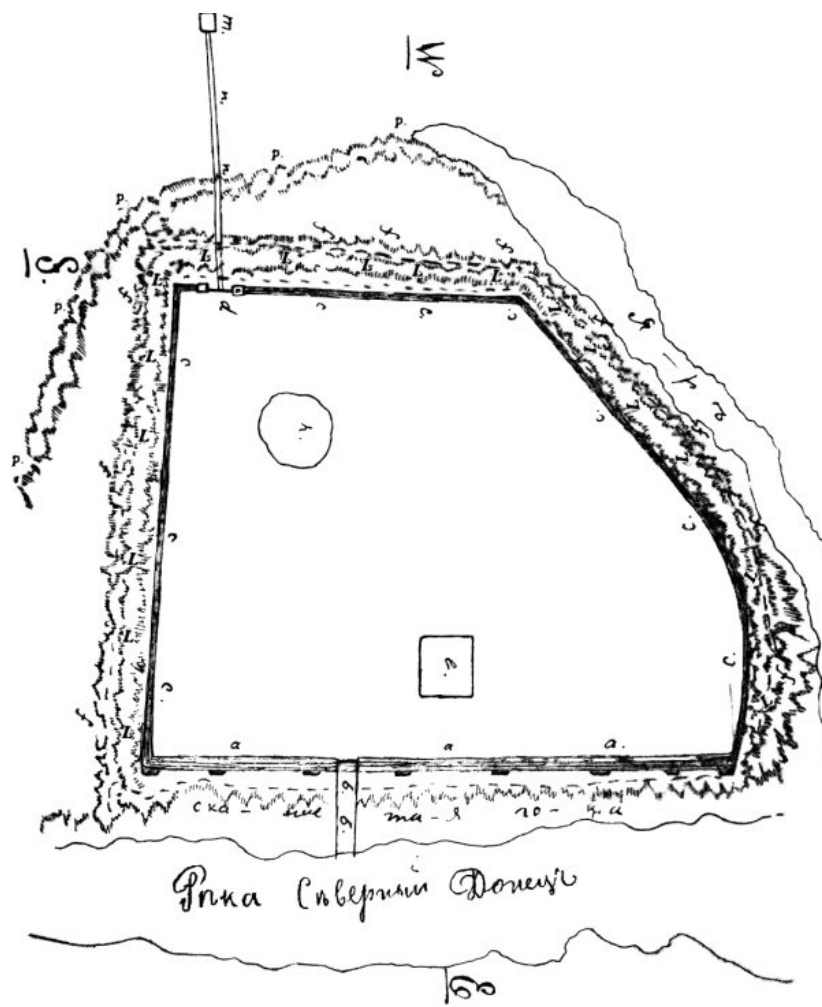

Рис. 1. Современное состояние Верхнесалтовского городища. Вид с северо-запада-запада

а. а. - Лицевая сторона крепости.	м. - Древний колодезь.
б. б. - Тайник к реке.	п. п. - Дорога к нему.
с. с. - Три других стены.	л. л. - Ров вокруг крепости.
д. - Ворота крепости.	с. с. - Вал.
е. - Открытый погреб.	р. р. - Небольшая насыпь.
л. - Круглая впадина.	

Рис. 2. План Верхнесалтовского городища, составленный В.А. Бабенко

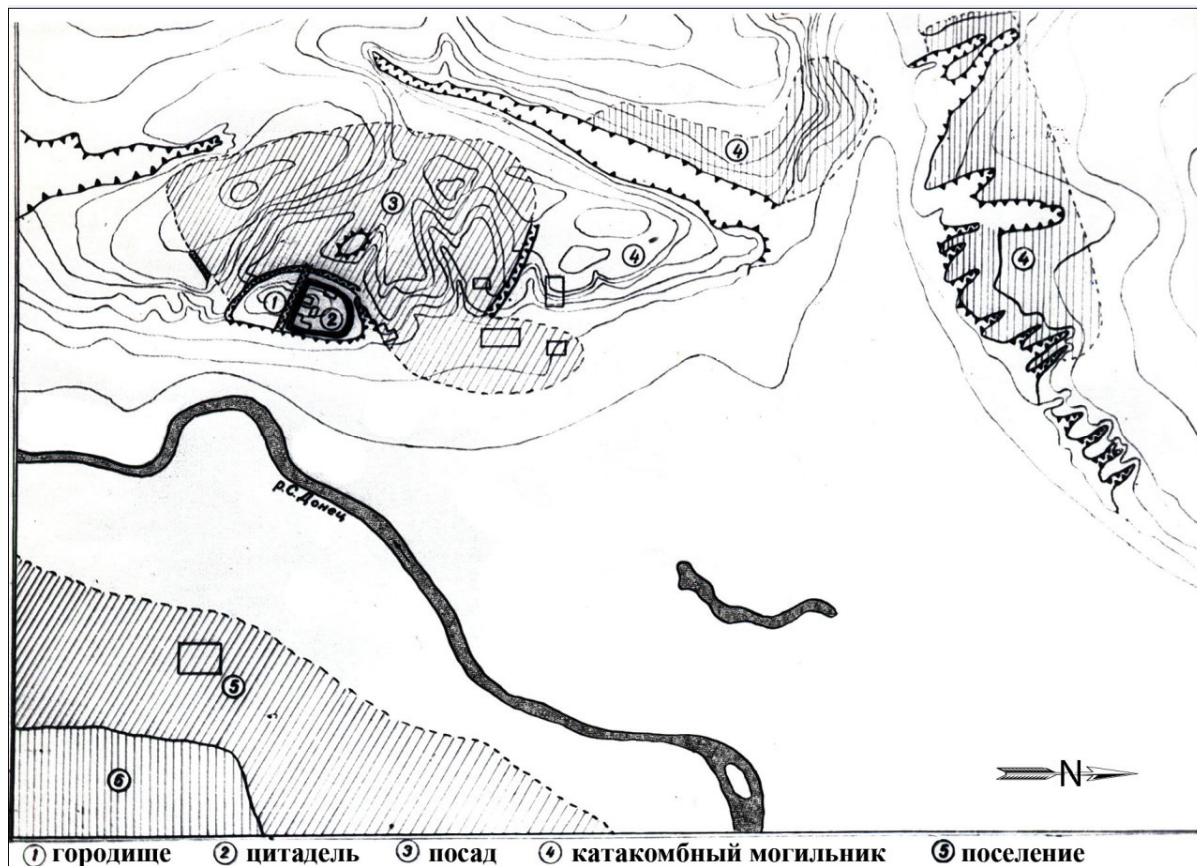

Рис. 3. Верхнесалтовский археологический комплекс до образования Печенежского водохранилища с указанием памятников салтовской культуры. По архивным материалам Харьковского научно-методического центра охраны памятников

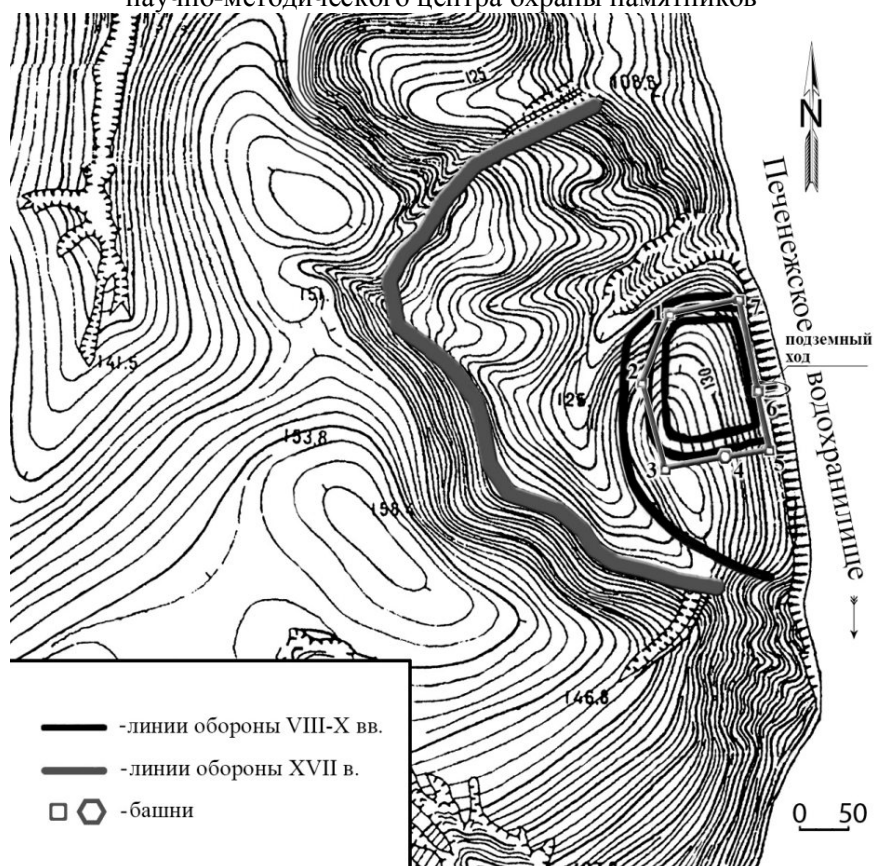

Рис. 4. Планировка оборонительных линий Верхнесалтовского городища и его посада

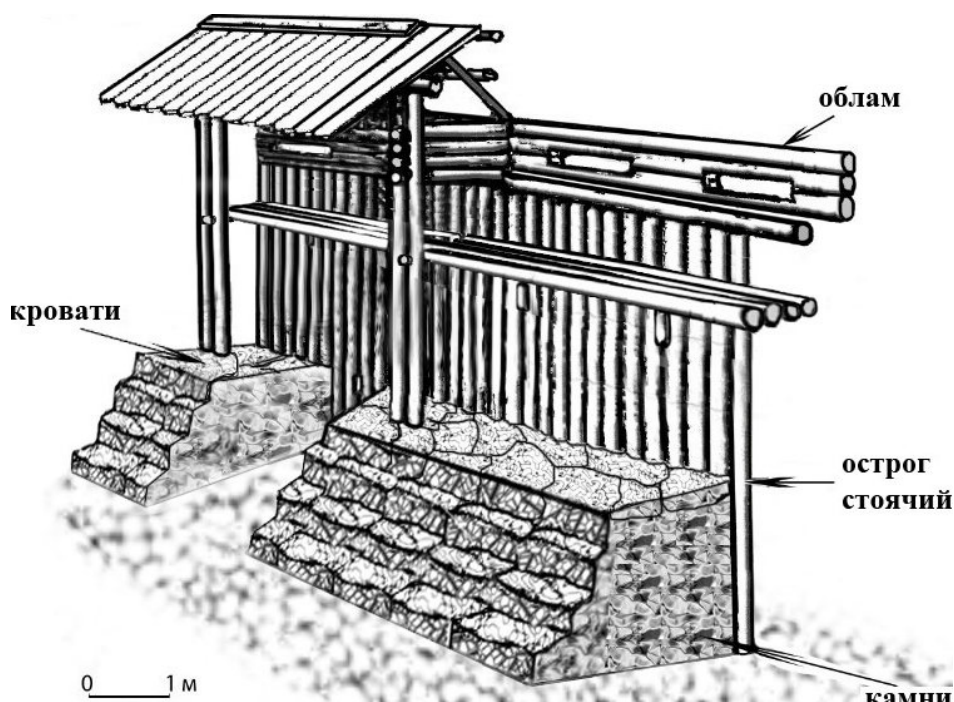

Рис. 5. Вариант реконструкции оборонительной стены Салтовского городка

Сокращения, принятые в статье

АС – Археологический съезд.

ИА – Институт археологии.

ИАК – Известия Императорской археологической комиссии.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НА – Научный архив.

НАН – Национальная академия наук.

ЦГИАК – Центральный государственный исторический архив в г. Киеве.

Список литературы

1. Бабенко В.А. Древнесалтовские придонские окраины Южной России // Труды XII АС. М., 1907. Т. 1.
2. Бабенко В.А. Памятники хозарской культуры на юге России // Труды XV АС. М., 1914. Т. 1.
3. Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харків, 1993.
4. Брайчевская А.Т. Отчет о раскопках на посаде Салтовского городища // НА ИА НАНУ. № 1959-60/6в.
5. Бучастая С.И., Свистун Г.Е., Шевченко О.А. Планировка и конструкция фортификаций Чугуевской крепости: сравнительный анализ археологических и письменных источников // Stratum plus. №5 (2005-2009) Русское время. Культурная антропология. Археология. Кишинев, 2009.
6. Ветштейн Р.И. Отчет о раскопках Салтовского городища в 1959–1961 гг. // НА ИА НАН Украины. № 1959-61/6в.
7. Заселение черкасами Салтовского и Чугуевского уездов в 1660–1674 годах. Харьков, 2011.
8. Каримов Г.А. Крепости Коротояк и Острогжск // Воронежский край на южных рубежах России. Воронеж, 1981.
9. Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950.
10. Колода В.В., Крыганов А.В., Михеев В.К., Ряполов В.М., Свистун Г.Е., Тортика А.А. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 г. // НА ИА НАН Украины. № 2004/206.
11. Колода В.В., Чернигова Н.В. Отчет об археологических раскопках Верхне-Салтовского городища за 1998 г. // НА ИА НАН Украины. № 1998/82.
12. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М., 1988.

13. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104.
14. Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. // ИАК. 1906. Вып. 19.
15. Осадчий Є.М., Приймак В.В., Коротя О.В. Конотопська битва в світлі археологічних даних. Полтава, 2009.
16. Плетнева С.А. Отчет к открытому листу № 8 Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957 г. // НА ИА НАН Украины. № 1957/17.
17. Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1.
18. Свистун Г.Е. Фортификация городища Верхний Салтов // Степи Европы в эпоху средневековья. 2009. Т. 7.
19. Свистун Г.Є., Горбаненко С.А. Споживчі аспекти соціально-економічних відносин на прикладі Чугуївського городища салтівського часу// Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Збірка наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцять Слобожанські читання». Харків, 2011.
20. Семенов-Зусер С.А. Отчет о раскопках территории Верхнего Салтова в 1948 г. // НА ИА НАН Украины. № 1948/6.
21. Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии в 3-х томах. Харьков, 2005. Т. 2.
22. ЦГИАК Украины. Фонд 1965. Опись 1. Дело 49. Лист 2.
23. Чернигова Н.В. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского городища // НА ИА НАН Украины. № 2000/107.
24. Чернигова Н.В. Отчет об археологических исследованиях цитадели Верхнесалтовского городища в 2001 г. // НА ИА НАН Украины. № 2001/87.
25. Чернигова Н.В., Голубева (Заика) И.В. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского селища в 2002 г. // НА ИА НАН Украины. № 2002/159.
26. Чернігова Н.В. Звіт про археологічні розкопки Верхньо-Салтівського городища в 1999 р. // НА ИА НАН Украины. № 1999/17.

УДК 902

Г.Е. Свистун, А.Н. Меркулов

Светцы с посада Воронежской крепости

Аннотация: Во время археологических раскопок в г. Воронеже были найдены железные светцы XVII–XVIII вв. Приведены их технологико-декоративные особенности и описаны способы эксплуатации.

Ключевые слова: светец, лучина, осветительные приборы, Воронежская крепость.

Abstract: During the archaeological excavations in the Voronezh city were found several iron svetets, which were dated XVII–XVIII centuries. In this article are given their technical and decorative particular qualities, described ways of exploitation.

Key words: Svetets, torch, lighting, Voronezh Fortress.

Неотъемлемой частью быта русского населения XVII–XVIII вв. являлись осветительные приборы, именуемые светцами – приспособлениями для освещения помещений. Археологические находки свидетельствуют о том, что они были широко распространены с домонгольского периода до начала XX в. (Колчин, 1953; Никитин, 1971, с. 43). Поэтому вполне закономерным представляется нахождение светцов в материалах раскопок 2015 г. на посаде Воронежской крепости (острога). Данные исследования были проведены с восточной стороны вышеупомянутых укреплений на первой надпойменной террасе правого берега р. Воронеж. В настоящее время этот участок исторической части города находится по адресу пер. Бауманский, 15 (рис. 1).

Всего в раскопе было обнаружено два экземпляра железных светцов. Первый из них (рис. 2, 1) был найден в культурном слое и представлял собой кованое изделие общей длиной 14,5 см. Его прямоугольный в поперечном профиле стержень, заостренный в нижней части для закрепления в специальной деревянной подставке, имел максимальные размеры 0,7×1,1 см и правостороннее закру-

чивание. Светец выполнен из многослойного пакета-заготовки и в верхней части оканчивался трехрожковой головкой-зажимом. Расходящиеся верхние концы планок имели завитки, которые могли использоваться для размещения декоративных подвесок-украшений в виде, скорее всего, колечек. Планки зажима также имели поперечный прямоугольный профиль и несколько сужались в направлении верхних окончаний. В целом размеры поперечных профилей планок варьировались в пределах 0,4×0,3 – 0,6×0,5 см. Необходимо отметить, что в месте перехода крепежного стержня к головке-зажиму имеет место уступ края одной из полос заготовки-пакета.

В целом, учитывая пласт культурного слоя и общие характеристики технолого-дизайнерского исполнения, авторы считают возможным датировать данный светец в пределах XVII – нач. XVIII вв.

Второй светец (рис. 2, 2) был найден на дне углубленной в материк постройки и представлял собой кованое изделие общей длиной 14,5 см. Его прямоугольный в поперечном профиле стержень, заостренный в нижней части для закрепления в специальной деревянной подставке, имел максимальные размеры 1,25×1,0 см и правостороннее закручивание. Светец выполнен из многослойного пакета-заготовки и в верхней части оканчивался четырехрожковой головкой-зажимом. Расходящиеся верхние концы планок сильно корродированны. Планки зажима также имели поперечный прямоугольный профиль и несколько сужались в направлении верхних окончаний. Средние размеры поперечных профилей планок составляют 0,47×0,6 см. В целом сохранность данного экземпляра светца оставляет желать лучшего и уступает найденному в культурном слое вне комплекса. Но именно последнее обстоятельство делает светец из постройки более ценным, так как позволяет на основании встреченных в пласте попутных находок произвести его более точную датировку. На дне комплекса, где был найден фрагмент осветительного прибора, обнаружены: фрагменты преимущественно сероглиняных и отчасти светлоглиняных гончарных сосудов (широкогорлые кухонные горшки, макитры и кувшины), часть из которых имела мореную и лощеную поверхность; фрагмент стеклянного изделия, фрагмент кожаной обуви, керамические ромбовидные грузила и медная монета «полушка» 1731 г. чекана. В совокупности данные предметы, как и время бытования самой постройки, представляется возможным датировать 1730–1740 гг.

Технологически при изготовлении как непосредственно рассматриваемых в данной работе, так и прочих подобных известных экземпляров кованых светцов были использованы разнообразные приемы, направленные на формирование изделия: вытяжка, осадка, разрубка, рубка, гибка и закручивание (Зиняков, 2008, с. 319).

Из этнографических источников известно, что светцы, в зависимости от способа крепления, делились на напольные и настольные (переносные), а также пристенные и подвесные (стационарные). Специальными подставками для закрепления в них в вертикальном положении железного светца служили деревянные конструкции, выполненные в виде обрезка бревна (полена), несложной инженерной конструкции с регулировкой высоты или высокохудожественной резной поделки. Пристенные вбивались в срубную стену, которая обмазывалась вокруг глиной во избежание возгорания (Станюкович, 1970, с. 73, Рис. 9; Никитин, 1971, с. 43; Свистун, 2011). Лучина (или несколько) вставлялись в головку-зажим под небольшим углом горящим концом вниз с таким расчетом, чтобы осыпающиеся искры и обгоревшие части падали в корыто или иную емкость с водой, которая, к тому же, отражала огонь, увеличивая светоотдачу (Колчин, 1959, с. 98). Непосредственно расходная часть осветительного устройства – лучина – изготавливалась из сухих тонких березовых щепок, которые давали яркий и ровный свет (Сидоров, 1953, с. 12-13; Станюкович, 1970, с. 73). Если первый из описываемых трехрожковый светец был рассчитан, по всей видимости, на одновременное закрепление в зажиме одной лучины, то второй – четырехрожковый – двух деревянных щепок под углом, близким к 90° относительно друг друга.

Таким образом, население г. Воронежа в XVII–XVIII вв. использовало, как и на остальных территориях России, в качестве осветительного прибора светцы. По-видимому, помимо освещения лучиной, наиболее зажиточные горожане применяли и свечи, но, ввиду мизерной доли археологически исследованных городских культурных слоев, на настоящий момент находки подсвечников XVII–XVIII вв. пока не выявлены.

Список литературы

1. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 7-120.
2. Зиняков Н.М. Технология производства чернометаллических изделий Кузнецкого острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008. С. 314-325.
3. Никитин А.В. Русские кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. М., 1971. Вып. Е1-34.
4. Сидоров М.А. От лучины до электричества. М., 1953.
5. Свистун Г.Е. Светец с Полтавщины // ХИАС. Харьков, 2011. Вып. 9. С. 24-26.
6. Станюкович Т.В. Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970.

УДК 902

М.С. Сергеева

Археологическая древесина как источник для исторических реконструкций: постановка проблемы и первые результаты (на материалах Южной Руси)

Аннотация. Статья посвящена проблеме идентификации ископаемого дерева в древнерусской археологии. Рассматриваются материалы из Южной Руси. Деревянные артефакты являются основным объектом исследования, также имеет значение древесный уголь. Диагностика древесных пород производится по микроструктуре.

Анализ археологического дерева и угля связан с двумя исследовательскими направлениями: 1) палеоэкология; 2) человеческая деятельность (получение данных о топливе и сырьевой базе деревообработки).

Первые результаты исследования древесины из древнерусских поселений, расположенных на территории Южной Руси, в основном в области Среднего Поднепровья представили информацию о местной сырьевой базе разных деревообрабатывающих ремесел. Основными деревьями для деревообработки были дуб, сосна, клен, ясень, тополь / осина, липа, ильмовые. Представлены также береза, ольха, ива, лещина.

В настоящее время можно поставить вопрос о существовании локальных различий в выборе сырья (в частности, о различиях в выборе строевого леса на Правобережье и Левобережье Днепра). Также появилась возможность поднять вопрос об использовании импортной древесины. Это представляется важным в связи с вопросом о развитии узких деревообрабатывающих специальностей (в частности, использование самшита для изготовления гребней).

Ключевые слова: Среднее Поднепровье, Древняя Русь, Южная Русь, археологическое дерево и древесный уголь, антракология, деревообработка, сырье.

Abstract. The article devoted to the problem of identification of fossil wood in Old Rus archaeology. Materials from Southern Rus are considered. Wooden artifacts are the main object of study, and also charcoal does matter. The definition of wood species bases on wood microstructure.

Analysis of archaeological wood and coal due to the two research directions that are paleoecology and human activity (obtaining data on fuel and raw material base of woodworking)

The first results of the study of wood from Old Russian settlements situated in Southern Rus, mainly in Middle Dnieper area provided information about the basis of local raw materials for different wood crafts. The main trees for woodworking were oak, pine, maple, ash, poplar / aspen, lime, elm. Birch, alder, willow, hazel are also represented.

Now we can raise the question of existence of local differences in a selection of raw materials (in particular on the differences in the selection of building woods on the right and left banks of Dnieper river). An opportunity to raise the issue of the use of imported wood is also appeared. It seems important in connection with the question on the development of narrow woodworking specialties (in particular, the use of boxwood for combmaking).

Key words: Middle Dnieper area, Old Rus, Southern Rus, archaeological wood and charcoal, anthracology, woodworking, raw materials.

В последнее время все большее значение в археологии приобретают комплексные исследования с использованием методов естественных наук, существенно расширяющих источниковедческую базу реконструкции различных сторон жизни древнего и средневекового человека. Одним из естественнонаучных направлений в археологии является изучение ископаемой древесины. Важность исследований в указанной области для реконструкции палеоэкологии и неразрывно связанной с природной средой хозяйственной деятельности человека, на сегодняшний день не вызывает сомнений. Особенное значение имеет изучение древней древесины в условиях лесной и лесостепной зон, где дерево всегда играло определяющую роль как основной строительный и поделочный материал, а также топливо. Фактически дерево было основой культуры жизнеобеспечения населения указанного ареала. Это в полной мере касается населения Древней Руси.

Исследование дерева в указанном контексте имеет свои задачи. Они и будут рассмотрены в настоящей статье.

Состояние изучения проблемы

В западной науке (подразумевается Западная Европа, Америка и Австралия) естественные методы в археологии как важный источник получения дополнительной информации занимают важное место. Археологическое дерево изучается весьма тщательно. Большое внимание уделяется ископаемому древесному углю. Исследование этой категории материала, правда, сначала преимущественно с позиций палеоэкологии, начались еще в 1940-х гг. (Salisbury, Jane, 1940; Godwin, Tansley, 1941). В дальнейшем изучение древесного угля получило широкое распространение. Антракология (научное направление, занимающееся изучением угля) заняла важное место в системе природоведческих наук в археологии. Достаточно сказать, что начиная с 2000 г. в разных местах Европы периодически проходят Конгрессы по антракологии с последующей публикацией материалов, где представлен весь спектр вопросов, связанных с археологическим изучением ископаемого угля. В 2000 г. первый Конгресс прошел в Париже (Франция). Следующий Конгресс состоялся спустя 4 года, в 2004 г., в Лечче (Италия) и в этом же году прошел Круглый стол в Базеле (Швейцария). Даты последующих Конгрессов: 2008 г. – Брюссель (Бельгия) и 2015 г. – Фрайбург (Германия). Полученные данные широко используются в исторических реконструкциях разного направления. Хотя работы западных коллег не касаются непосредственно древнерусской археологии и базируются на другом материале, они имеют большое методологическое значение для подобных исследований вообще.

Что касается древнерусского дерева, его изучение, естественно, относится к сфере интересов, прежде всего, восточноевропейской (советской и постсоветской) науки. Интерес к нему возник в 1950-х гг. после обнаружения в Новгороде деревянных изделий в массовом количестве. Определение древесины новгородских находок осуществлено В.Е. Вихровым (Вихров, Колчин, 1955; 1962; Вихров, 1958; 1959а), автором наиболее известного определителя древесины (Вихров, 1959). Работы по Новгороду фактически положили начало изучению древесных пород в археологии и показали эффективность этого направления. Однако в дальнейшем большинство исследователей даже при находках сохранившихся деревянных конструкций и изделий не уделяли специального внимания древесине, из которой они были изготовлены. В лучшем случае авторы ограничивались кратким описанием найденных деревянных артефактов.

В последнее время интерес к определению дерева возрастает. Примером может быть работа, посвященная деревянным артефактам средневековой Москвы (Гольева, 2010). Продолжались также исследования новгородского дерева (Хатер, 1999; Тарабардина, 2005; 2006). В украинской науке определением древесины с древнерусских памятников занимается автор настоящей статьи (Сергеева, 1998, 2010; 2011а, 2011б; 2014, 2015).

Антракологические исследования в археологии (не только средневековой) находятся в худшем состоянии. Сам термин антракология встречается в основном в специализированных геологических работах и только sporadически пробивает себе путь в отдельных археологических исследованиях (Александровский, 2014). Вопрос о необходимости диагностики археологического угля на предмет пород древесины ставился в отдельных работах. В свое время на важность изучения ископаемых остатков дерева, даже если из-за их фрагментарности невозможно идентифицировать их с конкретными изделиями, указывали Н.Г. Блохина и Г.Н. Лисицына в специальной статье. Согласно указанным авторам, определение пород дерева может дать ценный дополнительный материал для характеристики древней растительности, а также для реконструкции древнего производства (Блохина, Лисицына, 1962). Важность сбора всего дерева с объекта, включая угольки, подчеркивал А.И. Семенов (Семенов, 1996). Первой работой, касающейся древнерусского памятника с территории Среднего Поднепровья, где в комплексных исследованиях средневекового поселения использованы данные антракологии, является недавно вышедшая статья коллектива авторов по исследованию материалов одного из

объектов Глинского археологического комплекса (Пуголовок и др., 2015). Междисциплинарный подход к обработке различных археологических остатков, в том числе угля, позволил расширить источники по изучению хозяйства древних обитателей поселения, а определение пород дерева по уголькам позволило поставить вопрос о характере лесной растительности в рассматриваемом микрорегионе. Предварительным выводом (исследование комплекса продолжается с привлечением материалов из других объектов) было признание доминирования широколиственных лесов, чему не противоречили данные анализа других органических остатков. Таким образом, начатые работы показали перспективность междисциплинарных исследований древнерусских памятников.

Материалы и методы. Основой для изучения пород археологического дерева являются деревянные артефакты, обнаруженные во время археологических исследований. Среди них имеются как остатки конструкций, так и деревянные предметы (в большинстве случаев их сохранившиеся фрагменты). Однако этот материал относительно немногочисленный из-за неудовлетворительной сохранности дерева. Остатки деревянных артефактов обнаружены на территории Южной Руси всего на нескольких памятниках. Автором диагностирована древесина изделий из Киева, Софиевской Борщаговки под Киевом, древнерусского Чучина (с. Балыко-Щучинка Киевской обл.), Чернигова, Воинской Гребли (Черкасская обл.), Колодяжина, Райковецкого городища, Городска (Житомирская обл.). Кроме того используется информация, содержащаяся в работах других исследователей.

Уголь от сгоревших деталей конструкций и внутреннего наполнения построек в археологических комплексах сохраняется значительно чаще, однако вследствие того, что до последнего времени он оставался вне внимания исследователей, его коллекция, доступная для исследований, пока небольшая. Проанализирован уголь из различных объектов Вышгорода, Обухова, Софиевской Борщаговки (Киевская обл.), городища Горналь (Курская обл.), Пересопницы (Ровненская обл.). В настоящее время продолжается исследование сборов из Глинского и городища около с. Манжеля (Полтавская обл.).

Деревянные артефакты получают только путем ручного отбора. Уголь собирают путем ручного отбора из грунта вручную, как и остальной археологический материал, у том числе методом просеивания. Другим способом сбора угля является флотация. Именно так были получены материалы из Глинского (Пуголовок и др., 2015, с. 109) и некоторых других памятников.

При отборе угля неизбежно встает вопрос о количественных данных. Отметим, что в любом случае количество деревянных предметов или объем использованного дерева по разрозненным уголькам установить невозможно. На степень сохранности древесного угля разных пород влияет ряд факторов. Среди них размеры деревянных предметов или конструкций, условия, при которых произошло горение, реакция разных пород дерева на ту или иную температуру горения – от полного сгорания до превращения в качественный уголь. Поэтому от разных объектов (в том числе похожих) могло сохраняться разное количество угля – от единичных угольков до их большого количества. Иногда это довольно крупные куски горелого дерева (например, от конструкций, сооружений и др.). Таким образом, пересчет угольков, при условии если не установлена их связь с конкретными артефактами, имеет исключительно статистическое значение и не является основой для дальнейшего анализа. В аналитических исследованиях более целесообразно учитывать количество дерева разных пород, происходящих из одного объекта, а не количество образцов угля.

Основным методом определения породы дерева является анализ особенностей ее микроструктуры. Упоминания остатков конструкций из дуба и сосны, иногда встречающиеся в научных отчетах 1940–70-х гг., в большинстве случаев базируются на визуальном изучении дерева, без использования микроскопа. Это значительно снижает достоверность выводов. Однако, с другой стороны, особенности таких пород, как дуб и сосна, даже при простейшем визуальном обследовании хорошо различимы. При наличии коры, достаточно уверенно можно определить березу. Но и в этом случае обследование дерева невооруженным глазом имеет только вспомогательное значение. При любой возможности необходимо отдавать предпочтение изучению микроструктуры древесины даже в случае исследования указанных деревьев, не говоря уже о других породах, которые можно определить только по микроструктуре на основе выделения ее диагностических элементов. Микроструктуру изучают по трем разрезам при помощи микроскопа. Полученные результаты сравниваются с данными определителей древесины. Определители, в которых представлены данные об основных древесных породах Восточной Европы, издавались неоднократно (Сукачев, 1940; Гаммерман и др., 1946; Вихров, 1959). При более-менее удовлетворительной сохранности дерева породу в большинстве случаев можно определить до рода.

Основные направления и предварительные результаты исследований

Сфера использования данных о древесных породах довольно обширна. Они информативны как на стадии первичной обработки материала, так и, особенно, на стадии исторических реконструкций.

Основным результатом исследования дерева во время первичной обработки может быть установление приблизительного количества деревянных изделий в одном комплексе, когда размеры и состояние фрагментов дерева не позволяют визуально отделить отдельные предметы. Деревянные изделия часто сохраняются в виде скопления обугленных фрагментов, которые часто записываются как остатки одного предмета, что можно наблюдать, например, среди коллекций музейных фондов. Однако исследование дерева иногда выявляет наличие нескольких изделий, изготовленных из разных пород дерева.

На стадии исторических реконструкций определение дерева дает много важной информации. Можно выделить два основных направления, изучение которых связано с анализом ископаемого дерева: 1) палеоэкология; 2) человеческая деятельность – хозяйственная, экономическая, культурная.

В рамках первого направления археологическое дерево является одним из источников реконструкции растительности, а соответственно и палеоландшафтов конкретных микрорегионов. В идеале с целью реконструкции древесной растительности данные по породам дерева используются в комплексе с данными палинологии и почвоведения. Однако диагностика древесных пород является более доступным методом, чем палинологические исследования, а потому иногда остается единственным источником для реконструкции древесного покрова.

Другое направление исследований дерева тесно связано с первым, поскольку экологическая составляющая является определяющей во всех видах деятельности человека, основанных на использовании природных ресурсов. Исследования в этом направлении ведутся, прежде всего, на основе диагностики остатков дерева, взятых из заполнения археологических объектов. Палинологические материалы в этом случае могут указать состав растительности, в том числе древесной, в исследуемом регионе, включая сформировавшуюся под влиянием антропогенного фактора, однако они не являются идентификатором важности того или иного вида древесины для хозяйственной деятельности и производства. Таким образом, изучение древесных остатков из объектов является основным источником информации об основных видах деловой древесины.

Примером могут быть исследования Древнего Киева, где методами палеоботанического и палинологического анализа обнаружены не только основные лесные породы, но и такие плодовые деревья, как яблоня, груша, слива и вишня (Пашкевич, 1998, с. 40-41; Безусько, Томашевский, Івакін, 2001, с. 390; Козловська, Пашкевич, 2012; Козловська, Пашкевич, Хамайко, 2012, с. 258). При этом среди остатков конструкций и изделий древесины плодовых деревьев встречается очень редко. Разумеется, это может объясняться в том числе состоянием источника (плохой сохранностью дерева), однако количество уже определенных проб (на сегодняшний день проанализировано несколько сотен образцов) свидетельствует о небольшом значении древесины плодовых деревьев как деловой. Про это же свидетельствуют данные с других памятников Южной Руси. На сегодняшний день практически единственным определенным изделием из древесины плодового дерева является пряничный гребень из груши, происходящий из Райковецкого городища. Дальнейшие исследования в этом направлении могут способствовать увеличению данных про возможность использования плодовых деревьев не только как источника пищи, но и деловой древесины. Здесь следует особо отметить, что для определения возможности использования древесины садовых деревьев как сырья для деревообработки важно исследование не только сохранившихся изделий, но и фрагментов дерева / угля со следами инструментов.

Определение пород деловой древесины играет особую роль в изучении древнерусского производства. В настоящее время можно говорить не только об общей сырьевой базе деревообрабатывающих ремесел, но и конкретизировать связь между отдельными категориями изделий и определенными породами древесины. Исследование остатков деревянных изделий и древесного угля позволяют выделить виды подделочного дерева, наиболее распространенные на территории Южной Руси. Это дуб (*Quercus Sp.*), сосна (*Pinus Sp.*)¹, клен (*Acer Sp.*), ясень обыкновенный (*Fraxinus excelsior*), липа (*Tilia Sp.*), тополь / осина (*Populus Sp.*), ильмовые (*Ulmaceae*). Меньшим количеством образцов древесины представлены береза (*Betula Sp.*), ольха (*Alnus Sp.*), лещина (*Corylus avellana*), ива (*Salix Sp.*). При этом наблюдаются различия в предпочтении тех или иных видов древесины в различных регионах.

На сегодняшний день можно выделить, по крайней мере в общих чертах, состав строительного леса, сырье, которому отдавали предпочтение бондари, токари, резчики и др.

Предпочтение тому или иному виду дерева как строительному материалу носило ярко выраженный региональный характер, что прежде всего обуславливалось характером древесной растительности. Распространенным на всей территории строительным материалом был дуб, чему способствовало как его широкое распространение, так и необходимые качества: твердость, прочность, стойкость к гниению, способность долго сохраняться в грунте. Использование дуба в нижних венцах по-

¹ Учитывая, что рассматриваемая территория является ареалом распространения только сосны обыкновенной (*Pinus Sylvestris*), можно уверенно относить все находки сосны именно к этому виду.

строек является широко распространено на территории Восточной Европы и практикуется в широких хронологических рамках. Засвидетельствованы также другие детали конструкций из дуба: колья (Ки-ев, Чернигов), остатки столбов от внутренних конструкций (Ки-ев, Колодяжин, Воинская Гребля) и др. Для верхних венцов построек могли использовать другие виды древесины. С этими целями чаще всего использовалась сосна, если поселение находилось в ареале ее распространения. в ареале своего распро-странения была сосна. Часто сосна является основным строительным материалом, без использования ду-ба для сооружения фундаментов. На территории лесостепного Днепро-вского Левобережья сосна, по имеющимся в настоящее время данным, играла значительно меньшую роль. Например, уже сейчас можно констатировать отсутствие древесины хвойных на городище Горналь, Курской обл. (раскопки В.В. Енукова 2012 – 2013 гг.), где было проанализировано более 400 образцов угля из археологических объектов. Предварительные исследования Глинского археологического комплекса (Пуголовок и др., 2015) также практически не дали соснового угля. При дальнейших исследованиях дерева с этого памят-ника обнаружены три сосновых уголька. Однако они единичны и общих выводов о преобладании широ-колиственных лесов в данном микрорегионе не опровергают. В древнерусском Воине (городище у с. Воинская Гребля Черкасской обл.) только в одной из клеток зафиксированы доски пола из сосны (Дов-женко, Гончаров, Юра, 1966, с. 50) при полном преобладании дуба в конструкциях.

В целом дуб встречается наиболее часто среди древесного угля с памятников на восток от Днепра, однако выявлено также обугленное дерево других пород. Среди них представлены клен, ясень, тополь / осина, ильмовые, липа. Есть все основания считать значительную долю угля, проис-ходящую из заполнений объектов, остатками наиболее крупных артефактов, прежде всего конструк-тивных деталей сооружения или его интерьера. Это может быть указанием на соответствующие ландшафтные особенности, от которых зависел отбор древесины, в том числе для строительства. В условиях дефицита сосны, вызванного особенностями микроландшафта, лиственные деревья с менее стойкой древесиной могли использоваться для верхних венцов стен, которые не контактировали с почвой. В этой связи следует обратить внимание на широкое распространение угля тополя / осины, который встречается повсеместно на территории Южной Руси. Данные о народном жилище XIX – XX вв. свидетельствуют о широком использовании осины в строительстве, в том числе и жилых по-строек. Многие из таких построек отличались прочностью и долговечностью (Кочак, 1965; Смилга, 1986, с. 30-33).

Несколько слов следует сказать о березе как строительной древесине. Как строительный ма-териал она имеет существенные недостатки, в частности, нестойка во влажной среде и склонна к гниению (Харитонович, 1968, с. 217). В целом среди археологических материалов преобладают на-ходки бересты, что можно объяснить ее значительно большей стойкостью по сравнению с древеси-ной. Однако присутствие березы в строительных конструкциях, несмотря на спорадичность, фикси-руется в широких территориально-хронологических рамках. В частности, в рассматриваемых вре-менных пределах применение березы в конструкциях зафиксированы в Киеве (Сагайдак, Занкин, Ти-мошук, 1987/26, с. 15), Вышгороде (Раппопорт, 1956, с. 101), на Райкове-цком городище (Гончаров, 1950, с. 29), на поселениях Автуничи (Готун, 2003, с. 180) и Лесковое-2 (Шекун, Веремейчик, 1999, с. 33 – 34) в Черниговской обл. Примечательно, что в Вышгороде и на Райкове-цком городище бере-зовое дерево использовалось при возведении оборонных клеток.

Материалом для подавляющего большинства остатков бондарной продукции, которые нам удалось определить, служила сосна. Для точеной и резной посуды использовали в основном древеси-ну клена и ясеня, хорошо поддающихся обработке и имеющих красивую текстуру. Всего изделия из древесины этих деревьев составляют более 90% (Сергеева, 1998, с. 120). При этом преобладал клен. Экземпляры столовой посуды из дерева других пород единичны: отдельные сосуды из ольхи (Коло-дяжин, Райкове-цкое городище), из сосны (Воинская Гребля). Клен и ясень также широко использова-ли для изготовления домашней утвари. В частности, преимущественно из клена изготовлены различ-ные мелкие детали и некоторые изделия, например, небольшие балясинки (древнерусский Чучин), прядильный гребень и остатки челнока из Воинской Гребли (Сергеева, 2015, рис. 21, 3, 5).

В целом увеличение количества проанализированного материала позволяет в недалеком бу-дущем определить *общее* (учет свойств тех или иных пород дерева и их пригодности для использова-ния в разных отраслях деревообработки) и *специфическое* (палеоэкологические и культурные факто-ры) в выборе сырья для разных видов продукции. В этом плане изучение древесного угля играет су-щественную роль.

Определенные перспективы, по вашему мнению, имеет также изучение древесного угля как основного вида топлива. Это касается как отопления жилого помещения, так и топлива для различ-ных производственных процессов. Источником для изучения этого аспекта человеческой хозяйствен-ной и производственной деятельности является уголь из печей (в том числе производственных), гор-

нов, очагов. Состав угля представляет интерес, прежде всего в связи с теплотворными свойствами разных пород дерева. Указанное направление исследований, несмотря на внимание к нему со стороны западноевропейских исследователей (Veal, Thompson, 2008; Marston, 2009; Veal, 2012a; 2012b; 2013), до сих пор не нашло распространения в нашей науке, а в древнерусской археологии оно вообще остается белым пятном. Его разработка – дело будущего. В настоящее время препятствием на пути таких исследований становится отсутствие источниковедческой базы: исследователи обычно констатируют наличие угля в отопительных сооружениях, но никогда его не отбирают как материал для дальнейшего анализа. Поэтому сейчас мы просто подчеркиваем актуальность данной темы, которая требует кардинальных изменений в отношении к органическим материалам из древнерусских археологических объектов, в том числе и к углю.

Еще одним важным аспектом изучения археологической древесины является конкретизация некоторых направлений торговых связей. Несмотря на то, что сырьевая база древнерусской деревообработки базировалась на местном сырье, некоторые изделия демонстрируют использование привозных материалов. Самым ярким примером является производство туалетных гребней из самшита (*Buxus Sp.*). Для Новгорода этот вопрос поднимали В.Е. Вихров и Б.А. Колчин, которые констатировали кавказское происхождение самшита и широкий размах торговли самшитовой древесиной как сырьем (Вихров, Колчин, 1955). Дальнейшие исследования выявили самшитовые гребни также в других регионах Руси. В частности из самшита оказались гребни, происходящие из Киева и из Городска. Идентификация импортной древесины позволяет 1) конкретизировать некоторые направления торговых путей Руси; 2) получить дополнительные данные для характеристики производства гребней как профессионального ремесла, требующего специального сырья, каковым являлась дорогая импортная древесина.

Таким образом, исследования археологического дерева и угля с средневековых памятников Среднего Поднепровья демонстрирует перспективность этого направления. Основным результатом является На сегодняшний день основным результатом исследований в этой области является конкретизация данных о сырьевой базе древнерусской деревообработки и выявление основных пород дерева, которым отдавали предпочтение в разных отраслях деревообработки и, соответственно, выявлении связей между категорией изделия и использованием определенных пород дерева. В настоящее время можно говорить не только о сырьевой базе деревообработки в целом, но и о ее специфике для отдельных ремесел.

Появилась возможность поставить вопрос о существовании локальных различий в отборе сырья (в частности о различиях в отборе строительного леса на Правобережье и Левобережье Днепра), что можно будет подтвердить или опровергнуть после расширения соответствующих исследований.

В перспективе возможно расширение круга вопросов, связанных с исследованиями древесины, в частности, решение проблемы топливной базы в Древней Руси. Дальнейшее сравнение полученных данных с аналогичными с других территорий может помочь выявлению общих тенденций и региональных особенностей в отборе сырья для разных целей и осветить его связь с палеоэкологией конкретных микрорегионов.

Появилась также возможность поставить вопрос о использовании импортной древесины в рассматриваемом регионе в связи с развитием узких деревообрабатывающих специальностей (на примере самшита для гребней). Очевидное, но лишенное до сих пор конкретных доказательств утверждение о торговле самшитом на всей территории Руси, в настоящее время находит свое подтверждение.

В завершение следует указать на необходимость расширения исследования археологического дерева. Только при создании выборки, достаточной для статистического анализа этот материал превратится в полноценный археологический источник.

Список сокращений, принятых в статье

АВУ — Археологічні відкриття в Україні.

АДУ — Археологічні дослідження в Україні.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии НАН Украины.

НаУКМА — Национальный университет Киево-Могилянская академия.

ННЗ — Новгород и Новгородская земля: История и археология. – Новгород.

СА – Советская археология.

Список литературы

1. Александровский А.Л. Естественнаучные исследования на археологических памятниках Сетеи: почвы, антракология // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. Материалы Международной конференции, посвященной полувековому исследованию свайных поселений на северо-западе России. Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г. СПб: ООО Периферия, 2014. С. 134–146.
2. Безусько Т.В., Томашевський А.П., Івакін Г.Ю. Нові дані про флору та рослинність стародавнього Києва (за матеріалами палінологічних досліджень) // Наук. зап. НаУКМА. Спецвип. 2001. Т. 19. Ч. 2. С. 389–391.
3. Блохина Н.Г., Лисицина Г.Н. Из работ по определению дерева и углей, найденных при раскопках // КСИА. 1962. Вып. 92. С. 100–102.
4. Вихров В.Е., Колчин Б.А. Из истории торговли древнего Новгорода // СА. 1955. Вып. 24. С. 93–97.
5. Вихров В.Е. Использование древесины в древнем Новгороде // Тр. Института леса. 1958. Т. 37. С. 266–279.
6. Вихров В.Е. Диагностические признаки древесины главнейших лесохозяйственных и лесопромышленных пород СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959а. 132 с.
7. Вихров В.Е. Некоторые наблюдения над стойкостью древесины из археологических раскопок // СА. 1959б. № 2. С. 135–142.
8. Вихров В.Е., Колчин Б.А. Древесина в хозяйстве и быте древнего Новгорода // Строение и физические свойства древесины. Труды института леса и древесины. Т. 51. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 142–157.
9. Гаммерман А.Ф., Никитин А.А., Николаева Т.Н. Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 144 с.
10. Гольева А.А. Древесина в домостроительстве в центре Москвы // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 6. / Отв. редактор: Энговатова А.В. М.: ИА РАН, 2010. С. 278–297.
11. Гончаров В.К. Райковецкое городище. К.: Изд-во АН УССР, 1950. 150 с.
12. Готун І.А. Типи будівель // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель) / Отв. ред. О.П. Моця. К.: Шлях, 2003. С. 156–182.
13. Довженко В.Й., Гончаров В.В., Юра Р.О. Древньоруське місто Воїнь. К.: Наукова думка, 1966. 148 с.
14. Козловська Н.А., Пашкевич Г.О. Палеоетноботанічні дослідження по вул. Лук'янівська, 19 у м. Києві // АДУ 2011. Київ; Луцьк: Волинські старожитності, 2012. С. 256.
15. Козловська Н.А., Пашкевич Г.О., Хамайко Н.В. Палеоетноботанічні дослідження матеріалів з розкопок по вул. Спаській, 35 у м. Київ // АДУ 2011. Київ; Луцьк: Волинські старожитності, 2012. С. 257–258.
16. Кочак Ю. Вести хозяйство на здоровую осину // Лесное хозяйство. 1965. № 10. С. 50–51.
17. Пашкевич Г.О. Палеоботанічні дослідження Києва // АБУ 1997–1998. К.: ІА НАНУ, 1998. С. 40–41.
18. Пуголовко Ю.О., Володарець-Урбанович Я.В., Горбаненко С.А., Сергеева М.С., Яніш Є.Ю. Міждисциплінарні дослідження Глинського археологічного комплексу в 2014 році // Археологічні дослідження Більського городища, 2014 / Відп. ред. Корост І.І. Київ-Котельва: ЦП НАН України і УТОПІК, 2015. – С. 107–128.
19. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. МИА. № 52. М.; Л., 1956. 184 с.
20. Сагайдак М.А., Занкин А.Б., Тимошук В.Н. Отчет Подольской Постоянно действующей экспедиции за 1987 год // НА ИА НАНУ. № 1987/26.
21. Семенов А.И. К толкованию ксилотомических анализов из курганов хазарского времени // Курган: Историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 16–17.
22. Сергеева М.С. Дерев'яний посуд з давньоруських міст Середнього Подніпров'я // Археологія. 1998. № 1. С. 118–128.
23. Сергеева М.С. Давньоруські дерев'яні вироби з гори Киселівка // Археологія. 2010. № 3. С. 89–94.
24. Сергеева М.С. Дерев'яні вироби повсякденного вжитку з Колодяжина // Археологія. 2011а. № 4. С. 98–107.

- 25.Сергеева М.С. Дерев'яний столовий посуд з Воїнської Греблі // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький: Вид-во Державного педагогічного університету ім. Григорія Сковороди, 2011б. Вип. 27. С. 27–32.
- 26.Сергеева М.С. Сировинна база давньоруської деревообробки (за матеріалами Південної Русі // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Междунар. науч. конф. Харьков, 2014. С. 56–57.
- 27.Сергеева М.С. Майстри з обробки дерева та кістки давньоруського міста Воїня. Київ; Харків: Майдан, 2015. 232 с.
- 28.Смилга Я.Я. Осина. Рига: Зинатне, 1986. 239 с.
- 29.Сукачев В.Н. Определитель древесных пород. М.: Гослестехиздат, 1940. 497 с.
- 30.Тарабардина О.А. Строительная древесина в средневековом Новгороде (на материалах Троицких XI и XII раскопов) // ННЗ. 2005. Вып. 19. С. 133–145.
- 31.Тарабардина О.А. Итоги дендрохронологического исследования сооружений Никитинского раскопа в Великом Новгороде // ННЗ. 2006. Вып. 20. С. 30–46.
- 32.Харитонович Ф.Н. Биология и экология древесных пород. М.: Лесная промышленность, 1968. 304 с.
- 33.Хатер Дж. Использование дерева в средневековом Новгороде: предварительные результаты // ННЗ. 1999. Вып. 13. С. 46–57.
- 34.Шекун О.В., Веремейчик О.М. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів: РВК «Деснянська правда», 1999. 184 с.
- 35.Godwin H., Tansley A.G. Prehistoric charcoals as evidence of former vegetation, soil and climate // Journal of Ecology. 1941. P. 117–126.
- 36.Marston J.M. Modeling wood acquisition strategies from archaeological charcoal remains // Journal of Archaeological Science. 2009. P. 2192–2200. Електронний ресурс. Режим доступа: http://www.museunacional.ufrj.br/arqueologia/docs/aulas/RitaMNA787/Marston_JAS2009.pdf
- 37.Salisbury K.J. Jane F.W. Charcoals from Maiden Castle and their significance in relation to the vegetation and climatic conditions in prehistoric times // Journal of Ecology. 1940. P. 310–325.
- 38.Veal R., Thompson G. Fuel supplies for Pompeii. Pre-Roman and Roman charcoals for the Casa delle Vestali // Charcoals from the Past: Cultural and Palaeoenvironmental Implications. Proceedings of the Third International Meeting of Anthracology, Cavallino. Lecce (Italy) June 28th – July 1st 2004. Oxford: British Archaeological Report S1807, 2008. P. 287–298.
- 39.Veal R. Examining continuity in landscape exploitation: Late Roman fuel consumption in Silchester's *Insula IX* // Silchester and the Study of Romano-British urbanism / Journal of Roman Archaeology. Supplementary series. N 90. Portsmouth, 2012a. P. 227–245.
- 40.Veal R. From context to economy: charcoal as an archaeological interpretative tool. A case study from Pompeii (3rd c. BC – AD 79) // More than just Numbers? The Role of Science in Roman Archaeology / Journal of Roman Archaeology. Supplementary series. N 91. Portsmouth, 2012b. P. 19–51.
- 41.Veal R. Fuelling Ancient Mediterranean cities: a framework for charcoal research // The Ancient Mediterranean Environment between Science and History Leiden, Boston, 2013. P. 37–58.

УДК 902/903

А.М. Скоробогатов, Г.Е. Свистун

Новые поселения СМК в приустьевой части р. Черная Калитва на юге Воронежской области

Аннотация. В 2014 и 2015 гг. в ходе разведок в приустьевой части р. Черная Калитва на юге Воронежской области выявлены три памятника салтово-маяцкой культуры. В публикации дается описание расположения и материалов сборов. Данная работа призвана дополнить археологическую карту рассматриваемого микрорегиона.

Ключевые слова: Черная Калитва, салтово-маяцкая культура, раннее средневековье, поселение, керамика, порубежье степи и лесостепи.

Abstract. In 2014 and 2015 during reconnaissance near the mouth of the river Chernaya Kalitva in the south of the Voronezh region revealed three monuments Saltovo-Mayaki culture related. The publication describes the location and materials fees. This work is intended to complement the archaeological map of the considered micro-region.

Key words: Chernaya Kalitva, Saltovo-Mayaki culture, the early Middle Ages, the settlement, ceramics, forest-steppe and steppe borderlands.

Археологические разведки в бассейне р. Черная Калитва проводились не единожды, но процесс составления археологической карты данного микрорегиона далек от завершенности. Помимо прочего, это актуально и в отношении салтово-маяцкой культуры, где продолжают выявляться новые памятники. Следует напомнить, что салтово-маяцкие памятники на рассматриваемом нами отрезке бассейна Дона делятся на два варианта – степной донской и лесостепной донской. Они отличаются некоторыми специфическими особенностями при наличии определенной этнокультурной диффузии, степень которой не изучена в достаточной мере (Винников, Плетнева, 1998, с. 21-43). В этом спектре разведки по Черной Калитве тем более интересны для профильных специалистов, так как именно здесь проходит граница лесостепной и степной зон: от Валук по правому берегу Черной Калитвы и Дона до устья Богучарки (Долина Дона: природа и ландшафты, 1982, рис. 1.; Афанасьев, 1987, с. 18). Исследованиями прошлых лет, проводившимися в бассейне Черной Калитвы, были обнаружены восемь салтово-маяцких памятников: селище у пос. Осадчее в Алексеевском районе на левом берегу (разведки С.А. Плетневой 1963 г., Г.Е. Афанасьева 1978 и 1981 гг.), селище у пос. Забочевка в Ольховатском районе на правом берегу (разведки Г.Е. Афанасьева 1981 г.), селище у пос. Ольховатка Ольховатского района на правом берегу (разведки Г.Е. Афанасьева 1981 г.), селище у пос. Ольховатка Ольховатского района на левом берегу (разведки Ю.П. Матвеева 1976 г.), ямное погребение у с. Старая Калитва Россосанского района на левом берегу (разведки Ю.П. Матвеева 1976 г.), а также два ямных погребения (скорее всего, данные захоронения являются частью могильника, находящегося на территории современного хутора (А.С., Г.С.)) и селище у хут. Лощина Россосанского района (разведки К.Ю. Ефимова 2003 г.) (Афанасьев, 1987, с. 183; Ефимов, 2006). Разведками А.М. Скоробогатова, проводившимися в 2014 и 2015 гг., выявлены еще три памятника, относящихся к данной культуре: «Поселение 2 у хут. Голубая Криница», «Поселение 3 у хут. Голубая Криница» и «Поселение 3 у хут. Новая Мельница» (Скоробогатов, 2014; 2015).

Поселение 2 у хут. Голубая Криница расположено в 1,4 км на ЗСЗ от фермы хут. Голубая Криница, в 1,4 км на СЗ от автобусной остановки в хут. Голубая Криница и в 0,9 км на ССЗ от кладбища хут. Голубая Криница в Россосанском районе Воронежской области (рис. 1).

Поселение расположено на мысообразном выступе первой надпойменной террасы р. Криница (правый приток р. Черная Калитва). С севера и востока памятник ограничен заливными пойменными лугами. С запада и юга его территория определяется по границам распространения подъемного материала. Таким образом, границы выявленного памятника археологии определяются как по топографическим особенностям местности, так и по результатам сборов подъемного материала. Размер памятника составляет 110×90 м. Шурфовка памятника не проводилась.

На распахиваемых участках поселения был собран подъемный материал, представленный находками из камня и керамики.

Находки из камня представляют собой: 1) кремневый пластинчатый скол с нуклеуса, который со стороны спинки покрыт меловой коркой, а со стороны брюшка – на одной из боковых граней – имеется мелкая ретушь утилизации. Данное изделие, изготовленное из мелового кремня темно-коричневого цвета, использовалось, возможно, в качестве ножа (рис. 2: 1); 2) медиальную часть пластины из мелового кремня светло-коричневого цвета, на боковых гранях со стороны брюшка и спинки прослеживается ретушь утилизации. Скорее всего, это изделие использовалось в качестве вкладыша (рис. 2: 2); 3) пластинчатый кварцитовый отщеп без ретуши (рис. 2: 3).

Керамические находки из сборов делятся на тарную (амфоры), кухонную (лепные и подправленные на круге горшки) и столовую посуду (кувшины, кубышки и парадные горшкообразные сосуды).

Фрагменты амфор (рис. 3) немногочисленны, характеризуются равномерным обжигом по всей толщине черепка. Цвет амфор красно-оранжевых (кирпичных) оттенков. Тесто хорошо отмучено, но при этом в нем хорошо заметны известковые включения, реже – примеси керамического шамота, а также кварцитового песка (рис. 3: 6, 7).

Фрагмент горла расширяется вверх, переходя в отогнутый наружу валик венчика и имеет следы белого ангоба на внешней поверхности (рис. 3: 1). Один из фрагментов горловой части амфоры имеет слабо выраженную ребристость («волну»). С внутренней стороны хорошо заметно валикоподобное утолщение в месте крепления горла к тулову (рис. 3: 2). Второй из фрагментов горловой части также имеет утолщение в месте крепления с туловом, но при этом на внешней поверхности отсутствуют признаки ребристости (рис. 3: 3).

Фрагмент ручки амфоры в месте крепления к горловине имеет плавный изгиб вниз. Ее поперечное сечение овальное с продольным ребром на внешней стороне. Данный фрагмент покрыт белым ангобом на внешней поверхности (рис. 3: 4).

Орнамент отсутствует (рис. 3: 1-4, 6) либо представлен прочерченными горизонтальными (рис. 3: 5, 8) или волнистыми (рис. 3: 7) линиями, расположенными зонально в верхней части сосудов. Это обстоятельство позволяет отнести данную тарную посуду к ранневизантийским амфорам «причерноморского типа», датирующимися VIII–IX вв. (Якобсон, 1979, с. 29-32, Рис. 12, 13). Данный тип амфор широко распространен в ареале салтово-маяцкой культуры Подонья-Подонцовья.

Столовая посуда (рис. 4) представлена кружальными кувшинами, кубышками или кружками, а также парадными горшкообразными сосудами. Они отличаются хорошо отмученным тестом и равномерным обжигом по всей толщине черепка. Лишь в одном случае тесто образца содержало кварцитовый песок (рис. 4: 22). Основная часть сосудов на изломе имеет серый цвет. И лишь в двух случаях – оранжево-коричневые оттенки (рис. 4: 7, 15). Среди общей массы фрагментов столовой посуды имеют место образцы как со сплошным лощением внешней поверхности, так и с прямыми и волнистыми лощеными линиями в различных направлениях. Зачастую лощеный орнамент сочетается с нарезным, характеризующимся как зонально расположенный прямолинейный и в виде волнистых линий.

Края венчиков столовых сосудов закругленные и заостренные (рис. 4: 1-5). Они имеют различные уклоны наружу и вовнутрь, но среди них встречаются и почти вертикальные. Один из фрагментов венчика имел уплощение по краю, украшенное нарезными волнистыми линиями (рис. 4: 6). Также выделяется образец венчика, на котором сплошное лощение было нанесено не только с внешней стороны изделия, но и с внутренней (рис. 4: 1). Как правило, направленность лощеных линий у края венчика горизонтальная.

Горловые части сосудов (рис. 4: 7-10) носят следы крепления горла с туловом в виде заметного бугорка. Очень часто непосредственно в этом месте столовые салтово-маяцкие сосуды имеют на внешней поверхности нарезной линейный орнамент в виде одной (рис. 4: 8) или нескольких параллельных (рис. 4: 7) широких радиальных линий. У образцов без соединительного бугорка на внешней поверхности был нанесен нарезной орнамент в виде зонально расположенных параллельных волнистых линий (рис. 4: 9) и вертикальных лощеных линий (рис. 4: 10).

Фрагменты ручек столовых сосудов имеют овальное поперечное сечение с заметным продольным бугорком на внешней стороне (рис. 4: 11-13). Одна из них орнаментирована продольными лощеными штрихами-линиями (рис. 4: 12).

Стенки столовых сосудов (рис. 4: 14-23) преимущественно имеют вертикальное лощение в виде штрихов различной длины и ширины (рис. 4: 14-18, 20, 21). Лишь на одном образце присутствует широкая радиальная прочерченная линия (рис. 4: 19). Отдельные горшкообразные сосуды также имеют орнаментацию в виде наколов зубчатым штампом в порядке «елочки», сочетающуюся с уже указанными выше видами нарезной и лощеной орнаментации (рис. 4: 22, 23).

Одна из стенок столового сосуда имеет сквозное просверленное коническое в продольном сечении отверстие, которое свидетельствует о произведенном ремонте сосуда (рис. 4: 14).

Нижние части столовых сосудов (рис. 4: 24-27) имеют плоское дно, без выраженной закраины, от которого под углом поднимается одутловатое тулово. Преимущественно придонная часть также орнаментирована лощеным орнаментом (рис. 4: 24-26), в одном случае сочетающимся с тонкими радиальными линиями (рис. 4: 26).

Кухонная посуда (рис. 5) представлена фрагментами кружальных и лепных, подправленных на поворотном круге, горшков. Тесто части изделий данной категории имеет примеси керамического шамота, дресвы и кварцитового песка, степень пропеченности варьируется от серого до оранжево-красного. В основном внешняя поверхность орнаментирована нарезным прямолинейным орнаментом различной ширины и глубины – как сплошным (рис. 5: 11-20), так и зонально расположенным (рис. 5: 10, 21-29). Ряд сосудов имеет следы известкового покрытия на внешней поверхности.

Отогнутые наружу венчики кухонных сосудов (рис. 5: 6) преимущественно уплощены по краю, на который нанесены косые оттиски, оставленные зубчатым штампом. В горловой части (рис. 5: 7-10) стенки сосудов зачастую имеют заметное утолщение. В одной из стенок просверлено сквозное коническое в продольном сечении отверстие, которое свидетельствует о произведенном ремонте сосуда (рис. 5: 30).

Нижние части кухонных сосудов (рис. 5: 32-37) имеют плоское дно, без выраженной закраины, от которого под углом поднимается одутловатое тулово. В одном случае у дна четко прослеживается тонкая прочерченная радиальная линия (рис. 5: 32).

Техническая керамика (рис. 4: 28) представлена заготовкой под пряслице со следами неоконченного сверления в центральной части. Она выполнена из красно-коричневой стенки столового сосуда, украшенного вертикальными лощеными линиями.

Также имела место находка строительной керамики – фрагмента обожженной обмазки со следами прутьев диаметром до 1 см и уплощенной внешней поверхностью, но ее культурно-хронологическое определение не представляется возможным.

Рассмотренные выше фрагменты керамических изделий (столовой, кухонной и технической) имеют широкое распространение в ареале салтово-маяцкой культуры – как степного, так и лесостепного вариантов и в целом датируются VIII–IX вв. (Шрамко, 1959; Плетнева, 1967, с. 103-134; Красильников, 1999).

Таким образом, судя по характеру подъемного материала, памятник следует датировать эпохой неолита (VI–IV тыс. до н.э.) и средневековьем (салтово-маяцкая культура VIII–IX вв.).

Поселение 3 у хут. Голубая Криница расположено в 2,4 км на ССВ от кладбища хут. Голубая Криница, в 2,3 км на север от автобусной остановки в хут. Голубая Криница и в 1,9 км на ССЗ от фермы хут. Голубая Криница Россошанского района Воронежской области (рис. 6).

Поселение расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Черная Калитва, на распаханном поле. Границы территории памятника археологии определяются по распространению подъемного материала. Территория памятника представляет фигуру в виде трапеции, длинной стороной вытянута по линии ЗЮЗ-ВСС на 450 м, по линии север-юг – на 150 м. Шурфовка памятника не проводилась. Подъемный материал представлен фрагментами лепной керамики эпохи неолита и бронзового века (рис. 7: 1, 2), а также керамикой эпохи средневековья (салтово-маяцкая культура).

Фрагменты керамических сосудов салтово-маяцкой культуры представлены тарной и столовой посудой. К тарной относится гофрированная стенка красноглиняной амфоры (рис. 7: 4), тесто которой без видимых примесей хорошо отмучено и имеет качественный равномерный обжиг по всей толщине черепка. Данные амфоры так же, как и тарные сосуды с рассмотренного выше «Поселения 2 у хут. Голубая Криница», относятся к «причерноморскому типу».

Столовая посуда (рис. 7: 3, 5-8) представлена обломками кувшинов и, возможно, кубышек или кружек. Тесто всех образцов также хорошо отмучено и имеет равномерный качественный обжиг черепка на изломе, но цветовая гамма каждого различна – коричневого (рис. 7: 5, 8), красного (рис. 7: 6, 7) и серого (рис. 7: 3) оттенков. Два фрагмента имеют светло-серое ангобированное покрытие внешней поверхности (рис. 7: 3, 5). Прослежены зонально расположенный нарезной радиальный орнамент в верхней части сосудов в виде одной линии под отогнутым наружу округленным по верху венчиком (рис. 7: 3) и двух сохранившихся параллельных линий в области покатого плечика (рис. 7: 7), а также лощеный орнамент в виде вертикальных штрихов на стенке сосуда (рис. 7: 6).

Рассмотренные выше фрагменты столовых сосудов имеют широкое распространение в ареале салтово-маяцкой культуры – как степного, так и лесостепного вариантов и в целом датируются VIII–IX вв.

Помимо прочего, имела место находка фрагмента кружального коричневоглиняного сосуда с налепным радиальным валиком, украшенным геометрическим орнаментом в виде рядов ромбов, нанесенным колесиковым штампом (рис. 7: 9). Данный образец, на основании, прежде всего, стилистики и способа нанесения орнаментации, возможно датировать в пределах позднего средневековья или нового времени.

Таким образом, судя по характеру подъемного материала, памятник следует датировать эпохой неолита (VI–IV тыс. до н.э.), эпохой поздней бронзы (II тыс. до н.э.) и средневековьем (салтово-маяцкая культура VIII–IX вв.). Также не исключена определенная хозяйственная деятельность в позднем средневековье или новом времени, о чем может свидетельствовать единичная находка.

Поселение 3 у хут. Новая Мельница расположено в 0,3 км на юг от моста через р. Черная Калитва у хут. Новая Мельница, в 0,6 км на СВ от кладбища хут. Новая Мельница и в 3,2 км на ЗСЗ от моста через р. Черная Калитва у с. Новая Калитва Россошанского района Воронежской области (рис. 8).

Поселение расположено на мысообразном выступе первой надпойменной террасы правого берега р. Черная Калитва возле северо-восточной окраины хут. Новая Мельница. Площадь поселения распаханна. На пашне были собраны фрагменты лепной и гончарной керамики, а также находки из камня. Границы территории памятника археологии определяются по распространению подъемного материала и данным топографии. Территория памятника представляет фигуру в виде ромба, которая длинной стороной вытянута по линии север-юг на 300 м, по линии запад-восток – на 250 м. С севера и СВ границы поселения ограничены руслом реки Черной Калитвы, с юга и запада – начинающимся высоким коренным правым берегом Черной Калитвы. Шурфовка памятника не проводилась.

Среди сборов обнаружено четыре находки из камня. Это обломок отбойника с характерной забитостью нижней рабочей части из плотного темного песчаника (рис. 9: 10), шаровидное изделие из светлого песчаника (рис. 9: 11), кремневый отщеп из черного мелового кремня (рис. 9: 12) и аморфный отщеп из цветного валунного кремня. Место поселения впервые стало заселяться в эпоху поздней бронзы – собрано 11 фрагментов лепной керамики из плотного запесоченного теста, поверхности покрыты разнонаправленными расчесами либо заглажены. Орнамент встречен всего на трех фрагментах – оттиски зубчатого и гребенчатого штампа. Венчик один, отогнут наружу, с крупными бороздчатыми вертикальными расчесами на внешней поверхности. Цвет черепков коричневый, красно-коричневый либо серый (рис. 9: 1-5).

К салтово-маяцкому кругу древностей относятся коричневоглиняные фрагменты кружальных столовых сосудов (рис. 9: 6, 7). При хорошо отмученном тесте и хорошем равномерном обжиге заметна примесь известковых включений. Один из фрагментов, представляющий собой покатоое плечико кубышки, имеет ангобирование внешней поверхности и нарезной орнамент в виде радиальной линии, отделяющей плечико от горловины в месте их соединения в процессе изготовления сосуда (рис. 9: 6). По своим характеристикам данная посуда аналогична салтово-маяцкой посуде из выше рассмотренных поселений.

Также в сборах с территории поселения происходят уплощенные по верху венчики (отогнутый наружу и вертикальный) бежевоглиняных кружальных сосудов (рис. 9: 8, 9). Их тесто также хорошо отмучено и равномерно обожжено. Один из них на внутренней поверхности покрыт желтой поливой (рис. 9: 8), второй – имеет следы красной краски (рис. 9: 9). Их следует датировать новым временем.

Таким образом, судя по характеру подъемного материала, памятник имеет отложения эпохи бронзы (II тыс. до н.э.), средневековья (салтово-маяцкая культура VIII–IX вв.) и нового времени (в пределах XIX в.).

В целом, выявление выше означенных многослойных поселений дополняет археологическую карту на порубежье природно-географических зон степи и лесостепи, уточняя наши сведения о заселенности данной территории в различные исторические периоды. Рассмотренные выше фрагменты керамических изделий имеют широкое распространение в ареале салтово-маяцкой культуры – как степного, так и лесостепного вариантов и в целом датируются VIII–IX вв., что и определяет временные рамки освоения данной территории в раннем средневековье. Фрагментированность керамических материалов, к сожалению, значительно ограничивает возможности их анализа. Отощители, зафиксированные в тесте ряда сосудов в виде мелкозернистого кварцитового речного песка, являются характерной чертой для салтово-маяцкой керамики Подонья (Плетнева, 1967, с. 106).

Исследования в приустьевой части р. Черная Калитва показывают, что в салтово-маяцкое время эти места были довольно плотно заселены, материальная культура салтово-маяцкого населения в данном микрорегионе ничем не выделялась на общем фоне от культурных вариантов. Но, в то же время, не было выявлено специфических черт, позволивших бы судить о преобладании какого-либо из вариантов. Это вряд ли будет возможным без широких археологических исследований, в необходимости и актуальности которых мы могли убедиться в ходе разведочных работ.

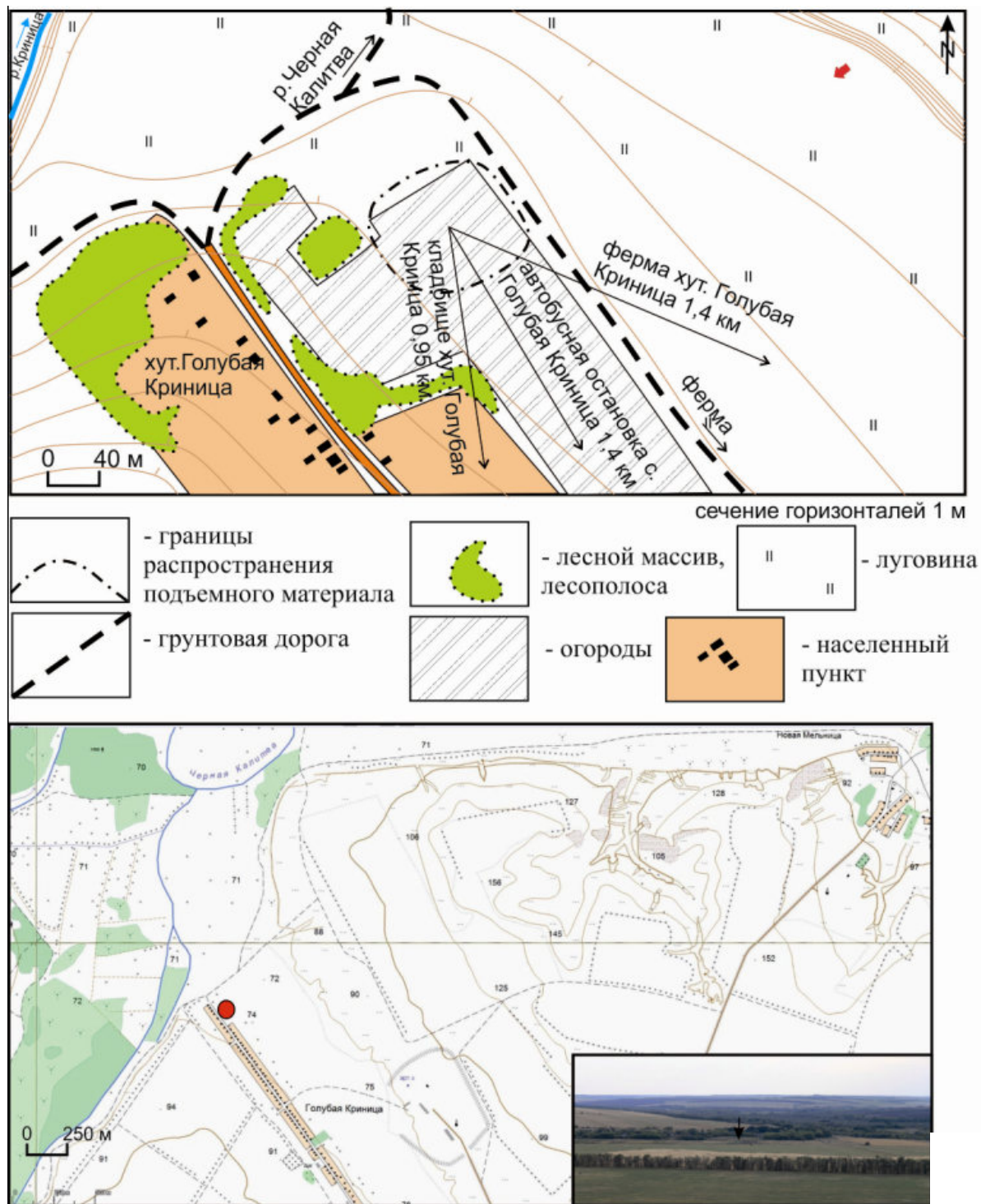

Рис. 1. Карта расположения и план поселения 2 у хут. Голубая Криница

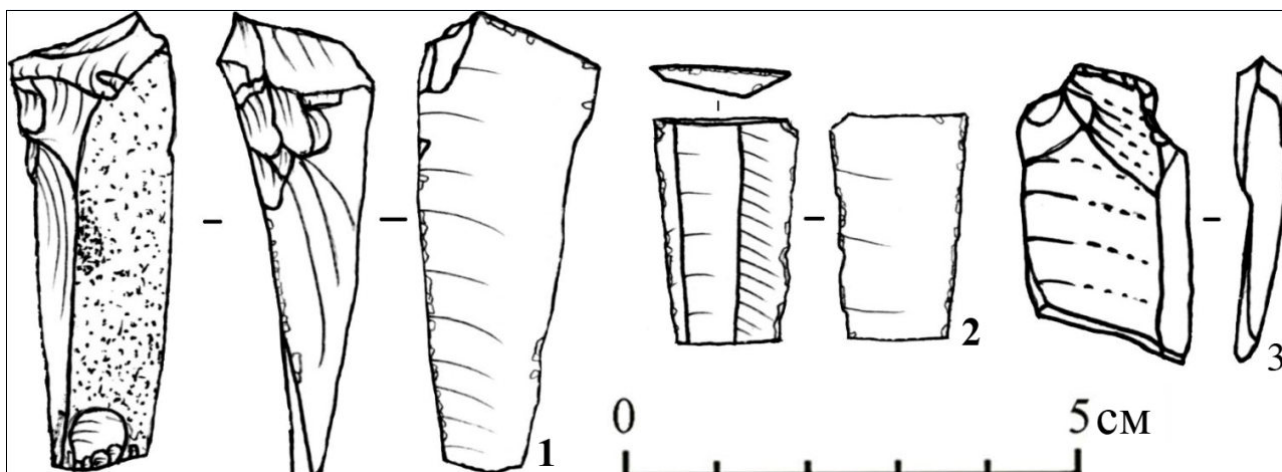

Рис. 2. Изделия из камня со сборов на поселении 2 у хут. Голубая Криница

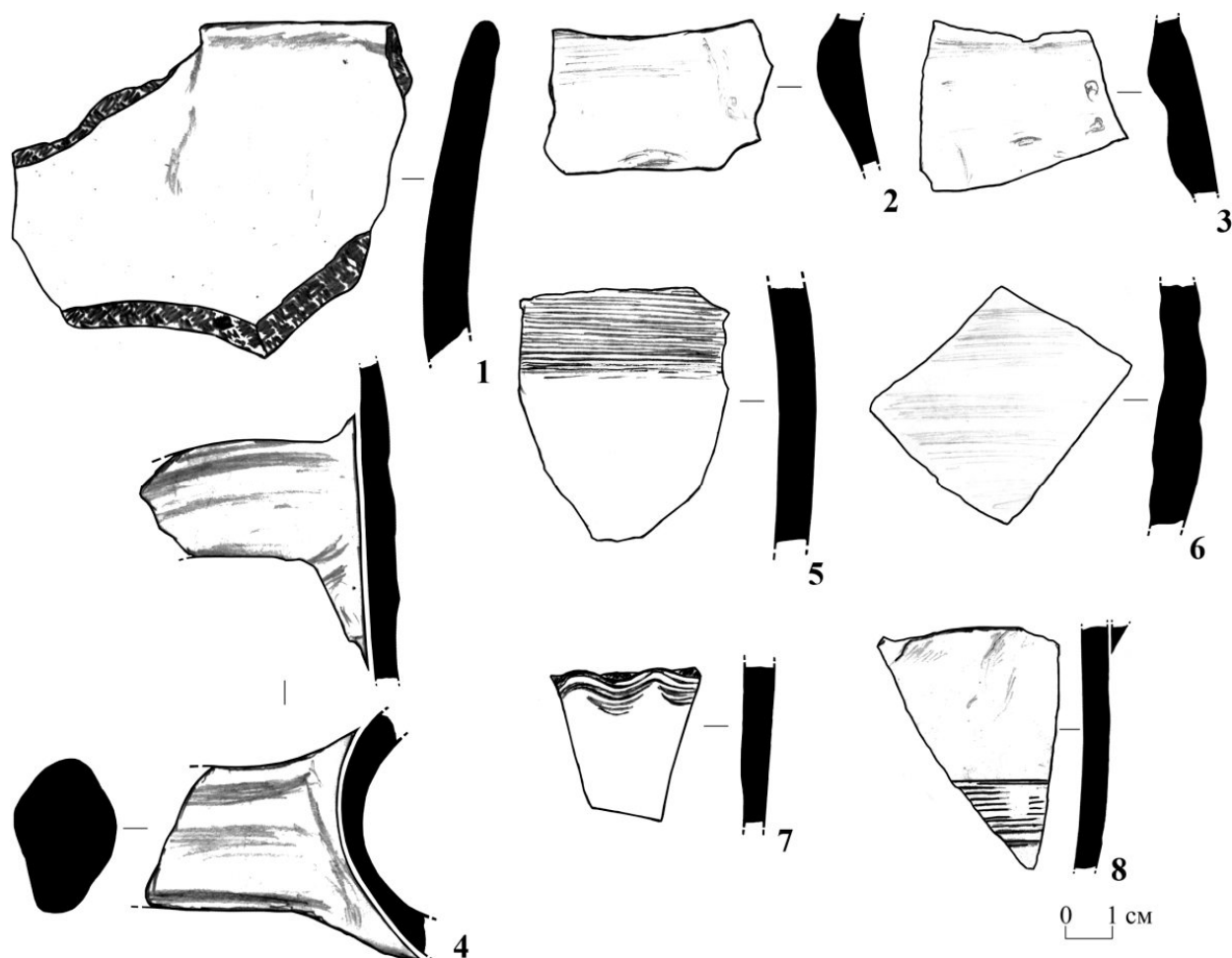

Рис. 3. Амфорная керамика со сборов на поселении 2 у хут. Голубая Криница

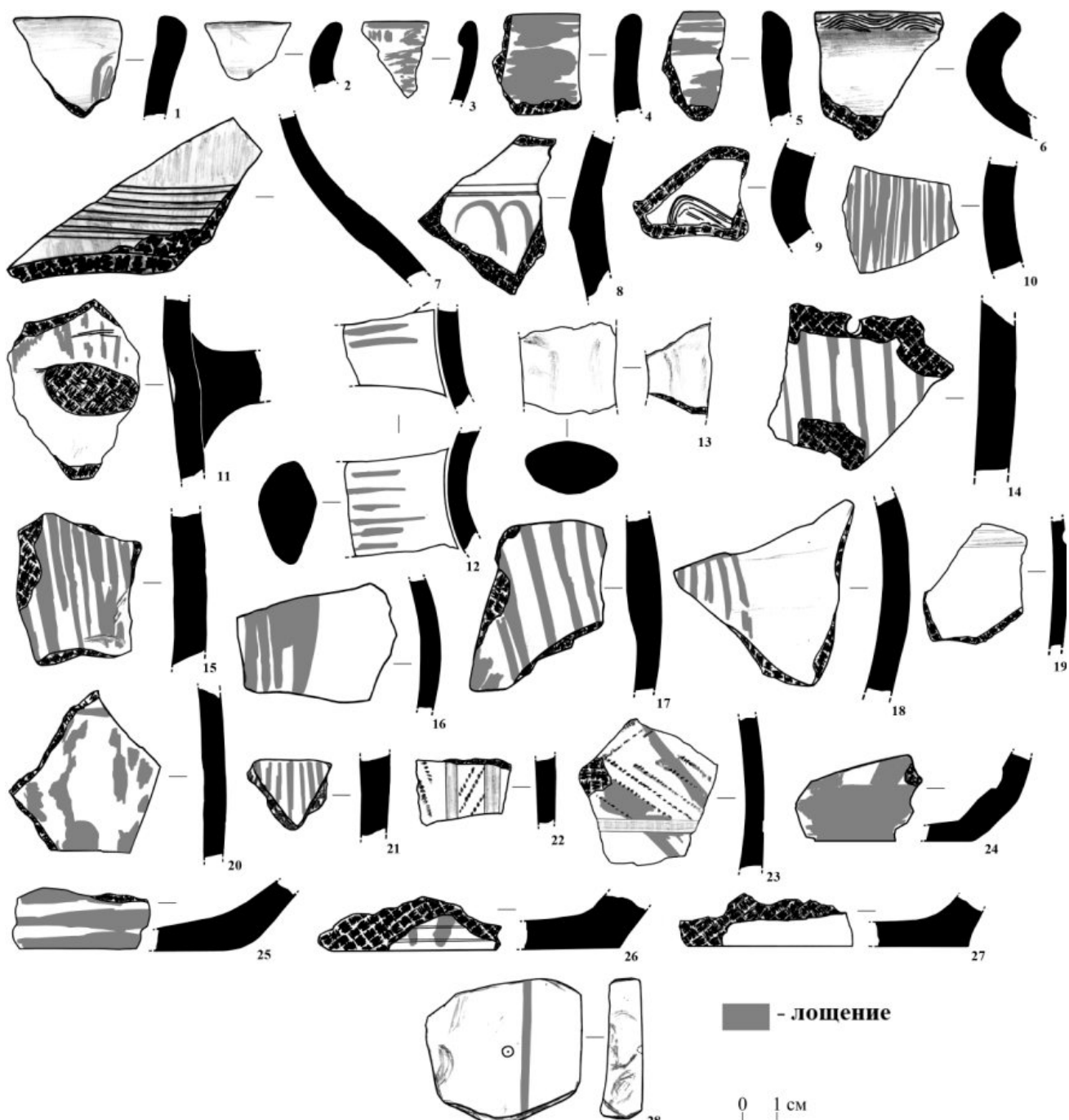

Рис. 4. Фрагменты столовой посуды и технической керамики со сборов на поселении 2 у хут. Голубая Криница

Рис. 5. Фрагменты кухонной посуды со сборов на поселении 2 у хут. Голубая Криница

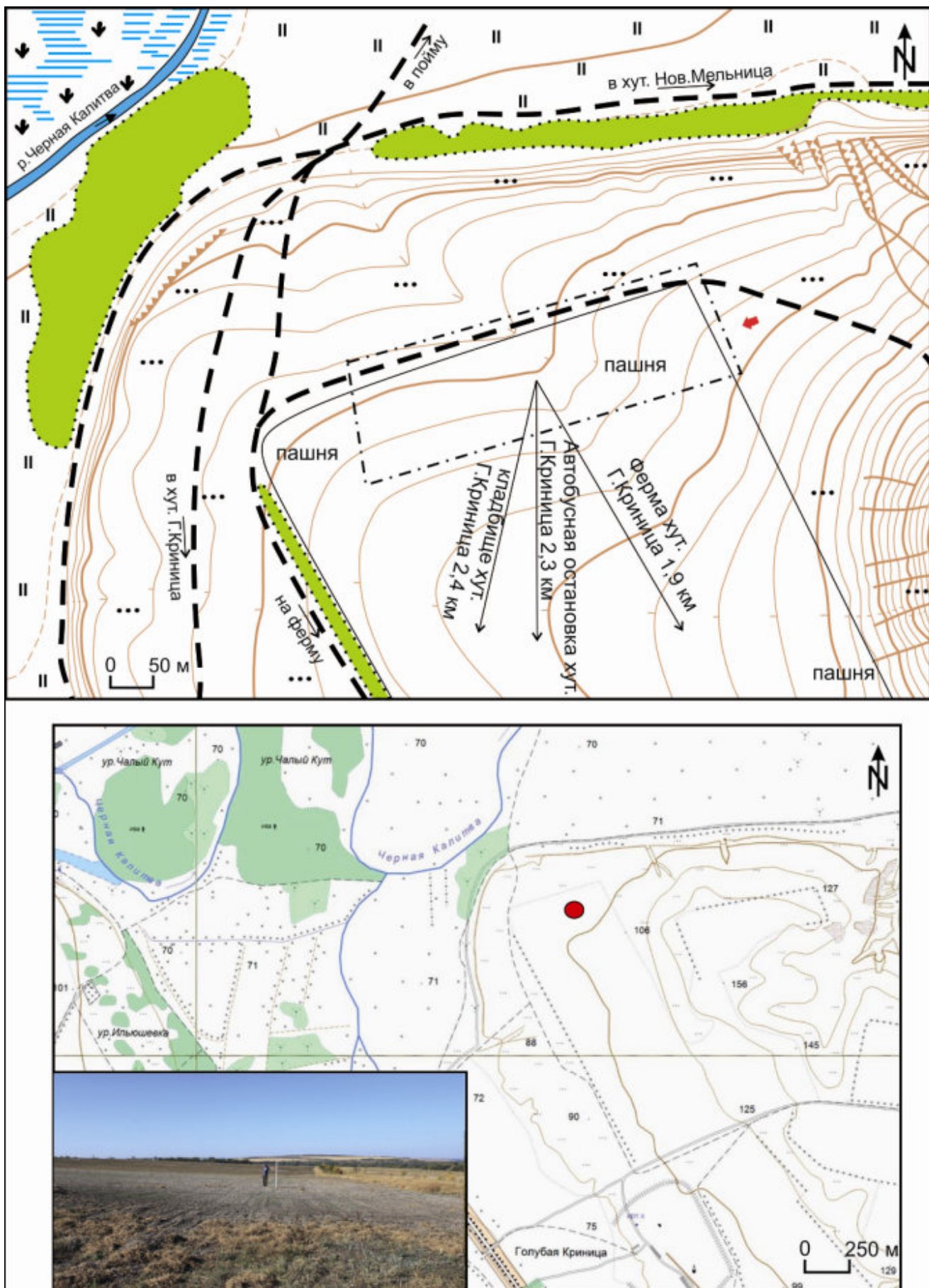

Рис. 6. Карта расположения и план поселения 3 у хут. Голубая Криница

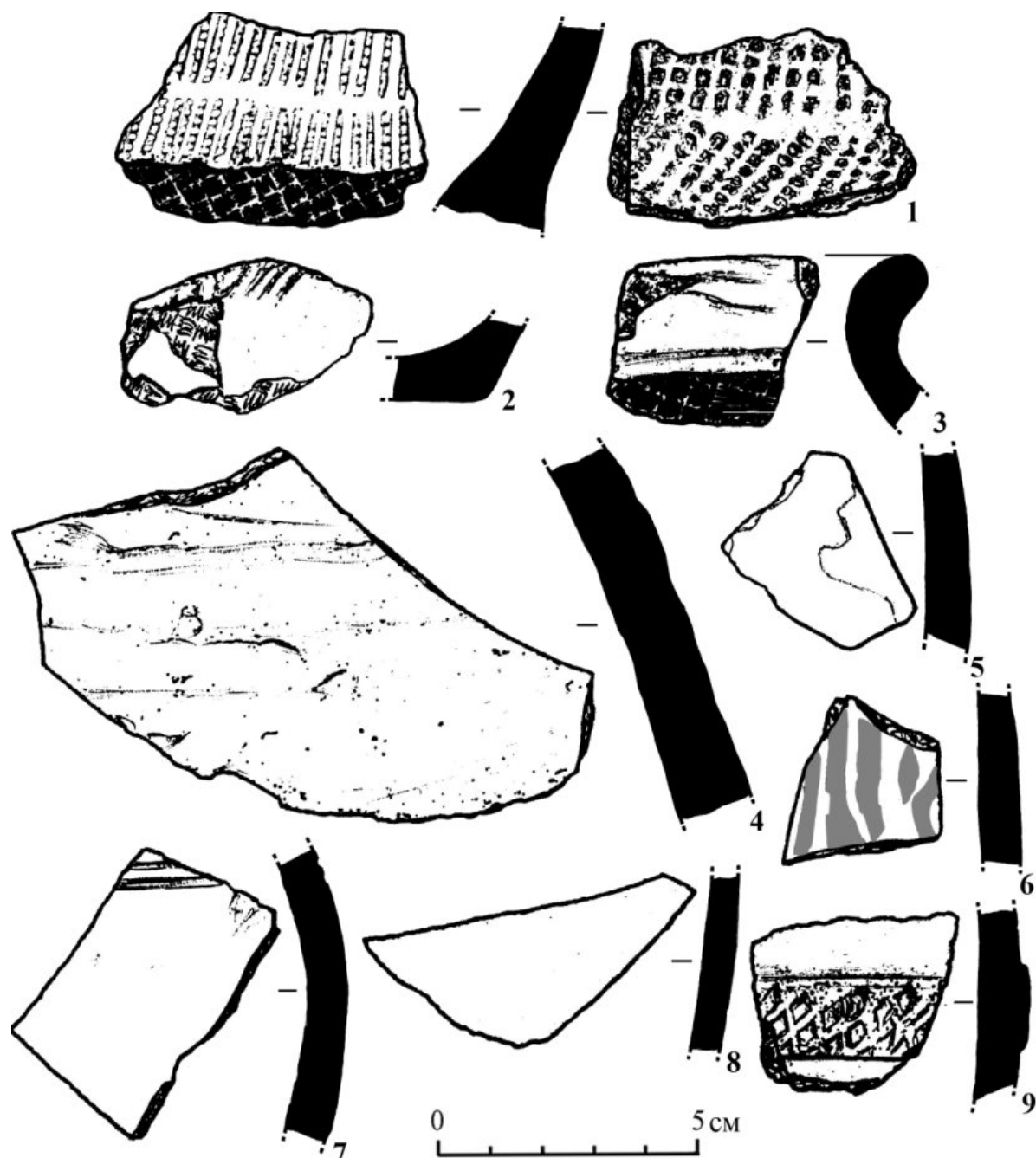

Рис. 7. Фрагменты керамической посуды со сборов
на поселении 3 у хут. Голубая Криница

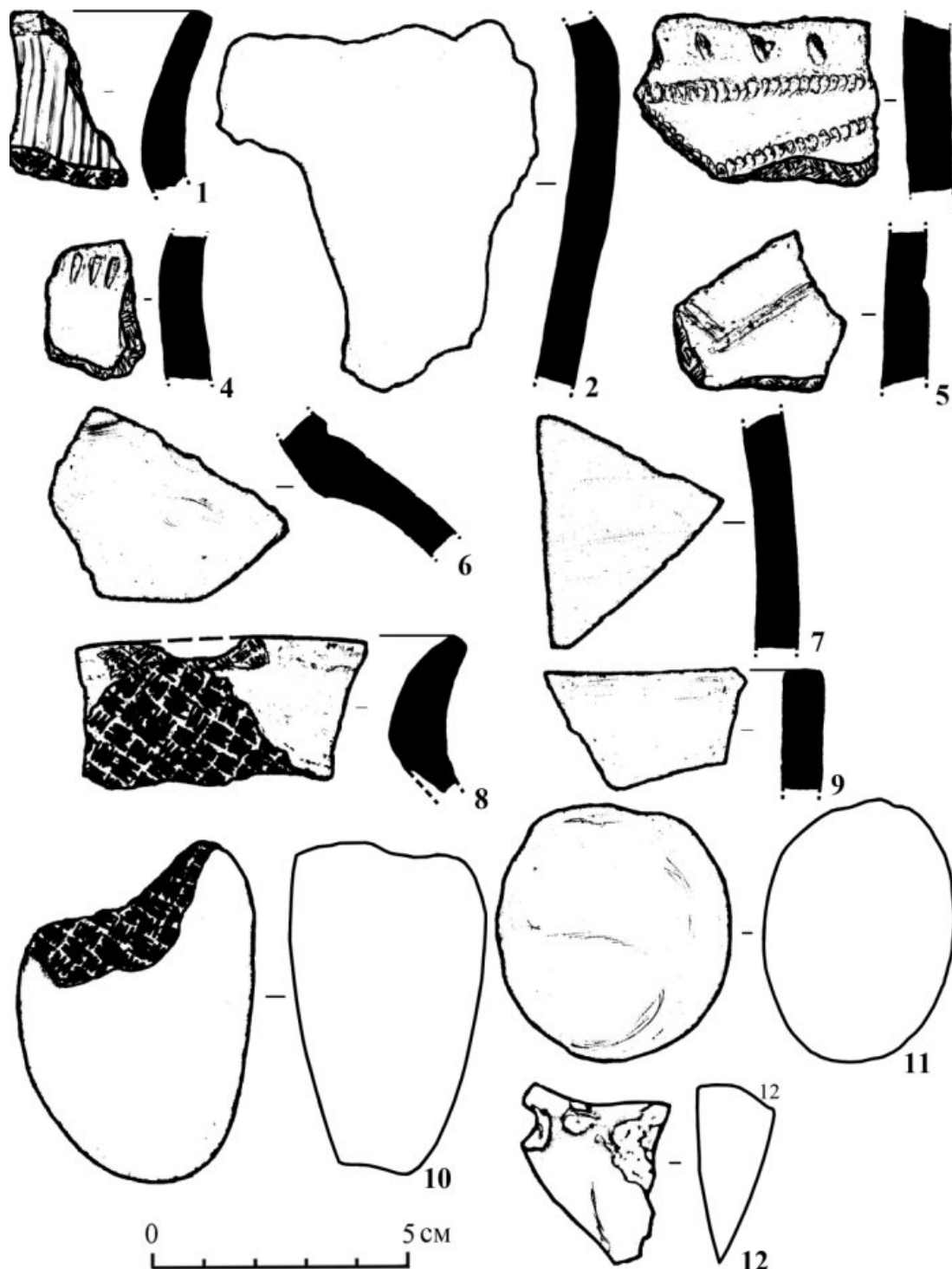

Рис. 9. Керамическая посуда и изделия из камня со сборов на поселении 3 у хут. Новая Мельница

Список сокращений, принятых в статье

АОН – Археологические открытия на новостройках.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

Список литературы

1. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X веках (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // АОН. Вып. 2. М., 1987.
2. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Воронеж, 1998.
3. Долина Дона: природа и ландшафты. Воронеж, 1982.

4. Ефимов К.Ю. Комплекс памятников салтово-маяцкой культуры у хутора Лощина Россосанского района Воронежской области // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13-16 ноября 2006 года). Липецк, 2006. С. 290-292.
5. Красильников К.І. Кухонна кераміка та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя // Vita Antiqua. № 2. 1999. С. 170-177.
6. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура // МИА. № 142. М., 1967.
7. Скоробогатов А.М. Отчет о проведении археологической разведки в бассейнах рек Черная Калитва и Богучарка в Воронежской области в 2014 г. / Архив ИА РАН.
8. Скоробогатов А.М. Отчет о проведении археологической разведки в бассейнах рек Черная Калитва и Богучарка в Воронежской области в 2015 г. / Архив ИА РАН.
9. Шрамко Б.А. Кераміка салтівської культури // Учені записки. – Харків, 1959. Т. С. Труды історичного факультету ХДУ ім. О.М. Горького. Т. 7.
10. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

УДК 902.1

В.С. Флёров

Семикаракорская крепость хазарского каганата

Аннотация. В статье даны общие сведения о крепости Семикаракорская (Нижний Дон) – самой большой кирпичной крепости Хазарского каганата. Общая площадь – 42 500 м². Построена из сырцового кирпича по принципу «квадрат в квадрате». Внутренний квадрат – цитадель с постройками из обожженного кирпича. Особенность крепости и её цитадели: ни один угол не является прямым. На восточной крепостной стене донжон. Предполагаемая дата крепости – кон. VIII – нач. IX вв.

Ключевые слова: Хазарский каганат, Нижний Дон, салтово-маяцкая культура, фортификация.

Abstract. The article provides general information about the fortress Semikarakorskaya (Lower Don) – the largest brick fortress of the Khazarian kaganate. The total area is about 42 500 m². It is built of mud brick on the principle of "square in square". Its inner square is the citadel with buildings made of burnt bricks. The peculiarity of the fortress and its citadel are: no the angle is not straight. There is a donjon on the Eastern wall. The estimated date of the fortress: the end of the VIII – early IX centuries.

Keywords: Khazarian Kaganate, Lower Don, Saltovo-Mayatsky culture, fortification

Семикаракорская крепость, крупнейшая в бассейне Дона среди кирпичных крепостей Хазарского каганата, была известна по кратким упоминаниям и описаниям от начала XIX в. Возможны и ещё не найденные более ранние сведения. Первые раскопки Семикаракорского городища 1971-1974 гг. отражены в обзорной статье, некоторые положения которой уже требуют уточнения (Флёров, 2001).

Городище находится в Семикаракорском районе Ростовской обл., в четырех с лишним километрах к западу от г. Семикаракорска (ранее станица Семикаракорская), в 115 км к востоку от г. Ростова-на-Дону, на левобережье нижнего течения р. Дон при впадении в него левого притока – р. Сал (илл. 1). До 1917 г. это территория Первого Донского округа Области Войска Донского. Природная среда – степи юга европейской части России. Сал – извилистая речка шириною до 20 м, иногда больше или меньше. В своих низовьях глубокая с быстрым течением, постоянно меняющая русло из-за подмывания берегов. В районе городища берега Сала крутые, до трёх метров в высоту.

Городище, на что обращаю внимание, расположено *не* при непосредственном соединении Сала с Доном, а в трех километрах выше по течению Сала. Это обстоятельство показывает, что Семикаракорская крепость не предназначалась для прямого наблюдения за руслом Дона. В этом не было особой необходимости, т.к. какое либо постоянное судоходство по его руслу в конце VIII – начале IX вв. неизвестно. Топография городища наводит на мысль, что Семикаракорскую крепость постарались удалить от Дона, сделать как можно менее заметной и с затрудненным доступом к ней, используя для этого природные условия. Надо иметь в виду, что левобережье Дона – это ровная степь, в которой обзор местности для пешего или конного ограничен несколькими километрами. Другое дело, что левобережье просматривалось на расстояние не менее 20-ти километров с высокого правого берега Дона. С него действительно Семикаракорскую крепость можно было обнаружить.

Выбор конкретного места для крепости был определён следующими обстоятельствами. Во-первых, для ее строительства выбран плоский низкий холм в пойме Дона, вытянутый вдоль *правого берега* Сала примерно на 800 м при ширине в 500 м. Во-вторых, что особенно важно, сам холм лежал внутри почти замкнутой петли русла Сала, охватившей территорию примерно 4 x 1 км. В сухое время года петля была первым естественным рубежом обороны при подходе к городищу (илл. 2: 1). При разливах Дона всё пространство его поймы, включая низовья Сала, уходило под воду. Не затопленным оставался только холм, превращаясь на некоторое время в остров. Стоявшая на нём крепость становилась труднодоступной для потенциального врага. После спада половодья, окружавшее крепость пространство оставалось ещё некоторое время малопроходимым, заболоченным.

В таком положении, *на правом берегу* Сала, городище оставалось до конца второго десятилетия XX в., когда Сал прорвал узкий перешеек в петле, тем самым спрямив здесь своё русло. Городище оказалось на его *левом* берегу. Русло бывшей петли Сала превратилось в петлеобразную мелководную протоку, восточная часть которой стала называться Салок, западная – Сусат (илл. 2: 2). В будущем протоки пересохнут окончательно.

Итак, в настоящее время городище лежит на левобережье Сала. Современное расположение городища относительно рек не соответствует хазарскому времени. Ранее информации об изменении русла Сала я не имел (ср.: Флёров, 2001, с. 56).

В целом же, расположение Семикаракорской крепости сходно с расположением более поздней крепости Саркел. Обе на донском левобережье, в пойме; доступ к ним прикрывают русла, в первом случае это Сал, во втором старица Дона.

* * *

План Семикаракорского городища прослеживается на поверхности и местами уточнен раскопками (илл. 3). Основное оборонительное сооружение – собственно крепость (внешняя линия оборонительных стен), внутри которой располагалась цитадель. Контуры обоих фортификационных сооружений близки, но не более, к квадрату. Возможно, они такими и задумывались, но в итоге получились неправильные четырёхугольники с разными по длине стенами и разной величиной углов между ними.

От стен крепости и цитадели сегодня видны только «валы» до 15-16 м в ширину и до 1 м в высоту. Внутри «валов» сохранялось до двенадцати слоев кладки стен из сырцовых кирпичей. Подчеркну, перед стенами крепости не было рвов. Не окружали они и цитадель.

Крепость (внешняя оборонительная линия) (илл. 4), несомненно, задумывалась как прямоугольная, но этому помешало то, что уже в ходе строительства выявилось неучтённое обстоятельство. Притом, что под крепость выбрана совершенно ровная площадка, южный конец восточной стены и весь юго-восточный угол пришелся на значительный пологий склон (до 5-10°), по которому сырцовая безфундаментная стена начала бы сползать в юго-восточном направлении. Для выхода из такого затруднения имелись два варианта. Либо основание угла сделать ступенчатым, что требовало бы больших земляных работ. Либо срезать угол крепости – этот рациональный вариант и был воплощен. На точке поворота стены возведена грандиозная *башия-донжон*, развалины которой сегодня выглядят как высокий удлиненный «курган». Сегодня его высота около 3-х м.

Если, определять общую планировавшуюся длину восточной стены крепости, то по прямой это было бы не менее 210 м. Реально же она состоит из двух отрезков: северный – примерно 135 м, южный – примерно 83 м, который можно называть и юго-восточной стеною.

Естественно возникает вопрос, почему же крепость изначально не разместили на несколько десятков метров севернее, что позволило бы юго-восточному углу располагаться на горизонтальном месте? Ответ видится в том, что севернее будущей крепости уже находилось кольцеобразное сооружение (см. ниже). Таким образом, мы получаем возможность установить, что сначала возникло кольцеобразное сооружение с ещё не выясненным назначением, а позже и сама крепость.

Дальнейшее описание предваряю следующими замечаниями *о длине стен и размерах углов крепости и цитадели*.

Кроме северо-восточного угла крепости ни один другой не раскопан. В итоге мы не имеем опорных точек для расчета длины буквально *всех* стен, т.к. точки углов определены с допусками, величину которых трудно установить. Оба этих обстоятельства надо постоянно иметь в виду. При реконструкции плана крепости и ее цитадели направления стен стали в значительной мере известны по результатам раскопок (кроме совсем неисследованных южной и западной крепостных стен). Стены могли быть не прямолинейными. Вскрытые отрезки не превышали в длину 4-8 м; лишь на северной стене раскопано 12 м. Но даже при этом гарантировать абсолютную точность направления стен нельзя. Ошибка может быть значительной и достигать 1° и даже 2°.

Примерные размеры углов крепости: северо-восточный 85°; северо-западный 103°; юго-западный 84°; проектировавшийся, но затем срезанный, юго-восточный 88°.

Неравенство углов привело к тому, что все стены оказались разной длины. Северная 205 м, западная 190 м. Если бы не был срезан юго-восточный угол, то южная достигла бы 232 м, а восточная 210 м.

Всё сказанное по метрическим характеристикам Семикаракорской крепости явится существенным препятствием для «точного» соотнесения длины стен с римскими или византийскими футами, с любыми другими единицами измерений. В ряде своих работ Г.Е. Афанасьев безоговорочно утверждает, что длина стен крепостей Хазарского каганата строго соотносима с византийскими футами. Наиболее детально его позиция изложена на примере Маяцкой крепости, план которой он восстанавливает как «равностороннюю трапецию» с длинной трех стен ровно по 300 м, а четвертой – ровно 400 м (Афанасьев, 2012, с. 44). Г.Е. Афанасьев ввел читателей в заблуждение: восстановить длину стен и план Маяцкой крепости без дополнительных раскопок невозможно, как и крепостей Колтуновская и Красная (подробнее о статье Афанасьева см. в: Флёров, 2015а).

Контуры и размеры *донжона* на илл. 4 также предположительны. Судя по очертаниям насыпи, он не был прямоугольным.

Почему же на ровной площадке воздвигнута крепость не квадратная или прямоугольная, а со столь неправильными очертаниями? Неправильные контуры имела и башня на северной крепостной стене, разделившая её на два отрезка разной длины с несовпадающими на 2,5° направлениями. Только один угол крепости, северо-восточный приближается к 90° (Флёров, 2014, с. 235, 236). Невольно приходишь к заключению, что хазарские строители не придавали никакого значения таким «мелочам» как прямые углы, да и в целом точному проектированию с последующим столь же точным перенесением проекта на местность. Если идти от обратного, т.е. от построенной крепости к попытке реконструировать проектирование, то возникает много вопросов о его уровне. Основной из них: создавался ли вообще надёжно выверенный на местности проект крепости, или, как бы сказали сегодня, проектная документация? Вычерчивался ли он на каком-либо носителе? Здесь уместно напомнить, что и сама кладка стен велась очень небрежно¹ (о технологии кладки см.: Флёров, 2015б).

По своему плану Семикаракорская крепость напоминает раннюю Плиску периода I.2, датируемого до 811 г., как ее земляное внешнее, так и внутреннее деревянное укрепление. Так же разноразличны длина стен и углы между ними (Рашев, 2008, с. 463, табл. XI). Дело не в подражании, а в том, что и на Дунае, и на Дону до начала IX в. проектирование и разметка крепостей на местности велись довольно примитивно. Но прототип фортификации по принципу вписанных четырехугольников мог быть общий. Этот вопрос требует детального изучения.

Цитадель располагалась внутри крепости эксцентрично, будучи смещенной в северо-восточном направлении. В результате от северной крепостной стены её отделяло 35 м, а от восточной менее 20-ти метров. Смещение цитадели имеет объяснение: почти вся западная половина крепости оказывалась свободной для возведения построек из обожжённого кирпича с покрытием черепицей (Моисеев, 2016). Непосредственно западнее цитадели и сегодня просматривается незначительное возвышение рельефа, под которым скрываются кирпичные развалины. Юго-западный сектор крепости, кажется, был свободен, во всяком случае, от монументальных построек. Что касается большого пространства южнее цитадели, то судить о его назначении без раскопок не представляется возможным. Зато благодаря траншею 1971 г. определено, что между северными стенами крепости и цитадели не было никакой застройки. Думаю, таким же свободным оставался узкий «коридор» между восточной стеной цитадели и восточной крепостной.

Цитадель имела более четкий план, нежели крепость, её очертания заметно ближе к квадрату. Объяснение допустимо видеть в её небольших размерах, облегчавших строителям «геодезические» работы. Тем не менее, одинаковыми по длине получились только противолежащие восточная и западная стены – по 85 м. Северная составила 92 м, южная 88 м. Углы: северо-восточный 83°, юго-восточный 98°,

¹ В ходе раскопок Маяцкой крепости С.А.Плетнёва назвала работу её строителей «*халтура*». Термин не из научной лексики, но очень точно характеризующий всё строительное дело в Хазарском каганате. Совсем по иному, нежели Семикаракорская, Маяцкая и прочие кирпичные и каменные крепости бассейна Дона, выглядел прямоугольный Саркел, а также крепость Хумара на р. Кубань. Они построены при участии византийских специалистов, хотя письменных сведений об участии византийцев в строительстве крепости Хумара или других на Северном Кавказе нет. *Очередным домыслом Г.Е. Афанасьева является утверждение об укреплении аланских крепостей на перевальных путях в Закавказье под руководством протоспафария Ивана* (Афанасьев, Красильников, 2012, с. 209). Ссылка Афанасьева и его соавтора на тезисы С.Н. Малахова никак не обосновывает данное утверждение. О протоспафарии Иванисе см.: Сорочан, Флёров, 2015; Виноградов, 2013.

юго-западный 85°, северо-западный 94°. Складывается впечатление, что главную проблему для строителей представляла разметка углов на местности. Неумение точно построить прямой угол и приводило к перекосам в конфигурации внешнего и внутреннего укреплений. Строители крепости явно не имели даже простейших инструментов типа диоптра (греч. δι-όπτρα). Результатов его применения в плане Семикаракорской крепости не видно. Кстати, это один из аргументов против тезиса о непосредственном участии византийцев с агримензорами или минсураторами в строительстве хазарских крепостей, который отстаивает Г.Е. Афанасьев (Афанасьев, Красильников, 2012, с. 209; Афанасьев, 2012, с. 43).

Площадь крепости составляла примерно 42 500 м², из которых на *цитадель* приходилось около 7 600 м². По площади Семикаракорская крепость превосходила Саркел и ряд других крепостей Хазарского каганата (илл. 5).

Башни. Рельеф на месте углов крепости и цитадели указывает на отсутствие угловых башен. Башни вдоль стен крепости и цитадели ни А.А. Миллер, ни С.А. Плетнёва не упоминают. Это наблюдение подтвердилось раскопками на северо-восточном углу крепости, где башни действительно не оказалось. Другие углы не раскапывались. При внешнем осмотре не видны следы башен вдоль куртин стен. Единственное исключение, – т.н. башня на северной крепостной стене, фортификационное назначение которой остаётся под вопросом. В ней располагались горны для плавки железа (Флёров, 2014).

Особое место во внешней линии обороны занимает предполагаемый *донжон*, встроенный в восточную крепостную стену. В прочих салтово-маяцких белокаменных и кирпичных крепостях бассейна Дона донжоны не известны или ещё не обнаружены. Почти наверняка донжона не было в Маяцкой крепости. Иная ситуация в Саркеле, где М.И. Артамонов довольно убедительно предположил место донжона внутри цитадели, здание II (Артамонов, 1958, с. 20). Х.Х. Биджиев предполагал донжон в цитадели крепости Хумара (Биджиев, 1983, с. 20), но не исследовал его.

Ворота. Их местоположение не удаётся определить без раскопок. Некоторую помощь, но только на уровне предположений, могут дать описания А.А. Миллера и сравнение очень отличающихся планов, выполненных в разное время. Это глазомерные план А.А. Миллера 1926 г. и план С.А. Плетнёвой 1965 г., а также мой инструментальный от 1972 г. (позднее уточнявшийся). Любопытно, что от инструментального плана 1972 г. более отличается план Плетнёвой, сделанный почти на 40 лет позднее плана Миллера.

По Миллеру «проходы» (ворота) в наружную ограду имеются с северной стороны, а также с восточной около «кургана» (донжона) (Миллер, 1929, с. 103-105). Оба обозначены на его плане (илл. 5: 1), но их нет на плане Плетнёвой. Западная и южная стены крепости по Миллеру проходов не имели. При этом на южной стене на плане Миллера обозначено небольшое расширение, а на схеме Плетнёвой на этом же месте разрыв в стене. Как расширение это же место зафиксировано на плане 1972 г.

На всех трёх планах обращают на себя внимание расширения на южных стенах крепости и цитадели. В них я предполагаю следы ворот (на илл. 4 помечены знаками «?»). Расширение на южной стене цитадели также может указывать на них. Вопрос о воротах заключается не только в их поиске, но и в установлении конструкции. Были ли они столь же примитивны, как в Маяцкой крепости (сквозной проём в стене) или укрепленными башнями, как речные ворота в Правобережной Цимлянской, главные и речные ворота в Саркеле.

Сооружения в форме кольца за северной стеной крепости (илл. 3, 4). Их контуры просматриваются в виде валов высотой в пределах 0,5-1,0 м при ширине до 15 м. Сооружения можно рассматривать как парные, хотя их очертания и удалённость от крепостной стены различны.

Восточное «кольцо» находится примерно в 35-40 м от крепости. Его диаметр по внешнему контуру примерно 75-80 м, но точному определению не поддаётся. Вокруг вала проходит ров шириной около 10 м при глубине 0,5 м. На плане С.А. Плетнёвой «кольцо» соединено с крепостью двумя «стенами» (илл. 5: 2). На плане А.А. Миллера 1926 г. кольцообразный вал ничем с крепостью не связан (илл. 5: 1). Не увидел и я «стен» Плетнёвой; не отразились они и на инструментальной съёмке 1972 г.

Ещё менее понятно западное «кольцо», более похожее на подкову. Оно заметно ближе к крепости, чем восточное, примерно в 15-20 м. Трудно определить его размеры. Ориентировочно, с севера на юг 50 м, с запада на восток 70 м по внешнему контуру. Совсем не просматриваются концы «подковы», обращенные к северной стене крепости. Осторожный А.А. Миллер, в отличие от С.А. Плетнёвой, не соединил их с крепостью. Стоит обратить внимание и на то, что на крепостном «валу» против «подковы» Миллер наметил «проход», которого нет на плане Плетнёвой. Подчеркну: подобные кольцообразные конструкции рядом с крепостью на других городищах Хазарского каганата неизвестны.

Территория холма к северу от городища и кольцообразных валов протяженностью до 500 м покрыта слабовыраженными в рельефе низкими буграми и впадинками. Выявить на ней очертания каких-либо сооружений сегодня трудно. Тем не менее, одно сооружение удалось заметить на косми-

ческих снимках. С большим трудом я нашел его на расстоянии около 140 м от северной стены крепости. Его размеры ориентировочно 50 (ВЗ) × 30 (СЮ) м (илл. 3). Судя по сведениям XIX в., где-то рядом было ещё два четырёхугольника значительных размеров.

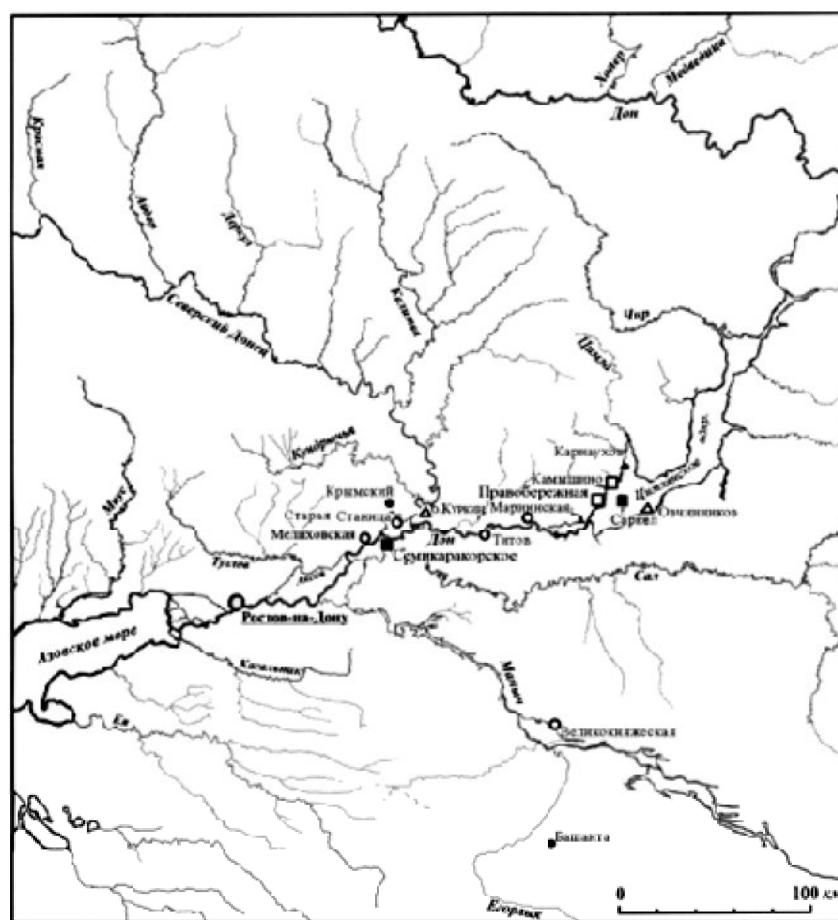
Территория холма к северу и западу от городища остаётся неисследованной, но, несомненно, она не пустовала, учитывая, что во время половодий холм превращался в остров. Первоначально здесь обособились непосредственные строители крепости с семьями. Затем на этой громадной площади размещались постоянные обитатели и принадлежавший им скот, а при необходимости население соседних поселений, приходившее под защиту крепости. Но территорию холма не следует характеризовать как пригород или посад, т.к. сама крепость «Семикаракоры» не была городом (Флёров, 2011, с. 42-45).

Обязанностью населения, жившего у стен крепости, в первую очередь было несение постоянной гарнизонной службы при совмещении её с обычной для всего населения каганата хозяйственной деятельностью. Большая площадь холма позволяла разместить не только жилища и скот, но и поля, огороды, плодовые деревья.

Раскопки на городище велись четыре полевых сезона по одному-полтора месяца. Всего за четыре полевых сезона на Семикаракорском городище вскрыто 1112 м², что составляет всего 2,5-2,6% его территории. По сравнению с размерами городища исследованная площадь невелика, но она дала возможность понять основное в фортификации и использовании внутреннего пространства крепости. Кроме того, важным итогом было установление прекрасной сохранности археологического памятника.

Нерешенной остается вопрос происхождения плана крепости построенной по принципу «квадрат в квадрате». Прямых аналогов среди крепостей Хазарского каганата план Семикаракорской крепости не имеет. Одно из возможных направлений поисков прототипов плана Семикаракорской крепости – Казахстан, а также Хорезм и другие территории Средней Азии. (Флёров, 2015в, с. 336-337).

Добавлю особо: *в решении археологических проблем в принципе не должно быть спешки*. В данном случае это относится к проблемам Семикаракорской крепости, включая происхождение её плана.

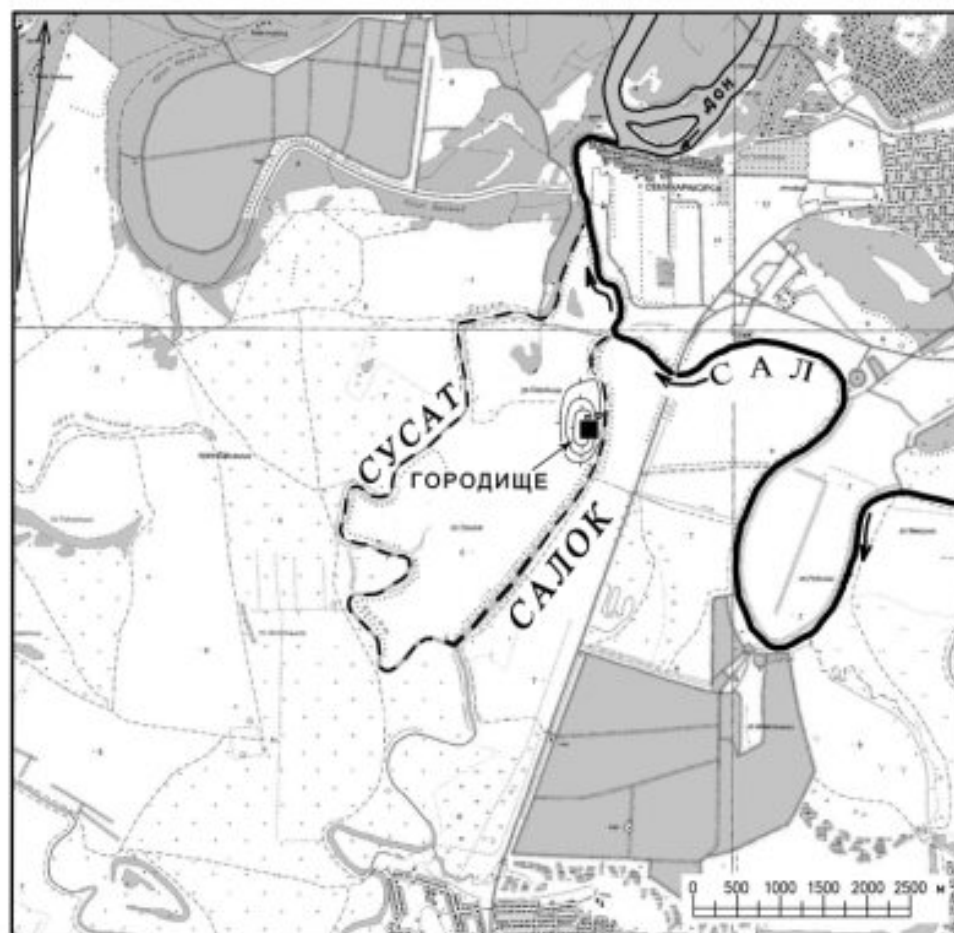
Крепости Хазарского каганата:

- - кирпичные
- - белокаменные

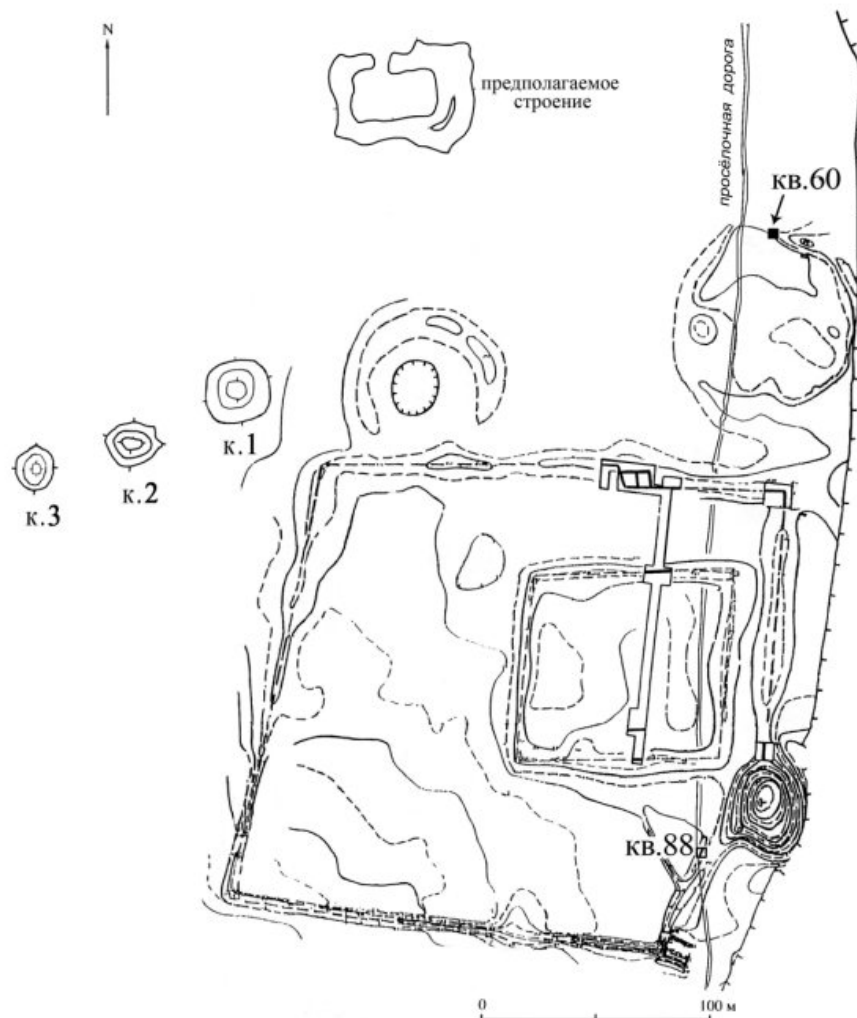
Хазарские кирпичи в поселениях:

- - VIII - X вв.
- ▲ - XI - XIV вв.
- - XV - XIX вв. (казаки)

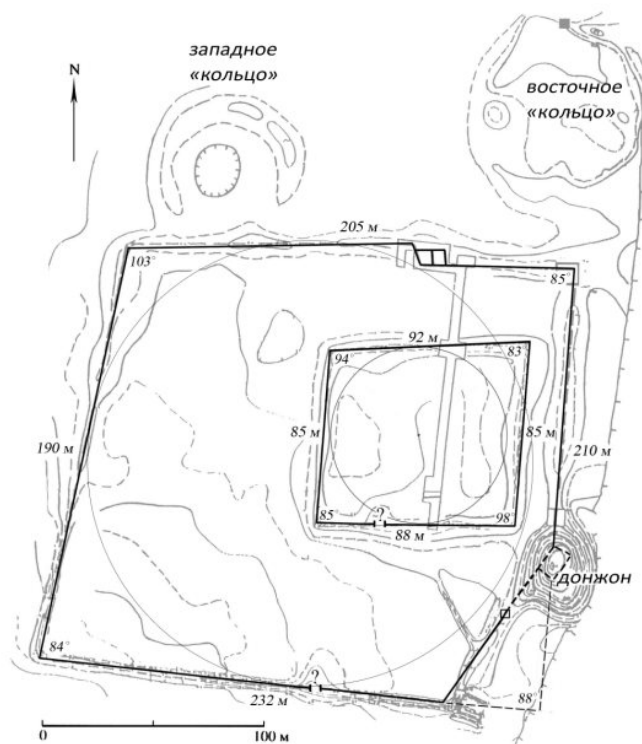
Илл. 1. Крепости Нижнего Дона и местонахождения кирпичей хазарского времени

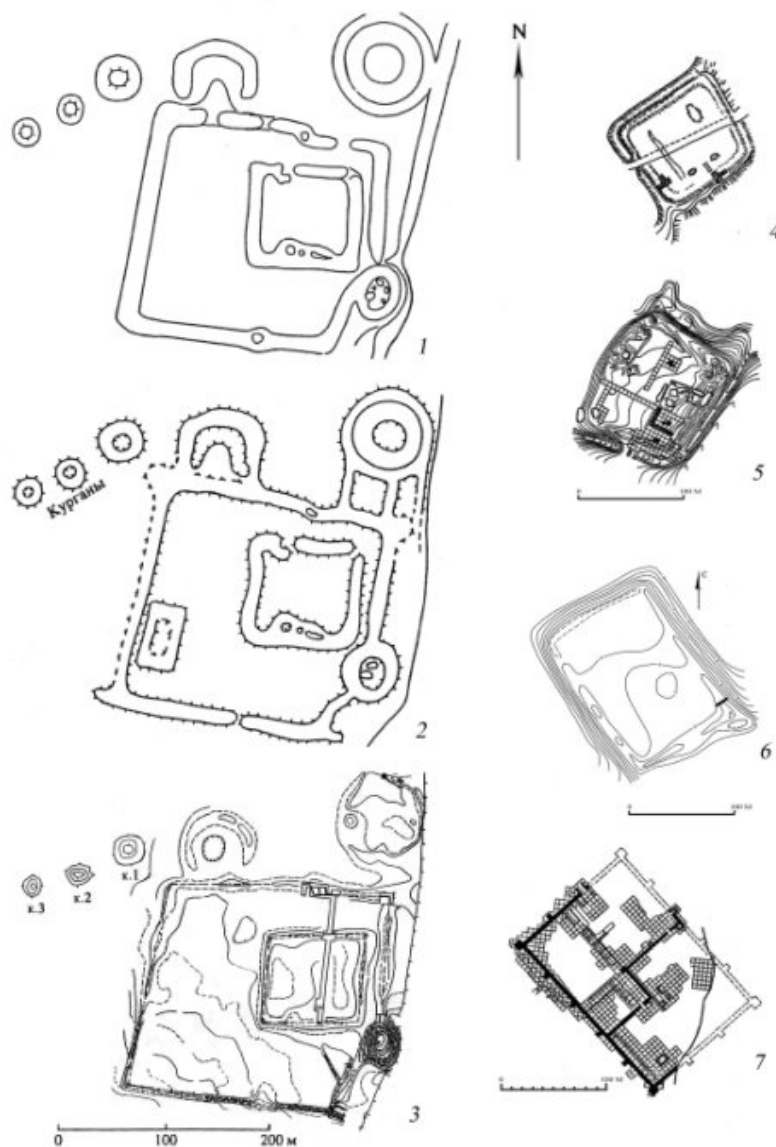
Илл. 2. Семикаракорское городище и русло р. Сал на картах XIX в. и современной

Илл. 3. Семикаракорское городище (план 1972 г. с поздними дополнениями)

Илл. 4. Семикаракорская крепость с элементами реконструкции

Илл. 5. Семикаракорская (1-3) и другие крепости Хазарского каганата.

1 – план 1926 г. А.А.Миллера; 2 – план 1965 г. А.А.Плетнёвой;
3 – план 1972 г. В.С. Флёрова. 4 – Верхне-Ольшанская, белокаменная; 5 – Маяцкая, белокаменная;
6 – Колтуновская, сырцовый кирпич, камень; 7 – Саркел, обожженный кирпич

Список сокращений, принятых в статье

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград.

ПА – Поволжская археология. Казань.

РА – Российская археология. Москва.

СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград (Санкт-Петербург).

Тр. ВДАЭ – Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Москва.

Список литературы

1. Артамонов М.И. Саркел–Белая Вежа // Тр. ВДАЭ, т. I / МИА № 62. – Москва-Ленинград, 1958.
2. Афанасьев Г.Е. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // ПА. 2012. №2. – Казань, 2012.
3. Афанасьев Г.Е., Красильников К.И. Византийские архитектурные и строительные традиции в фортификации Красного городища // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1.– М., 2012.
4. Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. – Черкесск, 1983.

5. Виноградов А.Ю. Византийская лента протоспафария из Мощевой балки // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы Международной археологической конференции (г.Краснодар, 27-29 мая 2013 г.). – Краснодар, 2013.
6. Миллер А.А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии Истории Материальной Культуры в 1926 и 1927 г. // СГАИМК. II. – Ленинград, 1929.
7. Моисеев Д.А. Технология производства строительной керамики из раскопок Семикаракорского городища (конец VIII – начало IX вв.) // Хазарский альманах. Том 13. – М., 2015.
8. Рашев Р. Българската езическа култура VII – IX век. – София, 2008.
9. Сорочан С.Б., Флёров В.С. Лента из Мощевой Балки: проблема толкования источника // РА. 2015. № 2. – М.
10. Флёров В.С. «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. № 2. 2001. – М.
11. Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – Москва, 2011.
12. Флёров В.С. К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата // КСИА. Вып. 236. – М., 2014.
13. Флёров В.С. Заметки о хазарских кирпичах, блоках и крепостях // Хазарский альманах. Том 13. – М., 2015а.
14. Флёров В.С. Семикаракорская крепость: северо-восточный угол // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 12. Хазарское время. – Донецк (Украина), 2015б.
15. Флёров В.С. Семикаракорская крепость: к происхождению фортификации Хазарского каганата // Бухарский оазис и его соседи в Древности и Средневековье. На основе материалов научных конференций 2010 и 2011 гг. / Труды Гос. Эрмитажа. LXXV. – СПб., 2015в.

УДК 903/904

Е. А. Шинаков, Н. Г. Рябчевский

Памятники I тысячелетия н.э. на территории с. Хотылево

Аннотация. В данной статье рассматривается историография исследования окрестностей и достоверно приводится информация о том, где находятся селища ((поселения)) I тыс. н.э. в районе с. Хотылево, а также рассматривается проблема исследования памятников археологии данного периода. Ко всему этому рассматривается грань между киевской и колочинской археологическими культурами. Так же приводится карта расположения археологических памятников Хотылевского микрорегиона.

Ключевые слова: Среднее Подесенье, горизонт Рахны - Почеп, Киевская культура, Римское время, Хотылево.

Abstract. The paper provides a literature review for the surrounding country, as well as reliable data for the locations of ancient settlements in the first millennium AD in the region of Khotylevo. It also considers the problem of archaeological study of sites from this period. Due attention is given to delimitation of the Kiev and Kolochinsk archaeological cultures. A map of archaeological sites in Khotylevo microregion is included.

Keywords: Middle Desna region, the Rakhny-Pochep Horizon, Kiev archaeological culture, Roman time, Khotylevo.

Район села Хотылево является одним из самых известных и насыщенных памятниками археологии в Среднем Подесенье. Левый берег Десны низкий и пойменный, состоящий из чередующихся песчаных всхолмлений, болотистых западин и стариц. Правый берег наоборот высокий, обрывистый, состоящий только в пределах села из более двух десятков мысов. Эта местность очень красива удобна для проживания в ней человека, так же на это влияет и благоприятная экологическая ситуация. Практически на каждом из мысов правого берега в районе с. Хотылево и на болотистом левом берегу не раз основывались поселения разных эпох, начиная с того, как здесь поселились неандертальцы (Шинаков, 2004, с. 88).

В этой статье мы рассматриваем историографию исследования окрестностей и достоверно даем информацию о том, где находятся селища I тысячелетия н.э. в районе с. Хотылево, а также

рассматриваем проблему исследования памятников археологии данного периода. Ко всему этому мы рассматриваем грань между киевской и колочинской археологическими культурами. Так же приводим карту (карта 1) расположения археологических памятников Хотылевского микрорегиона.

В районе села Хотылево располагается свыше сорока археологических памятников, заполняющих хронологический интервал от древнего палеолита до Позднего Средневековья. Здесь находятся городища раннежелезного века, стоянки эпохи бронзы, древнеславянские и праславянские селища и средневековые городища (Горюнов, 1981, с. 96).

Археологическая история с. Хотылево начинается с того, что известный археолог В. А. Городцов в 1928 г. высказал предположение о возможности находок палеолита на его территории. В 1935 г. Н. И. Лебянов, бежицкий краевед дал в своей статье положительный прогноз о палеолите в районе с. Хотылево (Шинаков, Чубур, Гаврилов, 2009, с. 33). В 1948 г. в ходе разведки по Десне брянский ученый Ф. М. Заверняев обнаружил ископаемые кости и кремь палеолитического облика. Ф. М. Заверняев – археолог-краевед, заслуженный работник культуры России, известный в научных кругах как нашей страны, так и за ее пределами. С его именем связано много археологических открытий и исследований, включая почепскую культуру первых веков н.э., но особенно – исследования комплекса памятников у с. Хотылево Брянского района (Алексеев, 1995, с. 5-6; Поляков, 2008, с. 7-9).

В 1955 г. А. К. Амброз, проводивший разведки в Верхнем Поедесенье, зафиксировал в с. Хотылево несколько селищ и городище Кудеярка, относящихся к раннему железному веку и периоду Древней Руси. После этого Ф. М. Заверняевым и Е. А. Шмидтом в 1958 г. проводятся разведки, а затем с исследуется найденное мустьерское местонахождение Хотылево-1 (Шинаков, Чубур, Гаврилов, 2009, с. 33).

В 1955 г. А. К. Амброзом было обнаружено селище 1, содержащее слои начала и конца I тысячелетия н.э., которое расположено в 1,1 км к ВЮВ от с. Хотылево, на мысу первой надпойменной террасы правого берега Десны и левого берега р. Гасома. Исследования в 1968 и 1971 гг. проводил Ф. М. Заверняев. Им было вскрыто 153 кв. м, зафиксировано два горизонта принадлежавших почепской и роменской культуре (АКР, 1993, с. 38). Таким образом, данное селище 1 в устье Гасомы является первым обнаруженным селищем рассматриваемого периода.

Впервые на пласт памятников данного периода было обращено внимание археолога-слависта П. Н. Третьякова. В 1962 г. член-корр. АН СССР П. Н. Третьяков проводит разведку славянских древностей в Брянском течении Десны. Результатом этого стало открытие десятков новых поселений этого периода, в том числе и в районе Хотылевского микрорегиона (Третьяков, 1974; Архив ИА РАН, Р-1, №2444, с. 74-75).

В районе с. Хотылево П. Н. Третьяковым отмечены сразу три селища, датируемые им же серединой – третьей четвертью I тысячелетия н.э. Одно из них (ныне известное как селище 7 (рис. 1)) находится у северо-западной окраины села, на уступе тыловой части второй надпойменной террасы правобережья Десны, переходящем в коренной берег, на относительных высотах 18-22 м над межевым уровнем реки. Сохранившаяся часть площадки поселения лежит на мысообразном участке между оврагами, прорезающим уступом высокого берега Десны. Во время существования поселения эпохи бронзы западный овражек не существовал и поселение тянулось до устья Кладбищенской балки, об этом говорят находки в разведочных шурфах к западу от вскрытой раскопом площади (Чубур, Гаврилов, Чеплянская, 2002, с. 74). Селище 7 имеет размеры 64 м в длину и 58 м в ширину. В настоящее время селище 7 известно, как верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2, исследуемая с 1993 года Хотылевской археологической экспедицией ИА РАН под руководством К. Н. Гаврилова (Гаврилов, 2008, с. 3). Другое – селище 4, около школы, на высоком обрывистом уступе того же берега, над обнажениями известной мустьерской стоянки Хотылево 1 у подвесного моста. Еще одно селище найдено в 0,5 км ниже парка, на сниженном коренном берегу, заросшем мелколесьем. Так же селище 6 (рис. 2) было обследовано П. Н. Третьяковым в 1962 г. Оно расположено на мысу коренной правобережной террасы р. Десны. Все эти селища относятся к киево-колочинским поселениям.

В 1974 г. селище 2 было обследовано А.С. Смирновым. Оно расположено на мысу правого коренного берега Десны. Предположительно это селище почепской культуры (АКР, 1993, с. 38-39)

Важной вехой исследований стали раскопки поселений в с. Хотылево. В 1969 – 1981 гг. Ф. М. Заверняевым была исследована открытая им верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. При этом над основным объектом исследования им было вскрыто более 600 квадратных метров перекрывающих ее культурных слоев, датированных исследователем бронзовым веком и серединой I тысячелетия н.э. К 1982 г. в районе с. Хотылево было открыто и обследовано 16 памятников разных эпох (АКР, 1993, с. 38-39). Это связано с тем, что раскопки были проведены лишь на 5 поселениях и лишь на селище 1 были найдены слои только I тысячелетия н.э.

В 1993-1996 годах раскопки, проводимые К. Н. Гавриловым и А. А. Чубуром, позволили исследовать еще 200 квадратных метров культурного слоя раннего средневековья. По вещевому материалу этот слой был датирован, как поздний этап киевской культуры.

В 1996 г. работы в окрестностях с. Хотылево начал проводить Е. А. Шинаков (Брянская Древнерусская экспедиция БГУ). Он уделил большое внимание разведкам и раскопкам памятников средневековья. Уже к 2001 г. было обнаружено 20 селищ от эпохи бронзы до позднего средневековья. Однослойным оказалось лишь одно селище 13 (рис. 1) на юго-восточном краю Кладбищенской балки, которое относится к финальному этапу киевской археологической культуры (Чубур, Гаврилов, Чеплянская, 2002, с. 74-84). Примерные размеры селища составляют 100 м в длину и 46 м в ширину. Остальные имеют до 7 стратиграфических горизонтов. На городище 2 обнаружены юхновский и древнерусский слои, а также роменско-волынцевский горизонт.

Кроме того, на территории с. Хотылево находятся киево-колочинские селища 7, 11, 13 (рис. 1), 14 (рис. 3), 20 А (рис. 4), 24 (рис. 5), почепское селище 12 (рис. 6), а также были найдены слои киево-колочинских древностей на селище 9, но к сожалению, оно было уничтожено распашкой (Шинаков, 2004, с. 90-103).

В начале 2000-х гг. в районе палеолитического раскопа I на памятнике Хотылево 2 (селище 7) была вскрыта киевская полуземлянка, давшая интересный, но до сих пор не опубликованный материал. Вторая полуземлянка была частично разрушена, а частично исследована при вскрытии палеолитических слоев.

В 2001 г. было обнаружено и исследовано селище 20 А Брянской древнерусской экспедицией под руководством Е. А. Шинакова. Было вскрыто 100 кв. м. Это самый большой исследованный участок за последнее время. На нем были обнаружены позднесредневековые напластования и жилище XVII в., древнерусский слой, но в основном вскрытый участок был занят киево-колочинским горизонтом.

Еще в 2000-2001 гг. проводилось обследование селища 24, относящегося также к киево-колочинскому периоду. Это селище является наиболее «чистым» в культурном плане по и имеет размеры в длину 134 м и в ширину 56 м. На нем был разбит раскоп площадью 20 кв. м, были обнаружены в основном лепная керамика киево-колочинских древностей и 9 столбовых ям овальной формы.

В 2011-2012 гг. по гранту РГНФ исследования верхнего культурного слоя Хотылево 2 (селище 7) были продолжены Брянской Древнерусской Экспедицией под руководством Е. А. Шинакова. При этом была обнаружена вымостка бракованной керамики киевской культуры (Шинаков, Гурьянов, Грачев, 2012, с. 122-127).

В с. Хотылево в силу субъективных причин большее внимание уделялось изучению палеолитических и древнерусских слоев, а древности I тысячелетия н.э. оказывались как бы на обочине исследований, особенно теоретических, т.к. раскопки проводились в основном специалистами в других сферах археологии – каменного века и средневековья. Все это создает проблему в теоретическом осмыслении материалов даже уже исследованных памятников I тысячелетия н.э.

Что же касается непосредственно киевской и колочинской археологических культур, то в с. Хотылево эти слои являются мало исследованными, т.к. им уделялось малое внимание при археологических раскопках и разведках, в частности палеолитических. Так же исследование данных селищ почепской культуры, киево-колочинских древностей производилось в небольших масштабах и не на всех селищах.

Еще один объективный момент заключается в том, что грань между киевской и колочинской археологическими культурами в окрестностях с. Хотылево до сих пор не обозначена. Причиной этому послужило отсутствие целых сосудов в хотылевских материалах, т.к. очень сложно отличить фрагментированную керамику киевского типа от керамики колочинской. Этому послужило и отсутствие масштабных археологических работ на памятниках I тысячелетия н.э. в районе с. Хотылево. Так же не было проведено подробного анализа материала киево-колочинских древностей, хотя для этого открыто достаточно памятников начала – середины I тысячелетия н.э. на которых проводились археологические работы.

Однако мы надеемся, что в скором времени данная проблема будет решена, ибо работы в окрестностях с. Хотылево на памятниках I тысячелетия н.э. планируется проводить целенаправленно, возможно, по гранту РГНФ.

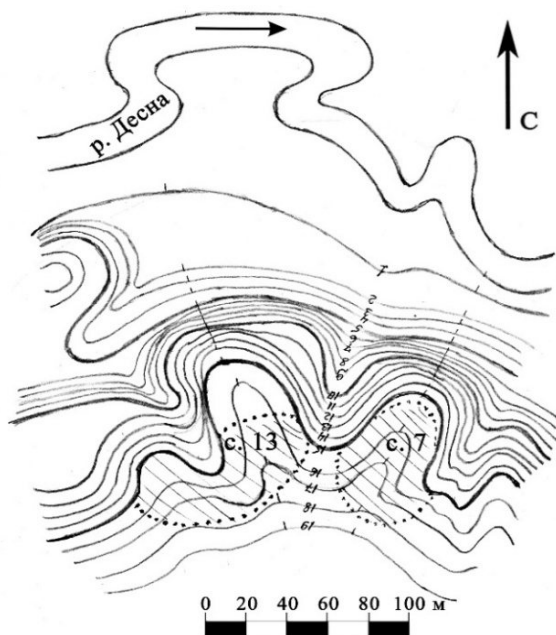

Рис. 1. План селищ 7 и 13

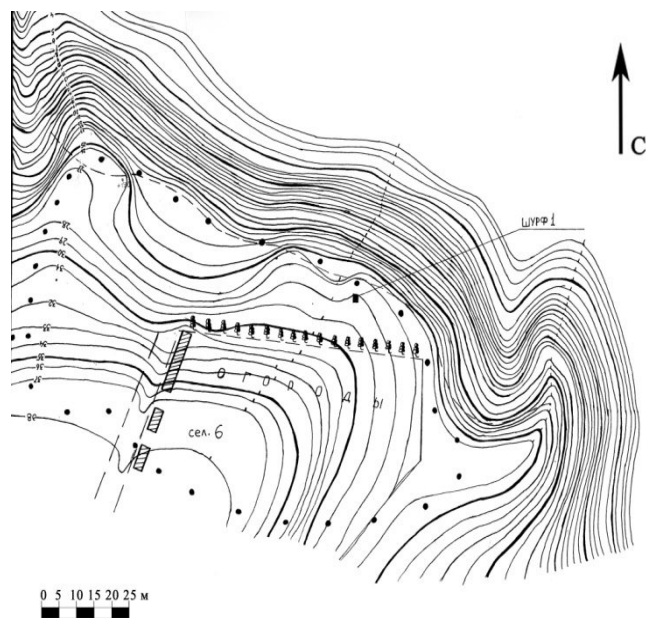

Рис. 2. План селища 6

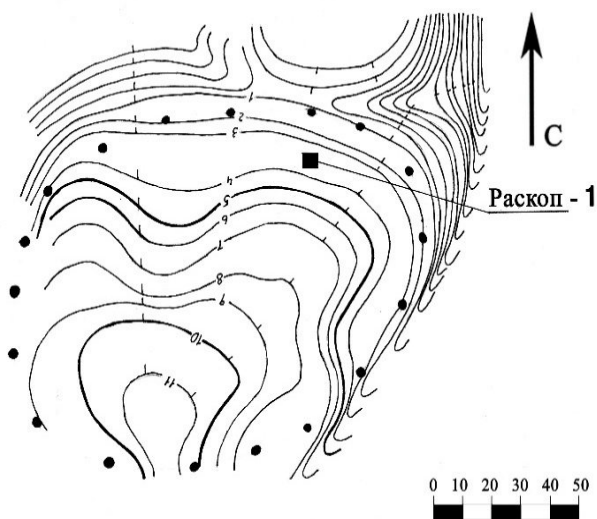

Рис. 3. План селища 14

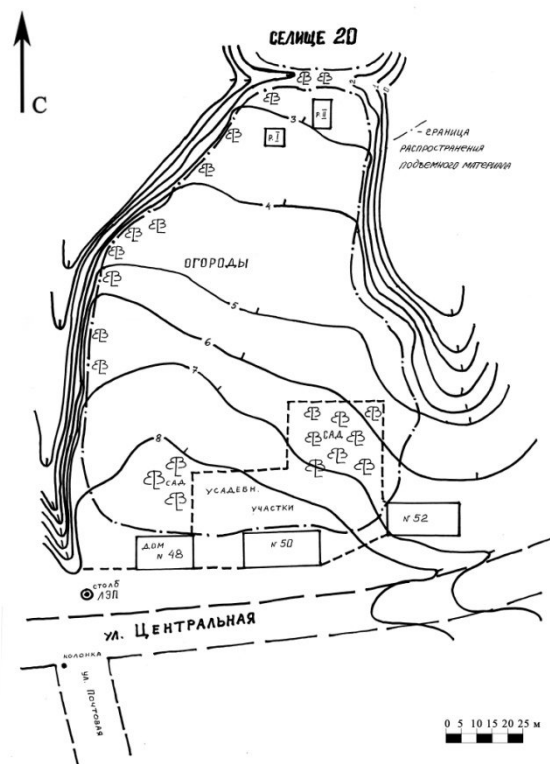

Рис. 4. План селища 20 А

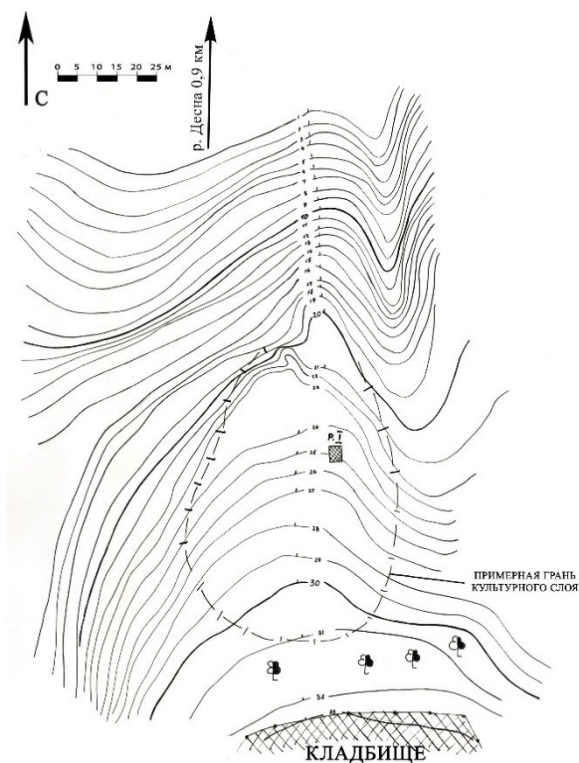

Рис. 5. План селища 24

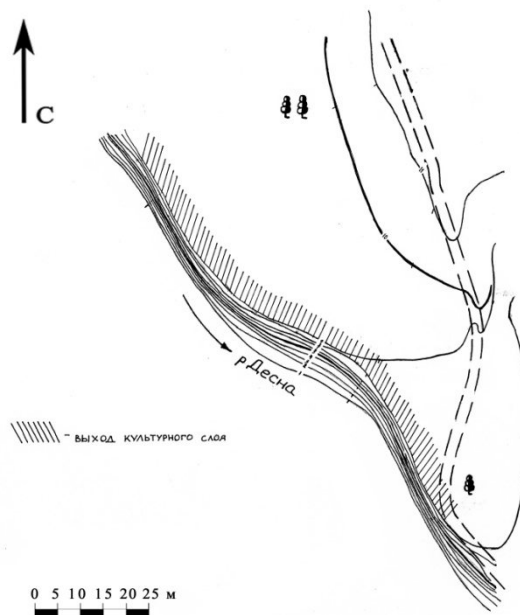

Рис. 6. План селища 12

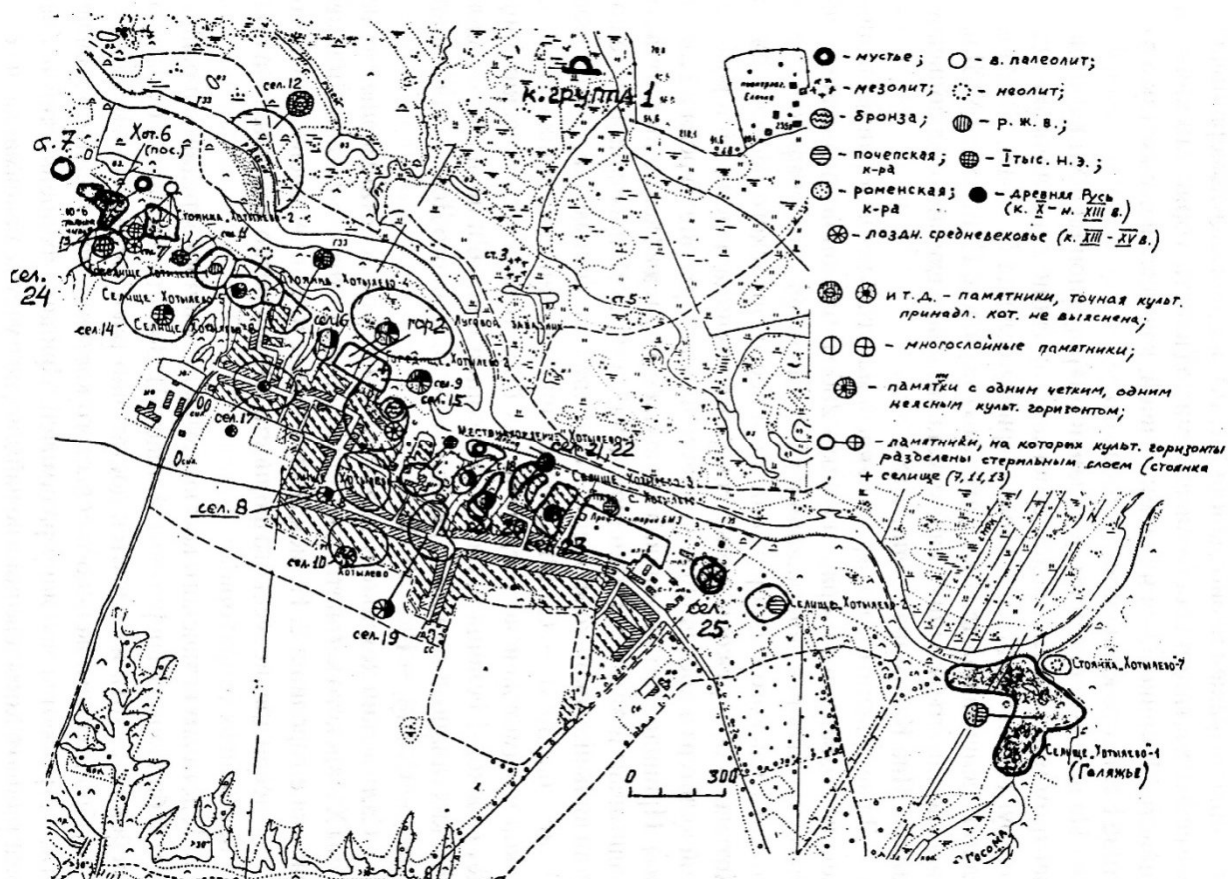

Рис. 7. Карта «Археологические памятники Хотылевского микрорегиона»

Список литературы

1. Алексеев В.П. Слово о Федоре Михайловиче Заверняеве // Деснинские древности (вып. 1). – Брянск, 1995. – 188 с.

2. Археологическая карта России. Брянская область // Авт.-сост. А.В. Кашкин. – М., 1993. – 304 с.
3. Гаврилов К.Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. – М., 2008. – 244 с.
4. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. – Л., 1981. – 139 с.
5. Поляков Г.П. Личный архив Федора Михайловича Заверняева // Деснинские древности (вып. 5). – Брянск, 2008. – 400 с.
6. Третьяков П.Н. Отчет об археологических исследованиях в Брянской обл. в 1962 г. // Архив Института Археологии РАН, Р-1, № 2444.
7. Чубур А.А., Гаврилов К.Н., Чеплянская Е.А. Верхние слои многослойного поселения Хотылево 2 на Десне (эпоха бронзы, железный век) // Деснинские древности (вып. 2). – Брянск, 2002. – С. 74-84.
8. Шинаков Е.А. Хотылевская агломерация памятников и проблемы ее музеефикации. // Проблемы сохранения исторических городов и объектов историко-культурного наследия Брянской области: Материалы научно-практической конференции «Исторический город». – Брянск: Издательство БГУ, 2004. – 132 с.
9. Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Грачёв С.Ю. Работы в Брянском ополье // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2011 г. – Чернигов: Десна Полиграф, 2012. С. 122-127.
10. Шинаков Е.А., Чубур А.А., Гаврилов К.Н. Древние поселенческие агломерации на территории села Хотылево // Русский сборник Выпуск 5. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья БГУ им. акад. И.Г. Петровского, вып. 12). Брянск: РИО БГУ – 2009. С. 33-39.

УДК 903

С.П. Щавелев

Курская тьма – пограничье Руси и Золотой Орды (по документальным и археологическим материалам)*

Аннотация. В статье на основании анализа письменных источников и свода археологических находок пересматриваются очертания государственной границы между юго-восточной Русью и Золотой Ордой в районе Курского Посеймья. Делается попытка более конкретно решить вопрос о русско-монгольских контактах XIII–XV вв., которые в имеющейся историографии рассматривались слишком упрощенно.

Ключевые слова: Древняя Русь, Золотая Орда, Курское княжество, юго-восточная границы Руси с Ордой, монгольские города на этой границе.

Abstract. The article based on the analysis of the written sources and archaeological finds. The outline of the state border between the south-eastern Rus' and the Golden Horde in the area of the Seym River is revised. There is an attempt to more specifically address the question of Russian-Mongolian contacts of XIII–XV centuries which considered too simplistic in the existing historiography.

Keywords: Ancient Russia, the Golden Horde, the Principality of Kursk, south-eastern border of Russia with the Horde, the Mongol towns at this boundary.

Интересующий нас участок русско-ордынского пограничья XIII–XIV вв. в отечественных источниках фигурирует в качестве «Курской волости (области)», а в татарских как «Курская тьма». Летописный термин *тьма* соответствовал, как известно, тюркскому и монголо-татарскому *тумену*, т.е. наиболее крупному, примерно десяти тысячному подразделению войска и, соответственно, территории, способной выставить армию похожего размера. Реальные тумены, ясное дело, сплошь и рядом оказывались в несколько раз меньше указанных размеров, однако этот термин оставался показателем наиболее крупной административно-территориальной единицы на территории, подвластной Орде.

Излагаемые ниже материалы наводят на некоторые общие размышления о роли пограничного фактора в истории народов, государств и культур. Так, для земледельческих социумов граница обычно ассоциируется с периферией, культурно отстающей от некоего столичного центра, в пользу которого перераспределяются престижные ресурсы. А в условиях кочевых (или полукочевых) обществ с

© Щавелев С.П., 2016

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018.

их матричным воспроизведением исходных социально-политических структур на всё новых землях граница, напротив, притягивает к себе необходимые ресурсы извне, со стороны соседей-«доноров» и потому развивается динамичнее ранее покоренных номадами территорий. В качестве своеобразной модели намеченной разницы здесь фигурирует Курское Посеймье – одна из летописных областей средневековой Руси (Щавелев, 1997; 2004; Енуков, 2007).

Ключевым среди письменных источников для уточнения положения курских земель в ордынскую эпоху является ярлык крымского хана Менгли I Гирея (1445–1515), направленный им польско-литовскому королю Сигизмунду I Казимировичу (1467–1548) в 1507 г. (Акты ... Западной России, 1846, с. 4–6; Сборник князя Оболенского, 1838, с. 88–89). Тогда эти владыки заключили между собой договор о совместной борьбе против Москвы. В нем перечисляется целый ряд городов «с данями и выходами, с землями и водами» (т.е. всей населенной округой и податями с нее) на русской территории, которые Крым якобы уступал Литве. В действительности, к началу XVI в. большинство этих районов давно уже вышло из-под любой, даже символической зависимости и от татар, и от литовцев, перейдя с 1500 г. под власть Москвы. Однако некая группа отмеченных этим же ярлыком земель, а именно – самые юго-восточные (включая какую-то часть Курского Посеймья), и в начале XVI в. могла прямо или косвенно зависеть от тогдашних татар, поскольку через эти земли пролегали маршруты их набегов на Русь и даже мирных кочевий. Если учесть, что по договору с литовцами крымский хан обязался идти войной на южные районы Московского государства (и свое обязательство выполнил летом того же 1507 г., осадив Белёв, Одоев, Козельск), то перечень тамошних поселений не должен восприниматься как целиком формальный или легендарный.

К тому же, содержащийся в ярлыке список топонимов отражает гораздо более раннее состояние политической карты Восточной Европы. Ведь этим актом Менгли Гирей подтверждает, пускай и чисто декларативно, более ранний ярлык своего отца Хаджи Гирея (около 1397–1466), адресованный великому князю Литвы Витовту (около 1350–1430) примерно в 1428 г. Витовт помог Хаджи Гирею победить конкурентов в борьбе за крымский престол и в благодарность тот «передавал» ему кучу владений Джучидов в Западной и Восточной Руси. Хотя и тогда, в начале XV в. Литва уже несколько десятилетий как захватила у Орды большую часть этих владений, нет оснований сомневаться, что изначально, во второй половине XIII – первой половине XIV вв. они подчинялись именно Орде, джучиеву улусу.

Чтобы убедиться в реалистичности содержащегося в ярлыке каталога древнерусских городов, перечислим (выделяя курсивом) все те из них, что располагаются этим документом на восток «от Киева». Открывающие перечень «*Непорожъ* и *Глинеськ* со всеми их людьми» однозначно локализируются на Суле; это летописные города Снепород и Глинск. Затем следуют «*Жолважъ*, *Путивль* зъ землями и водами». Второй из этих топонимов общеизвестен, а первый известным «Списком русских городов, дальних и ближних» (Щавелев, 2003, с. 75–78) помещён на Псел, где-то в верховьях этой реки, т.е. там, где она действительно сближается с путивльским участком Сейма.

Далее в ярлыке идёт следующая группа топонимов. *Биринъ-Синячъ* – это, вероятно, ошибочно контаминированные переписчиком или издателем документа летописные города Бирин на Сейме, рядом с Путивлем, и Синец на Суле. *Хотеллосичи* – результат похожей путаницы двух центров. Хотень и Лосичи (Лощицы, Лошичи), судя по тому же «Списку городов», на Псле; а по иной локализации последний центр – на Ворскле, при впадении в нее р. Буромли (в прошлом Лошицы?). *Хотмышлы* – конечно, нынешний город Хотмыж(е)ск, летописный Хотмышль на Ворскле же. *Ницаны* – безусловно, летописный Ницян, нынешнее городище Ницаха на р. Ворсклице, притоке Ворсклы. *Черниговская тьма* и следующий за ней *Рылескъ* «со всеми выходами и данями» явно соответствуют одноименным княжествам, Черниговскому и Рильскому. Наконец, *Курская тьма* «с выходами и данями, с землями и водами» с ордынской точки зрения суть бывшее Курское княжество, по крайней мере, какая-то его часть. С другой же частью бывшего до нападения татаро-монголов Курского княжества может быть соотнесена упомянутая источником далее «*Сараева сына Еголдаева тьма*» (Русина, 2001, с. 144–153).

Если учесть, что всего на территории Восточной Руси излагаемым источником насчитывается 27 *туменов (тем)*, то наличие на Сейме, Псле и на Осколе, Дону двух из них (Курской и Еголдаевой) вполне соразмерно (Великое княжество Владимирское, для сравнения, включало 15 тем, Рязанское – 2, Нижегородское и Тверское – по 5).

Наследники Еголдая продолжали владеть каким-то осколками его тьмы: в 1497 г. литовский князь Александр Казимирович Ягеллоничк (1461–1506) закрепил упомянутые Милолюб и Оскол (на одноименной реке и располагалось еще в XVII в. Еголдаево городище) за некими киевскими боярами – потомками (по женской линии) князя Романа Яголдаевича (Акты Литовской метрики, 1896, с. 131–132). Судя по этому и другим документам, ордынский выходец Еголдай (Яголдай) – фигура вполне

реальная. В период очередной «великой замятни» в Орде он, как видно, основал с помощью других татарских беглецов в Литву между 1428 и 1438 годами соответствующее паражосударственное объединение. Оно просуществовало до начала XVI в. на правах вассального владения литовских князей. В обмен на пожалованные земли Яголдай должен был защищать литовские границы от набегов других татар (Sobczak, 1984, p. 27).

Курская же земля сохранила в своих пределах имя соответствующего – Еголдаева княжества, видимо, потому, что получила поначалу статус баскачества, о чем мы знаем по известному летописному сюжету в статьях 1283–1284 гг. о борьбе с тамошним наместником Ахматом тех русских князей, чьи уделы располагались на правом берегу Сейма, севернее Курска (Кучкин, 1996, с. 7–39. Здесь же поправки к ошибочным, по незнанию летописной хронологии, датировкам тех же событий в работе: Енуков, 1991, с. 46–49).

С окончательным переходом южной Руси под власть Орды Курск явно потерял столичную в своей области роль. Это видно, например, по документам дипломатической переписки Крыма и Москвы. Сменивший скончавшегося Менгли Гирея на ханском троне Магмет Гирей в 1515 г. предлагал союз против Литвы великому князю московскому Василию Ивановичу. За свою помощь Москве он требует уступить Крыму обратно ту «область нашу», что «к нам тянут: Брянск, Стародуб, Почап, Новый Городок, Рыльск, Путивль, Карачев, Радогощ, те писанные восемь городок из старины наши были, и потому отцу твоему великому князю Ивану мы их дали по нашему их слову, взяв Одоев в головах, *тридцать и пять городов из старины деда нашего были*, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали...» (Памятники дипломатических сношений, 1895, с. 154. Курсив мой – С.Щ.). Курск, должно быть, подразумевался в числе тех 35 городов, что группировались вокруг 8 окружных центров. Эта последняя роль для восточного Посеймья перешла тогда, как видно, к Рыльску и Путивлю.

Последние собственно курские князья фигурируют в Любецком (Любечском) синодике. Это два Георгия, отец и сын; затем Дмитрий с женой Феодорой; наконец, их сын Василий с женой Анастасией. Этот последний князь – Василий Дмитриевич значится там как «убиенный от татар» (Зотов, 1892, с. 112). Установить точное место всех этих князей на родословном древе Дома Рюриковичей затруднительно. По всей видимости, они принадлежали к старшей ветви северских князей Ольговичей, раз занимали второй по значению стол в Черниговской земле. Не менее трудно судить, как именно погиб самый последний курский князь, – при каком-то татарском набеге (1275 г.?) или же в самой Орде. Печальных примеров и того, и другого исходов в эпоху монгольского ига над Русью случалось немало.

Судя по следующим событиям на территории Курского края (Щавелев, 2000, с. 3–31), убирая курских князей, захватчики расчищали себе место для постоянного поселения, устройства форпоста Орды рядом с самим Курском. Таким центром монгольского присутствия в Курском Посеймье явно становится нынешнее городище Ратское, расположенное километрах в 20 от Курска, у д. Городища и с. Беседина. Древнерусский детинец этого археологического комплекса в татарскую эпоху вроде бы запустел, зато прилегающие к нему укрепленные поселения-I и II, общей площадью свыше 20 га, продолжали, судя по археологическим находкам, о которых ниже, и тогда активно функционировать. Перед нами иллюстрация общего вывода исследователей татаро-монгольской истории: «Характерной чертой городской жизни Золотой Орды была тенденция к переносу городских столиц и строительству новых городов» (Федоров-Давыдов, 1994, с. 15). Для неоимперской политики это вполне естественно.

Крепко обосновавшись на Рати, захватчики поначалу сохранили по соседству более мелкие, чем бывшее Курское, княжения – Рыльско-Воргольское и Липецкое (Липовечское), чьи князья (явно младшие по отношению к устраненным курским Ольговичам) фигурируют на страницах летописи в конце XIII в. Как показал ход дальнейших событий, округи этих летописных городов – Рыльска, Воргола и Липовечска оказались использованы татарами в качестве людского резервуара для заселения своих собственных городов-слобод в этих же местах. Просто разрушив же Рыльск, Липовечск, Воргол и прочие здешние города, монголы бы получили на месте Курского Посеймья выжженную пустыню, что, вероятно, не входило в их планы. Ведь Курск со своей округой и прочие «восточные территории» Руси по верховьям Ворсклы, Оскола, Северского Донца и Дона вплотную прилегали к кочевнической Степи. Для представителей клана Джучидов, безжалостно разорявших своими набегами и данями более отдаленные земли Руси, Курский регион давал идеальную возможность повторить ставшую им привычной поселенческую структуру Нижнего Поволжья, где летние кочевья соседствовали с городскими (комфортабельными по тем временам) зимовищами.

В этой связи позволительно усомниться в тезисе В.Л. Егорова о том, что «заинтересованность в создании и сохранении таких зон [как Курская тьма – С.Щ.], проявляла не золотоордынская кочевая аристократия, владевшая обширными степными улусами, отвечавшими всем требованиям скотовод-

ческого хозяйства, а определенная чиновничья прослойка, действовавшая в сфере откупов и сбора дани» (Егоров, 1985, с. 40). Ведь Курск со своей округой и прочие пограничные территории Руси по верховьям Ворсклы, Оскола, Северского Донца и Дона вплотную прилегали к кочевнической Степи. Для всё растущего числа представителей ханского дома Джучидов Курский регион давал идеальную возможность повторить ставшую привычной их непосредственным предкам поселенческую структуру Нижнего Поволжья, где летние кочевья соседствовали с городскими (комфортабельными по тем временам) зимовищами.

Еще одним примером донорских для Орды территорий служат город Дядьков и вся Болховская земля, прилегавшая с запада к Киевской. Согласно Ипатьевской летописи, «оставили [целыми и невредимыми] их татары, да им орють пшеницу и проса» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 792). Этот район в 1241 г. разгромил Даниил Галицкий, дабы досадить Орде (точно также, напомним, отреагировали на татарскую колонизацию части своих земель князя курской округи в летописном эпизоде с баскаком Ахматом).

По мнению ряда историков (от Б.Д. Грекова до В.А. Кучкина), самое западное «крыло» Джучиева улуса – пространство между Доном и Днестром (в том числе Курская тьма) было уступлено сарайскими ханами из фонда своих владений темнику Ногаю (между 1235 / 1140 – 1300) в условное (частичное) владение: сохраняя в принципе (в конечном счёте) подчинение столице – Сарая (выставляя по его приказу войско, подлежа верховному суду хана), Курская тьма выплачивала подати в ногаеву Орду. Хотя собственные кочевья Ногай располагались где-то между Дунаем и Днестром, Курская тьма «тянула» первоначально к этому улусу. Позднее, вследствие дробления обширных владений Ногай после его гибели в начале XIV в., на их территории выделилось до десятка относительно мелких улусов, разошедшихся по рукам разных Чингизидов – ханов и царевичей. В числе этих «осколков» улуса Джучиева оставалась, как видно, и Курская тьма.

Выбор Посеймья и сопредельных ему земель как весьма привлекательного для Орды района косвенно подтверждается последующими, за XV в. русскими источниками. Те свидетельствовали что «цари (ханы – С.Щ.) Ногайской орды кочуют по Донцу и Осколу», ревниво защищая эти уголья от проникновения сюда посторонних – неоднократно грабили тут «московских гостей» (Аверьянов, 2001, с. 39–40). Именно по здешним водоразделам – сначала Ворсклы и Северского Донца, затем Псла, Сейма и Оскола; наконец, Тима и Кшени пролегал в позднем Средневековье и начале Нового времени магистральные пути (сакмы) татарских посольств и набегов на Литву и Московскую Русь.

Прототипом описанной нами применительно к Посеймью оседло-кочевой поселенческой структуры служил Каракорум во внутренней Монголии, в окрестностях которого кочевала ставка великого хана. В столице же «ковали оружие, отливали огромные чугунные втулки для боевых колесниц, сюда стекалась дань завоеванных провинций, тысячи купцов везли в город награбленное золото и серебро, продовольствие, предметы роскоши» (Фёдоров-Давыдов, 1973, с. 130). Как отмечают историки Золотой Орды (Кульпин, 2001, с. 74–89), именно во второй половине XIII в. в Джучидском улусе его монгольская аристократия, добившись суверенитета для своей правящей династии, от политики грабительских набегов на своих оседлых соседей переходит к политике покровительства таковым с целью создать надежный источник постоянного налогообложения. За первую половину XIV в., при ханах Джанибеке и Узбеке, у монголов достигают своего расцвета городская жизнь, торговля и денежное обращение вообще. В золотоордынской экономике окончательно утверждается симбиоз кочевого и оседлого населения.

В этой связи появление постоянного монгольско-русского анклава в Верхнем Посеймье выглядит вполне понятным. Расползшийся по Евразии улус Джучи нуждался в новых центрах своей государственной стабилизации: пунктах концентрации некочевого населения, занятого сельским хозяйством, ремеслом, строительством, торговлей; т.е. переработкой массы материальных ресурсов, добытых глобальной агрессией Чингизидов; мест отправления монотеистических религиозных культов и политико-правового управления разными территориями; резиденций для новых поколений потомков основателя этой империи.

Причем русско-монгольское поселение на Рати отнюдь не является единственным исключением из правила сплошь славянского заселения лесостепного пограничья. Еще в 1920-е гг. А.А. Кротков разведдал городище в г. Наровчате Пензенской губернии с изобильными татарскими материалами, позволившими интерпретировать его в роли одного из северных улусов Золотой Орды. Дальнейшие раскопки здесь А.Е. Алиховой дали ей возможность соотнести памятник с древним городом Мохшей – ордынской колонией в Мордовской земле. Здесь были открыты стационарные дома, бани, мастерские, однотипные аналогичным постройкам XIV в. Волжской Булгарии (Алихова, 1969; 1976).

Другой пример относительно мирного и длительного сосуществования татарского и славяно-русского населения реконструируется исследователями ещё ближе к Посеймью, в Хоперско-Донском

междуречье. Это местность в Среднем Подонье под названием Червлёный Яр, где с конца XIII по конец XVI в. встык сосуществовали славянские (броднические?) и татарские общины. В XIV в. за церковную власть над Червлёным Яром спорили рязанский и сарайский епископы. В 1990-е гг. именно в этом районе раскопками открыты два мужских и два женских погребения позднесредневекового типа. Они датированы концом XIII – XIV вв. и принадлежат исключительно знатным лицам, явно княжеского ранга; скорее всего – представителям рода Джучидов. Об этом можно судить по беспримерному богатству заупокойного инвентаря (Ефимов, 1999; 2000). В непосредственной близости от этих курганов М.В. Цыбиным выявлены русские оседлые поселения того же времени, что подтверждает их симбиоз с татарскими пунктами этой окраины Золотой Орды (Цыбин, 2001; 2009). Татары не боялись похоронить своих ханов рядом с русскими посёлками – значит, они посчитали эту землю своей окончательной родиной.

В свете всего сказанного утвердившийся в историографии вывод о разрушении монголами и тем более запустении всей южной Руси, включая Курск, в конце XIII – начале XIV вв. выглядит неправомерным. Татары, стационарно поселившись рядом, на Рати, судя по всему, сохранили Курск как собственно русский пригород этого своего центра, в роли социально-экономического «донора».

Хотя город Курск и его округа, судя по всему, более или менее благополучно пережили монгольское нашествие, завоеватели ликвидировали Курское княжество, создав вместо него свою собственную административно-податную единицу – Курскую тьму. Тем самым упал политический статус оставшейся за Русью части Курской земли, раздробившейся на мелкие «столы». Их князья выбывают из борьбы за гегемонию на Левобережье, которую не без успеха вел их непосредственный предшественник Олег Курский, герой битвы на Калке. Бывшее княжество оказалось расчленено ордынцами, и его восточная часть была прямо присоединена к улучу Джучи – Золотой Орде. «Буферная (по выражению В.Л. Егорова) зона» (а точнее, государственная граница) между Ордой и Русью пролегла где-то между Курском, с одной, татарской стороны, и Рыльском, Путивлем, Брянском, с другой, русско-литовской. Объективным свидетельством чему выступает топография кладов джучидских монет: на этом направлении они никогда не проникают на Русь дальше среднего и верхнего течения Сейма, а «прижимаются» к нему и справа, и слева (Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 107). Потеряв свою столичную роль в восточном Посеймье, Курск, по всей видимости, продолжал своё городское существование, едва ли не вплоть до перехода этих земель под власть Великого княжества Литовского во второй половине XIV в.

В имеющихся исследованиях исторической географии юго-востока русских земель XIII–XIV вв. их граница с Ордой проводится гораздо ниже (южнее) Курска, в пределах нынешней Белгородской и Воронежской областей; примерно по верховьям Псла, Ворсклы, Сейма, Большой Сосны, Дона – ведь верховья этих рек природно-географически маркируют начало степной зоны, привлекательной для кочевников (Егоров, 1985, с. 39–40). Согласно отзывам авторов этих исследований, территория Курского княжества в этот период становится своеобразной «буферной зоной» между Русью и Золотой Ордой, где абсолютно преобладало именно русское население (Цыбин, 1997).

На наш взгляд, Орде удалось продвинуть свою государственную границу подальше в северо-западном направлении, а татарское присутствие в районе Курска до сих пор недооценивалось; характер русско-монгольских отношений здесь упрощается историками. Такой вывод позволяет сделать более детальное рассмотрение старых и новых археологических находок в данном районе. Опорным памятником при таком анализе выступает Ратское городище возле села Беседина неподалеку от Курска (Енуков, 1991 а). На территории этого археологического комплекса обнаружилось представительное скопление золото-ордынской керамики. Её сборы были осуществлены мной при участии в раскопках Бесединского (Ратского) городища экспедицией В.В. Енукова в 1990–1992 гг. Керамика собиралась по распаханной части ратского посада суммарно, без фиксации отдельных находок на карте поселения¹. Московский археолог В.Ю. Коваль (Институт археологии РАН), видный специалист по восточной керамике рассматриваемого периода, по моей просьбе изучил переданный ему подъёмный материал с поселения-1 Ратского археологического комплекса. Его заключения оказались весьма интересны. С любезного разрешения В.Ю. Ковалья приведу его наблюдения на этот счет здесь вкратце.

¹ В советский период всё прилегающее к Ратскому городищу («Тарелочке», по местному названию) поселение постоянно распахивалось под посевы. Плужно-тракторная распашка этого археологического памятника была прекращена уже после его раскопок экспедицией Курского педагогического университета и Курского музея археологии в 1990–1992 гг. Затем, впрочем, весь культурный слой этих поселений был варварски освобожден от металлических и других артефактов «черными археологами». Следы их работы остается множество ям разных размеров, включая глубокие, в 1–2 метра по всей территории ратского посада. Часть награбленного ими материала приобрел Курский музей археологии. См. подробнее: Щавелев, 2009; 2010.

Ратское поселение, по экспертному отзыву В.Ю. Ковалья, оказалось «уникально на Руси необычайно большим количеством поливной золотоордынской керамики и особенно – *неполивной*, которая на Руси встречается очень редко в виде единичных обломков. В сколько-нибудь заметных количествах такая керамика известна только в Подонье (Семилукское, Животинное городища и ряд поселений – см. работы М.В. Цыбина), но и там она составляет не более 5–7 % комплекса керамики. *Вывод*: по керамике Ратский комплекс не похож ни на одно из собственно *русских* (славянских) поселений XIII–XV вв.» (Коваль, 1990. Л. 1).

К сказанному стоит добавить, что находки ордынской керамики разных типов встречаются практически по всей площади наиболее обширного, укрепленного внешними валами поселения-I на Рати¹. В частности, там, на самом краю оврага, неподалеку от детинца, при хозяйственных работах была найдена золотоордынская чаша, археологически почти целая (рис. 1).

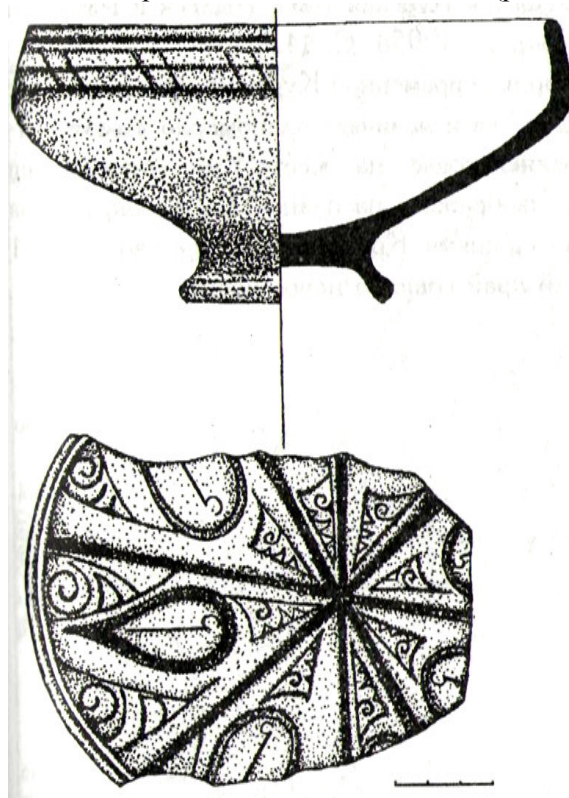

Рис. 1. Фрагмент золотоордынской чаши с селища 1 у с. Городище Курского района (АКР. Курская область, 1998, с. 73)

Встречается эта же керамика и на поселениях II-а и II-б того же комплекса. Например, на поселении 2-б научным сотрудником КОМА А.Н. Апальковым (которого я благодарю за любезное содействие) при сборе подъёмного материала обнаружены выразительные фрагменты крупногабаритного тарного сосуда (В фондах КОМА).

Как видно, в отмеченный период в этом огромном (по меркам развитого Средневековья) городе плотно жили, так сказать, этнические ордынцы, причем в относительно большом количестве, явно превышающем военный конвой ордынского представителя или даже крепостной гарнизон.

Надо учесть, что вне своих собственных кочевий, улусов, на покоренных территориях собственно татарские контингенты если и присутствовали постоянно, то в относительно ограниченном числе – только в виде офицерского корпуса для набираемых на месте воинских подразделений. Такова была традиция державы Чингизидов, без которой она бы не простерлась из сердцевины Азии к Центру Европы. Город на Рати, на протяжении около полутора веков плотно населенный монголами, маркирует часть золотоордынской территории, ее северо-западный предел.

Сказанное не отрицает, а предполагает сохранение какой-то, численно вполне вероятно действительно явно преобладающей над пришельцами, части русского населения на том же самом поселении или на прилегающих к нему участках Бесединского комплекса. Ведь, согласно оценке

¹ Раскопками оснований этих внешних валов на Рати В.В. Енуков продолжил там свои работы в 2010-е гг. Остается дожидаться публикации результатов этих работ.

В.Ю. Ковалья, «вся ордынская керамика на Рати – парадная столовая и тарная (кувшины). Удивительно отсутствие кухонной посуды». Этой последней, как видно, служили и характерные именно для степняков чугунные котлы (обломки которых нередки на том же поселении), и местная, славянская керамика древнерусских типов отсюда же. Ведь и в сердцевине Золотой Орды – на сарайских памятниках сосуды для домашнего хозяйства «за небольшими исключениями, местного происхождения и бытовали своими формами и техникой ещё задолго до появления татар в нижнем Поволжье и Северном Кавказе» (Греков, Якубовский, 1950, с. 147).

А.К. Зайцев и другие авторы допускали, что монгольские анклавные поселения на русской территории – поселения типа известных по летописному эпизоду 1289–1290 гг. ахматовых слобод «могли быть заселены почти полностью русскими» (Зайцев, 1996, с. 46). Летописный текст и археологические материалы, напротив, согласно свидетельствуют о демографическом симбиозе применительно к этим поселениям: из одной слободы в другую переезжает отряд, где татарских воинов поменьше, а русских побольше; на Рати и некоторых других памятниках столовая керамика того времени ордынская, а кухонная – местная.

Монгольский город на Рати, под самым боком у Курска, был тесно связан со столичными центрами Золотой Орды, расположенными в Нижнем Поволжье. Именно оттуда, из двух Сараев, Старого и Нового – Селитренного и Царёвского городищ на Рать поступала поливная керамика («с бирюзовой поливой и черной подглазурной росписью, а также с бесцветной поливой и полихромной подглазурной росписью; так называемые полуфаянсы», согласно В.Ю. Ковалю). Эта посуда «в целом может датироваться XIV в., однако наиболее вероятно датировка второй половиной XIV в., когда в Поволжье производство такой керамики достигает расцвета». Причем если в самом Поволжье преобладали полихромные сосуды, то ратские потребители явно предпочитали сосуды с бирюзовой глазурью – на их долю здесь приходится заметно больше находок. Как видно, монголы, переселившиеся на Рать, могли выбирать из привычного в столице их государства ассортимента.

Кроме поволжской, Рать при монголах получала посуду из Крыма – отсюда происходит основная масса красноглиняных сосудов (так называемой «полумайолики»). В.Ю. Коваль датирует ее появление здесь второй половиной XIII–XIV вв.

В пользу постоянного, довольно длительного и относительно массового проживания монголов на Рати говорят и другие находки. Так, среди сборов Д.Я. Самоквасова на этом памятнике, сделанных ещё в 1870-е гг. и сохраненных в фондах ГИМа в составе его коллекции, имеется выразительный обломок круглого металлического зеркала, какими в средние века пользовались кочевники. Согласно любезной консультации ведущего специалиста по кочевническим зеркалам, научной сотрудницы ГИМа Г.Ф. Поляковой, зеркала этого типа датируются в Восточной Европе *только* золотоордынской эпохой. Они представляют собой местные (ордынские) копии с китайских образцов, принесенных монголами в Европу (не случайно на обороте ратского экземпляра изображен китайский дракон). Делали такие зеркала, скорее всего, в Поволжье, откуда они и расходились по периферии Орды. Кроме Рати, подобная находка имеется, например, в Булгаре на Волге (Полякова, 1996, с. 232). Обломок похожего зеркала, только с растительным орнаментом на тыльной стороне, не так давно поступил с Рати в Курский областной музей археологии в качестве случайной находки.

В.Ю. Коваль разъясняет, что «находки кочевнических зеркал на Руси крайне редки», тем более явно относящихся к золотоордынскому периоду. Причем «зеркало являлось в степях чисто женским аксессуаром» и оказаться на русской территории могло только вместе с женщиной-степнячкой (Коваль, 1998, с. 185–186). Как известно по свидетельствам европейских путешественников в Орду, к женщинам в монгольском обществе относились не с меньшим, а то и с большим уважением, чем к мужчинам. Ни монголы, ни другие степняки своих жен в набеги не брали, а оставляли в кибитках в степях. И если уж женщина-степнячка попала на Русь, то это значит, что либо ордынцы жили тут как у себя дома, *постоянно*, либо здесь жил какой-то большой чиновник (например, баскак), который был столь силен, что не боялся везти в чужую страну свою жену. Причем второе из этих предположений не отрицает, а предполагает первое: если именно на Рати находился дом ордынского наместника, то он пребывал тут в окружении большого, сопоставимого с русской частью горожан, количества соотечественников (неважно, этнических ли монголов, либо представителей других восточных народов, вовлечённых в державу Чингизидов). Добавлю, что металлические зеркала у всех тюркских народов имели не только утилитарное, но и сакральное значение (в качестве модели Вселенной, контролёра моральной чистоты личности): кочевники Азии превращали не только целые зеркала, но и их обломки в амулеты, использовали в погребальном обряде.

Перечень монгольских находок Д.Я. Самоквасова с Рати заключают: обломок бронзовой фигурной поясной накладки (предмет «форменной» амуниции профессионального воина той эпохи) и 5

ордынских медных монет (Самоковасов, 1892, с. 84). Ещё раньше, в 1853 г. около Ратского городища был обнаружен клад монет «с татарской надписью». Местным любителем археологии, штабс-капитаном Е.И. Шумаковым эти монеты были отосланы в Императорскую археологическую комиссию (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1859 г. Д. 24. Л. 9–12). Находки джучидских монет здесь совершались и позднее, вплоть до наших дней (когда нескольких десятков их было в 2000 г. куплена Курским музеем археологии у так называемого «чёрного археолога» (Травкин, Зорин, 2005; Лебедев, Зорин, 2008). Фрагмент ещё одного кочевнического зеркала (именно ли золотоордынского, уже трудно сказать по малости фрагмента) был в свое время найден и на окраине современного Курска (Соловьёв, 1927, с. 16).

Прямо под бывшими стенами городища на Рати был обнаружен вещевой клад, скорее всего принадлежащий к ордынской эпохе. «В развалинах "Ратского" или так называемого "Святого городища" на той же р. Рати, где находится и мое имение, – писал Е.Л. Марков, – мельник, снимавший мельницу у госпожи Шеховцовой, нашел, по рассказам местных жителей, в обвале берега большой "кубган", полный золотой и серебряной посуды, которую он распродал» (Марков, 1902, с. 2). Надо пояснить, что диалектное на русском юге слово «кубган» представляет собой заимствованный тюркизм со значением «металлический азиатский кувшин с носиком, ручкой и крышкой». Отсюда же – из той же д. Шеховцовой происходит монетный клад (1911 г.) из 121 серебряной монеты Джучидов.

Наиболее ярко ареал и период существования Курской тьмы очерчивают обнаруженные в Посеймье клады татарских (джучидских) монет. Они обнаружены в следующих уездах бывшей Курской губернии: Льговском, Курском, Щигровском, Суджанском (два), Белгородском (два), районе Обоянском; ещё один неуточнённой локализации. В географическом отношении эти клады занимают междуречье верхней половины Сейма и верховьев Псла. В ландшафтном – тогдашний стык леса и степи, в равной степени удобный и для оседлого русского, и для полукочевого татарского населения. Хронологически же все датированные клады отсюда относятся к XIV в. Причём большая их часть (пять – обоянский, суджанский, ратский, щигровский, белгородский) отложилась в третьей четверти данного столетия (монеты 1357–1380 гг.); один (льговский) под конец его (1380–1400), а ещё два (оба курские) – в первой трети XV в. Позднее джучидские монеты встречаются здесь в единичных экземплярах, поглощённых массой новых (московских) денег.

Состав рассматриваемых кладов разнообразен: от нескольких штук, десятков и до сотен, даже в одном случае почти тысячи монет, а в другом их было общим весом до пуда. Один клад находился в сосуде явно местной выработки. В трёх кладах золотоордынские деньги соседствуют с русскими – монетными гривнами (новгородского типа). В одном из них такие слитки – рубль и полтина были помечены владельческим знаком-тамгой. Кроме того, в Путивле, Обояни (Гочеве), Короче найдены клады только из серебряных слитков (Ильин, 1921, с. 28–30). В виде таких слитков (*саумов*) поступала в Орду русская дань. Часть этих слитков могла вернуться обратно на Русь в результате торговли Курской тьмы с Крымом и Приазовьем. Монеты тамошнего чекана (г. Азака) составляют значительную часть нескольких (ранних) курских кладов. Тогда как в самом районе чекана их находок гораздо меньше: экспорт оттягивал их на север, вплоть до Курска. Часть монет другого (самого объёмистого и позднего) клада имела надчеканку тверских князей (Горохов, 1927, с. 42–43), что указывает на переориентацию курской торговли в противоположном направлении, когда власть ордынцев на Сейме зашаталась.

Как видно, перед нами вполне ясная картина довольно оживлённой хозяйственной деятельности, развернувшейся в Восточном Посеймье после того, как оно оправилось от татарских нашествий и усобицы собственных князей: татары уже не грабят тут, как раньше, а, напротив, «инвестируют» в экономику района свою «валюту», местное население использует её и как средство платежа (кроме кладов, целая россыпь татарских денег, медных и серебряных, найдена на Рати и в некоторых других местах южной половины Курской области дисперсированной непосредственно в культурном слое), и для накопления сокровищ (в том числе за счёт утаивания части ханской дани?). Выпадение этих кладов в «земляной банк», помимо мирно-накопительных причин, во второй половине XIV в. явным образом вызвана военной агрессией Русско-Литовского государства на Левобережье Днепра, да и «великой замятней» в самой Джучиевой Орде.

Победа же Литвы в Посеймье отмечена появлением тут же клада литовских слитков (Фёдоров, 1949, с. 65) и двух кладов пражских (германских) грошей конца XIV–XV вв. (Сиверс, 1922, с. 31), отложившихся как раз западнее – в Путивле и его округе. В 1402 г. Курск и соседние с ним города Оскол, Милолюб, Мужеч уже прямо упоминаются в числе литовских городов в трактате (договоре) князя Свидригайло Ольгердовича с Тевтонским орденом. Хотя, судя по поздним кладам татарских денег, торговые связи Курска с внутренними территориями Орды по инерции продолжились и тогда.

На площади все того же Ратского археологического комплекса на протяжении XVII – первой половины XX вв. сохранялись остатки неких каменных строений. И куряне, и местные крестьяне неоднократно добывали для своих строительных нужд «кирпич и дикий камень» из этих «от древности вшедших в землю на земляном валу палат». Ю.А. Липкингом и мной на музейное хранение передавались образцы древнего кирпича-плинфы с Рати. До их специального анализа трудно сказать, какого именно времени постройки там имелись – домонгольского или уже и татарского. Надо сказать, что строительство различных зданий из кирпича (жилых, служебных, культовых, фортификационных), облицовка кирпичом земляных платформ и валов были широко распространены в монгольских городах Азии и Европы. Остатки татаро-монгольских домов, бань, мечетей, мавзолеев, мастерских по выделке кирпичей отмечены в Южной Руси – на нижнем Днепре (Довженко, 1967) и в Подонье (Цыбин, 2001; 2009).

Причем золотоордынские города отличались отсутствием крепостных стен и других линий фортификации, или же их поздним возведением и сравнительно небольшими размерами – монголы поначалу не опасались вторжения на свою территорию. Так и на Рати старая – древнерусская площадка детинца, наилучше защищённая часть города, осталась (судя по находкам на раскопанной В.В. Енуковым в 1990–1992 гг. площади) меньше всего освоена монголами. Тогда как на прилегающих к этому замку поселениях 1 и 2-а, 2-б находки ордынских артефактов исключительно изобильны и разнообразны. Как видно, после той «кровавой бани», какую учинили курянами люди первого здесь баскака Ахмата, под имперской эгидой Орды, захватчики уже не боялись вооружённого сопротивления местных жителей и соседних русских княжеств.

Хотя город на Рати конца XIII–XIV вв. представлял собой явно самое крупное поселение монголов и их союзников в Посеймье, но, как выясняется, не единственное. Поблизости, на Верхнем Псле, на поселении возле известных применительно и к роменскому, и к древнерусскому временам Гочевских городищ недавно обнаружена ордынская же керамика. Это «5 фрагментов полуфаянсовых чаш, покрытых прозрачной глазурью и принадлежащих 3 сосудам». По определению В.Ю. Ковалья, «все фрагменты произведены в поволжских центрах Золотой Орды и датируются серединой – второй половиной XIV в.» (Коваль, 1996. Л. 4). Кроме того, отсюда же происходит «обломок с ультрамариновой глазурью. На территории Руси эта разновидность практически неизвестна, так как редко встречается и в самой Орде» (Коваль, 1996. Л. 5). Два вышеупомянутых суджанских клада татарских монет подтверждают присутствие ордынцев на Верхнем Псле. А.А. Чубур в 1999 г. любезно сообщал мне о своей находке поливной ордынской керамики и на соседнем Липинском селище на Сейме.

Характерно, что и при развернувшихся в 1990–2000-е годы стационарных раскопках исторических центров Рыльска и Курска монгольские материалы как будто пока не обнаружены. Захватчики явно избегали селиться в процветающих на момент их нашествия городах, предпочитая менее активные центры, расположенные поближе к собственно Степи, впритык к её водораздельным «коридорам» в Посеймье.

Все перечисленные находки и сопоставленные с ними известия письменных источников свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что непосредственно в районе Курска во второй половине XIII–XIV вв. проходил сеймский участок русско-ордынской границы. Ратское поселение (по крайней мере) в этот период представляло собой хотя и пограничный, но настоящий татарский город, по составу населения и его занятиям (военная служба, фиск, дальняя торговля) подобный поволжским и крымским центрам Орды. Местное, русское население после батыева нашествия и последующих набегов татар оставалось здесь в какой-то (весьма значительной, как видно) своей части и напрямую управлялось ханским представителем на этих северо-западных рубежах Орды с середины XIII по конец XIV вв.

Что до целой «Курской тьмы» татаро-монгольского периода, то можно заключить, что в период расцвета улуса Джучи – Золотой Орды эта территория представляла собой один из её западных районов. Сам город Курск, должно быть, пережив определённый урон от вражеского нашествия, продолжал существовать, но роль политического центра региона перешла от него к соседнему городу на Рати. Именно там, судя по масштабу монгольского присутствия, находилась резиденция монгольского баскака, вокруг которой разрослась одна из тех слобод, что упомянуты в летописи в связи со «злохитрым Ахматом», победившим соседних русских князей. Как видно по всему комплексу археологических находок данного времени, политическое господство монголов оказалось в конечном счёте скорее благотворным для социально-экономического развития этого микрорегиона. Граница могущественной какое-то время полукочевой империи была безопаснее и выгоднее для коренного здесь населения по сравнению с более отдалёнными и уязвимыми для монгольских набегов и налогообложения районами Руси.

На каком-то этапе упадка Золотой Орды, при фактическом расколе на Волжскую, Крымскую и прочие части, а, соответственно, и падению их военной мощи, татарам пришлось покинуть район

Курска. Судя по хронологии кладов их монет здесь, это произошло уже в конце XIV в. Лишившись ордынской подпитки людьми и товарами, непосредственная округа Курска явно захирела. Для Литвы этот окольный край её владений уже не представлял такого интереса, как для кочевавших рядом татарских царевичей. Город Курск перестаёт упоминаться в письменных источниках с самого начала XV и вплоть до второй половины XVI в. Трудно пока сказать, существовал ли он эти полтора столетия в своем прежнем, хотя и умалённом, городском качестве, выродился ли до сельского уровня. Ни Москва, ни Литва не смогли, не рискнули сразу двигать своё влияние дальше Сейма на юго-восток. Крайние центры, которые их тогда интересовали на Днепровском Левобережье, располагались в Рыльске и Путивле. Засеймье оставалось тогда, хотя по большей части уже номинально, под прямой угрозой очередного нашествия, в зависимости от той или иной из татарских Орд.

Так рассмотренные выше курские материалы позволяют исторически конкретнее оценить статус пограничья, разграничить его культурно-цивилизационные типы в бурной и противоречивой истории отечественного Средневековья.

Список сокращений

АКР – Археологическая карта России.

БГПУ – Брянский государственный педагогический университет.

ВГУ – Воронежский государственный университет.

ГИМ – Государственный Исторический музей.

ДонНУ – Донецкий национальный университет.

ИА – Институт археологии.

КОМА – Курский областной музей археологии.

КГМУ – Курский государственный медицинский университет.

КГПУ – Курский государственный педагогический университет

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

ЛПГУ – Липецкий государственный педагогический университет.

МИОН – Межрегиональный институт общественных наук.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

Список литературы

1. Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М.: Энциклопедия российских деревень, 2001. 239 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. 1340–1506 гг. / Собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Типография Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. 420 с.
3. Акты Литовской метрики Т. I. Вып. 1. 1413–1498 гг. / Собранные ... Ф.И. Леонтовичем. Варшава: издание Императорского Варшавского университета, 1896. 349 с.
4. Алихова А.Е. Гончарные горны города Мохши-Наручады (Наровчат Пензенской области) // КСИИМК. Вып. 120. М.: Наука, 1969. С. 78–80.
5. Алихова А.Е. Постройки древнего города Мохши // СА. 1976. № 4. С. 166–179.
6. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1 / Автор-сост. А.В. Кашкин. М.: Институт археологии РАН. 1998. 304 с.
7. Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. Оп. 1859 г. Д. 24. Л. 9–12.
8. Горохов Т.А. Монетные клады Курской губернии // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 4. С. 42–43.
9. Греков Б.Л., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 480 с.
10. Довженко В.И. Татарські міста на нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. IX. Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР. 1967. С. 175–193.
11. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Либроком, 1985. 248 с.
12. Енуков В.В. а. Славянский комплекс на Рати // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991. С. 39–41.
13. Енуков В.В. б. Летописные сказания 1283–1284 гг. и география округа Курска // Вопросы истории и краеведения / Сост. А.Ю. Друговская. Курск: КГМУ, 1991. С. 46–49.

14. Енуков В.В. История Посеймья – Курской волости на рубеже эпох: IX–XI века. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. Курск, 2007. 39 с.
15. Ефимов К.Ю. К вопросу о взаимоотношениях оседлого и неоседлого населения Червлёного Яра во второй половине XIII–XIV вв. (В свете новых археологических открытий) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 1999. С. 171–174.
16. Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // РА. 2000. № 1. С. 167–182.
17. Зайцев А.К. Где находились владения князя Липовичского, упоминаемые в летописях под 1283–1284 гг. // Липецк: начало истории. Липецк: Институт истории РАН, Институт археологии РАН. 1996. С. 40–51.
18. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1892. 327, 47 с.
19. Ильин А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг.: Государственное издательство, 1921. 62 с.
20. Коваль Ю.А. – Щавелеву С.П. 1996. Л. 1–5 (архив автора).
21. Коваль Ю.А. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // РА. 1998. № 2. С. 177–187.
22. Кульпин Э.С. Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в XIII–XV вв.) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 74–89.
23. Кучкин В.А. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории. Липецк: Институт истории РАН, Институт археологии РАН. 1996. С. 7–39.
24. Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение Курской земли в золотоордынское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии / Гл. ред. А.В. Евглевский. Т. 6. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ. 2008. С. 487–506.
25. Марков Е. Клады старой Северщины // Памятная книжка Воронежской губернии [на] 1902 г. Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1902. С. 1–18.
26. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во ВГУ; МИОН, 2002. 200 с.
27. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами ино-странными. Том II. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и с Турцией. 1508–1521 гг. / Под ред. Г. Ф. Карпова и Г. Ф. Штендмана // Сб. Императорского Русского Исторического общества. Т. 95. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. XIX, 706 с.
28. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.Ф. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1996. С. 154–268.
29. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 648 с.
30. Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию Академика Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 2001. С. 144–153.
31. Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации [могильных древностей Европейской России], описание и каталог коллекции древностей профессора Д.Я. Самоквасова. Варшава: Типография Марии Зенкевич, 1892. XLII, 101 с.
32. Сборник князя Оболенского. М.: Типография Лазоревых Ин-та восточных языков, 1838. 596 с.
33. Сиверс А.А. Топография кладов с пражскими грошами. Пг.: [РАИМК], 1922. 37 с.
34. Соловьёв Л.Н. Стоянки, селища и городища окрестностей Курска // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 4. С. 16.
35. Травкин С.Н., Зорин А.В. Медные монеты Золотой Орды с Ратского археологического комплекса // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Материалы межрегиональной научной конференции. Курск, 2005.
36. Фёдоров Г.Б. Топография кладов с литовскими слитками и монетами // КСИИМК. Вып. XXIX. М., 1949. С. 64–75.
37. Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Вып. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.
38. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 180 с.

39. Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 232 с.
40. Цыбин М.В. Юго-восток русских земель во второй половине XIII–XIV вв. (к изучению этнокультурных процессов) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА РАН, 1997. С. 337–344.
41. Цыбин М.В. Археологическое изучение Червлёного Яра // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Труды юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой». Тула – Куликово поле, 12–14 октября 2000 г. / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула, 2001. С. 17–19.
42. Цыбин М.В. Археологический комментарий к грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о Червленом Яре // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1: Археология / Отв. ред. А.З. Винников и др. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 194–200.
43. Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1987. 139 с.
44. Щавелев С.П. Курское Посеймье в «Поучении» Владимира Мономаха // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия (Тезисы докладов и сообщений международной конференции. Ч. «История и историография. Общность исторических судеб и сотрудничество славянских народов») / Отв. ред. А.М. Аббасов. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное изд-во, 1997. С. 78–81.
45. Щавелев С.П. Курск в «Списке русских городов, дальних и ближних» // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы. Материалы межгосударственной научной конференции (Брянск, 13–14 мая 2003 г.) / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск: БГПУ, 2003. С. 75–78.
46. Щавелев С.П. «Град Римов» в «Посеймье» (два этюда к летописной географии Курского края) // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь 5. К 100-летию со дня рождения Ю.А. Липкина (1904–1983). Ч. 1 / Под ред. А.Т. Хроленко. Курск: КГПУ, 2004. С. 61–73.
47. Щавелев С.П. Новый этап фальсификации нумизматических источников по истории и археологии Древней Руси (По курским и брянским материалам) // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Сб. научных статей / Отв. ред. Е.А. Шинаков. Брянск, РИО Брянского гос. ун-та, 2009. С. 184–191.
48. Щавелев С.П. Областная археология в чёрно-белую полосу (О разграблении курских памятников археологии в 1990-е – 2000-е гг.) // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения В.А. Городцова. Отв. ред. И.Г. Кусова. Рязань, 20–22 апреля 2010 г. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010. С. 146–149.
49. Sobczak J. Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewski. Warszawa – Poznań: Państwowe wydawnictwo nauk, 1984. 133 s.

УДК 902/903

В.А. Якунина

Аварский компонент в материальной культуре лангобардов

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния аварского племени на лангобардов в период их пребывания на территории Паннонии (VI в.), а также рассматривает влияние местного, дунайского, населения и Византии. Затрагивается вопрос о лангобардо-аварском синтезе на территории современной Венгрии, в частности Трансданубии, а также вопрос о усвоении лангобардами техники конного боя и принятии стремени.

Ключевые слова: аварское племя, лангобарды, Византия, техника конного боя.

Abstract. The article dedicates the influence of the Avar tribe on the Lombards during their stay in the territory of Pannonia (VI c.). And considers the influence of the local, the Danube, the population and the Byzantine Empire. It affects the problem of the Lombards and the Avar synthesis on territory of present-day Hungary, Transdanubia in particular, and also the question of mastering the art of equestrian battle the Lombards and the adoption of the stirrup.

Key words: Avar tribe, the Lombards, Byzantium, the technique of horse fighting.

Этногенез народности – сложный и запутанный процесс, проходящий в веках и зависящий от множества факторов. Этногенез лангобардов – яркий пример тому, как живо впитывают в себя все новое и новое этносы, находящиеся в стадии формирования собственной народности. Однако, изучение этого процесса у лангобардов сопряжено с рядом трудностей, одна из которых – практически полное отсутствие письменных источников древнейшего периода зарождения лангобардской общности и крайне малая, и крайне однобокая освещенность их в источниках IV-VI вв. Таким образом, основная часть информации получается из анализа элементов материальной культуры при сопоставлении их с письменным базисом.

Данная же работа посвящена рассмотрению такого аспекта в этой обширной теме, как влияние аварского племени на лангобардов в период их пребывания на территории Паннонии, т.е. в VI в., так как она оказалась зоной наиболее интенсивного этнического взаимодействия. В её пределах пересеклись переселенческие потоки германских, славянских, тюркских и других народов, которые двигались как с Востока на Запад, так и из бассейна Эльбы, Одера и Вислы. Следует учитывать также влияние местного, дунайского, населения и Византии. Являясь плодородной и богатой провинцией с высокой агрокультурой и ремесленной техникой, развитыми формами скотоводства, большой плотностью сельского и городского населения, с крупными городами экономического и стратегического значения, Паннония имела значение и как территория, удобная для проживания, поэтому неудивительно, что многие племена стремились проникнуть на ее земли.

Древнейшие в Паннонии погребальные клады, которые исследователи определяют как лангобардские, являются чисто германскими и очень напоминают захоронения прочих германских народов языческого периода, включая остготов [16, с. 28]. Они, хотя и не дают нам основания говорить о самобытной культуре лангобардов, но свидетельствуют о народе, который вел полукочевой образ жизни, был окружен племенами, чье культурное развитие существенно отличалось от его собственного, а потому не могло быть им воспринято [16, с. 64]. Однако германские захоронения на территории Паннонии более позднего времени значительно отличаются от более ранних [7, с. 168-169], что свидетельствует об интенсивном внешнем воздействии.

Сосуды, найденные в лангобардских захоронениях на территории Паннонии могут быть разделены на две группы. К первой И. Бона относит типы привезенные лангобардами с территорий р. Эльбы, Моравии, Австрии или Тюрингии. Оформлены вручную или на ручном кружале. Вторая группа сосудов состоит из типов заимствованных лангобардами непосредственно на территории Трансдании, от имевших достаточно развитую гончарную индустрию гепидов и баварцев [3, с. 243].

В середине VI в. в Европе появляются племена аваров, происхождение и этническая принадлежность которых являются до сих пор дискуссионной проблемой [6, с. 238]. Опираясь на византийские сочинения, можно утверждать только то, что авары были кочевниками и выходцами с Востока, что подтверждают и археологические данные [12, с. 17]. Во всем остальном толкование сообщений источников представляет значительные трудности.

Анализ сведений об аварах убеждает в том, что говорить об образовании у них государства [6, с. 252] не приходится. Термин «Аварский каганат», которым столь часто оперируют в научной литературе, в средневековых источниках отсутствует. Чаще всего употребляется этноним авары. Аварское общество характеризуется, по археологическим данным, значительным имущественным расслоением. Письменные источники указывают на наличие знати, отличавшейся особым военным снаряжением, и простого народа [6, с. 246].

Византийский летописец VII века Феофилакт Симокатта писал, что авары – это псевдоним племен уар и хунни, которые приняли его для устрашения покоренного народа [17, с. 189]. Однако, эта версия не выдерживает критики. Позже было выяснено, что авары действительно являлись тем самым племенем авар.

В 558 году аварские посланцы явились в Европу и предложили Византии союз, в обстановке, сложившейся в то время это было выгодно обоим. Договор заключили. Император предложил аварам земли на территории современной Сербии, однако им эти земли не понравились, они попросили для себя Добруджу, лежащую вдоль Дунайских берегов, но и там они задержались не долго. Так как после союза с лангобардами и победой над гепидами они заняли свое «место под солнцем» в Паннонии [18, с. 100-101].

Обычай устраивать большие могильники, хоронить лошадей отдельно от человека, свидетельствуют о том, что среди пришельцев были монголоиды, «частичные» же захоронения лошадей (только ноги и череп) – об иранских обычаях. Вывод о преобладании монголоидной примеси среди аварской знати и почти полное отсутствие ее в рядовых погребениях, сделанный Б. В. Фирштейном и Т. А. Тотом, указывает на сложность этногенеза аваров и на участие в нем как дунайских племен, так и тех, которые вошли в состав аварского каганата [15, с. 33].

Большая часть аварского общества состояла из воинов. В погребениях находится много оружия, так как по их представлению, воины и в загробном мире продолжали ту деятельность, которой занимались на земле. Известно множество богатых погребений ранне- и среднеаварского периодов, сконцентрированных в центральной части Венгрии [18, с. 102].

Для ранней группы аварских погребений (последние десятилетия VI – середина VII в.) характерны находки так называемого мартыновского типа [11, С. 233], в том числе ременные бляшки, кованные с пунктиро-штриховым орнаментом, с различными рельефными узорами, розетками и человеческими масками; серьги с подвесками в виде бубенчиков, звездочек и гладких пирамидальных столбиков, кольцообразные серьги со стеклянными бусами, браслеты с колбообразно-утолщенными концами. В это время были распространены: длинные однолезвийные мечи, луки, скрепленные узкими роговыми пластинками, трехлопастные, легкие стрелы, округлые стремяна (для сапог с мягкой подошвой). Керамические материалы образуют прежде всего бутылевидные сосуды, привнесенные кочевниками, и местная грубая посуда серого цвета. Нередко погребения людей сопровождались конскими захоронениями. Важным является тот факт, что в лангобардских могильниках на территории Паннонии обнаруживается большой процент захоронений воинов с головами лошадей, чего не наблюдается в могилах до V века [1, с. 89]. Для раннего периода свойственно положение коня слева от всадника или символические конские захоронения (помещение в могилы частей коня без его туловища) [11, с. 233]. М. Немети и Л. Клима [2, с. 242-243] выделяют восемь главных типов конских захоронений:

1. Погребения с сожжением.
2. Погребения с конём (скелет человека и лошади в общей могиле).
3. Частичные конные погребения.
4. Конные могилы.
5. Захоронение человека с конской сбруей.
6. Скелет лошади или частичное погребение над скелетом человека.
7. Погребения с конем в катакомбах.
8. Человек с двумя или несколькими конями.

Погребения с сожжением и общие погребения человека и коня распределены в Карпатском бассейне равномерно. Частичное конское погребение характерно для восточных территорий страны. Подавляющее большинство самостоятельных конских погребений находится в Задунавье (Западная Венгрия).

Авары осели в Паннонии на исходе седьмого десятилетия VI в., вступив в союз с лангобардами. Цель их – изгнать гепидов, а затем и самих лангобардов, которые двигались в направлении Италии [9, с. 272]. Относительно долго, около пятидесяти лет, продержался союз аваров с лангобардами, направленный против гепидов и Византии (*Paulus Diacons, IV; 4*). Можем ли мы говорить о взаимодействии этих народов?

На данный момент спорным является вопрос о лангобардо-аварском синтезе на территории современной Венгрии, в частности Трансдубнии. Часть ученых, во главе с И. Бона заняли позицию полного отрицания взаимодействия этих племен, доказывая это отсутствием изменений в керамике лангобардов и авар, а так же антропологическим фактором. Так, например могильник в с. Варпалота (Трансдубния, Венгрия) содержит в себе 36 лангобардских и 7 раннеаварских могил [3, с. 233].

Антропологический материал могильников Варполоты был обработан профессором М. Миланом [3, С. 233]. Пригодными для анализа оказались лишь треть черепов. Он пришел к выводу, что лангобарды принадлежат к антропологическому типу «Reichengraber», содержащем в себе различные признаки нордической расы, а так же что авары и лангобарды не смешивали кровь [3, с. 234]. В свою очередь археологи подтверждают, что погребения аваров в лангобардских могилах начались там только после отхода вторых с территории Паннонии.

Однако, не все ученые согласны с этой позицией. Так, по Э. Беннигеру Й. Поулик относит часть горшков к «Керамике кочевников», понимая под ними пришедшие с востока гуннов, алан и авар. А так же, проследивая заимствования не только на уровне бытовой и ритуальной керамики, но и в других элементах материально культуры. Сравнивая орнаменты лангобардов и авар, несомненно, бросаются в глаза заимствования. «Звериный стиль», явно преобладающий в орнаментах лангобардов в кон. VI в. Он, скорее всего, был передан им аварами, которые, в свою очередь, переняли у скифов.

К тому же, лангобарды были умелыми наездниками, мастерски владели они двуручным копьем и длинными мечами [9, с. 272-273]. Умение удерживать равновесие в седле было для них жизненно важным, что, однако, не было характерно для германцев – воинов Северной Европы обычно не воевал верхом. Лошадь была не боевым, а транспортным и церемониальным животным. Изображение всадника в лангобардских захоронениях появляется только с момента их пребывания на территории Паннонии, из чего следует, что «сели на лошадь» они именно там. Так у кого же переняли лангобарды верховую езду?

Существуют два основных подхода: одни историки полагают, что лангобарды переняли его от авар, другие же утверждают, что навыки конного боя они переняли от византийцев. По мнению Ф. Контамина, византийцы познакомились со стремям в конце VI в., а авары - в начале VII в. [10, с. 200], а от тех оно перешло к лангобардам. Ф. Кардини, напротив, связывает распространение и применение стремени у лангобардов с византийской, а не аварской традицией [9, с. 273]. В целом же вопрос о том, от кого приняли стремя лангобарды и когда именно они стали превосходными наездниками, не нашел в литературе широкого освещения, хотя отдельный аспект этой проблемы затронуты в статьях С. А. Комиссарова, И. Л. Измайлова, И. Л. Кызласова и А. К. Амброза.

Самые ранние из найденных аварских стремей датируются первой половиной VII в. [5, с. 78-80]. Этот факт, как и отсутствие между аварами и лангобардами сколь-нибудь заметных контактов после третьей четверти VI в., [9, с. 273] дает основание некоторым исследователям говорить о заимствовании лангобардами стремени у Византии

Однако А. К. Амброз пришел к выводу, что византийцы переняли стремя от авар на рубеже VI-VII вв. [5, с. 81], как и кавалерийские копья с ременной петлей посередине для увеличения дальности полета, специальные прикрытия для защиты шеи у лучников, общий покрой одежды для всадников, конструкция лагерных палаток, элементы конского снаряжения, многолинейное построение боевого порядка [13, с. 65-72.]. Так могли ли византийцы, сами переняв стремя, часть вооружения и боевого порядка у авар, являться распространителям стремени? В пользу «аварской» версии говорит и тот факт, что ранние из найденных аварских стремей отнесены к VII в., но оружие, использование которого невозможно без стремени, датируется концом VI в. [8, с. 70]

Таким образом, в свете современных исследований мы можем прийти к выводу, что решающим фактором, определившим усвоение лангобардами техники конного боя, было все-таки аварское влияние.

Данная тема еще не изучена до конца, но в свете представленных данных представляется верным вывод, что гипотеза «Restgermanentum», утверждающая что часть лангобардов не пошли вместе с Альбином в Италию, а осели на территории Паннонии и продолжили тесные контакты с аварами не является состоятельной, однако отрицать их взаимодействия в период проживания на смежных территориях нельзя.

Список источников и литературы

1. Aberg N. Goten und langobarden in Italien. – Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeri, 1993.
2. A Nyíregyházi Jóna András Múzeum évkönyve 30-32. - 1987-1989 (Nyíregyháza, 1992), с. 242-243.
3. Bona I. Die Langobarden in Ungarn. Die Grabfelder von Varpalota und Bezenye // Acta archaeo-logica academiae scientiarum Hungaricae. T.VII. – Budapest: Akademia Kiado, 1956.
4. Werner J. Die Langobarden in Pannonien. Beiträge zur Kenntnis der langobardischen Bodenfunde vor 568. – München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1962.
5. Амброз А.К. Стремена и сёдла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII вв.). // СА. 1973. № 4.
6. Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. – СПб.: Алетейя, 2011.
7. Гимбатус М. Славяне. – М.: Центрполиграф, 2007. – 216 с.
8. Измайлов И.Л. Появление и ранняя история стремей в Среднем Поволжье. // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: 1990.
9. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – М.: Прогресс, 1987.
10. Контамин Ф. Война в Средние века. – СПб.: Ювента, 2001.
11. Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
12. Симонова Е. Н. Результаты исследования позднеаварского могильника в Фейсерла // СА. 1978. № 2.
13. Стратегикон Маврикия / Изд. Подг. В. В. Кучма. – СПб.: Алетейя, 2004. С.65-72.
14. Павел Диакон. История лангобардов // Памятники средневековой латинской литературы IV – IX веков. – М.: Наука, 1970.
15. Тот Т. А. Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов. Авары и Сарматы. – Л.: Наука, 1970.
16. Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье 400-1000 / Пер. с англ. Санина А. П. – СПб.: Евразия, 2002.
17. Феофилакт Симокатта. История. – М.: Арктос – Вика-пресс, 1996.
18. Эрдели И. Авары // Исчезнувшие народы. – М.: Наука, 1988.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 902

С.В. Акимова, Г.Е. Свистун

Исследование каменно-кирпичного фундамента второй половины XVIII в. на ул. Театральной, 23 в г. Воронеже

Аннотация. В 2014 г. были произведены археологические раскопки в исторической части г. Воронежа. Результатом стало открытие каменно-кирпичной кладки фундамента ныне несуществующего здания, который датируется 1770 – 1790 гг. Были выявлены строительные особенности того периода, установлен формат кирпича, а также положено начало изучению воронежского изразцового искусства.

Ключевые слова: исторический центр, фундамент, конструктив, кирпич, кладка.

Abstract. In 2014 there were carried out archaeological research in the historical part of Voronezh. The result was the discovery of a stone and brick foundation of the now defunct building that dates 1770 – 1790. The construction period features were identified, the format of the brick was set and also the beginning of study of Voronezh tiled art was initiated.

Key words: historic center, foundation, constructive, brick, masonry/

Раскопки в историческом центре г. Воронежа до последнего времени были редким явлением. Первые археологические исследования городского культурного слоя были проведены в 2011 г. экспедицией ВГУ под руководством В.Н. Ковалевского (Ковалевский, 2013). Но систематическому изучению культурных слоев города по-прежнему мешали с одной стороны скептическое отношение специалистов-археологов к раскопкам в городе, разрушенном на 90% в период Великой Отечественной войны, с другой – противодействие застройщиков, стремящихся любыми способами не позволить археологические исследования на участках, предполагаемых под хозяйственное освоение.

Ситуация изменилась в лучшую сторону с принятием в августе 2013 г. поправок в Федеральный закон № 73-ФЗ, обязывающие сохранять культурный слой, время возникновения которого превышает сто лет, включая археологические предметы. Возможность убедительно подтвердить сохранность культурного слоя в исторической части города представилась в 2014 г. В научном плане данный формат археологических исследований имеет большое значение для изучения динамики освоения территории г. Воронежа, выявления архитектурных и строительных особенностей застройки, характера и изменения материальной и духовной культур, особенностей образования культурных напластований на определенных временных отрезках.

Так, при рытье котлована под строящуюся пристройку к гостинице «Россия» был выявлен объект культурного наследия «Остатки городской усадьбы 2 пол. XVIII – XIX вв.». Строительство было приостановлено до проведения полного археологического исследования обнаруженного объекта. Раскопки проводились совместными усилиями АУК ВО ГИИKN и ООО «Терра». В пределах строительного участка культурный слой сохранился лишь в его юго-восточном секторе. На остальной территории в XX – нач. XXI вв. находилось здание с подвальными помещениями, снесенное перед началом строительных работ (рис. 1). Раскоп был разбит в границах запроектированного котлована здания. Общая площадь раскопа составила 150 кв. м. Но даже на таком небольшом участке проведенные исследования оказались весьма результативными.

Архивные и картографические материалы свидетельствуют об активном освоении подвергшейся исследованиям территории с XVIII в. по настоящее время. Данная зона находилась с внутренней стороны старого земляного вала, опоясывавшего город с напольной стороны (рис. 2). В ходе разработки регулярного плана города, утвержденного в 1774 г., начинается масштабное перепланирование городской застройки. Попытки упорядочить хаотичную застройку средневекового города начались с конца 1760-х гг., а случившийся в 1773 г. пожар ускорил окончательную разработку, утверждение и реализацию этого плана, автором проекта которого считается выдающийся русский зодчий И.Е. Старов, а осуществление которого начал губернский архитектор Н.Н. Невский, игравший значи-

тельную роль и в его создании (Историко-культурное наследие Воронежа, 2009, с. 8-9). На планах сер. XIX в. в пределах исследуемого участка зафиксирована постройка (рис. 3), которая, согласно проекту 1899 г., уступает место комплексу хозяйственного назначения, а именно ограде и навесам для хранения сельскохозяйственных орудий в усадьбе А.Г. Просвиркина¹.

Характеристика отложений культурного слоя и его хронологические рамки. Раскоп по всей площади был перекрыт слоем современного строительного и бытового мусора, мощность которого достигала 0,30–0,45 м. Основу первых двух пластов составлял слой темно-серого гумусированного суглинка со строительным и бытовым мусором XVIII – нач. XX вв. со значительным преобладанием битого красного кирпича с известковыми включениями. Мощность культурного слоя без примесей строительного мусора и перекопов составила от 0,5 м до 1,0 м. Слой представлен темно-серым гумусированным суглинком. В данном слое преобладали находки, датированные XVIII в. Материковое основание представляло собой коричневую глину со следами, оставленными землеройными животными.

В целом были зафиксированы следующие строительные горизонты на территории раскопа:

I горизонт можно датировать XVIII – перв. пол. XIX вв. – временем освоения данной территории в рамках развития г. Воронежа. Стратиграфически с этим горизонтом можно связать перекрывающий материк слой темно-серого гумусированного суглинка, толщина которого колеблется от 0,20 до 0,45 м.

II горизонт датируется сер. – вт. пол. XIX вв. Стратиграфически этот горизонт выделяется по насыщенности битым красным кирпичом и прослойками и линзами известкового и глиняного растворов.

III горизонт датируется кон. XIX – XX вв. Стратиграфически это верхний слой, толщина которого колеблется от 0,20 до 0,40 м. Он содержит значительное количество бытового и строительного мусора. К нему имеют отношение ямы № 1 и № 2 (рис. 4) (Акимова, 2015, с. 50).

Каменно-кирпичная кладка (рис. 4–8). В пределах раскопа – в кв.кв. -1/Д-Ё, 2/В-Ж, 3,4/Ж, 4,5/А-Ж – был изучен фрагмент основания несохранившейся до настоящего времени постройки, установлены применявшиеся в процессе строительства строительные приемы и использованные материалы. Остатки каменно-кирпичных конструктивов представляли собой три параллельные относительно друг друга линии кладок фундамента различной степени сохранности. Объект уходил в юго-восточную стенку раскопа, прирезка для его полного исследования была невозможна ввиду прохождения за границами котлована коммуникаций. В кв.кв. -1/Г-Ё на уровне -2,12 – -2,25 м² кладка прослеживалась лишь отдельными массивами известкового раствора, в котором эпизодически встречались фрагменты кирпичей, тесто которых с примесью известковых и иных минеральных включений характерно для строительной керамики XIX – нач. XX вв.

Более информативными являлись конструктивы в кв.кв. 2/В-Ж и 4,5/А-Ж, соединявшиеся кладкой в кв.кв. 2-4/Ж, которая была расположена перпендикулярно относительно векторов направленности остальных. Кладка в кв.кв. 2/В-Ж состояла из уложенных на гумусированный суглинок нижних рядов рваного бутового (серого или серовато-желтого (Савченко, Булах, Харьюзов, 2011, с. 17) песчаника (наиболее крупные камни составляли размеры ок. 32×21×8-10 см; 42×38×10-12 см и т.п.) и битого обожженного кирпича, скрепленных глинистым раствором. Тесто фрагментов кирпичей содержало примесь известковых и иных минеральных включений. Мощность данного слоя колебалась в пределах 12-18 см. Поверх каменно-кирпичной массы, скрепленной глинистым раствором, была выполнена заливка известковым раствором максимальной мощностью до 7-8 см, сохранившейся *in situ* в кв.кв. 2/В-Ё. На стыке кв.кв. 2/Г и 2/Д в заливке имеет место полукружный паз шириной вдоль кладки 70 см и заходящий вовнутрь на 25 см, образованный, по-видимому, на месте некоего конструктивного деревянного элемента (столба – ?). Данный паз доходил до уровня подлежащего гумусированного суглинка, равняясь по высоте, таким образом, 17 см. В кв.кв. 2/Д и 2/Е кладка имеет разрыв ввиду впущенной в ее массив ямы № 1. Общая ширина кладки в кв.кв. 2/В-Ж составляла 65-70 см.

Кладка в кв.кв. 4,5/А-Ж также была размещена на слое гумусированного суглинка. Ее нижняя часть представляла собой уложенный на глинистом растворе рваный бутовый песчаник, наибольшие экземпляры которого достигали размеров 47×52×12 см, 37×45×10 см, 55×60×14 см и т.п. Следует отметить, что глинистый раствор имел значительную примесь гумусированного суглинка, фракций известков и фрагментов обожженного кирпича. Мощность данного слоя доходила до 14-18 см. В кв.кв. 4,5/Е-Ж под рассматриваемым каменно-кирпичным слоем на глиняном растворе наличествует подсыпка, состоявшая из мешаного грунта с примесью строительного мусора мощностью до 30 см. Поверх каменно-кирпичного слоя, скрепленного глиняным раствором, фиксировалась кладка обожженного кирпича (рис. 4-5; 7-8). Последний был уложен длинной стороной поперек продольной оси кладки и скреплен глинистым раствором. Сохранившиеся экземпляры кирпичей позволили произве-

¹ Значительная помощь с архивными планами была любезно оказана Л.В. Кригер, которой авторы, пользуясь предоставленным случаем, выражают свою глубокую благодарность.

² Глубины указаны относительно общего нивелировочного уровня – репера раскопа.

сти замеры их параметров: 26×13×5,3 см; 25,5×13,5-14×5,5-5,7 см; 26×13,5×5,3 см. Обжиг данных строительных модулей некачественный, равно как и прочностные характеристики, постели имеют деформации и значительные вариации метрических параметров. На постелях отдельных экземпляров кирпичей сохранились следы известкового раствора.

В кв.кв. 4,5/Г кладка имеет место разрыв ввиду впущенной в ее массив ямы № 2. Общая ширина кладки в кв.кв. 4,5/А-Ж находилась в пределах 75-94 см. Сужение кладки на рассматриваемом участке связано с ее разрушением ямой № 2.

Анализ особенностей выявленных элементов постройки позволяет сделать вывод о том, что кладка фундаментов была впущена в траншею, вырытую в гумусированном грунте и доходившую до подлежащего гумусированного суглинка. Стенки траншеи естественным образом совпадали с границами каменно-кирпичной забутовки и заливки глинистым раствором до ее полного заполнения. Таким образом, дневная поверхность на момент возведения здания находилась в пределах верхнего края заполнения траншеи. Такие фундаменты, использующие «дикий» камень, были характерны для построек XVIII – XIX вв. В частности, мы находим прямые указания на такую технологию в архивных документах, относящихся ко времени военных поселений. Например, в округе Белгородского уланского полка «для построения каменного полкового госпиталя под главный корпус одного вырыто четыре продольные канавы и забучено бутовым камнем» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 2 Д. 1469, 1829. Л. 106). А в документе, описывающем план дома для Дивизионного командира в г. Чугуеве, приводятся размеры подобного исследованному нами элемента постройки: «фундамент глубиной ½ аршина, забутован бутовым камнем 10 куб. саженой и 10 куб. аршин фундамента» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 2 Д. 1555, 1829. Л. 106-11). Глубины траншей воронежской и чугуевской построек в приводимом примере близки. Но размеры фундаментов также могли значительно разниться в зависимости от предполагаемой нагрузки на них – размеров зданий. Наглядным примером может служить фундамент здания Штабов военных поселений в том же г. Чугуеве, где глубина траншеи была многократно больше – до 2,5 м, а слой песчаниковых камней в нижней части фундамента составлял по высоте более 70 см (Свистун, 2009, с. 13, рис. 307-308).

Не менее значимыми для определения времени возведения исследованной нами постройки являются находки кирпичей, с которых удалось снять метрические параметры.

Сохранившиеся кирпичи в кладке фундамента характеризуются деформированными гранями, скругленными ребрами и обтекаемыми углами, что объясняется способом формовки – забиванием форм остатками глины, оставшейся от предыдущих забивок и износом самих форм. Это явление было характерно для способа формовки кирпича, применяемом в XVIII в. и первых десятилетиях XIX в. С нач. XIX в. неоднократно предпринимались попытки сменить ручной способ формовки на машинный, которое получило массовое распространение с 40-х гг. XIX в., что повлекло за собой значительное качественное изменение внешнего облика кирпичей (Киселев, 1990, с. 9). Ввиду выше изложенного кирпич из исследованной нами постройки может быть отнесен к периоду XVIII – перв. пол. XIX вв. Значительно уточняющим датировку признаком являются метрические параметры строительной керамики. Наиболее близкими к выявленным зафиксированы кирпичи, применявшиеся в 1766 – 1768 гг. (260×135×60 см) и 1792 г. (260×130×55 см) (Киселев, 1990, с. 14-15, табл. 3). Учитывая в совокупности все факторы, включая тычковую систему кладки, распространившуюся в самом начале XIX в., а также вид скрепляющего раствора и пр., можно датировать данную постройку 70-90-ми гг. XVIII в.

Вызывает особый интерес концентрация в пределах вектора траншеи, непосредственно под конструктивом, вещевых находок, которые, скорее всего, происходят из заполнения траншеи в нижней части, представляя собой мусорный выброс на момент начала строительства. В силу этого данные артефакты являются датирующим маркером, позволяющим дополнительно датировать выявленные остатки постройки. Альтернативное предположение, согласно которого данное скопление фрагментов вещей может происходить из ямы (выемки, понижения микрорельефа) более раннего периода, очертания которой не улавливались визуально, имеет право на существование. Но оно менее вероятно, т.к. распространение находок планиграфически точно соотносилось с границами конструктива (траншеи) и не выходило за пределы последнего.

Находки из-под каменно-кирпичного фундамента представляли собой терракотовые изразцы, кожаное изделие, а также глиняную и стеклянную посуду.

Изразцы (кафли): фрагменты глазурованных красноглиняных коробчатых изразцов с монотонным растительно-геометрическим орнаментом по периметру. По назначению они делятся на угловую (рис. 9: 1) и поясную (рис. 9: 2). Сохранившиеся лицевые размеры позволяют зафиксировать их ширину, составляющую 19 и 9,8 см. Лицевая пластина поясного изразца составляет размер 12×7,6 см. Сохранившиеся румпы – глиняные коробки для крепления изразцов в кладке – рассматриваемого типа изделий имеют утолщение (бунтик) по своему свободному краю в виде двойного ободка. Обычная высота таких румп колеблется в пределах 9-11 см. С одной из сторон они имеют техно-

логические боковые отверстия в месте крепления к лицевой пластине, выполненные до обжига, служившие для удобства крепления и привязывания проволокой при установке и для более равномерной сушки сырого отформованного изразца. Такие отверстия проделывались с узких сторон изразца металлической трубкой (патроном) по одной у небольших и по два у крупных образцов. Орнамент по периметру изделий выполнен ангобом с последующим покрытием лицевой поверхности глазурью, которая, скорее всего (исходя из цветовой гаммы), содержит в своем составе оксид железа Fe_2O_3 (Белов, 1982, с. 52; Акунова, Крапивина, 1983, с. 53; Куликовская, 2014).

Данные изразцы обладают характерными чертами для изделий данной категории, датирующимися XVI – перв. пол. XVII вв. Но в данный период отсутствовали угловые изразцы, заменявшиеся двумя прямыми, румпы которых были срезаны под углом 45° . Со вт. пол. XVII в. румпы изразцов имеют новую форму, сохранившуюся вплоть до XX в. на небольших заводах, выделявавших уже белые печные кафли, известные как московские (Филиппов, 2009). В нашем случае мы имеем, по всей видимости, переходный тип красноглиняного углового изразца, еще сохранявшего характерные черты изделий XVI – перв. пол. XVII вв., но в котором уже применен характерный способ конструктивного решения углового соединения следующего этапа в развитии конструктивных архитектурно-строительных решений, а также покрытие прозрачной глазурью. Поэтому данное изделие, с учетом сопутствующих находок, следует датировать, по нашему мнению, вт. пол. XVIII в.

В целом найденные под каменно-кирпичной кладкой рассматриваемые изразцы на внутренней поверхности не имели закопченности, которая могла бы свидетельствовать об их использовании исключительно в облицовке отопительных печей. Поэтому нельзя исключать возможности того, что данные изделия могли находить применение и во внешней отделке зданий, что имело место в русском зодчестве (Филиппов, 2009; Султанов, 1885).

Кожаная обувь (?): 4 фрагмента тонковыделанного кожаного изделия размерами $10 \times 4,5 \times 0,1$ см имеют отверстия от швов со следами вытянутости от прилагаемой нагрузки на растяжение, а также загибы и общие абрисы, характерные для носочной части обуви (рис. 10:1).

Оконное стекло: фрагмент полупрозрачной матовой плоской пластины толщиной 0,15 см. Общие размеры сохранившейся части составляют $7,3 \times 3,0$ см.

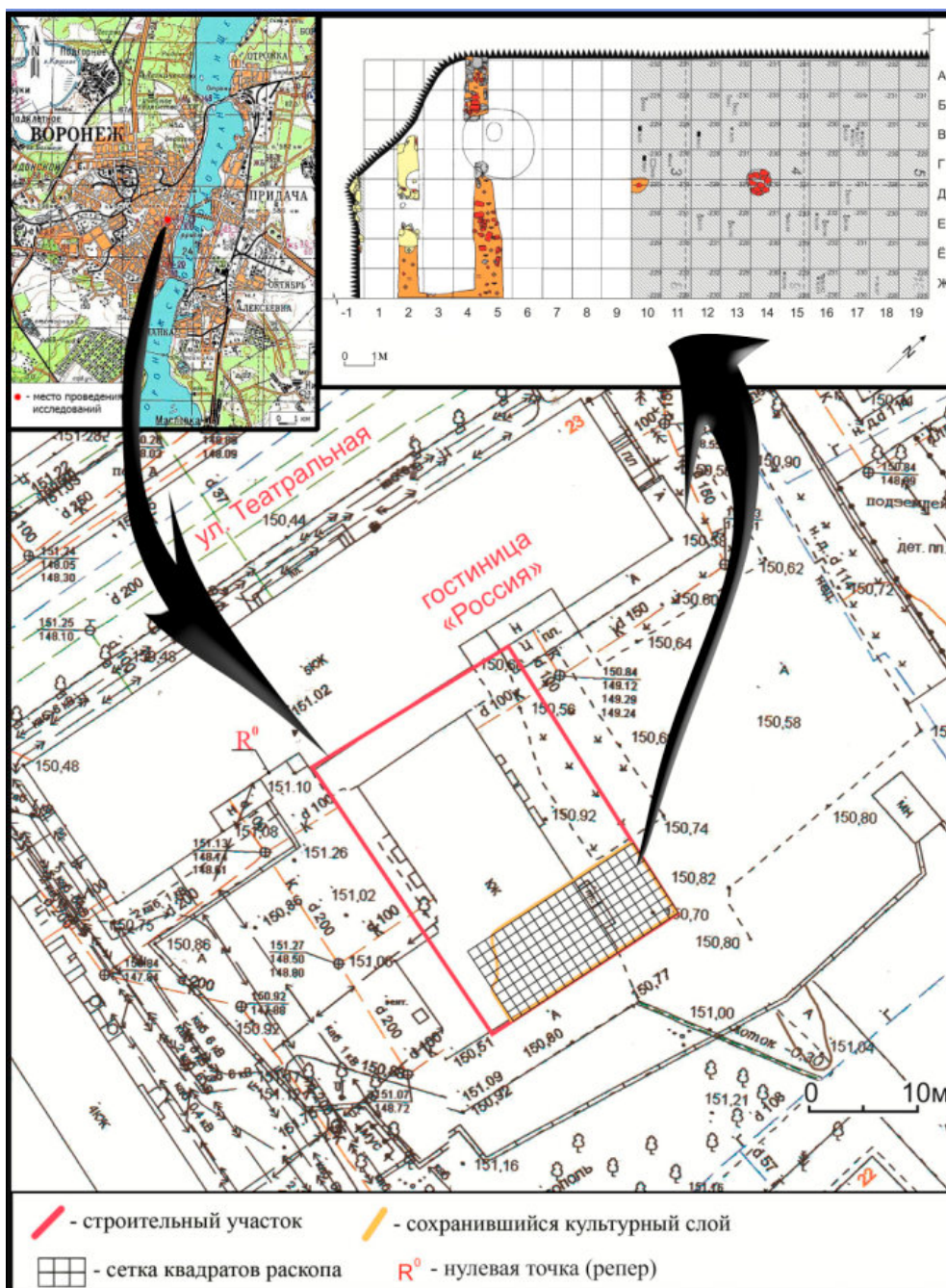
Посуда: фрагмент сероглиняного дымленого (мореного) сосуда с лощеным линейным орнаментом. Он представлен стенкой с прикрепленной к ней ручкой, которая имеет овальный поперечный профиль и продольное полусферическое очертание (рис. 10: 2); фрагмент фаянсовой полумиски с надглазурным растительно-геометрическим орнаментом у края бортика в виде сочетания полосы и элементов розеток зеленого оттенка и подлежащих коричневых (ангобовых) тонких абрисов (рис. 10: 3); фрагмент глазурованного сосуда с красковым орнаментом в виде светло-зеленой прямой линии у края бортика (рис. 10: 4); 2 горлышка полупрозрачных стеклянных с зеленым оттенком бутылок с наlepными валиками у верхнего края (рис. 11: 1, 2); нижняя часть стеклянной полупрозрачной с зеленым оттенком бутылки с приподнятым дном и следом понтия (рис. 11: 3); фрагментов горловой части с наlepным валиком у края горлышка (рис. 12: 1), плечиков с клеймами (рис. 12: 2-4), нижних частей (рис. 12: 5-6; 13) со следами понтия штофов или полуштофов из полупрозрачного стекла зеленых оттенков (рис. 13); верхней части бутылки с подпрямоугольным поперечным сечением тулова и наlepным валиком в средней части горла (рис. 14: 2); горлышки сосудов в виде раструба (рис. 14: 1, 3); стеклянных банок с отогнутым наружу бортиком (рис. 14: 4).

Широкогорлые тонкостенные банки (рис. 14: 4) относятся, скорее всего, к разряду аптечных сосудов (Яремченко, Ткаченко, 2010, с. 103, рис. 5: 1-5) и укладываются в общие рамки датирования сопутствующих находок – вт. пол. XVIII в. Но в отличие от аптечных, выполненных, как правило, из бледно-розового или бесцветного полупрозрачного стекла, найденные фрагменты изготовлены из зеленого и, к тому же, имеют уплощенные бока, что более характерно для двойного штофа, бытовавшего в то же время (Яремченко, Луговой, Ткаченко, 2008, с. 100, мал. 1: 1). Аналогичным образом могут быть датированы и остальные стеклянные сосуды из-под каменно-кирпичной кладки (Яремченко, Ткаченко, 2010), хотя бытование отдельных образцов начинается несколько ранее. Например, аналогичный фрагмент верхней части штофа (рис. 12: 1) известен уже в перв. пол. XVIII в. (Харитонов, 2010, с. 106, мал. 1: 2), а сосуды-бутылки с горлышками-раструбами (рис. 14: 1, 3), именуемые плесканками (как правило, использовались для вина), на территориях нынешних Польши, Западной Украины и Белоруссии начинают употребляться еще с кон. XVI в. (Гупало, Лосик, 2009, с. 263-279, с. 267, рис. 4, 1; Ляўко, 2001, с. 355; Nawraski, 1999, p. 119).

Особо следует остановиться на описании сохранившихся клейм на плечиках штофов. Первое из них – круглое в плане, имеет изображение короны и надпись под ней «Ф.Б» (рис. 12: 2). Второе – круглое в плане, с изображением короны и надписью под ней «Ө Ө», ниже которой, в свою очередь, помещена литера «М» (рис. 12: 3). Третье – подпрямоугольной формы в плане и надписью «[L]ONDON» (рис. 12: 4).

Подводя итоги исследований каменно-кирпичных конструктивов следует отметить, что археологический слой г. Воронежа сохраняет высокую степень информативности, а значит, требует бережного отношения к себе как к неоценимому и уникальному источнику, обладающему культурной и научной ценностью.

Проведенные исследования подтвердили свидетельства нарративных источников о начале застройки территории в районе ул. Театральной во вт. пол. XVIII в. Помимо прочего, раскопками 2014 г. были открыты и изучены каменно-кирпичные кладки фундамента ныне несуществующего здания, датируемого 1770 – 1790 гг. Как следствие, установлены строительные особенности того периода, формат кирпича, а также положено начало изучению воронежского изразцового искусства. Данные сведения являются особо важными, т.к. эти направления в изучении материальной культуры г. Воронежа либо вообще не разрабатывались, либо находятся в зачаточном состоянии. Накопление со временем базы данных в этой отрасли знаний позволит на качественно более высоком уровне производить датировку городских культурных слоев, проследить динамику освоения территории города и изменения его застройки, выявить особенности воронежской школы мастеров по производству кирпича и изразцов, особенностей оформления различных архитектурно-строительных конструктивов.

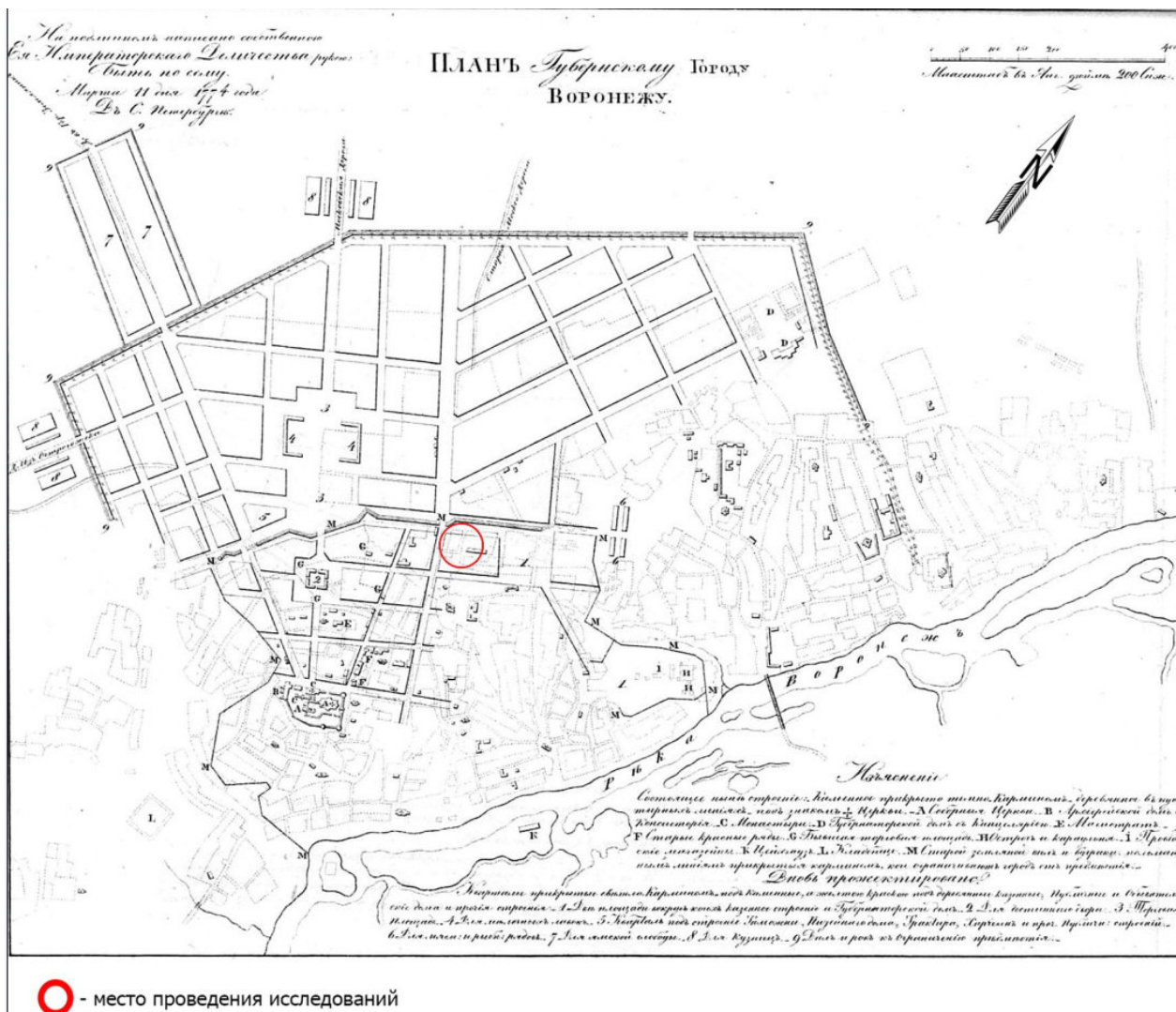

Рис. 2. Генеральный план г. Воронежа 1774 г. с наложением на более раннюю планировку

Рис. 3. Фрагмент плана городской застройки 1852 г. в г. Воронеже

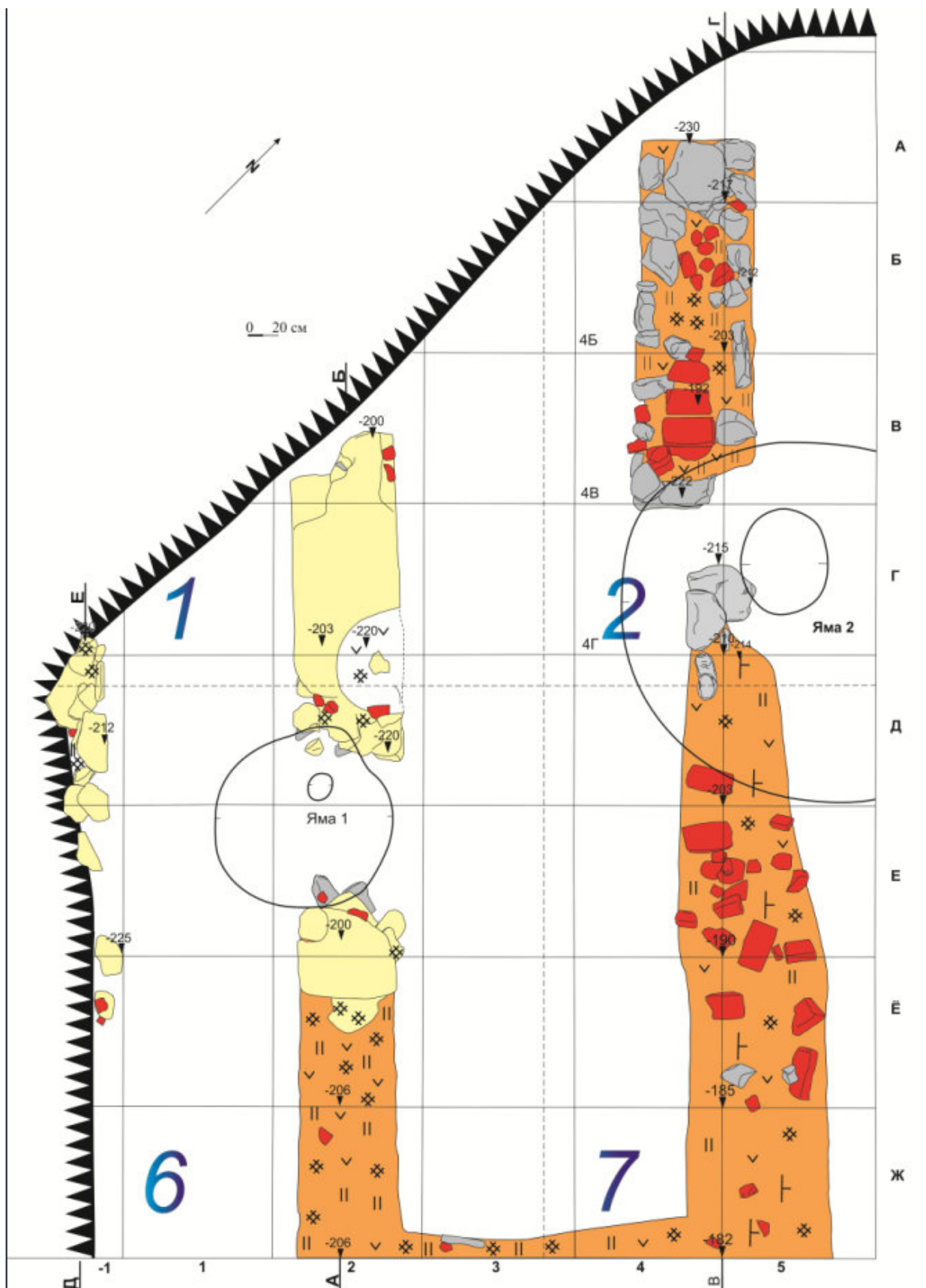

Рис. 4. План каменно-кирпичной кладки в кв. -1/Д-Ё, 2/В-Ж, 3,4/Ж, 4,5/А-Ж

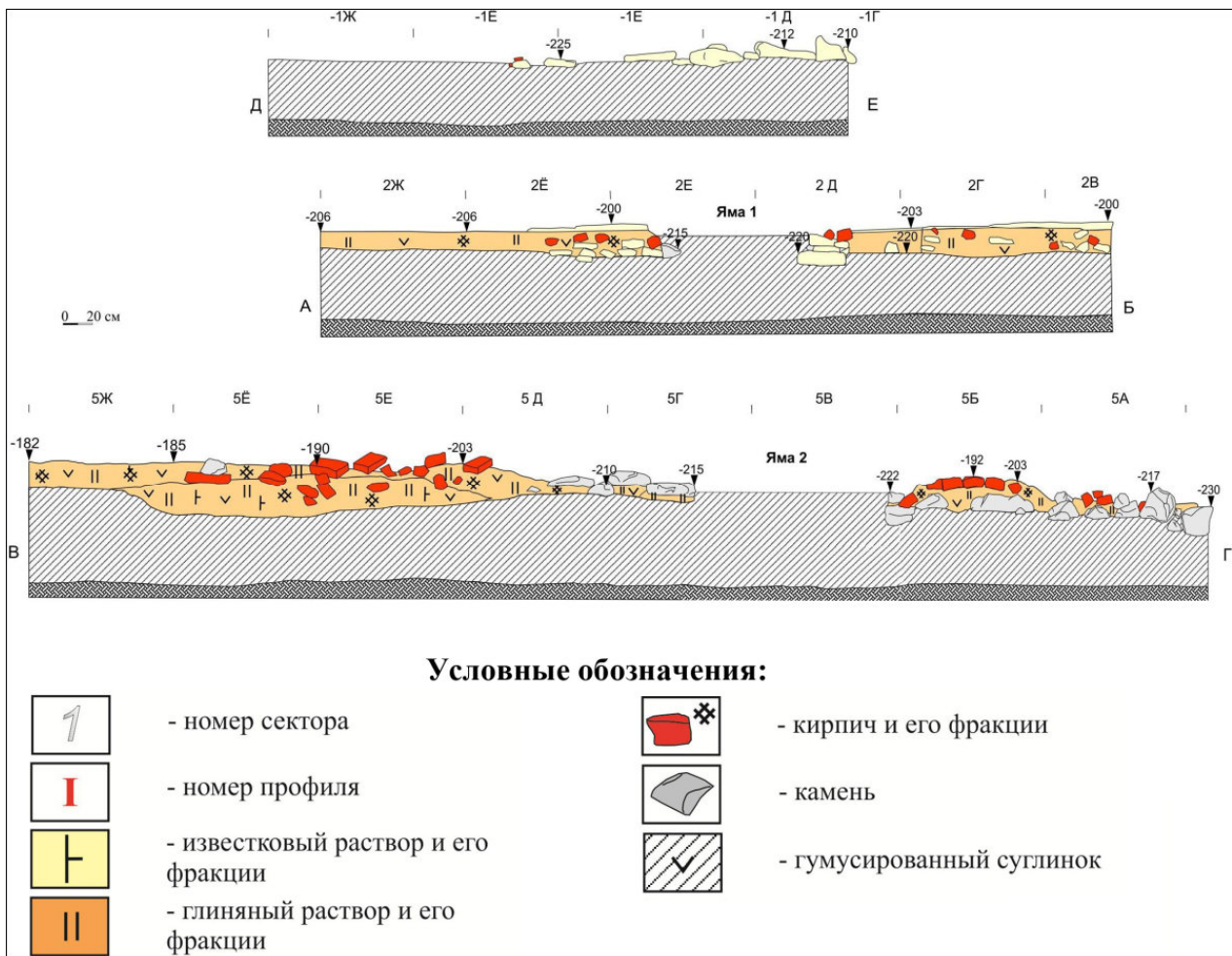

Рис. 5. Стратиграфические профили каменно-кирпичной кладки в кв. -1/Д-Ё, 2/В-Ж, 3,4/Ж, 4,5/А-Ж

Рис. 6. Общий вид каменно-кирпичных кладок в кв. -1/Д-Ё, 2/В-Ж, 3,4/Ж, 4,5/А-Ж: 1. Вид с юга

Рис. 7. Фрагмент каменно-кирпичной кладки в кв. 4,5/А-В. Вид с востока

Рис. 8. Фрагмент каменно-кирпичной кладки в кв. 4,5/Е. Вид сверху

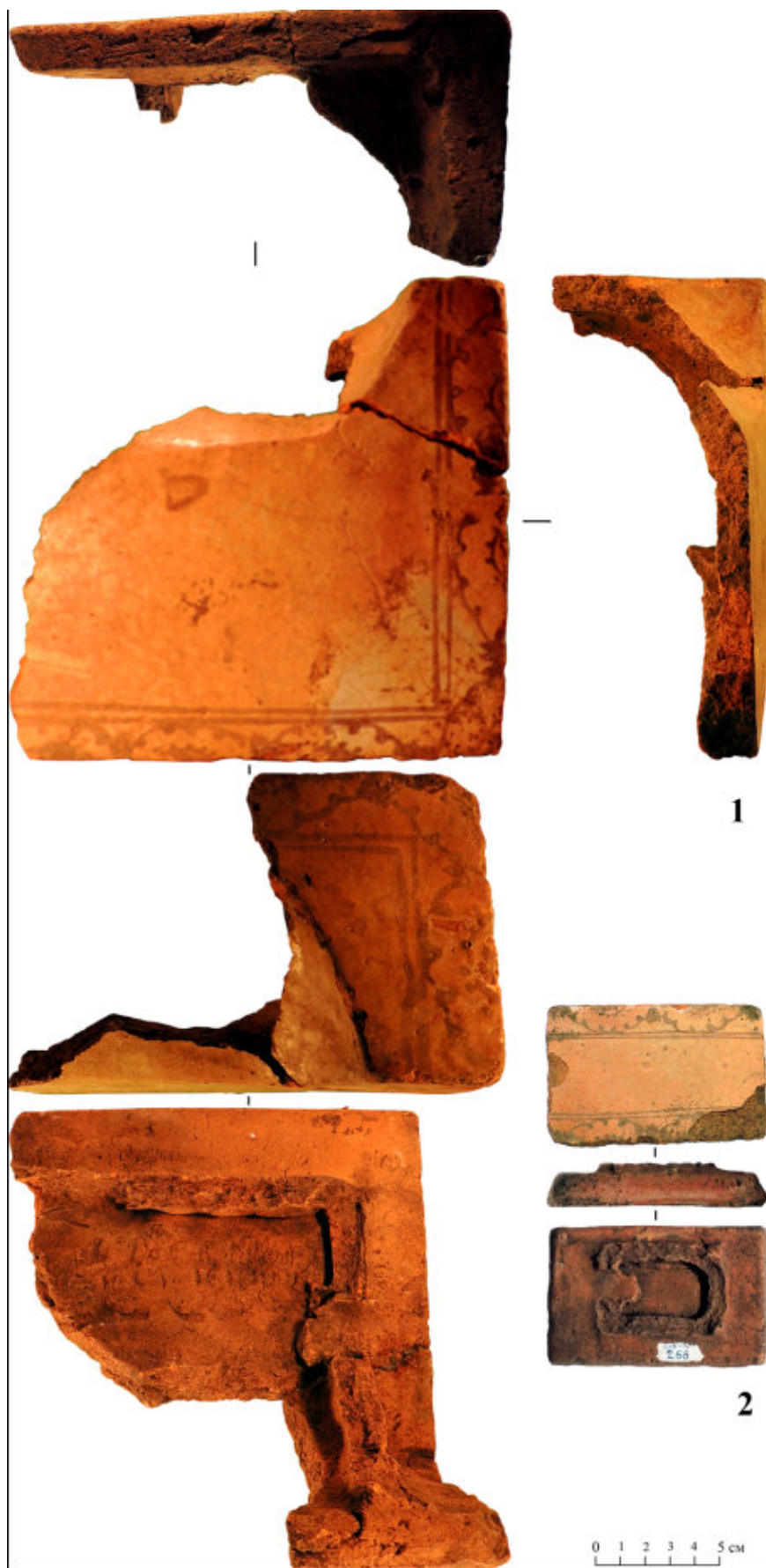

Рис. 9. Находки под каменно-кирпичной кладкой. Архитектурно-декоративная керамика

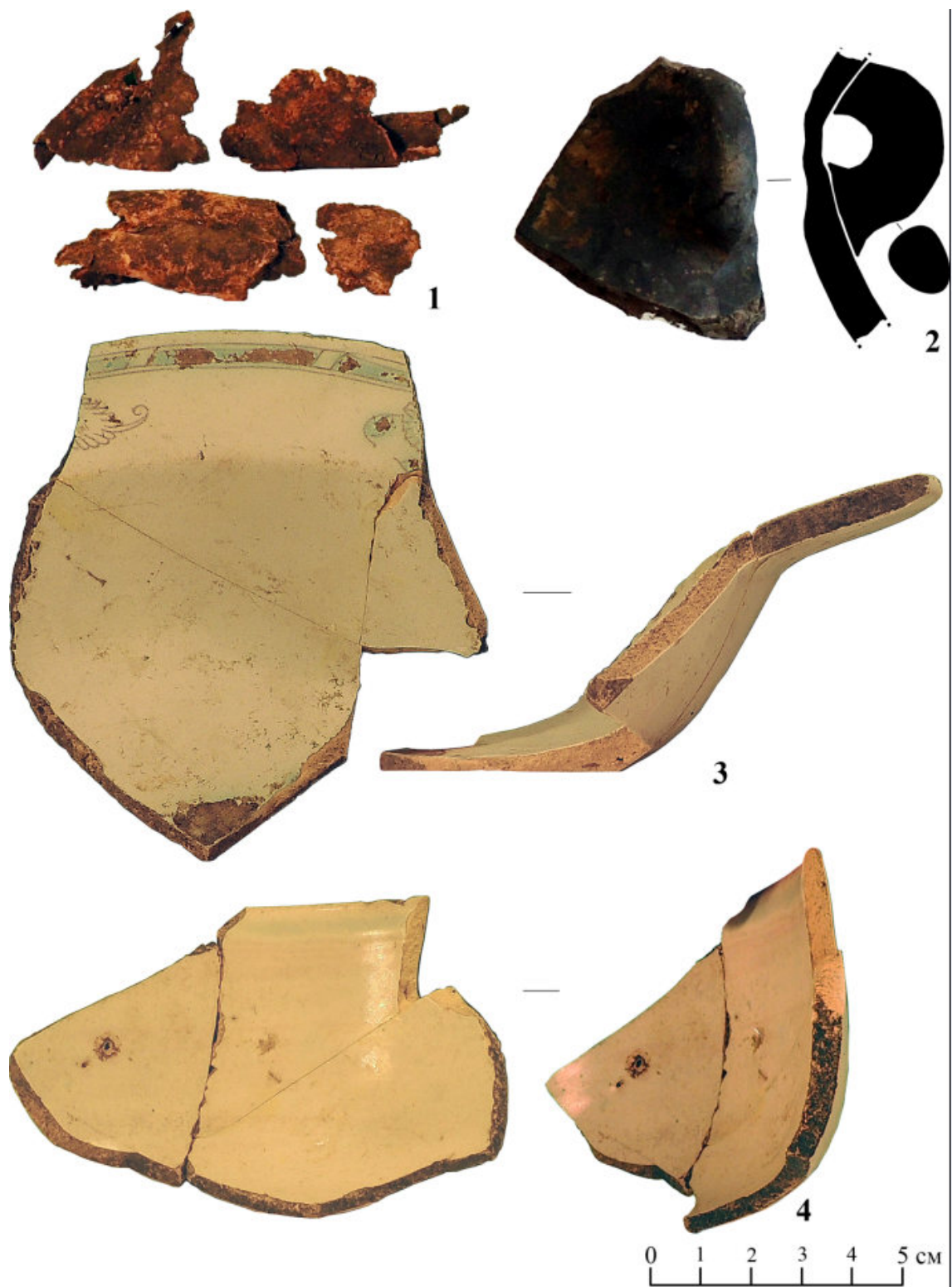

Рис. 10. Находки под каменно-кирпичной кладкой. Изделия из кожи и глины

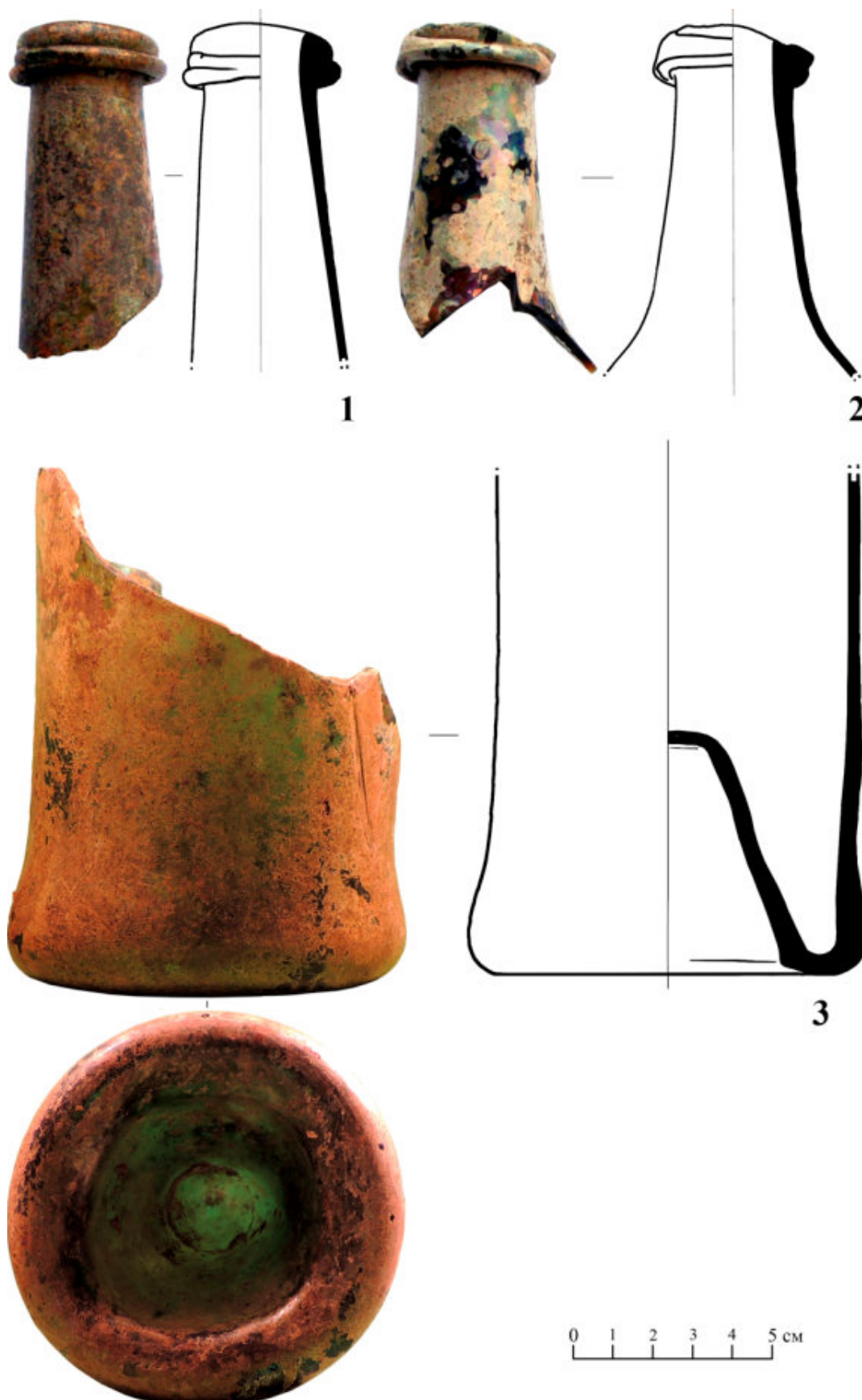

Рис. 11. Находки под каменно-кирпичной кладкой. Стекланные бутылки

Рис. 12. Находки под каменно-кирпичной кладкой. Стекланные штофы

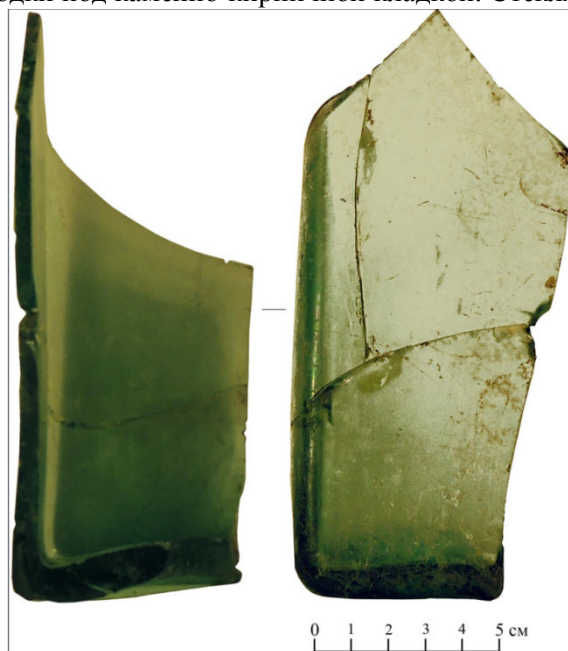

Рис. 13. Находки под каменно-кирпичной кладкой. Стекланный штоф

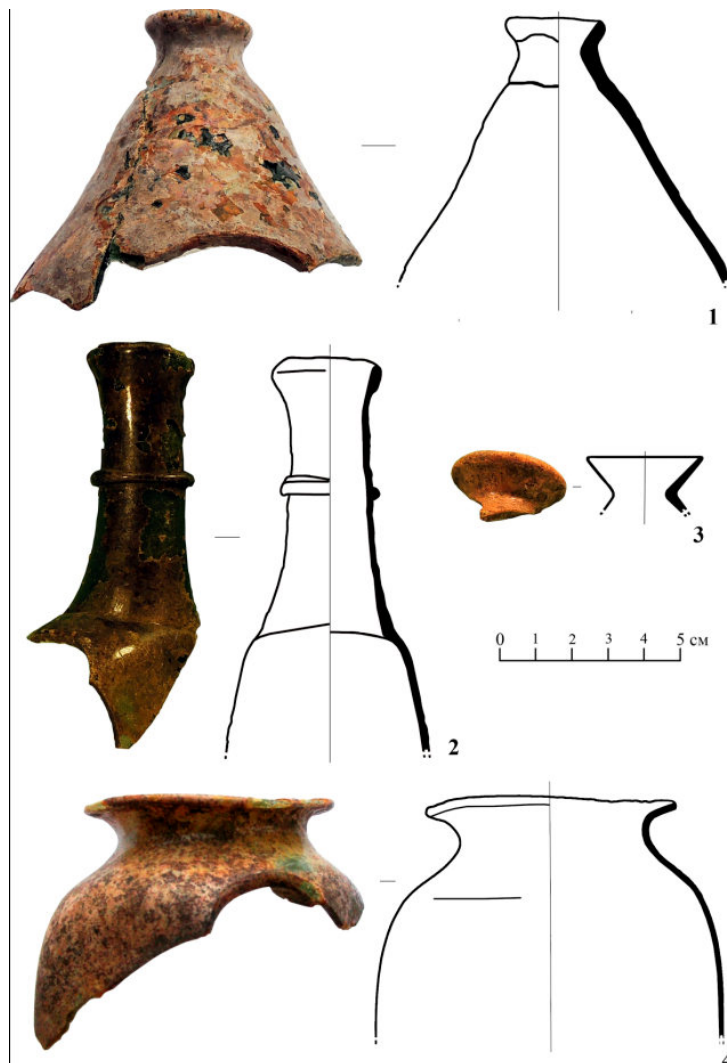

Рис. 14. Находки под каменно-кирпичной кладкой. Стекланные сосуды

Список сокращений, принятых в статье

ГИИKN – Государственная инспекция историко-культурного наследия.

ВГУ – Воронежский государственный университет.

ИА – Институт археологии.

НАН – Национальная академия наук.

РАН – Российская академия наук.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Список литературы

1. Nawracki M. Późnośredniowieczne i nowożytnie szkła z terenu zamku krzyżackiego w Toruniu // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Archeologia. 1999. T. XXVII. Z. 333. S. 53-132.
2. Акимов С.В. Отчет о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Остатки городской усадьбы 2 пол. XVIII – XIX вв.» в г. Воронеже по ул. Театральной, д. 23 в 2014 г. // Научный архив ИА РАН, 2015. Без номера.
3. Акунова Л.Ф., Крапивина В.А. Технология производства и декорирование художественных керамических изделий. М., 1983.
4. Белов В. Русский печной изразец. М., 1982.
5. Гупало В., Лосик М. Скляні вироби із розкопок у колишньому Бернардинському костелі в Дубні // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2009. Вип. 13, с. 263-279.
6. Киселев И.А. Датировка кирпичных кладок XVI – XIX вв. по визуальным характеристикам. Методические рекомендации. 2-я редакция. М., 1990.
7. Ковалевский В.Н. Раскопки в исторической части города, как доказательство наличия культурного слоя в г. Воронеже // Культурно-историческое наследие Центрального Черноземья (во-

просы охраны памятников культурно-исторического наследия): сборник статей научно-практической конференции. Воронеж, 2013.

8. Куликовская В.Л. Дизайн и технология изготовления изразцов в неорусском стиле // Современные техника и технологии: сборник докладов XX Международной юбилейной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 3 т. Томск, 2014. Т. 3 С. 249-250.

9. Ляўко В.М. Шклянны посуд. Асартымент, тыпалогія, храналогія. Іншыя вырабы // Археалогія Беларусі: Помнікі XIV – XVIII ст.ст. Мінск, 2001, с. 352-355.

10. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2 Д. 1469, 1829.

11. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2 Д. 1555, 1829.

12. Савченко А.И., Булах А.Г., Харьюзов Л.С. Песчаники как объект реставрации в памятниках архитектуры. С.-Петербург, 2011.

13. Свистун Г.Е. Отчет о проведении охранных археологических исследований на Чугуевском городище и Кочетокском могильнике в 2009 году // НА ИА НАН Украины, 2009. Без номера.

14. Султанов Н. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. Том IV. СПб., 1885.

15. Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. 2009. Вып. II // <http://www.rusarch.ru/filippov1.htm>

16. Харитонova О. Скляні вироби першої половини XVIII ст. (за матеріалами розкопок 2009 року) // Нові дослідження козацької доби в Україні: зб. наук. праць. Київ, 2010. Вип. 19, с. 105-108.

17. Шулепова Э.А., Чернявская Е.Н., Старцева Т.С. Историко-культурное наследие Воронежа: Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронеж, 2009.

18. Яремченко В., Луговой Р., Ткаченко О. Скляні вироби з Полтавської фортеці за матеріалами розкопок 2005 р. // Нові дослідження козацької доби в Україні: зб. наук. праць. Київ, 2008. Вип. 17, с. 99-105.

19. Яремченко В., Ткаченко О. Скляний посуд XVIII – поч. XIX ст. з міщанської садиби м. Полтави // Нові дослідження козацької доби в Україні: зб. наук. праць. Київ, 2010. Вип. 19, с. 100-105.

УДК 902.6

В.Ю. Коровин

Заклятые клады и «чахнувшие над златом» мертвецы (о некоторых аспектах поверий о кладах в Воронежской губернии в XIX в.)

Аннотация. В статье рассматривается отношение к кладам в мировоззрении русских крестьян из Воронежской губернии. На примере легенд, зафиксированных местной прессой в XIX веке, показывается связь представлений о кладах с «забытыми» покойниками.

Ключевые слова: русские крестьяне, клады, мифологические представления о смерти, погребальные обряды, Воронежская губерния, археологический объект.

Abstract. The article discusses the attitude of the treasures in the worldview of Russian peasants of Voronezh province. For example legends, recorded by the local press in the nineteenth century, shows the relationship of ideas about the treasure of neglected dead.

Keywords: russian peasants, the treasures, mythological "adaptation of death", commemorative rites, Voronezh province, archaeological site.

При всей кажущейся наивности устных сообщений простого народа о кладах, уже в XIX в. для этнографов и фольклористов было очевидным, что в этих крестьянских рассказах нередко содержится какая-то глубоко скрытая мифологическая основа. Дореволюционный исследователь Н. Я. Аристов признавал, что вера в клады у славянских народов восходит к незапамятным временам и вытекает из мифического мировоззрения. «С принятием христианства вера в клады русских не уничтожилась, а только изменился взгляд на них; вместо мифических существ, хранителем кладов становится бес, который соблазняет даровым богатством неопытных и корыстолюбивых людей» (Аристов, 1867, с. 709). Но какие рудименты древних представлений смогли удержаться в народных поверьях о кладах, автор не уточняет.

В современной научно-популярной книге, посвященной самым знаменитым кладам России, популяризатор науки А. Ю. Низовский дает некий намек на то, что клад в народных сказаниях благодаря наложенному на него заклятию представляет собой не просто скрытые где-либо сокровища. Клады могут действовать как живые, вполне материальные существа, а также как бесплотные духи. В народе глубоко сохранялось убеждение в то, что клад – это символ жизненной силы его владельца, и потому он не может исчезнуть бесследно. «В случае же преждевременной смерти живого существа или уничтожения предмета это стремление к выполнению своего предназначения не гибнет, а воплощается в образе блуждающего духа» (Низовский, 2013, с. 9).

Подобные утверждения вполне согласуются с присущей традиционной аграрной культуре идее неизжитой витальности, не дающей предмету бесповоротно исчезнуть, а человеку – умереть окончательно. Этой теме в дореволюционной (а затем и советской) науке уделил особое внимание в своих трудах Д. К. Зеленин, выделив в крестьянской культуре восточных славян особый «разряд умерших» – «нечистых», то есть умерших насильственной и преждевременной смертью. В отличие от умерших «своей» смертью, «покойники опасные» (самоубийцы, опойцы, утопленники, некрещеные или проклятые родителями дети, колдуны и ведьмы) становятся существами демонической природы, сближаясь с нечистой силой. Одним из таких примеров замещения вредоносными покойниками нечистой силы Д. К. Зеленин считал «приставников», поставленных прикладах, стерегущих их в земле и не допускающих до них людей раньше положенного срока (Зеленин, 1995, с. 57-58).

В последних публикациях на эту тему положения отечественного этнографа подвергаются существенной корректировке и выдвигается та точка зрения, что в поверьях о «нечистых мертвецах» речь на самом деле идет об оставшихся без поминаения покойниках. Как полагает А. А. Панченко, «заложными» покойниками вполне могли оказаться представители давно ушедших поколений или покойники, лишившиеся поминаения вследствие демографических изменений (запустения конкретных территорий, вынужденных миграций и т. д.) «Забытые» мертвецы, которых называли «забыдущими родителями», напоминали о себе живым разными способами, которые по своему характеру вполне можно было счесть за вредоносные. «Любопытно, что весь этот круг поверий, ритуалов и нарративов говорит о пребывании умерших не в христианском загробном мире, но в непосредственной территориальной близости к деревенской общине – на приходском кладбище или древнем могильнике, в близлежащем лесу и т. д.» (Панченко, 2013).

Если попробовать дальше развить высказанную уважаемым ученым мысль, можно задаться вопросом: нет ли в народных поверьях окладах каких-либо указаний на связь сокровищ с покойниками, лишенными правильного поминаения? Для этого обратимся к доступным нам сообщениям окладах, зафиксированным воронежской прессой во второй половине XIX века. (При этом мы оставляем за рамками данного сообщения предания о «кудеяровых покладах», так как этот фольклорный сюжет требует специального рассмотрения).

Свои наблюдения мы начнем с самого, пожалуй, очевидного – места захороненияклада. Первыми в этом ряду хранилищ сокровищ следует назвать курганы, которые местными крестьянами по сути своей верно определялись как стародавние могилы. При этом в большинстве случаев данные захоронения связывали именно с чужими народами (т. е. «нехристами»), память о которых давно изгладилась среди живых. Многие устные предания предполагали, что в курганах покоится множество убитых в сражении воинов, тела которых русские свалили в огромную яму без погребальных ритуалов (Муравьева А.Н., 1881).

В процессе художественной мифологизации рассказы об этих объектах могли обрастать новыми подробностями, когда происхождение курганов начинали связывать с зарытыми неповинными душами или безызвестными «жертвами несчастной любви». По поверьям крестьян из Валуйского уезда, в «незапамятные времена» существовало племя людоедов, которые, не имея постоянных жилищ и презирая оседлую жизнь, отдельными шайками нападали на другие народы и уводили с собой пленников (женщин и детей). Судьба захваченных была незавидной: их целыми сотнями зарывали в землю вместе с каким-нибудь животным (преимущественно кобылой), совершая при этом «волшебные обряды» («обходили кругом могил несколько раз и при сильном шуме стремглав бросались прочь»). Когда другие народы начали теснить людоедов, те решили выбрать себе достойного правителя из чужеземцев и пригласили княгиню Вандану, отличавшуюся удивительной красотой. Многие претенденты просили ее руки, но гордая красавица жестоко наказывала недостойных смельчаков тем, что приказывала зарывать их в землю, а потом подходила к могиле и заклинала: «Люби, если хочешь». В скором времени и саму правительницу постигла та же участь: своими подданными она была закопана живьем (Романовский, 1866).

Напоминанием о чужестранных воительницах в стародавние времена могли служить находящиеся при сопках «надгробные памятники» в виде каменных баб. В крестьянских поверьях каменные бабы, как и «забытые» мертвецы, всегда сохраняли тесную связь с местом могилы и не хотели его покидать. Так, жители с. Елань Колено (Новохоперского уезда) уверяли: «Сохрани Господи, тронуть такую бабу. Догонит вас и замучает. Взять ее и думать нельзя. Кто-то покусился... Взял, привез домой. Да и набрался горя... Кричит баба... Не дает покоя... Отвез и поставил на свое место. Перестала баба беспокоить» (Тимофеев, 1867).

Сами курганы в крестьянских рассказах также наделялись самостоятельной таинственной силой: они могли подшучивать и даже мстить прохожим (Яблоновский, 1882).

«Лет 30 или 40 тому назад курган этот (близ с. Старая Ольшанка – авт.) принадлежал крестьянину по фамилии Мацнев, который и пользовался травой, растущей на этом кургане. Один год Мацнев почему-то не перевез собранного сена, но оставил его на кургане. Этим решились воспользоваться жители ближайшего к кургану хутора, для того, чтобы пополнить свои гумны сеном Мацнева. С этой целью пять или шесть крестьян с подводами отправились за сеном; сено было забрано, и крестьяне поехали домой, но, проехавши всю ночь на одном и том же месте, уже утром сами лошади повезли и сено, и самих крестьян прямо во двор, только не домой, а в Ольшанку к крестьянину Мацневу».

Помимо «исторических» могил другим надежным местом захоронения кладов традиционно считались заброшенные «городища», некогда служившие приютом для неизвестных обитателей. Если курган (по местному – «большой колтух») изначально опознавался как культовый погребальный объект, место само по себе «сакральное», то вписанное в окружающий ландшафт городище считалось местом, скорее, таинственным и опасным. Про такие горы, ущелья и пригорки, отмеченные случайными находками, существовало множество преданий, наполненных ужасами о прежних злодеяниях татар, а потом и их последователей – пришедших из разных мест разбойников. В располагавшихся на высоких холмах трущобах злодеи укрывались, а также скрывали следы своих преступлений. В некоторых преданиях и сам легендарный разбойник находил здесь свое последнее прибежище, как это случилось с разбойником по прозвищу Мирон, которого на Лысой горе постигла внезапная и бесславная смерть – во время охотничьих поисков он был растерзан дикими свиньями. С тех пор на этой горе только местные девушки и парни собирались для «игрищ» (можно предположить, что включавших и обрядово-поминальные практики), пока это место под влиянием церковной проповеди не сделалось достоянием злых духов (Куфаев, 1884).

Как и рассказы о курганах и древних городищах, предания о находящихся в лесу «куцых» ярах» и рвах, где зарыты несметные сокровища, также были овеяны ореолом мистической таинственности. Многочисленные рытвины в земле служили для крестьян признаками бывших когда-то здесь поселений разбойников и сгинувших бесследно незадачливых жертв. В Козловском лесу главным местом сбора шаек считался мощный дуб, известный у крестьян под именем «красный», который находился в самой чаще леса в местечке с говорящим названием «Круглик» (Т. В., 1885). Именно здесь, если верить народной молве, разбойники получали распоряжения от своего атамана, сюда скрывались от непогоды и собирались на ночлег, а под дубом хранили добычу («пожить»), нажитую на чужом горе (С-кий А., 1884).

«Так, говорят, однажды проезжал через эту местность купец с товаром. Услышав скрип телеги и топот лошадей, разбойники тотчас бросились за добычей и настigli ее в одном яру, известном в настоящее время под названием Холодного, пролегающего через лес. Видя неизбежную опасность, купец начал умолять их о пощаде, просил пустить его душу на покаяние, обещая за это отдать все состояние, которое с ним было; но мольбы его были напрасны: он пал жертвой ножа, и достояние его было добычей убийц».

Уже из приведенных примеров видно, что, в отличие от многочисленных быличек о «заложенных» покойниках (леших, русалках, упырях, кикимор), предания о кладах всегда топонимически конкретны и прикреплены к определенным локусам, сохраняющим на себе следы воздействия неизвестных лиц. Но являются ли курганы, городища и буераки лишь немymi свидетелями спрятанных древностей, или они могут поведать то, как именно клад был туда положен?

Из одних рассказов следует, что «добро» пряталось «предками» в огромных ямах, когда на Русь вторгались полчища «варваров». В других рассказах, напротив, это могла быть случайно забытая или утерянная отступающим неприятелем казна, золотые татарин и татарка или шапка хана, в которой заключена вся его сила и могущество. Так, в хут. Мухином местные старики утверждали, что в дремучем бору был татарский дворец (городище), в котором жил князь Мамай. Однажды князь услышав, что на него идет сильный неприятель (шведы), собрал свои сокровища, нагрузил ими

повозку и отправил через мост. Но лишь повозка достигла середины моста, тот обломился, и деньги затянуло илом. После смерти Мамаю от него осталась доска с надписью о месте гибели клада, которая спустя время попала в жителям с. Нережи (Землянского уезда), и те выкопали два или три казана (Асхоченский И., 1885).

В поздних сообщениях о «кладовых росписях», оставленных разбойниками, уже фигурирует образ кающегося хозяина клада. Так, новые поселенцы во время своего чумачества по придонским городам, получают инструкции о том, где находится «шкарбное» место, непосредственно от покаявшегося на старости лет участника событий. (Богоявленский, 1884). Или после совершенного паломничества в Киево-Печерскую лавру местный богомолец приносит с собой кладовую запись, которую ему передал некий старец-затворник с просьбой помянуть хозяина клада (Аристов, 1866).

«Логу, а на свином отвержку, поили водою в Середу реку, там поставлены были мои хоромы, мерою стены 6 сажень, в ширину – 2. <...> И было большое огнище; у того огнища дом велик <...> Но оное великое огнище шириною на пятьдесят сажень; близ того огнища положены разные кости того ж дикого кабана; тут же насыпано золы аришина на три, на 2 аришина набито под чекмарями, под домом два бруса лежит нахрест, первый конец пошел прямо до выхода – в том выходе положены письма на медных досках, второй конец пошел на желтый песок, тут желтый песок пошел бороздою до выхода, там мною положено 18-ть бочонков серебра, <...> подле стоял дуб, то и сам Константин Лих-богатый приказал своим молодцам срубить того дуба, а тот дуб повернулся и упал на жилище мое, кто эту казну найдет, то век можно поминать Константина Лиха-богатого».

Согласно народной терминологии, в вышеприведенных описаниях мы имеем дело с «добрым» кладом, который предназначался для того, чтобы люди могли воспользоваться всем, что им удастся найти. Однако в противоположность «добрым» существовали и клады «злые» или «заветные» т. е. положенные на срок или зарытые с помощью различного волшебства. По мнению исследователя Н.А. Криничной, именно предания о «зачарованных» кладах следует считать первичными, поскольку они практически всегда генетически связаны с представлениями о древних аборигенах края. Но здесь разбойники всех мастей выступали уже в роли заклинателей кладов, которые при зарытии сокровищ творили особый магический обряд, включавший заговор и жертвоприношение. Посредством жертвоприношения клад обретал душу (дух), а вместе с тем возможность своего телесного воплощения на положенный срок (Криничная, 1977).

По народным поверьям, «заклятые» клады могли зарывать преследуемые на каждом шагу татары, которые, решив навсегда перебраться в степи, не смогли забрать награбленные сокровища с собой и предали их земле. Чтобы золото и серебро никому из живых не достались, они рыли огромные ямы, всыпали туда драгоценности, а потом засыпали землею с какими-то «тайнственностями» (несколько раз пересыпали золой, проливали наговоренной водой и пр.). Когда работа оканчивалась, татары становились вокруг кургана, плевали на него, и, повернувшись к нему спиной, трижды кланялись. Наконец, садились на лошадей и отправлялись домой, а того, кто намеренно или ненамеренно оглядывался назад, зарывали возле кургана, приговаривая при этом над жертвой заклинательные слова: «Довольствуйся же, если тебе жаль» (Романовский, 1866).

По другим рассказам награбленное добро надежно пряталось в разбойничьих гнездах недобрыми людьми, которые при этом давали особый «зарок». По прошествии значительного времени хозяин клада являлся во сне кому-нибудь из живых людей и просил освободить его от страшного клятвы путем отыскания клада (Гимназист, 1864).

«В Чернолиповом яру жили пять братьев разбойников. Однажды зарыли там клад, взявши клятву друг с друга, что никто никому про то место не скажет. По прошествии времени приснилось здешней помещице, будто приходит к ней старец и говорит, что все его братья померли, один он умереть не может, так как много он добра в жизни набрал, а пользы от того добра никому нет, так, коли он добро то доброму человеку выдаст, то сподобит его Господь Бог умереть. Да и рассказал барыне, где клад зарыт в Чернолиповом яру, в пяти шагах от старого дуба, в ручье, под черной дубовой доскою».

Хотя «заклятые» клады изначально закапывались с той целью, чтобы их никто и никогда не мог достать, однако в крестьянских рассказах сокровища, независимо от того, кто и зачем их спрятал, начинали вести себя так, как то положено кладам. Подобно забытым покойникам, являвшимся во сне живущим кровным родственникам, клады могли периодически напоминать о себе (или своем забытом хозяине?) тем, что в редкие мгновения выходили «просушиваться» и «очищаться». Причем, в своем натуральном виде клад практически никогда на поверхности земли не показывался, но обнаруживал себя ночью огоньками или горячей свечкой. Некоторые легенды передают, что на «местах огненных» в известное время на мгновение клад появлялся в виде девушек, которые при этом говорили: «нам тяжело под землею, мы вышли отдохнуть, а тебя не впустим». Считалось также,

что клады могут бродить по ночам, пугать, преследовать людей, являясь им в виде природных стихий – вихря или молнии (Алферов, 1867).

«На месте сл. Саловка Валуйского уезда, по утверждению местных жителей, некогда находилась постоянная пристань татарских шаек, свидетельством чему было множество вырытых углублений различных форм на вершине высокой меловой горы и нередко находимые там металлические и каменные вещицы. Когда однажды в одну из ям провалился вол, саловцы предположили, что в этой горе есть огромный вход, наполненный разными сокровищами и сговорились ее разрыть. Но внезапно они решили оставить начатые работы, так как под этой горою ночью стали появляться огненные метеоры. Также местные старожилы рассказывали, что однажды два мужика видели вылетающего из-под горы огненного петуха необыкновенной величины; а в другой раз ехавшие над рекою три духовных особы увидели большую огненную полосу, вырывающуюся из-под горы и исчезающую в реке. Наконец, еще один местный житель почти насмерть был испуган каким-то небывалым, величайшим, огненным чудовищем, вылетевшим из-под горы и прямо к нему, отчего тот долго и сильно проболел».

Несмотря на то, что некоторые клады можно видеть, их все равно нельзя было взять раньше положенного срока. Когда люди старались ухватить такой клад, тот мгновенно отодвигался на значительное пространство, а по мере приближения к нему с грохотом уходил в землю. Если же настырный гость не оставлял своих стремлений, то за такую дерзость он рисковал быть погребенным заживо в кургане или землянке. Наконец, к кладу были приставлены караульщики (сторожа и страхи), которые обычно страшили незадачливого кладоискателя и даже забирали в потусторонний мир. Но при этом никаких указаний относительно того, кто и каким образом занимался наймом караула, крестьяне не делали, их присутствие подразумевалось как само собой разумеющееся (Романовский, 1866).

«В 7 верстах от Бирюча находится довольно широкий земляной вал. Пред праздником Воскресения в одном месте там каждый год горит свеча. Один смельчак убедился, что там непременно должен быть клад и решил во что бы то ни стало достать его. Взяв с собой заступ и другие необходимые вещи, он отправился. Как только он приблизился к месту, где горела свеча, как видит себя окруженным со всех сторон страшными чудовищами огромного роста с обезображенными физиономиями. «Ты зачем сюда пришел? Мы поставлены сторожами – и знай, что тебе не удастся овладеть сокровищем» – проговорили они страшным голосом. Чудовища начали громить из пушек и ружей. Страх овладел смельчаком, и он сделался несчастной жертвой чудовищ и собственной смелости».

Показательным моментом в этих описаниях встреч с караульщиками является то, что каждый из них, доживая за гробом срок своей жизни, сохраняет все свои индивидуальные свойства, склонности и привычки. Поэтому нравы отъявленных разбойников и убитого богатыря, «чахнувшего над кладом», могут существенно отличаться, как видно из следующего примера (Кочергин 2., 1866).

«В одну из ночей праздника Светлого Воскресения, кладоискатель, увидев в стене блестящий, походивший на гореющую свечу огонек, отправился на место, где он был. Приходит – огонь горит у входа в глубокое подземелье, где по углам были насыпаны кучи золота и серебра, освещенного невидимым светом. Обрадованный находкой он решил спуститься в отверстие, чтобы набрать часть в карманы. Вдруг страх стал овладевать им, и он оглянулся и увидел позади себя стоящего необыкновенного роста и вида со сверкающими глазами и огромным в руках мечем великана. «Ты зачем сюда пришел? – громко обратился он к нему, – Ты пришел сюда за сокровищем, но знай то, что клад до тех пор ты не сможешь взять, пока не найдешь цвет папоротника, тогда все видимое тобою получишь». После этих слов чудовище, а с ним вместе и сокровище, которые он видел, мгновенно исчезли, а кладоискатель остался стоять на кургане».

По народным преданиям, «заветный» клад можно достать только по истечении наложенного срока, даже не прибегая при этом к помощи цветка папоротника. В этом случае клад мог показаться в виде зооморфного образа (красивой лошади, собаки, петуха, теленка, кошки, смотря по тому, сколько закопано денег), наделенного необычайными внешними признаками. Чтобы не спугнуть клад, нельзя было ругаться, но – сотворив молитву, прутиком или палкой ударить по нему, после чего животное рассыпется на деньги. Этот мотив «правильного» добывания клада зафиксирован даже в более поздних занимательных рассказах, в которых уже чувствуется ослабление веры в зачатые клады (Романовский, 1866).

«Два кладоискателя отправились на курганы в надежде получить легкую добычу. Дорогой они зашли к своему приятелю, чтобы пригласить его с собою. Тот отказался, говоря, что ему подаст сам Бог. Кладоискатели отправились в назначенное место. Долго они ходили, наконец,

утомились, а клада все не было. Наконец, они решились отправиться домой. На возвратном пути они сели на одном кургане отдохнуть. Один из них увидел собаку, <...> Бережно и тихо они взяли ту собаку и, подойдя к дому приятеля, бросили ему в окно, говоря: «Вот дает тебе сам Бог». Собака в тоже мгновение рассыпалась золотом.

В других случаях клад мог сообщить о своем желании открыться посредством звона, шума, «гудения почвы» или блеснувшего огонька, который можно увидеть, забравшись в новой одежде на колокольню во время утрени на первый день Пасхи (Скрябина В.А., 1882). При этом характерно, что добывать клад следовало не под самое Светлое Христово Воскресенье, а на «второй день» праздника (возможно, имеется в виду Радуница – день особого поминовения усопших), взяв с собой нож, которым режут пасху, полотенце, в котором пасха носилась в церковь для освещения, Псалтырь и «страстную» свечу. В одном из селений Валуйского уезда также верили, что кладов всегда даются одному смельчаку, а иногда и двум (если они родные братья), или их необходимо отрывать отцу с двенадцатью сыновьями – возможно, по числу 12 голов черных петухов, на которые был зачат клад (Клагоискатель, 1864).

На основании приведенных примеров можно сделать вывод, что народные верования относительно особого статуса «забытых» покойников вполне могут считаться одним из истоков поверий о «заветных» кладов, скрытых в недрах земли. Это подтверждается самим содержанием необходимых структурных частей преданий о кладов (его местоположении и дальнейшей судьбе), где за «чудесной» оболочкой кладов угадываются действия его «забытых» хозяев, предстающих в образе злобных духов или демонологических «приставников», стерегущих до определенного срока свои сокровища.

Список литературы

1. Алферов И. Слобода Саловка, она же Федоровка Валуйского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1867. № 1
2. Аристов Н.Я. Предания о кладов // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 1, СПб., 1867.
3. Аристов Я. Любопытные предания о кладов, записанные в сл. Александровке // Воронежские губернские ведомости. 1866. № 51.
4. Асоченский И. Село Ксизово Задонского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1885. № 20.
5. Богоявленский Н. Слобода Камышеватая Бирюческого уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1884. № 12.
6. Гимназист. От Острогожска до Ивановки // Воронежские губернские ведомости. 1864. № 26.
7. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественно смертию и русалки. М., 1995.
8. Клагоискатель (Быль) // Воронежские губернские ведомости. 1864. №51-52.
9. Кочергин 2. Поверья о кладов // Воронежские губернские ведомости. 1866. № 2.
10. Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладов» (по материалам русских северных преданий) // Советская этнография. 1977. № 4.
11. Куфаев Н. Слобода Новая Калитва Острогожского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1884. № 10.
12. М-в П. Село Лавы, Пушкарное тож, Валуйского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1882. № 3.
13. Муравьева А. Н. Летопись села Скорнякова, Архангельской церкви Задонского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1881. № 18.
14. Низовский А. Ю. Зачарованные кладов России. М. : Вече Литературная газета, 2012.
15. Панченко А. Мертвецы: «добрые», «злые» и непонятно какие. Восприятие смерти в аграрных культурах // Отечественные записки. 2013. № 5 (56).
16. Романовский М. И. Народные легенды о курганах южной полосы Воронежской губернии // Воронежские губернские ведомости. 1866. № 18-19.
17. С-кий А. Село Козловка Бобровского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1884. № 10.
18. Скрябина В. А. Село Старая Ольшанка Землянского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1882. № 23.
19. Соколова В. К. Русские исторические предания. М. : Наука, 1970.
20. Т. В. Село Верхние Острожки Бобровского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1885. № 5.

21. Тимофеев И., свящ. Село Еланское Колено Новохоперского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1867. № 13.

22. Яблоновский Ив. Село Старая Ольшанка Землянского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1882. № 13.

УДК 312

Н.А. Тихомиров

Социология, материальная культура, этногенез

Аннотация. Современные исследования по социальной, культурной и этнической динамике древних обществ, опираясь на анализ совокупностей артефактов, оставляют в стороне тот факт, что археология является наукой о человеке, о материальных проявлениях его психики.

В результате общения с окружающим миром в сознании и памяти индивида закладываются жизненно важные для него образы и понятия – СВОЙ, ЧУЖОЙ, МЫ, ОНИ. Механизмы распознавания СВОЙ — ЧУЖОЙ, МЫ — ОНИ являются основой сохранения и закрепления культурных традиций, а ОБУЧЕНИЕ, ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ, РАСПОЗНАВАНИЕ являются основой для развития культуры. В данных условиях материальная культура представляется как выработанная социальной группой система образов, определяющих ее единство, признанная каждым членом группы и воплощенная в материальных продуктах ее деятельности. При этом образ — система признаков, результатов работы сигнальной системы, сформированных индивидом в процессе обучения, зафиксированных в его памяти.

При анализе данных, полученных в поле, исследователь интуитивно пользуется собственными психическими механизмами ОБУЧЕНИЯ (процесс обработки материала), ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ (описание и вычерчивание артефактов) и РАСПОЗНАВАНИЯ (построение классификаций). Специфика археологических данных - неполнота, фрагментарность, изменчивость, другие неопределенности, большие объемы информации приводит к необходимости использования математического аппарата теории проверки статистических гипотез на основе методов распознавания образов.

Ключевые слова: материальная культура, археологическая культура, социологическая группировка, обучение, воспроизведение, распознавание, свой, чужой, мы, они, теория проверки статистических гипотез, распознавание образов.

Abstract. As a result of communication with the outside world in the consciousness and memory of the individual is laid is vital to his images and concepts – ours, theirs, WE, THEY. The mechanisms of recognition of FRIEND or FOE, WE – THEY are the basis for the conservation and consolidation of cultural traditions, and TRAINING, REPRODUCTION, pattern RECOGNITION are the basis for the development of culture. Under these conditions, the material culture is represented as a developed social group system images that define its unity, recognized by each member of the group and embodied in the tangible products of its work. In this way the system of signs, signaling system, formed by the individual in the learning process, recorded in his memory.

In the analysis of data collected in the field, the researcher intuitively use their own mental mechanisms of LEARNING (process), PLAYBACK (description and drawing of artifacts) and RECOGNITION (the construction of classifications). The specific nature of archaeological data - incompleteness, fragmentation, volatility, and other uncertainties, a large amount of information leads to the necessity of use of mathematical apparatus of the theory of statistical hypothesis testing based on the methods of pattern recognition.

Keywords: modern research on social, cultural and ethnic dynamics of ancient societies, based on the analysis of sets of artifacts, leave aside the fact that archaeology is a science about man, about physical manifestations of his psyche.

Современные исследования по социальной, культурной и этнической динамике древних обществ, опираясь на анализ совокупностей артефактов, оставляют в стороне условия их происхождения. Наблюдения над накопленным материалом ведет исследователей к интуитивному пониманию процессов, проходящих в древних материальных культурах и обществах. Разнообразие исходных точек зрения способствует развитию теории археологии. Однако и сегодня остаются неясными предмет и задачи археологии, нет четких понятий этноса, археологической культуры, локального варианта,

критериев оценки памятника, комплекса, отдельных находок. Попытки постановки общетеоретических задач и методов науки, формулировки ее понятий на основе интуитивно принятых аксиом, не могут исключить множественности толкований.

В вопросах, касающихся предмета, объекта и субъекта археологии, Л. с. Клейн выделял семь школ с разницей взглядов в области «функций и компетенции археологии как отдельной науки» (Клейн, 1986, с. 211). Не останавливаясь на анализе взглядов представителей этих школ, отметим, что они рассматривают археологию как самостоятельную сферу знаний, связанную с добыванием и анализом раскопочного материала. На первый план выдвигаются артефакты, на втором оказываются обычаи, духовные традиции и воззрения носителей древних материальных культур. Так, к примеру, публикации, посвященные погребальному обряду, рассматривают сочетания предметов, остатков умерших, конструкции могильных ям и тому подобные, вполне осязаемые, вещи. Однако они почти не анализируют обряд как традиционное действие людей – носителей культуры. Современные школы в основном не учитывают, что археология, изучающая продукты человеческой деятельности, является в конечном итоге наукой о человеке, о материальных проявлениях его психики.

Разработки Б. Ф. Поршнева все еще отражают современное состояние отечественной исторической социальной психологии, но не все его выводы бесспорны. Так, тезис о первичности понятия ОНИ (Поршнев, 1979, с. 80) нуждается в существенном уточнении и корректировке.

Очевидно, что возникновению в сознании человека ОНИ предшествует интуитивный сравнительный анализ, в котором данное понятие является результатом. Корни этого анализа лежат глубоко в недрах психики и могут быть объяснены рефлексом самосохранения, поскольку его задачей является выработка адекватного поведения. Такое сравнение невозможно без набора признаков эталонов, зафиксированных в памяти. Эти признаки – результаты работы сигнальной системы – формируются сознанием во взаимосвязь и составляют образ явления.

Очевидно, что в младенчестве формируются и закладываются в память жизненно важные для субъекта образы, которые он воспринимает от ближайших родственников. В сознании ребенка, в первую очередь, формируется набор образов понятия и само понятие СВОЙ. С приобретением отрицательного опыта общения с окружающим миром складываются и понятия НЕ СВОЙ, ЧУЖОЙ.

Понятия МЫ и ОНИ связаны с социальной стороной психики индивида и могут возникать только в группе людей как осознание ее единства. Очевидно, что формирование МЫ начинается немногим позднее СВОЙ и проходит в среде общения ребенка с окружающими его близкими на основе выделения определяющих признаков или образов. К этому моменту он должен осознавать своё Я, поскольку само понятие МЫ подразумевает осознанное включение Я в группу лиц, объединенных этими образами.

Значения определяющих признаков, зафиксированные индивидом в процессе обучения, регламентируют круг лиц, входящих в каждую конкретную группу МЫ. Этот процесс невозможен без зачатков абстрактного мышления, поскольку одни и те же объединяющие признаки в разных обстоятельствах могут принимать противоположные значения.

Регламентирующее поведение личности механизм распознавания СВОЙ – НЕ СВОЙ, ЧУЖОЙ имеет большое значение в формировании понятия МЫ. Подражание и заражение, которым Б. Ф. Поршнев отводит главную роль в формировании МЫ (Поршнев, 1979, с. 108), начинают действовать только при положительном решении альтернативы СВОЙ – НЕ СВОЙ напрямую или опосредованно, через третье лицо, уже прошедшее этот контроль.

Понятия НЕ МЫ и ОНИ возникают почти параллельно с МЫ. При этом первое (все, кто не МЫ) опережает второе (ОНИ), поскольку последним понятием индивид обозначает группы с собственными определяющими признаками, в которые он себя не включает.

Очевидно, что понятия МЫ и ОНИ развиваются вместе с интеллектом индивида от простых форм (мы родственники, мы дети, они родители, они взрослые) к сложным (мы жители деревни, они соседняя деревня, мы охотники, они пахари, мы племя и т. д.).

Консерватизм механизма распознавания СВОЙ – ЧУЖОЙ, МЫ – ОНИ является основой сохранения и закрепления культурных традиций. Отрицательное решение альтернативы предусматривает запрет обучения чужому. В этом механизме заложены не только основы развития личности и коллектива, но и социальные корни культуры, в том числе и материальной.

В условиях действия механизмов подражания и заражения столь сложное явление, как материальная культура, развивается во взаимосвязи с совершенствованием цивилизации. Человеческая общность, объединенная понятием МЫ, начала складываться на ранних этапах истории. В этом процессе сыграл свою роль фактор толпы. Она могла объединяться не только на основе противопоставления ИМ, как считает Б. Ф. Поршнев (Поршнев, 1979, с. 93), но и вполне нейтральными признаками,

например, способом добывания пищи. Толпа, как никакая другая общность, подвержена подражанию и заражению и поэтому является почвой для становления способности индивида к обучению.

Возникновение в эпоху верхнего палеолита индивидуальных украшений фиксирует появление моды. Б. Ф. Поршнев пишет: «Люди, придерживающиеся той или иной моды, могут и не принадлежать к какой-то социологической общности. Но они и не составляют чисто статистической общности, так как приобщаются к моде не независимо друг от друга, по каким-либо одинаковым причинам, а перенимают ее при непосредственном общении друг с другом. Несомненно, что мода является взаимным подражанием» (Поршнев, 1979, с. 90). С этим противоречивым тезисом нельзя согласиться до конца. Очевидно, что мода возникает как потребность выделения своего Я в общности МЫ. Предметы или образы моды не подпадают под запрет на обучение и воспроизведение после принятия решения типа ЧУЖОЙ. Поэтому она может захватывать самые разные социальные группировки. В то же время мода фиксирует направление и характер их эстетических представлений, направление и характер контактов разных групп.

В обучении имеются два субъекта процесса – учитель (авторитет, лидер, член группы МЫ, носитель ее определяющих образов) и ученик, готовый воспринимать от него эти образы. При этом лидеров может быть несколько, так как разные образы могут восприниматься от разных людей. В качестве лидера – учителя может выступать и группа.

С развитием системы образов и понятий возрастает роль лидера. Он переходит из разряда «человек, от которого не запрещено перенимать информацию» в разряд «человек, от которого лучше всего перенимать информацию». Этот процесс связан с выделением в каждой области деятельности группы общепризнанных специалистов. При этом группа осознает их авторитет и выдвигает как пример для подражания. Такая регламентация механизмов подражания и заражения – один из путей прогрессивного развития группы. В процессе жизнедеятельности группы, в процессе «обучение – воспроизведение» лидер со временем теряет свои позиции, уступая место новым авторитетам – бывшим своим ученикам.

Механизмы «обучения, воспроизведения, распознавания», имея глубокие корни в психике индивида, являются основой для развития культуры. С социологической точки зрения материальная культура представляется как выработанная социальной группой система образов, определяющих ее единство, признанная каждым членом группы и воплощенная в материальных продуктах ее деятельности. При этом образ – система признаков, результатов работы сигнальной системы, сформированных индивидом в процессе обучения, зафиксированных в его памяти.

Система образов каждой культуры имеет тенденцию к расширению границ, поскольку их формирование проходит по мере расширения круга общения индивида. Этот процесс, как пишет Б. Ф. Поршнев, «двойственный: культурного обособления (создание всевозможных отличий НАС от НИХ и культурной ассимиляции путем заимствований, приобщений (частичное или полное вхождение в общее МЫ)» (Поршнев, 1979, с. 107). Однако он не безграничен и находится в зависимости от уровней социального, экономического и политического развития общества (рис. 1).

Рис. 1. Зависимость культурной ассимиляции от уровней социального, экономического и политического развития общества

В анализе археологических материалов имеет большое значение тезис Б. Ф. Поршнева: «чем меньшую этнографическую общность мы берем, тем определеннее и ограниченнее круг признаков, которыми отличают своих от чужих» (Поршнев, 1979, с. 105). Вместе с тем, за каждую социологическую группировку «отвечает» свой, определенный список образов, её характеризующий и локализирующий. Обозначая терминами «локальный вариант культуры», «культурно-хронологический горизонт» и т.п., исследователи имеют в виду социологические группировки с собственными, характерными для них, совокупностями археологических материалов, оставленных общностями МЫ, занимающих хронологически или территориально более узкие рамки, чем системы термина «археологическая культура».

В процессе существования, как личности, так и социальной группы, одно из главных мест занимают психологические механизмы РАСПОЗНАВАНИЯ, ОБУЧЕНИЯ и ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ, определившие, в конечном итоге, столь широкий и разнообразный набор материальных культур. При этом в генезисе культур, как известно, наблюдаются три циклических этапа - ФОРМИРОВАНИЕ - СТАБИЛИЗАЦИЯ - УГАСАНИЕ. На 1 и 3 этапах в среде носителей культуры складываются особенно благоприятные условия для изменения содержания наборов образов, определяющих ее самобытность.

Образ в подсознании человека, не имея жестко определенных параметров, состоит из традиционных, весьма расплывчатых представлений о форме и содержании объекта или процесса, более-менее стабильных в определенное время. В этих условиях, при циклическом характере ОБУЧЕНИЯ, ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ происходят изменения, как самих образов, так и их воплощений. Новые образы могут возникать в результате социально-экономического развития, например, вместе с перениманием более совершенных технологий и орудий труда, при переселении отдельных личностей или групп с других территорий, в результате перемещения и возврата на прежнее место обитания соплеменников. Поскольку в каждой социологической среде имеются группировки с собственными системами образов, вживание новых элементов культуры идет не столь прямолинейно. Здесь возможны варианты полного неприятия, частичного перенимания, подражания, наложения нового на старое, полного перенимания. Вполне убедительно звучит мнение ряда исследователей о том, что смена археологических культур не всегда свидетельствует о смене населения, а, скорее всего, обусловлена законами социально-экономического развития одного и того же этнического массива (Артамонов, 1971; Березовец, 1969, с. 33; Сухобоков, 1975, с. 151).

Передача эстетических и технологических параметров образа происходит, когда учитель и ученик воспринимаются друг другом как СВОЙ. Поскольку и тот и другой выполняют социальный заказ определенной группировки, в процесс обучения втягиваются и предметы, принятые в этой группе. Кроме того, в определенных условиях (нестабильность системы образов на 1 и 3 этапах развития культур, интерференция и т.д.) под действием механизмов ПОДРАЖАНИЯ и ЗАРАЖЕНИЯ в сознание и подсознание ученика может проникать и фиксироваться ЧУЖАЯ информация. На данном фоне изделие, изготовленное учеником, может отличаться от того, чему он обучался у учителя. Таким образом передается и воспроизводится вся социально-культурная информация - о домостроительстве и обустройстве поселений, о религиозных культах и погребальном обряде, о бытовых предметах и украшениях, фольклор, язык, письменность, многое другое (рис. 2).

Рис. 2. Схема процессов ОБУЧЕНИЕ – ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ в структуре социальной группы

Каждый артефакт в системах образов СВОЙ-ЧУЖОЙ, МЫ-ОНИ занимал вполне определенное место. Так, орудия труда могли перениматься только потому, что они удобнее и технологичнее уже известных. В этих условиях запрет на ОБУЧЕНИЕ ЧУЖОМУ или вообще отсутствовал, или имел ряд оговорок и допущений. Ю.А. Краснов отмечает, что, «как показывают данные этнографии, границы распространения особенностей земледельческой техники редко совпадают с границами этносов, показывая более тесную сопряженность с границами хозяйственно-культурных типов или историко-этнографических областей ...» (Краснов, 1987, с. 201, 202). (У носителей киевской культуры

известны характерные биконические пряслица с крупным отверстием и так называемые черняховские (Славяне ... 1990, с. 164). В колочинско-пеньковское время киевские пряслица а, значит, и веретено и, вероятно, какие-то приемы труда исчезают. Им на смену приходят изделия биконической формы с небольшим отверстием (Славяне ... 1990, с. 244). Таким образом, наиболее вероятно, что к 5 в. у Левобережных славян была, видимо, полностью перенята и развита черняховская технология прядения).

Значение погребальных памятников для осмысления культурных, этнических и социальных процессов в древних обществах трудно переоценить, поскольку в них зафиксирован социологический статус человека (системы МЫ, СВОЙ) на момент его смерти. С.А. Плетнева, основываясь на анализе погребальных памятников кочевников, сделала заключение о том, что «... аристократия, признав новую религию, предпочитала хоронить своих родичей по языческому обычаю предков.» (Плетнева, 1981, с. 239). Продолжая эту мысль можно сказать, что умершего хоронили в соответствии с ЕГО мировоззрением даже в те времена, когда оно уходило в прошлое. Стойкость идеологических представлений славян конца 1-го - начала 2-го тысячелетий хорошо иллюстрируется работой А.А. Фролова о взаимодействии язычества и христианства в погребальном обряде: «Следует подчеркнуть, что после прихода на Русь христианства язычество долго сохраняло безраздельное господство не только в области ритуала, но и в сфере представлений о смерти. Для сельской местности такая ситуация сохранялась примерно до середины XII в.» (Фролов, 1997, с. 305). Традиционные рамки СВОЙ, МЫ в погребальных обычаях, а, если шире, то и в идеологических представлениях славян не изменялись сразу. Вначале, видимо, под давлением верхушки, в пантеон божеств как равный был включен и Иисус, и только потом христианство захватило сознание славянского общества и вытеснило (да и то далеко не все) языческие обычаи.

Украшения - один из самых ярких элементов материальной культуры – в археологической литературе сегодня применяется в основном как датирующий материал и мало что дает исследователю в этнокультурном анализе. Это хорошо иллюстрируют, например, материалы, скифо-сибирского звериного стиля или геральдических поясных наборов третьей четверти I тыс.н.э. Однотипные изделия встречаются на огромных территориях, а их локальные варианты обычно совпадают с местными центрами производства. (Мелюкова, 1989, с. 101; Гавритухин Обломский, 1996, с. 124-130). Исследователи отмечают: В.В. Седов о геральдических поясах: «Подобные вещи иллюстрируют значительные перемещения населения, широкие связи и заметную однородность дружинной культуры» (Седов, 1982, с. 259); С.А. Плетнева о художественной культуре кочевников: «... украшения и даже костюм нередко изменялись под воздействием «моды», распространенной в соседнем, более развитом государстве, а иногда и под воздействием культуры побежденного народа ...» (Плетнева, 1981, с. 238); И.О. Гавритухин и А.М. Обломский о поясных наборах: «Известна практика жалования Константинополем римских должностей варварским предводителям вместе с соответствующими окладами и одеждами, включая, конечно, и пояса. Ориентация на идеальный образ и престижные комплекты определяли моду распространявшуюся от верхушки на все общество» (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 29). Очевидно, что украшения, как предметы моды и престижа, захватывали самые разные социологические группировки, и выявление жестких закономерностей в этом процессе пока невозможно. Однако, рассматривая эти предметы с точки зрения их роли в системах образов СВОЙ-ЧУЖОЙ, МЫ-ОНИ в комплексе с другими материалами, видимо, все же можно выявить социологические образования, в которых украшения являлись отличительными знаками групп. В данном случае заслуживает внимания мнение В.В.Седова о связи геральдических поясов с дружинными слоями в разных социологических образованиях. Рассматривая украшения с точки зрения их информативности в этнокультурных исследованиях необходимо учитывать, что мастер, производящий эти предметы, следуя требованиям моды, выполнял социальный заказ людей определенной группы потребителей своей продукции, изменяя в требуемых и допустимых пределах как облик изделий так, в конце концов, и их образы.

О стойкости традиций, связанных с представлениями о жилище говорит, например наблюдение С.А. Плетневой: «Если при оседании (кочевников - Н.Т.) заимствовалась и осваивалась иная форма жилого сооружения ... то, как правило, неизменным оставался очаг ... расположенный в центре помещения ... т.е. как в юрте» (Плетнева, 1981, с. 237). Пример неоднозначности архитектурных традиций раннеклассового общества древней Бактрии показывает, что проникновение греческих элементов в местную архитектуру захватывало только верхушку общества (заказчик), а конструктивно-планировочных решений рядового жилища иноземное влияние почти не коснулось (Карпушкина, 1988, с. 100, 101).

Глиняная посуда, одна из составляющих материальной культуры, является сегодня едва ли не главным аргументом в этнокультурном анализе. Радиус ее распространения при домашнем производ-

стве был настолько мал, а ОБУЧЕНИЕ и ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ настолько консервативны, что она стала одной из главных образующих семейной системы СВОЙ. Не случайно почти до наших дней у Мордовского населения Поволжья доживает обычай запрета на дарение посуды домашнего производства представителям других этнических групп (Бобринский, 1978, с. 26).

Образ сосуда в подсознании человека имеет эстетическую и технологическую составляющие. А.А. Бобринским при исследовании технологии гончарства зафиксирован ряд закономерностей, находящихся в сфере действия механизмов ОБУЧЕНИЯ - ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ и отвечающих за самобытность культуры, механизмов РАСПОЗНАВАНИЯ - СВОЙ-ЧУЖОЙ, МЫ-ОНИ. Он отмечает, что приемы отбора сырья, составления рецептов формовочных масс, обработки поверхностей очень чутко реагируют на возникновение и начало развития процессов смешения традиций. В то же время способы формообразования, конструирования полого тела, начина долгое время сохраняют свою старую специфику (Бобринский, 1978, с. 244). Технологические приемы, связанные с профилировкой посуды, с эстетической составляющей образа, были наиболее консервативны. Мастер выполнял социальный заказ определенных групп и исходил в своей работе из его эстетического содержания.

А.А.Бобринский по этнографическим данным 19 - начала 20 веков с территории Восточной Европы исследовал три формы гончарного производства - домашнее, ремесленное на заказ и ремесленное на рынок (Бобринский, 1978, с. 26). Продукция каждой из них имела свой круг потребителей. При этом он отмечает, что организационные и экономические формы гончарства не связаны напрямую (Бобринский, 1989, с. 16). Это не случайно. Уровень развития технологии не связан с уровнем развития рынка, поскольку каждый мастер, действуя в рамках традиций (систем образов СВОЙ, ЧУЖОЙ, МЫ, ОНИ как и правил ОБУЧЕНИЯ и ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ) исходил из данного социального заказа, определяя как технологию производства посуды, так и способы ее реализации в зависимости от количества, качества и радиуса распространения продукции. При этом отметим, что системы образов сосудов в подсознании мастера и потребителя несколько различны. Потребитель ОБУЧАЕТСЯ только в процессе РАСПОЗНАВАНИЯ, следуя традиционным представлениям своих социологических групп (СВОЙ, МЫ). Мастер, выполняя заказы различных социологических группировок, проходил стадии ОБУЧЕНИЯ, РАСПОЗНАВАНИЯ, ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ в технологическом процессе. В то же время он выступал и как потребитель посуды, следуя традициям собственных группировок. Вполне закономерно, что рост количества потребителей приводил к развитию гончарной технологии. Уровень РФК все-таки зависит от рынка, особенно при рыночном характере производства (Бобринский, 1978, с. 28). Исходя из наблюдений А.А.Бобринского можно соотнести характеры производства, радиусы распространения посуды и социальные структуры ее потребителей в системах МЫ, СВОЙ (рис. 3.).

Рис. 3. Соответствие характеров гончарного производства радиусам распространения продукции в разных системах МЫ, СВОЙ

При этом нельзя не согласиться с тезисом А.А. Бобринского о том, что продукция, изготовленная на рынок, могла иметь сбыт и в других этнических группах в районах со смешанным населением (Бобринский, 1978, с. 26) вовсе не отвергает пригодности гончарной посуды для социально-культурного анализа. Она фиксирует направления контактов, выходящие за рамки моноэтничности. (Например, вокруг куста памятников киевской культуры Суджанского микрорегиона располагались крупные Черняховские поселения, видимо, с собственными гончарными мастерскими (Тихомиров, 2005, с. 18). Лепная киевская посуда бытовала здесь в родственной среде, а черняховское гончарное

производство было ориентировано на рынок с минимальным радиусом распространения продукции (Р 1). При этом гончарная посуда не включалась носителями киевской культуры в этноопределяющую систему образов МЫ).

В исследовательской практике методиками А.А. Бобринского пользуются довольно редко. Чаще всего археологи обращаются к эстетическим составляющим образа сосуда - профилировке и орнаментации. При этом исследователь пользуется собственными психическими механизмами ОБУЧЕНИЯ (процесс обработки материала), ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ (описание и вычерчивание сосудов) и РАСПОЗНАВАНИЯ (построение классификаций). Однако принципы и методы анализа разработаны слабо. Исследователи, рассматривая материал, ставят задачу РАСПОЗНАВАНИЯ, исходя из собственных субъективных целей, с использованием собственных, интуитивно принятых, принципов классификации.

Известный тезис В.П. Алексеева о том, что «решающим моментом в отнесении данного человека к той или другой этнической общности является его самосознание» (Алексеев, 1986, с. 27) означает, что личность включает себя осознано и подсознательно в группировку МЫ (этническая группа) и обозначается этой структурой как СВОЙ на основе определенной, принятой в данной среде, системы образов. Подобная идентификация происходит и при соотношении личности с другими структурами МЫ. Поскольку индивид включается в разные группы МЫ, то его набор образов (а, значит, и их материальные воплощения) будет тем шире, чем шире круг его общения (Если таблицу 3 дополнить данными обо всех социологических группировках, в которые одновременно включается личность, то она станет многомерной, с N количеством векторов, где N - число направлений социальной деятельности человека).

Рассматривая весь круг изучаемых археологией артефактов (а, значит, и их образов) отметим, что имеется пока только один зафиксированный случай табу на ОБУЧЕНИЕ ЧУЖОМУ - керамика домашнего производства (Бобринский, 1978, с. 26). Видимо, она занимала особое место в системах СВОЙ-ЧУЖОЙ, МЫ-ОНИ и имела наиболее высокий порог достоверности воспроизведения.

Каждая из социологических группировок, в которые включается или не включается личность, имеет для данного человека свою, вполне определенную значимость. Поэтому в процессе общения с окружающим миром он подсознательно ставит задачу распознавания и принимает нижний порог достоверности принятия решения в зависимости от этой значимости. Эти пороги видимо фиксируются в подсознании индивида в процессе ОБУЧЕНИЯ, вместе с ОБРАЗАМИ и составляют их часть. При этом необходимо отметить, что нижние пороги диктуют личности параметры ОБРАЗОВ и при их воспроизведении (мастер, изготавливающий бытовые предметы или украшения, заинтересованный в их сбыте, соплеменники или родственники, производящие ритуальные действия или обряды, стараются придерживаться принятых традиций и т.п.). Уровень достоверности принятия решения может быть изменен личностью в зависимости от ситуации, в которой она находится, в зависимости от того, насколько важны результаты РАСПОЗНАВАНИЯ для ее существования.

До сих пор мы концентрировали внимание на РАСПОЗНАВАНИИ и ОБУЧЕНИИ систем СВОЙ, МЫ. Но это только одна сторона процесса. В общении с окружающим миром вместе с положительным опытом (СВОЙ, МЫ) человек приобретает и отрицательный (ЧУЖОЙ, ОНИ), который фиксируется в подсознании и участвует в процессах ОБУЧЕНИЯ и РАСПОЗНАВАНИЯ. В связи с этим ясно, что механизм РАСПОЗНАВАНИЯ может быть как двухальтернативным (СВОЙ - НЕ СВОЙ), так и многоальтернативным (СВОЙ - НЕ СВОЙ, ЧУЖОЙ 1, ЧУЖОЙ 2, ЧУЖОЙ N) с разной мотивацией значимости результатов распознавания (нижние пороги достоверности принятия решений). Ясно, что один и тот же человек мог владеть предметами и следовать традициям, принятым в разных социологических группировках. Однако специфика археологического материала не позволяет пока сколько-нибудь надежно выявить систему образов отдельно взятой личности. В то же время исследования погребений, жилищ, хозяйственных сооружений, усадеб, тем более, если они представляют собой закрытые комплексы, позволяют оперировать с системами образов таких социологических структур, как семья и род.

Современная практика обработки материала базируется на интуитивно принятых методиках решения довольно узких задач. Все отчетливее проявляется необходимость выработки единого подхода к анализу совокупности данных, получаемых в поле. Наиболее перспективным направлением исследований является моделирование психических механизмов распознавания. При этом артефакты необходимо рассматривать как исходный материал для выделения и последующего анализа параметров образов предметов или явлений присущих как индивиду Я, так и различным социологическим группировкам.

Таким образом, мы имеем дело с многовекторными характеристиками параметров образов Я и группировок МЫ, содержание которых зависит от вполне определенных результатов действия механиз-

мов ОБУЧЕНИЯ-ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ-РАСПОЗНАВАНИЯ Для этнокультурного анализа к этим данным необходимо добавить параметры места и времени (хронология и территория бытования).

Специфика археологических данных - неполнота, фрагментарность, изменчивость, другие неопределенности, большие объемы информации приводит к необходимости использования математического аппарата теории проверки статистических гипотез на основе методов распознавания образов.

Список сокращений

ПИФР – Проблемы истории феодальной России.

РФК – Развитие функций гончарного круга.

СА – Советская археология.

Список литературы

1. Алексеев В.П. Этногенез. М. 1986.
2. Артамонов М.И. 1971. Археологическая культура и этнос. // ПИФР. Л. 1971.
3. Березовец Д.Т. Северяне перед образованием Киевской Руси. // Автореферат канд. диссертации. М. 1969.
4. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М. 1978.
5. Бобринский А.А. Методика изучения организационных форм гончарного производства. // Керамика как исторический источник. Новосибирск. 1989.
6. Гавритухин И.О. Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. 1996.
7. Карпушкина И.А. Древняя бактрийская архитектура – продукт культурного синтеза. // Древнее производство ремесло и торговля по археологическим данным. М. 1988.
8. Клейн Л, с. О предмете археологии//СА. 1986. № 3.
9. Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М. 1987.
10. Мелюкова А.И. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1989.
11. Плетнева С.А. Степи Евразии в эпоху средневековья. // Археология СССР. М. 1981.
12. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М. 1979.
13. Седов В.В. Восточные славяне в VI - XIII вв. М. 1982.
14. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев. 1975.
15. Славяне Юго-Восточной Европы в догосударственный период. Киев. 1990.
16. Тихомиров Н.А. Особенности топографии Суджанского микрорегиона I тыс. н.э. // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж. 2005.
17. Фролов А.А. Пережитки язычества в древнерусской погребальной обрядности. // Древняя Русь пересечение традиций. М. 1997

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Софья Владимировна, г. Воронеж, заведующая сектором археологической экспертизы АУК ВО «Госинспекция историко-культурного наследия»; akimova.sofiya@mail.ru.

Аксёнов Виктор Степанович, г. Харьков, Харьковский исторический музей имени М.Ф. Сумцова, зав. отделом археологии, кандидат исторических наук; aksyonovvictor@gmail.com.

Апареева Елена Константиновна, г. Луганск, Луганское отделение Восточноукраинского филиала ИА НАНУ при Луганском государственном университете имени Тараса Шевченко, старший научный сотрудник; lena_ap11@mail.ru.

Ахметгалеева Наталья Борисовна, г. Курчатова, зав. отделом археологии Курчатовского государственного краеведческого музея, кандидат исторических наук; achmetga@mail.ru.

Белая Наталья Николаевна, г. Москва, РГНФ, главный специалист, кандидат исторических наук; vgoraeva@mail.ru.

Белименко Андрей Александрович, г. Харьков, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, соискатель кафедры археологии, источниковедения и историографии.

Белобровик Дмитрий Олегович, г. Минск, магистр исторических наук, аспирант, Институт Истории Национальной Академии Наук Беларуси; bely71@mail.ru.

Белоусов Владимир Владимирович, г. Воронеж, преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета; кандидат исторических наук; bvv8408@mail.ru.

Березуцкий Валерий Дмитриевич, г. Воронеж, доцент ВГПУ, кафедра истории России, кандидат исторических наук; berezytski1@rambler.ru.

Божко Андрей Александрович, г. Белгород, ООО «Белгородская археологическая экспертиза», научный сотрудник; andrbozhko@yandex.ru.

Васильев Сергей Владимирович, г. Москва, заведующий Центром физической антропологии ИЭА РАН, доктор исторических наук; vasbor1@yandex.ru.

Веретюшкина Мария Владимировна, г. Курск, младший научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета; m.v.veretushkina@gmail.com.

Вискалин Александр Викторович, г. Ульяновск, доцент Ульяновского государственного университета, кандидат исторических наук; alvisk@mail.ru.

Владимиров Сергей Игоревич, г. Воронеж, старший научный сотрудник «Природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье»; аспирант кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ; sergeihistory@mail.ru.

Герасимова М.М., г. Москва, ИЭА РАН, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; gerasimova.margarita@gmail.com.

Горбаненко Сергей Анатольевич, г. Киев, Институт археологии Национальной академии наук Украины, отдел археологии ранних славян и региональных полевых исследований, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, gorbanenko@gmail.com.

Горбунов Дмитрий Николаевич, г. Курск, младший научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета; gorbunov2010@gmail.com.

Гурьянов Валерий Николаевич, г. Брянск, ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского», начальник Отдела организации научных исследований; gurian032@yandex.ru.

Деревянко Алексей Викторович, г. Воронеж, ВГУ, кафедра археологии и истории древнего мира, аспирант; 321val1@rambler.ru.

Енуков Владимир Васильевич, г. Курск, директор НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, доктор исторических наук; yenukov@gmail.com.

Жаворонков Сергей Иванович, г. Курск, младший научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета; sergey8.6@yandex.ru.

Клюкойть Артем Александрович, г. Липецк, начальник отдела археологии ОБУК «Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области»; artuom.klyukoit@yandex.ru.

Коваленко Петр Петрович, г. Луганск, аспирант, научный сотрудник Луганского отделения Восточноукраинского филиала Института археологии НАН Украины при Луганском государственном университете им. Тараса Шевченко; p_kov@mail.ru.

Козмирчук Игорь Анатольевич, г. Липецк, председатель Фонда научного краеведения Липецкой области; fnklipetsk@mail.ru.

- Колода Владимир Васильевич**, г. Харьков, Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды, доцент кафедры истории Украины, зав. археологической лабораторией, кандидат исторических наук; koloda_v@mail.ru.
- Коровин Виктор Юрьевич**, г. Воронеж, ВГУ, кафедра культурологии, кандидат философских наук; kometkin@mail.ru.
- Красильников Константин Иванович**, г. Луганск, заведующий Луганским отделением Восточноукраинского филиала Института археологии НАН Украины при Луганском государственном университете им. Тараса Шевченко, кандидат исторических наук.
- Куличков Алексей Александрович**, г. Липецк, аспирант кафедры отечественной истории ЛГПУ; kulichkov.aleks@yandex.ru.
- Кулькова Марианна Алексеевна**, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, доцент, кандидат геолого-минералогических наук; kulkova@mail.ru.
- Маслихова Лариса Ивановна**, г. Воронеж, доцент ВГАСУ, кандидат исторических наук; lim29-78@mail.ru.
- Мащенко Евгений Николаевич**, г. Москва, старший научный сотрудник Палеонтологического института им. А.А. Борисяка РАН, кандидат биологических наук.
- Медведев Александр Павлович**, г. Воронеж, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета; arpm1950@ya.ru.
- Меркулов Александр Николаевич**, г. Воронеж, ВГПУ, кафедра истории России, ассистент; aleksandrmerkulov@mail.ru.
- Моисеев Александр Вадимович**, г. Липецк, Фонд научного краеведения Липецкой области, ведущий археолог; liae306@ya.ru.
- Морозов Виктор Владимирович**, г. Москва, аспирант Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; vikromolot@mail.ru.
- Надов Кирилл Олегович**, г. Липецк, член липецкого областного краеведческого общества.
- Пеляшенко Константин Юрьевич**, г. Харьков, Харьковский исторический музей, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; pelyashenko@mail.ru.
- Петюшко Дмитрий Александрович**, г. Брянск, ГБУК «Брянский областной центр историко-культурного наследия», начальник отдела полевых исследований; dmitriypetyushko@yandex.ru.
- Подобед Вячеслав Анатольевич**, г. Донецк, Донецкий областной краеведческий музей, отдел археологии, старший научный сотрудник; archaeodon@front.ru.
- Потемкина Татьяна Михайловна**, г. Донецк, Донецкий национальный университет, старший научный сотрудник; pravda.t.m.p@gmail.com.
- Приймак Виктор Владимирович**, с.Котельва, Полтавская обл., ведущий научный сотрудник Историко-культурного заповедника «Бельск» Полтавского областного совета; priymak.viktor@mail.ru.
- Разуваев Юрий Дмитриевич**, г. Воронеж, доцент ВГПУ, кафедра истории России, кандидат исторических наук; razuvaevyd@mail.ru.
- Рипани Массимо**, г. Чебоксары, Торгово-промышленная палата Чувашской Республики, переводчик итальянского языка; massimo.ripani@gmail.com.
- Рябчевский Николай Геннадьевич**, г. Брянск, аспирант кафедры отечественной истории БГУ.
- Сарапулкина Татьяна Викторовна**, г. Белгород, консультант группы по охране и использованию памятников истории и культуры управления культуры Белгородской области, кандидат исторических наук; Sarapulkina@mail.ru.
- Свистун Геннадий Евгеньевич**, г. Воронеж, г. Харьков, научный сотрудник ООО «Терра»; sacaliba@yandex.ru.
- Сергеева Марина Сергеевна**, г. Киев, ст. научный сотрудник Института археологии НАН Украины, кандидат исторических наук; sergeeva_m@ua.fm.
- Симонов Сергей Сергеевич**, г. Липецк, Липецкая областная научная общественная организация «Археолог», научный сотрудник; 79513066986@yandex.ru.
- Скирда Ирина Николаевна**, г. Харьков, Харьковское училище культуры, преподаватель-методист, преподаватель высшей категории; skirina1974@mail.ru.
- Скоробогатов Андрей Михайлович**, г. Воронеж, ООО «Терра», научный сотрудник, кандидат исторических наук; a.m.skorobogatov@mail.ru.
- Скребцова Валерия Викторовна**, г. Белгород, магистр НИУ «БелГУ», лаборант ООО «Белгородская археологическая экспертиза»; lerasavina05@mail.ru.

Смольянинов Роман Викторович, г. Липецк, Липецкая областная научная общественная организация «Археолог», научный сотрудник, кандидат исторических наук; rws17@rambler.ru.

Сурков Алексей Владимирович, г. Воронеж, ООО «Терра», научный сотрудник, кандидат исторических наук; surkovarh@mail.ru.

Тихомиров Николай Алексеевич, г. Курск, АНО «Центр археологических исследований», член правления; nixon.46@yandex.ru

Усачук Анатолий Николаевич, г. Донецк, Донецкий областной краеведческий музей, отдел археологии, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; doold@mail.ru.

Файферт Анатолий Владимирович, г. Ростов-на-Дону, аспирант кафедры археологии и истории Древнего мира, Южный федеральный университет; faifert86@gmail.com.

Флёров Валерий Сергеевич, г. Москва, ИА РАН, старший научный сотрудник Отдела средневековой археологии, кандидат исторических наук; valerij-flyorov@yandex.ru.

Хорошун Татьяна Анатольевна, г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, научный сотрудник, кандидат исторических наук; tattya@list.ru.

Хоружая Майя Владимировна, г. Харьков, старший научный сотрудник отдела фондов Харьковского исторического музея имени Н.Ф. Сумцова; pchiolka25@gmail.com.

Хохлов Александр Александрович, г. Самара, доктор исторических наук, профессор кафедры биологии, экологии и методики обучения ПГСГА (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия); khokhlov_aa@mail.ru.

Цимиданов Виталий Владиславович, г. Донецк, Донецкий областной краеведческий музей, отдел археологии, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; archaeodon@front.ru.

Чекменев Юрий Александрович, г. Воронеж, заместитель директора по учебной работе ГБОУ СПО «Воронежское художественное училище (техникум)»; vhu-chekmenev@yandex.ru.

Чивилев Владимир Александрович, г. Липецк, ООО НОО «Реставрация и археология», директор.

Шевченко Александр Александрович, г. Москва, научно-отраслевой архив ИА РАН, научный сотрудник, кандидат исторических наук; she.shevchenko@yandex.ru.

Шинаков Евгений Александрович, г. Брянск, заведующий кафедрой отечественной истории БГУ, профессор, доктор исторических наук; shinakov@mail.ru.

Шавелев Сергей Павлович, г. Курск, профессор, заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета, доктор философских наук, доктор исторических наук; sergei-shhavelev@yandex.ru.

Якунина Валентина Андреевна, г. Липецк, ЛГПУ, исторический факультет, студентка; valjajastrebova@mail.ru.

Яниш Евгения Юрьевна, г. Киев, институт зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины, кандидат биологических наук; tinel@ukr.net.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редколлегии</i>	3
Герасимова М.М., Васильев С.В. О «своем месте» Человека из Костенок среди палеоантропологических находок и его роль в формировании и расселении Homo sapiens	4
ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Скирда И.Н. Участие Воронежской комиссии в подготовке и работе XII Археологического съезда	15
Скребцова В.В. Археологические изыскания на городищах в Белгородской области	20
Хоружая М.В. Исследования Верхне-Салтовского археологического комплекса в 1946-1991 гг.: итоги и проблема музеефикации	25
ЭПОХА КАМНЯ	
Ахметгалеева Н.Б., Машенко Е.Н. Обработка и использование костей мамонта на стоянке Гонцы (Полтавская область, Украина) из раскопок 1970-80-х гг.	35
Белобровик Д.О. О свидерских нуклеусах на территории Верхнего Поднепровья	50
Вискалин А.В. Миграции и их роль в становлении и развитии раннего неолита Среднего Поволжья.....	56
Куличков А.А., Смольянинов Р.В. Керамические комплексы эпохи неолита с многослойного поселения Васильевский Кордон 17.....	63
Морозов В.В. Керамика камской культуры из фондов краеведческого музея г. Набережные Челны	73
Сурков А.В. Исследования памятников каменного века в Среднем Похоперье в 2014-2015 гг.	80
Хорошун Т.А., Кулькова М.А., Смольянинов Р.В. Технология изготовления ромбо-ямочной керамики (по материалам эталонных памятников эпохи неолита Южной Карелии и Верхнего Дона).....	88
ЭПОХА БРОНЗЫ	
Клюкойть А.А., Чивилев В.А. Многослойное поселение Рошинский-1 на Верхнем Дону.....	97
Коваленко П.П., Красильников К.И. Комплекс катакомбных погребений могильника урочища «Зеленая роща» на Северском Донце	105
Маслихова Л.И., Скоробогатов А.М. Предварительные результаты исследования кургана эпохи бронзы Курганной группы №4 у с. Рогачевка Новоусманского района Воронежской области	113
Медведев А.П., Белоусов В.В. Раскопки курганного могильника Алексеевский 1 в Новохоперском районе Воронежской области в 2015 г.....	123
Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Украшения в неутилитарных контекстах (культуры эпохи бронзы юга Восточной Европы).....	140
Симонов С.С., Клюкойть А.А., Надов К.О., Смольянинов Р.В. Керамика абашевской культуры с поселения Карамышево 7 на Верхнем Дону	149
Файферт А.В. О культурно-хронологической принадлежности Ивановбугорского могильника эпохи бронзы.....	157
Хохлов А.А. Формирование населения покровского культурного типа эпохи бронзы в ареале Волго-Уралья	161
Чекменёв Ю.А. Хронология стратифицированных погребений срубной культуры района южной степи Среднего Дона.....	169

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Белая Н.Н., Шевченко А.А. Некоторые итоги исследования городища Россошки I на Среднем Дону.....	177
Березуцкий В.Д. Диагональные сарматские погребения Новочигольского курганного могильника	181
Божко А.А. Исследование многослойного неукрепленного поселения в Белгородской области...	189
Гурьянов В.Н., Петюшко Д.А. Керамические изделия юхновской культуры с городища Рассуха 2.....	200
Деревянко А.В. Раннесарматские памятники с северной ориентировкой на Среднем Дону.....	205
Меркулов А.Н., Яниш Е.Ю. Раскопки поселения 2 у хутора Титчиха в 2015 г.....	209
Пеляшенко К.Ю. Исследование эскарпа Циркуновского городища.....	214
Разуваев Ю.Д. Городище у дачного поселка «Сады» на южной окраине Воронежа.....	218
Сарапулкина Т.В. Исследование памятника скифского времени Петропавловка городище-1 в Белгородской области (предварительное сообщение).....	222

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Аксёнов В.С. Погребальное сооружение и некоторые аспекты погребальной практики аланского населения Верхнего Салтова с точки зрения археолога-землекопа	235
Апареева Е.К., Красильников К.И. Скульптуры XI–XIII ст. восточноевропейских степей в культурогенезе этноса «Тюрк».....	246
Апареева Е.К. Некоторые стилистико-семантические признаки женских статуй и их символизм (по материалам коллекции парка–музея–скансена в городе Луганске).....	259
Белименко А.А. Сырьевая база изделий из цветных металлов могильника Сухая Гомольша (по результатам количественного спектрального анализа).....	270
Веретюшкина М.В. Некоторые аспекты земледелия славянского населения Бесединского археологического комплекса Курской области.....	277
Владимиров С.И. Наконечники копий населения лесостепной зоны Доно-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура).....	280
Горбунов Д.Н. Топография Ратского археологического комплекса	291
Енуков В.В. К вопросу о «больших» селищах роменской культуры	295
Жаворонков С.И. Историография проблемы урбанизации в эпоху средневековья (на примере Днепровского Левобережья).....	299
Козмирчук И.А., Моисеев А.В. Колодцы XVI – начала XX вв. из раскопок в центральной части исторического ядра г. Тулы (предварительное сообщение).....	304
Колода В.В. Специализированные ремесленные инструменты, их роль и место среди орудий труда на салтово-маяцком селище Мохнач-П	317
Красильников К.И., Красильникова Л.И. Жертвенник на селище СМК Давыдо-Никольское, река Северский Донец	326
Потемкина Т.М. Инвентарный комплекс монгольских погребений Золотой Орды.....	334
Приймак В.В. Погребения в жилищах поселения стан у С. Волынцево (к 50-летию открытия памятников).....	339
Пуголов Ю.А., Яниш Е.Ю., Горбаненко С.А. Рыбная ловля у населения среднего течения Ворсклы в XIII–XIV вв. (по материалам Глинского археологического комплекса).....	344
Рипани Массимо. Булгарские захоронения VI–VII вв. в центральной части Итальянского полуострова.....	355
Свистун Г.Е. Город Салтов по археологическим и письменным источникам	365
Свистун Г.Е., Меркулов А.Н. Светцы с посада Воронежской крепости.....	375
Сергеева М.С. Археологическая древесина как источник для исторических реконструкций: постановка проблемы и первые результаты (на материалах Южной Руси)	378

Скоробогатов А.М., Свистун Г.Е. Новые поселения СМК в приустьевой части р. Черная Калитва на юге Воронежской области.....	385
Флёров В.С. Семикаракорская крепость хазарского каганата	398
Шинаков Е. А., Рябчевский Н. Г. Памятники I тысячелетия н.э. на территории с. Хотылево	406
Щавелев С.П. Курская тьма – пограничье Руси и Золотой Орды (по документальным и археологическим материалам).....	411
Якунина В.А. Аварский компонент в материальной культуре лангобардов	422
 ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ	
Акимова С.В., Свистун Г.Е. Исследование каменно-кирпичного фундамента второй половины XVIII в. на ул. Театральной, 23 в г. Воронеже	426
Коровин В.Ю. Заклятые клады и «чахнувшие над златом» мертвецы (о некоторых аспектах поверий о кладах в Воронежской губернии в XIX в.).....	440
Тихомиров Н.А. Социология, материальная культура, этногенез	446
 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	454

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

*Материалы II-ой Международной научной конференции
Воронеж, 18-20 декабря 2015 года*

В авторской редакции
Изготовление оригинала-макета: *О.В. Ситникова*

Подписано в печать 28.09.16. Формат 60 x 84/8. Печать трафаретная.
Гарнитура «Таймс». Усл.-печ. л. 57,5. Уч.-изд. л. 53,47. Тираж 200 экз. Заказ 223.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный педагогический университет».
Отпечатано в издательско-полиграфическом центре ВГПУ.
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86. Тел. (473) 255-58-32; 255-61-83.